

Годъ сорокъ второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1904

5.

Стр.

5. Н. Ф. Федоровъ. Воспитатель и учитель. Статья В. А. Кожевникова.
27. Понедѣльникъ и понедѣльница. Историко - этнографическій очеркъ А. В. Валова.
37. Дневникъ И. М. Слѣгирева. 1856-й годъ.
60. Воспоминанія Ф. А. Гидарова. (Изъ поддѣвчья къ Князю-Владимиру.—Московская Духовная Семинарія).
135. Записки о Пушкинѣ (Политическій доносъ на него.—По поводу стихотворенія „съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ“—Пушкинскіе варианты.—„Слова“ Пушкина.—О происхожденіи „Анчара“.—Отношенія къ Гоголю) В. Ф. Саводника.
163. Къ столѣтію со дня рожденія А. С. Хомякова (по поводу книги о немъ профессора Л. Е. Владимірова). Д. Х.
168. Антоній Ивановичъ Малиновскій. Некрологъ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1904.

Минхъ, А. Н. Историко-географическій словарь Саратовской губ. Томъ I, выпускъ 4. Атгарскъ 1902. Стр. 1093—1409 и 33.

Настоящимъ четвертымъ выпускомъ заканчивается первый томъ (буквы X—Θ) историко-географическаго словаря Саратовской губернии, посвященный описанію южныхъ ея уѣздовъ Камышинскаго и Царицынскаго.

Трудъ Минха, являясь относительно указанныхъ двухъ уѣздовъ едва-ли не самой полной справочной книгой, безъ сомнѣнія не пройдетъ незамѣченнымъ и займетъ среди нашей литературы по отечествовѣдѣнію подобающее ему мѣсто; ибо такія *добросовѣстно составленныя* справочныя изданія менѣе всего могутъ подать поводъ къ вопросу, столь затруднительному для авторовъ многихъ такъ называемыхъ научныхъ произведеній, а именно: чѣмъ можетъ быть *оправдано* появленіе книги?

Относительно книги г. Минха не можетъ быть никакого недоразумѣнія, и причины ея появленія въ свѣтъ все-

ма основательны. Историко-географическихъ и географическихъ словарей у насъ вообще нѣтъ, если не считать давно устарѣвшаго и далеко неполнаго словаря Семенова. Трудъ Минха, какъ ограниченный описаніемъ пока лишь двухъ уѣздовъ, хотя и не можетъ восполнить указанного пробѣла, тѣмъ не менѣе представляетъ обширный сводъ историко-географическихъ данныхъ, сопоставленныхъ въ формѣ крайне удобной, какъ для справокъ, такъ и для непользованія заключающагося въ немъ матеріала къ составленію будущаго общаго Словаря.

Въ настоящемъ четвертомъ выпускѣ необходимо особенно отмѣтить статью С. А. Щеглова „Царицынскій уѣздъ“, занимающую большую часть книги (стр. 1100 — 1342) и, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ по характеру изложенія являющуюся обстоятельною монографіей названнаго уѣзда.

Въ концѣ книги находится подробный (33 стр.) алфавитный указатель къ I тому и перечень заключающихся въ немъ картъ и рисунковъ.

Въ конторѣ „Русскаго Архива“ (Москва, Садовая, 175) получать можно

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я

Θ. И. Т Ю Т Ч Е В А.

Цѣна 40 коп., съ пересылкою 45 к.

Journal tenu par la princesse Tourkestanow (1818) et lettres de Christin à une dame de sa connaissance (1830—1831).

Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

MÉMOIRES DE LA COMTESSE EDLING.

Цѣна 3 р. съ перес.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ.

1904.

2.

РУССКІЙ ЯРМЪЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

О, вспомни твой удѣлъ высокой,
Былое въ сердца воскрес!

Хомяковъ.

1904.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

1904.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧЪ ФЕДОРОВЪ*).

Воспитатель и учитель.

Задачи образованія, просвѣщенія или, какъ предпочиталъ выражаться Николай Федоровичъ, познанаія разсматривались имъ всегда въ неразрывной связи съ задачами воспитанія. „Знаніе само по себѣ“, говорилъ онъ, „не можетъ служить цѣлю; оно лишь средство къ достиженію высшей цѣли, цѣли самой жизни“. Не говоря уже о томъ, что знаніе ради одной любознательности было бы только облагороженнымъ видомъ безцѣльнаго занятія, оно, такъ поставленное, не въ состояніи дать конечнаго удовлетворенія людямъ, какъ существамъ нравственнымъ: знаніе раскрываетъ намъ только то *что есть* при совокуности настоящихъ, наличныхъ условій, то-есть только реальную дѣйствительность при данномъ положеніи вещей. Но существующее положеніе вещей и благо (въ особенности нравственное благо) не одно и тоже; они далеко не совпадаютъ. Даже совершенное знаніе того что есть не въ состояніи дать намъ миръ совершенный; наоборотъ, оно должно было бы повергнуть человѣчество въ скорбь, которая была бы беспросвѣтною и безнадежною, если бы на *такомъ* знаніи можно было остановиться, если бы требованія нравственнаго блага, не совпадающія при существующемъ порядкѣ вещей съ дѣйствительностью, не указывали знанію иного, высшаго назначенія: стать изъ пассивнаго проективнымъ и активнымъ, перейти въ дѣло, въ *преобразование существующаго въ долженствующее быть*. Воспитаніе есть подготовка этого дѣла въ области чувствъ, воли и характера; обученіе, образованіе, познанаіе даютъ ему средства къ осуществленію.

Первое изъ этихъ средствъ—*всеобщность и обязательность образованія*. Этотъ вопросъ, столь усердно обсуждаемый въ наши дни, Н. Ф. Федоровъ рѣшалъ совершенно своеобразнымъ путемъ.

„Вопросъ о цѣли существованія (выражаясь его подлинными словами) связанъ съ дѣломъ самодержавія, въ коемъ, какъ воспреемничествѣ и душеприкащичествѣ, заключается весь вопросъ о воспитаніи и образованіи, объ ихъ всеобщности, задачѣ и цѣли“. Не вдаваясь здѣсь прежде времени въ изложеніе воззрѣній Н. Ф.—ча на самодержавіе по существу, мы ограничиваемся пока указаніемъ на то, что для него, ставившаго вопросъ о всеобщемъ спа-

---

*) С . въ первой книгѣ „Русскаго Архива“ сего года, выпуски 2, 3 и 4-й.

сеніи въ зависимость отъ возстановленія всемірнаго родства, самодержавіе представлялось единственною формою государственнаго строя, способною привести къ всечеловѣческому объединенію.

„Для возстановленія братскаго единенія, для истиннаго расширенія и сохраненія его въ родѣ человѣческомъ, а также и для руководства братскимъ союзомъ сыновъ умершихъ отцовъ въ общемъ дѣлѣ отеческомъ, въ дѣлѣ, вызываемомъ утратами (смертью), требуется намѣстникъ, всеобщій душеприкащикъ, „стоящій въ отцовъ мѣсто“ (какъ выражались наши предки, такъ и понимавшіе высшую власть). Это и есть самодержецъ. Самодержецъ, какъ стоящій въ отцовъ мѣсто, въ вѣнчаніи на царство получаетъ отъ Бога отцовъ, Бога Троичнаго, высшее освященіе, дѣлается орудіемъ Божественной воли, чтобы руководить дѣломъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, объединяя ихъ въ дѣлѣ по образу Бога Тріединаго“.

„Высшее назначеніе самодержавію даетъ *православіе*, такъ какъ дѣло самодержавія не ограничивается однимъ внѣшнимъ, неполнымъ умиротвореніемъ. Для умиротворенія же внутренняго было принято христіанство, по желанію и самого народа, инстинктивно, повидимому, чувствовавшего глубоко-скрытое въ христіанствѣ всемірное родство. Христіанство было принято Русью въ его высшей, Византійской формѣ всемірнаго печалованія о жертвахъ розни и гнета, то-есть о всѣхъ умершихъ и умирающихъ. Это печалованіе однако, въ отличіе отъ такъ называемой „мировой скорби“, ограничивающейся однимъ нытьемъ, требуетъ *дѣла* (за неисполненіе котораго и погибла Византія). Православіе не имѣетъ свѣтской власти, наподобіе папизма, а потому и угнетать никого не можетъ; но и къ розни, которую подъ видомъ свободы боготворитъ протестантизмъ, православіе равнодушнымъ не остается. Православіе (по образцу высшаго христіанскаго догмата Пресвятой Троицы) требуетъ, чтобы въ родѣ человѣческомъ, при совершеннѣйшей самостоятельности лицъ, было и полное ихъ единство, то-есть требуетъ такого общенія или общества, въ сравненіи съ которымъ самыя высокія идеалы социологіи становятся не только низкими, но и нечестивыми. Православіе требуетъ такого общества, которое не нуждалось-бы ни въ наказаніяхъ, ни въ надзорѣ... ибо все юридическое и экономическое есть мерзость предъ Тріединнымъ Богомъ и многоединнымъ человѣческимъ родомъ... Санъ самодержца и предназначенъ для постепеннаго устраненія всего юридическаго, какъ безнравственнаго и антирелигіознаго“ (Статья „Самодержавіе“ въ газетѣ „Асхабадъ“. 10 Іюля 1901 г. № 191).

„Что Русское православіе есть дѣло, осуществленіе, а не подобіе его только, не метафора, не внутреннее лишь и таинственное дѣйствіе, это видно уже изъ перваго вопроса, который предлагаетъ миссіонерамъ Равноапостольный Владимиръ. „Какая ваша заповѣдь?“ а не „во что вы вѣруете?“ спрашиваетъ онъ (впрочемъ, и слово „вѣра“ обозначало въ то время не мнѣніе только, а клятву, обѣтъ исполнять дѣло; отсюда и „вѣроломный“, то-есть

нарушитель обѣта, клятвы). Сущность самодержавія начинаетъ раскрываться въ вопросѣ, заданномъ Владиміромъ о заповѣди, на который онъ далъ самъ и отвѣтъ, не словомъ, а дѣломъ (своимъ нравственнымъ перерожденіемъ)... Русскій народъ былъ крещенъ безъ оглашенія, безъ наученія, какъ крестить младенцевъ; онъ пошелъ къ купели по приказанію князя, но какого князя? того, который на самомъ себѣ, на дѣлѣ показалъ, что такое христіанство. Какой катихизисъ, какой аргументъ могъ быть сильнѣе такого примѣра?... Народъ нашъ, у котораго все лучшее дѣлалось сообща, который предпочиталъ не только жить, но и умирать вмѣстѣ, „всѣмъ за-одинъ, всѣмъ какъ одинъ“, могъ и креститься не въ-одиночку, а лишь въ общей купели, имѣя общимъ своимъ воспреемникомъ князя, какъ общаго отца, стоящаго въ отцовъ мѣсто“. Эти два обстоятельства: крещеніе безъ оглашенія, на вѣру князя и сообща, опредѣлили сами собою великую задачу самодержавія. „Самодержавіе, какъ воспреемничество, есть принятіе на себя долга за воспринятый народъ, долга, заключающагося въ осуществленіи чаемаго, въ осуществленіи явномъ, дѣйствительномъ того, что до христіанства было лишь прообразованіемъ. Самодержавіе приняло на себя долгъ, обязанность приготовить народъ, сдѣлать его способнымъ къ осуществленію на самомъ дѣлѣ того, что при крещеніи, муропомазаніи и другихъ таинствахъ совершается таинственно. Поэтому самодержавіе, какъ воспреемничество, есть *возглавленіе*, тогда какъ папство, абсолютическое и непогрѣшимое, есть *обезглавленіе*... Воспреемничество, какъ выраженіе самодержавія, есть *возглавленіе всѣхъ*, то-есть *всеобщее, обязательное просвѣщеніе*.... или *обращеніе общества*, по типу животнаго организма слѣпою силою созданнаго, *въ общество по образу и подобію Пресвятой Троицы*. Возглавленіе означаетъ, что главою земнаго общества дѣлается *церковь*, и это не папозезаризмъ и не цезаропапизмъ: самодержавная власть, въ отцовъ мѣсто стоящая, есть *сила воспитывающая*, то-есть *ведущая къ совершенности*“.

Отсюда ясно, что „всеобщее обязательное образованіе есть христіанская обязанность царя-воспреемника, заключающаяся въ томъ, чтобы всѣхъ довести до состоянія зрѣлости умственной и нравственной, до выхода изъ возраста шалостей и баловства (къ которымъ въ обширномъ смыслѣ народъ причисляетъ и разбой, и грабежи), изъ возраста ссоръ и дракъ (къ которымъ въ широкомъ смыслѣ принадлежатъ и войны), изъ возраста увлеченія игрушками (куда относятся и всѣ прихоти, создаваемые торговомануфактурною культурою), дабы ставшіе совершеннолѣтними, то-есть не нуждающіеся уже ни въ дядькахъ, ни въ надзирателяхъ, ни въ карцерахъ, стали участниками настоящаго, общаго, великаго дѣла“. „Владимиръ былъ воспреемникомъ Русскаго народа отъ общей купели и этимъ принялъ на себя и всѣхъ своихъ преемниковъ долгъ всеобщаго обязательнаго образованія, которое въ настоящее время должно быть необходимымъ дополненіемъ всеобщей воинской повинности, чтобы постепенно превратить ее изъ борьбы съ себѣ подобными въ объединеніе въ трудѣ познанія слѣпой силы (природы) и обращенія ея въ управляемую разумомъ“ („Самодержавіе“ въ „Асхабадѣ“ 1901 г. № 192).

„Власть, соединивъ воинскую повинность со всеобще-обязательнымъ образованіемъ, введетъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ въ дѣло познанія и управленія текущими явленіями природы для возстановленія прошедшаго (отцовъ). Въ этомъ заключается послѣдній и окончательный проектъ всеобщаго, обязательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ добровольнаго образованія, ученія и дѣла, осуществленіе котораго и приведетъ къ тому, что царь вмѣстѣ съ народомъ будетъ во-истину самодержцемъ, властителемъ, управителемъ слѣпыхъ силъ природы, ея царемъ, царемъ не душъ, какъ папа, а матеріи и силы, повелителемъ вѣшняго, матеріальнаго міра, освободителемъ отъ закона юридическаго и экономическаго и наконецъ возстановителемъ господства нравственнаго или (что тоже) родственнаго закона“ (Статья „Отвѣтъ на вопросъ: „Что такое Россія?“ въ „Асхабадъ“ 1901 г. № 187).

„Такимъ образомъ двѣ великихъ обязанности лежатъ на самодержавіи: всеобщая воинская повинность, которая уже совершила великое дѣло, и всеобщее обязательное образованіе, которое должно измѣнить войну въ миръ, слѣпую борьбу между разумными существами превратить въ объединеніе для изученія и обращенія слѣпой силы природы въ управляемую разумомъ („Самодержавіе“, № 192). Такая регуляція, взаи́мъ нынѣшней эксплуатаціи и утилизаціи, приводящихъ природу къ истощенію и разрушенію, а людей къ конкуренціи и раздорамъ, явилась-бы по отношенію къ природѣ трудомъ, освобождающимъ отъ голода, болѣзней и смерти, по отношенію къ наукѣ, объединеніемъ всѣхъ отраслей знанія, которому „теологія давала-бы цѣль, психологія—содержаніе, а космологія—средства; наконецъ, по отношенію къ людямъ регуляція была бы общимъ „братскимъ дѣломъ сыновъ, исполняемымъ ради отцовъ, смерть которыхъ скрываетъ наше сходство, наше сродство и является первою причиною не-братства“ (Тамъ же, №№ 192 и 202).

Возводя всеобщее образованіе въ высшую обязанность самодержавія называя самодержца „не только иниціаторомъ всеобщаго обученія, но и предводителемъ ученыхъ“, Н. О. возводитъ съ другой стороны въ обязанность ученыхъ и всей такъ называемой интеллигенціи *сотрудничество съ царемъ и народомъ въ этомъ всечеловѣческомъ дѣлѣ*, при чемъ на долю ученыхъ выпадаетъ почетная задача стать учителями народа. Такою постановкою вопроса о всеобщемъ образованіи рѣшаются и главные затрудненія по его осуществленію, обыкновенно возникающія при иныхъ способахъ рѣшенія. Извѣстныя трудности: гдѣ взять средствъ и учителей для всеобщаго обученія? не существовали для нашего радикала, устранившаго ихъ своимъ любимымъ началомъ добровольнаго и безкорыстнаго труда. „Для совершенія этого дѣла“, говоритъ онъ, „для исполненія этого долга нужно принести въ жертву и имущество, и жизнь, то-есть къ обязательному налогу присоединить добровольный, а интеллигенція кромѣ того должна къ обязательной службѣ присоединить и добровольное учительство („Самодержавіе“, № 192). Аттестатъ объ окончаніи учебнаго курса означаетъ, по мнѣнію Н. О-ча, что ученикъ не только знаетъ то, чему его учили, но и можетъ передать это знаніе другимъ,

можетъ самъ научать; если же онъ дѣйствительно другихъ научилъ, онъ заслуживаетъ высшей отмѣтки въ успѣхахъ и поведеніи, какъ свидѣтельства о томъ, что онъ, будучи еще ученикомъ, становился уже и учителемъ. По окончаніи же курса быть учителемъ, то-есть умѣть передавать знаніе (и умножать его) есть не отличіе, а необходимая принадлежность оканчивающаго курсъ, обязанность всѣхъ окончившихъ его; кончать же его успѣшно должны бы всѣ, кромѣ страждущихъ болѣзнью слабоумія, на изцѣленіе коего медицина должна обратить особое вниманіе. При такомъ естественномъ ходѣ ученія и обученія не было бы необходимости въ особыхъ педагогическихъ институтахъ и учительскихъ семинаріяхъ: долгъ всѣхъ умственно зрѣлыхъ быть учителями—такой же всеобщій, какъ право зрѣлыхъ физически быть братьями и отцами, то-есть всеобщій долгъ учительства есть абсолютно - необходимое условіе участія всѣхъ во всеобщемъ дѣлѣ и успѣшности этого дѣла“ (Статья „Размышленія надъ аттестатомъ“).

Итакъ, „положить начало просвѣтительному строю въ государствѣ лежитъ на обязанности интеллигенціи, и потому самъ собою является вопросъ: приготовлена ли къ этому интеллигенція, можетъ ли она положить такое начало? Отвѣтъ на этотъ вопросъ возможенъ лишь отрицательный, потому что интеллигенція долгое время была всецѣло, а въ большинствѣ случаевъ и по нынѣ еще, одержима себялюбивымъ стремленіемъ къ центру и вверхъ, то-есть къ служенію сильнымъ, избраннымъ и властнымъ и къ увеличенію своей личной силы и власти, къ фортунѣ, къ карьерѣ, между прочимъ и ученой. Но гдѣ же та сила, которая могла бы дать толчекъ, способный измѣнить это стремленіе, направить интеллигенцію изъ центра къ окраинамъ, сверху внизъ, отъ группы немногихъ привилегированныхъ, развитыхъ, высоко или счастливо поставленныхъ ученыхъ, къ великому множеству обездоленныхъ въ области знанія, къ душамъ „во тьмѣ сѣдящимъ“? „Необходимъ нравственный переворотъ въ интеллигенціи, необходима высшая школа, которая приготовила бы ее къ дѣятельности въ низшей, превративъ заботы о матерьяльныхъ интересахъ въ заботу о самомъ существенномъ, о воспитаніи и образованіи всеобщемъ“ (Статья „О задачахъ воспитанія и образованія“). Даже среди тѣхъ, кто такъ много толкуетъ о всеобщемъ обязательномъ обученіи, нѣтъ еще достаточно зрѣлаго взгляда на все величіе этой задачи, подлежащей нашей интеллигенціи: иначе какъ могла бы она мириться съ тѣмъ, что именно важнейшее дѣло въ области всего просвѣщенія, обученіе народа, поручалось въ огромномъ большинствѣ случаевъ учителямъ наименѣе образованнымъ или нерѣдко неспособнымъ къ такой дѣятельности; какъ могла бы именно высшая, отборная интеллигенція смотрѣть на это дѣло какъ на несвойственное ей высокому ученому положенію, создавать какую-то ученую іерархію, гдѣ профессорамъ якобы свойственно превозноситься надъ доцентами, а преподавателямъ высшихъ учебныхъ заведеній смотрѣть съ вершинъ ученаго Олимпа, свысока, на своихъ младшихъ собратьевъ, трудящихся, какъ муравьи, у подножія пирамиды знанія?“...

И власти и обществу, и ученымъ спеціалистамъ и всей интеллигенціи пора бы проникнуться сознаниемъ, что никакая высота служебнаго положенія и никакія ученія заслуги и труды не избавляютъ *никого* отъ учительскаго служенія *именно въ области первоначальнаго обученія*, что отбытіе этой службы (конечно, *добровольное*) такая же нравственная, ничѣмъ не замѣнимая обязанность, какъ и воинская всеобщая повинность, которая къ тому же, по убѣжденію нашего мыслителя, неразрывно связана съ вопросомъ объ обще-обязательномъ образованіи.

Воспитаніе сознанія этого долга въ интеллигенціи должно бы быть существенною нравственною обязанностью университета, задача котораго, какъ и государства, какъ и церкви, состоитъ въ прекращеніи внутренней розни и раздѣленія на ученыхъ и неученыхъ, въ объединеніи всѣхъ для разслѣдованія причинъ не-братства и вражды и для пріисканія средствъ къ ихъ устраненію (Статья „Университетъ, какимъ онъ долженъ быть“). „Но откуда ждать единства между учеными и неучеными, когда глубокая пропасть отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга во всемъ ихъ міро-и жизне-воззрѣніи? Какъ возможно въ настоящее время просвѣщеніе дѣльное и всеобщее, „когда само просвѣщеніе, самъ свѣтъ сталъ вопросомъ, ибо то, что одни называютъ свѣтомъ, противникамъ ихъ кажется тьмою?..“ Противорѣчіе это тѣмъ болѣе невыносимо, что „невѣрующіе, обзывающіе вѣрующихъ обскурантами за ихъ невѣжественность, происходящую отъ невѣдѣнія, забываютъ, что право на пребываніе въ невѣдѣніи они однако признаютъ за стоящими въ главѣ ихъ самими, за критическими философами и за учеными агностиками, исповѣдующими одночленный отрицательный символъ вѣры: „Ignoramus!“ Если для однихъ нѣтъ отвѣтовъ на важнѣйшія „міровыя загадки“, а для другихъ нѣтъ вообще ничего абсолютно - истиннаго, то какимъ яснымъ цѣлямъ жизни, какимъ опредѣленнымъ планамъ дѣятельности будутъ учить неученыхъ послѣдователи этихъ искреннихъ мудрецовъ, знающихъ только о своемъ незнаніи?.. Впрочемъ, бессильные указать истину, они однакоже считаютъ себя очень сильными въ пріемахъ опроверженія и отрицанія. Но если бы даже это незавидное самолюбіе и не было самообольщеніемъ, все-же оно сила только разрушающая, злая сила, и не этой мнимой силѣ научить успешной борьбѣ съ общимъ врагомъ ученыхъ и неученыхъ, вѣрующихъ и отрицающихъ, съ слѣпою силою неразумной природы, силою уже немнимою, а дѣйствительно разрушающею, которая если и рождаетъ къ жизни, то для того лишь, чтобъ снова умерщвлять“ (Статья „Всеобщее обязательное обученіе, какъ вопросъ международный“).

Всеобщаго спасенія нечего, слѣдовательно, ждать отъ людей разслабленныхъ сомнѣніемъ. Но столь же тщетно было бы ждать его и отъ вѣрующихъ, довольствующихся одною субъективною вѣрою: несокрушимые въ чертѣ своего собственнаго внутренняго духовнаго опыта, они бессильны сообщить свою непосредственную убѣжденность тѣмъ, кому этотъ опытъ чуждъ, у кого нѣтъ настроенія для воспріятія свѣта вѣры. Взаимодѣйствія дружнаго и объединен-

наго между двумя группами лицъ, живущими разными чувствами, какъ бы въ двухъ разныхъ мірахъ, быть слѣдовательно не можетъ, а безъ всеобщности желанія и усилія нѣтъ и всеобщности спасенія. Примиреніе между вѣрующими и невѣрующими станетъ однако возможнымъ, если за вѣру признаемъ „осуществленіе чаемаго“, исполненіе воли Божіей („да будетъ воля Твоя!“), пришествія Царства Божія („да придетъ Царствіе Твое!“), безсмертія, воскресенія („чаю воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка“): тогда вѣра, не оставаясь долѣ бездоказательною *субъективностью*, но не довольствуясь и отвлеченною *объективностью*, станетъ *проективной*, дастъ свое реальное, универсальное доказательство не мышленіемъ, не представленіемъ только, не однимъ внутреннимъ невидимымъ чувствомъ, не таинственными видѣніями въ даляхъ мистическаго полусвѣта, но и дѣйствіемъ, но и фактомъ, *осуществленіемъ самого чаемаго*. „Символь Вѣры“ будетъ неповѣданъ не устами одними, а исполненъ жизненно, „Молитва Господня“ свершится на небеси и на земли, и въ торжествующемъ славословіи истины („Аминь!“) сольются умы и сердца и сомнѣвавшихся и вѣрившихъ.

До тѣхъ-же поръ, пока наука съ одной стороны, вѣра—съ другой изъ пассивныхъ, созерцательныхъ не станутъ активными и проективными, невозможно надѣяться на примиреніе ученыхъ съ неучеными, а слѣдовательно и свѣтской школы съ духовною; разладъ двухъ разумовъ и двухъ сословій будетъ неизбѣженъ, и „въ то время, какъ для однихъ началомъ премудрости будетъ страхъ Господень, для другихъ отрицательная критика, хула, будетъ началомъ премудрости, и въ особенности хула на предковъ“ (Статья „Объ университетѣ, какъ отживающемъ учрежденіи, увѣковѣчивающемъ несовершеннѣйшее“).

Этою противоположною объясняется трагическое положеніе университетовъ въ обществѣ, утратившемъ естественное единство, уподобившемся „дому, раздѣлившемуся въ самомъ себѣ“ и потому осужденному, по слову Евангельскому, на паденіе. По термину, унаслѣдованному отъ родоваго быта, университетъ есть *Alma mater*; слѣдовательно, вся интеллигенція, трудящаяся въ различныхъ учрежденіяхъ, составляетъ одну семью и, какъ одна семья, сливается съ семьей въ болѣе обширномъ смыслѣ, съ государствомъ, а слѣдовательно и съ народомъ. По непскаженному смыслу это связь чисто-родственная; истинная же родственность немислима безъ любви къ отцамъ (Статья „Университеты въ прошломъ и настоящемъ“); между тѣмъ университетъ забвеніемъ своего назначенія „уничтожать внутреннюю рознь и раздѣленіе на ученыхъ и неученыхъ“, отрекся отъ родственнаго начала, замѣнилъ его неопредѣленнымъ, отвлеченнымъ гуманизмомъ, не замедлившимъ выродиться въ *гомукуллизмъ*. И вотъ, учрежденіе, призванное къ умиротворенію и созиданію, искажается въ „самозванное, самочинное судилище, призывающее къ своему суду все, что было святого, до самого даже Бога, хулу (отрицательную критику) возводитъ въ начало премудрости, ученика ставитъ выше учителя, студента выше профессора... Узаконяя въ курсахъ юридическихъ и экономиче-

скихъ наукъ неродственныхъ отношенія, оно подаетъ поводъ несовершеннолѣтнимъ, молодежи, узурпировать и поспирать права старшихъ, совершеннолѣтнихъ, признавать ихъ подсудными себѣ, а несогласяющимся на такое подчиненіе отвѣчаетъ высшею нелѣпостью со стороны учащихъ, угрозой учебныхъ забастовокъ: аудиторіи изъ мѣстъ пріобрѣтенія знанія превращаются въ мѣста сборищъ буйныхъ наукоборцевъ, и почтенная Alma Mater просвѣщенія (выражаясь словами древне-русскаго обличителя) оглашается задорными голосами „щелять брешущихъ во чревѣ матерн“. Не находя достаточно рѣзкихъ словъ для порицанія этого „ребяческаго [анархизма“, этихъ „мальчишескихъ и дѣвическихъ революцій“, Н. ѳ. еще болѣе возмущался пассивнымъ или потворствующимъ отношеніемъ нѣкоторой части общества къ этой новой формѣ власти, каторую онъ окрестилъ саркастическимъ названіемъ „эмбриократіи“. Отвлечение отъ занятій столь дорогимъ ему знаніемъ, трата лучшихъ силъ и невозвратимаго времени на усобицу, губельную прежде всего для самой молодежи, неуваженіе къ храму науки, къ долгу учащаго и учащагося, все въ этихъ плачевныхъ событіяхъ заставляло его считать настоящимъ преступленіемъ даже косвенное, даже пассивное, молчаливое поощреніе незрѣлыхъ и потому до извѣстной степени не во всемъ влѣняемыхъ умовъ къ тѣмъ противоестественнымъ движеніямъ, которыя, къ несчастью, какъ бы уже вошли въ обиходъ нашей жизни подъ убаюкивающимъ приличнымъ терминомъ „академическихъ безпорядковъ“ (Статьи: „Университетъ какъ отживающее учрежденіе“. „Жалоба блудныхъ сыновъ нашего времени на отцовъ“, „Наукоборство и религіоборство“, „10 лѣтъ безобразій Русскихъ софтъ“, „Ребяческій анархизмъ“, „О зломъ хамитизмѣ нашего времени“ и другія).

Но участь народнаго образованія, по мнѣнію Н. ѳ.—ча, зависитъ не отъ одного интеллигентнаго класса, но и отъ отношенія къ этому дѣлу всего общества, рѣшительно *всего*; ибо школа есть колыбель будущаго всеобщаго спасенія, а таковое можетъ осуществиться только *всеобщимъ участіемъ во всеобщемъ трудѣ и притомъ добровольномъ*. Эти два начала, всеобщность и добровольность, непрестанно привлекали къ себѣ мысли и чувства Н. ѳ.—ча, и онъ глубоко вѣрилъ въ ихъ конечное торжество, по крайней мѣрѣ въ средѣ истинно-Русской; этою надеждою, можно сказать, и жилъ. Вопреки теоріи преступной толпы, теоріи, получившей такую извѣстность послѣ болѣе остроумныхъ, чѣмъ осторожныхъ работъ Зигеле, Тарда и др. писателей, нашъ мыслитель находилъ это ученіе непримѣнимымъ въ его слишкомъ смѣлыхъ обобщеніяхъ къ Русскому народу, въ исторіи котораго, рядомъ со случаями понижающаго вліянія толпы на нравственный уровень личности, существуетъ множество несравненно болѣе крупныхъ и убѣдительныхъ примѣровъ повышающаго, облагораживающаго вліянія сообщества, и, если хотите, даже толпы, но такой, которая, именно въ силу этихъ своихъ способностей, никакъ не можетъ быть подведена подъ данное ей на Западѣ нелестное опредѣленіе. И это положеніе, примѣнительно къ Русской жизни прошлой и отчасти настоящей, настолько вѣрно, что не будетъ парадоксомъ утверждать, что почти все луч-

шее въ жизни нашего народа было плодомъ именно дружнаго, соединеннаго и объединеннаго дѣйствія, и что, несмотря на безчисленныя проявленія раздора въ нашей исторіи, идеаломъ оставалось все же братское согласіе, которое духовными и свѣтскими наставниками и руководителями народа возводилось въ неизмѣнный образецъ государственнаго порядка и частной нравственности, какъ это до очевидности ясно изъ лѣтописей нашихъ и всей учительной литературы, въ которой нельзя указать ни единого примѣра оправданія индивидуализма и эгоистической политики, которыхъ мы такъ много видимъ на Западѣ, особенно въ вѣка Возрожденія, то-есть именно въ ту пору, когда складывался начала строя новой Европейской культуры ¹⁾. Проявленія объединяющаго стремленія въ народной массѣ Н. Θ. усердно старался отыскивать и сопоставлять какъ изъ области прошлаго, такъ и изъ современнаго народнаго быта, живо интересуясь поэтому вопросами объ общинѣ, о сельскомъ „мирѣ“, объ общихъ мирскихъ работахъ, мирской благотворительности, помочахъ и толкахъ, мирскихъ повинностяхъ, о молитвѣ, покаяніи и поминовеніи „всѣмъ миромъ“ и о разныхъ другихъ сходныхъ чертахъ Русскаго народнаго характера, далеко еще не вымершихъ. По той же причинѣ поднялъ онъ заброшенный изслѣдователями родной старинныя вопросъ объ обыденныхъ храмахъ. Въ благочестивомъ обычаѣ нашихъ предковъ создавать единодневно храмы всеобщимъ, даровымъ и добровольнымъ трудомъ, преимущественно въ години великихъ общественныхъ бѣдствій, онъ видѣлъ высшее, совершенное проявленіе духа истинной братской любви, выразившейся въ смиреніи, покаяніи, забвеніи корысти и распрей, въ слияніи всѣхъ „въ одно сердце и въ одну душу“, такъ что „хотя бы на одинъ день воля Божія являлась исполненною на землѣ, какъ на небѣ, и имя Божіе славилось не устами только, но и дѣломъ священнымъ, выполняемымъ въ духѣ Бога Трїединаго, Бога любви, мира и согласія. Николаю Ѳедоровичу удалось не только привлечь многихъ къ изслѣдованію вопроса объ обыденныхъ храмахъ ²⁾, къ собиранію свѣдѣній о нихъ (въ отвѣтъ на воззваніе, опубликованное въ „Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Древ. Росс.“ и въ отдѣльныхъ оттискахъ, Москва 1893 г., на которое поступило нѣсколько интересныхъ отвѣтовъ между прочимъ изъ глухихъ угловъ Сѣвера); ему удалось даже возбудить вопросъ о возобновленіи этого благочестиваго обычая старинны: такъ, по поводу предстоящаго празднованія 500-лѣтія со дня кончины Преп. Сергія Радонежскаго, въ „Москов. Вѣдомостяхъ“ (1892 г. № 254) появилась статья „Храмъ Св. Троицы при Румянцевскомъ Музеѣ“, авторъ которой предлагалъ возсоздать во имя двухъ великихъ чтителей Трїединаго Бога, Святителя Николая и Преподобнаго Сергія, малый деревянный храмъ Пресв. Троицы въ возможно-точномъ подобіи Сергіева храма Св. Троицы, причемъ

¹⁾ Блглый очеркъ проявленій этихъ сторонъ нашего народнаго характера я пытался дать въ своихъ „Сѣверно-Русскихъ думахъ и впечатлѣніяхъ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1899 г. №№ 10, 11 и 12.

²⁾ Относящіяся сюда труды С. А. Бѣлокурова и другихъ лицъ сопоставлены мною, по указаніямъ Николая Ѳедоровича, въ моей статьѣ: *Обыденные храмы въ древней Руси, Русскій Вѣстникъ. 1900 г. Январь.*

храмъ предлагалось создать одновременно, добровольными жертвами денегъ, матерьяла и разнороднаго труда. Мысль эта, сочувственно поддержанная въ статьяхъ „Русс. Обзорѣнія“ (1892 г. Августъ, стр. 758) и „Моск. Вѣдомостей“ (17 Сент. 1892 г. № 258) и вызвавшая даже довольно крупное пожертвованіе (1000 рублей) на постройку такого храма, была отложена „за неполученіемъ оѳиціального утвержденія“ („Моск. Вѣдом. 23 Сент. 1892, № 264).

Начало всеобщности и добровольности труда на общее дѣло направленнаго, воплощавшееся въ исторіи возникновенія обыденныхъ храмовъ, Н. Ѳ. находилъ вполне примѣнимымъ къ вопросу о всеобщемъ обязательномъ образованіи. Какъ встарину храмы, такъ въ наше время школы должны бы являться на свѣтъ такимъ же дружнымъ, согласнымъ общимъ усиліемъ, создаваться „всѣмъ міромъ“, учеными и неграмотными, богатыми и убогими, объединенными въ дѣлѣ, равно необходимымъ для всѣхъ. Въ осуществимость такого труда Н. Ѳ. глубоко вѣрилъ. Можно себя поэтому представить, какова была его радость, когда ему пришлось узнать о школѣ, которая и возникновеніемъ своимъ и ростомъ была почти всецѣло обязана такому добровольному, безкорыстному общему труду. Этотъ скромный по своимъ размѣрамъ, но величавый по нравственному значенію примѣръ былъ преподанъ въ селѣ Мордовскомъ Качимѣ, Городищенскаго уѣзда, Пензенской губерніи, гдѣ крестьяне для основанія школы пожертвовали бесплатно необходимый матерьялъ и свой трудъ по доставкѣ его и постройкѣ зданія, въ чемъ имъ помогали, насколько юныхъ силъ хватало, даже дѣти-ученики, тогда какъ воспитанники другой школы сѣдняго села Русскаго Качима пріобрѣли въ складчину картину „Отрокъ Христосъ во храмѣ“ и поднесли ее новой школѣ въ день ея освященія, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что и вторая, сейчасъ упомянутая школа построилась также благодаря даровымъ „помочамъ“ крестьянъ и также въ сотрудничествѣ съ дѣтьми-учениками, тогда какъ вся классная мебель была сдѣлана собственноручно священникомъ-преподавателемъ (Пензенскія Епарх. Вѣдомости 1892 г. № 20, часть неоѳиціальная, стр. 854—860 и 1893 г. № 14, стр. 549—552. См. также отчетъ о состояніи церковно-приход. школъ Пенз. Епархіи 1891—2 гг. и отчетъ о дѣятельности Совѣта Пиннокентіевскаго Просвѣтительнаго Братства о состояніи церк.-приход. школъ за 1892—3 гг.). Въ этихъ школахъ Н. Ѳ. нашелъ осуществленіе и другого своего воспитательнаго проекта, безкорыстный, высоко-добросовѣстный преподавательскій трудъ цѣлой почтенной семьей: мѣстнаго священника и его двухъ сыновей, изъ которыхъ одинъ, академикъ и магистръ, какъ бы воплощая въ себя взгляды Н. Ѳ.—ча на просвѣтительную роль истиннаго интеллигента, не погнушался вернуться въ родное село, чтобы здѣсь, въ деревенской глуши, отдаться всей душою скромному, но великому дѣлу обученія народа, тогда какъ нѣкоторые ученики-крестьяне, окончившіе курсъ въ этой школѣ, становились сами преподавателями, помощниками учителей и, въ случаѣ нужды, ихъ замѣстителями, опять точь въ точь согласно съ вышеизложенными воззрѣніями Н. Ѳ.—ча на этотъ предметъ. Неудивительно, что появленіе такой школы, осуществившей на себя также его

мечты о внутренней дисциплинѣ и ея вліяніи даже на взрослыхъ, на родителей (Отчетъ за 1891—2 г. стр. 51—52, 41—43), трогало его до глубины души, и онъ всячески старался привлечь вниманіе другихъ къ тому, что самъ называлъ „Качимскимъ событіемъ, новою эрою въ исторіи просвѣщенія“.

Само собою понятно, что при взглядахъ на необходимость единенія всего общества въ дѣлѣ народнаго образованія Николаю Федоровичу долженъ былъ глубоко претить разладъ между дѣятелями на этомъ поприщѣ и ихъ споры о томъ, какой типъ школы, земскій или церковно-приходскій, слѣдуетъ предпочесть. Ни тотъ, ни другой, въ ихъ настоящемъ положеніи, не удовлетворялъ его. Секуляризаціи школы онъ никакъ не могъ сочувствовать уже по общему складу своихъ убѣжденій: для такой глубоко-религіозной природы секуляризація казалась не прогрессомъ, а паденіемъ, поворотомъ къ пониженнымъ нравственнымъ требованіямъ, къ тому юридически-экономическому строю жизни, въ несовершенствѣ котораго онъ былъ такъ искренно убѣжденъ. Учебники „цивической морали“, замѣнившіе катихизисъ во Французскихъ школахъ и Американскія и Нѣмецкія „Общества этической культуры“ давали ему обильный матеріалъ для доказательства бездушности и безсилія новой, будто бы общечеловѣческой морали, перенесеніе которой изъ философскихъ книгъ въ школу и должно было, по его мнѣнію, превратить въ невысокій въ его глазахъ гуманизмъ въ совсѣмъ ребяческой гомункулизмъ.

Не по душѣ ему была и тенденція земской школы къ мѣстной автономіи, къ изолированію ея отъ прямого вліянія общегосударственной власти. Самоуправленіе, какъ въ этой области, такъ и вообще, *если оно поставлено на Западный ладъ*, мало привлекало его; онъ видѣлъ въ немъ проявленіе конституціонализма, начала, по его мнѣнію, „ничего положительнаго въ себѣ не заключающаго“. „Самодержавіе есть всемірно-историческое и всемірно географическое начало; конституціонализмъ же—явленіе мѣстное, временное, сословное, а не всенародное; конституціонализмъ есть произведеніе сословія интеллигентнаго, ученаго, забывшаго о своемъ происхожденіи, а слѣдовательно и о своемъ назначеніи; словомъ, конституція есть произведеніе не сыновъ, а гражданъ, то есть сыновъ блудныхъ“ („Самодержавіе“, „Асхабадъ“ 1901 г. № 200). Поэтому и обособленіе воспитательнаго и образовательнаго дѣла подъ покровительственнымъ крыломъ земскаго самоуправления было антипатично Н. Ф.—чу. Такъ онъ рѣшительно не сочувствовалъ „загадочному“ предложенію Кошелева устроить особую земскую бібліотеку въ Румянцевскомъ Музеѣ „въ эпоху (какъ онъ выражается) конституціоннаго безумія, во время несчастной диктатуры Лориса-Меликова“, не сочувствовалъ, очевидно, потому, что „затѣя Кошелева“ являлась именно обособленіемъ, превращеніемъ въ земское лишь дѣло и въ земскую лишь собственность того, что есть обязанность и достояніе всей Россіи (Статья „Къ исторіи Музея. Предложеніе г. Кошелева“). Въ этомъ же смыслѣ возражалъ онъ и противъ обособленной, специфически-земской школы. Но, со свойственною ему добросовѣстностью, не могъ онъ сочувствовать и церковно-приходской школѣ въ ея неестественномъ, обо-

стренномъ отношеніи къ земской; и она не удовлетворяла его, поскольку она является „противоположностью земскимъ и свѣтскимъ школамъ и служитъ выраженіемъ несогласія между духовными и свѣтскими“. Предпочитать одинъ изъ этихъ типовъ значитъ становиться на сторону вражды, поощрять ее; но и оставлять этотъ дуализмъ значитъ высказывать равнодушіе къ священному дѣлу, къ которому грѣшно быть апатичнымъ. Исходомъ изъ затрудненія представлялась ему мысль о *храмахъ-школахъ*, или, еще точнѣе, о Свято-Троицкихъ храмахъ-школахъ.

Человѣкъ, наиболѣе близкій къ Николаю Федоровичу и знавшій его въ теченіи 38 лѣтъ, Николай Павловичъ Петерсонъ (нынѣ членъ Окружного Суда въ Асхабадѣ) сообщаетъ интересный фактъ, будто вошедшій теперь во всеобщее употребленіе терминъ „церковь-школа“ первоначально принадлежитъ Ник. Ф.—чу, причемъ однако выраженіе это онъ всегда считалъ за плеоназмъ, находя, „что церковь сама по себѣ есть школа, и если онъ употреблялъ названіе церковь-школа, то потому лишь, что значеніе церкви, какъ школы, было совершенно забыто съ тѣхъ поръ, какъ религія изъ общаго дѣла обратилась только въ молитву“. Онъ требовалъ тѣснаго сочетанія школы съ храмомъ, но отнюдь не топографическаго только и техническаго: „послѣ того, какъ стали толковать о храмахъ-школахъ и, переставляя слова, а съ ними и центръ ихъ смысла, о школахъ-храмахъ, онъ говорилъ, что храмъ-школа вовсе не совмѣщеніе только, не одна экономія мѣста, а коренное измѣненіе самого образованія и жизни“ (Письмо Н. П. Петерсона ко мнѣ отъ 30 Января 1904 г.).

„Школы въ собственномъ, то есть въ нынѣшнемъ, смыслѣ, это только притворы при храмахъ, его крылья, черезъ которыя вступаютъ въ самый храмъ, въ святилище высшаго наученія. Но школы эти должны соединить въ себѣ бібліотеку, музей и естественно-историческую, наблюдательную, опытную и регулятивную станцію. „Слѣдовало бы сдѣлать обязательнымъ открытіе бібліотеки при каждой церкви; при каждой стать-бы создаваться и музей“.

... Созданіе того и другого было бы только исполненіемъ церковью своего назначенія, долга учительства, ибо на церкви лежитъ долгъ истиннаго просвѣщенія. Она должна дать истинную цѣль знанію, должна сдѣлать, чтобы книга была произведеніемъ не одной интеллигенціи, сословія, отдѣлившагося отъ народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы книга не оставалась только книгою, то есть знаніемъ, но стала бы и средствомъ спасенія отъ бѣдствій общихъ и ученыхъ, и народу, то-есть всѣмъ. Наука, оставляющая громадное большинство народа въ совершенной тьмѣ и даже не помышляющая о томъ, что она хоть когда либо можетъ сдѣлаться достояніемъ всѣхъ, такая наука не есть „свѣтъ истинный, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ“; таковымъ сдѣлается она только чрезъ союзъ съ церковью“ (Статья „Что такое карточка, приложенная къ книгѣ“ въ газетѣ „Донъ“ 1896 г. № 119, ср. „Воронежскій Музей въ 1998 г.“ (sic!) „Донъ“ 1898 г. № 64, гдѣ дано опи-

саніе желательнаго, совершеннаго храма-школы съ музеемъ, библіотекою, архивомъ и разными пособіями для обученія и изученія). Вотъ почему Н. Θ. не возлагалъ особенныхъ надеждъ на новѣйшіе проекты реформы средней школы: комиссія, недавно учрежденной для обсужденія этого вопроса, онъ ставилъ между прочимъ въ крупный недостатокъ то, что она не включила въ свой составъ ни одного духовнаго лица, обличая въ себѣ этимъ намѣреніе обойти коренной вопросъ о соединеніи церкви со школою и школы съ церковью. (Статья „Всеобщее обязательное образованіе, какъ вопросъ международный“).

Наоборотъ, самъ онъ мечталъ о повсемѣстномъ построеніи необходимыхъ, по его мнѣнію, Свято-Троицкихъ храмовъ-школъ, какъ живыхъ и жизнь рождающихъ олицетвореній стремленія ко всеобщему миру и согласію. Эти храмы-школы къ высокимъ нравственнымъ качествамъ, присущимъ обыденнымъ храмамъ присоединили бы еще новое умиротворяющее и объединяющее побужденіе, которое религіозная душа нашего мыслителя усматривала въ томъ, что онъ называлъ „Завѣтомъ Преподобнаго Сергія“. Торжественное празднованіе 500-лѣтняго юбилея кончины этого великаго подвижника земли Русской дало Н. Θ.—чу поводъ съ особою любовью погрузиться въ изслѣдованіе его воспитательнаго и просвѣтительнаго вліянія на государство Московское. Въ особенно высокую заслугу возводилъ Н. Θ. то, что именно Пр. Сергіемъ въ церковной жизни Русской было выдвинуто впередъ благоговѣйное почитаніе Пресв. Троицы, какъ высшаго образца совершеннѣйшаго добровольнаго согласія, одинаково далекаго и отъ розни, и отъ подчиненія. Въ остроумныхъ замѣчаніяхъ доказывалъ Н. Θ. связь этого новаго поворота религіозной мысли и чувства съ начинавшеюся въ ту пору побѣдоносною борьбою Православія съ Магометанствомъ, не признающимъ Троичнаго Бога и возводящимъ войну въ добродѣтель, а также указывалъ на необходимость для одолѣнія Ислама прекращенія удѣльной усобицы и объединенія Руси подъ знаменемъ единодержавія, каковому, въ лицѣ Москвы, Пр. Сергію дѣйствительно оказали столь богатые слѣдствіями услуги. („Воззваніе къ собранію свѣдѣній о почитаніи Преп. Сергія и объ обыденныхъ храмахъ“ и др. статьи. Изложеніе выше-сказаннаго въ духѣ Н. Θ.—ча можно найти въ поучительной брошюрѣ Г. П. Георгіевскаго. „Завѣтъ Преп. Сергія. Москва 1893“). Вотъ почему въ народномъ сознаніи память о Преп. Сергіи стала неразрывна съ культомъ Пресв. Троицы („идти къ Троицѣ-Сергію“, говорятъ наши богомольцы, сливая оба понятія въ одно слово), а съ другой стороны память о великомъ святителѣ неотдѣлима отъ понятія о самодержавіи Москвы. Наконецъ, то обстоятельство, что это же народное сознаніе возвело Преп. Сергія въ особаго покровителя дѣтскаго воспитанія и обученія, свидѣтельствуетъ, по мнѣнію Н. Θ.—ча, что повсемѣстное основаніе именно Свято-Троицкихъ храмовъ, и притомъ добровольнымъ, всеобщимъ трудомъ, было бы естественнымъ воплощеніемъ дѣйствительно-Русскаго, истинно-народнаго пониманія мира и согласія: „это усилило бы ревность друзей школы, увеличило бы и число ихъ, а съ другой

стороны уменьшило бы немаловажное количество враговъ школы. Для полнаго же обезоруженія противниковъ необходимо придать дѣлу этому высшую степень святости“ (Статья „По поводу Качимской школы“). Таковую съ нравственной точки зрѣнія Свято-Троицкіе храмы-школы получаютъ, благодаря создающимъ ихъ условіямъ: добровольности, безкорыстію и участію въ нихъ сыновъ всего народа, чтò и дѣлаетъ ихъ съ одной стороны чуждыми бюрократическаго искусственнаго шаблона, а съ другой—чуждыми сословной или корпоративной обособленности и партійной тенденціозности. Если для сторонниковъ церкви такія школы будутъ глубокимъ выраженіемъ духа православія, то для не-церковниковъ онѣ останутся по крайней мѣрѣ проявленіемъ высокаго стремленія самаго народа къ просвѣщенію, стремленія самостоятельнаго, добровольнаго, противъ котораго никакіе противники церковности возражать не могутъ.

Мысли Н. ѳ—ча о просвѣтительномъ и воспитательномъ значеніи храма, о поучительномъ значеніи храмовой и внѣ - храмовой росписи, богослуженія, поминовенія, церковнаго круга, пѣнія и звона принадлежать къ наиболее цѣннымъ въ его произведеніяхъ; но изложеніе ихъ намъ приходится поневолѣ отложить до главы о религіозныхъ убѣжденіяхъ нашего мыслителя; здѣсь же достаточно будетъ замѣтить, что онъ особенно высоко ставилъ храмовое поученіе. Во 1) потому, что оно всестороннее, относящееся не къ одному уму, но и къ чувствамъ, возбуждающее не только мысль и память, но и воображеніе, и вызывающее разнообразнѣйшія эстетическія впечатлѣнія: архитектурныя въ зданіи храма, живописныя въ его росписи, музыкальныя въ пѣніи и звонѣ, лирическія въ молитвословіяхъ и даже драматическія, такъ какъ весь нашъ православный богослужебный кругъ полонъ глубокаго, вдумчиваго драматизма, такъ что и само поученіе въ немъ получаетъ характеръ не сухой отвлеченной проповѣди, а живого, образнаго воплощенія въ дѣйствиіи. Во 2) особенно цѣнно храмовое поученіе потому, что оно, предпочтительно передъ всякимъ другимъ, есть наставленіе людей къ миру и единенію и къ общему дѣлу на почвѣ родственнаго чувства. Если всякая религія (какъ былъ убѣжденъ Н. ѳ.) вызвана чувствомъ скорби объ утратахъ намъ близкихъ людей, невозможностью любящаго сердца мириться съ этими утратами, желаніемъ вернуть умершихъ къ жизни и надеждою на воскресеніе и безсмертіе, то и въ культѣ тѣже основныя стремленія проходятъ для вдумчиваго слушателя и зрителя всюду: непрерывное, всестороннее поддерживаніе памяти объ усопшихъ и укрѣпленіе надежды на воскресеніе, на побѣду жизни надъ смертію—вотъ основныя психологическія и нравственныя обязанности храма, выполняя которыя онъ становится неугасаемымъ алтаремъ родственной любви къ отцамъ и братьямъ на землѣ и къ общему Отцу Небесному. Вотъ почему „храмъ-школа есть возстановленіе родства, прекращеніе всѣхъ золъ, движеніе къ небу“ (Статья „Объ истинно-національной школѣ“).

Съ этою основою храмоваго поученія должно быть согласовано и школьное во всѣхъ трехъ его главныхъ отдѣлахъ, то есть въ *законовѣдннн*, *отечествовѣдннн* и *природовѣдннн*.

Мы уже говорили о томъ, какъ должно быть поставлено первое, то-есть преподаваніе закона Божьяго и человѣческаго, какъ юридическое и экономическое начало должно въ немъ уступить мѣсто нравственному и какъ вопросъ о богатствѣ и бѣдности, приводящій ко всеобщей розни, долженъ замѣняться вопросомъ о жизни и смерти, рѣшеніе коего приводитъ ко всеобщему миру.

Что касается *отечествовѣдѣнія*, то оно, начинаясь въ храмѣ и связанной съ нимъ школѣ и даже еще раньше на кладбищѣ, мѣстѣ упокоенія отцовъ, имѣетъ своею первоначальною и главною цѣлью познаніе и памятованіе отцовъ и братьевъ въ ближайшемъ смыслѣ слова, то-есть изученіе прошлаго мѣстнаго, а въ связи съ прошлымъ и настоящаго. Отечествовѣдѣніе изучаетъ, слѣдовательно, сначала ближайшую, тѣснѣйшую родину, въ которой живемъ мы и жили наши предки, а затѣмъ, въ силу связи ихъ и нашей съ другими, подобными имъ и нами, жившими и живущими, оно изучаетъ родину и въ болѣе широкомъ смыслѣ, какъ общее жилище цѣлой великой семьи народной. Такъ обоснованныя, Исторія и Географія становятся въ храмахъ - школахъ священными предметами преподаванія: священной будетъ здѣсь исторія не одного только древняго, „избраннаго“ народа, но и каждаго, если только сыны его не будутъ забывать, что она есть повѣсть о жизни ихъ отцовъ и дѣдовъ, также точно, какъ и Святою Землею будетъ не одна Палестина, но и вся земля, какъ принявшая въ себя священный прахъ отцовъ, такъ что и все землеописаніе получитъ значеніе священное же, объединяющее и умиротворяющее, въ противоположность принятому, такъ называемому, политическому, разъединяющему и наводящему на зависть, злопамятство, споры и ссоры, „на брань народовъ“, изъ за насильственнаго дѣлежа того, что должно по справедливости быть мирнымъ общимъ достояніемъ единой всемирной семьи (Статья „Географія и Исторія въ школѣ - храмѣ, какъ предметъ преподаванія, которому дано священное значеніе“). Такая постановка обоихъ предметовъ (основныхъ, а не второстепенныхъ, какъ значится въ нашихъ школьныхъ программахъ) требуетъ во 1) несравненно болѣе тѣснаго ихъ объединенія, чѣмъ это до сихъ поръ практикуется, а во 2) и совершенно иного направленія въ изложеніи, совсѣмъ иного освѣщенія, чѣмъ установившееся. Въ особенности велики недостатки нашихъ учебниковъ Исторіи, которая въ этомъ смыслѣ остается еще не написанною (Статья „По поводу проекта преподаванія Исторіи, составленнаго Комиссіей для преобразованія средней школы“), вслѣдствіе чего Н. Θ. пробовалъ приохотить нѣсколько лицъ къ восполненію этого крупнаго пробѣла въ нашей педагогической литературѣ и составила наброски плана для такого труда.

Но, говоря объ отечествовѣдѣніи, онъ не могъ ограничить его предѣлами національнаго родиновѣдѣнія: для человѣчества, понимаемаго какъ одна семья, отечествомъ можетъ быть только вся земля, такъ что и исторія частная, мѣстная сливается со всеобщою. Это положеніе переноситъ насъ къ существенно важному вопросу о *національномъ характерѣ школы*. Н. Θ. былъ

искреннимъ, горячимъ патриотомъ, преисполненнымъ не только любовью къ родинѣ, но и убѣжденнымъ въ ея нравственномъ превосходствѣ (несмотря на многіе недостатки) передъ другими націями и въ величавомъ, гервенствующемъ ея призваніи въ осуществленіи общечеловѣческаго дѣла. И однако его любовь къ родинѣ была далека отъ того узкаго и ограниченнаго патриотизма, ради котораго въ наши дни иногда подвергается сомнѣнію и осужденію всякій патриотизмъ вообще. Человѣкъ, не признававшій отвлеченный гуманизмъ за достоинство и отрицавшій его жизнеспособность, какъ это мы видѣли, у Н. Ѳ—ча долженъ былъ придавать существенное значеніе специфическимъ національнымъ особенностямъ, этнографическимъ расовымъ чертамъ, историческому складу народнаго характера и быта, словомъ, всему тому, чтѣ дѣлаетъ народъ своеобразною оригинальною личностью. Но именно потому, что эти самобытныя черты, разумѣется, по скольку онѣ не противорѣчатъ высшимъ общимъ требованіямъ нравственности, были цѣнны ему во всѣхъ народахъ, онъ не могъ быть сторонникомъ уничтоженія ихъ однимъ какимъ либо народомъ ради своей исключительной пользы; иными словами: его патриотизмъ и націонализмъ приводили не къ поглощенію одною націей другихъ, а къ ихъ братскому, родственному сосуществованію. Патриотизмъ и націонализмъ носили у него, слѣдовательно, характеръ не ограничивающій, а расширяющій, не уничтожавшій отдѣльныя народныя семьи, а примирявшій ихъ, при сохраненіи ихъ особенностей, и объединявшій ихъ въ одну общую семью на основѣ братскаго соборнаго начала подъ общою защитою отъ раздоровъ внутреннихъ и отъ враговъ внѣшнихъ (общихъ враговъ, стихійныхъ силъ природы) Самодержцемъ, стоящимъ „въ общаго праотца мѣсто“. Ренанъ въ своей статьѣ „Чтѣ такое нація?“ говоритъ: „человѣкъ не есть рабъ своей расы“; Николай же Ѳедоровичъ на это замѣчаетъ: „да, если эта раса враждебна другимъ расамъ“. „Онъ не рабъ своей религіи!“ восклицаетъ Французскій мыслитель. „Такъ!“ поправляетъ нашъ Русскій мудрецъ, „если эта религія не истинная, если она не культъ Бога всѣхъ отцовъ“.—„Онъ не рабъ и своего языка“ настаиваетъ Западный лингвистъ.—„Да“, добавляетъ языковѣдъ Восточный, „если этотъ языкъ не сознаетъ своего родства съ языками всего міра. Но человѣкъ *долженъ быть* рабомъ своего государства: если это государство зоветъ ко всеобщему умиротворенію“ и тогда это уже *не рабство, а начало братства*, всеобщаго, всемірнаго.

А если такъ, то на почвѣ исторіи, понимаемой какъ международная рознь и вражда, нельзя создать истинно-національной школы. Для этого нужно переопредѣлить исторію, опредѣлить ее *какъ раскаяніе въ племенной враждѣ*, которое возможно только въ признаніи родства общихъ предковъ, какъ раскаяніе *во враждѣ религіозной*, выражающееся въ признаніи религіи культомъ всѣхъ отцовъ, наконецъ, какъ раскаяніе *во враждѣ сословной*, основанной на различіи и антагонизмѣ профессій и способной прекратиться лишь тогда, когда конкуренція и борьба изъ-за матеріальныхъ благъ замѣнятся дружною борьбою противъ общаго источника естественнаго пауперизма и

общихъ бѣдствій, противъ неразумныхъ стихійныхъ силъ природы. Истинное же раскаяніе неразлучно съ исправленіемъ отъ предшествующихъ грѣховъ розни и деспотизма. „Грѣшенъ былъ Первый Римъ въ своей непомѣрной жестокости, какъ и его предшественники Ниневія и Вавилонъ; грѣшенъ былъ и Второй, окруженный варварами Римъ своими коварствами безпечною (и, нерадѣніемъ о своемъ великомъ дѣлѣ)... Много былъ грѣшенъ и Третій Римъ...; потому и томится онъ уже два вѣка въ порабощеніи Нѣмецкому Бургу... Не самопревозношеніе, а раскаяніе можетъ его спасти, научить истинному объединенію, чтобы не было нужды въ Четвертомъ Римѣ. Не патриотизмомъ въ смыслѣ гордости долженъ онъ руководствоваться въ дѣлѣ объединенія; памятуя первыхъ собирателей земли Русской, на ихъ могилахъ, въ Кремлѣ онъ долженъ печаловаться о розни, думать объ ея устраненіи, о прекращеніи вражды, о мирѣ всего міра“. (Статья „Что такое національность и національная школа?“).

И это не праздная мечта, а задача вполне реальная, самой исторіей, самимъ Богомъ отцовъ Русскому народу указанная. „Исторія наша, по положенію нашей земли между вѣчно враждующими Западомъ и Востокомъ, всегда была международною; задача наша была искони умиротворительная: защита осѣдлыхъ народовъ отъ дикихъ, обезоруживаніе послѣднихъ и обезвреживаніе не истребленіемъ ихъ, а постепеннымъ включеніемъ въ общую мирную семью. Трудное дѣло выполняетъ Россія и понынѣ, и притомъ вполне сознательно и шире, опредѣленнѣе, чѣмъ когда-либо. „Тотъ, отъ Кого исходитъ циркуляръ 12 Августа 1898 г. объ умиротвореніи всѣхъ народовъ, можетъ (и только Онъ одинъ безъ противорѣчія можетъ) быть создателемъ истинной національной школы, не противодѣйствующей, а содѣйствующей всеобщему объединенію“ (Статья „Конференція міра и національная школа“). Именно для умиротворенія необходимо прежде всего взаимное соглашеніе о введеніи у всѣхъ народовъ всеобщаго обязательнаго образованія въ связи со всеобщюю же обязательною воинскою повинностью (Тамъ же). Школа, возвращенная на основахъ такого соглашенія, обладала бы неоспоримыми преимуществами передъ всякою другою; она могла бы быть усвоена всѣми народами и тѣмъ не менѣе ни для кого не была бы чужою, потому что она была бы познаніемъ для каждаго своей родной земли, праха своихъ отцовъ, своего мѣста и своего народа и въ тоже время не имѣла бы значенія безъ обобщенія мѣстныхъ данныхъ въ общемъ центрѣ, не только народномъ, но и общемъ для всѣхъ народовъ, въ общей задачѣ и цѣли всѣхъ сыновъ человѣческихъ“. (Тамъ же). Тоже самое, всеобъемлющее начало естественнаго родства, которое даетъ цѣну всему мѣстному, отечественному въ тѣсномъ смыслѣ слова, стало бы этимъ центромъ, этимъ общимъ объединяющимъ международнымъ началомъ; не обезличивая націй и расъ, оно соединило бы ихъ въ одну семью; не вдаваясь въ дебри религіозной полемики, оно обнаружило бы родство въ основѣ всѣхъ религій. По этому сравнительному и примирительному методу катихизисъ замѣнился бы словаремъ религій, исповѣданій и ересей, при помощи котораго можно придти къ первоначальной единой религій, то-есть

христіанской, если она религія Троицы и Воскресенія (Вѣдь еще Епифаній замѣтилъ, что всѣ религіи только ереси христіанства!). Для православія такой сравнительный методъ могъ бы быть опасенъ лишь въ томъ случаѣ, если бы оно отождествляло себя съ ортодоксальною холодною и безжизненностью; ибо, если ереси, какъ всякое увлеченіе и крайность,—зло, то и правобѣрная холодность—не благо. (Статья „О воспитаніи и пр.“).

Наоборотъ, положительное зло видѣлъ Н. ѳ. въ двоесвѣршіи, порождаемому въ нашемъ обществѣ такъ называемою *классическою школою*. Высоко цѣня и любя классическую древность въ историческомъ смыслѣ, онъ никакъ не могъ признать классицизмъ за здоровую основу школьнаго воспитанія и образованія. Если, какъ на это жалуется большинство, классицизму не удается глубоко проникнуть въ пониманіе учащихся и повліять на ихъ чувства и складъ характера, онъ долженъ быть признанъ по меньшей мѣрѣ бесполезнымъ, и тогда нелѣпо полагать его съ такимъ трудомъ и съ такою тратою времени въ основу школьнаго развитія. Но еще худшимъ представляется дѣло тамъ, гдѣ классицизму удается дѣйствительно овладѣть убѣжденіями и чувствами изучающихъ его: въ такомъ случаѣ возникаетъ особый классъ людей, который хотя и сохраняетъ, повидимому, одинъ языкъ и одну вѣру съ народомъ, но въ сущности имѣетъ свой особый языкъ и свою отдѣльную вѣру. Чтò бы ни говорили въ похвалу античнаго міровоззрѣнія, оно остается *язычествомъ*, узаконеніемъ роковаго, неизмѣннаго хода стихійной природы, подмѣною личнаго Бога безличною, бездушною, слѣпою силою; оно остается безнадежнымъ пріуроченіемъ человѣка къ существующему доселѣ положенію его среди природы, то-есть признаніемъ рабства разумнаго существа передъ неразумною космическою силою; далѣе, это узаконеніе минутнаго блаженства физическаго бытія, приводящаго къ смерти, оправданіе жизни для мига настоящаго при забвеніи прошлаго, то-есть отреченіе отъ долга къ давшимъ намъ жизнь и отъ думы о будущемъ, о тѣхъ, кому мы даемъ жизнь; наконецъ, это отказъ отъ общаго дѣла, которое возстановило бы прошлое и дало бы смыслъ и цѣль настоящему и будущему. (Статья „X. Y. Z.—три неизвѣстныхъ, поставленныхъ себѣ Коммиссіей реформы средней школы“). Натуралистически - сенсуалистическій и эпикурейски - эгоистическій идеалъ античнаго міровоззрѣнія и античной этики, если онъ только можетъ быть искренно воспринятъ и жизненно осуществленъ въ наши дни, оказывается въ глубокомъ противорѣчьи съ коренными нашими народными, Русскими, церковными, православными основами жизни; онъ создаётъ внутренній разладъ между интеллигенціей и народомъ, дѣлаетъ ихъ неспособными понимать другъ друга, а ервыхъ превращаетъ въ „знатныхъ иностранцевъ“, хотя и ученыхъ, но чужихъ своей родинѣ и потому совершенно неспособныхъ учить и воспитывать неученыхъ, народъ, живущій совсѣмъ иными убѣжденіями и чувствами, чѣмъ они.

А между тѣмъ серьезное занятіе лингвистикою должно было бы приводить къ результатамъ совершенно противоположнымъ, вслѣдствіе чего фило-

логія и была такъ дорога Николаю Федоровичу. Онъ не былъ спеціалистомъ въ области языковѣдѣнія, но всѣ знакомые съ его рѣчью и съ ея письменнымъ изложеніемъ могутъ подтвердить, что онъ обладалъ выдающеюся способностью пониманія языка. Онъ не былъ стилистомъ, и даже отличался, какъ писатель, слишкомъ сложнымъ слогомъ, по первому впечатлѣнію нѣсколько утомительнымъ, а подчасъ и какъ будто темнымъ; но происходило это не отъ пренебреженія къ формѣ и не отъ неумѣнья цѣнить ее: наоборотъ, тамъ, гдѣ красота выраженія соединялась съ богатствомъ содержанія, она дѣйствовала на него чарующимъ образомъ; стилистами такого рода онъ былъ способенъ долго и горячо восхищаться, и мнѣ не разъ приходилось быть очевидцемъ, какъ у этого вовсе несантиментальнаго чловѣка законченное выраженіе даже отдѣльной мысли вызывало слезу умиленія. Только къ безсодержательной формѣ, только къ пустому созвучію оставался равнодушнымъ этотъ строгій умъ, не допускавшій баловства празднымъ наслажденіемъ нигдѣ и ни въ чемъ, а слѣдовательно и въ словѣ, которому онъ придавалъ слишкомъ важное, прямо-священное значеніе. Именно въ силу этой крайней своей требовательности точнаго соотвѣтствія слова еодержанію, именно въ силу неумолимой строгости своего мышленія, не поддававшася ни на какіе эстетическіе соблазны тамъ, гдѣ, ради нихъ, приходилось бы пожертвовать хотя бы малѣйшею частицею содержанія или сдѣлать изложеніе менѣе точнымъ, онъ и впадалъ въ упомянутые выше, не скажу недостатки, а неудобства и трудности выраженія своихъ собственныхъ мыслей.

Но неизмѣримо болѣе вѣщности рѣчи занимало его самое содержаніе языка, его идейное и нравственное богатство, короче—душа его. Въ пониманіи ея-то и проявлялась наблюдательность, вдумчивость и мѣткость взгляда нашего мыслителя въ блестящей, иногда прямо изумительной степени. Онъ обладалъ способностью разслѣдовать, а въ темныхъ случаяхъ талантливо разгадывать истинный, первоначальный смыслъ, значеніе и назначеніе словъ, раскрывать ихъ психологическій источникъ, указывать ихъ дальнѣйшую историческую судьбу въ связи съ измѣненіями жизни и міровозрѣнія народнаго, анализировать зарожденіе, ростъ, развитіе или упадокъ и искаженіе понятія, представленія, либо чувства въ словѣ, съ глубокомысліемъ и остроуміемъ, превращавшими его характеристику и разборъ слова въ истинно-философское разсужденіе, поневолю заставлявшее въ эти минуты раздѣлять мнѣніе тѣхъ филологовъ, которые называютъ языкъ „отцомъ мысли“.

До крайности добросовѣстный самъ къ слову, онъ требовалъ такой же добросовѣстности и отъ другихъ. Врагъ бѣлаго поверхностнаго чтенія, онъ возмущался легкомысліемъ множества современныхъ читателей и серьезно увѣрялъ, что „большинство разуучилось читать“, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ значительной степени и пристально думать. Серьезную книгу все болѣе замѣняютъ облегченная популярная брошюра или услужливая публичная лекція, а еще далѣе, легковѣсная журнальная статья и совсѣмъ уже не головоломная и долго не задерживающая газетная статейка. Это упрощеніе, столь необходи-

мое вѣку всевозможной суеты, пло, по его мнѣнію, параллельно упрощенію, но и обѣдненію видимаго выраженія словъ, письменъ, обсужденію свойствъ которыхъ онъ также посвятилъ немало плодотворныхъ размышленій. Не-обыкновенно высоко ставилъ онъ письмо іероглифическое, символическое и образное, Египетское и въ особенности Китайское, которымъ не уставалъ восхищаться за его способность краткими образными чертами выражать не только отдѣльные понятія, но цѣлыя сочетанія ихъ, слагающіяся въ характеристику существеннаго, конденсированнаго содержанія цѣлыхъ мыслей, и притомъ важныхъ, глубоко содержательныхъ, поучительныхъ, благодаря чему обученіе чтенію и письму превращалось въ школу мышленія, а иногда и нравственнаго наставленія. За этими удивительными знаками идутъ пониженныя, но все еще высокія, по части тщательности, требованія письменъ восточныхъ, письмо Еврейское, Греческое, Славянское, съ его понижающимся степенями: уставомъ и полууставомъ; наконецъ,—гражданская скоропись и завершеніе всего совершенно искусственная, летучая, дышащая одними намеками, одними мимолетными бликами движущейся рѣчи, стенографія! Полный цикл развитія отъ медленной сосредоточенной думы надъ тайнами слова до чисто-внѣшней, лихорадочно-торопливой передачи его въ вѣкъ, глумящейся надъ изученіемъ древнихъ языковъ, готовый со своими упрощеніями орфографіи стереть послѣднюю память о генезисѣ естественнаго языка для того, чтобы на мѣсто его поставить свой утилитарно-пошлый, бессмысленный *воляпоукъ!*..

А между тѣмъ языкъ для нашего мыслителя былъ прежде всего цѣнень какъ священное откровеніе прошлаго въ жизни человѣчества, разоблаченіе думъ, чувствъ и дѣлъ отцовъ; онъ дорогъ ему былъ какъ средство возстановить генеалогію способностей человѣческой души, ихъ генезисъ, ихъ исторію. Языковѣдѣніе по отношенію къ отечествовѣдѣнію получаетъ значеніе такое же, какое имѣетъ геологія для землевѣдѣнія, палеонтологія для біологіи. Лингвистика, разрабатываемая по сравнительному, этнографически - историческому методу, получаетъ значеніе, раскрывающее тайны отдаленнѣйшаго прошлаго, недоступнаго для исторіи и археологіи; это прошлое, казавшееся безнадежно омертвѣвшимъ, она возвращаетъ къ жизни, воскрешаетъ. И тогда какъ одностороннее пристрастіе къ классической древности противопоставляетъ прошлое настоящему и создаетъ разладъ между „образованными“ (классиками) и народомъ, сравнительное языковѣдѣніе, наоборотъ, объединяетъ ученыхъ и неученыхъ и даже всѣ народы, раскрывая первоначальное единство и языка, и основъ жизни всѣхъ племенъ въ лицѣ ихъ общихъ предковъ (Статья „о школахъ - музеяхъ“). Школа, проникнутая такимъ объединяющимъ и примиряющимъ духомъ, будетъ пригодною для всѣхъ народовъ, не переставая быть Русскою; потому что, какъ раньше было указано, объединеніе всѣхъ народовъ въ знаніи и есть задача самодержавія, точно также, какъ отъ Русскаго Самодержца исходитъ и призывъ ко всенародной конференціи мира, которая, по мнѣнію нашего мыслителя, можетъ надѣяться на успѣхъ только въ томъ

случаѣ, если бы на ней былъ бы принятъ проектъ соединенія всеобщаго обязательнаго образованія со всеобщою воинскою повинностью.

Здѣсь мы касаемся одного изъ оригинальнѣйшихъ убѣжденій Николая Федоровича, *вопроса о превращеніи военной силы въ мирную, познавательную, испытательную и регулятивную*, вопроса, который по своей неразрывной связи съ центральными мыслями его ученія можетъ быть изложенъ обстоятельно только въ слѣдующей главѣ; здѣсь же мы принуждены ограничиться одними лишь краткими намеками на него.

При всей своей любви къ миру и надеждѣ на возможность торжества его надъ враждою, трезвый умъ Николая Федоровича не обольщалъ себя увѣренностью въ успѣхѣхъ простого дипломатическаго приглашенія къ разоруженію: оружіе, брошенное одними, говорилъ онъ, будетъ, конечно, тотчасъ же подобрано другими и обращено снова на разрушительныя цѣли. Притомъ же въ самомъ организмѣ челоуѣка заложена потребность борьбы, боевого примѣненія извѣстнаго избытка силъ, и сами по себѣ эти порывы преизобилующей энергіи не могутъ считаться предосудительными; уничтожить ихъ было бы и невозможно, и предно: это значило бы только разслаблять здоровую мощь организма. Нужно, слѣдовательно, не упразднить воинственный элементъ; нужно дать ему, вмѣсто разрушительнаго, благотворное примѣненіе: мы должны направлять его не на себѣ подобныхъ, а на дѣйствительнаго общаго врага, на стихійныя, слѣпя силы природы, несущія всѣмъ часто неурожаи, еще чаще болѣзни и всегда—смерть. Войско и оружіе изъ орудій истребленія должны стать орудіями всеобщаго спасенія, превратиться въ могучую естественно-испытательную силу, занятую не только изслѣдованіемъ природы, но и опытами воздѣйствія на нее, борьбы съ нею и одолженія ея посредствомъ цѣлесообразной регуляціи ея силъ, дабы превратить ихъ изъ смертоносныхъ въ живоносныя, изъ умерщвляющихъ въ оживляющія. И такъ какъ дѣло это есть долгъ безусловно всѣхъ людей, то и воинская повинность, понимаемая въ этомъ смыслѣ, должна оставаться безусловно всеобщою и обязательною для всѣхъ; но, въ силу новаго смысла ею такимъ образомъ получаемаго, она превращается въ самый могущественный, всенародный педагогическій приѣмъ, въ средство и нравственнаго объединенія въ дѣлѣ, составляющемъ общій долгъ, и всеобщаго образованія; она становится въ неразрывную связь съ распространеніемъ на всѣхъ не только первоначальнаго обученія, но и посильнаго участія въ примѣненіи познаній къ дѣлу (Статья „Разоруженіе“ въ „Новомъ Времени“ 1898 г. № 8129 и другія).

Отсюда ясно, какое существенное значеніе получаетъ въ педагогическихъ проектахъ Николая Федоровича третья отрасль знанія — *природовѣдѣніе*. Ему должно быть отведено широкое мѣсто во всякой школѣ, отъ основной, первоначальной, прежде всего сельской и до высшей. Вѣдь именно деревня, село наиболѣе близки къ природѣ по роду занятій, наиболѣе тѣсно, прямо непосредственно связаны съ нею насущными условіями своего существованія; вѣдь именно оскудѣніе природы причиняетъ оскудѣніе села и

оставленіе его, бѣгство въ городъ и гибельное превращеніе крестьянина въ горожанина, земледѣльца въ фабричнаго или торгаша и естественнаго здороваго образа жизни въ искусственный, фальшивый. Въ возвратъ къ селу одно изъ первыхъ условій всеобщаго спасенія; но успѣшный возвратъ этотъ обусловленъ измѣненіемъ отношеній селянина къ природѣ: изъ ея раба неключимаго, покорнаго и безсильнаго, или изъ губительнаго для нея, а въ концѣ концовъ и для себя, эксплуататора онъ долженъ стать ея сознательнымъ и мудрымъ хозяиномъ, руководящимъ ее къ общему благу. Но эта высшая регулятивная способность предполагаетъ предварительное изученіе и познаніе природы, и не по-наслышкѣ только, не по учебнику лишь, а лицомъ къ лицу, непосредственно, въ самостоятельномъ наблюденіи и опытѣ, чтѣ и должно совершаться во 1) при каждой школѣ - храмѣ, а во-2) и при отбытіи воинской повинности въ лагерь, который самъ не что иное, какъ своего рода школа въ обширныхъ размѣрахъ. Въ этомъ смыслѣ къ школѣ-музею (=школѣ національной, народной, царской), къ школѣ - храму (=школѣ православной) прибавляется, слѣдовательно, еще третій вариантъ: школа - лагерь (=школа активнаго знанія и умиротворенія), обладающая наиболѣе широкими и могучими способами наблюденія надъ естественными явленіями и средствами производства опытовъ надъ ними не только для познаванія силъ природы, но и для воздѣйствія на нихъ.

Такая школа, обезпечивая селу урожай и ограждая его отъ болѣзней и смерти, была-бы *по преимуществу сельскою*, то-есть *народною*, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по всеобщему значенію дѣла, которымъ она была бы занята, она была-бы и *всесословною* и даже *всенародною*, *всечеловѣческою*; а такъ какъ цѣль ея касалась бы одинаково интересовъ *бѣдныхъ и богатыхъ, ученыхъ и неученыхъ, вѣрующихъ и невѣрующихъ*, то въ ней нашли бы себѣ примиреніе всѣ противоположности и весь разладъ, которые иначе оказываются неизбежными между этими разрядами людей. Мало того! Такая школа была бы и *національною*, такъ какъ она стояла бы на почвѣ мѣстныхъ отечественныхъ наблюденій, и *всемирною*, такъ какъ приводила бы всѣхъ къ дѣлу общечеловѣческому. Такое же объединяющее значеніе получила бы школа и *въ нравственномъ отношеніи*, такъ какъ цѣлью ея стало бы не пассивное уже, а активное знаніе, которое дало бы возможность исполнить высшій нравственный долгъ, сыновній и братскій, *осуществить всеобщее спасеніе*. Выясненіе этого долга и, въ связи съ нимъ, болѣе полное опредѣленіе высшихъ задачъ воспитанія и познаванія и составляетъ центральную часть ученія нашего мыслителя (Статьи: „Національная школа“, „Національная школа 100 лѣтъ назадъ и впередъ“, „Три школы или три объединенія“, „Конференція мира и проекты всеобщаго образованія“, „Къ столѣтію основанія Министерства Народнаго Просвѣщенія“, „О школѣ - лагерѣ“, „О Русской школѣ какъ всеобщей, какъ школѣ знанія, неотдѣлимаго отъ дѣла“ и другія).

Влад. Кожевниковъ.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ И ПОНЕДѢЛЬНИЧАНЬЕ.

Историко-этнографическій очеркъ.

Во многихъ мѣстахъ Великороссіи, а также и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи народъ почитаетъ Понедѣльникъ наравнѣ со Средою и Пяткомъ: считаетъ грѣхомъ въ этотъ день работать, постится и т. д. Почти повсемѣстно Понедѣльникъ считается «тяжелымъ» днемъ, въ который не слѣдуетъ начинать никакой работы («Яросл. Губ. Вѣд.» ч. н. 1895 г., № 181. «Понедѣльничанье» «Кіевск. Стар.» 1887 г., № 1 и 4).

Обычай «Понедѣльничать» или поститься и не работать въ Понедѣльникъ вызвалъ даже въ народѣ олицетвореніе этого дня, обращеніе его въ живую личность. Въ нѣкоторыхъ народныхъ разсказахъ Понедѣльникъ называется «святымъ Понедѣльникомъ» и представляется въ человѣческомъ образѣ подобно Прасковеѣ-Пятницѣ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ народномъ разсказѣ, записанномъ въ Курской губерніи, говорится, что на томъ свѣтѣ первая встрѣча умершаго бываетъ со «святымъ Понедѣльникомъ», который и спрашиваетъ человѣка о содѣянныхъ имъ грѣхахъ.

«Перва стрича на тымъ свитѣ, святой Понедѣлокъ, роспытуе про грѣхи; винѣ то самъ зна, а допрашуе». Отсюда и прямой выводъ о почитаніи Понедѣльника («Этн. Обзор». кн. XV. «Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ Украинскаго народа», проф. Н. Сумцова и М. Васильева). Въ другомъ разсказѣ «святой Понедѣлокъ» вмѣстѣ съ пророкомъ Ильею говѣютъ въ монастырѣ. Въ послѣднемъ разсказѣ содержится и прямое запрещеніе въ Понедѣльникъ не «йѣсты» скромнаго («Этн. Обзор. кн. XXVII. «Украинскія легенды и вѣрованія, связанныя съ именами нѣкоторыхъ «святыхъ»»). Обычай «Понедѣльничать» есть обычай, безъ сомнѣнія, древній: о немъ упоминается еще въ рукописяхъ XVI в. Такъ, напримѣръ, въ одной рукописи XVI в. (Соф. 1462 л. 82 об. 83) мы читаемъ: «Мѣсяца Марта постися первыя недѣли въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятокъ: да причтешся къ 14 родовъ Авраамлихъ; Вешнихъ дней. Мѣсяца Іюня постися двѣ недѣли въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятокъ: да причтешся къ 14 родовъ Давидовыхъ. Лѣтнихъ ней. Мѣсяца Сентября постися двѣ недѣли въ Понедѣльникъ, въ Среду

и въ Пятокъ, да причтется къ 14 родовъ къ племени Вавилонскому. Осеннихъ дней. Мѣсяца Декабря постися четыре недѣли въ Понедѣльникъ, въ Среду и въ Пятокъ, да причтется къ 14 родовъ Рождеству Христову. Зимнихъ дней.

Аще который человекъ сохранить сіа четыре времена о хлѣбѣ и водѣ чистотою, постомъ, бдѣніемъ, аще будутъ и велика согрѣшенія, есть то съ едино или въ двѣ лѣта отпустятся ему. Аще вся четыре времена до живота своего сохранить сіа постяся, да на страшнѣмъ судищѣ никоего зла не убоится. Сіа же четыре времени увѣдоша святіи отцы отъ святого Духа и уставиша постящимся» («Урочны посты» М. Соколова. Жив. Стар. 1891 г. в. III).

Вмѣстѣ съ почитаніемъ Понедѣльника въ народѣ распространенъ и взглядъ на него, какъ на день несчастливый, въ который не должно начинать никакого дѣла. «Понедѣльникъ день тяжелый», говоритъ народъ.

Откуда произошло такое народное воззрѣніе на Понедѣльникъ? Нѣкоторые изслѣдователи стараются объяснить происхожденіе такого воззрѣнія слѣдующимъ образомъ: «Великій князь Владимиръ, познавъ истиннаго Бога и принявъ святое крещеніе самъ, велѣлъ всѣмъ подданнымъ сдѣлать тоже. Между новокрещенными было немало такихъ, которые, принявъ святое крещеніе, втайнѣ остались идолопоклонниками. Чтобы вразумить и утвердить въ вѣрѣ всѣхъ вообще, Владимиръ вмѣнилъ въ обязанность, всѣмъ безъ исключенія, каждый Воскресный день приходиться въ церковь, гдѣ священники были обязаны наставлять людей въ вѣрѣ. Тѣхъ же упорныхъ, которые не выполняли этого повелѣнія и не являлись въ храмы христіанскіе, подвергалъ чувствительному наказанію, которое выполнялось, обыкновенно, въ Понедѣльникъ (Ист. Карамз. т. 1, прим. 460). Естественно, что нѣкоторые стали и поститься въ этомъ день, чтобы избѣгнуть тѣхъ несчастій, какія приносятъ этотъ день человеку, какъ день тяжелый (Приб. къ «Херсонск. Еп. Вѣд.» 1860 г. т. 1, стр. 578). Какъ ни остроумна такая гипотеза, но одною ею едва ли можно объяснить почитаніе нашимъ народомъ Понедѣльника. Дѣло въ томъ, что Понедѣльникъ считается тяжелымъ днемъ не только у Русскихъ, но и у всѣхъ почти западныхъ народовъ: у Французовъ, Итальянцевъ, Германцевъ. Основа такого воззрѣнія на Западѣ коренилась въ астрологіи, которой безусловно вѣрили на Западѣ въ средніе вѣка.

Понедѣльникъ у Французовъ, Итальянцевъ, Испанцевъ, Португальцевъ и Германцевъ былъ посвящаемъ въ древности лунѣ, на что указываетъ и его теперешнее названіе уѣтихъ народовъ (Лат. dies lunae, день луны. «Бытъ Русскаго народа». А. Терещенка. Спб. 1848 г., стр. 32).

Между тѣмъ луна, по астрологіи, были свѣтило не приносящее человеку счастья. «Седмая планета луна, глава водамъ и источникамъ и

рѣкамъ великимъ и всѣмъ планитамъ присутствуетъ и на поднебесныя силу свою свѣтлостію изнуряетъ и люди подъ нею родящіеся, непостояннии, живіи, напрасно умирають, мале щастливиі» (Списокъ съ печатнаго календару, который печатанъ въ Прутѣ во власти господина пана Данилы въ лѣто отъ воплощенія Бога Слова 1730. Труды Кіев. Дух. Ак. 1867 г. Янв., стр. 106). Естественно, что у западныхъ народовъ Понедѣльникъ считался днемъ тяжелымъ.

Между тѣмъ западная астрологическая литература была распространена въ юго-западной Россіи еще въ XV вѣкѣ, отсюда она перешла и на Сѣверъ. Извѣстно, что еретики Жидовствующіе обвинялись, между прочимъ, въ занятіяхъ астрологіею, которую они занесли въ Новгородъ изъ Литвы и нѣкоторое время имѣли своихъ приверженцевъ въ средѣ Московскихъ вольнодумцевъ (Поэт. возр. Слав. на прир. Аѳан. т. III, стр. 612 «Исслѣд. о соч. Іосифа Санина», Хрущева, 1868 года, стр. IV). Насколько сильно была распространена астрологическая литература въ Россіи, можно видѣть по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія сохранились о ней на Сѣверѣ Россіи. Такъ, на примѣръ, въ одномъ рукописномъ Азбуковникѣ говорится: «Зодіями наричють звѣздословци дванадесять звѣздъ... Сими звѣздами умовредниі астрологи мнятея угадывати счастье и добродѣйственное, и злодѣйственное житіе челоувѣкомъ» (Поэт. возр. Слав. на пр. Аѳан. III. 321). Подобное мѣсто находится въ спискѣ ложныхъ книгъ: «Двѣнадцать звѣздъ, въ нихъ же безумниі людіе вѣрующе, и волхвуютъ и ищутъ дня рожденія своего, сановъ полученіе и урона житію и бѣдныхъ напастей различныхъ, смертей и счастья въ службахъ, купляхъ и ремеслахъ». Въ одной рукописной астрономіи XVII в. сказано: когда звѣзда Чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, «съ жонами не спи; аще родится сынъ, ино будетъ курча и безплоденъ» (Поэт. возр. Слав. на пр. III т., 326 стр.). Подобныхъ указаній можно бы было привести весьма много. Очевидно, что Западные астрологическія сочиненія читались и у насъ въ Россіи, а потому, очень можетъ быть, что сочиненія эти въ нѣкоторой степени способствовали укрѣпленію въ народѣ того взгляда, что Понедѣльникъ день тяжелый, который слѣдуетъ отличить постомъ и воздержаніемъ отъ дѣлъ житейскихъ... Но основа такого взгляда должна корениться несомнѣнно въ нашихъ древнихъ языческихъ вѣрованіяхъ. На эту мысль наводитъ насъ то обстоятельство, что многія народныя празднества языческаго характера приурочивались въ старину къ Понедѣльникамъ.

Съ Понедѣльника *Масляной недѣли* въ Малороссіи женщины начинаютъ справлять «колотку». Эту «колотку» справляютъ слѣдующимъ образомъ. Начиная съ Понедѣльника, крестьянки предаются въ корчмѣ пьянству и гульбѣ. По ихъ мнѣнію, *въ Понедѣльникъ «колотка» рождается,*

во Вторникъ крестится, въ Среду «похребтины», въ Четвергъ она умираетъ, въ Пятницу ее хоронятъ, а въ Суботу плачутъ о ней. «Колотки», по мнѣнію нашихъ изслѣдователей, есть нечто иное, какъ Зима, олицетвореніе смерти, тьмы и холода, царство темныхъ силъ природы. Отмѣтимъ, что, по народному повѣрью, эта «колотка», Зима, *рождается въ Понедѣльникъ*, а умираетъ въ Четвергъ, посвящавшійся нашими предками богу-громовнику, владыкѣ тепла и свѣта (Тр. Кіев. Дух. Аб. 1871 г., т. 4, стр. 7). *Съ Чистымъ Понедѣльникомъ* въ Малороссіи и до сихъ поръ связывается множество народныхъ вѣрованій и обрядовъ, относящихся къ нечистой силѣ, бѣсамъ и вѣдьмамъ.

Этотъ день въ Малороссіи носитъ названіе «полоскозуба», потому что въ этотъ день полощутъ зубы. Полосканье состоитъ въ томъ, что въ этотъ день крестьяне обоюго пола отправляются въ корчму и тамъ проводятъ цѣлый день, выполаскивая водкою зубы, чтобы не осталось между ними *сыра*. По народному повѣрью, чтобы увидѣть вѣдьму, должно употребить такое средство: въ масляницу на заговѣнье не нужно выполаскивать рта, чтобы осталось немного *сыра* за зубами. *Въ Чистый Понедѣльникъ* слѣдуетъ вынуть этотъ сыръ изъ зубовъ, крѣпко зашить его въ кожу и носить подъ лѣвой рукою до Страстной седмицы. Въ великій Четвертокъ, когда читается двѣнадцать Евангелій, владѣющій этимъ *сыромъ* можетъ увидѣть всѣхъ вѣдьмъ стоящими вмѣстѣ и держащими въ рукахъ вмѣсто свѣчъ раскаленные рожны. По другому сказанію, владѣющій этимъ *сыромъ* можетъ увидѣть вѣдьмъ въ Пасху на утрени.

Такимъ образомъ съ Чистымъ Понедѣльникомъ связаны остатки языческихъ вѣрованій въ вѣдьмъ. Подъ вѣдьмами же наши предки олицетворяли дождевыя тучи, *скрадывающія тѣсяцъ и зѣзды*, отнимающія урожай у хлѣбовъ («отъ хлѣбушка спорынью отымывала», говоритъ вѣдьма въ одномъ нар. стихѣ), насылающія на людей и животныхъ различныя болѣзни, производящія то засуху, то дождевыя ливни.

Древне-языческое вѣрованіе въ то, что тучи управляются особыми демоническими существами, отразилось въ слѣдующемъ народномъ повѣрью, существующемъ среди Славянъ Подебридскаго округа: «Всѣ души утопленниковъ, висѣльниковъ и вообще всякаго рода самоубійць обречены въ наказаніе вѣчно носиться надъ землею и поддерживать черныя тучи. Когда въ тучахъ соберется чрезмѣрное количество воды, и душа не въ силахъ удержать эту тяжесть, тогда на землю льется сильный ливень. Въ одной деревнѣ у старика-крестьянина Горика была копія какой-то старинной книги съ молитвами и заговорами отъ различныхъ болѣзней и напастей. Однажды, когда на деревню надвигалась гроза (это было передъ жатвою), онъ вышелъ въ поле и сталъ читать по своей книгѣ заговоръ, желая предотвратить возможное бѣдствіе; во время

чтенія онъ взглянулъ какъ-то на небо и увидѣлъ въ облакахъ свою дочь, которая незадолго до этого утопилась; въ тоже время на книгу упали три капли крови. Тотчасъ же онъ бросилъ свои книги въ огонь, не желая увеличивать бремя несчастныхъ душъ» (Этногр. Обзор., XX кн., стр. 212).

Будучи сначала облачными женами, вѣдьмы смѣшались, затѣмъ, съ вѣщами женами, низведены были на землю и поставлены были въ условія обыкновенной человѣческой жизни. Отсюда вѣдьмы-женщины или, какъ называетъ ихъ народъ, «ученыя вѣдьмы». Ученою вѣдьмою можетъ сдѣлаться каждая женщина; для этого она должна отречься отъ Христа и записать свою душу дьяволу и притомъ не чернилами, а кровью изъ своего мизинца...

Очевидно, что вѣдьмы въ представленіи нашего народа были темными демоническими существами. Остатки празднествъ въ честь этихъ темныхъ демоническихъ существъ и приурочиваются въ настоящее время къ Чистому Понедѣльнику въ видѣ вышеупомянутаго «полоскозуба».

Къ слову замѣтимъ, что празднованіе «полоскозуба» было въ старину не только въ Малороссіи, но и въ Великороссіи. Въ челобитной, полученной въ Москвѣ 18 Января 1649 года, Варлаамъ, аримандритъ Дмитріевскаго монастыря въ Кашинѣ, извѣщаетъ, что «въ богоспасаемомъ градѣ Кашинѣ въ Понедѣльникъ первыя недѣли великаго поста чинится великое безчиніе и беззаконіе: изъ уѣзду пріѣзжаютъ крестьяне съ женами и съ дѣтьми на тотъ великій день, пьютъ, бражничаютъ и безчинствуютъ; крикъ, и вопль, и бой межъ собою до кровопролитія во весь день и до полночи на Вторникъ, а на то великое безчиніе и пьянство многихъ всякихъ чиновъ людей того жъ города Кашина приходятъ посадскіе и слободскіе люди. А которые, государь, люди Бога боятся, видячи такое великое безчиніе и беззаконіе и пьянство, и отъ нихъ плачь и рыданіе веліе. А отъ того безчинія и пьянства и бою отстать безчинникомъ имъ не умѣть безъ твоего государева указа и безъ наказанія. Веселые съ медвѣди, и съ бубны, и съ сурнами, и со всякими бѣсовскими играми съ иныхъ городовъ торговые люди и веселые пріѣзжаютъ на тотъ великій день, и отъ безчинія великаго и пьянства, и отъ убойства умираютъ. А то безчиніе, и пьянство, и съѣздъ чинится за многая лѣта» (Этн. Обзор. кн. XXXII, стр. 150: «Къ вопросу о борьбѣ Московскаго правительства съ народными языческими обрядами и суевѣріями въ половинѣ XVII в.»).

Въ *Мясопустный Понедѣльникъ* во многихъ мѣстахъ въ Чехіи сохранился до настоящаго времени обычай ходить съ кобылкой (Rok. IV; Этн. Об. XXXVII кн., стр. 155). Обычай «водить кобылку» былъ одинъ изъ древнихъ обычаевъ, существовавшихъ и у насъ на Руси. Въ указѣ

царя Алексѣя Михайловича Дмитровскому воеводѣ Ивану Окинѣевичу Шишкову мы читаемъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что въ Дмитровѣ и въ иныхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ... многіе человѣци накладываютъ на себя личины и платье скоморожское, и межъ себя, наряда, *бѣсовскую кобылку водятъ*, и въ такихъ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадаютъ и незапною смертю умираютъ, и въ той прелести христіане погибаютъ». «И мы, великій Государь, продолжаетъ указъ, жалѣя о православныхъ хрестьянѣхъ, велѣли о тѣхъ богомерзкихъ дѣлѣхъ за-казъ учинить, чтобъ православные хрестьяне отъ такова отъ бѣсовскаго дѣйства отстали... и по ночамъ на улицахъ и на подяхъ богомерзкихъ и скверныхъ пѣсней не пѣли и сами не плясали, и въ лаяони не били, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не слушали, и кулачныхъ боевъ межъ собою не дѣлали, и на качеляхъ ни на какихъ не качались, и на доскахъ мужскаго и женскаго полу не скакали, и личинъ на себя не накладывали, и *кобылокъ бѣсовскихъ*, и на свадьбахъ безчинствъ и сквернословія не дѣлали... А которые люди оттого то всего богомерзкаго дѣла не отстанутъ и учнутъ впредь такова богомерскаго дѣла держаться, и по нашему указу тѣмъ людямъ велѣно дѣлати наказаніе... и тѣхъ велѣтъ бить батоги... а только ты по сему нашему указу дѣла не учинишь, и тебѣ быть отъ насъ въ великой опалѣ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7157 Декабря въ 20 день».

Въ связи съ празднованіемъ Чистаго Понедѣльника стоитъ и празднованіе *Понедѣльника свѣтлой седмицы*. Чтобы достать шапку - невидимку, по народному повѣрью, слѣдуетъ поступить такъ: въ Понедѣльникъ первой недѣли великаго поста должно взять яйцо, сварить его въ тотъ же день, проколотъ въ немъ насквозь дырочку и положить въ теплое мѣсто на весь великій постъ. Въ Понедѣльникъ свѣтлой седмицы нужно взять это яйцо, идти на церковный погостъ и смотрѣть сквозь дырочку яйца, не пляшетъ ли нечистый въ шапкѣ-невидимкѣ: если пляшетъ, то имѣющій яйцо долженъ подойти къ нечистому близко, лѣвой рукою снять съ него шапку - невидимку, а правой разбить яйцо о землю; затѣмъ надѣтъ на себя шапку-невидимку и безъ оглядки бѣжать домой. Чортъ же не иначе можетъ преслѣдовать похитителя, какъ собравъ первоначально всѣ кусочки разбитаго яйца; если онъ догонитъ похитителя, то убиваетъ его; если же похитившій прибѣжитъ домой прежде, чѣмъ чортъ успѣетъ собрать кусочки яйца, то шапка-невидимка дѣлается собственностію похитителя. На другой же день онъ можетъ ходить въ ней куда угодно и брать всякія вещи, не будучи замѣчаемымъ.

Шапка-невидимка, по мнѣнію г. Аѳанасьева, имѣетъ значеніе небесныхъ тучъ, какъ туманныхъ покрововъ, которыми закрываются небесныя свѣтила отъ взоровъ смертнаго (Поэт. возр. Сл. на прир. т. I,

стр. 548, 650, 743). Такимъ образомъ и «полоскозубъ» былъ остаткомъ какого-то прежняго языческаго праздника въ честь вѣдѣмъ—темныхъ демоническихкихъ существъ, заправлявшихъ тучами и дождями.

Въ свѣтлый же Понедѣльникъ на Волыни парубки рано поутру ходятъ по домамъ и обливаютъ водою дѣвушекъ или же обливаютъ водою имъ только руки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обливаніе водою замѣняется купаньемъ. Обычай этотъ существуетъ и во многихъ Великорусскихъ губерніяхъ и принадлежитъ, повидимому, къ числу древнѣйшихъ общераспространенныхъ обычаевъ, противъ которыхъ долго боролись и духовная и свѣтская власти.

Статьею 29-го Устава о пред. и прес. прест. (Св. Зак. т. XIV, изд. 1890 г.) «запрещается въ теченіе пасхальной недѣли по старинному, суевѣрному и вредному обычаю купать или обливать водою небывающихъ у заутрени». Приведенная нами статья Устава есть повтореніе патріаршаго указа, объявленнаго Стрѣлецкому Приказу 24 Дек. 1684 г. и Синодскаго указа отъ 17 Апр. 1721 г. (Пол. Собр. Зак. №№ 1101, 3771). По свидѣтельству Густынской лѣтописи этотъ обычай ведетъ свое начало отъ языческихъ временъ. Эта лѣтопись рассказываетъ, что «отъ сихъ (языческихъ боговъ) единому нѣкоему богу на жертву людей топяху, ему же и донинѣ по нѣкоихъ странахъ безумные память творятъ: въ день Воскресенія Христова, собравшеся юни, играюще, вметають человѣки въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тѣхъ боговъ, си есть бѣсовъ, разбиваются и умирають, или утопають; по пныхъ же странахъ не кидаютъ въ воду, но токмо водою поливаютъ, но единаче тому же бѣсу жертву сотворяють» (Поэт. возр. Слав. на прир. Аванасьева, т. III, 702—703 стр.).

Какъ къ Чистому Понедѣльнику приурочиваются остатки языческаго праздника въ честь темныхъ силъ, такъ и къ Свѣтлому Понедѣльнику приурочены остатки языческаго празднованія въ честь какого-то грознаго божества, требовавшаго себѣ человѣческихъ жертвъ.

Въ *Понедѣльникъ Ѳоминой недѣли* въ Малороссіи и до сихъ поръ празднуются «проводы» «покойниковъ», т. е. обратное провозженіе ихъ въ загробный міръ, которое сопровождается поминовеніемъ и различными обрядами. По народному представленію въ Четвергъ на Пасхѣ мертвецы выпускаются съ того свѣта, чтобы праздновать имъ свою Пасху. Въ праздникъ Пасхи въ Малороссіи бросаютъ на воду скорлупу крашенныхъ яицъ, чтобы они донесли усопшимъ вѣсть о праздникѣ Воскресенія Христова. Вѣсть эта доходитъ къ нимъ въ Четвергъ пасхальной недѣли. Въ этотъ день мертвецы выходятъ съ того свѣта и не боятся ни креста, ни молитвы. По мнѣнію крестьянъ, въ полночь на Свѣтлый Четвергъ мертвецы встають изъ своихъ гробовъ, собираются

въ церковь по звуку колокола, который ударяетъ всего только одинъ разъ. Собравшись вмѣстѣ, они становятся передъ храмомъ. Изъ среды ихъ выходитъ священникъ и громко произноситъ какую-то молитву, по окончаніи которой двери храма открываются сами собой. Послѣ этого мертвецы входятъ въ храмъ, и соборъ священниковъ начинаетъ совершать литургію. Во время литургіи передъ алтаремъ стоитъ рядъ дѣтей, которые держатъ въ рукахъ по красному яицу, наполненному «ключемъ», т. е. льнянымъ соромъ. По окончаніи литургіи мертвецы христосуются другъ съ другомъ и затѣмъ выходятъ изъ храма и попрежнему останавливаются передъ дверями его. Священникъ произноситъ какую-то молитву, послѣ которой двери храма затворяются сами собой, и мертвецы возвращаются на кладбища. Въ Понедѣльникъ Троицкой недѣли и совершаются проводы покойниковъ обратно въ загробный міръ. Въ празднованіи этихъ проводовъ ясно видны слѣды языческихъ вѣрованій.

Извѣстное пусканіе вѣнковъ на воду въ старину пріурочивалось не къ Троицкому дню, какъ нынѣ, а къ Духову дню, т. е. къ *Понедѣльнику*. Въ протоколѣ засѣданія Святѣйшаго Правительствующаго Синода 1741 г. 13 Мая читается: «А понеже, какъ Святѣйшему Синоду не безъизвѣстно, что во многихъ благочестія Россійскаго мѣстахъ вмѣсто подобающаго христіанамъ благоговѣнства различная нѣкая безобразія, безчинія и суевѣрія чинятся... въ Четвертокъ, иже предъ недѣлею Сошествія Святаго Духа, завиваютъ березки вѣнками и обвязываютъ оныя, какъ чайтельно, съ нѣкимъ суевѣрнымъ упованіемъ и между тѣмъ чинятъ пиршества, скачки и пляски мужіе же и жены, и особливо въ высочоторжественный Сошествія Святаго Духа день, который надлежитъ христіанамъ препровождать со всякимъ благоговѣніемъ и веселіемъ духовнымъ».

Къ *первому Понедѣльнику Петрова поста* во многихъ мѣстахъ пріурочивается тагъ называемые проводы русалокъ.

«Въ *первый Понедѣльникъ Петрова поста*, говоритъ извѣстный Русскій историкъ С. Соловьевъ, бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ играше, «провожанье русалокъ»: женщины снаряжали изъ соломы два чучела въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины и тихими хороводами приближались къ концу улицы. Здѣсь распѣвались непременно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучелою плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенную чучелу-русалку дѣвицы принимали на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ или защищались сами отъ нападенія. Бойцы изъ улицы переселялись на поле, гдѣ побоище и оканчивалось растерзаніемъ чучелы и разбрасываніемъ соломы по полю».

Въ Нижегородской губерніи въ заговѣнье на Петровъ постъ дѣвушки срубають березу, убирають ее лентами, цвѣтами и лоскутками и водять вокругъ нея хороводы. Вечеромъ березку эту несутъ и выдаютъ въ рѣку (Волжск. Вѣстн. 1900 г., № 136).

Въ Рязанской губерніи въ теченіе «русальной недѣли» ежедневно по вечерамъ водять «курагоды». Нѣсколько самыхъ бойкихъ дѣвушекъ изображаютъ изъ себя въ теченіе всей недѣли «русалокъ». Вечеромъ онѣ появляются на улицѣ въ однѣхъ рубахахъ. Въ заговѣнье, въ двѣнадцать часовъ ночи (до этого часа русалки ходятъ все время по деревнѣ, то приближаясь къ «курагоду», то держась нѣсколько поодаль) всѣ находящіяся на улицѣ вооружаются палками, косами, кнутами и съ крикомъ: «гони русалокъ», со звономъ въ косы и щелканьемъ кнутомъ бросаются на русалокъ, которыя убѣгаютъ со всѣхъ ногъ. Когда имъ удастся спастись на землю сосѣдней деревни (куда ихъ стараются не пустить), преслѣдованіе прекращается, и всѣ возвращаются домой: «ну теперь прогнали русалокъ!» (Живая Старина 1891 г. в. IV, стр. 202).

Въ Воронежской губерніи еще въ недавнее время въ заговѣнье на Петровъ постъ дѣвушки устраивали особенный разукрашенный шалашъ и въ немъ ставили соломенное чучело, которое наряжали сначала въ женское, а затѣмъ въ мужское платье. Передъ чучеломъ ставили кушанья и лакомства, а вокругъ шалаша водили хороводы, за которыми слѣдовало общее угощеніе. Послѣ угощенія чучело раздѣвали и бросали въ воду.

Въ Тульской губерніи, по берегамъ рѣки Красивой Мечи, крестьянскія дѣвушки вечеромъ въ заговѣнье на Петровъ постъ собираются на полянахъ, гдѣ поютъ пѣсни и съ наступленіемъ ночи начинаютъ бѣгать, размахивая въ воздухѣ помелами съ громкими криками: «догоняй, догоняй!» Отъ этого, по ихъ мнѣнію, испуганныя русалки всѣ разбѣгаются, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ вышеозначенные обряды приурочиваются не къ вечеру на Понедѣльникъ Петрова поста, а къ самому Понедѣльнику. По всей вѣроятности такъ дѣлалось и въ старину. Въ Стоглавѣ находимъ указаніе, что въ первый Понедѣльникъ Петрова поста «въ роцѣ ходили и бѣсовскія потѣхи дѣяли» (Рук. для сел. паст. 1860 г., т. III, стр. 140).

Въ Кіевской губерніи въ первый Понедѣльникъ Петрова поста крестьяне ничего не работаютъ; рассказываютъ, что у одного крестьянина, который выѣхалъ въ первый Понедѣльникъ Петрова поста пахать землю волами, издохли волы (Тр. Кіев. Дух. Акад. 1871 г., т. 4, стр. 38).

Такимъ образомъ и къ первому Понедѣльнику Петрова поста приурочены остатки языческихъ праздниковъ въ честь темныхъ силъ природы. Русалки (сл. мавки), по древнему языческому представленію суть не что иное, какъ души умершихъ. Весною, когда вся природа оживаетъ по вѣровацію древнихъ Славянъ, оживали и души умершихъ и бродили

по землѣ. Такъ какъ водный путь у всѣхъ почти языческихъ народовъ считался проводникомъ въ подземное царство, а изъ него назадъ, то неудивительно, что по народному повѣрью въ началѣ весны русалки живутъ въ водахъ: въ рѣкахъ, озерахъ и колодцахъ. Съ Троицына дня, по народному повѣрью, онѣ оставляютъ воды и живутъ на деревьяхъ, а послѣ «проводовъ» уходятъ подъ землю. Такимъ образомъ по древнему народному представленію русалки, какъ души умершихъ, являлись представительницами смерти, тьмы и холода (Жив. Стар. 1896 г. в. 1).

Вышеприведенное невольно наводитъ на ту мысль, что первый день въ недѣлѣ Понедѣльникъ посвящался нашими предками-язычниками темнымъ стихійнымъ силамъ природы: вѣдмамъ, русалкамъ, душамъ умершихъ, т. е. царству смерти, тьмы и холода, точно такъ же, какъ Четвертокъ посвящался богу-громовнику Перуну. Не даромъ и доселѣ существуетъ такое повѣрье: «Ны годятся въ Понедылокъ и въ Четвергъ сыривцю вварюваты: въ тимъ сыривци будѣ нычыста сила купатыся и страву соби зъ его вариты» (Эти. Обзор. XXXII, стр. 40).

Естественно, что день, посвящаемый темнымъ божествамъ, въ понятіяхъ язычника не могъ быть счастливымъ днемъ. Отсюда вѣрованіе въ Понедѣльникъ, какъ въ тяжелый день. Укрѣпленію этого вѣрованія въ народѣ съ принятіемъ христіанства способствовали: 1) Историческая причина, указанная нами въ началѣ настоящаго очерка. 2) Посвященіе Понедѣльника церковію безплотнымъ силамъ. 3) Западныя сочиненія астрологическаго характера. Въ Понедѣльникъ, какъ въ тяжелый день, нельзя было ничего дѣлать, и естественно, что въ понятіяхъ народа онъ отождествился съ праздникомъ, какъ мы видѣли это выше.

Обычай поститься въ Понедѣльникъ возникъ, по всей вѣроятности, на первыхъ же порахъ распространенія на Руси христіанства подъ влияніемъ пастырей церкви, старавшихся изгладить изъ народной памяти воспоминаніе о тѣхъ языческихъ празднествахъ, какія совершались въ нѣкоторые изъ Понедѣльниковъ.

Укрѣпленію послѣдняго обычая способствовали и различныя монастырскіе уставы, сильно распространенные и до сихъ поръ между нашими старообрядцами. Во всѣхъ такихъ уставахъ самый строгій постъ налагается въ Понедѣльникъ, въ Среду и Пятокъ. Неудивительно, что обычай «понедѣльничать» сохранился преимущественно у нашихъ раскольниковъ пли у лицъ, придерживающихся раскола.

А. Баловъ.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

1856-й годъ.

Январь 1. Я былъ съ визитами у графа А. А. Закревскаго, гдѣ видѣлся съ знакомыми своими, потомъ заѣхалъ въ Успенскій соборъ помолиться и приложиться св. мощамъ Московскихъ святителей и въ Чудовъ м., гдѣ поздравилъ съ Новымъ годомъ преосвященнаго Евгенія и Филарета и отъ нихъ получилъ поздравленіе съ благословеніемъ.

4. Утромъ я ходилъ къ обѣднѣ ранней у Св. Панкратія и сдѣлалъ визитъ полковнику Александру Аполлоновичу Майкову; потомъ ѣздилъ съ визитомъ къ Зернову и П. И. Страхову, который показался мнѣ расположеннымъ къ болѣзни и цвѣтъ его лица нехорошъ. Мы побесѣдовали съ нимъ о разныхъ предметахъ. Обѣдалъ дома съ Жозефиною. Скончался старый благопріятель, секретарь Московскаго митрополита Филарета, Александръ Петровичъ Святославскій.

5. Утромъ я ѣздилъ въ Полицейскую типографію и къ М. П. Захарову, потомъ къ князю М. А. Оболенскому, который въ пресыщеніи эгоистическомъ подшучиваетъ надъ голодными.

8. Съ Андреемъ я отправился въ С.-Пб. по желѣзной дорогѣ.

18. Я возвратился благополучно изъ С.-Пб. въ Москву, гдѣ засталъ Мишу, который изъ Изюма пріѣхалъ въ этотъ же день только часа за два до моего пріѣзда. Утромъ же я ѣздилъ за справками въ Казенную Палату, къ Н. В. Сушкову и къ Стори, потерпѣвшему отъ доноса надзирателя Лазаревича, за котораго не хотѣла выйти его дочь Жозефина.

19. Обѣдалъ у А. Ѡ. Вельтмана съ г. Мендомъ, а на вечеръ проѣхалъ къ князю М. А. Оболенскому, который продолжалъ шуточки.

20. Отдалъ я на почту при письмѣ къ В. И. Панаеву дополненіе къ замѣчаніямъ своимъ о Благовѣщенскомъ соборѣ.

21. У всенощной на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ схимникъ Пароеній подарилъ мнѣ свое Путешествіе въ Іерусалимъ.

22. Я ѣздилъ на освященіе церкви Св. Алексѣя Митрополита, которое совершилъ митроп. Филаретъ съ Новоспасскимъ архимандритомъ и ректоромъ Семинаріи. Два придѣла облиты золотомъ. Митроп. Филаретъ говорилъ назидательную проповѣдь. Послѣ освященія возгласена вѣчная память родителямъ храмоздателя*). Всѣхъ пригласительныхъ биле-

---

*) Т. е. почетнаго гражданина Д. П. Алексѣева. П. Б.

товъ было 1000. Обѣдъ на 300 персовъ, духовныя, военныя, ученыя и гражданскія. Мнѣ дали два букета цвѣтовъ. Вечеромъ я благословилъ въ путь своего Мишу, далъ ему въ благословеніе бабушкинъ образъ Умягченія Злыхъ Сердецъ и на память портретъ бабушки. Управи, Господи, пути его, спаси и сохрани отъ напастей!

25. Послѣ обѣда я былъ у митрополита Филарета, который сказывалъ мнѣ, что къ нему писалъ о моемъ предложеніи насчетъ герба министръ двора, примолвивъ: не знаю, согласиться ли съ вами, или противорѣчить вамъ?—«Какъ вамъ угодно», отвѣчалъ я: «къ вамъ писалъ министръ по моему вызову и совѣту». Спрашивалъ онъ о моей книгѣ Описание Благовѣщенскаго собора, которое я ему послалъ тотчасъ изъ дому.

26. У ранней обѣдни я былъ въ церкви Св. Адриана и Наталіи, потомъ съ дьякономъ ея читалъ введеніе въ обзоръніе Московскихъ урочищъ, которое отдавалъ на судъ профессору Бодянскому.

28. Поутру я ходилъ къ В. П. Флерову, у котораго перехватилъ на нужду 5 р., потомъ ѣздилъ къ Шеру, съ которымъ я описалъ иконостасъ въ ц. Алексія Митрополита въ Рогожской части, сдѣлалъ визитъ Фиваидскому епископу Никанору, потомъ къ князю М. А. Оболенскому, съ которымъ дѣлалъ справки о лубочныхъ картинахъ и о церкви Св. Николая Подкопая и у него обѣдалъ.

29. Заутреню я слушалъ въ ц. Св. Адриана и Наталіи, потомъ съѣздилъ на освященіе церкви въ Рогожскомъ Св. Алексія Митрополита. Освящаль придѣлъ во имя Святителя Николая ректоръ Семинаріи Леонидъ. Съ архитекторомъ Козловскимъ и рѣзчикомъ Шеромъ я осматривалъ церковь. Былъ у старосты великолѣпный обѣдъ, за коимъ я сидѣлъ съ профессоромъ Морошкинымъ. Д. П. Алексѣевъ просилъ меня описать церковь и ея освященіе, обѣщавъ доставить мнѣ матеріалы.

30. Заѣхалъ я было поздравить съ ангеломъ протоіерея Ивана Петровича въ Столешникахъ, но засталъ его лежащаго на столѣ. Онъ умеръ наканунѣ вечеромъ на 82 году жизни. Обѣдалъ у именинника протопресвитера Василя Ивановича съ проф. Анке и пр. Въ этотъ день, Трехъ Святителей, я получилъ три просфоры.

Февраль. 1. Утромъ я написалъ письма въ Изюмъ къ Мишѣ и въ Мценскъ къ своему старостѣ; былъ у обѣдни на праздникъ у Св. муч. Трифона, гдѣ священникъ мнѣ далъ двѣ просфоры. Оттуда я поспѣлъ на отпѣваніе протоіерея 82 лѣт. Ивана Петровича Вельяминова. И тамъ и тутъ народа было множество. Отпѣвали преосвященный Алексѣй, четыре архимандрита и до 30 протоіеревъ и іереевъ.

2. Заутреню я слушалъ у Св. Адриана и Натали, гдѣ отдалъ за икону св. Іоанна Рыльскаго иконописцу Леонтію 3 р. с., потомъ ѣздилъ въ ц. Св. Николая Подкопаева осмотрѣть ее. Трапеза ея древнѣе самаго храма, въ ней надгробныя надписи въ сѣверномъ придѣлѣ 7193 г. (1685 г.) надъ княземъ Михаиломъ и д. с. с. Протасовымъ 1767 г. Надъ квадратомъ осмигранный трибунъ, надъ главною церковью, двумя придѣлами и колокольнею, старинныя кресты четырехконечныя съ полумѣсяцемъ при подножіи. Трехъэтажная колокольня на сѣверной, а не на западной сторонѣ. Иконостасъ въ главной церкви устроенъ по общанію однимъ иностранцемъ Римско-католическаго вѣроисповѣданія, исполненнымъ Божіей Матерью Казанскою. Здѣсь изъ Ржева древнія иконы.

3. Приносилъ мнѣ показать портретъ митроп. Филарета г. Шпревичъ; очень вѣренъ и прекрасенъ.

4. Поутру я ѣздилъ въ Донской м. къ преосвященному Евгенію и съ нимъ слушалъ обѣдню, послѣ коей зашелъ къ нему передать ему поклонъ С.-Петербургскаго митроп. Никанора. Намѣстникъ и архіепископъ дали мнѣ по просфорѣ. Преосвященный предложилъ мнѣ завтракъ, за коимъ онъ рассказывалъ о митроп. Платонѣ, какъ онъ отозвался о Филаретѣ Дроздовѣ: «Я его любилъ какъ душу, но онъ неблагодаренъ». Въ церкви я видѣлся и поговорилъ съ кн. Урусовымъ, а въ кельяхъ преосвященнаго съ Персіяниномъ князя С. М. Г.

5. Я былъ на свадьбѣ князя А. А. Долгорукова съ Аграфеной Николаевной Ждановской. Вѣнчали у Св. Георгія на Вспольѣ; послѣ у новобрачнаго былъ ужинъ въ гостинницѣ.

6. Я ѣздилъ къ Н. В. Сушкову и въ полицейскую типографію, гдѣ факторъ Орловъ предлагалъ мнѣ напечатать новымъ изданіемъ жизнь митрополита Платона и раздѣлить барышъ пополамъ. Подумаю, погадаю.

7. У меня были Болгарскіе монахи и подарили мнѣ изображение св. Іоанна Рыльскаго.

8. Пересмотрѣлъ и перевѣрилъ съ протопопомъ Василиемъ Неврасовымъ свое описаніе церкви Святителя Алексія, при коей онъ служилъ 39-й годъ.

9. Обѣдалъ у А. И. Лобкова съ игуменомъ Борковской пустыни о. Георгіемъ и его другомъ фабрикантомъ изъ Вохны, съ Уфимскою игуменьею, которая играетъ роль посредницы и вошла въ сношенія черезъ Потемкину съ дворомъ; былъ тутъ кн. А. Б. Голицынъ. Получилъ я письмо отъ митроп. Филарета, коимъ благодаритъ меня за Жизнь преосвященнаго Августина, посланную къ нему въ 1841 г. и доставленную въ нынѣшнемъ году. Я читалъ А. И. Лобкову свое описаніе Алексіевской церкви. Онъ его хвалилъ.

11. Жаръ и боль головная уменьшились, но поту не было. Навѣстилъ меня г. Башкевичъ, который не совѣтоваль мнѣ выѣзжать.

12. Не смотря на это, я ѣздилъ помолиться празднуемой въ этотъ день Иверской Богородицѣ и къ обѣднѣ въ Чудовъ м., гдѣ служилъ съ викаріемъ и проповѣдываль митроп. Филаретъ. Тамъ я встрѣтился и поговорилъ съ княземъ Ю. А. Долгорукимъ, Воронежскимъ губернаторомъ. Видѣлъ чудовищную рожу Назимки; туда же кувырбался съ женою и сынишкой. Тамъ и пахнетъ отъ него холопскимъ лицемѣриемъ. Не надолго же ему!

14. Примѣриваль мнѣ искусственные зубы Брешъ. Занимался Московскими урочищами.

15. Приѣзжала къ намъ съ сыномъ Г. П. монахиня Іоанна Головина, въ міру Анна Гавриловна Головина.

16. Получилъ въ офиціальномъ письмѣ министра двора графа Адлерберга высочайшую благодарность мнѣ отъ Государя Императора за доставленіе ему важнаго и любопытнаго письма императора Александра I.

20. Приѣзжалъ ко мнѣ А. А. Мартыновъ съ орденомъ Краснаго орла.

21. Навѣстилъ графа Шамборана, почти слѣпого; потомъ оканчиваль примѣчанія къ Русскимъ пословицамъ. Обѣдалъ у Н. В. Сушкова съ Н. И. Тютчевымъ, С. Д. Полторацкимъ и О. М. Бодянскимъ.

22. Навѣстилъ В. А. Юни, котораго разспрашиваль о боярскихъ домахъ на Покровѣ вн. Долгорукова Я. Ѳ., Труб., Голицына, Репнина, Кантемира и пр.

23. Я ходилъ въ ц. Св. Николая въ Грачахъ помянуть Кіевского митроп. Евгенія, скончавшагося въ этотъ день.

25. Написавъ поздравительное письмо съ чиномъ тайнаго совѣтника И. И. Давыдову, я ходилъ къ Адриановскому діакону Матвѣю прочесть съ нимъ описаніе или лучше обзорѣніе церквей на Покровской улицѣ; потомъ отвезъ къ вдовѣ Терновской 4 р. 50 к. с. отъ А. С. Ждановской. Обѣдалъ у А. И. Лобкова, которому тоже прочесть свою *примечку по Покровкѣ*, потомъ въ старѣйшей аптекѣ на Покровѣ списаль привилегію, данную Петромъ I въ 1702 г. и подтвержденную 1742 г.

27. Чистый Понедѣльникъ. Холодно и вѣтрено. Я ѣздилъ на Москву-рѣку покупать постные запасы; народу тамъ меньше прежняго; оттуда въ консисторскій архивъ, гдѣ въ холодѣ просидѣлъ за дѣлами часа полтора. Вечеромъ я занимался описаніемъ замѣчательныхъ зданій на Покровѣ. П. В. Шереметевскій совѣтоваль мнѣ описать церковь за Москв. Григорія Неокесарійскаго, замѣчательную по своей узорочной архитектурѣ.

29. Я ѣздилъ къ празднику св. Касіана въ Даниловъ монастырь, гдѣ служилъ молебень сему святому и слушалъ обѣдню, кончившуюся въ 3 часу. У архимандрита Іакова я познакомился съ помѣщикомъ Забѣлинымъ, прежнимъ моимъ товарищемъ по Университету.

Мартъ. 3. Къ поздней обѣднѣ ѣздилъ въ село Владыкино, гдѣ Богъ сподобилъ меня въ церкви Св. Михаила Архангела исповѣдываться у о. Василя и приобщиться Св. Тайнъ. Да будетъ сіе святое причащенье не въ осужденіе, но и въ исцѣленіе страждущей души моей!

8. П. П. Корниловъ мнѣ читалъ секр. описаніе причинъ, предшествовавшихъ 14 Декабря 1825 г.

9. П. П. Никифорову, отдалъ поправленное мною описаніе праздника по случаю 25-лѣтія губернаторства въ Пензенской г. Панчулидзева. Я у П. П. Никифорова обѣдалъ съ генераломъ Мальцовымъ, княземъ Кутушевымъ, Скопинымъ-Шуйскимъ и пр.

10. Поутру былъ у меня факторъ С. Н. Орловъ изъ полицейской типографіи и условился со мною за новое изданіе составленнаго мною Житія митроп. Платона и прибавленій заплатить мнѣ 225 р. с. Потомъ я ѣздилъ къ преосвященному Евгенію въ Донской м. Говорили о митроп. Платонѣ и его отцѣ, о встрѣчѣ перваго съ послѣднимъ въ Москвѣ, объ испугѣ сего и смерти, которая, повидимому, случилась прежде кончины его матери. Митроп. Платонъ очень былъ откровененъ и свободенъ въ объясненіи своемъ, иногда снисходилъ до шутки.

12. У. В. Е. Чертовой, встрѣтилъ М. И. Чеодаева. В. Е. просила меня написать наставленіе воспитанницамъ, готовящимся въ услуженіе, напомнить имъ о благочестіи, благодарности, терпѣніи, прилежаніи къ своей должности, объ удаленіи отъ соблазновъ.

44. Я ѣздилъ къ Козьмѣ Тер. Солдатенкову полюбоваться у него картинами Русскихъ художниковъ и предложилъ ему приобрѣсть собраніе Латинскихъ писателей для 1 гимназіи. Онъ хотѣлъ дать мнѣ отвѣтъ. Поговорилъ съ нимъ о разныхъ предметахъ и прочелъ ему начало прогудки своей по Покровѣ.

20. Съ барономъ Кене поѣхалъ къ митроп. Филарету объяснить ему касательно щитодержателей Россійскаго царственнаго герба, Архангеловъ Михаила и Гавріила. Онъ сказалъ, что «если существуетъ объ этомъ указъ Павла I, онъ согласенъ». Послѣ митрополита, веселый и довольный, рассказывалъ, какъ откупщикъ Кокоревъ привезъ въ Троицкую лавру на первой недѣлѣ въ Понедѣльникъ Великаго поста Севастопольскихъ офицеровъ пьяными и какъ 400 человекъ морскихъ солдатъ угощены были въ монашеской трапезѣ. Отъ митроп. Филарета мы про-

ѣхали въ Троицкій трактиръ, гдѣ насъ ждали къ обѣду А. и Н. Мартыновы и Рулье.

23. Ходилъ къ митроп. Филарету показать 1 л. корректуры Жизни митрополита Платона. Онъ, посмотрѣвъ этотъ листъ, благословилъ, но сказала, что теперь очень занятъ, а черезъ недѣли двѣ будетъ свободнѣе. Онъ разсказалъ мнѣ о вступленіи своемъ въ Троицкую лавру при ректорѣ Августинѣ, который экзаменовалъ его изъ логики и при преемникѣ Мельхиседекѣ. У послѣдняго онъ оканчивалъ философію, у перваго началъ богословію. Оттуда я прошелъ къ Н. В. Сушкову, у котораго слышалъ о смерти князя Львова, цензора, достигшаго сего мѣста разными изворотами послѣ публичнаго запрещенія, но не вступившаго на него. Путь Промысла. Покойникъ вредилъ мнѣ своимъ языкомъ.

27. Послалъ къ помощнику попечителя Московскаго Университета просьбу объ опредѣленіи меня цензоромъ на ваканцію. Отдаюся на волю Божию: какъ устроить, такъ и будетъ мнѣ во благо.

28. Я продолжалъ описаніе Жизни митрополита Платона; для повѣрки нѣкоторыхъ обстоятельствъ ея ѣздилъ къ протопопу Алексію Евдокимовичу, современнику Платона, у Вознесенія на Гороховомъ полѣ и отобралъ отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія.

29. Въ Успенскій соборъ, куда имѣлъ выходъ императоръ Александръ II во 2 часу попол. Его встрѣтилъ восторгъ народа, который ожидаетъ отъ него добра и правды, милости и суда. Онъ вступилъ въ южныя двери, гдѣ его встрѣтилъ митроп. Филаретъ привѣтствіемъ съ архіепископомъ Евгениемъ и викаріемъ Алексѣемъ. Изъ собора они его сопровождали въ Чудовъ м., его колыбель, гдѣ поднесъ митроп. Филаретъ ему икону Св. Алексія. Въ соборѣ я встрѣтился съ Шевыревымъ и Зерновымъ, который держалъ изъ пристрастія сторону Назимова. Былъ у духовника государева Василия Борисовича.

Апрѣль. 1. Заходилъ въ приходскую церковь отдать послѣдній долгъ сосѣду своему Петру Кузмичу Медовщикову, умерш. на 80 году.

5. Художнику Бѣлову, по просьбѣ Погодина, я далъ списать портретъ митрополита Евгенія и уступаю портретъ Арсенія Мацѣевича.

9. Я ходилъ въ Полицейскую типографію, гдѣ встрѣтилъ П. В. Хавскаго, который мнѣ сказалъ о слухѣ, что я буду цензоромъ. Съ И. Н. Аничковымъ я перечиталъ 3 л. Жизни митрополита Платона. Софьякину далъ 19 экз. описанія освященія церкви на Рогожскомъ кладбищѣ, а онъ за это подарилъ мнѣ 4 ф. восковыхъ свѣчъ своего завода.

10. Я приготовлялъ матеріалы для указателя пути въ Троицкую лавру.

11. Преждеосвященная обѣдня въ ц. Св. Николая Заяицкаго. Въ придѣлѣ ея находится большой поясной образъ Свят. Николая, благосло-

вляющаго двуперстнымъ сложеніемъ. Онъ принесенъ Заяицкими казаками, которыхъ подворье было близъ церкви; земля его отдана ими церкви подъ ея погостъ. Это урочище церкви названо отъ Заяицкихъ казаковъ. Заходилъ къ Т. Ѳ. Большакову у котораго встрѣтилъ Благово. Въ церковь Пр. Сергія близъ унив. типогр. я отвезъ полпуда деревяннаго масла, обѣщаннаго женою.

12. Богъ сподобилъ меня въ своемъ приходѣ приобщиться Св. Таинъ. Тамъ я узналъ о кончинѣ протопресвитера Василя Ивановича Заболотскаго-Платонова, умершаго вчера 11 Апрѣля въ 7 ч. вечера. Царство ему небесное! На Страстной недѣлѣ онъ вступилъ 1840 г. въ Успенскій соборъ и на Страстной умеръ.

14. Слушалъ обѣдню въ Крестовоздвиженскомъ м., гдѣ митроп. Филаретъ съ четырьмя архимандритами и 40 священниками отпѣвалъ протопресвитера Василя Ивановича, котораго тѣло проводили мы до мѣста его погребенія, Донского м., гдѣ встрѣтилъ его архіепископъ Евгеній.

15. Пріѣзжалъ Н. В. Сушковъ, отъ котораго услышалъ о смерти П. Я. Чаадаева, моего, по Московскому университету, товарища, умершаго въ Великую Суботу 14 Апрѣля.

18. Я ѣздилъ въ Басманную въ ц. Св. Петра и Павла на отпѣваніе Чаадаева и провожалъ его въ Донской м. Тамъ съ преосвященнымъ Евгеніемъ прочелъ 3 л. Жизни митрополита Платона. Москва-рѣка выступила изъ береговъ и залила оба берега, такъ что тамъ плавали на лодкахъ. Вода подступила къ самымъ стѣнамъ Кремля, разлилась до церкви Св. Космы и Даміана за малымъ Каменнымъ мостомъ и была лошади по брюхо. Преосв. Евгеній разсказалъ два анекдота изъ жизни митроп. Платона. Однажды въ Троицкой лаврѣ монахъ принесъ ему кусокъ чернаго заплѣсневллага хлѣба съ жалобою, что кормятъ ихъ такимъ хлѣбомъ. Митрополитъ, взявъ этотъ кусокъ, сталъ его ѣсть, между тѣмъ завелъ разговоръ съ монахомъ и когда съѣлъ, то спросилъ, какъ будто забывши, съ чѣмъ онъ пришелъ къ нему. «Жаловаться на дурной хлѣбъ», отвѣчалъ.— «Да гдѣ же онъ?» спросилъ митрополитъ. «Вы его изволили скушать».— «Ну, поди и ты сдѣлай тоже, чѣдъ я», сказалъ ему спокойно митрополитъ. Урокъ терпѣнію монашескому; примѣръ пр. Сергія, выработавшаго себѣ кусокъ заплѣсневллага хлѣба. Вотъ другой урокъ смиренію. За обѣдней въ Виѳаніи Платонъ стоялъ на клиросѣ, читалъ и пѣлъ за дьячка. Наступило время малого выхода; причетника, которому слѣдовало выносить свѣчу, тутъ не случилось. Митрополитъ оглянулся и, увидѣвъ за клиросомъ какого-то монаха, велѣлъ вынести ему свѣчу предъ Евангеліемъ, но тотъ, поклонясь ему, сказалъ, что онъ іеромонахъ. «Извини пожалуйста», отвѣчалъ ему митрополитъ, самъ взявъ свѣчу и пошелъ съ нею предъ діакономъ.

20. Къ намъ заѣзжалъ архіепископъ Евгеній поздравить насъ съ праздникомъ и благословить. Я съ женою его принялъ. Онъ предсказывалъ благополучную поремѣну въ дѣлахъ. Въ то самое время, какъ я собирался на званый обѣдъ къ К. В. Прохорову, отъ г. Мясоѣдова и Сорокина явился посланный пригласить меня въ Измайловскую военную богадѣльню на обѣдъ по случаю приглашеннаго туда чрезвычайнаго Персидскаго посла Миръ-Пендже-Сейфъ-Уль-Мульефъ-Абаса-Кули-Хана.

21. По просьбѣ начальствующихъ надъ Измайловской военной богадѣльней я написалъ статью о *посыщеніи посла* и прочелъ ее А. И. Мясоѣдову и его женѣ, которые ее одобрили и хвалили.

25. Ко мнѣ пріѣзжалъ генераль артил. Николай Герасимовичъ Поповъ. Жена пригласила квартальнаго и просила наказать кучера В. и лакея М.

26. Съ 4 л. Жизни митрополита Платона ѣздилъ въ Донской м. къ преосвященному Евгенію, но нашелъ послѣ бани нерасположеннымъ. Онъ благословилъ меня просфорою. Отъ него я заѣхалъ къ протоіерею С. Г. Терновскому, но нашелъ его спящимъ, завернулъ въ Толмачи къ священнику Нечаеву, у коего встрѣтился съ А. А. Мединцевымъ, который пригласилъ меня къ себѣ въ Сокольники на дачу. Тамъ я нашелъ П. В. Шереметевскаго, съ коимъ прочелъ начало Московскихъ урочищъ, потолковали о томъ и о семъ и ужинали съ С. Третьяковымъ.

27. Былъ г. Золотовъ, который рассказывалъ о злоупотребленіяхъ на Кавказѣ при к. Воронцовѣ, который развращалъ народъ и всѣхъ обманывалъ своимъ лицемѣріемъ.

30. Утромъ я продолжалъ Путеводитель въ Троицкую Лавру, окончилъ Житіе преп. Сергія, ѣздилъ въ Новоспасскій м. помянуть друга и кума моего Якова Евграфовича Арсеньева, засталъ тамъ обѣдню и отслужилъ панихиду на его могилѣ, поклонился праху моихъ родныхъ бабушки, тетушекъ и дядюшекъ, моихъ благопріятелей и вознесъ молитву объ упокоеніи ихъ въ блаженной вѣчности; на дорогѣ у Спасскихъ казармъ видѣлъ тѣло убитой дѣвки, лежащее у рѣшетки палисаднака.

Май. 1. Я занимался составленіемъ указателя или Путеводителя въ Троицкую Лавру; съ Н. В. Сушковымъ, его тещей и племянницей отправился въ Лавру, куда пріѣхали вечеромъ. Дорогой я осматривалъ развалины Братовщинскаго путевого дворца на Западной сторонѣ.

2. Показывалъ К. Θ. Тютчевой достопамятности Троицкой Лавры. Послѣ обѣда ѣздили въ скитъ въ Виоанію, гдѣ я вписалъ за здравіе въ книгу себя, жену и дѣтей; за cadaго вносятъ по 30 к. с. Вечеромъ я посѣтилъ ректора Евгенія.

3. Заутреню слушалъ въ Троицкомъ соборѣ, стоя и разговаривая съ намѣстникомъ Антоіемъ, а раннюю въ ц. Преп. Никона. О. Иринеѣ принесъ ко мнѣ заздравную просфору. Кофе я пилъ и молоко у княжны Циціановой. По осмотрѣ ризницы и послѣ обѣда отправились въ Москву, куда пріѣхали въ 10 ч. ночи.

6. Нездоровый я ѣздилъ на Лазарево кладбище помянуть свою матушку, скончавшуюся въ этотъ день, оттуда къ сосѣдкѣ Медовщицкой на поминки ея мужа, потомъ къ зятю. Съ нимъ, его и мою женою, мадмуазель Шольцъ и Балкевичемъ мы ѣздили къ И. Я. Ковалевскому на Мамоновскую дачу; осматривали оранжереи и восхищались съ балкона великолѣпнымъ видомъ Москвы.

7. Въ 10-мъ часу прибылъ въ Москву Государь, встрѣченный народомъ съ восторгомъ. На восклицанія его онъ отвѣчалъ: «здравствуйте, родимые». Въ 11 часовъ онъ отправился въ Варшаву. Встрѣтившійся со мною Сопѣлкинъ сказывалъ, что Государь прислалъ на Рогожское кладбище икону Святителя Николая, которую привезетъ архіерей или архимандритъ завтра, и священники единовѣрческой церкви будутъ съ хоругвями и крестами ее принимать. Онъ звалъ меня на это торжество. У Синодальнаго ризничаго Саввы я встрѣтилъ архимандритовъ Леонида и Игнатія. Разговоръ былъ о Назимовѣ.

12. Получили изъ С.-Петербурга извѣстіе отъ Овандера, что мой Андрей выдержалъ экзаменъ на юнкера артиллеріи и что онъ нездоровъ лихорадкой, захватилъ въ Полиц. типографію. Поутру я ѣздилъ къ А. А. Мартынову и г. Пако, потомъ къ А. Ѡ. Вельтману, былъ у Н. Я. Богославскаго.

13. Въ туманную погоду и дождичекъ я ѣздилъ въ Измайлово къ обѣднѣ, гдѣ встрѣтилъ А. И. Мясоѣдова съ женою, дочерью и племянниками, генерала Толмачева и Н. Г. Рюмина. Послѣ обѣдни осматривали богадѣльню и завтракали. Оттуда я завернулъ къ Сопѣлкину, который рассказалъ, какъ въ этотъ же день утромъ привезъ митроп. Филаретъ отъ Наслѣдника престола икону Святителя Николая въ единовѣрческую церковь на Рогожскомъ кладбищѣ, гдѣ раскольники заперли свою часовню и попрятались. Колокольня тамъ сгорѣла или сожжена на Николинъ день, но успѣли колокола съ нея повѣсить на столбахъ и звонить.

26. Я ѣздилъ къ новому попечителю Московскаго Университета Евграфу Петровичу Ковалевскому, у котораго нашелъ Иноземцева, инспектора студентовъ Веселаго, инспектора гимназіи. Онъ привѣтствовалъ меня. «Вы теперь въ отставкѣ», сказалъ онъ. Я отвѣчалъ: «Но другой годъ не получаю пенсіи». — Онъ: «у васъ чистый аттестатъ». Я: «какъ моя совѣсть».

28. Съ К. М. Романовскимъ я ѣздилъ на отпѣваніе и похороны стараго товарища Петра Иларіоновича Страхова, котораго отпѣвали въ ц. Св. Николая на Ваганьковѣ; первенствовалъ въ служеніи университетскій протоіерей П. М. Терновскій. Тамъ были многіе профессора Московскаго Университета, которые и несли его гробъ: ректоръ Альфонскій, профессора Зерновъ, Спасскій, Щуровскій, Крыловъ, Анке, Рулье, Глѣбовъ, Гейманъ и пр. Похоронили на Ваганьковѣ кладбищѣ, гдѣ и помянули его за столомъ заупокойнымъ.

29. Утромъ я прочелъ корректуру приложеній къ Жизни митрополита Платона. Въ Опекунскомъ Совѣтѣ взялъ квитанцію въ 400 р. с., внесенныхъ за Подчерное; навѣститъ кн. С. Н. Долгорукова.

30. Зашелъ къ П. П. Никифорову, который, взявъ экз. Печалей Сушкова, бросилъ ихъ за окошко и заплатилъ 3 р. с. Надобно ему бросить его деньги и взять книгу. Я обѣдалъ у Н. В. Сушкова.

31. Я ходилъ пѣшкомъ на Убогіе дома въ Семикъ и служилъ молебень Св. Іоанну Воину и панихиду по убогихъ въ дождь; потомъ ѣздилъ въ Донской м. къ архіепископу Евгенію, у котораго встрѣтилъ Саратовскаго епископа Іоанникія, ѣдущаго изъ Новгорода въ свою епархію. Онъ сказывалъ о конкордатѣ императора Николая съ Папою, по коему учреждалось въ Россіи 7 Римско-католическихъ епархій, одинъ архіепископъ и шесть епископовъ. Это сдѣлали мимо Синода. Пустили семь козловъ въ православный огородъ. Мы втроемъ обѣдали. Послѣ обѣда я заѣхалъ къ протоіерею С. Г. Терновскому и съ нимъ читалъ одинъ листъ Жизни митрополита Платона.

Іюнь. 7. Я ѣздилъ въ комендантскую, къ зятю. Вечеру была у насъ Анета съ Машей и Луизой. Онѣ поѣхали въ Эрмитажъ.

8. Былъ у меня г. Горяиновъ, который совѣтовался со мной касательно описанія Кремлевскихъ достопамятностей и взялъ у меня Памятники Московскихъ Древностей и Указатель Захарова.

12. Проѣхалъ въ Донской м. къ архіепископу Евгенію, съ которымъ я прочелъ 2 листъ 2 ч. Жизни митрополита Платона. Онъ много вспоминалъ о жизни и характерѣ митрополита Платона и открылъ причину, почему митрополитъ Филаретъ не любитъ своего благодѣтеля. Чтеніе наше продолжалось около трехъ часовъ и кончилось въ вечерни.

15. У ранней обѣдни я былъ въ своемъ приходѣ и далъ богадѣленкамъ на поминованіе отца моего чаю $\frac{1}{4}$ ф., сахару 1 ф. и калачей.

16. Поутру я ходилъ къ заутренѣ въ свою приходскую церковь по случаю памяти по родителямъ моимъ, скончавшемся въ этотъ день; потомъ поѣхалъ на Лазарево кладбище, гдѣ отпѣлъ на могилѣ отца панихиду. Весь могильный камень усыпанъ былъ дикими розами. Оттуда

въ село Покровское-Глѣбово къ Мартынову и Пако по дѣламъ, но не засталъ ни того, ни другаго, къ Е. П. Ковалевскому, который принялъ дружелюбно и поговорилъ со мною о моемъ дѣлѣ съ участіемъ, называя поступокъ Назимова несправедливымъ и обиднымъ. Е. П. извинился, что до сихъ поръ не былъ у меня.

17. Рано утромъ я ѣздилъ съ С. Н. Орловымъ въ Царицыно, гдѣ слушали обѣдню. Священникъ тамошній Некрасовъ засталъ еще митроп. Платона и много рассказывалъ про него, между прочимъ анекдотъ съ Хотьковскою игуменьею. Была Пасха; подали на столъ куличъ съ пасхою и яйцами. Платонъ сказалъ игуменьѣ: «Мать-старица, подвигайся къ яйцамъ!»—«Владыка святой», отвѣчала игуменья, «я не осужу и на кончикѣ посижу». Платонъ не любилъ доносовъ, защищалъ честь духовенства, болѣе искалъ хорошей, чѣмъ дурной, стороны въ людяхъ.

18. Съ А. А. Мартыновымъ я ѣздилъ въ Останкино, гдѣ осматривали тамъ узорочную пятиглавую церковь съ двумя придѣлами, коихъ квадраты съ главами возвышаются надъ двумя полукружіями алтаря, сѣверномъ и южномъ. Два крыльца съ Сѣвера и Юга крытыя ведутъ въ храмъ, а съ Запада третій входъ подъ колокольнею. Церковь въ два яруса, верхній въ два свѣта. Вишнія стѣны ея, окна и двери отличаются разнообразными орнаментами и деталями, всѣ изъ блага камня, искусно высѣченными. Вычурность и роскошь въ украшеніяхъ. На главахъ кресты разные: на средней четвероконечный безъ полумѣсяца, а на прочихъ съ полумѣсяцемъ; всѣхъ главъ семь. Церковь сія освящена Адрианомъ патріархомъ. Мы съ Подклюшниковымъ зашли къ А. Муравьеву, у котораго нашли гостей.

23. Ходилъ въ полицейскую типографію и въ крестный ходъ, зашелъ поздравить графиню Закревскую съ именинами и заплатилъ за 6 сорочекъ В. С. Лебедевой; ей какой-то знахарь пророчилъ, что я проживу 85 лѣтъ.

25. Былъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ началъ списывать надпись на ракъ Св. Іоны митрополита, потомъ въ Казенной Палатѣ на счетъ своей пенсіи. Давши по указу, взыскивають назадъ около 500 р. с. Русскій даръ.

26. Я ходилъ пѣшкомъ къ празднику Тихвинскія Богородицы въ Алексѣевскій м., оттуда къ А. А. Медынцеву на дачу.

27. Я ходилъ въ полицейскую типографію и въ Казенную Палату, потомъ въ Донской м., гдѣ съ преосвященнымъ Евгениемъ прочелъ окончаніе Жизни митрополита Платона, осматривалъ поновленіе собора Клаудіевой стѣнописи Козловымъ; оттуда пѣшкомъ въ Казенную Палату для расчета пенсіи. Пришло мнѣ извѣстіе изъ канцеляріи Капитула

Орденъ о назначеніи мнѣ пенсіона 90 р. с. въ годъ по ордену Св. Анны 3 ст.

28. Я ходилъ къ священнику Введенія на Лубянкѣ прочесть съ нимъ описаніе нравственныхъ и умственныхъ качествъ митрополита Платона и ходилъ съ нимъ къ купцу Медвѣдеву посмотрѣть вѣрный портретъ митрополита Платона и мѣсто погребенія Годуновыхъ въ церкви Варсонофьевской на лѣвой сторонѣ въ нижней церкви. Оттуда я проѣхалъ въ Казенную Палату, гдѣ взялъ причитающуюся мнѣ пенсію 1007 р. с.

29. Въ церкви Св. Николая Подкопаева, гдѣ молебень св. мощамъ отправлялъ преосвященный Никаноръ, который, подобно старостѣ церковному, далъ мнѣ просфору. Потомъ я съ ними осматривалъ церковь и надгробные камни, изъ коихъ одинъ 1600 г. Кушниковъ младенца. Эта церковь на Кулижкахъ. Камни надгробные составляютъ ея лѣтопись.

Іюль. 2. Я ѣздилъ къ обѣднѣ въ Дедеденово, въ новый женскій м. на праздникъ Влахерскія Богородицы, обѣдалъ у Г. П. Головина съ его сестрами.

3. Съ Андреемъ я обѣдалъ у сосѣда Благова и осматривалъ его собраніе рѣдкостей.

4. День ангела моего Андрея. Съ нимъ я ѣздилъ къ обѣднѣ въ Языково и служили тамъ молебны св. Андрею Критскому и Святителю Николаю.

5. Съ Богомъ мы выѣхали изъ Сокольниковъ. Я впередъ пошелъ къ обѣднѣ въ Горки, куда пріѣхалъ Андрей. Въ Катюхѣ мы встрѣтились съ Благово, который угощалъ насъ обѣдомъ. Вечеромъ прибыли благополучно въ Москву.

7. Я ѣздилъ на почту отдать для пересылки въ канцелярію Капитула Орденъ документъ о пожалованіи меня въ 1821 г. кавалеромъ ордена Св. Анны 3 ст. съ просьбою о переводѣ пенсіи моей на этотъ орденъ въ Московскую Казенную Палату. Утромъ часу въ 9-мъ пріѣхалъ изъ Троицкой лавры митроп. Филаретъ.

9. Безъ меня пріѣзжали ко мнѣ попечитель Московскаго университета Ковалевскій, послѣ обѣда г. Сопѣлкинъ, увѣдомившій меня, что на Рогожскомъ кладбищѣ въ часовняхъ алтари, по высочайшему повелѣнію, запечатаны.

14. Въ Сѣверной Пчелѣ 1856 г. № 98. Письмо изъ Пензы, сказано, что 4 врага Россіи внутренніе: 1) лезть, сопровождаемая ложью и обманомъ, 2) корысть при четырехъ своихъ неизмѣнныхъ спутникахъ, невѣжество, пронырствѣ, воровствѣ и грабительствѣ, 3) невѣдѣніе на-

часть Русскихъ, подкрѣпляемое остроуміемъ на Французскомъ языкѣ, стремящееся нашъ порядокъ жизни, основанный на неизмѣнныхъ нашихъ Русскихъ началахъ, замѣнить иностраннымъ порядкомъ, несогласнымъ съ условіями нашей жизни, и 4) себялюбіе, цвѣтущее нетерпимостью, ложною филантропіей, равнодушіемъ, праздною и ничтожною. И. Сабурова.

Въ Богородскѣ къ Н. И. Крылову. Тамъ новый цензоръ Гиляровъ былъ причиною пожара 28 домовъ. У Крылова встрѣтилъ я профессора Щуровскаго; читалъ первому характеристику митроп. Платона.

28. Я ѣздилъ на Дорогомиловское кладбище для поминаенія жены двоюроднаго брата моего А. А. Озерцовскаго, гдѣ встрѣтился съ П. М. Логиновымъ и его сыномъ. Послѣ заупокойной обѣдни былъ въ гостиницѣ обѣдъ. Мы осмотрѣли деревянную церковь Св. Елисаветы, построенную въ 1772 г., и могилу Бородинскихъ воиновъ. Оттуда я проѣхалъ въ Новодѣвичій м. и навѣстилъ Н. П. Иракліонову, потомъ ко всенощной въ Никитскій монастырь.

Августъ. 1. Я былъ въ крестномъ ходу, который слѣдовалъ изъ Чудова м. на Москву. Шелъ митроп. Филаретъ. Я обѣдалъ у К. М. Романовскаго.

2. Я ходилъ къ обѣднѣ въ ц. Владимирскія Богородицы, отсюда къ празднику Василія Блаженнаго, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ; зашелъ къ барону Кене.

3. Я послалъ на почту письмо къ А. И. Философову со вложеніемъ кофиденц. письма министра А. С. Н., видѣлся съ преосвященнымъ Иннокентіемъ въ Златоустовѣ м. и тамъ съ П. Н. Титовымъ слушалъ обѣдню; встрѣтился съ епископомъ Костромскимъ Филоеемъ и принялъ отъ него благословеніе и лобзаніе.

5. Проѣхалъ въ Златоустинскій м. къ преосвященному Иннокентію, у котораго засталъ архіепископа Рязанскаго Гавріила и А. Д. Бороздина; наконецъ пріѣхали къ нему преосвященные Евгенийъ Казанцевъ и Θεодотій Симбирскій.

6. Я ѣздилъ, по приглашенію А. И. Лобкова, въ село Преображенское на праздникъ Преображенскаго лейбъ-гвардіи полка, существующаго 167 л.; здѣсь его колыбель. Обѣдню и молебень слушали въ приходской ц. Преображенія; служилъ соборнѣ полковой протоіерей, пѣли Преображенскаго полка пѣвчіе. Солдаты стояли въ церкви и вокругъ нея. Народу собралось вокругъ нихъ множество. Послѣ обѣдни и молебна генералы и штабъ и оберъ-офицеры отправились въ садъ Котовыхъ, гдѣ въ аллеяхъ накрыты были столы на 3600 человекъ солдатъ. Купанье было сытное и обильное, вино и пиво. Графъ Закревскій поздравилъ съ

праздникомъ воиновъ и выпить за здоровье Государя, Государыни и всего августѣйшаго дома простымъ пѣнникомъ. Солдаты привѣтствовали восклицаніемъ ура и повторили тостъ при громѣ музыки полковой. Въ павильонѣ садовомъ приготовленъ былъ столъ на 180 человекъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и почетныхъ посѣтителей. Угощали учредители сего праздника: Лобковъ, Сорокинъ, Буркинъ, Котовъ и пр. Солдатамъ роздано по 1 р. с. Первыми командирами Преображенскаго полка были Автономъ Головинъ и Менгденъ, а первымъ солдатомъ Бухвостовъ. Оттуда я проѣхалъ обѣдать къ А. А. Медынцеву, гдѣ провелъ время довольно весело.

7. Былъ у меня преосвященный Иннокентій Одесскій и просилъ меня поѣздить съ нимъ по Москвѣ для обозрѣнія ея достопамятностей. Я ему прочелъ окончаніе Жизни митрополита Платона. Онъ его благословилъ

8. Я ѣздилъ къ И. Н. Аничкову; не заставъ его, завернулъ къ А. А. Мартынову, потомъ въ Кремль, гдѣ видѣлъ, какъ везли въ придворныхъ каретахъ регалии въ сопровожденіи кирасировъ. Я видѣлся съ г. Кене, зашелъ къ графу Адлербергу и къ В. И. Панаеву, у котораго встрѣтился съ А. А. Горяиновымъ. Вечеру отдалъ остальную тетрадь Описанія Московскаго Успенскаго собора, а въ типографію Готье конецъ Путеводителя въ Троицко-Сергіевскую лавру.

9. Проѣхалъ въ Новоспасскій м. къ митрополиту Никанору, который принялъ меня ласково и сказывалъ, что былъ постриженъ преосвященнымъ Евгеніемъ Казанцевымъ въ монахи, посвященъ въ іеродіаконны митроп. Платономъ, а въ іеромонахи преосвященнымъ Августиномъ. Митрополитъ зазвалъ меня вечеромъ къ себѣ и общалъ заѣхать ко мнѣ. Я отслужилъ панихиду на могилѣ друга моего Я. Е. Арсеньева, скончавшагося въ этотъ день; при выѣздѣ встрѣтилъ г. Сопѣлкина, которому отдалъ 40 экз. моей статьи о внесеніи иконы Святи Николая въ церковь единовѣрческую отъ наслѣдника Николая Александровича.

10. Въ дождь я ѣздилъ въ полицейскую типографію и во дворецъ къ А. И. Философову, которому я говорилъ о своемъ дѣлѣ. Онъ общалъ похлопотать. Съ Кене я смотрѣлъ работы во дворцѣ.

11. Поутру я ѣздилъ къ Великимъ Князьямъ Николаю Николаевичу и Михаилу Николаевичу, но ихъ не засталъ, записался у нихъ; слушалъ обѣдню въ Чудовѣ м., былъ у государева духовника В. Б., въ полицейской типографіи, гдѣ прочелъ корректуру Указателя Москвы.

12. Поутру я заѣхалъ къ ранней обѣднѣ въ Рождественскій монастырь, гдѣ получилъ антидоръ и просфору, оттуда къ Великому Князю Михаилу Николаевичу, который ласково меня принялъ, пожалъ мнѣ руку,

спрашивалъ о здоровьѣ, о занятіяхъ, объ Андрѣѣ. Тамъ я встрѣтилъ А. И. Философова и барона Корфа. Обѣдно я слушалъ въ Никитскомъ м., навѣстилъ Бодянскаго, обѣдалъ у Н. В. Сушкова, которому отдалъ за 2 экз. его книжки 2 р. с., былъ у М. С. Щенкина. Вечеромъ былъ у меня П. И. Кеппенъ съ сыномъ, ѣдетъ въ Троицкую лавру. Я ему далъ книжки: Описаніе Троицкой лавры и Мѣсяцесловъ.

13. Съ С. Орловымъ въ канцелярію министра двора. Я тамъ видѣлъ В. И. Панаева, котораго я просилъ о перепечатаніи помѣщеннаго въ Полицейской газетѣ церемоніала. Онъ хотѣлъ объ этомъ доложить министру. Я сказалъ В. Иванову, что за мои труды награждаютъ другихъ; пора обратить вниманіе и на меня: моя очередь пришла. «Надобно найти случай», отвѣчалъ онъ. Хорошо. Откуда я поѣхалъ въ Москворѣцкія бани, гдѣ вспомнилъ Требникъ, о коемъ было забыть. Я заѣхалъ записаться къ графу Блудову, встрѣтился съ его дочерью и поздравилъ ее съ пріѣздомъ.

14. По справкѣ съ особыми положеніями о пенсіяхъ нашли, что прибавочная пенсія мнѣ неотмѣнно слѣдуетъ и при полной пенсіи.

17. Я съ женой ѣздилъ смотрѣть на Тверской торжественный въѣздъ въ Москву Государя Императора Александра II съ супругою и матерью, съ братьями Константиномъ, Николаемъ и Михаиломъ и пр. Государь ѣхалъ верхомъ, а Государыни въ золотыхъ каретахъ. Шествіе было великолѣпное, гдѣ смѣшаны были разныя племена; множество войскъ. Шествіе началось изъ Петровскаго дворца въ 4 часа пополудни и продолжалось около часу. На вечерѣ у Сушкова, видѣлся съ графинею Ростопчиной, княземъ П. А. Вяземскимъ и Свербѣевымъ.

19. Въ Донской м. на праздникъ, гдѣ служили митрополитъ Новгородскій Никаноръ съ епископомъ Симбирскимъ Θεодотіемъ; обѣдно слушали архіепископы Григорій, Василій, Арсеній, епископъ Филоеѣй, оберъ-священникъ Василій Кутневичъ. Я свидѣлся въ церкви съ В. И. Панаевымъ и А. А. Горяиновымъ. Всѣ они обѣдали у преосвященнаго Евгенія, гдѣ я встрѣтился съ Д. М. Антонскимъ и Кашинцовымъ. Архіепископъ Варшавскій Арсеній съ уваженіемъ и любовію отозвался о моихъ трудахъ. Митрополитъ оказалъ мнѣ особое вниманіе.

21. Переписавъ просьбу на высочайшее имя о снятіи съ меня взыскаія за 12 л. 5050 р. с. и выдачѣ мнѣ за два переслуженныхъ года пенсіи послѣ 25 л., я возилъ ее показать А. И. Философову, который, прочитавъ ее со вниманіемъ и участіемъ, совѣтовалъ подать ее въ Останкинѣ Государю Императору, что я исполнилъ и съ Богомъ подалъ чрезъ флигель-адъютанта. Изъ С.-Петербурга пріѣхалъ ко мнѣ Н. С. Самойловъ и остановился у меня. Къ преосвященному Иннокентію, у котораго при мнѣ посидѣлъ и поговорилъ графъ Блудовъ, кото-

рый рассказывалъ разные анекдоты о принцессѣ Таракановой, похищенной графомъ Орловымъ изъ Ливорно и умершей отъ чахотки (это подставная самозванка), о пѣніи вѣчной памяти вмѣсто многолѣтія императору Николаю I въ недѣлю Православія не задолго до его смерти. Преосвященный хвалилъ мои труды и одобрилъ сочиненіе объ урочищахъ Москвы и о лубочныхъ картинкахъ. Я взялъ у него на память карандашъ.

22. Въ дворцовой конторѣ получивъ два билета на мѣста въ Кремль, отправился въ Андрониковъ м. къ архіепископу Полоцкому Василию и къ архимандриту Платону, оттуда къ А. И. Лобкову обѣдать. Утромъ я сдѣлалъ визиты Алексію Ефремовичу Кисловскому, графу Панину и М. И. Топильскому, который меня очень ласково принялъ, спрашивалъ обо мнѣ и обѣщалъ содѣйствовать мнѣ въ моемъ дѣлѣ о пенсіи. Разрывать связь съ прошедшимъ есть отречься отъ самого себя.

23. Ходилъ съ Н. С. Самойловымъ смотрѣть золотыя и серебряныя блюда разныхъ губерній для поднесенія Государю хлѣба и соли.

24. Я отвезъ записку объ ученыхъ трудахъ своихъ къ В. И. Панаеву, который хотѣлъ мнѣ порадовать и попросить графа Адлерберга. Если издатель сочиненія заслуживаетъ награду, то тѣмъ болѣе сочинитель. Я заѣзжалъ въ типографіи Готье и Семена поторопить печатаніе моихъ книгъ. Оттуда я проѣхалъ въ Даниловъ м. съ визитомъ къ Варшавскому архіепископу Арсенію и архимандриту Іакову, не засталъ ихъ, но засталъ обѣдню, которую и отстоялъ; осмотрѣлъ въ исподней церкви мѣсто, гдѣ были погребены мощи благовѣрнаго князя Данила и прочелъ надпись на камнѣ. Это на сѣверной сторонѣ въ стѣнѣ придѣла.

26. Жена моя съ дочерью, а Луиза Гвид. съ Н. С. Самойловымъ отправились въ Кремль часу въ 6-мъ утра. Я туда пришелъ пѣшкомъ и едва протѣснился, при помощи кума-квартильного, на площадь у Успенскаго собора, гдѣ видѣлся со многими знакомыми. Кремль биткомъ набитъ народомъ на мѣстахъ, на площадяхъ, на улицахъ, на крышахъ и въ окнахъ, на заборахъ. Сюда собрались, кажется, всѣ племена Россіи и Европы и Азіи. Великолѣпныя кареты иностранныхъ посланниковъ тѣснили народъ, а жандармы давили его лошадьми. Въ черни замѣтны порывы буйства, вѣрно, отъ распространеннаго злонамѣренными слуха, будто новый царь дастъ свободу крестьянамъ. Горе Россіи, если она отыметъ у себя самой эту опору и разъединитъ связанное вѣками и взаимными выгодами. При шествіи въ соборъ царя народъ мало кричалъ ура; но по выходѣ его, коронованнаго и помазаннаго, кажется, весь Кремль кричалъ ура. Шествіе было блистательное и торжественное.

Погода соотвѣтствовала ему, какъ бы предвѣстіе благополучнаго и свѣтлаго царствованія, какое необходимо для Россіи, потрясенной войною и разными бѣдствіями. Я осмотрѣлъ убранство собора.

28. Поутру я ѣздилъ на Остоженку помолиться Спасителю и къ Дмитрію Александровичу Ровинскому посмотреть его собранія дубочныхъ картинокъ и сличить ихъ съ своимъ сочиненіемъ; нашелъ у него мнѣ неизвѣстныя. Отъ него проѣхалъ я къ министру Норову и товарищу его князю Вяземскому, но не засталъ ихъ. На дорогѣ попался мнѣ П. П. Корниловъ въ полномъ мундирѣ; по просьбѣ его, далъ ему своихъ лошадей доѣхать до квартиры, а самъ подождалъ въ книжной лавкѣ; заѣхалъ къ М. И. Топильскому отдать ему свои сочиненія для графа Панина, по его желанію: Русскую Старину ч. I, Памятники Московскихъ Древностей 5 тетр. и Русскія Древности ч. 1 съ моими замѣчаніями. Я читалъ ему поданную мною просьбу Государю. Отъ него заѣхалъ по дорогѣ къ г. Шольцу Василію Богдан. и къ митроп. Филарету. вмѣсто 26-го крестный ходъ былъ 28-го Августа по случаю коронаціи. У меня былъ архіепископъ Полтавскій Василій.

31. Поутру я ѣздилъ во дворецъ къ В. Д. Олсуфьеву, къ А. И. Философову и къ фрейлинѣ А. Ѳ. Тютчевой, потомъ въ Казенную Палату, къ А. А. Мартынову, къ преосвященному Иннокентію и къ А. И. Лобкову; съ первымъ поговорилъ, а второго не засталъ. Преосвященный Иннокентій замѣтилъ, что холера въ Малороссіи называется *соничница* отъ солнца, бываетъ обыкновенно во время жаровъ и начинается болью, гдѣ *plectus solaris*. Сближеніе.

Сентябрь. 1. Заутреню въ Новый Годъ я слушалъ въ своемъ приходѣ, а раннюю обѣдню у Св. Адріана и Наталіи, гдѣ раздавали жетоны. Церковь была биткомъ набита народомъ. Я едва, при помощи квартальнаго и жандарма, вышелъ. Черезъ князя Одоевскаго я получилъ приглашеніе отъ Великой Княгини Маріи Павловны во дворецъ завтра.

2. Ѣздилъ поздравить оберъ-полицмейстера съ орденомъ Св. Станислава 1 ст. и во дворецъ къ кн. Одоевскому, который представилъ меня къ В. Кн. Маріи Павловнѣ по ея желанію. Она мнѣ сказала, что читала мои сочиненія и весьма рада меня видѣть, не хотѣла выѣхать изъ Москвы не издавши меня; просила доставить ей мои сочиненія и звала меня къ себѣ, просила меня продолжать мои любопытные труды, кои она признаетъ свидѣтельствомъ моей любви къ отечеству. Я сказалъ, что высокое вниманіе ея высочества къ моимъ трудамъ принимаю какъ лучшую для себя награду и поощреніе, а день этотъ счастливымъ и незабвеннымъ въ жизни моей. У князя Одоевскаго я встрѣтился съ С. В. Перфильевымъ, котораго поздравилъ съ орденомъ Св. Александра

Невскаго; оттуда въ Златоустовскій м. къ преосвященному Иннокентію, котораго не засталъ дома: онъ уѣхалъ въ Донской м. У меня обѣдали П. Н. Титовъ и Бахметевъ. Послѣ обѣда были архіепископъ Иннокентій и духовникъ государевъ Василій Бажановъ, члены Синода. Записку о себѣ для князя Вяземскаго я послалъ къ Н. В. С.

3. Я ѣздилъ къ Ѳедору Алексѣевичу Кони въ домъ Ускова. Съ нимъ и женою его я провелъ нѣсколько занимательныхъ часовъ и завтракалъ. Умная жена Кони Ирина рассказывала про Шихматову жену, какъ она чудачить въ церкви министерства, какъ посылаетъ поцѣлуи образамъ. Комедія! Отъ Кони, коему я отдалъ письмо о. Анастасія изъ Симферополя, проѣхалъ къ Мартынову, потомъ къ Н. В. Сушкову и у него обѣдалъ съ т. с. Беклешовымъ. Безъ меня былъ у меня Варшавскій архіепископъ Арсеній, при мнѣ гг. Сопѣлкинъ и Вавильевъ кварт., принесшій жетонъ мнѣ.

4. Отъ Турецкаго посланника я получилъ визитный билетъ и сдѣлалъ ему визитъ; былъ на Рогожскомъ кладбищѣ, куда пріѣзжалъ Наслѣдникъ Вел. Кн. Николай Александровичъ съ братьями Владимиромъ и Алексіемъ. Ихъ сопровождалъ духовникъ Василій Борисовичъ. Два попа и діаконъ встрѣтили съ крестомъ и съ св. иконою Николая Чудотворца, принесенною въ даръ церкви Наслѣдникомъ. По вступленіи въ церковь совершено было молебствіе, заключенное многолѣтіемъ всему августѣйшему царствующему дому. Великому Князю Николаю Александровичу поднесена была св. икона Владимирскія Божія Матери. Опъ спрашивалъ о церкви прихожанъ, особенно старосту церковнаго; потомъ отправился съ иконою въ рукъ. Колокольный звонъ встрѣчалъ его и провожалъ. Раскольники стояли вдали у часовни своей. До поѣздки своей на Рогожское кладбище я былъ у преосвященнаго Иннокентія. Я читалъ ему введеніе въ *Московскія урочища*, которое онъ одобрилъ и благословилъ, находя это весьма полезнымъ для отечественной исторіи и топографіи. Такого же мнѣнія былъ и генералъ Висковатовъ, который посѣтилъ меня вечеромъ послѣ Н. А. Мартынова, который привезъ мнѣ 1 экз. моего Описанія Московскаго Успенскаго собора.

5. Ѣздилъ къ В. И. Панаеву напомнить ему о моей запискѣ касательно изданія моихъ трудовъ. Обѣщалъ стараться и сказать болѣе, чѣмъ я сказалъ о себѣ. Въ канцеляріи министра двора я нашелъ внука тетки моей М. И. Никоновой тит. сов. Владимира Александровича; отвезъ Описаніе Московскаго Успенскаго собора И. А. Смирнову, который меня потчевалъ, а помощникъ его Ѳ. А. Шапошниковъ кланялся въ ноги и цѣловалъ мнѣ руки.

6. Дважды у меня былъ отъ графа В. Н. Панина М. И. Топильскій съ порученіемъ показать мнѣ два тѣльника сер. и спросить, въ какомъ

монастырь содержалась Салтычиха. Въмѣсто отвѣта я далъ ему описаніе Ивановскаго монастыря въ III кн. Русской Старины и самое дѣло о Салтыковой 1762 г. Дарья Салтыкова сидѣла подъ сводами въ землѣ церкви Ивановскаго м., а съ 1779 г. переведена изъ-подъ сводовъ въ застѣпогъ на южной сторонѣ церкви монастырской, гдѣ она родила отъ солдата. Она умерла въ 1800 г. и похоронена въ Донскомъ м.

11. Мнѣ видѣлось во снѣ, будто въ какой-то церкви я прикладывался къ мощамъ, коихъ подали мнѣ ручку. Ее я завернулъ въ бумажку и положилъ себѣ въ карманъ. Наконецъ сіи мощи ожили, и я ихъ спрашивалъ о дѣтяхъ своихъ. Они мнѣ сказали что-то хорошее о нихъ. Въ Иверской часовнѣ я встрѣтился съ графомъ Олсуфьевымъ, который сказалъ, что съ любопытствомъ прочелъ мое Описаніе Московскаго Успенскаго собора. Въ обѣдъ ко мнѣ пріѣзжалъ баронъ Кене съ вопросами о домѣ Романовыхъ (Знаменскомъ м.) и о погребенныхъ въ Новоспасскомъ м. Романовыхъ. Чтò зналъ я, то ему и отвѣчалъ, указавъ источники.

12. Съ Кене я ѣздилъ осмотрѣть, по волѣ Государя, гробницы предковъ его Романовыхъ, коихъ мы насчитали 21, да еще родственниковъ ихъ 5 въ склепахъ Преображенскаго собора, да въ Знаменской ц. 4. Оттуда въ Знаменскій м. проѣхали, гдѣ обозрѣли старинный домъ Романовыхъ о двухъ ярусахъ съ двойными полуколонками по угламъ; маленькія два окошечка закладены. Это древнее зданіе можно реставрировать. Я совѣтовалъ было устроить тутъ церковь во имя Св. Михаила Малеина, но Кене не согласился на это. Онъ предлагалъ мнѣ быть главнымъ смотрителемъ надъ реставрированіемъ, а Рихтеру архитекторомъ, и хотѣлъ доложить объ этомъ министру двора. На гробницы Романовыхъ я предлагалъ сдѣлать суконные покровы съ крестами изъ золотого галуна. Не знаю, будетъ ли какой толкъ; по крайней мѣрѣ, я дѣлаю съ усердіемъ къ доброму предпріятію.

В. И. Панаевъ извѣстилъ меня, что Государь пожаловалъ мнѣ драгоценный подарокъ въ 500 р. сср.

28. Ѣздилъ благодарить В. И. Панаева и просить его о выдачѣ мнѣ вмѣсто царскаго подарка, денегъ изъ кабинета. Обѣщалъ писать объ этомъ г. Пѣтухову. Отъ него въ Знаменскій м., гдѣ осматривалъ дреннія утвари, крестъ и блюдо, и снялъ съ нихъ надписи; самый храмъ двухъэтажный. Архимандритъ мнѣ содѣйствовалъ.

Октябрь. 11. День изгнанія непріятелей въ 1812 году изъ Москвы. Я былъ на освященіи церкви Воскресенія Словущаго въ *Старыхъ Монастикахъ*, гдѣ былъ домъ бабушки моей. Освящалъ митрополитъ Филаретъ; послѣ обѣдни благословилъ и окропилъ св. водой столы для ни-

щихъ на монастырѣ, потомъ поѣхалъ благословить трапезу въ домъ старосты Д. П. Калашникова, куда меня проводилъ частный приставъ Василій Евген. Тихменевъ. Обѣдъ былъ роскошный. *Монетчики старые и новые* съ 3 переулками, смежные съ Лужниками, гдѣ ц. Троицы. Оттуда я проѣхалъ къ вечернѣ въ Донской м., къ преосвященному Евгению, который казалъ мнѣ пожалованную ему Государемъ бриллиантовую панагію и рескриптъ. Вечеромъ поздно пріѣхалъ къ нему назначенный въ Вологду епископъ Христофоръ, который съ нимъ и со мною ходилъ при свѣчахъ осматривать церкви.

14. Ѣздилъ къ И. Д. Бѣляеву, у котораго засталъ много студентовъ, отъ него на крестный ходъ, коему сопутствовалъ до Спасскихъ воротъ. Это былъ 43-й ходъ. Митроп. Филаретъ шествовалъ съ викаріемъ Алексѣемъ, а за ними множество народа.

19. Поутру былъ у графа В. Д. Олсуфьева, который вызвался представить Императрицѣ М. А. писанную мною Жизнь митрополита Платона; оттуда, по приглашенію, на освященіе ц. Св. Анастасія и Кирилла на Сивцевомъ вражѣ, которое совершилъ митроп. Филаретъ. Народу было много, не смотря на будничныи день. Въ одинъ мѣсяцъ мнѣ пришлось быть на третьемъ освященіи храма въ честь Воскресенія Христова. Я съ митрополитомъ былъ на закускѣ у церковнаго старосты П. В. Хавскаго. Митрополитъ разсуждалъ объ иконописи. Потомъ зазвали меня на обѣдъ къ прихожанину и владчику Ксен. Бубнову.

21. Былъ на освященіи митропол. Филаретомъ церкви Пр. Сергія въ Крапивкахъ.

25. Замѣтилъ и испыталъ, что самозабвеніе увлекаетъ въ грѣхъ.

29. Справлялся въ консисторскомъ архивѣ, гдѣ нашелъ документъ о рожденіи въ Знаменскомъ м. царя Михаила Ѳеодоровича.

30. Поутру я ѣздилъ къ кн. М. А. Оболенскому показать ему любопытный документъ, который онъ списалъ себѣ; на планѣ 1760 г. значится старая Знаменская церковь съ двумя престолами Благовѣщенія и Тихвинскія Богородицы. Новая Знаменская построена И. А. Милославскимъ; слѣдующее древнѣйшее зданіе въ монастырѣ есть палата, свидѣтельница, вѣроятно, рожденія царя Михаила Ѳеодоровича. Уснувъ съ часъ, я ѣздилъ на балъ къ новобрачнымъ Серг. Мих. и Елисаветѣ Сергѣевнѣ Третьяковымъ. Гостей было множество; убранство въ комнатахъ великолѣпное, угощеніе роскошное. Отъ нихъ перезвали къ себѣ А. А. Медынцевъ на помолвку племянницы своей. Тамъ я ужиналъ и пробылъ до 2-хъ часовъ. За драгоценный подарокъ я получилъ на почтѣ 446 р. с.

31. Я ѣздилъ къ Н. В. Сушкову, у котораго и обѣдалъ съ А. С. Цуриковой; взявъ у Гехта себѣ шубу, былъ въ Москов. банѣ. Спаси

меня отъ самого себя и помилуй по величїи Твоей милости! Не даждь пасть подъ ярмомъ-гнетомъ искушенїи?

Ноябрь. 9. Обѣдалъ у И. И. Барыкова, гдѣ былъ оберъ-полицмейстеръ съ полицмейстерами и брантъ-маіоромъ, А. И. Мясоѣдовъ, Н. Ф. Павловъ и пр. Столъ былъ превосходный.

10. Окончивъ отвѣтъ свой на отношеніе кн. М. А. О. о. Романовской палатѣ въ Знаменскомъ м., я отвезъ ему его и рѣдкую записку XVII в. о постройкѣ дома, казалъ ему часть письма Кене объ этомъ дѣлѣ.

11. Былъ въ церквѣ, что въ Манежѣ, ни бракосочетанїи М. С. Чеодаева съ М. О. Кожиной. Провожатыми были я съ женою, которая и посаженная мать, Мосоловъ съ женою и сыномъ, Турчаниновъ, Н. Д. Лебедевъ съ женою. На десертъ поѣхали въ домъ къ зятю моему, который также былъ съ дочерью моею въ провожатыхъ.

19 Въ Чудовѣ м. слушалъ заупокойную обѣдню по Александрѣ I; тамъ встрѣтилъ князя А. Б. Голицына, который сказалъ, что съ 1857 г. все переименуется къ лучшему. Дай Богъ!

25. За полночь видѣлось мнѣ, будто я узналъ, что митрополитъ Платонъ живетъ на Дѣвичьемъ полѣ, и дѣйствительно на лѣвой сторонѣ отъ звѣзда представилась мнѣ горница вся въ окнахъ. Вхожу въ нее и слышу, что здѣсь Платонъ вырѣзываетъ печати и увидѣлъ, что сидитъ кто-то въ особой комнатѣ и вырѣзываетъ печать, забылъ только чью; иду далѣе и встрѣчаю самого митрополита очень стараго въ бѣловатой одеждѣ, окруженнаго тремя дѣвочками въ розовомъ платьѣ. Я подошелъ къ нему подъ благословеніе. Онъ, благословивъ меня, сказалъ: «Воистину воскрес!» Съ этимъ я проснулся.

26. Былъ у меня А. А. Мартыновъ и сказывалъ, что кн. М. А. Оболенскій сдѣланъ гофмейстеромъ. Итакъ, ему въ три мѣсяца три награды: корона на Аннин. звѣзду, табакерка, осыпанная брилліантами и чинъ.

27. Кн. М. А. Оболенскому отдалъ отношеніе свое объ указанїи Градесканта въ 1618 г. на дворъ боярина Никиты Романова-Юрьева и на смежное съ нимъ Аглинское подворье, прежній Юшковъ дворъ, отданный въ Маѣ 1584 г. Англичанамъ. Это сходно съ надписью на картѣ, изд. въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, составленной по образцу чертежа царевича Ѳеодора Борисовича. Князь М. А. казалъ мнѣ царскую золотую табакерку съ брилліантовымъ вензелемъ.

28. Ѳзидилъ къ Е. П. Ковалевскому, которому подарилъ Жизнь митрополита Платона и свое Описаніе Московскаго Успенскаго собора, за что онъ благодарилъ меня и между прочимъ сказалъ, что министръ на-

роднаго просвѣщенія отзывается обо мнѣ очень хорошо и даже съ жаромъ. Я примолвилъ: «Но ничего для меня не сдѣлалъ». Е. П. приглашалъ меня къ себѣ часу во 2 и 3-мъ предъ обѣдомъ и хотѣлъ познать комить меня съ своею женой.

Денабрь. 1. Я поздравилъ лично митроп. Филарета съ именинами. Онъ взялъ меня за руку и крѣпко пожалъ, а въ Чудовѣ м. у намѣстника въ келіяхъ сказалъ: «Мнѣ стыдно было, что вы поздравили меня въ передней, а не вошли въ залу».

2. Бѣдилъ къ И. Д. Бѣляеву посовѣтоваться съ нимъ о Московскихъ урочищахъ, что онъ весьма одобрилъ и обѣщаль сообщить мнѣ матеріалы для этого сочиненія.

4. Навѣстилъ Г. П. Головина, который сказывалъ, что императрица Елисавета Петровна вступила на престолъ съ 24-го на 25-е Ноября, въ память этого по всей Россіи были всеобщія съ вечера*). Это онъ слышалъ отъ отца своего. Елисавета наканунѣ этого рѣшительнаго дня молилась Нерукотворенному образу и дала обѣтъ уничтожить смертную казнь, что и исполнила.

9. Странникъ Николай изъ Новгорода показывалъ мнѣ свои вериги. На это я замѣтилъ, что такой подвигъ долженъ быть сокровеннымъ. Чужая душа въ потемкахъ.

12. Я бѣдилъ къ обѣднѣ на праздникъ въ ц. Св. Спиридонія на Козьемъ Болотѣ и тамъ на старинномъ образѣ увидѣлъ изображеніе Св. Спиридона, пасущаго въ юности козъ. Не имѣеть ли оно отношеніе къ мѣстности? С. И. Любимовъ, какъ староста церковный, звалъ меня съ Трегубовымъ къ себѣ и отпочевалъ ничѣмъ.

13. Отправился въ Донской м. поздравить преосвященнаго Евгенія со днемъ его ангела. Поговорили о разныхъ предметахъ, между прочимъ о масонствѣ, которое имѣеть цѣлью уничтоженіе суевѣрія и деспотизма; подъ первымъ разумѣеть вѣру, а подъ другимъ самодержавіе. Митрополита Платона, по связи его съ Лопухинымъ и Тургеневымъ, подозрѣвали въ масонствѣ, но найденное въ бумагахъ Новикова письмо Лопухина оправдало его. Лопухинъ пишетъ, что «никакъ не могъ убѣдить Платона вступить въ ихъ общество». Послѣ этого поручено Платону Императрицею испытать Новикова въ Законѣ Божиемъ. У преосвященнаго былъ окулистъ Алессіо съ женою, осматривалъ его глазъ и нашелъ туманность въ хрусталикѣ, однако обнадеживалъ помощью. Преосвященный Евгеній родился 1778 г. Отъ него я проѣхалъ поздравить именинника О. Я. Ковалевскаго. Отъ царствующей Императрицы я по-

---

*) Всеобщія съ вечера вмѣсто за утренъ еще и въ наше время разрѣшались многими церквами. П. Б.

лучилъ высочайшую благодарность за Жизнь митрополита Платона, которую она приняла «съ особеннымъ удовольствіемъ».

19. Въ Казенной Палатѣ узналъ, что съ меня по высочайшему повелѣнію сложено взысканіе 5150 р., и я получилъ тамъ 1227 р. с.; ѣздилъ отслужить благодарственный молебенъ Иверской Божіей Матери. Купилъ въ городѣ разныхъ домашнихъ мелочей.

21. Графъ М. Толстой говорилъ, что при немъ у митроп. Филарета одна барыня хвалила писанную мною Жизнь митрополита Платона; на это митрополитъ сказалъ: «Я самъ принужденъ согласиться, что жизнь эта написана прекрасно».

23. Поѣхалъ къ А. И. Лобкову, но по дорогѣ заѣхалъ въ новоосвященную только митрополитомъ Филаретомъ церковь у Красныхъ воротъ Св. Петра и Павла, которую нашелъ великолѣпною, богато и со вкусомъ украшенною. Священникъ зазвалъ меня къ себѣ. У него я нашелъ митрополита, гражданскаго губернатора и генерала Перфильева; отъ него меня завлекли къ церковному старостѣ Ширяеву, у котораго былъ роскошный столъ на 200 особъ. Обѣдало много моихъ знакомыхъ, пило и пѣло много здоровьевъ.

24. На похороны моего благопріятеля П. С. Максютина, но его изъ квартиры возили анатомить въ Клинику. Къ Спасу на Глинници на отпѣванье, послѣ коего повезли гробъ на Семеновское кладбище. Честный и трудолюбивый былъ покойный, примѣръ ревностнаго исполненія должности. Онъ умеръ отъ удара на 65 году роду. Я совѣтовалъ Любецкому написать его некрологію.

28. Поутру я ѣздилъ къ профессору Рулье прочесть съ нимъ топографическія урочища Москвы, на кои онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній.

30. Д. А. Ровинской казалъ свои рѣдкости и угощалъ меня корюшкой и вареньями; отъ него къ Н. И. Крылову, съ которымъ и поговорилъ о разныхъ предметахъ. Ровинскій сказывалъ, что Погодинъ не вставалъ, когда пѣли «Боже, царя храни». Меншиковъ однажды опоздалъ въ Государственный Совѣтъ и когда его спросилъ Киселевъ, отъ чего онъ опоздалъ? «Заѣхалъ посмотрѣть панораму, которая противъ вашего дома».—«Что же вы тамъ видѣли?»—«Улучшенный бытъ государственныхъ крестьянъ въ уменьшенномъ видѣ».

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ГИЛЯРОВА *).

Изъ Поддѣвичья въ Князю-Владимиру.

Приходъ имѣеть опредѣленный извѣстный составъ прихожанъ, которые могутъ нѣсколько мѣняться: дома переходятъ изъ рукъ въ руки; одни жильцы съѣзжаютъ, другіе пріѣзжаютъ. Но все это сравнительно рѣдкіе случаи, какъ бы цѣлое событіе въ приходѣ, особенно если новый прихожанинъ сколько нибудь состоятеленъ или ревностенъ къ храму. А у монастыря совсѣмъ нѣтъ прихода. Монашени по ограниченному своему числу, притомъ почти поголовной бѣднотѣ, никоимъ образомъ не замѣняютъ прихода со всѣмъ разнообразіемъ его населенія. Но въ монастырѣ и большее благочиніе въ служеніи, и больше святыни; наконецъ тамъ кладбище. Все это привлекаетъ богомольцевъ, особенно, конечно богомолицъ въ монастырь со всего города. Бѣдные трудящіеся классы не посѣщаютъ монастырей, кромѣ храмовыхъ тамъ праздниковъ съ крестными ходами и гостепріимно раскинутыми при этомъ парусинными «колоколами». Въ монастырь пріѣзжаютъ изъ «города» люди состоятельные, «барыни» преимущественно. Таково было положеніе и Новодѣвичьяго монастыря. А потому-то у моего отца, помимо монашествующихъ, должны были завязаться разныя знакомства съ барами.

Въ бумагахъ отца нахожу письмо одной изъ такихъ барынь, Елисаветы Ступиной, отъ 3 Августа 1852 года. Ступины жили на Дѣвичьемъ полѣ, принадлежали къ своему приходу, но должно быть, предпочитали ему монастырь, между прочимъ вслѣдствіе проповѣдей отца. «Священно-іерей Александръ Петровичъ! пишетъ Ступина. Я сегодня была у обѣдни и слышала вашу прекраснѣйшую проповѣдь, которая очень схожа съ настоящимъ нашимъ положеніемъ. И скажу вамъ откровенно, какъ служителю престола Божьяго: часто въ нашей бѣдственной жизни теряемъ силу души, чтобъ выносить безъ ропота все испытаніе судьбы; но ваша проповѣдь, въ которой такъ высказана вся святая истина, пролила цѣлительный балзамъ на разбитое горемъ мое

---

*) См. въ первой книгѣ „Русскаго Архива“ сего года, выпуски 2—4.

сердце. Пришедши домой, я пересказывала, какъ умѣла, сестрѣ моей и маменькѣ. Сестра по болѣзни не была въ церкви. Но я не могла сохранить всего краснорѣчія высказанной вами проповѣди. Въ заключеніе Ступина просить одолжить имѣ «эту тетрадку». «Мы, говоритъ она, перепишемъ ее для себя, чтобъ хранить и въ горькія минуты, почерпать вѣру и твердость, переносить съ терпѣніемъ посланіе Божіе» и т. д.

Монастырь доставлялъ священнику знакомство и даже дружескія отношенія и въ высшемъ обществѣ. Такою представительницею аристократіи была княгиня Елена Друцкая, судя по двумъ ея письмамъ. Отецъ просилъ княгиню за Пересвѣтова, офицера, родственника Поддѣвиченскихъ Троицкихъ, обучавшихъ моихъ сестеръ музыкѣ, и вотъ какое милое письмо отъ 20 Марта 1851 г. получилъ онъ отъ этой аристократки, свидѣтельствующее, что услуга была уже не первою.

«Очень рада, почтенный Александръ Петровичъ, что могу еще вамъ доставить довольно пріятную вѣсть: братъ князь Крапоткинъ пріѣхалъ вчера, и я на него тотчасъ же напала съ вашимъ дѣломъ. Онъ проситъ дать знать г-ну Пересвѣтову къ нему пріѣхать завтра утромъ, и онъ все ему объяснить, общается во многомъ помочь, какъ напр. попросить нынче же Витовтова, котораго утромъ увидитъ; потомъ, повидавшись съ Пересвѣтовымъ, напишетъ къ старшему адъютанту генерала Гурко, съ которымъ очень въ хорошихъ сношеніяхъ, чтобъ постарался, дабы не задержали бумагъ; и здѣсь также попроситъ Кажетса, онъ можетъ и помочь намъ у полковника Дуси. Но то бѣда, что нельзя обойтись, не адресуясь къ Гуркѣ и, не получа его отвѣта, нельзя посылать представленіе о переводѣ».

Болѣе чѣмъ черезъ два года, именно 28 Іюля 1853 года, княгиня Друцкая, благодаря отца за письмо и за обѣщаніе не забывать ея въ молитвахъ, пишетъ изъ села Рахманова: Очень рада, что понравились вамъ наши персики; жалко только, что они доставлены были къ вамъ не въ цвѣтущемъ состояніи, а отъ насъ были посланы въ прекрасномъ видѣ. Впрочемъ цѣль моя, посылая вамъ персики,—доказать, что всегда объ васъ помню, даже и за сто верстъ, а не увѣрена была, что сохранятся совершенно дорогой; въ этомъ прошу извиненія. А ежели бъ вы сами къ намъ пріѣхали, то бы покушали прямо съ дерева, свѣженькіе. Чтò сказать вамъ о себѣ? Мы очень пріятно проводимъ въ деревнѣ время; ѣздили между тѣмъ на богомолье въ Новый Іерусалимъ и Саввинъ монастырь; здѣсь же пользуемся прекрасной службою въ Спасо-Бородинской пустыни. Но часто сожалѣю, что не могу быть въ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ; не хочу вамъ льстить, не потому что у васъ служба отличная, но вы знаете, могила матери для меня священна, и вмѣстѣ съ тѣмъ, любезный Александръ Петровичъ успокоиваетъ меня отчетливымъ поминовеніемъ». Въ припискѣ: «Къ Декабрю возвращусь съ деревенскимъ гостинцемъ, вареньемъ, которое для васъ приготовили».

Съ поступленіемъ отца моего на новое мѣсто подобныя отношенія оборвались. Что же взамѣнъ ихъ дало новое мѣсто? Разно-

калиберщину прихожанъ, сѣрыхъ, неинтеллигентныхъ. Во всемъ приходѣ отецъ никому не «прижился», какъ немолодое уже растеніе (отцу было въ то время около 50 лѣтъ), вырванное съ мѣста, гдѣ оно совсѣмъ «окоренилось» и кое-какъ ткнутое въ новую чуждую ему почву. Изъ всѣхъ новыхъ прихожанъ отецъ сблизился только съ нѣкимъ Тарусинымъ. Это былъ «дѣдушка», старѣе его, совсѣмъ сѣрый купецъ, можно сказать мужикъ, только разбогатѣвшій своимъ пивоварнымъ заводомъ. Утромъ рано Тарусинъ ходилъ съ палкою между своими рабочими и расталкивалъ сонныхъ, пользуясь палкою съ особенно заспавшимися. Религіозность его выражалась въ еженедѣльномъ заказываніи молебна съ акаѳистомъ, при чемъ по наивности своей онъ полагалъ, будто бы отецъ нарочно для него приладилъ текстъ акаѳиста. По вечерамъ Тарусинъ любилъ пить пуншъ, при чемъ приглашалъ отца дѣлать съ нимъ компанію. Какъ все это было далеко отъ восторженнаго «обожанія» монахини Репнинской или изящной привѣтливости княгини Друцкой!

Къ этому же времени относится сближеніе отца съ нѣкимъ Петромъ Алексѣевичемъ Ил—скимъ. У Воздвиженья былъ вдовый дьяконъ-замухрышка. Небольшаго роста, плюгавенькій, вмѣсто чтенія только бормотавшій ектенію, что дало намъ поводъ къ сочиненію про него басни. Дьяконъ былъ вдовъ; у него жила какая-то Палагея Ивановна, какъ будто его родственница, а какъ будто и нѣтъ. Это была средних лѣтъ дебелая женщина. Она вела все немудрое хозяйство дьякона. Кромѣ Палагеи Ивановны у дьякона была еще собака «Полкашка» и болѣе никого. Эти три существа въ нашихъ глазахъ составляли нераздѣльное цѣлое. Вотъ и сочинили мы, будто бы дьяконъ молится такъ: «Помяни, Господи, діакона Василя, Пелагею Ивановну, Полкашку!» при чемъ слово «Полкашку» для бѣльшого сходства съ мнимою дѣйствительностію требовалось произносить на распѣвъ. Такой скудный матерьялъ для нашей драматургіи свидѣтельствуешь, что въ квартирѣ у дьякона ничему болѣе интересному научиться мы не могли. А между тѣмъ провели мы, мальчики, тамъ цѣлый годъ въ тѣсной коморкѣ безъ всякихъ книгъ, ибо самъ дьяконъ ничего не читалъ.

Упомянутый выше П. А. Ил-скій былъ племянникъ дьякона, а можетъ быть и Палагеи Ивановны, въ дѣйствительности же заслуживалъ быть ближайшимъ родственникомъ только «Полкашки». Этотъ приказный такой былъ ругатель, какого ни прежде, ни послѣ я не встрѣчалъ. Онъ былъ изъ духовнаго званія, зналъ очень многихъ изъ Московскаго духовенства, а если и не зналъ, то лгалъ, что хорошо знаетъ. О знаемыхъ и незнаемыхъ попахъ и дьяконахъ онъ рассказывалъ

всевозможныя скандальныя исторіи, вѣроятно 99/100 клеветническія. Особенно ненавидилъ онъ митрополита Филарета, придумывая для него всевозможныя бранныя нарицательныя имена, заимствованныя изъ Апокалипсиса. Ту же брань распространялъ онъ на викарныхъ архіереевъ и архимандритовъ; однимъ словомъ, онъ все Московское духовенство красилъ одною черною краскою, не дѣлая ни для кого исключенія. Отецъ поилъ его водкою благодушно, не подозрѣвая, что этотъ негодяй шлялся и по другимъ попамъ, которыхъ такъ отчаянно оклеветывалъ, при чемъ конечно не дѣлалъ исключенія и для отца. О, это былъ такой ругатель, который ругалъ не только лицо, но и все до него относящееся. Въ немъ было что-то эпическое. Въ былинѣ напр. не только Плья Муромецъ называетъ Калина-царя «собака сударь Калинъ-царь», но и самъ Калинъ-царь не иначе именуется себя, какъ «собака сударь Калинъ-царь». Такъ и Петръ Алексѣевичъ. Называетъ, напр. онъ какого-нибудь старика попа, «старый чортъ», а потому и во всей его клеветнической исторіи этотъ попъ иначе уже ни именуется, какъ «старый чортъ», къ нему ли кто обращается, самъ ли онъ о себѣ говоритъ. Такъ напр. «Заветъ къ себѣ старый чертъ дьячка. Приходитъ дьячекъ и спрашиваетъ: что тебѣ нужно, старый чортъ? А старый чортъ отвѣчаетъ: «Я, старый чортъ, прислалъ за тобою» и т. д. Иногда уже самъ языкъ, помимо его сознанія, клеветалъ у него: «Ѣдетъ старая собака въ каретѣ, а въ карету запряжены четыре старыя собаки» и т. д. Любопытно, что этотъ клеветникъ и ругатель умеръ отъ рака на языкѣ!

Наконецъ отецъ какъ-то отмотался отъ покупки богатаго недвижимаго для него дома у Воздвиженья и въ Сентябрѣ 1854 года переведенъ былъ въ приходъ Князе-Владимирской, что въ Старыхъ Садѣхъ, церкви, близъ Солянки, противъ Ивановскаго монастыря. Здѣсь домъ былъ церковный.

Первое впечатлѣніе на новомъ мѣстѣ было непріятно. Тяжело было изъ Поддѣвиченскаго почти сельскаго приволья попасть въ самое пекло Москвы. Камень домовъ и мостовыхъ, съ ихъ непрестаннымъ грохотомъ, какъ-то давилъ на мозгъ. Отъ духоты, пыли, жара, грохота голова шла кругомъ, привыкшая къ свѣжему воздуху, прохладѣ сада, раздолью огородовъ и луговъ. Утѣшеніемъ былъ только превосходный, едва ли не единственный въ Москвѣ видъ изъ нашихъ оконъ. Князе-Владимирскій приходъ стоитъ на значительномъ подъемѣ сравнительно съ Варварскими воротами, а храмъ еще на горкѣ. Мы жили во второмъ этажѣ церковнаго дома, стоящаго на этой же горкѣ. Предъ нашими глазами изъ семи оконъ, выходящихъ на Западъ и изъ трехъ на Югъ, видна была половина Москвы. Правда, взоръ упирался въ Кремлевскія твердыни, и

въ разстояніи версты полуторы отъ насъ онѣ немного заслоняли остальную Москву, хотя нашъ дальнорукій зять Соколовъ и легко усматривалъ простыми глазами, какой часъ и сколько минутъ на Спасской башнѣ. Лѣвѣе Кремля видна была вся часть Москвы до самыхъ Воробьевыхъ горъ, гдѣ тонкою гребенкою рисовалась роца и едва замѣтными двумя иголками выдѣлялись колокольня и церковь села Воробьева. Родное Поддѣвичье, какъ лежащее въ низинѣ, не было видно; но за то на Югѣ обширное зданіе Воспитательнаго Дома мало скрадывало мѣстность, оставляя выдающіяся за собою верхушки церквей и колоколенъ Замоскворѣчья; а лѣвѣе Воспитательнаго Дома виденъ былъ Симоновъ монастырь и тоже какая-то роца за Москвою. Даже церкви за Яузюю, напр. Симеона Столпника, хорошо были видны изъ нашего «кабинета» на южной сторонѣ. Этотъ превосходный видъ даже соблазнилъ академика Мокрицкаго, который цѣлое лѣто на нашей «горкѣ» переносилъ его на полотно. При этомъ я въ первый разъ познакомился съ тѣмъ, какъ пишутся картины, узнавъ палитру и т. п. приспособленія рисованія.

Въ нашемъ приходѣ близъ Хохловки В. А. Кокоревъ приобрѣлъ домъ*), обратилъ его въ истинный дворецъ и для украшенія его пригласилъ какого-то художника, болѣе извѣстнаго, чѣмъ нашъ Мокрицкій, написать видъ Москвы изъ его дома, стоящаго еще выше нашего. Видъ этотъ ужъ навѣрно былъ наилучшій видъ на Москву. Видъ съ Воробьевыхъ горъ ему уступалъ, ибо оттуда зданія Московскія слишкомъ сливаются въ однообразную массу, тогда какъ на видѣнной мною Кокоревской картинѣ, по болѣе близкому разстоянію, все раздѣльно.

Но важнѣе всякихъ видовъ былъ вопросъ о хлѣбѣ насущномъ, и прежде всего о квартирѣ; ибо хотя сестра старшая и вышла замужъ, но первые годы она съ мужемъ оставалась жить у насъ, занимая почти совсѣмъ темную комнату: квартира состояла всего навсе изъ пяти комнатъ, считая и эту полутемную съ окномъ въ галерею, соединяющую «парадный» ходъ съ «чернымъ». А насъ, не смотря на то, что старшій братъ сталъ жить отдѣльно, все-таки съ зятемъ попрежнему оставалось восемь человекъ, съ отцомъ и матерью 10, а съ прислугою 12 человекъ, при чемъ самой младшей сестрѣ было шесть лѣтъ.

Квартира въ церковномъ домѣ была сыра: обои отъ стѣнъ отставали цѣлыми полотнищами; потолоки были почти шоколаднаго цвѣта, печки совсѣмъ не грѣли, а полутемная комнатка была даже совсѣмъ

---

*) Нынѣ Марія Θεодоровна Морозовой. Въ этомъ домѣ (съ золотою тогда крышкою) В. А. Кокоревъ давалъ многолюдный обѣдъ съ рѣчами по поводу первыхъ правительственныхъ извѣстій о представшемъ раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ. П. Б.

безъ печи. Не имѣя возможности по крайней бѣдности церкви передѣлать печи на церковный счетъ, отецъ вздумалъ поставить на свой счетъ двѣ чугунныхъ печи какого-то новаго тогда изобрѣтателя Реутовскаго. Каждая печь стоила, кажется, рублей 30 серебромъ, деньги по тогдашнему для насъ великія. Одну печь помѣстили въ дверяхъ между «кабинетомъ» (гдѣ жили я и братъ) и спальней матери и сестеръ, а другую въ «залѣ» близъ выпятившагося брюха голандки. Печи Реутовскаго были болѣе аршина въ діаметрѣ, а высотой аршина въ трѣ. Онѣ совершенно стѣснили наше и безъ того маленькое помѣщеніе. Но это еще бы не бѣда. Насыпались онѣ до верху древеснымъ углемъ и слабо день и ночь топились. Первая печь около нашего «кабинета» сначала распространяла пріятную, день и ночь, теплоту; но когда отецъ, увлекшись удачею, поставилъ другую такую же печь и въ «залѣ», между обѣими печами началась усобица, не прекращавшаяся ни днемъ ни ночью: каждая печь тянула воздухъ къ себѣ; какаля топилась жарче, та одерживала верхъ и вмѣстѣ съ комнатнымъ воздухомъ тянула къ себѣ дымъ и угаръ изъ другой. Съ этими печами бились мы нѣсколько лѣтъ, чтобы прекратить ихъ непримиримую вражду; ничто не помогало. А отецъ, жившій въ «столовой» около кухни, внѣ района военныхъ дѣйствій обѣихъ печей, ни за что не соглашался убрать ихъ, хотя прежнее сырость можно было бы предпочесть постоянному угаранію. Пробовали мы переставать топить ту и другую печь, въ квартирѣ распространялся холодъ; и это бы еще ничего, но проклятыя печи измѣняли свою тактику: онѣ начинали безпощадно вонять Русскимъ черносливомъ, запахомъ отъ охлаждающихся какихъ-то кислотъ въ трубахъ, какой-то жидкой копоти. Эти печи сдѣлались для меня истиннымъ мученіемъ, особенно когда я сталъ готовиться въ Университетъ и по необходимости большую часть времени проводилъ дома.

Долго печи оставались *in statu quo*, тогда намъ казалось, будто по «упрямству» отца, но теперь вижу, что по недостатку у него средствъ на замѣну ихъ иными. А средства были очень не велики. Правда, онъ получалъ и у Воздвиженья, и у Князя-Владимира почти одну и ту же сумму, около 1000 р. с. въ годъ; но за то семья все подрастала и требовала большихъ средствъ на свое содержаніе, а жизнь именно около этого времени Севастопольской кампаніи и коронаціи императора Александра Николаевича подорожала, мало сказать, вдвое. Такимъ образомъ во второй половинѣ 50 годовъ мы стали жить чуть не вчетверо бѣднѣе, чѣмъ жили подѣ Дѣвичимъ. Напрасно отецъ напрягалъ всѣ силы, служилъ, напиримѣръ, ежедневно, не пропуская ни одной обѣдни по шѣлымъ годамъ, но больше того, что получалъ, получить не могъ, хотя его знакомый дьяконъ отъ Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ и утверждалъ

будто бы Князе-Владимирской приходъ можно очень хорошо «разработать».

Но что можно было тутъ «разрабатывать? Къ приходу этому принадлежало только домовъ десять небольшихъ, но и изъ тѣхъ значительная часть недоступна была никакой «разработкѣ». Таковъ былъ домъ старообрядца Расторгуева, торговца рыбою, занимаемый весь самимъ домовладѣльцемъ. Какою киркою можно было бы «разработать» Лютеранскую кирку Петра и Павла, съ квартирою пастора и Нѣмецкою при церкви школою? Какіе плоды могъ приносить и ночлежный домъ Фигнера, весь населенный одними нищими, или тотъ же домъ Кокорева, сначала дававшій ежемѣсячное причту пособіе въ 10 р., но скоро потомъ перепроданный старообрядцу Морозову... или домъ Шнауберта, занятой Нѣмцами, естественно стремившимися жить поближе къ своей киркѣ?.. Такимъ образомъ весь приходъ ограничивался 4—5 семьями: домовладѣльца Пырялова, скоро потомъ перепродавшего свой домъ купцамъ Соватюгинымъ, купца Лукичева, купца Челнокова, а еще, право, и не припомню кого. Отецъ тщательно записывалъ всѣ свои доходы до копѣйки. До меня дошли не только его повседневныя записи за все время его служенія у Князя-Владимира съ 1854 по 1871 г., но и сравнительная таблица такихъ полученій помѣсячно и погодно. Въ 1855 году отецъ получилъ 859 р. 50 коп., въ 1856 г. 971 р. 95 к., въ 1857 г. 1068 р. 14 к. Наивысшая сумма дохода была 1204 р. 75 коп. именно въ 1862 году. Любопытно, изъ какихъ грошей ежедневнаго служенія составлялись эти суммы. Для этого беру нѣкоторыя на выдержку цифры изъ толстой книжки записей доходовъ, такъ неукоснительно веденной отцомъ.

Возьмемъ напр. Февраль 1856 года.

	Р. К.
2. Отъ причастницы	— 50
— Кажденіе.....	— 25
— Кокоревскихъ.....	6 —
— За сороков. молитву.....	— 5
4. Кружечныхъ.....	4 29
— Кажденіе отъ Кондратьева.....	— 30
— За молитву родильницы.....	— 10
11. Кружечныхъ.....	5 61
— Вмѣсто платка на крестинахъ.....	— 5
— Кажденіе отъ Пырялова.....	— 20
12. За благословеніе Пырялова И. И.....	4 —
14. Отъ Пырялова предъ свадьбою...	10 —
18. Кружечныхъ.....	15 84
— Кажденіе отъ Пырялова.....	— 15
19. За свадьбу отъ Пырялова.....	6 —
21. За сороков. молитву.....	— 10
25. Кружечныхъ.....	2 4
27. Молитвы постной.....	10 64
	66 12

Продолжать подобныя помѣсячныя выписки было бы утомительно и безцѣльно для читателя, но разобратся нѣсколько въ подобныхъ статьяхъ прихода нѣсколько-поучительно.

Главная статья дохода—это деньги положенныя въ Опекунскій Совѣтъ на вѣчное поминовеніе разными лицами; такихъ процентовъ на долю священника приходилось въ годъ 258 р. с. За тѣмъ отъ молебновъ въ Ивановъ день, 29 Августа. Доходъ отъ молебновъ вращался около 70 р., спустившись одинъ разъ (1857 г.) до 28 р. 80 к. и поднявшись разъ (1870 г.) до 102 р. Вообще онъ шель у отца вслѣдствіе его рачительности и неутомимости прогрессивно. Къ доходу отъ молебновъ присовокупилась съ 1860 г. плата за сдачу земли церковной подъ палатки торговцевъ, начиная съ 1860 г., при чемъ низшею цифрою этого сбора было 13 р. 80 к., а высшею 75 р. Къ Иванову дню я еще возвращусь, а теперь прослѣдимъ прочіе доходы. Они состояли преимущественно изъ проскомидійныхъ денегъ, платы за молебны, панихиды, свадьбы, похороны, крестины и т. д. Были и другіе всевозможные разнокалиберные доходы, изъ которыхъ нѣкоторые выпишу, напр. «за молебенъ надъ рыбою 50 к.», «сборъ съ куличей» 2 р. 11 к.», «отъ Молдован. монаха 1 р.», «за освященіе иконы 10 к.», «подарокъ отъ Нѣмки 2 р.», «отъ г-жи Шоръ предъ выходомъ ея изъ директриссъ (вѣроятно Лютеранской школы) 3 р.», «за молитву надъ оскверненнымъ кладеземъ 70 к.», «отъ старосты за ходатайство медали 10 р.»; «отъ В. В. Болотина за проповѣдь о Володѣ 2 р.», «за выписку изъ метрическихъ книгъ 10 к.», «за обыскъ 40 к.», «вмѣсто платка на крестинахъ 10 к.», подарокъ отъ жениха 10 р.», «за свадебныя хлопоты 3 р.», «на закладѣ у Нѣмца Шоле 3 р.», «отъ Тим. Аѣиног. Сидорова 10 р., потомъ 25 р.», «въ Пасху изъ христосованья 2 р. 66 к.».

Нѣкоторыя статьи поражаютъ своею ничтожностью. Такъ за молитву родильницѣ въ 40 день платилось не разъ по 10, по 5 коп., а разъ 3 к., такъ что запись «молитва родильницѣ въ будѣ 20 к.» еще очень великолѣпна. Еще: «за благословеніе невѣсты 40 к.», «за 40 дней поминовенія Пелагеи 1 р.» Въ нѣкоторыхъ записяхъ замѣтно стараніе помолиться побольше, а заплатить поменьше. Такъ «за три заздравныя обѣдни 3 р.», «за причащеніе, молебенъ съ акаѣистомъ и водоосвященіе отъ Соватюгиной (очень богатой купчихи) 2 р.» Изъ иныхъ доходовъ приходилось дѣлать вычеты, напр. въ 1861 г. «славленныхъ за исключеніемъ 6 р. 50 к., отданныхъ извощику и въ Консисторію, 15 р. 50 к.» Иногда получались суммы некруглыя, напр. «за погребеніе младенца Николая 21 к.», «за панихиду 13 к.», за свадьбу 2 р. 28 к.».

По сознанію долга отецъ служилъ ежедневно, какъ видно изъ его записи доходовъ за 1854—1871 гг. кромѣ пяти дней по болѣзни за всѣ

16 лѣтъ! Отецъ умеръ отъ водянки 18 Февраля 1871 года, а послѣдняя запись 14 Февраля 1871 г. «молитва сороковая 15 к.», и ради этой требы умпрающій 67-лѣтній старецъ шелъ къ роженицѣ въ почлежный домъ.

Ивановъ день важнѣйшій для насъ день въ году. Къ этому сроку откладывались всѣ чрезвычайные расходы. Нужно ли кому купить сапоги (ибо подошва давно отстала, а смѣнившая ее подметка подтерлась, синяя же сахарная бумага, подкладываемая подъ ступню, такъ быстро изнашивается о камни мостовой), «погоди, говорятъ родители, развѣ не знаешь? Вотъ придетъ Ивановъ день!». Не только цѣлые сапоги, но да-даже и «головки» тоже дожидаются Иванова дня, хотя при наличности старыхъ голенищъ онѣ на цѣлый рубль дешевле цѣлыхъ сапоговъ.

— Яковъ Карпычъ! говоришь, бывало, сапожнику съ Солянки, нельзя ли какъ починить вотъ здѣсь сбоку, да вотъ и на этой сторонѣ, потомъ носокъ тоже протерся, пальцы видно на томъ сапогѣ тоже; да и подметки другія нельзя ли поставить? Смотритъ Я. К. Жуковъ на изрѣшетившіеся сапоги, это большое мѣсто бѣдныхъ мальчишекъ, и рѣшительно заявляетъ: нѣтъ, тутъ ничего не подѣлаешь; надо вамъ головки новыя приставить. И приставка новыхъ головокъ отлагается до Иванова дня.

Сколько разъ потомъ вспоминался мнѣ этотъ сапожникъ Жуковъ при встрѣчѣ съ людьми, а особенно на частныхъ урокахъ! Учишь-учишь, бывало, какогонибудь богатаго купчика или барича, готовя его прямо ко вступительному въ Университетъ экзамену, и все безуспѣшно, и вспоминается Яковъ Карпычъ Жуковъ и думается «нѣтъ, тутъ ничего не подѣлать: надо головки новыя приставить!». «Ивановъ день» начинался еще 28 Августа наканунѣ настоящаго Иванова дня. А погода тревожно наблюдалась еще съ 27 числа, ибо отъ погоды зависитъ все пойдетъ столь обычный въ концѣ лѣта проливной дождь, испортить весь Ивановъ день. Если онъ пойдетъ во вторую половину 29 Августа, это ничего; но бѣда, если ненастье начнется съ утра: подгородныя и болѣе отдаленныя богомолки останутся дома, а тогда, пожалуй, прощай новое свиданье съ Яковомъ Карповичемъ Жуковымъ, какъ называли мы этого вершителя нашихъ судебъ.

При чемъ однако Князе-Владимирская церковь въ праздникъ Иванова дня? Праздникъ этотъ собственно есть праздникъ Ивановскаго монастыря. Но Ивановскій монастырь во время нашего переѣзда къ Князю-Владимиру продолжалъ оставаться закрытымъ, «бывшимъ». Это былъ только приходскій храмъ, который потомъ былъ сломанъ для постройки вновь монастыря по завѣщанію подполковницы Макаровой-Зубачевой. Монастырь долго строился, и въ Ивановъ день богомольцы ютились тамъ.

около часовеньки. Князе-Владимирскій храмъ, раздѣленный только участіемъ шаговъ въ 20, естественно подбиралъ богомольцевъ, не помѣщавшихся въ Ивановской церкви, а тѣмъ паче въ часовнѣ.

Помню сломгу старой церкви и колокольни прежняго Ивановскаго монастыря, бесполезное варварство, даже вредное, ибо стариною накаливается благочестіе, а новизна и святость слишкомъ разнородныя понятія. Милліоны, завѣщанные какому то Мазуриною на это дѣло, были сильнѣе подобныхъ соображеній, а Яковъ Карпычъ къ тому времени ужъ умеръ, такъ что и «головки новыя» нельзя уже было приставить. Изъ окна нашего кабинета хорошо было видно, какъ тараномъ подбивали основаніе главнаго храма и колокольни и какъ вдругъ на мѣстѣ стараго зданія образовалась бѣлая облака мелкой известки; а когда вѣтеръ разнесъ этотъ столбъ пыли, гдѣ были старинныя зданія, лежала только куча кирпичу.

Реставрація Ивановскаго монастыря по завѣщанію какой-то Мазуриной подновила въ памяти нашей мрачныя преданія этого дома. Припоминали, какъ какой-то Мазуринъ зарѣзалъ какого-то художника или ювелира Калмыкова, какъ скрыли трупъ его въ кладовой, какъ ежедневно ходили туда и разлагающійся, смердящій трупъ поливали какою-то уничтожающею зловоніе жидкостью; припоминали еще какія то преступленія; увѣряли, будто бы покойная храмоздательница изъ-за денегъ отравила своего мужа; рассказывали легенду, какъ родоначальникъ Мазуриныхъ «забожилъ» какой-то долгъ при колокольномъ звонѣ», ибо въ старину спорныя денежныя дѣла рѣшались клятвенными утвержденіями тяжущихся при колокольномъ звонѣ. Дѣйствительно, что-то роковое висѣло надъ этимъ родомъ. По крайней мѣрѣ тѣже воспоминанія пришли въ голову потомъ, при чтеніи дѣла несчастной дѣвочки Мазуриной, систематически доведенной до умопомѣшательства своею гувернанткою Булахъ, и другія подобныя дѣла.

Кажется, съ этого времени стало у меня складываться одно изъ основныхъ моихъ убѣжденій, что деньги, неправдою пріобрѣтенныя, всегда прожгутъ карманъ ихъ обладателя и если не отъ него самого, то отъ его наследниковъ, уйдутъ безвозвратно; что тайное злое дѣло всегда выйдетъ на свѣтъ. Этотъ нравственный законъ возмездія формулировался потомъ для меня въ прекрасныхъ словахъ Гамлета:

Злодѣйство встанетъ на бѣду себѣ,
И если ты его землею зароешь цѣлой,
Оно стряхнетъ ее и авится на свѣтъ!

Итакъ въ хорошую погоду молебны Іоанну Крестителю начинались около полудня на канунѣ Иванова дня и шли съ малымъ ночью переры-

вомъ до вечера 29 Августа. Молебны служились самые сокращенные, съ расходованиемъ минуты 2—3 на каждый. Молебенъ слушался сразу нѣсколькими богомольцами и богомолками, при чемъ одна кучка ихъ смѣняла другую. А въ самый разгаръ молебновъ, утромъ 29 Августа, лѣтній храмъ во имя Князя-Владимира такъ наполнялся народомъ, что протискаться изъ алтаря наружу стоило большого труда. Съ солеи, гдѣ иногда приходилось стоять мнѣ, видна была плотная мозаика человѣческихъ головъ, и никакъ нельзя было различить, кто отслушалъ молебенъ и кто еще нѣтъ. А стоялъ я на солеѣ вотъ почему. Тамъ на аналоѣ лежалъ образъ Иоанна Крестителя, голова на блюдѣ съ красною полоскою якобы крови на отрѣзѣ шеи. Голова была украшена вѣнчикомъ. Богомольцы послѣ молебна прикладывались къ этому образу. Но кто-то кажется, дьяконъ отъ Всѣхъ Святыхъ на Кулишкахъ, мечтавшій о возможности «разработать» Князе-Владимирскій приходъ, научилъ отца купить красныхъ нитокъ, разрѣзать ихъ на концы четверти въ три аршина и этимъ пучкомъ нитокъ обвить главу Предтечи подъ вѣнчикомъ. Нитки эти очень ловко придерживались вѣнчикомъ. Богомолка, приложившись къ иконѣ, брала себѣ красную ниточку, при чемъ клала иногда мѣдный грошъ, копѣйку и даже 2 копѣйки. Большинство, конечно, брало даромъ, считая это даровою премією къ молебну. Помню: отъ частаго выдергиванія довольно лохматыхъ красныхъ нитокъ, около этой пряди нитокъ, какъ разъ на обрѣзѣ главы Предтечи и на блюдѣ, образовывался налетъ красной пыли, очень похожій на кровяныя пятна. Это естественное послѣдствіе шмурыганья нитокъ одной о другую казалося мнѣ тогда весьма неизлишнимъ....

Пытаюсь теперь сдѣлать нравственную оцѣнку этого изображенія о. дьякона и, право, не нахожу ничего предосудительнаго въ этихъ ниточкахъ. Простая крестьянская душа, сдѣлавъ пѣшкомъ съ какою-нибудь корочкою чернаго хлѣба десятки верстъ въ Москву къ Иванову дню, отслушавъ общій молебенъ и заплативъ за него копѣйку или двѣ, должна была бы возвращаться домой, хотя и съ полною душою, но съ пустыми руками. Вещественная бездѣлка, въ родѣ *красной* ниточки, снятой съ изображенія окровавленной, отрубленной головы, должна будетъ еще долго питать ея восторженное, праздничное, молитвенное настроеніе духа, такъ привыкшаго вращаться только въ мірѣ наглядныхъ представлений, а никакъ не отвлеченныхъ понятій, непосильныхъ для нея. Неужели вслѣдствіе недоступнаго для нея рационализма отказать ей въ этомъ утѣшеніи?..

Темнѣло; зажигали въ церкви свѣчи, а отецъ съ тою же неутомимостью, совсѣмъ не отлучаясь домой, продолжалъ нанизывать одинъ молебенъ на другой. Не знаю, сколько десятковъ или сотенъ приходи-

лось ему ихъ отслужить. Но если на его долю приходилось за два дня иногда около ста рублей и если отцовская доля была 60% изъ общаго дохода около 165 р.; то, считая каждый общій молебень копѣекъ въ 20 кругло, приходилось за два дня отслужить болѣе 800 молебновъ.

Наконецъ наступала ночь съ 28 на 29 Августа. Часть богомольцевъ отправлялась восвояси; часть, не успѣвшая еще отслушать молебень, располагалась на двухъ церковныхъ папертяхъ, также около сторожки трапезника, у насъ на крыльцѣ и на лѣстницѣ, а большинство на землѣ, на горкѣ подъ открытымъ небомъ. Между тѣмъ за ночь приходили новыя толпы богомольцевъ. А потому 29 числа съ ранняго утра одновременно съ началомъ заутрени въ придѣлѣ начинались молебны, въ главномъ болѣе просторномъ храмѣ. Къ полудню нагискъ благочестивой толпы достигалъ высшаго напряженія. Ни объ обѣдѣ, ни о чаѣ ни отцу, ни причетнику и думать было нечего; только развѣ около вечерень онъ могъ уйти изъ церкви, предоставивъ «раннему» священнику, нарочно на этотъ день приглашаемому, удовлетворять остающіяся толпы богомольцевъ. Въ эти часы онъ могъ добраться до рядовъ стоящаго съ церковью нашего церковнаго дома; а утромъ, особенно же около полуденъ, наша горка такъ была набита народомъ, что буквально нельзя было отворить дверь передняго крыльца, раскрывающуюся наружу. Она была притиснута толпою, которую, конечно, никакимъ образомъ нельзя было отодвинуть попытками извнутри отворить эту дверь; тогда приходилось сообщаться съ внѣшнимъ міромъ черезъ черный ходъ со двора, ибо дворъ не очень густо наполнялся богомольцами, понимавшими, что это уже не общественное мѣсто, и только противъ своей воли вдавливаемыми туда донельзя стѣснившееся наружи толпою.

Толпа не ограничивалась одною «горкою»: она тѣсно запруживала весь проѣздъ между Ивановскимъ монастыремъ и Князе-Владимирскою церковью, спускаясь плотною массою по Ивановскому переулку къ Варварскимъ воротамъ до того поворота, который дѣлаетъ Солянка отъ Варварскихъ воротъ къ Опекунскому Совѣту, и частію занимая Кузьмодемьяновскій и Подкопаевскій переулки, гдѣ, равно какъ и на самой нашей «горкѣ», раскинуты были ярмарочныя палатки.

Еще съ вечерень 29 Авг. черная полоса, испещренная цвѣтными головными платками молодыхъ богомолокъ, спускающаяся къ Варварскимъ воротамъ, начинаетъ укорачиваться, суживаться; вотъ конецъ переулка уже совсѣмъ обнажился отъ богомольцевъ; начинаетъ рѣдѣть переулочъ и около горки, наконецъ и самая горка все болѣе и болѣе плѣшивѣеть. Съ наступленіемъ темноты она принимаетъ прежній видъ. А утромъ оказывается, что она, еще два дня тому назадъ вся покрытая зеленою травою, истоптана такъ, что не только зелени нѣтъ и въ

поминѣ, но даже и корни травы выбиты, точно послѣ продолжительнаго кавалерійскаго ученя.

На другой или на третій день послѣ праздника всѣ деньги сосчитаны и раздѣлены: отецъ получаетъ изъ рубля 60%; дьяконскіе 20%, какъ и панамаря тоже 20%. Отцовская доля отъ 50 до 100 р. высыпается въ большую жестяную кружку и трапезникомъ Еюимычемъ приносится къ намъ. Серебра въ ней нѣтъ: его совсѣмъ не было, или если была малость, то отобрана въ другое помѣщеніе. Въ кружкѣ одни только мѣдяки, и все разноразной. Современной мѣдной монеты мало, все больше старая, хотя и не старинная. Николаевскія «2 коп. серебромъ» сороковыхъ годовъ занимаютъ выдающееся мѣсто, рядомъ съ своими младшими родственницами такими же копѣйками, но 3 коп. этого же выпуска встрѣчаются рѣже. Вотъ «5 копѣекъ» ассигнаціонныхъ 30-хъ годовъ съ орломъ, распластавшимъ свои крылья подъ прямымъ угломъ съ туловищемъ, такія же 2. Рѣдко встрѣтится 1 копейка ассигнаціонная Павловская, но часто 2 коп. ассигнаціями или мѣдный грошъ. Попадаютъ и «деньги», т. е. $\frac{1}{2}$ коп. ассигнаціями Александра 1-го. Старыя монеты отълаживаютъ въ собраніе, образовавшееся давно еще подъ Дѣвичьямъ черезъ обмѣнъ денегъ у нищихъ и между прочими у старухи грибницы «Суравухи». Долго «ведется» эта кружка, мѣсяца три. Наблюдалось, какъ постепенно она пустѣетъ; ибо смотришь, когда родители отпираютъ ее; а то и по собственному почину подойдешь да и подынешь ее и чувствуешь, какъ со дня на день она становится все легче и легче. Все это принимаешь къ сердцу.

Кружка наконецъ опустѣла; вся надежда семьи покоится на «прихожанахъ». А гдѣ они?—Пыряловъ, бывший церковнымъ старостою, почти одинъ питавшій весь причтъ, какъ видно было изъ выше приведенной записи доходовъ за Февраль 1856 г., продалъ свой домъ купцамъ братьямъ Соватюгинымъ, торгующимъ фруктами въ деревянныхъ балаганахъ на косогорѣ Лубянской площади, гдѣ теперь раскинутъ скверъ съ Плевненскимъ памятникомъ. Какovy-то будутъ Соватюгины? Фамилія напоминаетъ что-то толстокожее, допотопное. Рассказывается преданіе, что Соватюгины были простые разношники, разжились въ Севастопольскую войну; громадный ростъ обоихъ братьевъ обратилъ на себя въ толпѣ вниманіе императора Николая Павловича. Наконецъ удается видѣть и Соватюгиныхъ. Это толстые великаны, изъ которыхъ однако скоро младшій умираетъ. Семья эта отчасти замѣнила привѣтливаго Пырялова, Максимъ Кирилловичъ Соватюгинъ даже долгое время былъ церковнымъ старостою.

При вступленіи его въ эту должность естественно явился вопросъ о нѣкоторомъ упорядоченіи бѣднаго Князе-Владимирскаго храма.

Любопытно, что эта бѣдная церковь была тогда единственною въ Москвѣ, а можетъ быть, за исключеніемъ Кіева, единственною и въ Россіи, посвященною основателю христіанства Россіи. Помимо того, храмъ этотъ былъ однимъ изъ древнихъ, ибо построенъ былъ в. кн. Василиемъ Іоанновичемъ, отцомъ Ивана Грознаго, близъ своего загороднаго дворца «въ старыхъ садѣхъ». Почему же онъ такъ обѣднѣлъ и обвѣтшалъ? Такое его положеніе едва ли дѣлало честь національному нашему сознанию, предпочитающему часто малоизвѣстныхъ, до Россіи не имѣвшихъ никакого отношенія Греческихъ святыхъ и забывшему о своемъ равноапостольномъ князѣ.

Какъ бы то ни было, М. К. Соватюгинъ рѣшился нѣсколько помочь церкви, вслѣдствіе чего у него произошло нѣкоторое дружеское пререканіе съ отцомъ. Соватюгинъ рѣшилъ прежде всего пожертвовать въ церковь колоколъ пудовъ въ 100 съ чѣмъ-то.

— Колоколъ первое дѣло, утверждалъ староста церковный.

— Колоколъ послѣднее дѣло, возражалъ настоятель церкви.

Колоколъ былъ купленъ и повѣшенъ на колокольнѣ, но этимъ «первымъ дѣломъ» и ограничился староста.

Разсказывали у насъ по поводу этого о какомъ-то тоже церковномъ старостѣ, пожертвовавшемъ колоколъ. Бывало ко времени благовѣста въ свой колоколъ отойдетъ онъ отъ колокольни подальше, но на столько, что благовѣсть будетъ оттуда слышанъ. Вотъ онъ и стоитъ и слушаетъ звуки своего колокола, да еще остановить того или другого прохожаго и спросить: — Не знаете ли, гдѣ это благовѣстятъ? — Не знаю, скажетъ одинъ, но иной дастъ и утвердительный отвѣтъ.—А какъ кажется вамъ, колоколъ хорошъ, а? спросить храмоздатель.

Скоро отецъ сдѣлался большимъ пріятелемъ съ М. К. Соватюгинымъ, чтѣ однако не мѣшало и ихъ разногласіямъ по разнымъ церковнымъ вопросамъ. У меня сохранилось одно весьма дѣльное письмо Соватюгина, которое привожу съ соблюденіемъ правописанія, дабы этимъ и ограничиться для характеристики и образованія, и воспитанія этого главнѣйшаго столпа Князе-Владимирскаго прихода. Письмо писалъ Соватюгинъ еще не бывши старостою. Оно касается сдачи церковной земли внаемъ «Ваше благословеніе отецъ Александра Петровичи.

Я слышенъ что староста церковной по своей торговой операциіи согласился отъдать своему пріятелю кладбищенскому Федору Степанову землю за безценовъ за 30 ру. сер. въ годъ, когда она можетъ вѣсегда приносить более 50 ру. теперь она огаражена и уже приготовлено черновое условіе на 12 летъ и въ претъ потаму то какъ вы позволаети допустить а если послѣ его 3 лѣтія выберетъ доброй староста, каторой пожелаеть выстроить для церкви домъ то зачѣмъ же упускать изъ виду 30 ру. денехъ немного и церква а токаго не будетъ бедна а когда зделаютъ такое условіе то уже ее нечево ис читать церковною она

можетъ вывановъ день по кашней годъ принести хорошею полау да и подь яблочною кладку на зиму вьсегда дадутъ 50 или 60 ру. то по моему замечанію нѣтъ резона допустыть до такой низости если вы ни васпративитесь то я не вытерплю донесу вьладыки прашу васъ не допускать до ниприятностей вашъ пакорниши слуга Максимъ Соватюгинъ».

По смерти Соватюгина, церковнымъ старостою, былъ купецъ Лукичевъ. Это былъ очень самолюбивый старикъ. Сдѣлавъ что-то для церкви, онъ очень насѣдалъ на отца, чтобы тотъ выхлопоталъ для него золотую медаль, и былъ недоволенъ, когда вмѣсто медали получилъ только благословеніе Св. Синода. Но кромѣ этого Лукичева рѣшительно некого было выбрать въ старосты, ибо старостою полагается быть только домовладѣльцу, но не жильцу.

А домовладѣльцы, какъ ни ограничено было ихъ число, не прибывали, но еще убывали. Я уже говорилъ, что В. А. Кокоревъ ежемѣсячно платилъ причту жалованье 10 р., но въ Декабрѣ 1863 года одинъ изъ управляющихъ В. А. Кокорева присылаетъ къ отцу письмо: «Вамъ уже, конечно, не безъизвѣстно о продажѣ дома Тимофѣю Саввичу Морозову, извѣстному фабриканту. Присовокуплю отъ себя, что купчая крѣпость уже совершена». По этому управляющій проситъ «о будущихъ нуждахъ причта обращаться къ г. Морозову, душевно желая, чтобы со стороны новаго домовладѣльца было бы оказано то къ нуждамъ причта вниманіе, которое оказываемо было ему В. А. Кокоревымъ».

Кокоревскій дворецъ перешелъ въ руки представителя богатѣйшей купеческой старообрядческой фирмы; желаніе управляющаго Кокорева ни на копѣку не оправдалось. Впрочемъ нѣтъ: разъ за все время съ 1864 по 1871 гг. отъ М. О. Морозовой было прислано «за именины 10 р.».

Отказъ Кокорева отъ 6 р. ежемѣсячнаго жалованья отцу лишилъ насъ 10% годоваго содержанія; но ни единого слова ропота я не слыхалъ отъ отца.

Потомъ ушелъ еще домовладѣлецъ, П. Д. Часовниковъ, продавъ свой домъ А. И. Груздеву.

Въ бумагахъ отца сохранилось его письмо къ этому Груздеву, написанное особенно ясно, притомъ почеркомъ вдвое крупнѣе обычнаго отцовскаго: очевидно, составитель письма предполагалъ и особенно тупое пониманіе, и малую привычку читать «по письменному». Вотъ это письмо:

«По совѣту Максима Кириловича Соватюгина, Князе-Владимирской церкви старосты церковнаго, и по собственному разсужденію, я сегодня утромъ приходилъ было къ вамъ въ вашу квартиру; но къ сожалѣнію моему не засталъ васъ дома. А вотъ зачѣмъ я приходилъ къ вамъ. Бывшій прихожанинъ нашъ П. Д. Часовниковъ, мѣсто котораго вы теперь заступили, до сего времени подписывалъ на прилагаемомъ при

семь листов, отъ своего усердія, теперь отказался и намъ и церкви, потому что вышелъ изъ моего прихода». За симъ была изложена просьба не отказать «въ вашемъ къ намъ и церкви благорасположеніи» и т. д.

Письмо не особенно вѣжливо было возвращено съ припискою $\frac{1}{2}$ дюймовыми литерами, вполнѣ разобрать которыя затрудняюсь (хотя не одинъ годъ просидѣлъ я надъ чтеніемъ Русскихъ рукописей XVI и XVII вѣковъ, да и многіе годы имѣлъ дѣло съ тетрадами учениковъ и Министрства Просвѣщенія, и Военнаго Министерства, и IV Отдѣленія собственной ея величества канцеляріи). А потому воспроизвожу только начало этого маравья: «Я не съ на ю очемъ вы п расите домъ въ вашемъ приходе я самъ не принадлежу къ вашей церкви А нахожусь у Всехъ Свѣтыхъ сътарасуя».

Но и при отпадении этого домовладѣльца я не слышалъ ропота отъ отца. Задаю теперь себѣ вопросъ: почему я не пошелъ въ духовное званіе, а предпочелъ Университетъ? Видѣть меня духовнымъ было желаніе отца. Самъ я никогда до полнаго невѣрія не доходилъ и не былъ честолюбивъ; къ философскимъ наукамъ всегда имѣлъ особенную охоту. Кажется, были всѣ данныя идти по прадедовской дорогѣ. Но вотъ это-то именно унижительное положеніе священника передъ разными Груздевыми прежде всего и оттолкнуло отъ этого пути; а дальше пришлось наблюдать и религіозное лицемеріе, котораго не могла выносить душа моя.

Остается сказать еще объ одной домовладѣлицѣ Варварѣ Николаевнѣ Шнаубертъ, не потому чтобы она особенно помогала отцу, но потому, что она оказала величайшую услугу моему развитію и образованію. Царство небесное умной и доброй этой старушкѣ!

В. Н. Шнаубертъ, Русская по происхожденію, была вдова Нѣмца доктора Шнауберта*). Мы застали ее уже вдовою, старушкою лѣтъ за шестьдесятъ. Съ чувствомъ глубокой признательности воспроизвожу теперь въ своей памяти ея образъ. Она была небольшого роста съ волосами совсѣмъ бѣлыми, которые мало бы отличались отъ бѣдности ея безкровнаго лица, если бы не черная бархатная полоска, которая окаймляла верхнюю часть ея лица, напоминая «вѣнчикъ» покойника. Шнаубертъ не по годамъ держалась очень прямо и ежедневно, какая бы ни была погода, совершала пѣшкомъ прогулку по улицѣ. Варвара Николаевна говорила очень мало, очень отрывисто и очень кратко. Это была олицетворенная математическая точность. Но, видно, подъ этою строгою суровою наружностью было очень доброе сердце.

У Шнаубертъ была очень большая библіотека, большихъ шкаповъ шесть, оставшаяся послѣ ея покойнаго мужа, при чемъ значительная

*) Не слышь ли это Шнауберта, который былъ домашнимъ врачомъ у графа Ф. В. Радопчина въ его Вороновѣ? См. 2-ю книгу нашего сборника: „Девятнадцатый Вѣкъ“. П. Б.

часть книгъ была по Русской литературѣ. Не знаю, какъ отецъ провѣдалъ объ этой библиотекѣ, что говорено было у него съ Варварою Николаевною, но только я получилъ приглашеніе пользоваться этими книгами. Это было для меня величайшее счастье, какое потомъ уже не повторялось въ жизни. Ужъ и пользовался же я этими книгами! Приблизительно разъ въ недѣлю въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ являлся я къ Шнаубертъ съ столовою салфеткою. Молча встрѣчала меня Варвара Николаевна, молча отпирала по моему указанію тотъ или другой шкафъ, а сама молча садилась у окна къ своему рабочему столику. Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ 6—7, когда я былъ уже студентомъ Университета и въ теченіе лѣтъ трехъ готовилъ по-латыни къ вступительному въ Университетъ экзамену одного изъ внуковъ Варвары Николаевны, воспитывавшихся у бабушки по смерти ихъ отца (а ея сына), мальчика превосходныхъ способностей, прилежанія и поведенія, неизмѣнная Варвара Николаевна все попрежнему сидѣла у окна у того же своего рабочего столика, съ тѣмъ же блѣднымъ лицомъ, съ тою же черною бархатною на лбу повязкою, съ тою же лаконическою рѣчью... Я развязывалъ свою салфетку съ пудовою тяжестью, разставлялъ по прежнимъ мѣстамъ возвращаемыя книги и набиралъ новыхъ. Количество забираемыхъ книгъ никогда не ограничивалось какимъ-либо замѣчаніемъ Варвары Николаевны, хотя бы въ родѣ того, что живемъ мы рядомъ на той же «горкѣ», что можно и въ другой разъ придти. Одни только развѣ несходящіеся углы салфетки ограничивали мою жадность, заставляя отложить двѣ-три изъ намѣченныхъ книгъ и съ грустью поставить ихъ на полку до слѣдующаго своего прихода. Варвара Николаевна никогда не провѣряла и не записывала книгъ, а молча, кивнувъ мнѣ головою, запирала шкафъ и опять садилась къ своему столику.

Къ Шнаубертъ приходилъ я обыкновенно часу въ 4-мъ вечера, какъ было, должно быть, условлено. Подымаясь по лѣстницѣ во 2-й этажъ ея квартиры, я, проходя мимо кухни, всегда обонялъ специфическій запахъ кушанья, приготавлиаемаго на плитѣ. Когда, много лѣтъ спустя, и у меня самого стали «готовить на плитѣ» и изъ кухни въ прихожую (а то и подальше) сталъ распространяться запахъ жаркого, я никогда не могъ сердиться на виновниковъ этого запаха. Этотъ «Шнаубертовскій запахъ» напоминалъ мнѣ лучшія минуты въ моей жизни, когда я съ узломъ книгъ взбирался по Шнаубертовской лѣстницѣ или спускался съ нея.

Чего только не перечиталъ я изъ библиотечныхъ шкаповъ этой моей, по истинѣ, благодѣтельница! Отъ Ломоносова до Пушкина я перечиталъ все, что было у Шнаубертъ. Ломоносовъ, Сумароковъ, Фонъ-Визинъ, Екатерина II, Аблесимовъ, Капнистъ, Хера совъ, Богдановичъ

Петровъ, Костровъ, Карамзинъ (кромя Исторіи, извѣстной мнѣ гораздо раньше), Дмитріевъ, Измаиловъ, Мерзляковъ, Жуковскій, Озеровъ, Нахимовъ, Муравьевъ-Апостолъ, Гнѣдичъ, Капнистъ, Батюшковъ, Загоскинъ, Лажечниковъ, Кукольникъ, Погодинъ, Марлинскій читались отъ доски до доски, быстро, съ упоеніемъ; кое-что залегало въ душу, многое скользило только по ней, еще больше совсѣмъ не понималось и хотя считалось мною прочитаннымъ, но оставалось совсѣмъ внѣ сознанія.

Это ли только читалось? У Варвары Николаевны между прочимъ было полное собраніе журнала «Библіотека для чтенія», когда она выходила подъ редакцію Сеньковского. Она была прочитана мною вся за исключеніемъ отдѣла «Сельское хозяйство» и «Науки и художества»; кажется, тамъ можно бы было и это прочитать, но при невѣроятномъ количествѣ книгъ у Шнаубертъ, я съ «Библіотекою для чтенія» поступалъ какъ пресыщенный гастрономъ съ вареными раками: онъ очищаетъ клешни, облупливаетъ «шептальце», но остальные части бросаетъ. Такъ и я въ «Библіотекѣ для чтенія» прежде всего накидывался на Русскія и иностранныя повѣсти, потомъ читалъ знаменитую «Литературную лѣтопись», гдѣ ядовитый и необыкновенно остроумный баронъ Брамбеусъ часто двумя-тремя словами поражалъ на смерть какую либо бездарность, а иногда наносилъ чувствительный ударъ и истинному дарованію. Потомъ просматривалъ я отдѣлъ критики и другіе, но уже кое-какъ. Вредная, осмѣивающая все Русское злость покойнаго Поляка Сеньковского, тѣмъ болѣе опасная, что онъ былъ человѣкъ громадной эрудиціи и основательный ориенталистъ, къ счастью, не подѣйствовала на меня: должно быть, потому что Сеньковского читалъ я не исключительно а рядомъ съ перечисленными авторами. «Кромѣ Библіотеки для чтенія», я перебралъ «Современникъ» Пушкина, «Отечественныя Записки» Свиньина, и много другихъ менѣе извѣстныхъ поврежденныхъ изданій того времени.

Но не однимъ только этимъ легкимъ чтеніемъ снабжала меня вѣчно памятная мнѣ В. Н. Шнаубертъ. Историческія познанія мои ограничивались дотолѣ одною только «Исторією Государства Россійскаго» Карамзина. Теперь изъ библіотеки Шнаубертъ познакомился я со «Словомъ о полку Игоревѣ» по изданію Граматина, съ былинами по сборнику Кирши Данилова, со словаремъ Бантышъ-Каменскаго, съ «Письмами Русскаго офицера» Глинки, съ біографією Карамзина, написанною Старчевскимъ, съ «Записками о Россіи» Манштейна, со всѣми сочиненіями Вейдемейера («Обзоръ важнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго», «Царствованіе Елисаветы Петровны», «Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи»), съ различными военными исторіями,

включая конечно Михайловскаго-Данилевскаго. Карты сраженій я особенно прилежно разсматривалъ и за разноцвѣтными продолговатыми прямоугольничками, изображавшими наши и непріятельскія войска, очень еще живое тогда воображеніе представляло колонны нашихъ и непріятельскихъ солдатъ.

Говорить ли о жильцахъ въ Князе-Владимирскомъ приходѣ? Ихъ было такъ немного: Счастневы, Де-бошъ, Кондратьевы, Моисеевы... больше не припомню. Былъ еще торговецъ въ мелочной москательной лавочкѣ Иванъ Аванасьевичъ. Отъ него было дохода больше, чѣмъ отъ иныхъ богатыхъ людей. Вотъ и все, если не считать домовъ Фигнера, населеннаго нищими, Кучуминой, занятаго домовладѣлицею-старообрядкою, и будки, гдѣ однако очень часто рождались какіе-то младенцы, съ платою по 20 коп. за каждый при семь церковный обрядъ.

Остается сказать о Князе-Владимирскомъ причтѣ. Причтъ, кромѣ отца, состоялъ изъ дьякона Ивана Христофоровича и панамаря Уралова. Сверхъ того былъ трапезникъ старикъ Ефимычъ.

Старый старикъ Иванъ Христофоровичъ былъ на «дьячковской вакансіи». Это значитъ, что онъ былъ изъ неокончившихъ семинарскій курсъ, служилъ дьячкомъ, но по какому-нибудь особенному ходатайству посвященъ въ дьяконы, съ оставленіемъ прежняго содержанія, т. е. 20% изъ общаго дохода, наравнѣ съ панамаремъ, не возведеннымъ въ такой санъ. Иванъ Христофоровичъ имѣлъ густой бась, не смотря на свои лѣта. Это былъ крѣпкій тѣломъ и оконченѣлый духомъ старикъ. Онъ, напримѣръ, привыкъ басить на большомъ выходѣ: «Благочестивѣйшаго самодержавнѣйшаго великаго государя нашего императора...» Сколько отецъ ни училъ его потомъ, что надо произносить не «императора», а «императора», Иванъ Христофоровичъ до самой своей кончины не могъ отстать отъ «императора». Повидимому, онъ былъ недоволенъ, что отцу, а не ему, досталось у Князя-Владимира священническое мѣсто, хотя по образовательному цензу «бывшій» дьячекъ, онъ не имѣлъ на то права; а потому онъ и его семья встрѣтили насъ недружелюбно, и эта холодность продолжалась болѣе 10 лѣтъ до самой смерти этого дьякона, когда мѣсто его занялъ тоже старикъ Василій Борисычъ, сдѣлавшійся тотчасъ же добрымъ пріятелемъ отца и всего нашего семейства. Семья Ивана Христофоровича тоже чуждалась насъ болѣе чѣмъ позволительно. Крыльцо дьяконской квартиры было надъ нашею стеклянною галлереею. Бывало, если кто-либо изъ семьи дьяконской отворитъ свою дверь, чтобы выйти во дворъ, непременно взглянетъ вверхъ, не смотритъ ли кто изъ насъ внизъ съ галлерей. Если случайно кто-либо изъ нашихъ сидитъ у окна у него надъ головою, дверь дьяконская тотчасъ же затворяется, и намѣревавшійся выдти прячется на-

задъ. У дьякона было двѣ дочери, старыя дѣвицы; ихъ я еще видалъ нѣсколько разъ, неожиданно выходя изъ передняго крыльца на горку, когда тѣ, не имѣя никакой возможности сдѣлать предварительную рекогносцировку, возвращались домой. Но у дьякона было два сына взрослыхъ, гораздо старше меня. Учились ли гдѣ они, служили ли или такъ жили недорослями, не знаю; но я ихъ даже въ лицо никогда не могъ усмотрѣть вслѣдствіе особой ихъ, можно сказать, чисто-«звѣриной» хитрости. Въ церкви они никогда не бывали, а утромъ выходили изъ дому и возвращались домой къ ночи, не какъ всѣ прочіе жильцы церковнаго дома по горкѣ до лѣстницы, спускающейся отъ церкви на мостовую, а вплотную мимо домовой стѣны по проложенной ими по крутизнѣ дорожкѣ, словно волчьей тропинкѣ, за что мы и прозвали ихъ «волками».

Молодой панамаръ Ураловъ былъ очень милый человекъ и находился въ наилучшемъ отношеніи съ отцомъ. По развитію, держанью себя и даже одѣянью онъ ужъ очень далеко ушелъ отъ стариннаго типа дьячка въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Довольно сказать, что онъ весьма удовлетворительно исполнилъ въ послѣдствіи мое очень спѣшное ему порученіе: переписать мое кандидатское сочиненіе.

Но старикъ-трапезникъ Еѣимычъ остался еще отъ добраго стараго времени. Кромѣ сторожевой службы онъ замѣнялъ втораго пѣвца на клиросѣ. Одною изъ особенностей его чтенія было то, что послѣдній читаемый въ литургіи псаломъ начиналъ онъ всегда такъ: «Хранить Господь вся кости ихъ, и не едина отъ нихъ сокрушится», черезъ что псаломъ и кончался очень скоро. Церковныя пѣсни, особенно рѣдко воспѣваемые, Еѣимычъ измѣнялъ согласно собственнымъ возравніямъ. Такъ въ Пасху онъ пѣлъ: Богоотецъ Царь Давидъ предъ *сменемъ* ковчега скакаше играя» и т. д. Разъ какъ-то боленъ былъ панамаръ, и Еѣимычу, который былъ въ тоже время звонаремъ, нельзя было отлучиться съ клироса, чтобы ударить въ колоколъ къ «Достойно». Онъ поручилъ исполнить это мнѣ, тѣмъ болѣе, что это было очень легко: колоколъ былъ такъ малъ, что Еѣимычъ не трудился для благовѣста подыматься на колокольную, а прикрѣпилъ веревку къ языку большого колокола, а противоположный конецъ ея спустил на землю, такъ что, оставаясь на землѣ, очень легко было нѣсколько разъ дернуть веревку, чтобы «ударить къ Достойно». Вотъ и просить онъ меня замѣнить его въ исполненіи этой обязанности и точно объясняетъ время благовѣста, рекомендуя слѣдить что онъ будетъ пѣть: «неровно, говоритъ онъ, стану я «Единъ святъ, единъ Господь» (т. е. запою эту пѣснь), вы и ступайте ударять». Время Еѣимычъ рассчитывалъ очень точно, чтобы «ударить къ Достойно» въ самый разъ, но нелѣпой обоюдности рѣчи по простотѣ своей не могъ замѣтить. Между тѣмъ этотъ старикъ, невѣжественный искони, окончатель-

но придавленный гнетомъ бѣдности, безропотно еще лѣтъ 25 несъ тяжкій крестъ: въ его сторожкѣ лежала все время безъ движенія его разбитая параличемъ жена, за которою ухаживалъ самъ мужъ, не имѣя средствъ держать какую либо прислугу. Вотъ она гдѣ нравственная-то высота!

Отецъ окончательно осмотрѣлся и устроился на новомъ мѣстѣ. Теперь вниманіе его необходимо должно было обратиться на меня, только сидѣвшаго надъ учебниками, но ничему не учившагося послѣ злосчастной исторіи у отца съ Апраксиной въ концѣ Октября 1853 года. Отецъ снова принялся меня учить.

Предварительно повелъ онъ меня въ церковь, гдѣ, въ присутствіи одного только панамаря, отслужилъ молебень и что-то читалъ надо мною, прикрывъ меня эпитрахилью. Мнѣ казалось, что готовится нѣчто въ родѣ жертвоприношенія Исаака. Послѣ молебна началось ученіе, при чемъ, конечно, обнаружилось, что новаго я ничего не узналъ, а изъ стараго много позабылъ. Все это возмѣщено было и возмѣщалось обильными тѣлесными наказаніями. Тѣмъ не менѣе пришлось начинать чуть не съ самого начала. Оттого-то и сохранился у меня второй экземпляръ Латинскихъ упражненій, написанный болѣе мелкимъ, чѣмъ первый, почеркомъ. Опять пошли эти: «Terrae figura est rotunda, Corpus est animae domicilium aut instrumentum. Опять пошли переводы съ Греческаго «повѣстей Гіеракла» съ аляповатыми анекдотами о какомъ-то схоластикѣ. Въ одномъ разсказѣ «схоластикѣ», желая плавать, едва не задохнулся, и такъ клялся, что онъ не коснется воды, пока не выучится плавать». Въ другомъ этотъ нелѣпый «схоластикѣ» сѣлъ на лошадь на паромѣ, объясняя, что онъ «спѣшитъ». Въ третьемъ глупый «схоластикѣ», встрѣтивъ одного изъ двухъ братьевъ-близнецовъ, спросилъ его: «ты умеръ или братъ твой?» Эта непробудная глупость «схолатика» для перваго, раза едва ли въ благопріятномъ свѣтѣ представляла ученыхъ и ученость. За повѣстями изъ Гіеракла попрежнему переводились басни Эзопа.

Болѣе пріятнымъ дѣломъ было заучиваніе наизусть молитвъ «Отче нашъ» и «Богородица» по-латыни и по-гречески, а по-гречески сверхъ того «Символа вѣры», кондаковъ, тропарей и икосовъ на Воскресеніе Христова, на Рождество и на другіе двенадцатые праздники, а также сложенныхъ въ честь разныхъ святыхъ, Іоанна Предтечи, Николая Чудотворца и т. д. Снова явилась на сцену и Русская грамматика Востокова, при чемъ помню, что даже и въ это время я съ очень большимъ трудомъ, и то съ постоянными ошибками, могъ отличать ударяемый слогъ отъ неударяемаго, хотя, конечно въ говорѣ и не уподоблялся дьякону Ивану Христофоровичу.

Отецъ ежедневно приносилъ домой *Московскія Вѣдомости*. Въ монастырѣ онъ бралъ эту газету у Оппель, въ приходѣхъ тоже у кого-то.

И еще подъ Дѣвичимъ исправно читалъ *Московскія Вѣдомости*. Особенно занимали меня рассказы объ охотѣ на Львовъ какого-то Жирара, вѣроятно Француза въ Алжирѣ. Съ перѣездомъ къ Князю-Владимиру или (какъ принято было называть у насъ) «на Солянву», я сдѣлался еще болѣе прилежнымъ читателемъ этой газеты, хотя изъ политическаго ея отдѣла ничего не помню. Едва ли тогда я интересовался этимъ, ибо политическихъ разговоровъ пока никакихъ не слыхивалъ. Но вотъ въ Февралѣ 1855 года встрѣчаю я въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* извѣстіе, что государь Николай Павловичъ заболѣлъ гриппомъ. Очень хорошо вспоминаю теперь это извѣстіе, а равно и то, что ни я, ни кто другой въ домѣ не могъ тогда завѣсить всей страшной тревожности этого извѣстія. Мы, повторяю, такъ далеки были въ то время отъ всякой политики, что намъ и въ голову не могло придти, что о болѣзни Царя печатаются бюллетени только при очень серьезной опасности, если только не при полной безнадежности. Слово «гриппъ» даже показалось мнѣ забавнымъ, напоминая Воробьевскіе грибы. Тѣмъ съ бѣльшимъ ужасомъ и отчаяніемъ, по крайней мѣрѣ мною, была принята вѣсть о кончинѣ Государя.

Возвращается какъ-то отецъ домой отъ всенощной, на которой мы не присутствовали, и говоритъ: «Государь умеръ!» Увѣренный тонъ его взволнованнаго голоса не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Откуда это онъ узналъ? Вѣроятно, будучи въ церкви, онъ получилъ о томъ официальное извѣщеніе отъ своего благочиннаго черезъ «десятскаго», т. е. дьячка, состоящаго рассыльнымъ при благочинномъ. Безъ сомнѣнія, было прислано отъ Консистеріи и распоряженіе привести утромъ всѣхъ къ присягѣ. Чрезвычайно ясно помню, какъ потрясла, какъ подавила меня 14 лѣтняго мальчика эта страшная вѣсть. Я, какъ вѣроятно и болѣе взрослые мои современники, не привыкли мыслить Россію безъ Николая Павловича. Это представлялось чѣмъ-то единымъ. «Николай Павловичъ» казалось какимъ-то нарицательнымъ именемъ царя. Позднѣйшій аналогичный хотя далеко не такъ важный случай можетъ пояснить это смѣшеніе понятій. Когда умеръ Филаретъ, съ 1821 по 1867 годъ бывший митрополитомъ Московскимъ, имя «Филаретъ» уже давно утратило собственное значеніе и обратилось въ нарицательное; а потому иные простодушно и спрашивали: а кто теперь будетъ у насъ *Филаретомъ*? Императоръ Николай царствовалъ 29 лѣтъ. Большинство не помнило его предшественника, знало, какъ современника, только *одного* царя, а о *царяхъ* могло только читать въ книгахъ.

Сверхъ того всѣ, и я въ томъ числѣ, знали, что у насъ война, тяжелая, страшная, опасная война. «Что будетъ съ Россією безъ царя?» Этотъ вопросъ ужаснулъ меня, какъ вѣроятно и многихъ, повторяю,

знавшихъ только *одного* Николая I. Голова пошла кругомъ, мысли, помутились, и я, затворивъ дверь кабинета, въ темнотѣ долго и горячо молился, хотя теперь и никакъ не могу припомнить, о чемъ именно могъ я просить Бога. Съ тѣхъ поръ пришлось мнѣ пережить кончины Александра II и Александра III; но, въ силу указанныхъ соображеній, впечатлѣнїе было далеко не такъ сильно, не смотря ни на ужасъ 1-го Марта, ни на безвременность кончины Александра III-го. Во время смерти Александра Николаевича я былъ уже редакторомъ большой политической газеты *Современныя Извѣстїя*, былъ въ курсѣ политическихъ событїй въ Россїи и въ Европѣ; по поводу многократныхъ покушенїй на Царя-освободителя постоянно составлялъ статьи, изучалъ политическіе процессы и очень много писалъ по поводу ихъ; почва къ воспрїятїю ужасной вѣсти была отчасти уже приготовлена. Неудалось это покушенїе; Богъ избавилъ и въ другой разъ, и въ третїй и т. д. Но вѣдь опасность была такъ велика, такъ неминуема. Но возьми пуля нѣсколько ближе, не запоздай нѣсколькими минутами взрывъ и, страшное преступленїе совершилось бы. Боюсь, что не доведу своихъ настоящихъ воспоминанїй до этой роковой минуты, а потому позвольте ужъ докончить эти воспоминанїя.

Приходитъ часу въ 11 вечера къ намъ въ редакцію извѣстная первая телеграмма за подписью Лорисъ-Меликова о новомъ покушенїи. Государь раненъ весьма опасно. Это нельзя не понять послѣ знакомства со всѣми прежними въ подобныхъ случаяхъ оповѣщенїями. Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ, издатель *Современныхъ Извѣстїй*, игралъ въ эту минуту съ кѣмъ-то въ шахматы. Я прошу его бросить игру и ѣхать къ генераль-губернатору за дальнѣйшими свѣдѣнїями; ибо помимо всего, завтрашнїй № уже сверстанъ, а въ виду этого страшнаго извѣстїя нельзя подписать къ печатанїю. Онъ быстро переодѣвается, уѣзжаетъ, но очень долго не возвращается. Проходитъ страшно-томительный часъ, другой... Но вѣдь надежда еще не потеряна. Можетъ-быть, и на этотъ разъ Богъ помилуетъ. Государь можетъ еще выздоровѣть отъ опасной раны. Но есть время и приготовиться къ окончательной ужасной вѣсти... Слабый звонокъ... Это изъ типографїи принесли мнѣ корректуру первой телеграммы министра внутреннихъ дѣлъ. Писать ли что-либо по поводу новаго злодѣяства?... Но какъ писать? Можетъ быть, даже навѣрное, ночью придетъ еще телеграмма. Написанное можетъ оказаться неполнымъ, а, можетъ быть, и совсѣмъ негоднымъ. Что же это не возвращается Н. П-чъ?... Какъ долго! Вотъ опять звонокъ, но уже очень рѣзкій. Вздрагиваю. Это онъ. Дѣйствительно, входитъ Н. П-чъ и молча отдаетъ мнѣ кошію со второй телеграммы. Смотрю: «Государь въ Бозѣ почилъ!» Напишите что нибудь: я не могу, говорятъ мнѣ Н. П-чъ.

И отправляюсь въ типографію, отдаю въ наборъ послѣднюю телеграмму, приказываю поставить траурную кайму. (Это такъ не трудно: только типографскія линейки перевернуть, наставивъ ихъ вмѣсто остраго края тупымъ). Въ сильномъ волненіи отъ ужаса и горя могу написать только строчки полторы, простое указаніе на помѣщенные ниже набранныя mittel-емъ (оч. крупнымъ шрифтомъ) телеграммы министра. Посылаю эти полторы строчки, какъ подлежащія строжайшей оцѣнкѣ, на просмотръ Н. П-ча. Посланный возвращается. «Они ужъ спать легли», говоритъ глухой посыльный, не понимая, что Н. П-чъ, глубоко потрясенный, просто заперся у себя въ кабинетъ. Читаю корректуру второй телеграммы, смотрю оригиналь,—онъ на простой бумагѣ, безъ подписи «кн. В. Долгорукій», даже не на бланкѣ. Припоминаю единственныя слова Н. П-ча при возвращеніи отъ генераль-губернатора: «Народу такъ много долго дождался, ужъ въ канцеляріи мнѣ списали». Видно, первы мои были сильно потрясены, когда напало на меня нелѣпое сомнѣніе въ подлинности этой второй телеграммы. Не ошибся ли какъ Н. П-чъ? Но и онъ не о двухъ головахъ. Но онъ уже спитъ. Не разбудить ли? Но вѣдь это нелѣпо—сомнѣваться въ телеграммѣ, привезенной изъ канцеляріи генераль-губернатора. Да и о чемъ могу спросить Никиту П-ча? Вы ли привезли эту телеграмму? Но вѣдь онъ передалъ ее мнѣ изъ рукъ въ руки, но вѣдь я ее прочелъ, вѣдь самъ отдалъ въ наборъ, вѣдь вотъ она самая теперь у меня передъ глазами; а наборъ съ нея я нѣсколько разъ сличилъ съ оригиналомъ, провѣрилъ каждое слово, букву. А все таки рука не подымается подписать № къ печатанью. Наконецъ пересилилъ я себя, подписалъ и уѣхалъ домой, но не раздѣвался и не ложился спать, ожидая утра и выхода прочихъ газетъ. «Ну, какъ у насъ только однихъ?!» мерещится въ помутившейся отъ впечатлѣній и отъ безсонницы головѣ. Разсвѣтаетъ. Часовъ ужъ около 6. Еще до полнаго разсвѣта посылаю прислугу купить № какой-нибудь газеты, но только кромѣ *Современныхъ Извѣстій*. Возвращается прислуга, но безъ газеты. Чтоже газеты?—«Да только однѣ *Современныя* всѣ и читаютъ на Арбатѣ, народъ собирается кучками; одинъ читаетъ, другіе слушаютъ». Такъ, такъ, конечно, чудовищная вѣсть напечатана только у насъ; оттого-то только наша газета и собираетъ толпы народа! Я и того тогда не сообразилъ, что по абсурдности моей *Современныя Извѣстія* выходили при моемъ редакторствѣ раньше прочихъ. Посылаю вторично и наконецъ получаю какую-то газету; смотрю—тамъ *тоже!*

Не стану распространяться о кончинѣ императора Александра III. У всѣхъ свѣжо еще въ памяти, какъ долго, изо дня въ день получались бюллетени, послѣдовательно одинъ печальнѣе другого, какъ еще за нѣсколько дней всякая надежда на выздоровленіе была уже потеряна, какъ

почти навѣрное можно было, взвѣсивая значеніе продолжительнаго перерыва послѣ предпослѣдней телеграммы, предсказать, что слѣдующая будетъ уже роковая.

*

Лѣтъ до 13 я не зналъ ни одного товарища, и даже мысли о товариществѣ совсѣмъ не возникало у меня, ибо я не видалъ примѣровъ этихъ отношеній. Для разговоровъ, для игръ были братья и сестры, но чужихъ никого не было. Познакомился было я съ двумя сыновьями попа Данилы. Это, должно быть, были очень хорошіе мальчики, потому что одинъ изъ нихъ сдѣлался потомъ извѣстнымъ археологомъ и недавно скончался; но съ дѣтьми попа Данилы лежали мы раза два около монастырской стѣны, поглазѣли на нее, и такъ какъ никакихъ точекъ сближенія между нами не оказалось, то этимъ дѣло и ограничилось. Разъ какъ-то тоже ѣлъ я свербяку съ двумя огородничьими мальчишками, слышалъ отъ нихъ о какихъ-то пакостяхъ, какъ только теперь догадываюсь, но тогда ничего не понялъ изъ ихъ преподаванія и тотчасъ же забылъ ихъ лекцію, потому что и знакомство-то все ограничилось встрѣчею одинъ только разъ. Раза два видался я съ двоюродными братьями Смирновыми, дѣтьми Ивана Васильевича, моего двоюроднаго дяди, бывшаго священникомъ у Воздвиженья на Овражкахъ. Припоминаю, со старшимъ изъ нихъ было у насъ пререканіе по поводу какого-то жестяного стаканчика, тотчасъ же между нами поселившее нѣкоторую холодность. Родители Смирновы умерли въ 1848 году отъ холеры, сироты эти были разобраны добрыми людьми, и такимъ образомъ я очень рано потерялъ ихъ изъ виду. Вотъ и все, что оказалось при самомъ тщательномъ обшариваніи хранилища моей памяти: случайныя встрѣчи, далекія знакомства.

Первымъ по времени товарищемъ явился Володя, сынъ Сергѣя Петровича Гилярова. Около 1850 года «Черкизовскіе» привезли Владимира въ Москву. Онъ былъ въ тулупѣ, что, какъ рѣдкость, поразило меня, конечно потому, что мальчиковъ почти совсѣмъ я не видалъ, а мальчика въ тулупѣ увидалъ впервые. Мы познакомились очень скоро; по крайней мѣрѣ прежде чѣмъ успѣлъ поспѣть самоваръ для продрогшихъ на морозѣ родныхъ, проѣхавшихъ сто верстъ, Владимиръ, не снимая тулупа, уже игралъ со мною въ карты, обучая меня какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ играмъ. Эту страсть къ игрѣ онъ сохранилъ всю жизнь, тогда какъ я совсѣмъ до картъ не охотникъ. Володя прогостилъ у насъ дня два - три и потомъ возвратился домой въ Черкизово. Во второй разъ увидалъ я его, но когда уже онъ окончательно привезенъ былъ въ Москву въ 1854 году для поступленія въ Семинарію. Ему тогда шелъ 16-й годъ, а мнѣ было 14 лѣтъ. Съ этихъ поръ и возникла

между нами самая тѣсная дружба, не прерывавшаяся до недавней его кончины, ибо помимо всего моя и его судьба была одинакова. Только мы двое изъ Гиляровыхъ, Александровичей и Сергѣевичей, и окончили въ Университетѣ курсъ, и каждый изъ насъ съ молодыхъ лѣтъ, прежде чѣмъ самъ началъ «жить», долженъ былъ получить одинаковое наслѣдство: семьи нашихъ родителей, оставшіяся безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ. Владимиръ неуносительно и самоотверженно донесъ это тяжелое бремя до самой гробовой доски, обезпечивъ и дальнѣйшее существованіе своихъ ближайшихъ родственниковъ.... Но къ «Володѣ» я еще не разъ возвращусь.

И такъ до 14 лѣтняго возраста я совсѣмъ не зналъ товарищества, не имѣлъ даже представленія о немъ. А другія мои раннія чувства? До 16 лѣтняго возраста воображеніе мое ни разу не посѣждалось не только какимъ либо нечистымъ, но даже и идеальнымъ образомъ. Было совершенно пустое мѣсто. Очень любопытно припомнить: откуда, черезъ что пробудилась эта потребность въ 16 лѣтъ отъ роду облечь своимъ недостигаемо-высокимъ идеаломъ первую попавшуюся на глаза земную плоть! Откуда возникъ и самый этотъ идеалъ? Пока были игры, даже шалости, Латинская и Греческая грамматики, книги въ родѣ Исторіи Карамзина и т. п.; изъ этого матеріала не могло возникнуть какой-либо искры. Отвѣчать затрудняюсь на этотъ вопросъ, но догадку, основанную на документахъ, представить могу.

Съ 22 Марта 1856 года я началъ вести дневникъ, который доселѣ уцѣлѣлъ у меня. Дневникъ этотъ мѣстами написанъ изобрѣтеннымъ мною шифромъ, который теперь самому приходится разбирать не безъ труда. (Вотъ какъ не легко даются иные историческія разысканія!) А зашифрованныя-то именно мѣста и касаются той любви, которую въ заголовкѣ опредѣлилъ я какъ «глухонѣмую».

Дневникъ начинается замѣткою, что относилъ книги къ В. Н. Шнауберту и взялъ новыхъ: Библіотеку для чтенія 1845—1846 гг.

Итакъ глухонѣмой любви предшествовало продолжительное чтеніе книгъ Шнауберта. «Библіотека для чтенія» начала выходить, кажется, съ 1834 года; читалась она въ порядкѣ, притомъ въ перемежку съ другими книгами. Итакъ глухонѣмой любви предшествовало продолжительное пожираніе книгъ преимущественно, конечно, беллетристики; и такъ начало этой любви найдено: она вычитана изъ книгъ. Далѣе подъ 25 Мартомъ, Воскресеньемъ, записано: «Послѣ обѣда два раза ходилъ къ Сухаревой башнѣ за исторіей Аббата Миллота. За 13 томовъ я заплатилъ 3 р. с.; очень радъ, что приобрѣлъ такую полезную книгу. Когда я шелъ къ Сухаревой башнѣ, встрѣтила меня какая-то дѣвченка и просила передать сестрѣ кувлу. Я отказался. Не знаю, какъ развязаться

съ школьницами: онѣ присылаютъ мнѣ старыя деньги; отказаться не хочется и брать не хочется. Еще если бы онѣ хоть недурны были, а то рожа на рождѣ. Я и забылъ написать, что видѣлъ за ранней обѣдней двухъ дѣвушекъ дочерей (да позволить читателю умолчать фамилію, не на что ему не нужную). Старшей изъ нихъ, какъ кажется, лѣтъ 18, а младшей лѣтъ 14. У младшей глаза очень мнѣ нравятся. Только три раза я видѣлъ этихъ дѣвицъ и, бажеться, влюбленъ, но до сихъ поръ не могу сказать, въ которую только».

Внизу этого зашифрованнаго признанія самому себѣ моею же рукою черезъ годъ поставлено примѣчаніе: «Глупо же я писалъ. Можно было написать: «Мнѣ обѣ онѣ нравятся», а не «влюбленъ, да не знаю въ какую». Это точно у Гоголя Агаея Тихоновна говорить, когда думаетъ, кого выбрать изъ жениховъ: «такое несчастное положеніе дѣвицы, особливо еще влюбленной».

Позвольте остановиться на этомъ переходѣ отъ отрочества къ юности. У мальчика полны руки чужихъ книгъ, но ему вынь да положь «свои» книги. Для этого можно даже два раза съ Солянки сбѣгать подъ Сухареву, первый разъ вѣроятно безъ денегъ, а второй, когда давно желанная книга «сего ужаснаго носа» оказалась въ продажѣ, уже съ деньгами. По дорогѣ пристають не въ первый уже разъ «дѣвченки» изъ начальнаго пріюта, «рожа на рождѣ». А о главномъ-то предметѣ и «забылъ» написать. Воображеніе ищетъ, куда бы помѣстить свой идеалъ и сразу находитъ *два* оба равно удобныя помѣщенія». Отнынѣ вся эта семья возводится на Олимпъ и по тонкимъ извивамъ чертъ своего лица получаетъ отнынѣ наименованіе «179».

Это хранимое во глубинѣ души «179» изображается чернилами на учебномъ столѣ, принимаетъ другую форму, и на томъ же столѣ пишется чернилами исправленная закорючка, которой дается наименованіе «179». Культъ избранныхъ божествъ состоитъ въ ежедневномъ подмазываніи этой загогулины чернилами, дабы была она какъ можно жирнѣе, вѣковѣчнѣе!

Далѣе въ дневникѣ значитса, что совсѣмъ «не имѣлъ свободнаго времени отъ Варвары Николаевниныхъ книгъ», что однако не помѣшало 26 Марта и 1 Апрѣля съ Владимиромъ «проиграть въ карты до 5-го часа утра».

3 Апрѣля было рѣшительнымъ днемъ для «глухонѣмой любви». Въ нашемъ приходѣ было необычайное зрѣлище: «спускали съ нашей колокольни большой колоколь, чтобы перелить его въ новый бѣльшій. Передъ тѣмъ какъ ему упасть, показались *они* на лѣстницѣ къ церкви.

«— А. И—на! пожалуйте сюда, скорѣй, скорѣй! такъ кричалъ староста Саватюгинъ, и А. И—на и три дочери ея побѣжали къ нашему

крыльцу. Я стоялъ на крыльцѣ, и онѣ стали здѣсь же. Я вблизи разсмотрѣлъ младшую: совсѣмъ не такъ хороша она въ сравненіи со старшей». Изъ собирательнаго <179> окончательно выдѣляется <Черкешенка>.

Идеаль пристроенъ. Остается самому принять болѣе благообразный видъ, ибо семейное прозвище мое было <дигообразъ>.

Уже 5 Апрѣля оказывается, что <теперь у меня есть приличное платье: нынче портной принесть сюртукъ и черныя панталоны, Петя на дняхъ подарилъ. Съ нынѣшняго вечера я сталъ читать историка А. Милота. Въ Субботу придетъ Владимиръ. Съ нимъ надо переговорить объ извѣстномъ дѣлѣ и кстати показать ее.>

Въ это время вся семья <179> говѣла, и я изъ свидѣтельства объ исповѣди узналъ ея имя. Въ Субботу всѣ <179> причащались. <Она была восхитительно одѣта: бѣлое платье, рука у кисти закрыта, а потомъ вплоть до плеча покрыта тонкою матеріей... Маменька говоритъ, что когда она причащалась, то заплакала. Это мнѣ очень нравится. Я молился за нее.>

9 Апрѣля, <послѣ заутрени, обѣдни съ проповѣдью и благодарственнаго молебствія, при чемъ была и она, почти весь народъ остался на горкѣ, и она тутъ же. Немного спустя привезли новый колоколь. Въ началѣ молебна она стояла у нашего крыльца, а къ концу, на крыльцѣ. На ней была голубая шляпка и сѣрый бурнусъ. У нея черные волосы и въ родѣ черныхъ глаза. Мнѣ кажется, она походитъ на Анну Арестовну, которая жила у Марьи Сергѣевны Наумовой.>

Подъ 13 Апрѣля уже цѣлая драма. <Вотъ и Великая Пятница, а ея не видно нигдѣ. Я страшно измучился въ ожиданіи увидѣть ее. Нынче и заутрени отошла, и часы прочитали, а ея не видалъ. Наконецъ стою у вечерни и какъ будто чувствую, что она идетъ. Оглянулся и вижу ее опять въ той же голубой шляпкѣ. Брату Петру она понравилась. Онъ все спрашиваетъ: сколько за ней денегъ? А хорошо бы было, если бы онъ женился на ней; по крайней мѣрѣ можно чаще бы видѣть ее, да и родственныя отношенія гораздо короче прочихъ. Воображаю, какъ она сидѣла бы со мной, въ ожиданіи Петра, который конечно не лучше прежняго сталъ бы жить... Зачѣмъ я не на мѣстѣ Петра?..>

18 Апрѣля въ Свѣтлое Воскресенье у заутрени опять удалось видѣть ее, равно какъ у вечерни, послѣ которой <пощель съ Владимиромъ на Солянку купить конфектъ>, послѣ чего <все открылъ> Владимиру, <потому что недавно какъ-то особенно сдружился съ нимъ>.

Послѣ различныхъ замѣтокъ о хожденіи въ <гости> къ зятю Соколу, объ игрѣ тамъ и дома съ Владимиромъ въ карты, 24 Апрѣля значитъ: <Ея почти вовсе не вижу>. 27 Апрѣля, при такомъ высоко-

идеальномъ настроеніи, моя юношеская чистота два раза обрызнулась грязью: «по случаю крещенія перваго моего родного племянника я выпилъ почти два бокала полушампанскаго, три рюмки простого, рюмку травнику и рюмку хереса». Потомъ младшій братъ моего зятя Валеріанъ, неучъ и забуддыга, лѣтъ 26, далъ мнѣ книжку подъ заглавіемъ *Родственникъ Магомета*, которая «вскорѣ по выходѣ своею была запрещена, какъ неблагопристойная. Въ ней описываются похождения одного Француза въ Турціи. Вчера, ложась спать, я началъ ее читать, а нынче кончилъ». Но вслѣдъ за этимъ Дневникъ отмѣчаетъ рѣшимость: «теперь хочу заниматься дѣломъ хорошенько. Не хочу читать пустыхъ повѣстей Библіотеки для чтенія»; буду читать книги полезныя, какъ напри- мѣръ Исторію А. Миллота, котораго я сейчасъ читалъ 13-й томъ о пре- бываніи Французовъ въ Россіи. Мнѣ понравилось описаніе одежды Французовъ въ послѣднее время пребыванія ихъ въ Москвѣ: «Иной стоялъ на часахъ въ священничей ризѣ съ ружьемъ, въ воинской тре- угольной шляпѣ съ перомъ и босикомъ; другой въ женской мантильѣ, подпоясавшись гусарскою перевязью, въ мужицкой рыжей шляпѣ, въ панталонахъ и лаптяхъ; третій въ рясѣ и гренадерской каскѣ; тотъ въ старинномъ Русскихъ бояръ кафтанѣ, въ мужицкомъ треухѣ и вотахъ; тотъ въ лакейской ливрѣ съ галунами и солдатскомъ киверѣ...»

Съ этихъ поръ надо отмѣтить начало только что возникавшаго моего политическаго направленія. Съ моимъ отцомъ хорошо былъ зна- комъ О. Н. Морозовъ, управляющій домомъ В. А. Кокорева. Не знаю, какого образованія былъ симпатичный Морозовъ, но онъ любилъ книги и имѣлъ маленькую свою библіотечку. Съ Пушкинымъ познакомился я по его экземпляру и вторично по его же экземпляру перечиталъ Гого- ля, знакомаго мнѣ еще подѣ Дѣвичимъ. Какъ близкій человѣкъ Кокорева, одного изъ тогдашнихъ руководителей общественнаго движенія, Моро- зовъ долженъ былъ быть человѣкомъ передовымъ, съ направленіемъ новаго царствованія. Онъ меня ласкалъ и даже приглашалъ поступить къ «нимъ», обѣщая сдѣлать изъ меня богатаго человѣка, отъ чего я имѣлъ благоразуміе отказаться. При бесѣдахъ Морозова съ отцомъ и присутствовалъ, внимательно прислушивался къ нимъ и даже записы- валъ наиболѣе выдающееся.

29 Апрѣля записываю: «Въ 11 часовъ вечера послѣ всенощной у насъ былъ О. Н. Морозовъ и говорилъ съ папенькой между прочимъ про секту раскольниковъ «Христова Странника». Раскольники эти не признаютъ надъ собою никакой власти кромѣ Христовой. Потомъ раз- говаривали о заключеніи мира: слышно, что всѣ недовольны, что можетъ быть бунтъ. Между прочимъ папенька говорилъ о доходахъ въ мини- стерствѣ путей сообщенія. Въ Коломнѣ по тракту изъ Москвы въ

Астрахань нужно было построить мостъ черезъ рѣку Коломенку. Сдѣлали смѣту, чтобы построить каменный мостъ, въ 150,000 р. асс., и онъ сталъ бы на 150 лѣтъ. Такъ нѣтъ же! Министерство вздумало выстроить деревянный Американскій въ 25,000 р. с. Конечно, это дешевле; но какъ построили, такъ поставили по солдату на томъ и на другомъ концѣ моста; какъ кто идетъ, солдатъ и говоритъ, чтобъ тише ѣхалъ: мостъ-доскаты можетъ сломаться; также если обозъ шелъ, должно было провезти одну повозку, потомъ другую, такъ что бы никоимъ образомъ двумъ повозкамъ не быть одновременно на мосту. Какъ-то Наслѣдникъ, нынѣ царствующій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, проѣзжалъ черезъ Коломну. Ему, конечно не смѣли сказать: «поѣзжай тише!» Какъ только онъ проѣхалъ, такъ и не досчитались винтовъ десятка полтора. Наконецъ и совсѣмъ сломали этотъ мостъ, чтобы снова построить Американскій же и опять нажитья.

Въ городѣ Владимирѣ нѣсколько лѣтъ объясняли министру, что надо починить мостъ, и все не чинили, пока крестный ходъ не провалялся и не погнбло, какъ говорятъ, 700 человекъ.

На Ярославской дорогѣ выгнали шоссе такъ узко, что двумъ повозкамъ трудно разѣхаться. Впрочемъ скоро отдали строителей подъ судъ и лишили ихъ чиновъ».

Эти длинныя выписки привелъ я, какъ обращеніе съ чего начиналась тогда критическая работа общественной мысли. Злоупотребленія министерства путей сообщенія, обнаружившіяся предъ обществомъ, кажется, были однимъ изъ главныхъ исходныхъ пунктовъ такой критики.

И у меня тоже начинается критика. «Часто у насъ, отмѣчаю я надъ 3 Маемъ, пишутъ въ новостяхъ, что двѣ какія-нибудь дѣвушки поклонутся другъ другу въ томъ, что если у нихъ будутъ дѣти, сочетать ихъ бракомъ. Противъ такихъ глупыхъ обѣщаній мнѣ пришло въ голову написать со временемъ повѣсть, въ которой двѣ дѣвушки обѣщали бы другъ другу женить своихъ дѣтей. У той и другой рождается по двое дѣтей: сыновья первенцы и двѣ дочери. Сынъ одной матери влюбляется въ дочь другой, а сынъ этой другой матери въ дочь первой. Вотъ тутъ извольте расхлебывать эту кашу».

Читаю *Русскій Вѣстникъ*, журналъ, уже новаго направленія. Повѣсть «Гертруда - де - Бельмонсъ» кажется «хотя и занимательною, но невѣроятною»; читаю «Пиккиліо Альвіага» Скриба.

Глухо-нѣмая любовь питается рѣдкими встрѣчами. 6 Мая. въ Воскресенье, у насъ служили обѣдню уже въ «холодной». «Я взшелъ въ церковь и былъ у самыхъ дверей. Смотрю, гдѣ у насъ два мѣста для тѣхъ, кто почище одѣты,—они ужь тутъ, и какъ только кто ни взойдетъ, она сейчасъ оглянется и поневолѣ встрѣтится глазами... Она еще

лучше прежняго мнѣ показалась. Когда кончилась служба, она прошла мимо меня такъ близко, что чуть не задѣла платьемъ».

На помощь моему развитію выступаетъ новый сильнѣйшій двигатель, подъ воздѣйствіемъ, но и подъ сильнѣйшимъ нравственнымъ гнетомъ котораго будетъ оно отнынѣ совершаться. Это мой родной дядя Н. П. Гиляровъ-Платоновъ, доселѣ только разъ въ жизни, да еще въ дѣтствѣ, видѣнный мною.

7 Мая приходитъ Владимиръ и рассказываетъ, что онъ былъ у этого дяди. Сообщаетъ бесѣду съ нимъ. «Говорили о мирѣ, о войнѣ, о правленіи; о томъ, что скоро цензура будетъ пропускать все кромѣ того, что написано 1) противъ Государя, 2) противъ вѣроисповѣданія, 3) слишкомъ неблагопристойно, такъ что каждый можетъ писать почти все, что хочетъ». Тутъ же унасъ обоихъ впервые зарождается мысль о возможности крутого поворота съ нашего, завѣщаннаго прадѣдами пути. Владимиръ пошелъ въ Семинарію, гдѣ онъ былъ казеннокоштнымъ; я отправился провожать его. «Дорогой разговаривали о томъ, какъ хорошо было бы поступить въ Университетъ по медицинскому факультету. И такъ нашъ разговоръ былъ занимателенъ, что я не могъ съ Володей разстаться до самой Семинаріи».

Легко сказать «поступить!» Прежде всего что скажутъ наши отцы? Положимъ, Сергѣй Петровичъ можетъ согласиться по своей «безопасности», а мой отецъ?... Не пришло тогда мнѣ въ голову, что и самъ мой отецъ во время оно пробовалъ поступить въ Университетъ, ходилъ даже туда, вѣроятно на медицинскій факультетъ, но что-то ему тамъ не понравилось, и онъ оставилъ Университетъ.

— Какъ же, спрашивалъ я его при его рассказѣ, держали вы экзамень что-ли для поступленія туда?—Никакого не было экзамена тогда, отвѣчалъ отецъ.— Такъ какъ же поступали туда?—Очень просто. Придетъ семинаристъ къ ректору Университета, заявитъ о своемъ желаніи слушать лекціи. Тотъ поговоритъ съ нимъ по латыни. Тѣмъ дѣло и кончалось.

Дѣйствительно, чего же было тогда и требовать отъ вступающаго въ Университетъ, какъ не латыни только, на которой тамъ читались лекціи, а кто изъ семинаристовъ не говорилъ бѣгло по латыни?.. И какъ трудно было отыскать эту латынь гдѣ-нибудь помимо Семинаріи! Ограниченіе, а потомъ и окончательное воспрещеніе принимать въ университеты по семинарскому аттестату, всегда казались мнѣ историческою неправдою. Университеты разжирѣли плотью и кровью семинарскою и потомъ съ презрѣньемъ отвернулись отъ почвы, на которой сами выросли.

Дневникъ отмѣчаетъ проѣздъ 7 Мая Царя черезъ Москву, «кто говорить въ Крымъ, а кто говорить, Богъ знаетъ, куда».

Изъ всѣхъ членовъ семьи я отличался особенною хозяйственностью. Когда въ это время сталъ сѣзжать отъ насъ зять съ сестрою, «жившіе у насъ болѣе двухъ лѣтъ», «я былъ занятъ перевозкою ихъ вещей». Когда заблаговѣстили ко всенощной, «я отдалъ сапоги чистить», случай исключительный, заслуженный мною вѣроятно немалыми трудами по перевозкѣ вещей зятя, «а самъ сѣлъ съ зятемъ у окна; вдругъ вижу идутъ «179». Я тотчасъ же бросился одѣваться и пришелъ въ церковь до «Свѣте-Тихій». Во время шестопсалмѣя я приходилъ домой и только успѣлъ выкурить полпапироски (куренью обучилъ меня Владимиръ), какъ пошелъ крупный, но рѣдкій дождь. Я бѣгомъ въ церковь. Къ концу всенощной такая поднялась суматоха. «179» то того, то другого посылаютъ къ себѣ домой. Наконецъ принесли имъ платки головы повязать, калоши, зонты. Какъ народъ прошелъ, я сталъ дожидаться «179». Наконецъ вышла и она, голова повязана носовымъ платкомъ, и говорить: «Я пойду съ Вѣрочкой, а вы (т. е. тетка) съ Сонечкой».

Услыхавъ впервые ея голосъ, я счелъ себя какъ бы знакомымъ уже съ «179». Разобравъ послѣ всенощной разбитыя книги Шнауберта, я рѣшился идти на другой день отъ обѣдни, не заходя домой, къ зятю, «такъ чтобы пройти мимо «179» и, если можно, поклониться ей или всѣмъ имъ».

9 Мая былъ у Шнаубертъ; не заставъ дома Барбару Николаевну, сдалъ книги горничной «молоденькой и довольно хорошенькой; но, конечно, она не можетъ сравняться съ «179». Это все равно что сличать небо съ землей».

Ни книги Шнаубертъ, ни даже «179» не могли однако заслонить грознаго призрака предстоящихъ выпускныхъ экзаменовъ изъ училища. 10 Мая «всталъ часовъ около 6 утра и сталъ читать Греческую грамматику вмѣсто другого урока; послѣ обѣда въ свободное отъ ученья время и въ несвободное читалъ Священную Исторію Богданова 2-ю часть». Это, конечно, потому что самъ я лучше чѣмъ отецъ мой, могъ чувствовать, гдѣ у меня особенные пробѣлы.

Во время говѣнья и на Пасхѣ моя глухонѣмая любовь питалась частымъ лицецрѣніемъ; но теперь стала угрожать ей и слѣпота. 10 Мая отмѣчаю: «Теперь я очень часто прохожу вечеромъ мимо *ихъ* оконъ, и никогда ея не вижу. А каждый день часовъ до 12 виденъ у нихъ огонь, и двѣ лампы постоянно горятъ предъ образами. Видно, что народъ благочестивый». Огонь этотъ могъ я усмотрѣть только съ противоположнаго тротуара, ибо «179» жили во 2-мъ этажѣ.

Мой образъ мыслей скоро получилъ наклонность къ славянофильству, ибо иду къ О. Н. Морозову «попросить у него 1 книжку *Русской Бесѣды*», уклоняясь уже отъ Шнаубертовскихъ книгъ, хотя добрая Варвара Николаевна «на дняхъ прислала за мной, т. е. не за мной, а прислала мою салфетку (оставленную съ книгами въ ея отсутствіе) и велѣла сказать, что она ждала, что я приду за книгами. А я не хочу брать ихъ до самой ваканціи».

16 Мая читаю 2-ю Мартовскую и 1-ю Апрельскую книжки *Русскаго Вѣстника* и 1 книгу *Русской Бесѣды*. Тамъ есть критическая статья Никиты Петровича о «Семейной Хроникѣ» Аксакова». Но эта умственная пища была пока мнѣ еще не по силамъ. «Я нѣсколько разъ принимался читать эту статью, и никакъ не могу долго заниматься ею: она такъ мудро и написана; могу сказать о себѣ словами Репетилова «Горе отъ ума»: «Мнѣ не подь силу, братъ, и чувствую, что глупъ».

«Кстати о «Горе отъ ума». Папенька взялъ у Морозова отрывки изъ «Горе отъ ума», которые не напечатаны. Я уже успѣлъ ихъ списать». «Да, продолжаетъ Дневникъ: еще есть у насъ комедія «Князь Луповицкій», приложенная къ *Бесѣдѣ*. Это насмѣшка надъ барами, которые хотятъ своихъ мужиковъ преобразовать на западный ладъ, а между тѣмъ у самихъ ума нѣтъ: не имѣютъ понятія о томъ, что хотятъ дѣлать, и съ кѣмъ имѣютъ дѣло».

Начинаю обращать вниманіе на серьезные семейныя дѣла. Отмѣчаю, что на дняхъ отрѣшили одного секретаря въ Магистратѣ, что брату Петру хотѣлось бы опредѣлиться на его мѣсто. «Петръ пріѣзжалъ нынче просить папеньку, чтобы тотъ попросилъ объ немъ. Папенька не согласился». Мнимый отказъ отца былъ, конечно, слѣдствіемъ неудовлетворительныхъ отношеній Петра къ нашему семейству. Опредѣленный на мѣсто отцомъ, двадцати съ небольшимъ лѣтъ, молодой эгоистъ зажилъ своею отдѣльною жизнью, съ виномъ и женщинами, одинокій; получая гораздо больше многосемейнаго нашего отца, онъ не только не помогать намъ деньгами, но даже и самъ рѣдко показывался къ намъ.

«Я все исправляю и переписываю Латинскіе переводы». Отецъ уѣхалъ на Дѣвичье Поле къ М. П. Погодину, отъѣзжающему за границу. Вѣроятно отецъ воспользовался предлогомъ прощанья съ Погодинымъ, чтобы попросить его за Петра. Соскучившись я вздумалъ идти къ зятю. «А такъ какъ не хотѣлось явиться безъ всякаго предлога, то я и вздумалъ опять взять у В. Н. Шнаубертъ «Ревизора» Гоголя, о которомъ мнѣ давно не даетъ отдыху А. М. Соколовъ» (сельскій священникъ, зять моего зятя, гостившій у него). Любопытно описаніе одѣванья моего въ гости. «Тутъ пошло одѣванье: то не чищены сапоги; то завязка у панталонъ оборвана, то завязка у манишки оторвалась, то пуговицы у ма-

нишки же; а какъ пришивать захотѣлъ, то нѣтъ иголки, то нѣтъ нитокъ; мученье, да и только». Однако я жилъ съ матерью и тремя сестрами, да было еще двѣ женскихъ прислуги! Одѣвшись, отправляюсь къ В. Н. Шнаубертъ. — Дома Варвара Николаевна? спрашиваю горничную. — Дома, пожалуйста. — Никого у нихъ нѣтъ? — Никого.

Варвары Николаевны однако на сей разъ я не видалъ. Меня приняла ея дочь Вѣра Карловна, особа, достойная какъ и ея мать, того же уваженія. Она иногда замѣняла свою мать при отпускѣ мнѣ книгъ.

Я спросилъ томъ Гоголя. Вѣра Карловна отвѣчала, что этой книги сейчасъ нѣтъ, а будетъ завтра. Эти добрые и просвѣщенные люди, значить, не меня одного снабжали своими книгами. «Я сталъ откланиваться». — «Что же вы не хотите взять другихъ какихъ-нибудь?» — «Мнѣ совѣстно все васъ беспокоить». — «Извольте, берите сами».

И взявъ 12 книгъ и, позабывъ о зятѣ, читалъ эти книги до 3-хъ часовъ утра.

12 Мая. «Папенька старается опредѣлить Петра въ секретари Магистрата. Онъ былъ нынче у генеральши Анны Борисовны Нейдгартъ, но та была нездорова и не могла его принять. Папенька завтра хочетъ ѣхать къ кн. Черкасскому (близкому родственнику Нейдгартъ, урожденной Черкасской), если не возмется Михаилъ Федоровичъ (управляющій Черкасского) попросить князя». И Анна Борисовна, и кн. Черкасскій, и Михаилъ Федоровичъ были знакомы отцу чрезъ Сергѣя Петровича Гилярова, ибо князь Черкасскій былъ помѣщикъ села Черкизова.

Московская Семинарія.

Послѣдній поѣздъ уже отходилъ отъ платформы, а одинъ юный пассажиръ еще не успѣлъ сѣсть въ вагонъ. По собственному незнанію, по безопасности другихъ, онъ опоздалъ къ отходу поѣзда; а между тѣмъ вся его будущность, вся будущность семьи зависятъ отъ того, попадетъ или нѣтъ онъ на этотъ поѣздъ. Вотъ и бѣжитъ онъ запыхавшись вслѣдъ за удаляющимся поѣздомъ, напрягаетъ всѣ силы; удастся наконецъ ему схватиться однимъ пальцемъ за чугунную балясинку входной въ вагонъ платформы, занести носокъ ступни на ступеньку вагона, а у него при этомъ спрашиваютъ билетъ, а оберъ-кондукторъ даже пытается спихнуть его.

Въ такомъ точно положеніи былъ я, когда чуть не пропустилъ переводные изъ училища въ семинарію экзамены. Мнѣ шелъ 16-й годъ; я уже второе двухлѣтіе сидѣлъ въ «синтаксисѣ», т. е. послѣднемъ классѣ училища. Оставаться въ этомъ классѣ еще на два года было нельзя ни по годамъ, ни по уставу. Удалось наконецъ мнѣ по-

насть на экзамены, прицѣпиться къ прочимъ помощію не программы, исполненной отчетливо, а знаній отъ случайнаго чтенія и достигнутаго чрезъ то «развитія». А инспекторъ А. Е. Свѣтовидовъ за что-то пытается въ разрѣзъ съ прочими, особенно депутатомъ Е. Н. Шавровымъ, спихнуть меня въ разверзающуюся подъ моими ногами бездну.....

Въ началѣ Сентября 1856 г. начались въ Московской семинаріи классы. И радостно, и дико было первое мое впечатлѣніе. Въ училищѣ я былъ только на экзаменахъ, цѣликомъ погруженный въ себя, какъ вѣроятно и прочіе ученики, а потому я оставался совсѣмъ незнакомымъ со школьною жизнью. Только съ двумя учениками пришлось таки познакомиться: съ однимъ нужно было подѣлиться завтракомъ, другой обмолвничалъ меня, кажется, на 1 коп. с. Во 2-й риторикѣ посадили меня на самой задней лавкѣ послѣднимъ, но я могъ сидѣть и предпослѣднимъ: это какъ-то не было точно опредѣлено. Въ классѣ было четыре длинныхъ лавки со столиками, четыре ряда «партъ». На 1-й лавкѣ сидѣли лучшіе казеннокоштные ученики, на 2-й лучшіе своекоштные, на 3-й худшіе казеннокоштные, на 4-й худшіе своекоштные. У казеннокоштныхъ были столы съ открывающимися крышками, гдѣ помѣщалось все ученическое хозяйство: книги, тетради, бумага; у своекоштныхъ, хозяйство которыхъ было ограничено, только отверстіе между верхнею и нижнею досками стола.

Итакъ я, какъ переведенный изъ училища очень низко, попалъ въ «камчатку», хотя тогда этого слова мы и не знали. Изъ моего угла не видно было лицъ ученическихъ, а только ихъ затылки. Я очутился въ положеніи того черепа въ Эиваидской пустыни, который сообщилъ аввѣ Макарію, что они, грѣшники, видятъ въ аду только затылки другъ у друга. Ближайшіе сосѣди мои рядомъ на скамейкѣ и ближайшіе затылки казеннокоштныхъ были и великовозрастные, и тупоголовые ребята. Рядомъ со мною сидѣлъ Иванъ Ѳедоровичъ В-нъ, жившій гдѣ-то за Даниловской заставой. Это былъ совсѣмъ уже сложившійся мужчина, бастый, съ бритою бородою, совсѣмъ уже созрѣвшій для званія дьячка или консисторскаго чиновника. Иванъ Ѳедоровичъ преимущественно занимался даваніемъ мнѣ щелчковъ по головѣ, необыкновенно сильныхъ, такъ что отъ каждаго щелчка темнѣло у меня въ глазахъ. Но въ силѣ и въ искусствѣ наносить мнѣ щелчки онъ далеко уступалъ казеннокоштному Архангельскому, сидѣвшему на 3-ей лавкѣ далеко отъ меня, но почему-то облюбовавшему меня для нанесенія мнѣ щелчковъ своими по истинѣ чугунными пальцами. Большинство остальныхъ камчадаловъ было смирно, но за то непроходимо - глупо. Въ такомъ безпомощномъ положеніи находился я въ камчаткѣ, не имѣя ни силы, ни смѣлости противостоять этимъ ударамъ великовозрастныхъ болвановъ. Жаловаться

начальству и въ голову не приходило: начальство, т.-е. ректоръ, инспекторъ и субъинспекторъ, стояли надъ нами недосыгаемо высоко. Видали вы картины страшнаго суда и адскихъ мукъ? На самомъ днѣ адовомъ грѣшники: это мы, послѣдніе ученики. Надъ нами въ небесномъ сіяніи праведники: это первые ученики. Еще выше въ лучахъ вѣчнаго свѣта едва замѣтны лики силъ небесныхъ: это субъ-инспектора, не принимавшіе никогда и ни въ чемъ никакого участія. Мы видали, и то изрѣдка, только одного изъ нихъ, когда онъ откуда-то возвращался на свою квартиру, входъ въ которую былъ изъ нижняго коридора, недалеко отъ нашей «шинельной», т.-е. раздѣвальной комнаты. Но инспекторъ, но о. ректоръ... это для насъ риторовъ представлялось уже выше нашего разумѣнія. Классы были двухъ-часовые по назначенію, но преподаватели приходили на 25—35 минутъ, а самые исправные, инспекторъ и ректоръ, на часъ безъ малаго. Около 1½ ч. между классами мы гуляли по коридорамъ, риторы по нижнему (гдѣ была шинельная и «ватеръ»), философы и богословы по верхнему коридору мимо классовъ. Такъ вотъ, когда въ философіи предстояла лекція инспектора и тоже въ богословіи лекція ректора, наши прогулки междуклассные сокращались, и мы должны были обратиться въ классы до ихъ прохода по верхнему коридору. Въ верхнемъ коридорѣ оставались только «богословы» и какъ народъ и взрослый, и ученый тихо вели между собою бесѣду. Изъ нашего класса не было видно, какъ пройдетъ ректоръ или инспекторъ въ свой классъ. Мы это только чуяли по внезапно водворявшейся въ верхнемъ коридорѣ тишинѣ... Такъ робкія газели скрываются при появленіи царя пустыни, шествующаго въ одинокомъ безмолвіи. Въ два года пребыванія моего въ риторикѣ о. ректоръ ни разу не вошелъ къ намъ въ классъ, а инспекторъ, кажется, только одинъ разъ по поводу пріѣзда какого-то посѣтителя изъ Синода. Итакъ ни о какой жалобѣ не могло и представленія въ головѣ возникнуть, и должно было покоряться своей участи.

Но была, и даже постоянно, въ самомъ классѣ власть. Это цензоръ и подцензоръ. Ихъ обязанность заключалась въ линеваніи класснаго журнала, въ проставленіи тамъ фамилій учениковъ, въ сохраненіи у себя этого журнала въ междуклассное время, въ наблюденіи за поведеніемъ учениковъ и въ случаѣ ихъ вины въ записываніи ихъ въ другой классный штрафной журналъ. О, это была великая единственная даже власть, дававшая разумѣть всю силу пословицы: «До Бога высоко, до Царя далеко». Была и другая власть—авдиторы. Нѣсколько лучшихъ учениковъ обязаны были прослушивать уроки у прочихъ и выставлять имъ отмѣтки. Моимъ авдиторомъ къ счастью былъ И. Розановъ 1-й, симпатичный, кудрявый юноша, умный, непритязательный.

Много лѣтъ спустя онъ былъ дьякономъ въ Москвѣ, отличался высоко-нравственною жизнью. Но аудиторство продолжалось недолго, едва ли даже годъ. Подъ напоромъ новыхъ идей 1856—1857 года оно окончательно рухнуло; власть цензорская держалась гораздо дольше.

Но возвращаюсь къ Ивану Ѳедоровичу. Чтò мнѣ оставалось дѣлать съ своимъ сосѣдомъ, къ которому я, какъ каторжникъ въ Тулонѣ, былъ прикованъ необходимостью сидѣть съ нимъ рядомъ? У гр. Л. Н. Толстого какой-то мужикъ утѣшаетъ барина: «Все образуется». Въ жизни, дѣйствительно, всегда все уладится, «образуется». Уладились и мои отношенія съ моимъ тираномъ. Иванъ Ѳедоровичъ, какъ вполне развитой мужчина, былъ бонвиванъ. Долгое совмѣстное наше сидѣнье не могло ограничиваться одними его щелчками. «Человѣкъ созданъ для общества», говоритъ Жадова своему мужу въ «Доходномъ мѣстѣ» Островскаго. Такъ и Иванъ Ѳедоровичъ былъ «созданъ для общества». А ближайшее его общество составляли я и Ванька Виноградовъ. Но Ванька Виноградовъ былъ непроходимо глупъ. Поневолѣ Ивану Ѳедоровичу пришлось сблизиться со мною. Онъ началъ разсказывать мнѣ о разныхъ своихъ подвигахъ трактирныхъ и иныхъ. Я, спасая свою шкуру, долженъ былъ не только сочувствовать ему, но, кажется, и прилыгать на себя, дабы верстаться съ нимъ. Къ моему счастью Иванъ Ѳедоровичъ сошелся съ цензоромъ Павловскимъ, столь же великовозрастнымъ, такимъ же бонвиваномъ, но, какъ начальство, нисколько не озорникомъ. Цензоръ Павловскій иногда сталъ прихаживать къ намъ въ камчатку для бесѣдъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ. Здѣсь-то я и познакомился съ начальствомъ. Наши умственные и нравственные интересы нѣсколько объединились. Щелчки Ивана Ѳедоровича окончательно прекратились, а скоро не только для Ивана Ѳедоровича, но и для самого цензора я сталъ авторитетомъ. Я быстро выдвинулся въ письменныхъ упражненіяхъ, которые въ реторикѣ составляли у насъ все. Въ этомъ насущномъ дѣлѣ обратились къ моей помощи сначала Иванъ Ѳедоровичъ, а потомъ и цензоръ. Помощь моя оказалась очень благотворною. Мое положеніе среди учениковъ окончательно обезопасилось и утвердилось.

Пока я налаживалъ свои отношенія съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, цѣликомъ поглощенный спасеніемъ своего бытія, незамѣтно начались «лекціи». Ежедневно полагалось три двухъ-часовыхъ урока, съ 8 до 2 часовъ; въ дѣйствительности же, какъ я уже говорилъ, во весь день насчитывалось сидѣнья въ классѣ при «профессорахъ» не болѣе 1½—2 часовъ; остальное время мы гуляли по коридорамъ. Въ реторическомъ классѣ преподавались слѣдующіе предметы: катихизисъ Петра Могилы, реторика, Латинскій языкъ, Греческій языкъ, математика, Всеобщая Исторія. Недѣльные уроки распредѣлялись такъ: 6 уроковъ реторики, по 3.

урока Латинскаго и Греческаго языка и по 2 урока прочихъ предметовъ. Преподавателемъ катихизиса былъ священникъ Семенъ Сергѣевичъ Владимірскій, реторики и Латинскаго языка Алексѣй Васильевичъ Кедрскій, Греческаго языка лекторъ, ученикъ высшаго отдѣленія «богословія» Филиппъ Алексѣевичъ Терновскій, математики Егоръ Николаевичъ Шавровъ, «депутатъ», мой защитникъ на выпускномъ экзаменѣ пзъ училища; всеобщей Исторіи священникъ Павелъ Ивановичъ Казанскій. Сверхъ того необязательно послѣ двухъ часовъ преподавали Французскій языкъ Александръ Ѳеодоровичъ Кирьяковъ и Нѣмецкій Сергѣй Дмитріевичъ Писаревъ.

Сколь ни странно это, но на первомъ мѣстѣ въ *духовной* семинаріи никакъ не стоялъ единственный духовный предметъ преподаванія въ низшемъ отдѣленіи, катихизисъ Петра Могилы. Первое мѣсто занимала реторика или словесность. Мало сказать «первое». Реторика, и именно «сочиненія», заключала все: общій списокъ составлялся только на основаніи успѣховъ по сочиненіямъ; пятерки или нули по прочимъ предметамъ почти не производили никакой перемѣны въ списокѣ, представляемомъ по словесности. Александръ Васильевичъ Кедрскій для насъ былъ все. Дурные ученики ненавидѣли его, отличные обоготворяли, называя его не иначе, за глаза, какъ «Ленечкой». Это потому, что онъ выдвигалъ только дарованіе и казнилъ неспособность. Онъ не требовалъ ни знаній, ни прилежанія, а только способностей. Разъ составилъ онъ хорошее мнѣніе объ ученикѣ, тотъ можетъ уже ничего не дѣлать по прочимъ предметамъ, подавай только ему попрежнему хорошія сочиненія. Составилъ онъ дурное мнѣніе объ ученикѣ по его сочиненіямъ, отвѣчай онъ ему изъ «лекцій» хотя буква въ букву, онъ не оставитъ ему болѣе 2-3. Это нисколько не было съ его стороны несправедливостью: онъ цѣнилъ только дарованіе; опредѣлялъ онъ его вѣрно, а способности учениковъ измѣняться уже не могли.

Мнѣ, ученику Кедрскаго, всегда казалось ошибкою, что свѣтскія школы, какія бы ни были онѣ, цѣнили и цѣнятъ не столько способности, сколько прилежаніе: наиспособнѣйшій лѣнтяй исключается за неуспѣшность, трудолюбивый тупица оканчиваетъ курсъ иногда даже изъ первыхъ, даже первымъ; знаю тому примѣры. Это величайшая ошибка. Обществу и государству нужны люди способные, а бездарные. Чтò толку, если родители, учителя, профессора напрягаютъ всѣ силы, чтобы тупицу вытащить въ люди и наконецъ создать дурака-медика, осла-прокурора, болвана-учителя? А истинное дарованіе гибнетъ гдѣ-нибудь въ желѣзнодорожныхъ кондукторахъ, телеграфистахъ, канцелярскихъ писаряхъ, а то и прямо въ почлежныхъ домахъ. Изъ дурака кромѣ глупости ничего не извлечете; а дарованіе и при недостаточности зна-

ній принесеть пользу или вѣрнѣе: оно-то только и принесеть пользу, а весь вредъ получается не отъ кого иного, какъ отъ этихъ тепличнымъ способомъ выращенныхъ дураковъ.

Семинарская наука съ двухгодичнымъ реторическимъ, двухгодичнымъ философскимъ, двухгодичнымъ богословскимъ курсомъ, все съ науками отвлеченными, требующими способности къ самостоятельному мышленію, была гибельна для бездарностей. Бездарность, при всемъ своемъ прилежаніи, не могла выносить этой науки, ибо не въ силахъ была даже уразумѣть ее; а дарованіе крѣпло, закалялось, оттачивалось и отшлифовывалось сначала на грубомъ реторическомъ брусѣ, потомъ на болѣе тонкомъ философскомъ оселгѣ.

Цѣликимъ подхваченный новою для меня волною семинарской жизни, я, къ сожалѣнію, при самомъ началѣ семинарскихъ «лекцій», прекратилъ веденіе своего дневника. Теперь ищу опоры для своей памяти въ сохранившихся у меня семинарскихъ «лекціяхъ» и собственныхъ риторическихъ «сочиненіяхъ». Лекцій по риторикѣ, къ сожалѣнію, не сохранилось. Это была рукописная тетрадка, неизвѣстно кѣмъ составленная. Будь она у меня подъ рукою я, кажется, напечаталъ бы ее, какъ превосходный учебникъ «теоріи прозы и поэзіи». Началась она опредѣленіемъ простаго періода, съ примѣромъ на него; потомъ шли опредѣленія синонимовъ и эпитетовъ также съ примѣрами періодовъ, распространенныхъ при помощи того и другого. Далѣе излагалось опредѣленіе всѣхъ періодовъ съ примѣрами на нихъ: винсловнаго, условнаго, уступительнаго, изъяснительнаго, послѣдовательнаго, постепеннаго, сравнительнаго отъ подобія, сравненія, примѣра, свидѣтельства и т. д. За періодами слѣдовало ученіе о хриі съ примѣромъ на тему «праздность вредна». Далѣе излагалось ученіе о силлогизмѣ, отъ котораго былъ переходъ къ «хриі превращенной» съ примѣромъ же. Все это мы прошли къ первымъ полугоднымъ предъ Рождествомъ экзаменамъ. Во второе полугодіе мы учили о качествахъ рѣчи, объ описаніяхъ, повѣствованіяхъ, разсужденіяхъ, и наконецъ о «силлогизмѣ ораторскомъ». Во второй годъ реторическаго класса проходили мы пѣтику. Весь этотъ двухгодичный курсъ умѣщался листахъ на 15-ти средняго письма. Это очень немного, но мы знали это «на зубокъ»; ибо Кедрскій требовалъ отвѣта слова въ слово. Впрочемъ учебникъ, какъ эпическое произведеніе не одного, а вѣроятно нѣсколькихъ учителей и нѣсколькихъ десятилѣтій, отличался точностью уголовного кодекса.

За то сочиненія задавались еженедѣльно по два: одно домашнее, другое экспромптъ. Только къ концу двухгодичнаго реторическаго курса, когда наши «разсужденія», особенно у отличныхъ учениковъ, стали достигать размѣра листовъ двухъ, домашнія сочиненія стали даваться рѣже,

недѣли на двѣ одно. Но экспромпты попережнему шли еженедѣльно. Экспромпты служили не только для провѣрки домашнихъ работъ, но и прямо для практики пріучаться писать скоро. Какъ экспромпты, такъ и домашнія сочиненія шли всегда параллельно съ изученіемъ «лекцій». Такимъ образомъ мы писали все: періоды, хриі, эпихиремы, описанія, повѣствованія, разсужденія. Только для пѣтики не было практическихъ работъ, ибо къ стихотворству не всякій былъ способенъ. Впрочемъ наши «поэты» подавали и тутъ изрѣдка Кедрскому свои стихотворенія. Это рука объ руку преподаваніе теоретическое и практическое, съ одной стороны, донельзя уясняло теорію; съ другой, вносило полную сознательность въ собственную письменную работу.

Теперь послѣ того, какъ я прошелъ филологическій факультетъ Московскаго университета и занимался потомъ научно и Русскимъ языкомъ и исторіею Русской литературы, самъ много разъ былъ преподавателемъ и отечественнаго языка и литературы, если бы кто меня спросилъ, какую по существу школу Русскаго языка предпочесть: я, не обинуясь, сказалъ бы: прежнюю, свою, семинарскую, съ А. В. Кедрскимъ, хотя, можетъ быть, пожелалъ бы покойному Кедрскому побольше знаній, поменьше чисто-формальнаго, холоднаго, безучастнаго отношенія къ дѣлу. Впослѣдствіи я понялъ эту холодность Кедрскаго. Едва ли онъ могъ сочувствовать этому преподаванію по старинному методу, «отжившему», при томъ съ постоянными примѣрами церковнаго краснорѣчія. Года черезъ два-три послѣ этого перваго со мною знакомства, несчастный въ продолжительной бесѣдѣ со мною излагалъ мнѣ атеистическіе взгляды.

Первая «лекція» Александра Васильевича Кедрскаго состояла въ томъ, что онъ задалъ урокъ изъ «лекцій», т. е. изъ той тетрадки, которая должна была по наслѣдству достаться нѣкоторымъ ученикамъ отъ ихъ родственниковъ и знакомыхъ, перешедшихъ въ «философію, а прочими должна была быть списана у нихъ. У меня былъ уже экземпляръ, подаренный мнѣ *Владимиромъ*, о періодахъ и о хрияхъ. Затѣмъ Кедрскій прочиталъ стихотвореніе Пушкина:

„Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга“ п т. д.

и приказалъ эти стихи тутъ же переложить въ прозу. Едва ли при этомъ онъ далъ какое-либо объясненіе, какъ дѣлать эту перекладку, чему притомъ въ училищахъ едва ли учили. Кедрскій, обобравъ у всѣхъ насъ 70-ти человѣкъ эти сочиненія, въ слѣдующій классъ сдалъ ихъ намъ. Тѣ дни, когда онъ «сдавалъ» сочиненія, стали потомъ для меня и другихъ, столь же какъ и я успѣвавшихъ въ этомъ, чистымъ праздникомъ.

Такъ, бывало, и смотришь, съ сочиненіями ли или же нѣтъ входитъ «Ленечка» въ классъ.

Всѣ семинарскія сочиненія, сданныя мнѣ профессорами, живы у меня. На первой перекладкѣ, состоящей изъ 10 строкъ, Кедрскій поправилъ одну ореографическую ошибку и слово «являютъ» замѣнилъ словомъ «образуютъ». Подъ сочиненіемъ красовалась жирная цифра 5. Я было возликовалъ сначала, но потомъ увидалъ кое у кого 6 и даже 7 балловъ. Оказалось, что при господствовавшей въ семинаріи 5-ти бальной системѣ Кедрскій почему-то предпочиталъ сочиненія оцѣнивать по 10-ти бальной системѣ, хотя устные отвѣты онъ же оцѣнивалъ по 5-ти бальной. Долго недоумѣвалъ я, почему за «сочиненіе» получилъ собственно только 2½ бала. Только при дальнѣйшемъ повышеніи моихъ балловъ уразумѣлъ я, что Кедрскій на первыхъ порахъ не могъ поставить мнѣ лучшаго бала, какъ переведенному изъ училища очень низко, и, стало-быть, мало способному. Увидѣлъ также я, что у прочихъ камчадаловъ балы за это сочиненіе были еще хуже, двойки и тройки. Истинную натуру этихъ камчадаловъ Кедрскій сразу узналъ. Иванъ Федоровичъ тоже едва ли получилъ болѣе двойки, добавивъ недостающее ему число балловъ щелчками по моей головѣ.

Второе сочиненіе было тоже классное, періодъ винословный на тему: «христіанинъ не долженъ страшиться смерти». Ореографической ошибки уже ни одной, а слово христіанинъ, написанное по ореографіи митрополита Филарета и моего отца черезъ і десятиричное, не подчеркнуто. Зачеркнуто двѣ запятыхъ, и нѣтъ ни одной стилистической поправки. Внизу 6 балловъ.

Въ слѣдующемъ экспромтѣ періодъ сравнительный на тему «Богъ прощаетъ кающагося грѣшника», ни одной уже поправки, а періодъ безукоризненъ, какъ вижу сейчасъ, и тѣмъ страннѣе пониженіе бала, 5. Должно быть, почтенный «профессоръ» усумнился въ подлинности моего сочиненія: изъ послѣднихъ учениковъ, и вдругъ безъ малѣйшей ошибки! Потомъ при дальнѣйшихъ тоже все экспромтахъ, во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненныхъ, на прочіе виды періодовъ, неизмѣнно стоитъ балъ 6+. Кедрскій очевидно все еще не рѣшается вызволить меня изъ «тмы и сѣни смертной». Наконецъ на одну и ту же тему я подаю два періода и получаю 8 балловъ. Послѣ всѣхъ колебаній ученической моей судьбы я ощутилъ наконецъ подъ собою прочную незыблемую почву. Отнынѣ я спасенъ. Продержалъ меня еще нѣсколько времени Кедрскій на 8 и отчасти 9, а потомъ пошли все десятки до самаго окончанія риторическаго курса. Послѣднія сочиненія украшались даже прибавкою къ 10 плюса (10+). Послѣ Рождественскихъ экзаменовъ я занялъ изъ 70-ти человекъ 14 мѣсто, къ вакаціи 9-е, къ слѣдующему Рождеству 6-е, потомъ, кажется,

5-е. Высшія мѣста неизмѣнно принадлежали ближайшимъ профессорскимъ родственникамъ.

Но не Кедрскій выучилъ меня писать, а отецъ мой.

Для преподаванія древнихъ языковъ отецъ не могъ назваться удовлетворительнымъ учителемъ. Начальнымъ моимъ обученіемъ онъ руководилъ по необходимости, безъ всякой охоты, а потому и забрасывалъ мое ученіе на цѣлые мѣсяцы, даже болѣе, чѣмъ на годъ. Но когда я поступилъ въ реторику и началъ учиться сочинять, притомъ на темы все религіозныя, о, тогда отецъ почувствовалъ себя совсѣмъ въ своей любимой стихіи. А любовь учителя къ своему предмету есть все въ дѣлѣ преподаванія. Чего не хватало въ бездушномъ преподаваніи Кедрскаго, чего онъ не могъ дѣлать даже вслѣдствіе одной уже многочисленности своихъ учениковъ, все то съ избыткомъ было дополнено дома отцомъ. Конечно для экспромтовъ я былъ предоставленъ самому себѣ, но каждое сочиненіе заданное на домъ «промывалось» отцомъ «въ семи водахъ». Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ художникомъ, страстно любящимъ свое занятіе; это былъ виртуозъ, съ увлеченіемъ играющій перомъ, но только не стальнымъ, которое, по его мнѣнію, «портитъ руку». Этотъ артистъ обучалъ и моего старшаго брата, достигшаго потомъ чисто-литературнаго искусства. Онъ же муштровалъ въ «хріяхъ» и «разсужденіяхъ» и своего младшаго брата Никиту Петровича. Много преданій сообщалось у насъ, какъ онъ училъ моихъ дядю и брата. Кажется, занимаясь со мною, онъ съ годами уже нѣсколько утратилъ въ этомъ дѣлѣ свою живость и энергію. Однако уже въ вакацію передъ семинарскимъ курсомъ онъ пытался учить меня писать.

Во все время семинарскаго курса я обязанъ былъ тотчасъ какъ задано на домъ сочиненіе, сообщать о томъ отцу. Услыхавъ отъ меня тему, онъ ничего, бывало, не разъяснить, а только скажетъ:—Подумай. А къ какому времени задано?

Думаешь нѣсколько часовъ или дней, глядя на тему, какъ близокъ срокъ подачи. Выдумалъ наконецъ что либо, идешь къ отцу, говоришь ему.—Нѣтъ такъ негодится, отвѣтитъ онъ, подумай еще. Иногда при этомъ броситъ какое-нибудь замѣчаніе. Воспользуешься этимъ замѣчаніемъ, скроишь кое-что въ головѣ, идешь снова къ нему.—Думаю вотъ какъ писать.—А ты разъяснилъ ли себѣ каждое тутъ понятіе? спроситъ онъ. — Какая тема?—«Любы мира сего вражда Богу есть». Чтò такое «любы»? — Любовь, привязанность.... — Да; а ты уяснилъ ли себѣ, чтò такое любовь: любовь и привязанность не одно и то же. Потомъ: «міръ». Чтò тутъ разумѣется подъ словомъ «міръ»? Вселенная что ли? Нѣтъ. Опять «вражда»... чтò ты называешь «враждою»? Какъ можетъ чловѣкъ «враждовать» съ Богомъ. Поди-ка подумай обо всемъ объ этомъ.

Снова думаешь, снова бесѣдуешь съ нимъ. Понятія въ темѣ всѣ уяснились, просвѣтлѣли, точно видны насквозь. Но до сочиненія еще далеко.—Какое же будетъ у тебя винословіе для хриі? Почему любовь къ міру есть вражда противъ Бога? Указываешь по своему разумѣнію причину.—Нѣтъ ты обрати вниманіе, не вытекаетъ ли эта вражда изъ самыхъ понятій «міръ» и «Богъ». А какое будетъ у тебя «противное»? Придумалъ ли «примѣръ»? А для «свидѣтельства», поди-ка возьми у меня Симфонію, приищи-ка слова... «Богъ» не нужно: оно слишкомъ часто встрѣчается въ Св. Писаніи. А приищи-ка слово «міръ» да и «вражда» кстати. Придумываешь «противное», т. е. возраженіе противъ основной мысли; берешь для «примѣра» какого нибудь знаменитаго грѣшника, но опять таки не иначе, какъ съ одобренія отца; находишь въ Симфоніи цѣлыя десятки текстовъ, не только уясняющихъ понятія «міра» и «вражды», но и прямо сопоставляющихъ эти понятія. Въ головѣ сами собою родятся, если не мысли, то комбинаціи текстовъ.

Наконецъ матеріалъ собранъ и расположенъ въ головѣ. — Теперь пиши! говоритъ отецъ. Пишешь, «сочиняешь», переписываешь на-бѣло; подаешь ему. Рѣдко прочтетъ онъ все сочиненіе. Всего чаще мысль его зацѣпитъ на первыхъ же моихъ строкахъ. — Такъ негодится, потому то и потому то. Передѣлай!

Передѣливаешь сообразно съ его указаніями; улучшаешь по возможности и не дочитанную имъ часть. Переписываешь, снова подаешь ему. А у него самого во время этихъ моихъ страданій, конечно, совершается свой процессъ въ головѣ. А потому и новая моя передѣлка или въ моихъ мысляхъ или даже въ его собственныхъ оказывается неудовлетворительною, негодною. — Поди, передѣлай!

Передѣливаешь, переписываешь, ибо съ помарками тотъ экземпляръ нельзя ему подать.—Теперь можно поправить. А когда срокъ? До срока еще три или четыре дня. Они всѣ уйдутъ на исправленіе.

Становится отецъ у конторки; я около него гляжу, какъ гусиное перо крестить и направо и налево по моему произведенію, пробирается между моими строками, испещряетъ мои чистыя широкія поля, крестить снова и мои, и свои слова; свои избиваетъ, кажется даже больше, чѣмъ мои, ибо на листѣ моихъ осталось лишь нѣсколько строкъ или кусочковъ строкъ, тамъ и сямъ раскиданныхъ. Но отецъ знай себѣ перомъ рубить и рубить, и нѣтъ ему никакого удержу.

Есть въ лѣтописи Нестора испорченное въ древнихъ спискахъ мѣсто, гдѣ рассказывается, какъ къ великому князю Ярославу I въ войнѣ его съ братомъ Мстиславомъ пришелъ на помощь «Якунъ Варягъ»; «и бѣ, говорится далѣе, Якунъ слѣпъ». Позднѣе это чтеніе возстановлено «Якунъ съ лѣпъ», т. е. былъ Якунъ сей красивъ. Но поэтъ нашъ

графъ Ал. К. Толстой принялъ первое чтеніе и въ превосходномъ стихотвореніи своемъ «Гаконъ Слѣпой» изобразилъ, какъ этотъ Варяжскій витязь (въ дѣйствительности зрячій) по слѣпотѣ своей избивалъ и чужихъ и своихъ. Ярославъ удерживаетъ своего «слѣпого» свояка Гакона отъ избіенія своихъ же.

Но тотъ расходился, не внемлетъ словамъ,
Ударъ за ударомъ онъ садитъ,
Молотить по Русскимъ щитамъ и бронямъ,
Дробить и съчетъ шишаки пополамъ;
Никто съ разъяреннымъ не сладитъ.
Насилу опомнился старый боець,
Усталъ наконецъ
И бороду гладитъ.

Такимъ же «слѣпымъ», но въ дѣйствительности зрячимъ Гаконномъ являлся и мой отецъ, когда крестилъ направо и налево и мои, и свои строки. А я слѣдилъ за прогрессомъ мысли у него въ головѣ при всѣхъ этихъ исправленіяхъ и моихъ и своихъ мыслей, и моей и своей логики, и моей и своей стилистики. Эта была для меня драгоценнѣйшая литературная школа.

Позднѣе, уже учителемъ пытался было я въ весьма слабой степени, въ растворѣ какихъ-нибудь 10%, дать кому нибудь изъ лучшихъ своихъ частныхъ учениковъ отвѣдать этой же системы; но нѣтъ, и отъ самаго слабого подобнаго къ нимъ прикосновенія они ежились, отфыркивались. Другія времена, другія нравы, другая духовная сущность, сказали бы.

— Поди, перепиши! говорилъ отецъ, когда все поле брани было усѣяно трупами своихъ и чужихъ. Вы думаете—переписать для подачи профессору. Нѣтъ, вы еще не были въ такой школѣ. Переписывается не для профессора, а для того же отца.

Едва разбираюсь въ испещренныхъ перемаранныхъ листочкахъ уже не своего, а отцовскаго сочиненія. Переписалъ, подаль.

Опять стоитъ отецъ у конторки, опять я около него слѣжу, какъ его гусиное перо скрипитъ и между строкъ и на поляхъ «сочиненія». Гаконъ снова «дробить и съчетъ» и «молотить» на сей разъ уже однихъ своихъ. По прежнему слѣжу за критическимъ процессомъ его мысли. Окончилъ онъ исправленія. Сочиненіе стало куда лучше предыдущей редакціи: складно, ясно, точно, литературно. — Поди, перепиши!

Переписываешь большею частію окончательно, но иногда могутъ послѣдовать опять поправки, ибо послѣ переписки до подачи профессору послѣдняя редакція все-таки непременно просматривается отцомъ. Если поправка ограничивается однимъ или двумя словами, тогда, изъ снисхожденія къ слабости человѣческой, дозволяется мнѣ поправить эти мѣста собственноручно и въ такомъ видѣ подать профессору.

При таких отцовских поправках, свои ли выйблассныя сочиненія подавалъ я профессору? Думаю: болѣе, чѣмъ свои, ибо, въ смыслѣ упражненія въ словесности, сочиненія такого рода были безконечно полезнѣе собственнаго быстрого безпорядочнаго писанія. Они и труда требовали въ нѣсколько разъ бѣльшаго. Когда потомъ я самъ былъ учителемъ при громадномъ количествѣ прочитанныхъ ученическихъ сочиненій я тщетно черезъ разспросы искалъ сочиненій, испытавшихъ хотя бы сколько нибудь подобный моему процессъ. Приходилось встрѣчать сочиненія совсѣмъ чужія, узнавалъ даже и особенности стилиа замѣстителя, говоря прямо: «это писалъ университетскій студентъ, а не вы»; но сочиненій съ серьезными домашними поправками почти не встрѣчалось: подавались же совсѣмъ свои или совсѣмъ чужія. Тщетно убѣждалъ я нѣкоторыхъ сознательно пользоваться поправками дома, объяснялъ всю пользу для ученика такого замѣстительства меня самого; указывалъ, что при всемъ желаніи я, по недостатку класснаго времени, по многочисленности учениковъ, не могу исправлять сочиненія, какъ желалъ бы: всѣ оставались глухи къ моимъ убѣжденіямъ. Не было, значить, ни у нихъ, ни въ ихъ средѣ ни самаго представленія о такомъ идеалѣ; можетъ быть былъ, недостатокъ и въ самихъ учителяхъ особенно притомъ годныхъ. Позднѣе, какъ редакторъ періодическихъ изданій, прилагалъ я этотъ приѣмъ къ способнымъ, но неумѣлымъ авторамъ. Даже при слабомъ приложеніи этого приѣма не оставялъ у автора камня на камнѣ, черезъ 5—6 опытовъ получались блестящіе результаты. Поправки могли ограничиваться только корректурами.

Помимо сочиненій, съ поступленія моего въ Семинарію, всякая опека моего ученія, всякій надъ нимъ контроль были отцомъ прекращены. Отнынѣ я уже навсегда предоставленъ былъ самому себѣ. Помочи были бы и излишни, ибо главнымъ предметомъ, отвлеченными темами сочиненій духъ учащагося подымался къ той степени зрѣлости, которую часто такъ тщетно ищутъ теперь на экзаменахъ «зрѣлости», гдѣ однако требуется засвидѣтельствовать вовсе не «зрѣлость» свою, а лишь то, что прошелъ указанный программю путь къ достиженію зрѣлости; но достигъ ли этой зрѣлости, неизвѣстно.

Читатель, особенно педагогъ или учащійся, не посѣтуетъ, если я приведу здѣсь нѣкоторыя темы, на которыя писали мы въ Реторикѣ экспромты и домашнія сочиненія. Дикими покажутся онѣ тѣмъ, кто получилъ образованіе въ свѣтскихъ школахъ; но въ ихъ отвлеченности, а чрезъ то и трудности, отказать имъ нельзя. Да и гдѣ для 15—17-ти лѣтнихъ юношей можно найти отвлеченныя темы, кромѣ области религіозно-нравственной?

Вотъ эти темы для періодовъ: «Всегда говори правду», «Не должно мстить за обиду», «Спокойствіе совѣсти есть истинное благо», «За все должно благодарить Бога», «Благихъ трудовъ плодъ благословенъ». Темы для хрій: «Молитва утѣшаетъ несчастнаго», «Зло не можетъ остаться безъ наказанія», «Въ несчастіи должно обращаться къ Богу», «Хорошо все дѣлать въ свое время», «Помяни, яко смерть не замедлитъ», «Побѣждай благимъ злое», «Береги время», «Блаженъ мужъ бояйся Господа», «Истинный христіанинъ не страшится смерти» и т. д.

Опускаю темы для описаній, повѣствованій, а равно изъ пѣтиги, какъ близкія къ тѣмъ темамъ, которыя даются и въ свѣтскихъ школахъ. Но вотъ темы для «хрій превращенныхъ» или начальныхъ обратныхъ разсужденій: «Въ церкви должно стоять съ благоговѣніемъ», «Любите враги ваша», и т. д. Темы для прямыхъ разсужденій: «Помни всегда, что Богъ Всевѣдущъ», «Ora et labora», «Что требуется съ нашей стороны, чтобы Богъ даровалъ намъ просимое?» «Не любите міра, ни яже въ мірѣ», «Мерзость законопреступному правоведущій путь», «О необходимости молитвы». Упомяну наконецъ «разговоръ о необходимости постовъ», гдѣ требовалось уже творчество; ибо нужно было создать бесѣдующихъ лицъ, дать имъ плоть и кровь и снабдить различными образами мыслей по данному вопросу.

Теперь скажите, какой классъ гимназіи могъ совладать съ экспромтами на такія темы? Орѳографія и знаки препинанія устранены совсѣмъ. Объ нихъ не могло и быть рѣчи: отъ непрестанныхъ письменныхъ упражненій сами собою погибали всѣ эти орѳографическія настыкомыя. Обращалось вниманіе на мысль, на ея развитіе, на стиль. А вѣдь это былъ только еще младшій классъ Семинаріи 3-хъ класснаго или шестилѣтняго учебнаго заведенія.

Кедрскій же преподавалъ Латинскій языкъ. Но Владимиръ оказался правъ: Латинскій языкъ почти не существовалъ въ Московской Семинаріи. Часы Латинскаго урока сливались съ часами «лекцій» по словесности и уходили на экспромты. Когда не было экспромпта, мы переводили рѣчи Цицерона, кое какъ безъ всякихъ объясненій. За два года перевели, кажется, 2—3 рѣчи, да сдѣлали три перекладки съ Русскаго на Латинскій языкъ. Оцѣнка знаній по Латинскому языку производилась Кедрскимъ сообразно успѣхамъ по словесности. Латынь тутъ была не при чемъ. Не одинъ Кедрскій давалъ такія темы; подобныя же темы предлагались и въ остальныхъ двухъ «реторикахъ», т. е. параллельныхъ классахъ низшаго отдѣленія. Темы эти отвлеченностью своею способны были воспитывать учащагося къ мышленію; но аскетическою своею моралью не могли удовлетворять запросамъ юнаго ума, не давали ни малѣйшей пищи ни воображенію, ни чувству. Это была соленая вода,

непрестанно подносимая къ жаждущимъ устамъ. Не находя въ преподаваніи никакого реальнаго содержанія, умъ по необходимости обращался на самого себя, отыскивалъ это содержаніе въ себѣ и въ окружающемъ себя и отточеннымъ, но отсающимся безъ работы инструментомъ рѣзалъ и кололъ себя и окружающихъ. Отсюда прежде всего критика своей школы, конечно отрицательная, отрицательное отношеніе къ своему званію, къ церкви, къ религіи. Вѣдь не случайно же законоположители нигилизма Добролюбовъ, Чернышевскій и другіе вышли изъ духовныхъ семинарій...

Но вѣдь кромѣ «словесности» были и другія науки? Были, но почти только на бумагѣ. И какія науки, и какое преподаваніе!

Послѣ «словесности», предметомъ имѣвшимъ, какъ казалось тогда, хотя какое-либо значеніе, былъ катихизисъ Петра Могилы. Петръ Могила, митрополитъ Кіевскій (1590—1646 гг.) написалъ по-гречески «Православное исповѣданіе вѣры». Этотъ катихизисъ XVII ст. былъ переведенъ по-русски весьма тяжелымъ слогомъ и внесенъ при императорѣ Николаѣ въ Духовныя Семинаріи, какъ самая православная изъ православныхъ книгъ. Зачѣмъ понадобился этотъ катихизисъ Кіевского митрополита XVII ст., когда передъ тѣмъ только что покончили съ катихизисомъ Московскаго митрополита XIX ст.? И если первый былъ такъ преимущественно православенъ, зачѣмъ не отмѣненъ былъ второй? Вопросы эти рѣшать не берусь, но педагогическая недѣльность двухъ послѣдовательно изучаемыхъ учебниковъ по одному и тому же предмету была очевидна. Можно еще понять преподаваніе одновременно по двумъ учебникамъ, съ исправленіемъ и пополненіемъ одного другимъ; но учить сначала одинъ отъ доски до доски, потомъ другой отъ доски до доски, это было болѣе чѣмъ скучно, прямо ненавистно.

Преподаватель этого предмета С. С. Владимірскій (нынѣ уже скончавшійся) вполне соотвѣтствовалъ своему учебнику. Я засталъ его еще очень молодымъ священникомъ съ едва отросшими волосами, но онъ былъ молчаливъ и мраченъ какъ могила: могила являлась въ классы въ 2-хъ экземплярахъ. Владимірскій только задавалъ урокъ изъ ненавистой книги и только спрашивалъ уроки слово въ слово, буква въ букву. Зачѣмъ существовалъ почтенный профессоръ, котораго такъ легко было бы замѣнить ученикомъ-авдиторомъ? Въ каждый классъ Владимірскій спрашивалъ очень немногихъ, человѣка четыре и ставилъ отмѣтки или четверки или двойки и единицы. Въ первое полугодіе я рѣшительно не могъ учить наизусть эту ужасную книгу Могилы и очень трепеталъ за свою участь. Подымаемый вверхъ Кедрскимъ, я, казалось мнѣ, долженъ буду неминуемо низвергнуться внизъ при первомъ же отвѣтѣ Владимірскому.

Уже большинство учениковъ было по одному разу спрошено Владимірскимъ; неспрошенныхъ осталось очень мало, и я въ ихъ числѣ. Въ слѣдующій классъ я почти неминуемо долженъ былъ быть спрошенъ. Какъ ни напрягался я, но никакъ не могъ отзубрить заданный урокъ. Конецъ мнѣ, думалъ я, не вѣря еще тогда въ то, что «все образуется» съ теченіемъ времени. Вдругъ къ роковому уроку или «лекціи» Владимірскій почему-то не можетъ явиться; замѣстителемъ его приходитъ лекторъ Филиппъ Алексѣевичъ Терновскій. Лекторами назначались у насъ первые ученики высшаго класса, на обязанности которыхъ лежало преподаваніе Греческаго языка въ младшихъ классахъ; ибо на этотъ, казалось бы, столь важный въ духовной школѣ предметъ почему-то «профессора» не полагалось. Лекторъ могъ быть посланъ, какъ замѣститель и другого профессора. Такъ было и на этотъ разъ, и притомъ такой случай замѣстительства, сколько помню, былъ при мнѣ единственнымъ. На мое счастье Филиппъ Алексѣевичъ Терновскій былъ сынъ священника у Воздвиженья на Овражкахъ, который былъ предшественникомъ моего отца. Филиппа Алексѣевича я не разъ видалъ въ алтарѣ у Воздвиженія на Овражкахъ, но знакомъ съ нимъ не былъ. Это былъ очень милый, скромный, богомольный молодой человекъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался извѣстенъ своими церковно-историческими и историко-литературными изслѣдованіями, былъ профессоромъ въ Кіевской Духовной Академіи, написалъ диссертацию, въ которой нашлись признаки якобы иноисповѣдныхъ ученій. Талантливаго и трудолюбиваго ученаго послѣ этого и свели въ гробъ...

Приходитъ Терновскій въ классъ, беретъ журналъ и спрашиваетъ меня. Не знаю, что со мною сдѣлалось; но я ни слова, ни звука не отвѣтилъ ему. Я горѣлъ со стыда, желалъ провалиться сквозь землю, но все-таки ни звука не сошло съ моихъ губъ. Рѣшительно не понимаю теперь этого своего психическаго состоянія. Не понять урока я не могъ. Я могъ не знать его буквально, но почему же не отвѣчалъ своими словами? Вѣроятно это былъ глубочайшій конфузъ, заморозившій и языкъ, и гортанныя связки. Я и вообще былъ очень конфузливъ, въ школѣ еще совсѣмъ новичекъ. Терновскій сконфузился не менѣе моего, а его конфузъ только усиливалъ мое смятеніе. Наконецъ онъ сказалъ мнѣ: «садитесь!» а послѣ его ухода въ классномъ журналѣ стояло противъ моей фамилии 4. Единицы гуманный юноша не рѣшился бы поставить; но почему не оставилъ онъ меня совсѣмъ безъ отмѣтки? За что поставилъ 4 бала, избавившіе меня отъ необходимости предстать въ это полугодіе предъ мрачнымъ, молчаливымъ, какъ могила, профессоромъ? Быть можетъ, встрѣчи въ алтарѣ у Воздвиженія за два года передъ тѣмъ, замѣстительство его покойнаго отца моимъ, печальная невозможность

купить ихъ дорогою домъ, все это побудило Терновскаго, скромнаго какъ красная дѣвица, оказать мнѣ это поистинѣ благодѣяніе. Въ это полугодіе я не былъ уже спрошенъ Владимирскимъ, а къ слѣдующему привыкъ уже учить наизусть неудобоваримый учебникъ Петра Могилы. На слѣдующій годъ вмѣсто катихизиса Владимирскій преподавалъ, т.-е. задавалъ и спрашивалъ, уроки по другому предмету «Ученіе о церковно-богослужебныхъ книгахъ».

Что это была за наука, рѣшительно не помню, хотя «лекціи» или отъ поколѣнія къ поколѣнію переходящія тетрадки, я исправно училъ наизусть. Кажется, тутъ объяснялось, что такое «Миней Цвѣтная», «Миней Постная», «Требникъ», «служебникъ», или по крайней мѣрѣ должно было объясняться. Но новому церковно-славянскомъ языку (о древнемъ языкѣ тогда и помину не было) мы не учились. Онъ только числился въ 3-мъ классѣ училища; богослужебныхъ книгъ намъ тоже никто ни разу не показалъ. При чемъ же была и самая эта наука?.. Самъ Владимирскій никогда ни слова не объяснялъ, или нѣтъ: разъ по какому-то случаю онъ что-то объяснилъ и даже привелъ по этому случаю Еврейское слово «яшагъ». Запомнилъ я это слово потому, что самому ему далъ эту кличку «яшагъ».

«Яшагъ», какъ явствуетъ изъ всего, или былъ совершенно не свѣдущъ въ своихъ предметахъ, или крайне бездаренъ. Иначе откуда это гробовое молчаніе? Но онъ былъ особенно важенъ. Въ подобной же, хотя и болѣе слабой степени, были важны и другіе «профессора». Достаточно указать, что за два года обученія моего въ низшемъ отдѣленіи ни разу ни одинъ ученикъ ни въ классѣ, ни послѣ класса ни къ одному изъ «профессоровъ» не обратился ни съ какимъ вопросомъ. Кедрскаго, напимѣръ, мы любили пламенно до обожанія, но и къ Кедрскому даже самый близкій его любимецъ никогда не помыслилъ бы обратиться хотя бы съ такимъ невиннымъ и насущнымъ вопросомъ: Александръ Васильевичъ, что вы бы посоветывали мнѣ читать? Прочихъ же «профессоровъ» не о чемъ было бы и спрашивать. Поступивъ въ Университетъ, я былъ изумленъ, видя, какъ вслѣдъ за уходящимъ профессоромъ, особенно такимъ глубокоуважаемымъ и горячо любимымъ, какъ О. П. Буслаевъ, устремлялись всегда нѣсколько студентовъ со своими вопросами и просьбами. Студенты обращались постоянно и къ другимъ профессорамъ Университета, не столь для нихъ близкимъ, какъ Буслаевъ, и всегда почти получали благотворные отвѣты. Позднѣе, будучи учителемъ Гимназіи, я, какъ и нѣкоторые другіе, никогда не выходилъ изъ класса иначе, какъ окруженный толпою учениковъ, пристававшихъ ко мнѣ не только съ вопросами и просьбами, но даже съ предложеніемъ

принести въ слѣдующій разъ для чтенія въ классъ какую-либо книгу, облюбованную этимъ гимназистомъ, но товарищамъ его неизвѣстную.

Въ чрезмѣрно важномъ держаніи семинарскихъ «профессоровъ» вижу поэтому бесполезную, даже вредную надутость и напыщенность. Откуда взялась она? Чѣмъ воспитывалась? Не унаслѣдована ли она отъ того стараго времени, когда эти учителя были дѣйствительно профессорами? На это указываетъ и утратившее свой смыслъ наименованіе въ Семинаріи уроковъ «лекціями». Потому-то въ низшемъ и среднемъ отдѣленіи Семинаріи не было никакихъ печатныхъ учебниковъ, кромѣ Петра Могилы и «Церковно-библейской исторіи» митрополита Филарета, а были все только «лекціи», т.-е. тетрадки, неизвѣстно кѣмъ и когда преподанныя въ смыслѣ дѣйствительно лекцій.

Всеобщую исторію преподавалъ священникъ П. И. Казанскій. Это былъ одинъ изъ экземпляровъ іереевъ, которыхъ назвалъ бы я великолѣпными, а пожалуй и кокетками. Лучшимъ представителемъ такого типа былъ покойный Н. А. Сергіевскій, профессоръ богословія въ Московскомъ Университетѣ. Въ мое время онъ былъ красавецъ собой; ходилъ въ превосходномъ бѣльѣ, въ изящныхъ сапогахъ; ряса его изъ тяжелаго шумящаго шелка оканчивалась такимъ раструбомъ, который наводилъ на подозрѣніе въ существованіи субстрата въ видѣ крахмальной юбки. Въ его лекціяхъ каждое слово было отдѣлено, какъ и интонація каждого слова, какъ каждое его движеніе. Оканчивалась его лекція одновременно эффектно - заостреннымъ выраженіемъ, паденіемъ у каѳедры дощечки, скрипомъ отодвигаемаго кресла и свистомъ и шуршаніемъ дорогого шелка его рясы....

Подобенъ ему былъ и Казанскій, но въ слабѣйшей степени. Тоже великолѣпіе во внѣшности, тоже шуршаніе дорогихъ шелковъ. Казанскій, какъ и «яшагъ», говорилъ ученикамъ ты, тогда какъ Кедрскій— «вы», а Шавровъ смѣшанно «ты» и «вы». Изъ всѣхъ «профессоровъ» одинъ только Казанскій позволялъ себѣ звать учениковъ «столбами» за незнаніе урока или, точнѣе, за дурную отмѣтку, поставленную аудиторомъ. Казанскій не ограничивался задаваніемъ «лекцій», но иногда рассказывалъ, хотя впечатлѣнія своими рассказами не производилъ. Первый годъ онъ все возился съ исторією Востока для своихъ рассказовъ, не ходилъ дальше какого-нибудь учебника средней руки. Странная вещь: прочитавъ Аббата-Миллота и нѣкоторые спеціальныя изслѣдованія, я, вѣроятно, зналъ Всеобщую исторію (не говоря уже о Русской) не хуже его, а онъ не только ставилъ мнѣ плохіе балы, но и самого меня ставилъ столбомъ на основаніи аудиторскихъ мѣтокъ. На второй годъ Казанскій, пропустивъ почему-то Грецію и Римъ, поучилъ насъ немного изъ среднихъ вѣковъ. Словомъ, Всеобщая исторія вся ограничи-

лась общеизвѣстными разсказами о царяхъ Востока и какими-то отрывками изъ среднихъ вѣковъ.

Математику, именно алгебру, геометрію и паскалію, преподавалъ Егоръ Николаевичъ Шавровъ. Это былъ учитель, знавшій и любившій свой предметъ. Его преподаваніе имѣло бы успѣхъ, если бы онъ не встрѣчалъ въ ученикахъ почти поголовное отвращеніе отъ математики. Потому у несчастнаго Шаврова не было даже и обычая ставить балъ выше тройки, но и эту отпѣткою удостоивалъ онъ очень немногихъ, и меня въ томъ числѣ, которымъ за ихъ успѣхи говорилъ «вы», обращаясь къ остальнымъ на «ты». Онъ старательно объяснялъ и алгебру, и геометрію въ самомъ притомъ, кажется, элементарномъ видѣ, писалъ на доскѣ выкладки и фигуры; но къ ученикамъ ничего не прилипало по какому-то исконному въ семинаріяхъ нерасположенію къ математикѣ. Положеніе Шаврова заслуживало полнаго и участія и сожалѣнія, тѣмъ болѣе, что и человѣкъ-то онъ былъ добрый и вообще хорошій. Его заступничество за меня на переходномъ въ Семинаріи экзаменѣ достаточно свидѣтельствуетъ о доброй его душѣ и о развитомъ умѣ. Но онъ былъ чистый мученикъ съ болванами, не умѣвшими отличить точку отъ линіи, не могшими составить представленія о возможности замѣны цифръ буквами.

— Какъ же ты, братецъ, не занимаешься математикой? распекаетъ онъ, бывало, кого-нибудь изъ камчатки. Представь себѣ—тебѣ придется мѣрить свою или церковную землю. Окончишь ты курсъ, поступишь на мѣсто, возьмешь себѣ жену....

При словѣ «жену» камчадалъ ухмыляется во весь ротъ, видя въ ней нѣчто болѣе существенное, чѣмъ въ геометрическомъ тѣлѣ.

— Чемужъ ты, братецъ, смѣешься? обрываетъ его Шавровъ: ты очевидно, болванъ. Садись, дерево на дерево. А «дерево» это годно даже на семирину или осмерину.

Греческій языкъ преподавалъ лекторъ Терновскій. Предметъ этотъ окончателью не шелъ. Причиною того были, общій взглядъ что кромѣ «словесности», ничего не нужно; самое преподаваніе не «профессоромъ» а такимъ же ученикомъ, только высшаго отдѣленія; наконецъ самый характеръ «Филипчика», донельзя мягкій, деликатный, женственно-стыдливый.

Съ экзаменами не соединялось для насъ представленія объ испытаніяхъ, рѣшающихъ нашу судьбу. На экзаменѣ ученика спрашивали не по всѣмъ предметамъ. По главному, пожалуй, еще спросятъ всѣхъ, а по остальнымъ—по какому спросятъ десятокъ человѣкъ, а по какому ограничатся и пяткомъ. Экзамены не измѣняли списка учениковъ, составленнаго по главному предмету. Нужно было по главному предмету

обнаружить какое-нибудь чудовищное невѣжество, чтобы тебя понизили на нѣсколько человѣкъ. А откуда возьмется оно, когда оцѣнка дѣлалась на основаніи многочисленныхъ сочиненій и сочиненіе же и на экзаменѣ служило главнымъ основаніемъ оцѣнки? Къ экзаменамъ все-таки нѣсколько готовились не ради повышения по списку или сохраненія своего мѣста, а изъ нѣкоторой боязни того величія, предъ коимъ надлежало стать лицомъ къ лицу: на экзаменѣ предсѣдательствовалъ самъ о. ректоръ, присутствовалъ инспекторъ... Явившійся неподготовленнымъ предъ этимъ величествомъ чувствовалъ бы себя евангельскимъ брачнымъ гостемъ, не имѣющимъ одѣянія брачнаго. Только, и все.

Экзамены были полугодичные (передъ Рождествомъ) и годичные (передъ вакаціею). Тѣ и другіе не различались по своимъ для экзаменующаго послѣдствіямъ. Даже двухгодичные переходные оставались все тою же великолѣпною формальностью. Послѣ годичныхъ экзаменовъ былъ экзаменъ публичный. Казалось, этотъ публичный экзаменъ долженъ былъ бы представляться торжественнымъ только представленіемъ для публики, какъ вотъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ; а на самомъ дѣлѣ ученики его боялись, и преподаватели, не исключая и величественнаго ректора, трепетали какъ осиновые листья. И было чего бояться. На экзаменѣ этомъ присутствовалъ самъ митрополитъ Филаретъ, стоявшій въ глазахъ современнаго ему духовенства неизмѣримо выше по своему личному авторитету, чѣмъ какой-либо изъ его преемниковъ.

Экзаменъ публичный происходилъ въ семинарской церкви, для чего алтарь завѣшивался во всю ширину. Въ сторонѣ, противоположной алтарю, ставился очень большой столъ, окруженный креслами, достаточными для всего профессорскаго состава съ ректоромъ и инспекторомъ. На предсѣдательскомъ мѣстѣ ставилось кресло съ особенно высокою спинкою. Полъ усыпался цвѣтами.

Лучшимъ ученикамъ всѣхъ отдѣленій назначалось что отвѣчать. Билетовъ, какъ на экзаменахъ частныхъ, тутъ не было. Вы чувствуете, что билеты не соответствовали бы этому серьезному, почти религіозно-торжественному представленію. Это было бы не идейно, а мелкотравчато-вещественно. Группѣ лучшихъ учениковъ, человѣкъ въ 5—6, назначался цѣлый отдѣлъ изъ учебнаго предмета. А тамъ кому что достанется изъ этого отдѣла: долженъ каждый отлично приготовить все. Ученики всѣ въ сборѣ, профессора и начальство тоже; являлась и публика, большею частію въ священнослужительскихъ рясахъ. Московскіе іереи, иные весьма извѣстные и авторитетные, затерты въ толпѣ учениковъ, составляющихъ два крыла, простирающихся отъ экзаменаціоннаго стола почти до самаго алтаря. Долго ждутъ въ томительномъ тоскливомъ мол-

чаніи. Наконецъ съ параднаго входа даютъ знать: «пріѣхалъ!» Все замерло, оцѣпенѣло; жизнь обнаруживается только въ учащенномъ біеніи пульса и колыханьи непослушнаго сердца. «Идетъ!» пронеслось шопотомъ по всей залѣ, и, какъ сухой осенній листъ при легкомъ дуновеніи вѣтерка навстрѣчу восходящему дневному свѣтилу, зашелестѣли шелковые рясы ожидающихъ. Раздалось торжественное стройное пѣніе семинарскаго хора, и точно вѣтеръ пробѣжалъ по спѣлымъ колосьямъ ржи: склонились головы всѣхъ присутствующихъ. Низенькая, крайне-худая фигура въ бѣломъ клобукѣ съ блестящими алмазами едва видна изъ заднихъ рядовъ плотной толпы. Садится митрополитъ; садятся по его приглашенію и всѣ педагоги; но ученики и публика остаются на ногахъ. Не садится и ректоръ: экзамень начнется изъ догматическаго богословія, преподаваемаго ректоромъ. Чтò это?—Важный, величественный, недоступный для насъ, простыхъ смертныхъ, ректоръ склоняетъ колѣни и кладетъ предъ митрополитомъ земной поклонъ, не фальсифицированный какой-либо, а истовый, стоя на обѣихъ колѣняхъ и приложившись клобукомъ къ самому полу, вплотную. Подымается ректоръ и остается на ногахъ во все время экзамена по его предмету. Твердо, четко, безъ поправки, безъ запинки, льется рѣчь отвѣчающаго. Но вотъ вѣтеръ пробѣгаетъ по всей человѣческой нивѣ; стоящіе одесную и ошуюю стола скашиваютъ головы и тѣла свои по направленію къ столу. Чтò это значить?—Митрополитъ едва слышнымъ голосомъ дѣлаетъ «возраженіе» отвѣчающему. Но не слышатъ этого возраженія затерявшійся въ толпѣ учениковъ попъ-магистръ, ради такого «возраженія» и явившійся среди публики. Жаль его, потому что такіа возраженія Филарета по богословской наукѣ считались перлами. Незаписанныя, они устно разносились по всей учено-богословской средѣ Московскаго духовенства. Экзаменующійся «богословъ» отвѣчаетъ по своему разумѣнію на «возраженіе» митрополита. Снова вѣтеръ пробѣгаетъ по зрѣлой нивѣ, и наливные и пустые колосья снова склоняются наискось къ столу; но большинству удается при гробовомъ молчаніи разслышать только слова:

— А какъ же апостолъ Павелъ говоритъ?... Ученикъ пытается отвѣтить, иногда удачно, иногда нѣтъ. Тутъ наступаетъ страшная минута для ректора.

— Ты что скажешь?... доносится слабый голосъ до вновь заколыхавшейся нивы.

Ректоръ отвѣчаетъ, конечно, большею частію удовлетворительно, ибо и самъ онъ, думаю, еще больше, чѣмъ назначенные къ экзамену ученики, готовился къ такой страшной минутѣ. Но иногда въ отвѣтъ на неудочное объясненіе ректора до волнующейся нивы доносится слабый, но металлически-холодный голосъ владыки:—Дуракъ!

Въ отвѣтъ на такую краткую, но сильную характеристику, ректоръ колѣнопреклонился, какъ бы прося прощенія.

Мнѣ не удалось самому быть свидѣтелемъ такой сцены, быть можетъ, по кратковременности моего пребыванія въ Семинаріи: я присутствовалъ только на двухъ публичныхъ экзаменахъ. Но близкія мнѣ лица увѣряли меня въ томъ, какъ послухи - очевидцы.

Митрополитъ на экзаменахъ говорилъ ученикамъ «вы», равно и преподавателямъ духовнаго вѣдомства, которые были въ вицмундирахъ. «Ты» относилось только къ бѣлому и черному духовенству.

Ректоръ не былъ застрахованъ при отвѣтахъ учениковъ и по другимъ духовнымъ предметамъ, хотя бы и не его преподаванія. Ученикъ не отвѣтилъ на «возраженіе». Ты что скажешь? обращается митрополитъ къ его «профессору». Если тотъ удовлетворительно разрѣшитъ возраженіе, тѣмъ дѣло и кончается; но если нѣтъ, митрополитъ скажетъ: Не такъ. Ты что скажешь? обращается тогда онъ уже и къ высшей инстанціи, къ ректору. И здѣсь при неудовлетворительномъ рѣшеніи раздается: Дуракъ!

Экзаменъ изъ догматическаго богословія оконченъ. Снова ректоръ дѣлаетъ земной поклонъ. Очередь за нравственнымъ богословіемъ, преподавателемъ коего былъ при мнѣ инспекторъ архимандритъ Игнатій. Снова колѣнопреклоненіе. Экзаменъ продолжается тѣмъ же порядкомъ, но «дурака» не услышите. И вотъ почему: Игнатій былъ болѣе чѣмъ недалекъ (хотя потомъ достигъ и архіерейскаго сана, сначала викарія Московскаго, а потомъ епископа, кажется Костромскаго). Какъ-то разъ, будучи при мнѣ ректоромъ, на частномъ экзаменѣ изъ церковно-библейской исторіи, которую онъ самъ раньше, будучи инспекторомъ, преподавалъ, онъ рѣшился, должно быть по образцу Филарета, сдѣлать возраженіе отвѣчающему и, дѣйствительно возразилъ: Хорошо ли сдѣлалъ Каинъ, что убилъ брата своего Авеля? Такимъ образомъ рѣзкая характеристика Игнатія на публичномъ экзаменѣ была бы излишнимъ пустословіемъ и не дала бы присутствующимъ никакой новой идеи. Сверхъ того архимандритъ Игнатій былъ близкимъ родственникомъ митрополиту Филарету.

За богословскимъ отдѣленіемъ экзаменовалось философское и наконецъ риторическое. Чѣмъ ниже, тѣмъ экзаменъ становился легче, по меньшей сравнительно важности предметовъ. Но экзаменовали по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ, конечно, опять таки избранныхъ, назначенныхъ заранѣе.

На переходномъ экзаменѣ въ среднее отдѣленіе назначено было отвѣчать мнѣ изъ геометріи. Можетъ быть, отвѣчалъ я и по другому какому-либо предмету: но, помнится, изъ геометріи отвѣчалъ я одинъ

только. Математику я любилъ, посильно занимался ею и радъ былъ, что хотя этимъ могъ отблагодарить Е. Н. Шаврова, заступившагося за меня на училищныхъ экзаменахъ.

Какъ теперь помню, я отвѣтилъ предъ митрополитомъ опредѣленія геометрическихъ тѣлъ: паралесипеда, куба, призмы, конуса, цилиндра, шара. Какъ сейчасъ вижу холодные, словно два небольшихъ острыхъ изумруда, устремленные на меня глаза престарѣлаго Филарета. «Возраженія», конечно, не послѣдовало, да и не могло послѣдовать: Егоръ Николаевичъ и его ученикъ чувствовали подъ собою незыблемую почву, недоступную острію даже Филаретовскаго ума....

Попытаюсь теперь подвести итоги тому, что дала мнѣ Семинарія за два года пребыванія въ реторикѣ. Я очень основательно познакомился съ теоріею прозы и поэзіи, и только, если не считать знакомства съ первыми стриницами алгебры и геометріи. Уравненіями первой степени съ однимъ и со многими неизвѣстными ограничились мои знанія въ алгебрѣ. Нѣсколькими теоремами изъ планиметріи да опредѣленіями изъ стереометріи ограничились мои знанія въ геометріи. По всѣмъ прочимъ предметамъ, катихизису, богослужебнымъ книгамъ, всеобщей исторіи и обоимъ древнимъ языкамъ я приобрѣлъ познаній на 0, хотя училъ наизусть тетрадки. Самое главное, навыкъ владѣть перомъ, я получилъ только отъ отца.

Но эти два года пребыванія въ Семинарії не остались безслѣдными для моего развитія, выведя меня изъ тѣсной сферы только семейныхъ отношеній въ болѣе широкія и многообразныя условія жизни общественной, въ ея пока еще ограниченномъ и миниатюрномъ видѣ жизни школьной.

Товарищество.... Какой это важный вопросъ воспитанія! Только тотъ по достоинству можетъ оцѣнить значеніе товарищества въ дѣлѣ воспитанія, кто долго совсѣмъ не зналъ товарищества, кому уже на зарѣ пробуждающагося сознания пришлось сразу окунуться въ эту совсѣмъ новую для него сферу. Мальчикъ, съ 9—10 лѣтняго возраста начавшій ходить въ школу, едва ли въ зрѣломъ возрастѣ можетъ взвѣсить всю силу товарищества въ его воспитаніи. Оно представляется ему не вновь вторгнувшимся въ его жизнь началомъ, а вполне естественнымъ, чуть не природнымъ условіемъ его существованія.

До Семинарія я не зналъ ни одного товарища; единственнымъ былъ Владимиръ. Но какой же это товарищъ? Это двоюродный братъ, постоянно пребывавшій у насъ, совсѣмъ почти членъ нашего семейства. Это участіе Владимира въ общей нашей семейной жизни всего лучше формулировалось отцомъ моимъ въ церкви съ амвона, когда я и Владимиръ опаздывали къ церковной службѣ: Володька тоже безъ чаю!

Въ первый же годъ риторическаго класса меня съ конца списка (человѣкъ въ 70) подняли на 14-е мѣсто и сообразно съ этимъ пересадили почти на средину 2-й лавки между своекоштными перваго разряда, въ число коихъ (человѣкъ 20) былъ внесенъ и я. Направо и налево отъ меня народъ порядочный, способный и дѣловой, во всякомъ случаѣ не даромъ «перворазрядные». Фланги мои были защищены отъ нападенія непріятелей, если не союзниками, то нейтральными, но тылъ оставался открытымъ непріятелю. А непріятель сосредоточивался именно въ тылу у меня: тамъ была третья скамейка, казенные второразрядники. Какъ разъ прямо за мною сидѣли «старые», т.-е. оставленные на второе двухлѣтіе. Уже по самому этому они были великовозрастные. Первое полугодіе, какъ аборигены, они помѣщались на 1-й лавкѣ, но при первой же пересадкѣ должны были въ большинствѣ уступить мѣсто новымъ пришельцамъ, нашему поколѣнію. Съ ними и нами повторился извѣстный историческій законъ: позднѣйшее племя, насѣвшее на обитаемую землю, оттѣсняетъ аборигеновъ въ горы и ущелья. Тоже потерпѣли и коренные туземцы отъ насъ, пришельцевъ. Но не скоро примиряются съ своею печальною участію древнѣйшіе насельники, отброшенные въ дебри, загнанные на скалы; разбои и грабежи чинять они оттуда среди мирныхъ обитателей плодородныхъ равнинъ. Къ старымъ казеннокоштнымъ въ тылу у меня примкнули и два старыхъ своекоштныхъ: Покровскій и Воздвиженскій, оба уже вполне созрѣвшіе до степени дьячковъ и панамарей. Есть видъ млекопитающаго; называется оно, кажется, тапиръ. Одна изъ особенностей тапира—весьма длинная, широкая ступня. Это вполне цѣлесообразно, ибо тяжелый и массивный тапиръ живетъ по болотистымъ берегамъ рѣкъ южной Америки, Малайки и Суматры. Подобная же ступня была и у Покровскаго и даже у прочихъ его двухъ братьевъ, и весьма цѣлесообразно: несчастные Покровскіе жили за Рогожской заставой въ селѣ Карачаровѣ, верстахъ въ 3 отъ заставы, откуда ежедневно и путешествовали въ Семинарію, въ Каретный рядъ. Но тапиръ Покровскій, какъ и его травоядный прототипъ, былъ весьма скромень. Другое дѣло Воздвиженскій, сынъ какого-то Московскаго дьячка, а потому одушевленный родою завистью и ненавистью къ поповичамъ. Я долго испытывалъ ужасные его щелчки, всегда неожиданные, когда откидывался спиною къ столу, за которымъ помѣщался этотъ «старикъ». Не будь Воздвиженскаго, мѣсто новаго моего поселенія было бы вполне безопасно, ибо травоядный тапиръ былъ смиренъ, а прочимъ было уже далеко тянуться къ моему затылку. Мой же затылокъ Воздвиженскій предпочиталъ, можетъ быть, потому, что замѣнить его было нечѣмъ: рядомъ со мною сидѣлъ близкій родственникъ страшнаго «Яшага» Хрисанъ, хотя мальчикъ очень скромный,

куда даже скромнѣ меня, но за то прикрытый родствомъ съ «Яшагомъ». Пришлось заключить миръ съ этимъ врагомъ, кажется, тоже помощью, оказанною ему въ его сочинительствѣ.

Въ ближайшемъ со мною сосѣдствѣ по лавкѣ не оказалось подходящаго товарищества. Хрисанеъ хотя учился хорошо, а по списку значился даже и выше своихъ заслугъ, но былъ черезчуръ ребячески невиненъ, монашливъ, даже божествененъ. Это былъ болѣе чѣмъ «мальчикъ въ штанахъ» Щедрина и не представлялъ для меня ни малѣйшаго интереса. Другіе ближайшіе сосѣди были чванливы протопопствомъ своихъ отцовъ и родствомъ съ митрополитомъ Филаретомъ. А впереди спины и затылки «первыхъ учениковъ», между которыми два близкихъ родственника того же «Яшага». Я нѣкоторое время смотрѣлъ на нихъ съ большимъ уваженіемъ не ради только ихъ «аристократическаго» одѣянія съ полотнянымъ бѣльемъ (когда самъ я вмѣсто манишки носилъ полутерновый нагрудникъ), но главнымъ образомъ за ихъ высшее надо мною помѣщеніе по списку. Да и какое сближеніе могло послѣдовать съ затылками? Впрочемъ я уже и тогда составилъ себѣ нѣкоторое понятіе о «первакахъ». Первый ученикъ, родственникъ «Яшага», неглупый, весьма старательный, но очень сдержанный, можетъ быть, излишне самолюбивый вслѣдствіе своего очень малаго роста. Физическіе недостатки всегда искажаютъ нравственную природу человѣка. Какой горбунъ не золь! А можетъ быть и наоборотъ: физическое уродство является послѣдствіемъ уродства нравственнаго. Печальна была послѣдующая участь этого, все-таки мнѣ симпатичнаго, юноши. Окончивъ курсъ въ Московской Духовной Академіи, онъ долго не поступалъ на мѣсто во священники. Между тѣмъ старшій братъ его, популярный Московскій священникъ, постригся въ монахи и скоро достигъ архіерейскаго сана. Авторитетный во всемъ своемъ родствѣ, старшій братъ сталъ, какъ слышалъ я отъ одного изъ ихъ родственниковъ, нудить младшаго поступить во священники. А тотъ между тѣмъ уже успѣлъ обзавестись семьєю. Безсильный противостоять насѣданіямъ авторитетнаго брата, не имѣя возможности разорвать отношенія съ любимою женщиною и своими дѣтьми (что конечно требовалось при вступленіи во іерейство) несчастный перерѣзалъ себѣ горло бритвою. Могъ ли я тогда представить, что милый Александръ Осиповичъ, всегда кроткій, съ поэтическими задатками, приличный «мальчикъ въ штанахъ» окончить такъ ужасно?..

Вторымъ ученикомъ былъ Василій Ивановичъ. Фамилію опускаю. Онъ былъ очень способенъ, но почти ничего не дѣлалъ и даже насмѣшливо относился ко всякому труду. Тѣмъ не менѣе, занявъ второе мѣсто, онъ даже оттѣснилъ профессорскую родню: такъ онъ былъ даровитъ. Но въ тоже время онъ былъ циникъ и развратникъ; виномъ также не

брезговаль. По окончаніи реторическаго курса онъ быстро приготовился въ Университетъ, раньше всѣхъ насъ, студентовъ Университета изъ семинаристовъ, поступилъ въ Университетъ, именно на медицинскій факультетъ. Черезъ него-то именно я и былъ на нѣкоторое время вовлеченъ въ пьяную компанію, изъ которой впрочемъ очень скоро съ величайшимъ омерзеніемъ отшатнулся. 22 Августа 1859 года, уже много спустя послѣ охлажденія нашихъ отношеній, я видѣлъ его въ студенческомъ мундирѣ, въ треуголкѣ со шпагою, важно, хотя и косолапо (онъ былъ толстобрюхъ) прогуливающагося въ освѣщенныхъ аллеяхъ Александровскаго сада. При видѣ его острое жало зависти впилося мнѣ въ сердцѣ: я тогда только еще приступалъ къ приготовленію въ Университетъ, а онъ уже былъ студентъ!

Порядокъ списка забылъ, да онъ же и измѣнялся по полугодіямъ. Однимъ изъ первыхъ былъ профессорскій братъ Павелъ Сергѣевичъ. Его я весьма полюбилъ. Должно быть, меня особенно подкупила его изящная внѣшность: онъ былъ сынъ богатаго священника. Въ нравственномъ отношеніи онъ былъ очень чистъ, прямая противоположность Василю Ивановичу. Онъ не лишенъ былъ и любознательности за предѣлами «главныхъ» предметовъ: учился по-нѣмецки, интересовался физикою; послѣднее вѣроятно потому, что другой старшій его братъ былъ учителемъ физики въ какомъ-то свѣтскомъ учебномъ заведеніи. Нѣкоторое время я съ «Пашею» состоялъ даже въ дружески-нѣжной перепискѣ. Но я разошелся съ нимъ, когда меня потянуло въ Университетъ, онъ же продолжалъ идти по прежней дорогѣ къ Духовной Академіи и, конечно, сдѣлалъ большую ошибку, не внявъ моимъ увѣщаніямъ готовиться въ Университетъ; ибо впослѣдствіи, окончивъ курсъ въ Духовной Академіи, все-таки вышелъ изъ духовнаго званія.

Прочіе «первакі» были малосообщительны, а нѣкоторые казенно-коштные (что естественно сближало ихъ съ такими же, какъ и сами они, казеннокоштными) не оставляли мѣста для дружбы съ «приходящими».

Но во всякомъ случаѣ я и самъ, пока не достигъ степени «превага», не обнаруживалъ наклонности къ сближенію съ этимъ избраннымъ обществомъ. Этому мѣшала гордость. Пришлось довольствоваться чѣмъ-либо болѣе подходящимъ, подручнымъ. Такимъ оказался Василій Максимовичъ Лебедевъ, ближайшій мой сосѣдъ по списку и притомъ, что всего важнѣе, постоянный мой попутчикъ по дорогѣ изъ Семинаріи. Лебедевъ былъ сынъ причетника отъ церкви Симеона Столпника за Язуою. Мы были попутчиками чуть ли не до самаго нашего дома, откуда Лебедевъ уже одинъ продолжалъ путь за Язуу.

Самъ Лебедевъ весьма любилъ прилагать къ себѣ стихи Грибова:

„Способностями Богъ меня не наградилъ;
Даль сердце доброе, вотъ чѣмъ я людямъ милъ.
Совру—простятъ“.

Эта характеристика была совершенно вѣрная: онъ не былъ глупъ-но не былъ и уменъ; былъ ограниченъ и какъ-то лишенъ способности поступанія впередъ; былъ очень простъ и весьма добръ. Болѣе этого ничего Репетиловскаго въ немъ не было, если не считать его страсти къ театру. Онъ скорѣе напоминалъ Горацио изъ Гамлета, съ каковымъ тоже любилъ себя сравнивать по своей безкорыстной дружбѣ ко мнѣ.

Какъ ученикъ, Лебедевъ посильно - добросовѣстно исполнялъ свои обязанности, за чтó и помѣщенъ былъ въ 1-мъ разрядѣ. Помимо школьнаго дѣла, онъ былъ страстнымъ любителемъ Французскихъ переводныхъ романовъ Дюма, Сю и т. п. Кажется, онъ все перечиталъ, чтó могъ найти въ библіотекахъ по этой части. По его указанію перечиталъ и я большую часть этихъ романовъ, которыми онъ снабжалъ меня, но все-таки въ этомъ отношеніи я оставался далеко назади его. Лебедевъ познакомилъ меня и съ Малымъ театромъ; до Большого онъ не былъ охотникъ.

Хотѣлось бы изобразить семинарскій день, но затрудняюсь: отдѣльнаго дня не могу, конечно, припомнить, а возсоздать—я не художникъ; да и какъ помѣстить въ одинъ день множество полузабытыхъ подробностей? Какимъ отдать предпочтеніе? Какія опустить?

7-й часъ утра; одинъ пьешь чай съ половиною «розанчика»; хотя «розанчикъ» и составлялъ одну четвертую часть Французскаго хлѣба, но по тогдашнимъ размѣрамъ былъ довольно великъ. Если осень или весна, то въ одномъ сюртукѣ, а если зима, то въ «своей» шинели въ собачьимъ воротникомъ отправляешься въ Семинарію. Калошъ не полагается, но въ обуви уже прогрессъ: сапоги не личные, а вырѣзковые. Спустившись съ горки, выходишь черезъ Козьмодемьяновской и Петровверигскій переулки на Маросейку, подходишь къ дому Человѣколюбиваго Общества, гдѣ на стѣнѣ помѣщенъ образъ. Какой-то старикъ почтительно снимаетъ картузь при моемъ приближеніи; я отвѣчаю ему еще болѣе почтительнымъ поклономъ.

— Я, милостивый государь, обрываетъ меня почтительный старецъ, Господу Богу хотѣлъ помолиться; а васъ, сударь, не имѣю чести знать.

Досадуешь на свою близорукость, по неопытности удивляешься сочетанію ханжливости и злости въ этомъ старцѣ; а ноги сами собою уже сворачиваютъ въ Златоустовскій переулокъ. Здѣсь или я уже нагоняю Василя Лебедева, или онъ меня; но чаще всего разница въ минутѣ или двухъ нашего выхода не допускаетъ такой встрѣчи. Пролетаешь мимо Златоустовскаго монастыря и, если предстоитъ «лекція» Яшага, крестисься. Пересѣкаешь Мясницкую и чрезъ Фуркасовскій переулокъ

выходншь на Кузнецкій мостъ съ его магазинами, сонно закрывшими еще свои двери и окна. Обгоняешь нѣсколькихъ «философовъ». Вонъ и философъ Митрофанъ Сқворцовъ въ своихъ свѣтло-голубыхъ панталонахъ. Съ ними ни съ кѣмъ не кланяешься: ибо ты риторъ, а они философы. Вонъ медленно шествуетъ и богословъ Воиновъ; тутъ еще меньше можетъ быть рѣчи о знакомствѣ. Только въ послѣдствіи жизнь уравняетъ насъ. Голубые панталоны поведутъ въ кондитерскую, потомъ въ трактиры; его Митрофана Сқворцова я встрѣчу потомъ на филологическомъ факультетѣ, куда поступить онъ безъ экзамена по окончаніи семинарскаго курса, опередивъ меня въ Университетѣ только на одинъ курсъ. Тамъ будетъ онъ прилежно записывать лекціи, всегда стоя. Никто такъ хорошо, какъ онъ, не сумѣетъ передразнить профессоровъ: П. М. Леонтьева, латиниста, и А. И. Менщикова, профессора Греческаго языка. Сқворцовъ отлично занимается по гречески, несмотря на юродство Пыховскаго, Поляка, профессора Греческаго языка, и полнѣйшую невмѣняемость Менщикова. По окончаніи Университета, опять жизнь столкнетъ насъ: мы оба учителями въ одной гимназій: онъ Греческаго, я Русскаго языка. Проходитъ года три. П. А. Лавровскій, ректоръ Варшавскаго Университета, пріѣзжаетъ въ Москву вербовать Русскихъ преподавателей въ Польскій Университетъ. Онъ знакомится со мною, приглашаетъ меня на весьма льготныхъ условіяхъ принять кафедру Русской литературы въ Варшавскомъ Университетѣ. При мысли о разрывѣ съ Москвою, сердце мое болѣзненно сжимается. Я отказываюсь. Лавровскій проситъ указать на знатока въ Греческомъ языкѣ. Трудолюбивый Сқворцовъ успѣлъ уже напечатать въ Ж. М. Н. Пр. свой переводъ какой-то Греческой трагедіи. Указываю на Сқворцова. Быстро сдѣлалось у него дѣло съ Лавровскимъ. Уѣзжаетъ Сқворцовъ профессоромъ въ Варшаву, а года черезъ три возвращается оттуда неисправимымъ алкоголикомъ. Несчастный ходитъ по товарищамъ, занимается у нихъ серебряную мелочь безъ отдачи, конечно, и скоро умираетъ гдѣ-то въ больницѣ.

Но все это будетъ потомъ, впереди, а пока по дорогѣ къ Семинаріи только голубыя ноги Сқворцова остаются назади меня. Свернулъ я на Петровку. У иконы Петровскаго монастыря при мысли о «Яшагѣ» вспоминаешь снова «о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ» и достигаешь Каретнаго ряда; съ обоихъ боковъ Петровки изъ переулковъ набралось уже порядочно семинаристовъ, сливающихся теперь въ небольшія кучки знакомцевъ. Ускореннымъ ходомъ слѣдуемъ по семинарскому двору между двумя корпусами, грозными фронтами: направо живетъ ректоръ, направо, инспекторъ надъ семинарскимъ правленіемъ. Чѣмъ скорѣе минуешь дворъ, тѣмъ меньше опасности встрѣ-

тяться съ каимъ-либо изъ «чернокожихъ». Впереди парадный ходъ. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ парадный ходъ открытъ для учащихся, ибо учебное заведеніе и существуетъ-то только для нихъ; но въ Семинаріи ни одинъ ученикъ не входилъ въ главный корпусъ по парадному ходу, и никогда не выходилъ по оному. Парадный ходъ былъ открытъ только для начальствующихъ и «профессовъ». Ненормальность эта тогда и въ голову не приходила; скорѣе казался страннымъ порядокъ свѣтскихъ школъ. Проходишь подъ аркою мимо правленія, и если видишь издали изъ профессорскаго корпуса шествующихъ профессоровъ, не беспокоишься, зная, что они будутъ еще долго сидѣть въ профессорской комнатѣ при главномъ входѣ. Самъ пробираешься къ угловому боковому крыльцу, глядя на громадный семинарскій садъ, въ которомъ, если весна или осень, тамъ и сямъ видѣются фигуры казеннокоштныхъ, зубрящихъ свои тетрадки. Еще казеннокоштные не убрались, значить не было еще звонка для сбора въ классъ. Раздѣвшись въ «шинельной», противъ чайной комнаты, иногда полуотворенной (гдѣ видишь, какъ нѣкоторые казеннокоштные допиваютъ свой чай, передавая другъ другу мѣдные чайники съ горячею водою) отправляешься въ «ватеръ». «Ватеръ» это чисто клубъ. Онъ состоитъ изъ двухъ большихъ комнатъ: въ первой лежатъ дрова и какое-то низенькое, малорослое искривленное человѣкообразное существо, служитель «ватера»; въ другой, не менѣе обширной, ярко пылаетъ въ каминѣ огонь; а передъ каминомъ на деревянныхъ плахахъ, помѣщенныхъ стоймя, возсѣдаетъ человѣкъ 5—6 главныхъ завсегдатаевъ «ватера». Они курятъ папиросы. Вокругъ нихъ кучка человѣкъ въ 20, тоже съ папиросами. Невѣроятные клубы табачнаго дыма быстро втягиваются пылающимъ каминомъ. Дымъ тянется въ каминъ и отъ курильщиковъ, сидящихъ на окнахъ и другихъ мѣстахъ, а равно и изъ первой комнаты, куда забѣжалъ кто-либо на минуту курнуть. Ватеръ пользовался въ Семинаріи правомъ неприкосновеннаго убѣжища. Нѣкоторые лѣнтяи проводили въ этомъ клубѣ большую часть учебнаго времени, просто проживали тамъ. Вѣчно молчаливый «ватерщикъ» никогда не сказалъ никому ни слова; на чай тоже никогда ни отъ кого не получалъ. Большею частію онъ спалъ при своихъ дровахъ, ибо утромъ отъ 8 до 2-хъ часовъ огонь въ ватерѣ поддерживался завсегдатаями, которыхъ число къ вечеру только уменьшалось, ибо и между казеннокоштными были завсегдатаи. Начальство никогда не посѣщало «ватера» хотя бы для изловленія лѣнтяевъ. Ректоръ, архимандритъ или инспекторъ, архимандритъ, и вдругъ «ватеръ»! Это по меньшей мѣрѣ невозможное смѣшеніе двухъ стилей, высокаго и низкаго. О субинспекторахъ нечего и думать: это были два въ полномъ смыслѣ слова «дармоѣда». Кто же нарушить установившійся бытъ «ватера»? Разъ

только, во времени выхода моего изъ Семинаріи, инспекторъ Никодимъ, ражій, красноволосый мущина, по какому-то случаю посѣтилъ «ватеръ». И это всѣмъ показалось чудовищнымъ нарушеніемъ habeas-corpus. Но вѣдь то Никодимъ, самъ прошедшій огни и воды, котораго и поступленіе-то изъ Духовной Академіи въ монахи объясняли только необходимостью выбора послѣ одной исторіи: или въ монахи, или... А вѣдь раньше Никодима инспекторомъ былъ Игнатій, столь невинный, что сомнѣвался даже, могутъ ли «философы» оцѣнить по достоинству поступокъ Каина съ Авелемъ.

Накурившись вдоволь и узнавъ скудные новости дня, въ классъ еще не идемъ, а пріятельскими группами расхаживаемъ по нижнему коридору; направо не ходимъ: это мимо швейцарской, всегда для насъ страшной, коридоръ, ведущій къ «архи-инспекторамъ»: часть семинарскаго корпуса занимали квартиры учениковъ какого-то архитектурнаго училища, помѣщавшагося въ Кремлѣ. Этихъ архитекторовъ мы никогда не видали, ибо во время нашего присутствія въ Семинаріи они находились въ своемъ училищѣ и возвращались въ Семинарію только по нашемъ уходѣ домой. Итакъ, къ архитекторамъ не ходимъ, но можно мимо двери «суба» повернуть налево къ столовой. Тотъ коридоръ очень свѣтелъ, тогда какъ около «шинельной», при двухъ окнахъ, темень, мраченъ и сыръ. Да еще одно окно заставилъ своими корзинами кривой Илюшка-хлѣбникъ. По свѣтлому коридору будемъ ходить только на второй годъ, когда обживемся въ Семинаріи. О прогулкахъ по верхнему свѣтлому коридору съ коврами, разостланными по вылощенному полу, и думать пока нечего: тамъ гуляютъ только «богословы» и отчасти «философы», знакомые съ «богословами».

Звонокъ. Устремляемся въ свои «отдѣленія». — Кто у насъ нынче? — Кедрскій и Филипчигъ.

— Хорошо, ка-бы Ленечка сдалъ послѣдній экспромтъ!

Сидимъ, ждемъ Кедрскаго. Чѣмъ занимаемся, трудно сказать. Иной учить «лекціи»; другой списываетъ съ тетрадки тѣже лекціи дальше; кто читаетъ взятый съ собою изъ дому романъ; кто проставляетъ въ разграфленной съ фамиліями учениковъ и названіями предметовъ тетрадки балы своихъ товарищей.

— Сколько у Ивана Розанова за послѣднее домашнее сочиненіе, не знаете? — Кажется, 10, отвѣчаетъ казеннокоштный сосѣдъ. — А у Геликонскаго? — У Геликонскаго 9.

Розановъ и Геликонскій казеннокоштные, потому и про ихъ балы надо справляться у казеннокоштныхъ же.

Цензоръ или подцензоръ, а къ концу курса, когда дисциплина уже ослабла, и любой изъ сидящихъ у двери смотритъ въ дверное окошечко. — Г-да, съ сочиненіями!

Это онъ усмотрѣлъ, что Кедрскій, прогуливаясь по коридору отъ нашего угла до церкви, держитъ пачку бѣлой бумаги въ размѣрѣ четверти листа. Кедрскій о чемъ-то разсуждаетъ съ товарищами по преподаванію, а пачка нашихъ сочиненій, прихваченная его рукою только сбоку, при его движеніяхъ то распускается вѣромъ, то снова смыкается.—Идетъ!

Водворяется порядокъ, читается молитва. Послѣ молитвы, начинается раздача сочиненій съ краткими замѣчаніями «надо писать лучше», «порядочно», «хорошо-съ». Сочиненія раздаются въ порядкѣ списка. Кедрскій отдаетъ каждое сочиненіе кому-либо изъ сидящихъ на первой лавкѣ, а оттуда по рукамъ оно переходитъ уже и къ автору. Иногда на пути кто-нибудь задержитъ его; значитъ, интересуется, сколько балловъ поставлено этому автору. Видишь по дорогѣ двойки и тройки, уплывающія въ камчатку. Мое сочиненіе задерживается иногда на первой лавкѣ, гдѣ ревниво слѣдятъ за возвышеніемъ балловъ у недавняго еще жителя камчатки. Во всемъ первомъ разрядѣ какъ-то вдругъ всѣ знаютъ баллы каждаго; сосѣдъ передаетъ объ этомъ сосѣду, да и самъ авторъ не скрываетъ, ибо колебаніе въ оцѣнкѣ не идетъ дальше одного бала: десятка можетъ замѣниться девяткою и то очень рѣдко, восьмерка девяткою.

Пока шла раздача сочиненій, протекло уже минутъ 10; а Кедрскій пришелъ только на полчаса вмѣсто уставныхъ 2-хъ часовъ. Остальные 20 минутъ уйдутъ на спрашиваніе лекцій, а если слѣдующій классъ Латинскій, и Кедрскій намѣренъ на все свое время задать экспромптъ, тогда же дается тема, и ужъ Алексѣй Васильевичъ досиживаетъ не выходя до 12 часовъ. Если же слѣдующій урокъ онъ намѣренъ посвятить Латинскому языку, остатокъ перваго урока обращается на спрашиваніе лекцій. Но этимъ, если вы въ первомъ разрядѣ, вы мало интересуетесь: по ограниченному размѣру «лекцій», Кедрскій все возится съ повтореніемъ того, что вами давнымъ давно уже вызубрено. А главное: хорошаго ученика онъ спроситъ не болѣе двухъ разъ въ полугодіе, и зараньше уже замѣчаешь, какъ онъ мало-по-малу подымается по списку къ первому разряду. Но пока онъ застрялъ гдѣ-то въ пятомъ или шестомъ десяткѣ по списку, не обращаешь вниманія на его вопросы и ученическіе отвѣты: все это давно хорошо извѣстно. Занимаешься какимъ-нибудь своимъ дѣломъ или бесѣдуешь съ пріятелемъ.

— Симоновъ Иванъ! вызываетъ Кедрскій изъ шестого или седьмого десятка. Скажите, что вы называете метафорою? — «Метафорою, отъ Греческаго слова (μετά и ψέρω), отвѣчаетъ бойко житель камчатки, называется перенесеніе свойствъ міра внѣшняго на міръ внутренній, или наоборотъ, напр., «умъ острый, душа волнуется». Кам-

чадалъ отвѣчаетъ твердо, но Кедрскій хорошо знаетъ, что камчадалъ ничего этого не понимаетъ. Это какой-нибудь вихрястый съ клинообразною головою, переведенный изъ Перервинскаго училища дьячковъ сынъ. Гдѣ ему понять эти мудренныя слова «свойство», «мїръ внѣшній», «мїръ внутренній»... Кедрскій пытается разяснить ему, но отъ частаго изъ года въ годъ, изо дня въ день толкованія самое его объясненіе отливается въ стереотипныя фразы.

— Чему приписываете вы остроту?

Камчадалъ молчитъ. — Ну, острымъ можетъ быть ножъ, иглолка. Въ нашемъ примѣрѣ «умъ острый» откуда заимствовано это свойство остроты? Камчадалъ тоскуеть и молчитъ.

— Вотъ вы говорите «душа волнуется». Чему вы приписываете волненіе? Камчадалу становится несносно. Съ какимъ удовольствіемъ сталъ бы онъ барабанить дальше: «Метанимія . . . . . означаетъ....» Но Кедрскій продолжаетъ.—Можетъ ли волненіе быть въ стаканѣ воды или въ маленькой рюмкѣ?

Я не былъ въ головѣ этого камчадала и не могу судить, какая каша тамъ шевелится, если только шевелится. Можетъ быть, «стаканъ» возбудилъ въ его воображеніи картины употребленія стакана и рюмки. Зачѣмъ тутъ «маленькая» рюмка? (быть можетъ, соображаетъ камчадалъ, забывъ о «свойствахъ» «міра внѣшняго» и «міра внутренняго» и устремивъ все свое вниманіе, а, можетъ-быть и сожалѣніе на то, что «рюмка мала»). Но въ головѣ у него совсѣмъ темно, какъ въ глиняной банкѣ съ ваксою Кочеткова, и камчадалъ продолжаетъ упорно молчать.

— Садитесь! говорить Кедрскій, а въ классномъ журналѣ къ двойкамъ и единицамъ у этого камчадала прибавилась 2...

— Верещагинъ Иванъ! вызываетъ Кедрскій слѣдующаго камчадала. Скажите, чтò называете вы литонимією?

Съ литонимією повторяется исторія подобная исторіи съ метафорой.

Но вотъ и звонокъ. Послѣ него почти полуторачасовое гулянье по коридорамъ. Завтракать еще рано, хотя какой-нибудь Хрисанеъ изъ богатаго прихода и уписываетъ съ собою принесенный бѣлый хлѣбъ съ паюсною икрою. Самъ припасовъ такихъ не имѣешь, получая прямо наличными. Можно пойти въ ученическую библіотеку обмѣнять книги, какуюнибудь Всеобщую Исторію Лоренца на какое-нибудь путешествіе. Если нѣтъ такого чрезвычайнаго дѣла, въ мѣстномъ клубѣ всегда найдешь компанію, какъ Осипъ Гоголевскаго ревизора: «Компаніи захотѣлъ—ступай въ лавочку». Можно пойти и въ свое «отдѣленіе», посмотрѣть, какъ казеннокоштные играютъ въ тринку, вмѣсто денегъ платя листами казенной бумаги, выданной каждому для сочиненій и тетрадей. Но это скучно. Если весна или осень, непременно съ прия-

телями уйдешь въ семинарскій садъ. Какой большой и старинный! Широкия и длинныя дорожки, громадныя липы. Вонъ и островокъ. Тамъ цѣлая компанія «богослововъ» затѣяла какую-то игру. Они все спихиваютъ съ острова въ ровъ своего товарища, величаемаго ими «княземъ», но мы риторы и философы не чувствовали въ себѣ достаточно смѣлости для такой вольности. Долго, больше часу ходишь по саду. По саду раздается звонокъ. Надо собираться въ «отдѣленіе». Идешь туда съ вольнымъ духомъ. Кедрскій по латыни не спросить: вѣдь только недѣли три тому назадъ спрашивалъ. Онъ и по латыни все возится со второразрядными. Занимаешься чѣмъ-нибудь или смотришь на уродливый рисунокъ изображаемый твоимъ сосѣдомъ, или вспоминаешь съ Василюмъ Лебедевымъ вчерашнюю игру Шумскаго въ Розовомъ Павильонѣ, Полтавцева въ Гамлетѣ; соглашаешься, что актеръ Ольгинъ непремѣнно дуракъ, потому что всегда дураковъ и играетъ, приписываешь этому Ольгину небывалую, но однако будто бы имъ произнесенную, фразу въ Гамлетѣ въ роля короля: «Голова на небѣ, ноги на землѣ. Уходитъ поспѣшно», тогда какъ оба мы очень хорошо знаемъ, что ремарки «уходитъ поспѣшно» Ольгинъ и не думалъ произносить, да и монологъ закончилъ правильно:

„Слова на небѣ—мысли на землѣ.

Безъ мысли слово недоступно Богу!“

Думы витають гдѣ-то далеко; мечтаешь о чемъ-то, строишь какіе-то планы, а тутъ въ какомъ-то полузабытѣ доносится до тебя басовыя ноты какого нибудь камчадала *Quem ad finem se externata jactabit audacia?* Къ какому концу бросится разнузданная ярость?

Звонокъ даетъ отдыхъ и намъ, и Кедрскому, и камчадалу, и Цицерону. Теперь нужно и завтракать. Кривой Илюшка-хлѣбникъ отчасти знакомый человѣкъ: нѣкогда онъ былъ перевозчикомъ черезъ Москву рѣку у Воробьевыхъ горъ. Но гдѣжъ ему меня помнить? Насъ такъ много. У него не только всякіе хлѣбы, но и сдобныя плюшки, а главное колбаса. Ахъ, какая это была колбаса! Нигдѣ уже не встрѣчалъ я потомъ такой, вареная, а потомъ изжаренная въ маслѣ. Илюшка былъ гений и ухитрился отрѣзать этой самой дивной колбасы даже на копѣйку. Но рѣдко приходилось мнѣ ея отвѣдывать. На завтракъ мнѣ давалось 10 коп. сер. на учебную недѣлю. Этого хватало только на розанчикъ ежедневно; дробь оставалась столь ничтожная, что даже и при искусствѣ Илюшки рѣзать очень тонкіе ломтики колбасы, дробь эту трудно было обращать въ колбасу. А вѣдь иные одной колбасы сразу съѣдали на цѣлый гривенникъ! Но зависти не было, ибо и самая наклонность къ обжорству при постоянныхъ дома щажъ и гречневой кашѣ не возникала. Сухой розанчикъ заливаетъ водою изъ тутъ же стоящаго ре-

зервуара. Послѣ завтрака опять безконечное хожденіе по коридорамъ или саду.—А то, господа, говоритъ кто-нибудь: не удрать ли развѣ отъ Филипчика?

Вмѣсто скучнаго перевода съ Греческаго словъ Василя Великаго можно зимою и прямо отправиться домой, гдѣ и объяснить, что сегодня на послѣднихъ часахъ Греческій языкъ. (Весною можно отправиться купаться въ прудъ, гдѣ-то около Семинаріи, съ платою, кажется, 2 коп. съ человѣка).

Уходили не только отъ Филипчика, но и отъ Шаврова, у котораго особенно скучали не умѣвшіе въ геометріи отличить точку отъ линіи. И зачѣмъ сидѣть? Одна единица и такъ уже есть въ классномъ журналѣ у Шаврова. На что нужна другая да еще съ предисловіемъ отъ Шаврова: — Какой же, братецъ, написалъ ты уголь? Развѣ такіе углы бываютъ? Ты, очевидно, дуракъ...

А то, у кого есть деньги, всего лучше тому отправиться въ «Катышевъ», т. е. трактиръ Катышева, помѣщавшійся близъ Семинаріи только черезъ переулочъ. Но Катышевъ не всякому доступенъ: тамъ на троихъ подадутъ 4 пары чаю за 20 коп., а если съ молокомъ, что особенно пріятно постомъ, то еще надо 5 коп., а если съ хлѣбомъ, то еще 5 коп. Въ Катышевъ ходили преимущественно пѣвчіе изъ семинаристовъ, у которыхъ отъ «халтуръ» всегда водились порядочныя деньги. Мнѣ приходилось тамъ угощаться не иначе, какъ въ видѣ гонорара за написанное сочиненіе. Гонораръ этотъ не шелъ далѣе чая съ молокомъ и хлѣбомъ.

Но всѣ подобныя уходы отъ классовъ начались только со втораго года пребыванія въ реторикѣ, когда власть цензоровъ, обязанныхъ отмѣчать отсутствующихъ, поизносилась. Паденію этой власти особенно содѣйствовало пониженіе самихъ цензоровъ по списку: цензоръ послѣ первой же пересадки оказался въ началѣ третьяго десятка, а подцензоръ даже въ четвертомъ десяткѣ. А такъ какъ между нами авторитетъ хорошаго ученика былъ выше всего, то наша администрація, понизившись по списку, лишилась даже въ собственныхъ глазахъ навязаннаго ей авторитета. Цензоръ и подцензоръ, а подають чужія сочиненія!

Побѣги изъ классовъ особенно усилились съ нашимъ переходомъ въ «Философію», гдѣ къ «Степану», напр., человѣкъ изъ 60 ходило человѣка 2—3. «Степанъ» читалъ физику и естественную исторію. Онъ дѣйствительно читалъ скороговоркой изъ толстой какой-то тетради. Никто его не слушалъ, съ тетради его никто не списывалъ, даже не просилъ ея у него; разъ, кажется, въ годъ Степанъ спросилъ человѣка 5, поставилъ всѣмъ по единицѣ. На экзаменѣ частномъ «изъ Степана» со всѣмъ не спрашивали. Для публичнаго экзамена, вѣроятно, Степанъ

умаслилъ кого-нибудь отвѣчать. Но это ужъ ихъ дѣло. А между тѣмъ одинъ только Степанъ и имѣлъ свою, а не унаслѣдованную отъ предковъ тетрадь. Помимо общаго нехожденія къ Степану, на половину не ходили къ С. Д. Писареву, преподававшему Священное Писаніе Ветхаго Завѣта въ среднемъ отдѣленіи. Писаревъ непрестанно теръ рукою свою бритую щеку, толковалъ книгу Іова и все объяснялъ, какъ какое мѣсто у Іова «точнѣе съ Еврейскаго». Помню одно: отъ «точнѣе съ Еврейскаго» получался часто переводъ, не имѣющій ничего общаго съ Греческимъ переводомъ. Кто былъ тутъ причиненъ: 70 толковниковъ или одинъ толковникъ Писаревъ?

Когда въ эти времена побѣги участились, начальство обратило на это вниманіе и распорядилось было шинельную запереть, запереть и боковую выходную дверь. Уйти не въ чемъ и некуда, ибо по главному входу не пойдешь. Но догадливые ученики ухитрились спастись черезъ архитекторскія квартиры, а другіе догадались выставить обѣ рамы лѣтнюю и зимнюю въ «ватеръ» и преспокойно уходили чрезъ это отверстіе, а дабы не идти мимо ректорской и инспекторской квартиръ, перелѣзали черезъ заборъ семинарскаго сада. Лѣтомъ и весною приходили безъ верхняго платья, а фуражку помѣщали въ карманъ сюртука. Просто и удобно!

Странное дѣло: изъ учениковъ, тагъ неукоснительно спасавшихся отъ физики «Степана», нѣкоторые черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, приготовляясь къ Университету, садились за ту же физику.

Неукоснительно подымаясь по списку, я, послѣ третьяго семестра записанъ пятымъ. Выше меня стояла большею частью профессорская родня. Не рѣшаюсь утверждать, чтобы она была того недостойна, но во всякомъ случаѣ у меня-то не было никакой протекціи. Школьное самолюбіе пока удовлетворялось, школьная карьера складывалась прочно. И товарищами и мною самимъ ожидалось дальнѣйшее повышеніе. И какая разница съ тѣмъ, что было только полтора года тому назадъ! Едва тогда перетащенный въ Семинарію, теперь я въ числѣ избранныхъ, рѣдкостный экземпляръ, способный отвѣчать предъ митрополитомъ Филаретомъ изъ невѣдомой никому (даже и профессорамъ) математики. А между тѣмъ я или не учился или ученье оставалось для меня бесплоднымъ. Духовному моему росту содѣйствовалъ только отецъ, производя съ перомъ въ рукѣ безконечный анализъ моихъ письменныхъ работъ. Пищею для меня служило внѣклассное чтеніе «Русскаго Вѣстника» съ украшавшими тогда его Губернскими Очерками Щедрина и «Русской Бесѣды» съ такими основательно усвоенными мною статьями, какъ «О положительномъ и отрицательномъ направленіи въ Русской литературѣ» Иванцова - Платонова (будущаго моего сослуживца по Во-

енному Александровскому училищу). Этими книгами снабжалъ меня Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. Кромѣ журналовъ, читалъ я въ это время образцовыхъ представителей церковнаго краснорѣчія, Филарета, митрополита Московскаго, Иннокентія, архіепископа Херсонскаго, котораго предпочиталъ по его теплотѣ холодному разсудочному только Филарету, Тихона Воронежскаго краткія хріи, Путятина всегда краткое и живое слово, наконецъ католическихъ проповѣдниковъ Массильона, Боссюэта, Бурдалу. Купилъ «Чтенія о словесности» И. И. Давидова и удивлялся, насколько эта книга полнѣе и интереснѣе семинарскихъ тетрадей о томъ же предметѣ. Читалъ «Записки на книгу Бытія» митрополита Филарета. Прочихъ книгъ не припомню. Перечиталъ также множество Французскихъ переводныхъ романовъ подъ руководствомъ Василія Лебедева, всегда умѣвшаго объяснить: ты сперва читай «Три Мушкетера», а потомъ я тебѣ дамъ «20 лѣтъ спустя». Но все это нисколько не удовлетворяло, а впереди предстояла лишь сомнительная надежда на «философію», преподаваемую въ среднемъ отдѣленіи, такъ и называемомъ «философіею».

Между тѣмъ школьная дисциплина со дня на день падала. Двухчасовые уроки съежились въ получасовые, но и на тѣ могли мы не ходить, не представляя каждый разъ, какъ прежде, отъ отца свидѣтельства съ церковною печатью о болѣзни. Умъ тосковалъ въ праздности, и не было между «профессорами» человѣка съ талантомъ или съ знаніемъ. Съ какою жадностью бросились бы мы его слушать! Былъ впрочемъ талантливый профессоръ Алексинскій, но онъ училъ въ богословскомъ классѣ и читалъ гомилетику, т.-е. науку о церковномъ краснорѣчіи.

Куда же дѣться? Куда уйти? Нѣтъ нормальнаго исхода молодымъ силамъ, нѣтъ удовлетворенія голодающему духу. Остается броситься въ сторону, забыться въ чемъ-нибудь внѣшнемъ, постороннемъ. Двое сбѣжали въ Университетъ въ медики; Василій Лебедевъ цѣликомъ отдался театру. У него и деньги на это были: онъ ежедневно читалъ вслухъ Псалтырь какому-то старцу Шепелеву и получалъ за то ежемѣсячно по 10 руб. Но не всѣмъ же читать Псалтырь, да и гдѣ наберешь охотниковъ слушать эту книгу?... Куда же дѣться? Чѣмъ наполнить праздный умъ? Одинъ изъ насъ Воскресенскій все сидѣлъ и читалъ разныя божественныя книги. Онъ, можетъ быть, уйдетъ въ монахи, онъ нашелъ себѣ призваніе; но это серьезное настроеніе дано не каждому. Что же остается еще? Карты! И дѣйствительно, казеннокоштные всѣ почти поголовно предалися картамъ, за неимѣніемъ денегъ расплачиваясь чистою писчею бумагою. Иные счастливые игроки накапливали у себя выигранной бумаги стопы 2-3. У своекоштныхъ тоже заводилась игра. Цензоръ Пав-

ловскій познакомилъ меня съ ученикомъ другого отдѣленія «старымъ», нѣкимъ Иваномъ Ивановичемъ, по прозвищу Шишкинымъ (ибо онъ имѣлъ на лбу огромный желвакъ). Шишкинъ былъ сынъ важнаго Московскаго протоіерея. Разъ я былъ у него, игралъ въ карты съ нимъ и Павловскимъ; было, кажется, и угощеніе отъ родителей. Но мое всегдашнее отвращеніе отъ картъ, да и царившая въ семьѣ важная протопопская пошлость не допустили меня къ дальнѣйшему участію въ этой компаніи. Куда же дѣться? Гдѣ забыться?

Въ это время я сидѣлъ уже въ началѣ первой лавки рядомъ съ В. И. Гр—мъ, который, не принадлежа къ профессорской роднѣ, былъ выше меня по списку. Чувствуя къ нему за то нѣкоторое уваженіе, я естественно сталъ сближаться съ нимъ; думается, что и онъ не могъ отказать въ уваженіи мнѣ, все подымавшемуся по списку безъ всякой внѣшней опоры. Мы сблизились. Но В. И. Гр—въ былъ не по лѣтамъ развращенъ. Гр—въ былъ близокъ съ нѣкимъ второрязряднымъ, если не третьеразряднымъ, богословомъ Василіемъ Михайловичемъ. Этотъ послѣдній былъ и пьяница и развратникъ, способный на всякую пакость. Довольно сказать, что, числясь въ богословскомъ классѣ, онъ былъ вольнонаемнымъ писцомъ въ кварталъ и дружилъ съ полицейскими унтерами. Не понимаю, какъ Гр—въ, способный и талантливый, могъ сблизиться съ такою гадinou. Неужели самолюбіе ритора Гр—ва подкупалось тѣмъ, что пріятель его богословъ? Но риторъ Гр—въ писалъ проповѣди для этого богослова изъ квартала. Какъ бы то ни было, черезъ Гр—ва къ концу реторическаго курса познакомился и я съ богословомъ Василіемъ Михайловичемъ. Сначала меня, дѣйствительно, обольстила мысль, что новый мой пріятель—богословъ; но скоро, раскусивъ этого негодяя, я разорвалъ съ нимъ всѣ отношенія, да и съ Гр—мъ кстати ужъ. Наше забуддыжничество ограничивалось пьянствомъ и хвастливыми разсказами Василій Михайловича о своихъ скотскихъ похожденияхъ въ различныхъ прачечныхъ.

Изъ этого непродолжительнаго періода своей жизни помню только слѣдующіе эпизоды, чѣмъ, кажется, и ограничилось мое участіе въ этой пьяной компаніи.

Разъ пріятели привели меня въ какую-то прачечную, гдѣ и напоили до-пьяна водкою, которую пили чайными стаканами. Мертвецки пьянаго уложили меня въ кухню Василія Михайловича, жившаго у брата, кажется, весьма порядочнаго человѣка, медика, служившаго гдѣ-то въ казенномъ мѣстѣ. Хорошаго онъ долженъ былъ быть мнѣнія о пріятелѣ своего братца! Другой разъ, часу въ 4-мъ утра, заатачили меня пріятели въ питейный домъ; стоя у «стойки», мы пили отвратительную «ратафію» съ запахомъ апельсинной корки. Жена кабатчика стала что-то нашеп-

тывать своему мужу.—Что ты врешь! Развѣ можетъ это быть?.. отвѣчалъ ей супругъ. — Нѣтъ, ужъ я тебѣ говорю вѣрно...

Чуя что-то неладное, я спросилъ кабатчика, въ чемъ это она его увѣряетъ.—Да вотъ дура баба говоритъ, будто бы вы сынъ батюшки отъ Ивановскаго монастыря. А я говорю: развѣ сынъ батюшки пойдетъ въ такое мѣсто? Горько мнѣ сдѣлалось отъ такого изобличенія, и я пораспѣшилъ убратъся вонъ.

Наконецъ въ третій разъ совсѣмъ пьянаго затащили меня, гдѣ-то на Патріаршихъ прудахъ въ какой-то вертепъ, хуже прачечной.... Я съ содроганіемъ омерзѣнія и ужаса..., не простившись съ пріятелями, бѣгомъ сбѣжалъ по темной лѣстницѣ и отправился домой, освѣжая свою голову водою чуть не у каждаго фонтана, попадавшагося мнѣ по дорогѣ домой. Не понимаю, какой интересъ находили мои пріятели спавать и развращать меня. Я даже не могъ участвовать въ ихъ денежныхъ расходахъ.

Наконецъ духовные мои глаза прозрѣли бездну, куда влекли меня пріятели, куда за ними слѣдовалъ я, хотя не вслѣдствіе наклонности съ оскотѣнію, а по одному лишь невѣдѣнію, слѣдуя прежде всего авторитету Гр—ва, какъ «самаго умнаго» между товарищами, и Василя Михайловича, какъ «богослова». Послѣ этого кратковременнаго пьянаго періода, я былъ какъ слѣдуетъ пьянъ только однажды, при началѣ лекцій на второмъ курсѣ Университета. Не ради похвалы дѣлаю эту оговорку, ибо трезвость не есть еще добродѣтель, а только отсутствіе порока, но ради возраженія, будто бы молодыхъ людей приучаютъ къ пьянству товарищи, а не сами они привыкаютъ.

Ко времени этой реакціи относится возобновленіе мною дневника послѣ 1-го года и 8-ми мѣсячнаго перерыва. Первая статья Дневника озаглавлена: «Наша послѣдняя оргія и ея послѣдствія». Воспользуюсь ею для изображенія этой «оргіи», хотя это слово и слишкомъ громко для глупой исторіи.

5 Мая 1858 г. Василій Михайловичъ пригласилъ Гр—ва и меня «вспрыснуть» какую-то его предполагаемую побѣду. Послѣ классовъ Гр—въ повелъ меня къ себѣ, гдѣ мы и пообедали, а вечеромъ отправились къ Василю Михайловичу, гдѣ выпили «очищенной», анисовой и меду. Потомъ вчетверомъ, съ участіемъ полицейскаго унтера Проскураина, пошли шляться по Патріаршему пруду и смежнымъ съ нимъ переулкамъ, послѣ чего часу въ 1-мъ отправились ночевать къ Василю Михайловичу, кромѣ унтера, «который ушелъ въ будку». Мы втроемъ улеглись на сѣнникѣ на перинѣ. Василій Михайловичъ сталъ какъ-то «подозрительно храпѣть». Мы тоже рѣшились притвориться спящими. Храпѣли мы съ Гр—мъ съ четверть часа и хотѣли уже прекратить

эту комедію», какъ Василій Михайловичъ сталъ насъ пощупывать, подергивать за волосы и стаскивать наши шинель и пальто, которыми, вмѣсто одѣяль, мы были одѣты. Пьяница этотъ хотѣлъ обобрать наше верхнее платье и заложить «тещѣ». Наконецъ эти штуки надоѣли мнѣ, и я со всего размаха ударилъ Василія Михайловича ладонью по спинѣ. Онъ какъ будто бы проснулся и началъ всячески привязываться къ намъ, кричать, драться. Во избѣжаніе непріятностей, я и Гр—въ поспѣшили одѣваться, чтобы бѣжать. Но не тутъ-то было: Василій Михайловичъ схватитъ то сапогъ, то картузь, то скюртку да и вышвырнетъ за окно. Поди, слѣзай ночью съ сѣнника да ищи ихъ. Наконецъ мы собрали всю свою одежду; недоставало только моего скюртука. Я сталъ требовать его у Василія Михайловича.

— Пойдемъ, пойдемъ къ Овчаренко, къ Ильѣ Герасимовичу! приглашалъ меня въ кварталъ Василій Михайловичъ.

Я какъ-то вырвался съ сѣнника да бѣжать; Василій Михайловичъ за мною съ палкою. Потаскавши другъ друга, мы разстались на Патриаршихъ прудахъ. Скюртку мой отыскала потомъ кухарка Василія Михайловича. Былъ уже въ исходѣ 3-й часъ утра. Куда дѣться? Мы съ Гр—мъ проходили и просидѣли на бульварѣ до 7 часовъ утра, при чемъ для сокращенія времени заходили къ заутренѣ въ Страстной и Петровскій монастыри. Пришли въ классъ и заснули на своей первой лавкѣ, положивъ головы на столъ. 1-й классъ былъ Кедрскаго по словесности. Только при его входѣ успѣлъ я протереть глаза, какъ Кедрскій возгласилъ: — Гиляровъ! отвѣчайте съ мѣста.

Я началъ: «Описаніе есть такое произведеніе, въ которомъ»... прочиталъ урокъ какъ-то очень вяло и даже не на всѣ «возраженія» отвѣтилъ, за что и получилъ 5, «хотя простыхъ пятерокъ у меня давно уже не было, а были все 5+».

Послѣ класса встрѣчается со мною Василій Михайловичъ, извиняется въ утренней исторіи и говоритъ: — Чтò, батенька, пренепріятнѣйшая исторія! Вѣдь какъ мы съ вами дрались на Патриаршихъ прудахъ, въ будѣ былъ частный приставъ, все видѣлъ и поручилъ Проскурину разысвать къ 8 часамъ, кто это дрался.

Я, по неопытности, испугался полицейскаго подвоха отъ «богослова изъ квартала», не сообразивъ, что и оскорбленіе наше было обоюдно, и унтеръ Проскуринъ нашъ пріятель, и частный не станетъ по ночамъ сидѣть въ будкѣ, да и едва ли ему интересна наша прошлая драка.

— Чтò, батенька, продолжалъ пугать меня Василій Михайловичъ, гордый своими знаніями практики квартала: вѣдь въ 12 часовъ квартальный будетъ рапортовать частному приставу, а въ 4 часа вечера частный приставъ будетъ рапортовать оберъ-полиціймейстеру. Плохо!

Меня увольятъ съ худымъ поведеніемъ, васъ также, если Проскуринъ назоветъ насъ по имени.

Я, не догадываясь о шантажѣ, посоветовался съ Гр-мъ, и мы рѣшили: если Проскуринъ назоветъ наши фамиліи, я и Василій Михайловичъ дадимъ частному приставу 5 р. с., чтобы потушить это дѣло. Но шантажъ скоро обнаружился. Я сообщилъ всю эту исторію цензору Павловскому. Тотъ, должно-быть, былъ опытнѣе насъ.

— Почему же, спросилъ онъ меня, вздумалъ онъ требовать, чтобы вмѣстѣ съ нимъ заплатились только вы, Гр-ва оставивъ въ покоѣ? Вѣдь вы всѣ трое одинаково причастны этой исторіи.

— Не потому ли, замѣтилъ я, онъ не требуетъ съ Гр-ва денегъ, что ужъ разъ надулъ его на 8 р., когда взялся представить повѣсть Гр-ва въ Цензурный Комитетъ, а потомъ еще надулъ его на 2 рубля? Это была бы съ Гр-ва третья шкура, а съ меня только вторая.

Почему Василій Михайловичъ, продолжали размышлять мы съ милымъ и добрымъ Павловскимъ, не захотѣлъ прекратить это дѣло до 12 часовъ утра? Развѣ въ кварталѣ не могъ онъ по знакомству обработать все это дѣло даромъ? Неужели его задержала необходимость быть на первомъ урокѣ, по которому у него въ журналѣ такъ много отмѣтокъ abs.? Чтò важнѣе лишній abs. или рискъ исключенія изъ Семинаріи? Почему онъ сбивается, утверждая, что дѣло наше поступитъ къ оберъ-полиціймейстеру не въ 4 часа, но въ 6? Ясно, онъ хочетъ содрать съ меня два съ половиной р. с.

Сообразивши это, дипломатъ Павловскій сталъ влѣзать въ душу Василя Михайловича, говоря: — У Ѳ. А-ча много денегъ; вотъ мы съ вами повыжали бы изъ него сокъ этой полиціей.

Не ограничиваясь этимъ, Павловскій и пугнулъ Василя Михайловича.—Прежній частный приставъ Тверской части Ильинъ, сталъ онъ увѣрять недалекаго шантажиста, близкій родня Ивану Ивановичу Шишкину. Я поѣду съ Шишкинымъ къ Ильину и посоветуюсь съ нимъ.

Все это сбило Василя Михайловича съ толку, и онъ признался Павловскому, что вся опасность для насъ есть его вымыселъ, что ему хотѣлось только надуть меня на 2 р. 50 коп. Тогда я, «чтобы совершенно «искоренить эту исторію» далъ Павловскому 20 копѣекъ, на которыя онъ долженъ былъ подпоить Василя Михайловича, а тотъ, выпивши, признается окончательно во всемъ. Въ концѣ концовъ самъ Воздвиженскій признался мнѣ въ своемъ неудачномъ шантажѣ, послѣ чего я и прекратилъ съ нимъ всякія отношенія. Но онъ не унимался и грозился мнѣ сдѣлать какую-то полицейскую гадость.

— Чтò, Иванъ Дмитріевичъ говорилъ онъ при этомъ нашему цензору: я ужъ совсѣмъ совѣсть потерялъ.

Безсовѣстнаго шантажиста-богослова-полиціанта удалось укротить угрозою пожаловаться на него «Яшагу» чрезъ родственниковъ послѣдняго, съ которыми я сталъ сближаться по разрывѣ съ этою пьяною компанією. Поведеніе Гр-ва въ этой исторіи тоже оказалось двусмысленнымъ, а потому я и отъ него сталъ удаляться, особенно послѣ его насмѣшекъ надъ моимъ бѣгствомъ изъ веселаго дома.

Мнѣ сильно хотѣлось послѣ этого сблизиться съ «порядочными» товарищами. Такимъ представлялась, да и въ дѣйствительности была, «профессорская родня»: два брата «Яшага» Павелъ, мой однокурсникъ, и Николай - философъ, потомъ Александръ Осиповичъ, 1-й ученикъ нашего отдѣленія, и Хрисанеъ. Почвою для такого сближенія оказалось сезонное удовольствіе—гулянье въ Александровскомъ саду и на бульварахъ въ тѣ дни, когда тамъ играла полковая музыка. Гулянья эти повели къ знакомству съ какими-то, какъ казалось намъ, «цвѣточницами», довольно приличными по костюму и держанью себя. Для меня это было первое чужое женское общество. Одна изъ этихъ цвѣточницъ, самая юная и скромная, Юлія, весьма понравилась обоимъ моимъ друзьямъ Павлу и Николаю, и она такъ меня упрекала въ равнодушіи къ ней, что вынудила меня даже на оправдательное письмо къ Павлу. Въ письмѣ этомъ сообщаю весьма подробно о послѣдней своей съ Николаемъ прогулкѣ съ «цвѣточницами». На этой прогулкѣ я узналъ, будто бы Юлія пріѣхала изъ города Данилова, Ярославской губерніи, не надолго къ «сестрамъ» гостить, послѣ чего скоро и возвращается «назадъ». Послѣ нашихъ долгихъ бесѣдъ и приставанія различныхъ кавалеровъ къ нашимъ дамамъ, сестры «цвѣточницы» начали намъ очень прозрачно намекать на кондитерскія, на питье чая, на то, что у каждой изъ нихъ есть свой номеръ въ гостиницѣ и когда мы пошли провожать ихъ на Софійку, гдѣ, по ихъ словамъ, онѣ жили въ мастерской искусственныхъ цвѣтовъ, онѣ повели насъ по Срѣтенкѣ. Тогда мы рѣшительно воспротивились за ними слѣдовать.

Провожая оттуда Николая въ Семинарію, мы дорогою вспоминали несчастнаго Гоголевскаго художника Пискарева.

Черезъ нѣсколько дней я увѣдомилъ Николая, что, гуляя въ Александровскомъ саду, нѣсколько разъ встрѣчалъ нашихъ «цвѣточницъ», раза три пытался поклониться имъ, но онѣ «какъ будто не замѣчаютъ этого». Наконецъ вижу: сидятъ онѣ и любезничаютъ съ какими-то купчиками. «Я съ сожалѣніемъ и почти съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на нихъ; онѣ въ отвѣтъ презрительно улыбнулись». Казалось бы послѣ такого обоюднo-выраженнаго презрѣнія, должно было бы кончиться наше знакомство; но мы еще раза два гуляли въ Александровскомъ саду, причемъ одна изъ сестеръ увѣряла меня, что она воспитывалась въ пан-

сіонъ и училась по-французски и по-нѣмецки, но что одну изъ ея «сестеръ» «вся Москва знаетъ: спросите кого хотите».

Наконецъ надвигавшіеся экзамены заставили прекратить это бульварное знакомство, объ истинномъ характерѣ котораго, не смотря на самыя ясныя улики, я, 18-ти лѣтній юноша, все еще не догадывался.

Отношенія съ Павломъ и Николаемъ продолжались. Съ Павломъ мы сошлись даже на «ты», хотя и побывали другъ у друга только по одному разу. Я былъ у него на дачѣ въ Петровскомъ-Раузовскомъ (вотъ какъ богато они жили!), время тамъ провелъ необычайно весело, гулялъ, купался, катался на лодкѣ. «Павель писалъ мнѣ такія вещи, которыя знаютъ только онъ, Богъ да его дневникъ. Николай, показало мнѣ, довольно гордо обошелся со мною». Онъ старше меня курсомъ, хотя учится очень посредственно. Потому-то, должно быть, при слѣдующей встрѣчѣ съ Николаемъ на Тверскомъ бульварѣ, я нарочно завелъ разговоръ о разныхъ отвлеченныхъ предметахъ (которые Николай, какъ «философъ» уже изучалъ въ Семинаріи, а я еще нѣтъ): о Спинозѣ и его ученіи, объ Эпикурѣ и его ученіи, объ опроверженіи ихъ системъ. Вѣроятно, эти преждевременныя философскія свѣдѣнія почерпнулъ я изъ исторіи философіи Зедергольма. Впрочемъ я тогда читалъ также «Философскій Лексиконъ» и даже Платоновъ переводъ Карпова. Не довольствуясь обнаруженіемъ свѣдѣній по предстоящему еще только мнѣ классу философіи, я залѣзъ и въ богословскій классъ, куда Николай только еще поступалъ: «говорилъ о духовномъ образованіи и объ образованіи свѣтскомъ, о патристикѣ и о проповѣдяхъ и т. д. Я нарочно старался истощить донельзя свои свѣдѣнія по философіи и богословіи и успѣлъ. Самъ не знаю откуда явились у меня и такія мысли, и такой даръ слова».

Успѣхъ мой у профессорской родни превзошелъ мои ожиданія. Товарищи эти признались мнѣ, что они намѣрены издавать рукописный журналъ. «Они и меня приглашали въ сотрудники и даже, пожалуй, въ редакторы этого журнала». Я колебался, принять это предложеніе или нѣтъ: принять, значить отрываться отъ своего учебнаго дѣла; не принять, уронить себя во мнѣніи «профессорской родни». Мальчишеское самолюбіе одержало верхъ, и я даже пошелъ дальше: рѣшилъ, что если я полажу съ своими издателями, то буду издавать самъ свой журналъ. Въ силу этого рѣшенія я тотчасъ же принялся заготовлять матеріалъ: началъ писать уличныя сцены, гдѣ изобразилъ въ весьма отвратительномъ видѣ себя, Гр-ва и Василія Михайловича (сцены и сейчасъ у меня цѣлы). Была у меня начатая статья «Семейныя сцены»; ее рѣшилъ я окончить. «Кромѣ того (замѣчаетъ Дневникъ) у меня бродитъ въ головѣ множество темъ, напр., нѣчто въ родѣ обличительной рѣчи про-

тивъ хамова отродья (т. е. тѣхъ семинаристовъ, которые занимають мѣста въ спискѣ не по способностямъ и прилежанію, а по протекціи родственниковъ). Сверхъ такой статьи, мѣтившей не въ бровь, а прямо въ глазъ своимъ друзьямъ - журналистамъ, у меня были темы и общаго характера, напр., «почему не такъ смотрять на семинаристовъ, какъ должно?» «Что такое семинаристы въ настоящее время?».

Сколь ни дѣтски были всѣ эти мечты, сближеніе съ профессорскою роднею было безконечно благотворнѣе для меня общества Гр—ва, хотя тотъ былъ и гораздо умнѣ этихъ «среднихъ людей», внѣшне и внутренне весьма приличныхъ. Но положительную пользу я получилъ отъ нихъ одну: прочелъ данную мнѣ Павломъ и весьма расхваленную имъ «Макробиотику» Гуфеланда, изъ которой къ инстинктивному своему отвращенію отъ подругъ В. Гр—ва и религіозному убѣжденію въ «грѣхѣ» получилъ на помощь вѣскія фізіологическія доказательства.

Кедрскій поручилъ мнѣ составить билеты изъ словесности къ экзамену. Такое чрезвычайное порученіе давало надежду на мое повышеніе. Къ устному экзамену изъ словесности я былъ готовъ, но по остальнымъ предметамъ въ началѣ Іюня еще «ничего не зналъ». По словесности вновь получилъ 5+, а по геометріи небывалое у другихъ 7.

Во второй половинѣ Іюня мы прощались съ своими преподавателями. Филипчику на прощанье подарили книгу «Училище Благочестія». «Училище Благочестія», сборникъ церковно-историческихъ разсказовъ, я облюбовалъ еще въ дѣтствѣ. Когда рѣшался вопросъ, какую книгу поднести нашему ректору, я предложилъ эту довольно дѣтскую книгу. Выборъ мой былъ одобренъ товарищами. А потому мнѣ, какъ рѣшившему трудную задачу при выборѣ книги, и поручено было поднести Филипчику этотъ экземпляръ, при чемъ я, помня, какъ выручилъ меня Филипчикъ полтора года тому назадъ, когда мы оба отъ конфуза сыграли «столбовъ», сказалъ ему съ чувствомъ:

— «Филппгъ Алексѣевичъ, признательные ученики просятъ васъ принять эту книгу на память».—Г—да! отвѣчалъ почти со слезами милый «Филипчикъ»: я этого никогда не забуду!

Кромѣ Филипчика, купили мы подарокъ еще Кедрскому, письменный приборъ. Прочіе «профессора» ничего не получили. При поднесеніи подарка Кедрскому, Гр—въ сказалъ рѣчь, а на другой день отнесъ къ нему письменный экземпляръ этой рѣчи.

ЗАМѢТКИ О ПУШКИНѢ.

I. Политическій доносъ на Пушкина.

Какъ извѣстно, Пушкинъ неоднократно становился предметомъ всевозможныхъ политическихъ извѣтовъ. Дѣло началось съ досель мало выясненной исторіи по поводу Оды, на вольность и эпиграммъ на Аракчеева и Фотія, весною 1820 года, окончившейся высылкой поэта въ южную Россію. Уже тогда, очевидно, за Пушкинымъ слѣдили, такъ какъ до свѣдѣнія правительства доводились не только вольнодумныя его стихотворенія, но также и разные мелочные случаи, касающіеся его поведенія, напр., эпизодъ съ портретомъ Лувеля, который онъ публично показывалъ своимъ знакомымъ въ театрѣ. Сколько мнѣ извѣстно, официальныхъ данныхъ, касающихся высылки Пушкина и предшествующихъ обстоятельствъ, до сихъ поръ не опубликовано; между тѣмъ эти свѣдѣнія могутъ представлять значительный интересъ. Можетъ быть, среди бумагъ канцеляріи С.-Петербургскаго ген.-губернатора сохранилась еще та собственноручная записъ эпиграммъ и нецензурныхъ стихотвореній, которую сдѣлалъ Пушкинъ, призванный графомъ Милорадовичемъ для объясненій. Во всякомъ случаѣ слѣдовало бы поискать этого перваго полицейскаго „дѣла о Пушкинѣ“.

На Югѣ, не смотря на то, что Пушкинъ находился подъ ближайшимъ надзоромъ своего начальства (надзоромъ очень снисходительнымъ и благожелательнымъ, какъ мы знаемъ, со стороны Инзова), за поэтѣмъ сверхъ того было повидимому установлено особое наблюденіе, и о его словахъ и поведеніи сообщалось въ Петербургъ. Такъ, напр., уже въ началѣ 1821 года вслѣдствіе донесеній Кишиневскихъ шпионовъ, что Пушкинъ публично, въ кофейняхъ оскорбительно отзывался о правительствѣ, графъ Каподистрія спрашивалъ Инзова о его поведеніи. Инзовъ отвѣчалъ (28 Апрѣля), что Пушкинъ ведетъ себя хорошо, ни въ чемъ дурномъ не замѣченъ и занимается переводомъ на Русскій языкъ Молдавскихъ законоположеній (съ Французскаго). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (19 Ноября 1821 г.) послѣдовалъ изъ Петербурга новый запросъ о Пушкинѣ, о его поведеніи, занятіяхъ и отношеніи къ масонскимъ логамъ, при чемъ снова подтверждалось, чтобы начальство имѣло за его „поведеніемъ“ и „дѣяніями“ ближайшій и строгій надзоръ. Инзовъ опять далъ Пушкину самую лучшую аттестацію.

Въ 1823 году одинъ изъ Одесскихъ „друзей“ Пушкина, Родзянко, „наслѣдникъ Феба и Пріапа“, какъ назвалъ его Пушкинъ въ одномъ стихотво-

реніи, сочинилъ довольно ядовитую сатиру на современныхъ Русскихъ писателей, гдѣ между прочимъ о Пушкинѣ говорится:

И всѣ его права: иль два иль три Ноэля,
Гимнъ Занду на устахъ, въ рукѣ портретъ Лувеля.

Туманскій въ одномъ изъ своихъ писемъ къ сестрѣ возмущается этими намеками Родзянки, носящими характеръ весьма неблаговидной литературно-политической вылазки: „Неприлично и неблагородно, пишетъ онъ, нападать на людей, находящихся уже въ опалѣ царской и, кромѣ того, любезныхъ отечеству своими дарованіями и несчастіями“.

Въ слѣдующемъ году на Пушкина поступилъ уже формальный доносъ, со стороны отставнаго генералъ-полицеймейстера 1-ой арміи П. Н. Скобелева, который указывалъ на то, что Пушкинъ распространяетъ всевозможныя возмутительныя стихотворенія и подрываетъ уваженіе и довѣріе къ правительству. Противъ этого зла почтенный генералъ совѣтуетъ немедленно предпринять простую и дѣйствительную мѣру: запретить Пушкину писать „развратныя стихотворенія“; а въ заключеніе своего доноса онъ прибавляетъ: „Если бы сочинитель вредныхъ пасквилей немедленно въ награду лишился нѣсколькихъ клочковъ шкуры, было бы лучше, такъ какъ одинъ примѣръ больше бы сформировалъ пользы, нежели неумѣстная къ негодыямъ нѣжность“.

Быть можетъ, этотъ доносъ Скобелева не остался безъ вліянія на рѣшеніе правительства принять по отношенію къ Пушкину новыя мѣры строгости. Весной 1824 года Московская полиція перехватила одно письмо Пушкина, въ которомъ онъ говоритъ объ „урокахъ чистаго аеизма“, и въ результатъ 11-го Іюля 1824 года, графъ Нессельроде сообщилъ Воронцову объ исключеніи Пушкина изъ службы и о высылкѣ его въ Михайловское, подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Мѣра эта, при всей своей несправедливости, была однако несомнѣнно весьма полезна и благотворна для Пушкина. Здѣсь, въ Михайловскомъ уединеніи, окончательно сформировался и окрѣпъ его гений, здѣсь настала для него пора свободнаго и самобытнаго поэтическаго творчества. Соприкосновеніе съ коренной Русской жизнью, сказки Арины Родіоновны, досугъ наполненный серьезнымъ чтеніемъ, отсутствіе мелкихъ страданій самолюбія и придирокъ „лорда Уоронцова“,—вотъ что дало ему Михайловское. Недаромъ онъ впоследствии съ такой трогательной нѣжностью вспоминалъ объ этомъ мѣстѣ, „гдѣ онъ провелъ изгнанникомъ два года незалѣтныхъ“.

Съ другой стороны Михайловское заточеніе, быть-можетъ, спасло Пушкина отъ печальной участи, уготованной его друзьямъ-декабристамъ. Извѣстенъ его мужественный и прямой отвѣтъ императору Николаю Павловичу на вопросъ о томъ, на чьей сторонѣ былъ бы онъ, если бы ему случилось быть 14-го Декабря въ Петербургѣ. Но судьба спасла Аріона отъ бури, въ которой погипбли „и кормщикъ, и пловецъ“...

Тяжелые дни долженъ былъ переживать Пушкинъ во время суда и слѣдствія надъ декабристами. Въ дѣлѣ были замѣшаны такіе близкіе друзья его,

какъ Пушкинъ и Кюхельбекеръ; одно время онъ сильно опасался за Раевского и М. Ѳ. Орлова; съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ онъ находился въ дружеской перепискѣ; наконецъ онъ могъ опасаться, что и его самого привлекутъ къ отвѣтственности, какъ человѣка, извѣстнаго по вольнодумному образу мыслей. И эти опасенія не были лишены основанія. Намъ неизвѣстно, упоминалось ли имя Пушкина въ показаніяхъ, данныхъ декабристами; но во время стѣдствія надъ ними правительство получило анонимный доносъ, представляющій собой любопытную характеристику Пушкина съ точки зрѣнія полицейскаго сыска. Этотъ интересный документъ напечатанъ, къ сожалѣнію не полностью, въ изслѣдованіи покойнаго Н. К. Шильдера: „Императоръ Николай Первый (томъ I, стр. 427—8)“. Онъ носитъ заглавіе: „Нѣчто о Царскосельскомъ лицѣѣ и духѣ его“ и извлеченъ Шильдеромъ изъ секретнаго отдѣла Военно-ученаго архива (дѣло № 47). На запискѣ анонимнаго автора рукою генераль-адъютанта Дибича написано: „Единственно для высочайшаго свѣдѣнія“. Эти немногія слова, говоритъ Шильдеръ, могутъ служить доказательствомъ, что запискѣ придавалось въ официальномъ мѣрѣ нѣкоторое значеніе. Можетъ быть, Дибичу извѣстно было имя автора записки, но объ этомъ въ дѣлѣ не сохранилось никакихъ указаній *).

Въ своей запискѣ анонимный авторъ не указываетъ прямо на Пушкина, но намеки его заставляютъ предполагать, что онъ имѣлъ именно его въ виду. Къ обоимъ лицейстамъ-декабристамъ, Пушкину и Кюхельбекеру, эти намеки не подходятъ, не говоря уже о другихъ его лицейскихъ товарищахъ. Нѣкоторыя же черты характеристики могутъ относиться только къ одному Пушкину, а въ общей совокупности онѣ ни въ чемъ не противорѣчатъ тому, что мы знаемъ о личности нашего поэта въ эпоху его юности. Анонимный авторъ записки, очевидно, хорошо зналъ Пушкина; нельзя ему также отказать въ нѣкоторой проницательности, въ умѣннн опредѣлять людей. Связность мыслей и изложенія обличаетъ въ авторѣ человѣка образованнаго; этимъ „записка“ выдѣляется изъ числа тогдашнихъ доносовъ, иногда поражающихъ своей грамматической и логической безграмотностью. Вотъ этотъ любопытный документъ.

„Въ свѣтѣ называется лицейскимъ духомъ, когда молодой человѣкъ не уважаетъ старшихъ, обходится фамиллярно съ начальниками, высомѣрно съ равными, презрительно съ низшими, исключая тѣ случаи, когда для фанфаронады надо показаться любителемъ равенства. Молодой вертопрахъ долженъ при семъ порицать насмѣшливо всѣ поступки особъ занимающихъ значительныя мѣста, всѣ мѣры правительства, знать наизусть или самому быть сочинителемъ эпиграммъ, пасквилей и пѣсень предосудительныхъ на Русскомъ языкѣ, а на Французскомъ знать всѣ дерзкіе и возмутительныя стихи и мѣста самыя сильныя изъ революціонныхъ сочиненій. Сверхъ того онъ долженъ толковать о конституціяхъ, палатахъ, выборахъ, парламентахъ, казаться невѣрующимъ въ христіанскіе догматы и болѣе всего представ-

*) Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай Первый, т. I, стр. 541, примѣч.

латься филантропомъ и Русскимъ патриотомъ. Къ тому принадлежитъ также обязанность насмѣхаться надъ выправкой и обученіемъ войскъ, и въ сей цѣли выдуманно ими слово: шагистика. Пророчество перемѣитъ, хула всѣхъ мѣръ или презрительное молчаніе, когда хвалятъ что нибудь, суть отличительныя черты сихъ господъ въ обществахъ. Вѣрноподанный значитъ укоризну на ихъ языкъ; Европейецъ и либераль—почетныя названія. Какая-то насмѣшливая угрюмость (*morgue*) вѣчно затемняетъ чело сихъ юношей, и оно проясняется только въ часы буйной веселости. Вотъ образчики молодыхъ и даже многихъ немолодыхъ людей, которыхъ у насъ довольно число. У лицейскихъ воспитанниковъ, ихъ друзей и приверженцевъ этотъ характеръ называется въ свѣтъ лицейскій духъ. Для возмужалыхъ людей прибрано другое названіе: „*mépris souverain pour le genre humain*“, для третьяго разряда, то-есть сильныхъ крикуновъ, просто либераль“.

Сдѣлавъ эту выписку изъ доноса, Шильдеръ замѣчаетъ: „Изъ приведенныхъ нами строкъ обрисовывается направленіе самаго доноса, который въ цѣломъ своемъ объемѣ старается провести мысль, что источникъ зла въ Россіи и обнаруженныхъ злоумышленныхъ обществъ—Лицей“. Мимходомъ догадается и обществу „Арзамасъ“. „Это общество (утверждаетъ авторъ записки), сообщило свой духъ большей части юношества и, покровительствуя Пушкина и другихъ лицейскихъ юношей, раздуло безъ умысла пекры и превратило ихъ въ пламень“.

За исключеніемъ немногихъ частныхъ, вся вышеприведенная характеристика „лицейскаго духа“ цѣлкомъ можетъ быть приложена къ Пушкину. Отношеніе Пушкина къ обществу и его манера держать себя въ немъ всегда отличались нѣкоторой двойственностью. Съ одной стороны, онъ въ юности очень льнулъ къ высшему кругу, за что неоднократно пенялъ ему его товарищъ И. И. Пущинъ; съ другой стороны онъ держался въ свѣтскомъ обществѣ не только съ полной независимостью, но иногда и высокомѣрно, не стѣсняясь выказывать свое превосходство, выступалъ противъ общепризнанныхъ авторитетовъ и подвергалъ ихъ рѣзкой критикѣ. Байроническое презрѣніе къ людямъ и высокомѣрная разочарованность никогда не проникали въ глубь существа Пушкина, но, въ качествѣ преходящаго настроенія, они несомнѣнно владѣли въ извѣстную эпоху душою нашего поэта. „Демонъ“, „Кавк. Пѣсни“, „Цыганы“, нѣкоторыя желчныя строфы „Овѣгина“, носятъ на себѣ слѣды этого настроенія. Даже тотъ „*mépris souverain*“, о которомъ говоритъ авторъ записки, не былъ чуждъ Пушкину въ періодъ увлеченія байронизмомъ. Къ 1821 году относится его черновое письмо, обращенное къ неизвѣстному лицу (вѣроятно же всего къ А. Н. Раевскому); въ этомъ письмѣ Пушкинъ проситъ своего корреспондента, котораго онъ называетъ „*mon digne maître*“, научить его быть жестокимъ, мстительнымъ и самовластнымъ по отношенію къ людямъ. „Люди, пишетъ онъ, не стоятъ того, чтобы ихъ оцѣнивали по тѣмъ искрамъ генія и чувства, по которымъ я до сихъ поръ старался ихъ цѣнить. Пока что, ихъ слѣдуетъ мѣрить берковцами. Нужно стать тавнимъ же эгоистомъ, какими они являются вообще, и только тогда можно опредѣлить мѣсто, которое каждому изъ нихъ надлежитъ занимать“.

Подобныя же мысли Пушкинъ развиваетъ и въ своемъ письмѣ къ брату, относящемуся къ концу слѣдующаго 1822 года. Въ немъ онъ даетъ брату цѣлый рядъ совѣтовъ и поученій, какъ держать себя въ обществѣ, какъ относиться къ людямъ. Эти жизненные максимы проникнуты тѣмъ же довольно наивнымъ напускнымъ цинизмомъ. Пушкинъ совѣтуетъ между прочимъ всегда думать о людяхъ возможно худшее, чтобы не быть ими обманутымъ, презирать ихъ „le plus poliment qu'il sera possible“, ко всѣмъ относиться съ одинаковой холодностью, не довѣряться дружбѣ и т. д. *).

Конечно, мы слишкомъ хорошо знаемъ Пушкина, для того чтобы думать, что эти поученія вполнѣ соответствовали его дѣйствительному образу мыслей и чувствъ; но они свидѣлствуютъ о его настроеніи въ эпоху увлеченія Байрономъ и о той аффектаціи мизантропіи и разочарованія, которую онъ считалъ нужнымъ проявлять въ обществѣ. На эти напускныя чувства и обратилъ свое вниманіе анонимный доносчикъ, принадлежавшій, быть можетъ, къ разряду тѣхъ людей, по отношенію къ которымъ Пушкинъ выказывалъ „возможно-учтивое презрѣніе“.

Что касается до другихъ чертъ, на которыя указываетъ сочинитель записки, то отношеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Пушкину слишкомъ явно, для того чтобы нужно было это разъяснять; таковы, напр., указанія на сочиненіе вольнодумныхъ стихотвореній и эпиграммъ на правительственныхъ лицъ, а также и на скептическое отношеніе къ христіанскимъ догматамъ (быть можетъ, намекъ на Гавриліаду и на письмо, послужившее причиной выселенія Пушкина изъ Одессы).

Такимъ образомъ, хотя авторъ доноса и не нападаетъ непосредственно на Пушкина, но общее впечатлѣніе остается такое, что именно его онъ имѣлъ въ виду при своей характеристикѣ „лицейскаго духа“. Повидимому, непосредственныхъ послѣдствій этотъ доносъ не имѣлъ ни для Лицея, ни для его воспитанниковъ; но онъ возбудилъ къ нему недовѣріе въ новомъ правительствѣ, а это недовѣріе косвеннымъ образомъ могло отразиться и на Пушкинѣ, какъ питомца Царскосельскаго Лицея и товарища двухъ декабристовъ. Несмотря на благоволеніе и покровительство Государя, Пушкину, какъ из-

---

*) Интересно отмѣтить, что однимъ изъ этихъ поученій брату Пушкинъ воспользовался впоследствии въ *Eugénie Onguin*; онъ пишетъ между прочимъ въ данномъ письмѣ: „Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sarajou du 18 siècle“. Срав. въ Евг. Онгвинъ (гл. 4, VII):

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей,
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ,
Средь обольстительныхъ сѣтей...
. . . . .
Но эта важная забава,
Достойна старыхъ обезьянъ,
Хваленыхъ дѣдовскихъ временъ...

вѣстно, пришлось испытать всю тяжесть полицейской подозрительности. Порученный попеченію графа Бенкендорфа, онъ попадаетъ въ положеніе почти школьника, обязаннаго давать отчетъ въ каждомъ своемъ поступкѣ. Графъ Бенкендорфъ дѣлаетъ ему формальные выговоры за чтеніе Бориса Годунова, за напечатаніе Анчара, за отъѣздъ на Кавказъ безъ разрѣшенія начальства, и т. д. Письма его подвергаются перлюстраціи, что приводитъ Пушкина въ настоящую ярость. Въ 1828 году возникаетъ дѣло объ Андре Шенъе, и вскорѣ затѣмъ дѣло о Гавриладѣ, грозившее большими неприятностями поэту. Къ счастью, все оканчивается болѣе или менѣе благополучно; но за Пушкинымъ устанавливается (съ Іюля 1828 г.) уже формальный, хотя и секретный надзоръ полиціи, не прекращавшійся до конца его жизни, несмотря на покровительство и довѣріе, которыхъ его удостоивалъ самъ императоръ Николай Павловичъ. Можно даже сказать, что этотъ надзоръ даже пережилъ Пушкина, такъ какъ только много лѣтъ спустя послѣ его смерти (кажется, при Тимашевѣ) имя „камеръ-юнкера Пушкина“ было окончательно вычеркнуто изъ списка поднадзорныхъ, куда оно изъ году въ годъ переносилось аккуратными, но невѣжественными чиновниками политическаго сыска.

II. По поводу стихотворенія „Къ Н**“.

Стихотвореніе Пушкина, извѣстное подъ этимъ заглавіемъ *), вызываетъ нѣкоторыя недоумѣнія, благодаря несоответствію между его внутреннимъ содержаніемъ и тѣмъ, что намъ рассказывается относительно его происхожденія. Приводимъ это стихотвореніе полностью.

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ожидали;
И свѣтель ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И что жъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынь подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира.
Смутились мы, твоихъ чуждаяся лучей...
Въ порывѣ гнѣва и печали
Ты проклялъ насъ, безмысленныхъ дѣтей,
Разбивъ листы своей скрижали...
Нѣтъ, ты не проклялъ насъ!.. Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Свѣдѣнія о происхожденіи этого стихотворенія мы находимъ въ книгѣ Гоголя: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, именно въ письмѣ „о лиризмѣ нашихъ поэтовъ“. Въ письмѣ этомъ Гоголь говоритъ о тѣхъ чувствахъ, которыми по преимуществу вдохновлялись Русскіе поэты: рели-

*) Стихотвореніе это не было напечатано при жизни Пушкина и въ рукописи не имѣетъ никакого заглавія; заглавіе дано было ему впоследствии издателями Пушкина.

гюзномъ благоговѣнїи, любви къ родинѣ, любви къ царю. Приведа затѣмъ слова Пушкина о значенїи самодержавнаго монарха, Гоголь продолжаетъ:

„Какъ мѣтко выражался Пушкинъ! Какъ понималъ онъ значенїе великихъ истинъ! Это внутреннее существо, силу самодержавнаго монарха онъ даже отчасти выразилъ въ одномъ своемъ стихотворенїи, которое между прочимъ ты самъ напечаталъ въ посмертномъ собранїи его сочиненїй, выправилъ даже въ немъ стихъ, а смыслъ не угадалъ. Тайну его теперь открою. Я говорю объ одѣ императору Николаю, появившейся въ печати подъ скромнымъ именемъ: Къ Н**. Вотъ ея происхожденїе. Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, къ которымъ, какъ извѣстно, приглашались одни избранные изъ нашего общества. Между ними былъ тогда и Пушкинъ. Все въ залахъ уже собралось, но Государь долго не выходилъ. Отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца и воспользовавшись первой досужей отъ дѣл минутой, онъ развернулъ Илиаду и увлекся нечувствительно ея чтенїемъ во все то время, когда въ залахъ давно уже гремѣла музыка и кипѣли танцы. Сошелъ онъ на балъ уже нѣсколько поздно, принесъ на лицѣ своемъ слѣды иныхъ впечатлѣнїй. Сближенїе этихъ двухъ противоположностей скользнуло незамѣченнымъ для всѣхъ, но въ душѣ Пушкина оно оставило сильное впечатлѣнїе, и плодомъ ея (sic!) была слѣдующая величественная ода“.

Прежде всего обратимъ вниманїе на нѣкоторыя особенности въ самомъ разсказѣ Гоголя. Гоголь нигдѣ не говоритъ, что узналъ о происхожденїи этого стихотворенїя отъ самого Пушкина; онъ выражается по этому поводу довольно неопредѣленно: „тайну его теперь открою“. Подобное выраженїе могло значить, что дѣло идетъ лишь объ одномъ *предположенїи* со стороны Гоголя; очень часто подобныя предположенїя принимаютъ у него характеръ категорическихъ утвержденїй, особенно въ эпоху созданїя „Выбранныхъ мѣстъ“, когда Гоголь сталъ смотрѣть на себя, какъ на носителя высшей истины, призваннаго проповѣдывать ее людямъ. Далѣе мы встрѣчаемъ въ разсказѣ Гоголя новую пещанность: Гоголь говоритъ, что Государь читалъ Илиаду „отдалившись отъ всѣхъ въ другую половину дворца“; когда же онъ вошелъ въ бальную залу, то никто изъ присутствующихъ не замѣтилъ его настроенїя и только одинъ Пушкинъ увидалъ на его лицѣ „слѣды иныхъ впечатлѣнїй“. По разсказу Гоголя выходитъ такимъ образомъ, что Пушкинъ не только обратилъ вниманїе на задумчивость Государя, но и самъ вѣрно угадалъ причину этого настроенїя. Такая проицательность, конечно, превышаетъ предѣлы человѣческихъ способностей, такъ какъ замѣченная Пушкинымъ задумчивость Государя могла происходить отъ иныхъ причинъ, напр., отъ государственныхъ заботъ, и объ истинной причинѣ его настроенїя Пушкинъ могъ узнать лишь отъ него самого; но объ этомъ Гоголь ни словомъ не упоминаетъ.

Конечно, можно предположить, что всѣ эти недоумѣнїя, вызываемыя разсказомъ Гоголя, происходятъ лишь отъ недостаточно точной и ясной редакціи его. Однако эти недоумѣнїя не только не разсѣиваются, но даже еще усугубляются, когда мы обращаемся къ анализу самаго содержанїя даннаго стихотворенїя. Все это стихотворенїе построено на рядѣ высоко-художествен-

ныхъ образовъ. Основное же требованіе при употребленіи поэтическихъ образовъ и уподобленій заключается въ томъ, чтобы они вполне соответствовали тому предмету, къ которому относятся. Пушкинъ, какъ „взыскательный художникъ“, всегда строго соблюдалъ это требованіе: его поэтическіе образы отличаются не только внутренней красотой, но и полнымъ соответствіемъ съ предметомъ уподобленія.

Въ стихотвореніи *Къ Н***, если принять объясненіе, даваемое Гоголемъ, этотъ принципъ художественнаго соответствія явно нарушенъ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ значить выраженіе: „И вынесъ намъ свои скрижалы“ въ приложеніи къ личности императора Николая? О какихъ скрижаляхъ идетъ рѣчь и какія скрижали могъ вынести Государь изъ бесѣды съ Гомеромъ? Затѣмъ, примѣнима ли характеристика настроенія изображаемой „толпы“ къ придворному балу?

.....Ты насъ обрѣлъ въ пустынь подѣ шатромъ.
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира...

Послѣднее выраженіе, если придерживаться толкованія Гоголя, должно быть отнесено непосредственно къ августѣйшему хозяину праздника. Могъ ли Пушкинъ допустить самую возможность подобнаго сближенія? Далѣе, что значать слова: „смутилсь мы, твоихъ чуждаяся лучей“? Вѣдь Гоголь говоритъ, что никто кромѣ Пушкина не замѣтилъ настроенія Государя. Наконецъ необходимо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство, имѣющее, по нашему мнѣнію, въ данномъ вопросѣ рѣшающее значеніе. Дѣло въ томъ, что въ черновой рукописи это стихотвореніе имѣло еще двѣ дополнительныя строфы, откинутыя впоследствии:

Таковъ прямой поэтъ. Онъ сѣтуетъ душой
На пышныхъ играхъ Мельпомены
И улыбается забавѣ площадной
И вольности лубочной сцены.
То Рямъ его зоветъ, то гордый Альбионъ,
То скалы старца Оссіана,
И съ дѣтской легкостью межъ тѣмъ летаетъ онъ
Во слѣдъ Бовы иль Ерусалана.

Въ этихъ строфахъ заключается, по нашему мнѣнію, ключъ къ пониманію всего стихотворенія. Мы видимъ, что здѣсь Пушкинъ снова возвращается къ излюбленной своей мысли о свободѣ поэтическаго творчества: слова Пушкина въ данномъ случаѣ настолько ясны, что никакого иного толкованія не допускаютъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма знаменателенъ самый способъ соединенія обѣихъ частей стихотворенія. Пушкинъ говоритъ: „таковъ прямой поэтъ“... и этимъ выраженіемъ заставляеть насъ предполагать, что и въ предъидущемъ рѣчь шла также о *поэтѣ*; въ противномъ случаѣ, если бы предметъ сравненія былъ иной, онъ выразился бы нѣсколько иначе: „такъ и поэтъ...“

и т. д. Спрашивается однако, почему Пушкинъ отвергъ это окончаніе, не смотря на прекрасную, чисто-Пушкинскую отдѣлку, на полновѣстность каждаго стиха? Едва ли при этомъ играли какую-либо роль чисто эстетическія соображенія, такъ какъ подобными стихами могъ быть доволенъ и самый взыскательный художникъ. Или, быть можетъ, Пушкинъ не видѣлъ между обоими членами своего художественнаго уравненія никакихъ общихъ элементовъ, никакихъ точекъ соприкосновенія? Этого однако также нельзя сказать, даже если придерживаться толкованія Гоголя и предполагать, что первая часть относится къ императору Николаю. Наиболее вѣроятнымъ представляется намъ слѣдующее соображеніе: Пушкинъ рѣшился пожертвовать второю частью своего стихотворенія потому, что оно вносило нѣкоторую *двойственность* въ идею всего дѣла. Въдъ въ послѣднихъ строфахъ рѣчь идетъ о *свободѣ* поэта, чуждаго всякихъ стѣсненій въ своемъ творчествѣ, всякихъ вліяній извнѣ; въ первой же части стихотворенія Пушкинъ изображаетъ другую характерную черту истиннаго поэта, его *благожелательность*, черту въ высокой степени присущую личности самого Пушкина. Эта благожелательность особенно рѣзко отбѣляется путемъ сопоставленія съ вѣтерпимой ревностью ветхозавѣтнаго пророка, чуждаго всякаго снисхожденія къ человѣческимъ слабостямъ и недостаткамъ: образъ Моисея, проклинающаго народъ „въ порывѣ гнѣва и печали“, несомнѣнно носился въ воображеніи поэта, вызванный, быть можетъ, чисто-ассоціативно при упоминаніи о „скрижаляхъ“. Замѣтимъ кстати, что такое сравненіе поэта съ пророкомъ не стоитъ особнякомъ у Пушкина: достаточно напомнить его знаменитое стихотвореніе „Пророкъ“. Весьма возможно, что сопоставленіе въ одномъ небольшомъ стихотвореніи двухъ важныхъ и независимыхъ другъ отъ друга качествъ поэтическаго генія (свобода и благожелательность) показалось Пушкину нарушеніемъ внутренняго единства этого стихотворенія, но избѣжаніи чего онъ и откинулъ всю вторую часть *).

Нельзя не замѣтить, что этимъ указаніемъ на благожелательность и терпимость истиннаго поэта Пушкинъ дополняетъ новой и весьма важной чертою свою общую характеристику поэтическаго генія и вноситъ существенную поправку къ такимъ стихотвореніямъ, какъ „Чернь“, „Святель“, „Поэту“, гдѣ встрѣчаются поистинѣ жестокія слова по адресу „дѣтей ничтожныхъ міра“. Между тѣмъ самъ поэтъ, оцѣнивая въ своемъ предсмертномъ „Памятникѣ“ общее значеніе своей поэтической дѣятельности, видитъ особенную заслугу въ томъ, что „чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ“ и „милость къ падшимъ призывалъ“. Чувства высокой терпимости, снисхожденія и благожелательности проникаютъ собой всю поэзію Пушкина, составляя ея *моральную красоту*, подкупающую читателя не менѣе красоты чисто-эстетической; и эту

*) Такимъ образомъ конецъ стихотворенія *Къ Н* * * по своему содержанію при-
мыкаетъ къ такимъ произведеніямъ Пушкина, какъ „Разговоръ книгопродавца съ поэ-
томъ“, „Поэту“, „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагъ...“, „Осень“ и др. Въ откинутой строфѣ
„Осени“ мы также встрѣчаемся съ перечисленіемъ занимавшихъ поэта сюжетовъ; въ од-
номъ изъ вариантовъ упоминаются между прочимъ и „скалы Шотландіи“.

именно сторону своего поэтического гения Пушкинъ въ данномъ стихотвореніи изобразилъ въ качествѣ характерной черты, присущей вообще поэту.

Однако самая форма личнаго обращенія, съ котораго начинается стихотвореніе: „Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ“, заставляетъ предполагать, что Пушкинъ, создавая свое стихотвореніе, имѣлъ въ виду не только „поэта“ вообще, но и какое-то опредѣленное лицо. Среди современныхъ Русскихъ поэтовъ такимъ лицомъ могъ быть только Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, такъ какъ Жуковский, другой переводчикъ Гомера, приступилъ къ переводу Одиссеи уже послѣ смерти Пушкина, въ 1842 году. Уже въ 1821 г. Пушкинъ въ письмѣ изъ Кишинева обращался къ Гнѣдичу со слѣдующими стихами:

Ты, кому судьба дала
И смѣлый умъ, и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрела,
Отрадъ жизни одинокой;
О ты, который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера Музу намъ явилъ
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ *).

Затѣмъ при появленіи въ свѣтъ перевода Иліады, Пушкинъ привѣтствовалъ его извѣстнымъ двустишіемъ:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ помѣстилъ въ „Литературной Газетѣ“ Дельвига небольшую замѣтку, которая начинается слѣдующими словами: „Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Иліады...“ И эти слова были со стороны Пушкина вполне искренними: что Пушкинъ дѣйствительно живо интересовался предпринятой Гнѣдичемъ работой, видно изъ того, что въ письмахъ Пушкина къ послѣднему встрѣчаются неоднократно запросы относительно Иліады. Такъ въ Маѣ 1822 г. онъ пишетъ ему изъ Кишинева: „Вы, коего гений и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ?“ а три года спустя въ письмѣ изъ Михайловскаго онъ выражается объ ожидаемомъ переводѣ Иліады, что „это будетъ классическій, Европейскій подвигъ въ нашемъ отечествѣ“. Уже эти отрывочные отзывы ясно показываютъ, какъ высоко ставилъ Пушкинъ трудъ Гнѣдича.

Но литературная дѣятельность Гнѣдича, какъ извѣстно, не ограничивалась однимъ переводомъ Иліады. Не будучи очень обширной, она была довольно разнообразна. Однако его элегии, посланія, басни и эпиграммы, не-

---

*) Намекъ на принятое Гнѣдичемъ подъ влияніемъ статей Уварова рѣшеніе переводить Иліаду гекзаметромъ, вмѣсто Александрійскаго стиха, считавшагося въ ложноклассическую эпоху наиболее подходящимъ для героическихъ поэмъ и трагедій.

дурныя для своего времени, въ общемъ не блещутъ особенными поэтическими достоинствами. Наиболее удачнымъ изъ всего, что написалъ Гнѣдичъ, являются его *идилліи*: „Рыбакъ“ Гнѣдича вошли даже во многія хрестоматіи, и дѣйствительно, въ этой идилліи есть очень удачныя мѣста, напр., картина лѣтней ночи надъ Невою. Замѣтимъ кстати, что этотъ отрывокъ изъ „Рыбаковъ“ Пушкинъ приводитъ въ видѣ цитаты въ 1-ой главѣ Евгенія Онегина. Кромѣ „Рыбаковъ“ Гнѣдичъ далъ прекрасный переводъ „Сиракузянокъ“ Теофрита, снабдивъ его предисловіемъ, въ которомъ онъ разъясняетъ значеніе идилліи въ древней и новой литературѣ. Такимъ образомъ творчество Гнѣдича охватываетъ такія противоположныя области, какъ героическій эпосъ и идиллія, и въ обихъ областяхъ онъ далъ лучшія свои произведенія. Весьма вѣроятно поэтому, что именно на это соединеніе двухъ столь различныхъ по характеру видовъ поэзіи въ творествѣ одного писателя и указываетъ Пушкинъ въ заключительной строфѣ своего стихотворенія:

.... Ты любишь съ высоты
Скрываться въ тѣнь долины малой,
Ты любишь громъ небесъ, и также внемлешь ты
Журчанью пчелъ надъ розой алой.

Что же касается до дополнительныхъ строфъ, то ихъ едва ли можно отнести къ Гнѣдичу. Правда, упоминаніе „гордаго Альбіона“ и старца Оссіана“ еще можно съ нѣкоторой натяжкой поставить въ связь съ творчествомъ Гнѣдича, очень высоко цѣнившаго Шекспира („Посланіе къ Семеновой, при посылкѣ ей экземпляра трагедіи Леаръ“), переводившаго Байрона („Мелодія“: *my soul is dark...*) и Мильтона (отрывокъ изъ 3-ей книги „Потеряннаго Рая“), пытавшагося подражать Оссіану и притомъ тѣмъ же-народнымъ размѣромъ, который былъ введенъ у насъ Радищевымъ („Бова“) и Карамзинымъ („Илья Муромецъ“). Однако всѣ прочія указанія никоимъ образомъ не могутъ быть отнесены къ Гнѣдичу. Новая драма, возникшая когда-то на „лубочной сценѣ“ народнаго театра, никогда не имѣла никакого вліянія на творчество Гнѣдича, не смотря на его уваженіе къ Шекспиру; скорѣе напротивъ, его влекла къ себѣ именно классическая Мельпомена: объ этомъ свидѣтельствуетъ, напр., его переводъ „Танкреда“ Вольтера. Точно также не оставили слѣдовъ въ его творествѣ Римъ и Римская исторія, а упоминаніе о Бовѣ и Ерусалѣ можно было бы отнести лишь къ его попыткѣ передать Оссіана такъ называемымъ народнымъ стихомъ; въ общемъ же поэзія Гнѣдича совершенно лишена всякаго національнаго колорита. Всѣ эти соображенія достаточно ясно доказываютъ, что вторая часть разбираемаго стихотворенія Пушкина не имѣетъ никакого отношенія къ Гнѣдичу, и это обстоятельство, быть можетъ, также служило побудительной причиною для того, чтобы откинуть заключительныя строфы.

Такимъ образомъ исторія созданія стихотворенія *Къ Н.* * * * * * слагается, по нашему мнѣнію, изъ трехъ послѣдовательныхъ моментовъ. Приступая къ созданію своего стихотворенія, Пушкинъ имѣлъ въ виду именно Гнѣдича,

какъ объ этомъ свидѣтельствуется самое обращеніе, съ котораго начинается стихотвореніе. Но затѣмъ нечувствительнымъ образомъ содержаніе стихотворенія расширилось и углубилось: въ лицѣ Гвидича Пушкинъ чувствуетъ тѣ качества, которыми долженъ обладать всякій „прямой поэтъ“: широту пониманія, терпимость, благоволеніе къ людямъ. Наконецъ въ заключительныхъ строфахъ личность Гвидича совершенно ступшевывается, и Пушкинъ возвращается къ своей излюбленной мысли о полной свободѣ поэта въ его творчествѣ.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ снова возвратиться къ щекотливому вопросу о происхожденіи разсказа Гоголя, касающагося даннаго стихотворенія. Мы уже указывали на тѣ неточности въ разсказѣ, которыя вызываютъ невольныя недоумѣнія. И съ подобными неточностями въ передачахъ чужой мысли неоднократно приходится встрѣчаться въ „Избранныхъ мѣстахъ“. Такъ напр., въ томъ же письмѣ къ Жуковскому Гоголь передаетъ слѣдующій отзывъ Пушкина о сущности и значеніи монархической власти: „Государство безъ полномощнаго монарха тоже, что оркестръ безъ капельмейстера: какъ ни хороши будь всѣ музыканты, но, если вѣтъ среди нихъ одного такого который бы движеніемъ палочки всему подавалъ знакъ, никуда не пойдетъ концертъ. А, кажется, онъ самъ ничего не дѣлаетъ, не играетъ ни на какомъ инструментѣ, только слегка помахиваетъ палочкой, да поглядываетъ на всѣхъ, и уже одинъ взглядъ его достаточенъ на то, чтобы умягчить, въ томъ и другомъ мѣстѣ, какой-нибудь шаршавый звукъ, который испустилъ бы иной дуракъ-барабанъ или неуклюжій тулумбасъ. При немъ и мастерская скрипка не смѣетъ слишкомъ разгуляться на счетъ другихъ; блюдетъ онъ общій строй, всего оживитель, верховодецъ верховнаго согласія!“

Гоголь даетъ понять, что онъ приводитъ не только *мысль* Пушкина, но и его *подлинныя слова*, потому что онъ заключаетъ ихъ въ кавычки и заканчиваетъ свою цитату восклищеніемъ: „Какъ мѣтко выразался Пушкинъ!“ Однако мы рѣшаемся выразить нѣкоторое сомнѣніе въ подлинности этихъ *словъ* Пушкина (въ подлинности *мысли* конечно не можетъ быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ всѣмъ извѣстны глубоко-монархическія убѣжденія Пушкина вообще и его искренняя преданность императору Николаю Павловичу въ частности). Весьма возможно также, что Пушкинъ въ разговорѣ съ Гоголемъ уподобилъ положеніе монарха въ государствѣ роли капельмейстера въ оркестрѣ, но дальнѣйшее развитіе этого мимоходомъ брошеннаго сравненія принадлежитъ, по нашему мнѣнію, Гоголю. Употребленіе подобныхъ сложныхъ образовъ и уподобленій является вообще одной изъ характерныхъ особенностей Гоголевскаго стиля, при чемъ иногда, благодаря именно своей сложности, образы эти мало соотвѣтствуютъ предмету сравненія*). Затѣмъ, такія

*) Запмствуемъ нѣсколько примѣровъ, такихъ сложныхъ образовъ изъ Мертвыхъ Душъ: губернской балъ и лѣтнія мухи (глава I); лай собакъ (у Коробочка), и пѣвческій хоръ (гл. III): путешественникъ и писатель (начало VII гл.); растерявшіеся чиновники, и школьникъ, проснувшійся съ „гусаромъ“ въ носу (гл. IX), и мн. др.

выраженія, какъ „дуракъ-барabanъ и неуклюжій тулумбасъ“ явно обнаруживаютъ свое Гоголевское происхожденіе, если принять во вниманіе обычное у Гоголя стремленіе къ новообразованіямъ въ области языка, иногда очень удачнымъ и выразительнымъ, какъ „существователь“, „чужеземствованіе“ и др., а иногда совершенно непонятнымъ, какъ вышеприведенный „тулумбасъ“. Точно также одной изъ особенностей Гоголевскаго стиля является его пристрастіе къ синонимическимъ и тавтологическимъ оборотамъ, подобно выраженію: „*верховодецъ верховнаго согласія*“. Особенно часто такіе обороты встрѣчаются въ „Выбранныхъ мѣстахъ“, напр.: „Петръ *прочистилъ* намъ глаза *чистилищемъ* просвѣщенія Европейскаго“, „...*дымнымъ надменіемъ* своихъ доблестей *надмевающій* челоуѣка“, „...*завопи воплемъ*, чтобы отъ нихъ все *побѣжало бѣгомъ*“, „*безлюдные безлюдія*“, „*согласованное согласіе*“, и т. д. Подобныя выраженія вовсе не свойственны языку Пушкина и, влагая ихъ въ его уста, Гоголь заставлялъ его говорить своимъ собственнымъ языкомъ.

Мы, конечно, не имѣемъ никакого права утверждать, что Гоголь *сознательно* избрѣлъ свой рассказъ, что онъ сознательно приписываетъ Пушкину собственныя слова и мысли, чтобы такимъ образомъ опереться на его авторитетъ: подобныя подозрѣнія, конечно, были бы совершенно несправедливы и оскорбительны для памяти нашего великаго юмориста. Однако нужно принять во вниманіе то психическое состояніе, въ которомъ находился въ эту эпоху Гоголь. Душевное разстройство, признаки котораго можно прослѣдить гораздо ранѣе, достигло къ 1847 году, когда писались „Выбранныя мѣста“, уже значительнаго развитія. обстоятельное изслѣдованіе проф. Чижа (въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ за 1903—4 г.) не оставляетъ никакого сомнѣнія въ серьезности психическаго заболѣванія, которое постигло Гоголя, сломило его талантъ и преждевременно свело его въ могилу. Проф. Чижъ, на основаніи нѣкоторыхъ словъ самого Гоголя и свидѣтельства нѣкоторыхъ изъ его друзей, считаетъ весьма вѣроятнымъ, что Гоголь даже страдалъ галлюцинаціями: имѣлъ какія-то видѣнія, слышалъ голоса. Понятно, что при подобномъ душевномъ состояніи Гоголя его показанія, даже самыя категорическія, требуютъ для своего подтвержденія особой провѣрки. Такъ и въ настоящемъ случаѣ: рассказъ Гоголя о происхожденіи стихотворенія Пушкина *Къ Н*** вызываетъ невольныя сомнѣнія, такъ какъ содержаніе стихотворенія вовсе не соответствуетъ обстоятельствамъ, передаваемымъ Гоголемъ, и произведенный нами подробный анализъ не только не разсвѣялъ, но еще болѣе подтвердилъ справедливость этихъ сомнѣній. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, что Гоголь просто выдумалъ изъ головы весь свой рассказъ: весьма возможно, что нѣчто подобное дѣйствительно было, что самъ Пушкинъ рассказывалъ когда-то Гоголю о впечатлѣніи, произведенномъ на имп. Николая Павловича чтеніемъ Иліады передъ выходомъ на придворный балъ, но только между этимъ случаемъ и разбираемымъ стихотвореніемъ нѣтъ никакой причинной связи. Гоголь же, встрѣтивъ это стихотвореніе въ собраніи сочиненій Пушкина и вспоминая о слышанномъ имъ отъ покойнаго поэта рассказъ, рѣшилъ,

что именно этотъ случай и послужилъ темою для стихотворенія Пушкина. Такимъ образомъ это вполне естественное и допустимое *предположеніе* Гоголя легло въ основу его разсказа, который и до сихъ поръ перепечатывается всѣми комментаторами Пушкина, безъ провѣрки его достовѣрности *).

III. Пушкинскіе варианты.

Извѣстно, какъ тщательно отдѣлывалъ Пушкинъ каждое свое произведеніе, какъ трудился онъ даже надъ случайными и альбомными стихотвореніями, стараясь достигъ возможнаго совершенства. Стремясь къ полному соответствію между формой и содержаніемъ, онъ взвѣшивалъ каждое слово, каждое выраженіе, и неукоснительно отбрасывалъ его, если оно казалось ему въ какомъ либо отношеніи неподходящимъ. Оттого у Пушкина мы и находимъ такъ много всевозможныхъ вариантовъ, обличающихъ упорную филигранную работу „взыскательнаго художника“. Исчерпать всѣ эти варианты въ обычномъ общедоступномъ изданіи совершенно невозможно: это значило бы дать подробное описаніе каждой рукописи поэта, со всѣми поправками и передѣлками, что сдѣлало бы подобное изданіе чрезвычайно громоздкимъ, не избавивъ при этомъ изслѣдователя отъ необходимости обращаться къ изученію рукописей. Но нѣкоторой частью вариантовъ вполне возможно и даже необходимо воспользоваться для всякаго комментированнаго изданія, претендующаго на полноту, и прежде всего необходимо использовать *всѣ печатные варианты*, имѣющіе, конечно, наиболѣе важное значеніе, такъ какъ они обозначаютъ собой тѣ этапы, на которыхъ останавливался Пушкинъ въ своей творческой работѣ. Между тѣмъ въ имѣющихся у насъ комменти-

---

*) Нельзя однако умолчать о нѣкоторыхъ темныхъ пунктахъ, касающихся разбираемаго произведенія Пушкина, которые могутъ дать поводъ къ возраженіямъ. Во 1-хъ. стихотвореніе *Къ Н*** помѣщается въ изданіяхъ Пушкина подъ 1834 годомъ, между тѣмъ какъ Гвидичъ умеръ въ 1833 году; но стихотвореніе не имѣетъ точной хронологической помѣтки, и мы совершенно не знаемъ, на основаніи какихъ соображеній издателя, начинающаго съ Жуковскаго, приурочиваютъ его именно къ этому году; даже нахожденіе даннаго стихотворенія среди бумагъ и тетрадей 1834 года еще не свидѣтельствуетъ непреложно о времени его происхожденія, такъ какъ Пушкинъ могъ переписать его съ какого-нибудь черноваго наброска, относящагося къ болѣе раннему времени. Замѣтимъ кстати, что отъ 1834 года остался довольно подробный дневникъ Пушкина; въ немъ нѣсколько разъ говорится о придворныхъ балахъ, на которыхъ присутствовалъ Пушкинъ (подъ 26 Янв., 28 Февр., 6 Март., 18 Дек.), но нигдѣ не упоминается о случаѣ, разсказанномъ Гоголемъ. Во 2-хъ, является вопросъ, чѣмъ руководствовался Жуковскій, давая печатаемому имъ стихотворенію заглавіе *Къ Н***, котораго нѣтъ въ существующей рукописи. Былъ ли въ его рукахъ другой списокъ, съ какой-нибудь помѣткой Пушкина, быть можетъ, бѣглой или неразборчивой; или же онъ руководился лишь тѣмъ же предположеніемъ, которое положилъ Гоголь въ основу своего разсказа, т. е. отнесъ къ данному стихотворенію слышанный имъ отъ Пушкина эпизодъ: вопросъ этотъ для насъ пока неразрѣшимъ. Какъ бы то ни было, изслѣдователю приходится въ данномъ случаѣ судить по совокупности признаковъ, которые слагаются такимъ образомъ, что заставляютъ его отвергнуть даваемое Гоголемъ объясненіе.

рованныхъ изданіяхъ эти печатные варианты далеко не все использованы. Такъ напр., въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827—28 гг. напечатано довольно много произведеній Пушкина, съ отличіями противъ обычныхъ изданій, при чемъ нѣкоторые изъ этихъ вариантовъ представляютъ значительный интересъ. Такъ въ первой же книгѣ журнала мы находимъ сцену въ Чудовомъ монастырѣ; здѣсь, кромѣ двухъ незначительныхъ вариантовъ, встрѣчается одинъ вариантъ очень цѣнный. Именно, слова Пимена: „Въ ней жилъ тогда Кириллъ многострадальный“ читаются тутъ слѣдующимъ образомъ: „Въ ней жилъ тогда Кириллъ *косноязычный*“. И тотъ, и другой эпитетъ имѣютъ свое основаніе: редакція, принятая въ Моск. Вѣстникѣ болѣе рисуетъ простодушіе Пимена, называющаго, не мудрствуя лукаво, вещи ихъ именами; позднѣйшая редакція („многострадальный“) подчеркиваетъ другую важную черту въ характерѣ Пимена, его *книжность*: Пименъ, не простой монахъ, онъ книжникъ, человекъ начитанный въ Священномъ Писаніи и усвоившій изъ него торжественность и велерѣчивость книжныхъ оборотовъ. Такимъ образомъ оба эти варианта одинаково законны и одинаково цѣнны, такъ какъ оба они вполне подходятъ къ личности и къ характеру Пимена и только обрисовываютъ его съ различныхъ сторонъ. Необходимо однако обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство. Въ изданіи сочиненій Пушкина подъ редакціей г. Морозова (изд. товарищества „Просвѣщеніе“) приведены варианты изъ первоначальнаго черноваго текста пяти первыхъ сценъ „Бориса Годунова“, сохранившихся въ тетради Румянц. Музея № 2370; среди этихъ вариантовъ нѣтъ эпитета „косноязычный“. Приходится поэтому предполагать, что Пушкинъ написалъ сперва: „многострадальный“, затѣмъ для Моск. Вѣстника поставилъ: „косноязычный“, а при изданіи 1831 года снова вернулся къ первоначальной редакціи.

Кромѣ указаннаго, мы нашли въ Моск. Вѣстникѣ еще слѣдующіе варианты, не приведенные въ существующихъ изданіяхъ: въ отрывкѣ изъ Графа Нулина (М. В., 1827 г., № IV, стр. 251) напечатано: „И гончія визжать на сворахъ“, вмѣсто: „Борзья прыгаютъ на сворахъ“. Въ стихотвореніи: Женихъ, напечатанномъ въ Моск. Вѣст. съ подзаголовкомъ: Простонародная сказка (М. В., 1827, № XIII, стр. 5) находимъ слѣдующій вариантъ:

Пора бѣ невѣсту подѣ взнецъ,
А на примѣтъ молодецъ.

Впоследствии Пушкинъ заимѣнилъ эти стихи другими:

У васъ товаръ, у насъ купецъ,
Собою парень молодецъ.

Другой вариантъ изъ того же стихотворенія: „Я погасила свѣчку“, вмѣсто позднѣйшаго: „Подѣхали къ крылечку“. Наконецъ въ 1828 году Пушкинъ помѣстилъ въ Моск. Вѣстникѣ нѣсколько отрывковъ изъ Евгенія Онѣгина, между прочимъ отрывокъ: „Альбомы“, изъ 4-ой главы Евг. Он. (М. В.,

1828 г., № II, стр. 148) гдѣ мы находимъ вариантъ: „Безмолвный памятникъ свиданья“, передѣланный впоследствии такъ: „Безмолвный памятникъ мечтанья“. Первоначальная редакция, собственно говоря, болѣе соответствовала контексту, такъ какъ слѣдующій стихъ читается: „или разлуки роковой“. Трудно рѣшить, чѣмъ вызвана эта замѣна; быть можетъ, Пушкинъ хотѣлъ устранить возможность фривольнаго толкованія словъ „нѣжное свиданье“ и еще рѣзче отгнѣнить душевную чистоту „уѣздной барышни“.

IV. Слова Пушкина.

Пушкинъ не имѣлъ своего Экермана, и голосъ его не дошелъ до насъ въ живой рѣчи. Правда, роль Экермана, повидимому, хотѣла сыграть по отношенію къ Пушкину госпожа Смирнова, но къ ея Воспоминаніямъ приходится относиться съ большой осторожностью. Тѣмъ не менѣе въ письмахъ и воспоминаніяхъ друзей и знакомыхъ нашего великаго поэта изрѣдка попадаются его подлинныя слова, цитируемая съ той или другой цѣлью. Такъ напр., въ Мартовской книгѣ Русской Старины текущаго года мы находимъ въ письмѣ Погодина къ кн. В. Ѳ. Одоевскому слѣдующее любопытное мѣсто: „....Разборъ вашъ „Пам(ятник)а Музъ“ сокращенъ по настоящему требованію Пушкина. Вотъ его слова, повторяемая съ дипломатической точностью: „Здѣсь есть много умнаго, справедливаго, но авторъ не знаетъ приличій. Можно ли о Державинѣ и Карамзинѣ сказать, что „ихъ имена возбуждаютъ пріятныя воспоминанія“, что „съ прискорбіемъ видимъ ученическія ошибки въ Державинѣ? Имя его намъ уже дорого. Касательно живыхъ писателей также не могу я, объявленный участникомъ въ журналѣ, согласиться на такія выраженія. Я имѣю связи. Меня могутъ почестъ согласнымъ съ мнѣніемъ рецензента. И вообще, не должно говорить о Державинѣ такимъ тономъ, какимъ говорятъ объ NN, объ SS. Симвъ долженъ отличаться М. Вѣстникѣ. Оставьте одно общее сужденіе“. Мы спорили во многомъ, прибавляетъ Погодинъ, но должны были уступить; рѣшились было оставить статью до сношенія съ вами, но должно было выдавать книжку; Пушкинъ читалъ уже по корректурѣ“.

Изъ этого письма Погодина видно, какую роль игралъ Пушкинъ въ изданіи Моск. Вѣстника, каковы были его взгляды на литературныя отношенія и какъ высоко онъ ставилъ Державина, хотя нужно замѣтить, что самъ Пушкинъ прекрасно видѣлъ слабыя стороны творчества „пѣвца Фелицы“. Подобные отзывы Пушкина, конечно, представляютъ значительный интересъ для его характеристики. Было бы очень желательно собрать всѣ сохранившіяся подлинныя *слова Пушкина*, разбросанныя въ массѣ литературнаго матеріала, въ одно цѣлое: такой сборникъ явился бы естественнымъ дополненіемъ къ печатнымъ статьямъ и замѣткамъ Пушкина. Конечно, при этомъ придется сдѣлать строгую критическую провѣрку собраннаго матеріала, съ точки зрѣнія его достовѣрности.

V. О происхожденіи „Анчара“

„Анчаръ“, безспорно, принадлежитъ къ числу лучшихъ, наиболее сильныхъ стихотвореній Пушкина. Меримé сказалъ по поводу него, что только полатыни можно передать сжатую силу Пушкинскихъ стиховъ. Въ этомъ стихотвореніи съ особенной ясностью сказалась одна изъ основныхъ чертъ Пушкинскаго генія: его способность *конденсировать содержаніе*, говорить многое въ немногихъ словахъ; и дѣйствительно, здѣсь нѣтъ ни одного лишняго слова, но за то каждое слово дѣнно и полновѣсно. По своей высоко-гуманной идеѣ, по своему глубокому трагизму, это небольшое стихотвореніе стѣбитъ цѣлой поэмы. Чуждое всякаго ложнаго паэоса, всякихъ риторическихъ украшеній, оно однако является краснорѣчивѣйшимъ протестомъ противъ всякаго деспотизма, противъ всякаго поработенія, превращающаго человѣка въ простое средство или орудіе въ рукахъ другого. („Но *человѣка* человѣкъ послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ...“). Пушкинъ раскрылъ здѣсь передъ нами трагическое значеніе безграничной власти, не стѣсненной контролемъ нравственнаго чувства, и сумѣлъ простыми, какъ бы малозначущими словами возбудить въ насъ глубокое сочувствіе къ „бѣдному рабу“, покорной жертвѣ „непобѣдимаго владыки“. Объ „Анчарѣ“ по справедливости Пушкинъ могъ сказать, что „чувства добрыя онъ лирой пробуждалъ...“.

Но какъ возникло это стихотвореніе? Откуда взяли Пушкинъ образы и краски для выраженія своей мысли? Нельзя ли до нѣкоторой степени выяснить тайну его происхожденія, заглянуть въ лабораторію Пушкинскаго поэтическаго творчества? Нѣкоторыя данныя для этого у насъ, повидимому, есть. Прежде всего, что касается до самаго „анчара“ (*antiaris toxicaria* ботаниковъ), то это ядовитое дерево упоминается у Байрона въ Чайльдъ-Гарольдъ (пѣснь IV, стр. 126), но только подъ мѣстнымъ Малайскимъ названіемъ „упаса“: *boundless upas this all-blasting tree*; съ этимъ упасомъ Байронъ сравниваетъ нашу испорченную культурою жизнь, отравленную страданіями, рабствомъ, всяческимъ зломъ. Между Пушкинскимъ стихотвореніемъ и этой строфой Чайльдъ-Гарольда общимъ является только одно: самый образъ ядовитаго дерева ¹⁾. Гораздо болѣе аналогіи между „Анчаромъ“ Пушкина и однимъ стихотвореніемъ второстепеннаго Французскаго поэта той эпохи, Мильвуа, который несомнѣнно былъ хорошо извѣстенъ Пушкину. Приводимъ это стихотвореніе въ довольно близкомъ и вѣрномъ переводѣ Вас. Ив. Туманскаго, относящемся къ 1823 году. Стихотвореніе это носитъ названіе *Манчениль*, и авторъ въ примѣчаніи объясняетъ, что такъ называется ядовитое дерево, растущее на Антильскихъ островахъ и усыпляющее на вѣкъ всякаго, кто ложится подъ его тѣнью ²⁾.

¹⁾ На эту строфу Байрона указалъ между прочимъ проф. Сумцовъ въ своей книгѣ: А. С. Пушкинъ. Харьковъ, 1900 г., стр. 187.

²⁾ *Oeuvres complètes de Millevoe. Paris, 1827. Tome I, p. 144.* На это стихотвореніе Мильвуа я уже указывалъ въ своей статьѣ о Туманскомъ: Забытый поэтъ Пушкинской плеяды (Русск. Вѣстн., 1902 г., Февр.).

„Давно манить меня твой поцѣлуй отрадный,
 Зарина! Я люблю, и я владыка твой!“
 Такъ въ страсти говорилъ владыка безпощадный
 Заринѣ трепетной, Заринѣ молодой.
 „Нелуско, выслушай: тебѣ подвластна дѣва;
 Но милый Зорапмъ—одинъ любимецъ мой!“
 Отвѣтомъ раздраженъ, затрепетавъ отъ гнѣва.
 Онъ молвилъ: „Я люблю, и я владыка твой!“
 Потомъ съ улыбкою склонясь къ плечу Зарины:
 „Во тьмѣ ночной тебя, красавица, я жду.
 Тамъ у источника полуденной долины...“
 И дѣва горестно воскликнула: приду!
 И удаливъ царя, въ молчаніи уныломъ,
 Ко древу смертному Зарина побрела
 И гласомъ медленнымъ, возсѣвъ подъ манцелиномъ,
 Своей кончины пѣснь, молодая, начала:
 „Приди, приди теперь, Нелуско! въ рощѣ дальной
 Подъ бурей слышится дерево протяжный стонъ.
 Безсонна будетъ ночь любви твоей печальной,
 И будетъ сладостейъ мой непорочный сонъ.
 О, чувство новое, невѣдомая радость!
 Ты ль это, легкій духъ надъвѣздной стороны?
 Ты ль это прилетѣлъ, гонимой дѣвы младость
 Унести съ собою въ края счастливѣйшей весны?...
 Я сберегла тебѣ невинныхъ устъ лобзанье,
 О, юный, милый другъ! мы свидимся съ тобой
 Въ странѣ, гдѣ гордый царь, въ надменномъ упованьѣ,
 Не скажетъ: я люблю, и я владыка твой!“

У Мильвуа это стихотвореніе имѣетъ еще слѣдующее окончаніе: на голосъ Зарины является ей возлюбленный (*Zéphaldi*, котораго Туманскій передѣлалъ въ болѣе благозвучнаго Зораима), спасаетъ ее отъ смерти и заключаетъ съ нею счастливый бракъ, которому „владыка безпощадный“ не осмѣливается воспротивиться, видя рѣшительность юноши и всеобщее къ нему сочувствіе. Этотъ сентиментальный конецъ совершенно ослабляетъ трагическое впечатлѣніе первой части, такъ что, откидывая его, Туманскій обнаружилъ вѣрное поэтическое чутье.

Если мы будемъ сравнивать это стихотвореніе Мильвуа съ „Анчаромъ“ Пушкина, то не можемъ не замѣтить несомнѣнной аналогіи между ними. Во первыхъ, въ основѣ того и другого произведенія лежитъ одна и таже *идея*, идея трагическаго значенія безграничной власти одного человѣка надъ другими, чуждой всякихъ нравственныхъ узъ; и тамъ и здѣсь мы находимъ противопоставленіе господина и раба; и тамъ и здѣсь поэтъ стремится вызвать въ насъ сочувствіе къ „бѣдному рабу“, становящемуся безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ господина, орудіемъ и жертвою его прихотей. Во вторыхъ, въ обоихъ стихотвореніяхъ эта сходная центральная идея связана съ одинаковымъ художественнымъ *образомъ*, именно съ образомъ смертоноснаго дерева. Конечно, какъ въ идеѣ, такъ и въ образѣ есть нѣкоторыя различія:

такъ напр., въ „Анчаръ“ рабъ безпрекословно подчиняется вельнѣю владыки и умираетъ, исполнивъ его приказаніе; у Мильвуа беззащитная дѣвушка стремится самоубійствомъ спастись отъ произвола, выражая этимъ пассивный протестъ противъ попраіія своей личности; однако эти частности не могутъ заслонить передъ нами основныхъ сходныхъ чертъ въ обоихъ стихотвореніяхъ.

Мы, конечно, совершенно далеки отъ мысли, чтобы это сходство можно было бы объяснить заимствованіемъ или подражаніемъ. Всего вѣроятнѣе мы имѣемъ здѣсь дѣло съ бессознательной реминисценціей, произвольно всплывшей въ памяти поэта въ моментъ творческаго вдохновенія. Пушкинъ, конечно, читалъ это стихотвореніе Мильвуа и, быть можетъ, также переводъ его, сдѣланный Туманскимъ, и отъ этого чтенія сохранился въ его памяти, въ видѣ неяснаго воспоминанія, *идея*, вдохновившая Французскаго поэта, и *образъ*, посредствомъ котораго онъ ее выразилъ. Вмѣстѣ съ „всеуничтожающимъ упасомъ“ Байрона, этого было достаточно, чтобы дать толчекъ къ самостоятельному творчеству: Пушкинъ воспользовался скопившимся въ его художественной памяти матеріаломъ, очистилъ какъ идею, такъ и образъ отъ всего частнаго, мелкаго, случайнаго, и такимъ образомъ силою своего творческаго генія изъ блѣдныхъ намековъ, создалъ великолѣпное художественное произведеніе.

VI. Гоголь и Пушкинъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе имѣло для Гоголя его сближеніе съ Пушкинымъ. Между тѣмъ мы до сихъ поръ не имѣемъ еще сколько-нибудь обстоятельнаго изслѣдованія ихъ взаимныхъ отношеній, кромѣ юбилейной рѣчи Тихонравова, которую онъ, къ сожалѣнію, не успѣлъ отдѣлать и расширить для печати. Не задаваясь цѣлью исчерпать въ краткомъ очеркѣ этотъ сложный и важный вопросъ, мы ограничиваемъ пока свою задачу собраніемъ чисто-фактическаго матеріала, долженствующаго служить къ его разрѣшенію и разбросаннаго въ сочиненіяхъ обоихъ писателей.

Впервые имя Пушкина упоминается Гоголемъ въ письмѣ къ отцу еще во время его пребыванія въ Нѣжинскомъ лицѣѣ, въ 1824 году: Гоголь проситъ въ немъ отца прислать ему только что вышедшую въ свѣтъ первую главу *Евгенія Онегина*. Такимъ образомъ уже на школьной скамьѣ будущій писатель, тогда еще пятнадцатилѣтній мальчикъ, интересовался великимъ поэтомъ, бывшимъ въ то время кумиромъ всей молодежи. Нужно однако замѣтить, что съ тѣхъ поръ до самого 1831 года, когда произошло личное знакомство Гоголя съ Пушкинымъ, имя послѣдняго ни разу не упоминается въ его перепискѣ. Впрочемъ въ письмахъ Гоголя изъ эпохи его пребыванія въ Нѣжинѣ и пѣзъ первыхъ лѣтъ Петербургской жизни вообще очень рѣдко встрѣчаются замѣчанія литературнаго характера, такъ что можно предположить, что литературные интересы не играли въ это время въ его жизни преобладающей роли. Самъ Гоголь говорилъ впоследствии въ своей *Авторской*

исповѣди: „Въ тѣ годы, когда я сталъ задумываться о моемъ будущемъ (а задумываться о будущемъ я началъ рано, въ тѣ поры, когда всѣ мои сверстники думали еще объ играхъ), мысль о писателѣ мнѣ никогда не всходила на умъ, хотя мнѣ всегда казалось, что я сдѣлаюсь человѣкомъ извѣстнымъ, что меня ожидаетъ просторный кругъ дѣйствій и что я сдѣлаю даже что-то для общаго добра. Я думалъ просто, что я выслужусь и все это доставить служба государственная. Отъ этого страсть служить была у меня въ юности очень сильна. Она пребывала неотлучно въ моей головѣ впереди всѣхъ моихъ дѣлъ и занятій“.

Мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ искренности и достоверности этого признанія Гоголя. Гоголь, увѣзая съ родины въ Петербургъ, имѣлъ въ виду преимущественно государственную службу, хотя онъ и вывезъ изъ Нѣжина свою неудачную поэмку „Гансъ Кюхельгартенъ“, которую и напечаталъ вскорѣ послѣ прибытія въ столицу. Первые два года прошли въ тщетныхъ усиліяхъ устроиться на службѣ; съ этой цѣлью Гоголь обращался между прочимъ даже къ Булгарину, который рекомендовалъ его Фонъ-Фоку, начальнику 3-го Отдѣленія, гдѣ Гоголь и прослужилъ нѣсколько мѣсяцевъ; впрочемъ этотъ эпизодъ своей біографіи самъ Гоголь впоследствии тщательно скрывалъ даже отъ ближайшихъ друзей ¹⁾. Въ матеріальномъ отношеніи эти годы были для Гоголя очень тяжелы, такъ какъ онъ не имѣлъ постоянного заработка и мало могъ рассчитывать на денежную помощь матери, дѣла которой были очень разстроены. Неудивительно поэтому, что, имѣя много свободнаго времени, онъ сталъ употреблять свой досугъ на литературныя занятія, которыя могли дать ему нѣкоторый заработокъ.

Такимъ образомъ Гоголь вошелъ въ соприкосновеніе съ литературными кругами столицы. Въ самомъ началѣ 1831 года въ *Сверныхъ Цептахъ* и въ *Литературной Газетѣ* барона Дельвига были помѣщены нѣсколько небольшихъ вещей Гоголя. Дельвигъ же, вѣроятно, рекомендовалъ молодого автора Жуковскому и Плетневу, и такимъ образомъ Гоголь вошелъ въ кружокъ ближайшихъ друзей Пушкина. Особенно близкое участіе принялъ въ немъ Плетневъ, доставившій ему мѣсто преподавателя въ Патриотическомъ Институтѣ и частные уроки въ нѣкоторыхъ аристократическихъ домахъ ²⁾. Онъ же, повидямому, и познакомилъ Гоголя съ Пушкинымъ, хотя, къ сожалѣнію, ближайшія обстоятельства ихъ первой встрѣчи намъ остаются неизвѣстными.

Зиму 1831 года Пушкинъ проводилъ въ Москвѣ, гдѣ онъ только-что женился. Въ концѣ Февраля Плетневъ писалъ ему изъ Петербурга: „Надобно познакомить тебя съ молодымъ писателемъ, который общается что-то очень хорошее... Жуковский отъ него въ восторгъ. *Я нетерпѣливо желаю подвести его къ тебѣ подъ благословеніе.* Онъ любитъ науки только для нихъ самихъ, и

¹⁾ Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, 1900 г., кн. 2-я, стр. 613. (Статья проф. А. И. Кирпичникова).

²⁾ Кулишъ. Записки о жизни Н. В. Гоголя. I, 84.

какъ художникъ готовъ для нихъ подвергать себя всѣмъ лишеніямъ. Это меня трогаетъ и восхищаетъ“¹⁾. Въ отвѣтъ на это письмо Пушкинъ писалъ Плетневу въ Апрѣлѣ: „О Гоголѣ не скажу тебѣ ничего, потому что доселѣ не читалъ его за недосугомъ“. Такимъ образомъ въ Апрѣлѣ 1831 года Пушкинъ еще не имѣлъ никакого представленія о Гоголѣ, а въ концѣ Іюня того же года Гоголь проситъ мать свою адресовать письма на имя Пушкина въ Царское Село, для передачи ему. Слѣдовательно знакомство обоихъ писателей произошло въ теченіи этихъ двухъ мѣсяцевъ, вѣроятно всего, согласно предположенію г. Шенрока, въ Маѣ, когда Пушкинъ прожилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, пока отдѣлывалась его квартира въ Царскомъ Селѣ²⁾.

Существуетъ довольно распространенный анекдотъ о первомъ посѣщеніи Пушкина Гоголемъ. Тотчасъ же послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ Гоголь будто-бы отправился къ великому поэту. Часъ дня былъ уже довольно поздній. Съ трепетомъ позвонилъ онъ³⁾ у его двери. „Баринъ еще спитъ“, равнодушно сказалъ ему вышедшій лакей. „Вѣрно всю почъ писалъ?“— „Нѣтъ, всю ночь игралъ въ карты“.

Анекдотъ этотъ, конечно, не имѣетъ никакихъ біографическихъ основаній, хотя онъ не лишенъ нѣкоторой доли характерности. Въ дѣйствительности знакомство Гоголя съ Пушкинымъ произошло гораздо позднѣе, черезъ два съ половиною года послѣ его пріѣзда въ столицу, и явилось естественнымъ слѣдствіемъ его сближенія съ кружкомъ друзей поэта. Это обстоятельство имѣло для Гоголя большое значеніе. Новые знакомые молодого писателя ободрили его начинанія на литературномъ поприщѣ и этимъ рѣшили всю дальнѣйшую его судьбу. До сихъ поръ Гоголь вращался преимущественно въ кругу своихъ земляковъ - Малороссовъ, служившихъ въ разныхъ учрежденіяхъ столицы, людей весьма заурядныхъ, съ недалекими интересами и симпатіями. Теперь онъ вступаетъ въ кружокъ высоко-образованныхъ и развитыхъ лицъ, представлявшихъ собой настоящую „аристократію ума“ и стоявшихъ головою выше окружающаго общества. Центромъ этого кружка, членами котораго были Жуковскій, Плетневъ, кн. Вяземскій, кн. Одоевскій, А. О. Россетъ и др., безспорно являлся Пушкинъ, доминировавшій надъ ними силою своего генія. Понятно, что начинающій писатель, безъ имени, безъ особеннаго образованія, безъ сложившихся взглядовъ, принятый въ кружокъ почти на правахъ равнаго, неминуемо долженъ былъ подчиниться вліянію господствовавшихъ въ кружкѣ мнѣній, симпатій, интересовъ. Кругозоръ его сразу значительно расширяется, онъ начинаетъ сознательнѣе относиться къ литературнымъ явленіямъ и яснѣе прозрѣвать свое истинное призваніе. Это непосредственно отражается на его перепискѣ, въ которой чаще чѣмъ прежде затрогиваются литературныя темы, упоминаются имена современныхъ и преж-

¹⁾ Сочиненія П. А. Плетнева, изд. Я. Грота. III, 366.

²⁾ В. И. Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Москва, 1892. Т. I, стр. 345.

³⁾ Т. е. постучался: звонки у дверей велись много позднѣе. П. Б.

нихъ писателей, приводятся цитаты изъ Пушкина и другихъ поэтовъ. Такимъ образомъ передъ Гоголемъ открывается какъ-бы новый міръ съ новыми и болѣе высокими интересами, свѣтлый міръ искусства, куда уже давно звало его изъ душныхъ канцелярій врожденное стремленіе творческаго генія. Первые впечатлѣнія этого новаго міра наполняютъ его восторгомъ. „Мнѣ кажется, пишетъ онъ Жуковскому, что теперь воздвигается огромное зданіе чисто-Русской поэзіи. Страшные граниты положены въ фундаментъ, и тѣже самые зодчіе выведутъ и стѣны, и куполь, на славу вѣкамъ! Да поклоняются потопки и да имутъ мѣсто, гдѣ возносятся умиленныя молитвы свои. Какъ прекрасенъ удѣлъ вашъ, великіе зодчіе!“

Литературные взгляды Гоголя сложились несомнѣнно подъ вліяніемъ кружка Пушкина и преимущественно подъ вліяніемъ самого великаго поэта, и этимъ взглядомъ Гоголь оставался вѣренъ до конца ¹⁾. Пушкинъ въ эту эпоху вступалъ въ послѣднюю заключительную есадію своего развитія. Извѣстно, что Петербургскій періодъ его жизни отмѣченъ преобладаніемъ прозаическаго творчества надъ стихотворнымъ: именно въ эти годы были написаны „Повѣсти Бѣлкина“, Капитанская дочка“, „Дубровскій“, и др. произведенія, въ которыхъ Пушкинъ вступилъ на путь реального и трезваго изображенія Русской жизни и Русскихъ людей. Но произведенія эти уже не имѣли того успѣха среди публики и критики, какой нѣкогда имѣли его байроническія поэмы. Публика, увлеченная блестящими побрякушками Марлинскаго и Кукольника, не сумѣла одѣннить ихъ художественную простоту: между нею и нѣкогда любимымъ поэтомъ произошло чувствительное охлажденіе, впрочемъ весьма естественное, такъ какъ Пушкинъ сдѣлалъ громадный шагъ впередъ въ своемъ развитіи, между тѣмъ какъ публика, а съ ней вмѣстѣ и критика, въ лицѣ Полевого, остановились на той-же ступени, на которой стояли десять лѣтъ назадъ. Гоголь также заплатилъ свою дань господствующему вкусу въ „Гансѣ Кюхельгартенѣ“ и отчасти въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“, въ которыхъ романтическіе элементы все еще являются преобладающими, и только могущественный примѣръ Пушкина указалъ ему его настоящую дорогу.

Въ эпоху знакомства съ Пушкинымъ Гоголь какъ разъ работалъ надъ созданіемъ своихъ „Вечеровъ“. Когда этотъ литературный первенецъ Гоголя наконецъ вышелъ въ свѣтъ, въ Августѣ 1831 года, Пушкинъ отъ души привѣтствовалъ его появленіе. „Сейчасъ прочелъ *Вечера близъ Диканьки*, писалъ онъ Воейкову. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Поздравляю публику съ истинно-веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ“ ²⁾.

¹⁾ Сравни Тихонравова, Сочиненія, т. III, ч. 2. стр. 191 и сл.

²⁾ Сочиненія. Изд. Литерат. Фонда. VII, 287.

Изъ этого письма видно, какъ тепло отнесся Пушкинъ къ молодому писателю. О степени ихъ дружескаго сближенія мы имѣемъ свидѣтельство самого Гоголя, который въ письмѣ къ своему другу Данилевскому отъ 2 Ноября 1831 г. говоритъ между прочимъ: „Все лѣто я прожилъ въ Павловскѣ и въ Царскомъ Селѣ. Почти каждый вечеръ собирались мы: Жуковский, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестей вышло изъ-подъ пера этихъ мужей! У Пушкина повѣсть, октавами писанная: „Кухарка“, въ которой вся Коломна и Петербургская природа живая. Кромѣ того сказки народныя Русскія, не то что „Русланъ и Людмила“, но совершенно Русскія. Одна писана даже безъ размѣра, только съ римами, и прелестъ невообразимая“¹⁾. Такимъ образомъ Пушкинъ тотчасъ же послѣ знакомства съ Гоголемъ сталъ посвящать его въ тайны своего творчества, читая ему свои новыя, еще не напечатанныя произведенія. Со своей стороны Гоголь посвящалъ его во все свои литературные планы и все написанное имъ прежде всего представлялъ на его судъ. По собственнымъ его словамъ, ни одной строчки не выпускалъ онъ безъ предварительной цензуры Пушкина. Такъ напр., издавая „Арабески“, онъ даже предисловіе къ этой книгѣ счелъ необходимымъ послать на просмотръ Пушкину, прося его „поправить“ по своему усмотрѣнію²⁾.

Мы нарочно сдѣлали выписку изъ того письма Гоголя, гдѣ онъ съ такимъ восхищеніемъ говоритъ о „Домикѣ въ Коломнѣ“. Конечно, это произведеніе Пушкина не представляетъ особыхъ поэтическихъ достоинствъ; но оно интересно въ томъ отношеніи, что рисуетъ въ правдивой картинѣ бытъ мелкаго Петербургскаго люда, входя такимъ образомъ въ сферу, истиннымъ бытописателемъ которой явился впоследствии Гоголь. И вѣроятно не безъ непосредственнаго вліянія Пушкина задумалъ Гоголь рядъ своихъ Петербургскихъ повѣстей. До сихъ поръ онъ бралъ свои сюжеты изъ быта Украйны, поэтизируя этотъ бытъ и рисуя яркія картины Украинской природы, такъ что въ изображеніи его всегда чувствовалась влюбленная въ свою родину душа художника. Но настоящая сила его заключалась въ реальномъ воспроизведеніи жизни, на которое указывалъ ему и примѣръ Пушкина.

Впервые эта способность Гоголя къ бытовому реализму проявляется въ „Миргородѣ“, напр. въ изображеніи Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ. Последняя повѣсть особенно понравилась Пушкину; въ небольшой замѣткѣ, помѣщенной въ „Современникѣ“, онъ называетъ ее „трогательною идилліей, заставляющей смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія“³⁾. Въ этомъ мимоходомъ брошенномъ Пушкинымъ замѣчаніи мы впервые встрѣчаемъ мѣткое опредѣленіе самой сущности Гоголевскаго юмора, заключающейся въ его взглядѣ на жизнь „сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“.

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя. Изд. Маркса. Т. I, стр. 196.

²⁾ Тамъ же, стр. 329.

³⁾ Сочиненія, т. V, стр. 292.

Пушкинъ интересовался Гоголемъ не только какъ писателемъ, но принималъ также близкое участіе и въ его личной судьбѣ. Такъ, благодаря главнымъ образомъ его хлопотамъ передъ Уваровымъ (съ которымъ Пушкинъ находился въ то время еще въ хорошихъ отношеніяхъ) Гоголь получилъ кафедру исторіи въ Петербургскомъ Университетѣ. Въ Октябрѣ 1834 года Пушкинъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ посѣтилъ одну изъ лекцій Гоголя, во время которой онъ прочелъ свою блестящую статью объ Аль-Мамунѣ, вошедшую впоследствии въ „Арабески“. Впрочемъ Гоголь оказался на университетской кафедрѣ, какъ извѣстно, не на своемъ мѣстѣ: у него не было достаточной спеціальной подготовки, не было даже необходимаго знанія языковъ, и сверхъ того онъ не обладалъ выдержкою характера, которая бы позволила ему систематически пополнить пробѣлы своего образованія и выработать изъ себя настоящаго университетскаго преподавателя. Дѣло кончилось тѣмъ, что по истеченіи года Гоголь принужденъ былъ оставить кафедру и выйти въ отставку.

Пушкинъ ввелъ Гоголя и въ литературный салонъ А. О. Смирновой, гдѣ собирався весь Пушкинскій кружокъ. Смирнова говоритъ между прочимъ въ своихъ „Запискахъ“ о томъ глубокомъ благоговѣніи, съ какимъ относился Гоголь ко всякому слову Пушкина, такъ что онъ нерѣдко вносилъ въ свою записную книжку слышанныя имъ замѣчанія изъ разговоровъ поэта съ его друзьями. Пушкинъ руководилъ также и чтеніемъ Гоголя, советуя ему прочесть тѣхъ или другихъ авторовъ и вводя его такимъ образомъ въ сокровищницу мировой литературы, съ которой Гоголь до тѣхъ поръ былъ знакомъ очень поверхностно*). Впоследствии Смирнова, по просьбѣ Пушкина, дѣятельно хлопотала передъ Государемъ за „Ревизора“, когда многіе вліятельные представители Петербургской бюрократіи старались воспрепятствовать постановкѣ комедіи на сцену.

Примкнувъ такъ близко къ Пушкинскому кружку, Гоголь тѣмъ самымъ занялъ вполне опредѣленное положеніе въ группировкѣ современныхъ литературныхъ партій. Руководящую роль игралъ въ эту эпоху въ Русской журнальной литературѣ печальной памяти „тріумvirатъ“ Булгарина, Греча и Сенковского. Завладѣвъ наиболее распространенными періодическими изданіями, они имѣли полную возможность оказывать сильное вліяніе на общественное мнѣніе. Лишенные всякихъ твердыхъ убѣжденій и даже прочныхъ взглядовъ, члены этого литературнаго тріумvirата руководствовались въ своей дѣятельности одними личными расчетами, дѣйствуя при этомъ съ крайней наглостью и беззащѣтностью. Пушкинскій кружокъ, конечно, относился къ „тріумvirату“ совершенно отрицательно; но бороться противъ него ему долгое время было невозможно, такъ какъ по смерти барона Дельвига въ его рукахъ не было больше литературнаго органа, въ которомъ можно было бы проводить свои взгляды.

*) Записки А. О. Смирновой. С.-Петербургъ, 1895. Стр. 138.

Пушкинъ живо чувствовалъ униженное положеніе литературы, отданной во власть журнальнымъ монополистамъ, и неоднократно помышлялъ объ основаніи собственнаго органа. Сперва онъ собирался издавать политическую газету и даже получилъ на это въ 1833 году разрѣшеніе, но затѣмъ оставилъ этотъ планъ и основалъ чисто-литературный журналъ „Современникъ“, первый номеръ котораго вышелъ въ Апрѣль 1836 года. Понятно, что Гоголь сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ сотрудниковъ Пушкинскаго журнала и уже въ первомъ номерѣ напечаталъ большую критическую статью: „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году“. Статья эта, написанная съ большимъ полемическимъ блескомъ, всецѣло была направлена противъ представителей „тріумвирата“, разоблачая ихъ полную безпринципность и самодовольное невѣжество. Въ ней Гоголь явился выразителемъ литературныхъ мнѣній Пушкинскаго кружка, такъ что она представляла собою нѣкоторымъ образомъ *profession de foi* новаго журнала. Къ сожалѣнію, за этой первой критической статьёю Гоголя не послѣдовало продолженія, такъ какъ въ скоромъ времени Гоголь уѣхалъ за границу. За то въ „Современникѣ“ было помѣщено нѣсколько его рассказовъ („Ночь“, „Коляска“) и цѣлый рядъ небольшихъ критическихъ замѣтокъ и рецензій.

Восхищаясь мелкими произведеніями Гоголя, Пушкинъ въ тоже время неоднократно побуждалъ его приняться за какую-нибудь крупную литературную работу. Онъ, по словамъ самого Гоголя (въ „Авторской Исповѣди“), заставилъ его серьезнѣе и сознательнѣе чѣмъ прежде взглянуть на свое писательство, которое до тѣхъ поръ было для него инстинктивной потребностью или простою забавой. Пушкинъ же далъ Гоголю сюжеты крупнѣйшихъ его произведеній „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“. Сюжеты эти такъ понравились Гоголю, что онъ тотчасъ же принялся за работу. Въ Октябрѣ 1835 года онъ сообщалъ Пушкину: „Началъ писать Мертвыхъ Душъ. Сюжетъ растянулся на предлинный романъ и, кажется, будетъ сильно смѣшонъ. Но теперь остановилъ его на третьей главѣ. Ищу хорошаго ябедника, съ которымъ бы можно коротко сойтись. Мнѣ хочется въ этомъ романѣ показать хотя съ одного боку всю Россію“¹⁾. Эти первоначальные наброски будущей поэмы Гоголь читалъ Пушкину, у котораго чтеніе это вызвало извѣстное скорбное восклицаніе. Къ сожалѣнію до насъ не дошелъ собственный отзывъ Пушкина о „Ревизорѣ“, такъ какъ онъ не исполнилъ своего обѣщанія поговорить о немъ въ „Современникѣ“. Но по свидѣтельству Смирновой, у которой происходило первое чтеніе комедіи, она произвела на Пушкина весьма сильное впечатлѣніе, и онъ тотчасъ же оцѣнилъ ея великое общественное значеніе²⁾.

Вскорѣ послѣ постановки „Ревизора“ на сцену Гоголь, въ Іюнѣ 1836 года, уѣхалъ за границу. Здѣсь же, именно въ Римѣ, получилъ онъ извѣстіе о смерти Пушкина. Оно страшно поразило его, особенно благодаря своей пол-

¹⁾ Письма Гоголя, I, 353.

²⁾ Записки Смирновой, стр. 314.

ной неожиданности. Вотъ что писалъ онъ подъ первымъ впечатлѣніемъ тяжелой потери, въ концѣ Марта 1837 года М. П. Погодину изъ Рима: „Моя утрата всѣхъ больше. Ты скорбишь какъ Русскій, какъ писатель, я... я и сотой доли не могу выразить моею скорби. Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Мои свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собою только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки... Мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой ¹⁾ есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ, и ни одна строка его не писалась безъ того, чтобы онъ не являлся въ то время очамъ моимъ. Я тѣшилъ себя мыслью, какъ будетъ доволенъ онъ, угадывалъ, что будетъ нравиться ему, и это было моею вышешю, первою наградою. Теперь этой награды нѣтъ впереди! Что трудъ мой? Что теперь жизнь моя? ²⁾ Только потерявъ своего друга и руководителя. Гоголь съ полной силой уразумѣлъ, какое великое значеніе имѣлъ для него Пушкинъ. Вся душа его была потрясена этой потерей. „О, Пушкинъ, Пушкинъ! Какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни, и какъ печально было мое пробужденіе!“ восклицалъ онъ полгода спустя въ письмѣ къ Жуковскому ³⁾. вмѣстѣ съ Пушкинымъ исчезло для него изъ жизни самое свѣтлое воспоминаніе; съ его смертью кончилась для Гоголя молодость и наступила темная полоса жизни, годы упорнаго, тяжелаго труда, не дававшего ему полного удовлетворенія, годы непрестанныхъ скитаній, преждевременныхъ болѣзней и жестокихъ нравственныхъ мученій.

Гоголь принадлежалъ къ числу немногихъ современниковъ Пушкина, еще при жизни поэта ясно понимавшихъ великое національное значеніе его поэзіи. Какъ уже было замѣчено раньше, съ начала 30-хъ годовъ между Пушкинымъ и Русскимъ обществомъ начинается весьма замѣтное охлажденіе. До тѣхъ поръ пока Пушкинъ создавалъ картинныхъ героевъ своихъ байроническихъ поэмъ, съ ихъ красивой разочарованностью, публика восторгалась и зачитывалась имъ; но когда онъ, развѣчивавъ въ лицѣ Онѣгина „Москвичей въ Гарольдовомъ плащѣ“, перешелъ къ простому воспроизведенію простой Русской дѣйствительности, публика, не способная еще оцѣнить внутренней красоты новыхъ произведеній Пушкина и понять глубокое значеніе новаго направленія его творчества, отвернулась отъ поэта и обратила свои симпатіи къ писателямъ льстившимъ вкусамъ толпы, къ Кукольникову и Марлинскому, съ ихъ ходульными героями и ложнымъ пафосомъ. Поворотъ этотъ ясно сказался въ холодномъ, почти враждебномъ приѣмѣ, какой встрѣтили въ публикѣ и въ критикѣ его наиболѣе зрѣлыя произведенія: послѣднія главы „Онѣгина“, „Борисъ Годуновъ“, „Полтава“ и др. Только

¹⁾ Т. е. „Мертвыя Души“, надъ которыми онъ работалъ за границей.

²⁾ Письма Гоголя. I, 434.

³⁾ Тамъ же, стр. 459.

немногіе истинные цѣнители прекраснаго не дали себѣ увлечь ложному вусу толпы и привѣтствовали новое направленіе Пушкинской поэзіи въ качествѣ перваго проявленія самобытности въ Русской литературѣ, и въ числѣ этихъ немногихъ однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ поклонниковъ великаго поэта несомнѣнно былъ Гоголь.

Тотчасъ послѣ выхода въ свѣтъ „Бориса Годунова“ въ концѣ 1830 года, Гоголь написалъ небольшую статью, въ которой онъ съ восторгомъ привѣтствовалъ появленіе безсмертной трагедіи Пушкина. Несмотря на юношескую невѣрность этой статьи, несмотря на то что самъ Гоголь въ эту пору не чуждъ былъ романтическихъ вѣяній, отразившихся и въ формѣ и въ содержаніи статьи, она несомнѣнно является доказательствомъ художественнаго чутія Гоголя и показываетъ, какъ рано сложились въ немъ тѣ симпатіи къ самобытному направленію Русской литературы, которымъ онъ оставался вѣренъ до конца. Даже громкая слава и успѣхъ современныхъ любимцевъ публики не смутили его, и онъ не переставалъ крайне скептически относиться къ Кукольникову, которому онъ далъ за его дѣланный паеосъ очень мѣткое прозвище „возвышеннаго“.

Но два года спустя взглядъ Гоголя настолько расширился и окрѣпъ, что онъ уже съ полной сознательностью могъ измѣрять національное значеніе Пушкинской поэзіи. Гоголь первый далъ *общую* оцѣнку Пушкина какъ *національнаго* поэта, тогда какъ до тѣхъ поръ критики большей частью толковали лишь о частностяхъ его поэтическаго творчества. Поэтому эта статья Гоголя приобретаетъ для насъ особенный интересъ, такъ какъ она отражаетъ въ себѣ взгляды Гоголя на нашего великаго поэта, какъ они сложились въ немъ еще вначалѣ ихъ знакомства, задолго до выѣзда за границу. Статья эта, написанная еще въ 1832 году, была впервые напечатана въ первомъ томѣ „Арабесокъ“, вышедшихъ въ концѣ 1834 года. Уже самое начало ея указываетъ ясно на основную мысль автора: „При имени Пушкина, пишетъ онъ, тотчасъ осянаетъ насъ мысль о Русскомъ національномъ поэтѣ... Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе Русскаго духа: это Русскій человѣкъ въ конечномъ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ Русская природа, Русская душа, Русскій языкъ, Русскій характеръ отразились въ такой чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла“. При этомъ Гоголь совершенно чуждъ того поверхностнаго взгляда на націонализмъ, который обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на внѣшнія формы. „Истинная національность, говоритъ онъ, состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами в его народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами“.

Далѣ Гоголь весьма справедливо указываетъ на причину охлажденія большой публики къ Пушкину, которая заключалась въ неразвитости вкуса толпы, требовавшей отъ поэта яркихъ, кричащихъ красокъ и внѣшнихъ эффектовъ. Вотъ отчего такъ нравились публикѣ первыя поэмы, дѣйствіе которыхъ развивается на картинномъ фонѣ роскошной южной природы, среди величественныхъ Кавказскихъ горъ и безконечныхъ степей Бессарабіи; но когда поэтъ сталъ рисовать обыденную Русскую дѣйствительность, во всей ея простотѣ, онъ сразу утратилъ симпатіи большой публики, находившей его описанія неинтересными и даже тривиальными. Возражая противъ этого близорукаго взгляда, Гоголь пишетъ: „Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный какъ воля, гораздо ярче какого-нибудь засѣдателя и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаясь въ ущельѣ, однакоже онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выравокъ, пустилъ по міру множество крѣпостныхъ и свободныхъ душъ. Но тотъ и другой, они оба, явленія принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по весьма естественной причинѣ то, что мы рѣже видимъ, всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе“. Переходъ Пушкина къ реальному изображенію будничной Русской жизни и простыхъ Русскихъ типовъ произошелъ раньше чѣмъ современники его могли оцѣнить и понять значеніе этого перехода. Стоя головою выше ихъ, онъ силою своего генія предупредилъ медленное развитіе литературныхъ теченій. Онъ является истиннымъ насадителемъ реализма въ Русской литературѣ и въ этомъ отношеніи прямымъ наставникомъ Гоголя: такъ по крайней мѣрѣ всегда смотрѣлъ на него самъ Гоголь, считавшій себя прямымъ продолжателемъ его традицій, видѣвшій въ своей работѣ надъ „Мертвыми Душами“ какъ-бы исполненіе „священнаго завѣщанія“ Пушкина *). И если знаменитое произведеніе Гоголя тотчасъ послѣ своего появленія завоевало себѣ симпатію образованнаго общества, то это объясняется тѣмъ, что къ этому времени публика въ значительной степени уже успѣла разочароваться въ своихъ прежнихъ любимцахъ, и что новое литературное направленіе нашло себѣ наконецъ талантливаго и убѣжденнаго истолкователя въ лицѣ Бѣлинскаго. Ничего этого еще не было десять лѣтъ тому назадъ, когда писалась статья Гоголя: оттого общество отнеслось съ такимъ непониманіемъ къ послѣднимъ самобытнымъ произведеніямъ Пушкина, требуя отъ поэта того, чего онъ уже не хотѣлъ и не могъ давать. „Сочиненія Пушкина, гдѣ дышетъ у него Русская природа, такъ же тихи и безпорывны, какъ и Русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понять тотъ, чья душа носитъ въ себѣ чисто-русскіе элементы, кому Россія родина, чья душа такъ нѣжно организована и развилась въ чувствахъ, что способна понять неблестящія съ виду

*) Такъ онъ самъ выражается въ письмѣ къ Жуковскому отъ 6 Апрѣля 1837 года изъ Рима. (Письма, т. I, стр. 441).

Русскія пѣсни и Русскій духъ; потому что чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина“. Этою способностью „изъ обыкновеннаго извлекать необыкновенное“ въ высокой степени былъ одаренъ самъ Гоголь, умѣвшій „вызывать наружу то, что ежеминутно передъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи“, но примѣнять эту способность прежде всего научилъ его Пушкинъ.

Мы не станемъ касаться прекрасной статьи Гоголя о Русской поэзіи въ *Перепискѣ съ друзьями*, въ которой онъ снова въ краткихъ, но мѣткихъ чертахъ характеризуетъ сущность Пушкинской поэзіи и значеніе новаго направленія, внесеннаго имъ въ Русскую литературу, такъ какъ сказаннаго вполне достаточно для опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній. Мы знаемъ, съ какимъ благоговѣніемъ относился Гоголь къ великому поэту, какъ бережно хранилъ впоследствии всякое воспоминаніе о немъ. И такое отношеніе къ нему станетъ вполне понятнымъ, если мы вспомнимъ, какое великое значеніе имѣлъ Пушкинъ въ исторіи развитія Гоголя: онъ научилъ его сознательно смотрѣть на свою литературную дѣятельность, онъ помогъ Гоголю *найти самую себя*, онъ далъ сюжеты для произведеній, наиболѣе прославившихъ его имя; наконецъ, онъ своимъ примѣромъ указалъ ему тотъ путь, по которому нужно было идти и который впоследствии далъ Русской словесности *мировыхъ* писателей: Толстого и Достоевскаго. Поэтому преждевременная смерть Пушкина имѣла для Гоголя роковое значеніе. Она оставила въ его жизни ничѣмъ не заполнимую пустоту, такъ какъ Пушкинъ одинъ только своимъ вліяніемъ могъ бы умиротворять мятушуюся въ болѣзненныхъ порывахъ душу Гоголя и предохранять его отъ гибельныхъ крайностей, къ которымъ онъ былъ склоненъ.

В. Саводникъ.

КЪ СТОЛѢТІЮ СО ДНЯ РОЖДЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА.

Со дня рожденія А. С. Хомякова исполняется 1 Мая текущаго года сто лѣтъ, а сорокъ-четыре года со дня его кончины истекутъ 23 Сентября. Въ такой продолжительный срокъ, кажется, могъ бы вполне завершиться процессъ уясненія его значенія въ исторіи нашего просвѣщенія, а еще прежде того— вполне установиться самое пониманіе его ученія. Однако ни то ни другое далеко еще не закончено. Если бы его умственный трудъ оказался неплодотворнымъ, то за этотъ же періодъ успѣли бы и забыть о немъ какъ о мыслителѣ, отнеся его къ разряду лишь болѣе или менѣе даровитыхъ поэтовъ первой половины XIX столѣтія и въ этомъ качествѣ сохранить за нимъ право на память потомства. Однако дѣло обстоитъ совершенно не такъ: ученіе Хомякова и его друзей не только не „осуждено какъ пережитой моментъ“, хотя это выраженіе охотно повторяютъ при всѣхъ возможныхъ случаяхъ тѣ, которые желали бы видѣть его дѣйствительно-сданнымъ въ архивъ; но наоборотъ оно только теперь серьезно начинаетъ входить въ мыслительный обиходъ нашего общества, что доказывается какъ непрекращающейся, а все увеличивающейся ученой литературой о немъ (что можно видѣть хотя бы изъ книги профессора Завитневича), такъ и особенно непрестающимъ и растущимъ спросомъ на его сочиненія, нелегкія для чтенія. Скорый успѣхъ не всегда доказываетъ глубину произведеннаго воздѣйствія на умы. Можно сказать вѣдѣтъ съ повтомъ:

„Знай, кто Божье слово светъ,
Что, какъ древесное зерно,
Оно незримо, тихо зрѣетъ,
И всходитъ медленно оно“.

Все неподлежащее „прехожденію“ въ области мысли и слова можетъ быть до нѣкоторой степени почитаемо причастнымъ тому, что въ болѣе точномъ смыслѣ почитается „Божьимъ словомъ“. И. С. Аксаковъ, въ приведенныхъ выше стихахъ, имѣлъ въ виду именно слово Божье въ этомъ самомъ смыслѣ. Все яснѣе становится, что ученію т. н. Славянофильскому (точнѣе православно-Русскому) предстоитъ непреходящее значеніе въ умственной жизни православно-Русскаго народа; посему сторонникамъ онаго отраднѣе отмѣчать всякое новое явленіе въ нашей ученой литературѣ, подтверждающее законность тако-го въ нихъ убѣжденія.

Недавно появился истинно-монументальный трудъ о Хомяковѣ В. З. Завитневича. Въ немъ кромѣ чисто-научной разработки какъ жизни, такъ

и ученія Хомякова (сочиненіе не кончено; пока вышло лишь два объема-стыхъ тома) есть еще и обширныя разсужденія самого автора о смыслѣ и пониманіи (а даже подчасъ критика) писаній Хомякова. Но до сихъ поръ еще никто не бралъ на себя задачи, усвоивъ взглядъ Хомякова на тотъ или другой вопросъ, входящій т. с. эпизодически въ его систему, постараться развить его до возможной полноты и точности, до такой разработки, при которой отвлеченное положеніе получило бы полную конкретность въ оболочкѣ почти совершенной осуществимости. Такихъ вопросовъ, разрѣшенныхъ по существу, но специально не разработанныхъ, въ сочиненіяхъ Хомякова можно встрѣтить очень много. Въ сущности онъ обработалъ вполне лишь то, на чемъ зиждется все мировоззрѣніе его: Православіе, какъ вѣрученіе церкви и какъ основа Русскаго просвѣщенія. Но съ этимъ свѣточемъ въ рукахъ онъ освѣщалъ почти всѣ вопросы, которые можетъ задать себѣ мыслящій человекъ, желающій понять историческія судьбы человѣчества въ прошедшемъ и настоящемъ и извлечь изъ нихъ назиданіе для будущаго. Въ этомъ заключается отличительная черта его ученія: оно всесторонне, т. е. оно не оставляетъ внимательнаго читателя въ невѣдѣніи, какъ смотрѣть на то или другое явленіе съ точки зрѣнія имъ избранной. Раздѣляете ли вы или нѣтъ его основное пониманіе, но вы въ точности можете сказать, какъ онъ смотрѣлъ на самые разнообразныя вопросы жизни, пользуясь этимъ либо для вѣщаго себя назиданія, либо для критики его положеній; неясности, недосказанности, невѣдержанности въ примѣненіи излюбленнаго имъ начала—нигдѣ у него нѣтъ. Но изъ этого не слѣдуетъ конечно, что вопросы, освѣщенные свѣтомъ „его пониманія“, не требуютъ еще большей детальной разработки. Наоборотъ: они напрашиваются на таковую, дабы путемъ этой разработки, расклубленія, сдѣлаться удобоусвояемыми для тѣхъ, кто не можетъ довольствоваться однимъ, хотя и очень яснымъ, общимъ указаніемъ началъ. Можно сказать болѣе: чѣмъ мысль и ученіе глубже, тѣмъ болѣе они не только допускаютъ, но требуютъ дальнѣйшей разработки. Какъ бы ни было, кажется, разработано авторомъ ученіе: если оно дѣйствительно глубоко, то никогда оно не исчерпается. Платонъ и Аристотель до сихъ поръ гораздо больше даютъ пищи для мысли и разработки, чѣмъ многіе, жившіе вѣками поздиѣ. Повидимому А. С. Хомяковъ строго выработалъ свое ученіе о православіи и православномъ пониманіи; но и оно несомнѣнно только тогда можетъ быть признано вполне глубокимъ и вѣрнымъ, когда изъ него можно будетъ извлекать все новыя и новыя приложенія ко всѣмъ явленіямъ, входящимъ въ область вѣчно развивающейся жизни. Тѣмъ болѣе даютъ пищи для разработки такъ сказать побочныя, прикладныя стороны его ученія.

Построить полную схѣму пониманія по отдѣльному вопросу на основаніи указаній, находящихся въ сочиненіяхъ Хомякова — такой опытъ впервые взятъ произвести по отдѣлу этико-соціальному профессоръ Л. Е. Владимировъ: изданная имъ недавно книга „А. С. Хомяковъ и его этико-соціальное ученіе“ уже интересна по самой своей задачѣ. У излюбленнаго

имъ автора онъ не могъ найти систематическаго изложенія ученія объ этикѣ въ связи съ таковымъ же объ общественномъ устройствѣ народной жизни. Въ сочиненіяхъ Хомякова разбросаны во многихъ мѣстахъ отдѣльныя замѣчанія по вопросу о народѣ, обществѣ и государствѣ въ разныхъ ихъ проявленіяхъ; есть даже цѣлая статья, озаглавленная „о юридическихъ вопросахъ“; но все таки выводъ объ его этико-соціальномъ ученіи можно было сдѣлать лишь на основаніи сопоставленія отдѣльныхъ изреченій, разбросанныхъ по всѣмъ томамъ сочиненій Хомякова; для чего прежде всего требовалось такое ознакомленіе съ ними, которое можно опредѣлить иностраннымъ словомъ „прощудированіе“ (У насъ подходящаго Русскаго слова, кажется, нѣтъ; да и рѣдко встрѣчается въ нашемъ образованномъ обществѣ наклонность къ тому, что этимъ словомъ выражается). Намъ думается, что если бы читатели глубже вникали въ такія книги, которыя подобно сочиненіямъ Хомякова требуютъ не одного добросовѣстнаго перелистыванія, судьбы этихъ сочиненій давно выразились бы въ томъ видѣ, который только теперь начинаетъ обрисовываться, и какъ похвала, такъ и критика давно приняли бы болѣе серьезный характеръ.

Изъ отдѣльныхъ замѣчаній Хомякова проф. Владимировъ составилъ полную систему построенія общества на началахъ христіанской этики; онъ почелъ возможнымъ развить ее до освѣщенія ею самыхъ разнообразныхъ сторонъ въ организаціи христіанскаго государства и уясненія строя таковаго же общества. Его книга не есть только изложеніе ученія избраннаго имъ автора, возсозданное изъ сопоставленія разбросанныхъ частей „сочиненій“: это трудъ болѣе чѣмъ просто экзегетическій, такъ какъ въ немъ отведено широкое мѣсто для „почти творческихъ“ дополненій отъ самого составителя книги. Онъ не только возсоздаетъ Хомякова, но онъ строитъ „свое“ на почвѣ Хомяковскаго ученія. Это-то и дѣлаетъ книгу особенно интересной: ибо этимъ дается примѣръ того, какъ можетъ широко развиваться, въ виду новыхъ запросовъ жизни, то, что было высказано какъ принципъ, какъ общее положеніе при условіяхъ жизни иныхъ, чѣмъ теперешня. Если этотъ принципъ не утратилъ способности примѣнимости къ возможному на основаніи его дальнѣйшему построенію, то этимъ будетъ доказано и его непреходящее значеніе.

Въ одномъ мѣстѣ своей книги проф. Владимировъ упоминаетъ о любопытномъ произведеніи К. С. Аксакова „О современномъ человѣкѣ“ и выражается о немъ такъ: „Это самобытная работа, устарѣвшая въ подробностяхъ *), но животрепещущая въ основныхъ идеяхъ. Вотъ образецъ мысленнаго труда непреходящаго по своему основному смыслу“. Дѣйствительно, это произведеніе Аксакова могло бы тоже послужить для переработки, примѣнительно къ современному состоянію человѣчества, и оно оказалось бы послѣ такого расклубленія еще болѣе многозначительно, чѣмъ оно есть въ своемъ теперешнемъ видѣ. Можетъ быть, и указанное г. Владимиро-

---

*) Кажется, что вѣрнѣе было бы сказать, что она писана при условіяхъ общественныхъ, во многомъ недоразвившихся до современныхъ.

вымъ сочиненіе дождется въ свою очередь такого же процесса дальнѣйшей разработки своихъ основныхъ мыслей, какой примененъ имъ къ одной изъ сторонъ ученія А. С. Хомякова. Указываемъ на сдѣланное проф. Владимировымъ замѣчаніе для поясненія задачи, взятой имъ на себя по части Хомякова: онъ напелъ въ немъ „животрепещущія идеи“ по части своей ученой спеціальности и потщился придать имъ ту цѣлость и завершенность, которая нужна, чтобы изъ высказанныхъ принциповъ получилась цѣлая, ясная картина того, въ какомъ видѣ эти принципы могли бы найти себѣ наглядное выраженіе. Такова была задача автора книги „Хомяковъ и его этико-соціальное ученіе“. Близкое повидимому знакомство пр. Владимирова съ Англіей и ея ученой литературой дало его труду одно достоинство, и весьма большое, которымъ отличаются почти все произведенія Англійскаго научнаго ума, и очень рѣдкое у насъ: его книга вполне ясна и проработана, такъ сказать, „насквозь“. Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшей неясности; и благодаря этому, самая структура книги поражаетъ своей органической расчлененностью: она вся состоитъ изъ мелкихъ отдѣловъ, соответствующихъ составнымъ частямъ разсужденія. Вы всегда имѣете въ рукахъ нить мысли автора, всегда знаете въ точности, какъ и что онъ въ данномъ мѣстѣ думаетъ. Такая ясность построенія находится въ тѣсной связи конечно съ ясностью пониманія; она же указываетъ и на то, что авторъ желаетъ дать, какъ сочувствующимъ читателямъ возможность свободно ориентироваться въ его книгѣ, такъ и оппонентамъ такую же избирать для нападенія положенія, которыя имъ самимъ вполне конкретированы и не только не нуждаются для цѣлей защиты въ благодѣтельной иногда туманности, но наоборотъ, такъ сказать, прямо напрашиваются на смѣлое нападеніе.

Профессоръ Владимировъ извѣстенъ многими учено-литературными трудами. Предпослѣднее его ученое произведеніе озаглавлено „Уголовный законодатель, какъ воспитатель народа“. Книга эта, какъ болѣе или менѣе спеціальнаго характера, подлежитъ оцѣнкѣ спеціалистовъ же и, можетъ быть, она вызвала уже таковыя оцѣнки. Разматривая ее съ общей стороны, въ ней можно было найти лишь одинъ пробѣлъ: въ ней недоставало изложенія взгляда автора на государство, безъ чего оставалось какъ бы недосказаннымъ, чѣмъ оправдывается роль законодателя, какъ воспитателя народа. Явно, что роль законодателя тѣсно связана съ характеромъ государства, на пользу котораго онъ призванъ дѣйствовать. Настоящая книга въ этомъ отношеніи вполне дополняетъ предшествующую ей. Государство, какъ его опредѣляетъ Л. Е. Владимировъ по принципамъ этико-соціальнаго ученія Хомякова, вполне узаконяетъ за уголовнымъ законодателемъ роль, „воспитателя народа“, такъ какъ по его программѣ государственнаго дѣйствованія этические цѣли всегда и во всемъ должны быть главными „руководящими мотивами“.

Новой книгѣ профессора Владимирова нельзя не пожелать самого широкаго распространенія: даже оспариваніе ея положеній благонамѣренными противниками принесло бы большую пользу для выясненія въ обществѣ взглядовъ на разработанные имъ вопросы.

Д. Х.

АНТОНІЙ ИВАНОВИЧЪ МАЛИНОВСКІЙ.

Московское образованное общество понесло чувствительную утрату въ лицѣ члена здѣшней Судебной Палаты, Антонія Ивановича Малиновскаго, скончавшагося 6 Апрѣля нынѣшняго года на 66-мъ году возраста (онъ родился 10 Іюля 1838 года). Это родной внукъ перваго директора Царскосельскаго Лицея и правнукъ знаменитаго священника Самборскаго, съумѣвшаго внушить къ себѣ общее уваженіе въ Россіи и въ чужихъ краяхъ (онъ былъ духовникомъ несчастной эрцгерцогини Александры Павловны). Отъ нихъ Антоній Ивановичъ унаслѣдовалъ высокія преданія добра, живого благочестія и здраваго просвѣщенія. Отецъ его, Иванъ Васильевичъ—любимый товарищъ А. С. Пушкина, который вспоминалъ про него на смертномъ одрѣ своемъ. По матери своей, Марьѣ Ивановнѣ, былъ онъ племянникомъ другаго Пушкинскаго товарища, декабриста Ивана Ивановича Пущина, человека необыкновенныхъ достоинствъ, имя котораго тоже называлъ, прощаясь съ жизнью, великій поэтъ. Покойный Антоній Ивановичъ всю жизнь оставался вѣренъ святымъ завѣтамъ родной семьи. Намъ мало знакомо служебное его поприще; но конечно и въ судебномъ вѣдомствѣ останется онъ незабвеннымъ, какъ искреннѣйшій другъ правды. Милая намъ тѣнь да приметъ въ этихъ строкахъ сердечную дань сочувствія къ

„Душѣ прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Высокихъ думъ и простоты“.

И. Б.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Въ конторѣ „Русскаго Архива“ въ Москвѣ на Ермолавской Садовой, въ домѣ 175-мъ, можно получать, по уменьшенной цѣнѣ, слѣдующія книги этого историческаго изданія.

I. Бумаги императрицы Елисаветы Петровны.

II. Бумаги графа М. Л. Воронцова.

III. Журналъ графа М. Л. Воронцова. Письма Ф. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока.

IV. Доклады графа М. Л. Воронцова 1758 годъ. Дѣло Лестока.

V. Автобіографія графа А. Р. Воронцова. Письма княг. Дашковой. А. Н. Радишева. Разборъ сочиненія Радишева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

VI. Взятіе Берлина Русскими войсками. Приложение планъ взятія Берлина.

VII. Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV. Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Приложение портретъ графа М. Л. Воронцова.

VIII. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ф. В. Ростопчинымъ.

IX и X. Письма графа С. Р. Воронцова къ его брату. Съ портретомъ.

XI. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. И. Панинымъ и съ Н. И. Новосильцовымъ.

XII. Гр. П. В. Завадовскій. Княгиня Е. Р. Дашкова.

XIII. Князь А. А. Безбородко.

XIV. Князь Кочубей. графъ Марковъ, князь А. П. Вяземскій.

XV. А. Я. Протасовъ. Кн. Чарторижскій. Записка гр. С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи. Записка его же о Пятъ.

XVI. Переписка съ Екатериной. Предотвращеніе войны съ Англіею.

XVII. Письма графа С. Р. Воронцова къ его сыну.

XVIII. Д. П. Татищевъ. Н. Н. Новосильцовъ.

XIX. Н. В. Чичаговъ. С. К. Грейгъ.

XX. В. С. Тамара. А. Я. Италинскій, баронъ Гринъ, В. Г. Лизакевичъ, св. Я. И. Смирновъ.

XXI. Подлинныя записки кн. Е. Р. Дашковой. Письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го.

XXII. Бароны Николаи.

XXIII. Н. М. Лонгиновъ.

XXIV. Автобіографическая записка Бирона. Мать и братъ Екатерины въ Семплънскую войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Последніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи.

XXV. О царствованіи Юанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аппѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic. La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estocq. Мать Екатерины Великой. Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ. Relation de la révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Письма Екатерины къ Полятовскому и къ гр. А. В. Браницкой.

XXVI. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лессою.

Цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающіе не менѣе 10 книгъ пользуются уступкою 10%.

ПОДПИСКА НА РУССКІЙ АРХИВЪ

1904 года.

(Годъ 42-й).

Годовая цена „Русскому Архиву“ въ 1904 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой девять рублей; для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которые подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ приемъ подлинныхъ документовъ и автобиографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владельцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаютъ по слѣдующимъ ценамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ф. И. Тютчева и князя В. Ф. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890—1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1903 по 8 р., съ пере-

сылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имется.

Перемѣна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копеекъ; Московскаго на иногородный—90 копеекъ; иногороднаго на Московскій—40 копеекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ). Просимъ присылать номеръ перемѣняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни. Для переговоровъ съ издателемъ по Четвергамъ отъ 2 до 4 часовъ пополудни.

Отдѣльныя книжки 1904 года можно получать по 1 р. 25 к.; прежнихъ годовъ—по 1 р.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Вартеневъ.**

Годъ сорокъ второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1904

6.

Стр.

169. Домъ Московскаго Публичнаго и Румянцеваго музеевъ. Статья **И. Е. Забѣлина**.
174. Русь Петра Великаго за границею (Князь **Б. И. Куракинъ** въ Венеціи, Вѣнѣ и Гамбургѣ.—Его возвращеніе въ Россію и участіе въ Полтавской битвѣ). Статья **С. И. Кедрова**.
200. Изъ писемъ **Б. Я. Вулгакова** къ его брату. 1812-й годъ.
224. Дневникъ **И. М. Свѣгирева** 1857-й годъ.
238. Воспоминанія **Ф. А. Гиллрова**.
300. Письмо **Н. П. Петерсона** къ издателю „Русскаго Архива“ о философскомъ ученіи **П. Ф. Федорова**.
302. Книгиня **Д. Х. Ливенъ**. Ея характеристика.
308. Стихи **С. А. Соболевскаго**.
310. Князь **Викторъ Ивановичъ Баритинскій †**.
312. **Иванъ Владимировичъ Ефимовъ †**.

издѣ* (на внутренней сторонѣ обложки).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1904.

Уткинскій Сборникъ. I. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Съ четырьмя портретами. Подъ редакціей А. Е. Грузинскаго. Изданіе М. В. Безръ. Москва. Большая 8°. IX, 302, VIII и 6 исл. стр. Цѣна 2 р.

Русскіе люди обязаны благодарностью Марьѣ Васильевнѣ Безръ (урожденной Елагиной) за то, что она начала дѣлиться съ ними сокровищами семейнаго своего архива (хранящагося въ деревнѣ ся Уткинѣ, Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерціи) и поручила изданіе ихъ въ свѣтъ челоуѣку, вполне знакомому съ дѣломъ. Въ смутный вѣкъ нашъ эта книга—явленіе освѣжающее. Ея содержаніе — любовь Жуковскаго къ его племянницѣ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой, въ замужествѣ Мойеръ. Тутъ передъ читателемъ являютсѣ, какъ живыя, три Русскія женщины, одна на другую непохожія и каждая—высокой, цѣлоказной нравственной доблести.

Старшая изъ нихъ, Екатерина Аѳанасьевна Протасова, дочь Бѣлевскаго воеводы, вдова губернскаго предводителя Тульскаго дворянства—образецъ неуклоннаго подчиненія мудрому установленію церкви, отказывающей въ благословеніи браку между ближайшими родными. Вотъ случай изъ ея жизни. Въ Бѣлевѣ, гдѣ она жила молодою вдовою съ двумя дочерьми, большой пожаръ грозилъ взрывомъ пороховымъ складамъ. Она посѣпшила въ тюремный тамошній замокъ и властнымъ словомъ согласила смотрителя выпустить заключенныхъ, которые, по ея же приказу, потушили огонь, возвратились въ тюрьму. Про Жуковскаго

она говоритъ: „Я зачала его любить, когда онъ еще и не понималъ этого слова. Онъ выросъ на моихъ глазахъ, мы одного отъа дѣти. Батюшка былъ къ нему привязанъ страстно. Я имѣла мать примѣрной добродѣтели; она послѣ кончины батюшки привязалась къ нему какъ къ сыну ¹⁾. Притворъ ея заставилъ меня еще болѣе его любить. Василій Андреевичъ сдѣлался поэтомъ. Надобно было ему влюбиться, чтобы было кого посѣввать. Жребій палъ на мою бѣдную Машу“. Ей было 11 лѣтъ, когда Жуковскій сдѣлалъ первое свое предложеніе и конечно получилъ отказъ. Черезъ шесть лѣтъ, по кончинѣ своей матери, онъ поселился у Е. А. Протасовой и снова просилъ руки ея дочери, возобновляя просьбу нѣсколько разъ потомъ; но мать оставалась непреклонна. „Неужели вы называете предразсудкомъ повелѣніе моей церкви, которой главою есть Христосъ, въ которой и воспитана?“ Читатель самъ разсудитъ, вѣрно ли это сужденіе. Жуковскій побѣдилъ себя, а позднѣе сама Марья Андреевна ему писала: „Женись! C'est la seule chose qui te manque pour être parfait“ ²⁾.

Вторая прекрасная женщина „Уткинскаго Сборника“ есть Авдотья Петровна Елагина (въ первомъ бракѣ Кириѣвская), которую Жуковскій называлъ своею поэзією, а Хомяковъ говорилъ про нее, на восьмомъ десяткѣ ея возраста, что въ нее можно влю-

¹⁾ Многолюдная семья состояла преимущественно изъ женщинъ. Единственный сынъ Леонасія Ивановича и Марья Григорьевна Буниныхъ, Иванъ Леонасьевичъ, умеръ юношею.

²⁾ Этого только тебѣ не достаетъ для совершенства.

ДОМЪ МОСКОВСКАГО ПУБЛИЧНАГО И РУМЯНЦОВСКАГО МУЗЕЕВЪ.

(Бывшій Пашкова).

Изъ второй части Исторіи Города Москвы.

О первоначальной исторіи этого дома существуетъ нѣсколько предположеній, лишенныхъ къ сожалѣнію желаемой основательности, а слѣдовательно и достовѣрности *).

Вполнѣ достовѣрно лишь одно свидѣтельство, что въ послѣднее время, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст., его владѣльцами были дворяне Пашковы, изъ которыхъ первымъ былъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ Петръ Егоровичъ Пашковъ, біографія котораго намъ неизвѣстна. Несомнѣнно ему принадлежитъ и сооруженіе донинѣ существующаго (хотя въ подробностяхъ и не въ прежнемъ видѣ) прославленнаго по своей архитектурѣ зданія Музеевъ.

Кончина Пашкова обозначена у г. Янчука 1790 годомъ. Но по другому свидѣтельству (Крестовоздвиженская церковь г. Кедрова М. 1893, стр. 95) онъ въ 1792 г. просилъ у епархіальнаго начальства дозволенія разобрать церковь Сорока Мучениковъ, находившуюся съ сѣверной стороны возлѣ ц. Николая на Старомъ Ваганьковѣ, которая, по его словамъ, «по ветхости ея одно только безобразіе дѣлаетъ и занимаетъ мѣсто напрасно». Возможно полагать, что онъ прожилъ всѣ девяностые года, такъ какъ послѣ него достовѣрнымъ владѣльцемъ дома является въ 1802 г. Александръ Ильичъ Пашковъ, его племянникъ, но не двоюродный братъ, какъ указываетъ г. Янчукъ, стр. 45.

О Петрѣ Егоровичѣ повидимому говоритъ и его современникъ, Нѣмецкій восторженный описатель его дома во всѣхъ подробностяхъ, Рихтеръ, издавшій свою книжку въ 1799 г. и вѣроятно не задолго пе-

---

*) Сводъ упомянутыхъ предположеній и вообще историческій обзоръ дома находится въ статьѣ г. Янчука: „Старое Ваганьково и домъ бывшій Пашкова“, помѣщенной въ изданіи Музеевъ подъ заглавіемъ: „Торжественное засѣданіе въ память грава Н. П. Румянцова“, стр. 27—57.

редъ тѣмъ видѣвшій и самого владѣльца замѣчательнаго зданія. Онъ пишетъ между прочимъ: «владѣлецъ и строитель этого волшебнаго замка, старый и разбитый человекъ, по фамилиі Пашковъ, котораго уже много лѣтъ возятъ въ креслѣ». (Г. Янчукъ, стр. 52). Это въ полной мѣрѣ подтверждаетъ наше предположеніе о долготѣи Пашкова, строителя своего дворца.

Однако, какъ оказывается по собраннымъ свѣдѣніямъ, и въ прежнее время здѣсь же существовало зданіе также примѣчательное по своей архитектурѣ, хотя и въ старомъ стилѣ, какъ это представляется въ рисункахъ Петра Пикара (1714 г.), изображающихъ панораму Москвы съ видомъ изъ Замоскворѣчья.

Въ мѣстности, соотвѣтствующей по своему положенію зданію Музеевъ или дому Пашкова, среди уровня другихъ домовъ, высится стоящее, какъ видимо, на горѣ, очень значительное зданіе и по высотѣ, и по широтѣ, и по обдѣлкѣ своихъ фасадовъ съ башенками или шпилями въ Нѣмецкомъ или собственно въ Голландскомъ архитектурномъ стилѣ, какой господствовалъ въ Петровское время.

Къ сожалѣнію, панорама Пикара не обозначила, какое это зданіе, кому или какому учрежденію оно принадлежитъ. Оно не обозначено также и на планѣ Москвы Мичурина (1739 г.) при указаніи имъ приходской его церкви Николы на Старомъ Ваганковѣ № 34. Однако, судя по расположенію зарисованныхъ панорамой въ этой мѣстности различныхъ зданій, невозможно сомнѣваться, что упомянутое высокое и обширное зданіе, стоящее при томъ на горѣ, есть именно то зданіе, которое стояло нѣкогда на мѣстѣ дома Пашкова. Это подтверждается и расположеніемъ окружающихъ его церквей. Возлѣ дома виднѣются двѣ церковныя главы, явно принадлежащія находившейся здѣсь церкви Михаила Малеина съ придѣломъ. Съ другой, задней стороны дома возлѣ него виднѣется также церковь, которая своимъ положеніемъ соотвѣтствуетъ церкви Николы на Старомъ Ваганковѣ, существующей и теперь во дворѣ музеевъ.

Предыдущая, такъ сказать древняя, исторія дома въ точности раскрываетъ выдающую его значительность. Эта исторія въ случайныхъ отрывочныхъ показаніяхъ сохраняется въ канцелярской перепискѣ Московской Сенатской конторы, Губернской Канцеляріи, Московской Управы Благочинія *).

*) Архивъ Министерства Юстиціи, дѣла: Сенатской конторы 1734 г. 88/7710, стр. 820. Полицейской канцеляріи 1729 г., связка 51; стр. 30. Ея же протоколы № 103. Управы благочинія 1753 г., связка 86, № 2440; 1757 г., связка 119, № 2687; 1759 г., связка 136, № 2984; 1772 г., связка 243, № 4586; 1779 г., связка 267, № 5124.

Такъ въ Сентябрѣ 1729 года, въ указѣ Губернской Канцеляріи въ полицмейстерскую относительно перестройки каменныхъ мостовыхъ, между прочимъ упомянуто, что таковыя мостовыя слѣдуетъ строить *«противъ дворовъ, бывшихъ за Меншиковыми, которыми нынѣ владѣютъ ихъ высочества государыни царевны Екатерина Иоанновна, Праскевія Иоанновна»*, и велѣно перемостить крѣпкимъ мастерствомъ и немелкимъ камнемъ немедленно.

По указанію Мичуринскаго плана Москвы 1739 г., дворъ царевны Екатерины находился между Волконкой (Лѣнивкой) и Лебяжьимъ переулкомъ и обозначенъ № 95. Противъ ея двора приходилось перемостить 270 саж.

О мѣстности двора царевны Прасковіи упоминается въ перепискѣ Сенатской Конторы 1734 г., когда 22 Марта Губернская Канцелярія донесла Конторѣ, что *«въ домѣ ея высочества блаженныя памяти великой Государыни царевны Параскевы Иоановны († 1731 г.), который за Боровицкимъ мостомъ, въ 1733 г. былъ поставленъ караулъ отъ Лейбъ-Гвардіи къ запечатанному погребу... а что въ томъ погребѣ запечатано, о томъ извѣстія не имѣется... А нынѣ, продолжаетъ переписка, оный домъ отданъ во владѣніе князю Меншикову, который нынѣ въ томъ домѣ и живетъ; и оный князь Меншиковъ тотъ погребъ хочетъ сломать»*.

Сенатская Контора 3 Апрѣля 1734 г. поручила экзекутору Сената подполковнику Гурьеву погребъ распечатать, содержимое въ немъ осмотрѣть и описать, что тогда же и было исполнено.

Въ погребѣ, состоявшемъ изъ двухъ полатокъ, оказалось разное имущество, принадлежавшее по всему вѣроятію хозяйству покойной царевны, въ томъ числѣ 12 иконъ безъ окладовъ, орелъ двуглавый съ короною вызолоченъ на жести, 4 столба иконостасные вызолочены, столъ, шкафъ, 3 доски обиты сукномъ, двѣ голубымъ, а третья зеленымъ, въ мѣшкѣ пряжи орденной 56 талекъ, три желѣзныя двери, затворы, рѣшетки и пр. Экзекуторъ вновь запечаталъ хранилище и отдалъ подъ охрану тому же караулу.

Въ донесеніи объ этомъ Сенатской Конторѣ экзекуторъ между прочимъ писалъ, что тѣ полатки находятся *«въ домѣ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государыни царевны Параскевіи Иоанновны, что на Знаменкѣ, который преже сего былъ думнаго дьяка Автамона Иванова, а нынѣ въ томъ домѣ живетъ князь Александръ Меншиковъ...»*

Свидѣтельство очень любопытное, указывающее, что первоначальнымъ владѣльцемъ дома царевны Прасковіи былъ думный дьякъ Авта-

И. Е. ЗАВЪЛИНЪ.

монъ Ивановичъ Ивановъ, который въ государствование царевны Софьи стоялъ на сторожѣ Петра, а потому въ числѣ пяти думныхъ дьяковъ третьимъ подписалъ 1-го Сентября 1689 г. полную отставку царевны отъ управления государствомъ. На службѣ, еще въ званіи дьяка (1686 г.), онъ состоялъ въ управленіи Помѣстнымъ Приказомъ, потомъ въ званіи думнаго дьяка (1688 г.) завѣдывалъ тѣмъ же Приказомъ, весьма важнымъ отдѣломъ управленія. Петръ поручалъ ему временно вѣдать и нѣкоторыя другіе приказы, Иноземскій, Рейтарскій, Пушкарскій (1694 г.).

Намъ неизвѣстно, когда онъ окончилъ службу и свой земной путь. Въ 1716 г. его дворомъ владѣють уже его сыновья, Николай и Василій *).

Какъ и когда перешелъ его дворъ во владѣніе Меншикова, также неизвѣстно. Необходимо предполагать, что знаменитый и потомъ несчастный князь Александръ Даниловичъ приобрѣлъ дворъ Автамона Ивана у его сыновей и построилъ на немъ для собственнаго житія то самое примѣчательное зданіе, о которомъ идетъ рѣчь, и которое поэтому, послѣ крушенія князя въ 1727 г. и отобранія у него всѣхъ дворовъ, вотчинъ и всего имущества, явилось достойнымъ подаркомъ и помѣщеніемъ для царевны Прасковіи Іоанновны.

Царевна скончалась въ 1731 г., и въ томъ же году былъ возвращенъ изъ ссылки сынъ знаменитаго князя, Александръ Александровичъ Меншиковъ, которому и былъ отданъ опальный нѣкогда домъ его отца.

Въ началѣ 1734 г., какъ упомянуто, князь Александръ живетъ въ немъ и устраивается по своему, желая напр. сломать ветхій погребъ.

Въ Переписныхъ Книгахъ города Москвы 1738—1742 гг. этотъ дворъ описанъ такъ: «Поворотя отъ Боровицкаго моста по Знаменкѣ правою стороною: № 111. Дворъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка капитана-поручика кн. Александра Александрова Меншикова въ приходѣ ц. Николая Чудотворца, что на Старомъ Ваганковѣ, на бѣлой землѣ, и платежа съ нея не имѣется. Мѣрою длины въ переднемъ концѣ 50 саж., въ заднемъ концѣ тожь число; поперекъ по обѣ стороны по 30 саж. Въ смежности по одну сторону проѣзжій переулокъ, а по другую сторону церковная земля ц. Николая Чудотворца, что у Боровицкаго мосту».

Князь Александръ Александровичъ померъ генераль-аншефомъ въ 1764 году, а въ 1766 г. домомъ владѣеть уже генераль-поручикъ Петръ Григорьевичъ Племянниковъ, который въ этомъ году Іюля 25 опублико-

---

*) Переписи дворовъ XVIII стол., стр. 3.

валъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ № 59, предлагая желающимъ «взять въ наемъ его дворъ на Знаменской улицѣ, близъ Боровицкаго мосту, который напредъ сего былъ князя Меншикова, въ приходѣ ц. Николая Чудотворца, что на Старомъ Ваганьковѣ, со всякимъ каменнымъ и деревяннымъ строеніемъ» ¹⁾.

Послѣ П. Г. Племянникова Меншиковымъ дворомъ въ 1779 г. владѣла его вдовствующая супруга, генераль-аншефша Катерина Григорьевна Племянникова ²⁾.

Вслѣдъ затѣмъ въ 1782 г. владѣльцемъ дома появляется лейб-гвардіи капитанъ-поручикъ Петръ Егоровичъ Пашковъ. Въ Февралѣ 1783 г. оберъ-полицеймейстеръ жалуется на него главнокомандующему графу Чернышову, что, «не смотря на неоднократныя объявленія полиціи о сносѣ (какого-то) прилегающаго къ церкви строенія и заборовъ, онъ ничего не исполняетъ и для почной сторожбы отъ своего дома челоуѣка не представляетъ».

Повидимому капитанъ - поручикъ въ это время уже задумывалъ строить великолѣпный свой дворецъ.

Съ этою цѣлью настойчивыми просьбами онъ выхлопоталъ себѣ въ 1784 г. пустовавшую землю отъ проданныхъ на сломку дворцовыхъ Тургеневскихъ Богадѣлень, находившихся подъ горою на низинѣ Моховой улицы, рядомъ съ домомъ историка В. Н. Татищева, которымъ въ это время владѣла бригадирша Аграфена Ѳедотовна Татищева.

Богадѣльни состояли при церкви Михаила Малеина, стоявшей на горѣ, и передъ нею съ восточной ея стороны подъ горою и было расположено зданіе богадѣлень въ видѣ глаголя. Отъ нихъ въ гору къ церкви шелъ небольшой проходной переулочекъ съ лѣстницею. По Моховой улицѣ зданіе простиралось на 18 саж. 1 арш., а вглубь на 20 саж.

Низменная земля богадѣлень составляла только часть той низины, которая находилась передъ домомъ Меншикова, касаясь своимъ угломъ улицы Знаменки. На этой Моховой низинѣ Пашковъ и развелъ свой достопамятный садъ.

Этотъ садъ и домъ очень краснорѣчиво и съ восторгомъ описаны современникомъ-очевидцемъ, Нѣмцомъ Рихтеромъ (г. Янчукъ, стр. 51).

Ив. Забѣлинъ.

¹⁾ Любопытно, что въ томъ же № Вѣдомостей и братья Нарышкины, Александръ и Левъ Александровичи, публиковали о продажѣ своего замѣчательнаго двора.

²⁾ Урожденная графиня Чернышова, сестра тогдашняго президента Военной Коллегіи, графа Захара Григорьевича (которой позднѣе былъ Московскимъ генераль-губернаторомъ). П. Б.т

РУСЬ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ЗА ГРАНИЦЕЮ.

III *).

Пробываніе князя Б. И. Куракина въ Венеціи, Вѣнѣ и Гамбургѣ. Возвращеніе въ Россію и участіе въ Полтавской битвѣ.

Изъ Рима князь Б. И. Куракинъ выѣхалъ въ Венецію 10 Октября 1707 г. Ѣхалъ онъ почтою, на четырехъ лошадахъ, верхомъ, съ своимъ секретаремъ Веселовскимъ, слугою Феодоромъ Огарковымъ (котораго за границей сталъ называть Фредерикомъ) и съ почталіономъ. Такой скромный поѣздъ объяснялся тѣмъ, что князь былъ частнымъ посломъ. Чрезъ восемь дней, 18-го Октября, онъ пріѣхалъ въ Венецію, гдѣ и остановился въ домѣ Негра Ляквилы. Есть основаніе предполагать, что въ Венеціи князь имѣлъ порученіе частнымъ образомъ освѣдомиться о состояніи республики и устроить дѣла по тогдашнимъ сношеніямъ ея съ Россіею. Общность борьбы съ Турками и желаніе Венеціи завести непосредственную торговлю съ Россіею чрезъ Архангельскъ, а Россіи, кромѣ этого, узнать мореходную науку, побуждали оба государства искать взаимной дружбы и союза. Еще въ 1656—1757 г.г., пріѣзжалъ въ Москву Венеціанскій посланникъ, Альбертъ Виминъ отъ князя Франциско-Молино съ предложеніемъ царю а) быть въ совѣтѣ и ссылькѣ, б) принять участіе въ борьбѣ Венеціи съ Турціею, которая «православнымъ христіанамъ злое гоненіе и всякое поругательство творила», чтобы, такимъ образомъ, «басурманъ до конца разорить и православныхъ христіанъ освободить» (Виминъ просилъ царя, чтобы онъ отправилъ противъ Турокъ Донскихъ казаковъ) и в) чтобы царь позволилъ купцамъ Венеціи пріѣзжать въ Россію со всякими товарами и покупать въ Русской землѣ соболей, игру, сало, кожи. Алексѣй Михайловичъ непрочъ былъ согласиться на первое и третье предложеніе; что же касается заключенія союза противъ Турокъ, то для этого и «иныхъ дѣлъ» обѣщалъ отправить въ Венецію своего посланника. Въ отвѣтъ на это посольство Вимина царь дѣйствительно въ 1656 г. въ Маѣ отправилъ

*) См. „Русскій Архивъ“ 1903 г. выпускъ XI-й.

въ Венецію стольника Ив. Ив. Чемоданова и дьяка Алексѣя Посникова. Ихъ приняли въ Венеціи съ особою торжественностію. Чемодановъ докладывалъ республикѣ, что въ Россіи началась война съ Поляками и Шведами, нарушившими мирные договоры, что по окончаніи ея государь согласится идти на Турокъ и тогда велить учинить съ Венеціею ссылку и договоръ. Главная цѣль посольства, однако, состояла не въ томъ, чтобы заключить союзъ, а въ томъ, чтобы республика, если дѣйствительно хотѣла показать любовь свою и доброхотство къ Москвѣ, прислала на «вспоможеніе ратнымъ людямъ взаимы казны, золотыхъ и ефимковъ, сколько мочно». На это Совѣтъ республики отвѣчалъ Чемоданову, что, за войною съ Турціею и по бѣдности своей, Венеція не въ состояніи оказать денежную помощь Россіи. Въ общемъ посольство Чемоданова не достигло цѣли, если не считать взаимныхъ увѣреній обоихъ государствъ въ доброжелательствѣ. Венеція послѣ того прекратила сношенія съ Россіею. Между тѣмъ въ Москвѣ хорошо понимали все значеніе союза съ Венеціею и тревожились отсутствіемъ вѣстей изъ республики. Вотъ почему въ 1662 году отправлено было царемъ новое посольство къ Фердинанду, князю Флоренскому, а вмѣстѣ и въ Венецію, съ дворяниномъ и намѣстникомъ Курмышскимъ Ив. Аван. Желябужскимъ и дьякомъ Ив. Давыдовымъ. Послы должны были увѣрить республику въ дружбѣ Москвы, извѣстить о дозволеніи имѣть Венеціанамъ свободный торгъ въ Архангельскѣ и Москвѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдать, какъ обстоятъ у Венеціанъ дѣла съ Турками и почему отъ республики не отправляются послы въ Россію? Но и на этотъ разъ посольство не имѣло особеннаго значенія: пословъ успокоили въ Венеціи увѣреніями въ дружбѣ, поблагодарили царя за память о республикѣ и за дозволеніе имѣть торгъ чрезъ Архангельскъ, объявили о своей двадцатилѣтней войнѣ съ Турками и выразили желаніе, чтобы царь Московскій поднялъ свой мечъ на басурманъ; относительно же посольскихъ сношеній Желябужскому неопредѣленно было объявлено, что республика отправитъ въ Москву посольство, «когда придетъ время». По случаю заключенія Россіею вѣчнаго мира съ Польшею и участія ея въ «священномъ» противъ Турціи союзѣ, отправленъ былъ изъ Москвы въ Венецію въ 1687—1688 г. г. посланникъ, дьякъ Ив. Волковъ, чтобы объявить о вѣчномъ мирѣ и просить Венеціанъ о посылкѣ весною 1688 г. вспомогательнаго противъ Турціи войска. Отвѣтно республика просила Волкова передать ея благодарность царю за добрыя пожеланія Москвы, выражавшіяся въ присылкѣ посольствъ, радость ея по случаю начатія войны Россіи съ Турціей и обѣщаніе вести съ Турками непрерывно уже начатую войну.

Если судить о значеніи описанныхъ посольствъ по обрядамъ приема Русскихъ пословъ въ Венеціи, то можно замѣтить, что къ первымъ республика относилась съ ббльшимъ уваженіемъ и расположеніемъ, чѣмъ къ послѣднимъ: знакъ, что Венеція не считала Москву важнымъ союзникомъ въ дѣлѣ борьбы съ Турками. Этимъ объясняется и то, что настоящій договоръ союза Россіи съ Венеціей противъ Турціи заключенъ былъ только въ 1697 г. въ Вѣнѣ, дьякомъ Кузьмою Неимоновымъ, и то только на три года. Извѣстно, что союзная война Австріи, Россіи, Венеціи и Польши окончилась Карловицкимъ миромъ, въ 1699 г., на съѣздѣ котораго Русскій посланникъ Возницынъ не получилъ должной поддержки отъ союзниковъ, въ томъ числѣ и отъ Венеціанъ, заключивъ отдѣльное перемиріе съ Турціею на три года ¹⁾. Послѣ этого отношенія между обоими государствами, хотя и были дружелюбныя, но исключали всякія взаимныя обязательства. Между тѣмъ положеніе Венеціи послѣ Карловица, принесшаго ей часть Далмаціи, весь Пелопонесъ, за исключеніемъ Коринѳа, островъ Эгину—было выдающимся на Средиземномъ морѣ въ началѣ XVIII в. Искать новаго сближенія съ нею было выгодно для Россіи, какъ для борьбы съ Турками, такъ и для торговли.

Цѣль поѣздки князя Куракина въ Венецію заключалась въ томъ, чтобы неофициальнымъ путемъ «установить коммерцію» Россіи съ республикою и заключить новый союзъ противъ Турокъ. Попутно, поручалось, вѣроятно, ему ознакомиться и вообще съ состояніемъ Венеціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устроить «добрую корреспонденцію». Обыкновенно Московскіе послы должны были, кромѣ прямыхъ цѣлей посольства, узнавать чрезъ чиновниковъ, которые къ нимъ приставлялись, «подлинныхъ вѣстей, тайнымъ обычаемъ». Ив. Волкову, между прочимъ, приказывалось узнать въ Венеціи, какія ссылки и съ кѣмъ имѣеть Австрійскій императоръ, съ кѣмъ онъ имѣеть миръ и съ кѣмъ вражду; какіе государи помогаютъ ему противъ Турецкаго султана и Крымскаго хана и чѣмъ—войскомъ или деньгами? Какой договоръ у императора съ Польшею и Венеціею? Такъ же поручалось развѣдывать и «про инныя окрестныя государства, какъ нынѣ межъ ними—миръ-ли или война и за какія причины ²⁾».

Весьма вѣроятно, что такая-же инструкция дана была и князю Куракину. Князь писалъ Русскому послу въ Берлинѣ, Фонъ-Литту, въ Октябрѣ изъ Венеціи, что республика желала отправить чрезвычайнаго посла въ Россію для учиненія союза противъ общаго не-

¹⁾ Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранныхъ, томы VIII, IX и X.

²⁾ Памятники, т. X, стр. 1249; ср. IX, 378—379.

пріятеля христіанъ, также для согласія доброй корреспонденці и для коммерціи. При этомъ онъ сообщалъ, что Венеціане отправляютъ для начала непосредственной торговли съ Россією два корабля къ Архангельску, обѣщаясь платить пошлину, равную съ другими государствами, и просилъ прислать пачпорты для этихъ кораблей. Въ то же время П. П. Шафирову, уже изъ Вѣны, князь Куракинъ сообщалъ, что «республика Венецкая со всѣмъ желаніемъ ищетъ учинить съ нашимъ дворомъ корреспонденцію не только къ интересамъ стацкимъ (политическимъ), но и купеческимъ»¹⁾.

Въ Венеціи, по пріѣздѣ, князь встрѣченъ былъ ласково старыми друзьями, съ которыми онъ познакомился еще раньше и въ числѣ которыхъ находился Францискъ Мурузинъ, корреспондентъ Россіи и членъ Совѣта республики²⁾. Когда князь пріѣхалъ, то его спрашивали, какъ онъ хочетъ жить, публично или приватно». Долго разсуждали и о томъ, слѣдовало-ли чѣмъ дарить князя. Предыдущія посольства въ Венецію, носившія официальный характеръ, сопровождались обыкновенно большими проволочками въ установленіи церемоніала встрѣчи и аудіенціи пословъ въ Сенатѣ и у дожа республики. Русскіе послы всего болѣе опасались «умалить честь государя» какимъ либо неосторожнымъ согласіемъ на предлагаемый противною стороною церемоніалъ; поэтому они тщательно разслѣдовали всѣ обстоятельства и даже мельчайшія подробности представляемыхъ имъ проектовъ встрѣчъ, взвѣшивая каждый свой шагъ, чѣмъ возбуждали немалое удивленіе, а иногда и досаду среди Венеціанъ. Въ этомъ отношеніи особенными проволочками сопровождалось и возбуждало негодованіе Венеціанъ посольство дьяка И. Волкова. На границу республики пріѣхалъ онъ 15 Мая 1687 г., съ этого времени и до 1-го Іюня медленно двигался къ столицѣ, затѣвая споры съ приставами на каждой остановкѣ о недостаточно внимательномъ къ нему отношеніи со стороны республики; а съ 1-го Іюня по 17-е, уже въ самой Венеціи, Волковъ не шелъ на аудіенцію, а спорилъ о томъ, сколько разъ онъ долженъ былъ вланяться дожу при представленіи—одинъ, какъ желалъ посоль, или три, какъ желали Венеціане? Равнымъ образомъ Волковъ долго настаивалъ и на томъ, чтобы дожъ, когда будетъ спрашивать о здоровьѣ Московскаго государя, спрашивалъ стоя и снявъ шапку, а не сидя и въ шляпѣ, какъ требовали Венеціане.

¹⁾ III, 369 и слѣд: Письмо Литту обозначено невѣрной датой „Генварь 1708 г.“ Слѣдовало поставить „Октябрь 1707 г.“ Въ другомъ мѣстѣ кн. Куракинъ указываетъ и лицо, намѣченное для посылки въ Россію, секретаря республики—Savioni (III, 194 Ср. IV, 127).

²⁾ Кроме него какъ корреспонденты упоминаются Дороев и Франциско (III, 177 стр., 194 стр.).

Подобныхъ затрудненій князь Куракинъ избѣгалъ тѣмъ, что прѣѣхалъ въ Венецію въ качествѣ частнаго лица.

Въ красивомъ и веселомъ городѣ князь Куракинъ прожилъ до 10 Января 1708 г., «въ великой роскоши и веселіи». Онъ посѣщалъ комедіи и оперы, изъ которыхъ одна называвшаяся «San Gran Crisostemo», была «убрана великимъ богатствомъ» и обставлена «славными вспѣваками, дамами и музыкою». Когда въ 1657 г. были въ Венеціи Русскіе послы Чемодановъ и Посниковъ и къ нимъ съ визитомъ пришелъ Французскій резидентъ, то отдачи визита со стороны Русскихъ пословъ не послѣдовало, такъ что сопровождавшій ихъ приставъ, самъ бывший посломъ въ Москвѣ, Альбертъ Виминъ, принужденъ былъ указать Чемоданову на необходимость исполнить долгъ вѣжливости. Царскіе посланники отвѣчали на это указаніе Вимину: «То Французскій резидентъ сдѣлалъ добро, что для великаго Государя нашего къ намъ прѣѣжалъ; только намъ къ нему ѣхать не доведетца, въ нашихъ обычаяхъ того нѣтъ, а пошлемъ къ нему о здоровьѣ спросить царскаго величества дворянина¹⁾. Иначе держалъ себя князь Куракинъ. Въ своемъ Дневникѣ, за то время вообще скудномъ извѣстіями, онъ, однако, отмѣтилъ, что въ Венеціи, когда «даютъ визиту дамамъ, то всегда послѣ обѣда, а до обѣда не обычай, развѣ кто въ конфиденціи». Въ одной изъ подобныхъ, если можно такъ сказать, конфиденцій находился и князь Куракинъ. «Въ ту свою бытность, пишетъ онъ въ своей Автобіографіи, я былъ инаморатъ (влюбленъ) въ славную хорошею одну читадинку (гражданку), по имени Signora Francescha Rota, которую имѣлъ за метрессу во всю ту свою бытность, и такъ былъ влюбленъ, что не могъ и часу безъ нея быть. Она мнѣ коштвала въ тѣ два мѣсяца 1000 червонныхъ,²⁾ и разстался съ нею съ великимъ плачемъ и печалью, ажъ до сихъ поръ (1709 г.) изъ сердца моего тотъ амок не можетъ выдти и, чаю, не выдетъ. И взялъ на меморію ея персону, обѣщалъ къ ней опять возвратиться и всякими мѣрами искать того случая, чтобы въ Венецію на нѣсколько времени возвратиться жить». 1000 червонныхъ это деньги, которыя были назначены князю на поѣздку въ Римъ. Веселая жизнь князя, какъ кажется, сопровождалась и неприятностями. Въ Автобіографіи онъ глухо упоминаетъ, что имѣлъ «столкновеніе съ маркизомъ Палавичиномъ и жентильомомъ Співеніемъ, такъ что близко было duellio со мною³⁾»).

Но князь не переставалъ слѣдить за политическими и общественными дѣлами Венеціанской республики. Онъ записалъ, кто былъ въ его

¹⁾ Памятники X, Стр. 1028.

²⁾ „Архивъ князя Ф. А. Куракина“ I, 278.

время дожемъ въ Венеціи, патриархами какъ здѣсь, такъ и въ Аквилеѣ, перечислилъ знатныхъ и умныхъ людей въ консиліяхъ, крѣпости страны, отмѣтилъ жалованье, какое республика платила войскамъ и ихъ начальникамъ какъ въ мирное, и такъ военное время, указалъ и расходы Венеціи. Отмѣтивъ дома старыхъ и новыхъ фамилій аристократической республики, князь указалъ и способы, какими знатныя фамиліи приобрѣтали богатство, именно доходами съ земель и въ чужихъ краяхъ. Важный способъ наживы заключался въ занятіи начальническихъ мѣстъ въ Греціи и Далмаціи, гдѣ дворяне приобрѣтали великіе пожитки. Хотя населеніе областей, принадлежавшихъ Венеціи, платило подати сравнительно съ Турецкими вдвое меньше, но все таки оно разорялось на содержаніе начальниковъ. Венеція держала населеніе «въ великой скудости, дабы подданные не скоро могли рибелію (бунтъ) учинить»; а правосудія на притѣсненія начальниковъ искать было негдѣ. Положеніе крестьянства было незавиднымъ и по другимъ причинамъ. Хотя крѣпостными людьми Венеціанскіе дворяне не владѣли, за исключеніемъ трехъ-четырехъ домовъ, однако положеніе простонародья было весьма подневольное. Свои земли аристократія сдавала въ аренду изъ третьей части одному работнику. Арендаторы, по истеченіи аренднаго срока, вольны были идти къ кому хотѣли; однако не шли, потому что господа такихъ арендаторовъ не принимали; «итакъ всякій подъ всякимъ изъ подневоди жилъ». Аристократія, по словамъ князя, раздѣлялась на *nobilli patrizii* и *nobilli sudditi*. Первая участвовала въ Совѣтъ республики, занимала разныя должности; изъ ея родовъ отправлялись послы къ императору, напѣ, Туркамъ и къ королямъ Французскому, Испанскому и Португальскому. Они владѣли землями въ Зантѣ и Корфу; жениться должны были только на патриціанкахъ; въ противномъ случаѣ дѣти, прижитыя отъ неравнаго брака, не допускались въ «Консилъ», потому что мать ихъ была не шляхетской крови, потому что такіе аристократы «своимъ образомъ обязались съ подлыми людьми, которые могли всякій секретъ изъ Консилія вынести» *). *Sudditi* жили преимущественно въ провинціяхъ Греціи и Далмаціи и жили, какъ рабы, платя дань съ своихъ земель «принцепу»; должностей, за исключеніемъ военныхъ, не занимали, да и съ военныхъ получали жалованья на $\frac{1}{2}$ меньше, чѣмъ иностранцы другихъ Европейскихъ странъ, находившіеся на службѣ у Венеціи. Такое состояніе второстепеннаго дворянства вызывало въ немъ недовольство своимъ положеніемъ и раздражало противъ патриціевъ, которые опасались «суддитовъ».

Князь Борисъ Ивановичъ, какъ убѣжденный сторонникъ родовой знатности, отмѣтилъ, что въ его время въ Венеціи новыя фамиліи пре-

*) I, 198.

обладали надъ старыми. Для того, чтобы ослабить значеніе новыхъ фамилій, старыя утвердили обычай, въ силу котораго при заключеніи браковъ невѣсты новыхъ фамилій, выходя замужъ за жениховъ старыхъ, непременно должны были нести съ собою большое приданое; но этого не требовалось отъ невѣстъ старыхъ фамилій. Новые дворянскіе роды, увидавъ отсюда свое разореніе, начали заключать браки только между собою. Число новыхъ фамилій такимъ образомъ возрастало, и они получили вѣсь въ республиканскихъ совѣтахъ. Какъ ни старались старыя фамиліи привести новыя въ убожество, но достигнуть этого не могли, а между тѣмъ сами приходили все въ большій и большій упадокъ. Причина этого заключалась и въ томъ, что старыя фамиліи, получая доходы съ земель, а не съ коммерціи, въ случаѣ нужды болѣе жертвовали на государство, чѣмъ новыя. Живя торговлею и имѣя перевѣсъ въ Совѣтѣ республики, сіи послѣднія менѣе поддерживали выгоды государственныя, не всегда совпадавшія съ выгодами торговли. Такъ, на примѣръ, новыя фамиліи останавливали войну съ Турками, хотя бы она и требовалась, изъ опасенія, чтобы торги Венеціи съ Левантомъ «не премкнулись». Извѣстно, что аристократическій строй Венеціанской республики, описанный наблюдательнымъ княземъ, послужилъ въ XVIII в., послѣ блестящаго періода ея могущества и славы, достигнутыхъ въ борьбѣ съ Турками, причиною ея застоя, а затѣмъ и упадка.

Изъ другихъ особенностей Венеціи князь отмѣтилъ собраніе коллегій. Вопреки обычаямъ другихъ странъ, въ Венеціи не говорили «былъ на аудіенціи или въ конференціи», а говорили «былъ въ коллегіи». Это было обыкновенный посольскій языкъ.

Посольская часть особенно занимала нашего князя. Онъ узналъ, что республика пословъ къ императору, папѣ и Туркамъ отправляла изъ болѣе знатныхъ персонъ, чѣмъ къ остальнымъ государямъ; грамоты къ первымъ имѣли печати золотыя ¹⁾, ко вторымъ серебряныя, а къ третьестепеннымъ государствамъ свинцовыя. Экстраординарныхъ пословъ республика встрѣчала на границахъ своихъ владѣній однимъ или двумя сенаторами; по пріѣздѣ въ городъ послы жили нѣкоторое время приватно, пока «не оправлялись», затѣмъ дѣлали публичный «конгрессъ» (выходъ). Въ теченіе 15 дней послѣ публичной объявки, послы содержались на счетъ республики, а потомъ жили на своемъ коштѣ ²⁾. Въ

¹⁾ Посолъ Чемодавовъ грамоту къ царю А. Михайловичу получилъ съ золотою печатью, что было отмѣчено дожемъ въ прощальной аудіенціи, какъ знакъ особаго уваженія республики въ Москвѣ. Памятники X, 1087.

²⁾ Впрочемъ, Русскіе послы всегда получали полное содержаніе; за исключеніемъ Волкова, которому первоначально республика давала полное содержаніе, но потомъ от-

случаѣ, если въ Венецію прїѣзжали принцы, для услугъ и «забавъ ихъ» къ нимъ приставляли двухъ сенаторовъ; республика одѣляла принцевъ всякаго рода подарками. При отъѣздѣ принцы отдаривали приставленныхъ къ нимъ сенаторовъ, которые, однако, не иначе могли получить дары, какъ съ вѣдома коллегіи, при чемъ вопросъ о принятіи подарковъ рѣшался посредствомъ балотировки. Съ особеннымъ торжествомъ Венеціане встрѣчали Французскаго короля; на границѣ его привѣтствовали многіе сенаторы; около Местры (къ С. Западу отъ Венеціи и недалеко отъ нея) его встрѣтили специально назначенные для услугъ четыре сенатора, а недалеко отъ города самъ дожъ, со всѣмъ составомъ Сената, «на томъ галиацѣ (кораблѣ), на которомъ море вѣнчать ходитъ». Король остановился во дворцѣ дожа. Въ теченіе 15 дней его увеселяли маскарадами, операми, комедіями. Другихъ коронованныхъ особъ встрѣчали съ меньшею торжественностью, увеселяли ихъ въ теченіе осьми дней, обыкновенныхъ пословъ въ теченіе трехъ. Когда царь Петръ выразилъ желаніе прїѣхать въ Венецію, то республика хотѣла приставить къ нему четырехъ прокураторовъ и нѣсколько членовъ Сената. «И было приготовлено все, замѣчаетъ князь Куракинъ, трактаментъ и забавы, вдвое, какъ королю Французскому».

Политическое значеніе небольшой Венеціанской республики охранялось тѣми союзами, которые она заключала съ государствами Европы. Князь Куракинъ узналъ, что въ тридцатилѣтнюю войну Венеція тайно поддерживала Густава Адольфа, давая ему въ годъ по 50000 цеккиновъ до времени вступленія его въ Германскую имперію и побѣды надъ нею. Чтобы оградить себя со стороны Турціи, республика заключила союзы съ Москвою, Польшею и Имперією; со стороны Имперіи, кромѣ Шведа, съ папою и со всѣми Итальянскими князьями. «А ежели мы (Русскіе) станемъ Турка осиливать, то республика на насъ лянеть со Шведомъ учинить для Греціи и Морей», то-есть для того, чтобы сохранить свои торговыя выгоды и свое значеніе въ этихъ областяхъ.

Пребываніе князя Куракина въ Венеціи было не безъ послѣдствій. Черезъ него республика снеслась съ царемъ для учрежденія постоянныхъ резидентовъ въ обоихъ государствахъ, «публичнаго министра для обязанія доброй корреспонденціи и коммерціи». Царь отвѣчалъ своимъ согласіемъ на предложеніе Венеціи, и дѣло это поручилъ разработать Русскому послу въ Вѣнѣ, барону Урбиху, смѣнившему Гейзена, чрезъ

казала въ немъ за неуступчивость въ установленіи обрядовъ церемоніала аудіенціи. Тѣмъ не менѣе и Волкову, когда онъ отъѣзжалъ отъ Венеціи, республика возвратила деньгами все истраченное имъ на прожитіе въ городѣ во время посольства.

сношеніе съ Венеціанскимъ посломъ въ Вѣнѣ ¹⁾. Въ этомъ порученіи князь Куракинъ не видалъ пользы. Онъ не надѣялся на то, чтобы Венеція вступила въ союзъ съ Россіею чрезъ Вѣнскій дворъ, «потому что съ нимъ не въ самой любви состояли». Лучше бы было, писалъ князь Куракинъ Шафирову, вступить Россіи въ непосредственныя сношенія съ Венеціей ²⁾.

Изъ Венеціи князь выѣхалъ въ Вѣну. О дѣлахъ его поѣздки въ Римъ и Венецію ходили тогда разные слухи въ Европѣ, равно какъ и объ его имени. Рассказывали, что князь Куракинъ былъ принцемъ, принадлежавшимъ къ великой фамиліи, и свой *alla sua maesta* (родственникъ царю); что, тѣмъ не менѣе, въ Римѣ онъ былъ принятъ безъ почета, какъ представитель неважнаго государства, въ родѣ депутата отъ Феррары и Болоньи. Все это распространялъ Русскій посоль въ Вѣнѣ Гейзенъ. Относительно пребыванія князя въ Венеціи писали изъ Вѣны во всю Европу, что *principe Kurakin* учинилъ лансъ съ Рѣчью Посполитою противъ Турка; а изъ Франціи сообщали, что въ Венецію онъ пріѣхалъ изъ Рима для согласія папы съ Венеціанскою республикою. «И такъ много о томъ писали разное о моемъ имени въ Европѣ» ³⁾.

Несомнѣнно, что какого либо особаго назначенія князь Куракинъ не имѣлъ въ Вѣнѣ. Сравнивая описаніе его пребыванія въ Вѣнѣ съ прежде бывшимъ путешествіемъ Б. П. Шереметева, мы приходимъ къ заключенію, что князь Куракинъ ѣхалъ просто какъ знатный путешественникъ. При этомъ нельзя отрицать и того, что онъ имѣлъ секретное порученіе, какъ и всѣ, бывшіе до него посланники, лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ Вѣнѣ и съ состояніемъ цесарскаго двора. Кромѣ этого, едва ли не невѣроятно будетъ предполагать, что князю Куракину поручалось въ Вѣнѣ ознакомиться и съ тѣмъ, какъ вели здѣсь посольскія дѣла Русскіе представители. Это были иноземцы (Гейзенъ и Урбихъ), въ которымъ, какъ увидимъ ниже, трудно было относиться съ полнымъ довѣріемъ.

На пути въ Вѣну князь Куракинъ заѣзжалъ въ Тарентъ, гдѣ «былъ соборъ Тарентскій противъ Люторовъ и Кальвиновъ» и гдѣ князь отмѣтилъ въ большомъ костелѣ «славные на свѣтѣ органы, которые играютъ разные инструменты»; замѣтилъ также, что епископъ Тарентскій получаетъ 40000 флориновъ въ годъ. Въ Инспрукѣ онъ посѣтилъ музей, въ которомъ находилась веревка, «на которой Иуда удавился. Хотя я и видѣлъ ее, замѣчаетъ князь, однако вѣры не могу дать». 10 Генваря

¹⁾ III, 174, 368; ср. I, 278—279.

²⁾ IV, 125—126.

³⁾ III, 201.

онъ прїѣхалъ въ Вѣну, въ гостиницѣ Трей-Гагенъ занялъ три комнаты со столомъ, при чемъ все содержаніе ему обходилось отъ 50—60 гульденовъ въ недѣлю ¹⁾.

Живя въ Вѣнѣ, князь Куракинъ усердно собиралъ политическія свѣдѣнія. Въ это время прежній посоль, Гейзенъ, злой человекъ, по словамъ князя, задерживавшій его Римскую корреспонденцію ²⁾, былъ уже отставленъ. О немъ князь Куракинъ узналъ въ Вѣнѣ, что сначала Гейзенъ былъ министромъ въ Саксоніи отъ двора Вольфенбютельскаго и получалъ 2000 ефимковъ въ годъ; но въ тоже время онъ слѣдилъ за Шведскими интересами и имѣлъ корреспонденцію со Шведомъ. Изъ Саксоніи онъ былъ взятъ къ нашему двору и послѣшно назначенъ полномочнымъ посломъ въ Вѣну съ первоначальнымъ окладомъ по 20,000 гульденовъ въ годъ, да на экипажъ 24,000 гульденовъ. Но въ Вѣнѣ Гейзенъ не соблюдалъ выгодъ Россіи. Когда его «пакости», по словамъ князя Куракина, открылись, то онъ замѣнъ былъ Урбихомъ. Изъ Вѣны Гейзенъ «многожды» званъ былъ къ Русскому двору, но не поѣхалъ, и искалъ новой службы въ Австріи. При Урбихѣ онъ испросилъ аудіенцію у императора, на которой говорилъ, что Урбихъ сватаетъ Вольфенбютельскую принцессу за Цесаревича; «и въ томъ прешкода (препятствіе) была цесарскому величеству для того, что его царское величество былъ всегда намѣренъ взять ея сестру. И по этому-то цезарь и другіе Вѣнскаго двора непріятство являли». Службу Гейзена и подобныхъ ему иностранцевъ князь Куракинъ считалъ и вообще нечестною. «Тотъ ихъ такихъ первый интересъ, писалъ онъ А. А. Матвѣеву, что они, вступя въ службу, прежде всего ищутъ себѣ вѣчнаго интересу, гдѣ бы могли свой животъ безпечально и безстрашно пробавить ³⁾». Объ Урбихѣ князь Куракинъ узналъ, что онъ «съ породы поповъ сынъ», а потомъ былъ секретаремъ при одномъ министрѣ; далѣе проходилъ должности посланника отъ дворовъ Датскаго, Вольфенбютельскаго и, наконецъ, Русскаго въ Вѣнѣ. Какъ Русскій посланникъ, Урбихъ получалъ 24000 флориновъ Германскихъ въ годъ, да на экипажъ въ 1-й годъ 20000 флориновъ ⁴⁾.

¹⁾ По Автобіографіи (I, 279) князь прїѣхалъ въ Вѣну „Февраля первыхъ чиселъ“, что не вѣрно. Автобіографіа писалась позднѣе и по памяти, которая въ подробностяхъ измѣняла князю. Хронологическія показанія Дневника болѣе вѣрны, хотя и они не всегда точны. Напр., на стр. 226—227 (I т.), аудіенція князя Куракина у Цезаря помѣчена подъ 28 Февр., равно и обѣдъ у Урбиха подъ этимъ же числомъ. Но это было 28 Генваря. Въ Вѣнѣ онъ жилъ три недѣли, съ 10 Генваря по Февраль 1708 г.

²⁾ III, 348—349.

³⁾ III, 373—374; съ этимъ согласуется и неслышанный отзывъ кн. Куракина о Берлинскомъ посланникѣ фонъ-Литтѣ, о которомъ онъ говоритъ: „а въ Берлинѣ учиненъ *in-viatom von Lith*, породе Лидляничий, на sallo (?) è stato del re di Svezia“. I, 310.

⁴⁾ I, 310 ср., III, 254. Ср. IV, 136. Князь Куракинъ сообщаетъ, что когда Петръ

Урбихъ въ Вѣнѣ, во время пребыванія князя Куракина, дѣйстви- тельно сваталъ Вольфенбютельскую принцессу (на сестрѣ которой былъ женатъ Испанскій король Карлъ) за нашего Цесаревича. Кромѣ этого Урбиху поручено было въ Вѣнѣ заключить союзъ противъ Шведовъ. Германскіе князья должны были дать 40000 войска для усмиренія Шведа и возведенія на престолъ Польши снова Августа. По проекту союза, однако, не требовалось принуждать Шведовъ къ союзу съ Россіей; достаточно было того, чтобы Германскія войска заставили Карла XII выдти изъ Польши до своихъ краевъ, а дальнѣйшее продолженіе Сѣверной войны падало на отвѣтственность одной Россіи. Свою часть войскъ, въ соста- вѣ 40000, цезарь долженъ былъ содержать на свой счетъ, а остальные на счетъ Россіи, которая обязывалась помочь императору въ усмиреніи происходившаго тогда Венгерскаго возстанія, также отдать свои войска за плату противъ Франціи, т. е. принять участіе въ войнѣ за Испан- ское наслѣдство. Третье дѣло, порученное Урбиху въ Вѣнѣ, состояло въ томъ, чтобы заключить вѣчный союзъ Россіи съ Имперією, Венецією и Польшею противъ Турка. Изъ вѣсхъ этихъ дѣлъ, по словамъ князя Куракина, всего успѣшнѣе шло второе, объ участіи Германіи въ Сѣ- верной войнѣ и Россіи въ войнѣ за Испанское наслѣдство; цезарь обѣ- щалъ дать свои войска на платѣ противъ Шведовъ. Кромѣ этого, князь Куракинъ узналъ въ Вѣнѣ, что уже въ 1708 г. Турки и Шведы сгова- ривались о совмѣстномъ союзѣ противъ Россіи; что Августъ собралъ 30 тысячъ войска съ намѣреніемъ снова захватить Польскій престолъ ¹⁾; что какой-то маркизь, monsieur Rolso, былъ въ нашей арміи, говорилъ поносно про всю нашу націю, и ему въ Вѣнѣ никто не могъ препят- ствовать; и нѣкій Belliardi, называвшій себя генераль-поручикомъ, на самомъ дѣлѣ не бывший даже и полковникомъ, уѣхавшій курьеромъ отъ Урбиха, «человѣкъ непристойный въ услугу ²⁾». О Шведскомъ королѣ князь Куракинъ слышалъ, что онъ непрочъ былъ заключить союзъ съ Россією, но только на невозможныхъ условіяхъ: отдачи Новгорода, Пскова, возвращенія завоеванныхъ Россією Прибалтійскихъ земель и вознагражденія за военные убытки.

Не смотря на частный характеръ своего пребыванія въ Вѣнѣ, князь Куракинъ встрѣченъ былъ почетно. Баронъ Урбихъ приглашалъ его

проѣзжалъ чрезъ Вѣну, устроенъ былъ императоромъ балъ, на который не былъ пригла- шень Урбихъ, такъ какъ былъ тогда не посланникомъ, а резидентомъ. Обидѣвшись на это, Урбихъ съ первой отходящей почтой уѣхалъ въ Данію и получилъ посланническій характеръ.

¹⁾ Подъ предлогомъ, какъ курюретъ имперіи, передать войска Голландцамъ для войны за Испанское наслѣдство. III, 254, ср. IV 135—136.

²⁾ III, 253—255, ср. IV, 125.

на свои званые обѣды, гдѣ присутствовали кардиналы, примасъ, министры, графы и князья. Обѣ одномъ изъ такихъ обѣдовъ князь Куракинъ отзывается, что такъ былъ «столъ убранъ, что ни у кого такого не видалъ». Одинъ разъ князь обѣдалъ у принца Ганноверскаго Тахза*), двоюроднаго брата цезаря; здѣсь же присутствовалъ и другой Русскій, князь Прозоровскій. За обѣдомъ хозяинъ, взявъ обычную рюмку и повертываясь къ князьямъ Куракину и Прозоровскому, пилъ здоровье царскаго величества. Но Русскіе князья не отвѣтили здравицей за цезаря, такъ какъ принцъ пилъ приватно; «та политика князей при столѣ, замѣчаетъ по этому поводу князь Куракинъ, что мало пьютъ про potentатовъ здоровье для своего респекту и не афронтировать одного изъ такихъ персонъ предъ другимъ». Въ качествѣ знатнаго иностранца, князь Куракинъ былъ приглашенъ однажды присутствовать и на церемоніи цезарскаго ужина. Это было 18 Января въ субботу. Сначала князь видѣлъ, какъ императоръ (Иосифъ I) шель къ вечернѣ. Онъ былъ во Французскомъ бѣломъ, шитомъ платьѣ; впереди его шествовалъ оберъ-каммергеръ, а по обѣ стороны шесть человекъ пажей съ зажженными свѣчами; за цезаремъ шла императрица, которую велъ придворный маршалокъ, а за нею придворныя дамы. За вечерней въ капеллѣ играла музыка, «хотя и хорошая, но не такая, какъ въ Италіи». Часа чрезъ полтора послѣ вечерни состоялся ужинъ у вдовствующей императрицы, матери государя. Ужинавшіе сидѣли за длиннымъ столомъ; въ центрѣ цезарь, съ правой стороны отъ него императрица, съ лѣвой его мать, по бокамъ стола три сестры императора и Испанская королева, противъ императора двоюродный братъ цезаря, принцъ Флорентинскій. Ужинъ начался благословеніемъ крестоваго священника. Служили придворныя дамы: онѣ носили кушанья, ставили ихъ на столъ, разрѣзывали и пить подавали. Предъ каждымъ стояло по малой солончкѣ. Первый кубокъ цезарь пилъ за здравіе матери. Между собою царская семья мало говорила; но за то находившіеся въ столовой дамы и кавалеры, къ удивленію князя Куракина, съ великою смѣлостью разсуждали и безъ всякаго опасенія. Пока цезарь не выпивалъ перваго кубка, всѣ министры стояли при столѣ; а какъ выпилъ, отдавъ поклонъ, поѣхали по своимъ домамъ. Этотъ порядокъ цезарскаго ужина перемѣнялся только въ томъ случаѣ, когда при публичныхъ цезарскихъ столахъ присутствовали посланники и кардиналы: «тогда цезарь, по словамъ князя Куракина, никого при столѣ своихъ кровныхъ неповиненъ былъ сажать, токмо самъ съ императрицею, и сидитъ при столѣ въ шляпѣ». Въ шляпахъ находились и присутствовавшіе до перваго кубка, послѣ котораго министры,

---

*) Турнъ-и-Таксисъ? П. Б.

отдавъ поклонъ, расходились по своимъ домамъ. По окончаніи стола маршалъ двора спрашивалъ у цезаря, «ордиру», т. е. приказанія, о распорядкѣ слѣдующаго дня, съ чѣмъ и соображались придворные *).

Спустя недѣлю послѣ этого ужина, князь Куракинъ былъ на аудіенціи у императора. Она состоялась вечеромъ, 28 Января. Когда князь пріѣхалъ во дворецъ, то дожидался часъ времени: цезарь давалъ аудіенцію Саксонскому кардиналу, который тоже ждалъ аудіенціи цѣлый часъ, «а не такъ какъ въ Римѣ, пишетъ князь Куракинъ, гдѣ кардиналъ не можетъ ждать и идетъ немедленно въ назначенное время». Въ залѣ аудіенціи императоръ стоялъ подъ балдахиномъ, на маестатѣ, прислонясь спиною къ столу. На немъ были кафтанъ бѣлый, суконный съ позументами, малый парикъ съ хвостами и шляпа съ бѣлымъ перомъ. Правую руку безъ перчатки онъ держалъ за пазухою, лѣвая была въ перчаткѣ. Войдя въ залу, князь Куракинъ сдѣлалъ три обыкновенныхъ поклона: одинъ при входѣ, другой по срединѣ залы и третій около рундука, возвышеннаго мѣста предъ трономъ. Остановясь здѣсь, князь Куракинъ сказалъ слѣдующее привѣтствіе поитальянски: — «Ваше цезарское священное величество! Бывъ въ Римѣ для дѣлъ его царскаго величества въ проѣздѣ нынѣ резиденціи вашего цезарскаго величества, покорно прихожу цѣловать руку вашего цезарскаго величества». Императоръ отвѣчалъ: «Я радуюсь твоему возвращенію и покажу милость по вашему желанію; возвращаясь, обнадежите его царское величество, что хотимъ всегда содержать дружбу и добрую корреспонденцію».

Послѣ этого князь Куракинъ вступилъ на рундукъ и пошелъ къ цезарю, который съ своей стороны сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу князя. Подойдя близко, князь поклонился, поцѣловалъ правую руку императора и, сойдя затѣмъ съ возвышенія, снова сдѣлалъ поклонъ и сказалъ: «по пріѣздѣ до его царскаго величества донесу о всей любви вашего цезарскаго величества». Послѣ того, согласно этикету, князь Куракинъ, обратясь лицомъ къ императору и все время смотря на него,

---

*) Похожій на описанный церемоніалъ ужина видѣлъ и бояринъ Б. П. Шереметевъ въ бытность свою въ Вѣнѣ въ 1697 году. Въ восьмомъ часу ночи, бояринъ убрался въ Нѣмецкое платье, пришелъ въ столовую цезаря, поклонился его величеству и всему цезарскому семейству и сталъ на особливомъ мѣстѣ. За столомъ сидѣли цезарь, по правую его сторону императрица, по лѣвую наследникъ, а за тѣмъ четыре цесаревны. Кушанья, откладывая на тарелки, подносила цезарю сама императрица; другимъ же прислуживали дѣвцы. Императрица прислала къ боярину своихъ двухъ дѣвицъ, которыя умѣли говорить „почеркасскому“; поклонясь, онъ спросилъ боярина, какъ ему нравится чинъ? Шереметевъ зѣло похвалилъ. „И подчивали тутъ боярина старые сенаторы всякимъ питьемъ“. По отправленіи стола Шереметевъ поклонился цезарю и вышелъ изъ палаты. (Журн. путешествія на островъ Мальту Б. П. Шереметева въ 1697—1699 гг. Памятники X, 1614).

съ тремя поклонами вышелъ изъ залы. На другой день къ князю приходили брабанты, «какъ бы истопники по нашему», которымъ князь далъ 20 гульденовъ; обычай былъ меньше 10 не давать. За скорымъ отъѣздомъ изъ Вѣны князю Куракину не удалось быть на аудіенціи у императрицы, какъ того требовалъ этикетъ.

Веселая жизнь въ Венеціи отразилась на матеріальныхъ средствахъ. Еще изъ Венеціи князь писалъ своему шурина А. Θ. Лопухину, чтобы онъ поговорилъ Любсу, или какому либо другому купцу, похлопотать за него и устроить ему кредитъ въ Голландіи на 1000 ефимковъ. Эти деньги князь Куракинъ просилъ заплатить изъ своей домовой казны въ Москвѣ¹⁾, хотя бы и «съ трудомъ». По пріѣздѣ въ Вѣну князь былъ въ великой меланхоліи, потому что не имѣлъ «ажъ 50 червонныхъ», а прожитіе въ Вѣнѣ было очень дорого. Еще въ 1697 г. Русскій посланникъ Кузьма Неѣймоновъ жаловался, что «хлѣбъ ржаной и пшеничный, и съѣстные всякіе кормы, и живность въ Вѣнѣ противъ Москвы въ трое и больше; а именно, гуся покупали по четыре гривны, утенка въ десять алтынъ, Русскаго куренка въ двѣ гривны, каплуна по ефимку, индѣйку по два ефимка, поросенка по полъефимку, фунтъ говяжьяго мяса по два алтына, тушу барана по два ефимка, фунтъ коровьяго масла по гривнѣ, окорокъ свинины по ефимку; боченокъ пива, мѣрюю въ ушатъ, по два ефимка, вина двойнаго ведро по четыре ефимка, а простого по два; возъ дровъ, привезенныхъ водою, по четыре ефимка, а деревенскихъ по два»²⁾. Нужда въ деньгахъ для князя Куракина была тѣмъ тяжелѣе, что въ Вѣнѣ онъ не пользовался кредитомъ, благодаря Гейзену, который его обманулъ: князь обратился къ нему съ просьбою о ссудѣ, Гейзенъ обѣщалъ дать 150 червонныхъ изъ денегъ князя Меншикова, которыя надежало взять у Вѣнскаго купца Вейстрема, съ тѣмъ, чтобы князь Куракинъ заплатилъ ихъ въ Гамбургъ одному купцу, выманилъ у князя «облигованное письмо» къ князю А. Д. Меншикову и вексель, самъ взялъ деньги у купца, но князю не отдалъ³⁾. Въ письмѣ къ Шафирову изъ Вѣны князь Куракинъ писалъ, что хотѣлъ ѣхать изъ Вѣны чрезъ Венгрію, но остался за нуждою въ деньгахъ;

¹⁾ III, 363. Свою задержку въ Венеціи въ этомъ письмѣ князь объяснялъ тѣмъ, что чрезъ Польшу, занятую непріателемъ, проѣхать ему нельзя, а въ Краковѣ и въ Австрійскихъ земляхъ—моръ; князь опасался, какъ бы не задержаться въ Венеціи до весеннихъ кораблей.

²⁾ Памятники VIII, 444—445.

³⁾ III, 869. Письмо къ Шафирову изъ Вѣны; судя по содержанию, оно было написано въ послѣднихъ числахъ Января и позднѣе помѣщеннаго подъ №№ 265—268; князь Куракинъ проситъ Шафирова быть за него „протекторомъ“ предъ Меншиковымъ, которому онъ своевременно сообщалъ про обманъ. Ср. III, 372.

если, писалъ онъ, «дѣти его превосходительства Гаврилы Ивановича Головкина меня не вывезутъ, воистину съ голода и стыда придется умереть, и выѣхать будетъ нечѣмъ». Путь чрезъ Венгрію, по случаю возстанія Ракоци, былъ такъ ненадеженъ, что князь Куракинъ иронически писалъ о немъ (17 Января) А. Ѳ. Лопухину: «Никто (думаю) нашей націи того счастья (въ проѣздѣ) не получалъ». Въ это время у князя было не болѣе 10 червонныхъ, и онъ «обрѣтался въ самомъ убожествѣ и нищенствѣ». Въ концѣ Января своему управляющему Ф. Губастову онъ писалъ изъ Вѣны: «Филиппъ Губастовъ! Всѣмъ въ домѣ моемъ скажи, чтобы за всѣмъ смотрѣли и лишннихъ расходовъ никакихъ не дѣлали, и не только что лишннихъ, но даже и изъ скромныхъ убавляли бы и собирали деньги, чтобы мнѣ здѣсь съ голоду не умереть; все лишнее въ запасѣ и хлѣбахъ продавай. А въ Тверской деревнѣ всемѣрно нынѣ продай весь хлѣбъ, чтобы не сгнилъ; оставь только для нужды. Хотя и тягостно для крестьянъ, но для дороговизны можно хлѣбъ поставить къ Москвѣ или въ подрядъ въ Новгородскіе предѣлы ¹⁾... Сѣно и дрова лишнія продай... и вымышляй, гдѣ бы достать денегъ ²⁾».

Находясь въ такой нуждѣ и не зная, какъ выѣхать въ Россію, князь Куракинъ получилъ «внезапное», по его словамъ, счастье: указомъ его величества приказано было ему ѣхать въ Гамбургъ для царскихъ дѣлъ, безъ характера, и жить до указа, покамѣсть не будетъ присланъ резидентъ; деньги на проѣздъ, въ количествѣ 150 червонныхъ, Куракину велѣно было взять у Урбиха ³⁾. Предъ отъѣздомъ князь нанялъ секретаря, за 100 сѣмковъ въ годъ и съ содержаніемъ отъ себя.

Въ началѣ Февраля князь и выѣхалъ въ Гамбургъ, уже 7-го былъ въ Прагѣ, городѣ самомъ «меланхолическомъ», въ которомъ, по словамъ князя Куракина, не было никакихъ забавъ, не было крѣпости, купечество посредственное; хорошъ только мостъ чрезъ Молдаву, дворецъ цезаря, но старой моды. Изъ Праги, подъ вымышленнымъ именемъ Итальянца Франциска Доміані ⁴⁾, князь Куракинъ чрезъ Дрезденъ, Лейпцигъ, Брауншвейгъ, Вольфенбютель и Цель, 21 Февраля пріѣхалъ въ Гамбургъ. Цѣль поѣздки состояла въ томъ, чтобы въ вольномъ имперскомъ городѣ «предостереганія всякія чинить», о чемъ и были извѣщены бургомистры Гамбурга особою грамотою. Изъ писемъ князя къ разнымъ лицамъ мы узнаемъ, что между прочимъ ему велѣно было оста-

¹⁾ Гдѣ происходила закупка хлѣба для арміи.

²⁾ III, 371—173.

³⁾ I, 279; ср. IV, 125.

⁴⁾ Слуга Куракина ѣхалъ подъ вымышленнымъ именемъ иностранца Тиллера.

новить печатаніе въ Гамбургскихъ газетахъ разнаго рода «пасквилей и блазностей» о Россіи. Въ газетахъ печатали тогда всякія несообразности, напр., о томъ, что Петербургъ взятъ обратно Шведами. Къ сожалѣнію, князю не сообщено было, въ какихъ газетахъ и что именно печаталось о Россіи. Когда бургомистры города спрашивали его о томъ, онъ не могъ указать обидныхъ статей. На протестъ князя Куракина бургомистры отвѣчали, что въ газетахъ пишутъ о цезарѣ и другихъ потентатахъ, но они не обижаются. Князю А. Д. Меншикову князь писалъ ¹⁾, что «здѣшніе господа бургомистры и всѣ жители, ей, намъ противные люди; что имъ не говорю, ни на что не глядятъ». Кромѣ бургомистровъ, князь Куракинъ заявлялъ о газетномъ дѣлѣ Московской компаніи купцовъ, указывая имъ, чтобы они ради торговыхъ выгодъ настаивали на запрещеніи печатать пасквили. Но трудно было бороться съ газетами, которыя находились подъ давленіемъ Шведскихъ министровъ: Шведская провинція Бременъ лежала совсѣмъ близко отъ Гамбурга. Чтобы ослабить вліяніе вредныхъ статей, князь Куракинъ самъ сталъ печатать статьи въ газетахъ, «слагаючи въ фаворъ Россіи»; при этомъ прѣбѣгалъ къ вымысламъ, печаталъ «то, чего и не зналъ».

Въ Гамбургѣ князь Куракинъ провѣдалъ, что Прусскій и Ганноверскій дома желали усмирить Шведа, но только за тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе Россіи отъ возобновленія войны противъ Швеціи, а отнюдь не для того, чтобы помирить Шведа съ Россіею. Оказалось, что тайную переписку нашего двора съ Датскимъ о привлеченіи Даніи къ союзу съ Россіею узнали иностранцы. «Великой изъ этого афронтъ всѣмъ нашимъ министрамъ, а особливо господину Долгорукому (В. Лукичу) въ Копенгагенѣ, для того, что все его дѣло не будетъ ему въ глорію (славу) и не придетъ, потому что баронъ Урбихъ посылалъ Веселовскаго (секретаря) до министра короля Датскаго, чтобы ѣхалъ въ Лейпцигъ дѣлать совѣтъ общій въ лянсъ, а отъ нашего тамъ посла велѣлъ скрытно то учинить. И посему мы всѣ въ дуракахъ, также и Андрей Матвѣевъ, для того, что все чрезъ Урбиховы руки идетъ, а не чрезъ ихъ, тѣхъ нашихъ министровъ» ²⁾. Одного изъ этихъ министровъ А. А. Матвѣева (Голландскаго) князь Куракинъ, какъ «истинный другъ и покорный слуга», старался осторожно предупредить о томъ, чтобы онъ не выпускалъ изъ своихъ рукъ дѣла о союзахъ. Разсказавъ въ письмѣ отъ 6 Марта о томъ, что въ Вѣнѣ идутъ переговоры о союзѣ съ Россіею и о Вольфенбютельскомъ маріажѣ, князь Куракинъ дипломатично сообщаетъ далѣе: «Что касается вопроса о гарантіи союза, то онъ, князь,

¹⁾ Отъ 13 Апрѣля.

²⁾ III, 256.

слышалъ, что Лондра (Англія) и Гага (Голландія) на эту гарантію не согласны. А такъ какъ эта гарантія идетъ чрезъ вашу персону и онаго (т. е. Урбиха) при Вѣнскомъ дворѣ: то, когда дѣло придетъ къ окончанію, было бы хорошо, чтобы оно не легло на одного его (Урбиха), въ гоноръ и славу при дворѣ царскаго величества¹⁾. Въ Гамбургѣ «предостерегать» Русскія выгоды было и вообще трудно (со стороны непріятеля сообщалось много фальшивыхъ извѣстій), но съ своей стороны «отвѣтствовать», писалъ князь Шафирову отъ 19 Марта, мы не можемъ, потому что не имѣемъ свободной корреспонденціи²⁾.

По обычаю князь, хотя и коротко, но описалъ городъ, въ которомъ, по волѣ царя, ему пришлось прожить нѣкоторое время. Онъ замѣтилъ, что церкви въ городѣ по преимуществу Лютеранскія, а приходскихъ только пять, св. Петра, Николая, Екатерины, Іакова и Михаила. Рѣка Эльба, «великимъ величествомъ широты впала въ море», такъ что корабли безъ труда всходятъ до города. Въ немъ много каналовъ, какъ въ Голландіи. Большихъ домовъ въ городѣ не было; купцы держали товары болѣе въ домахъ, чѣмъ въ лавкахъ, по Французской модѣ. Внутреннія помѣщенія въ домахъ низки, устроены покупчески, а не на «сенаторскую статью»: нѣтъ большихъ залъ и антикаморъ. Если бы были гдѣ большія залы, то ихъ обращали Гамбургцы въ конюшни, ставили кареты и лошадей. Жители города, по природѣ, смѣшанной крови отъ всѣхъ націй; но кровь «изрядная»: бѣлы и румяны, въ особенности женщины. Дворянства мало, больше купцовъ. Тѣмъ не менѣе многіе Германскіе князья (Ганноверскій, Голштинскій, Виртембергскій и др.), а также и министры, имѣютъ въ городѣ свои палаты и «капитала нѣсколько», «на всякіе припадки несчастія, своихъ персонъ во остереганіе». Городская крѣпость неважная; земляная фортификація; валъ обсаженъ деревьями, гдѣ лѣтомъ происходитъ гулянье. Гарнизона немного: только 1000 человекъ; но на ночь ставили «для вѣрности» солдатъ изъ ремесленниковъ, которыхъ до 2000. Войскомъ управлялъ генералъ-комендантъ; власть его однако ограничена магистратомъ: безъ его вѣдома онъ ничего не могъ сдѣлать. Городской совѣтъ завѣдывалъ и аммуницией, и жалованьемъ, которое, случалось, не выдавалось по году и больше. Солдаты «люди добры». Въ городѣ стекалось много прѣбавшихъ кавалеровъ, въ особенности лѣтомъ, когда устраивались гулянья въ садахъ. «Думаю, пишетъ князь Куракинъ, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ такихъ прекрасныхъ садовъ, какъ въ Гамбургѣ»; они устраивались большимъ коштомъ, артофициально (художественно), а не натурально, какъ

¹⁾ III, 373.

²⁾ III, 374.

въ Италіи или во Франціи. Князя кромѣ этого поразило обиліе дуэлей въ городѣ среди кавалеровъ; мѣсто къ этому было способное: заграничное сосѣдство. По ту сторону рѣки Эльбы, противъ города, были владѣнія князя Ганноверскаго, съ большою крѣпостію; къ нимъ принадлежали и нѣкоторые острова у города, расположенные близко, «на перестрѣль изъ оузей». Ниже этихъ владѣній, разстояніемъ на четыре мили, находились уже Шведскія владѣнія (Бременъ); а государство Датское такъ близко подошло къ городу (городъ Altona), что отъ крайнихъ Гамбургскихъ домовъ до границъ Датчанъ было не болѣе 300 сажень: въ праздничные дни жители Гамбурга всѣмъ городомъ «для забавъ» ходили гулять въ Датское царство. По другую сторону рѣки, тоже, опять находились чужія владѣнія: принца Виртембергскаго, Голштинскаго и другихъ. Благодаря такому положенію города, когда на дуэляхъ «другъ друга изобьютъ», то тотчасъ могутъ уйти въ другое государство. Изъ сосѣдей самый желательный для горожанъ былъ король Шведскій какъ по единству вѣры, такъ и по охранѣ города; а самый сильный непріятель, «наипершій», король Датскій. Въ числѣ особенностей города князь замѣтилъ городской винный погребъ, куда сходились купцы пить разныя вина: Рейнвинъ, Мозель, Алекантъ, Сектъ, Soransi-vein. На верху этого погреба устроена была особая палатка, куда приходили сенаторы на совѣтъ. Предъ каждымъ изъ нихъ ставились бутылка съ виномъ и сыръ; такъ пили и о дѣлахъ разсуждали. «Самую глупость, и непорядокъ, и мужитство того городу» увидѣлъ въ этомъ обычаѣ Русскій князь ¹⁾).

Въ Гамбургѣ князь Куракинъ прожилъ два мѣсяца, до 19 Апрѣля. Вѣроятно около этого времени онъ получилъ приказъ возвратиться на родину. А. Ф. Лопухину онъ писалъ: «Ей, не радъ житію здѣсь и съ радостію радъ возвратиться въ патрію (отечество)» ²⁾. Одна изъ причинъ нерадостнаго житія заключалась въ денежномъ оскудѣніи: 150 червонныхъ, взятые у Урбиха, были издержаны. Лопухину онъ сообщалъ, что не имѣлъ ни одного шиллинга и уже въ долгъ наѣлъ на 500 ефимковъ; а Филиппу Губастову писалъ: «Какъ можете, для Бога старайтесь, чтобы ко мнѣ денегъ на вексель прислать. Отъ всей мочи старайтесь, на сколько можете собраться на всѣ деньги. Собрался, пришлите; если не пришлете, то съ голоду придется умереть». Чтобы собраться съ деньгами, князь Куракинъ занялъ у Матвѣя Поппа (братъ котораго, Ив. Лаврентьевичъ, былъ торговымъ агентомъ въ Москвѣ) 500 ефимковъ. Какъ бѣдно въ это время стоялъ кредитъ князя, видно изъ того, что въ обезпеченіе

¹⁾ I, 229—231.

²⁾ I, 233.

займа князь Куракинъ далъ Поппу въ залогъ свою «запону, алмазныя петлицы», въ суммѣ 400 ефимковъ. Деньги князь обѣщался заплатить чрезъ четыре мѣсяца.

Въ Россію князь поѣхалъ чрезъ Германію и Австро-Венгрію. Можно было бы ѣхать моремъ (ближе и дешевле), но моремъ князь не поѣхалъ, опасаясь Шведовъ. Въ Гамбургъ онъ узналъ, что князь Долгорукій, братъ Копенгагенскаго посланника, хотѣлъ изъ Кенигсберга на Голландскомъ кораблѣ уѣхать въ Россію; но предупрежденный объ опасности отъ Шведскихъ каперовъ не поѣхалъ, остался въ Кенигсбергъ, отправивъ моремъ свой багажъ. Однако Голландскіе корабли попались непріятелю и препровождены были въ Штетинъ. Случай этотъ нарочито записалъ Куракинъ, чтобы имъ отговариваться при дворѣ, если бы его стали обвинять въ продолжительности поѣздки. Моремъ князь отправилъ только свой багажъ, два ящика, и то чрезъ Архангельскъ. Содержимое отправленнаго свидѣтельствуется о томъ, чѣмъ записся князь за границей. Еще изъ Рима ¹⁾ онъ писалъ царю Петру, что по указу его закупилъ всякихъ книгъ архитектурныхъ и по фортификаціи и что впредь будетъ стараться «искать всякихъ артефакцій новыхъ инвенцій (всякихъ искусствъ, новыхъ изобрѣтеній). Эти книги уложены были въ одномъ ящикѣ; а въ другомъ находились книги и вещи самого князя. Именно, онъ отправлялъ: Апостолъ, Псалтирь, Триодъ и Катихизисъ на Русскомъ языкѣ, книгу письменную Итальянскую о кардиналахъ; Итальянскія письма нужныя; Французскій атласъ, двѣ карты Италіи; девять письменныхъ тетрадей Французскаго дикціонарія ²⁾; листъ гербовъ; книгу секретаря; въ окованной шкатулкѣ описание della mia vita (сохранилось донинѣ); книжку зеленую нужныхъ записокъ въ шкатулкѣ, за печатью; il breve al Papa et altri necessari (leterî); книгу dictionario Итальянскую, Французскую ³⁾; книгу окладную вотчинамъ и другую, хлѣбу; хронологію (хронологію) всѣхъ папъ на большомъ листу; книги за печатями, а) корреспонденціи Римской, б) Гамбургской (не сохранилась) и в) дѣлъ Римскихъ; карту границъ Китая съ Сибирью и сверхъ сего по каталогу «книгъ секретаріевыхъ и моихъ». Изъ вещей князь отправлялъ красный бархатный кафтанъ съ золотыми пуговицами и штанами, темносѣрый кафтанъ съ золотыми позументами и штаны; лѣтній кафтанъ, кафтанъ и штаны одного штофу съ золотомъ; спорокъ съ камзола, золотной, гвоздишный; камзолъ и штаны померанцовые; камзолъ серебряный, камзолъ золотной лучшей; старый Японскій кафтанъ; краснопесочный кафтанъ, съ камзоломъ и штанами, пуговицы

¹⁾ III, 364—365, стр. I, 233—234 и IV, 128—130.

²⁾ и ³⁾ Въ Римѣ князь занимался изученіемъ Итальянскаго и Французскаго языковъ.

золотныя; кафтанъ лакейскій съ голубыми отворотами; княжнѣ (дочери) колпачекъ женскій тафтяной; бѣлую простыню съ кружевомъ, два пестрыхъ платка, четыре шелковыхъ новыхъ и два простыхъ, бѣлую душегрѣйку или «больстрогъ», три парика съ узлами, парикъ карей (карий?) и два лѣтнихъ; цѣлый бархатъ за печатью; три пары башмаковъ и одна княжнѣ; чулки старые, шелковые, бѣлые; шелковые пестрые, красные, валеные, двое портовъ, золотнова галуна полтретья аршина на шляпу, завойчатый мѣхъ къ сапогамъ, 6 верхнихъ рубашекъ, 7 галстуконъ, четыре пары рукавицъ (перчатокъ) разныхъ цвѣтовъ, суконную портупею, четыре пары пистолей, шпагу серебряную и мѣдную золоченую, кусокъ клеенаго или войсковаго холсту, красное перышко, два куска угля, чѣмъ чистятъ ружья, садовый ножикъ, ящикъ виперовъ (эхиднѣ) сушеныхъ (для лѣченья), шкатулку, подвязки, оловянные пуговицы, бритвы, камушекъ, рудометный (кровопускательный) инструментъ, лоскутъ соболей, шитый чапракъ съ чехломъ, уздечкою и отворотами, въ шкатулкѣ папскія монеты, жестянку съ шеколадомъ и лепешечками и 10 ф. шеколаду, бархатный зеленый колпачекъ, Французскую чернилицу, двѣ кубышки табаку и четыре плетеныхъ фляжки. Кромѣ этого отправлено было много портретовъ, картинъ, образовъ и др. вещей ¹⁾.

Видно, что князь, обращая вниманіе на костюмъ, немалую долю его сосредоточивалъ и на книгахъ, преимущественно богослужебныхъ, грамматическихъ и всякихъ «артей». Пустыхъ вещей въ этомъ перечнѣ, за рѣдкими исключеніями, не встрѣчаемъ. И справедливость требуетъ сказать, что нравственный багажъ, пріобрѣтенный княземъ во время этого вторичнаго путешествія за границей, былъ сравнительно богатъ. Князь завелъ въ Европѣ новыя знакомства съ лицами образованными и занимавшими видное мѣсто, которыя и старался сохранить. Между прочимъ изъ Венеціи онъ писалъ къ неизвѣстному, кажется, въ Лондонѣ, что «взялъ знаемость съ господиномъ кардиналомъ Корнеръ и въ бытность свою въ Падуѣ съ великою любовію былъ принятъ и трактованъ съ удовольствіемъ». Близкій родственникъ кардинала, Францискъ Корнеръ былъ посломъ въ Лондонѣ. Князь просилъ неизвѣстнаго, чтобы «онъ къ случаю, а не въ трудъ себѣ, покорное благодареніе ему объявить» и такимъ образомъ, напомнилъ о князѣ ²⁾. Новыя знакомства, столкновенія и отношенія съ разными лицами расширяли умственный кругозоръ князя Куракина и готовили его къ болѣе дѣятельному сотрудничеству при царѣ. Любопытное доказательство того, какъ князь выросъ за время этого своего путешествія за границу, встрѣчаемъ въ

¹⁾ I, 237—239, ср. IV, 131—132.

²⁾ III, 367—368.

запискѣ, составленной имъ въ Римѣ, для памяти, на тему о томъ, въ какихъ преимущественно книгахъ нуждалась Русская земля Петровскаго времени. Болѣе или менѣе образованный представитель Россіи за границей, конечно, чувствовалъ крайнюю нужду въ свѣдѣніяхъ о состояніи разныхъ частей Русскаго государства, дабы при случаѣ можно было дать отвѣтъ иностранцамъ на вопросы о родинѣ. Между тѣмъ въ разпоряженіи Русскихъ министровъ за границей не было такихъ данныхъ, на основаніи которыхъ они могли бы твердо разсуждать о состояніи Русской земли: сложная, разумно-сознательная во всѣхъ отношеніяхъ историческая жизнь Россіи только-что начиналась; на зарождающуюся потребность знанія родины не было отвѣта. Вотъ почему князь писалъ, что надо составить книги: 1) о чинахъ Русскаго государства, какъ постоянныхъ (боярина и по самый низкій чинъ), такъ и временныхъ (судей, воеводъ и пр.), равно о чинахъ придворныхъ, съ изображеніемъ области и значенія каждаго изъ нихъ; 2) о количествѣ чиновъ, потребномъ для управления государствомъ, «наприкладъ, сколько нужно воеводъ, судей, дьяковъ, приставовъ, головъ, цѣловальниковъ» и пр.; 3) о городахъ, времени ихъ происхожденія и значеніи въ общей системѣ управленія, съ подраздѣленіемъ на большіе, средніе и малые и съ указаніемъ, въ какомъ городѣ и какія фамиліи назначаются воеводами; 4) о количествѣ дворовъ въ городахъ и посадахъ и крестьянъ и о размѣрѣ взимаемыхъ съ нихъ податей; 5) о болѣе или менѣе замѣчательныхъ памятникахъ произведенія природы и искусства, заводахъ, артистической промышленности въ городахъ, а также о вареніи соли въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ оно производится; 6) о Москвѣ, ея размѣрахъ, улицахъ, воротахъ, церквахъ, монастыряхъ, мощахъ святыхъ, образахъ, выдающихся домахъ; ея оружейной мастерской, конюшенной, дворцовой, казенной, Сибирской артиллеріи, монетной; ея гостиномъ и др. торговыхъ домахъ; ея собранія звѣрей, соколахъ и всего, «что ни есть въ самой Москвѣ»; 7) о церковномъ строѣ Русской земли, ея митрополіяхъ, архіепископіяхъ, епископіяхъ, архимандріяхъ и монастыряхъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ; 8) о богослужебномъ порядкѣ, въ какой день года и какое дѣйство бываетъ, кто его отправляетъ, въ какіе часы благовѣстятъ къ заутренѣ, обѣднѣ и вечернѣ и долго-ли продолжается благовѣстъ; 9) о чинахъ церковныхъ патріарха и прочихъ духовныхъ властей, равно княжескихъ, дворянскихъ и среднихъ людей; 10) о финансахъ государства; о войскѣ, сосредоточеніи его въ мѣстахъ, «въ которыхъ повинно гарнизоны держать, объ оборонительныхъ и наступательныхъ силахъ государства, о составѣ войска въ мирное и военное время и его содержаніи; 11) о товарахъ и торговлѣ Русскаго государства, о цѣнахъ на товары и о торгѣ съ иностранцами; 12) объ экстраординарныхъ случаяхъ, бывшихъ

въ государствѣ въ теченіе года и 13) о международныхъ сношеніяхъ; «въ концѣ года печатать особую книгу о сношеніяхъ съ принципами Европейскими». Кромѣ краткихъ записокъ Котошихина, да и то не пользовавшихся распространеніемъ, Россія не имѣла тогда какихъ либо иныхъ статистическихъ описаній, знакомившихъ общество съ ея состояніемъ. Присматриваясь къ Европейской жизни, князь понималъ важное значеніе такихъ описаній, поэтому и рекомендовалъ ихъ завести. Пребываніе за границей научило его и вообще цѣнить значеніе образованія. Въ письмѣ къ А. Θ. Лопухину изъ Вѣны онъ писалъ: «Зѣло радуюсь о дѣтяхъ, что учатся и танцуютъ»; а своимъ дѣтямъ, сыну Александру и дочери съ сестрою сообщалъ: «Князь Александра Борисовичъ, здравствуй Зѣло радуюсь, что учитесь. Токмо соболѣзную, что еще не говорите понѣмещки; уже время не такое, требуетъ немалого прилежанія, а не лѣности. А паче меня веселитъ, что умѣете танцовать». Время Петра предъявляло особый спросъ на виѣшній Европейскій лоскъ; князь понималъ это, почему придавалъ и особое значеніе танцамъ. Филипу Губастову онъ писалъ изъ Рима: «А дочери скажи, что я нарочно для нея выучилъ три танца, чтобы ей одной не скучно было танцовать» *).

Переѣздъ князя Куракина изъ Гамбурга въ Россію былъ очень продолжителенъ: онъ ѣхалъ пять мѣсяцевъ, съ 19 Апрѣля по конецъ Сентября. На пути онъ заѣзжалъ въ Ганноверъ, гдѣ замѣтилъ великое богатство курфирста, получавшаго ежегодно доходовъ 3 милліона талеровъ. Хотя провинція его, по словамъ князя Куракина, все болота и песчанья мѣста, гдѣ трава не родится, однако онъ имѣетъ у себя руды золотыя и серебряныя, такъ что дворъ его предъ другими «магнификъ изрядной». Проѣзжая чрезъ разные города Германіи и Голландіи и кратко ихъ описывая, князь Куракинъ особенно остановилъ свое вниманіе на Брюсселѣ. Здѣсь, кромѣ другихъ достопримѣчательностей, онъ заинтересовался паркомъ, въ которомъ послѣ обѣда сходились дамы и кавалеры, а равно и принцессы для прогулокъ. Въ одинъ праздничный день князь Куракинъ видѣлъ въ немъ больше 1000 персонъ: «могу молвить, что ни въ Германіи, ни въ Италіи такой променады не видалъ». Въ Бельгіи князь Куракинъ, когда находился въ войскахъ союзниковъ, видѣлъ Ганноверскаго принца, будущаго короля Англіи, Георга I, которому лордъ Мильборо отдавалъ почтеніе, «якобы наслѣдственному принцу». Какъ курьезъ, князь Куракинъ записалъ о Брюсселѣ, что онъ по своему географическому положенію высоко стоитъ надъ Голландією: «по-сему смотри низость Голландскую и умидиту (сырость) аріи (воздуха)», замѣчаетъ князь. Проѣзжая изъ Бельгіи въ Силезію на Бреславль, князь

---

*) III, 371, 366.

остановился на недѣлю въ Лейпцигѣ, гдѣ захворалъ его слуга Фредерикъ, котораго онъ и оставилъ на дорогѣ. Изъ Бреславля князь хотѣлъ ѣхать чрезъ Польшу, но «за великимъ повѣтріемъ» остановился, свернулъ на Вѣну, гдѣ жилъ инкогнито цѣлый мѣсяцъ, ожидая изъ Венеціи князя Трубецкого. Въ Вѣнѣ князь Куракинъ поручилъ пріятное извѣстіе: ему приказано было выдать 1053 р., которыми князь оплатился съ М. Поппомъ, поручивъ ему оставленную въ закладъ запону переслать въ Москву. Затѣмъ изъ Вѣны князь Куракинъ, чрезъ Венгрію, на Львовъ, поѣхалъ въ Кіевъ. Путь чрезъ Венгрію, хотя и былъ тяжелъ по случаю возстанія Ракоци, но такъ какъ тогда происходили дружественныя сношенія Русскаго двора съ Австрійскимъ и съ самимъ Ракоци (чрезъ Украинцева ¹⁾), то князь Куракинъ, пользуясь проѣздными листами Австрійцевъ и Венгровъ, благополучно доѣхалъ до Львова; въ Агріи, резиденціи Ракоци, онъ былъ принятъ даже почетно и обѣдалъ у князя. Во время этого объѣзда Европы, начиная съ Италіи, князь Куракинъ на одну почту издержалъ 1500 ефимковъ.

Въ Россіи въ это время была большая печаль: Карлъ XII, покончивъ свои дѣла въ Польшѣ, шелъ въ Малороссію, гдѣ измѣнилъ Мазепа. Русская армія стягивалась къ средней Деснѣ, чтобы воспрепятствовать движеніямъ Карла. Пробывъ съ недѣлю въ Кіевѣ, князь Куракинъ поѣхалъ къ Стародубу, гдѣ въ мѣстечкѣ Погарахъ нашелъ фельдмаршала Шереметева и министровъ Головкина, Долгорукаго и Шафирова. Петръ, послѣ побѣды надъ Левенгауптомъ, былъ въ Смоленскѣ. Когда армія передвинулась къ Новгородъ-Сѣверскому и остановилась въ деревнѣ Погребкахъ, прибылъ и Петръ. Нашъ князь встрѣченъ былъ любезно министрами; разсуждали о томъ, чтобы ему, вмѣстѣ съ другими приближенными лицами Государя, участвовать въ секретномъ совѣтѣ. Но иначе отнесся къ князю Петръ: онъ встрѣтилъ его неблагосклонно и не имѣлъ съ нимъ продолжительнаго разговора, какъ это обыкновенно было со всѣми возвращавшимися изъ-за границы посланниками. «Однакожь я, замѣчаетъ князь Куракинъ, какъ въ своемъ намѣреніи былъ, которые привезъ подарки, презентовалъ, токмо все in nulla». Меншиковъ относился къ князю Куракину съ добрымъ расположеніемъ. Самъ князь объясняетъ нерасположеніе Государя навѣтами В. В. Долгорукаго; но весьма возможно, что энергическому царю весьма не нравилось продолжительное пребываніе князя Куракина въ чужихъ краяхъ и расположеніе къ фамиліи Лопухиныхъ²⁾. Ведя тяжкую войну, Петръ нуждался

¹⁾ Соловьевъ XV, стр. 347, ср. т. IV, 137. Въ Вѣнѣ кн. Куракинъ слышалъ, что посылка Украинцева къ Ракоци препятствовала установленію дружбы Россіи съ Австрією.

²⁾ По своей первой супругѣ кн. Куракинъ былъ своякомъ царю Петру.

въ добрыхъ офицерахъ, а князь Куракинъ не спѣшилъ вступать въ армію. Какъ бы то ни было, но когда произошла измѣна Мазепы, царь далъ князю опасное порученіе отправиться въ Кіевъ «для митрополита Краковскаго *) и епископа Переяславскаго Захарія и другихъ духовныхъ першихъ (наилучшихъ) персонъ изъ Печерскаго и другихъ монастырей, чтобы провести ихъ въ Глуховъ для избранія новаго гетмана». Опасно это было порученіе 1) потому, что путь лежалъ чрезъ земли мазепинцевъ (Нѣжинъ, Борзна, Батуринъ) и мѣста, гдѣ двигался непріятель, 2) потому что ходили слухи о согласіи духовныхъ властей съ Мазепою, какъ пишетъ князь Куракинъ; онъ опасался, какъ бы духовные съ народомъ «не оказали какой противности». Это порученіе «съ происканіемъ злобы или погубленія», по словамъ князя, «учинено было отъ онаго вышеупомянутаго министра» (т. е. Долгорукаго). Но князь Куракинъ его успѣшно выполнилъ. Въ Кіевѣ онъ уговорилъ митрополита и другихъ духовныхъ лицъ отправился въ Глуховъ; на дорогѣ, около Нѣжина, поймалъ даже двухъ конюховъ Мазепы, у которыхъ отнял лошадей; но въ Путивлѣ съ княземъ Куракинымъ сдѣлалась лихорадка, вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ остаться здѣсь на четыре дня, отправивъ митрополита и съ прочими въ Глуховъ. Въ концѣ концовъ, пишетъ онъ «вся оная мнѣ трудность, съ Божіею помощію, несмотря на злой вымыселъ, произошла безъ друкта (палки), только безъ всякой заслуги и заплаты».

Изъ Глухова князь Куракинъ отпущенъ былъ въ Москву, гдѣ и прожилъ мѣсяцъ (съ 19 Ноября по 19 Декабря). Здѣсь онъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія, сына своего Александра посадилъ учиться полатыни; только съ супругою у князя произошла ссора: княгиня Марья Ѳедоровна (урожденная княжна Урусова) не хотѣла идти въ его домъ, такъ что князь Куракинъ взялъ ее, вмѣстѣ съ дочерью, «съ противленіемъ». Могла имѣть вліяніе на этотъ разладъ Венеціанская исторія, о которой княгиня могла слышать отъ Русскихъ людей, бывшихъ въ Венеціи.

Общество Московское отнеслось къ князю привѣтливо; при отъѣздѣ въ армію онъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ своемъ домѣ «знаменитыхъ персонъ», въ томъ числѣ Московскаго коменданта, князя Гагарина.

Изъ Москвы князь пріѣхалъ въ Сумы, къ своему Семеновскому полку, гдѣ тогда при арміи находился князь Меншиковъ. Отъ этого послѣдняго князь видѣлъ «великую приѣмность», даже партикулярную, осо-

*) Въ автобіографіи не вѣрно; надо: Кіевскаго. Ср. Соловьевъ XV, 342.

бенно послѣ того, какъ зимою, въ Богодуховѣ или Харьковѣ, поднесъ свѣтлѣйшему «бархатъ и другія вещи Римскія». Благодаря расположенію и протекціи Меншикова, Куракинъ зимою съ 1708 на 1709 г. командовалъ восемью полками въ Котельвѣ и, не смотря на болѣзнь (старая стала выкидываться пятнами), кажется, участвовалъ въ военныхъ акціяхъ, особенно при Городномъ, гдѣ «непріятель съ великимъ потерянiемъ и стыдомъ отошелъ» (I, 284 ср. 316). Но затѣмъ фортуна князя измѣнилась.

Незадолго до Полтавской битвы, въ первыхъ числахъ Іюня мѣсяца, царь ужиналъ у Меншикова; на ужинѣ былъ и князь Куракинъ. Его величество, бесѣдуя съ княземъ, началъ гнѣвно выговаривать ему, что онъ не хочетъ служить въ военной службѣ, а ищетъ попасть въ министерію. Царь настолько былъ гнѣвенъ, что грозилъ князю Куракину въсилицей, если онъ не исполнитъ своего долга въ случаѣ борьбы съ непріятелемъ. «И съ того времени, доселѣ, пишетъ князь, я не могъ возвратитъ себѣ благоволенія его величества»; а все это случилось, благодаря недружелюбію В. В. Долгорукаго, который подкапывался подъ князя Куракина, завидовалъ любви и расположенію къ нему Меншикова и огорчался тѣмъ, что не пользовался благоволеніемъ царя. Види нерасположеніе Государя, иначе стали относиться къ князю министры и другія лица. Подобно тому, какъ погода въ Голландіи однимъ днемъ многократно измѣняется, такъ перемѣнилась къ князю ласка и склонность друзей. Только Меншиковъ, во время этого печальнаго для князя ужина, заступился за него, какъ бы за своего родного. Однако и онъ, види «нерасположеніе вышняго», перемѣнилъ склонность. Это несчастіе такъ подѣйствовало на князя Куракина, что онъ сдѣлался боленъ: 24 Іюня съ нимъ случилась «сухая колика» и до того сильная, что онъ считалъ себя при смерти и принужденъ былъ исповѣдываться и причаститься. До этого времени онъ берегъ свое здоровье и избѣгалъ излишествъ; но послѣ царскаго гнѣва сталъ, какъ сумасшедшій, вольно себя держать и искалъ смерти. Только предъ битвою князь Куракинъ пришелъ въ нѣкоторую бодрость; во время битвы командовалъ онъ лейбъ-гвардіи Семеновскимъ полкомъ и въ битвѣ находился до самаго конца.

Окончившаяся, по словамъ князя Куракина, «вѣчною славою его величеству и націи Славяно-Россійской», Полтавская побѣда сопровождалась большимъ «тріумфомъ» для ея участниковъ: какъ военные, такъ и гражданскіе чины получили, кто ордена, кто повышеніе чиномъ, кто деревни и крестьянъ, кто портреты царскіе, кто кубки. «Только я одинъ за несчастіе остался», печально пишетъ князь Куракинъ. Несчастіе это было тройное: гнѣвъ царя по непріятельскому наговору; благопріятный случай для отличія пропалъ даромъ; всѣ прежнія заслуги были забыты.

Этою переменною счастія сильно возмущался гордолюбивый князь. Сравнивая себя съ отличившимися въ битвѣ и взысканными милостію Петра, онъ приходилъ къ заключенію о достоинствахъ своихъ современниковъ. «Хотя и не хотѣлъ бы говорить, пишетъ онъ, по натура моя заставляетъ такъ объявить, что получили милость люди глупые, худые, исполненные злости, пьянства, зависти, стремленія погубить другого, незаслуженные, злые, не знавшіе не только какого либо другого дѣла, но и того, которое имъ поручено». Какъ ни преувеличенъ этотъ отзывъ обиженнаго, но справедливость требуетъ сказать, что въ немъ слышится голосъ человѣка, приглядывагося къ людямъ и порядкамъ другихъ странъ, другого образованія.

Въ половинѣ Іюля, послѣ Полтавы, Петръ отправился въ Кіевъ. вмѣстѣ съ царемъ поѣхалъ и князь Куракинъ. Хотя попрежнему незамѣтно было къ нему особаго расположенія Государя, но отношенія улучшились. Царь сталъ съ нимъ заговаривать, «къ нѣкоторымъ словамъ уже началъ приставать», или по крайней мѣрѣ слушать князя. Петръ присматривался къ князю Куракину, по всей вѣроятности понявъ его болѣзнь, такъ что новый, 35-й, годъ жизни князя начинался добрыми признаками. Тѣмъ не менѣе день своихъ именинъ, 24 Іюля, князь Куракинъ провелъ очень печально. Стоя въ церкви Братскаго монастыря за ранней обѣдней, князь «не могъ удержаться отъ воспоминанія злости дней своего житія». Замкнувъ обидное въ сердцѣ своемъ, онъ тогда же рѣшилъ, положившись болѣе на волю Божию, чѣмъ людей, «искать себѣ добрыхъ способовъ и политически проходить свою жизнь». Такое выраженіе въ устахъ князя означало, что онъ рѣшилъ быть похитрѣе и не довѣряться людямъ, а также и то, что отнынѣ онъ хотѣлъ посвятить себя дипломатіи, и на этомъ поприщѣ искать себѣ славы и счастія.

Послѣ князя Куракина остались Записки о Сѣверной войнѣ, доведенныя до первыхъ мѣсяцевъ 1710 года. Онѣ важны тѣмъ, что составлены современникомъ и участникомъ ея, и къ тому же умнымъ, понимавшимъ свое время человѣкомъ.

С. Кедровъ.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КОНСТАНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ ¹⁾.

1812-й годъ.

Bukarest, 8 Января 1812.

Графъ Потемкинъ, послѣ трехмѣсячныхъ сборовъ, ѣдетъ наконецъ, въ Петербургъ черезъ Москву, гдѣ надѣется быть дней черезъ 12-ть. Онъ беретъ доставить тебѣ это письмо; кажется, оказія вѣрная.

Я писалъ тебѣ нѣсколько дней тому назадъ съ Панкратьевымъ, адъютантомъ главнокомандующаго, который обѣщалъ переслать къ тебѣ мое письмо изъ Кіева. Въ томъ письмѣ отвѣчаю на № 73 и 74, полученныя черезъ Райскаго. Между тѣмъ получилъ я отъ Василія Ивановича ²⁾ трое твоихъ писемъ № 72, 73 и 75, за которыя поспѣшаю благодарить тебя. Vous me parlez dans le № 72 de l'arrivée de Markoff; c'est sûrement l'entrevue dont il est question dans votre № 74. Je vous ai répondu là-dessus, mon bon ami. Je désire beaucoup que cette malheureuse histoire finisse et je crois que le meilleur moyen c'est d'intéresser ce fameux homme d'affaires de m-me Chicanot ³⁾.

Спасибо, братъ, за присылку прогонъ офицера. Vous voyez, mon bon ami, qu'il y a des bons dans ce monde; mais dites moi, je vous prie, est-ce que la conduite de Golden... n'est pas très naturelle, est-ce que tout autre homme, même méchant, mais un fils, n'aurait pas fait la même chose? Ce n'est pas pour diminuer son mérite, mais sa conduite me semble toute simple, c'est celle d'un bon fils; du reste, on voit qu'il a senti ce qu'il a écrit, et ce qui touche dans cette pièce c'est l'éloquence du coeur. Certainement je la ferai lire à tout le monde et je commence par Woronzoff, à qui je l'envoie aujourd'hui.

---

¹⁾ Нижеслѣдующія письма найдены недавно. Извиняемся передъ читателями въ несовременности ихъ помѣщенія и радуемся съ ними, что восполняется трехлѣтній пробѣлъ въ этой своего рода лѣтописи родной старины и славнаго для Русскихъ людей времени. П. Б.

²⁾ Не понимаемъ, равно какъ и дальнѣйшаго.

³⁾ Это Милашевичъ, старшій чиновникъ по канцеляріи главнокомандующаго Дунайскою арміею М. И. Кутузова.

Я тебѣ писалъ, сколько все присланное съ Райскимъ было мнѣ приятно. Еще разъ душевно васъ благодарю. Отсюда послать нечего, развѣ танзуку. Вотъ также для Волкова трубочка для сигаровъ. Отдай ему и обними за меня. Ce que vous me fait de la négociation avec la cousine me fait le plus grand plaisir. Дай Боже, чтобы ее уломалъ Мягковъ; но я все еще очень сумнѣваюсь, потому что не полагаю у нея иной цѣли, какъ намъ вредить.

Je serais bien content si la lettre du jeune Gourieff produisait un effet favorable pour vous. Ce serait une très bonne place que celle d'inspecteur des domaines de la couronne, je crois plutôt que c'est des apanages. И жалованье хорошо, да и выслужить что нибудь можно, а въ вашемъ Архивѣ ничего не добьешься. Пора тебѣ перестать развертывать столбцы. Ce n'est pas fait pour vous.

Vous me dites de profiter de la bienveillance du général. J'ai été trop récompensé durant cette campagne pour oser prétendre à quelque chose pour moi-même; mais ce qui me fait le plus grand plaisir c'est que le général a consenti à faire tout ce que je lui ai demandé pour mes chancelliers. L'expéditeur de la chancellerie civile *Сиракузскій* a eu une augmentation d'appointements et d'argent de table. *Яковенко* и переводчикъ *Шписъ* представлены къ Владимиру. Двое другихъ, *Иваненко* и *Сокологорскій*, къ чинамъ; еще одинъ *Сорокуикій* къ чину за выслугу лѣтъ и получить тройное жалованье въ награжденіе, также и братья *Яновскіе*. Aussi ils sont tous enchantés de moi. Les autres chancelliers envient leur sort d'être avec moi. J'ai préféré la récompense de mes subalternes à celle que j'aurais pu avoir moi-même, à laquelle le général a pensé et que j'ai décliné. Aussi comme tout va à la chancellerie, je n'ai jamais encore été dans le cas de gronder quelqu'un: ils sont tout zèle. Bagration se marie dans 15 jours. Sa promise est malade. Ils ne font que s'embrasser, et c'est si drôle de le voir tendre, lui, qui est si gros. Savez vous qu'il l'est plus que le prince Basile?*) J'espère qu'il sera heureux: c'est une charmante personne. Après les noces, les nouveaux-mariés et toute la famille ira à Gitomir chez le prince Pierre, et je crois qu'elle restera en attendant là. Bagration tend à s'établir à Moscou, et je crois qu'il finira par là. Il ira montrer Pétersbourg à sa femme, et puis vous l'aurez chez vous. Je vous recommande d'avance sa femme. C'est une bonne personne, douce, jolie et aimable. En général c'est un excellent parti qu'il a fait.

---

*) Тестъ А. Я. Булгакова, князь В. А. Хованскій.

Dans ce moment-ci il y a une quantité de noces à Bukarest. Hier s'est mariée la plus jolie demoiselle d'ici, m-lle Faca. Potemkin, qui a été à la noce, vous contera tout cela; mais je doute toujours qu'il passe par Moscou.

У насъ стала прекрасная зима; вообрази, что было до 18° морозу; въ саняхъ ѣдить славно. Il y a longtemps que je ne vous ai pas parlé de Woronzoff; il va beaucoup mieux, mais savez-vous qu'il a été très mal pendant un moment. Il s'était refroidi, et un rhume de cerveau, mais de très mauvais genre, l'a fait extrêmement souffrir. Je le vois tous les jours; il me témoigne la plus grande amitié. Il demeure chez Sabanéeff à côté d'Italinsky, aussi c'est le quartier que je fréquente le plus.

Bukarest est triste, à ce que l'on dit. Il n'y a point de bals; quand à moi, cela m'est égal. Pour les voir, je vais chez les Varlam et j'y suis comme chez moi. Cette petite Marie avec son innocence m'enchantait. Elle n'est point jolie, mais elle est charmante et d'une naïveté rare dans ce siècle et surtout dans ce pays. Malheur à moi si je ne viens pas un jour: toute la maison me tombe sur le corps. Je suis fâché que m-me Varlam n'a pas passé par Moscou; vous l'auriez vu cet excellent enfant. Je vous avoue, mon cher, que sans ce maudit procès... mais chassons ces idées de la tête.

J'ai écrit une lettre très pressante à Ouvaroff pour le bon Pillar. Je suis persuadé d'avance qu'il fera tout ce qui dépend de lui et que nous pourrons bientôt féliciter cet excellent homme avec le grade d'officier. Il finira par devenir un Bianchi. Faites lui bien mes compliments. Потемкинъ живая грамота; il pourra vous dire tout ce que vous désirerez savoir sur mon compte: nous avons été pendant toute cette campagne ensemble, et même c'est la seconde que nous faisons. Vous le connaissez de S-t Pétersbourg. Benkendorf est parti pour la capitale. Je me suis beaucoup lié avec lui, c'est un très bon garçon, et il n'est pas aussi léger qu'il paraît l'être. En général, mon cher ami, j'ai fait quelques connaissances très intéressantes et quelques amis, sur lesquels je crois pouvoir compter. Sabanéeff et Woronzoff sont à la tête de ceux-ci, et puis Michaud, Lamsdorf, le comte Crusol, Pankratieff, Diskanez, aide-de-camp du général, tous excellents garçons. Мы съ ними всѣми дружно жили въ лагерѣ.

*

Генваря 20. 1812.

Я получилъ твой № 76-й, приложенное отдалъ Воронцову, говорилъ съ нимъ о Корсаковѣ; онъ самъ тебѣ отвѣчать будетъ, а между тѣмъ я вотъ что отъ него слышалъ. Онъ бы душевно радъ былъ все

на свѣтъ для тебя и Волкова ¹⁾ сдѣлать, но у него положено не имѣть болѣе двухъ адъютантовъ, а у него эти мѣста пополнены; а если бы Корсаковъ былъ въ той же арміи, гдѣ онъ, то во время сраженій могъ бы онъ его какъ-нибудь къ себѣ выпросить, но въ адъютанты теперь нельзя. Впрочемъ онъ тебѣ самъ это объяснить. Я думаю, что можно сдѣлать другое. Цѣль родственниковъ Корсакова есть та, чтобы сынъ ихъ былъ при хорошемъ генералѣ, гдѣ бы могъ научиться ремеслу своему и быть приятно. Нашъ почтенный Сабанеевъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты ко всеобщей нашей радости. Если ему дадутъ дивизію, что весьма вѣроятно, то онъ можетъ взять къ себѣ Корсакова, въ чемъ мнѣ, вѣрно, не откажетъ, а я вамъ ручаюсь, что ему также хорошо будетъ у Ивана Васильевича, какъ у Воронцова. Сабанеевъ остался дежурнымъ генераломъ, слѣдовательно больше имѣетъ случаевъ употреблять его, нежели Воронцовъ. Если на это согласится Волковъ, то дай мнѣ знать, а между тѣмъ я поговорю съ Сабанеевымъ и напередъ увѣренъ, что онъ согласится.

Поздравляю бѣлую бабу²⁾ съ дочерью. Ну потрудилась она на своемъ вѣку, и Чижъ отличился; надѣюсь, что это послѣднее твореніе и плодъ чрева ея.

*

4 Февраля 1812.

Il faut que les gazettes n'ayent rien à dire, puisqu'elles s'occupent de moi et de mes voyages de Giurgevo ici. Il s'est passé un grand événement chez nous, un nouvel astre a paru; ce n'est pas une comète, c'est le fameux Romberg. Il est ici absolument dans la position d'Odysée. Il nous donnera trois concerts; je suis très curieux de savoir l'impression que cela fera sur nos habitans, qui jusqu'à présent préfèrent à toutes les musiques celle des Bohémiens. Il faut avoir l'oreille bien habitué à écouter ce tintamare, sans cela il y a de quoi fuir ou devenir sourd. Nous nous mettons tous en quatre pour aider Romberg. Je ne sais point si sa récolte sera grande; aussi je sais que nous aurons beaucoup de plaisir à l'entendre, privés, comme nous le sommes, depuis longtemps de tout ce qui est bonne musique. Ну ужъ наслушаюсь его досыта! Il m'a beaucoup parlé du prince, de Natalie, de vous, de l'histoire de la princesse Navansky.

Левшинъ, который въ прошлую зиму ѣздилъ въ Москву и былъ у тебя, пріѣзжалъ ко мнѣ и сказывалъ, что онъ сегодня туда же от-

¹⁾ Тогдашній Московскій полицмейстеръ А. А. Волковъ былъ женатъ на Софѣ Александровнѣ Корсаковой.

²⁾ Такъ звали братья Булгаковы двоюродную сестру свою, нягиню Елисавету Васильевну Голицыну. Чижъ—ея супругъ, князь Сергій Ивановичъ.

правляется и просилъ писемъ. Я думаю однакоже, что это письмо положу въ пакетъ Багратіона, который также пишетъ. Во всякомъ случаѣ вѣроятно Левшинъ повезетъ мое письмо. Радъ бы я былъ, если бы онъ взялся отвести ружье, которое уже съ недѣлю у меня хранится для милаго Фавста. Если и не возьметъ, то скажи философу, что у меня есть славное Албанское ружье для него. Миѣ его подарилъ дежурный генераль, который тебѣ кланяется, самъ писать будетъ и еще просить о какомъ-то дѣлѣ. Я ему напередъ отвѣчалъ, что ты охотно исполнишь всѣ его порученія.

*

18 Февраля 1812.

Съ тѣхъ поръ что Василій Ивановичъ здѣсь, столько миѣ дѣла, что некогда было съ тобою порядочно поболтать. Всякій годъ перемѣняются здѣсь всѣ правительственные чины, какъ то члены Дивана и пр., и сколь назначеніе новыхъ ни кажется легко, но хлопотъ пропасть, и вообрази, теперь только мы образованіе кончили.

Варламъ, къ общему удовольствію всѣхъ Русскихъ, попалъ на сей годъ въ вестіары, т. е. въ важнѣйшее мѣсто. *C'est un bien galant homme. En général toute cette famille est excellente. Elle est regardée ici tout-à-fait comme Russe, et c'est la seule, qui tient maison ouverte, où nous nous rassemblons tous les soirs. Vous connaissez, mon cher ami, le principal motif qui m'y attire.*

On dit en ville que Barozzi, qui est encore ici, va se marier. Il rit quand on lui en parle, mais je ne crois pas la chose tout-à-fait fausse. Sa fille Diana arrive à Yassy, il veut la marier à un bien digne homme, au conseiller de cour Nadoba, qui est en Servie. Si ce mariage s'arrange, elle sera heureuse. J'ai été ce matin chez Italinsky. Cet hyver lui a fait du mal. Il a duré trop longtemps pour sa poitrine; il a craché le sang, mais à force de soins et de diète il est mieux. Je dîne aujourd'hui chez notre bon Woronzoff. Il n'est pas encore tout-à-fait rétabli.

*

Бухарестъ, 8 Марта 1812.

Какъ дороги ни дурны, какія бы ни были препятствія отъ рѣвъ, но все нельзя было не дойти письмамъ твоимъ въ 40 дней; ради Бога, милый другъ, успокой меня. Если будущая почта не принесетъ миѣ твоихъ писемъ, то не буду я уже знать, что и думать; но не можетъ быть, чтобы ты такъ долго молчалъ, зная, что мое единственное утѣшеніе и величайшее въ свѣтѣ удовольствіе твои письма, зная, что я безъ нихъ не могу обойти долгое время, не мучаясь мыслями.

Графу Воронцову въ одинъ день привезли 2-го Владимира и 3 Георгія. Здоровье его все плохо и очень меня беспокоитъ. Опъ рѣшился оставить здѣшній климатъ и, я думаю, дней черезъ шесть отсюда поѣдетъ въ полкъ. Я сего желаю; хотя жаль будетъ съ нимъ разставаться, но для него это непременно нужно.

*

Бухарестъ, 26 Марта 1812.

Изволь, мой милый, еще приплю тебѣ эстамповъ графскихъ, сколько у меня есть. Всѣ Русскіе должны чтить его *) память, а ты, любезный братъ, любя меня, долженъ быть къ нему благодарнымъ. У меня есть его портретъ въ миниатюрѣ; ничего нельзя видѣть сходнѣйшаго. Катеньку, кажется, люблю еще болѣе за то, что она отличаетъ портретъ графскій. Познакомился ли ты съ Закревскимъ, который поѣхалъ въ отпускъ въ Москву? Спасибо Государю, этотъ добрый малый уже полковникъ.

Je suis bien aise que Benkendorff dit du bien de moi, je me suis bien lié avec lui; au camp il était toute la journée chez nous, et là un homme paraît ce qu'il est; j'ai sçu l'apprécier: c'est un garçon d'honneur et aimant son métier par passion. Quel Potemkin s'est marié avec une actrice, n'est ce pas le nôtre? Cela serait pas trop ridicule. Je t'ai dit que Woronzoff nous a quitté: il a déjà passé la frontière de la Moldavie et par conséquent quitté ces climats horribles pour sa santé.

A propos, ты меня бранишь, милый другъ, что я о себѣ не стараюсь. J'aurais pu vous faire le même reproche, lorsque vous étiez à Naples. Il paraît, mon cher ami, que ce n'est pas dans notre sang, car papa aussi faisait du bien sans penser à lui. Ces actions ne restent pas sans récompense, et en voilà une preuve. Le général à ma prière avait recommandé tous mes sous - ordres. C'était la seule récompense que j'avais demandée. Quelque temps après il recoit du ministre de la guerre une dépêche, où il lui dit: по поводу поданной мнѣ записки усмотрѣлъ я, что н. с. Булгаковъ, по двумъ представленіямъ покойнаго гр. Каменскаго къ г. канцлеру и одному ко мнѣ, не получилъ еще ордена св. Анны, а потому и прошу увѣдомить меня, какого именно числа онъ былъ представленъ и прислать мнѣ копію съ этихъ представленій и пр. Jusqu' à présent je ne puis pas deviner, qui lui a présenté cette note et qui a pu s'intéresser à moi au point de lui faire écrire cette dépêche. Voici la réponse que lui fait le général-en - chef, et certainement pas à ma demande. Nous verrons ce que cela produira; en attendant, c'est toujours honorable pour moi.

---

*) Т. е. грава Н. М. Каменскаго.

Чѣна теперь, какъ ни старайся, не дадутъ, потому что это противно постановленію; да сверхъ того давно ли я въ настоящемъ? J'aurais tort de me plaindre, mon cher ami; j'ai été bien récompensé et j'ai retiré un grand avantage de ma place, celui d'avoir fait des connaissances et des liaisons qui pourront être utiles, d'avoir appris le service dans ses différentes branches. Tout le reste s'arrangera; le général-en-chef pourra toujours me faire beaucoup de bien et il a beaucoup de bonté pour moi. Si vous saviez, mon ami, combien sous ce rapport ma place est agréable: avec un chef qui aime à faire du bien, avec un seul mot souvent on rend un homme heureux, et j'ose assurer que plusieurs personnes me sont reconnaissants et aucun ne me maudit.

Hier matin j'ai été chez Italinsky; nous avons passé une partie de la matinée à parler. Il m'a beaucoup parlé de vous; il a voulu savoir tous les détails de votre mariage et si vous étiez heureux, comment était Natalie? Lorsque je lui ai fait la description de cet ange, il m'a dit cela: m-r Boulhakow, pourquoi n'ai-je pu trouver dans ma jeunesse un ange comme cela? A présent je suis seul, je ne tiens à rien dans ce monde; j'ai des amis, mais rarement je suis avec eux. Croyez moi, c'est bien triste... Dites à votre frère que je le félicite de son bonheur, que je prends vraiment un intérêt sincère à lui. Il a raison, le bon vieillard: quelle est son existence! Cela m'a rappelle la pièce du Vieux Célibataire.

Радъ я очень, что ты видѣлъ моего Тургенева и что онъ тебя отъ имени Орлова обнадежилъ; дай Боже, чтобы скорѣе вышло; тогда-то я радъ буду и подлинно 'доволенъ. Спасибо Государю, что награждаетъ заслуги. Бальменово благополучіе всѣхъ насъ обрадовало; мы были свидѣтелями его дѣяній и повѣрь, мой милый, никто не позавидовалъ, а всѣ были рады. Tellement le vrai mérite sait se faire respecter. Ахъ, если бы нашему почтенному Ивану Васильевичу*) тоже дали! А ему очень нужно! Странная публикація изъ Московскихъ газетъ много насъ всѣхъ позабавила: quelle drôle d'idée!

La fille de Barezzi, Diana, est arrivée ici; elle épousera, je crois, Nadoba, conseiller de collège, qui est à Belgrad, un bien digne homme.

Je vous remercie pour les vers de Nélédinsky. C'est joli comme impromptu; je les ai montré à Gorchakoff, qui est lui-même poète; ils ont eu son approbation.

Quel singulier climat que celui-ci: dix fois dans la semaine il fait beau et il a neigé; dans ce-moment-cy il neige comme en hiver; c'est insupportable. Encore patience!

---

*) Сабанеєву.

Апрѣля 20, 1812.

Vous avez dû vous apercevoir depuis longtems de mes sentiments pour la fille de Varlam. Dans votre № 80 vous me dites que sans un arrangement il faut renoncer à tout. Bien loin de cacher ma situation, je la faisais sonner; jugez donc quel devait être mon étonnement, lorsque le bon vieux Varlam m'attaque un jour sur ma tristesse et finit par me proposer sa fille. J'ai cru de mon devoir lui faire une description *exacte* de ma position et de lui dire même, que je n'avais pas grande chose à espérer du procès, qu'il pouvait durer des années et que dans cas si même nous le gagnions, c'est comme si nous *l'aurions* perdu; que certainement j'aimais sa fille; que je ne l'aurais jamais avoué s'il ne m'avait *mis* au pied du mur; mais que j'étais incapable de lui procurer même une existence suffisante, que ce serait lui faire partager ma misère et la soumettre à des événemens que je pouvais bien *braver* seul, mais pas avec une femme, qu'elle mérite un meilleur sort et qu'elle l'aura certainement. Il ma répondit qu'elle ne peut pas avoir de meilleur que celui de m'appartenir, que lui et sa femme seraient au comble du bonheur, qu'ils le désiraient depuis longtems; quant à la fortune, que c'était une chose qui pourrait s'arranger.

A présent, mon bon ami, point de précipitation, comme vous dites, dans toutes les circonstances, et commençons par la plus essentielle, celle de mon bonheur. Je suis sûr de l'être avec cette excellente créature. Pendant deux ans j'ai étudié son caractère; je l'ai, pour ainsi dire, formé, il est excellent. Ce n'est point une beauté, elle a 16 ans, elle m'aime beaucoup, et je vous assure que je partage bien vivement son sentiment. Il faut finir par là; j'ai trente ans bientôt, l'exemple d'Italinsky m'affraye, il m'a parlé dernièrement, les larmes aux yeux, de ses regrets de ne pas s'être marié, et puis, mon bon ami, quel est ma position, quelle perspective ai-je? Je suis à présent bien du côté des finances, mais la paix faite, je suis réduit à 1000 r. en papier d'appointements; peut-on vivre avec cela? Jet rouverai chez vous un angle, mais vous-même en avez vous de trop? Votre famille augmente heureusement, mais sans que vos moyens se multiplient.

Varlam donne deux cent mille piastres de dot en argent à sa fille (il y a 12 piastres dans un ducat). Dans tous les pays du monde c'est plus qu'un morceau de pain, c'est une existence, et dans tous les cas à Moscou on peut, je suppose, assez bien vivre avec cela, ou en plaçant un capital, on en achetant une terre. Bagration n'en a pas eu autant, malgré les belles promesses.

Je sers avec plaisir et avec goût, mais aurai-je toujours un chef comme le c-te Koutousoff? Je puis avoir par la suite des désagrémens au service, je serai obligé de les supporter, je serai obligé de servir partout où on voudra, n'ayant aucune existence, et supporter tout. Cette réflexion seule est de nature à me décider, car ce sont des choses que nous voyons dans les circonstances humaines. C'est terrible, tandis qu'avec une petite fortune je serai toujours maître de moi-même, je ne travaillerai plus alors pour vivre. J'ai consulté Sabanéeff, qui a pour moi une amitié fraternelle; nous avons pesé toutes les circonstances, et il me conjure de ne pas laisser fuir le bonheur que le Ciel m'envoie: une femme, que j'aime, une fortune, que, peut-être, je ne pourrais jamais avoir. Mon avenir, ma raison, mes circonstances, mon bonheur et par conséquent le vôtre aussi, mon cher ami, qui est si exactement lié au mien, me le commandent. Je suis persuadé que vous pensiez quelque fois à mon sort futur et que cela vous à inquieté: à trente ans, sans fortune, sans perspective, avec un infâme procès sur les bras, voilà une position. Et tout cela change dans un moment, d'une manière si heureuse et si inattendue pour moi. Je ne regarde pas ceci autrement que comme une récompense du Ciel pour ma conduite ici.

Jugez, mon bon ami, avec quelle impatience j'attends votre réponse, votre bénédiction. Je vous la demande comme à mon père, comme au meilleur des frères.

*

Мая 1, 1812.

J'ai toujours entendu parler de Rostopchin comme d'une homme bien aimable; cultivez son amitié, elle pourra vous être utile, car des gens de son mérite ne restent pas longtemps sans places. Сердечно я радъ, что милый нашъ Тургеневъ награждается. Понемножку, братья, добрые подвигаются впередъ, et dans cette génération, qui se pousse en avant à présent, nous avons quelques amis: Woronzoff, Balmain, Ouvaroff, Gagarine etc. etc. Notre Sabanéeff a été fait начальникъ генеральнаго штаба; cela le met encore plus en évidence. Aujourd'hui nous dînons tous à la campagne; c'est un dîner pour lui, à la militaire, avec des chanteurs et de la musique; j'espère que cela sera gai. Quel excellent homme et quel excellent ami! Je vous assure que tous les jours j'ai des nouvelles preuves de son attachement; malgré ses occupations, lorsque je ne le vois par un jour, je suis sûr que le lendemain il est chez moi. Tourtschaninoff a été fait général-de-jour, aussi un bien honnête homme et avec qui je suis en parfaite harmonie. On commence chez nous à établir la nouvelle organisation, et le choix des personnes fait le plus grand honneur au général-en-chef et fait le plus grand plaisir à l'armée.

Я очень радъ, что меня не послали въ Парижъ. Куда намъ! Здѣсь я могу быть полезенъ, да и для меня лучше: мѣсто важнѣе. Il faut que je vous entretienne d'une offre que me fait Italinsky, qui, comme vous savez, a beaucoup d'amitié pour moi. Bobroff ne veut pas aller à Constantinople. Italinsky m'offre de le remplacer, et puis il m'engage avec instance et d'une manière si flattante que vraiment je ne puis pas lui refuser. Du reste, c'est une très bonne place, j'y serai avec des personnes que je connais bien et qui m'aiment. Si la paix se fait, quelle place puis-je espérer? Je ne voudrais pas rester à Pétersbourg à ne rien faire, je ne le pourrais pas après l'habitude que j'ai contracté de travailler, et même beaucoup. Il veut le demander au chancelier et à l'Empereur, le général-en-chef certainement appuiera sa demande.

Ce n'est pas encore une affaire faite, et lorsqu'il y aura quelque chose de plus positif, je vous en l'écrirai; en attendant j'ai voulu vous prévenir, comme je ne fais et ne ferai jamais une démarche définitive sans votre conseil et consentement. Отвѣчай мнѣ на это, милый другъ. La mission de Constantinople est la seule où on peut vivre avec peu de chose et sans faire de grandes dépenses; les appointements du secrétaire sont de 1800 r., c'est quelque chose. Il est logé et à la table chez le ministre, enfin on peut vivre avec cet argent.

*

Мая 4 1812.

Милый, любезный братъ! Сабанеевъ опять имѣеть къ тебѣ просьбу, которую усмотришь изъ прилагаемаго при семъ его письма. Деньги, какъ прежде, отдай въ Опекунскій Совѣтъ; что же касается до сироты, котораго онъ тебѣ поручаетъ, зная твое сердце, я спокоенъ на счетъ будущаго его бытія. Новая черта рѣдкой души Ивана Васильевича: имѣя самъ весьма малое состояніе, онъ беретъ на воспитаніе сиротъ, и не одного, а четырехъ, знаю. Я съ нимъ долго говорилъ о томъ, котораго онъ тебѣ поручаетъ. Мое мнѣніе, на которое и онъ согласился, есть слѣдующее. Сирота этотъ не будетъ имѣть никакого имѣнія и никакихъ доходовъ, слѣдовательно и долженъ онъ съ этихъ лѣтъ узнать нужду, привыкнуть къ ней, а потому не знаю, полезно ли бы для него было, если бы отдали его въ Университетскій Пансіонъ. Онъ бы тутъ привыкъ къ содержанію, котораго бы впредъ никогда имѣть не могъ; особливо если попадетъ въ службу унтеръ-офицеромъ. Лучше опредѣлить его просто въ Университетъ на казенное содержаніе или же, если нѣтъ вакансіи, то все-таки туда опредѣлить съ платою сколько приходится, развѣ большую найдешь разницу въ воспитаніи и ученіи между Пансіономъ и Университетомъ. Все это предоставляетъ тебѣ Сабанеевъ,

увѣренъ будучи, что ты, будучи на мѣстѣ, къ лучшему все устроишь. Коль скоро учредится, то напиши къ его брату Николаю Васильевичу, отъ котораго присланъ къ тебѣ будетъ сирота. Теперь моя къ тебѣ, милый братъ, просьба: будь ему отцомъ, не только о немъ навѣдывайся, но по праздникамъ бери его къ себѣ и тѣмъ утѣшай несчастнаго въ горестномъ его положеніи. Богъ тебя за это не оставитъ, а Иванъ Васильевичъ вѣчно тебѣ за это будетъ благодаренъ. Dès que vous aurez trouvé le moyen d'installer cet orphelin ou le placer, écrivez en à Sabanéeff.

*

Мая 16 1812.

Vous saurez ou vous ne saurez pas que nous avons un nouveau chef: l'amiral Tzitzagoff a remplacé le comte Koutousoff dans son commandement. Celui-ci est appelé, d'une manière très flateuse, à Pétersbourg pour recevoir les récompenses à ses services et à ses travaux. Encore un apprentissage pour moi. Voici mon troisième chef, et toujours des personnes que je n'ai point du tout connu et qui à peine savaient de mon existence. Dieu donne que celui soit pour moi comme étaient ses prédécesseurs. Et pourquoi cela ne serait-il pas? Je fais strictement mon devoir et ne me mêle pas de ce qui ne me regarde pas. Je vous avoue que la manière d'être de l'amiral me plaît beaucoup; c'est un caractère dans le genre de celui de Kamensky; point de phrases, mais aussi, dit-on, une fois qu'il place sa confiance en quelqu'un, c'est pour la vie: il devient son ami, son protecteur chaud. Toutes ces qualités sont excellentes. Dieu donne que je sois toujours dans le cas d'en jouir. Jusqu'à présent je n'ai pas à me plaindre de lui, et de jour en jour cela va mieux. Je dois cela probablement à des amis dont il paraît qu'il fait cas, à Italinsky et Sabanéeff. Je suis aussi persuadé que le g-l lui aura dit du bien de moi, car il me semble que je ne puis pas douter des sentiments de celui-ci pour moi. Il vient de me donner une preuve non équivoque de ses bontés pour moi. Il m'a présenté pour le grade de cons. d'état et il a appuyé la présentation formale d'une lettre particulière au c-te Romantzow, qui vraiment m'a attendri. Je ne mérite pas tout le bien qu'il dit de moi. Jusqu'à présent j'ai été extrêmement heureux avec mes chefs. Dieu donne que cela dure toujours. Le comte part dans quelques jours pour P. Bourg. Je regrette deux de ses aides-de-camp, qui le suivent, c'est Diskanez et Pankratieff, deux excellents et honnêtes garçons et beaucoup de mes amis. Savez vous qui a été ici? C'est notre bon ami Greigh. Il vous conserve une bien vive reconnaissance de toutes les amitiés que vous lui avez témoignées, vous et Natalie. Il s'est réjoui de coeur en apprenant la naissance de m-r Constantin et il m'a répété tout ce que vous m'avez écrit de Катенька.

Parmi les autres personnes de la suite de l'amiral je connais Polénoff, celui qui a été secrétaire à notre collège, qui paraît être un excellent homme. Il est chef de sa chancellerie, d'après le nouveau règlement, c'est à dire qu'il réunit la chancellerie qu'avait Kaysaroff et le p-ce Gortschakoff. Ces deux m-rs nous ont quitté, le mal n'est pas grand. Mais je conserve ma place, indépendante de cette nouvelle chancellerie; tout cela s'est arrangé très bien. Le g-l Ivelitch est aussi ici, vous devez vous rappeler de lui: vous l'avez vu chez Alexéeff à Pétersbourg. C'est le même, qui est marié à la soeur de Наталья Алексѣевна¹). Voilà à peu pres tout ce qui est arrivé avec l'amiral; il y a encore un jeune Stourtza translateur, que je ne connais pas encore. Je crois vous avoir dit tout ce qui regarde cet événement. L'amiral est un homme juste, loyal et sachant apprécier le service de chacun, c'est tout ce qu'il me faut pour le moment; j'espère qu'il sera content au moins de mon zèle et de mon exactitude.

Je serais bien aise, mon cher ami, si vous pouviez servir avec le c-te Rostoptchin, car d'après tout ce que je vois il a de l'amitié pour vous, et il est temps qu'on fasse quelque chose pour vous. Tenez vous à lui, mon cher, il a toujours fait du bien: c'est à lui que nous devons le grade d'assesseur; j'espère que je lui devrais plus de reconnaissance encore pour ce qu'il fera pour vous et qui m'intéresse beaucoup plus que ce qui m'arrive directement. Je n'aurais jamais deviné la nomination de Kosloff²). Ежели онъ остепенился, то хорошо; ибо впрочемъ онъ и по душѣ и по разуму предостойный малый.

*

20 Майя 1812.

Je dois faire un voyage au quartier-général turc, qui me prendra une quinzaine ou vingtaine de jours; ne soyez donc pas inquiet, si pendant ce temps vous n'aurez pas de mes nouvelles. Je suis bien aise de revoir Choumla, devant laquelle nous avons été avec le c-te Kamenski.

*

Pera de Constantinople, le 5 Juin 1812.

L'homme propose, et Dieu dispose. Me voilà, mon cher et bon frère, dans le lieu de notre naissance où tout me rappelle encore plus vivement et ce que j'ai perdu et ce qui me reste. C'était un sentiment bien

---

¹) Колтовская, богатая помѣщица Пермской губерніи. (Какой-то Колтовской занималъ въ XVIII столѣтіи важное мѣсто въ томъ краю). Чудный портретъ ея находится у Натальи Павловны Всеволожской.

²) Будущій поэтъ Иванъ Ивановичъ?

agréable pour moi de revoir notre maison de Bouykdéré. J'ai tout reconnu; ce que j'avais oublié depuis, revient à ma mémoire; je courrai d'une chambre à l'autre, d'un endroit à l'autre, comme si j'espérais vous trouver quelque part, revoir nos bons parents; cette agitation a duré tout le temps, que j'ai été dans cette maison.

Vous serez étonné de me savoir ici. Ma foi, je ne le suis pas moins que vous; mais que ne m'est-il pas arrivé d'extraordinaire depuis que je suis au service? Je suis enchanté de mon voyage, quoique très fatiguant, car de Choumla j'ai dû venir à cheval et faire 80 et 100 verstes par jour. Je vous avoue, que le soir j'avais de la difficulté à m'asseoir, et je regrettais de ne pas avoir une certaine partie du corps de fer. Le passage des Balkans est très pittoresque, on est entouré de precipices et quelle vue on découvre à chaque pas, c'est magnifique! Ici tout le monde se rappelle de papa, tout le monde nous connaît, et je ne puis assez me louer de l'accueil qu'on m'a fait partout où je me suis présenté. Si je n'avais pas quelque chose qui m'attire à Bucarest, je voudrais passer quelque temps ici, mais tout cela ne dépend pas de moi: lorsqu'on a pour objet le service, c'est aux affaires à fixer le temps du séjour; le mien, je suppose, ne sera par long. J'espère à mon retour trouver à Bucarest la lettre, que j'attends de vous. Si Sabanéeff trouve moyen de me faire parvenir ici vos lettres, il les fera sûrement, mais je n'en prévois pas la possibilité. Le palais de Russie à Péra a brûlé, mais le vieux palais existe. Vous rappelez-vous de ce figuier qui était en bas; éh bien, il est toujours le même. Comme tout est beau ici, не могу наглядеться. Incertain du temps que je resterai ici, je cherche de tout voir; à me voir, on me prendrait pour un fou ou pour un homme qui n'a jamais rien vu de beau; même Klim est en extase. A Choumla j'ai été deux fois chez le grand-visir, je suis resté plus de 3 heures avec lui. Il n'aime pas les cérémonies et aime à causer avec des étrangers. Il m'a très bien accueilli; tout était en parade, c'était une audience en forme; ensuite il a renvoyé tout le monde, et ce même homme, qui un moment auparavant était entouré de toute sa dignité, a quitté même cet air de gravité et de grandeur, et j'ai trouvé en lui un homme très aimable. Nous avons même parlé de femmes; il m'a permis de revenir chez lui, quand et aussi souvent que je voudrais; en un mot, j'étais enchanté de son accueil. Une chose qui vous étonnera, c'est la sécurité avec laquelle on voyage ici dans ce moment, et cela grâce à la sévérité de gr. - visir, qui, dès qu'on lui amène un voleur, lui fait couper la tête. J'étais avec mon dragoman, un de nos couriers, Klim et un seul tartare du gr. - visir, qui m'accompagnait; hé bien,

pas la moindre petite rencontre, malgré que j'ai voyagé quelque fois la nuit à cause des grandes chaleurs.

*

Бухарестъ, 16 Юля 1812.

Возвратясь 13 числа сего мѣсяца изъ Царьграда, первое стремленіе мое было кинуться на твои милыя письма, коихъ столь долгое время былъ лишень и коихъ нашель здѣсь много, отъ № 90 до 95 включительно. Какъ описать тебѣ радость мою, читая ихъ, мой милый, добрый братъ! Твое согласіе, твои совѣты, всякое слово твое трогало меня до слезъ; я бы тотчасъ все кончилъ, но торопливость въ столь важномъ случаѣ могла бы повредить. Чѣмъ болѣе люблю я добрую Машу, тѣмъ болѣе долженъ пешишь устроить напередъ будущее нашего состоянія и имѣть что нибудь въ рукахъ. Обстоятельства теперь такія, что вѣрнымъ ничего полагать нельзя кромѣ того, что въ рукахъ. Не то, чтобы я могъ минуту усумниться въ обѣщаніяхъ Варлама; но онъ самъ можетъ быть приведенъ въ невозможность сдержатъ ихъ, а тогда что дѣлать? Миръ заключенъ; онъ намѣренъ оставить край, гдѣ нельзя ему продолжать пребываніе свое, не подвергнувъ опасности жизнь свою; съ другой стороны продать имѣніе въ срокъ, это было бы или вовсе кинуть его или отдать за безцѣнокъ. Слѣдовательно, надобно устроиться и извернуться въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, рѣшиться на что нибудь.

Это письмо отдасть тебѣ старый твой пріятель Ради, который наѣхалъ меня въ Царьградъ и коего уговорилъ я ѣхать не на Одессу, а со мною сухимъ путемъ.

Теперь буду вкратцѣ отвѣчать на твои письма. Варламу письмо вчера въ вечеру отдалъ; увидимъ, что онъ скажетъ, когда узнаетъ, какой у меня братъ. Это его скорѣе еще рѣшить ѣхать и поселиться въ Москвѣ. Я долженъ теперь идти съ арміей, которая возвратится въ Россію; пойдемъ битъ нашихъ злодѣевъ; послѣ этой послѣдней борьбы все будетъ спокойно, и я поѣду наслаждаться благополучіемъ съ вами, мои милые, и, если Богъ дозволить, съ Машею.

Vous recevrez 41 ducats, ou en or ou en papiers, d'Александръ Бенедиктовичъ Кругликовъ, qui demeure à Tamboff. Cela vous étonnera, mais sa lettre, que vous trouverez ci-jointe, vous expliquera tout. Son fils était prisonnier, je lui ai fait porter tous les secours possibles par la famille Fonton, et on l'a sauvé d'une maladie mortelle, qui n'était qu'une suite du manque de nécessaire et d'un séjour de trois ans aux bagnes. Je l'ai délivré avec les officiers. Je n'aurais par pensé de parler à son père de dépenses que j'ai faites, mais comme il le provoque dans sa lettre et qu'il est, je suppose, plus riche que moi, il faut qu'il paye. Je

vous envoie ci-joint tous les documents, j'en previens m-r Krouglikoff, je lui dit que c'est à vous qu'il doit faire parvenir l'argent; il ne vous reste donc que de lui transmettre ces documens, d'encaisser l'argent et d'en disposer.

Смерть Бальмена чрезвычайно насъ всѣхъ огорчила. Большая печаль отечеству и друзьямъ! Неожиданная кончина бѣдной Соковниной также поразила меня. Cela fait faire des réflexions tristes. Comment a supporté cela le p-ce Basil, qui est un si excellent père?

*

Bucarest, le Août 1812.

Nous quittons le pays. Varlam le quitte aussi, il prend ses arrangements, et voilà ce qui est cause que je dois remettre mon bonheur encore pour quelque temps. Ce qui me console c'est que probablement je ne ferai ici que les fiancailles et la noce chez vous, mes bons amis, à Moscou. En attendant j'ai arrangé tout avec le vieux. Il m'a donné un papier, par lequel il m'assure 200 m. piastres, qui me seront remis le jour de mon mariage; ce papier a été signé par Sabanéeff comme témoin. Enfin, grâce au Ciel, les circonstances du moment n'ont rien changé dans ma situation. Ce matin j'ai parlé à l'amiral, qui me témoigne beaucoup de bontés. Il part dans quelques jours; je lui a demandé la permission de rester ici jusqu'au départ des Varlams, il y a consenti avec toute la grâce possible, en ajoutant, que comme je ne suis par fait pour rester les mains croisées, il me donnera une commission. Je lui ai ouvert mon coeur, et cela nous a amené à parler de nos affaires et surtout du procès. Il m'a dit: la grande affaire, lorsque nous l'aurions finie, nous nous occuperons de nôtres. Vous me ferez connaître tous les détails de votre affaire et si je puis vous être utile, je le ferai. Pour le moment je consens que vous restiez ici et en cas que j'ai besoin de vous, je vous expédierai un courrier. Enfin, je suis très content, mon cher ami, de la manière donc j'ai tout arrangé. Marie ne sait pas encore que je resterai avec eux: quelle surprise après toutes les larmes! J'ai voulu vous le dire à vous le premier. Lorsqu'ils seront partis et que je leurs aurais accompagné jusqu'à la frontière, j'irai rejoindre l'amiral et lui demander dans quelque temps un semestre pour aller vous trouver. En attendant les Varlam seront à Moscou. Vous connaissez Marie, et je suis sûr que vous l'aimerez.

Vous me demanderez, peut-être, pourquoi je resterai ici après l'amiral. C'est nécessaire pour Varlam pour q'on ne le chicane pas, et puis cela le fera partir plus vite. Hé bien, m-eur, êtes-vous content? Quand je me serai fiancé, j'écrirai à toutes les personnes que vous m'avez indiquées.

Nous avons été extasié du tout ce que Moscou à faite; j'espère que l'approche de l'ennemi en Russie-Blanche ne vous aura par inquiété derrière la muraille comme nos troupes; je vous réponds que notre armée du Danube se distinguéra. Elle est superbe.

*

Bucarest, le 2 Septembre 1812.

Le vieux papa reste pour quelques jours ici pour terminer ses affaires. Moi je pars dans deux jours, j'accompagne Marie et sa mère jusqu'à Yassi, où je les quitte pour aller rejoindre l'amiral, auprès du quel je ne resterai que le temps absolument nécessaire, et puis j'irai à Moscou. En attendant, quand Varlam aura rejoint sa famille, ils prendront la route de Moscou, mais s'arrêteront dans quelque ville sur le chemin, jusqu'à ce que tout chez vous sera dans l'ancien ordre, c'est ce que vous leur annoncerez, mon cher ami. Ils vous écriront où ils se seront arrêtés. Je crois que c'est le meilleur arrangement qu'on puisse prendre dans ce moment-ci, pour leur propre tranquillité.

Побѣды Раевскаго и Докторова прекрасныя, но проклятый непріятель въ Смоленскѣ, а потому и ожидаемъ мы съ нетерпѣніемъ новой побѣды, которая бы принудила ихъ отступить назадъ. Я радъ, что Кутузова употребили главнокомандующимъ; имѣя такихъ исполнителей, какъ Барклай и Багратионъ, все пойдетъ хорошо, ибо самому ему дѣйствовать трудно: онъ слишкомъ старъ, не можетъ долго быть на лошади, планы же его суть планы стараго искуснаго и опытнаго генерала, и я увѣренъ, что, слѣдуя онымъ, не видать Французамъ Москвы. Не знаю, имѣеть-ли онъ при себѣ нашихъ братьевъ-дипломатовъ; въ такомъ случаѣ надѣюсь, что онъ меня не забудетъ и возметъ къ себѣ, такъ какъ онъ мнѣ и говорилъ. При немъ адъютантомъ другъ мой Дишканецъ; если съ нимъ встрѣтятся, то поговорю объ этомъ. Этотъ постарается, а новый князь вѣрно не будетъ дѣлать затрудненій, ибо онъ меня знаетъ и къ моей работѣ привыкъ, а на него не всякій угодить. Если усиѣю, то самъ напишу къ нему; надобно его поздравить. Всѣ новости будутъ сообщены Андрею Яковлевичу*), который ими натурально жадничаетъ, ибо Французы чортъ знаетъ что распускаютъ въ Царыградѣ. Хорошо, мой милый дѣлаешь, что отправляешь Наташу во Владимиръ; надобно дать пройти тучѣ, а въ городѣ, гдѣ много, много бабъ, мужскаго и женскаго полу, пожалуй вскужать голову и напугаютъ. Посланіе къ народу прекрасно и, я увѣренъ, много сдѣлаетъ добра. Il faut parler à chacun dans sa langue, такъ дѣлалъ Суворовъ и всегда имѣлъ

*) Италинскому, который былъ уже посломъ въ Константинополѣ.

удачу. Слава Богу; что графъ Ѳедоръ Васильевичъ на мѣстѣ Гудовича: этого любятъ, а того не любили, служба выигрываетъ 200%. Я увѣренъ, что съ нимъ всё пойдутъ, да какъ и не идти? Дѣло идетъ о защитѣ Москвы; неужели дадутъ Корсиканцу похвастать, что онъ и въ ней былъ побѣдителемъ, а не плѣннымъ? Этому никакъ не могу повѣрить. Впрочемъ арміи наши его не только не допустятъ, но отымутъ охоту и впередъ имѣтъ подобныя затѣи. Москва не Вѣна, а Русскіе не Нѣмцы, и подлинно перемелится все, будетъ мука. Si vous êtes encore à temps, embrassez de ma part Vlodek, que j'aime beaucoup. Nous avons fait une demi - campagne ensemble, faites vous raconter notre affaire du 22. Lorsqu'on a fait courir le bruit que j'ai été tué, c'était effectivement un Bullakoff, mais un autre; pas si bête!

Me voilà donc conseiller d'état; je me suis diablement pompé ici. Dans moins d'un an j'ai eu deux grades et une croix. Avec cela on peut oublier toutes les fatigues, et cela s'appelle dans le langage de la justice avoir reçu beaucoup plus que l'on n'a mérité. C'est une dette à payer, mais il faut mieux la payer avec le plumet que sans plumet. Cela me fera des ennemis, voilà ce qui me fâche. J'ai reçu à cette occasion une lettre charmante de Choulepoff. Mes camarades ont tous été très contents de mon avancement. Отдыхать теперь мнѣ еще нельзя, надобно непремѣнно ѣхать къ адмиралу; но я тебѣ общаюсь не принимать канцеляріи, дабы быть свободнымъ, ибо тамъ теперь дипломатамъ дѣла никакого не можетъ быть, а канцелярія только руки связываетъ. Я здѣсь умѣлъ избѣгать этого, дабы имѣтъ возможность остаться на нѣсколько дней въ Букарестѣ; теперь не приму, дабы повидаться съ Москвою.

Я право не знаю, какой тебѣ дать адресъ. Развѣ надписывай къ Сабаневу, начальнику генеральнаго штаба, но куда? между тѣмъ въ Дубно, а тамъ постараюсь тебѣ увѣдомить. Ну, мой милый, любезный братъ, прости; писать мнѣ множество, а времени мало, надобно собираться ѣхать дня черезъ два непремѣнно.

*

Яссы, 15 Сентября 1812.

Ну, слава Богу, наконецъ оставилъ я Букарестъ, пробуду здѣсь дня съ два и отправлюсь къ адмиралу, который меня зоветъ весьма ласковымъ письмомъ. Я проводилъ сюда милую Машу съ ея матерью; старикъ остался на нѣсколько дней въ Букарестѣ, а тамъ, коль скоро ты имъ напишешь, что могутъ они слѣдовать въ Москву, то немедленно туда отправятся. Адресуй къ нимъ письма на имя Василья Ивановича, черезъ Дубоссары въ Кишеневъ. Обрадовалъ ты меня своими письмами № 101, 102 и 104, которыя не меня одного, но всѣхъ здѣсь

обрадовали по хорошимъ извѣстіямъ о сраженіяхъ 23 и 24, а здѣсь партія Французская Богъ знаетъ что наговорила. Продолжай, мой другъ, увѣдомлять меня и Милашевича, безъ того онъ обѣщаль открывать мои письма. Все это въ двухъ словахъ, ибо я знаю, что у тебя лишняго времени немного наберется. Спасибо, мой другъ, за поздравленіе съ чиномъ; faites que je sois bientôt dans le cas de vous féliciter et croyez moi: cela me fera beaucoup plus de plaisir.

Je suis bien aise que Raddi vous a remis tout ce que je vous ai envoyé et surtout le déjeuner en bon état. Il est charmant, c'est vrai, et voilà pourquoi je l'ai jugé digne d'être offert à ma chère Natalie.

Картинка твоя произвела здѣсь тоже дѣйствіе, что и на Спасскомъ мосту; on se l'arrache dans le salon de Milachewicz, et tout le monde trouve que c'est charmant, spirituel et surtout politique. Continuez, mon cher, à m'envoyer tout ce qui peut regarder les événements du moment.

Сейчасъ получаю еще письмо изъ арміи отъ адмирала; отправляюсь сегодня же туда.

*

Брестъ-Литовскъ, 28 Сентября 1812.

И къ тебѣ писалъ изъ Яссы и скоро послѣ того оттуда выѣхалъ. Больно мнѣ было расставаться съ милою Машею; но что дѣлать, принужденъ и это перенести; дай Боже только, чтобы не надолго было. Меня крайне беспокоитъ ихъ положеніе. Все семейство собиралось въ Москву, а теперь Богъ знаетъ, гдѣ зимовать будутъ и когда и какъ я съ ними соединюсь. Между тѣмъ останутся они въ Кишиневѣ, гдѣ будутъ ожидать отъ тебя писемъ, куда имъ дѣваться и гдѣ спокойно можно будетъ остановиться. Не менѣе, но гораздо болѣе еще беспокоитъ меня твое положеніе: гдѣ ты, гдѣ Наташа, гдѣ дѣти? Послѣ 104-го твоего номера не имѣю отъ тебя извѣстій; вѣрно, письма твои странствуютъ, и Богъ знаетъ, когда дойдутъ до меня. Вѣрно у тебя денегъ нѣтъ. У меня есть для тебя, но какъ переслать и куда? Подай мнѣ, милый мой, возможность доставить къ тебѣ нѣсколько денегъ; если найдешь между тѣмъ, займи хоть 2000: я тотчасъ заплачу, ибо чистыя деньги у меня готовы и будутъ сбережены для тебя. Если бы я увѣренъ былъ, что это письмо до тебя дойдетъ, я бы, сверхъ этого, прислалъ бы къ тебѣ вексель Кожухова, но боюсь рисковать; ибо какъ пропадетъ вексель, такъ, можетъ быть, и не заплатитъ отецъ и денегъ. Впрочемъ Кожуховъ адъютантъ кн. Кутузова и вѣрно съ нимъ. Нельзя ли тебѣ съ нимъ списаться? Все бы на свѣтъ отдалъ, чтобы тебя хоть съ этой стороны обезпечить, ибо безъ денегъ съ семействомъ трудно тебѣ было пере-

ѣхать. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю отъ тебя извѣстія, гдѣ твои и всѣ ли вы здоровы. Ради Бога не упусти ни одной оказіи, пиши прямо ко мнѣ или Сабанееву, при главной квартирѣ Западной арміи. Вчера вступили мы въ Брестъ-Литовскъ; непріятель ретируется, а мы его преслѣдуемъ. Слава Богу, много уже, какъ ты видишь, края нашего очищено. Адмиралъ продолжаетъ быть ко мнѣ весьма милостивъ; дѣла намъ, дипломатамъ, никакого нѣтъ, да я же, слава Богу, и отъ канцеляріи отдѣлался, ибо безъ дѣла это только одни хлопоты; а теперь я развязанъ и могу отправиться въ отпускъ, когда будетъ удобное время, чтобы съ тобою повидаться. Вотъ главная причина, зачѣмъ я не принялъ канцеляріи по возвращеніи изъ Царьграда, хотя нѣсколько разъ мнѣ говорилъ Павелъ Васильевичъ*). Я живу съ добрымъ Иваномъ Васильевичемъ, и мы тагъ вмѣстѣ и ѣдимъ. На мой счетъ будь совершенно спокоенъ: въ огонь не суюсь и общаюсь тебѣ и впредь не соваться. Вчера очень хотѣлось ѣхать съ адмираломъ, но вспомнилъ тебя и милую Машу, и охота прошла.

При отъѣздѣ изъ Яссы былъ я обрадованъ твоимъ письмомъ № 103, но оно старое, отъ 21 Августа. Радъ я очень, что ты познакомился съ Мишо, малый рѣдкій и истинный мнѣ пріятель. Братъ его здѣсь. Я бы къ нему писалъ, но теперь едва нахожу возможность къ тебѣ написать нѣсколько строчекъ. Если случится, кланяйся ему и увѣрь въ вѣчной моей дружбѣ.

*

Брестъ-Литовскъ, 14 Октября 1812.

Отгадай, что я здѣсь дѣлаю? То, что дѣлалъ батюшка двадцать лѣтъ тому назадъ, т. е. губернаторомъ очищенной части Гродненской губ. Адмиралъ, котораго милостивымъ со мною обхожденіемъ не могу я нахвалиться, хотѣлъ мнѣ дать опытъ довѣренности, назначивъ меня временнымъ правителемъ сего края. Хотя это и не дѣло дипломата, но я не могъ ему отказать, тѣмъ болѣе, что онъ позволилъ мнѣ, устроить здѣсь все, оставить на мое мѣсто Багрѣва, который при мнѣ, если мои обстоятельства потребуютъ отлучки или если предпочту я ѣхать къ нему. Стараюсь дѣлать какъ можно лучше, но весьма странно для меня заниматься новымъ дѣломъ. Хлопотъ множество, но по крайней мѣрѣ на мѣстѣ я по дурному времени не долженъ таскаться по бивакамъ. Вотъ настоящее мое положеніе; долго ли оно продолжится, все это зависѣть будетъ отъ твоихъ писемъ и отъ писемъ милой Маши, которую полагаю въ Бессарабіи, въ Кишиневѣ. Только два письма отъ нея получилъ послѣ выѣзда моего изъ Яссы. Однимъ словомъ, молчаніе

*) Т. е. Чичаговъ.

засѣ обоихъ меня мучаетъ и лишаетъ меня послѣдняго спокойствія. Право, есть минуты отчаянія, въ которыя удивляюсь, что съ ума не сойду; видно, не съ чего. Особливо какъ подумаю о твоёмъ положеніи, мой милый братъ. Съ семейю Богъ знаетъ гдѣ и можетъ быть безъ денегъ, тогда какъ у меня для тебя 2000 готовы, но не имѣю способовъ переслать. Получилъ ли ты по крайней мѣрѣ съ Кожухова? Больно мнѣ быть такъ отъ тебя отдаленнымъ, въ минуту когда бы могъ быть тебѣ полезнымъ. Я въ Бухарестѣ все продалъ и имѣю нѣсколько денегъ, сверхъ того продолжаю получать столовыхъ 30 ч. въ мѣсяцъ; все бы тебѣ отдалъ, ибо мнѣ ничего не надо. Покудова пиши ко мнѣ прямо въ Брестъ, черезъ Житомиръ, и адресуй временному правителю Гродненской губ. *Vous sentez bien que le временный est de ma façon, car je ne voudrais pas prolonger mon séjour ici, et même cela me serait impossible, il faut que je rejoigne Marie. Je ne pourrai pas supporter une longue absence.*

Grâce à Dieu, les nouvelles de la grande armée sont bonnes, notre vieux maréchal leur donne du fil à retordre et commence à les mettre dans la position les Turcs de Slobodseya, en les réduisant à manger leurs cheveux. Nous autres ici nous allons très bien, le g-l Tchaplits a pris un régiment d'élite des gardes, avec le général, tous les officiers et les soldats composés de nobles Polonais. Le général s'appelle Konopka, c'est le frère de m-me Tatischeff.

*

Брестъ-Литовскій, 25 Октября 1812.

Я здѣсь продолжаю губернаторствовать. Губернія моя ежедневно увеличивается очищеніемъ отъ войскъ нашихъ одного повѣта за другимъ; теперь уже Слонимъ и Волковискъ чисты. Дѣла множество, да иначе и быть не можетъ, ибо господа Поляки, подъ видомъ защищенія края, такъ его разорили, что лучше быть нельзя. Все это можетъ быть еще исправлено, и Поляки, получа теперь такой чувствительный урокъ отъ своихъ такъ называемыхъ избавителей, будутъ умнѣе. Изъ старыхъ знакомыхъ, которые были при батюшкѣ, никого здѣсь не нашелъ въ должностяхъ, а иногда попадаются помѣщики, кои и по сихъ поръ его хвалятъ.

Старики спрашиваютъ меня, куда отправить семейства и обозъ; вопросъ весьма затруднительный, потому что не знаю, гдѣ ты; такъ и отвѣчалъ, что покуда не получу отъ тебя извѣстія, совѣтую имъ жить въ Кишиневѣ. Старикъ самъ было хотѣлъ пріѣхать въ главную квартиру адмирала, но я его и отъ этого удержалъ: гдѣ ему таскаться по походамъ въ его лѣта и съ его ревматизмами? Его было Турки хотѣли

удержать въ Бухарестѣ, однакожь нашъ генераль не выдалъ, и съ этой стороны я теперь спокоенъ. За работою время проходитъ скоро и наконецъ соединить меня и съ тобою. Адмираль ко мнѣ весьма милостивъ. Сабанеевъ былъ у меня недавно въ гостяхъ и ночевалъ. Я какъ вижу его, такъ точно ближайшаго родственника, да и въ его дружбѣ увѣренъ. Также былъ у меня Турчаниновъ, и нѣтъ почти дня, чтобы кто не заѣхалъ. Между тѣмъ вотъ болѣе 6 дней, что я не одѣвался, а сижу въ халатѣ: идти совершенно некуда, гулять грязно, а одѣваться не для кого. J'ai un mauvais clavecine, une bonne guitarrre et dans les moments de récréation je cherche à me transporter dans le passé, et rien selon moi ne rappelle autant les événemens de notre vie que la musique qui agit sur nous par réminissance. Voilà mes amusemens, mon bon ami; cela ne m'empêche pas cependant de me tourmenter et de gémir de votre silence, qu'il est bien temps de rompre.

Courage, santé, voilà ce que je vous désire. Ce nuage passera, et nous aurons le plus beau temps du monde.

*

Брестъ-Литовскій, 3 Ноября.

Je continue ici à remplir une place qui me prend tout mon temps et mes soins. Je fais de mon mieux, quoique c'est un nouveau genre de service pour moi. Je commence cependant à me familiariser avec ces espèces d'affaires et je vois qu'avec du zèle et de la probité on peut être utile partout. Je fais le bien autant que je puis et surtout j'empêche de faire le mal, voilà toute ma science. Je me promène, lorsque je n'ai rien de mieux à faire, hors de la ville, car il n'y a pas moyen de faire un pas dans nos belles rues; je vais à Téréspol, que j'ai passé tant de fois allant et revenant de Vienne. Aurais-je cru alors que je serai un jour établi dans ce Brest que je quittais toujours avec tant d'impatience! Le soir ordinairement nous jouons au boston chez moi, mais je ne suis que simple spectateur; il me serait impossible de jouer moi-même, car dès que je n'ai pas d'affaires en tête, je ne suis capable de m'occuper de rien. Je pense à votre silence, à tout ce qui vous regarde, et je souffre.

*

Брестъ-Литовскій, 14 Ноября 1812.

Слава Богу, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ большой арміи, Москва очищена, а потому, полагаю, что и мы въ нее возвратимся. Но въ какомъ состояніи нашли вы ее! Если правда, что до насъ доходить о звѣрскомъ ихъ поведеніи, то врядъ можно ли будетъ вамъ эту зиму въ ней прожить; говорятъ, что все сожгли и разорили. Экіе злодѣи! Отъ

тебя все не имѣю писемъ. Посуди, каково мнѣ! Ни днемъ, ни ночью не имѣю покоя; какъ задумаю о тебѣ, такъ, право, боюсь сойти съ ума, а могу ли о комъ другомъ думать, мой милый другъ? Больно, и, право нѣтъ силъ перенести твоего молчанія.—Такъ какъ я принялъ здѣшнее мѣсто съ условіемъ, что не болѣе, какъ на два мѣсяца, хотя срокъ еще не совсѣмъ вышелъ, я однакоже рѣшился ѣхать къ адмиралу. По окончаніи съ нимъ нѣкоторыхъ дѣлъ, если можно будетъ, отпрошусь въ отпускъ, поѣду въ Кишиневъ и если время дозволить, т. е. отпустятъ на два мѣсяца и узнаю, гдѣ ты, то непременно явлюсь обнять тебя; если же ты будешь спокоенъ и на мѣстѣ, то, можетъ быть, провожу къ вамъ и Варламовъ. N'est-ce pas c'est un beau projet, pourvu que Dieu m'aide à l'accomplir. L'amiral a infiniment de bonté pour moi, j'espère qu'il ne me le refusera pas: l'hyver il n'aura pas besoin de moi. Adressez vos lettres à Doubno. Je recommanderai au maître de poste de me les faire parvenir au quartier-général.

*

Ce 15 Novembre.

Je pars, mon bon ami, dans ce moment même.

*

le 19. Lubovna.

Je suis arrivé ici hier au soir, après une route très ennuyeuse, faite avec mes propres chevaux; je me suis arrêté pour racommoder ma бричка et puis j'irai à Louzk, d'où je me déciderai sur le parti que j'aurai à prendre. Je ne puis pas le faire ici, ne sachant pas positivement où est l'amiral, quelle est la route qu'il faut prendre pour le rejoindre et dans combien de temps je puis être chez lui avec mes propres chevaux.

*

Dolsk, le 28 Novembre 1812.

Je suis encore dans les environs de Lubovna, dans un village nommé Dolsk, où est le quartier-général de Sacken. J'y suis pour attendre des nouvelles de l'amiral, pour savoir où je pourrai le rejoindre; car autrement il pourrait m'arriver de voyager, comme vos lettres, sans attrapper ma destination.

Grâce à Dieu, les affaires sont à merveille, et m-r Bonaparte s'en va plus vite qu'il n'est venu, abandonnant tout et même son armée, qui à chaque pas est battue et poursuivie. Le voilà à bas et lui et sa réputation; car sans armée il aura beau dire: on ne le croira plus. J'espère que cet événement ouvrira les yeux à toute l'Europe sur ses véritables intérêts et que c'est à notre patrie qu'elle devra son salut. Je suis fâché de ne pas être avec l'amiral pour voir cette déconfiture, car je suis persuadé qu'il en est déjà aux prises avec eux.

*

Brest, 17 Décembre 1812.

L'homme propose, et Dieu dispose. En attendant je suis toujours contrarié dans tous mes projets. Les événemens militaires en ont décidé autrement, nous avons réoccupé ce gouvernement, et j'y suis rentré. Une fois que j'y suis, il faut que j'en fasse la tournée et que je rétablisse l'ordre avant de le quitter. J'écris cependant à l'amiral et je lui demande en grâce de me rapeller et de nommer à ma place Bagreyeff, qui est mon aide. J'ai beaucoup à faire, comme vous le sentez bien, mon bon ami: l'ennemi a commis beaucoup des désordres.

Меня затормошили исправники, городничие, комитеты, Жиды. Tout me tombe sur le corps.

*

Le 25 Décembre 1812.

Depuis ma dernière lettre de Brest, j'ai été à Wysoko-Litewsky et j'ai fait une tournée de ce côté-là pour rétablir l'ordre, ce qui était bien nécessaire. J'ai été voir le g-l Sacken à Schimatizko dans le g-t de Bialystock, j'y ai trouvé m-me Anstett, qui y est établie, cette terre appartenant à son frère. Elle n'a aucune nouvelle de son mari, j'ai appris après qu'il a passé par Bialystock. Me voilà ici depuis hier, mon cher, mon bon ami. Je pars demain pour Grodno, car j'espère pouvoir avoir ma liberté; si je n'y trouve pas des ordres de l'amiral, je lui expédierai un second courier; coûte qui coûte, je ne veux pas rester ici. Il faut que je vous voye avant le printemps, je ne puis plus supporter votre silence, et de cette manière Dieu sait quand j'aurai de vos nouvelles. Depuis un mois je ne fais que voyager, et tout cela sans avancer; ce n'est qu'à présent que j'ai pu prendre la route, qui me menera à mon but. J'ai été interrompu dix fois depuis que j'ai commencé cette lettre, je n'ai qu'un jour pour rétablir ici le gouvernement: nommer des employes, écouter les plaintes de mille Juifs, décider vingt affaires, et ajoutez à cela que mes idées sont auprès de vous. Il faut que je prenne tout sur moi, l'amiral étant Dieu sait où, et c'est dans ce temps aussi difficile, que me voilà, Dieu sait comment et pourquoi, gouverneur d'un gouvernement composé de Polonais. Je fais mon devoir aussi bien, que j'en suis capable dans un genre de service, qui est tout-à-fait nouveau pour moi et dans un moment où le passage continuel des troupes demande une activité qui ne me laisse de repos ni le jour, ni la nuit.

*

Меречь, 31 Декабря 1812.

J'ai appris que le maréchal prince Koutousoff était arrivé à Metz où se trouvait S. M. C'était une excellente occasion pour moi de venir saluer le premier et de tâcher de me débarrasser de mon cher

gouvernement. Je suis venu hier au soir ici. Le maréchal m'a reçu avec infiniment de bonté, j'ai passé toute la soirée avec lui. J'ai profité d'un petit moment où nous étions seuls pour lui parler de moi. Je l'ai prié de ma débarrasser de ma place; il m'a dit des choses très flatteuses, et j'espère être auprès de lui. Ce matin encore il m'en a parlé et est allé chez l'Empereur avec l'intention d'arranger cette affaire. La seule difficulté c'est que je me compte auprès de l'amiral, mais j'espère que cela s'arrangera; jusqu'à ce soir je ne pourrai rien savoir. Nous verrons. Kojoukhoff, aide-de-camp du maréchal, part pour Moscou; jugez, mon bon ami, avec quel plaisir je profite de cette occasion pour vous écrire. Cette lettre au moins vous parviendra sûrement. En outre il vous remettra les deux milles roubles qu'il me doit et dont je vous ai écrit dans le tems. Je n'ai pu apprendre ici que fort peu de choses de vous, tout le monde vous a vu, mais c'était avant d'avoir quitté Moscou; depuis on suppose que vous y êtes revenu et que vous êtes avec le g. Rostopchin. Mais tout cela ne me tranquillise et ne me console pas. Ce sont des suppositions, rien de sûr. Si vous étiez à Moscou, comment vos lettres ne me seraient-elles pas parvenues? Jusqu'à quand serai-je dans cette incertitude? Au moins par le retour de Kojoukhoff répondez moi.

J'ai trouvé ici Anstett et Wlodek, chez lequel je me suis arrêté, Lamsdorff et beaucoup de mes amis. J'ai été reçu de tout le monde à bras ouverts, tout le monde m'engage à rester ici et le désire. Le maréchal lui-même m'a parlé de manière à me faire voir qu'il ne serait pas fâché de me voir avec lui. Les campagnes de la Valachie m'ont fait beaucoup d'amis. J'ai vu Léon Narychkine à Grodno, nous avons été bien aises de nous rencontrer. J'ai appris ici une nouvelle, qui m'a fait beaucoup des peines, c'est la mort de notre bon Mallia. Un ami du moins! Grande perte pour moi, pour le service et pour tous ceux qui l'ont connus. Anstett est entré chez le maréchal sans savoir que j'y étais, il s'est jetté à mon cou. Enfin, mon bon ami, tout le monde me témoigne de l'amitié et de l'intérêt. Il fait si froid dans cette maudite *корчма* que je puis à peine tenir la plume et j'aurais tant de chose à vous dire! Anstett a le cordon de S-e Anne de la première classe, beaucoup de nos connaissances ont été récompensées. Benken-dorf est général, Tchernichoff aide-de-camp-général, le bon Michaud est aide-de-camp de S. M. Comme je suis content qu'il a eu l'occasion de montrer son talent et son zèle. Mes doigts sont tout-à-fait gélés, je ne puis pas continuer. Je me porte bien. Königsberg a été pris et 50 canons avec; tous les jours quelque nouveau succès. Voilà le Sauveur de la Russie!

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

1857-й годъ.

Январь. 1. Служили на дому молебень съ водосвятиемъ. Потомъ я ѣздилъ съ визитами къ Н. В. Сушкову, М. П. Захарову, къ графу За-
кревскому, который спрашивалъ о Мишѣ; отъ него къ княгинѣ О. П.
Лобановой-Ростовской, къ М. В. Бобарыкиной, засталъ еще обѣдню и
молебень въ Чудовѣ м., гдѣ поздравилъ митрополита Филарета и архіе-
пископа Евгенія съ новымъ годомъ, оттуда къ А. И. Лобкову.

2. Вставъ поутру въ 5 ч., занимался Московскими урочищами, по-
томъ ходилъ къ Матвѣю Иван. Кроткову, діакону Адриановскому и къ
А. А. Майкову. Отъ о. Авеля получилъ книжки и двѣ ложечки скитскаго
издѣлья. Навѣстилъ больного священника Ѳедора Ивановича, обѣдалъ
у А. П. Извольскаго. Вечеромъ пріѣхали 3 воза съ запасомъ и Сергіемъ,
его женою и дѣтьми на 3 возахъ.

3. Обѣдалъ у дочери своей, которая праздновала день своего рож-
денія. У нея я видѣлъ старушку изъ Молодей, Ѳедотьевну, которой счи-
таютъ 102 года; какъ она помнитъ Петра III, то ей должно быть богъе,
а сохранила еще чувство слуха, зрѣнія, обонянія и память; пѣшкомъ
пришла изъ Молодей поздравить мою Анету съ днемъ ея ангела. По-
томъ я ѣздилъ въ винную контору, гдѣ получивъ за полгода арендныя
деньги 168 р. с. за лавочку Сокольницкую, отослалъ ихъ къ Мишѣ въ
Изюмъ. Тамъ я познакомился съ Іоасафомъ Александровичемъ Морозо-
вымъ, которому я обѣщаль подарить Ж. м. П.

4. Обѣдалъ у Н. В. Сушкова съ Бодянскимъ и Лизандеромъ, ве-
черъ провелъ у В. П. Флерова, у котораго былъ д. Дейчъ съ двумя
сыновьями. Я слышалъ отъ Бодянскаго, что въ Вяткѣ учрежденъ Іезуит-
скій коллегіумъ, а обращенный въ католичество Балабинъ написалъ на
Франц. брошюрку, продаваемую въ С.-Пб., гдѣ доказываетъ, что безъ
главенства папы и безъ союза съ нимъ не можетъ быть проченъ Росс.
престолъ и что Русское духовенство имѣеть республиканское направле-
ніе. Козни Іезуитскія, а мы впускаемъ козловъ въ огородъ православія.

10. Въ ц. Знаменія на Знаменкѣ, съ священникомъ и діакономъ
осматривалъ храмовую икону Знаменія, носимую въ крестныхъ ходахъ,

---

*) См. выше, стр. 37.

и колоколь 1600 г., перелитый въ 1757 г. Эта церковь старѣ Знаменскаго м. и кажется первою въ Москвѣ по иконѣ. Оттуда я проѣхалъ въ Донской м., гдѣ погребали г. м. Нарышкина. У преосвященнаго Евгенія я присутствовалъ на консиліумѣ, касательно его глазъ, г.г. Броссе, Поль, Алессіо, племянникъ и студентъ. Ничего не придумали кромѣ того, что предписывалъ Алессіо.

13. Господи, избави мя отъ искушеній! Безъ Твоя помощи я не спасуся. Заботы о долгахъ волнуютъ мое сердце, страсти обуреваютъ. Спаси насъ, Сыне Божій и Божія Матерь!

14. Всталъ въ 5 часу и послѣ молитвы утр. прочелъ я молитву Св. Димитрія Ростовскаго, исповѣданіе къ Богу отъ человѣка, полагающаго спасенія начало, потомъ читалъ III т. Русской Бесѣды. Ко мнѣ влетѣлъ въ кабинетъ сизый голубъ въ двойную оконницу, разбивъ два стекла, и сѣлъ на шкафъ съ книгами. Я свезъ къ Н. В. Сушкову корзину съ фруктами.

15. Ыздилъ къ Х. Д. Спиридонову попросить его объ отсрочкѣ до 1 Февраля. Онъ согласился на это при г. Бушѣ. То былъ день его рожденія, а родился онъ въ 1777 г., слѣдовательно минуло 80 лѣтъ. Выпили и закусили. Онъ совѣтовалъ пить вино Франц. Отъ него я проѣхалъ въ часовню къ Иверской, купилъ рыбы и икры, овсяной и гречневой муки, завернулъ къ А. И. Лобкову, у котораго засталъ куму его Плигину. Онъ на обѣдъ къ Чертовой, а я домой.

17. Жена моя ѣздила съ Ковалевскимъ въ сумасшедшій д. къ Ивану Яковлеву совѣтоваться.

18. Отъ Т. я слышалъ, будто С. П. Шевыреву далъ пощечину графъ Бобринскій у Черткова. Это мерзко. Порывы самоуправства не должно поощрять, да не горше что будетъ. Гр. Строгановъ началъ въ Московскомъ университетѣ подбивать молодежь и поглажать ей, чтобы его хвалили. Злокачественный эгоизмъ!

19. Часу въ 8 вечера я легъ было спать, но меня томило уныніе и грѣховное самозабвеніе. Ими же вѣси судьбами, Господи, спаси меня! Безъ Твоя помощи не могу.

21. Къ А. И. Лобкову, у котораго обѣдалъ съ Ив. Прок. Плигинимъ, а отъ него въ домъ Плигина. Отъ усильнаго потчеванія голова тяжела.

22. Съ вечера въ 6 ч. я легъ спать и передъ полуночью видѣлъ во снѣ, будто я изъ окна на Востокъ смотрю на небо и вижу, что изъ-за облачка выплылъ мѣсяцъ, отъ коего отдѣлилось золотое облачко въ видѣ звѣзды и потекло по небу къ Сѣверо-Западу; наконецъ оно превратилось въ золотого блестящаго голубя, который леталъ надъ моею головой; потомъ, превратясь въ сизаго орла, сѣлъ на дерево въ нашемъ

саду, наконецъ на ворота нашего дома и спустился на дворъ. Онъ глядѣлъ прямо на меня и даже клевать мою руку, прося у меня пицци. Я затворилъ его у себя въ домѣ и велѣлъ Митрофану накормить его. Кто-то мнѣ говорилъ, что надобно молебствовать св. Апостолу Матеею. Потомъ я очутился въ приходской церкви, предъ кою столпилось множество народу, и искалъ въ Библии 9 гл. посл. къ Коринѣ.

23. Вечеромъ былъ у меня А. А. Мартыновъ, который увѣдомилъ меня объ утвержденіи комиссіи возстановленія дома Романовыхъ.

28. Навѣстивъ избитаго Шевырева, я былъ въ полицейской типографіи, оттуда доехъ до Сената П. В. Хавскаго, слушалъ обѣдню въ Чудовѣ м., гдѣ видѣлся и говорилъ съ кн. Урусовымъ, который передалъ мнѣ отзывъ А. Муравьева о митроп. Филаретѣ.

Февраль. 1. Пріѣзжала къ намъ сенаторша В. Е. Чертова просить меня написать статью о Лефортовскомъ заведеніи для дѣвицъ.

2. Зашелъ къ Еп. Вас. Мурашеву, который въ своемъ домѣ на своемъ иждивеніи содержитъ заведеніе 12 л. и выдалъ замужъ трехъ изъ него дѣвицъ. Дѣвицъ было 30 да бѣдныхъ старухъ 15. Теперь заведенію этому дано другое значеніе и помѣщеніе. Послѣ обѣда я ходилъ, по просьбѣ хозяина, старосты церковнаго, осмотрѣть отстраиваемую церковь Святителя Николая Красный Звонъ. Иконостасъ мнѣ не понравился.

3. Я ѣздилъ къ И. Д. Бѣляеву и отдалъ ему рукопись М. Я. Діева, Жизнь Симона Лагова, съ нимъ вмѣстѣ слушалъ обѣдню у праздника въ ц. Св. Николая на Щепкахъ; оттуда къ Н. И. Крылову, съ которымъ поговорилъ о разныхъ предметахъ, между прочимъ о Московскихъ урочищахъ. Онъ мнѣ читалъ свое возраженіе противъ Чичерина.

5. Я ѣздилъ въ театръ на представленіе Громобоя съ сыномъ, невѣсткой и сватомъ. Декорации и костюмы были великолѣпныя.

12. Ѣздилъ въ Чудовъ м., гдѣ служилъ митрополитъ Филаретъ, но не проповѣдывалъ; захалъ въ часовню къ Иверской Богородицѣ на праздникъ. Послѣ обѣдни я отвезъ статью о сиротскомъ заведеніи для дѣвицъ г-жи Чертовой, которая весьма благодарила меня.

14. Послѣ обѣда я навѣстилъ митр. Филарета, которому читалъ свое предисловіе къ дополн. Русск. пословицамъ съ возраженіями Современнику. Онъ самъ перечиталъ его и одобрилъ. Говорено о Шевыревѣ и Грановскомъ.

17. До обѣда я ѣздилъ помолиться къ св. Θεодору Стратилату въ Путинки и къ Г. П. Головину. Онъ рассказывалъ мнѣ о старомъ обычаѣ прощаться въ послѣдній день масляницы. Всѣ родные собирались обѣдать въ домъ къ старшему и прощаться, послѣ обѣда ѣхали всѣ къ

вечернѣ на родовое кладбище съ красными яйцами и тамъ пѣли канонъ Пасхи и христосовались яйцами. Въ Вознесенскомъ и другихъ монастыряхъ пѣли канонъ Пасхи и послѣ вечерни заговлялись у игуменьи.

19. Нагѣстилъ ссылаемаго по высочайшему повелѣнію въ Ярославль С. П. Шевырева, который упросилъ меня у него обѣдать. Я его утѣшалъ, сколько сумѣлъ, такъ что слезы его превратилъ въ смѣхъ; отъ него къ вечернѣ на Троицкое подворье.

20. Я ѣздилъ на похороны іерея Феодора Иоанн. ц. Николы въ Кошеляхъ. Онъ священствовалъ около 50 л., былъ добродушенъ, благочестивъ, ревностенъ къ служенію и сладкорѣчивъ, много зналъ любопытнаго изъ старины и любилъ меня. Его отпѣвалъ архимандритъ Іоанникій. Ц. Николая Чудотворца есть придѣлъ ц. Богоявленія, какъ значится на колоколѣ.

22. Встрѣтилъ К. С. Мясоѣдову, которая сказала мнѣ, что гг. Панаевъ и Горяиновъ «хлопочуть о цензурѣ» и просили мнѣ передать. Отъ кн. М. А. Оболенскаго получилъ извѣщеніе, что я, по высочайшему повелѣнію, назначенъ въ ученую комиссію для возстановленія дома Романовыхъ на Варваркѣ.

23. Ранняя обѣдня въ своемъ приходѣ, гдѣ приобщалась Св. Тайнъ моя жена, не говѣвшая четыре года.

24. Въ Чудовѣ мон., гдѣ совершалъ чинъ православія митр. Филаретъ съ Казанскимъ архіеп. Аѳанасіемъ и епископомъ Алекс. Никаноромъ, литургію съ преосвященнымъ Аѳанасіемъ, говорилъ слово, царскій молебень служилъ съ преосвящен. Аѳанасіемъ и Евгениемъ.

Мартъ. 2. Въ первое засѣданіе комиссіи возстановленія дома Романовыхъ въ домѣ Иностранной Коллегии. Кромѣ предсѣдателя присутствовали я, Рихтеръ, Вельтманъ и Мартыновъ. Раасуждали о дѣлахъ и поручили составленіе смѣты Рихтеру, подписали протоколъ засѣданія. По моему предложенію, опредѣлено собирать засѣданія въ случаѣ какой надобности.

5. Прочелъ мнѣніе П. П. Никифорова въ защиту крѣпостного права.

6. Читалъ сочиненіе о крѣпостномъ состояніи, гдѣ нашелъ между прочимъ слѣдующее изреченіе Петра I: «Учить крестьянъ грамотѣ значить уменьшать земледѣльцевъ въ деревняхъ и умножать праздныхъ людей въ городахъ». Я написалъ на мнѣніе П. П. Н. свои замѣчанія.

28. Въ письмѣ къ секретарю Имп. Общ. Бѣляеву я выразилъ свое мнѣніе о выборѣ въ предсѣдателя кн. М. А. Оболенскаго, если откажется Е. П. Ковалевскій. Съ Мишей я ѣздилъ къ сенаторамъ А. И. Мясоѣдову и Е. П. Ковалевскому, который сказывалъ, что слышалъ объ удаленіи Назимова отъ должности Виленскаго губернатора военного вмѣ-

стѣ съ клеветомъ его Шпееромъ за злоупотребленія и безпорядки, о закрытіи Комитета объ освобожденіи крестьянъ, надѣлавшаго болѣе шума и вреда, чѣмъ пользы.

29. Съ невѣсткой я ѣздилъ въ концертъ Славика, который игралъ на віольд'амурѣ, тамъ слышалъ Голицынско - Салтыковскихъ цѣвчихъ; цѣніе стройное. Сочиненныя Славикомъ увертюры понравились публикѣ, которая рукоплескала ему.

Апрѣль. 3. Я послалъ въ ц. Свят. Николая въ Драчахъ 2 бут. красного вина. Потомъ я отправился во Владыкино по скверной дорогѣ чрезъ Останкино, обѣдни не засталъ, но исповѣдывался у о. Василія Никол. У него я встрѣтилъ духовнаго его сына Александра Степановича Кроткаго и съ нимъ разговаривалъ о богословіи и химіи. Оттуда я поѣхалъ по Дмитровкѣ въ Москву.

4. У всенощной я былъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ читалъ всѣ 12 евангелій митроп. Филаретъ.

5. Вечерню я стоялъ въ Греческомъ Никол. мон., гдѣ послѣ чтенія Евангелія сняли распятаго Христа со креста и внесли въ алтарь, откуда принесена была плащаница.

6. У поздней на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митрополитъ Филаретъ. Обѣдня продолжалась 3¼ часа.

7. Заутреню Свѣтлаго Воскресенія я слушалъ съ женою, сыномъ и невѣсткою въ своемъ приходѣ, а раннюю на Троицкомъ подворьѣ съ дочерью и зятемъ, которые у насъ разговлялись.

21. Послѣ обѣда съ дочерью и невѣсткой ходилъ къ митр. Филарету, котораго просилъ помолиться о больной моей женѣ и помиловать виновнаго Молодян. дьякона. Былъ разговоръ о критикѣ университет. профессоровъ Крылова и Леонтьева, представителей разныхъ партій. Митрополитъ находилъ это предосудительнымъ. По моей просьбѣ о Молодян. дьяконѣ онъ обѣщалъ помочь его семейству пристроеніемъ дочери.

22. Приходилъ ко мнѣ иконописецъ Леонтій Петровъ и принесъ мнѣ изображенія: Божіей Матери Азарянской въ Старо - Харьковскомъ Курежскомъ мон. и Утолимой (утоляетъ жестокіе нравы человѣческіе и сердца). Отъ К. В. Прохорова получилъ 3 экз. Современныя идеи и православіе.

23. Митр. Филаретъ прислалъ женѣ моей просфору за ея здоровье съ чиновникомъ своимъ.

24. Поутру 80-лѣтній богадѣльникъ изъ Екатер. богадѣльни Спасскій принесъ мнѣ стихи, посвященные моему имени. Рихтеръ сказывалъ мнѣ при всѣхъ, что издатель Художественнаго Листка просить меня на-

писать статью для него о домѣ Романовыхъ сокращенно, а князь М. А. Оболенскій предлагалъ составить подробное и отчетливое описаніе. Оттуда я поѣхалъ къ Вельтману, у котораго обѣдалъ съ барономъ Ховеномъ. Взявъ у А. Ѡ. В. Остромирово Евангеліе, я отвезъ его къ митр. Филарету, который просилъ его у меня чрезъ посланнаго ко мнѣ эконома.

28. Я составилъ описаніе Романовской палаты для г. Тимма.

29. Отнесъ къ митр. Филарету Остромирово Евангеліе, изд. Ганки въ Прагѣ. У насъ былъ архіеп. Евгеній. Тамъ я встрѣтился съ Ѡ. П. Корниловымъ.

30. Я ѣздилъ въ Новоспасскій м. отслужить панихиду по другъ моемъ именинникѣ Я. Е. Арсеньевѣ. Архим. Агапить пригласилъ меня къ себѣ, далъ мнѣ богор. просфору и жизнь св. Іосифа Волоколамскаго. По пути я заѣхалъ на Швивую горку и оттуда полюбовался великолѣпнымъ видомъ Москвы, купилъ кулъ муки и овса.

Май. 1. Преполовеніе. Былъ въ крестномъ ходу, гдѣ у меня вытаскивали кошелекъ съ серебряными деньгами.

2. Я ѣздилъ къ П. П. Корнилову просить о переводѣ сына моего Андрея въ 7 артил. дивизію. Онъ обѣщалъ и принялъ на себя ходатайствовать у начальника штаба Баранцева, къ кн. М. А. Оболенскому, которому прочелъ свою статью о Романовомъ домѣ, наконецъ въ Зачатьевскій монастырь, гдѣ съ священникомъ Алексіемъ прочли надписи на гробницахъ сестеръ св. Алексія митрополита и осматривали церкви и замѣчательные образа. Я заѣхалъ къ профессору Меншикову, у котораго встрѣтилъ тестя его И. М. Колосова и П. Н. Титова, потомъ къ Г. В. Грудеву, къ священнику ц. Похвалы Пресвятой Богородицы и къ Г. П. Ковалевскому, но обоихъ не заставъ дома, завернулъ къ Н. И. Крылову, котораго нашелъ въ дурномъ расположеніи духа.

7. Статью свою о домѣ Романовыхъ, съ письмомъ къ Василию Федоровичу Тимму, я отправилъ въ Спб. Онъ живетъ на Васильевскомъ островѣ въ 3 линіи, въ домѣ Варнека. Весь день дождь.

9. Ѣздилъ къ И. Д. Бѣляеву, съ которымъ прочелъ я корр. введенія къ дополненію Русскихъ пословицъ и отправился съ нимъ въ Зачатьевскій м. для повѣрки надписи на гробахъ сестеръ св. Алексія митрополита, Уліаны и Евпраксіи. Завтракали у игуменіи Матридіи, которая похристовалась со мною яичкомъ.

11. Ходилъ пѣшкомъ поставить въ часовнѣ у Москворѣцкаго моста Спасу свѣчу въ мѣру возраста Саши; на дорогѣ встрѣтилъ Анегу, взялъ у Вандрага свою шляпу; изъ часовни прошелъ къ зятю навѣстить своего внука.

12. Проѣхалъ въ Зачатьевскій м. на праздникъ Неопалимыя купины, который отправляется каждое 5 Воскресенье по Пасхѣ. Это мѣстное празднованіе. Юлія пѣла молебенъ Неопалимой Купинѣ и поклонилась гробницамъ преп. Юліи и Евпраксіи. По приглашенію игуменьи Мастридіи, мы были у нея на закуску.

13. Я слышалъ, что съ полуразломаннаго Каменн. моста обрушилось 48 человѣкъ, изъ коихъ нѣсколько человѣкъ убито до смерти.

19. Вчера и нынѣ я проходилъ лѣтописи Новг. I, II, III и IV и Псковскія. Ранняя обѣдня у Св. Троицы на Листахъ. Канавка для водопровода напомнила мнѣ земляной валъ, черезъ который я въ малолѣтствѣ переползалъ.

23. Семикъ. Я ходилъ на Убогій домъ въ ц. Св. Іоанна Воина, гдѣ слушалъ заутреню, раннюю обѣдню, молебенъ Св. Іоанну Воину и панихиду объ убогихъ.

24. Я ѣздилъ на экзамень въ Армянское училище, гдѣ видѣлъ успѣхи А. Петрова.

25. Троицкая родительская Субота. Заутреню я слушалъ въ ц. Свят. Николая въ Грачахъ, раннюю обѣдню у Троицы на Листахъ, гдѣ помянулъ родителей; потомъ зашелъ къ Николаю Павловичу Розанову за справками. Миша обѣдалъ у графа Закревскаго, который благословилъ его и подарилъ ему свой портретъ. Онъ отправилъ своихъ людей въ Харьковъ.

27. Ѣздилъ къ г. Бѣляеву, встрѣтилъ на дорогѣ С. Д. Полторацкаго и, по его словамъ, завернулъ къ возвратившемуся въ Москву Н. В. Сушкову. Съ Божіей помощію сынъ мой Миша съ Юліей въ 1 часу пополудни поѣхалъ въ свои Малоросс. деревни; съ нимъ были карета и коляска, человѣкъ Давидъ и двѣ дѣвки.

31. Ходилъ къ П. П. Корнилову, отъ котораго узналъ, что мой Андрей переведенъ въ коннобатарейную № 18 батарею 7-й конной артил. бригады къ подполковнику Филиппеусу, доброму Шведу. Потомъ я ѣздилъ въ Новоблагословенную церковь у Салтыкова моста для свиданія съ печатникомъ Александромъ Сидоровымъ, съ которымъ я повѣрялъ нѣкоторыя лубочныя картинки и осматривалъ церкви; обѣдалъ въ Сокольникахъ у Медынцевыхъ, потомъ зашелъ къ В. П. Флерову, отъ котораго я слышалъ о кончинѣ преосвященнаго Иннокентія Борисова въ Одессѣ. По приглашенію, на вечеръ поѣхалъ къ гг. Сушковымъ; жена его и племянница отправляются въ Брянскъ. Тамъ видѣлся съ С. Колошинымъ, Мендомъ и пр.

Іюнь. 2. Ѣздилъ въ Троицкій богадѣленный домъ на освященіе 3-й церкви, устроенной изъ часовни, въ честь Успенія Божіей Матери. Освя-

щаль ее митроп. Филаретъ съ іереями. На немъ были омофоръ и панагія патріарха Іова, крестъ наперсный Макарія митроп. Всерос., жезлъ у него былъ свят. Алексія митрополита, митра древняя. Церковь холодная устроена въ древнемъ вкусѣ; въ иконостасѣ пять поясовъ, въ нижнемъ на поклонѣ четыре мѣстныхъ образа: Спаситель на престолѣ, Страстная Божія Матерь, храмовая и Рождества Богородицы. Царскія двери искусно сдѣланы съ прорѣзью и шестью клеймами; по сторонамъ столпцы, сверху корона или подзоръ; въ праздничномъ поясѣ 30 образовъ пятилистовыхъ, въ апостольскомъ два первоверховныхъ Апостола, представители святителей и преподобныхъ, за ними слѣдуютъ пророческій и праотеческій поясы; въ среднѣйшихъ поясовъ идетъ рядъ иконъ Господа Саваоа съ Превѣчнымъ Младенцемъ, Божія Матерь съ І. Х. или т. н. Воплощеніе и Господь во славѣ; надъ ними распятіе, на доскѣ писанное. Иконостасъ загибается на правой и лѣвой сторонахъ, гдѣ помѣщены разныя иконы разныхъ школъ. На южной, сѣверной и западной стѣнахъ помѣщены въ клеймахъ древніе образа историческіе и символическіе. Алтарь обставленъ кіотами съ древними иконами. Ризница обогащена утварями въ древнемъ вкусѣ. Съ прибытіемъ митрополита освященіе началось въ 9 часовъ утра, потомъ литургія, окончившаяся во 2 часу пополудни; они совершались по старымъ требникамъ, печатаннымъ до патріарха Никона, пѣніе столповое, одни только три исполатчива изъ архіерейскихъ пѣвчихъ. Во время освященія митрополитъ съ духовенствомъ, въ преднесеніи св. хоругвей и образовъ, троекратно обошелъ храмъ посолонь, съ крестомъ въ рукѣ, коимъ осѣнилъ четыре стороны храма; въ первой разъ окадилъ, во 2-й разъ окропилъ св. водой, въ 3-й осѣнилъ крестомъ. Во внутренности его никого не оставалось; всѣ вышли вонъ. Толпы народа сопровождали это св. шествіе; одни неприсоединившіеся смотрѣли издали на него съ нѣкоторымъ смущеніемъ и колебаніемъ. Лишенные церкви кладутъ за это ежедневно поклоны, какъ бы исправляя наложенную на нихъ епитимію, но упорствуютъ присоединиться подъ разными предлогами. На этомъ торжествѣ присутствовали генералы Чеодаевъ, Чертовъ, Перфильевъ и другія почетныя особы. Окрестныя улицы полны были народа. У братьевъ Гучковыхъ въ домѣ былъ великолѣпный обѣдъ на 250 ч., который благословилъ митрополитъ, но не остался. За обѣдомъ пили за здравіе Государя и августѣйшаго его дома, за военачальниковъ и градоначальниковъ и христіюлюбивое воинство, за митрополита и храмоздателей. Пѣвцы возгласили имъ троекратное многолѣтіе.

3. Анета прислала мнѣ малины, которую я послалъ къ митр. Филарету.

28. Написанна мною предложенія: 1) о поставленіи мѣдныхъ досокъ

ладъ гробницами княжескими въ притворѣ у Спаса на Бору и 2) о сооруженіи придѣла въ честь св. Михаила Малеина въ Знаменскомъ монастырѣ, я послалъ къ кн. М. А. Оболенскому.

Юль. 2. Вечеромъ былъ у меня г. Безсоновъ, которому я далъ рапорты Невзорова.

7. Проѣхалъ къ И. В. Бѣляеву, у котораго были П. И. Бартенева, Шпилевскій и Дмитріевъ. Разговоръ былъ объ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, о Екатеринѣ II и И. П. Шуваловѣ.

9. Зашелъ къ Петру Алексѣевичу Безсонову, которому сообщилъ извѣстіе о пѣвцахъ Лазаря изъ дѣла Патр. приказа.

12. Заѣхалъ ко мнѣ М. А. Оболенскій, съ которымъ я отправился въ Знаменскій м., гдѣ служилъ панихиду по государяхъ и государыняхъ Росс., между прочимъ по царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и патриархѣ Филаретѣ, а послѣ обѣдни благодарственный молебень митроп. Филаретъ. Послѣ службы я, принявъ благословеніе отъ митрополита, зашелъ въ кельи къ архимандриту сдѣлать ему замѣчаніе о томъ, что онъ не далъ мнѣ знать въ свое время.

17. Вечеру у митр. Филарета, у котораго нашелъ А. Муравьева. Онъ читалъ мою статью *о его служеніи въ Знаменскомъ м.* 12 Юля и очень одобрилъ ее. У него я видѣлъ Хотьковскую игуменью.

18. Погода сумрачная. Я написалъ письмо къ вел. кн. Константину Николаевичу о возстановленіи часовъ на Сухаревой башнѣ. Завернулъ къ Вельтману и Ю. Н. Бартенева, которому читалъ свое введеніе въ лубочныя картинки. Онъ совѣтовалъ собрать всѣ мои мелкія сочиненія и издать ихъ вмѣстѣ.

19. Поутру былъ у меня митропол. эконома съ просьбою о справкѣ въ Казенной Палатѣ касательно пожалованнаго Государемъ лѣса 2000 дес. Заѣзжалъ въ Казенную Палату за справками о лѣсѣ, но тамъ не нашлось дѣла.

21. Я ходилъ пѣшкомъ къ Рамазанову смотрѣть его барельефъ, изображающій усмиреніе бунта въ Спб. Николаемъ I въ 1830 г., гдѣ встрѣтился съ В. Драшусовымъ, Подключниковымъ и пр.

24. Къ С. П. Шевыреву поздравить его сына съ ангеломъ, навѣстилъ дочь; потомъ къ Ю. Н. Бартенева, которому далъ прочесть дѣло о Салтычихѣ, читалъ съ нимъ въ Р. В. ст. Печерскаго, весьма рѣзкую, «Старые годы» и у него обѣдалъ; потомъ проѣхалъ къ И. Д. Бѣляеву.

26. Память матушки и двухъ моихъ дочерей, Прасковій.

28. Я ѣздилъ въ церковь въ Преображ. богадѣл. домъ и гдѣ съ Леонтіемъ Петровымъ осматривалъ тамъ иконы; обѣдалъ у И. Ѳ. Гучкова съ архитект. Вивіеномъ, съ братомъ его докторомъ и Леонтіемъ Петровымъ. Съ хозяиномъ и Сорокинымъ я перечиталъ свою статью.

29. Обѣдать я проѣхалъ къ Н. В. Сушкову, у котораго были братья жены его Ѳ. и Н. Тютчевы, Бодянской и П. И. Бартенева, кн. А. Голицынъ. Даръ Ивановицъ я свеаъ корзинку Мексик. малины.

30. Я оканчивалъ статью свою объ освященіи церкви на Преображенскомъ кладбищѣ, которую и прочелъ митроп. Филарету при викаріи; сдѣлавъ два или три замѣчанія, онъ одобрилъ ее и даже очень хвалилъ нѣкоторыя мѣста. Отъ митроп. Филарета ко мнѣ заѣхалъ А. Е. Сорокинъ, который сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о надписяхъ на образахъ Преображенскаго кладбища.

Августъ. 1. Отъ Гучкова присланъ мнѣ ананасъ, который Андрей отправилъ къ матери, въ домъ Бородина. Я былъ въ крестномъ ходу, гдѣ ходилъ и графъ Закревскій. Служилъ митроп. Филаретъ. Контръ визитъ П. И. Бартенева.

2. Заѣзжалъ ко мнѣ А. Е. Сорокинъ, которому я возвратилъ Требникъ Іосифовъ, а послѣ него И. Ѳ. Гучковъ. На Преображенскомъ кл. *старожены*, пришедшіе вѣнчанными, *новожены*, тамъ ожившіеся, и *половники*.

3. Смотрѣлъ на разломаніе церкви Успенія на Успенскомъ Бражкѣ, прочелъ тамъ надпись 1655 г. о построеніи сей церкви Григоріемъ Иван. Горихвостовымъ.

8 Зашелъ въ полицейскую типографію къ М. П. Захарову, который придумалъ затрудненія къ помѣщенію въ Моск. Пол. газетѣ моей статьи безъ вѣдома графа А. А. Закревскаго. Я возражалъ ему, что тутъ ничего не касается до полиціи, но все относится до митрополита. Я объ этомъ объяснилъ митрополиту, который поручилъ мнѣ пригласить редактора къ нему завтра въ 10 часовъ, о чемъ я и далъ знать послѣднему.

9. Въ 3-мъ часу ночи я ходилъ пѣшкомъ съ митрополитомъ въ крестный ходъ, отъ XII Апостоловъ въ Успенскій соборъ, гдѣ я слушалъ заутреню и раннюю обѣдню; поутру былъ у митрополита съ М. П. Захаровымъ, которому преосвященный говорилъ, что не надобно задерживать моей статьи, чтобы не дать повода къ превратнымъ толкамъ для раскольниковъ, и что Св. Синодъ очень доволенъ освященіемъ церкви на Преображенскомъ кладбищѣ. На представленіе Захарова, что онъ не смѣетъ безъ графа А. А. З. напечатать мою статью въ Моск. Пол. газетѣ, митрополитъ отвѣчалъ: «Въ такомъ случаѣ отнесите къ правящему должность его кн. Щербатову отъ моего имени и скажите, что я въ статьѣ г. Сябгирева не нахожу ничего противнаго православію, а признаю ее даже нужною».

13. Ходилъ пѣшкомъ въ Донской мон., приняая извозчика. Съ преосвященнымъ Евгениемъ поговорилъ о разныхъ дѣлахъ, между прочимъ о митрополитѣ Платонѣ и о знакомствѣ преосвященнаго съ Пушкинымъ въ Псковѣ, гдѣ онъ ходилъ въ странномъ костюмѣ и хотѣлъ писать трагедію Іоаннъ Грозный.

14. Вечерню и молебень я слушалъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ съ архіепископомъ Евгениемъ и викариемъ. Присутствовали епископъ. Обѣдалъ я у Н. В. Сушкова съ Бодянскимъ и П. И. Бартеневымъ, которымъ подарилъ по экз. Дополненія къ Русск. посл. Вечеромъ ко мнѣ заѣхалъ отъ м. Филарета Н. В. Сушковъ.

19. Отправился на праздниѣ въ Донской, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ. Народу было множество, болѣе средняго класса и простого. Я подводилъ тетку и племянницу къ благословенію преосвященнаго Евгения и митрополита, который слегка мнѣ выговаривалъ, но притворно, зачѣмъ я не послушался его и не выпустилъ строкъ въ описаніи освященія ц. Преображ. о раздачѣ имъ милостыни богадѣльникамъ. Онъ не остался обѣдать. Обѣдалъ у преосвященнаго Евгения преосвященный Алексій и Никаноръ, архимандриты Агапитъ, Греческій, Іаковъ, Евстафій, Савва, Игнатій, протоіереи нѣкоторые, П. В. Хавскій, пресвитеръ Оксфор. Станлей, который познакомился со мною, Сухотинъ и пр. Послѣ обѣда пріѣзжалъ ко мнѣ И. Ѡ. Гучковъ, который отдалъ мнѣ на расходы, за переплетъ, 15 р. с.

21. Встрѣтился съ сенаторомъ Цеймерномъ, который поговорилъ со мною о Московскихъ урочищахъ. Онъ полагаетъ, что выпущено изъ виду муниципальное управленіе въ Москвѣ—земство, земскіе старосты, земскій приказъ, земскія повинности.

25. Я ѣздилъ въ Успенскій соборъ къ поздней обѣднѣ, которую служилъ архіепископъ Камчатскій, Курильскій и Алеутскій Иннокентій Веніаминовъ. Почтенный и благоговѣйный старецъ. Оттуда на Дорогомилово кл., гдѣ по усердію Прохоровыхъ служили заупокойную обѣдню и панихиду по Бородинскимъ воинамъ, которые здѣсь погребены. Здѣсь былъ привалъ, куда послѣ Бородинской битвы привезли раненыхъ, а умершихъ изъ нихъ похоронили. Изъ церкви съ крестнымъ ходомъ пошли на могилы, гдѣ памятникъ убранъ былъ цвѣтами; туда принесены воинами Бородинскими хоругви, запрест. иконы и образа Спасителя, Божіей матери и св. Елисаветы.

26. Отправился въ Успенскій соборъ, гдѣ былъ принцъ Висбаденскій и гдѣ служили три архіерея, митроп. Филаретъ, архіепископъ Камчатскій Иннокентій и епископъ Тульскій Алексій. Тамъ я познакомился съ Висбаденскимъ священникомъ Базаровымъ, которому подарилъ я 1 экз. своего описанія освященія Преображ. ц. Тамъ же я встрѣтился

съ архимандритомъ Паисіемъ, опредѣленнымъ въ намѣстники Чудова мон. Онъ мой ученикъ въ Университетѣ.

Октябрь. 1. Я пріѣхалъ въ Тулу предъ заутреней, которую и раннюю обѣдню слушалъ въ церкви Спасской. Съ А. С. Ждановской ѣздила я къ обѣднѣ въ соборъ. Предъ соборомъ на гауптвахтѣ 7-й годъ сидитъ чиновникъ, новый Лоть. Послѣ обѣда я отправился въ Москву, куда пріѣхалъ ночью на другой день. По дорогѣ я заѣхалъ въ Высоцкій мон. къ о. Иринею и архимандриту Сергію. Они были обрадованы моимъ посѣщеніемъ, показывали мнѣ ризницу, содержимую въ хорошемъ порядкѣ; тамъ хранится крашенинная риза преп. Сергія. Въ соборѣ замѣчательны семь Византійскихъ иконъ въ иконостасѣ. По дорогѣ я заѣхалъ въ Молоди.

13. Вечеромъ пріѣхалъ въ Москву Государь съ Государыней и на другой день имѣли входъ въ Успенскій соборъ. Я дѣлалъ поиски въ расходи. книг. Оружейной Палаты.

16. Къ кн. М. А. Оболенскому, у котораго встрѣтился съ М. А. Максимовичемъ и съ ними ѣздила осматривать терема и въ нихъ открытый этажъ, потомъ палату и подвальные этажи въ ней, кои носятъ на себѣ характеръ XV вѣка.

17. Къ Е. П. Ковалевскому, у котораго нашель я кн. П. А. Вяземскаго. Они приняли меня ласково. Князь не зналъ, что я получилъ пенсію.

Ноябрь. 4. Прочель съ грустнымъ чувствомъ Восшествіе на престолъ Императора Николая I, нап. Корфомъ. Ночью на этотъ день я видѣлъ во снѣ, что написалъ на царскихъ дверяхъ какой-то церкви, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ, имена свое, женино и дѣтей моихъ; потомъ я очутился подъ сводомъ голубого неба, усѣяннаго купами звѣздъ серебр. и отдѣльными звѣздами, и близкаго ко мнѣ, почти надъ самой головою моею.

10. Я отправился на малое освященіе верхней церкви Успенія Божія Матери на Покровкѣ. Великолѣпной внѣшности этого храма соотвѣтствуетъ и внутренность его. Стѣны его украшены живописью и штукатурными орнаментами. По стѣнамъ храма и трапезы идутъ хоры съ балясами. Алтарный иконостасъ въ 7 поясовъ, искусно составленный, представляетъ соединеніе Ветхаго Завѣта съ Новымъ, всю церковь первородныхъ. По своему плану, исполненію и орнаментамъ это едва ли не единственный иконостасъ. Въ нижнемъ ярусѣ всѣ четыре мѣстные образа покрыты вызол. ризами. Владчики были почти всѣ изъ другихъ приходоу, кромѣ немногихъ прихожанъ. Церковь полна была

народомъ, въ числѣ коего были многіе почетные граждане. Освящаль протопресвитеръ Московскаго Успенскаго собора Д. П. Новскій. Согласно съ древнимъ обычаемъ, приготовленъ былъ обѣдъ г. Персіаниновымъ въ домѣ прихожанина, г. Головина. За столомъ вознесена была чаша за здравье Государя Императора и всего августѣйшаго его дома, за возглашеннымъ многолѣтіемъ слѣдовало громкое ура. Пито также за здравіе митроп. Филарета, благотворителей храма, П. Ѳ. Персіанинова. При этомъ академикъ Шевыревъ, вызванный нѣкоторыми посѣтителями, произнесъ привѣтствіе г. храмоздателю, которое восхитило всѣхъ, и вручилъ ему изображеніе храма, имъ возобновленнаго и украшеннаго.

15. Послѣ обѣда я ходилъ къ митроп. Филарету, который прочелъ мою статью о старомъ Государевомъ дворѣ въ Знаменскомъ м. и ее одобрилъ, находя ее занимательною.

16. Обѣдалъ у Н. В. Сушкова, гдѣ былъ Ѳ. И. Тютчевъ; разсуждали объ уничтоженіи чиновъ. Боятся умноженія дворянства чиновниками. Все это умничанье по иностраннымъ журналамъ и все личности. Не вѣдятъ бо чтó говорить.

Декабрь 4. Господи, помози и спасуся! Я всталъ въ 3 часу утра, помолился и почиталъ, опять легъ и все утро пробылъ дома. Послѣ вечерень я ходилъ къ митроп. Филарету и въ продолженіе часа прочелъ съ нимъ свое описаніе возобновленія и освященія Успенской церкви на Покровкѣ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, похвалилъ и благодарилъ меня, что я помогаю своимъ перомъ церкви и содѣйствую духовенству.

8. Я ѣздилъ въ ц. Комм. Академіи на отпѣваніе профессора Московскаго Университета и инспектора Академіи Ѳ. Л. Морошкина, умерш. 5 Декабря на 55 году отъ рожденія отъ гриппа, превратившагося въ горячку. На отпѣваніи его были графъ С. Строгановъ и Е. П. Ковалевскій. Отпѣвалъ архимандритъ Іаковъ. Студенты и крестьяне покойнаго несли гробъ съ тѣломъ до мѣста погребенія въ Даниловъ м. Морошкинъ былъ истинно православный, Русскій, умный и добрый человекъ. Незадолго передъ смертію онъ въ одномъ обществѣ ругалъ масоновъ, исчислялъ истор. случаи отравы ими противныхъ имъ людей. Въ квартирѣ покойнаго былъ обѣденный столъ.

9. Я проѣхалъ на экзаменъ Маловой, гдѣ сидѣлъ митр. Филаретъ 1 часъ и 40 м. и экзаменовалъ, остался довольнымъ. Тамъ я видѣлся съ Е. П. Ковалевскимъ и викаріемъ Евгеніемъ.

13. Обѣдалъ у А. Д. Ивинскаго съ его зятями Багратиономъ и либераломъ Давыдовымъ.

15. Съ кн. Вабдольскимъ говорилъ о готовимой Государемъ эмансипаціи крестьянъ, ко вреду Россіи и выгодѣ Англіи. Онъ сказывалъ,

будто великій кн. Константинъ Николаевичъ въ Государственномъ Совѣтѣ выразился такъ: «ужь мнѣ это дворянство, пора бы его уничтожить!».

16. Прошелъ на отпѣваніе жены д. Иноземцева въ Римско-католическую церковь, гдѣ видѣлъ многихъ знакомыхъ. Гробъ былъ обставленъ камеліями подъ великолѣпнымъ балдахиномъ. Оркестръ исполнилъ Моцартовъ Requiem. Провожатыхъ было множество.

17. Въ Комм. Академіи на праздникъ еще засталъ обѣдню, которую служилъ протяжно архимандритъ Леонидъ. Тамъ я встрѣтился съ А. И. Лобковымъ, который произведенъ въ стат. совѣтники, П. О. Персіаниновымъ, съ котораго получилъ 3 р. с. Обѣдъ былъ съ музыкой великолѣпный; за нимъ профессоръ Баршевъ сказалъ нѣсколько словъ въ память покойнаго Морошкина.

18. Въ засѣданіе комиссіи о возобновленіи дома Романовыхъ. По прочтеніи бумагъ, отправились на самое мѣсто, гдѣ уже начали отломкою новыхъ пристроекъ обнаруживать древнее зданіе. Мы съ архитекторами Рихтеромъ и Мартыновымъ осматривали цѣлое и части; открытыя $\frac{3}{4}$ колонки съ консолями у оконъ и фронтоны, или древніе сандрики, сережки и поясы, лопатки и значительный выступъ на Востокъ, внутренніе покои, первоначальныя окна, двери и печуры или ниши, печи и трубы, въ подвальной этажѣ печуры, верхнія окна съ отливами, потаенныя лѣсенки, наконецъ часть надгробнаго камня схимонаха Макарія, коимъ заложено было окно. Нижній подвалъ изъ бѣлаго камня; кирпичъ вѣсомъ... Какое назначеніе?*)

27. Я зашелъ къ Вознесенскому попу за справками о домѣ Суворова, который, по общему мнѣнію нынѣ Шепинговъ, въ нижнемъ этажѣ 6 оконъ. Зашелъ я къ дочери, у которой былъ П. П. Корниловъ.

28. Въ почтамтѣ я видѣлъ чиновника Як. Андр. Некрасова, который служилъ въ военной службѣ 23 г., въ почтамтѣ служить 57 годъ; отъ роду ему 93 годъ. Онъ твердъ на ногахъ, не дряхлѣ, еще бодръ и сохранилъ всѣ чувства; ему кажется лѣтъ за 60, не болѣе. Онъ жестоко бывалъ битъ палками отъ жестокихъ начальниковъ; на спитъ его перебивали многіе возы палокъ. Съ Суворовымъ онъ переходилъ Чортковъ мостъ и всю Италію.

31. Утромъ я собиралъ матеріалы для описанія Преображенскаго села и составилъ планъ ему. Были у меня г. Поддлюшниковъ и старушка, любимая Анетой, Анисья; просила опредѣлить ее въ богадѣльню.

---

*) Впослѣдствіи историческій изслѣдователь поставитъ въ связь это возобновленіе Романовскихъ палатъ съ постановкою памятника Петру Великому на плацу Михайловскаго замка. П. Б.

ВОСПОМИНАНІЯ О. А. ГИЛЯРОВА *).

Въ Московской Духовной Семинаріи.

Отзывъ Кедрскаго, котораго я считалъ до сихъ поръ человѣкомъ благороднѣйшимъ, больно уязвилъ мое школьное честолюбіе. «Можетъ быть (отмѣтилъ я въ Дневникѣ) не одинъ Кедрскій поступаетъ такъ; можетъ быть и другіе профессора въ другихъ отдѣленіяхъ также будутъ говорить, что я стѣю быть выше, а представленъ низко. Такъ не лучше ли послѣдовать совѣтамъ Кедрскаго и поступить въ Университетъ?»

Робкая мечта объ Университетѣ, впервые появившаяся около двухъ лѣтъ тому назадъ въ бесѣдѣ съ Владимиромъ, повторена была въ видѣ рѣшительнаго совѣта, и къмъ же? Кедрскимъ, глубоко любимымъ и уважаемымъ мною, хотя и жестоко оскорбившимъ меня своею несправедливостью.

Гр—въ тотчасъ же и послѣдовалъ совѣту Кедрскаго. Для медика не нужно было предварительной подготовки; но мнѣ, питавшему отвращеніе къ медицинѣ, предстоялъ еще долгій и тяжелый трудъ самообразованія.

Несправедливость Кедрскаго сознавалась не однимъ мною. «Почти всѣ наши хорошіе ученики (значится въ Дневникѣ) остались недовольны несправедливостью Кедрскаго; даже тѣ, съ кѣмъ я въ худыхъ отношеніяхъ, говорили, что меня слѣдовало бы по крайней мѣрѣ записать четвертымъ». Тѣмъ не менѣе я началъ усиленно готовиться къ экзаменамъ вмѣстѣ съ Василиемъ Лебедевымъ.

На экзаменѣ изъ «второстепенныхъ» предметовъ меня спросили только изъ геометріи. На экзаменѣ изъ словесности мое школьное честолюбіе снова было уязвлено. На билетъ я отвѣтилъ очень хорошо. Когда я сталъ уходить, Кедрскій сказалъ громко: «Вотъ Гиляровъ славно пишетъ сочиненія, лучше всѣхъ». Въ отвѣтъ на это ректоръ посмотрѣлъ, какимъ значусь я по списку и—зѣвнулъ. Повидимому, Кедрскому

*) См. выше, стр. 60.

хотѣлось, чтобы повысилъ меня ректоръ, черезъ что онъ снялъ бы съ себя отвѣтственность въ пониженіи профессорской родни.

*

А что же наша семейная домашняя жизнь на горкѣ у Князя-Владимира? Она за эти два года какъ-то замерла, и память моя ничего о ней не сохранила: половину дня я проводилъ въ Семинаріи, другую половину дня возился съ сочиненіями или что-либо читалъ. Центръ тяжести моей жизни перешелъ въ школу. Но къ веснѣ 1858 года кое-что накопилось и въ нашихъ семейныхъ и родственныхъ отношеніяхъ; явились также и новыя знакомства.

Прежде всего отмѣчу свое сближеніе со старшимъ братомъ. Онъ почти у насъ не бывалъ, но я ежемѣсячно долженъ былъ ходить къ нему за полученіемъ отъ него субсидіи нашей семьѣ, сначала въ 10, а потомъ, когда онъ сдѣлался секретаремъ въ Магистратѣ, 15 р. въ мѣсяцъ. Юноша по 18-му году, серьезный и степенный, я могъ представляться 28-ми лѣтнему брату настолько взрослымъ, что онъ счелъ возможнымъ познакомить меня съ своею семейною жизнью. «Домина», съ которою онъ жилъ, оказалась очень скромною и совершенно безличною особою, старавшеюся однако нѣсколько удерживать его отъ кутежей. Съ его Надеждою Михайловною я провелъ не одинъ вечеръ, дожидаясь возвращенія брата, большею частью ночью, черезъ что мнѣ оставалось у него ночевать. Должность кухарки исправляла, повидимому, мать Надежды Михайловны. На столъ братъ давалъ ежедневно 50 коп., да за квартиру у Іоанна Богослова на Бронной платилъ 15 рублей, за четыре комнатки съ кухней. Плохое домашнее питаніе я поправлялъ здѣсь чаемъ съ сахаромъ, молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ, а иногда и очень наварными скоромными щами. Петръ ввелъ меня даже въ общество своихъ пріятелей, къ сожалѣнію, кутилъ (Никитскаго, своего сослуживца, изъ университетскихъ студентовъ, но пропившаго все свое образованіе). Подробности семейной жизни брата и вообще его поведенія нигуда черезъ меня не выходили. Въ Дневникѣ моемъ даже зашифрованы всѣ подробности моихъ посѣщеній брата. Надежда Михайловна, повидимому, цѣнила меня, обѣщала даже, но не исполнила, рекомендовать мнѣ урокъ у какихъ-то ея знакомыхъ, что заставило меня съ увлеченіемъ мечтать: «Въ такомъ случаѣ я сталъ бы одѣваться на свой счетъ и избавилъ бы отъ нужды и родителей своихъ, и кромѣ того у меня водились бы денежки. А то плохо жить безъ денегъ».

У брата познакомился я съ какимъ-то гусаромъ Любимовымъ и по усиленной его просьбѣ собрался наконецъ къ нему. Составилась компанія: братъ и Надежда Михайловна, Любимовъ и его сожительница

Александра Васильевна и я, вчерашній «риторъ», завтрашній «фило-софъ». Братъ полѣзъ въ подвалъ помочь въ чемъ-то Александрѣ Васи-льевичѣ по части угощенія; тотчасъ же гусаръ «наливаетъ мнѣ рюмку водки и съ словами и выраженіемъ на лицѣ не допускающими никакихъ возраженій, заставляетъ меня, противъ моей воли, выпить». Вскорѣ потомъ возвратилась и Александра Васильевна. — Какъ вамъ правится наша квартира? спрашиваетъ она меня.

Я, разумѣется сталъ расхваливать дѣйствительно миленькую ихъ квартиру.—Да вы еще не видѣли ее хорошо-то, говоритъ Александра Васильевна. Пойдемте-ка, я вамъ покажу всю ее.

Осмотрѣлъ я всѣ комнаты; приходимъ наконецъ въ самую отда-ленную. Александра Васильевна точно такъ же, какъ раньше ее сожитель, «подноситъ мнѣ рюмку водки и, рѣшительно не принимая никакихъ ни просьбъ, ни возраженій, заставляетъ меня выпить». Возвратились мы оттуда какъ ни въ чемъ не бывало.

За ужиномъ братъ и гусаръ долго говорили о предстоящей мнѣ карьерѣ, совѣтывали идти въ Духовную Академію и, окончивши курсъ магистромъ, идти въ духовное званіе. Я возражалъ имъ, указывая на преимущество свѣтскаго званія, хотя и по окончаніи академическаго курса. Мою сторону приняли Надежда Михайловна и Александра Ва-сильевна и принялись смѣяться надъ братомъ и гусаромъ.

— Ишь! сами-то до сихъ поръ неженаты, а молодому человѣку совѣтуютъ тотчасъ по окончаніи курса жениться. Пора спать послѣ сытнаго ужина. Я нѣкоторое время мечталъ о прелестяхъ жизни Мос-ковскаго попа-магистра, но мечталъ одинъ только этотъ вечеръ.

Въ Іюнѣ пріѣхалъ изъ Костромы дядя Павелъ Федоровичъ Остров-скій съ своимъ племянникомъ Павломъ Ивановичемъ Андрониковымъ, котораго бездѣтный дядя, любя какъ сына, весьма желалъ сосватать съ одною изъ моихъ сестеръ (о чемъ сообщила мнѣ мать, вообще весьма сдержанная). Пріѣзжіе гости были и у брата со мною и маменькою, ко-торая на сей разъ, кажется, впервые была у Петра, при чемъ «преле-стница», по строгости тогдашнихъ правилъ, куда-то скрылась.

Съ Андрониковымъ я скоро подружился, и онъ потомъ даже велъ со мною частную и обширную переписку, послѣ того какъ сестра по-гостила въ Костромѣ, пока рѣшительный отказъ сестры отъ несимпа-тичной ей партіи не разстроилъ нашихъ отношеній.

Вѣроятно, за эти два я видался и съ дядею Никитою Петровичемъ, но память ничего не сохранила объ этихъ свиданіяхъ. Изъ записей по возобновеніи Дневника оказывается, что отношенія наши упрочились, что дядя началъ уже не стѣсняться въ сообщеніи мнѣ вещей нецензур-

ныхъ, хотя самъ оставался цензоромъ, умнѣйшимъ и либеральнѣйшимъ между своими товарищами.

Вотъ что, напримѣръ, сообщилъ мнѣ Н. П-чъ 13 Мая 1858 года, когда я провелъ у него цѣлый вечеръ. Петръ I-й устраивалъ свои ассамблеи съ тою, главнымъ образомъ, цѣлью, чтобы вывѣдывать у своихъ подданныхъ мысли о его преобразованіяхъ. Во время этихъ собраний всѣ напивались до-пьяна по принужденію Петра, который самъ, какъ человекъ очень крѣпкій и сильный, оставался въ здоровомъ разсудкѣ, хотя и пилъ наравнѣ съ прочими. Тутъ-то Петръ и выспрашивалъ у гостей ихъ тайныя мысли о его преобразованіяхъ. Пьяные гости проговаривались, а на утро, по увѣренію дяди, Петръ ихъ обыкновенно будто бы казнилъ.

Сообщая исторію камергера Монса, Н. П-чъ передавалъ подробности, что Монса Петръ повѣсилъ «передъ самыми окнами комнатъ Екатерины и оставилъ трупъ гнить на вислицѣ около шести недѣль, при чемъ ежедневно водилъ Екатерину подъ вислицу и спрашивалъ: «а что, Катя, хорошо пахнетъ?»

О кончинѣ царевича Алексѣя Петровича Н. П-чъ рассказывалъ. Въ ту самую ночь, какъ «умеръ отъ болѣзни» царевичъ Алексѣй Петровичъ, Петръ, какъ выражается въ своихъ мемуарахъ деньщикъ Петровъ, Брюсъ (не тотъ, чей извѣстный календарь) «рычалъ», т. е. громко и отрывисто говорилъ съ самимъ собою, скоро ходилъ по своей спальнѣ, наконецъ, какъ бы рѣшившись на что-то особенное, бросился къ своему письменному столу, написалъ что-то, запечаталъ и кликнулъ: «Брюсъ!» Тотъ явился. «Ступай сейчасъ къ аптекарю, отдай этотъ пакетъ и исполни то, что онъ тебѣ скажетъ». Брюсъ является къ аптекарю, отдаетъ ему пакетъ; тотъ читаетъ, блѣднѣетъ, трясется отъ ужаса. Подождите отвѣта. Черезъ минуту аптекарь возвращается и подаетъ Брюсу другой пакетъ съ адресомъ генерала, у котораго подъ арестомъ находился царевичъ. Какъ только этотъ генералъ прочиталъ записку аптекаря, точно такъ же, какъ и аптекарь, пришелъ въ ужасъ и тотчасъ же ушелъ къ царевичу, пробылъ тамъ нѣсколько времени и бѣжитъ къ Брюсу со словами: «Спѣшите увѣдомить Государя, царевичъ при смерти!» Не успѣлъ выйти Брюсъ, какъ генералъ возвращаетъ его и печально объявляетъ: «волею Божею царевичъ преставился; увѣдомьте Государя».

Этотъ рассказъ впоследствии слышалъ я при чтеніи статьи о смерти царевича Алексѣя Петровича М. П. Погодинымъ въ Обществѣ Любителей Россійской словесности. Не отъ Погодина ли и Н. П-чъ предвѣстительно слышалъ этотъ рассказъ?

За этимъ слѣдоваль анекдотъ. Петербургъ основанъ на болотѣ, а потому при его постройкѣ потеряно много денегъ и погибло много народа. Въ это время одинъ Русскій мужичекъ подаетъ такую просьбу Петру: «Батюшка царь, слышалъ я, что твое царское величество строишь городъ, и много мретъ каменщиковъ и плотниковъ, которые строятъ его. Ужъ если ты хочешь морить народъ, такъ я знаю мѣсто еще хуже этого». Прочіе рассказы Н. П.—ча изъ скандальной хроники императорскаго періода были не совсѣмъ неудобны для печати. Хорошо ли дѣлалъ «умный дядя», будоража такими рассказами голову 18-ти лѣтняго племянника?... Впрочемъ это былъ конецъ 50-хъ годовъ.

*

Вакація не принесла мнѣ ничего кромѣ тоски. Какъ хотѣлось поскорѣе убраться изъ душной и пыльной Москвы въ Черкизово*), куда отпускали меня родители! Но ни у нихъ, ни у меня не было денегъ на поѣздку туда. Оставалось просить денегъ у брата, первый разъ послѣ его подарка, два года тому назадъ, одного рубля на покупку Иліады.

Весьма хорошее знакомство пришлось сдѣлать черезъ отца съ четырьмя купцами, недавно по убѣжденію обратившимся изъ раскола въ православіе. Это были типы лучшихъ Русскихъ людей. Больше между собою друзья, всѣ они безъ школьнаго обученія достаточно образовали себя самостоятельнымъ чтеніемъ, взаимною бесѣдою и размышленіями. Бесѣда ихъ со мною была весьма для меня поучительна. Черезъ нихъ я, между прочимъ, составилъ себѣ понятіе о современномъ расколѣ старообрядства. Имена этихъ хорошихъ людей: Т. А. Сидоровъ, самый авторитетный между ними, П. В. Медвѣдевъ, послужившій Мельникову-Печерскому въ его романахъ «За Волгой» «Въ лѣсахъ» и «На горахъ» къ созданію типа Потапа Чапурина; Василій Васильевичъ Борисовъ, цѣликомъ воплощенный у того же Мельникова въ лицѣ Василя Борисовича: онъ, точно такъ же какъ въ романѣ, любилъ говорить: «охъ, искушеніе!», и пріятели подсмѣивались надъ его поѣздкою за Австрійскимъ священникомъ, надъ его любовными похождениями. Послѣдній самый юный изъ нихъ, Ст. Ал. Шведовъ, торговалъ тюфяками и матрацами, по годамъ ближе прочихъ подходилъ ко мнѣ, хотя все-таки былъ лѣтъ на шесть старше меня.

Помню одинъ изъ рассказовъ Т. А. Сидорова, какъ послѣдній старообрядческой пошъ Петръ Ермилычъ, до Австрійскаго священства, при отсутствіи конкурентовъ, позволялъ себѣ съ своею паствою невозможныя вещи. Рассказъ этотъ потомъ вошелъ въ книжку «На ночлегъ и въ пути», изданную анонимно въ 1860 году.

Въ Ноябрь 1854 г., рассказывалъ Сидоровъ, въ послѣдній день передъ постомъ, пріѣхало на Рогожское кладбище вѣнчаться двадцать

*) Коломенскаго уѣзда. П. Б.

свадебъ. Десять было изъ Москвы, да десять деревенскихъ, а назначилъ онъ всѣмъ, Петръ Ермилычъ, ровно въ 12 часовъ.... Ровно въ 12 часовъ часовня полна полнехонька и ждущими брака, и смотрѣльщиками. Ждутъ по па часъ, ждутъ его два; нѣтъ! Вотъ уже и вечеръ на дворѣ, нѣтъ по па. Пошли сами, кто побогаче, самые, то есть, тузы; кое-какъ добились до священника, добились, да такъ и ахнули: лежитъ онъ какъ спогъ, то есть, мертвецки-размертвецки пьянъ, и какъ, то-есть, они къ нему ни приставали, ни умасливали его. — Не мо...гу, выговариваетъ. Стали пьянаго по па отливать водою. Наконецъ часамъ къ 10 вечера ввели пьянаго по па въ часовню, разстановили всѣ двадцать свадебъ полукругомъ, и началось вѣнчаніе. Какъ по пъ ни силглся держаться, пары-то винные его, нѣтъ, нѣтъ, да и пошатнуть. Сталъ читать онъ въ ту пору Евангеліе, дошелъ до слова, знаешь, бысть бракъ въ Канѣ Галилейстѣй и не доставшу вино, обращается вдругъ къ народу да и брякъ: «Все, говорить, выпили!» хохочетъ самъ-то. Не кончилъ да и кричить: «Пойте, мо пь, пойте!»

Пришло время вѣнцы надѣвать. По пъ подошелъ къ невѣстину шаферу, богатому купцу, да и кричить на него:—«Не трошь, говорить, Грибзгалинъ (Брызгалинъ?): у тебя руки нечисты. Не трошь!» А потомъ надѣваетъ на другихъ-то вѣнцы, да и говорить вмѣсто молитвъ-то: «и ты, говорить, Грибзгалинъ, и ты Грибзгалинъ и ты, и ты».... Хохочать всѣ, да и только....

Одну изъ бесѣдъ со Шведовымъ я записалъ. Онъ жаловался мнѣ на невыносимую роль, которую продавецъ долженъ играть съ покупателями, какъ продавецъ принужденъ противъ своей совѣсти назначать за товаръ цѣну выше настоящей, запрашивать; иначе ему все-таки будутъ давать ниже настоящей, назначенной имъ.

Въ этотъ разъ отъ Шведова отправился я въ лавку къ его пріятелю П. В. Медвѣдеву (Чалуруну). «Вотъ человекъ, такъ ужъ человекъ! восхищался я имъ въ своемъ Дневникѣ: умный, начитанный, добрый. Я, кажется, просто на просто влюбленъ въ него». Медвѣдевъ пригласилъ меня и къ себѣ на домъ.

Эти самоучки изъ раскола казались мнѣ и умнѣе, и образованнѣе моихъ ученыхъ «профессоровъ». Да оно такъ и было. Медвѣдевъ между прочимъ проповѣдывалъ мнѣ противъ соблазняющаго и развращающаго дѣйствія гласности, въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ только теперь раздаются голоса противъ нея. А это было въ 1858 году!

Нѣкоторое духовное наслѣдство отъ милаго Шведова доходитъ до меня и сейчасъ. Долго продолжались наши отношенія, потомъ почти прекратились за неимѣніемъ общихъ интересовъ. Когда я сталъ издавать «Вѣстникъ», Шведовъ прислалъ ко мнѣ своего юнаго племянника,

обладавшаго поэтическимъ талантомъ. Успѣлъ я напечатать десятка два стихотвореній юнаго Шведова, какъ симпатичные дядя и племянникъ умерли. Но юный Шведовъ успѣлъ познакомить меня съ подобнымъ ему юношею-поэтомъ А. О. Самойловымъ, который дѣтъ восемь сотрудничалъ у меня въ томъ же «Вѣстникѣ», познакомивъ меня съ такимъ же какъ и онъ талантливымъ начинавшимъ авторомъ А. А. Федоровымъ, который замѣнилъ мнѣ скоро послѣ того скончавшагося Самойлова. •

Такъ незамѣтно для невнимательнаго глаза пробѣгаютъ и передаются отъ поколѣнія въ поколѣніе струйки литературныхъ дарованій. Я стоялъ на распутіи, подверженный со всѣхъ сторонъ случайнымъ вихрямъ. Отшатнувшись отъ пьяной и развратной компаніи Гр—ва, я сблизился съ профессорскою роднею, преподавшею мнѣ уроки бульварныхъ знакомствъ. У дяди будоражившія душу цѣлыя лекціи по скандальной хроникѣ императорскаго періода, у брата веселая гусарская компанія. Только дома были прочные нравственные устои. Часто и долго бесѣдовалъ я съ своимъ отцомъ и отмѣтилъ у себя: «разговоры съ отцомъ и принесли и приносятъ мнѣ немало пользы». Черезъ отца же я познакомился и съ этой умной и просвѣщенной компаніею купцовъ, изъ раскола обратившихся по убѣжденію въ православіе.

Отъ этихъ вліяній удалось мнѣ на время уйти, буквально уйти, въ Червизово; но я попалъ изъ огня въ полымя.

В ъ Ч е р в и з о в ѣ.

Главная опасность была внутри себя самого. Доселѣ мои религіозныя вѣрованія оставались въ моментъ безсознательно положительномъ. Червь сомнѣнія еще не вкрадывался въ душу. Появленіе его было бы тѣмъ опаснѣе, что воздухъ былъ густо насыщенъ парами отрицанія. А передо мною выставилась вилкообразная дилемма: или отдать свою голову для «забыванія патристिकाми», по выраженію Кедрскаго, или пуститься въ открытое море безъ всякаго компаса. Баластъ моего корабля состоялъ лишь изъ кучи текстовъ Св. Писанія, а вся ловкость лоцмана только въ умѣнїи пока механически комбинировать эти тексты по тѣмъ образцамъ, какъ клеились и переклеивались они въ произведеніяхъ духовнаго краснорѣчія и ближе всего подъ перомъ моего отца. «Не знаю, что со мною дѣлается, удивляюсь я въ началѣ Іюля 1858 года. Вотъ уже около двухъ мѣсяцевъ, какъ я ни разу не былъ въ церкви у службы. Что за отсутствіе благочестія? Что изъ этого будетъ? Чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже». Анализируя свое состояніе, убѣждаюсь, что теперь, чтобы стать порелигіознѣе, мнѣ надо получить какой-нибудь ударъ, въ родѣ того, какъ было, когда не хотѣли перевести меня въ Семинарію. Несчастіе невольно заставляеть меня прибѣ-

гать къ молитвѣ. Молитва моя въ такихъ случаяхъ всегда бывала услышана».

Но пробудившаяся пытливость не можетъ довольствоваться такими обиходно-опытными подпорками. Я читаю «Размышленіе о важнѣйшихъ истинахъ религіи». Это сочиненіе Іерузалема нахожу отличнымъ. «Какъ убѣдительно доказывается тутъ бытіе Божіе и опровергаются системы Эпикура, Спинозы и другихъ философовъ!».

Занимаетъ меня вопросъ о масонахъ. У отца много масонскихъ книгъ: «Угрозъ Свѣтовостоковъ», толкованія на Св. Писаніе г-жи Гіонъ. Но онѣ такъ скучны, что вываливаются изъ рукъ. Заговариваль о масонахъ съ отцомъ; онъ открываетъ объ нихъ то, «что очень немногіе знаютъ», сообщаетъ кстати, что родной дѣдушка моихъ пріятелей Павла и Николая былъ «патріархомъ масоновъ». Но отъ внучатъ этого «патріарха» я ничего не могу узнать.

Рядомъ съ этимъ нравственное мое чувство болѣзненно - чутко. Отрываюсь отъ Іерузалема, иду на бульваръ, встрѣчаю «множество подозрительныхъ женщинъ». «Видъ этихъ женщинъ всегда оставляетъ во мнѣ тягостное впечатлѣніе. Женщина, такое прекрасное твореніе, вѣнецъ созданія, идеаль всего прекраснаго, падаетъ такъ низко! Можно ли равнодушно смотрѣть на это, а тѣмъ болѣе способствовать еще большому ея паденію? Одна изъ этихъ «дамъ» шла съ очень молоденькой дѣвочкой. Жалко, грустно! Дѣвочка, еще не вполнѣ развившаяся, падаетъ въ бездну разврата!...»

Съ такимъ умственнымъ и нравственнымъ настроеніемъ отправился я въ с. Черкизово, къ родному своему дядѣ Сергѣю Петровичу. Попутчикомъ мнѣ былъ Петръ Семеновичъ Соколовъ. Соколовъ былъ сынъ причетника съ погоста, въ верстѣ отъ Черкизова. Погостъ Старково принадлежалъ къ Черкизовскому имѣнію кн. Черкасскихъ. Соколовъ былъ однокурсникъ съ Владиміромъ по Училищу и Семинаріи. Петръ Семеновичъ окончилъ курсъ въ Духовной Академіи, былъ потомъ смотрителемъ Коломенскаго духовнаго училища и всю жизнь оставался самымъ близкимъ другомъ Владимира, хотя послѣдній пошелъ совсѣмъ по другой дорогѣ (былъ медикомъ). Владиміръ съ нами не отправился: оставивъ Семинарію, онъ въ то время держалъ вступительный въ Университетъ экзаменъ и жилъ у насъ. Наши отцы, такимъ образомъ, помѣнялись нами на это лѣто. Владиміръ рѣшился только проводить насъ до заставы.

16-го Іюля мы отправились, конечно, пѣшкомъ, съ чемоданомъ къ Рогожской заставѣ. Желѣзной дороги тогда еще не было. Въ 4 часа вечера принялись мы искать за заставой извозчика. Извозчиковъ не оказалось. Мы сѣли на траву и стали поджидать, не возьметъ ли кто под-

везти насъ. Ждали, ждали, — нѣтъ никого. Не «раскумекивая» болѣе (пользуюсь словаремъ орѣховаго зятя для обозначенія размышленія), рѣшились отдать свой чемоданъ Владимиру, чтобы онъ доставилъ его въ Черкизово черезъ кого-нибудь изъ дворовыхъ людей кн. Черкасскихъ, а сами идти пѣшкомъ: вѣдь это не такъ далеко, около 100 верстъ. А, можетъ быть, и попутчикъ какой нагонитъ насъ. Идемъ путемъ-дорогою, Юльское солнце печетъ, а одѣты, въ расчетъ на ѣзду, тепло. Прошли верстъ 10; нагоняетъ насъ какой-то крестьянинъ и берется довести насъ слѣдующія 10 верстъ до села Жилина за 20 коп. с. обоихъ. Согласились, поѣхали. Въ Жилинѣ остановились у священника, дальняго родственника Соколова. Попъ этотъ принялъ насъ очень радушно. Радущіе его скоро мы разгадали: несчастный страдалъ манією писанія весьма плохихъ проповѣдей, которыми, не давъ намъ вздохнуть съ дороги, и принялся насъ угощать. Угощеніе впрочемъ не ограничилось одними проповѣдями: онъ накормилъ насъ и уложилъ спать на сѣнѣ. Утромъ отправились мы снова пѣшкомъ. Попутчиковъ все нѣтъ; за то дорогою рвали душистую лѣсную малину. Миѣ занездоровилось. «Очень пріятно занемочь въ дорогѣ безъ денегъ и документа о личности». Но, сдѣлавъ въ этотъ день пѣшкомъ 20 верстъ, я поправился. Дошли до города Бронницъ. Гдѣ бы напиться чаю? У Соколова оказалась тутъ знакомая просвириня. Эта старушка и ея сынъ приняли насъ очень радушно и всячески упрашивали остаться у нихъ ночевать; но мы отправились на постоялый дворъ. Просыпаемся утромъ,—идетъ дождь. «Пошли мы по грязной дорогѣ съ тощимъ желудкомъ. А ноги-то болятъ! Отошли отъ ночлега версты четыре,—нагоняетъ насъ обозъ съ тюками шерсти. Стоговались мы съ этими обозниками доѣхать до Непецина верстъ 17, 40 к. за обоихъ. Насилу влѣзли мы на одинъ изъ этихъ воевъ, точно на каланчу, и тронулись подъ дождемъ шагомъ еле-еле. До Непецина остается верстъ 7; извозчики наши рѣшились остановиться тутъ кормить лошадей, но сами кормились гораздо дольше лошадей.

— Не идти ли ужъ намъ пѣшкомъ? совѣтуемся съ нашими возницами, уставъ смотрѣть на ихъ медленное, безконечное въ три темпа движеніе ложками: сначала ложка отправляется въ чашку, потомъ въ ротъ, далѣе на столъ; затѣмъ снова въ чашку, въ ротъ, на столъ и т. д.

— А то чавожъ? весьма резонно отвѣчаютъ они:—пока мы обѣдаемъ, вы дойдете до «Липечина-то».

Отправились мы въ Непецино. 7 верстъ отлепали по грязи по шоссе. Тутъ проселочный поворотъ на Черкизово, и тутъ-то началось самое наше мученіе. Глинистая почва такъ размыта дождемъ, что ноги вязли почти по щиколку. На каждой ногѣ образовался фунтовъ въ 10 глиняный слѣпокъ ноги. Чистое мученье!

Вникнувъ въ настоящее положеніе путешественника, осудить ли его читатель, что онъ, такъ страстно и тщетно мечтая объ урокъ, проговорилъ: «У меня бы тогда водились денежки!» «Денежки» однако у него водились. Откуда нибудь добылъ же онъ 30 коп. для уплаты извозщикамъ. Харчи попа - проповѣдника и радушной просвирни были даровые.

Усталые, измученные дошли наконецъ до Черкизова. Намъ дали сухое платьѣ, напоили чаемъ, накормили. Тетка была очень добрая, радужная женщина. Не прошло и трехъ часовъ по прибытіи въ Черкизово, какъ я принялся писать письма отцу и матери. Этими письмами, конечно, я не ограничился.

Отвѣтъ отца на мои письма сохранился у меня.

Любезный Оеда!

Письмо твое, въ которомъ ты описывалъ путешествіе свое съ Соловьевымъ въ Коломну, мы получили и очень сожалѣли о трудности пути дороги вашей. Всѣ мы здоровы... До пріѣзда своего въ Москву непременно увѣдомь меня, пріѣдетъ ли къ Иванову дню Сергій Петровичъ въ Москву, и когда именно пріѣдетъ, или нѣтъ. Ты знаешь, что мнѣ заблаговременно нужно распорядиться касательно пріобрѣтенія къ этому дню благонадежнаго священника.

У Владимира Гилярова дѣла по университету идутъ пока хорошо. Письмо твое къ нему не застало его не болѣе десяти минутъ, потому что онъ ушелъ на экзаменъ по физикѣ и языкамъ Французскому и Нѣмецкому. Я бы написалъ и побольше, да подателю письма ждать долго не приходится: онъ письма твои подаль намъ не въ пріѣздъ свой въ Москву, а на обратномъ пути изъ нея, по незнанію.

А что чемоданъ твой такъ долго гостилъ въ Москвѣ, тому виновать ты самъ, что пошелъ изъ Москвы, а не поѣхалъ; да еще Владимиръ Гиляровъ, что не доставилъ его въ время на дворъ князя.

Письма посылать, что изъ Коломны, что изъ Москвы въ Кострому или куда бы то ни было въ Россію, все гривенникъ.

А хорошо бы, если бы ты попалъ случай подбить, напр., Павла Ивановича (родногѣ по сестрѣ зятя отца) для поѣздки въ Кончаково. Недурно и въ Коломнѣ и за Коломною пообглядѣться. Оедоръ же Васильевичъ (другой зять отца) такой хорошій человекъ.

Чемоданъ, думаю, ты уже получилъ, потому что посланный съ твоими нынѣшними письмами встрѣтился на дорогѣ съ человекомъ, ѣхавшимъ изъ Москвы изъ княжаго дома въ Черкизово.

Посылаю тебѣ рубль серебряный въ видѣ бумажки.

Мать и всѣ кланяются тебѣ, а писать некогда. Отецъ твой А. Гиляровъ.

9 Августа, память по моему дѣдушкѣ Матееву Оедоровичу. Москва.

Поклонись дядѣ, тетускѣ, сестрамъ и братьямъ двоюроднымъ въ Черкизовѣ, и въ Коломнѣ, и въ Кончаковѣ.

Въ Черкизовѣ, не смотря на всѣ удовольствія чисто-сельской жизни, дотолѣ мнѣ почти невѣдомой, я тосковалъ отъ бездѣлья: въ чемоданѣ, такъ долго застрявшемъ въ дорогѣ, находились между прочимъ книги: «Начальный курсъ философіи» Снелля, какой-то учебникъ логики и

«алгебра» Себржинскаго (хотя официально по семинаріи съ математикою на всегда были покончены всѣ счеты) и еще кое-что.

Отъ матери отвѣтное письмо тоже сохранилось. Въ немъ она между прочимъ высказываетъ надежду, что «все пришло въ порядокъ: и сапоги твои, и ноги»; описываетъ смерть моей племянницы-младенца, горе моей сестры и зятя. «А Люба (моя младшая сестра-дѣвица) такъ плакала, что у нея разболѣлась голова отъ слезъ». Мать освѣдомляется, получилъ ли я свой чемоданъ.

Я отвѣчалъ матери длиннымъ отъ 1-го Августа письмомъ, въ которомъ послѣ искреннихъ увѣреній въ чувствѣ сыновней любви описывалъ свое въ Черкизовѣ препровожденіе времени.

Встаю часовъ около шести утра: куры будятъ. Моя постель въ сараѣ, въ саняхъ, въ сосѣдствѣ съ курами. Тотчасъ, не смотря ни на какую погоду, иду купаться въ купальнѣ; потомъ пью чай всегда со сливками: Московскому гостю дѣлаютъ снисхожденіе. Послѣ чая иду по большей части въ лѣсъ или за грибами, которыхъ однако здѣсь очень мало, или съ книгою. Читаю стоя подъ деревомъ, а кругомъ все сосны черныя, темныя, такъ что легко заблудиться, если бы не зналъ, что Черкизово на Сѣверѣ. Наконецъ становится душно, хотя солнце и не проникаетъ въ лѣсъ. Спѣшишь домой къ обѣду. Послѣ обѣда ложишься въ свои сани спать, но заснуть не удается: Михаилъ Сергѣевичъ (двоюродный братъ) начинаетъ стравливать цѣтуховъ, при чемъ съ курами, какъ съ чувствительными дамами, дѣлается истерика, выражающаяся страшнымъ кудактаньемъ всего куринаго царства. Въ комнатахъ невыносимо жарко. Идешь опять въ купальню. Выкупался, а ужъ чай на столѣ. Послѣ чая приходитъ Соколовъ, или я иду къ нему, и мы болтаемъ до самаго ужина.

Впрочемъ не подумайте, что здѣсь не съ кѣмъ перемолвить слова, кромѣ Соколова: къ намъ часто ходятъ разные «лакайчики», какъ тетка Марья Ивановна называетъ дворовыхъ князя; но я съ ними не имѣю почти никакого общенія. Но здѣсь у князя живетъ домовый докторъ А. Я. Кожевниковъ, только что окончившій курсъ, умный, образованный, а главное, съ нынѣшнимъ направлениемъ. Мы часто разсуждаемъ о гласности, объ эмансипаціи. Онъ бываетъ здѣсь ежедневно, и я у него тоже, хотя и нечасто. Маменька! Что же чемоданъ-то? Вѣдь о немъ ни слуху, ни духу. Гдѣ онъ? Чтѣ съ нимъ? Пошлите разузнать кого-нибудь. Вѣдь выйти нигуда нельзя. Сколько разъ дядя ѣздилъ въ Коломну, я долженъ былъ оставаться дома изъ-за платья. Пожалуй, и въ Кончаково съѣздить бы; да нужно платье. А гдѣ его взять? Этакъ, пожалуй ни у кого не придется побывать. Въ церкви ни разу не былъ: стыдно; всякій «лакайчикъ» лучше меня будетъ одѣтъ».

Сожалѣя о смерти племянницы, намѣреваюсь написать зятю, чтобы «хотя сколько-нибудь развлечь его». Хочу писать огромное письмо въ Кострому къ сестрѣ и къ Андроникову. «Эти письма прошу я васъ переслать въ Кострому, потому что мои денежные средства значительно пострадали отъ дороги и отъ пребыванія въ Черкизовѣ... Если чемоданъ не будетъ доставленъ мнѣ, я поспѣшу возвратиться въ Москву, потому что мое положеніе безъ чемодана самое плачевное. А ѣхать, знаете, нужно нанять лошадей, надо и въ дорогѣ что-нибудь поѣсть... Мало ли въ дорогѣ тратъ? А здѣсь ихъ еще больше: то сапоги, единственные свои,

починить, то на то, то на другое. Нельзя же иногда не купить ягодъ, чтобы полакомить сестеръ и братьевъ. Деньги растрачиваются точно сухой песокъ, зажатый въ кулакъ. Поэтому-то я и прошу васъ переслать мои письма на свой счетъ».

Далѣе письмо сообщаетъ бытовую подробность, не лишнюю интереса. «Былъ я у одного мужика въ деревнѣ Губастовѣ. Онъ подымалъ къ себѣ иконы, а послѣ того подымалъ къ себѣ поповъ объѣдать: священника - дядю, дякона, дячка, пономаря, сторожа церковнаго, едва отъ старости и вина передвигающаго ноги, но между тѣмъ состоящаго билетнымъ солдатомъ,—хорошъ солдатъ!—двухъ сыновей священника, его племянника, т. е. меня, и брата одного изъ дячковъ. Пріѣхали всѣ мы туда. Тамъ въ отдѣльной комнатѣ, гдѣ трудно было отличить мужика отъ бабы вслѣдствіе невозможно-огромнаго количества мухъ, приготовили для насъ чай, потомъ обѣдъ. На меня, незваннаго гостя, хозяева смотрѣли какъ на вещь самую обыкновенную: таково Русское гостепріимство! Надо было бы слышать всѣ ихъ потчиванія: «Батюшка, родимый, да погушай, да хышъ опробуй только». Угощенію водкою предшествовали стихи: «Чижикъ ѣдетъ въ каретѣ, можно выпить по третьей; чижикъ пойманъ непомятый, можно выпить и по пятой; чижикъ пойманъ на святой, можно выпить по шестой» и т. д. А сколько было экземпляровъ щей, лапшей, крупениковъ, кашъ,—просто «ума помраченье», какъ говоритъ нашъ сторожъ Ефимычъ... Наѣвшись страшно (иначе было невозможно), мы отправились купаться. Послѣ купанья пошли къ другому крестьянину; тамъ пили чай съ бараниной вмѣсто хлѣба или сухарей. Нынче часа два, ночью, поговорилъ съ здѣшнимъ работникомъ о движеніи земли, о звѣздахъ, кометахъ, луиѣ, странахъ свѣта, грозѣ, дождѣ, снѣгѣ, градѣ, и т. п. Съ величайшею любознательностью онъ слушалъ и все разспрашивалъ меня: «Ну, а это какъ же?» Онъ билетный солдатъ и грамотѣ обученъ въ полку. Теперь, послѣ войны 1853—1855 г. всѣхъ солдатъ стали обучать грамотѣ. Это очень хорошо. Жалко мнѣ было смотрѣть на этого работника, что такъ мало онъ имѣетъ средствъ удовлетворять своей любознательности. Въ другомъ званіи изъ такой умницы могъ бы выйти ученый. Теперь онъ читаетъ Поученія Пугачина. Книга эта такъ ему нравится, что онъ хочетъ ее купить».

Въ отвѣтномъ отъ 11 Августа письмѣ мать извѣщаетъ меня, что она отошлетъ мои письма въ Кострому, и спрашиваетъ о несчастномъ чемоданѣ. «Человѣкъ, пишеть она, присланный съ твоимъ письмомъ, увѣрялъ, что, ѣхавши въ Москву, встрѣтился съ садовникомъ, ѣхавшимъ въ Черкизово, который везъ твой чемоданъ. Не знаю, правда ли это. Мнѣ такъ досадно было слышать, что чемоданъ твой пролежалъ недѣли съ три на дворѣ у князя по безопасности холоповъ, тогда какъ казакъ были. Прямые хамы!»

Не могу теперь раздѣлять негодованіе матери на «холоповъ» князя; скорѣе можно бы удивляться, какъ эти три недѣли безпризорнаго лежанья моего чемодана на дворѣ у князя никто его не похитилъ. Такова была тогда неспорченность нравовъ у «хамовъ», а еще имъ были недовольны!

Далѣе сообщаются домашнія новости: «Люба лежитъ уже въ постели съ котенкомъ, а папенька давно уже спитъ. Диванъ въ залѣ обили темно-коричневой клеенкой, да еще поспѣли подсолнечники на нашей плантаціи и цвѣтутъ геліотропы въ нашихъ горшкахъ». Мать съ сестрою и Володею были въ Преображенской больницѣ, навѣщали Аленушку, умалишенную сестру Владимира. «Она была намъ очень рада. Оттуда прошли въ Сокольники и очень весело провели время: пили чай и слушали музыку. Безъ Вѣрочки и тебя какъ-то особенно пустынно у насъ въ домѣ: только шалить и надоѣдаютъ, а поговорить не съ кѣмъ. Получилъ ли ты папенькино нисымо и въ немъ ассигнацію въ одинъ рубль серебромъ, посланную съ твоимъ писмоподателемъ?.. Пріѣзжай раньше Иванова дня: я безъ тебя соскучилась».

Пребываніе въ деревнѣ вызвало въ моемъ представленіи два образа жизни: первый поповскій, который я, подъ впечатлѣніемъ угощенія въ Губастовѣ, говядиной, солониной, бараниной, свиной, формулировалъ извѣстными стихами:

„Попы навѣлся, напилъсь,
Какъ будто дѣломъ занялся“;

другой образъ жизни, извѣстный мнѣ только изъ книгъ, Гоголевскаго помѣщика Костанджогло. О помѣщичьей трудовой, обезпеченной семейной жизни не разъ принимался мечтать я, межеумокъ реторикки и философіи, располагавшій и на прожитокъ въ чужомъ домѣ, и на корреспонденцію съ Костромою, и на 100 верстное путешествіе домой, съ «ассигнаціею въ одинъ рубль серебромъ» по словамъ матери, или «рублемъ серебрянымъ въ видѣ бумажки», по выраженію отца.

Что до дѣйствительной помѣщичьей жизни, то пока доступно мнѣ только ея предверіе. 24 Іюля былъ именинникъ князь В. А. Черкасскій. Около барскаго дома водили хороводы. Къ этимъ хороводамъ подошли и мы: я и Соколовъ. Не успѣли мы опомниться, какъ Дарья Николаевна, «милая пожилая особа», заставила насъ почти противъ нашей воли участвовать въ хороводѣ. Потомъ Дарья Николаевна «велѣла» намъ идти за собою, привела въ свою комнату, достала изъ подъ своей кровати бутылку хереса и «заставила» меня и Соколова выпить по цѣлой чайной чашкѣ хереса. Такъ-то я и сталъ причастникомъ княжескихъ именинъ!

У священника съ погоста познакомился я съ нѣкимъ Архангельскимъ, семинаристомъ, окончившимъ курсъ. Архангельскій «довольно-таки мнѣ понравился, можетъ быть потому, что обѣщалъ доставить мнѣ урокъ». По этому поводу Дневникъ снова проговаривается: «То-то зажилъ бы я, когда стали бы у меня водиться свои денежки!» Урока, конечно, никакого не оказалось. Но я размечтался: «А вѣдь не худо получать въ мѣсяць рублей 10 серебромъ за какіе-нибудь два часа ежедневнаго занятія. Это не могло бы меня отвлекать отъ моего дѣла.

Притомъ же docendo discimus. На 10 р. с. можно было-бы и самому одѣваться, и еще осталось бы на удовольствія».

Выше я говорилъ, что въ Черкизовѣ «попалъ я изъ огня въ полымя». Разумѣю подъ этимъ знакомство съ А. Я. Кожевниковымъ, нынѣ весьма извѣстнымъ профессоромъ-психіатромъ, тогда домашнимъ врачомъ князя Черкаскаго.

Первая наша съ нимъ бесѣда была о духовномъ и свѣтскомъ образованіи, особенно объ изученіи словесности въ семинаріяхъ. На другой день новая бесѣда съ докторомъ, очевидно скучавшимъ среди Черкизовской дигости и потому почти ежедневно бывавшимъ у дяди. Мы говорили о предметахъ, занимающихъ въ настоящее время общество: о гласности вообще, о гласности въ судопроизводствѣ, объ освобожденіи крестьянъ, а я между прочимъ жаловался своему просвѣщенному и симпатичному собесѣднику, что у насъ въ Семинаріи очень немногіе сочувствуютъ этимъ вопросамъ. Мои слова очень не понравились Соколову и его пріятелю.

— Вамъ не слѣдовало такъ дурно отзываться о семинаристахъ, вразумлялъ меня потомъ, наединѣ, Соколовъ.

Я, какъ умѣлъ, возражалъ на такое затхлое мнѣніе.

2-го Августа отмѣчаю въ Дневникѣ: «Теперь не вижу свободнаго времени: занимаюсь переписываніемъ сочиненій Искандера и другихъ социалистовъ. И что это за сочиненія?! Откуда берется у нихъ такое краснорѣчіе? Видно, что писано отъ души. Да, Герценъ великій человекъ!»

Герценъ, дотолѣ неизвѣстный мнѣ даже по имени, но царившій тогда надъ умами всего образованнаго Русскаго общества, былъ тѣмъ «пламенемъ», куда толкнулъ меня мой просвѣщенный собесѣдникъ.

Вліяніе Герцена на меня продолжалось до конца 1861 года. Въ этомъ убѣждаюсь изъ двухъ помѣтокъ противъ этого мѣста Дневника. Помѣтки относятся къ болѣе позднему времени. Вотъ онѣ: «Сѣмя пало на землю воспріимчивую. Все, чтò ни попадаетъ мнѣ изъ этихъ статей, особенно изъ статей Герцена, я изучаю. 1860 г. 2 Февраля». Слѣдующая помѣтка: «Теперь я другого мнѣнія. 1861 г. 28 Декабря».

Критика Герценовскаго ученія началась даже одновременно почти съ его воспоминаніями. Уже до Декабря 1858 г. помѣчено на поляхъ Дневника: «Порицанье всего Русскаго казалось мнѣ тогда знакомъ современнаго человека... Теперь я думаю болѣе о средствахъ исправленія злоупотребленій и уже такъ горячо не порицаю виновниковъ злоупотребленій, потому что *злоупотребленія почти неизбежны*».

Такимъ образомъ Катковскій знаменитый походъ противъ Герцена для меня былъ уже заднимъ числомъ. Тотчасъ же, при первомъ знаком-

ствѣ съ Герценомъ, не замедлилъ представиться случай, подтвердившій въ моихъ глазахъ Герценовскую оцѣнку Русской аристократіи.

Вздумали мы съ Соколовымъ и съ однимъ его товарищемъ отправиться изъ Черкнзова за рѣку, въ сельцо Бахтемерово, въ садъ при усадьбѣ князя Д. Б. Черкаскаго, дяди Б. А. Черкаскаго. Прогулка эта казалась мнѣ столь неважною, что даже въ Дневникѣ отмѣтилъ я презрительно: «не писать же, что нынче я, П. С. Соколовъ и В. Т. Шкапскій гуляли въ саду кн. Д. Б. Черкаскаго?» Но старикъ кн. Д. Б. Черкасскій поднялъ изъ этого, должно быть отъ праздности, цѣлую исторію. На третій, послѣ прогулки, день прихожу къ А. Я. Кожевникову и слышу отъ него: «князь Д. Б. очень недоволенъ, что вы втроемъ были у него въ саду безъ его спроса. Вотъ слова князя: «Сижу я у себя въ саду. Проходятъ трое какихъ-то... съ тросточками... этакъ важно проходятъ; поклонились мнѣ такъ важно. Ну, я ничего, не разсердился. Помомъ вижу: сидятъ они въ моемъ цвѣтникѣ. Я ужъ довольно близко подошелъ къ нимъ, какъ они встали. Я сталъ спрашивать, съ кѣмъ имѣю честь кланяться. А они такъ важно, такъ гордо отвѣчаютъ мнѣ: п—такой-то! я—такой-то! я—такой-то!.. Какъ бы ты, племянникъ, поступилъ на моемъ мѣстѣ? Я бы просто попросилъ ихъ выдти, отвѣчалъ племянникъ Борисъ Александровичъ».

Читатель припомнитъ, что этотъ чванный князь Дмитрій Черкасскій былъ родной братъ симпатичной Анны Борисовны Нейгардтъ...

Въ это время шла горячая работа губернскихъ комитетовъ по освобожденію крестьянъ. Князь Дмитрій чувствовалъ себя осеннею мухою, чего однако я тогда не понималъ, негодуя на него.

Удалось мнѣ видѣть и князя Бориса Черкаскаго, племянника, котораго тетка за что-то прозвала «бурбетомъ».

Былъ какъ-то я у А. Я. Кожевникова съ дядею Сергѣемъ Петровичемъ; играли въ карты. Вдругъ къ дому подъѣзжаетъ князь; и домовый докторъ и священникъ-дядя, какъ какія-нибудь дѣти, бросаютъ карты. Я внутренне былъ очень возмущенъ такимъ раболѣпіемъ.

Другой разъ бесѣдуемъ съ А. Я. о чемъ - то весьма серьезномъ. Вдругъ въ комнату входитъ «бурбетъ».—У меня къ вамъ просьба, говорить бурбетъ Кожевникову.—Что угодно вашему сіятельству?—Пользуйте мою кобылу.

Мнѣ сдѣлалось очень обидно за деликатнаго доктора при этой выходкѣ князя-коннозаводчика. При появленіи «бурбета», я, какъ самый младшій, сѣлъ послѣ всѣхъ; но бурбетъ вздумалъ пригласить меня сѣсть, когда я уже безъ его приглашенія сядился.

По моемъ уходѣ бурбетъ спросилъ доктора:—Это племянникъ о. Сергія?—Да-съ.—Какой онъ пріятный молодой человекъ! Что онъ уменъ?—

Да, только горячая голова. — Что жъ, либеральнаго что ли направле-
нія?

Думалъ ли я тогда, что придется встрѣтиться еще разъ съ бурбе-
томъ, гдѣ «пріятный молодой человѣкъ» будетъ предпочтенъ ему!.. Это
было въ 70-хъ годахъ. Моя «горячая голова» цѣликомъ была тогда за-
нята Сербско - Турецкою войною. Я очень часто бывалъ у одной
аристократки, не менѣе, чѣмъ я, увлеченной современными политиче-
скими дѣлами. Аристократическая дама писала политическія статьи въ
Русскихъ и Англійскихъ газетахъ. Русскіе оригиналы я исправлялъ у
нея, говоря прямѣе, прямо-профессионально, а по дружбѣ училъ «сочи-
нить» эту талантливую особу, обучавшуюся Русской словесности, какъ
и большинство великосвѣтскихъ дамъ, на мѣдныя деньги. Какъ-то вече-
ромъ занятія наши прерываются появленіемъ «бурбета». Нужно ли го-
ворить, какъ фальшиво-любезно былъ принять эту дамою бурбетъ, и
какъ потомъ мы вдвоемъ смѣялись надъ нимъ?.. Даже и ничтожнѣйшіе
наши поступки не остаются безъ возмездія.

9 Августа происходила продолжительная бесѣда между юнымъ се-
минаристомъ и молодымъ медикомъ. «Разсуждали о важнѣйшихъ вопро-
сахъ религіи и нравственности, находили заблужденія въ ученіи право-
славной церкви».

— Человѣкъ не имѣетъ свободной воли, утверждалъ медикъ, по-
видимому материалистъ: всѣ дѣйствія его обуславливаются какими-либо
посторонними побужденіями. Отрицая возможность откровенія, молодой
врачъ утверждалъ, что «собственнымъ разумомъ нужно отыскивать
истину».

— Нѣтъ, настаивалъ семинаристъ: лучше придерживаться ученія
какой-либо церкви, которая, не смотря на свои заблужденія, все-таки
обладаетъ истиной. Если уклонишься съ пути, проложеннаго Моисеемъ и
другими пророками, и пойдешь при свѣтѣ одного своего разума, легко
можно совсѣмъ сбиться съ истиннаго пути, сдѣлаться атеистомъ, какъ
философы XVIII ст., которые, не смотря на уроки заблужденій дохристи-
анской древности, впадали въ грубѣйшія ошибки, какъ, напр., Спиноза,
смѣшавшій духъ съ матеріею.

Кромѣ этого доктора не было общества по плечу. Былъ по близос-
ти кладбищенскій священникъ, вдовый и кутила. Дневникъ характери-
зуетъ его такъ: «Если придти къ нему въ полночь и сказать: батюшка!
поѣдьте къ чорту на рога, онъ тотчасъ же безъ всякихъ разговоровъ
примется закладывать свою лошадь». Родственники ближайшіе, Черки-
зовскіе и болѣе отдаленные Коломенскіе, Добровы, были со мною очень
любезны и весьма радушно угощали меня, равно какъ и другой Коло-
менскій дядя П. И. Богословскій. Коломенскіе родные возили меня за

городъ на границу между Московскою и Рязанскою губерніями и показывали «величественную» Оку.

Только дядя С. П. Гиляровъ, всегда со мною гораздо болѣе любезный, нежели мой отецъ съ его сыномъ, Владимиромъ, какъ-то навеселѣ, оставивъ всегдашнюю свою политичность, проговорился.

— Жена моя балуетъ его, скромнымъ по постнымъ днямъ кормить. Небось, у брата Александра Владимиръ пикнуть не смѣетъ.

Это совершенно правдивое замѣчаніе разстроило меня. Но я, конечно, не возразилъ ему, что Черкизовскіе испоконъ вѣку раза два въ годъ гостили у насъ по двое, по трое, изъ насъ же очень рѣдко, черезъ нѣсколько лѣтъ, кто-либо одинъ попадалъ въ Черкизово. Москва была для Черкизова несравненно нужнѣе, нежели Черкизово для Москвы.

Еще больше разстраивала фальшивая любезность тетки Добровой. Авдотья Петровна «потчивала меня злословіемъ» общихъ нашихъ родныхъ, и у нея же подвергался я «Азіатскому потчиванію» водкою, а потомъ меня же она пересуживала: въ такіе молодые годы и пьеть водку! Но водку она почти насильно вливала мнѣ въ горло. Дикіе яравы! Зато, узнавъ отъ дяди, что Владимиръ благополучно сдалъ вступительные въ Университетъ экзамены, «я радовался за него, какъ за самого себя»..

Къ концу Августа, къ Иванову дню и именинамъ отца, 30 Августа, я возвратился изъ Коломны на лошадахъ въ Москву. Дорогою сидѣлъ на передкѣ. Вдругъ ямщицкая лошадь стала бить задними ногами. Я едва успѣлъ соскочить съ передка.

Въ Москву привезъ я порядочный пучекъ списанныхъ мною у Кожевникова стихотвореній и прозаическихъ статей «изъ Герцена и другихъ». Собраніе это въ первый же годъ пополнилось произведеніями, списанными мною у Андроникова, у друга моего Павла и у Н. П. Гилярова. Составился цѣлый томъ, который я съ замираніемъ сердца отдалъ въ переплетъ. Книга вышла изъ переплета благополучно и доселѣ цѣла у меня.

Теперь, почти черезъ 40 лѣтъ, просматривая ее, нахожу сходство между тогдашнимъ собою и... фанатиками раскола старообрядства, хотя и съ противоположныхъ концовъ. Какъ для послѣднихъ каждая книга и статья получаетъ непреложность святости только потому, что она воспрещена цензурою патріарха Никона: такъ и для тогдашняго меня все запрещенное получало прелесть Адамова яблока, не смотря на свою разношерстность. Среди статей Герцена, стихотвореній Пушкина, Огарева и др. революціоннаго направленія, въ сборникъ помѣщено, напр., высокопатріотическое стихотвореніе Хомякова къ Россіи:

„Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ“ и т. д.

Мало этого: на томъ же листочкѣ помѣщены два ultra-патріотическихкихъ стихотворенія, служащія возраженіемъ Хомякову. Первое стихотвореніе, Арсеньевой, начинается такъ:

„Самъ Богъ сказалъ: чти мать свою.
И грѣхъ тебѣ, о сынъ лукавый,
Когда, врагъ материнской славы,
Позоришь бранію неправой
Ты мать родимую свою;
Когда, въ лжемудрости надменной,
И честь, и совѣтъ погубя,
Разишь рукою дерзновенной
Ты грудь вскормившую теби.

Другое подобное же стихотвореніе графини Растопчиной заключало такой же укоръ Хомякову:

„Стыдись, о сынъ неблагодарный,
Отчизну-матерь укорать
И рѣчью жесткой и коварной
Покровы съ ранъ ея срывать“.

И вѣдь нисколько не чувствовалось, не замѣчалось прямо противорѣчія между Герценомъ и Хомяковымъ, между Хомяковымъ и патріотками ultra-консерваторками, возражавшими ему. Думается, бѣглый перечень содержанія статей и стихотвореній изъ моего сборника не лишень нѣкотораго историко-литературнаго интереса. Беру себя, какъ образецъ юноши 50-хъ годовъ средняго калибра. Мой каталогъ потаенной литературы того времени, вѣроятно, не очень отклоняется отъ ходившихъ тогда рукописныхъ сборниковъ, тѣмъ болѣе, что и списываль-то я преимущественно не съ печатнаго, а съ рукописнаго.

Сборникъ начинается анонимными стихотвореніями: Императору Александру II: «Не жди, чтобы цвѣла страна»; «Внемли, о царь, надежда Руси новой»; «Трудно быть теперь Россіи»; «Я нашелъ, братцы, нашелъ»; «Четыре націи»; «Когда онъ въ вѣчность переселился, нашъ незабвенный Николай». Далѣе шли стихотворенія Севастопольскія, приписываемыя гр. Л. Н. Толстову: «Какъ восьмого Сентября»; «Какъ четвертаго числа»; весьма длинное стихотвореніе: «Русскому народу «Меня поставилъ Богъ надъ Русскою землею», сказалъ нашъ Русскій царь», изображавшее разочарованіе въ Севастопольскую войну отъ прежней самоувѣренности; стихотвореніе «Французамъ», противъ Французскаго легкомыслія, возведшаго Наполеона III на тронъ; «Русскій пѣвецъ». Далѣе шли стихотворенія Некрасова: «Размышленіе у параднаго подѣзда»; стихотвореніе противъ крѣпостниковъ, во время уже крестьянской реформы: «Шарманка». За Некрасовымъ слѣдовали стихи Рылѣева изъ *Полярной*

Звѣзды 1859 г. «Къ временщику»; «Ахъ, гдѣ тѣ острова»; «Ай, ш скучно мнѣ»; стансы Рылѣева; большое анонимное стихотвореніе высокопатріотическаго характера, написанное, повидимому, предъ первую Восточную войною, представляющее рѣзкую характеристику Западно-европейскихъ державъ, враждебныхъ намъ:

„Европа противъ насъ. Окружено врагами
Отечество со всѣхъ сторонъ.
Кровавый часъ насталъ, и очередь за нами,
И мечъ повсюду обнаженъ.
Мы знаемъ клеветы, мы знаемъ оскорбленья,
Измѣны, зависти и страха порожденья...
Друзей у нашей Руси нѣтъ:

Далѣе нѣсколько неизданныхъ стихотвореній Пушкина изъ *Полярной Звѣзды* 1859 г. «Вотъ перешедши мостъ Кокушкинъ», «Свободы гордой вдохновенье», «Кнутъ», «Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ», «Боже, вино, вино!», «Свободное слово» Аксакова, «Искандеру, стихотвореніе Огарева» и т. п.

За стихотвореніями слѣдовали прозаическія статьи: «Письмо Герцена къ императору Александру Николаевичу», излагавшее перечень предстоящихъ реформъ, дѣйствительно осуществленныхъ въ это царствованіе; хлестко-задорная статья «Права Русскаго народа»; большая статья «о смерти императора Павла Петровича»; предисловіе изъ письма Огарева» по поводу изданія книги барона Корфа; «письмо Герцена къ императрицѣ Маріи Александровнѣ», выдержки изъ *Колокола*, подъ заглавіемъ «Правда ли?»; статья: «Августѣйшіе путешественники», повѣствующая о поѣздкѣ вдовствующей императрицы Александры Ѳеодоровны; «Крещеная собственность»; «Русскіе въ Парижѣ въ 1858 г.»; выдержки изъ книги «Съ того берега» съ искаженіями въ текстѣ противъ печатнаго экземпляра; «Джонъ Стюартъ Милъ» и его книга, «Герцена; хлесткая статья Искандера» «Составъ Русскаго общества»; извѣстный отвѣтъ Бѣлинскаго Гоголю по поводу книги Гоголя «Переписка съ друзьями»; отвѣтъ Гоголя Бѣлинскому; очень большая выписка изъ книги Беллюстина «Сельское духовенство»; «Взглядъ на тайное общество въ Россіи» (1816—1826 гг.), Лунина и т. п.

Перебирая эту разнокалиберцину статей и стихотвореній отъ революціонныхъ до узко-патріотическихъ, касавшихся какъ современныхъ, такъ и давно минувшихъ вопросовъ и современной отгмѣны крѣпостного права и историческаго факта смерти императора Павла Петровича, убѣждаюсь, что юноша 50-хъ годовъ вовсе не искалъ исключительно революціонной литературы, а лишь литературы политической, едва тогда только начинавшейся въ печати, разрѣшаемой цензурою. Не моя

была вина, когда я съ одинаковою жадностью набрасывался на Герцена и Хомякова; окружающая среда подсовывала преимущественно Герцена. Когда потомъ попало мнѣ печатное изданіе стихотвореній Хомякова, этотъ Славянофильскій пророкъ сдѣлался настолько любезнымъ мнѣ поэтотъ, что и сейчасъ я знаю наизусть большую часть его стихотвореній позднѣйшаго періода. Вкусъ былъ къ литературѣ вообще политической, а политическая литература была по преимуществу обличительная, отрицательная.

*

Только что возвратился я въ Москву, какъ посѣтили меня мои пріятели: Павелъ Васильевичъ Лебедевъ и Владимиръ. Съ Владимиромъ, который сталъ уже студентомъ, мы дали одинъ другому слово помогать другъ другу во всѣхъ предпріятіяхъ. Но самихъ предпріятій не оказывалось, если не считать знакомство съ сосѣдками, четырьмя дочерьми священника Ивановскаго монастыря. Предпріятіе это было не мое, а Владимирово. Еще въ Іюль, въ самый разгаръ моихъ экзаменовъ, онъ увѣдомлялъ меня съ свойственною всѣмъ Черкизовскимъ таинственностью: «Интереснаго въ Москвѣ много по части... ну понимаешь? Жаль только, тебя недостаетъ. Поповны каждый вечеръ ходятъ сидѣть къ намъ». Причина скрыта. Съ поповнами этими знакомство у моихъ сестеръ и Владимира началось въ мое отсутствіе изъ Москвы. А такъ какъ одного Владимира на четырехъ поповень было недостаточно, то возвращеніе мое въ Москву для многочисленныхъ, сердечно голодающихъ поповень было подлогомъ съѣстныхъ припасовъ. Одна изъ поповень при первомъ же нашемъ свиданіи выпросила у меня въ подарокъ четки, послѣ чего мы вечера три гуляли у насъ на горкѣ. Перезрѣлая поповна, оказалось, уже многіе годы была влюблена въ одного семинариста, съ которымъ вскорѣ и сочеталась бракомъ. Но почти до самой ея свадьбы я служилъ для ея кокетства тѣмъ кожанымъ «чуркою» (динамометромъ), надъ которымъ на праздникахъ предъ балаганами, бывало, силачи пробовали свою силу.

Настало ученье. Изъ трехъ нижнихъ параллельныхъ отдѣленій постоянно образовалось два параллельныхъ среднихъ отдѣленія. Одна «реторика» изъ трехъ растрчивалась: часть учениковъ исключалась, часть оставалась на второе двухлѣтіе. Меня назначили въ первую «философію», гдѣ преподавателемъ главныхъ предметовъ логики, психологии и патристики былъ священникъ Петръ Алексѣевичъ Преображенскій, ученый и талантливый основатель (вмѣстѣ съ Университетскимъ Н. А. Сергіевскимъ) духовнаго журнала Православное Обозрѣніе; но я имѣлъ глупость перепроситься во вторую философію, гдѣ преподавателемъ главныхъ предметовъ оказался Константинъ Семеновичъ Озеровъ,

тоже священникъ, но и философъ и преподаватель весьма посредственный, да еще лѣнивый и молчаливый, отчасти походившій на «Яшага». По первому впечатлѣнію Озеровъ казался мнѣ симпатичнѣе Преображенскаго. Первая по логикѣ лекція Озерова мнѣ очень понравилась; но этимъ рвеніе Озерова и ограничилось. Послѣ того онъ большую часть времени сталъ посвящать спрашиванію уроковъ или сдачѣ сочиненій безъ всякихъ замѣчаній. Кедрскій отлично рекомендовалъ меня Озерову, и тотъ на одномъ изъ первыхъ уроковъ «поднял» меня и долго бесѣдовалъ со мною, но я не почувствовалъ при этомъ въ Озеровѣ ни ума, ни знаній. Разочарованіе было полное. Любознательность моя опять была осуждена на праздность. Чѣмъ заполнить эту пустоту, насытить душевный голодъ? Я возвратился къ своей весенней мысли объ изданіи рукописнаго журнала, и Лебедевъ усердно принялся водить меня въ театръ.

Пора однако познакомить читателя съ нашимъ искусствомъ ходить въ Малый театръ безъ билета и безъ денегъ. Это описано въ Дневникѣ такъ. «Отправляемся мы въ театръ безъ верхняго платья ко второму дѣйствию пьесы, и въ антрактъ между первымъ и вторымъ дѣйствіями входимъ въ раекъ. Тамъ почти всегда оказываются свободныя мѣста. Но если всѣ нумерованныя мѣста заняты, мы идемъ на ненумерованныя, находящіяся за райкомъ, въ обоихъ углахъ, подъ самымъ потолкомъ. Тамъ въ каждомъ углу можетъ помѣститься около десятка человекъ, и туда капельдинеры пускаютъ за деньги въ свой карманъ. За пропускъ берутъ коп. 10 съ человекѣка. Конечно, это путешествіе безъ верхней одежды возможно только весной и осенью. Въ это полугодіе видалъ я въ Маломъ театрѣ пьесы: «Дѣтскій докторъ», отъ превосходнаго исполненія которой былъ въ восторгѣ, Тридцать лѣтъ или жизнь игрока, гдѣ игра Полтавцева въ главной роли показала мнѣ очень талантливою; Женихъ изъ Ножевой линіи, пьесу «Отецъ и Дочь» въ Большомъ театрѣ. Вообще я очень пристрастился къ театру, такъ что даже мечталъ черезъ одного товарища (сына священника изъ того прихода, гдѣ находятся театры) познакомиться съ артистами. Мечты такъ и остались мечтами. Виѣблассному чтенію я предавался страстно. 19 Сентября, въ день своихъ именинъ записываю: «Какая-то жажда знанія начинается мучить меня. Сажусь тутъ же за Французскій языкъ, но безъ какого либо руководителя дѣло почти не идетъ. Успѣшнѣе шло чтеніе: читалъ исторію философіи Зедергольма, логику Карпова и т. п., увлекался софизмами въ родѣ «Ахиллесъ и черепаха» (доказывалось, что Ахиллесъ не можетъ перегнать черепаху), особенно налегъ на новые журналы: Русскую Бесѣду, Русскій Вѣстникъ, Современникъ, Библиотеку для чтенія, Журналъ Землевладѣльцевъ, Вѣстникъ Естествен-

ныхъ Наукъ и т. п. Оцѣнивая значеніе чтенія этихъ журналовъ, нахожу, что я уже «пріобрѣтаю направленіе, вырабатываю свои убѣжденія», нахожу въ себѣ «нравственную возмужалость». Пора мнѣ уже въ міръ, я уже не ребенокъ. А иногда бываю какъ ребенокъ. Нѣкоторыя журнальныя статьи оставляли слѣдъ въ моей душѣ. Каково нынче стали писать въ журналахъ! восклицаетъ Дневникъ. Вотъ какія строки Николая Остафьева пропущены Никитой Петровичемъ, какъ цензоромъ, въ Журналъ Землевладѣльцевъ: «Теперь, навѣрное, ни одинъ порядочный отецъ, естественно дорожащій нравственностью своего сына, ни за что не рѣшится отдать его въ Духовную Академію, а тѣмъ менѣе въ Семинарію. Самое это названіе, по моему мнѣнію, должно быть изгнано изъ Русскаго языка: до того оно опошлилось и омерзѣло. Слово «семинаристъ» стало почти браннымъ словомъ, выражающимъ презрѣніе». На эту рѣзкую характеристику я прямо обидѣлся. «Тутъ много неправды, односторонности», замѣтилъ я, приведя эти слова: еще много хорошаго есть въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Самъ Н. П-чъ немного испугался своего цензорскаго либерализма, пропустивъ это мѣсто. Въ скоромъ времени въ томъ же журналѣ Желтухина была напечатана его замѣтка «Изъ письма въ редакцію», гдѣ за подписью Р. С. Т. пытался онъ сгладить впечатлѣніе отъ пропущенной имъ статьи.

Но я не убоился рѣзкаго порицанія Остафьева и тутъ же записалъ свой учебный планъ: доучиваться эти четыре года въ Семинаріи, а потомъ идти въ Духовную Академію. Такимъ образомъ ни явная, ни потаенная литература пока еще не могли столкнуть меня съ завѣщаннаго прадѣдами пути. Нужно было собственное разочарованіе. Но пока я еще мечталъ (и даже вмѣстѣ съ матерью), какъ хорошо было бы поступить въ Московскую Духовную Академію. Говорятъ, въ Лавру проведутъ желѣзную дорогу: тогда можно было бы часто бывать и въ Москвѣ, да и меня стали бы навѣщать родственники. Славно бы пожил! Дай Господи, чтобы это мое завѣтное мечтаніе исполнилось. А разочарованіе уже начиналось. Появилась въ душѣ едва замѣтная заусеница, она будетъ задираться все больше и больше. Прежде всего школьное ученіе нисколько меня не удовлетворяло. Тѣмъ не менѣе, хорошо помню ту пропасть, изъ которой я два года тому назадъ еле-еле выкарабкался, я страстно налегъ на писаніе сочиненій прежде всего, конечно. Главными пружинами были любознательность и раздраженное обидою Кедрскаго школьное самолюбіе. Мнѣ, во что бы то ни было, хотѣлось настолько выдвинуться надъ «перваками», чтобы никакія внѣшнія соображенія («некого понизить» Кедрскаго) не могли бы помѣшать оказаться первымъ, хотя быть первымъ въ философіи было уже труднѣе, чѣмъ въ риторикѣ: философіи было только двѣ, тогда какъ риторикѣ

было три. Совершенно искренно писалъ я въ Дневникъ: «Дайте мнѣ времени лишняго, времени, времени. Дѣла много, а времени мало. Откуда взять его? Меньше спать, постоянно сидѣть за дѣломъ». Первое сочиненіе Озеровъ задалъ на тему: кто хочетъ быть хорошимъ философомъ, тотъ долженъ чрезъ постоянное чтеніе изучать Священное Писаніе. Тема показалась мнѣ очень легкою; тѣмъ не менѣе я тотчасъ же сказалъ объ этомъ отцу, и мы долго бесѣдовали о томъ, какъ писать это первое «философское» сочиненіе. Послѣ того я цѣлый вечеръ проработалъ надъ этимъ сочиненіемъ и отмѣтилъ въ Дневникъ: кажется выйдетъ хорошо; надо написать такъ, чтобы въ носъ бросилось. Но гораздо уже труднѣе показалась мнѣ послѣдовавшая затѣмъ тема: «о значеніи собственнаго размышленія въ дѣлѣ познанія и развитія разума». Начинаясь чувствовать тяжесть отцовской опеки надъ моими сочиненіями. Охъ, восклицалъ я, какъ несносно давать отцу поправлять сочиненія; забудешь всю пользу, получаемую отъ этого. Читатель помнитъ, какъ отецъ истязалъ мои сочиненія въ реторическомъ классѣ. Теперь, занятый урокомъ по Закону Божию у Желтухина, издателя «Журналъ Землевладѣльцевъ» (куда отрекомендовалъ его Н. П—чь), отецъ мало имѣлъ свободнаго времени, а потому рѣдко томилъ и мучилъ меня съ моими сочиненіями, постоянно откладывая со дня на день ихъ поправку. Я сильно беспокоился, что онъ не успѣетъ къ сроку подачи произвести всѣ исправленія, при необходимости притомъ каждый разъ мнѣ переписывать исправленное. Была и другая причина: два года упражнялся я подъ его руководствомъ; при его системѣ, отъ исправленій одного сочиненія получалось пользы больше, чѣмъ отъ десятка обыкновенныхъ школьныхъ поправокъ; а потому-то эти два года я уже твердо стоялъ на ногахъ и, пожалуй, не нуждался болѣе въ опекѣ. Потому-то она, какъ излишняя, но крайне придирчивая, и стала казаться мнѣ несносною. Священникъ Озеровъ, при безталантливости своей, сталъ бить на популярность. Задавая какъ-то сочиненіе, онъ совѣтовалъ писать «повольнѣе, смотрѣть на тему сочиненія не съ казенной православной точки зрѣнія». Этому не нужно было меня учить. Изъ своего рукописнаго сборника я достаточно уже пропитался не-«казенными» взглядами. Но либеральная фальшь Озерова скоро обнаружилась. Въ Ноябрь Озеровъ весьма расхвалилъ меня: и взглядъ-то у меня мѣткій, попадаю прямо въ больное мѣсто, и пишу-то такъ легко, что будто бы мнѣ это никакого труда не стоитъ. Онъ «поднялъ» нашего перваго ученика изъ «профессорской родни», прочиталъ мое сочиненіе и сочиненіе Хрисанѳа, изъ «профессорской родни», записаннаго выше меня, и потребовалъ его мнѣнія, чей изъ насъ двоихъ экспромтъ лучше. Мнѣ оба нравятся, сказалъ уклончиво первый ученикъ. Послѣ этого Озеровъ сдалъ мнѣ всѣ

четыре моихъ сочиненія съ наилучшими противъ всѣхъ моихъ товарищей балами и съ приписками: «очень хорошее сочиненіе», «бойко написано, хорошо», «дѣльно», «складно». Торжество мое было полное; мои сочиненія лучше всѣхъ; и такъ я буду первый. У васъ, продолжалъ свои похвалы Озеровъ, глубокой взглядъ; вы, какъ видно изъ вашихъ сочиненій, знаете болѣе другихъ. Смотрите, не возгордитесь, что я поставилъ вамъ отмѣтки лучше другихъ. Вамъ надо больше, какъ можно больше заниматься, чтобы ваша легкость писать не обратилась въ привычку писать поверхностно. Я готовъ трудиться, отвѣчалъ я, конфузясь и искренно жалѣя «перваковъ», затѣненныхъ моимъ авторитетомъ. Вамъ, продолжалъ Озеровъ, можетъ быть велить о. ректоръ читать на актѣ свои сочиненія. Я ему представлю на выборъ между другими и ваши сочиненія. Смотрите, не возгордитесь этимъ. На другой день Озеровъ задаетъ экспромтъ только двоимъ: мнѣ и Некрасову, переведенному изъ первой реторики вторымъ. Вѣроятно сочиненіе Некрасова ближе прочихъ было къ моимъ; Озеровъ, должно быть, хотѣлъ этимъ конкурентнымъ испытаніемъ окончательно рѣшить, представить или нѣтъ меня первымъ. Некрасову далъ онъ тему: «о причинахъ, побуждающихъ насъ любить и уважать свое званіе». А мнѣ: «о способахъ достигнуть любви и уваженія къ своему званію». Когда экспромты были написаны нами и прочитаны Озеровымъ, хотя «трактация» моего сочиненія не казалась мнѣ слабою, но поповское самоуваженіе Озерова оскорбилась слѣдующею фразою моего сочиненія, которой, однако, нельзя было отказать въ рекомендованной имъ вольности: «крестьянинъ, напимѣръ, скажетъ: почему бы, кажется, мнѣ не быть попомъ? Попы только обѣдни служатъ, въ законъ смотрятъ да книжки читаютъ, ничего не дѣлаютъ». Хотя далѣе и слѣдовало у меня опроверженіе такого возраженія, но Озеровъ замѣтно разсердился. Чтò до Некрасова, экспромтъ его оказался совсѣмъ негоднымъ. «Вы ничего не сказали»: такую оцѣнку далъ ему Озеровъ. Послѣ этого дошли до меня слухи, что Озеровъ отозвался обо мнѣ: «На него надо обратить особенное вниманіе». Чтò это значило, такъ и осталось мнѣ непонятнымъ. Тѣмъ не менѣе 25 Ноября на актѣ я одинъ изъ нашего отдѣленія читалъ вслухъ свое сочиненіе. Это такъ подѣйствовало на одного ритора, что онъ предложилъ мнѣ подрядъ писать на него цѣлый годъ всѣ сочиненія съ платою 15 рубл. въ годъ. Я обрадовался: «деньги мнѣ, какъ нельзя больше, нужны». Но дѣло не состоялось. Послѣ акта Озеровъ сталъ задавать мнѣ экспромты устные, чтò для прочихъ было уже совсѣмъ не по силамъ. Г. Гиляровъ, обращался онъ какъ-то ко мнѣ: какъ согласить то, что І. Христосъ говоритъ: «Отъ сердца бо исходятъ помышленія злая и т. д. съ тѣмъ, чтò психологія учить, что помышленія исходятъ отъ ума»?—Здѣсь, отвѣчалъ я, надо

«обратить вниманіе на то, къ чему Христось сказалъ эти слова. Онъ говорилъ, что не яденіе съ неумытыми руками оскверняетъ человѣка, а исходящее изъ него самого, изъ внутри, оскверняетъ человѣка. Значить, здѣсь внѣшнее противопоставляется внутреннему, а потому подь словомъ сердце разумѣется не сердце въ тѣсномъ смыслѣ слова, а вся вообще духовная сторона человѣка. Озеровъ остался доволенъ и задалъ всѣмъ мысленный экспромптъ на тему: «какъ объяснить, что по мѣрѣ возвышенія внѣшняго благосостоянія человѣка внутреннее его благосостояніе упадаетъ?» Въ надеждѣ, что я уже отдѣлался устнымъ исключительно мнѣ заданнымъ экспромптомъ, я даже я не подумалъ объ этомъ письменномъ экспромптѣ. Но Озеровъ поспѣшилъ потребовать съ меня и этого экспромпта, и я принужденъ былъ сказать его устно. Совершенствованіе въ чемъ либо предполагаетъ любовь къ предмету совершенствованія, отвѣчалъ я. Тамъ и тутъ требуются любовь къ Богу и любовь къ міру, какъ понятія противоположныя, несовмѣстимыя въ одномъ и томъ же человѣкѣ, въ одно и тоже время. А потому и необходимо при возвышеніи внѣшняго благосостоянія упадаетъ внутреннее благосостояніе и наоборотъ и т. д. Озеровъ и на этотъ разъ остался доволенъ.

Какъ же мои прочіе предметы? Латинскій языкъ преподавался Озеровымъ; теперь онъ былъ пристегнуть къ логикѣ съ психологіею такъ какъ же, въ низшемъ отдѣленіи къ словесности. Частию Латинскіе часы уходили на экспромпты по логикѣ и психологіи; частию въ нихъ что-то переводили, но чтѣ именно, рѣшительно не припомню. Въроятно, какое либо философское сочиненіе Цицерона. Важнѣйшимъ послѣ главнаго предмета была церковная библейская исторія, преподаваемая инспекторомъ архимандритомъ Никодимомъ по учебнику того же имени м. Филарета. И здѣсь неизмѣнное «отсюда и досюда» безъ всякихъ объясненій. Впрочемъ кромѣ этого инспекторъ не разъ читалъ вслухъ въ классѣ Русскій переводъ второй и третьей книги Пятикнижія. Требовалъ онъ изъ учебника Филарета отвѣта буквальнаго, чтѣ не особенно было легко въ виду увѣсистаго тома этого учебника. Св. Писаніе и Греческій языкъ преподавалъ С. Д. Писаревъ крайне плохо и безъ всякаго для насъ результата. Только одинъ Илья Васильевичъ Бѣляевъ, симпатичный человѣкъ и основательный ученый, преподаватель Русской Исторіи, могъ бы приносить пользу, если бы Русская Исторія пользовалась какимъ - либо значеніемъ при составленіи списковъ. Въ среднемъ отдѣленіи, а можетъ быть еще и въ низшемъ, записался я на Французскій языкъ, предметъ необязательный. Училъ А. О. Кирьяковъ и должно быть очень плохо, потому что, добровольно взявшись за этотъ предметъ, я и многіе мои товарищи совсѣмъ не учились. За все время моего ученія никто изъ профессоровъ никого изъ насъ и не подумалъ поставить

на колѣни; даже и «столбомъ»-то ставилъ только одинъ «Арбакъ», пощъ Казанскій, учитель Всеобщей Исторіи. А здѣсь насъ «философовъ» Кирьяковъ за незнаніе необязательнаго предмета вадумалъ ставить на колѣни. Очень пріятно было оставаться послѣ двухъ часовъ на Французскій классъ и, послѣ триумфовъ по главному предмету, выслушивать отъ Кирьякова приказанія: Стань, братецъ, къ печкѣ. Возмущались этимъ, ходили на Французскій языкъ, но ни на шагъ въ немъ не подвигались. Да и какъ было подвигаться, постоянно стоя на колѣняхъ у печки?

Преподаваніе и вообще весь строй семинарской жизни пересталъ удовольствовать меня и началъ оскорблять. Я удивлялся на возраженія, даваемые инспекторомъ всему классу въ формѣ: «Кто скажетъ?» на такіе пустѣйшіе вопросы: «Сколько лѣтъ отъ Сотворенія міра до Рождества Христова? О хронологіи вообще, кажется, никто не имѣлъ понятія въ Семинаріи, ни ученики, ни профессора. А надъ семинарской дисциплинарной канцелярщиной даже отецъ вмѣстѣ со мной смѣялся, когда я сообщилъ ему журнальную резолюцію инспектора на основаніи цензорскаго донесенія: «Стыдно ученикамъ средняго отдѣленія вести себя подобно дѣтямъ. Виновные пусть стоятъ столбомъ». Другой разъ подцензоръ Иванъ Спасскій, изъ бездарности оставшійся на второе двухлѣтіе, записалъ и меня въ штрафной классный журналъ: «Все въ классѣ было исправно, кромѣ Гилярова, который сидѣлъ нескромно при наставникѣ (вѣроятно я разговаривалъ съ сосѣдомъ) и на мое замѣчаніе сидѣть лучше, отвѣчалъ: «отстаньте». На другой день инспекторъ призываетъ меня и выговариваетъ мнѣ за мое «неприличное поведеніе»; беретъ съ меня слово, что, если я попадусь въ какой нибудь «шалости», стоять на колѣняхъ; на сей же разъ онъ-де не наказываетъ меня. Глупое замѣчаніе инспектора взбѣсило меня. Я и въ «реторикѣ», когда былъ моложе, не оказывался причастнымъ какимъ-либо «шалостямъ». А между тѣмъ я зналъ, что большинство учениковъ, безъ моего, конечно, участія, при тѣхъ же цензорахъ, передъ приходомъ профессора хоромъ громко распѣвали непристойныя пѣсни, нетерпимыя даже въ то время на улицѣ, какъ: «Вдоль по улицѣ Арбатской» или нецензурные варианты «Дубинушки» и т. п. Такое несправедливое ко мнѣ отношеніе, пробудило во мнѣ озорство; мнѣ захотѣлось безстыже, нагло насмѣяться надъ своими властями. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ надуть дурака-начальника, радовался я въ Дневникѣ, описывая свою проказу. Не захотѣлось мнѣ сидѣть въ классѣ Библейской Исторіи у инспектора и въ классѣ Латинскаго языка, и я въ журналѣ, подаваемомъ субинспектору, записался въ числѣ отсутствующихъ: «Федоръ Гиляровъ для отправления брата въ Градскую больницу изъ двухъ послѣднихъ классовъ». Главный дежурный богословъ П. С. Соколовъ, мой Черкизовскій

спутникъ, доложилъ о моей просьбѣ А. Е. Свѣтовидову, старому моему врачу по Донскому училищу. Основательность моей просьбы, казалось бы, по самой своей оригинальности не должна была внушать подозрѣнія; но Свѣтовидовъ не влюбилъ меня съ училища, противился моему переводу въ Семинарію, а теперь я, кандидатъ въ первые ученики, былъ живымъ для него укоромъ въ глазахъ Шаврова и другихъ; потому, конечно, меня, отличнаго ученика, онъ и заподозрилъ въ отлыниваніи отъ классовъ и не разрѣшилъ мнѣ отпуска. Отпускъ не особенно былъ для меня нуженъ, да и отлынять-то вздумалъ я только въ первый разъ; но во мнѣ заговорила страсть помѣриться хитростью, лицемѣріемъ съ своимъ закоснѣлымъ врагомъ. Узнавъ объ отказѣ въ отпускѣ, я въ 10 часовъ являюсь къ Свѣтовидову. Чтò скажете, Гиляровъ? грубо встрѣчаетъ меня «свинчатка» (такъ прозвалъ я Свѣтовидова за его ность, необыкновенно похожій на игральную кость, бабу, битку, залитую свинцомъ, «свинчатку»). Я записался въ журналъ отвезти брата въ больницу; а вы меня не отпустили. Сдѣлайте милость, отпустите: мнѣ крайне необходимо.—Да вѣдь у васъ есть батюшка, возражаетъ «свинчатка»: онъ можетъ свезти.—Батюшка мой на урокъ, продолжалъ я свою ложь.—И думалъ..... начинаетъ уступать свинчатка. Мнѣ очень обидно, возражаетъ достойный ученикъ своихъ учителей, что вы такъ дурно думаете обо мнѣ, будто бы я по лѣности отпрашиваюсь отъ классовъ.—И думалъ, что за вами отецъ смотритъ, безпричинно оскорбляетъ меня свинчатка. Что жъ, который это братъ боленъ?—Старшій.—Кто жъ онъ такой?—Онъ служить. Въ сознаніи своей формальной правоты, я готовъ былъ уже сказать дерзость на неумѣстные разспросы, какъ услышалъ отъ Свѣтовидова.—Ступайте, пожалуй.

Едва ли, когда я такъ смѣялся, какъ смѣялся надъ одураченнымъ «свинчаткою». Это было наканунѣ акта, наканунѣ моего исключительнаго торжества, когда изъ всего класса только мнѣ одному назначено было прочитать мое сочиненіе. Послѣ этого триумфа я принялся систематически истреблять мелкую власть. Какъ-то послѣ перваго класса, когда ректоръ еще не выходилъ изъ вышшаго отдѣленія, сталъ я прохаживаться по верхнему коридору (мѣсто привилегированныхъ, только богослововъ). Подцензоръ Иванъ Спасскій, еще такъ недавно донесшій инспектору о моемъ нескромномъ сидѣніи въ классѣ, обращается ко мнѣ: Г. Гиляровъ. О. ректоръ въ классѣ еще. Неловко, если онъ васъ встрѣтитъ здѣсь. — Чтò вы изволите говорить? ядовито-вѣжливо, переспрашиваю я его. Онъ повторяетъ свое предостереженіе. — Сдѣлайте милость, не извольте беспокоиться. Это не ваше дѣло, а мое-сь. Замѣчаніе цензора выходило изъ компетенціи его власти, ограничивавшейся только классомъ. Дѣло происходило въ коридорѣ, гдѣ на-

блюденіе принадлежало дежурному «старшему» изъ богослововъ, но никакъ не цензору. Несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ моего чтенія на актѣ, подцензоръ, недавній доносчикъ на меня, теперь этимъ предостереженіемъ хотѣлъ только подслужиться ко мнѣ по чувству добровольнаго холопства. Въ Семинаріи нравственный гнетъ отличнаго ученика надъ прочими былъ такъ великъ, какъ нигдѣ въ другой школѣ. На цензора Сахарова, тоже изъ старыхъ бездарностей, я уже и самъ напалъ. Я узналъ, что онъ не самъ пишетъ сочиненія, а пишетъ для него богословъ Муравьевъ, мой хорошій знакомый, очень талантливый, вскорѣ ушедшій на юридическій факультетъ и служившій потомъ въ числѣ несмѣняемыхъ судебныхъ слѣдователей. Я сказалъ о подлогахъ цензора другому «старцу» Некрасову, а тотъ передалъ цензору. Въ результатѣ была брань между нами, но цензоръ почувствовалъ себя гораздо болѣе въ моихъ рукахъ, чѣмъ я былъ въ его. Не только съ властями, но и съ товарищами принялся я воевать особымъ впрочемъ образомъ. Между нами завелся обычай рисоваться другъ передъ другомъ: одни рисовались пьянствомъ, другіе дѣйствительными или вымышленными своими любовными похождениями; я, безсильный конкурировать съ своими товарищами въ томъ и другомъ отношеніи, избралъ себѣ особый предметъ рисовки-превратностью своихъ мнѣній, что было нетрудно при моемъ постоянномъ домашнемъ чтеніи философскихъ книгъ. Теперь я, какъ значитса въ Дневникѣ въ началѣ Декабря, стараюсь выказать передъ товарищами свои ложныя мнѣнія и вступаю съ ними въ горячіе по этому поводу споры, съ товарищами, которые настолько умны, что могутъ спорить, но настолько глупы, что не понимаютъ, что я ихъ морочу. Опровергать ихъ основательныя доказательства тонкими софизмами теперь мое самое любимое удовольствіе. А они-то, дурачье, рты развѣвають и не могутъ меня опровергнуть. Я разсуждаю съ такими господами о вѣчной жизни, о нравственномъ долгѣ человѣка, и они считаютъ меня чуть не атеистомъ. А. Ц.—въ (нынѣ соборный протоіерей) назвалъ меня за то мизантропомъ. Мой умъ настолько однако запутался въ софистикѣ, что тутъ же, послѣ этого откровеннаго признанія, я сталъ софистически оправдывать себя. Это, говорю, не бѣда. «Вѣку философіи отчетливой, озаряемой сознаниемъ, говорить Риттеръ, обыкновенно предшествуетъ вѣкъ мнѣній шаткихъ, сопровождаемыхъ наклонностью къ софистикѣ, или, по крайней мѣрѣ, легкомысленнымъ сужденіемъ о религіи, нравственности, наукѣ. Если (продолжаю уже послѣ Риттера разсуждать самъ) можно сравнивать жизнь отдѣльнаго человѣка съ жизнью цѣлаго народа: то, безъ сомнѣнія, можно сравнивать и философствованіе каждаго индивидуума съ философствованіемъ цѣлаго народа, законы развитія у того и у другого. Если такая шаткость мнѣній предшествуетъ филосо-

фіи отчетливой, сознательной: мнѣ только того и хочется—достичь этой степени философствованія. Впрочемъ, заключаю свое разсужденіе, не ложно ли и Риттеромъ выведена мысль? Впрочемъ, если и ложно, тоже не бѣда и все въ силу тѣхъ же вышеприведенныхъ соображеній. Но самый строгій анализъ обращается на самого, какъ на наиболѣе безтактный объектъ. Замѣчаю, что на инспекторскомъ класѣ изъ Библейской Исторіи продолжаю молиться, когда инспекторъ уже окончилъ молиться; упрекаю себя въ гнусномъ лицемѣрїи, а потомъ подозреваю, не становлюсь ли на ходули и въ самомъ этомъ самообличенїи, и заканчиваю: «надобно какъ можно чаще и строже анализировать себя».

Подходили Рождественскіе экзамены. Дѣла по логикѣ и сочиненіямъ были въ отличномъ положенїи, а потому и по латыни стояли у меня тоже пятерки. По Церковно-библейской исторіи я зубрилъ не хуже учениковъ перваго пятка; но инспекторъ, подозревая, должно быть, во мнѣ отсутствіе должнаго смиренія, ставилъ мнѣ только четверки, черезъ что моя семинарская обида накапливалась еще болѣе. По остальнымъ предметамъ я, какъ и прочіе, совсѣмъ не занимался, и единственный разъ, спрошенный по Св. Писанію, отвѣтилъ при помощи подсказыванія симпатичнаго своего товарища Виноградова (окончившаго потомъ курсъ въ Духовной Академіи и достигшаго мѣста учителя въ женской гимназіи). Тѣмъ не менѣе за Св. Писаніе получилъ я высшую отмѣтку. За то Степанъ будущему университетскому студенту поставилъ за естественную исторію единицу. Въ началѣ Декабря я подводилъ итогъ своимъ знаніямъ. Я почти ничего не узналъ за эти три мѣсяца. Логикѣ только порядочно знаю. Изъ записокъ на Св. Писаніе ничего не знаю. Изъ Русской исторіи по Устрялову тоже ничего не знаю. А о физикѣ естественной и языкахъ и говорить нечего. Хотя и обдержался я, по привычкѣ къ экзаменамъ, а все какъ-то жутко. А между тѣмъ, чѣмъ бы готовиться къ экзаменамъ, я читалъ Исторію философіи Риттера и дѣлалъ изъ нея выписки, чигалъ Опытъ науки философіи Надеждина съ выписками же, а также и Белюстина о сельскомъ духовенствѣ съ еще болѣе обширными извлеченіями. Впечатлѣніе отъ книги «Описаніе сельскаго духовенства», напечатанной за границею, было потрясающее. Я не въ состоянїи даже былъ дать своего отзыва объ этой книгѣ, а только перефразировалъ слова самого о. Белюстина, автора этой книги: «Да будетъ въ вѣчномъ благословенїи память твоя, нелицемѣрный іерей Бога Вышняго. Всѣми благами неба да воздастъ тебѣ Спаситель за то, что ты не убоялся сказать слово правды, за то, что не убоялся указать средства исправить духовенство и обличилъ волковъ въ овечьей шкурѣ». Далѣе шли совершенно противоположныя пожеланія по адресу этихъ волковъ. Между тѣмъ Озеровъ задалъ экспромтъ на тему: «можно ли согласиться съ

мыслью о предсуществованіи душъ?» и объщаль по этому опыту судить о прочихъ сочиненіяхъ. Я поднялъ на ноги Индійскую философію, Платона и школу Вольфа и на теперешній свой взглядъ написалъ болѣе, чѣмъ удовлетворительно, ибо помимо логики обнаружилъ начитанность въ философіи. Озеровъ нашель это сочиненіе только удовлетворительнымъ. Черезъ сутки послѣдовалъ экзаменическій экспромптъ на текстъ изъ Сираха, гдѣ Премудрый уподобляетъ общеніе съ гордымъ соприсовеніемъ со смолою. Экспромптъ этотъ, вѣроятно, никѣмъ не былъ читанъ, по крайней мѣрѣ не возвращенъ намъ. Затѣмъ заданъ былъ другой экзаменическій экспромптъ на тему: «какъ согласить то, что Іовъ, образецъ терпѣнія и преданности къ Богу, проклялъ день своего рожденія?» Судьба и этого экспромпта осталась для насъ неизвѣстною.

Передъ самымъ экзаменомъ произошло у меня не совсѣмъ мирное объясненіе съ Кедрскимъ по поводу одного изъ младшихъ моихъ родственниковъ. Еще въ Октябрѣ Кедрскій пригласилъ меня къ себѣ съ кѣмъ-то изъ моихъ товарищей за полученіемъ отъ него прежнихъ нашихъ, несданныхъ еще имъ, сочиненій.

Когда товарищъ мой ушелъ, Кедрскій сталъ меня спрашивать: — N. N. вамъ родственникъ? — Да. — Какъ онъ вамъ доводится? Я назвалъ степень родства. — Почему онъ иногда неисправенъ? Я старался, сколько могъ, объяснить его неисправность и оправдать его. — Если вы имѣете на него какое-либо вліяніе, продолжалъ Кедрскій, посоветуйте быть ему поисправнѣе, а я съ своей стороны займусь съ нимъ въ память вашу. Передъ экзаменами профессора какъ-то заигрываютъ со мною. Слышу черезъ племянника Озерова: Озеровъ хвалить васъ Писареву, а Писаревъ очень хвалить васъ Озерову. Слышу это и предчувствую повтореніе весенней исторіи. Отличнѣйшія похвалы и обходъ нѣсколькими листами по списку. Какъ-то ожесточаюсь и накидываюсь на Кедрскаго. — Алексѣй Васильевичъ, скажите, пожалуйста, какимъ вы представили моего родственника?—Первымъ во второмъ разрядѣ, т. е. 26. — Что же такъ низко? — Вотъ, вѣдь, говорилъ вамъ, смотрите за нимъ: неисправно велъ себя, передъ экзаменомъ не ходилъ въ классъ.—Развѣ это преступленіе, не ходить въ классъ?—Преступленіе не преступленіе, а все-таки мнѣ не удалось спросить его на повтореніи. Я не знаю, какъ онъ знаетъ. Я покраснѣлъ отъ досады и, не дослушавши его, ушелъ отъ него: такъ это меня взбѣсило. А все надѣлалъ это Пастрана-Яшагъ. Онъ представилъ его 59-мъ. Я сказалъ Павлу, что изругаю его родственника, какъ только гдѣ нибудь встрѣчу его. Да, кажется, пора разстаться и съ Павломъ-то. Заступаясь за другихъ, себя я однако чувствовалъ весьма плохо приготовленнымъ къ экзаменамъ. Надо уже помолиться поусерднѣе Богу: сколько разъ черезъ это

избавлялся я отъ непріятностей, а особенно по части ученья. Находя одинъ свой экзаменическій экспромптъ хуже, чѣмъ другой, замѣчаю: вотъ что значить Богу-то не помолиться предварительно. Передъ самымъ экзаменомъ, вечеромъ и утромъ, я очень усердно молился, а по дорогѣ въ Семинарію даже заходилъ къ Иверской иконѣ Божіей Матери. По Св. Писанію ректоръ, не вызывая меня къ экзаменаціонному столу, поднялъ меня только на «возраженіе», вѣроятно, по поводу Иова. Не посылается ли когда на человѣка несчастье, чтобы въ этомъ явилась слава Божія? Нѣтъ ли въ Новомъ Завѣтѣ указанія на какое-либо событіе въ этомъ родѣ.—Такой случай былъ со слѣдпорожденнымъ, исцѣленнымъ Иисусомъ Христомъ, отвѣчалъ я. — Хорошо, сказалъ ректоръ, чѣмъ и ограничился для меня экзаменъ изъ Св. Писанія. Изъ Церковно-библейской Исторіи совсѣмъ меня не спросили. Мой отвѣтъ изъ логики ректоръ прервалъ вопросомъ, въ видѣ «возраженія»: Что такое законъ и форма? И послѣ моего удовлетворительнаго отвѣта, сказалъ «хорошо», и поставилъ 5. На экзаменъ по второстепеннымъ предметамъ я махнулъ совсѣмъ рукою, услыжавъ, что Озеровъ представилъ меня не первымъ, а третьимъ. Тѣмъ не менѣе по Русской Исторіи былъ скромень и отвѣчалъ не по учебнику, а по прежнимъ своимъ домашнимъ источникамъ, Карамзину и др. Экзамену изъ Русской Исторіи предшествовала отправка депутаціи къ симпатичному, слабому до женственности, большому И. В. Бѣляеву. Депутатами были: я и Куняевъ, превосходно занимавшійся по Русской Исторіи. Предметомъ просьбы нашей было спрашивать не съ начала Русской Исторіи, а съ княженія Ярослава, хотя, казалось бы, слѣдовало, по трудности удѣльнаго періода, просить наоборотъ. Милый Илья Васильевичъ «расплакался», но согласился на нашу просьбу, а прийдя затѣмъ въ классъ сталъ упрекать всѣхъ насъ: Г-да, какъ вамъ не стыдно присылать депутатовъ? И кого же прислали? Куняева, Гилярова!

И. В. Бѣляевъ, помимо высокихъ своихъ личныхъ достоинствъ, былъ однимъ изъ любимѣйшихъ учениковъ Н. П. Гилярова въ Моск. Дух. Академіи. Когда отвѣчалъ я по Русской Исторіи и нѣсколько замѣлся въ отвѣтъ на вопросъ о памятникахъ древней литературы (чего въ учебникѣ, однако, не было), Павелъ вскочилъ со скамьи и заявилъ себя готовымъ отвѣтить на это. Подобное же продѣлалъ онъ, когда Куняевъ позабылъ, кому, по смерти Ярослава, достался Переяславль. Такъ какъ я и Куняевъ были по общему признанію наилучшими учениками по Русской Исторіи, то выходка Павла особенно на экзаменѣ-то показала намъ несоотвѣтственность школьнымъ понятіямъ о чести. Павелъ, какъ профессорскій родственникъ, а потому и безъ того въ привилегированномъ положеніи, позволилъ себѣ эту выходку, окончательно прояснилъ

мнѣ, что «честнымъ» товарищемъ онъ быть не можетъ. — Ты переялъ славу у Куняева, сказалъ я ему, намекая на преданіе о построении Переяславля. Павелъ отвѣтилъ мнѣ на эту невинную выходку какою-то дерзостью, очевидно чувствуя двойную неблаговидность своего поступка передо мною, не только, какъ товарищемъ вообще, но и его личнымъ другомъ. Съ тѣхъ поръ мы окончательно разошлись.

На экзаменъ изъ необязательнаго Французскаго языка я совсѣмъ не пошелъ. Въмѣсто Кирьякова, Французскій языкъ преподавалъ св. П. А. Преображенскій. Вызываютъ меня, и на отвѣтъ «нѣтъ» Преображенскій жалуется инспектору:—Вотъ, записался, а въ классъ никогда не ходитъ. Я очень за то на него озлился. Теперь удивляюсь: П. А. Преображенскій былъ въ высшей степени почтенный профессоръ и превосходный человѣкъ. Между прочимъ онъ-то именно, при моемъ поступленіи въ Университетъ, добылъ отъ какого-то благотворительнаго общества 25 р. с. для взноса за слушаніе мною лекцій, чего не могъ сдѣлать ни братъ, ни Н. П-чъ, хотя передъ тѣмъ я безъ усталы работалъ на него бесплатно полтора года. Въ ближайшіе святки я сидѣлъ за Французскимъ языкомъ, обращаясь за помощью къ одной изъ старшихъ сестеръ. А все таки укоръ Преображенскаго былъ вполне справедливъ.

Послѣ всѣхъ надеждъ и опасеній, мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что Озеровъ представилъ меня третьимъ, а по общему списку меня помѣстили пятымъ. Это былъ большой успѣхъ. Въ реторикѣ по послѣднему общему списку я былъ шестымъ, стало-быть при трехъ параллельныхъ классахъ 16—18-мъ, а теперь, при двухъ только параллельныхъ классахъ, 9—10. Въ слѣдующее полугодіе я приложу всѣ свои силы къ сочиненіямъ, чтобы Озеровъ представилъ меня по крайней мѣрѣ вторымъ. Буду заниматься и по прочимъ предметамъ. Посмотримъ, что будетъ. На публичномъ экзаменѣ митрополитъ выслушалъ только высшее отдѣленіе и уѣхалъ, предоставивъ доканчивать экзаменъ викарному архіерею; а тотъ кое-какъ его свертѣлъ, и меня не спросили.

Въ день публичнаго экзамена у меня произошелъ продолжительный разговоръ съ Е. Н. Шавровымъ, уяснившій мнѣ, какой опасности подвергалась участь моя два съ половиной часа тому назадъ и насколько я обязанъ ему, Шаврову. Я подошелъ къ Шаврову и спросилъ его:—Егоръ Николаевичъ. Хорошо ли занимается у васъ N.N, мой родственникъ? —Ничего, очень недурно, отвѣчалъ Шавровъ.—А какимъ вы его представили?—Я списки не представлялъ; да со мной что-то нынче изъ молодыхъ профессоровъ никто и не совѣтуется. А я ужъ такъ привыкъ съ пернаго разу опредѣлять человѣка. Вотъ въ Коммерческомъ Училищѣ (Шавровъ, кромѣ Семинаріи, училъ и тамъ), какъ я скажу другимъ профессорамъ, что у такого-то ученика прекрасныя способности, такъ

и оказывается. Мнѣ сдѣлалось жалко старика, и частію по убѣжденію, частію, чтобы доставить удовольствіе своему благодѣтелю, я замѣтилъ: —И немудрено. Кто имѣетъ способности и прилежаніе къ математикѣ, тотъ во всякомъ учебномъ заведеніи долженъ быть на хорошемъ счету. Только тотъ и можетъ писать логично, кто упражняется въ математику: тутъ постоянно ссылаешься на предшествовавшія доказательства. — Вотъ теперь и про васъ хотъ сказать, перебилъ меня Шавровъ, когда васъ перевели сюда изъ училища, я прямо сказалъ А. В. Кедрскому: «обрати, братецъ, на него вниманіе». — Я глубоко вамъ благодаренъ: вы не только здѣсь поддерживали меня, но вы же, какъ мнѣ извѣстно, настояли, чтобы меня перевели изъ училища въ Семинарію. — Да, подтвердилъ Егоръ Николаевичъ. Тогда ректоръ хотѣлъ васъ или исключить, или вывести, а инспекторъ настаивалъ на исключеніи; но я замѣтилъ тогда еще на экзаменѣ, что у васъ хорошія способности и не соглашался на исключеніе васъ. Кстати: знаете ли вы, какое различіе между способностями и дарованіями? Не догадываясь объ остротѣ всегда остроумнаго Шаврова, я отвѣчалъ сердечно: Способности гораздо общѣе дарованій. — Ну да. А у насъ въ семинаріяхъ не такъ считается. Знаете, былъ ректоръ Наваинаилъ. Писалъ онъ съ профессорами списокъ и хотѣлъ ученика съ плохими способностями записать очень высоко. Профессора не соглашались и замѣчаютъ, что по способностямъ своимъ ученикъ не стѣбитъ такого мѣста. — Знаю я, что способности его плохи, отвѣчаетъ ректоръ, но за то дарованія хороши. А отецъ этого ученика дарилъ ректора. Намекъ Шаврова былъ достаточно ясенъ. — Егоръ Николаевичъ Свѣтовидовъ тоже очень любилъ въ училищѣ дарованія. Онъ за то и не хотѣлъ меня вывести, что отецъ мой, прежде дарившій его, на этотъ разъ передъ моимъ экзаменомъ не сдѣлалъ этого.

Шавровъ подошелъ къ профессорамъ Преображенскому, Озерову и Кедрскому и, смѣясь, сталъ имъ что-то рассказывать, должно быть окончаніе нашего разговора. Отъ профессорской группы отдѣлился Кедрскій и подошелъ ко мнѣ. — Что вы сердитесь, кажется, на меня, что я низко записалъ вашего родственника? обратился онъ ко мнѣ. — Ни мало, отвѣчалъ я съ плохо сдерживаемой обидой; мнѣ только страннымъ показалось, что у него такія хорошія сочиненія, а записанъ онъ такъ низко. — Да онъ лекціи плохо училъ. Вотъ и на экзаменѣ плохо отвѣтилъ. — Онъ получилъ четверку... Какое—четверку, 3! Еще ректоръ сказалъ мнѣ: «это, видно, не тотъ Гиляровъ». Да еще упрекнулъ меня: «высоко вы его записали». А я говорю: «въ память того Гилярова такъ записалъ». — Но вѣдь экзамены у насъ ничего не значатъ, продолжалъ горячиться я противъ горячо любимаго мною «Ленечки»: главное дѣло сочиненія, а они у него, какъ я видѣлъ, были очень хорошія. — Да,

толкуйте: а сочиненія-то у него могли вы поправлять. Я, Алексѣй Васильевичъ, считаю подлостью подать чужое сочиненіе...—Да я и не про васъ говорю. Говорю только то, что вы могли поправлять ему сочиненія. И онъ подозрительно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза своими зеленовато-сѣрыми глазами.—Я не поправляю ему. Онъ учился сочинять въ вакацію.

Теперь, почти черезъ сорокъ лѣтъ, списывая буквально эту бесѣду изъ своего Дневника, записанную въ тотъ же день, снова проникаю глубокою благодарностію къ незабвенному Кедрскому. Во время бесѣды съ Кедрскимъ къ намъ подошелъ Озеровъ. — Константинъ Семеновичъ! обратился къ Озерову Кедрскій, любовно указывая глазами на меня. Поругайте его за то, что онъ плохо учитъ своего родственника.—Да онъ и самъ-то прескверно учится, неудачно сострилъ Озеровъ.— Константинъ Семеновичъ! перебилъ я его: скажите, пожалуйста, какимъ вы меня представили?—Въ концѣ 2-го разряда, продолжалъ упорствовать Озеровъ. — Что же такъ высоко? Въ отвѣтъ на это профессоръ философіи захохоталъ.

Послѣ этого я набросился на П. А. Преображенскаго и долго спорилъ съ нимъ, чтобы онъ освободилъ меня отъ добровольно принятаго мною на себя обязательства учиться Французскому языку. Преображенскій не согласился. «Но я (храбрится авторъ Дневника) все таки, наперекоръ ему, не стану ходить въ классъ Французскаго языка». Попытка къ остроумію Озерова, всегда молчаливаго и мрачнаго, мнѣ очень понравилась. Во время публичнаго экзамена говорю кому-то изъ товарищей: «философы будутъ рѣзаться».—Кто говоритъ, что «философы будутъ рѣзаться»? спрашиваетъ Озеровъ, проходя мимо насъ и поймавъ мою фразу.—Я сказалъ, отвѣчаю я.—А я вотъ чѣмъ, если будутъ рѣзаться, сказалъ Озеровъ, показывая свой кулакъ.

Когда окончился у философовъ публичный экзаменъ, я подошелъ къ Озерову.—Вотъ вы, говорю, Константинъ Семеновичъ, боялись, что мы не отвѣтимъ. А видите какъ отлично отвѣтили.—Еще бы! Одну четвертку-то спросилъ. Я вѣдь не зналъ, что такъ будутъ спрашивать. Ишь какой викарный-то, словно угорѣлый.— А ты-то зналъ объ умозаключеніяхъ?—Зналъ.—Ну-ка читай. Не знаю, что со мною сдѣлалось; вѣроятно, ученическое чувство, заснувшее было съ окончаніемъ даже публичнаго экзамена, совершенно неожиданно, врасплохъ, было захвачено. Однако я тотчасъ же вспомнилъ начало лекцій и зачитаю.—Ну, будетъ, ъдетъ. И Озеровъ захохоталъ.

Конечно, Озеровъ, какъ и мы, ликовалъ, что страшный публичный экзаменъ съ Филаретомъ такъ благополучно прошелъ при «угорѣломъ», викарномъ архіерей. Викарный архіерей, по отъѣздѣ митрополита, пе-

респросилъ изъ богословскаго класса очень многихъ и въ безпорядкѣ. Мы думали, что и у насъ въ философіи произойдетъ тоже. Вызвали четверыхъ по Св. Писанію; тѣ отбарабанили всю книгу Іова, что было назначено къ публичному экзамену. Мы ожидали, что примутся затѣмъ спрашивать изъ книги Псалмовъ, изъ которой мы не готовились. Сердце у насъ замерло отъ страха. Я молился Богу и обѣщался дать нищимъ 10 к. с.—Чтобъ, Гиляровъ, попался? спрашиваетъ меня Шавровъ. Смотри, не упади въ обморокъ — Я нарочно упаду, чтобы не отвѣчать, говорю я. — Ну чтожъ субъинспекторъ выведетъ за руки. Однако страхъ нашъ былъ неоснователенъ: по Св. Писанію ограничились книгою Іова; по логикѣ спросили двухъ, по Библейской исторіи, двухъ и только. Послѣ я въ семинарскомъ правленіи прочиталъ свою атестацію по главнымъ предметамъ: по Св. Писанію представленъ 5-мъ «оказалъ весьма хорошіе успѣхи». По Библейской исторіи 13-мъ «занимался хорошо». По логикѣ 3-мъ: «занимался и успѣвалъ отлично, хорошо, при прилежаніи весьма ревностномъ и способностяхъ весьма хорошихъ». По-гречески 5-мъ: «весьма хорошо успѣвалъ». Физика и естественная исторія 20-мъ: «успѣвалъ хорошо». Но по физикѣ я совсѣмъ не былъ спрошенъ, а по естественнымъ наукамъ получилъ единицу только.

Д р у з ь я.

Отецъ мой былъ очень горячъ, почти до самозабвенія. Въ такіи минуты онъ способенъ былъ обидѣть и близкаго человѣка. Но въ тоже время онъ вовсе не былъ злопамятенъ, напротивъ, какъ нельзя болѣе отходчивъ. Въ половинѣ Сентября онъ страшно разсердился на Владимира за куренье табаку: «онъ язва, пріучаетъ-де и моихъ къ куренію». Это было правда. Но, конечно, Сергѣй Петровичъ*), при своей политичности, и сотой доли того не позволилъ бы со мною. Владимиръ понималъ горячность отца, и на сей разъ изгнанный, черезъ нѣсколько недѣль явился такимъ же у насъ полноправнымъ членомъ семьи; но только онъ уже болѣе не жилъ у насъ, а нашелъ себѣ урокъ съ квартирою и столомъ у попа на Дорогомиловскомъ кладбищѣ, и отецъ же мой объяснилъ Владимиру, что семинарская кличка этого попа была «клюква». На первыхъ же порахъ Владимиръ поселился у «Дмитровскихъ». Изгнаніе Владимира сильно разстроило меня, и я далъ ему «взаимы» 3 р. с. Читатель удивится, откуда взялись у меня деньги. Очень просто. Ихъ я выручилъ отъ продажи кому-то семинарскихъ риторическихъ лекцій, ставшихъ для меня болѣе ненужными. Впослѣдствіи, отецъ, узнавъ о такой продажѣ, очень сердился на меня; но я считалъ себя правымъ: вѣдь лекціи не были куплены для меня, а мною самимъ переписаны у

*) Т. е. дядя автора, братъ его отца, Александра Петровича. П. Б.

товарищей. Я продалъ только свой трудъ, хотя, конечно, лекціи эти могли послужить для моихъ младшихъ братьевъ.

Желая помочь Владимиру, я на другой день по его изгнаніи отправился вмѣстѣ съ нимъ къ В. И. Гр-ву попросить его, не передастъ ли онъ свой урокъ Владимиру; но Гр-въ уже обѣщаль этотъ урокъ своему двоюродному брату. Препжній пріятель очень обрадовался моему приходу, угощаль насъ ромомъ. «Охъ, вино, вино, вино, восклицаетъ по этому поводу Дневникъ, погубить оно, когда нибудь меня: опасеніе, къ счастью, оказывающееся пока излишне-подозрительнымъ. Гр-въ, когда мы по уходѣ Владимира гуляли по Патріаршему пруду, горько жаловался на свое одиночество и не разъ вспоминалъ наши препжнія отношенія. «Да я бы и самъ, замѣчаетъ Дневникъ, не радъ былъ этому разрыву, если бы Гр-въ былъ немножко хотя по нравственнѣе».

Возобновленіе отношеній съ Гр-мъ было такъ соблазнительно, что къ Павлу я совсѣмъ въ это время охладѣлъ. Почему, однако? Едва ли эти отношенія отравлялись завистью къ незаслуженному предпочтенію, оказываемому въ спискѣ «профессорской» роднѣ; скорѣе всего Павелъ былъ для меня слишкомъ безвкусенъ, хотя онъ былъ несомнѣнно очень хорошій человѣкъ. Женщины поймутъ меня: онъ весьма часто отказываютъ въ своей симпатіи весьма хорошему человѣку только вслѣдствіе ощущенія чего-то прѣснаго въ своемъ обожателѣ: пусть будутъ въ немъ даже крупныя недостатки, лишь бы были рѣзко очерченныя достоинства. Такъ вѣдь, сударыня? Вѣрно, вѣрно.

Но алканіе «хорошаго общества» продолжало меня тянуть къ Павлу. Павла тоже коснулась струя новыхъ идей. У него я списалъ статью Герцена «Права Русскаго народа», произведшую на меня сильное впечатлѣніе; не только тогда, но и впослѣдствіи я всегда очень высоко цѣнилъ Герцена, какъ весьма оригинальнаго сильнаго стилиста.

Но дружба съ Павломъ все-таки увяла до Рождества, и мнѣ остался только одинъ Владимиръ. Но и Владимиръ горько разочароваль меня, хотя черезъ то я не пересталъ его любить. Дѣло было такъ.

Въ концѣ Октябры я, съ «20 коп. сер., совершенно счастливый, вышелъ изъ дому, намѣреваясь идти въ Большой театръ на Аскольдову Могилу. Билета я не нашель, не только въ кассѣ, но и у барышниковъ (охъ, эти барышники!) Это непріятно подѣйствовало на меня; мимо меня ѣхали сравнительно со мною богачи, а я долженъ былъ возвращаться домой. Съ горя пошелъ я на Цвѣтной бульваръ «наблюдать нравы и нравственность Москвитянъ», долго ходилъ и прислушивался, долго слышалъ разныя бульварныя фразы. Вамъ холодно? спросила меня одна «дама».—Да, отвѣчалъ я простодушно, потому что достаточно уже окоченѣлъ, не смотря на свой «собачій воротникъ». Тогда «дама»

эта сказала такую фразу, о которой авторъ Дневника замѣчаетъ: «Согласитесь, такая фраза, верхъ безстыдства, должна была забѣсить мало-мальски порядочнаго человѣка».... Мною овладѣла какая-то грусть, досада, презрѣніе не столько къ этимъ «дамамъ», сколько къ мужчинамъ главнымъ виновникамъ, къ мужчинамъ богатымъ, ибо бѣдные мало виноваты въ этомъ.

Вдругъ встрѣчаю тутъ Владимира, который на моихъ глазахъ (продолжаю словами Дневника) «увлекся» и отправился къ одной дамѣ на квартиру. Я сталъ дожидаться на бульварѣ. Когда онъ возвратился назадъ, я вѣрилъ и не вѣрилъ тому, что онъ рассказывалъ. А жалко, отъ души жалко мнѣ его, если правда то, что онъ говорилъ о своемъ визитѣ. Когда онъ оставилъ меня, я мысленно молился за него. Съ грустью на сердцѣ пришелъ я вмѣстѣ съ нимъ на Дмитровку къ А. П. Смоленскому (нашему благородному дядѣ), у котораго онъ жилъ. Владимиръ сталъ показывать мнѣ человѣческія кости, по которымъ онъ изучаетъ остеологію; я разсматривалъ ихъ, а грусть больше и больше овладѣвала мной. Къ чести моего покойнаго друга замѣчу, что онъ не прочь былъ и похвалиться своимъ геройствомъ, поморочить меня. И на сей разъ не подурчилъ ли только онъ меня?....

Разскажу кстати другой случай моего отношенія къ «благамъ міра сего», когда я проводилъ время, какъ матеріалистъ.

Въ концѣ Ноября, въ Воскресенье, возвращаюсь я часу во 2-мъ дня отъ брата Петра. Иду по Кузнецкому мосту и встрѣчаю по дорогѣ «людей міра сего» въ каретахъ и коляскахъ. Я иду въ шинели съ воротникомъ «цѣннаго бобра», въ худыхъ сапогахъ и т. д., безъ единой копѣйки въ карманѣ, только съ нѣсколькими книгами подъ мышкой; а въ окнахъ магазиновъ выставлены на показъ золотыя и серебряныя издѣлія, дорогіе ковры, картины, платья; а въ другихъ окнахъ оптическіе и физическіе инструменты, анатомическіе препараты. Все это привело меня къ грустнымъ мыслямъ. Я соблазнился: буду, думалъ я, трудиться 20—30 лѣтъ, не буду ночей спать, чтобы хоть подъ старость насладиться всѣми этими «благами міра сего». Положимъ, продолжалъ я разсуждать дальше, я буду усиленно трудиться; но вѣдь все таки не достигну богатства. Богатство какъ-то идетъ только къ богатству же. Пуститься развѣ въ аферы? Но для этого тоже нужны деньги. Развѣ завернуться въ философскую тогу, смотрѣть съ презрѣніемъ на эту толпу матеріалистовъ, или совсѣмъ закрыть на нихъ глаза, заняться исключительно науками? Но гдѣ опять таки и на это взять денегъ? Вѣдь безъ гроша въ карманѣ нельзя сдѣлаться даже и ученымъ.... Я проходилъ мимо окна одного магазина; у окна сидѣли повидимому прехорошенькія модистки. Я плохо ихъ разсмотрѣлъ; хотѣлъ было другой

разъ пройти мимо окна, да махнулъ рукой и пошелъ домой, грустный, грустный. Впрочемъ я часто отворачиваюсь, когда даже и по улицѣ-то проходить мимо меня какая-нибудь хорошенькая женщина. Приближеніе такой особы я узнаю по запаху, именно по запаху, по какому-то чутью. Зачѣмъ искушать себя? Правъ ли я, покажетъ время. А вѣдь молодъ еще я, странныя у меня понятія.... А вѣрное и дешевое средство противъ всѣхъ подобныхъ напастей было подъ руками. Я и ухватился за него. «До того (записываю) эти дни занимался, что голова просто затрещала. При этомъ съ чувствомъ гастронома радуюсь. А вѣдь хорошо такъ постоянно заниматься! Ни одна гнилая мысль не ползаетъ въ голову. Хотя и опошлено выраженіе: праздность есть мать всѣхъ пороковъ, а какъ нельзя больше справедливо.

Два раза въ это учебное полугодіе предстояло мнѣ новое удовольствіе — танцы. Танцамъ я учился у Наумовыхъ и въ то время еще помнилъ фигуру Французской кадрили. Оба «бала» случились въ Ноябрь. Одинъ разъ собрались къ намъ зять съ женою, братъ Петръ, Владимиръ, П. С. Соколовъ и три Ивановскихъ поповны. Всѣмъ, кажется, было довольно весело. Танцовали. Меня почти насильно заставили протанцовать одну кадрили. Не очень-то мнѣ хотѣлось заниматься выплясываніемъ по полу ногами разныхъ эквивокъ. Мнѣ казалось это чѣмъ-то унижительнымъ для моего человѣческаго достоинства, особенно, когда это не сопровождалось для меня ни малѣйшимъ удовольствіемъ. Но тутъ же юный фарисей пускается въ анализъ. А если это взвѣсится повнимательнѣе, не окажется ли, что тутъ «очищаю внѣшнія скляницы и блюда», фарисействую? Неужели такая пустая забава можетъ унижать человѣческое достоинство? Можетъ, кажется, если въ другихъ отношеніяхъ мы ногами его не попираемъ. А если мы такъ во многомъ худы, врядъ ли что прибавится отъ такихъ пустяковъ. Хотя и смѣшно, когда трубочистъ говоритъ «не замарай», все же много пустоты въ головѣ у тѣхъ, кто занимается подобными плясками. Въ другой разъ я уже прямо ожесточился, когда Владимиръ и Ивановскіе заставили меня протанцовать двѣ кадрили.

Вмѣсто танцевъ мнѣ хотѣлось бы воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы сблизиться съ П. С. Соколовымъ, который уже тогда предполагалъ идти въ Духовную Академію.

Отъ Владимира узнаю о студенческой исторіи съ профессоромъ сравнительной анатоміи Варнекомъ. Естественно провожу параллель между Университетомъ и Семинаріею. «Надо ожидать, записываю въ Дневникъ, что требованіе студентовъ будетъ исполнено. Почему же у насъ не отнимутъ каеэды Св. Писанія у Писарева? Потому что у насъ во всемъ проповѣдуется смиреніе, смиреніе и смиреніе, терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе.

«Лекціи» Писарева оказываются тѣмъ между прочимъ виноваты, что тамъ набросано нѣсколько поверхностныхъ замѣтокъ. Таковы, напр., записки на книгу Псалмовъ, гдѣ находится изложеніе содержанія и истолкованіе нѣсколькихъ только псалмовъ. Различіе между «казаться» и быть впервые прочитано мною въ его брошюрѣ, подаренной имъ мнѣ пять лѣтъ тому назадъ съ надписью.

Въ концѣ Ноября Владимиръ сообщаетъ мнѣ: ходятъ слухи, что начальство хочетъ закрыть Университетъ. «Это худо», замѣчаю въ Дневникѣ. О комъ жалѣю? О Владимирѣ ли одномъ? Не гнѣздится ли гдѣ подъ спудомъ, въ безсознательныхъ родникахъ души, темное чувство, что дѣло Университета мое дѣло?.. Черезъ нѣсколько дней новыя вѣсти: «Говорятъ, будто бы совѣтъ Университета вслѣдствіе возмущенія студентовъ 1-го курса Медицинскаго факультета уволилъ 7 студентовъ, 35 велѣлъ самимъ уволиться, а остальнымъ дозволяетъ окончить курсъ съ условіемъ получить на экзаменѣ не меньше 4 балловъ. Въ какую-то категорію попалъ Владимиръ? Ахъ, бѣдный, жалко его!» На другой день новыя слухи: «Говорятъ, будто бы начальство Университета хочетъ во всемъ поступить согласно желаніямъ студентовъ»: Наконецъ Владимиръ сообщаетъ, что университетское дѣло рѣшено: онъ остался въ Университетѣ, давъ подписку во всемъ повиноваться начальству. 10 человекъ исключено. Но изъ оставленныхъ съ условіемъ дать такую подписку, многіе (передаю рассказъ Владимира, уже въ собственной переработкѣ) по какой-то странной мысли о чести, подали просьбу объ увольненіи. Ребячество.

Отношенія мой съ старшимъ братомъ упрочивались, но пользы мнѣ никакой не приносили. Скорѣе наоборотъ, какъ то ни странно: я сталъ приносить ему посильную пользу, ему, такому сравнительно съ нами богачу. Какъ-то въ Октябрѣ, былъ я и ночевалъ у брата. Надежда Михайловна, женщина добрая, сочувствовала моей бѣдности и съ радостью передала мнѣ слѣдующій разговоръ брата съ ней. — Надя, говорилъ братъ: какъ бы я желалъ имѣть такую шинель, какъ у Федора. — Ну, вотъ: позавидовалъ лысый плѣшивому, отвѣчала моя покровительница. — Погоди, замѣтилъ братъ. Если будутъ деньги, такъ я къ Рождеству сдѣлаю себѣ новую енотовую шубу, а тогда мѣхъ со старой отдамъ Федору. Сообщая эту радостную новость, оптимистъ, авторъ Дневника, не удержался отъ восклицанія: «Важно, братъ Федюха, защеголяемъ». Но радость эта была неосновательна. 31 Декабря помѣчаю: «Шубу Петръ и теперь носить и, Богъ знаетъ, когда сошьетъ новую, а старый мѣхъ отдастъ мнѣ». Не знаю почему, но мѣхъ такъ бо мнѣ и не поступилъ. Только уже въ Университетѣ я приобрѣлъ на толкучкѣ пальто на бараньемъ мѣху. Замѣчу кстати здѣсь, что уже два года авторъ Дневника

постоянно жалуется на «сильный» упорный кашель и опасается «серьезныхъ послѣдствій» вмѣсто всякихъ лѣкарствъ утѣшаясь, должно быть, только докторскою высокопарностью фразъ, характеризующихъ его болѣзнь.

Въ Октябрѣ снова прихожу къ Петру. Надежда Михайловна каждый разъ разстраиваетъ меня жалобами на расточительность брата. Грустно. Мы живемъ, перебиваясь со дня на день, а онъ кутитъ. И на этотъ разъ ночевалъ я у брата и радовался, что онъ со дня на день обходится со мной дружественнѣе.

Тутъ я сдѣлалъ коммерческій оборотъ. Гусаръ Любимовъ обѣщаль подарить мнѣ человѣческой скелетъ. И вотъ на другой день послѣ ночевки у Петра, я отправился на квартиру отца гусара за этимъ скелетомъ. Скелетъ полученъ и привезенъ домой. Тутъ я размечтался. «Я продамъ скелетъ, а на вырученныя деньги куплю себѣ часы». О мечты, мечты! А вѣдь иногда очень пріятно и помечтать, особенно, когда жизнь-то не очень усыпана цвѣтами. Но не разочарованіе ли это? Нѣтъ, не разочарованіе, а реальное знаніе жизни (употребилъ слово «реальное», самъ не зная, идетъ ли еще оно сюда). Лучше, какъ можно раньше узнать жизнь, чтобы потомъ, какъ можно меньше ошибаться, какъ въ людяхъ, такъ и въ самомъ себѣ. Дальнѣйшая исторія скелета состояла въ томъ, что, привезя его домой, я не зналъ куда его помѣстить. Комнатка, гдѣ я жилъ и спалъ съ братомъ, была очень мала: письменный столикъ, диванъ и два стула занимали ее всю. Куда дѣтъ скелетъ? Остается только два свободныхъ мѣста: зеркало изразцовой печи, гдѣ можно повѣсить скелетъ на душникъ, да внутренность Турецкаго дивана, на которомъ я спалъ. Попробовалъ я было спать надъ скелетомъ, попробовалъ повѣсить его на душникъ въ видѣ удавленника, то и другое было для меня невыносимо. Наконецъ удалось продать скелетъ черезъ Владимира за 2 р. с. И денегъ не видать было, куда разошлись.

Начинается мое маленькое вліяніе на брата Петра. Доселѣ, съ окончанія семинарскаго курса, я въ восемь лѣтъ ни съ книгою его не видалъ, ни разговора о книгѣ не слыхалъ. Онъ жилъ исключительно въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій. Въ половинѣ Ноября, навѣстивъ нашихъ, онъ беретъ меня съ собою, а я съ собою захватываю «Ревизора Гоголя». По дорогѣ онъ заводитъ меня въ трактиръ часу въ 12 ночи. Какъ въ трактирѣ, такъ и у него въ домѣ, мы вдвоемъ читали Ревизора. Въ какой уже разъ я читаю Ревизора, и каждый разъ принимаюся за него почти съ одинаковою охотою! Гоголь великій человѣкъ.

Въ началѣ Декабря мать проситъ меня ѣхать съ нею и съ сестрою къ Петру. Брата не оказалась дома. Маменька распорядилась уже и

чаемъ, когда возвратился самъ хозяинъ.—Ничего не видала маменька? прежде всего обратился онъ ко мнѣ шопотомъ.—Ничего, отвѣчалъ я, а самъ случайно увелъ мать и сестру въ другую комнату.

Тѣмъ временемъ Надежда Михайловна успѣла шмыгнуть къ до-
мовой хозяйкѣ черезъ сѣни. Тутъ я узналъ, что Петръ на дняхъ, часовъ
до двухъ ночи, читалъ журналъ Современникъ, присланный мною ему
черезъ зятя. Братъ просилъ меня доставить поскорѣ слѣдующій №: такъ
заинтересовала его статья «Откупное дѣло». Я былъ очень радъ про-
бужденію въ братѣ интереса къ литературѣ. Мать наша была довольна,
что я схожусь болѣе и болѣе съ братомъ, у котораго, по ея выраженію,
я изъ рукъ смотрю.

Но, увы, изъ рукъ брата смотрѣть мнѣ не пришлось. Скорѣ на-
оборотъ: черезъ меня сошелся онъ съ дядею Н. П-чемъ и, по уничто-
женіи старыхъ судовъ, сдѣлался его помощникомъ по редактированію
«Современныхъ Извѣстій». Братъ скончался 11 Августа 1876 г. отъ
прогрессивнаго параличнаго помѣшательства, и во время этого недуга
содержался полтора года на мой счетъ въ частной лѣчебницѣ, послѣ
чего на меня выпала опека его семьи.

Я былъ безъ мѣста во время болѣзни брата и отдавалъ въ лѣчеб-
ницу все получаемое на частныхъ урокахъ, остававшееся за покры-
тіемъ содержанія матери, сестеръ и брата, отказывая самому себѣ рѣ-
шительно уже во всемъ, кромѣ табаку. Болѣзнь, которою страдалъ мой
несчастный братъ, отличается прогрессивною маніею величія. Навѣщаю
я какъ-то его, отдаю директриссѣ больницы послѣднія свои крохи за
его содержаніе:—Я знаю, говорить мнѣ при этомъ братъ, тебѣ трудно
содержать мать и сестеръ. У меня много, очень много денегъ. Проси,
сколько тебѣ? Пяти милліоновъ будетъ? Мало? Ну, 10, 20, ну 100 мил-
ліоновъ? Я думаю, 100 милліоновъ довольно на первый разъ... Не хо-
чешь ли еще бриліантовъ? Сколько нужно отсыпать тебѣ четвери-
ковъ?... И онъ, дѣйствительно, далъ мнѣ нѣсколько мелкихъ клочковъ га-
зетной бумаги...

Но возвращусь къ нашимъ отношеніямъ съ братомъ въ 1858 году.

Во второй половинѣ Декабря братъ, получавшій казеннаго жало-
ванья 15 рублей въ мѣсяцъ, изъ коихъ долженъ былъ ежемѣсячно пла-
тить губернскому стряпчему (нѣчто въ родѣ теперешняго прокурора)
5 р., получилъ «благодарность» въ 200 рублей. Эта огромная сумма
вызвала въ моемъ Дневникѣ восклицаніе: «Ухъ»... и далѣе: «Братъ хо-
тѣлъ дать мнѣ денегъ для подписки у Полевого на журналы».

Я, дѣйствительно, получилъ отъ брата на библиотечную подписку
4 рубля. А такъ какъ залогъ у насъ оставался еще отъ прошлаго года,
а мать предложила мнѣ подписаться пополамъ съ нею, то мнѣ и при-

шлось истратить на подписку только два рубля: «теперь я и съ книгами и съ денежками».

Н и к и т а.

А что же Н. П. Гиляровъ? Завязавшіяся черезъ меня отношенія младшаго и старшаго брата начали приносить плоды. Дядя рекомендовалъ моего отца Желтухину, издателю «Журнала Землевладѣльцевъ», въ законоучителя для его дѣтей. Журналъ Желтухина былъ посвященъ крестьянской реформѣ, какъ и другой журналъ «Сельское Благоустройство», вышедшій въ видѣ ежемѣсячнаго приложения къ «Русской Бесѣдѣ» А. И. Кошелева. Черезъ знакомство съ Желтухинымъ отецъ вступилъ въ самое пекло современной великой реформы. Я радовался за отца во многихъ отношеніяхъ. «Тутъ и хорошее знакомство, и деньги. Ахъ, деньги, деньги!!» восклицала я, все болѣе и болѣе убѣждаясь въ гнетущей ихъ необходимости. Черезъ нѣсколько дней снова тоскую: «Грустна жизнь нашего семейства, доходы не покрываютъ расходовъ, а потому почти никто у насъ и не бываетъ. А развѣ прочіе духовные живутъ лучше? Это еще вопросъ. Гнетущій духъ Филарета старается держать бѣлое духовенство въ «черномъ тѣлѣ», какъ выражался самъ онъ. Чѣмъ бы сокровища монастырей, доходы отъ иконъ чудотворныхъ, отдавать хотя частію бѣлому духовенству, они поступаютъ къ монахамъ, не имѣющимъ дѣтей, умершимъ для міра. Да такъ ли? Не мудрено, что отъ этихъ и многихъ другихъ причинъ подавляется всякое развитіе бѣлаго духовенства. Взять для примѣра хоть меня. Мнѣ нужна та или другая книга. А изъ-за чего не покупаются онѣ? — Денегъ нѣтъ. Хотѣлъ бы я заниматься физикою, да не на что купить книгу. Грустно!»

Никита Петровичъ сталъ справляться у отца: что это Федоръ Александровичъ никогда не придетъ ко мнѣ?

Почему однако я давно не былъ у своего обворожительнаго дяди? Какъ дядя, такъ и отецъ мой, въ успѣхахъ по ученью всегда ставили мнѣ наивысшій идеалъ. Бывало, тотъ или другой спроситъ, какой балъ получилъ на экзаменѣ въ Семинаріи или Университетѣ.—Пять балловъ, положимъ отвѣтишь.—Почему же не 5+?непремѣнно послѣдуетъ вопросъ. Или такъ: Какимъ васъ представилъ Озеровъ по логикѣ? — Третьимъ.—Почему же не первымъ? Никакой уступки въ этомъ не полагалось.

Потому-то и на сей разъ, не смотря на приглашеніе дяди, я рѣшился идти къ нему не прежде, какъ послѣ экзамена, и размечтался о предстоящемъ допросѣ: Какимъ васъ представилъ Озеровъ?—Первымъ. Тутъ ужъ затычка. Вопросы: «почему же не...?» не могло бы послѣдовать.

«Первымъ?! Господи, Господи! Кажется, въ настоящее время я ничего такъ не желалъ бы, какъ быть первымъ!»

Но Н. П-чъ, не дождавшись моего посѣщенія, самъ пріѣхалъ къ намъ 5 Декабря. Этотъ день я отмѣтилъ, какъ «одинъ изъ счастливейшихъ дней въ моей жизни». Что же случилось? Въ чемъ заключалось мое счастье? — «Я успѣлъ переговорить съ нимъ о современныхъ вопросахъ, объ университетскомъ дѣлѣ Варнека, объ изученіи математики и другихъ наукъ». Въ заключеніе бесѣды объ изученіи языковъ «Н. П-чъ вызвался учить меня Французскому, Нѣмецкому и даже Англійскому языкамъ. «Конечно, я съ глубочайшею благодарностью согласился на его предложеніе и крѣпко-крѣпко рѣшился заниматься тѣми языками, которымъ предложилъ меня обучать Н. П-чъ. Кромѣ того я хочу самъ одинъ заниматься полатыни и погречески; «даже началъ учиться погречески, чтобы читать евангеліе погречески; пробовалъ было читать Евангеліе полатыни, да это оказалось не такъ удобно; лучше что-нибудь другое возьму полатыни. Для такихъ уроковъ дядя приглашалъ меня приходиться къ нему по вечерамъ разъ и даже два раза въ недѣлю. Фантазія моя возликовала. «Можетъ быть, размечтался я, Н. П-чъ, если я усиленно буду заниматься языками, года черезъ два достанеть мнѣ переводы, и не даромъ! А для Академіи-то? А для жизни? Для уроковъ? Дай Господи успѣха этому благому предриятію!»

Но на сей разъ дѣло не пошло дальше одного Греческаго языка: въ самый разгаръ приготовленія къ экзамену начать сразу учиться пяти языкамъ—это былъ педагогическій приѣмъ нѣсколько-гомерическій. Таковъ былъ впрочемъ всегда мой покойный дядя съ своимъ недостижимымъ идеаломъ: онъ никогда не предъявлялъ ко мнѣ требованій возможныхъ, но только одни невозможныя.

На другой же день я отправился къ дядѣ. Часа два говорилъ онъ о различныхъ философскихъ вопросахъ. На этотъ разъ онъ еще сильнѣе возбудилъ во мнѣ стремленіе къ изученію языковъ. «Его этотъ разговоръ, пожалуй, принесъ мнѣ пользы больше, чѣмъ все семинарское преподаваніе за эту треть учебнаго года». Къ сожалѣнію нашъ разговоръ въ кабинетѣ наверху прервала тетка, остававшаяся одна съ гостями, своими родственниками.—Н. П-чъ! Чай, мои родственники-то не кусаются?—Нѣтъ, не кусаются.—Зачѣмъ же вы ушли отъ насъ?

Ночевать я отправился къ брату и такъ разжегъ его отзывомъ о дядѣ, котораго онъ, послѣ дѣтской съ нимъ дружбы, не видалъ цѣлыхъ лѣтъ 16.—Оеда, говорилъ мнѣ братъ, поѣдемъ какъ-нибудь вмѣстѣ къ Никитѣ Петровичу.

При этой просьбѣ брата привести его къ самому ключу живой воды нашего посѣщенія, я почувствовалъ, что я какъ будто начинаю выводить старшаго брата «въ люди».

Въ Сентябрѣ 1858 г. восходила по ночамъ комета съ огромнѣйшимъ хвостомъ. Два года тому назадъ я, наслушавшись увѣреній кухарки, нѣсколько трусилъ кошки, ходившей ночью у насъ на галлерей по желѣзной крышѣ, считая ее, по словамъ кухарки, «окаяшкою». Осталось ли подобное же суевѣріе теперь во мнѣ, «философъ»? Дневникъ по поводу явленія кометы пытается, по выраженію покойнаго И. С. Аксакова, «говорить басомъ»: «Предвѣстница ли эта комета, какъ и вообще всѣ кометы, какого-либо несчастья? вопросъ еще. Что-то будетъ, если кометы суть предвѣстницы несчастій? А, судя по величинѣ кометы, нужно ожидать великаго бѣдствія». Черезъ три мѣсяца перечитывая это мѣсто Дневника, разоблачаю на поляхъ свою рисовку. «Считалъ ли я кометы предвѣстницами несчастій? Кажется, что нѣтъ. Зачѣмъ же писалъ здѣсь объ этомъ такъ высокопарно? Для красоты, какъ и часто писалъ тутъ, выше и ниже,—надувался».

Черезъ мѣсяцъ послѣ первой записи о кометѣ удивляюсь Московскимъ «сплетнямъ» «Говорятъ, будто бы въ Крутицкихъ казармахъ, ночью, переходятъ знамена съ одного мѣста на другое». Народъ вѣрить этой удивительной нелѣпости и утверждаетъ, будто бы такое путешествіе знаменъ—къ войнѣ. «А чтожь? Народъ, можетъ, и напророчить». Остроумно замѣтилъ по этому поводу отецъ: «Если въ древности Богъ объявлялъ Свою волю чрезъ пророковъ, неужели же теперь, когда такіе пророки перестали являться, цѣлый народъ не можетъ быть пророкомъ?»

Къ нелѣпой исторіи о знаменахъ прибавляю кстати двѣ подобныя слышанныя мною въ Семинаріи и нѣсколько характеризующія кругъ, умственныхъ интересовъ у большинства «философовъ». Разсказывалъ мнѣ товарищъ, будто къ одному изъ бывшихъ викаріевъ Московскихъ наѣхали въ епархію его «бывшія его Московскія жены», съ просьбами: «Возьмите моихъ дѣтей, ваше преосвященство, вѣдь они вмѣстѣ съ тѣмъ и ваши: какъ двѣ капли воды похожи на васъ» *).

Тотъ же товарищъ сообщилъ мнѣ вѣрное средство достигъ взаимности у какой угодно дамы. Вотъ это средство: поставить самоваръ и опустить въ него закупоренный пузырекъ съ ромомъ, потомъ изъ этого самовара угостить чаемъ даму. Послѣ такого угощенія сама дама уже васъ не отпуститъ. Тогда мнѣ средство это показалось «вдвойнѣ гнуснымъ».

Такою-то миеологіею питалось большинство моихъ товарищей «философовъ»!

*) Подобныя слухи были распространены о викаріи Алексѣѣ (позднѣ епископъ Симеоропольскомъ). Митрополитъ Филаретъ, отпуская его изъ Москвы, съ горькими слезами выговаривалъ, какъ онъ въ немъ обманулся. Слышно отъ достовѣрныхъ людей. П. Б.

Святки 1858—1859 года прошли въ чтеніи книгъ, въ изученіи Греческаго и Французскаго языковъ, въ посѣщеніи театра, въ наиболѣе частыхъ свиданіяхъ со старшимъ братомъ. По философіи я читалъ Исторію философіи Риттера и Психологію Новицкаго.

Побывалъ у Никиты Петровича.—Занимаетесь ли вы языками? спросилъ дядя.—Занимаюсь, но немного.—Почему же немного? Непомню какъ я на этотъ разъ отвертѣлся отъ него.

Въ театрѣ на святкахъ удалось побывать нѣсколько разъ. Смотрѣлъ драму «Карьеру». «Какъ всѣ эти драмы хватаютъ за сердце! Театральное великолѣпіе, очаровательность актрисъ Медвѣдовой, Бороздиной 2-й навели меня на вопросъ: отчего я не найду такого же богатства, какъ графъ Монтекристо?» Безплатное стояніе мое въ углу за райкомъ подъ самымъ театральнымъ потолкомъ, дѣйствительно, нѣсколько разнилось отъ положенія графа Монтекристо.

Еще пуще отравилъ мою жизнь опять Кузнецкій мостъ съ своими «благами міра сего». Возвращаясь домой отъ брата по этой великолѣпной улицѣ, я опять, какъ и по осени, все думалъ, какъ бы разбогатѣть. Какіе планы ни придумывалъ, всѣ оказывались неудобисполнимыми. Остановиться могъ только на одномъ—посвятить всю жизнь свою ученію. А развѣ, думаю, и тутъ не бывало примѣровъ, что ученѣйшіе люди умирали съ голоду и холоду? И снова являлась фантазія, «подняться на какія-нибудь аферы». Но уже зрѣлѣе прежняго являлось возраженіе: для этого нужны деньги, умѣнье и отсутствіе совѣсти. Вспомнилъ, какъ года два съ половиною назадъ О. Н. Морозовъ говорилъ отцу:—«Отдайте намъ его. Мы съ В. А. Кокоревымъ сдѣлаемъ изъ него богатаго человѣка». Не ошибся ли, отвергнувъ это заманчивое предложеніе? Но вѣдь тогда остался бы я невѣжей и безъ имени. Теперь по крайней мѣрѣ могу быть образованнымъ человѣкомъ. Да еще разбогатѣлъ ли бы я у Кокорева? Имѣя въ молодыхъ годахъ деньги, сталъ ли бы я какъ слѣдуетъ заниматься дѣломъ? Эти смущавшія меня мысли разсвѣялъ В. Лебедевъ предложеніемъ идти въ Малый театръ. Играли «Новички въ любви», «Мать и Дочь», «Госпожа-служанка», «Ворона въ павлиньихъ перьяхъ». Театръ опять расколыхалъ мои мысли, чувства, желанія, и я отмѣтилъ въ Дневникѣ: «Правду, хотя и очень глупую, высказалъ попъ «Яшагъ», что «молодымъ людямъ грѣхъ ходить въ театрѣ».

Послѣ театра наканунѣ Новаго 1859 года принято мною твердое рѣшеніе «совершенно перемѣнить образъ жизни, сдѣлаться какъ можно дѣльнѣе».

Быль ли я уже такой бездѣльникъ, или такъ безпощаденъ самосудъ мало еще запятнанной юной совѣсти?....

Первые два дня Новаго года были проведены согласно принятому рѣшенію: читаль Психологію Новицкаго, писалъ лекціи по психологіи, которую предстояло изучать съ открытія классовъ, переводилъ съ Греческаго Евангеліе отъ Іоанна, читаль по французски при руководствѣ сестры. Вечеромъ на второй день былъ въ театрѣ, видѣлъ впервые «Гамлета», дотогѣ даже не читаннаго мною. Сколько разъ послѣ того пересмотрѣлъ я Гамлета при всевозможныхъ Русскихъ и иностранныхъ исполнителяхъ заглавной роли! Первое впечатлѣніе было особенно потрясающее. Очнулся и немного разобрался въ самомъ себѣ только на другой день представленія. Передъ глазами неотступно стоялъ образъ Офеліи - Литвиной, въ бѣломъ одѣяніи, съ распущенными по плечамъ волосами... Въ ухахъ, нѣтъ не въ ухахъ, а въ самомъ сердцѣ, въ груди у меня, не переставалъ звучать прерываемый сдавленными рыданіями поэтически-безумный бредъ:

„Бѣлымъ саваномъ обвили,
Гробъ усыпали цвѣтами
И въ могилу опустили,
Со слезами, со слезами!....“

Какую-то чарующую тоску, сладостное уныніе, глубокую скорбь, но безъ какой-либо личной боли, вызывали въ душѣ моей эти казавшіяся застывшими въ воздухѣ слова:

„Вѣтъ вѣтеръ на могилѣ,
Гдѣ зарыли старика,
И три ивы, три березы посадили.
Онъ плачуть какъ печаль моя, тоска!
Не плачьте, не плачьте, молитесь о немъ.
Покой его, Боже мой, праведнымъ сномъ.“

Ровно за два года передъ тѣмъ я въ первый разъ былъ въ театрѣ, именно въ Большомъ и смотрѣлъ балетъ «Мраморная Красавица» съ Николаевой въ заглавной роли. Тогда же было записано и впечатлѣніе восхитительнаго невиданнаго зрѣлища. Вотъ оно:

«Занавѣсъ поднялась, и я увидѣлъ танцовщицу Николаеву. О ея наружности и красотѣ (это одно и то же) не скажу ни слова: едва ли какое изъ земныхъ существъ могло бы сравниться съ нею, но не превзойти ее въ той граціозности, съ какою она не танцевала, а, кажется, летала по сценѣ. Все время, когда она была на сценѣ, раздавались оглушительныя рукоплесканія, и послѣ каждаго дѣйствія отъ рукопле-

сканій и криковъ Николаеву! Николаеву!! колебались и готовы были обрушиться стѣны Большого театра. Надо было видѣть, какъ она кланялась и благодарила публику... Балетъ кончился, но народъ не расходился до тѣхъ поръ, пока она до трехъ разъ не появлялась на сцену. Нѣтъ, надо было видѣть ее, когда по самымъ усиленнымъ крикамъ наконецъ явилась она въ простомъ черномъ платьѣ...» и т. д.

Это дѣтски-чудовищно преувеличенное впечатлѣніе было совершенно внѣшнее: меня обмануло собственное воображеніе. Не то было на «Гамлетѣ»: бездонная глубина мысли, погранное нравственное начало, злодѣяніе, глубоко зарытое въ землю, шагъ за шагомъ съ желѣзною неукоснительностью разрушающее счастье и жизнь и виновныхъ и невинныхъ; необыкновенно поэтическіе образы и лицемѣрнаго злодѣйства короля и королевы, и безграничнаго ничтожества Полонія и прочей придворной челяди, и беззавѣтной преданности Гораціо, и неземной чистоты Офеліи, и самый этотъ безсильно-болящій духъ Гамлета,—все это взбудоражило мой умъ, глубоко залегло въ сердце... Нѣтъ, дорогой читатель, я отказываюсь передать точно свое впечатлѣніе.

Но съ кѣмъ было подѣлиться тогдашними впечатлѣніями? Я сталъ говорить объ этомъ съ матерью и сестрами, и въ отвѣтъ отъ нихъ услыхалъ, что всѣ актрисы безпутны, что онѣ продаютъ свою любовь за деньги. Мать при этомъ очень смѣялась надъ какимъ-то семинаристомъ, который, увидавъ какую-то актрису на сценѣ, такъ въ нее влюбился, что помѣшался. Такой жесткій отзывъ очень огорчилъ меня, который «привыкъ смотрѣть на артистку, когда она поетъ на сценѣ, какъ на что-то неземное. Но я оправдывалъ и мать съ сестрами, потому что онѣ не могутъ смотрѣть на артистку «сквозь призму воображенія 18-ти лѣтняго юноши». Отчетъ о Гамлетѣ заканчивался въ Дневникѣ восклицаніемъ: «Господи, да скоро ли я постарѣю до того, что воображеніе мое перестанетъ быть такъ горячо, а чувство такъ живо!».

Василій Лебедевъ успѣлъ во время представленія «Гамлета» познакомиться съ какимъ-то «поклонникомъ» Литвиной. Лебедевъ отчаянно хлопалъ Литвиной, что и понравилось ея поклоннику. Лебедевъ просилъ его представить его Литвиной, какъ самаго усерднаго ея поклонника. «Не познакомиться ли мнѣ съ этимъ господиномъ?» Впрочемъ ни мнѣ, ни Лебедеву не удалось вторично видѣть этого «поклонника».

«Свадьба Кречинскаго», видѣнная мною чрезъ нѣсколько дней послѣ Гамлета, не произвела на меня никакого впечатлѣнія. Кромѣ театра побывалъ я на какой-то картинной выставкѣ, но особеннаго впечатлѣнія не получилъ и удивлялся на это неразвитіе у себя чувства изящнаго,

хотя и сомнѣвался, нужно ли сожалѣть объ этомъ*). Откуда однако могло и развиться такое чувство, доселѣ не имѣвшее никакой пищи?..

На святкахъ братъ Петръ познакомилъ меня съ своими пріятелями. Къ нему на вечеръ собрались, кромѣ гусара Любимова и его сожительницы Александры Васильевны, братъ Любимова, сестра Александры Васильевны Авдотья, ихъ братъ съ женою, отставной жандармскій офицеръ Билетовъ и медикъ Прейсъ. Вообразите положеніе юнаго «философа» среди этого разнобоя, связаннаго только кутежами. Немного при-смотрѣвшись, во время угощенія, завелъ я съ гусаромъ рѣчь о книгѣ Белюстина, цѣликомъ занимавший тогда мнѣ душу.—Что вы его слушаете? ввязался въ нашъ разговоръ братъ: онъ извѣстный вольнодумецъ

Замѣчаніе это пріятно пощекотало мое самолюбіе. Можетъ быть, братъ даже отчасти похвалялся предъ своими пріятелями начитанностью и прилипчивостью ко всему серьезному своего юнаго брата.

Къ нашему разговору присоединился и Прейсъ. Въ этой полупьяной компаніи жуировъ я завелъ бесѣду о достовѣрности книгъ Св. Писанія. Гусарь, не чувствуя подъ ногами почвы, отошелъ, и разговоръ у насъ продолжался вдвоемъ съ Прейсомъ. Скоро впрочемъ настроеніе большинства воспреобладало. Кто-то разъяснилъ, что водку можно пить съ воздержаніемъ, когда пьяный поддерживается за встрѣчающіеся на пути ему предметы; съ разстановкою, когда уже не можетъ идти, и ему передвигаютъ ноги, поддерживая руки; съ расположеніемъ, когда пьяный не можетъ идти даже и при чужой помощи и располагается на полу. Дамы наши тоже развеселились. Одна изъ нихъ, выпивъ рюмку водки, проходя мимо меня, обхватила меня руками.

Я, сдѣлавшись отъ угощенія нѣсколько похрабрѣе, горячо пустился разсуждать съ Билетовымъ о какихъ-то пустякахъ. Жандармъ этотъ, вмѣсто отвѣтовъ, только безпрестанно пожималъ мнѣ руки, говоря:—Я понимаю васъ, современный молодой человѣкъ. Я вполнѣ сочувствую вамъ, современный молодой человѣкъ!

Какъ ни весело провелъ я время, но нашелъ, что эта оргія мало отличалась отъ отвратительныхъ кутежей В. Гр-ва и Василя Михайловича, который около этого времени пытался возобновить наши отношенія. Братъ вообще сблизался со мною: признался мнѣ, что ку-

---

*) Чувство изыскаго слабо развито вообще у лицъ происхожденія духовнаго, можетъ быть, отъ идеаловъ недостижимой святости, въ которыхъ они вырастаютъ. Вспомнимъ, что Н. П. Гляровъ, при всей своей даровитости, вовсе не цѣнилъ стиховъ Пушкина. П. Б.

харка его Марѳа Кузьминична—мать Надежды Михайловны; хотѣлъ отвести меня познакомиться съ какимъ-то другимъ жандармомъ Родивилловымъ, но удержался, ибо де-Родивилловъ всёхъ ревнуетъ къ своей Маремьянѣ. Но тутъ же удалось мнѣ познакомиться съ наиболее приличнымъ пріятелемъ брата, сослуживцемъ его Исаковымъ. У Исакова были сестры, умныя и хорошія дѣвицы, и братъ мечталъ познакомиться ихъ съ нашими сестрами, думалъ даже сватать.

Выйдя отъ брата на Тверской бульваръ, я встрѣтился съ Билетовымъ, который тутъ поджидалъ свою «крестницу» и очень приглашалъ меня къ себѣ, но я отказался.

Въ одинъ изъ святочныхъ вечеровъ я съ братомъ все время провели за чтеніемъ книгъ. Петръ подписался на «Весельчака» и «Живописный Сборникъ». Такое обращеніе брата къ книгамъ очень меня радовало.

Но съ зятемъ своимъ, не смотря на все родственное его ко мнѣ радушіе, отношенія какъ-то не ладились, вслѣдствіе крайней отсталости его мнѣній. Я, конечно, соглашался съ нимъ, когда онъ, при помощи хотя и плохой логики, доказывалъ мнѣ, что не слѣдуетъ «воровать, шататься и пьянствовать»; но меня возмущали его толки, что крестьянъ не нужно освобождать (они-де, пожалуй, тогда съ кругу, сопьются), что не слѣдуетъ сокращать письменность въ судахъ, потому что чрезъ это отнимется доходъ у чиновниковъ; что не надо запрещать чиновникамъ брать «благодарности», потому что безъ «благодарностей» нечѣмъ имъ жить; что не надо строить желѣзныхъ дорогъ, потому что они дѣроги; что не надо уничтожать чины, потому что отъ этого доходъ казнѣ; что надо давать ходъ людямъ неученымъ и т. д. Его огульныя, одностороннія, «отсталыя», сужденія, его систематическое отрицаніе всего новаго, чѣмъ я былъ такъ глубоко проникнутъ, стояли непреодолимою стѣною между мною и имъ. Зять учился на мѣдныя деньги и даже не былъ въ семинаріи. Не завидовалъ ли онъ мнѣ тайно, вооружаясь противъ всякой учености? Впослѣдствіи, когда подросли его сыновья и поступили въ гимназію, онъ сдѣлался самымъ ревностнымъ ихъ репетиторомъ, конечно, въ предѣлахъ своего крайне-ограниченнаго образованія. А сейчасъ что общаго могло быть у него со мною, когда я 5 Января отмѣчалъ въ Дневникѣ: «Сочельникъ. У службы не былъ, а вечеромъ пошелъ съ Владимиромъ въ трактиръ. Тамъ мы пили чай съ молокомъ и ѣли пироги съ говядиной. Это пишу для того, чтобы сказать, что я не признаю постовъ». Далѣе идутъ мои разсужденія, прямо противоположныя офиціальному разговору о необходимости соблюденія постовъ, поданному съ годъ тому назадъ Кедрскому въ Реторикѣ.

Послѣ святокъ возобновилось ученье. Какъ оно шло? На первыхъ же урокахъ «Костенька» (т. е. Озеровъ) задалъ на домъ тему «о необходимости самопознанія», при чемъ, вмѣсто объясненія, долго читалъ намъ, должно быть изъ академическихъ лекцій, о самопознаніи. Я постарался запомнить эту лекцію. На другой день Озеровъ заговорилъ со мною въ классѣ о возможности привидѣній. Не помню, чѣмъ вызвана была такая бесѣда; но Озеровъ при этомъ два раза провалился.—Поэтъ Жуковский, сказалъ я, между прочимъ, допускаетъ возможность привидѣній.—Это въ балладахъ-то, усмѣхнулся Озеровъ.—Нѣтъ, не въ балладахъ только, отвѣчалъ я: объ этомъ была напечатана его прозаическая статья въ «Русской Бесѣдѣ».

Преніе наше перешло на Св. Писаніе. Озеровъ началъ передавать искаженно Евангельскую притчу о богатомъ и Лазарѣ. Въ его передачѣ выходило, будто бы Авраамъ говоритъ, что между загробною жизнью и здѣшнею (а не раемъ и адомъ, какъ въ притчѣ) находится пропасть. Я сначала было не замѣтилъ этого существеннаго для нашего спора искаженія, а когда вернулся къ этой ошибкѣ своего оппонента, онъ не замѣтилъ.—Давеча бы говорили!

Въ слѣдующій классъ Озеровъ спросилъ Ц-ва (одного изъ перебывшихъ у меня мѣсто), какая разница между наблюденіемъ и опытомъ.—Я не понимаю самаго вопроса, отвѣчалъ бѣдный Ц-въ.—Кто скажетъ? спросилъ Озеровъ.—Я всталъ и указалъ въ видѣ примѣра на наблюденіе естественнаго замерзанія воды и на опытъ искусственнаго замораживанія воды.—Приложите это же различіе къ изученію души человѣческой. Я отвѣтилъ. Тогда Озеровъ спросилъ меня:—Какія, по вашему мнѣнію, слѣдуетъ читать книги по Психологіи? Отвѣтилъ тоже.

За то въ слѣдующій Латинскій классъ вся первая лавка отказалась отвѣчать по латыни: мы даже не знали, что и задано.

Дома всѣ вечера я посвящалъ, исключительно, сочиненію о самопознаніи. Хотѣлось подать недѣли за полторы до срока, хотѣлось отличиться скоростью работы. Не переговоривъ съ отцомъ, ни о содержаніи, ни о планѣ сочиненія, я прямо написанное уже подаль ему. Тотъ прочиталъ его и сказалъ свою высшую похвалу:—Можно поправить.

Дня черезъ два, Озеровъ спрашиваетъ меня, готово ли у меня сочиненіе. Я, обнадеженный отцовскимъ «можно поправить», отвѣчаю: «готово». Онъ приказываетъ мнѣ принести его завтра въ классъ, очевидно желая заняться имъ исключительно. Прихожу домой, передаю отцу требованіе Озерова. Отецъ беретъ сочиненіе, читаетъ, придирается и говоритъ:—Поди, передѣлай.

Передѣлываю, переписываю; но для отцовскаго исправленія уже нѣтъ времени. Посылаю въ Семинарію заявленіе о болѣзни. Но сочиненіе отецъ не исправляетъ, и я принужденъ не ходить въ Семинарію день, другой. Снова кое-что исправляю по указанію отца, но до его исправленій дѣло еще не дошло. Тяжелымъ камнемъ лежитъ на душѣ это сочиненіе. Что-то подумаетъ Озеровъ о моей мнимой болѣзни?

А отцу было не до сочиненій. Онъ только что послалъ отказъ въ сватовствѣ Андроникову. Хотя до этого онъ ни разу не говорилъ съ сестрою объ этомъ женихѣ, но теперь страшно разсердился на нес.

Сестры мои вообще не подчинялись такъ отцу, какъ мы, сыновья. Невѣста, порѣшивъ съ женихомъ, стала собираться съ другою на именины къ церковному старостѣ. Отецъ, желая сорвать на ней свою досаду, рѣшился проявить надъ ней свою отеческую власть, чего прежде никогда не дѣлалъ.—Не смѣть ходить на именины!

Сестра вышла изъ себя и наговорила отцу такихъ вещей, какихъ никто изъ сыновей никогда не смѣлъ и подумать ему высказать. «Большихъ дѣтей нельзя держать такъ, какъ вы ихъ держите», горячилась сестра, отвѣдавъ въ Костромѣ вольнаго духу. «Вы съ нами обращаетесь очень глупо. Все это пахнетъ стариной». Вообще въ это время вся наша семья какъ-то отвернулась отъ отца: почти никто ни о чемъ не говорилъ съ нимъ, кромѣ самаго необходимаго. Только я одинъ постоянно бесѣдовалъ съ нимъ, былъ не только почитателемъ къ нему, даже нѣженъ, любилъ его. Весьма рѣдко, когда какая-либо несправедливость отца ко мнѣ ужъ очень огорчала меня, я «наказывалъ» его молчаніемъ съ нимъ нѣсколько дней.

Отецъ, изумленный такимъ отношеніемъ сестры, спасовалъ. Но это, должно быть, отозвалось на моемъ сочиненіи. «Папенька», читаю въ Дневникѣ, «указалъ мнѣ опять, что переправить въ сочиненіи. Я исправилъ и переписалъ уже въ шестой разъ. Въ шестой разъ! Ужасно! Въдѣ въ сочиненіи два листа. Онъ остался доволенъ и пока исправилъ только начало, съ поллиста. Наконецъ таки сочиненіе было исправлено и подано Озерову.

Занятія психологіею пробудили во мнѣ основной вопросъ: есть ли у человѣка душа, какою обыкновенно представляютъ ее. Я завелъ съ Владимиромъ бесѣду о матеріалистическомъ взглядѣ на душу. Отецъ прислушался къ нашимъ разговоромъ. — Что ты съ нимъ толкуешь? замѣтилъ онъ. Развѣ можно говорить о душѣ съ этимъ живодѣромъ? Отъ нихъ можно только заразиться ихъ нелѣпыми взглядами. Увы! Отецъ не понималъ, что во мнѣ стала пробуждаться мысль.

Я разстроился его несправедливыми упреками и для разсѣянія пошелъ въ Малый театръ смотрѣть «Парижскіе нищіе», тѣмъ болѣе, что играла Литвина. Съ помощью бинокля, взятаго у сосѣда, я разсмотрѣлъ, что Литвина далеко не столь хороша, какъ казалась въ роли Офеліи.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ классовъ, Озеровъ прочиталъ вслухъ сочиненіе Хрисанѳа, одного изъ предпочтенныхъ мнѣ по общему списку. Сочиненіе о самопознаніи было написано по дѣтски, дѣленіе было пошло. У перваго ученика, его родственника, оказалось тоже раздѣленіе трактатѣи. Мое сочиненіе опять было лучше.

Было задано сочиненіе по классу Св. Писанія: «Дѣйствительно ли въ VIII и IX главахъ Притчей содержится указаніе на Упостасную Премудрость? Но на рукахъ былъ экспромтъ Озерова «Нужно ли дорожить памятью?», который я вызвался обработать дома. Это очень легкое сочиненіе по психологіи было готово, но отецъ и не думалъ приняться за его исправленіе. «Охъ, восклицаю я въ Дневникѣ, какъ это всегда разстроиваетъ меня». Проходить еще два дня; мое готовое сочиненіе тщетно дожидается поправки отца. Хотѣлъ было подать безъ его поправки, да раздумалъ. Господи! Что за несноснѣйшій онъ человѣкъ. Принимаюсь самъ за новую переработку сочиненія, передѣлываю, переписываю, а дѣло все не подвигается впередъ. Наконецъ отецъ прочитываетъ сочиненіе.—Можно поправить.

Слава Богу! Проходить еще два дня. Беретъ отецъ снова мое сочиненіе, прочитываетъ внимательно.—Нигуда не годится, поди передѣлай. Это меня взбѣсило, и я рѣшился подать это сочиненіе безъ его поправки. Я сталъ его уже начисто переписывать, какъ отецъ заговорилъ о немъ и, конечно, надумавшись самъ, предложилъ нѣкоторыя исправленія. Я очень обрадовался и съ удовольствіемъ занялся исправленіями, указанными имъ. Еще двое сутокъ ушло на мою и отцовскую работу, и наконецъ сочиненіе было подано Озерову. Нѣсколько дней усиленно я проработалъ надъ сочиненіемъ объ упостасной премудрости, которое нѣсколько задержалось добровольно принятою мною на себя работою по Озеровскому сочиненію; написалъ объ упостасной премудрости три листа, переписалъ для отца и жду, когда онъ вздумаетъ прочесть его. «Какое это, читаю далѣе въ Дневникѣ: я просто на просто измучился надъ сочиненіями Писарева, а отецъ до сихъ поръ, уже четвертый день, по лѣности не думаетъ читать! А я-то по восьми часовъ послѣ классовъ просиживалъ, чтобы только поскорѣе написать. Дорого мнѣ это сочиненіе стѣитъ не по времени, не по работѣ, а сердце все изныло, дожидаясь, когда-то отецъ прочтетъ его, велитъ передѣлать, опять прочтетъ, опять велитъ передѣлать, иногда до семи разъ. Истома хуже смерти!»

Предсказанія мои оправдались вполнѣ. На другой день отецъ изъ сочиненія въ три листа прочиталъ четверку съ небольшимъ и сказалъ, что оно не годится. «Охъ, какъ это тяжело! Неужели я такъ глупъ, что не могу совсѣмъ самостоятельно писать? А почему я не возражаю отцу, когда вижу, что сочиненіе годно? Потому, что не хочу ссориться съ нимъ, ибо возражать ему значитъ поссориться съ нимъ». Исправилъ переписалъ, показалъ отцу. Онъ, какъ и прежде, прочиталъ только четвертку и велѣлъ передѣлать по другому плану, хотя первый планъ былъ не мною выдуманъ, а имъ же данъ. Десять вечеровъ, хотя конечно не исключительно, проработалъ я надъ этимъ сочиненіемъ и закончилъ жалобой: «Экое у меня воловье терпѣнье! Другой на моемъ мѣстѣ двадцать разъ разбранился бы съ отцомъ». Я еще не управился съ сочиненіями Писарева, а Озеровъ уже задалъ новое свое: «Допускаетъ ли вѣру психологія?» Проходитъ еще два дня, подаю отцу сочиненіе объ вѣстасной премудрости. На этотъ разъ онъ прочитываетъ его уже все.—Планъ хорошъ, одобряетъ онъ сочиненіе; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надо кое-что исправить. Онъ указываетъ слабыя, по его мнѣнію, мѣста и велитъ исправить и переписать.

Перестаю ходить въ классъ. Сажу исключительно надъ «вѣстасною премудростью». Передѣлалъ, переписалъ, подаю отцу.—Не годится, говоритъ отецъ, на сей разъ даже не взглянувши въ него. Я совсѣмъ уже потерялъ голову. «Что же это? Или я такъ ужъ поглупѣлъ въ послѣднюю недѣлю? Или это потому, что я пересталъ Богу молиться передъ сочиненіемъ? Или же отецъ начинаетъ дряхлѣть? Подаль бы это сочиненіе помимо его, если бы не было на рукахъ сочиненія Озерова и не ожидалъ, что инспекторъ задастъ тоже сочиненіе по Церковно-библейской исторіи. Впрочемъ, можетъ быть, и не покажу: всякому терпѣнію бываетъ конецъ!»

Сочиненіе, дѣйствительно, было подано, но уже къ годичнымъ экзаменамъ. Теперь на рукахъ было срочное сочиненіе Озерова: «Допускаетъ ли вѣру психологія?» Много поработалъ надъ нимъ; подаю отцу.—Порядокъ годится, говоритъ онъ; есть недомолвки, но ихъ легко исправить. Исправилъ, переписалъ, подаль отцу. На этотъ разъ слабыхъ мѣстъ оказалось несравненно больше, чѣмъ въ первой редакціи; ибо, конечно, отецъ успѣлъ и самъ подумать о темѣ. Исправилъ, переписалъ, снова подаль отцу и съ страшною головою болью слѣдилъ за его окончательными поправками.

Встаю рано утромъ, успѣваю переписать набѣло и подаю Озерову на дому у него. По времени подачи мое сочиненіе изъ первыхъ. Спасибо, говоритъ Озеровъ, приглашаетъ садиться, и около часу длится у

насъ бесѣда о философіи, о Духовной Академіи, объ изученіи языковъ. Подумайте-ка о свидѣніяхъ, говоритъ мнѣ Озеровъ, да и напишите что-нибудь.

Въ концѣ концовъ моя литературная репутація въ нашемъ муравейникѣ возрасла до того, что одинъ риторъ 3-го разряда нанялъ меня писать ему всѣ сочиненія за 50 коп. сер. въ мѣсяць, чему былъ я очень радъ. Но эта работа продолжалась очень недолго.

Послѣ обычнаго перерыва ученія въ первую недѣлю Великаго поста, возобновились «лекціи» со второй недѣли. «Начинается ученье, записываю въ Дневникъ. Какое впрочемъ ученье! Такъ только, бесплодное хожденіе въ классы. Эй, вы, гг. монахи! Достанется вамъ на томъ свѣтъ и за вашу собственную лѣность, и за несмотрѣніе за лѣнтяями-профессорами. Вотъ васъ на угольяхъ-то припекутъ!»

Но строгій судья чужихъ прегрѣшеній и самъ былъ не лучше своихъ наставниковъ.

«Очень рѣдко попадаюсь по поведенію, но каждый разъ умѣю оправдаться».

Кстати о прогулкахъ и поведеніи.

Великимъ постомъ по Средамъ и Пятницамъ насъ стали посылать къ литургіи преждеосвященныхъ въ Семинарскую церковь. Я два раза отбѣгалъ отъ этой службы. А такъ какъ наши шинели въ эти дни запыривались на замокъ, то въ первый разъ я оставилъ свою шинель въ Семинарскомъ правленіи, а въ другой разъ пришелъ въ классъ въ очень легонькомъ верхнемъ пальто, которое и упряталъ въ классъ въ свой столъ.

Въ слѣдующую Пятницу прихожу нѣсколько поздно въ Семинарію. Обыкновенный нашъ ученическій ходъ запертъ; ходъ черезъ кухню тоже на замокъ; дверь около архитекторскаго корпуса тоже приперта. Какъ быть? Иду въ Семинарское правленіе; тамъ товарищъ Кас—нѣ научаетъ меня попробовать пролѣзть въ окно «ватера». Пролѣзаю, прихожу въ классъ къ концу утренняго урока и этимъ же окномъ ухожу домой отъ обѣдни. Этого удобнаго приѣма я придерживался до окончанія поста.

При полномъ отвращеніи ко всей Семинарской наукѣ, кромѣ сочиненій, при изобрѣтательности въ уклоненіи отъ Семинарской дисциплины, самообразование мое продолжается, продолжаю изучать «Исторію философіи» Риттера. Мой прежній другъ Павелъ даритъ мнѣ «Критику чистаго разума» Канта въ рукописномъ переводѣ. Трудно понимается гениальное произведеніе величайшаго ума, но кое-что все-таки усвоится.

Совсѣмъ закрывъ глаза на Семинарскую физику, читаю очень прилежно физику Писаревского. Продолжаю учиться по-французски не только дома самостоятельно, но даже хожу въ классъ къ новому преподавателю, какому-то Французу Шору, при чемъ учу грамматику и при переводахъ неизвѣстныхъ слова выписываю не одиночками, а со всѣмъ его семействомъ и заучиваю ихъ. Читаю сестрѣ книгу «Бытія», намѣреваюсь прочитать всю «Библию», ибо «стыдно не знать Библии». Рядомъ съ этимъ читаю попадающіяся мнѣ статьи Герцена и списываю ихъ. Нашелъ у кого-то и списалъ акаѳистъ «Смарагду, великому сребролюбцу» *), который и вручилъ Никитѣ Петровичу къ величайшему его удовольствію. Получаю отъ Величкина «Описаніе смерти императора Павла» и списываю эту обширную статью, а Величкину даю за то акаѳистъ Смарагду.

Тотчасъ же при началѣ классовъ, послѣ святокъ, товарищи мои высказали мнѣ свое сочувствіе, что я, по ихъ мнѣнію, слишкомъ на зло записанъ пятымъ. Ихъ сочувствіе только раздражало меня, и я не зналъ, какъ держать себя съ тѣми, кого инспекторъ противъ списка Озерова повысилъ въ ущербъ мнѣ. Мнѣ было тѣмъ тяжелѣе, что одного изъ этихъ товарищей Ц—ва я очень любилъ.

И вотъ роковой вопросъ, доселѣ бессознательно таившійся въ душѣ у меня, рѣзко, настойчиво, требуя отвѣта, всталъ передо мною: стоитъ ли игра свѣчъ, стоитъ ли заниматься Семинарскимъ дѣломъ? Отрицательная сторона была ясна, но ничего положительнаго еще не вырѣло. Вокругъ пахло Университетомъ: Владимиръ уже студентъ, Гр—въ готовится въ Университетъ; Кедрскій прямо совѣтывалъ идти въ Университетъ. Но, должно быть, въ самомъ мнѣ мысль эта еще не пустила корешковъ. Что жъ дѣлать? Представился исходъ глупый, заниматься только одними сочиненіями, а остальное время посвятить какой-либо веселой товарищеской компаніи, «свѣтской». Такимъ оказался одинъ изъ моихъ новыхъ товарищей по «философіи» П. Б—въ. Онъ уже нѣсколько разъ приглашалъ меня къ себѣ. Не пойти ли къ нему? Б—вы, кажется, живутъ очень весело; у нихъ бываютъ наши товарищи П—вы, такіе же, какъ и Б—вы, приличные люди. Наконецъ и самъ П. Б—въ является ко мнѣ. Время проходитъ пріятно за чтеніемъ статей Искандера. Но узнаетъ объ этомъ В. Лебедевъ, и любящая его душа ревнуетъ меня. Знакомство съ Б—выми тѣмъ не менѣе продолжается. Отправляюсь къ П. Б—ву, знакомлюсь съ его братомъ богословомъ. Славными ребятами показались мнѣ эти Б—вы, но пустыми: все толковали они про балы, да про танцы, хотя при этомъ и старались казаться «современными» людьми: говорили со мною о Герценѣ, сочи-

*) Известному Орловскому, а позднѣе Рязанскому архіерееу. П. С.

ненія котораго я давалъ имъ читать. Старшій братъ, когда я что-либо говорилъ, все мнѣ поддакивалъ: Это точно, это справедливо, вотъ это такъ. Я же съ своей стороны напрягался показать себя всезнайкой. Въ результатъ для меня была скука, и я рѣшился воспользоваться радушными приглашеніями Б—выхъ «только для того, чтобы сколько-нибудь у нихъ пообтесаться, понатереться отъ нихъ немножко ловкости». Но знакомство это длится недолго, несмотря на всю любезность этихъ добрыхъ людей. Я алкалъ чего-нибудь терпкаго, а они были только слащавы.

Скоро я чрезъ Владимира познакомился съ однимъ семинарскимъ «геніемъ». Такими считались ученики, дѣйствительно, даровитые, а потому и ничего не дѣлавшіе. Василій Григорьевичъ Величинъ, классомъ старше меня, былъ такимъ «геніемъ». Онъ исключился изъ средняго отдѣленія и теперь былъ студентъ юридическаго факультета. Онъ сразу поразилъ меня своимъ умомъ и начитанностью. Въ мой доуниверситетскій періодъ Величинъ имѣлъ на меня большое вліяніе. Ему же одолженъ я и лишнимъ толчкомъ по направленію къ университетскимъ дверямъ. Сближеніе съ Величинымъ послѣдовало черезъ взаимный обменъ произведеніями запрещенной политической литературы.

Дружескія отношенія съ Васиіемъ Лебедевымъ продолжались на почвѣ посѣщеній театра. На свои именины 30 Января мой другъ вмѣсто угощенія подарилъ мнѣ и двумъ нашимъ товарищамъ по билету въ 50 коп. сер. на бенефисъ Самарина, ставившаго драму «Слѣпой». Но еще наканунѣ именинъ Лебедева мнѣ удалось вторично видѣть «Гамлета». Офелію на этотъ разъ играла Никулина-Косицкая, исполненіе которой мнѣ показалось гораздо слабѣе игры «милой» Литвиной. 2-го Февраля я опять въ театрѣ съ В. Лебедевымъ. Смотрѣлъ вторично «Жизнь игрока». Особеннаго впечатлѣнія не получилось, и отсюда рѣшеніе: «нѣтъ, довольно ходить въ театръ, лишняя трата и времени и денегъ». Но на другой же день обѣтъ былъ нарушенъ: я нашелъ у товарища билетъ въ Большой театръ на «Корсара». Былъ въ театрѣ и не раскаявался: Лебедева танцевала превосходно. 19 Февраля опять попалъ въ Большой театръ тоже на «Корсара». Роль Медоры играла Николаева, два года тому назадъ видѣнная мною въ «Мраморной красавицѣ». По старой памяти похлопалъ ей очень и очень. На другой день снова въ театрѣ; смотрѣлъ во 2-й разъ «Парижскіе нищіе» ради Литвиной.

Въ началѣ 1859 года донкихотство увлекло меня въ весьма непріятную исторію, доставившую мнѣ много горькихъ минутъ. Тотъ же мой родственникъ, за котораго недавно ходатайствовалъ я у Кедрскаго, жалуется мнѣ:—Цензора обращаются со мною очень дурно: притѣсняють, записываютъ въ штрафной журналъ; и все это за то, что я не уго-

щаю ихъ. Кто даетъ имъ взятки, тѣмъ позволяютъ въ классѣ даже въ карты играть на деньги.—Жалуйся инспектору на притѣсненія, посоветовалъ я ему. Тотъ пошелъ къ инспектору, но, струсивъ, ничего не могъ ему объяснить. Инспекторъ отослалъ его къ субинспектору, но и субинспекторъ ничего не могъ понять изъ этой жалобы.

Былъ у меня товарищъ В. Крыловъ, очень симпатичный юноша. Я его очень любилъ. Впослѣдствіи этотъ несчастный почему-то застрѣлился въ зданіи Семинаріи. На сестрѣ этого Крылова былъ женатъ нашъ молодой субинспекторъ Н. Г. Малиновскій. Посоветовавшись съ Крыловымъ, я рѣшился объяснить вмѣстѣ съ нимъ дѣло это Малиновскому. Въ этомъ опасномъ шагѣ я надѣялся на авторитетъ Никиты Петровича; Малиновскій самъ мнѣ говорилъ, что онъ, какъ бывшій ученикъ Никиты Петровича, «обожаешь» его. Выслушавъ мое объясненіе, Малиновскій направилъ дѣло не къ защитѣ обожаемаго, а къ раскрытію виновныхъ въ карточной игрѣ. Я по юности совсѣмъ не ожидалъ такого оборота: мнѣ предстояло или оказаться клеветникомъ или сдѣлаться доносчикомъ. Долго колебался я и избралъ средній путь: предложилъ старшему дежурному богослову самому словить картежниковъ и цензора, спокойно на нихъ взирающаго. Явились и три ученика, готовыхъ засвидѣтельствовать допущеніе карточной игры въ классѣ.

Малиновскій вторично присылаетъ за мною и настойчиво требуетъ, чтобы я указалъ, кто именно играетъ въ карты. Послѣ долгихъ отказовъ я принужденъ былъ отчасти уступить: игроковъ не назвалъ, но указалъ только свидѣтелей. Малиновскій призвалъ цензора къ себѣ, долго его допрашивалъ, но тотъ заперся. Тогда Малиновскій передалъ все это дѣло на разсмотрѣніе инспектору. Здѣсь на сцену выступаетъ злой геній моей Семинарской судьбы Свѣтовидовъ, заявивъ, что мнѣ, не смотря на свидѣтелей, нельзя-де вѣрить, пока я не назову игроковъ. Я долго колебался, наконецъ принужденъ былъ уступить. Тогда съ картежниковъ, послѣ ихъ признанія, потребовали представленія отъ ихъ отцовъ записокъ о томъ, что они сообщили имъ о своей игрѣ. Любопытно, что картежники нисколько на меня не обидились, и одинъ изъ нихъ, сынъ весьма вліятельнаго Московскаго попа, Ев—скій, хорошо знавшій, что все дѣло раскрыто было мною, даже познакомился со мною. Но цензоръ все-таки остался на своемъ мѣстѣ по настоянію Свѣтовидова: тогда говорили, что Свѣтовидовъ особенно благоволилъ къ этому цензору за то, что тотъ хорошо рекомендовалъ инспектору его, Свѣтовидова, родственниковъ.

Была у меня и другая уже собственная исторія.

Былъ у меня товарищъ К-въ, очень горячій. Онъ все дѣлалъ ко мнѣ драться, вѣроятно за то, что я перебилъ у него мѣсто по списку. Мнѣ

было очень досадно, и я со словъ товарищей уязвилъ его, что ему-де дьяконъ пишетъ сочиненія. К-въ вспылить и по ребячеству обратился съ жалобою на меня не къ инспектору, а къ Озерову. Милый Озеровъ сталъ насъ мирить въ классѣ. Я соглашался на примиреніе; но К-въ хотѣлъ доказать, что онъ самъ пишетъ сочиненія. Тогда Озеровъ почему-то не только К-ву, но и мнѣ задалъ экспромтъ въ классѣ психологіи. Въ слѣдующій Латинскій классъ Озеровъ спрашиваетъ у меня экспромтъ. Онъ еще не оконченъ. Я читаю написанное, а остальное досказываю. Озеровъ пытается сбить меня; но это ему не удается, и онъ высказываетъ обычную свою умѣренную похвалу: «такъ». Заставляетъ и К. прочесть экспромтъ. Экспромтъ оказывается порядочнымъ. Но такъ какъ между классами была переменна, и Озеровъ отсутствовалъ, то для большей провѣрки онъ задалъ К-ву другой экспромтъ написать уже при себѣ. Этотъ экспромтъ у него, какъ на грѣхъ, оказался очень плохимъ, хотя оба одинаково были написаны имъ не сходя съ мѣста. Не добившись отъ второго ученика оцѣнки экспромтовъ К-ва, Озеровъ спрашиваетъ моего мнѣнія.—Въ сочиненіи, отвѣчаю, ничего не доказано; но связь въ словахъ есть.—Да вѣдь связь въ словахъ, возражаетъ Озеровъ, есть и у пьянаго, и у сумасшедшаго.—Связь въ сочиненіи г. К-ва лучше чѣмъ въ словахъ у пьянаго или сумасшедшаго.

Долгія пренія насъ троихъ закончились резолюціею Озерова: — Г. Гиляровъ, если бы я былъ вашимъ педагогомъ, я бы сказалъ вамъ, что слово не камень: выпустишь—не подынешь; а вамъ, г. К-въ, посоветовалъ бы каждое утро пить стаканъ холодной воды.

Товарищи замѣтили, что въ этомъ дѣлѣ Озеровъ нападалъ на меня и защищалъ К-ва; представляли свои догадки, которымъ я не вѣрю.

Что до вѣблассныхъ отношеній, я по прежнему бывалъ у Никиты Петровича. Въ одинъ изъ вечеровъ, въ Февралѣ, онъ мнѣ читалъ выдержки изъ сочиненій Гегеля, которымъ онъ специально занимался въ Академіи, при чемъ долго разсуждалъ со мною о философіи, о субъективности нашихъ представленій, о невозможности знать вещь саму въ себѣ. «Гдѣ я тогда былъ, замѣчаетъ Дневникъ: на небѣ или на землѣ?»

1 Марта знакомлюсь у Никиты Петровича съ П. Θ. Терпигоревымъ. Долго слушалъ бесѣду дяди съ этимъ «баринномъ» о будущемъ значеніи Россіи. Бывать чаще у Никиты Петровича мнѣ кажется «счастьемъ». Уже два раза былъ у него «почти безъ всякой причины». Это значить я хожу къ нему «не съ чѣмъ либо и не зачѣмъ-либо, а въ гости».

9 Марта снова у дяди. «Время, какъ и всегда у него, проведъ очель весело». Никита Петровичъ говорилъ по геологіи, объ образова

нии земли, о каменно-угольномъ періодѣ, когда только чрезъ соединеніе очень горячей температуры и обиліе влаги могли выростать тѣ гигантскіе лѣса, отъ которыхъ образовались каменно-угольные пласты. Каменный уголь, по его словамъ, открылъ у себя А. С. Хомяковъ въ своемъ имѣніи: уголь тамъ въ огромномъ количествѣ и очень близко лежитъ на поверхности земли. Далѣе говорилъ онъ о явленіи духовъ. «Я согласенъ съ нашимъ субъинспекторомъ Малиновскимъ, который при мнѣ говорилъ: будь онъ, Малиновскій, древнимъ Грекомъ, онъ воскресилъ бы өиміамъ предъ Никитою Петровичемъ. «Удастся ли мнѣ, задаю себѣ вопросъ, достичь такого же всесторонняго образованія, какимъ обладаетъ мой дядя?»

12 Марта, получивъ отъ меня списокъ акаѳиста Смарагду, Никита Петровичъ возвращается къ недавней нашей бесѣдѣ о геологіи, при этомъ онъ касается первыхъ главъ книги Бытія и Евангелій. Это я съ вами говорю «келейно», замѣчаетъ онъ, доказывая, что книга Бытія написана не въ одно время и не однимъ и тѣмъ же лицомъ. Подобному же разбору подвергаетъ онъ и Евангелистовъ.

Когда впоследствии, лѣтъ черезъ 35, я самостоятельно занялся библейскою и евангельскою отрицательною критикою, въ общемъ я не нашелъ тамъ ничего новаго послѣ этой и многихъ другихъ о томъ же предметѣ бесѣдъ Никиты Петровича. Незвѣстными оказались только второстепенныя подробности; основныя положенія были уже давно мнѣ извѣстны. Таково, напр. для первыхъ главъ Библии различіе редакцій Элогистовъ и Іеговистовъ. Открытіе книги Зосимы при Іосіи. Тогда на 18-ти-лѣтняго юношу, изучившаго Св. Писаніе съ самой ортодоксальной точки зрѣнія, бесѣды эти производили потрясающее дѣйствіе. Но было мѣсто и колебаніямъ. «Во тьмѣ онъ водить меня или ведетъ къ свѣту?» спрашиваю себя и не могу рѣшить. Но «я твердо вѣрую въ его авторитетъ, я, который не признаю авторитетовъ».

17 Марта снова я у дяди. Его огненное слово жжетъ меня. Каждая съ нимъ бесѣда возбуждаетъ во мнѣ энергію. Стоило ему и на этотъ разъ спросить: А что какъ идутъ у васъ языки? и я рѣшился все свободное время посвятить языкамъ. Озеровъ даетъ умный совѣтъ переводить Евангеліе съ Французскаго. Это очень удобно для начала занятія языками. Впоследствии этотъ путь годился для занятія и другими языками. Рекомендую его самоучкамъ.

Снова встрѣтился у Никиты Петровича съ Терпигоревымъ, скоро потомъ заявившимъ себя въ публицистикѣ дѣльною брошюрою о выкупныхъ свидѣтельствахъ. Черезъ нѣсколько дней Терпигоревъ дѣлаетъ

предложеніе одной изъ моихъ Червизовскихъ кузинъ, гостившихъ у дяди; та принимаетъ предложеніе.

Терпигоревъ былъ пожилыхъ лѣтъ, но съ значительнымъ состояніемъ. Онъ былъ очень умный человѣкъ; но прошлое не рекомендовало его. Онъ самъ потомъ рассказывалъ мнѣ о себѣ, что при крѣпостномъ правѣ онъ, бывало, въ лѣтній зной заставлялъ нагихъ крестьянскихъ дѣвицъ возить себя въ саняхъ по песку. Подобныя дѣянія не рекомендовали его здравомысліе. Онъ и дѣйствительно черезъ нѣсколько лѣтъ заболѣлъ психическимъ расстройствомъ; но окружающіе долго не замѣчали этого недуга, ибо Терпигоревъ вообще всегда былъ нѣсколько страненъ.

Сижу я у Никиты Петровича съ Терпигоревымъ на Пасху 1863 года. Терпигоревъ со всегдашнею своею эксцентричностью совѣтуется съ дядею о лучшемъ для себя и для другихъ способѣ самоубійства. — Броситься въ рѣку? предлагаетъ Никита Петровичъ. — Думалъ уже, отвѣчаетъ Терпигоревъ; но могутъ найти трупъ; пойдетъ слѣдствіе, хлопоты для жены...—Удавиться? совѣтуетъ дядя: говорятъ, смерть сопровождается очень пріятнымъ ощущеніемъ. Въ Америкѣ есть даже клубъ удавленниковъ: другъ друга вѣшаютъ и своевременно снимаютъ съ петли.—Это ужъ очень позорно, возражаетъ Терпигоревъ.—Ну, застрѣлиться? легкомысленно перебираетъ дядя всѣ роды самоубійства.—Да, застрѣлиться, говоритъ Терпигоревъ.—А куда стрѣлять? Въ лобъ? Пуля можетъ соскользнуть. — По моему, возражаетъ Никита Петровичъ: всего лучше стрѣлять въ ротъ.

Въ томъ же году въ Юлѣ несчастный Терпигоревъ, дѣйствительно, застрѣлился, и именно въ ротъ.

Другой подобный случай.

Одинъ мой родственникъ, отъ лѣни, бездѣлья и алкоголизма скучавшій жизнью и имѣвшій скверную привычку проклинать всѣхъ и вся, не исключая самого себя, познакомился на дачѣ съ мѣстнымъ причетникомъ, страдавшимъ отъ дурного поведенія своей жены и дѣйствительно сильно тосковавшимъ. Наступаетъ осень; всѣ съѣзжаютъ съ дачъ.

— И вы уѣзжаете въ Москву, не думаете остаться здѣсь? спрашиваетъ сельскій причетникъ своего недавняго Московскаго пріятеля. — Чтò тутъ дѣлать зимою? замѣчаетъ тотъ. Не оставаться же здѣсь по вашему. *Я бы на вашемъ мѣстѣ удавился.*

Въ эту же ночь причетникъ, дѣйствительно, удавился.

Такова вѣщая сила слова! Такъ надо быть осмотрительну въ страшной бесѣдѣ о самоубійствѣ.

Но вернемся къ разсказу.

Около этого времени побывалъ я у Т. А. Сидорова, извѣстнаго уже читателямъ представителя симпатичнаго кружка купцовъ. Много потолковали мы о расколѣ. Сидоровъ познакомилъ меня съ нѣкоторыми старообрядческими сочиненіями.

При первомъ же свиданіи съ Никитою Петровичемъ, который еще такъ недавно занималъ въ М. Д. Академіи кафедру Русскаго раскола, сообщаю я ему о любопытной бесѣдѣ съ Сидоровымъ, да кстати и о восторженныхъ отзывахъ Малиновскаго.

— Привезите-ка ко мнѣ этого Сидорова, просить меня Никита Петровичъ. А Малиновскому скажите: Никита Петровичъ очень сожалѣетъ, что Николай Григорьевичъ никогда не зайдетъ къ нему.

Я обѣщала съ величайшимъ удовольствіемъ исполнить оба эти порученія.

Затѣмъ бесѣда зашла о краснорѣчии вообще и духовномъ въ особенности. Оттуда перешли къ Философіи Откровенія Шеллинга. Здѣсь я узналъ суть Философіи Откровенія Шеллинга. Въ древнѣйшую эпоху божество представляется наиболѣе отдаленнымъ отъ человѣчества (астральная религія Востока, фетишизмъ Египта); съ теченіемъ времени оно приближается къ человѣку (протоморфизмъ), сближается съ нимъ (антропоморфизмъ Грековъ) и наконецъ сливается воедино (христіанство). Отъ Шеллинга я перевелъ разговоръ на занимавшую меня тему Озерова: «Допускаетъ ли вѣру психологія?» при чемъ все содержаніе для этого сочиненія черпнулъ изъ этого живого философскаго родника. Озеровъ, оцѣнившій потомъ это сочиненіе только 4+, воображалъ ли, кѣмъ оно внушено?..

На другой же день я передалъ «субику» (Малиновскій былъ очень небольшого роста) порученіе Никиты Петровича. Тотъ сильно возликовалъ, и когда я предложилъ сопровождать его, онъ потребовалъ ѣхать сегодня же.—Застанемъ ли мы Никиту Петровича дома? высказалъ я дорогию на всякій случай сомнѣніе.—Вѣроятно, застанемъ, замѣтилъ Малиновскій. Хотя нынче и есть въ нѣкоторыхъ церквахъ всенощная, но врядъ ли есть она въ приходѣ Аенасія и Кирилла, гдѣ живетъ Никита Петровичъ. — А мнѣ такъ кажется, возразилъ я, будетъ ли или нѣтъ тамъ всенощная, Никита Петровичъ во всякомъ случаѣ останется дома.—Почему же вы думаете, что Никита Петровичъ не пойдетъ ко

всенощной?—Да потому, что воспитывался въ Духовной Академіи. — А развѣ академики не религіозны?—Внѣшнимъ образомъ, можетъ быть; но внутренно едва ли. Вы сами хорошо понимаете, въ чемъ тутъ дѣло.

Разговоръ перешелъ на недостатокъ порядочныхъ профессоровъ въ Семинаріи. По вопросу о поведеніи учениковъ Малиновскій сдѣлалъ мнѣ нѣсколько признаній о своихъ отношеніяхъ къ семинарскимъ властямъ. И вотъ субъинспекторъ и ученикъ принялись отчаянно бранить своего инспектора Никодима, ректора Леонида, митрополита Филарета*) и прочихъ «отсталыхъ» людей.

У Никиты Петровича ничего особеннаго не говорилось. Малиновскій явился къ нему, такъ сказать, только на поклоненіе. За то на возвратномъ пути я завелъ рѣчь объ Искандерѣ и обѣщался дать Малиновскому на прочтеніе списанную мною статью о смерти императора Павла. Малиновскій своими «современными» сужденіями совсѣмъ очаровалъ меня.

Замѣчу кстати, что скоро потомъ «либераль» Малиновскій поступилъ въ попы и—запилъ. Впослѣдствіи онъ былъ учителемъ въ Катковскомъ Лицеѣ. Тамъ разъ, по какому-то торжественному случаю, назначено было молебствіе. Всѣ собрались. Наконецъ поднимается по лѣстницѣ и Малиновскій.—Вотъ и я, говоритъ онъ одному изъ учителей, принесъ свой струментъ. При этомъ онъ указалъ на Евангеліе и крестъ, обернутые въ эпитрахиль.

Свозивъ Малиновскаго къ Никитѣ Петровичу, я чрезъ нѣсколько дней побывалъ у него и съ Сидоровымъ. Бесѣда обоихъ знатоковъ Русскаго раскола была очень для меня поучительна. Потомъ вмѣстѣ съ нимъ я ѣздилъ къ Сидорову и изъ новой такой же ихъ бесѣды вынесъ тоже впечатлѣніе.

---

*) Ни отъ кого не доводилось намъ слышать такъ много дурнаго о Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ, какъ именно отъ Никиты Петровича Гилярова. Это было въ пятидесяте годы. Въ послѣдствіи митрополитъ преподѣлалъ его своими благодѣяніями; такъ было и со многими другими. П. Б.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ РУССКАГО АРХИВА.

По поводу отзыва Э. М. Достоевскаго о Н. Э. Федоровѣ.

На ваше примѣчаніе къ письму Достоевскаго, которыми вы какъ бы спрашиваете меня, былъ ли данъ отвѣтъ на вопросы, заключающіеся въ этомъ письмѣ, я долженъ сказать, что никакого отвѣта Достоевскому послано не было. О томъ же, почему это такъ случилось, мнѣ приходится войти въ нѣкоторыя подробности.

Я познакомился съ Николаемъ Федоровичемъ 15 Марта 1864 года, и съ перваго же дня нашего знакомства онъ сталъ излагать мнѣ свое ученіе о томъ, какой смыслъ, какое значеніе въ мірѣ имѣеть, можетъ и должно имѣть существо, надѣленное разумомъ, существо, отличительное свойство котораго именно въ томъ, что оно существо *разумное*. А отсюда вытекалъ и отвѣтъ на вопросъ „*Что дѣлать*“, который разрѣшался Николаемъ Федоровичемъ совсѣмъ не такъ, какъ онъ разрѣшенъ въ только-что вышедшемъ тогда романѣ Чернышевскаго съ этимъ вопросомъ въ заглавіи. Сначала Николай Федоровичъ на словахъ только излагалъ свое ученіе, а затѣмъ мы стали писать, т. е. онъ говорилъ, а я записывалъ, и такъ это продолжалось нѣсколько лѣтъ съ большими, впрочемъ, перерывами, такъ какъ мы съ нимъ жили большею частью въ разныхъ мѣстахъ и связались только въ свободное отъ нашихъ занятій время. Наконецъ я составилъ себѣ довольно полное и ясное представленіе объ ученіи Николая Федоровича.

Ученіе это не есть что-либо измышленное, не какой-либо *домыслъ* (какъ говорили въ старину); оно есть истинное ученіе Христа Бога-Спасителя Нашего, понятое какъ дѣло спасенія, совершаемое чрезъ самихъ сыновъ человѣческихъ, какъ дѣло, при которомъ только и возможно *самихъ себя, другъ друга и весь животъ свой предать Христу Богу*; только при осуществленіи этого дѣла, дѣла Христова, вся наша жизнь (и не отдѣльныхъ только лицъ, а жизнь всѣхъ) будетъ истинно-христіанскою. По мысли Николая Федоровича Богъ есть Царь, Который все дѣлаетъ чрезъ сыновъ человѣческихъ, и не иначе какъ чрезъ нихъ же самихъ. Должно сказать однако, что такое пониманіе Христова ученія нигдѣ и никѣмъ до сихъ поръ не было выражено, и я не разъ предлагалъ Николаю Федоровичу изложить печатно то, что я отъ него слышалъ и многое изъ слышаннаго записалъ; но онъ никогда на это не согла-

шался, находя всеобщій призывъ къ дѣлу спасенія, къ дѣлу Христову, еще несвоевременнымъ, и самое изложеніе этого призыва неполнымъ и недостаточнымъ. Въ 1877 году я однако не выдержалъ и, не говоря ничего Николаю Федоровичу, составилъ краткое изложеніе слышаннаго отъ него и послалъ это изложеніе Ө. М. Достоевскому; отвѣтомъ на это и было письмо Достоевскаго, напечатанное вами въ 3-й книжкѣ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года. Это письмо я тотчасъ же сообщилъ Николаю Федоровичу, и онъ выразилъ желаніе послать Достоевскому совершенно полное изложеніе своего ученія. За это изложеніе мы принялись лѣтомъ 1878 года, отложивъ отвѣтъ Достоевскому на его письмо до тѣхъ поръ, когда изложеніе будетъ готово. Но работа затянулась, она не могла быть кончена въ вакаціонное время 1878 года и, все разрастаясь, не была окончена и въ 1879 и въ 1880 г.г.; а затѣмъ Достоевскій умеръ....

Не могу не рассказать здѣсь, что лѣтомъ 1878 года Николай Федоровичъ пробылъ у меня только двѣ недѣли. Въ тоже лѣто я отправился къ нему въ Москву и на Сызрано-Моршанской дорогѣ, на половинѣ между Пензою и Моршанскомъ, встрѣтилъ Л. Н. Толстого; онъ возвращался со всею семьєю своею изъ Самарскаго имѣнія въ Ясную Поляну, и я проѣхалъ съ нимъ до Ряжска. На пути я повѣдалъ ему о Николаѣ Федоровичѣ и о моихъ сношеніяхъ съ Достоевскимъ, прочиталъ ему письмо Достоевскаго и то, что было написано мною подъ диктовку Николая Федоровича въ отвѣтъ на это письмо въ тѣ двѣ недѣли, которыя только что провелъ у меня Николай Федоровичъ. Левъ Николаевичъ, выслушавъ меня, сказалъ, что это ему не симпатично. Тѣмъ не менѣе осенью же этого года Левъ Николаевичъ зашелъ къ Николаю Федоровичу въ Музей и сказалъ, что знаетъ меня, и съ этого времени между ними завязалось знакомство: они бывали другъ у друга, и у Льва Николаевича Николай Федоровичъ познакомился между прочимъ съ извѣстнымъ поэтомъ Шеншинымъ (А. Фетомъ). Въ бумагахъ Николая Федоровича мнѣ не разъ попадалось письмо Шеншина, въ которомъ Шеншинъ благодарить его за какую-то услугу по разысканію книгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ сожалѣніе, что они перестали встрѣчаться у Льва Николаевича, который такъ высоко чтитъ Николая Федоровича и, какъ не разъ, по словамъ Шеншина, высказывалъ, что даже гордится тѣмъ, что живетъ въ одно время съ такимъ человѣкомъ, какъ Николай Федоровичъ. Я думаю, что письмо Шеншина и теперь хранится въ тѣхъ бумагахъ, которыя Николай Федоровичъ передъ смертію передалъ В. А. Кожевникову.

Н. Петерсонъ.

2 Апрѣля 1904.

Асхабадъ, Закаспійской области.

КНЯГИНЯ ЛИВЕНЪ.

Во Французскомъ обществѣ прошедшаго столѣтія пользовалось громкою извѣстностью нѣсколько Русскихъ женщинъ. Ихъ всѣхъ затмѣваетъ богато одаренная умственно и душевно Свѣчина; но имѣли неоспоримо извѣстнаго рода общественное и политическое значеніе эксцентричная княгиня Багратіонъ (вдова славнаго генерала, падшаго подъ Бородинымъ) графиня Сегюръ, урожденная Ростовчина, г-жа Сиркуръ (сестра Американца графа Толстаго), другъ графа Нигры, издававшая ея письма, княгиня Бутѣра (урожд. княжна Шаховская), позднѣе баронесса де-Романъ-Кайсарова, блѣдный отблескъ предъидущихъ, и въ наши дни мимолетно княгиня Трубецкая.....

Всѣ онѣ умѣли создать у себя то, что Французы понимаютъ подъ выраженіемъ «un salon»: завидное счастье въ жизни старѣющей свѣтской женщины. Сколько требовалось ловкости и умственныхъ усилий, чтобы добиться цѣли, про это извѣстно лишь достигнувшимъ ее. Въ чужихъ краяхъ, безъ поддержки основныхъ отношеній, такой успѣхъ удивителенъ.

Однимъ изъ первенствующихъ «салоновъ» владѣла княгиня Ливенъ, которую ея біографы условились выдавать за женщину Русскую; въ дѣйствительности же эта официальная представительница нашей родины была чистокровная Нѣмка, Лютеранскаго вѣроисповѣданія, принадлежа къ древнему Прибалтійскому дворянству какъ по рожденію, такъ и по супружеству (мать ея была родомъ изъ Виртемберга). Она воспитывалась отчасти въ Петербургѣ и, если усвоила себѣ что либо отъ окружающей среды въ изяществѣ и тонкости пріемовъ, пріобрѣтенныхъ при дворѣ своей покровительницы императрицы Маріи Ѳеодоровны, тѣмъ не менѣе основныя черты ея характера всецѣло остались «Балтійско-нѣмецкія» въ постоянствѣ убѣжденій и въ непоколебимой вѣрности людямъ и идеямъ. Въ ней не было очарованія, но и не было неустойчивости, которою отличается большинство Русскихъ женщинъ. Ея прямота и правдивость удостовѣрены ея мужемъ въ письмѣ къ императору Николаю Павловичу, которому онъ сообщилъ объ окончательномъ съ нею супружескомъ разъединеніи.

Княгиня Ливень ума посредственнаго, даже некрасивая, привлекла къ себѣ вниманіе безчисленныхъ Французскихъ литераторовъ болѣе, чѣмъ, можетъ быть, этого заслуживала. Въ сущности она замѣчательна лишь соприкосновеніемъ съ выдающимися личностями вѣка, что было дано ей положеніемъ супруги Русскаго посла. Дружба знаменитаго Гизо увѣковѣчитъ ея образъ въ глазахъ потомства. Въ обширной перепискѣ выражена вся ея жизнь; но для психолога остается загадка, и не въ отношеніяхъ къ Гизо, съ ихъ несомнѣнной примѣсью чувственности, не въ письмахъ, тщательно разукрашенныхъ умственными ухищреніями, загадка не въ этой поздней любви, но въ тяжелой драмѣ супружескаго разрыва. Какая причина могла заставить женщину честолюбивую, мнимо обожающую Царя, рѣзко противиться ему? А съ мужемъ, къ которому привязывала ее, при отсутствіи любви, всемогущая сила привычки—разойтись послѣ тридцатисемилѣтняго сожителства? Вѣдь ея связь съ графомъ Метернихомъ, ея продолжительный «флиртъ» съ лордомъ Грэмъ не разрушали семейнаго очага. Чье же вліяніе могло довести ее до того, чтобы покинуть супруга, спутника съ юныхъ лѣтъ? Что могло придать ей рѣшимость дѣйствовать наперекоръ мужу и императору Николаю? Имя Гизо все объяснило бы; но сближеніе съ нимъ произошло позднѣе. Въ письмахъ къ брату Александру Бенкендорфу (несомнѣнно искреннихъ) она съ раздражающей грустью описываетъ свои страданія изъ-за разлуки съ нимъ, изъ-за утраты его неусыпныхъ заботъ и попеченій. Все-таки съ самаго начала, до несоразмѣрныхъ притѣсненій, которымъ она подвергается позднѣе, благодаря своему упорству, предвзятый умыселъ ея покинуть Россію остается непоколебимымъ. Пріѣхавъ въ Берлинъ, куда князь Ливень ее сопровождаетъ, она чувствуетъ, она убѣждена, что прощается съ нимъ навсегда. Какъ судить также о мужѣ, который жертвуетъ безпощадно женою, впадшею въ немилость Государя? Александръ Бенкендорфъ иначе объясняетъ его поступокъ: «Можетъ быть, и это понятно, что онъ и теперь мститъ тебѣ: онъ такъ долго терпѣлъ надъ собою твое умственное превосходство». Характеристика нелестная, и княгиня справедливо отвѣчаетъ: «Это превосходство, ежели оно существовало, было посвящено служенію ему въ продолженіе очень многихъ лѣтъ». Спрашивается, кому изъ двухъ супруговъ отдать преимущество при оцѣнкѣ этихъ уродливыхъ отношеній и дѣйствій?

Въ чемъ состояли душевныя невзгоды княгини Ливень во время ея пребыванія въ Россіи, трудно опредѣлить по ея письмамъ: честолюбіе было вполне удовлетворено и положеніемъ мужа, и ея собственнымъ, лично ею созданнымъ; она между своей роднею, съ возлюбленнымъ братомъ Александромъ, а все-таки пишетъ лорду Абердину: «я тоскую по Лондону, и въ великолѣпномъ Царскосельскомъ дворцѣ чувствую себя такъ отдаленною отъ Европы.....»

Отчаяніемъ изъ-за потери двухъ сыновей объяснилось бы взбалмошность безразсудной женщины; но княгиня, неизмѣнно разсчетливая, не потеряла бы голову отъ огорченія. Впрочемъ до постигшаго ее несчастія она уже объявляла своимъ иностраннымъ друзьямъ, что дурной климатъ не позволяетъ ей долѣе жить въ Россіи: предлогъ, который никого не обманываетъ, когда она впоследствии высылаетъ изъ за границы въ Петербургъ безчисленныя докторскія свидѣтельства. Лучшее доказательство, что ея здоровье не могло внушать большаго опасенія, состоитъ въ томъ, что она осталась невредимою послѣ тяжелой борьбы, продолжавшейся цѣлый годъ, и пережила своихъ всѣхъ противниковъ—мужа, брата и императора.

Женщина съ сердцемъ, даже изъ-за тяжелой болѣзни, не покинула-бы окончательно свое семейство. Она болѣе никогда не свидѣлась съ мужемъ.

Образъ дѣйствія князя Ливена, пренебрегающаго женой въ угожденіе высшимъ властямъ, конечно, не заслуживаетъ похвалы; тѣмъ не менѣе онъ понятенъ: онъ могъ основываться на исполненіи долга, возложеннаго на него—воспитать цесаревича. Императоръ могъ имѣть политическія соображенія, и намеки, которые позволяетъ себѣ княгиня въ отвѣтъ на угрозы оставить ее въ нищетѣ, извиняють отчасти его жестокость; но ея поведеніе остается непонятнымъ, ежели не допустить причину, изумительную своею мелочностію и эгоизмомъ: она, подобно пресловутой г-жѣ дю-Деффанъ, питала страхъ къ скукѣ, страхъ болѣзненный, непреодолимый, и эту скуку она, можетъ быть, испытала въ великолѣпнн Царскаго Села. Съ другой стороны, нѣжныя письма, наполненныя грустью разлуки, обращенныя къ мужу, приславшему къ ней сына Александра съ приказаніемъ везти ее обратно «даже жертвуя здоровьемъ», внушаютъ нѣкоторое сомнѣніе въ справедливости подобнаго предположенія, и загадка остается неразгаданной.

Въ продолжительномъ соприкосновеніи съ Англійскимъ обществомъ она усвоила себѣ независимость возрѣній и привычекъ, освободившихъ ее отъ обаянія двора: по словамъ Паскаля, «мѣсто жительства, на которомъ не находишь удовлетворенія, но которое мѣшаетъ быть удовлетворену внѣ его; страна, гдѣ радости на виду, но фальшивыя; огорченія скрытыя, но настоящія». Она научилась отъ своихъ Англійскихъ друзей самообожанію и полному пренебреженію къ чужимъ правамъ; она захотѣла жить своей жизнью, для себя одной, и эта жизнь сложилась необычайно удачно. Вопреки всѣмъ, она добилась того, чѣмъ страстно дорожила: общественнаго значенія. Она дошла до того великаго снобизма, который между прочимъ проявила такъ неопровержимо при случаѣ, о которомъ упомянуто герцогинею Деказъ. Нѣкій Трюберъ сопровождалъ ее съ изысканными попеченіями до Эмса; прибывши къ мѣсту,

она, не стѣсняясь, объявила ему хладнокровно: «Любезный господинъ, ваше свѣтское положеніе не позволяетъ мнѣ васъ представить въ моемъ кругу; и такъ я полагаю, что мы должны проститься».

Ей дались еще и сердечныя утѣшенія, ежели можетъ идти рѣчь о сердцѣ у существа столь сухаго и расчетливаго. Въ продолженіе долготѣннаго сближенія, усладившаго послѣдній промежутокъ ея жизни, искреннюю привязанность къ ней имѣлъ Гизо; а она, вопреки стукнувшему пятидесяти тремъ годамъ, вѣроятно имѣла одно чувственное увлеченіе; хотя главная прелесть ихъ связи несомнѣнно состояла для нея въ блестящемъ поклоненіи знаменитаго писателя и сановника, озарявшаго ея «салонъ» своимъ присутствіемъ. Чванство до такой степени преобладало надъ любовью, что она никогда не согласилась обмѣнять свой княжескій титулъ на имя друга.

«Милая моя», говорила она смѣясь графинѣ Нессельроде, «можете-ли вы себя представить, чтобы меня называли госпожей Гизо?!» А онъ пишетъ лорду Абердину послѣ ея смерти: «До меня дошелъ изъ Англіи слухъ о нашемъ тайномъ бракѣ; прошу васъ при случаѣ опровергнуть его безповоротно. Это намъ не подобало, ни мнѣ, ни ей. Я никогда не женился-бы, не давши своего имени, а она привязана была къ тому, которое носила; мы оба были справедливы». Сколько легковѣрія въ этомъ изреченіи. «Мы оба были справедливы», говоритъ онъ; какими уловками, какими женскими оболъщеніями удалось княгинѣ извинить свой отказъ? Вѣковѣчное повтореніе одной и той-же сказки.

Поразительны ея письма къ Гизо во время пребыванія королевы Викторіи въ замкѣ Э; ея дѣтская боязнь при мысли, что онъ подвергнется опасности, вступивъ на лодку короля Людовика-Филиппа! Строки достойныя подписи пятнадцатилѣтней институтки.

Можно быть великимъ государственнымъ человѣкомъ и все-таки не обладать большимъ разсудкомъ по отношенію къ женщинамъ. Княгиня, напротивъ, при умѣ довольно обыкновенномъ, имѣла глубокое знаніе человѣческаго сердца, чѣмъ и объясняются ея многочисленныя успѣхи разнаго рода.

Ехидный божекъ любви ослѣплялъ мудраго Гизо, хотя ему съ нею вмѣстѣ насчитывалось сто лѣтъ слишкомъ. Въ ихъ перепискѣ замѣчаются изреченія весьма неплатоническаго смысла, на примѣръ въ письмѣ его изъ Лондона: «Разлука минуетъ, мы вновь свидимся. Я опять начну васъ ободрять, васъ оживлять, васъ успокаивать вблизи, *совсѣмъ* вблизи. Какой день! Какое счастье!» Говорятъ, что существуютъ письма, гдѣ они на «ты» ¹⁾ другъ съ другомъ. Подозрѣніе поддерживается также нѣсколько

¹⁾ Victor de Bled. La société Française du XIII au XX siècle, page 193.

насмѣшливымъ разсказомъ Проспера Мериме, который умышленно возвратился, по окончаніи вечера, въ гостиную княгини и увидѣлъ, что Гизо снялъ свою большую ленту. Вотъ и письмо княгини, довольно двухъмысленное: «Я васъ люблю, я васъ люблю, я васъ ожидаю. Я вамъ это скажу *иначе*, когда вы будете здѣсь, передо мною, близко, близко. Какое удовольствіе! Прощайте!»

Смѣшной отгънокъ переписки, не подходящій къ ихъ преклонному возрасту, искупается тѣми религиозными мыслями и чудными порывами, несравненно краснорѣчиво выраженными въ письмахъ Гизо, которыми онъ постоянно утѣшаетъ неутѣшимое будто бы горе княгини; также и слѣдующимъ письмомъ о счастіи любить: «Настоящее присутствіе одно можетъ дать то всецѣльное, непрерывное до малѣйшихъ подробностей, для совокупности всѣхъ размышленій, ощущеній, познаній, это всецѣльное уничтоженіе всякаго одиночества, всякаго умалчиванія, всякаго стѣсненія; это совершенство свободы, совершенство сліянія; жизнь не имѣетъ ни одного приключенія, день ни одного мгновенія, не заключая въ себѣ дорогого и очаровательнаго, при чемъ маленькія вещи принимаютъ значеніе большихъ, а большія обаяніе маленькихъ».

Подобныя чувства не допускають думать, чтобы могли примѣшиваться къ нимъ мелочные расчеты. Однако княгиня Ливенъ льстила самолюбію высокомѣрнаго и непреклоннаго мѣщанина; она его учила аристократическимъ утонченностямъ, открывала передъ нимъ подноготную придворныхъ и дипломатическихъ обходовъ; она поддерживала его первые шаги въ должности посла: дружескія услуги, несоразмѣрно вознагражденныя тѣмъ боготвореніемъ, которымъ онъ возвышалъ ее въ глазахъ Европейскаго общества.

Гораздо вѣрнѣе философа-протестанта императоръ Николай Павловичъ сумѣлъ оцѣнить эту замкнутую душу женщины-дипломата. Не смотря на всѣ очарованія и изворотливость княгини Ливенъ, на ея знаніе дворцовыхъ интригъ, не смотря даже на вліяніе такого любимца, каковымъ былъ Александръ Бенкендорфъ, государь не измѣнялъ своего мнѣнія о ней. Графъ де Рейзе*), членъ Французскаго посольства, въ своихъ «Воспоминаніяхъ» упоминаетъ объ отвращеніи къ ней прямодушнаго самодержца, которое оправдалось послѣдующими событіями. Княгиня Ливенъ своимъ образомъ дѣйствій повредила Россіи; она не оказала тѣхъ услугъ, которыми рисовалась въ глазахъ публики, а, напротивъ, имѣла пагубное вліяніе на ходъ переговоровъ, предшествовав-

*) „Русская Старина“ № 7, годъ 1903.

шихъ злополучной Крымской войнѣ. Маршалъ Кастеллинь приводитъ въ «Дневникѣ» своемъ слова императрицы Евгеніи про княгиню Ливенъ: «Война была создана этимъ женскимъ посольствомъ». Совершившееся событіе поставило ее въ безысходное положеніе. Она не могла вообразить себѣ возвращенія въ Россію безъ внутренняго содроганія и писала къ Гизо, ужасаясь того, что тамъ должны жить ея сыновья: «Какая страна! Какой государь! Какой климатъ!» Остаться во Франціи было невозможно; она тамъ стояла слишкомъ на виду. Куда пріютиться, не жертвуя отношеніями съ Гизо, которыя составляли суть ея существованія? Однако ей было суждено благополучно перенести этотъ переломъ. Она получила возможность вернуться въ Парижъ, вновь открыть свой «салонъ», продолжать имъ наслаждаться и съ неутомимой послѣдовательностью защищать его отъ всякой нежелательной примѣси. Разсказъ герцогини Деказъ доказываетъ, насколько она держалась исключительности своихъ пріемовъ; ни самыя значительныя услуги, ей оказанныя, ни даже ея личныя тяготѣнія не должны были открыть доступъ въ ея гостиную тому, кто не считалъ за собою какое-нибудь несомнѣнное общественное преимущество.

Эта женщина честолюбивая, не имѣвшая настоящей сердечности, ни въ семьѣ, ни въ любовной связи своей съ Метернихомъ (перешедшей позднѣе въ ненависть), ни въ отношеніяхъ съ Англійскими поклонниками, лордами Абердиномъ и Грѣемъ, имѣла кончину достойную болѣе возвышенной жизни, чѣмъ та, которую она провела, всецѣло отдавая себя свѣтской суетѣ. Ея смерть была христіанская, и она предстала съ необыкновенною твердостью и терпѣніемъ передъ страшной тайной, нѣкогда пугавшей ее. При послѣднихъ проблескахъ бытія, то что хранилось лучшаго въ этой душѣ, проявилось самоотверженными заботами о любимомъ человѣкѣ, спутникѣ ея старости. Умирая она сказала ему: «благодарю васъ за дарованныя мнѣ двадцать лѣтъ счастья».

СТИХИ С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

I.

На кончину Н. Н.

Вотъ жизнь афериста!
Ужъ былъ человекъ!
Игралъ онъ Эгиста,
Игралъ и юриста,
Игралъ журналиста,
Во все весь свой вѣкъ
Играя нечисто.

II.

На чтеніе К. К. Павловой.

Забывъ о милой Каролинѣ
О прелести ея стиховъ,
Я уважалъ вчера in's Grüne
Послушать Майскихъ соловьевъ,
А бывшія въ собраньи лица
Единогласно говорятъ,
Что эдакъ воетъ лишь волчица,
Когда берутъ у ней волчать.

К. К. Павлова была членомъ Общества любителей Россійской словесности при Московскомъ Университетѣ. Пріѣхавъ изъ чужихъ краевъ, она пожелала прочесть въ немъ свой переводъ Валленштейнова Лагера. Читала она очень рѣзкимъ съ завываньями голосомъ. Соболевскій въ тотъ день ѣздилъ гулять въ Сокольники и не могъ попасть на чтеніе, а на другой день увѣдомилъ о томъ одного изъ сочленовъ этими стихами. П. Б.

ПИСЬМО Е. А. ГОЛОВИНА КЪ А. А. АНТОНСКОМУ.

С. Купрово, 19-го Мая 1843 г.

Милостивый государь Антонъ Антоновичъ.

Исполняя обѣщаніе мое, посылаю вамъ, почтеннѣйшій Антонъ Антоновичъ, правила для школъ Царства Польскаго, самимъ мною составленныя, въ бытность мою тамъ начальникомъ по учебной части. Этотъ браткій школьный уставъ, одобренный благонамѣренными и опытными людьми въ Вѣнѣ и Берлинѣ, возбудилъ въ свое время негодованіе противъ меня Французскихъ журналовъ, которые осыпали меня колкостями и укоризнами, на чтò я впрочемъ готовъ былъ. Но къ утѣшенію моему послужило то, что со введеніемъ въ Польскихъ училищахъ правилъ этихъ, отвергаемыхъ новѣйшими о воспитаніи дѣтей понятіями, водворились между учениками порядокъ и спокойствіе, такъ что сами матери, которыхъ одна мысль о наказаніи дѣтей розгою приводила въ ужасъ, помирились съ нею, и жалобы умолкли. Не знаю, въ какомъ положеніи теперъ школьная дисциплина въ нашей Польшѣ, но то достоверно, что послабленіе ея обращается на гибель для юношества.

Примите при семъ случаѣ, достопочтеннѣйшій нѣкогда наставникъ нашъ, изъявленіе чувствъ самой искреннѣйшей признательности и уваженія, съ которыми непрестану быть однимъ изъ усерднѣйшихъ вашихъ читателей и покорнѣйшимъ слугою. Евгенийъ Головинъ.

При этомъ письмѣ Е. А. Головинъ препроводилъ Антонскому экземпляръ брошюры, изданной имъ въ 1835 г. въ Варшавѣ подъ слѣдующемъ заглавіемъ: „Изложеніе причинъ, побудившихъ къ дополненію постановленій относительно школьной дисциплины, съ присовокупленіемъ наставленія для училищнаго начальства и правилъ для учениковъ. Exposé des motifs qui ont nécessité un supplément aux ordonnances, relatives à la discipline scolaire, avec addition d'une instruction pour les autorités compétentes, ainsi que d'un règlement pour les écoliers“ (72 стр. въ 8-ую д. л.). На заглавномъ листѣ препровожденнаго экземпляра рукою Головина было написано: „Отъ Евг. Александр. Головина Антону Антоновичу Антонскому. 1843-го года“, а рукою Антонскаго отмѣчено: „При весьма лестномъ письмѣ получено 30-го Мая отъ генераль-аншефа Головина, бывшаго нѣкогда моимъ воспитанникомъ“.

(Сообщено покойнымъ Е. М. Осюкисловымъ).

ПАМЯТИ КНЯЗЯ В. И. БАРЯТИНСКАГО.

8 Мая скончался въ Римѣ послѣ долголѣтней болѣзни, на 81 году отъ рожденія, одинъ изъ послѣднихъ Севастопольцевъ, князь Викторъ Ивановичъ Барятинскій. Личность его, мало извѣстная въ Россіи, отчасти вслѣдствіе непродолжительности его службы, особенно же по причинѣ необычайной его скромности, удерживавшей его всегда отъ всего показного, заслуживаетъ того, чтобы память о немъ не прошла безслѣдно. Князь Викторъ Ивановичъ родился въ 1823 г. въ родовомъ имѣніи князей Барятинскихъ, селѣ Ивановскомъ, Курской губерніи. Онъ на второмъ году жизни лишился отца. Благодаря попеченіямъ своей матери и старшаго брата князя Александра Ивановича (впослѣдствіи фельдмаршала), князь В. И. получилъ основательное, вполне классическое образованіе и затѣмъ, окончивъ въ 1841 г. курсъ С.-Петербургскаго Университета, пошелъ по собственному желанію на морскую службу и вскорѣ мичманомъ поступилъ въ Черноморскій флотъ, находившійся тогда въ апогеѣ славы, подъ командованіемъ незабвеннаго адмирала М. П. Лазарева.

Князь В. И. вскорѣ приобрѣлъ репутацію отличнаго паруснаго офицера и обратилъ на себя вниманіе нашихъ великихъ адмираловъ: Лазарева, Корнилова, Нахимова и другихъ. Живя въ Севастополь, а позднѣе въ Греціи, во время заграничнаго плаванія, князь посвящалъ свободное отъ службы время и свои средства археологическимъ изысканіямъ и первый сталъ производить раскопки Херсонеса Таврическаго, давшія впослѣдствіи такую обильную жатву, а въ Афинахъ онъ первый опредѣлилъ въ точности мѣсто, гдѣ долженъ былъ находиться у подножія Акрополя театръ Діонисія. Только уходъ его судна изъ Греціи помѣшалъ ему дорыться до той глубины, гдѣ впослѣдствіи дѣйствительно и былъ найденъ этотъ театръ извѣстнымъ археологомъ Шлиманомъ. Театръ этотъ является теперь одной изъ достопримѣчательностей Афинъ.

Вернувшись въ Севастополь, князь В. И. обзавелся собственной большою яхтою. Яхта эта, парусная шкуна въ 160 тоннъ, „Ольвія“, была выстроена въ Николаевѣ по чертежамъ и подъ присмотромъ самого адмирала Лазарева. Въ числѣ отборной команды яхты, командиромъ которой былъ самъ князь Барятинскій, находился знаменитый матросъ Кошка, прославившійся во время осады Севастополя.

Передъ началомъ Крымской войны адмиралъ Корниловъ взялъ къ себѣ во флагъ-офицеры князя В. И. Ему такимъ образомъ пришлось быть съ

Корниловымъ на пароходѣ „Одесса“, погнавшемся за Турецкимъ пароходомъ „Танфъ“, и по этой причинѣ попавшемъ только къ самому концу Синопскаго боя. Пришлось ему быть и на пароходѣ-фрегатѣ „Владимиръ“ во время славнаго боя этого парохода съ Турецкимъ пароходомъ „Первазь-Бахре“, сдавшимся въ плѣнъ.

Въ Синопѣ, присутствуя при догараніи Турецкаго флота съ балкона флагманскаго корабля „Императрица Марія“, Нахимовъ поручилъ князю В. И. нарисовать представлявшійся эффектный видъ, и этотъ рисунокъ послужилъ Айвазовскому канвою для писанія картины Синопскаго боя, висящей въ Зимнемъ дворцѣ. Объ этомъ случаѣ и о нѣкоторыхъ другихъ изъ эпохи войны рассказалъ самъ князь В. И. въ статьѣ, напечатанной въ газетѣ „Крымскій Вѣстникъ“ 3 Декабря 1888 г. Сколько помнится, это единственное появившееся въ печать произведеніе пера князя Виктора Ивановича. Впоследствии онъ сталъ записывать свои воспоминанія, и надо надѣяться, что будутъ изданы. Написаны они слогомъ яснымъ и живымъ, съ сердечностью, нѣкоторыя изъ нихъ и подчасъ съ тонкимъ присущимъ ему юморомъ.

8 Сентября 1854 г. покойный князь, посланный изъ Севастополя съ порученіемъ отъ Корнилова, находился въ свитѣ князя Меншикова, во время Альминскаго сраженія и затѣмъ въ Севастополѣ во время первой бомбардировки. 5 Октября исполнялъ онъ порученія Корнилова, въ этотъ же день сраженнаго ядромъ на Малаховомъ курганѣ. По кончинѣ Корнилова его взялъ къ себѣ на ту же должность П. С. Нахимовъ, и онъ оставался въ Севастополѣ почти все время осады, и тутъ же, по кончинѣ Нахимова, заболѣвъ тяжко тифомъ, былъ вывезенъ изъ Севастополя для излѣченія болѣзни. Послѣ паденія Севастополя, осенью 1855 года, онъ женился на М. А. Бутеневой, дочери известнаго дипломата, и получилъ въ командованіе батареи въ Николаевѣ. По заключеніи мира, за уничтоженіемъ любимаго имъ Черноморскаго флота, князь вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана 1-го ранга и съ тѣхъ поръ проживалъ въ Одессѣ и въ своемъ любимомъ Курскомъ помѣстьи селѣ Груновкѣ (Суджанскаго уѣзда), гдѣ много трудился надъ его устройствомъ и украшеніемъ. Живя въ уѣздѣ, онъ ревностно занимался общественными дѣлами въ качествѣ почетнаго мирового судьи и земскаго гласнаго. Послѣднія 12 лѣтъ князь В. И. провелъ почти безвыѣздно за границей, преимущественно въ Римѣ, нуждаясь въ тепломъ климатѣ вслѣдствіе разстроенаго здоровья.

Кончая эту біографію князя В. И., хотѣлось бы вкратцѣ characterizeовать его свѣтлую, благородную личность и упомянуть о томъ большомъ обаяніи, которое было ему присуще. Горячій патриотъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, человекъ дѣтской чистоты души, донельзя скромный и привѣтливый, художникъ до мозга костей, замѣчательный рассказчикъ, нѣжный семьянинъ и вѣрный другъ, память о немъ долго будетъ чтиться всѣми его знавшими („Новое Время“ 31 Мая 1904 г.).

Х.

И. В. ЕФИМОВЪ.

Мы виноваты передъ нашими читателями, не помянувъ доселѣ *Ивана Владимировича Ефимова*, скончавшагося въ Томскѣ (1 Января 1903). Помѣщенные въ „Русскомъ Архивѣ“ 1898 года, его рассказы о ссыльно-каторжныхъ восточной Сибири могутъ стать на ряду съ „Записками изъ мертваго дома“ Ф. М. Достоевскаго и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходить ихъ. Заимствуемъ изъ Томской газеты „Сибирская жизнь“ 1903 года нѣсколько свѣдѣній объ этомъ поистинѣ достопамятномъ человѣкѣ.

И. В. Ефимовъ родился въ Якутскѣ 6 Іюля 1820 года. Его предки были выходцами изъ Великаго Устюга и участвовали въ покореніи нашихъ крайнихъ сѣверовосточныхъ предѣловъ. Отецъ его († 1844) служилъ чиновникомъ въ Якутскѣ и Охотскѣ, откуда овдовѣвшая мать его (дочь протоіерея) переселилась въ Иркутскъ, и въ тамошней четырехклассной гимназіи въ 1835 году Иванъ Владимировичъ кончилъ ученіе, усвоивъ себѣ на всю жизнь толковую любознательность. Онъ хорошо зналъ языки Французскій и Польскій, обучившись имъ въ Нижнеудинскѣ, гдѣ въ убадномъ училищѣ четыре года преподавалъ исторію и географію. Затѣмъ 15 лѣтъ сряду онъ служилъ въ Иркутскѣ столоначальникомъ губернскаго правленія.

При уважавшемъ графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ И. В. Ефимовъ управлялъ казеннымъ Александровскимъ винокурненнымъ заводомъ, гдѣ рабочіе были каторжники, и онъ умѣлъ такъ обращаться съ ними, что самая прислуга его состояла изъ нихъ, а когда вѣрно было переселять ихъ (въ числѣ слишкомъ полтораэта человѣкъ) на другой заводъ, онъ расковалъ ихъ, и они цѣлую недѣлю шли, въ сопровожденіи его и всего шести казаконъ, съ пѣснями и плясомъ. Въ 1853—1856 годахъ онъ служилъ земскимъ исправникомъ, а потомъ горнымъ исправникомъ въ Енисейской тайгѣ.

Съ 1858 года по кончину Ефимовъ жилъ частнымъ человѣкомъ, то въ Красноярскѣ, то въ Томскѣ, Петербургѣ и Москвѣ, состоя на службѣ у золотопромышленниковъ. Благодаря его настояніямъ въ печати и у властей, Университетъ былъ открытъ въ Томскѣ, и въ послѣдніе годы свои онъ не переставалъ радѣть этому учрежденію, которое и почтило его торжественнымъ погребеніемъ.

Въ молодости и среднихъ лѣтахъ Ивану Владимировичу доводилось сходить со ссыльными и служившими въ Сибири Поляками, а также знать довольно близко нѣкоторыхъ декабристовъ; но ни тѣ, ни другіе не затуманили и не вскружили умной его головы. Онъ занялся отъ нихъ многому добруму и высокому, безъ лукавства и заносчивости и безъ охоты счастливить людей какъ самому кажется лучше. Онъ былъ человѣкъ, который „думаетъ свою крѣпку думу безъ шуму“. А дума эта была благо Сибири. Въ ея преданіяхъ будетъ онъ жить вѣчно. Мы познакомились съ нимъ, когда онъ доживалъ свое осмидесятилѣтіе; но не было въ немъ и тѣни старческой брюзгливости. Высокаго роста, крѣпкаго сложенія, съ благодушіемъ во взорѣ напоминалъ онъ намъ Сибирячку Лукерью Алексѣевну Цеймеръ (урожд. Сверчкову), уроженку Тобольска, долгіе годы благотвительно управлявшую женскимъ институтомъ Московскаго Воспитательнаго Дома: что-то величавое было въ его простотѣ. Таковъ былъ и другой Сибирякъ, митрополитъ Иннокентій. П. Б.

биться (Бѣглый очеркъ ея жизни въ 8-й книжкѣ „Русскаго Архива“ 1877 года).

Средоточіемъ сердечной драмы является, радуется и умиляетъ читателя идеаль Жуковскаго, его ученица Марья Андреевна. Почти половину „Уткинскаго Сборника“ занимаютъ письма его, одно другого занимательнѣе; но еще лучше ихъ письма Марьи Андреевны. Ихъ можно сравнить съ сонатами Моцарта, а предсмертное письмо—это заключительный акордъ душевной музыки.

Въ книгѣ нѣсколько новыхъ показаній для біографіи Жуковскаго. Если она не появится скоро новымъ изданіемъ, это будетъ прискорбнымъ знакомъ огрубѣнія вкуса въ Русскомъ обществѣ.

По нашему мнѣнію, можно бы было отложить для будущихъ книгъ „Уткинскаго Сборника“ только два письма Жуковскаго: къ королю Прус-

скому и къ Н. И. Тургеневу. Оба они мѣшаютъ цѣлостному впечатлѣнію, которое производитъ книга. Король Прусскій самъ заискивалъ въ Жуковскомъ для укрѣпленія своего малаго значенія при Русскомъ дворѣ (не даромъ и первый вопросъ великаго Гёте пріѣхавшему въ Веймаръ молодому А. И. Косшелеву былъ: *Wie ist die Hoflage des Herrn Staatsraths Jukowsky?*). Письмо къ Тургеневу тоже совсѣмъ изъ другой главы въ біографіи Жуковскаго.

Исторія свидѣтельствуетъ, что жизнь поэтовъ нерѣдко бываетъ въ противорѣчій съ ихъ произведеніями. Въ нашемъ же Пѣвцѣ по станію Русскихъ воиновъ человекъ еще гораздо выше, чище, свѣтлѣе поэта. Жаль, что „Уткинскій Сборникъ“ вышелъ поздно, и его не могъ прочесть Достоевскій. Какъ отнестся бы онъ, сумѣвшій оцѣнить Пушкинскую Татьяну, къ не вымышленному, а живому образцу Русской женщины! П. Б.

Въ конторѣ „Русскаго Архива“ (Москва, Садовая, 175) получать можно

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я

Ө. И. ТЮТЧЕВА.

Цѣна 40 коп., съ пересылкою 45 к.

Journal tenu par la princesse Tourkestanow (1818) et lettres de Christin à une dame de sa connaissance (1830—1831).

Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

MÉMOIRES DE LA COMTESSE EDLING.

Цѣна 3 р. съ перес.

ПОДПИСКА НА РУССКІЙ АРХИВЪ

1904 года.

(Годъ 42-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1904 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой девять рублей; для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домъ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которые подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ приемъ подлинныхъ документовъ и автобиографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаютъ по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ф. И. Тютчева и князя В. Ф. Одоевскаго), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890—1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по 7 р.; годы 1898—1903 по 8 р., съ пере-

сылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій, въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Цѣны на адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—90 копѣекъ; иногороднаго на Московскій—40 копѣекъ. (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ). Просимъ присылать номеръ перемѣннаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни. Для переговоровъ съ издателемъ по Четвергамъ отъ 2 до 4 часовъ пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» 1904 года 1, 2, 3 и 4 можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Вартаневъ.**

Годъ сорокъ второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1904

7.

Стр.

313. Благотворительная дѣятельность Екатерины Великой. Статья
М. Е. Соколовскаго.
342. Изъ писемъ Е. Я. Булгакова къ его брату. 1813-й годъ.
371. Биографія князя Г. Г. Орлова. Статья А. А. Голомбѣвскаго.
427. Дневникъ И. М. Свѣгирева. 1858-й годъ.
447. Изъ дѣла объ опрокинутой коляскѣ Великихъ Князей Николая и
Михаила Павловичей. 1822.
450. Письмо Е. С. Аксакова къ С. М. Великопольской, съ предисло-
виемъ В. Д. Модзалевскаго.
453. Письмо князя П. П. Вяземскаго къ графу С. Д. Шереметеву о дѣ-
лахъ Общества любителей древней письменности. 1877.
- Отзывы о новыхъ книгахъ (внутри обложки).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1904.

НОВЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ КНИГИ.

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Книга осьмая. С.-Пб. 1904. Большая 4-ка. 8,512, VII, XXXVI и 2 нен. стр.

При этой книгѣ вышла въ новомъ дополненномъ изданіи родословная Шереметевыхъ, доведенная до нынѣ живущихъ членовъ многочисленнаго и вполне историческаго рода. Ею облегчается чтеніе этого единственнаго въ своемъ родѣ сочиненія, въ которомъ частные и мелкіе случаи получаютъ значеніе въ изложеніи общаго хода Русской жизни за цѣлый рядъ столѣтій.

Осьмью книгою заканчивается исторія Шереметевыхъ до - Петровскаго времени, для написанія которой требовалось много настойчиваго труда и мелкихъ разысканій въ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ. Неутомимый биографъ съ художественнымъ умѣніемъ изобразилъ Шереметевыхъ въ общей картинѣ Русской Исторіи, и восемь этихъ книгъ читаются легко и занимательно. Нельзя не пожелать, чтобы онѣ переизданы были для общаго чтенія, уже не въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, которому покойный князь П. А. Вяземскій придалъ бы названіе *руколомнаго* (какъ прозвалъ онъ Гротовское академическое изданіе Державина); читать нельзя иначе какъ на подставкѣ: такъ толста бумага и разгониста печать.

Отъ души пожелаемъ, чтобы продолжалась исторія Шереметевыхъ и за царствованіе Петра Великаго. Фельдмаршалъ графъ Петръ Борисовичъ, начальная служба котораго уже описана въ 8-й книгѣ, можетъ занять не одну книгу.

Какъ Н. П. Барсуковъ изображаетъ намъ М. П. Погодина во всей его

ученой и общественной обстановкѣ, и книги его вѣрнѣе бы называть „Погодинъ и его время“, такъ и тутъ нѣкоторыя страницы не касаются прямо Шереметевыхъ, но живописуютъ тѣ событія и случаи, которые чѣмъ либо до нихъ относятся. А. П. Барсукову посчастливилось извлечь изъ Государственнаго Архива нѣсколько новыхъ свѣдѣній о царяхъ Алексѣѣ Михайловичѣ и Феодорѣ Алексѣевичѣ.

Lettres et papiers du chancelier comte de Nessel rode. 1760—1850. Extraits de ses archives. Publiés et annotés par le comte A. de Nesselrode. Paris. 2 vol.

Привѣтствуемъ превосходное изданіе, начатое внукомъ государственнаго канцлера, графа Карла Васильевича Нессельроде, графомъ Анатолиемъ Дмитриевичемъ. Въ первомъ томѣ помѣщены бумаги его прадеда, бывшаго нашимъ посланникомъ въ Лиссабонъ и Берлинъ, письма къ нему великой княгини Маріи Феодоровны и Павла Петровича. „Послѣднія удивительно умны и хороши. Временами, какъ видно, сношенія Цесаревича съ Екатериною вполне возстановлялись. Сдается, что у насъ преувеличили ихъ взаимное отчужденіе, вовсе не носившее остраго характера, развѣ только въ самомъ концѣ. Всѣ эти письма относятся ко времени послѣ путешествія графа и графини Съверныхъ по Европѣ, но до появленія Зубова. Молодой дворъ хвалитъ Мамонова и особенно интересуется его будущей женою. Переписка графа Нессельроде съ сыномъ продолжается и въ царствованіе Павла. Ненормальность Правителя видимо смущаетъ и огорчаетъ сочувствующихъ ему людей. Читая письма Цесаревича, любишься его свѣтлымъ

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ КАКЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦА ¹⁾.

Крупнѣйшею законодательно-благотворительною дѣятельностью Екатерины Великой было учрежденіе приказовъ общественнаго призрѣнія, долженствовавшихъ сосредоточивать въ себѣ всю благотворительную дѣятельность даннаго мѣста.

Петербургскій приказъ общественнаго призрѣнія былъ открытъ 31 Мая 1780 г. ²⁾. Кромѣ суммы, отпущенной ему, какъ и всѣмъ прочимъ приказамъ, въ размѣръ 15,000 р., денежные средства этого приказа составились изъ 15,659 р., собранныхъ Петербургскимъ дворянствомъ для сооруженія памятника Екатеринѣ II и пожертвованныхъ Императрицею на бѣдныхъ, изъ 15,417 р., ежегодно отпускавшихся Коллегіею Экономіи на содержаніе богадѣленъ, и, наконецъ, изъ частныхъ пожертвованій. Архіепископъ Новгородскій и Санкт-петербургскій пожертвовалъ 2.000 р., духовникъ Императрицы, протоіерей Благорѣщенскаго собора, Іоаннъ 100 р., сочлены приказа Струговщиковъ 1.000 р. и Зиминъ 500 р., маіоръ Бороздинъ 50 р., кол. ас. Савва Яковлевъ 5.000 р., Тульскій купецъ Володимировъ 4.000 р., заводчикъ Баташевъ 300 р., членъ губернскаго магистрата Роговиковъ съ братомъ 500 р., д. с. с. Степанъ Шешковскій 50 р., ст. с. Красильниковъ 25 р., ген.-пор. Бороздинъ 25 р., г-жа Гаррисъ 100 р., неизвѣстныя „особы“ 2 р., 25 р., 35 р., 25 р. и еще 25 р., бригадиръ Иванъ Сибилевъ 5 р., д. ст. сов. Глѣбовскій 10 р., сенаторъ Степанъ Ушаковъ 50 р., гр. Иванъ Андреевичъ Остерманъ 100 р., г.-м. Перѣилевъ 25 р., гр. Минихъ 50 р., четыре неизвѣстныхъ „особы“ 4.000 р., тит. с. Шпаковскій 25 р., надв. с. Александръ Демидовъ 600 р., купецъ Бертолотти 25 р., питомцы училища, основаннаго издателемъ „Утренняго Свѣта“ 50 р., оберъ-прокуроръ Иванъ Гавриловичъ Резановъ 25 р., дворяне Петербургской губерніи 3.010 р., Петербургскіе купцы Иванъ Долговъ 300 р., Семень Калашниковъ 300 р., Кириллъ Поповъ 500 р., Семень Галактіоновъ 300 р., Голиковъ „съ компаніею“ 1.200 р. и, наконецъ, Англій-

---

¹⁾ Въ 1900 г. мною написана статья о томъ же предметѣ и помѣщена въ „Вѣстникъ Благотворительности“ (1902 г., №№ 1 и 2), а въ извлеченіи и въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“. Но, продолжая въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ изысканія въ этой области, я ознакомился съ новыми источниками, на основаніи которыхъ составлена настоящая статья. М. С.

²⁾ „С.-Петербургскій Вѣстникъ“. 1780, ч. 6-я.

ское купечество, препроводившее при письмѣ на имя фельдмаршала князя Голицына, 5.000 р. ¹⁾.

Въ этомъ перечнѣ останавливаютъ вниманіе значительность пожертвованій и пестрота лицъ: здѣсь и первые сановники, и богатые комерсанты, и люди средняго достатка, и даже иностранное купечество. Каждый несъ свою лепту на эту сознательную благотворительность, каждый старался отозваться на царскій зовъ. Видно, что законодательное мѣропріятіе Императрицы встрѣтило сочувствіе въ обществѣ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Сколько лицъ прикрылись широкимъ анонимомъ „неизвѣстнаго“, или растворились въ собирательномъ званіи „купечество“, „дворянство“. Пусть же имена этихъ отзывчивыхъ людей, чрезъ 123 года, пройдутъ предъ глазами потомства и, хоть на мгновенье вынырнувъ изъ бездны сѣдой старины, вызовутъ благодарную память...

Пожертвованія не изсякали и въ послѣдующіе годы существованія Петербургскаго приказа общественнаго призрѣнія.

Въ теченіе Января и Февраля 1780 г. пожертвовали: Императрица, на потребности Градской больницы, муки ржаной 180 четвертей, крупъ гречневыхъ 20 четв., овсяной 50 четв., соли 50 пуд., холста 2.000 арш., тилку 1.000 арш., чулокъ 120 паръ, дровъ 120 саж.; князь Александръ Вяземскій, муки ржаной 10 четв. и дровъ 13 саж.; засѣдатель Сов. Суда Александръ Григорьевичъ Демидовъ, причитавшееся ему за Сентябрьскую треть жалованье—198 р.; купецъ Чирвинъ 5 р. Кроме того, поступили въ кассу приказа: „штрафъ“ съ купца Риделя 5 р., а отъ С.-Петербургскаго суда, „по происшедшей между нѣкоторыми истцомъ и отвѣтчикомъ ссоры“ 8 р. 18 к. Въ Мартъ того же года поступило: отъ фл.-адъют. г.-м. Ланскаго 500 р., отъ С.-Петербургскаго купечества взысканные „недоимочные“ съ ассесора Саввы Яковлева 6.900 р., отъ С.-Петербургскихъ мѣщанъ 50 р., отъ неизвѣстнаго изъ Риги 1.000 р., отъ другого неизвѣстнаго 2 р., отъ Голикова ржаной муки 10 кулей, пшеничной муки 5 кулей, пшеничной крупы 5 кулей, гречневой крупы 5 кулей, масла коровьяго 5 пудовъ, постнаго 5 пудовъ, „полукаламенну“ 100 арш., холста 500 арш., чулокъ, мужскихъ и женскихъ, нитяныхъ и шерстяныхъ по 100 паръ. 1 Апрѣля неизвѣстный прислалъ 1.000 р., а 16 Апрѣля тайный совѣтникъ Шкуринъ представилъ для нуждъ Градской больницы 15 кулей ржаной муки ²⁾,

Нельзя еще не упомянуть о церковно-кружечномъ сборѣ, также обращенномъ на нужды приказа. Въ послѣдніе пять мѣсяцевъ 1780 г. въ церковныя кружки поступило 164 р. 33 к., а въ Январѣ и Февралѣ 1781 г. 68 р. 42 к.

*

¹⁾ Тамъ же. 1780. Августъ.

²⁾ Тамъ же. 1781, ч. VII.

Въ завѣдываніи Тульского приказа состояли ¹⁾:

1. Богадѣльни. Число ихъ въ 1780 г., при открытіи дѣятельности приказа, достигало 16-и; однако, въ 1782 г., „по тщательномъ дознаніи приказа“, эта цифра уменьшилась до 12-и; изъ послѣдняго же числа, „по ветхости“, было уничтожено 4, и изъ оставшихся 8 богадѣлень 7 было устроено для женщинъ и одна для мужчинъ. Вотъ названія этихъ богадѣлень: Кладбищенская, Вознесенская, Пречистенская, Егорьевская, Никольская, чтò за рѣкой, Воздвиженская, Никольская, чтò за валомъ, и Успенская; въ 1784 г. число богадѣлень падаетъ до 5, при чемъ появляется одна неупоминаемая ранѣе богадѣльня при церкви Благовѣщенія. Уменьшеніе числа богадѣлень, конечно, слѣдуетъ объяснить отсутствіемъ у приказа денежныхъ средствъ. Съ публичныхъ торговъ, за 35 р., продана каменная на берегу Упы богадѣленная постройка, затопляемая ежегодно, при весеннемъ разливѣ рѣки, водою;

2. Воспитательный домъ ²⁾, на содержаніе коего, по 300 руб. ежегодно, жертвовало съ 1783 г. Тульское купеческое и мѣщанское общество; кромѣ того, Чернское благотворительное общество обязалось выдавать ежегодно на содержаніе дома по 111 р. деньгами и по 103 четверти ржи, а Каширское по 64 р. 75 к.; призравалось обыкновенно въ домъ отъ 5 до 15 дѣтей; иногда даже и болѣе; но вообще, при значительномъ наплывѣ требовавшихъ призраженія, часть дѣтей переводилась изъ Тулы въ Бѣлевъ. Смертность дѣтей, составляющая слабую сторону дѣятельности чуть ли не поголовно всѣхъ воспитательныхъ домовъ, была и здѣсь весьма значительной, и въ Бѣлевскомъ отдѣленіи умерло въ 1789 г. 13 дѣтей изъ 17, а въ 1790 г. 13 изъ 16;

3. Два инвалидныхъ дома, изъ коихъ одинъ былъ основанъ иждивеніемъ жены ст. с. Прасковьи Баскаковой, ежегодно выдававшей на его содержаніе по 308 р. 7 к. деньгами и хлѣбъ натурою;

4. Гражданская больница, открытая 30 Октября 1782 г.;

5. Смирительный домъ, въ коемъ содержались люди разнообразныхъ занятій и состояній и по разнообразнымъ причинамъ; здѣсь были празднопатающіеся, безпаспортные, помѣщенные за сквернословіе и пьянство, за невоздержанное поведеніе и развратъ, за прелюбодѣяніе и прижитіе незаконныхъ дѣтей; содержался, между прочимъ, одинъ инвалидъ, уличенный въ воровствѣ и проживавшій въ домъ до тѣхъ поръ, пока не заработалъ 8 р. 50 к., т. е. суммы, въ каковую было оцѣнено украденное имъ имущество; содержались за непослушаніе родителямъ дѣти, посаженные въ домъ по заявленію послѣднихъ; крестьяне, обвинявшіеся своими хозяевами въ лѣности, и пр. Заключавшіе кого либо въ домъ уплачивали за его содержаніе впередъ, по расчету въ день, по пяти копѣекъ;

6. Училища и домашніе учителя.

¹⁾ *Пановъ* „Благотворительныя заведенія въ г. Тулѣ въ концѣ прошедшаго столѣтія“. Приб. къ Тульск. епарх. вѣдом. 1875, №№ 8—11.

²⁾ У *Панова* выставленъ ошибочно годъ учрежденія Воспитательнаго Дома—1799 г., такъ какъ изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что онъ уже существовалъ въ 1783 г.

Относительно того же Тульского приказа общественного призрѣнія можно сообщить еще одну любопытную подробность. 1 Мая 1778 г. „12 инвалидовъ, долговременно и безпорочно отечеству на брани служившихъ“, были опредѣлены въ богадѣльню-инвалидный домъ, причемъ священникъ Никитской церкви, отецъ Гавріилъ пожертвовалъ 400 томовъ книгъ, всю свою библіотеку, общая пристроить впоследствии каменное для нихъ помѣщеніе, съ тѣмъ, „дабы позволено было каждому пользоваться чтеніемъ книгъ“. Приказъ, съ своей стороны, желая поддержать благой починъ священника Гавріила, обѣщалъ заботиться о „пріумноженіи“ и на первый разъ увеличилъ библіотеку 150-ью томами. Открытіе этого инвалиднаго дома сопровождалось чтеніемъ приличнаго сему случаю стихотворенія: его произнесъ нѣкто Тимченко ¹⁾).

*

Въ Ярославлѣ, приказъ общественного призрѣнія получилъ отъ частныхъ лицъ значительныя пожертвованія. Мѣстный гражданинъ и содержатель полотняныхъ фабрикъ Иванъ Затрапезный пожертвовалъ 1.000 р., два брата Рыбниковы—каменный домъ для Сиротскаго пріюта, а нѣсколько купцовъ обѣщались вносить ежегодно по 300 р. на обученіе сиротъ; кромѣ того, купечество и мѣщанство пожертвовали 14 каменныхъ строеній ²⁾). Открытіе Сиротскаго дома въ Ярославлѣ пріурочено ко дню рожденія Императрицы и состоялось въ 1786 году; въ первое время было принято 60 дѣтей. На учрежденіе и содержаніе Сиротскаго дома купецъ Иванъ Кучумовъ пожертвовалъ 2.000 рубл. для постройки и 20.000 рубл. въ неприкосновенный капиталъ, проценты съ коего должны идти на содержаніе пріюта; его наследники пожертвовали еще 1.000 р., а внукъ, купецъ Желтуховъ, 2.000 р. Владимиръ Остафьевъ прислалъ въ капиталъ 7.500 р. отъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными, и 500 рубл. отъ себя; всего капиталъ на содержаніе достигъ 31.000 р., на постройку же должны были обратиться, кромѣ 2.000 р. отъ Кучумова, 1.000 р. отъ его жены и дѣтей и 15.000 р. отъ неизвѣстныхъ лицъ, всего 18.000 р. ³⁾).

*

Въ Рязанскомъ намѣстничествѣ приказъ общественного призрѣнія открытъ 23 Декабря 1778 г., при чемъ въ день открытія нищія были одарены платьемъ и деньгами и накормлены обѣдомъ ⁴⁾).

*

Владимирскій приказъ общественного призрѣнія открытъ 2 Іюня 1779 г. подъ предѣлательствомъ правителя намѣстничества д. с. с. Самойлова; 22 Апрѣля 1783 г. въ домахъ, построенныхъ приказомъ, близъ такъ называемаго Потанина мѣста, были открыты: больница на 24 чел., домъ для сума-

¹⁾ „С.-Петербургскій Вѣстникъ“. 1778 г., ч. I. Май.

²⁾ Тамъ же, 1778 г., ч. I, Мартъ.

³⁾ „Уединенной Пошехонецъ“ 1786 г., Іюнь.

⁴⁾ „С.-Петербургскій Вѣстникъ“. 1779 г., ч. III. Январь.

спешныхъ, смирительный домъ и школа; приказъ располагалъ въ это время капиталомъ въ 30.000 рублей ¹⁾).

*

Въ Тверской губерніи, въ 1783 и 1784 гг., состояли въ вѣдѣніи мѣстнаго приказа призрѣнія: въ самомъ губернскомъ городѣ больница, сиротскій домъ, рабочій домъ и богадѣльня; въ Торжкѣ, Вышнемъ-Волочкѣ, Осташковѣ, Ржевѣ, Калязинѣ и Кашинѣ, по двѣ богадѣльни, а въ Старипахѣ, Весьегонскѣ и Бѣжецкѣ—по одной богадѣльнѣ ²⁾).

По докладной статьѣ и. д. Кавказскаго ген.-губернатора, ген.-пор. Потемкина, 20 Января 1788 г., разрѣшенъ въ пользу Астраханскаго приказа общественнаго призрѣнія доходъ съ „вывозимый изъ Персіи рыбы, клея и прочаго“ ³⁾. Изъ рапорта сенатскаго совѣтника Алексѣева, отъ 1795 г., видно, что дворянство Тамбовской губерніи пожертвовало въ приказъ общественнаго призрѣнія 12.000 рубл. ⁴⁾.

Изъ представленной же въ Сенатъ вѣдомости Пермскаго намѣстническаго правленія отъ 30 Ноября 1788 года за № 15177 ⁵⁾ видно, что въ Перми расходовалось: на воспитаніе незаконнорожденныхъ 120 рубл., на призрѣніе престарѣлыхъ и увѣчныхъ 330 рубл. (изъ нихъ 30 рубл. на дрова), на содержаніе бѣдныхъ учениковъ въ школахъ 150 р.; кромѣ того, единовременный расходъ по устройству богадѣленъ достигалъ 200 р. Въ Кунгурѣ расходовалось: на содержаніе дѣтскаго училища 200 р., на заведеніе дома для несчастно-рожденныхъ младенцевъ и сиротскихъ дѣтей 200 р., всего 400 р., при общемъ расходѣ въ 2650 р. 76 к. Въ Чердыни расходовалось: на богадѣльни и школы 200 р., при общемъ расходѣ въ 1873 р. 50 к.; въ Соликамскѣ расходовалось на богадѣльни ежегодно по 320 р., при общемъ расходѣ въ 4.061 р. 21½ к., а въ Екатеринбургѣ, при общемъ расходѣ въ 2.778 р. 2¼ к., расходовалось 370 р. „на бумагу и пр., на мебель, на шкафы, на содержаніе часовъ, на полученіе вѣдомостей публичныхъ Московскихъ, на знамя городское и неимущимъ на пропитаніе“.

*

Относительно денежныхъ сборовъ приказовъ общественнаго призрѣнія по приему въ залогъ недвижимой собственности частныхъ лицъ, съ цѣлью увеличенія благотворительныхъ средствъ, слѣдуетъ замѣтить, что еще въ древнемъ Римѣ дѣлалось нѣчто подобное: землевладѣльцы одного древнегреческаго округа получили въ сеуду 1.044.000 сестерцій при залогѣ принадлежавшей

¹⁾ „Труды Владим. учен. арх. ком.“, вып. 3-й.

²⁾ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1849 г. Тверская губ. въ 1783 и 1784 гг.

³⁾ „Архивъ Госуд. Сов.“; I, гл. XXXII, приказы общественнаго призрѣнія.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Опись дѣлъ Пермск. учен. арх. ком., высланныхъ изъ Сенатск. Архив. „Труды Пермск. учен. арх. ком.“, в. II.

имъ земельной собственности, оцененной въ 13.007.536 сестерцій, изъ 5% годовыхъ (ссуда, замѣчу мимоходомъ, составляла едва $\frac{1}{12}$ часть оценочной суммы); на эти проценты, общій размѣръ коихъ составлялъ въ годъ 52.200 сестерцій въ годъ, содержались дѣти; ихъ было 281 человекъ, изъ коихъ только 35 незаконнорожденныхъ. Впослѣдствіи была выдана еще дополнительная ссуда, въ 72.000 сестерцій, на проценты съ коихъ, т. е. на 3.600 сестерцій, содержалось еще 19 дѣтей ¹⁾).

Этотъ частный примѣръ приведенъ мною не для того, чтобы умалить значеніе законодательной дѣятельности Екатерины Великой въ домъ призрѣнія. Нѣтъ. Приказы общественнаго призрѣнія—вѣчный и несокрушимый памятникъ ея государственному уму. Эта ссылка служитъ выразителемъ того общаго историческаго закона, который можно бы назвать закономъ исторической повторяемости, социальной періодичности. Шеръ перефразировалъ этотъ историческій законъ сравненіемъ исторіи съ моремъ, имѣющимъ приливы и отливы. Историческая заслуга вовсе не заключается въ возсозданіи какихъ-либо новыхъ формъ общественной жизни или новыхъ разновидностей людскихъ взаимныхъ отношеній. Право на почетное имя въ исторіи пріобрѣтается и воспріятіемъ старыхъ формъ, если онѣ вполне пригодны для современной жизни и улучшаютъ послѣднюю. Это же право дается и насажденіемъ на собственную почву иноземныхъ учрежденій при условіи нѣкоторой переработки ихъ въ народномъ духѣ и, конечно, при убѣжденіи въ ихъ полной цѣлесообразности. Было бы нецѣпо отвергать геній Петра Великаго, хотя Преобразователь Россіи влилъ густую струю иноземщины въ Русскую жизнь. Тоже самое можно сказать и о приказахъ общественнаго призрѣнія. Учрежденіемъ ихъ вносился порядокъ въ Русскую благотворительность и въ тоже время при объединеніи дѣла, оно не стѣснялось. Если приказы и не были чужды недостатковъ, иногда, быть можетъ, и очень существенныхъ ²⁾, то въдъ „искусство трудно, критика легка“.

*

Перехожу къ вопросу о воспитательныхъ домахъ.

Въ „манускриптѣ руки его сіятельства князя А. Безбородко и Бакунина, сочиненномъ по высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины Алексѣевны“ ³⁾ приведено „хронологическое показаніе установленій Государыни Императрицы Екатерины Вторыя и знаменитѣйшихъ событій въ Ея царствованіе“. „Манускриптѣ“ написанъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ, изъ коихъ каждая послѣдующая представляетъ нѣкоторое развитіе предыдущей, и не доведенъ до конца; но подъ 1763 г. помѣщена записъ: „Учрежденіе Московскаго Воспи-

¹⁾ Загурскій. „Борьба съ голодомъ въ древнемъ Римѣ“.

²⁾ О недостаткахъ въ устройствѣ и дѣятельности приказовъ общественнаго призрѣнія подробно изложено въ моей статьѣ (Вѣсти. Благ. 1902, I и II), а отчасти и въ статьѣ профессора Дерюжинскаго „Очерки по общественному призрѣнію“.

³⁾ Извѣст. Тамбов. учен. арх. ком. 1886 г.

тательнаго Дома для приносимыхъ дѣтей, съ госпиталемъ для немущихъ родителей“. Сдѣланное „манускриптомъ“ признаніе учрежденія Воспитательнаго Дома „знаменитѣйшимъ событіемъ“ не можетъ быть оспариваемо и нынѣ.

Имя Бецкаго въ настоящее время извѣстно каждому образованному Русскому человѣку. Его изображеніе намѣщено на памятникѣ Екатерины въ С.-Петербургѣ. Преосвященный Анастасій, говоря: „Воскресите, воскресите въ памяти вашей тѣхъ мужей, кои были красотою и утѣшеніемъ человѣческаго рода“¹⁾, причисляетъ къ такимъ мужамъ и И. И. Бецкаго. Одинъ изъ біографовъ Бецкаго восклицаетъ: „Дѣла Бецкаго блещутъ драгоцѣнными камнями въ вѣнцѣ Екатерины Великой“. Но заслугу въ устроеніи воспитательныхъ домовъ никоимъ образомъ нельзя приписывать одному Бецкому. Даже если допустить, что воспитательные дома явились всецѣло по мысли Бецкаго, имъ были устроены и управляемы, то и тогда значеніе Екатерины, какъ благотворительницы, не уменьшается. Она могла поддерживать и подкрѣплять дѣятельность Бецкаго, она, наконецъ, могла вдохновить его на благотворительный подвигъ широтою своихъ государственныхъ преобразованій.

Конечно, дѣятельность воспитательныхъ домовъ не можетъ быть признана во всѣхъ отношеніяхъ безупречной. Ихъ значеніе зиждется, главнымъ образомъ, на той мысли, которою проникнуто законодательное по отношенію къ нимъ распоряженіе. Ихъ успѣхъ былъ скорѣе нравственнымъ, чѣмъ вещественнымъ. Существеннымъ ихъ недостаткомъ являлась сильная смертность прирѣввавшихся дѣтей, давшая поводъ одному изслѣдователю выразиться, что она, достигая въ первыя двѣнадцать лѣтъ существованія дома 89%, была „ужасною“²⁾.

Поэтому, весьма понятна та заботливость, съ которою правительство относилось къ вопросу объ ограниченіи размѣра этой смертности. Такъ, частныя лица получаютъ право содержанія и воспитанія незаконныхъ дѣтей, съ обязательствомъ доставленія ихъ въ Воспитательный Домъ, по достиженіи ими лишь пятилѣтняго возраста, т. е. того возраста, когда дѣти минуютъ обыкновенно періодъ наибольшей смертности. За приносимыхъ въ домъ дѣтей выдавалось вознагражденіе въ возмѣщеніе издержекъ по ихъ содежанію; размѣръ вознагражденія былъ установленъ въ 10 р. за доставленнаго двухлѣтняго ребенка, въ 18 р. за трехлѣтняго, въ 24 р. за четырехлѣтняго и въ 30 р. за пятилѣтняго. Изъ лицъ, содержавшихъ у себя дѣтей, можно упомянуть объ Олонецкомъ купцѣ Вашкановѣ, который содержалъ дѣтей въ числѣ 22-хъ въ 1772 г., 30-и въ 1773 г., 9-и въ 1774 г., 17-и въ 1775 г., 14-и въ 1776 г. и 16-и въ 1778 г. Въ 1778-омъ году „воспитателей“, коимъ поручались дѣти, было восемь человѣкъ³⁾. Приемъ въ Воспитательный Домъ не былъ вначалѣ ограниченъ какими либо условіями, но вскорѣ 1 Мая 1766 г. Опекунскій Со-

¹⁾ Б. Ф. Ив. Ив. Бецкій. „Свѣ. Пчела“, 1847 г., 49 и 50.

²⁾ Купріяновъ. Истор. оч. сост. медиц. въ царств. Екатерины II.

³⁾ Монографія по исторіи Восп. Д.

вѣтъ постановилъ не приниматьъ дѣтей старше двухъ лѣтъ; 9 Января 1768 г. тотъ же Совѣтъ рѣшилъ не приниматьъ дѣтей, уже умѣвшихъ говорить ¹⁾.

Средствами существованія Воспитательнаго Дома служили какъ частныя пожертвованія, такъ и сборъ „съ мануфактуръ“ и кредитныхъ операцій.

Изъ числа частныхъ пожертвованій слѣдуетъ упомянуть о взносѣ Прокофіемъ Демидовымъ 20 000 р., при закладкѣ въ Петербургъ 6 Сентября 1770 г. отдѣленія Воспитательнаго Дома ²⁾. На эти деньги было основано родовспомогательное заведеніе, имѣвшее цѣлью обслуживать не только матерей незаконныхъ дѣтей, но и приходивъ на помощь вообще „сырымъ и немущимъ родителямъ“ ³⁾. Содержатель питейныхъ сборовъ Иванъ Логиновъ, по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича, пожертвовалъ на нужды Воспитательнаго Дома 10.000 р. ⁴⁾. Нельзя не упомянуть еще о пожертвованіяхъ, сдѣланныхъ въ пользу воспитательныхъ домовъ иностранцами; извѣстны, напримѣръ, подобныя пожертвованія отъ Ренофа изъ Амстердама, отъ Петарда и Позье изъ Женева и Феронса изъ Бермена ⁵⁾. Конечно, это объясняется славою, которая гремѣла про Екатерину Великую по всей Европѣ, и тѣми письменными личными ея сношеніями съ передовыми учеными Западной Европы, которыя наполняютъ цѣлыя томы Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Нельзя по этому поводу не вспомнить, что въ наше время посылка, положимъ Американскаго корабля съ хлѣбомъ въ пользу Русскихъ крестьянъ, потерпѣвшихъ отъ неурожая, разсматривалась чуть ли не какимъ-то новымъ фазисомъ въ дѣлѣ призрѣнія, и горячія головы готовы были видѣть въ этой посылкѣ начало всемірной филантропіи, чуть ли не новую эру. И прежде чужестранцы приходили намъ на помощь, правда рѣдко, кое-когда; а про щедрую помощь, какую оказывала Россія иностранцамъ, нечего и говорить.

Архангельское купечество и мѣщанство опредѣлило: ежегодно, 30 Мая, въ день рожденія Петра Великаго, „собираютъ добровольное подаваніе въ пользу злосчастныхъ младенцевъ“, отправляя часть собранныхъ такимъ способомъ денегъ въ Московскій Воспитательный Домъ, а другую часть расходуя на содержаніе дѣтей до „урочныхъ“ лѣтъ въ Архангельскѣ. 20 Января 1778 г. такое постановленіе утверждено въ „собраніи магистратскихъ членовъ, своеоручнымъ подписаніемъ гражданъ“. Не удовольствовавшись этимъ, Архангельское общество написало письмо, напечатанное въ Извѣстіяхъ Воспитательнаго Дома за Мартъ мѣсяць 1779 г., съ обращеніемъ о повсемѣстномъ сборѣ денегъ на воспитательные дома среди купечества и мѣщанства ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ *Назарьевскій*. Благотв. дѣят. рода Демидовыхъ.

³⁾ *Михайловскій*. Матер. для біогр. П. И. Бецкаго. Ж. М. Н. Пр. 1853, V, 19—42, ч. 77.

⁴⁾ „С.-Пбургск. Вѣсти.“ 1778 г. ч. I. Январь.

⁵⁾ *П. III*. Истор. основ. и открыт. Имп. Моск. Восп. дома, изд. 1836 г.

⁶⁾ „С.-Пбургск. Вѣсти“. 1779 г. ч. III.

Для привлеченія пожертвователей въ 1778 г. администрація Воспитательнаго Дома сдѣлала въ Вѣдомостяхъ объявленіе о „преимуществахъ, принадлежащихъ до почетныхъ благотворителей“. Проектировалось „поставлять во ономъ домѣ бюсты ихъ портретовъ, изъ мрамора или мѣди дѣланныя“ и вести „при Опекуновомъ Совѣтѣ журналъ, изъ которыхъ записокъ, по смерти, чрезъ искуснаго человѣка въ краснорѣчій, сочиня похвальное слово, предать его имя потомству въ память“. При этомъ „таковыя отличности признаны принадлежащими памяти покойнаго князя Якова Петровича Шаховскаго“ ¹⁾.

Относительно доходовъ отъ „мануфактуръ“ можно привести свѣдѣнія за 8 лѣтъ, съ 1766 г. по 1774 г. Чистой „выручки“ въ Мануфактуръ-Коллегіи въ С.-Петербургѣ было за это время 10.028 р. 43½ к., въ канцеляріи Лифляндскаго генералъ-губернатора 10.994 р. 75 к., въ Архангельской губернской канцеляріи 147 р. 97 к., въ Ревелѣ 386 р., 86 к. въ Московской Мануфактуръ-Коллегіи 3.426 р. 70 к., всего 24.984 руб. 71½ к., т. е. около 3.123 р. 10 к. ежегодно. Небольшой сравнительно размѣръ дохода объясняется существованіемъ нѣкоторыхъ злоупотребленій по завѣдыванію „мануфактурными“ деньгами, оставившихся концу XVIII вѣка въ наслѣдіе отъ древней Руси съ ея „приказнымъ“ взяточничествомъ.

Взглядъ самой Ебатерины на степень доходности карточной мануфактуры слѣдуетъ изъ собственноручнаго письма ея, отъ 5 Марта 1776 г., къ Бецкому: „Единъ есть способъ, чтобъ умножить карточный доходъ Воспитательнаго Дома, а именно, чтобъ въ Воспитательномъ Домѣ карты были дѣланы лучше и дешевле другихъ картъ; буде запретить ввозъ чужестранныхъ картъ, то изъ того выйдетъ единственно умаленіе дохода Воспитательнаго Дома тайнымъ ввозомъ мимо таможенъ оныхъ; фабрики, заведенныя партикулярными людьми, неудобно и неисправно раззорить; сверхъ того, фабрики исключительныя я манифестомъ запретила“ ²⁾.

Что касается денежныхъ оборотовъ воспитательныхъ домовъ, нужно принять высказанное г. Филиповымъ ³⁾ мнѣніе о томъ, что Бецкій, представляя планъ учрежденія Воспитательнаго Дома, уже имѣлъ въ виду устроить при немъ и кредитныя учрежденія; это слѣдуетъ изъ того, что Бецкій просилъ разрѣшенія на представленіе способа для устройства Воспитательнаго Дома и на пріемъ вкладовъ и выдачу ссудъ, что впоследствии стало исполняться Сохранной и Ссудной Казнами. Но и до учрежденія Казны, 3 Января 1769 г. была выдана ссуда князю Петру Волконскому, въ размѣрѣ 9.000 руб., на 5 лѣтъ, за имѣніе въ Московской губерніи съ 483 душами крестьянъ; въ томъ же году, 16 Юля, была дана отсрочка въ уплатѣ долга полковнику Титову по

¹⁾ Тамъ же. 1778 г. ч. I. Май.

²⁾ Сборн. II. Русск. Ист. Об. XXVII, стр. 58.

³⁾ Еще о кредитныхъ учрежденіяхъ Воспит. Дома; Рус. Арх. 1876, 219—224. Другая статья въ томъ же журналѣ озаглавлена „Сохранная, Вдовья и Ссудная Казны“ (Д. Д. Филимонова).

займу имъ 2.000 р. подъ залогъ имѣнья въ Муромскомъ уѣздѣ, съ 100 душами крестьянъ. Какъ видно, мысль о кредитныхъ операціяхъ благотворительныхъ учрежденій держалась въ Екатерининскомъ законодательствѣ весьма прочно: такими оборотами занимались и приказы общественнаго призрѣнія, и Воспитательный Домъ.

Дѣятельность приказовъ общественнаго призрѣнія отчасти тормозилась тѣмъ, что въ составъ его входили люди, и безъ того обремененные своими прямыми служебными обязанностями. Бецкій, какъ бы для избѣжанія этого, проектировалъ условіе освобождать членовъ Опекунскаго Совѣта отъ ихъ занятій въ постоянныхъ мѣстахъ ихъ служенія; кромѣ того, они имѣли право на полученіе изъ суммъ Воспитательнаго Дома опредѣленнаго содержанія (по одной тысячѣ рублей въ годъ), хотя никто изъ членовъ послѣднимъ правомъ не воспользовался. Особенно подчеркиваю это право на жалованье за службу въ благотворительныхъ заведеніяхъ. Къ сожалѣнію, ложное представленіе о безвозмездной службѣ при этихъ заведеніяхъ слишкомъ вкоренилось въ наше общество и дожило до нашихъ дней. Однако, если нужно бороться со взяточничествомъ, которое проползаетъ даже въ учрежденія съ благотворительнымъ флагомъ, то въ тоже время надлежитъ заботиться о наибольшей матеріальной обеспеченности служащихъ по филантропическимъ учрежденіямъ. Дѣло благотворенія—великое дѣло, и ея служителя должны быть первыми людьми. А первыхъ людей можно купить только двадцатымъ числомъ...

Не касаясь вопроса, о призрѣніи незаконныхъ дѣтей при Петрѣ Великомъ, учредившаго, между прочимъ, домъ для подкидышей и въ С.-Петербургѣ¹⁾, сообщу, что въ Римѣ былъ устроенъ особый столбъ молочный (colonna lactetania), куда приносили „подкидышей“; въ 787 г. Миланскій архіепископъ Datheus купилъ домъ и завѣщалъ его для устройства призрѣнія „подкидышей“; папа Иннокентій III (1198—1216) устроилъ при больницѣ Святаго Духа отдѣленіе (Conservatorium) для 600 подкидышей; Целинн въ 1311 г. основалъ во Флоренціи домъ невинныхъ; Карлъ III учредилъ въ Неаполѣ въ 1750 г. Спротскій домъ—Albergo dei poveri²⁾. Самъ же Бецкій взялъ за образцы госпитали для бѣдныхъ въ Ліонѣ и для бѣдныхъ родильницъ въ Касселѣ.

*

Призрѣніе *лишенныхъ разсудка*, какъ уже было изложено ранѣе, не ускользнуло отъ вниманія Екатерины Великой. Въ 1769 г., 7 Мая, учрежденъ штатъ больницы и долъгауза для пользованія больныхъ и сумасшедшихъ; при немъ четыре подлѣкаря³⁾.

Въ наказѣ отъ Главной Полиціи, между прочимъ, изложено⁴⁾, что „въ Петербургѣ и Москвѣ во многихъ домахъ оказалось безумныхъ людей, колъ,

¹⁾ Отечеств. Достопаи. IV, 100.

²⁾ О воспит. домахъ вообще и въ особенности въ Рос. Ж. Мин. Вн. Д. 1833, IV.

³⁾ Чистовичъ. Истор. перв. медицинск. шк. въ Россіи.

⁴⁾ Сб. И. Р. И. Общ. т. XLIII.

потерявъ разумъ, опасны жителямъ и живущимъ съ ними въ домѣхъ, а паче недостаточнымъ людямъ въ тягость“ и что желательно посему учредить особые дома „для собранія оныхъ сумасшедшихъ и безумныхъ, одинъ въ Петербургѣ и одинъ въ Москвѣ“. Въ Наказѣ отъ жителей Москвы ¹⁾ встрѣчается такое пожеланіе: „Чтобъ въ городѣ, по благоизобрѣтенію, устроено было особое мѣсто для содержанія въ ономъ обоюга пола сумасшедшихъ“. Этотъ же Наказъ предлагалъ пѣнницъ „опредѣлять хотя на недѣлю на казенную работу“ и касался необходимости устройства смиренныхъ домовъ, впоследствии, какъ извѣстно, учрежденныхъ и отнесенныхъ къ вѣдѣнію приказовъ общественнаго призрѣнія; по этому предмету Наказъ излагалъ: въ виду существованія людей, „кои, не производя слишкомъ злодѣйствъ, ведутъ разсыпанную и невоздержанную жизнь въ порокахъ, соблазнахъ и ежечасныхъ не порядкахъ“, необходимо построить „по примѣру другихъ земель, домъ исправленія или цѣхтгаузъ, гдѣ бы таковыя развращенные, родителямъ своимъ и всему роду своему безславіе, себѣ же самимъ неминуемую погубель наводяще, безпрестанною работою до тѣхъ поръ удручаемы были, чтобъ, пришедъ отъ того въ раскаяніе, отъ шалостей своихъ унялись, или, не очуствуясь, тягостную сію жизнь проводили весь вѣкъ въ утрашеніе другимъ“.

*

Указомъ отъ 12 Августа 1775 г., даннымъ на имя Н. П. Архарова, было повелѣно: „Учредить подъ вѣдомствомъ здѣшней ²⁾ полиціи особую больницу и богадѣльню“. Денежными средствами для осуществленія этого распоряженія должны были послужить ³⁾: состоявшіе въ вѣдѣніи полиціи бывшіе хлѣбные магазины, затѣмъ 5.000 р. „собранныя при Варварскихъ воротахъ“, и, наконецъ, 14.000 р. „изъ провіантской суммы, за отпущенную въ полицію муку“. Открытіе больницы состоялось 19 Юня 1776 года. Сборомъ денегъ „штрафныхъ и приводныхъ, собранныхъ при образѣ Боголюбской Богоматери, чтд. у Варварскихъ воротъ“ съ 1772 г. распоряжалась Московская градская полиція, и лишь съ 22 Мая 1776 г. онѣ обращены на содержаніе больницы. Сверхъ сего средства больницы увеличивались сборомъ денегъ съ клейменія извозчичьихъ хомутовъ и за содержаніе и леченіе больныхъ. Въ 1782 году больница перешла въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія, который въ 1784 г. назначилъ изъ 150 ваканцій—80 для непмущихъ; въ 1786 г. изъ 150 ваканцій 26 назначено для умалишенныхъ; наконецъ, въ 1789 году больница передава въ непосредственное управленіе д. т. с. Матвѣя Васильевича Дмитріева-Мамонова.

*

Такова была благотворительная дѣятельность Русскаго правительства и общества во время императрицы Екатерины. Она разнообразна, даже пестра. Она принимала различныя виды, и Россія оставалась все той же святой Русью

¹⁾ Тамъ же, т. XIII.

²⁾ Т. е. Московской.

³⁾ Оверъ. Матеріалы для ист. Моск. больницъ гражд. вѣдом.

предшествовавшего времени, съ любовью къ ближнему, съ готовностью помочь страждущему.

Черниговскій епископъ, указомъ отъ 14 Ноября 1788 г., предписалъ немедленно представлять странствующихъ монаховъ, особенно „заграничныхъ“, къ ближайшему мѣстному начальству, для поступленія „съ вредоносцами по всей строгости“¹⁾. Съ другой стороны, свѣтская власть Кіева, Губернская Канцелярія предписала въ 1764 г.²⁾ оберъ-комендантской канцеляріи, магистрату и полицеймейстерской конторѣ принять мѣры къ разсмотрѣнію нищихъ и высылкѣ ихъ.

Сборъ заграничными монахами милостыни производился издавна. Извѣстно, напримѣръ, что къ Іоанну Грозному пріѣзжали за милостынею Святогорскіе монахи. Это же продолжалось и при Екатеринѣ II. Въ собственноручныхъ своихъ запискахъ Императрица сообщаетъ:³⁾ „сорокъ три человѣка Греки и другіе иностранцы, просящіе по бѣдности на пропитаніе; на сихъ отпустить къ отцу духовнику⁴⁾ двѣ тысячи рублей и реестръ просящихъ, чтобъ онъ выдалъ по своему разсмотрѣнію и по добрымъ атестатамъ объ ихъ бѣдности; кои же подлежатъ богадѣльнямъ, тѣхъ бы онъ отослалъ или увѣдомилъ объ нихъ приказъ общественнаго призрѣнія“.

Нищія высылались къ своимъ помѣщикамъ и къ своимъ монастырямъ, такъ какъ на мѣстныхъ власти возлагалось попеченіе о своихъ неимущихъ. Относительно помѣщиковъ приведу два архивныхъ документа. Изъ одного видно, что въ Шатской Канцеляріи въ 1772 было дѣло⁵⁾ о двухъ бѣглыхъ жѣнкахъ; одна изъ нихъ оказалась крѣпостной „Верхнеломовскаго уѣзда помѣщика Разгильдѣева“, которымъ была отпущена „по немѣнію хлѣба, въ разныя жительствова, безъ паспорта, для собиранія милостыни“. Изъ другого документа⁶⁾, отъ 1765 г., между прочимъ, видно, что Ярославскій помѣщикъ, Карновичъ распорядился, чтобы нуждающихся „когда возможно по лѣтамъ и по корпусу ихъ до пріѣзду моего нѣкоторыхъ употреблять въ наемъ къ другимъ крестьянамъ въ работники и въ пастухи, а изъ женскаго полу крестьянъ домовничать хотя изъ хлѣба..... которые уже и той домовнической должности снестъ не въ состояніи и точно что престарѣлые и больные..... до моего пріѣзду какъ возможно пропитаніемъ снабдѣвать, хотя прошеніемъ милостыни только въ однихъ вотчины моей деревняхъ, а въ другія вотчины ихъ по міру ходитъ наикрѣпчайше не допускать“. Одинъ помѣщикъ печется о своихъ ни-

¹⁾ Петровъ. Описаніе рукописей церк. археол. музея при Кіев. Дух. Акад.

²⁾ Андріевскій. Изъ жани Кіева XVIII вѣка. Мѣры противъ умноженія нищихъ и бродягъ въ Кіевѣ въ 1764 г.

³⁾ Бычковъ. Пис. и бум. имп. Ек. II, хран. въ Им. Публ. Библ.

⁴⁾ „Протопопу“ Московскаго Благовѣщенскаго собора Іоанну Панѣйлову.

⁵⁾ Труды Тамбов. уч. ар. ком. в. 38, док. № 3906.

⁶⁾ „Осмнадцатый Вѣкъ“. Приказъ Ярославскаго помѣщика Карновича, отправленный изъ Москвы въ вотчину его 26 Іюля 1765 г.

щихъ, не разрѣшая имъ сборъ милостыни за предѣлами своей вотчины; другой, наоборотъ, высылаетъ нищихъ за подаяніемъ.

Стоитъ еще отмѣтить, что въ капитуляріяхъ Карла Великаго встрѣчается постановленіе о томъ, что „графы должны взять на себя заботу объ ихъ бѣдныхъ, и каждый долженъ давать пропитаніе своимъ бѣднымъ“.

Нищенскій вопросъ въ Екатерининское время сталъ насущною злобою. Лучшіе представители общества, какъ бы увлекаемые примѣромъ самой Государыни, удѣляютъ свое вниманіе на разработку этого вопроса, сочиняютъ „проекты“ о наилучшемъ способѣ призрѣнія, подвергаютъ этотъ вопросъ литературно-критической обработкѣ. Изъ подобныхъ записокъ можно упомянуть, для примѣра, про „записку о способѣ, какимъ общество хлѣбопашцевъ сохранить отъ очевиднаго истощенія и облегчить ихъ бремя, подъ тягостію котораго страдаютъ они и отъ ежевременнаго съ нихъ набору, а чрезъ то уменьшить праздныхъ людей, сочиняющихъ своимъ тунеядствомъ вредъ государственной“,—записку, составленную, какъ видно изъ надписи на ней, „генераль-командиромъ Наумовымъ, для прочтенія его милостивцамъ, друзьямъ и пріятелямъ, на которыхъ онъ безъ сомнѣнія надѣется, что простятъ его ошибки великодушіемъ“. Конечно, обычай раздачи ручной милостыни, породившій въ Россіи и порождавшій во всѣхъ другихъ странахъ развитіе промысла нищенствомъ, вѣдрился слишкомъ глубоко въ обычаи Русскаго общества. Не въ рѣдкость были духовныя грамоты, въ родѣ составленной 18 Мая 1661 г. бояриномъ княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Темниковымъ-Ростовскимъ; въ ней, между прочимъ, приказывалось „роздать нищимъ и въ тюрьмы, и въ богадѣльни во всю четьредесятницу на день по десяти рублевъ“¹⁾. Даже передовые умы, какъ Посошковъ, протестовали противъ запрещенія поручной милостыни. И только почти черезъ сто лѣтъ возникла мысль о вредѣ и безнравственности поручнаго подаянія.

Авторъ статьи о голодовкахъ во Франціи при Людовикѣ XIV²⁾, замѣчая, что „духовное сословіе было крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ“, говоритъ, что „благотворительность духовенства имѣла весьма двусмысленный характеръ, ограничиваясь очень элементарной милостыней“. Но извѣстно, что и первыя школы, и первыя воспитательныя дома, и даже первыя больницы создались въ стѣнахъ монастырей, и отрицать значеніе духовенства въ исторіи призрѣнія и его вліяніе на сіе послѣднее было бы неосмотрительно. И въ то время, какъ и въ наше, находились личности, которыя, прикрываясь флагомъ благотворительности, совершаютъ преступное дѣяніе, извѣстное на юридическомъ языкѣ подъ именемъ присвоенія и растраты; но вѣдь отсюда еще далеко до утвержденія, что было бы лучше, если бы завѣдываніе благотворительными суммами производилось свѣтскими лицами...

*

¹⁾ Графъ Шереметевъ. Пять актовъ XVII вѣка. Памятникъ др. писъм. I.

²⁾ О. Н. У. Голодовки во Франціи при Людовикѣ XIV. Русск. Богатство 1892.

Съ цѣлью оказанія трудовой помощи, Тюрго ¹⁾, во время голода 1769—1770 гг. во Франціи, примѣнялъ общественныя работы по насыпкѣ и устройству парка въ главномъ городѣ провинціи Лимузенъ. Онъ же учредилъ прядильныя фабрики. Древняя Русь также знала трудовую помощь. Слѣды ея примѣненія находятся въ извѣстіяхъ о постройкѣ въ 1600 г. колокольни Ивана Великаго и о пристройкѣ къ Золотой и Грановитымъ палатамъ двухъ палатъ—Столовой и Панахидной ²⁾).

Ко времени Екатерины II великое значеніе трудовой помощи проникаетъ въ общественное сознаніе. Такъ, среди различныхъ мнѣній, высказанныхъ депутатами для составленія проекта новаго уложенія, любопытно отмѣтить предложеніе Симбирскаго депутата Аванасія Ларіонова. Онъ говорилъ ³⁾: „не лучше ли во всякомъ городѣ соорудить особливые дома и завести прядильныя и всякое тканье, кирпичное и прочее ремесло... дабы они (неимущіе) обращались въ трудахъ и находились бы въ благорастворенномъ воздухѣ“. Другой депутатъ, отъ Лифляндскаго земства, Герардъ-Вильгельмъ фонъ-Блуменъ предложилъ, „чтобъ... у земледѣльцевъ не отнимать опредѣленныхъ отъ самого Бога шести дней для поправленія дѣлъ“, а „переносить... праздники (исключая самыя большія) на предъидущіе воскресные дни, въ которые, какъ въ день седьмой въ недѣлѣ и самимъ Богомъ для упокоенія дѣлъ опредѣленный, никакихъ мирскихъ работъ, торговъ и прочаго не производить“ ⁴⁾. Устанавливая обязательность воскреснаго отдыха, Bluменъ, съ другой стороны, находилъ желательнымъ возможное уменьшеніе праздниковъ, усматривая, конечно, въ работѣ и трудолюбіи лучшее средство отъ нищеты.

Взглядъ Екатерины на значеніе въ дѣлѣ призрѣнія общественныхъ работъ обрисовывается письмомъ ея къ графу Панину, отъ 20 Ноября 1774 г. ⁵⁾: „Чтобъ начинать около тѣхъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ голодъ наивящій есть, рыть ровъ и платить за сіе не токмо деньгами, но и хлѣбомъ; тутъ всякой полъ и возрастъ сыщеть прокормленіе, ибо кто не роетъ, то мало или много нося землю, не праздненъ будетъ, и изъ уѣзда не разбредутся въ другіе, но тутъ свое пропитаніе найдутъ; сіе мое мнѣніе вамъ пишу не въ указъ, но какъ совѣтъ, котораго удобность вамъ на мѣстѣ надлежитъ рассмотреть и исполнить безъ огласки, дабы не притянуть работниковъ изъ изобилующихъ мѣстъ для сущаго извѣденія вашихъ запасовъ“ ⁶⁾. Приведенное письмо невольно вызываетъ рядъ замѣчаній. Прежде всего останавливаетъ вниманіе то обстоятельство, что самъ вѣнценосный авторъ письма смотритъ на содержа-

¹⁾ Щепкинъ. Очеркъ голодовъ въ Зап. Евр. и Остѣ-Индіи въ XVIII и XIX стол. и мѣръ для борьбы съ ними. Извѣст. Моск. Город. Думы. 1881. в. XVI и XVII.

²⁾ Щепкинъ. Голода въ Россіи. Истор. Вѣст. 1886 г. Іюнь.

³⁾ Сб. Р. И. О. XXVII, стр. 68.

⁴⁾ Тамъ же, XIV, 36 стр.

⁵⁾ Чтен. въ М. О. И. и др. Рос., 1858; II; 56 и 57.

⁶⁾ Артемьевъ Казанскія гимназіи въ XVIII столѣтіи. Ж. М. Нар. Просв. 1874; Май, Іюль, Ноябрь.

ліе его, какъ на совѣтъ, но отнюдь не какъ на приказъ: государственный умъ Екатерины Великой, конечно, сознавалъ, что диктовать всѣ подробности для примѣненія того или иного благотворительнаго предпріятія рисковано и что всякая благотворительная мѣра является, выражаясь языкомъ математическаго анализа, функцией многихъ переменныхъ, изъ коихъ наибольшее значеніе имѣютъ мѣстные обстоятельства. Далѣе, совѣтуется примѣненіе земляныхъ работъ по ихъ всеобщей доступности. Рекомендуются предпринимать общественныя работы „безъ огласки“, съ цѣлью не потревожить „изобильныя мѣста“ и не создать затрудненія въ организациі работъ при чрезмѣрномъ накопленіи рабочихъ свободныхъ рукъ. Наконецъ, ясно высказывается идея о томъ, что хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ, „изъ запасовъ“, слѣдовало бы расходовать не выдачею ссудъ, а платою за работу. Словомъ, разбираемое письмо ставитъ Екатерину Великую въ рядъ первыхъ политико-экономистовъ.

Въ одномъ изъ документовъ Государственнаго Архива ¹⁾ имѣется слѣдующая отмѣтка: „Ея императорское величество, не бывъ отдалена 10.000 рублей на вспоможеніе Устюжинъ Желѣзно-польской высочайше указать соизволила... предписать (генераль-поручику Архарову), чтобъ для поправленія состоянія тамошнихъ жителей были заведены фабрики такого рода, которыя бы удобны были для тамошняго мѣста и приносили пользу жителямъ“. Значить, опять совѣтуется принимать во вниманіе мѣстные условия.

Статьи 49 и 50 „Наказа изъ Главной Полиціи“ гласят ²⁾: „Къ ближнему любовь есть превосходнѣйшая добродѣтель... и полиція, какъ приличествуетъ отцу, другу, промыслителю и питателю вдовъ и сиротъ и болѣзнями одержимыхъ, должна къ призрѣнію... имѣть потребную сумму, или собирая отъ добротодателей, или откуда узаконено будетъ; но въ лѣности погруженные подлые люди большею частью... подаваніемъ питаются, ведутъ распутную жизнь, не прилежа ни о домъ, ни о работъ... и для того полиція представить за нужное находить, хотя оно не входящему въ точное истолкованіе представится странно, милостину бродягамъ по подоконью чинить запретить подъ штрафомъ“. Любопытна вводная фраза о томъ, что запрещеніе нищенства можетъ показаться страннымъ „не входящему въ точное истолкованіе“.

Нищелюбіе, лучшая добродѣтель христіанская и общественная, становится грѣхомъ съ переходомъ за извѣстный предѣлъ и рожденіемъ нищенства какъ ремесла. Этотъ законъ призрѣнія, его аксіома, былъ извѣстенъ, какъ видно, Главной Полиціи, желавшей вновь ввести въ жизнь не привившееся распоряженіе Петра Великаго о штрафованіи подателей ручной милостыни. Кроме того, въ Наказѣ Полиціи предполагалось сосредоточеніе благотворительныхъ суммъ въ ея вѣдѣніи.

*

¹⁾ Арх. Госуд. Совѣта. I; XXVII. Фабрики и мануфактуры 1792.

²⁾ Сборникъ И. Р. И. О. XLIII.

Еще древняя Русь знала хлѣбные магазины, но только они, являясь частною собственностью, не носили еще, по справедливому замѣчанію Каблукова *), общественно-благотворительнаго характера. Каждый дѣлалъ запасы про себя. За то и помощь хлѣбомъ оказывалъ каждый въ отдѣльности: при всемъ томъ, какъ-то странно видѣть двухъ генераловъ, проведенныхъ, по ихъ словамъ, весь свой вѣкъ въ долгихъ командировкахъ, въ составѣ такой государственной-важной комиссіи, и притомъ въ комиссіи съ такою густою политико-экономическою окраскою. Однако оба генерала отнеслись къ своему новому назначенію весьма добросовѣстно: они чистосердечно признали полную свою некомпетентность въ „хлѣбномъ“ вопросѣ и свою неподготовленность для выполненія весьма труднаго возложеннаго на нихъ порученія. Комиссія вошла въ сношенія съ мѣстными магазинами, для полученія предварительныхъ справокъ, а 7 Мая 1783 г. представила въ Сенатъ докладъ съ разборомъ проектовъ князя Трубедкова и графа Шувалова и изложеніемъ своего собственнаго плана; примѣрно исчисляя расходы по осуществленію проекта о заведеніи повсемѣстныхъ магазиновъ въ 126.056.720 рублей (цифру, поразительно крупную и для нашего времени комиссія), между прочимъ, признавала подобное учрежденіе магазиновъ „напраснымъ, бесполезнымъ, невозможнымъ, вреднымъ, какъ для казны ея императорскаго величества, такъ и для благосостоянія всего общества“.

Смоленская Канцелярія въ 1766 г. доносила Сенату, что по случаю года она полагаетъ нужнымъ: 1) выдать запмообразно жителямъ деревни Рябники десять четвертей ржи и пять четвертей ячменя; 2) описать хлѣбъ у Смоленскихъ мѣщанъ; 3) секретно „развѣдать“ объ имѣющемся количествѣ хлѣба; 4) описать хлѣбъ на Порѣцкой и Бѣльской пристаняхъ; 5) возложить прокормленіе крестьянъ на мѣстныхъ помѣщиковъ; кромѣ сего, канцелярія просила отпустить денегъ на закупку хлѣба. Сенатъ внимательно отнесся къ запискѣ Смоленской канцелярії и усмотрѣлъ неполноту свѣдѣній о пораженной неурожаемъ мѣстности и размѣрѣ неурожая, такъ какъ канцелярія упоминала лишь объ одной деревнѣ, а Сенатъ между тѣмъ имѣлъ свѣдѣнія о неурожаѣ въ шести деревняхъ; далѣе, Сенатъ замѣтилъ, что указываемая канцелярією деревня не можетъ являться примѣромъ, такъ какъ она и „при хорошемъ урожаѣ прокормитъ себя едва ль можетъ... изъ-за помѣщика, въ корчемствѣ приличившагося“; кромѣ сего, Сенатъ признавалъ нужнымъ „буде у Смоленскихъ мѣщанъ и помѣщиковъ довольно излишняго хлѣба въ казну... купить не сыщется... хотя по третей части у каждаго промышленника за деньги... въ казну взять“. Изъ дальнѣйшихъ, наконецъ, соображеній Сената слѣдуетъ, что хотя мѣстный „магазинъ“ и былъ заведенъ съ 1750 г., однако, за невозвращеніемъ крестьянами выданныхъ изъ него сеудъ, въ немъ оставалось не болѣе 192 четвертей ржи, 64 четвертей овса и 144 четвертей ячменя. Сенатъ со своей стороны полагалъ отпустить въ Смоленскую канцеля-

*) Каблуковъ. Очеркъ исторіи Русскаго законодательства по обеспеченію народнаго продовольствія. Юридич. Вѣст. 1890 г., Декабрь.

рію 15.000 рублей. Представленный на высочайшее благовозрѣніе Сенатскій докладъ былъ, повидимому, весьма обстоятельно рассмотренъ Императрицею, которая на него положила резолюцію: „Быть по сему; а что касается до покупки хлѣба, то оной стараться въ землѣ искушить, а болѣе у извѣстныхъ богачей; а ежели у нихъ достаточно не сыщется, то въ такомъ случаѣ покупать на пристаняхъ“.

Изъ учрежденныхъ въ царствованіе Екатерины II запасныхъ магазиновъ, для обезпеченія городскихъ жителей, можно упомянуть о магазинахъ, основанныхъ въ Петрозаводскѣ и Повѣнцѣ (въ 1765 г.), въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ (въ 1766 г.), въ нѣкоторыхъ городахъ губерній Тобольской (въ 1768 г.), Лиоляндской (въ 1769 г.), Смоленской (въ 1771 г.), С.-Петербургской и Оренбургской (въ 1784 г.), Пермской, Псковской, Архангельской и Эстляндской (въ 1785 г.), въ Москвѣ (въ 1786 г.), въ Астрахани (въ 1788 г.) и въ Томской губерніи (въ 1789 г.)¹⁾. Въ Петербургѣ, помимо запаснаго мучнаго магазина, существовалъ еще запасный дровяной магазинъ, на Крюковомъ каналѣ, учрежденный въ 1782 г.; этому магазину было пожаловано въ 1782 и 1784 г.г. по 50,000 рублей²⁾.

Забота Екатерины Великой о „пропитаніи“ населенія выражается еще, въ рескриптѣ, 6 Февраля 1795 г. кн. Николаю Васильевичу Репнину касательно мѣръ къ обезпеченію продовольствіемъ жителей Литвы³⁾. Принявъ во вниманіе „все пространство нуждъ обитателей“ Бржетскаго воеводства и „великой недостатокъ“ въ сѣвѣсныхъ припасахъ въ Варшавѣ, Екатерина II одобряла предположеніе кн. Репнина относительно „доставленія (въ Литву) заготовленнаго хлѣба въ окрестностяхъ Пинска и въ Изяславской губерніи“ и совѣтывала открыть „еще подвозы со стороны Люблинскаго и Холмскаго воеводствъ, изъ Галиціи“.

Рескриптомъ тому же кн. Репнину, 19 Января 1796 г., предложено ему учредить въ управляемыхъ имъ губерніяхъ сельскіе запасные магазины, „по примѣру тому, како таковыя хлѣбныя магазейны устроены и существуютъ къ выгодѣ народной, въ Лиоляндіи“. Этотъ же рескриптъ, разрѣшая вывозъ хлѣба за границу, рекомендовалъ смотрѣть „чтобы..... поселенія, при продажѣ хлѣба своего, имѣли въ памяти примѣръ тѣхъ дикихъ Американцевъ, которые по утру продавали свои постели, забывая, что въ тотъ же день къ ночи онныя были имъ нужны ко сну“⁴⁾.

Князь Репнинъ представилъ 28 Февраля 1796 г. проектъ объ учрежденіи хлѣбныхъ магазиновъ въ Виленской и Смоленской губерніяхъ, вычисливъ необходимый размѣръ хлѣба въ 57.000 четвертей и полагая возможнымъ обратить на покупку хлѣба для магазиновъ такъ называемый „шеленговый

¹⁾ Объ обезпеченіи продовольств. госуд. крестьянъ. Ж. М. Г. Им. 1853 г., Октябрь.

²⁾ Россійскій Магазинъ 1782 г. I.

³⁾ Сб. И. Р. И. Об. XVI, стр. 134.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 369.

сборъ“, установленный въ размѣрѣ одного шеленга съ (каждаго злотаго); здѣсь же онъ высказалъ замѣчаніе о возможности устройства „денежнаго крестьянскаго банка“ изъ суммъ по продажѣ излишняго въ магазинахъ хлѣба ¹⁾.

Въ связи съ устройствомъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ находится и устройство запасовъ соли. Какъ видно изъ Сенатскаго указа отъ 17 Мая 1785 г. ²⁾ всѣмъ генералъ-губернаторамъ были отправлены 24 Октября 1784 г. указы о необходимости имѣть въ губерніяхъ соль въ количествѣ, достаточномъ для двухгодичнаго потребленія ея мѣстными жителями. Екатерина находила нужнымъ отправить губернаторамъ „циркулярное посланіе, чтобъ попеченіемъ своимъ наградили недостатокъ и другъ другу въ нуждѣ помогали и всякъ старался довести до двухгодичнаго запаса, и всѣмъ бы городамъ предписали кричать краулъ о томъ, что соли нѣту тогда, когда усмотрится не болѣе полугодичнаго запаса“ ³⁾.

Любопытно припомнить указъ Бориса Годунова о мѣрахъ противъ голода, отъ 3 Ноября 1601 г. ⁴⁾. Этотъ указъ, между прочимъ, повелѣвалъ: „Воровъ скупщиковъ по торгамъ бить нещадно“, а попавшихся въ этомъ дѣяніи во второй или въ третій разъ, „бить кнутомъ и метать въ тюрьму на время“; продавать хлѣбъ по „указной цѣнѣ“, а на лицахъ, не желавшихъ строго держаться указныхъ цѣнъ, „править..... заповѣди по пяти рублей на человѣкъ“, съ отобраніемъ безденежно всего хлѣба. Тотъ же указъ предписывалъ „въ торговые дни на торжкахъ и на ярманкахъ о..... уложенной хлѣбной цѣнѣ кликати еженедѣль“.

Одоевское купечество, въ 1767 г., ходатайствовало о томъ, чтобы, съ цѣлью уменьшенія бѣдствій при неурожаяхъ, „хлѣбъ отпускомъ въ сосѣднія государства повелѣно бѣ запретить, или взять пристойныя предосторожности“ ⁵⁾. Серпуховское купечество обратило вниманіе на совершенно частный случай; въ виду того, что при военныхъ постояхъ „на торговую площадь посылаются отъ полку приставы, которые..... хлѣбъ на провіантъ также и фуражъ покупаютъ отъ себя, а притомъ Серпуховскимъ обывателемъ про домовое свое содержаніе разнаго хлѣба и фуража ничего купить не даютъ“, то купечество желало, „чтобъ потребное число провіантъ и фуражъ подряжаемъ былъ заблаговременно“. Дворяне Деревской пятны ⁶⁾ просили разрѣшить не высылать въ лѣтнее время крестьянъ на работы по устройству большихъ проѣзжихъ дорогъ, „мощенію мостовъ“ и расчисткѣ лѣсовъ, такъ какъ высылаемые въ лѣтнее время на эти работы крестьяне, „лишаясь своихъ работъ, приходятъ въ отягощеніе“.

¹⁾ Сб. И. Р. II. Общ. XVI, стр. 396 и 397.

²⁾ П. С. З., № 16 205.

³⁾ Сб. И. Р. II. Общ. XLII.

⁴⁾ Ук. царя Бор. Год. о мѣрахъ противъ голода 3 Ноября 1601 г. Р. Стар. 1891, Ноябрь, стр. 499—504.

⁵⁾ Сб. И. Р. II. Общ. XCIII, п. 17.

⁶⁾ Сб. И. Р. II. Об. XIV, стр. 206.

Депутаты въ своихъ проектахъ шли вообще довольно далеко, предлагая иногда довольно остроумныя мѣры. Такъ, Опочечное дворянство признавало желательнымъ учредить ¹⁾ „полотняныя и тому подобныя фабрики, дабы ленъ, какъ главнѣйшій сей стороны продуктъ, не столь въ великомъ числѣ выходилъ въ чужіе края не въ дѣлѣ; ибо польза государственная весьма бы была велика, если бъ все то, что изъ нашего льна дѣлается въ чужихъ краяхъ, съ равною доброотою дѣлалось у насъ“. Псковское дворянство ²⁾ находило нужнымъ отмѣнить высылку крестьянъ „къ пригородскимъ канцеляріямъ, тожъ и къ солянымъ магазинамъ, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ находящимся“.

*

Благотворительная дѣятельность Екатерины Великой проявилась и въ устройствѣ народныхъ училищъ.

Первой основанной въ С.-Петербургѣ народной школою была Исакиевская, учрежденная въ 1781 г. на средства Кабинета. Въ томъ же году открыто шесть училищъ — Вознесенское, Владимирское, Симеоновское, Андреевское, Введенское и Сампсоньевское ³⁾; общее число учащихся, къ концу 1781 г., достигало 486 дѣтей, изъ коихъ на долю дѣвочекъ приходилась лишь одна двѣнадцатая часть. Главное народное училище въ С.-Петербургѣ основано 13 Сентября 1783 г. Къ 1786 г. учащихся было уже 2612 человекъ. Малыя же народныя училища С.-Петербургской губерніи открыты: Шлиссельбургское и Кронштадтское—въ 1783 г., Павловское—въ 1784 г., Нарвское, въ 1785 г., Гдовское, Лужское, Рождественское, Ямбургское, Ораненбаумское и Новолоджское—въ 1796 г. Въ 1785 г. учащихся въ Петербургѣ было: въ Вознесенскомъ училищѣ—230 чел., Андреевскомъ—200 чел., Владимирскомъ—199 чел., Введенскомъ—150 чел., Симеоновскомъ—115 чел., Исакиевскомъ—96 и Сампсоніевскомъ—38 чел.⁴⁾ Въ 1786 г. уже состоялись экзамены въ Нарвскомъ училищѣ, при чемъ ученикъ Михайлъ Алексѣевъ говорилъ рѣчь; она напечатана въ „Растущемъ Виноградѣ“, ежемѣсячномъ изданіи главнаго народнаго училища въ Петербургѣ. Исакиевская школа открыта 6 Апрѣля, въ домѣ „придворнаго помощника“ Томилова; діаконъ Исакиевскаго собора Андрей Ливашовъ говорилъ при открытіи школы слово. Голиковъ въ пользу дѣтей пожертвовалъ 200 р. и обѣщалъ выдавать по такой же суммѣ пять слѣдующихъ лѣтъ; купецъ Кутуевъ прислалъ 50 р. и по такой же суммѣ обѣщалъ присылать слѣдующіе четыре года.

Въ Казани главное народное училище было открыто 22 Сентября 1786 г.; мѣстное купечество пожертвовало въ пользу училища 5000 р., а дворянство

¹⁾ Сб. И. Р. И. Об. XIV, стр. 274.

²⁾ Сб. И. Р. И. Об. XIV, стр. 385.

³⁾ Графъ Д. А. Толстой. Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II. Прилож. къ LIX т. Запис. Имп. Ак. Наукъ. 1—194 стр.

⁴⁾ Вороновъ. Федоръ Ивановичъ Янковичъ де-Миріево или народныя училища въ Россіи при Екатеринѣ II.

подписалось вносить въ приказъ общественнаго призрѣнія по 10 коп. съ каждой крестьянской ревизской души ¹⁾).

Въ Вятскомъ намѣстничествѣ главнсе народное училище было открыто также 22 Сентября 1786 г.; малыя же народныя училища въ 1787 г. въ Слободскѣ и 22 Сентября 1790 г. въ Серапулѣ, Нолинскѣ и Котельничемъ. Число учащихся видно изъ нижеслѣдующей таблицы ²⁾).

При открытiи въ	Главное народное училище, въ Вяткѣ.	Малыя народныя училища.				Всего учащихся.
		Слободск.	Серапул.	Котельн.	Нолинск.	
1786 г.	34	—	—	—	—	34
1786—87 гг.	38	—	—	—	—	38
1788 г.	66	30	—	—	—	96
1789 г.	105	39	—	—	—	144
1790 г.	93	55	—	—	—	148
1791 г.	87	56	25	30	37	235
1792 г.	107	51	25	46	42	256
1793 г.	112	42	30	48	36	249
1794 г.	83	62	35	30	29	250
1795 г.	104	53	29	37	28	242
1796 г.	128	45	28	37	36	240

Средствами существованiя училищъ, кромѣ суммъ приказа общественнаго призрѣнiя, служили добротныя пожертвованiя, общее число коихъ къ 1 Января 1787 г. достигало 1.951 р. 11½ к.; между прочимъ, намѣстникъ Желтухинъ пожертвовалъ 100 р.

Въ Пермскомъ намѣстничествѣ главное народное училище было открыто 22 Сентября 1786 г., а 24 Ноября 1789 г. одновременно открылось семь малыхъ народныхъ училищъ въ Кунгурѣ, Соликамскѣ, Чердыни, Екатеринбургѣ, Верхотурѣ, Ирбитѣ и Шадринскѣ ³⁾. Открытiе главнаго училища состоялось при намѣстникѣ Ильѣ Васильевичѣ Колтовскомъ; рѣчи при этомъ говорили: директоръ, пасторъ Герингъ, и старшiй учитель Назаретскiй. Само общество принимало въ устройствѣ училищъ немалое матеріальное участiе: Верхотурское городское общество внесло 600 р., Соликамское 465 р., купецъ Елисей Семеновъ Саратовской 300 р., Екатеринбургское городское общество 310 р., Кунгурскiй гражданинъ Василiй Юхневъ пожертвовалъ каменный домъ и 100 р. Въ училищахъ обучалось: въ главномъ Пермскомъ 36 чел., въ малыхъ Верхотурскомъ 56 чел., Кунгурскомъ 22 чел., Шадринскомъ 19 чел., въ подвѣдомственномъ приказу общественнаго призрѣнiя горномъ Екатеринбург-

¹⁾ *Артемьевъ*. Казанскiя гимназiи въ XVIII столѣтiи. Ж. М. Нар. Просв. 1874 г. Май, Июль, Ноябрь.

²⁾ Столѣтiе Вятской губернiи 1780—1880. Т. II. Собранiе матер. по ист. Вятск. кр. Истор. стат. св. объ учеб. зав. Вят. губ.

³⁾ Пермскiй Сборникъ. I. 1859 г. *Крупеникъ*. Кратк. ист. оч. заселенiя и цивилиз. Пермск. края.

Бургскомъ 300 чел., всего 573 чел. ¹⁾). Замѣчательно, что въ числѣ учащихся нѣтъ ни одного ребенка привилегированныхъ сословій. Въ документъ отъ 25 Ноября 1786 г., между прочимъ, находятся слѣдующія данныя, касающіяся суммъ на дѣло народнаго просвѣщенія: „Приказъ общественнаго призрѣнія имѣетъ сумму къ ежегодному употребленію 1.917 р. 45 к., изъ которыхъ опредѣляетъ на содержаніе богадѣлень 900 р., на разныя благотворенія 234 р., всего 1.134 р.; за тѣмъ къ употребленію на школы остается 783 р. 45 к., взносы А. С. и А. Н. Строгоновыхъ 400 р., всего 1.183 р. 45 к.; по штату 1737 г. отпускается на содержаніе горныхъ школъ 3.718 р.; по Екатеринбургской школѣ ежегодно въ расходѣ 2.570 р.; затѣмъ штатной суммы остается 608 р.“; слѣдовательно, на народныя училища оставалось 1.183 р. 45 к. + 608 р., т. е., всего 1.797 р. 45 к.; смѣта же была составлена на 1.750 р.

Въ Могилевѣ главное народное училище было открыто 15 Марта 1789 г. ²⁾, въ Плоцкѣ 15 Апрѣля 1789 г. ³⁾ и въ Кіевѣ 1 Мая 1789 г. съ 58 мальчиками и 18 дѣвочками. Малыя же народныя училища Могилевскаго намѣстничества были открыты: Оршанское 28 Января, Копысское 30 Января, Мстиславское 4 Февраля, Черниовское 6 Февраля, Чаусовское 9 Февраля; всѣ въ 1791 году.

Главное народное училище въ Екатеринославскомъ помѣстничествѣ было основано 17 Апрѣля 1793 г.; а училище въ Акмечети (Симферополь) 10 Юля 1793 г. и въ м. Кобелякахъ, Градижскаго уѣзда, въ Іюнь 1794 г. (оно было переименовано приказомъ общественнаго призрѣнія изъ основаннаго Одобашемъ на собствєнныя средства въ 1781 г. Сиротскаго воспитательнаго училища). Средствами существованія училищъ служили, между прочимъ, получавшіяся за обученіе дѣтей деньги, хотя обученіе было въ большинствѣ случаевъ бесплатное: такъ, въ 1794 г. изъ 113 дѣтей внесли деньги въ размѣрѣ 125 р. 8 дѣтей, а въ 1795 г. изъ 115 дѣтей, внесло 155 р., всего 10 дѣтей. Денежная сторона народныхъ училищъ вообще была поставлена неудовлетворительно. Въ 1791 г. приказъ общественнаго призрѣнія обратился къ дворянскимъ обществамъ Екатеринославскаго намѣстничества съ предложеніемъ объ оказаніи содѣйствія по устройству народныхъ училищъ; за исключеніемъ дворянъ Новомосковскаго, Полтавскаго и Гадячскаго уѣздовъ, всѣ остальные или прямо уклонились, или если и дали обѣщаніе, то не выполнили его. Да и дворяне поименованныхъ трехъ уѣздовъ не внесли деньги натурою, а просили перевести въ приказъ призрѣнія деньги, числившіяся за правительствомъ за различнаго рода поставки въ армію во время войны; переводъ же этихъ денегъ такъ и не состоялся ⁴⁾).

¹⁾ Пермскій Сборн., I, 1859 г., *Оирсовъ*. Открытіе народныхъ училищъ въ Пермской губерніи; стр. 143—199.

²⁾ Сборн. матер. для ист. просвѣщ. въ Рос., извлечен. изъ Арх. Мин. Народ. Просв. I, док. № 13; въ другомъ же документѣ (№ 24) день открытія, вѣроятно, ошибочно названъ 15 Февраля.

³⁾ Тамъ же, док. № 15.

⁴⁾ Чернявскій. Матер. по ист. нар. образ. въ Екатер. намѣстн. при Екат. II и Павла I (1794—1805).

Открытие народного училища въ Ярославлѣ послѣдовало 22 Сентября 1786 г. Рѣчь по этому поводу говорилъ учитель „вышняго класса“ Михаилъ Розинъ; она напечатана въ Ноябрьской книжкѣ за 1786 г. „Уединеннаго Пошехонца“.

Въ Вологдѣ народное училище открыто также 22 Сентября 1786 г.; рѣчь говорилъ Фортунатовъ; Вологодское купечество собрало при открытіи училища 1500 р., составлявшіе годовое жалованье учителямъ.

Въ Тамбовскомъ краѣ малое народное училище открыто въ Шацкѣ 1 Января 1787 г. ¹⁾. По поводу основанія училищъ, Рязанскій и Тамбовскій генералъ-губернаторъ М. Ѳ. Каменскій, 2 Ноября 1783 г., писалъ Тамбовскому намѣстнику Коновницину о томъ, что при заведеніи приказа общественнаго призрѣнія было выдано изъ казны 15000 рублей, между прочимъ, и для заведенія школъ; тѣмъ не менѣе „школы и теперь нѣтъ въ Тамбовѣ“. Коновницинъ собралъ почетнѣйшихъ представителей мѣстнаго дворянства и членовъ мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія, которые и постановили такое опредѣленіе—„въ полномъ собраніи членовъ приказа предложена была подписка на открытіе школы, но всѣ отказались отъ этой подписки“. Въ 1786 г. прибылъ въ Тамбовъ Г. Р. Державинъ, конечно, сознававшій необходимость распространенія образованія; благодаря его уму и настойчивости, 22 Сентября 1786 г. открыто въ Тамбовѣ народное училище, гдѣ къ концу года число учениковъ достигало 106 человекъ. Какъ много значить дѣятельность одного человека въ общественной жизни, показываетъ то, что съ отъѣздомъ изъ Тамбова Державина налаженное было имъ школьное дѣло стало приходить въ упадокъ, и уже въ 1790 г. закрылась половина народныхъ училищъ, въ Лебядини, Шацкѣ, Спасскѣ и Темниковѣ ²⁾.

Изъ отдаленной Сибири, изъ Барнаула, также получилось извѣстіе объ открытіи въ 1789 г. Кольванской губерніи главнаго народнаго училища.

Общее число учащихся въ народныхъ и домашнихъ училищахъ и учителей выясняется слѣдующею таблицею:

	Число учебныхъ заведеній.	Число учителей.	Число учащихся.	Въ числѣ учащихся	
				мальчики.	дѣвочки.
1790 г. ³⁾	269	629	16.525	—	— ⁴⁾
1791 г.	288	700	17.787	16.723	1.064
1792 г.	302	718	17.500	16.322	1.178
1793 г.	311	738	17.297	16.165	1.132
1794 г.	302	767	16.620	15.540	1.080
1795 г.	307	716	17.097	16.035	1.062
1796 г.	316	744	17.341	16.220	1.121

¹⁾ Тамбовск. книжн. просвѣщ. въ монограф. Дубасова „Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края“ в. 5.

²⁾ Тамъ же, в. 2, статья „Постепенное развитіе народнаго просвѣщенія въ Тамбовскомъ краѣ“.

³⁾ Свѣдѣній о восьмидесятихъ годахъ у меня не имѣется.

⁴⁾ Отдѣльныхъ чиселъ мальчиковъ и дѣвочекъ для 1790 г. не имѣется.

И такъ: 1) общее число народныхъ училищъ и число въ нихъ учениковъ увеличивалось весьма слабо (число училищъ увеличилось за семь лѣтъ съ 296 до 316, т. е. всего, приблизительно, на 16—17%, а число учащихъ съ 16.525 до 17.341, т. е. всего, приблизительно, на 5%); 2) въ среднемъ, на каждое заведеніе приходилось по 2—3 учителя и около 50—60 учениковъ; 3) число учащихъ дѣвочекъ составляло $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ часть общаго числа учащихся.

Это не вполне утѣшительное заключеніе о постепенномъ развитіи народныхъ училищъ находится въ нѣкоторомъ противорѣчій съ заключеніемъ К. И. Арсеньева, который считаетъ, что число училищъ увеличилось въ восемь разъ, а число учениковъ—въ шесть *). Кроме того, что мой выводъ основывается на данныхъ, относящихся лишь къ пятидесятымъ годамъ, протворѣніе объясняется тѣмъ, что Арсеньевъ строитъ свой выводъ лишь на числѣ народныхъ училищъ, главныхъ и малыхъ, не беря въ расчетъ тѣ домашнія училища, которыя съ открытіемъ народныхъ училищъ постепенно закрывались. Такимъ образомъ, общее число учебныхъ заведеній увеличивалось слабо, но число народныхъ училищъ увеличивалось значительно и вмѣстѣ съ тѣмъ улучшалась сама постановка учебнаго дѣла.

Припомнимъ тѣ надежды, которыя возлагались передовыми людьми Екатерининскаго царствованія на значеніе народныхъ училищъ. А. В. Храповицкій заноситъ въ свой дневникъ, подъ 20 Октября 1782 г., слѣдующую замѣтку: „заведеніемъ народныхъ школъ разнообразныя въ Россіи обычаи приведутся въ согласіе; исправятся нравы; императрица Марія Терезія примѣромъ одной школы своей установила больше 800 школъ“.

Отчего же народныя училища не распустились пышнымъ цвѣтомъ?

Причинъ тому нѣсколько.

Во-первыхъ, денежные средства приказовъ общественнаго призрѣнія, въ вѣдѣніи коихъ состояли также и народныя училища, были крайне скромны. Во-вторыхъ, отсутствовали подготовленные для преподаванія учителя. Въ-третьихъ, не были заранее составлены учебники. Въ-четвертыхъ, не были предварительно отысканы помѣщенія для школъ.

Всѣ эти причины указаны графомъ Д. А. Толстымъ. Но мнѣ думается, что это причины второстепенныя, особенно двѣ послѣднія. Главнѣйшею же причиною сравнительнаго неуспѣха Екатерининскихъ народныхъ школъ явилось умственное состояніе тогдашняго Русскаго общества, глядѣвшаго на образованіе, какъ на нѣчто совершенно излишнее. Екатерина Великая опередила на нѣсколько десятилѣтій современное ей общество. Она сдѣлала призывъ къ образованію; но если откликнулось на него мало лицъ, то въ этомъ виновато само общество. Лишь какими-то особыми исключеніями являются проекты

*) Арсеньевъ. Оч. народ. образованности въ Рос. до конца XVIII в. Уг. Зап. 2 отд. Им. Ак. Наукъ. Кн. I. 1854.

Московского Еврея Якова Гирша и статьи наказовъ Ямбургскаго и Копорскаго дворянствъ. Въ проектъ Гирша ¹⁾ объ открытіи училища, между прочимъ, изложено: „мнѣніе бы мое было принять тотчасъ человекъ 50 изъ убогихъ дѣтей и обучать въ ономъ безденежно, достаточные же родители стануть охотно платить“. Ямбургское дворянство находило, что „при церквахъ и киркахъ..... весьма нужно учредить школы для малолѣтнихъ, въ коихъ обучать того уѣзда дворовыхъ и крестьянскихъ дѣтей грамотъ и первыхъ основаній закона“; а Копорское дворянство „за нужное“ находило „учредить училища, какъ для Русскихъ, такъ и для Чухонскихъ дѣтей, дабы знаніемъ закона хотя мало поправить нравы ихъ“ ²⁾. Все это, повторяю, было исключеніемъ, а большинство народонаселенія оставалось безучастно къ просвѣтительнымъ стремленіямъ Императрицы. И если можно говорить о значеніи въ Русской исторіи народныхъ училищъ, то только въ смыслѣ нравственномъ. Онѣ явились началомъ того стремленія къ обученію населенія, которое продолжается и донинѣ; онѣ влили новую струю въ благотворительную дѣятельность. Болтинъ видѣлъ даже въ учрежденіи народныхъ училищъ одну изъ предварительныхъ мѣръ для упраздненія крѣпостного права ³⁾... Вотъ, значить, гдѣ государственное значеніе народныхъ училищъ и гдѣ отзывалось ихъ вліяніе.

Кстати замѣчу, что народныя училища неминуемо должны быть разсматриваемы, какъ учрежденія благотворительныя. Самою Екатериною онѣ были помѣщены въ среду благотворительныхъ учреждений приказовъ общественнаго призрѣнія, какъ бы скептически ни толковать, что это-де причисленіе было сдѣлано больше для виду, для очистки совѣсти; къ тому же весьма незначительный процентъ учащихся уплачивалъ деньги за обученіе. Вообще учрежденіе училищъ было одной изъ мѣръ предупредительной благотворительности. Въ этомъ отношеніи стоитъ отмѣтить случайно попавшуюся мнѣ критическую замѣтку ⁴⁾ о книжкѣ Чаннинга „Попеченіе о бѣдныхъ“, правда, не лишеной общихъ мѣстъ, но справедливо проводящей мысль о необходимости воспитанія и образованія для бѣдныхъ; авторъ же критической замѣтки (къ моему удивленію) упорно не соглашается съ этою до очевидности ясною мыслью.

Еще одно маленькое замѣчаніе, по поводу незначительнаго числа обучавшихся въ народныхъ школахъ дѣвочекъ. Это, остатокъ старины. Про нашихъ женщинъ въ допетровское время говоритъ Котошихинъ ⁵⁾: „Москов-

¹⁾ Сб. мат. для ист. проsv. въ Рос., извл. изъ Арх. Мин. Нар. Просв. I.

²⁾ Сб. П. Р. И. Об. XIV, стр. 244.

³⁾ Одинъ изслѣдователь приводитъ интересную историческую справку: Екатерина II запретила употреблять слово рабъ въ подаваемыхъ на ея имя прошеніяхъ указомъ отъ 19-го Февраля; 19-го же Февраля ея царственный правнукъ совершенно отмѣнилъ самое рабство.

⁴⁾ „Книжникъ“. 1865 т. № 2, стр. 102—104.

⁵⁾ Котошихинъ. О Россіи въ царств. Алекс. Мих.

скаго государства женскій полъ грамотъ неученые, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры несмышленны и стыдливы; понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ покояхъ и опричь самыхъ ближнихъ родственниковъ чужіе люди никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ“. Женщина до Петра Великаго, по словамъ И. Е. Забѣлина ¹⁾, почиталась ребенкомъ, надъ которымъ необходима самая полная опека. И не взирая на снятіе Петромъ Великимъ съ Русской женщины цѣпей тюремнаго затворничества, не взирая на то, что послѣ него императорскій престолъ занимало нѣсколько лицъ женскаго пола, такъ что три послѣднихъ четверти XVIII вѣка можно назвать для Россіи эпохой императрицъ, положеніе женщины измѣнилось мало, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился мало и взглядъ на необходимость обученія женщинъ въ школахъ. И если сама Екатерина Великая, другъ философовъ, педагогъ-писательница, являлась вообще передовымъ человекомъ, то въ частности разница между нею и Русскими женщинами, за рѣдчайшими единичными заключеніями, была неизмѣрима.

*

(О состояніи благотворительныхъ заведеній въ царствованіе Екатерины Великой можно составить себѣ довольно ясное представленіе изъ „Дневной записки путешествія ея императорскаго величества чрезъ Псковъ и Полоцкъ въ Могилевъ, а оттуда обратно чрезъ Смоленскъ и Новгородъ“ ²⁾). Во время этого путешествія была составлена особая комиссія для осмотра въ проѣзжаемыхъ Императрицею мѣстностяхъ различныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и благотворительныхъ. Изъ доклада этой комиссіи видно, что въ Нарвѣ было два госпиталя съ 26 призрѣваемыми и капиталомъ въ 8400 рублей; въ Нарвѣ, такъ излагается докладъ, „попеченіе о сиротахъ прилагается, и воспитательный домъ для нихъ построенъ, но, по недостатку капитала, остается не въ дѣйствиіи, имѣются двѣ школы“. Екатерина II повелѣла „на дѣла, касающіяся до общаго призрѣнія въ городѣ семь, выдать изъ таможенныхъ доходовъ тысячу рублей“.

Въ Гдовѣ, по словамъ комиссіи, „имѣются двѣ богадѣльни, кои содержатся на добротномъ подаваніи, присылаемомъ въ оныя; но нищимъ бродить по міру запрещено; въ оныхъ богадѣльняхъ содержится девять человекъ“. Екатерина повелѣла выдать на богадѣльни 200 р. и „чтобъ господа правящій генераль-губернаторъ и губернаторъ, паче же директоръ экономіи, не оставили войти въ разсмотрѣніе, не могутъ ли тамъ заведены быть по свойству произрашеній какія либо фабрики или рукодѣлія для доставленія жителямъ пропитанія“.

Въ Псковѣ Императрица приказала „директору экономіи основать для доставленія содержанія бѣднымъ обывателямъ казенную полотняную фабрику....

¹⁾ Забѣлинъ. Женщины въ допетровскоѣ обществѣ.

²⁾ Сб. И. Р. И. Об. I.

съ тѣмъ, чтобы работа на ней производима была не нарядомъ, но людьми вольнонаемными“; кромѣ сего было выдано на сиротскій домъ 300 р. и нищимъ въ богадѣльняхъ, по 2 р. на человѣка, 236 р.

Въ Островѣ и Опочкѣ было пожаловано по 100 рублей на каждую богадѣльню. Въ Полоцкѣ выдано на 24 богадѣльни всей губерніи, по 50 р. на каждую, 1.200 р. и 160 призрѣваемымъ въ богадѣльняхъ 320 р. Въ Могилевѣ пожаловано по 50 руб. на каждую изъ 43 богадѣльни намѣстничества, и, кромѣ того, 329 р. призрѣваемымъ. Въ Смоленскѣ дано на 44 богадѣльни 2.200 р., на сиротскую школу 100 р. и 259 призрѣваемымъ 518 р. Въ Великихъ Лукахъ на 2 богадѣльни 100 р. и 13 нищимъ 26 р. Въ Порховѣ богадѣльнѣ 100 р., въ Старой Руссѣ на 4 богадѣльни 400 р. Въ Новгородѣ, гдѣ капиталъ приказа общественнаго призрѣнія достигалъ съ процентами 27.229 рублей, было дано на 8 богадѣльней 800 р., на устройство сиротскаго дома 300 р. и 216 нищимъ 432 р.

По прибытіи же Императрицы въ Петербургъ освидѣтельствованы всѣ губернскія и уѣздныя присутственныя мѣста, при чемъ уѣздные города „пожалованы были каждый на закладку домовъ немущихъ мѣщанъ по 2.000 р. да и на заведеніе школы и богадѣльни по 200 р.“*).

*

Нельзя въ заключеніе обойти молчаніемъ закрѣпительныя мѣры роскоши.

Въ наказѣ отъ Главной Полиціи весьма подробно изложены желательныя объ этомъ отношеніи мѣропріятія. Такъ, по 88 ст. „золотомъ и серебромъ шитье и тканье и съ позументы платье и заморскія кружева“ допускалось носить только лицамъ первыхъ пяти классовъ; имъ же, по 89 ст., разрѣшались „плюмажи жъ бѣлые на шляпахъ“; запрещалось, по ст. 90, носить лицамъ ниже шестого класса „бархаты и штофы и другія шелковыя матеріи дорогія не ниже четырехъ рублей аршина“; число лошадей и экипажей были строго опредѣлены для каждаго класса: лица 1 и 2 классовъ не могли имѣть болѣе 30 лошадей въ Петербургѣ и 40 лошадей въ Москвѣ, а ѣздить имъ разрѣшалось на 6 лошадяхъ, имѣя не болѣе 3 человѣкъ сзади и двухъ пѣшихъ скороходовъ; лица 3 и 4 классовъ не могли имѣть болѣе 20 лошадей въ Петербургѣ и 24 лошадей въ Москвѣ, а ѣздить имъ разрѣшалось на 6 лошадяхъ, безъ верховыхъ, имѣя людей за каретою и скороходовъ не болѣе того, какъ лица первыхъ двухъ классовъ; лица 5 и 6 классовъ не могли имѣть болѣе 12 лошадей въ Петербургѣ и 16 въ Москвѣ; ѣздить имъ разрѣшалось не болѣе чѣмъ на 6 лошадяхъ, а назади имѣть дозволялось не болѣе двухъ человѣкъ и не болѣе одного скорохода; имѣть верховыхъ же имъ запрещалось; лица 7, 8 и 9 классовъ могли имѣть не болѣе 8 лошадей въ Петербургѣ и 12 въ Москвѣ; ѣздить имъ разрѣшалось на четверки лошадей, безъ верховыхъ и скороходовъ, не болѣе какъ съ двумя людьми назади; лица про-

*) Сб. И. Р. О. т. XLIII.

чихъ классовъ, первогильдейскіе купцы, священники и дьяконы могли имѣть не болѣе 4 лошадей въ Петербургѣ и 5 въ Москвѣ, а ѣздить на парѣ, не болѣе чѣмъ съ однимъ челоуѣкомъ назадъ; наконецъ, купцы прочихъ гильдій и безчиновные служащіе могли имѣть не болѣе 2 лошадей; имъ разрѣшалось ѣздить въ коляскѣ (но не въ каретѣ), или же въ одвоколкѣ. Далѣе было установлено, чтобы имѣющіе чины ниже 5 класса не приглашали на свадьбу болѣе 24 лицъ, чтобы пиrowаніе не продолжалось болѣе трехъ дней и угощеніе гостей не обходилось бы болѣе одной двадцатой доли взятаго приданаго, и вообще не болѣе 300 руб.; въ противномъ случаѣ надлежало виновныхъ въ несоблюденіи указанныхъ нормъ лицъ „выслать изъ города на нѣкоторое время“. Запрещалось дѣлать, подъ угрозой сторублеваго штрафа, „штучные“ полы въ деревянныхъ постройкахъ. Устанавливалась такса „печенуму хлѣбу“, дабы на каждый рубль хлѣбникъ могъ получить 15 копѣекъ, да на всѣ издержки 10 коп.; неисполненіе сего влекло въ первый разъ—конфискацію проданныхъ товаровъ, во второй—штрафъ въ 5 рублей, а въ третій—лишеніе права занятія торговымъ промысломъ. Наконецъ, предусматривалась необходимость ограничить непроеизводительные расходы при похоронахъ: предписывалось „гробовъ богато убранныхъ не обивать, а чернымъ сукномъ, духовныхъ больше тринадцати персонъ кромѣ причетниковъ не называть“; „людей въ епанчи и лошадей въ попоны черныя не наряжать и больше 6 факелъ не носить“; „каретъ и покоевъ не обивать, ливрей черныхъ не дѣлать“ и пр.

Такимъ образомъ, полиція проектировала рядъ подробно ею развитыхъ ограничительныхъ мѣръ къ уменьшенію роскоши, этой главной причины народнои нищеты. Но нужно признать, что къ этому побужденію предупредить нищету примѣшивалось и нѣчто другое: желаніе ярче и сильнѣе отгнѣнить дворянъ отъ недворянъ, служащихъ лицъ высшихъ классовъ отъ низшихъ, и такимъ образомъ приведенныя мѣропріятія могутъ быть причислены къ области предупредительной благотворительности лишь отчасти. Независимо отъ того, нельзя не усмотрѣть въ этой до виртуозности доведенной регламентаціи слѣдъ чего-то дѣланнаго, кабинетнаго, далекаго отъ жизни...

*

Скажу нѣсколько словъ о Русскихъ медальныхъ изображеніяхъ XVIII вѣка, которыя брали свое содержаніе изъ области благотворенія. Сообщаемыя мною свѣдѣнія я черпаю изъ необнародованной рукописи Императорской Публичной Библиотеки (т. II, № 181).

На первой, въ хронологическомъ порядкѣ, медали увѣковѣчено „строе-ніе госпиталя“; на ней изображено зданіе госпиталя и написано: „попеченіе о болящихъ воинахъ“ и „строеніе госпиталя для морскихъ и сухопутныхъ 1715 г.“. Слѣдующая медаль, относящаяся къ тому же году, имѣетъ предметомъ „учрежденіе госпиталей ради незаконнорожденныхъ“; надписи на медали гласятъ: „да не погибаютъ“ и „госпитали ради незаконнорожденныхъ учреждены 1715 года“; на медали изображена женская фигура, олицетворяющая милосердіе и сидящая передъ воротами большого зданія; женщина-милосердіе принимаетъ младенца въ пеленкахъ изъ рукъ другой женщины съ покрытой

головой; близъ первой стоятъ еще два младенца, воспитанные въ домѣ. Слѣдующая медаль, относящаяся къ 1718 году: „госпитали для нищихъ“; на медали изображенъ вдали общій видъ госпиталя; на переднемъ планѣ фигура, олицетворяющая сожалѣніе, поднимаетъ рукою неимущаго больного старца съ клюкой; другого слѣпотаго старца ведетъ къ госпиталю юноша; надписи на медали передаютъ: „попеченіе о неимущихъ“ и „учреждены госпитали для нищихъ 1718 года“. Медаль, увѣковѣчивающая „помощь поданнымъ во время голода“, изображаетъ голодающее семейство, состоящее изъ мужа, отъ голода лежащаго въ безсиліи, жены, на колѣнахъ просящей хлѣба у милосердія, и ребенка; милосердіе подаетъ хлѣбъ женщинѣ; рядомъ съ милосердіемъ стоитъ телѣга, нагруженная хлѣбомъ; надписи на медали сообщаютъ: „скорая помощь“ и „голодъ укрошенъ 1723 года“. Слѣдующая медаль изображаетъ „Учрежденіе Камеръ-Коллегіи при Синодѣ“; на ней видно, какъ при входѣ въ монастырь архимандритъ и монахъ раздаютъ хлѣбъ двумъ стоящимъ на колѣняхъ лицамъ, вонну и старику; за ними женщина подводитъ двухъ дѣтей; надписи на медали гласятъ: „дѣйствіе набожества“ и „Камеръ-коллегія учреждена при Синодѣ 1724 года“. Слѣдующій рядъ медалей увѣковѣчиваетъ „милосердіе Императрицы въ сбавкѣ подушныхъ денегъ“, 1725 г., „прощеніе поданнымъ штрафныхъ денегъ и упущеніе подушныхъ за цѣлую треть года“, 1727 г., „вольную торговлю соли“, 1727 г., „высокомонаршее милосердіе увольненія отъ платежа внутри государства таможенныхъ и мелочныхъ сборовъ“, 23 Декабря 1753 г., и упущеніе нѣсколькихъ милліоновъ рублей государственныхъ доимокъ“, 13 Мая 1754 г. Какъ видно, предметы этихъ послѣднихъ медалей имѣютъ нѣкоторую связь съ благотворительностью. Наконецъ, имѣются медали на открытіе при Екатеринѣ II воспитательныхъ домовъ и на благотворительно-государственную дѣятельность Бецкаго; эти медали не разъ были воспроизведены въ печати.

*

Заканчивая эти бѣглыя замѣтки, воздержусь отъ повторенія вывода, приведеннаго мною въ предыдущихъ моихъ статьяхъ. Скажу только, что нельзя отрицать крупнаго размѣра благотворительно-законодательной дѣятельности Россіи въ XVIII вѣкѣ, точно также, какъ исторически неправильно видѣть эту дѣятельность въ розовомъ свѣтѣ. Жизнь всегда остается жизнью. Каждая біографія въ сущности фальшива, подчеркивая лишь нѣкоторыя черты извѣстнаго лица и оставляя въ тѣни другія. Въ каждомъ историческомъ явленіи есть плюсъ и минусъ, и при разборѣ любого случая можно сказать и про и contra. Тоже самое примѣнимо и къ вопросамъ призрѣнія.

Далекій отъ мысли ставить благотворительность Россіи XVIII вѣка на какой-нибудь пьедесталь, не могу однако отрицать ея значительнаго развитія. Правда, благотворительная Русь Екатерины II далеко не бывала свободной отъ сухого, мертвящаго формализма. Такъ, въ Шацкую канцелярію явились три человѣка, не помнившіе родства; канцелярія отправила ихъ для поселенія въ Оренбургскую губернію, откуда однако ихъ возвратили, такъ какъ они „за старостію лѣтъ и по болѣзнямъ явились ни къ какимъ работамъ неспособными“; Шацкая канцелярія обратилась за разъясненіемъ въ Сенатъ, который

отвѣчалъ, что за немѣнѣемъ богадѣльни въ Шацкѣ задержанныхъ людей слѣдуетъ помѣстить „въ состоящія по близости къ Шатскому уѣзду богадѣльни“¹⁾.

Но это мелочи, и основа дѣла отъ этого не страдаетъ. Екатерина II была истинной благотворительницею.

Благотворительность перестала быть „скучнымъ“ дѣломъ, недостойнымъ аристократіи. Наоборотъ, первыя въ государствѣ лица наперерывъ другъ предъ другомъ старались содѣлаться участниками въ обширной филантропической дѣятельности Сѣверной Семирамиды. Дворянскія дѣти получали и воспитаніе въ духѣ необходимости помогать ближнему. Такъ, существовалъ прекрасный обычай въ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ и въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ по угощенію бѣдныхъ людей выпускными воспитанниками и воспитанницами. 10 Апрѣля 1775 г. въ корпусѣ „празднованъ день“ рожденія Государыни „угощеніемъ бѣдныхъ“, притомъ „прежде раздаванія награжденій“, 18 Апрѣля того же года, подобное угощеніе происходило у воспитанницъ²⁾.

Учрежденіе благотворительныхъ заведеній и забота о помощи страждущимъ не помѣшали мѣрамъ къ стѣсненію притворнаго нищенства, этого зародыша современнаго постыднаго хулиганства. На ряду съ тѣмъ осуждалось и притворное благотвореніе, фарисейство. Будучи по призванію сатирикомъ и публицистомъ³⁾, Екатерина II не оставила безъ осмѣянія эту фарисейскую благотворительность. Въ ея комедіи „О, время!“, въ этой ѣдкой сатирѣ на современные нравы, выведенъ типъ ханжи Ханжачиновой, которая, узнавъ отъ прислуги, что ее спрашиваетъ вдова, выражаетъ ей на словахъ фальшивое сочувствіе; но бѣдная вдова пришла къ Ханжачиновой искать не однихъ сочувственныхъ словъ, а просить отсрочки по уплатѣ процентовъ за заложенную ею у ханжи „во стѣ рублѣхъ золотую табакерку, которая въ трое того стоитъ“, ибо ей приходилось платить „по полуполтинѣ на недѣлю росту“⁴⁾. Конечно, августѣйшій авторъ клеймитъ позоромъ это крупное ростовщичество, съ которымъ не могло уживаться рядомъ нищелюбіе, какъ не имѣющее съ нимъ никакого родства.

Приведу еще четверостишіе изъ масонскихъ стихотвореній. Благотвореніе составляло, какъ извѣстно, положительную сторону франкмасонскаго ученія, и въ ихъ пѣсняхъ нерѣдко прославляются благотворительные подвиги разныхъ лицъ. Про Екатерину II въ одной пѣснѣ пѣлось:

Она чрезъ мудрые законы,
Она, чрезъ свой безсмертный трудъ,
Пресѣкла бѣдныхъ тяжки стоны.
Ее въ подсолнечной всѣ чтутъ!

Михаилъ Сооловскій.

¹⁾ Труд. Тамбов. уч. арх. ком.; в. 38; док. № 3917, 1775 г.

²⁾ „Собраніе новостей“ 1775 г. Сентябрь.

³⁾ Е. С. Шумигорскій. Императрица-публицистъ.

⁴⁾ Дѣйствіе I, явленія 3 и 4.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КОНСТАНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ ЕГО АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ.

1813-й годъ *).

Гродно, 21-го Января 1813.

Изъ Мереча писалъ я къ тебѣ, мой милый и любезный братъ, черезъ адъютанта свѣтлѣйшаго, капитана Кожухова. Оттуда поѣхалъ съ главнокомандующимъ далѣе и былъ съ нимъ до Витемберга, ибо въ Лыкъ уже докладывалъ онъ о мнѣ Государю, и я опредѣленъ къ нему по старому. Кончивши сіе, я тотчасъ искалъ средство отпроситься въ отпускъ и такъ славно все сдѣлалъ, que cela n'a choqué personne et que je suis déjà libre pour trois mois avec promesse cependant de revenir le plus tôt possible. J'ai été accueilli et traité parfaitement bien, j'ai travaillé avec le prince et aussi avec Nesselrode. Il m'a beaucoup engagé de revenir bientôt pour tout plein d'avantage. *Nous causerons* de tout cela. N'est-ce pas que ce mot vous fait plaisir? Moi je suis fou de joie en pensant que je vous verrai bientôt. Voici mon plan. Je parts demain pour Mohileff sur la Dniester, où se trouve Varlam. J'ai très bien arrangé ses affaires: il est c. d'état actuel, je lui porte l'ordre de St. Anne de la 1-re classe et une lettre, qui lui assure des terres en Bessarabie dès qu' une carte topographique du pays sera faite. J'aurais commencé ma tournée par Moscou, car c'est là principalement que mon coeur m'appelle; mais il s'agit de donner la dernière main aux affaires de Varlam, de choisir ce qui lui conviendra le plus en fait de terres, car il y en a de bien mauvaises, et de bien belles, et en suite il faut tout de suite en prévenir le maréchal pour qu'on les lui donne. Vous sentez bien de quelle importance est cet article et combien il doit m'intéresser, car malheureusement il faut de l'argent dans ce monde. J'ai dû faire ce sacrifice. J'aime Marie, je crois l'avoir prouvé jusqu'à quel point; mais vous êtes le premier, mon bon ami, et j'aurais consenti de ne pas la voir encore pendant quelque temps pour voler à vous, mais vous seriez le premier à me gronder.

---

*) См. выше, стр. 37.

Je voudrais bien arriver avec toute la famille à Moscou. Dites moi si cette bonne ville est habitable dans ce moment-ci et si les Varlame peuvent aller s'y établir? Cela serait charmant. Écrivez moi tout de suite là-dessus à Mohileff sur le Dniester. Si les Varlame sont encore à Kichéneff, j'irai là bas et je recommanderai qu'on me fasse parvenir votre lettre; mais ne tardez pas, car il faudrait alors profiter du bout d'hiver. Ну, мой милый, скоро мы съ тобою или, лучше сказать, наконецъ увидимся. Я былъ обрадованъ двумя твоими письмами № 107 и 113. Спасибо за брошюру, которая и меня тронула. Pauvre Moscou! Но много бы надобно говорить, а потому и отвѣчать не буду. Je crois bien que votre brochure a réussi: le coeur l'a dictée, et les Russes la lisent. Elle est très bien faite. Nous parlerons du cela. Je vous envoie tout ce qui a été imprimé à l'armée.

Слава Богу, что вы живы и здоровы; прочее все устроится.

Je suis extrêmement pressé, je veux absolument partir demain, j'arrive aujourd'hui et je dois rendre mes affaires et mes papiers; car grâce à Dieu me voilà quitte de ce diable de gouvernement. Je vous écrirai de Mohileff si je ne deviens pas fou de l'idée de pouvoir vous embrasser bientôt ainsi que ma chère, ma bonne Natalie. Adieu, mon bon ami, à revoir. J'embrasse tous les enfants, ну ужъ достанется имъ отъ меня, задушу всѣхъ васъ. La tête me tourne, et cela va mal avec les affaires. Je vous quitte. Adieu, mon cher. Saluez nos amis.

Душевно поздравляю съ Новымъ годомъ и славнымъ годомъ. Увидимся въ немъ.

Avez vous reçu les douze mille roubles que me doit Kojoukhoff? Il m'a promis de vous payer.

*

Mohileff sur le Dniestre, le 27 Janvier 1813.

Je vous prie de me faire savoir si les Varlam peuvent venir habiter Moscou à present, car alors il se pourrait bien que je vous les amene. J'attends votre lettre avec la plus vive impatience.

*

Въ Могилевскомъ карантинѣ, 14 Февраля 1813.

Mon cher, mon bon ami. Il faut essayer de tout dans ce monde, et me voilà en quarantaine, tout cela pour avoir passé quelques jours à Kichéneff où tout le monde se porte parfaitement bien! Ce qui me fâche sérieusement dans tout cela, c'est que si même je reçoie aujourd'hui ou demain votre réponse à ma lettre de Grodno № 1, du 21 Janvier,

que j'attends avec la plus vive impatience pour savoir si les Varlan peuvent, dans ce moment-ci, s'établir à Moscou, il faudra passer encore quelques jours dans cette maudite prison avant de pouvoir aller plus loin. Je ne suis pas seul ici; comme je vous l'ai écrit dans ma dernière lettre, j'ai exporté toute la famille de ce maudit trou de Kichéneff, et nous sommes arrivés tous ensemble ici; mais il faut que je commence de plus haut. De Mohileff je suis parti vers le soir, après avoir dîné chez le sénateur et vers les 11 heures du matin j'étais déjà à une mauvaise barrière d'un mauvais village, c'était la porte de Kichéneff. Il fallait encore une fois me faire parfumer et subir des formalités, qui m'impacientaient d'autant plus que je touchais au moment heureux de revoir Marie. Personne ne s'attendait à me voir; le premier qui m'a aperçu est un maître de langue grecque, qui demeure dans la maison; il a couru bien vite dire que je venais et il dépassait mon traîneau malgré que j'allais ventre à terre. Tout le monde a couru sur le péron, et j'ai pensé être étouffé. La pauvre Marie était pâle et tremblante, ne pouvant proférer une parole jusqu'à ce que des larmes sont venues à son secours. J'ai vu dans ce moment combien je suis aimé de toute la famille, c'était une véritable fête dans la maison. Après le premier moment j'ai demandé la permission d'aller changer de toilette, et ce n'est qu'avec la promesse de revenir tout de suite que j'ai pu l'obtenir. J'ai appelé Marie dans ma chambre et Kostaky, le fils; j'ai mis dans un plat couvert le grand cordon de S-te Anne avec la plaque et le rescript et je l'ai donné à Marie pour le porter à son père. Elle ne savait pas ce que c'était, et à son frère j'ai donné la lettre du maréchal qui lui assure de la part de l'Empereur de terres en Bessarabie en proportion de ce qu'il perd en Valachie.

Le bon vieillard ne s'attendait à rien; il croyait que c'était quelque chose à manger que je lui avais apporté, mais quels étaient son étonnement et sa joie! Après cela son fils lui a donné la lettre de maréchal, il n'a pas pu retenir ses larmes, et je vous assure, j'ai été aussi ému. Il sentait bien que c'était mon ouvrage et que si je n'avais pas été auprès de Koutousoff à pousser à la roue, si cela serait même arrivé, ce n'est pas dans ce moment où l'Empereur est occupé d'affaires si importantes. Le voilà donc conseiller d'état actuel, chevalier de S-te Anne et ne perdant presque rien pour s'être expatrié. Je ne rendrais pour rien cette journée et pour la joie que j'ai éprouvé moi-même et pour la satisfaction d'avoir rendu un grand service à celui qui doit me faire un sort, et puis, je me suis assuré des sentimens de toute la famille. Mais venons à Marie. Celle-là, toute la journée, était à me regarder sans pouvoir

presque me parler, elle ne croyait pas qu'elle me voyait; mais le lendemain elle a commencé à bavarder, à me raconter tout ce qu'elle a fait, pensé pendant mon absence, absolument comme un enfant. Je suis sûr, mon bon ami, que vous et Natalie vous l'aimerez; pour elle, elle vous adore tous les deux et ne rêve à présent qu'au bonheur de vous rejoindre le plus tôt possible; tous les jours elle me demande: *et la réponse d'Alexandre?* Elle craint qu'elle ne soit pas telle qu'elle le désire, que vous ne disez enfin qu'il n'y a pas de maison. Elle est dans des agitations continuelles.

Après la paix il ne me restera que le désir de m'établir dans le même endroit que vous, de réunir nos deux maisons. Qui alors pourra nous égaler en bonheur? Comme on apprend à apprécier la tranquillité, la vie paisible après toutes ces campagnes! Combien d'illusion elle détruisait! Vous voyez le monde tel qu'il est et les véritables jouissances qu'il offre. Ce n'est pas dans l'ambition, dans la richesse, dans le tourbillon des capitales qu'il faut les chercher; c'est au contraire dans un petit cercle d'amis, et peut-on en avoir de meilleur qu'un frère comme vous? Oui, mon cher, vous verrez que lorsqu'on voudra parler de gens heureux, on nous citera.

Nous passons notre quarantaine assez gaiement. Il y a avec nous un Italien Sacci, qui chante avec la guitare; nous jouons aux cartes, nous mangeons bien, nous faisons des projets, et les journées passent assez rapidement. Tant mieux: elles me rapprochent de vous. Tout le monde se porte bien, et moi, tout étonné de me trouver libre, sans affaires, maître de mon temps, je suis comme un écolier en récréation, такъ какъ въ старину мы Свѣтлую недѣлю провожали дома.

On me dit que vous avez été entre les mains des Français, on me raconte même des particularités¹⁾. Mon Dieu, si je le savais dans le temps, qu'est ce que je serais devenu! Je déteste encore plus ces vilains. On m'assura aussi que le p-ce Basile s'est remarié, quelle folie! Comment ne l'a-t-on pas empêché de la faire. Vous êtes-vous mis en règle avec lui, car après cette farce il est capable de manger tout son bien²⁾.

*

Смоленскъ, 3 Мая 1813³⁾.

Ну, мой милый другъ, къ грусти да еще и скука смертельная отъ безпрестанныхъ остановокъ на почтахъ: лошадей или вовсе нѣтъ или

¹⁾ Чтò именно произошло съ А. Я. Булгаковымъ 2 Сентября 1812 года, остается намъ неизвѣстно. П. Б.

²⁾ Князь В. А. Хованскій вторично женился на вдовѣ Ивана Федоровича Дмитриева-Мамонова, Еленѣ Васильевнѣ, ур. Толстой.

³⁾ Послѣ короткаго пребыванія въ Москвѣ. П. Б.

прескверныя, такъ что я только сегодня въ 6 часовъ утра могъ дотащиться до Смоленска. Тутъ бы желалъ проскакать скорѣе, чтобы не видѣть всѣ опустошенія, а, напротивъ, тащился какъ ракъ. Не буду повторять тебѣ, что никогда мнѣ такъ не было больно съ вами разлучиться, какъ теперь. Надѣюсь, что въ послѣдній разъ, и это меня поддерживаетъ. Не забывай, что я тебѣ оставилъ на руки Варламовъ; замѣни мое мѣсто у нихъ, покуда обстоятельства меня возвратятъ. Люби ихъ, этимъ еще больше докажешь мнѣ любовь свою. Обними милую, добрую Наташу, ей поручаю свою Машу. Лошади готовы, а если пождать, то еще не будетъ; ибо сынъ Каверина*) ѣдетъ въ армію, а здѣсь онъ много значить. Я, слава Богу, здоровъ, но вообразить себѣ не можешь, какъ грустенъ.

*

Гродно, 6 Мая 1813.

Сейчасъ сюда пріѣхалъ, крайне усталъ и голоденъ, но прежде всего нетерпѣнье поболтать съ вами, мои милые. Если бы не твой пирогъ, пришлось бы мнѣ всю дорогу, какъ послѣдніе два дня, ѣсть одинъ хлѣбъ. Ничего достать нельзя, и я ничего горячаго не ѣлъ и не пилъ съ самой Москвы. Къ тому же время испортилось; но самое дурное сдѣлано, а какъ доберусь до Бѣлаго Стока, такъ пойдетъ лучше. Я разѣхался съ Чичаговымъ; никто не знаетъ, въ Петербургъ ли онъ поѣхалъ или въ свою деревню, а знаютъ только, что проѣхалъ черезъ два часа передо мною.

*

Пултускъ, 8 Мая 1813.

En partant de Grodno, j'ai appris la mort de Koutousoff. Vous vous imaginez bien, mon bon ami, combien cela me chagrine et me contrarie et pour moi, et pour Varlam, qui a perdu un grand et peut-être unique protecteur. Puisque je suis une fois en route, je continue sans savoir ce que je deviendrai. L'Empereur commande lui-même. A présent que Koutousoff n'est plus, il n'y a pas le temps à perdre pour papa; il faut que maman se prépare pour pouvoir partir, à ma première lettre de l'armée, et aller en Valachie terminer ses affaires. Je verrai en attendant ce qu'il y aura à faire; mais dans ce moment que les hostilités ont recommencé, on a bien autre chose en tête que les terres de la Bessarabie. Cela viendra après; en attendant, coûte qui coûte, il faut finir en Valachie. Expliquez bien tout cela et avec ménagement à papa.

*

12-го Мая 1813.

Наконецъ, мой милый безцѣнный другъ, дотащился я до главной квартиры, гдѣ нашелъ много перемѣнъ, однакоже почти всѣхъ моихъ

*) Сенаторъ Каверинъ приводилъ тогда въ порядокъ разоренныя непріятелями Смоленскую и сосѣднія губерніи.

знакомыхъ и пріятелей. Князь Волконскій принялъ меня весьма ласково. Я еще не осмотрѣлся и не знаю, какъ и при комъ буду; но Богъ милостивъ, вѣрно меня не оставитъ. Анстеть мнѣ обрадовался, да вообще всѣ знакомые, а Мишѣ безумно радъ. Son frère a eu le bras emporté et quoique lieut.-colonel, il a reçu le c. de S-t Georges. Dites, je vous prie, au c-te que j'ai remis ses deux lettres. Zakrevsky est ici, il vous écrit lui-même. A propos, on a une si grande idée ici de la fermeté du caractère du c-te Rastopchine qu'on vend une eau-de-vie d'une force terrible qu'on appelle *doppelte Rastopchine*. Je tâcherai de vous en envoyer, si cela possible.

Je me suis arrêté chez Michaud. A propos: dès que je trouverai un moment favorable, je présenterai une supplique à l'Empereur pour qu'on ordonne de vendre ma terre et de payer les dettes. J'en ai déjà parlé à Журавлевъ, qui est avec Шишковъ. J'ai beaucoup perdu par le voyage que j'ai fait; mais qu'est ce qui peut être comparable au bonheur de vous avoir vu et de vous avoir amené moi-même Marie? Je ne regrette rien, tout cela se retrouvera. Je me porte, grâce à Dieu, bien.

*

Le 18 Mai 1813.

Je n'ai pas encore de place positive, je suis en attendant avec le c-te Volkonsky, chef d'état - général; je commence à travailler, mais dans quelques jours je vous dirai quelque chose de plus positif. Ma lettre a été envoyée par Lamsdorff à sa mère et vous parviendra sûrement, mais quand aurai-je de vos nouvelles, mon bon ami?

*

Le 27 Mai 1813.

Vlodeck, qui a été bien malade ici, part demain pour P. Bourg; il se charge de vous envoyer ma lettre de la frontière; jugez, mon cher, mon bon ami, avec quel empressement je profite de cette occasion pour vous écrire. Je me trouve toujours auprès du p-ce Volkonsky, qui me témoigne de l'amitié; mais à quoi cela peut-il me mener, surtout avec ma sottise manière de ne rien demander? Je travaille tant que je puis pour les affaires du bon vieux papa, mais vous sentez bien que dans un moment comme celui-ci et l'Empereur et ce qui l'entoure ont bien autre chose à faire que de s'occuper d'affaires particulières. Je crois que le plus sage serait que maman allât sans perte de temps elle-même en Valachie pour vendre, tant bien, que mal, ce qu'ils y ont de terres; car le terme approche, et alors ils risquent de tout perdre. En attendant, si même j'obtenais que l'Empereur ordonnât à Italinsky de demander une prolongation de terme, tant mieux: cela ne gênerait rien à la chose et, se trouvant elle-même sur les lieux, elle pourrait prendre

23*

des arrangements que jamais leur homme de confiance ne pourra faire aussi bien. Je vous engage, mon bon ami, à leur bien expliquer la chose et surtout la nécessité de ne point perdre du temps. Ma première lettre doit porter quelque chose de plus décisif sur cet objet, et alors il faut déjà que de toutes les manières elle soit prête pour partir. L'idée que ma bonne Marie ira dans ce pays me fait, je vous avoue, de la peine; mais comment abandonnerait-elle sa mère dans un moment où elle fera toute sa consolation, et puis comment voulez vous qu'elle reste seule avec son père? Qu'elle parte donc, et que Dieu aye soin de toutes les deux. Je n'aurai pas un moment de tranquillité jusqu'à leur retour; la seule idée qui me soulage, c'est que Faste les accompagne, s'il veut me donner une véritable preuve d'amitié et tiendra parole, et alors il n'y a aura pas de genre de sacrifice qu'il ne eût droit d'exiger de moi. Il faut dès à présent même écrire au chancelier pour avoir le passeport et prier Schoulepoff qu'il obtienne de lui une lettre de recommandation pour Kiriko; il faut désigner au juste le nombre et les noms des personnes qui les accompagneront pour éviter tous désagrémens dans la suite. J'espère que Tourguéneff obtiendra tout cela et que vous, mon cher, vous arrangerez le tout de manière à ce que je sois tranquille sous ce rapport.

Je vous prie de dire à papa que les lettres au maréchal ont été présentées à l'Empereur par Volkonsky. Pour les Arnaoutes il a répondu et a chargé le c-te de lui écrire, qu'il faut en attendant laisser la chose en suspens; dans ce moment-cy. Pour les.... l'Empereur a gardé cette lettre chez lui pour en parler à Balachoff. L'amiral avait dans le temps écrit pour les terres, sa lettre est venue pendant la maladie du maréchal, on l'a envoyée au c-te Romanzoff. Voilà pour le moment tout ce que je sais. Voyons ce que l'on pourra faire, mais je ne crois pas grande chose à présent: ce n'est pas le moment. Patience, cela s'arrangera. En attendant il ne faut pas négliger le voyage de Valachie. Papa fera bien de rester en attendant à Moscou, et encore mieux d'aller mener Kostaky au Corps des pages; on m'a demandé ici s'il y a était déjà, j'ai répondu qu'il y sera cette année.

Pour moi, puisque je suis ici, il faut que je reste, et j'espère que ce ne sera pas sans avantage pour moi, car tout le monde me traite à merveille. Tout dépend d'une occasion, et qui sait si elle ne se présentera pas.

Je suis bien, je demeure avec l'excellent Michaud dans une charmante maison, dans un village à 3 verstes de Reichenberg; j'ai aussi un quartier en ville, mais je suis si bien ici que je crois y rester, d'autant.

plus que l'Empereur est ici et puis Lamsdorff et tous mes amis, Anstett, Nesselrode, Zakrefsky etc. etc. Sabaneyeff est en ville, j'ai été dîner chez lui aujourd'hui, c'est une charmante promenade que j'ai faite à cheval avec Zakrefsky.

Écrivez à Faste que j'ai parlé a Sabaneyeff pour Golembovky, que j'ai nommé mon parent; il le prend avec le plus grand plaisir auprès de lui, mais malheureusement il y a une personne qu'on ne peut pas éviter, malgré que Sabaneyeff en a parlé à Barklay; il faut qu'il présente une supplique en règle et demande à entrer dans le седьмой ерепский полкъ, qu'il me l'envoie, et tout sera arrangé. Ce jeune homme sera bien et pourra être poussé, c'est sa conduite qui en décidera.

Dites au p-ce Ouroussoff que j'ai envoyé les lettres dont il m'avait chargé, mais que je ne puis rien faire pour son parent, le p-ce Koutousoff étant mort. Faites lui bien mes complimens.

Michaud, qui rentre en ce moment, me charge de vous dire à vous et à votre femme milles belles choses.

Comme il aime son frère! Ce pauvre diable a eu un bras emporté et a supporté trois opérations avec une fermeté étonnante; on a fini pas lui ôter la jointure de l'épaule. Il a été fait aide-de-camp de l'Empereur et quoique lieut.-colonel il a eu la 3-me classe de St. George. Je passe ordinairement mes soirées chez les aides-de-camp de l'Empereur avec Potocky, Branitzky etc, qui sont tous de très bons enfants. Je me couche de bonheur, me lève de grand matin, je fais les marches à cheval, toujours en bonne compagnie, le pays est superbe, le temps très beau; mais tout cela ne me console pas de n'avoir pas une syllabe de vous autres.

Entre nous soit dit, le fils de votre chef est malade; il est resté je ne sais dans quelle ville. J'ai prié Sabaneyeff, qui a de l'amitié pour lui, de le tenir un peu; car il est jeune et ne se ménage pas.

Le p-ce Volkosky est начальникъ Главнаго Штаба auprès de l'Empereur, et Sabaneyeff l'est auprès de Barklay, qui a succédé au maréchal dans le commandement de l'armée. Vous rappelez-vous de ce maître d'armes, qui demeurait chez moi à Vienne? Hé bien, il a été ici ces jours-ci; de Londres il retournait par P. Bourg à Vienne. J'ai été bien aise de le voir.

J'ai reçu deux lettres de vous de l'année passée; comme elles m'auraient intéressées alors! Imaginez-vous que ce n'est qu'à présent que j'ai reçu un tas d'ordres que l'amiral m'avait adressé pendant mon gouvernement!

7 (19) Juin 1813.

Le jour d'hier était un véritable jour de fête pour moi. C'est le premier où j'ai été gai et content depuis notre séparation, mon cher, mon bon ami. Je revenais justement avec Sabaneyeff de Gnadenfrey, petite ville, où est établie une colonie des frères Moraves, lorsqu'un cosaque m'arrête pour me remettre un gros paquet. Quelle joie. c'était pour moi de voir votre écriture, mon excellent frère! Enfin j'y ai trouvé tant de choses agréables, une grande lettre de vous et une de ma bonne Marie. C'était justement à notre entree dans la ville de Meklenbourg, où demeure Sabaneyeff, qui voulait aller chez moi à notre village; j'ai sauté de la calèche et j'ai couru dans sa maison pour jouir.

Какъ вспомню Московское наше житье, такъ все бы бросилъ и пустился къ вамъ; но если бы и пожертвовалъ я своими личными выгодами, то дѣла нашего старичка требуютъ много хлопотъ и непремѣннаго моего здѣсь пребыванія. Если бы князь былъ живъ, все бы это тотчасъ кончилось; а теперь надобно искать каналы или, лучше сказать, сотворить новыя, а это не минутное дѣло. Вотъ самое большое доказательство, которое могу дать ему моей неограниченной привязанности къ нему.

У Геригутеровъ купилъ я между прочимъ кошелекъ для Наташи, а для тебя ножичекъ, который при семъ прилагаю. Тамъ все наши Русскіе раскупили. Я въ первый разъ видѣлъ это общество; какъ они мирно и согласно живутъ, все у нихъ общее, какъ у братьевъ.

Вотъ письмо къ брату Тургенева, отошли къ нему тотчасъ, а Александру напиши, что я, не найдя князя въ живыхъ, не могу ничего для его братьевъ сдѣлать и даже опредѣлить къ Нессельроду или А(истету) что бы впрочемъ и не очень было для нихъ выгодно. У перваго есть уже двое въ канцеляріи, надв. сов. Бутягинъ и Шрёдеръ, а у послѣдняго былъ одинъ, да и тотъ ему ненуженъ; отпросился въ С.-Петербургу.

Вотъ также письмо, которое Мишѣ просить отослать немедленно въ Одессу. На случай, если жена его брата пройдетъ черезъ Москву, то прошу тебя, мой другъ, быть ей полезнымъ въ наймѣ извозчиковъ и проч. Они оба мнѣ друзья, особливо этотъ, съ которымъ живу. Онъ любитъ свою свояченицу почти какъ я Наташу и спокоенъ обѣщаніемъ моимъ, что я Волкову ее поручилъ. Поговори также о ней милому полицеймейстеру. Дайте ей наставленіе на дорогу и надежныхъ извозчиковъ, ибо она женщина одна съ ребенкомъ. Похлопочи за нее, этимъ меня крайне обяжешь, а особливо Мишѣ. Я очень радъ, что съ нимъ живу. Онъ мой утѣшитель. У него въ Ярославлѣ у почтмейстера остались дрожки, которыя изломались. Онъ тебя просить поручить кому-нибудь по-

прилагаемой при семъ запискѣ продать ихъ, а что, я думаю, еще лучше было бы—перевезти въ Москву, вычинить и тогда продать. Дрожки славныя и были совсѣмъ новыя, когда онъ поѣхалъ въ Ярославль. Сдѣлай, что будетъ лучше и для него выгоднѣй. Когда дѣла нѣтъ, то мы играемъ по вечерамъ въ кегли съ Браницкимъ, Потоцкимъ, Ламздорфомъ, Мишо и пр. или ѣдимъ гулять верхами. Мѣстоположеніе здѣсь прекрасное, вокругъ все горы. Какія мы ѣдимъ вишни, послалъ бы къ вамъ цѣлый возъ. Я обѣдаю или во дворцѣ, гдѣ имѣю столъ ежедневно, или у Сабанеева, который живетъ въ Рейхенбахѣ, гдѣ главная квартира Барклая (а здѣсь Государева), или у гр. Браницкаго. Я здѣсь съ нимъ только познакомился, прекрасный малый.

Государь поѣхалъ въ Богемію видѣться съ великими княгинями Веймарскою и Кат. Павл. Теперь мы въ перемиріи. Все, слава Богу, идетъ по желанію, хорошо. *C'est pour vous*: сейчасъ узналъ я, что Государь утвердилъ всѣ представленія графскія. Сейчасъ получилъ записку Журавлева, которую при семъ прилагаю, поздравляя тебя отъ всей души мой милый, любезный братъ. Рескриптъ везетъ податель сего, котораго имени все-таки не знаю. Поздравь также Попова, особливо добраго Волкова, также Ильина.

Вотъ награжденія:

Ивашкину 2-го Владимира, 3-мъ полицмейстерамъ по 10 т., Булгакову 2-ю Анну, Руничу чинъ колл. сов., Ильину 4-го Владимира, кн. Волконскому и Попову—4 Владим., Трунцевскому чинъ колл. асессора, маіору Гельману чинъ подполк. въ Изюмскій гус. полкъ.

Приставы Яковлевъ, Ивановъ, Чистяковъ и еще кто—2. Анны.

Нѣсколькимъ частнымъ приставамъ и квартальнымъ надзирателямъ 4 Владимира и одиннадцати человѣкамъ подарки. Всей канцелиринъ годовой окладъ.

*

Петерсвальдъ, 21 Юня 1813.

Миѣ пишутъ, что Стурза отчаянно боленъ, а пріѣзжіе отсюда увѣряютъ, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Конечно бы это мѣсто хорошо бы и прилично было для папа; я здѣсь со многими объ этомъ говорилъ, вотъ что миѣ отвѣчали: Бессарабія еще не на такомъ положеніи, какъ другія губерніи; туда назначенъ былъ губернаторъ отъ Чичагова, а потому и теперь его рекомендація большую будетъ имѣть силу, тѣмъ болѣе, что выборъ туда губернатора будетъ затрудненъ здѣсь, не имѣя свѣдѣнія о семъ краѣ. Слѣдовательно, если Стурза точно померъ, то надобно написать къ Чичагову и просить его предстательства, котораго я увѣренъ, что онъ не откажетъ, а при семъ случаѣ можетъ онъ опять

напомнить о заслугах К. Д.*) Когда его письмо или представление будетъ здѣсь, то и мнѣ можно будетъ хлопотать, а безъ онаго ничего нельзя мнѣ сдѣлать. Это также мнѣніе Журавлева, которому ходъ этихъ дѣлъ извѣстенъ. Итакъ, не теряя времени, пишите къ Чичагову и къ Василью Алексѣвичу Полѣнову. Онъ мнѣ пріятель, ты можешь даже отъ себя написать. Увѣдомь меня, на что вы рѣшитесь, но не надо терять времени; ибо Ка . . . также ищетъ его мѣста.

Ce Faste est un drôle de corps, il ne peut jamais être heureux avec ses craintes; mais je suis bien aise de voir au moins qu'il a été content du commencement de sa carrière. Если бы его теперь и не любила его невѣста, то вѣрно полюбить, когда узнаетъ короче, а онъ боится противнаго. Экій чудакъ! Есть-ли какой ниб. отвѣтъ Чичагова на первое письмо? D'après votre seconde lettre je vois que les Vakaresco sont plus forts que je ne l'avais cru... La dépense qu'il ont faite est excessive, mais par quoi cela finira-t-il? Je suis bien aise que papa a fait la même remarque. Vous me dites que mes dépenses sont très limitées, mais je trouve que 30 par jour pour la table, c'est beaucoup. Не допускай ихъ бросать деньги, особливо безъ пользы. Надобно особливо смотрѣть, чтобы ихъ дома не обкрадывали всѣ эти Молдаванскіе камердинеры. Il me semble qu'il a trop de confiance dans son valet de chambre. Sa cassette est toujours entre ses mains; si un beau jour il lui prenait envie de l'emporter, le mal serait sans remède: adieu l'argent et les papiers. Parlez de cela à maman; pourquoi est-ce que ceci ne serait pas chez elle dans quelque armoire, surtout les papiers?

О Растопчинѣ я тебѣ писалъ, онъ боленъ въ Бромбергѣ и, кажется, также безъ денегъ и болѣе отъ сего, нежели отъ болѣзни, сюда не ѣдетъ. Закревскій хлопочетъ, чтобы его вывезти. Я думаю, не худо бы, если бы графъ поручилъ его особенно Сабанееву: онъ умѣетъ обходиться съ молодыми людьми и держать ихъ въ рукахъ. Онъ же и безъ того любитъ молодого графа, о коемъ всѣ отзываются весьма хорошо.

На сихъ дняхъ видѣлъ я кн. Репшина, какъ онъ растолстѣлъ! Книгиня здѣсь и всѣ дѣти. Они будутъ жить въ нашей деревнѣ. Можешь дать это извѣстіе Каменскимъ, о которыхъ мы много съ нею говорили. Кн. Чарторійскій тоже здѣсь, я былъ у него, не нашелъ дома, но его встрѣтилъ; онъ меня обласкалъ и звалъ къ себѣ.

*

Peterswaldau, le 22 Juin 1813.

J'ai été chez Nesselrode pour le presser de nouveau relativement à l'affaire de papa. L'ayant pris enfin du côté de l'amitié qu'il a pour

*) Т. е. Константина Дмитріевича Варлама. Стурдза, это отецъ графини Эдлингъ.

moi, je l'ai décidé à m'en donner une preuve en allant tout de suite présenter à l'Empereur la *докладная записка*, que j'avais préparé depuis longtemps à ce sujet. Il y alla et me reporta la bonne nouvelle que l'Empereur a consenti à la demande de papa et lui a ordonné de faire connaître ses ordres à m-r Italinsky dans une dépêche officielle. Je me suis tout de suite offert à l'écrire, et elle a été signée par Nesselrode. Elle sera expédiée par la première occasion. Je vous envoie une copie pour la communiquer à papa. J'espère qu'il en sera content et qu'il reconnaîtra qu'elle a été écrite par un fils qui lui est bien attaché. Grâce à Dieu, voilà la chose en train. J'écrirai à Italinsky pour le presser de mettre tout de suite la main à l'oeuvre; avec une telle dépêche et des ordres aussi positifs il pourrait faire beaucoup. En outre je recommanderai l'affaire à tous les Fontons du monde, car leur coopération est nécessaire. Ils sont tous mes amis, ils m'ont tous des obligations, et j'espère qu'ils se donneront du mouvement.

Copie de la dépêche du secrétaire d'état comte Nesselrode à s. e. m-r l'envoyé Italinsky, en date de Peterswaldau le 21 Juin (3 Juillet) 1813.

Monsieur l'envoïé!

L'Empereur voulant qu'il soit accordé au conseiller d'état actuel Varlam toute l'assistance possible dans l'arrangement de ses affaires, S. M. I-le charge v. e. de faire les démarches nécessaires pour obtenir un firman de la Porte, par lequel il soit enjoint au prince de Valachie d'acheter les biens que m-r Varlam possède dans cette principauté. Une pareille mesure ayant été adoptée en faveur du prince Michel Kantacusine, pendant le règne du p-ce Ipsylanty, S. M. a lieu d'espérer que la Porte ne se refusera par aujourd'hui à une condescendance égale vis avis de m-r Varlam, qui se trouve absolument dans les mêmes rapports.

En faisant valoir cette considération, vous voudrez bien, monsieur l'envoyé, faire également parvenir à la connaissance de sa hauteesse combien l'Empereur sera sensible à cette marque de justice et de complaisance si analogue aux sentiments de générosité qui la guident.

Si cependant la Porte refusait absolument de se prêter à cette demande, il vous sera facile, m-r, d'obtenir au moins que le terme fixé pour la vente des biens soit prolongé en faveur de m-r Varlam pour trois ans. L'Empereur est d'autant plus persuadé du succès de vos démarches que, de son côté, S. M. ne gêne nullement les sujets Turcs, qui ont des possessions dans le territoire cédé à la Russie par le dernier traité.

V. e. connaît les services de m-r Varlam, aux quels feu le maréchal Koutousoff a rendu dans toutes les occasions une justice si éclatante.

tante. Ces considérations ont décidé S. M. l'Empereur à s'intéresser en sa faveur et vous engageront sûrement, m-r l'envoyé, à employer tous vos moyens publics et particuliers pour faire réussir cette affaire.

Je regarderai comme une marque d'attention particulière la bonté que v. e. aura de ne pas laisser ignorer à m-r Kiriko le succès de vos démarches afin qu'il puisse en instruire madame de Varlam qui doit se mettre incessamment en route pour Bucarest. J'ai l'honneur d'être etc. Signé (Nesselrode).

*

Peterswaldau, le 11 (23) Juillet 1813.

A propos: il m'est arrivé aujourd'hui une chose qui m'a fait rougir, et cela parce que je me suis senti fautif. Le g-l Balachoff, qui a été absent depuis quelques jours, est de retour. Je l'ai souvent rencontré; mais aujourd'hui j'ai dîné avec lui à la cour. Après dîner il s'est approché de moi et m'a parlé avec tant de bonté disant qu'il voulait faire ma connaissance. J'étais tout confus de n'avoir pas jusqu'à présent été chez lui et de ne m'être pas fait présenter, tandis que nous lui avons tant d'obligations pour l'intérêt qu'il nous a montré dans notre malheureuse affaire; mais c'est que le malheur rend timide. Pouvais-je croire qu'il se rapellait de mon existence? Il m'a parlé de l'affaire avec une bonté extrême, de son intérêt; il m'a dit qu'il a fait votre connaissance, enfin c'est la première fois que j'ai été confus de tant de bontés que j'avais si peu mérités. Je réparerai ma faute demain: j'irai chez lui.

*

Петерсвальдау, 15 (27) Июля 1813.

Послѣ отправления послѣдняго моего письма къ тебѣ былъ я у Балашова. Онъ меня принялъ весьма благосклонно, я сидѣлъ у него съ часъ и имѣлъ разговоръ весьма пріятный о Москвѣ, о тебѣ и о нашемъ милomъ Волковѣ. На твой счетъ Александръ Дмитріевичъ отзывался весьма хорошо, говорилъ, что познакомился съ тобою, имѣлъ даже дѣло и весьма тебя хвалилъ. Подтвердилъ то, что я писалъ тебѣ о крестѣ твоemъ, съ выраженіемъ весьма лестнымъ для тебя. Какъ дошла рѣчь до нашего Микеля, я весьма радъ былъ, что могъ говорить о человѣкѣ, котораго столько люблю, съ человѣкомъ, который также его любитъ и уважаетъ. Онъ между прочимъ сказалъ мнѣ вѣсть весьма пріятную. Je sais que tout roule sur Volkoff à Moscou, son chef et son camarade sont souvent malades et si tout va bien, c'est principalement lui qui en a la gloire et le mérite; aussi si jamais Ivachkine, par un raison quelconque, vient à quitter sa place, elle est dûe par droit à Volkoff, et je suis persuadé que ce choix ne pourra qu'être agréable à la ville dont il a su gagné généralement l'estime et l'amitié. Vous sentez bien que je ne me

suis pas tû à cette occasion; mais je vous assure que je n'avais pas beaucoup à dire que le ministre ne savait déjà. Je suis enchanté et de ce que ses travaux sont si bien connus et de la perspective de le voir toujours avec nous; car ma principale idée étant de m'établir avec vous, jugez si je suis content de cette assurance. Je suis bien aise de connaître de plus près le g. B.; c'est un homme très aimable, et on aperçoit tout de suite que c'est un homme de beaucoup d'esprit. J'irai le voir aussi souvent que je pourrai le faire sans le gêner et aussi souvent que ses occupations me le permettront. Nous avons aussi parlé de notre affaire et du projet de vendre une partie du bien pour payer les dettes. Il a trouvé que c'était très juste et ne prévoit pas que cela souffre des difficultés. En un mot, je suis très content de ma visite.

Je ne sais pas si je vous ai dit que Pozzo est ici. Il me charge de vous dire bien des choses et de présenter ses hommages à notre chère Natalie. Roman Bagration vous prie de remettre les deux lettres ci-jointes. Il est très fâché de folles dépenses des Vakaresso et de l'idée d'Alexis de venir ici avec sa femme. Vraiment ce serait un grand embarras, beaucoup de dépenses, et je ne suis pas sûr s'il est permis à un capitaine d'amener sa femme avec lui. Roman voulait lui écrire là-dessus. Zakrefsky est allé à Landeck.

*

Peterswaldau, le 25 Juillet (6 Août) 1813.

Посылаю тебѣ листокъ изъ Аглицкихъ газетъ, изъ котораго усмотришь подробности Велингтоновой побѣды; можетъ быть, онѣ еще вамъ неизвѣстны. Онѣ сдѣлавъ фельдмаршаломъ и вошелъ уже во Французскіе предѣлы. Одинъ отрядъ былъ уже близъ Байоны. Ай да молодецъ! Между тѣмъ Мордъ прибылъ въ Швецію, что-то отъ этого будетъ? Сюда прибылъ изъ Лондона курьеромъ Афендудьевъ; онѣ теперь при миссіи Татищева, который все еще въ Лондонѣ, гдѣ ожидаетъ свою жену. Съ нимъ Полетика, къ нему также будетъ и Богомоловъ. Козловскій отправился на свое министерство въ Кальяри; говорятъ, что все такой же чудакъ, не меньше того счастливъ, имѣетъ хорошее, спокойное мѣсто и 8 т. ас. съ курсомъ жалованья. Впрочемъ онѣ человекъ бѣдный, такъ это не худо. Закревскій возвратился изъ Ландека, куда ѣздилъ къ вѣдамъ. Онѣ сказывалъ, что молодой графъ совершенно здоровъ, но все надобно держать его въ рукахъ. Ваня Пушкинъ проѣхалъ черезъ Рейхенбахъ къ Витгенштейну, я его не видалъ. Онѣ пожалованъ въ дѣйств. ст. сов. И этотъ счастливъ. Журавлева тебѣ кланяется, она была на этихъ дняхъ у меня. Здѣсь также молодой Воронцовъ*), онѣ также пріѣхалъ изъ Лондона курьеромъ, велѣлъ тебѣ кланяться. Мнѣ сказывалъ

*) Т. е. графъ Иванъ Ларионовичъ Воронцовъ-Дашковъ.

гр. Толстой, что онъ получилъ письмо отъ кн. Василья Алексѣевича, который жалуется, что онъ совершенно разоренъ и просить мѣста. Я подтвердилъ о его потеряхъ, а что будетъ изъ мѣста, не знаю; но напрасно онъ не означилъ, какое мѣсто имѣеть въ виду. Кн. Романъ Багратионъ поѣхалъ въ Польскую армію къ Бенигсену. Онъ былъ у меня, все сердится, что князь Алексѣй мотаетъ. Миѣ весьма пріятно было видѣть изъ письма графа къ Закревскому, что онъ любитъ Сабанеева. Предостойнѣйшій человѣкъ! Я его почти уговорилъ, когда все кончится, пріѣхать въ Москву и, если можно, тамъ поселиться. Я ручаюсь напередъ, что всѣ бы его полюбили. До сихъ поръ не знаемъ еще, точно-ли твой графъ переселится въ П—бургъ; проговорили было, но опять замолчали. Для тебя сердечно желаю, чтобы сего не было. Поццо здѣсь. Мы часто гуляемъ вмѣстѣ. Я не знаю пріятнѣе человѣка и по уму его, и по познаніямъ. Съ нимъ надобно учиться думать. Онъ недавно произведенъ въ генераль-майоры.

*

Prague, le 2 (14) Août 1813.

Si ma lettre est la première à vous annoncer un grand événement, vous serez tout étonné, mon cher, excellent frère, de la voir datée de Prague. Ce nom seul doit vous indiquer l'actuel des choses. Le fait est que les médiations de l'empereur d'Autriche n'ayant pas amené la reconciliation, qui devait en être la suite, François I a déclaré la guerre à Napoléon, agira avec vous, et notre Empereur est venu ici pour avoir une entrevue avec son nouvel allié. Je vois déjà combien on sera content chez vous d'apprendre une nouvelle aussi satisfaisante pour la bonne cause. Que Dieu bénisse les efforts des deux souverains et de nos alliés, les Prussiens, les Suédois, les Espagnols et les Anglais! Leur but était le bonheur et la tranquillité de l'Europe, si longtemps troublée par l'ambition, l'égoïsme de Napoléon, le motif est sacré et trop beau pour ne point être soutenu par le Ciel. Mais l'Ange qui a conduit et amené tout cela, c'est notre Empereur; aussi l'Europe et la postérité ne pourront jamais prononcer son nom sans le sentiment de la plus vive reconnaissance. L'Empereur n'est ici qu'avec sa suite, et comme j'y appartiens, me voilà à Prague. Si j'avais des lettres de vous, j'aurais été plus disposé à m'amuser dans cette belle ville; mais je souffre de votre silence, je ne sais à quoi l'attribuer, je ne sais quand il finira; vous sentez bien ce que j'éprouve! Je ne saurais vous décrire l'enthousiasme général qu'a produit l'arrivée de l'Empereur dans la même voiture, que son auguste allié! Les rues remplies de visages gais et heureux, les acclamations du peuple ne peuvent se décrire; mais qu'est ce que cela sera demain au théâtre! Nous avons eu la précaution de prendre une loge pour

jouir à notre aise de la joie sincère qu'éprouve cette bonne nation. Nous avons été hier au théâtre avec Vlodeck, qui est de retour, Branitzky et Michaud. Le hasard a voulu que nous eussions la même loge qu'a occupés l'ambassade française, et l'apparition des uniformes Russes a produit un effet très agréable. On nous a plus regardé que la pièce.

Je suis à présent auprès de Nesselrode positivement, même je suis arrivé ici avec lui avec la poste. J'avais expédié mon équipage en avant. N. me traite avec infiniment de bontés, j'espère les mériter par mon zèle et mon exactitude. Nous avons retrouvé ici Anstätt, qui, comme vous savez ou ne savez pas, était plénipotentiaire. J'ai révu ici la c-sse Sophie Volkonsky, que j'avais quitté demoiselle depuis 10 ans. Elle a naturellement beaucoup changé, il paraît aussi que je ne suis pas resté le même; car on a dû décliner mon nom, sans quoi m-me ne m'aurait pas reconnu. Tout cela est bel et bon, mais je n'ai point lettres de Moscou, ce qui me tourmente cruellement.

Le palais d'ici, nommé Rackin, est immense. Les deux empereurs, les deux g-des-duchesses, les archiducs y sont logés avec toutes leurs courtes; le roi de Prusse y sera aussi logé, et nous avons cependant avec Michaud deux belles chambres. Prague est une belle ville, immense; le port est remarquable, le théâtre joli, et tout cela a l'air d'un jour de fête, et c'en est véritablement un. Je n'ai presque pas trouvé de mes connaissances de Vienne. Ce que j'ai pu voir de l'armée autrichienne est superbe, et on voit qu'ils sont enchantés d'être avec nous.

*

Тешлицъ, 18 (30) Авг. 1813.

Ура, милый братъ, ну уже пощелкали мы Французовъ! Вандамъ съ корпусомъ сунулся было въ Богемію; но его отрѣзали, взяли у него всю артиллерію, 40 пушекъ, самого Вандама и трехъ генераловъ, принцъ Рейсъ убить, а плѣнныхъ куча. Гвардія дралась удивительно. Вотъ въ кратцѣ сегодняшнее дѣло. Командовалъ Барклай. Съ Праги мы все верхомъ, и я своей брички даже и не видалъ. Тороплюсь и смертельно усталъ.

Съ другой стороны Блюхеръ около Юра разбилъ Макдональда, взялъ 60 пушекъ и много плѣнныхъ. Вотъ, братъ, какъ идутъ дѣла наши.

Кронъ-принцъ Шведскій также имѣлъ побѣду, взялъ 26 пушекъ и проч.

Гдѣ я стоялъ сегодня, туда даже и ядра не долетали, и такъ прошу Машу быть спокойною.

*

Le 23 Août (4 Septembre), Teplitz.

Je suis très content de ma position. J'aime la vie active, j'aime le travail, et l'une et l'autre ne me manquent pas ici. J'ai vu enfin le jeune Rastopchine, il se porte bien, il a reçu l'ordre de S-te Anne de la 2-e classe. C'est un joli jeune homme très vif et spirituel et rempli de bravoure. Je vous prie de présenter mes hommages au comte. Je vous ai dit, je suppose, que l'empereur d'Autriche va ériger un monument à nos gardes sur le champ de bataille même. C'est par là que passe le grand chemin de Dresde à Teplitz, et les étrangers qui viendront par la suite aux bains d'ici ne pourront s'empêcher d'admirer le courage et la persévérance de 6000 h. des gardes Russes, qui ont arrêté pendant plusieurs heures et enfin combattu 40 m. Français et qui par là ont préparé la brillante victoire qui les met audessus de toutes les troupes du monde. Ну ужъ молодцы!

*

Teplitz, le 28 Août (9 Septembre) 1813.

Pozzo, en écrivant une lettre en Angleterre, a fait un si joli portrait de m-me Staël que j'ai crû devoir le copier. Je vous l'envoie pour le lire au comte. Je suis persuadé qu'il lui plaira par sa naïveté et ses justices. Moi je le trouve charmant.

*

Teplitz, le 7 (19) Septembre 1813.

Sans vous écrire, j'ai envoyé quelques bulletins au c-te Rastopchine, pour vous les remettre, j'espère qu'il n'en est pas fâché; je continuerai à vous envoyer nos bulletins. Pour aujourd'hui voici un recueil de lettres interceptées, qui prouvent les battements de l'armée française. Donnez une exemplaire au c-te et le reste à qui vous voulez, bien entendu que vous commencerez par papa. Voici encore quelques bulletins. Tout va à merveille. Le nombre des prisonniers dépasse déjà 500 m. et des canons pris 300. Pour les tués, Charon aura de quoi s'amuser à leur faire passer le Styx. Jugez qu'un officier autrichien (je ne sais où, mais je crois en Illyrie) avec 50 hommes a attaqué 900 et les a fait prisonniers, et c'est parce qu'il y avait 300 Croates, qui tout de suite se sont vengés contre les Français. Trois Russes faits prisonniers sont revenus de Dresde. Ils étaient sans armes et ont fait d'amener trois prisonniers armés. Je ne finirais pas si je vous racontais toutes les charmantes choses dans ce genre qui se passent. Tous les jours il y a quelques petits avantages, sans compter les grands dont je vous ai envoyé les bulletins. On assure que dans la dernière affaire Napoléon a eu un cheval de tué sous lui. Qu'est-ce que cela prouve? Qu'il est obligé d'être lui-

même présent pour faire aller la boutique. Cela prouve la démoralisation et le découragement de l'armée.

*

Теплицъ, Сентября 16 (28) 1813.

Спасибо, милый другъ, за книжку твою, которую однакоже не могъ я дочитать, ибо кн. П. М. Волконскій взялъ ее прочесть, а потомъ просилъ гр. Толстой. Il est très bien pensé et écrit et surtout, ce qui est rare dans des pareils exposés, il est marqué au coin de la vérité. Je suis fâché que vous ayez fait l'avare et ne m'avez pas envoyé plus d'un exemplaire. Pourquoi ne l'avez vous pas dédié à l'Empereur? Envoyez moi encore quelques exemplaires pour Sabaneyeff et nos amis. Ce que j'ai lu du livre est très intéressant. Bravo, m-r l'auteur! Je vous dirai mon opinion sur le reste dès que j'aurai pô l'accrocher pour le lire.

Zakreffsky vous prie de remettre la lettre ci-jointe au c-te Rastopchine, d'envoyer celles à la générale Pillar et Rezvoy, une autre à Kisseleff, deux lettres à Chatiloff avec un paquet que vous remettra le nouveau major et encore une lettre au père de Zakreffsky.

Hier était une grande journée. C'était le jour du couronnement de notre adorable Empereur. Il y avait un Te-Deum au camp, où se sont trouvés l'empereur d'Autriche et le roi de Prusse avec un cortège immense. Il est impossible de voir quelque chose de plus beau. Demandez au cap. Nicolas que j'ai conduit exprès pour voir tout cela. Après cela les gardes ont donné un dîner à l'Empereur où étaient aussi les souverains alliés. C'était magnifique, et le soir toute la ville a été illuminée, les gardes prussiennes ont donné une sérénade à l'Empereur; enfin c'était une ivresse générale toute la journée. Pour la rendre encore plus brillante, le soir il y avait une superbe cérémonie: la députation en habits de l'ordre de Jarretière a présenté à l'Empereur cette décoration.

*

Теплицъ, 22 Сентября (4 Октября) 1813.

Le g-l Balachoff part pour Londres pour porter les ordres Russes au p.-ce-régent; c'est je crois l'aide-de-camp Koutousoff qui remplira en attendant ses positions. Pozzo est à présent auprès du prince-royal de Suède comme agent diplomatique. A propos de Kiriko, j'ai écrit encore par un courier, parti cette nuit pour Constantinople, à Italinsky de le bien sermonner. Papa verra que je ne négligai rien de ce qui peut lui être utile, mais au nom de Dieu ne le laissez pas partir. J'ai déjà tant écrit contre ce voyage que je ne puis rien ajouter, si non qu'il

serait de tout inutilité pour les affaires, qu'il souffrirait excessivement en route et Dieu sait s'il arriverait par cette saison et avec le manque de chevaux qui existe. Je vous assure que l'idée de le savoir en route serait bien pénible pour moi, et il n'y a aucune possibilité de le loger au quartier-général-en-chef où il y'a trois souverains avec leur suite et leurs généraux-en-chef. J'exige absolument de vous tous que vous vous réunissiez pour le détourner de ce projet.

*

1 (13) Octobre, Altenbourg en Saxe.

Nous voilà de nouveau à cheval, mon bon ami, et comme vous voyez nous avançons et avec cela nos affaires. Je vous envoie deux bulletins du c-te N. . . et un troisième autrichien, qui contient une grande nouvelle: le roi de Bavière est avec nous, il renonce à la Confédération et se range du côté de la bonne cause. Cela augmente nos forces de 36000 hommes et fera faire une fameuse grimace au grand homme. En général, mon bon ami, tout va à merveille. Me voilà de nouveau seul avec Nesselrode; nos autres messieurs sont restés en arrière, et ma briczka avec. Le temps nous contrarie un peu dans nos cavalcades, car dès que nous nous mettons à cheval, il commence à pleuvoir; malgré cela nous avons fait avant'hier au delà de 55 verstes pour venir ici. C'est une très joli petite ville, nous sommes dans un superbe château appartenant au duc de Saxe-Gotha, mais ce qui est vraiment admirable ici c'est l'orgue de l'église de château et surtout le fameux Bartel, organiste, qui nous a régala hier et ce matin de quelques morceaux; entr'autres il a joué la Création de Haydn à lui seul, et je vous assure que c'était l'effet d'un grand orchestre.

*

Leipzig, le 7 (19) Octobre 1813.

Dans ce moment-ci nous entrons victorieux à Leipzig, mon cher et bon ami. L'Empereur envoie son aide-de-camp - général avec cette nouvelle à P. Bourg et malgré que je suis harassé de fatigue, je m'empresse de vous annoncer cette grande nouvelle. Je ne puis pas encore rassembler dans ma tête tous les détails de cette brillante victoire. Napoléon, après avoir défendu la ville dans deux batailles, dont nous avons eu tous les succès et qui ont duré toute la journée d'hier et de 14 (6), a fini par se retirer. Ce matin on s'est battu, et vers les onze heures l'Empereur, accompagné du roi de Prusse et du prince royale de Suède et d'un cortège immense, est entré dans la ville où on se battait encore. Les habitans enchantés lui criaient des vivats, lui jetaient des fleurs des fenêtres. Le roi de Saxe avec la reine sont ici; voici le glorieux de

l'affaire, il a été abandonné de son auguste allié, et quels résultats! Lauriston, Regnier et un tas d'autres généraux pris, entr'autres le duc de Padoue Arighi, une quantité de canons et de prisonniers, dont il est impossible de savoir le nombre dans ce premier moment, et cette belle victoire est dûe à notre Empereur, qui dans ces deux journées s'est couvert de gloire et a donné des preuves d'un talent imminent et d'une bravoure superbe. Pendant la bataille de hier plusieurs régiments saxons ont passé de notre côté avec leurs canons et les ont tout de suite braqués contre leurs anciens alliés. Tout abandonne le grand homme; c'est que le Ciel protège sa propre cause et l'a confié à un ange. C'est comme tel que notre Empereur est reçu partout, et tout le monde l'adore. Après une tournée par la ville, dont les rues sont couvertes de morts et de mourans, l'Empereur a passé en revue l'armée du p-ce de Suède. Elle est superbe, et partout il a été reçu avec cet enthousiasme qu'il inspire à tout ce qui l'entoure et qui n'est pas à commande, comme les mandements du cardinal Mauris. On poursuit l'ennemi. Le c-te Joseph Poniatoffsky, blessé, est tombé dans une rivière près d'ici et y a fini sa carrière. N'y voit-on pas clairement la main de Dieu, qui commence à frapper ceux qui soutiennent une cause aussi injuste? L'empereur d'Autriche est ici. Rien de plus beau que de voir hier sur une petite colline devant Leipzig, pendant une bataille, qui décide du sort de l'Europe, les deux empereurs et le roi de Prusse réunis pour voir comme leurs troupes rivalisaient de bravoure et de zèle. Notre Empereur a eu l'ordre de Marie-Thérèse grand croix et celui d'Autriche l'ordre de S-t Georges de la 4-me classe. Schwarzenberg a eu M.-Th. et S-t Georges de la 1-ere classe, car c'est lui qui commandait. On s'est battu de part et d'autre avec un acharnement sans exemple. C'était l'anniversaire de la bataille de Taroutino; elle avait commencé le salut de la Russie, celle-ci, j'espère, est le signal de celui de l'Europe entière.

Anstett me dit qu'il y a déjà 14 généraux de pris. On peut évaluer à plus de 100 pièces de canons la perte de l'ennemi etc. etc. etc.

J'aime mieux pour la journée de hier vous copier la lettre que Metternich a écrit au maréchal Bellegarde à Vienne. Elle ne contient que peu de détails, mais vous donnera une idée de la victoire, qui a préparé celle de la prise de Leipzig.

*

Rotha (à 1 $\frac{1}{2}$ mille de Dresde), le 7 (19) Octobre 1813.

Je m'empresse, m-r le maréchal, d'annoncer à v. e. que les armées alliées ont remporté dans les journées du 4/16 et du 6/18 une victoire complète sur l'ennemi. Les résultats de cette dernière journée vont être

recueillis et le mar. p-ce de Schwarzenberg expédiera dans les 24 heures un courrier à v. e., qui devra faire une entrée solennelle à Vienne.

On peut évaluer à plus de 90 canons les trophées des deux journées. Les armées réunies du p-ce Schwarz., Bennigsen, Blucher et du p-ce r-le de Suède ont combattu bien sur un même champ de bataille et ont délogé l'ennemi de toutes ses positions en le refoulant sur Leipzig.

Deux régiments de cavalerie wurtembergeoise sous le g-l de Norrmann, le rég. de cavalerie et 7 bataillons saxons avec deux batteries sous le g-l Rüssel ont passé dans nos rangs pendant la bataille. L'ennemi se retire dans le plus grand désordre sur Weissenfels et Meklenbourg. On le cottoye et on le suit. Les suites de cette victoire ne peuvent être qu'immenses. Les alliés ont combattus avec une égale ardeur. Les deux empereurs et le roi de Prusse n'ont pas quitté le champ de bataille.

*

à 10 heures du matin.

Un rapport du p-ce Schwarzenberg du champ de bataille, qui arrive à l'instant, ne laisse pas de doute sur l'entière retraite de l'ennemi. On le tatonne vivement. Les derniers villages qu'il occupait en avant de Leipzig ont été pris. Il tient encore sur un seul point. Kleinau lui a pris ce matin dans la poursuite 3 canons et 30 caissons. Le p-ce Schw. mande qu'on trouve partout de l'artillerie abandonnée.

Un courrier bavarois nous apprend que le g-l Wrede sera à Würzburg le 24 de ce mois. Après nous sommes entrés à Leipzig. Jugez combien de pièces de plus on a pris. Je tombe de fatigue, voilà quatre jours que nous sommes toute la journée à cheval. J'embrasse Natalie et les enfants et vous tous de tout mon coeur. Faites une belle illumination. Dascolo peut se distinguer et dire en gros ce que l'Europe dira dans toutes les langues: l'Empereur Alexandre est le sauveur de l'Europe. Adieu, cher ami. Богъ съ вами!

*

Weimar, le 13 (25) Octobre 1813.

Mon cher ami. Vous voyez déjà les résultats de nos grandes victoires. Nous voilà depuis aujourd'hui ici dans la résidence de notre grande-duchesse, qui elle-même est encore à Prague, mais ne tardera pas à venir. L'ennemi est poursuivi avec rigueur. Les affaires de Leipzig et ses suites lui ont déjà coûté au de là de 300 pièces de canons et de 37 m. prisonniers. Poniatoffsky est effectivement noyé; Lauriston, Regnier, une quinzaine de généraux pris etc. etc. etc.

Tout le monde est couché. Quant à moi, quoique fatigué d'être venu de Leipzig ici à cheval et cet matin depuis Jena, je mets le repos de côté pour vous écrire, mon bon ami. Vous trouverez ci-joint un extrait d'une lettre que je viens de recevoir de Joseph Fonton. Lisez là avec attention et expliquez la bien à papa. Il ne faut pas oublier que ce que Fonton me confie ne doit être sù de personne, mais il faut à présent mettre la main à l'oeuvre de la manière dont il en parle et ne pas continuer. Avant tout il faut avoir une personne sûre à Bucarest, mais ce qui vaudrait encore mieux, ce me semble, ce serait de prier le vieux Fonton de se charger de la négociation avec l'agent du p-ce Karadgia. Il faut fixer un prix raisonnable et surtout mettre tout le secret et la circonspection qu'exige une affaire aussi importante. Il faut en tout suivre la marche que cite Fonton. D'ici je ne puis rien dire de plus. C'est à papa à prendre le parti qu'il jugera le plus convenable de négocier à Bucarest ou à Constantinople; quant à moi, je vous avoue que j'ai plus de confiance dans les lumières de Fonton et dans le zèle qu'il mettra pour nous servir que dans toute les personnes de Bucarest, où celui que choisirait papa serait entouré d'espions. Surtout, au nom de Dieu, mon bon ami, qu'on se dépêche et qu'en écrivant à Fonton on choisisse une occasion sûre. Cela vaudrait la peine d'envoyer quelqu'un jusqu'à Bucarest d'où Kiriko serait chargé d'envoyer plus loin par un janissaire à lui.

Après vous avoir parlé de tout cela, il est inutile de dire que tout vient à l'appui de ce que j'ai toujours dit sur la nécessité pour papa de rester à Moscou et de renoncer au vogage ici. J'espère qu'il le fait. Il peut être persuadé que je ne néglige rien et que j'écris à Constantinople à chaque occasion. Il me connaît assez pour croire combien je prends à coeur tout ce qui le concerne et que j'y travaille de toutes mes facultés. Embrassez le de ma part. Je ne lui écris pas, car vraiment je n'ai pas le temps et je ne puis que lui répéter ce que je vous ai dit.

Passons à nos nouvelles d'ici. Après toutes ces victoires il faut aussi vous dire un mot des récompenses. Platoff, Miloradoviz ont eu l'ordre de S-t André. Blucher—S-t Georges de la 1-me classe et a été fait maréchal prussien. Notre bon Michaud et Zakreffsky ont été fait aide-des-camps-généraux. Ouvaroff et Winzingerode—généraux-en-chef. Barcklay et Bennigsen—comtes. Le p-ce Pierre Wolkonsky et Chouvaloff l'ordre de S-t Alexandre. Lamsdorff (mon ami) a eu l'ordre de S-t Georges 4, ainsi que le c-te Potocky. Les aides-de-camps Wolzogen et Bartolomey ont été fait généraux; Branitsky, Nikita Wolkonsky—Wla-

dimir 3-me classe, Vlodeck l'épée en diamants. Woronzoff S-t Alexandre. Je l'ai vu à Leipzig, il se porte à merveille, et nous nous sommes embrassés comme des pauvres. Il vous salue.

*

Francfort sur le Main, le 27 Octobre (8 Novembre) 1813.

C'est de Francfort que je vous écris, mon cher, mon bien bon ami, de Francfort! En sentez vous toute l'importance? Il y a un an de cela que ces mêmes troupes étaient devant Moscou, dernière Moscou: elles sont aujourd'hui sur le Rhin, et il y a en même des cosaques assez impertinents pour oser passer le Rhin et toucher le territoire sacré de la France. Il est vrai que ce n'est que quelques curieux, mais ils ont été en France, et Napoléon ne peut pas nier la honte. Je vous envoie ici tous les bulletins imprimés au quartier-général autrichien et la gazette de Francfort. Vous verrez, mon bon ami, la description des sanglantes batailles du 29, 30 et 31. Les Bavaois se sont battus comme des diables, le brave général Wrede a été blessé en chargeant à pied, à la tête des grenadiers. Le nombre des prisonniers, faits à la suite de ces affaires, monte à plus de 90.000 homme, à ce qu'on assure, et quels résultats! Il n'y a plus de Confédération pour Napoleon: tous les princes ont abandonnés sa cause et se sont joints aux alliés. Le g-d - duc de Francfort s'est retiré à Constance et abdiqué en faveur de vice - roi d'Italie. Je ne finirais pas si j'entreprenais de vous décrire tous nos succès. Vous verrez par la collection des lettres interceptées que je vous transmette ci-jointes quelle est la situation des esprits en France. L'arrivée de l'Empereur à Francfort était la plus belle entrée triomphale qu'on puisse voir. Il a été reçu comme celui qui a délivré cette pauvre ville du joug qui l'oppressait. Il y aura sûrement une description, et je vous l'enverrai. Le lendemain notre Empereur a été à la rencontre de celui d'Autriche, ensemble ils sont allés à la cathédrale, où il y avait un Te-Deum. Le soir ils ont été au spectacle, et c'était toute la journée une ivresse dans les habitants qu'on ne peut décrire. Napoléon en attendant est allé, à ce qu'on dit, à Paris. Si on pouvait à la fois voir ces deux entrées. Quel contrast!

Je me porte bien, et comment ne pas se bien porter lorsqu'on on est témoin de ces énormes événements, où est tout fier d'être Russe? Quel rôle notre ange de souverain joue! Il l'a bien mérité. L'adoration qu'on a pour lui est inexprimable.

*

Fraucfort s/M., le 31 Oct. (12 Novembre) 1813.

Je me suis bien douté du plaisir que vous causeraient nos imprimés, aussi je ne vous ai pas fait grâce d'un seul en vous les adressant régulièrement tantôt à vous, tantôt simplement au comte, quand je n'ai pas eu le temps de vous écrire. Vous recevrez aujourd'hui deux bulletins anciens, mais c'est pour votre collection, et deux exemplaires de lettres interceptées en cas que ma dernière lettre ne vous soit pas parvenue. La conversation du c-te avec Vandamme est courte, mais bonne, et l'idée de le loger au Kremlin est délicieuse.

Vous avez autant mieux fait de m'envoyer une seconde supplique de Golembovsky qu'il n'y avait à la première aucun attestat, qui prouve qu'il a effectivement été à la milice. A présent j'espère que la chose s'arrangera, le bon Sabaneyeff ne demande pas mieux que de l'avoir auprès de lui, surtout depuis que je lui ai dit que c'est un parent à nous. Pozzo est bien sensible à votre souvenir et à celui de notre chère Natalie. Il vous fait dire bien des choses et vous aime beaucoup. Il est à présent ici au quartier-général de l'Empereur. Hier enfin est arrivé le fameux Alexis Bagration avec sa croix de S-te Anne. Le bon Sabaneyeff l'a pris chez lui, car il jouerait un mauvais rôle au régiment, ne connaissant pas le service de front et surtout tous les subalternes lui ayant passé sur la tête. Ce n'est pas par le tacte qu'il brille. Il laisse échapper une aussi brillante campagne et arrive dans ce moment-ci. Il m'a raconté beaucoup de choses de Moscou et de la liaison, qui existe entre les siens et les Varlam. Je ne suppose pas qu'elle soit bien intime. Vous me parlez d'une lettre pour le jenne comte Rostoptchin, mais vous avez oublié de me l'envoyer, du reste Zakrefsky m'a dit que Rostoptchin en a reçu une de vous. Il se porte bien, a été à toutes les affaires très brillamment. Il est chevalier de S-te Anne, je crois d'un ordre prussien et a été présenté pour le grade de capitaine. Tous ses camarades l'aiment beaucoup, et à l'armée c'est une grande recommandation. Votre livre a fait fureur ici, je ne peux plus le rattraper: il passe de mains en mains. Le c-te Tolstoy en a parlé à l'Empereur, qui s'est rapellé de vous et veut lire le livre *), mais Dieu sait s'il en aura le temps au milieu de ses grandes occupations.

Vlodeck est ici. Il vous embrasse et baise les mains de Natalie. Il est auprès de l'Empereur. Je vous ai dit qu'il a eu l'épée en diamants. Voici encore un bulletin, encore un succès. A présent il n'y a de Français qu'à la tête-de-pont de Cassel, et toute cette rive est balayée. Tous les princes de la Confédération ont quitté la cause de leur oppresseur. Avant-hier sont entrées ici nos gardes. Elles ont fait l'admiration et

*) Книжка А. Я. Булгакова 1812 годъ намъ неизвѣстна. П. Б.

l'étonnement de tout le monde. Effectivement il est impossible de voir quelque chose de plus beau. On disait qu'elles sortent de leurs casernes. On n'a jamais rien vu ici de semblable.

Francfort est une assez jolie ville, mais, à ce que l'on dit, peu de société. Quant à moi, je ne sors pas; le soir, quand je n'ai rien à faire, nous jouons au wist, Anstett, Lamsdorf, Rochouart et moi, et comme cela le temps passe, jusqu'à l'heureux moment qui nous réunira. Mon Klim a été malade, mais il va mieux, aujourd'hui il est même déjà levé. Je suis très content de lui. Il a soin de mes effets, de mes chevaux et de tout en général. Avec lui je suis tranquille, car pour moi je suis très rarement avec mon équipage.

*

Francfort s/M., le 4 (16) Novembre 1813.

Je vous remercie de m'avoir envoyé encore un exemplaire de votre livre, mais comme je n'ai reçu que celui destiné à Jourawleff, il ne l'aura que pour le lire. Chichkoff m'en a parlé avec beaucoup de louange et m'a demandé si l'Empereur l'a déjà lu, sans quoi il voulait le lui présenter. Je m'en vais le prier de le faire. Je ne sais, qui a envoyé votre livre à Chichkoff. Il applaudit fort à votre projet de travailler sur une échelle plus étendue. Твой № 135 не донесли до меня, следовательно не могъ я отдать еще книгу Воронцову и Загревскому, который желаетъ ее имѣть.

*

Francfort s/M., le 13 (25) Novembre.

Кроминъ m'a raconté qu'il était à Moscou lorsque Démidoff est venu annoncer à tout le monde la nomination d'un nouveau gouverneur-général. Cela prouve son peu de tacte. Pouvait-il s'attendre à être bien reçu par le public, qui certainement ne peut qu'être attaché au comte? Comme il s'est passé beaucoup de temps depuis et que nous n'avons pas entendu la confirmation de cette nouvelle, j'aime à la croire fausse. D'un autre côté, si même le c-te changeoit de place, vous êtes trop bien avec lui pour vous séparer; cela arrangerait cependant nos projets de vivre ensemble à Moscou, ce que je regarde comme le comble du bonheur pour moi. Je vous remercie, mon bon ami, pour le sermon d'Augustin, il est précieux et a été lu de tout le monde avec le plus grand intérêt. J'ai été bien étonné de trouver en rentrant chez moi Jeannot Narishkin tout établi. Il est arrivé en courrier du c-te Tolstoy, c'est logé chez moi, ce qui m'a fait le plus grand plaisir; mais ce n'est pour longtemps, car il va repartir incessamment. Il se porte à merveille sans avoir cependant engraisé, il est toujours drôle et bon enfant. Avant-hier j'ai été

décoré de la croix de commandeur de l'Aigle Rouge de Prusse. C'est une charmante décoration et très estimée, car il y a de leurs généraux, qui n'ont que la petite croix. Elle est blanche de la forme absolument de notre S-t Georges, excepté qu'au milieu il y a un aigle et le ruban en est blanc et jaune. Le même jour j'ai reçu la croix de commandeur du Mérite Civile de Wurtemberg. C'est une croix blanche avec une grande couronne, le ruban est noir avec des lisières jaunes. J'ai été remercier le roi, qui m'a reçu avec beaucoup de bonté. Ces décorations seront pour moi un souvenir éternel de la brillante campagne et des grandes affaires dont j'ai été témoin.

*

Francfort s/M., 25 Novembre (7 Décembre) 1813.

Nicolas Tourgueneff n'est pas encore arrivé; on l'attend tous les jours. J'en ai parlé à Stein, qui est déjà très favorablement prévenu sur son compte. Il aura une bonne place avec, j'espère, 2000 écus de payement, ce qui est considérable. En attendant il a conservé ses émoluments à P. Bourg. Que le diable emporte Woieikoff! S'il était mort plutôt, notre chère cousine aurait un péché de moins sur sa conscience et nous aurions été plus tranquilles.

*

Carlsruhe, 4 (16) Décembre.

Je viens du théâtre où on a donné les Deux Journées. Quels souvenirs! Et on me dit qu'on m'a cherché partout pour l'expédition d'un courrier. Je ne veux pas le laisser partir sans vous dire, mon cher et bon ami, que je me porte bien. J'aurais certainement mieux employé mon temps à vous écrire que d'aller au théâtre, mais c'est qu'il n'était point du tout question de courrier. Pardonnez la brièveté de ma lettre, le temps ne me permet point d'écrire d'avantage. Rien de nouveau chez nous. J'ai vu le tonneau de Heidelberg, la ville de Carlsruhe est bâtie en éventail, tout comme Hinrichs nous l'a dit.

*

Freybourg, le 10 (22) Décembre 1813.

Je n'ai pas pu arranger autrement l'affaire dont ma tante m'a chargé qu'en priant le c-te Nesselrode. J'écrie avec instance sur cet objet à son beau-père. Puisqu'il existe une oukase, comme l'assure ma tante, pour la vente des arendes, cela ne regarde que le ministre des finances, et il serait inutile d'importuner l'Empereur, dont les moments sont si précieux au bien général. J'informerai ma tante de la réponse que nous aurons reçu; en attendant je lui parle de ce qui a été fait. Je félicite notre bon

Faste*) de son bonheur et surtout de sentir enfin qu'il est heureux et que ce monde n'est pas aussi mauvais qu'il l'a toujours supposé. Il paraît être très content de son choix. Dieu le fasse, mais je voudrais le savoir à Moscou pour que vous puissiez être témoin du bonheur de notre ami.

Un courrier de Londres m'a apporté une lettre du Polétika, qui m'envoie entr'autres l'ouvrage de m-e Staël sur l'Allemagne et quelques nouvelles caricatures. Je vous les envoie en revanche de celles que vous m'avez transmises dans le temps. Je vous ferai aussi parvenir les livres, quand je les aurai lus. Vous trouverez aussi ici une nouvelle brochure politique que P. m'a également envoyée. Elle est de La Maisonfort et a son mérite. Vous saurez de Marie comment je suis arrivé ici. Je n'y ai plus trouvé le quartier-général de Barclay, mais j'y ai trouvé un officier à qui j'ai demandé des nouvelles du jeune comte. Il se porte bien, c'est tout ce qu'il a pu me dire. Savez vous qui on attend ici chaque jour? Vous ne le devinerez pas, il faut donc vous le dire. C'est le c-te André Rasoumoffsky. Je serai enchanté de revoir mon ancien chef, qui a toujours eu tant de bonté pour moi. Tout va à merveille chez nous, nous avons passé le Rhin à Basel. On a pris quelques forteresses et en entr'autres Benkendorff en a pris une. Je n'ai pas sous la main la proclamation de Schwarz, faite aux Suisses; je vous l'enverrai. Mon équipage est encore en arrière. A propos, pourquoi ne priez vous pas le c-te de demander pour vous la clef de chambellan? C'ela ne lui coûterait qu'un mot, et je sais que vous la désirez depuis longtemps. Je vous prie, mon cher, mettez de côté votre trop grande délicatesse et profitez des bontés d'un chef qui vous aime et qui certainement ne demande pas mieux que de vous être utile. Faites cela, mon bon ami.

Je voulais vous parler encore d'un objet, mais à une condition: si c'est faisable sans peine, entâmez la négociation; si non, n'en parlez pas. Il faut espérer que les affaires finiront bien, et il n'y a même point de doute là-dessus; il faut donc penser d'avance à une place. Vous avouerez qu'après tant de fatigues, après quatre campagnes, on peut aspirer à un peu de repos et désirer une bonne place, commode et agréable. Il y en a une à Moscou, qui réunit tous ces avantages, c'est celle de directeur de poste, mais je suis incapable de faire la moindre demande sans être sûr que le comte n'en veut pas disposer autrement, et sans être persuadé qu'en l'obtenant je ne ferais rien qui pût lui être désagréable. S'il n'a rien à redire à cela, il m'en faudrait une preuve par écrit et même plus, une présentation de sa part, car le choix dépen-

---

*) Фавстъ Петровичъ Макеговскій женился на дѣвицѣ Мосоловой.

draît particulièrement de lui. Sondez le, mon bon ami, et donnez moi une réponse le plus tôt que vous pourriez. S'il veut me faire la grâce de me présenter pour cette place, je ne pourrais en faire usage que la paix faite. Il faudrait donc que vous m'envoyez sa présentation sans date et à cachet-volant pour pouvoir, en temps et lieu, la faire parvenir à l'Empereur. Certes je ne pus pas mieux confier cette affaire qu'aux soins d'un frère, qui m'aime autant que vous. Parlez moi là-dessus franchement, mais je vous supplie n'en parlez à qui que ce soit dans aucun cas, si la chose peut avoir lieu ou non; dans le premier cas n'oubliez pas qu'il faudrait absolument que j'aie la présentation en original entre mes mains. Ecco tutto. J'attends votre réponse

L'Empereur a fait son entrée ici comme dans les autres villes, au milieu des acclamations d'un peuple qui voit en lui son libérateur. Ce sont là les véritables arcs de triomphes. Aujourd'hui enfin le quartier-général se rassemble ici, car à Carlsruhe il n'y a avait que le c-te Volkonsky, Nesselrode, Araktschéf et Tolstoy, tout le reste était à Durlach, qui n'est à la vérité qu'à trois verstes de la résidence, mais où je n'ai pas pu aller une seule fois. Le chemin qui y conduit est une allée des peupliers, la plus belle que j'aye jamais vue. En général, mon bon ami, ce pays est magnifique; nous sommes à présent dans le Brisgau, et depuis Francfort jusqu'ici c'est absolument un jardin. Depuis Darmstadt on côtoye d'un côté les montagnes (c'est cette fameuse Bergstrasse) et de l'autre on voit une plaine Lapèche, qui va jusqu'au Rhin, qui est a peu de distance d'ici. Heidelberg est divinement situé. L'ancien château sur la montagne qui en porte le nom. C'est là que se trouve le fameux tonneau, et la vue est divine. On voit le Rhin. Le Necker, sur le quel est Heidelberg, est aussi une bien belle rivière.

J'ai été bien aise de recevoir une lettre de Polétika. Il est avec Tatischeff. Il m'a écrit une lettre charmante de Londres. Voici une lettre de Kiriko. Lisez à papa tout ce qui peut l'intéresser. Vlodeck me charge continuellement de vous faire ses compliments. Il est toujours le même, bon garçon et aimant ces amis. Michaud également embrasse Катинька, qui est sa favorite et vous salue bien cordialement. Alexis Bâgration a demandé son congé pour cause de maladie: nouvelle preuve de son manque de tact. Il arrive ici, on le voit gros et gras, et il est malade.

*

Freybourg, le 12 (25) Décembre.

Rasoumowsky est arrivé. J'ai été chez lui, il m'a reçu avec infiniment de bonté et a été très content de me voir. Il a un peu vieilli, mais il est encore très bien. Koudriafsky est avec lui, celui-ci a extrêmement

vieilli et est devenu sourd. Nous avons beaucoup causé avec le c-te de Vienne, du bon Mallia, de la maison du c-te etc. Imaginez - vous que depuis il n'a pas cessé de bâtir et d'agrandir son territoire, il fait une nouvelle rue dans le faubourg, un pont en biais sur le Danube, en un seul arc et d'où il y aura un chemin qui conduira tout droit aux caffées. Enfin on dit que c'est la plus belle chose du monde.

*

Freybourg, le 19 (31) Décembre 1813.

Je vois avec bien du plaisir que mes lettres vous parviennent aussi régulièrement, malgré l'éloignement et l'énorme distance que nos brillants succès ont mis entre nous et notre chère Moscou. Ce que cette bonne ville a fait pour les blessés aux batailles de Leipzig est un mouvement digne de nos braves Moscovites. J'ai sauté de joie, quand j'ai lu l'article de 6000 r. que l'Impératrice vous a donné. Je suppose que c'est venu fort à propos, je vous en félicite. Богъ не оставляетъ насъ. Я тебѣ писалъ изъ Франкфурта, что я получилъ 1000 ₣ за трактаты; c'est venu au moment où je ne savais vraiment où donner de la tête: depuis un an et demi je ne reçois pas le sol de mes appointements; ce que j'ai apporté avec moi a été bientôt dépensé, car, sans que cela paresse, on dépense un argent fou ici, j'ai dû faire quelques dettes, lorsque tout à coup 1000 ₣ viennent me tirer d'affaire et me laissent encore de quoi continuer la campagne, sans être à charge ni à papa, ni à mes amis. J'ai voulu mettre de côté la moitié, mais cela ne va pas. Je n'ai pû que placer 400 ₣ chez Nesselrode avec condition de pouvoir les retirer quand j'en aurai besoin. Sans cela quel rôle jouerais-je dans un quartier-général qui est rempli d'étrangers, et emprunter fait une très mauvaise figure.

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ ¹⁾.

(1734—1783).

Первый по времени «изъ стаи славной Екатерининскихъ орловъ» Григорій Григорьевичъ былъ вторымъ изъ пяти братьевъ Орловыхъ, отличавшихся необыкновенно тѣсной дружбою: «unis, comme jamais frères ne l'ont été», говорила о нихъ Екатерина. По свидѣтельству современныхъ Англійскихъ дипломатовъ²⁾, «они дѣлили между собой все доходы, у нихъ были общіе расходы, одинъ общій кошелекъ». Этой дружбой братья обязаны были той патриархальной семьѣ, изъ которой они вышли.

Орловы принадлежали къ старой дворянской фамиліи. Болѣе отдаленные ихъ предки служили по г. Бѣжецку, а дѣдъ, Иванъ Ивановичъ, уже «по Московскому списку», былъ страпчимъ. Отецъ, Григорій Ивановичъ, дослужившись до чина дѣйств. ст. совѣт., былъ въ началѣ 40 годовъ въ Новгородѣ вице-губернаторомъ³⁾. Онъ поздно женился на Лукерьѣ Ивановнѣ Зиновьевой, бывшей болѣе чѣмъ вдвое моложе его, и имѣлъ отъ нея 9 сыновей, изъ которыхъ 5 осталось въ живыхъ⁴⁾. Унаследовавъ отъ отца значительное состояніе, Гр. Ив. Орловъ увеличилъ его переводомъ крестьянъ на «дикія поля» юго-восточнаго Поволжья. Въ Москвѣ у Орловыхъ былъ родовый домъ на Вознесенской улицѣ (теперь М. Никитская), въ приходѣ св. Георгія на Вспольѣ⁵⁾. По смерти

---

¹⁾ Настоящій біографическій очеркъ написанъ для «Сборника біографій кавалергардовъ», гдѣ и напечатанъ впервые (II-й т.); здѣсь помѣщается съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями.

²⁾ Письмо къ Понятовскому, Бильбасовъ, «Исторія Екатерины II», II, 515; см. еще письмо къ Вольтеру, «Сборникъ», XIII, 34; Денеши Ширлея и Каткарта, «Сборникъ», XII, 335, 386.

³⁾ Графъ Орловъ-Давыдовъ, «Біогр. очеркъ гр. В. Г. Орлова», I, Прил., I, IV и V; М. арх. М. Ю., Герольдм. конт., кн. 379, л. 69; Справки кн. 94, д. 27.—Дѣйств. ст. сов. Г. И. Орловъ назначенъ Новгородскимъ вице-губернаторомъ 17 Февраля 1741 г. (Барановъ, № 8761).

⁴⁾ Гельбигъ говоритъ, что Г. И. Орлову было 53 года, а Л. И. Зиновьевой 16 лѣтъ (Р. Стар., LI, 6).

⁵⁾ Гр. Орловъ-Давыдовъ, I, Прил., I, VIII.—По 2-й ревизіи Г. И. Орлову принадлежало 32 души въ «новопоселенномъ» селѣ Дмитріевскомъ, Лысыя Горы, Петровскаго

отца († 1 Апр. 1746 г.), его мѣсто въ семьѣ занялъ старшій изъ братьевъ, Иванъ: къ нему перешли обязанности старшаго въ родѣ, на него было перенесено уваженіе младшихъ, которые, по преданію, въ присутствіи «старинушки», «папиньки-сударушки», не сажались безъ позволенія. Старшій братъ заботился и объ общемъ состояніи въ 2 т. душъ крестьянъ, доставшемся Орловымъ отъ отца¹⁾. Рано оставивъ дѣйствительную службу Преображенскаго полка «фурьеромъ», Иванъ Орловъ преимущественно жилъ въ «низовыхъ» деревняхъ, воспитывалъ младшаго брата, Владимира и всю жизнь управлялъ нераздѣльными имѣніями Орловыхъ. Всѣ братья, кромѣ Григорія, отличались «домовитостью и умѣньемъ распорядиться своимъ достаткомъ»²⁾.

I.

Григорій Орловъ родился 6 Октября 1734 года. Неизвѣстно, гдѣ и какъ провелъ онъ дѣтство; въ 1749 году онъ былъ привезенъ, вмѣстѣ съ братьями Михайломъ (вскорѣ умершимъ) и Ѳедоромъ, въ Петербургъ, и въ то же время какъ Иванъ поступилъ въ Преображенскій полкъ солдатомъ³⁾, Григорій поступилъ въ Семеновскій⁴⁾.

По свидѣтельству Екатерины II, склонной скорѣе преувеличить, чѣмъ умалить достоинства своего любимца, Григорій Орловъ не получилъ никакого воспитанія, ничему не учился и настолько плохо зналъ Французскій языкъ, что не могъ читать и не понималъ Французскихъ стиховъ⁵⁾. Природа щедро одарила Орлова. «Это было», по выраженію

узда, на р. Медвѣдицѣ, теперь Аткавскаго у. Саратов. губ. (А. Голомбѣвскій, „Петровский уздѣ“, Труды Саратов. Арх. Комисс., II, в. 2, 257). Церковь въ селѣ была построена Орловымъ. См. біографію князя Г. Г. Орлова А. П. Барсукова, „Разказы изъ Русск. Исторіи XVIII в.“, 61.

¹⁾ М. Арх. М. Ю., Герольдм. конт., кн. 379, л. 69; кн. 408, л. 558.

²⁾ Тамъ же; Гр. Орловъ-Давыдовъ, I, 6, Прил., I, X и XI.

³⁾ Барсуковъ, 62.

⁴⁾ Лефортовскій Арх., оп. 120, св. 73, за 1770 г.

⁵⁾ „Сборникъ“, X, 292 и 293.—Тоже подтверждаетъ Бретейль, говоря, что Орловъ „parle que russe“.—Гельбигъ говоритъ, что Г. Г. Орловъ получилъ въ Сухопутномъ корпусѣ „очень хорошее военное образованіе и особенно изучилъ Французскій и Нѣмецкій языки“ (Русск. Старина, II, 7).—Щербатовъ характеризуетъ Г. Г. Орлова, какъ чело-вѣка „ничего не учившагося“ (Сочин., II, 226 и 227).—Не подлежитъ сомнѣнію, что въ данномъ разногласіи преимущество должно быть отдано Щербатову: о пребываніи Г. Г. Орлова въ корпусѣ никакихъ свидѣній не имѣется; документально извѣстно о поступленіи въ 1749 г. въ кадетскій корпусъ только двоихъ братьевъ Ѳедора и Михаила, которые были „грамотъ Россійской и Французскому обучены“ (М. арх. М. Ю., Герольдм. конт., кн. 379, л. 69). Въ оціоциальной выпискѣ о службѣ Гр. Орлова сказано: „Лѣ.-гв. въ Семеновскомъ полку солдатомъ 749 г.“ (Лѣф. арх., оп. 120, св. 73, за 1770 г.).

Императрицы, «изумительное существо, у котораго все хорошо: наружность, умъ, сердце и душа»... Высокій и стройный, онъ, по отзыву Екатерины, «былъ самымъ красивѣйшимъ человѣкомъ своего времени» ¹⁾. Превосходя красотой, смѣлостью и рѣшительностью всѣхъ своихъ братьевъ ²⁾, Григорій не уступалъ никому ни въ атлетическомъ сложеніи, ни въ Геркулесовской силѣ. При этомъ Григорій былъ несомнѣнно добрый человѣкъ съ мягкимъ и отзывчивымъ сердцемъ, готовый помочь и оказать покровительство, довѣрчивый до неосторожности, щедрый до расточительности, неспособный затаивать злобу, мстить; нерѣдко онъ разбалтывалъ то, чего не слѣдуетъ, поэтому казался менѣе умнымъ, чѣмъ былъ. Всегда искренній, Орловъ никогда не льстилъ даже любимшей лести Екатеринѣ и, по свидѣтельству нещедраго на похвалы Щербатова, «неложное усердіе къ ней имѣлъ и говорилъ ей съ нѣкоторою грубостію всѣ истины, но всегда на милосердіе подвигалъ ея сердце» ³⁾. Способный, но лѣнивый, Григорій обладалъ умомъ не самостоятельнымъ и глубокимъ, но чуткимъ къ вопросамъ, которые его интересовали; схвативъ налету мысль, понравившуюся ему, быстро усваивалъ суть дѣла и нерѣдко доводилъ эту мысль до крайности. Онъ, по словамъ Щербатова, умѣлъ «почерпнуть и утвердить въ сердцѣ своемъ нѣкоторыя полезныя для государства правила: никому не мстить, отгонять льстецовъ, не льстить Государю, выискивать людей достойныхъ» ⁴⁾. Часто вспыльчивый, всегда необузданный въ проявленіи своихъ страстей, Орловъ, по отзыву Екатерины, былъ « *doux comme un mouton, il avait le coeur d'une roue*» ⁵⁾. По веселости и вѣтренности характера, по любви ко всякаго рода рискованнымъ походамъ, Григорій далеко превосходилъ своихъ братьевъ, нисколько не отставая отъ нихъ въ страстной любви ко всякаго рода спорту во всѣхъ его проявленіяхъ, начиная отъ кулачныхъ боевъ и всевозможныхъ «крѣпышей», пѣсельниковъ, шутовъ и плясуновъ и кончая «бѣгунами», охотою одинъ-на-одинъ на медвѣдя, и даже гусиными и пѣтушинными боями.

Поручикомъ, а съ 1758 г. капитаномъ одного изъ армейскихъ полковъ, Орловъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ ⁶⁾ и въ Цорндорфскомъ сраженіи успѣлъ выказать необыкновенную отвагу и хладнокровіе: по-

¹⁾ „Сборникъ“, XIII, 259.

²⁾ „Дневникъ Храповицкаго“, 82.

³⁾ Щербатовъ, II, 228.

⁴⁾ Тамъ же, II, 227.

⁵⁾ Кротокъ какъ баранъ; у него душа курицы. Зап. гр. Ант. Дм. Блудовой, Р. Арх. 1889, I, 88; Храповицкій, 82.

⁶⁾ Зап. Болотова, I, 840.

лучивъ три раны, онъ остался въ строю ¹⁾. При Цорндорфѣ былъ взятъ въ плѣнъ флигель-адъютантъ Прусскаго короля гр. Шверинъ, и для сопровожденія его въ Кенигсбергъ (центръ Русскаго управленія завоеванной частью Пруссіи) назначенъ былъ Орловъ со своимъ двоюроднымъ братомъ, Зиновьевымъ. Молодые, веселые, они составляли подходящую компанію для знатнаго плѣнника. Встрѣтившій въ это время Орлова и съ нимъ подружившійся Болотовъ отмѣтилъ въ своихъ Запискахъ, что Орловъ «и тогда имѣлъ во всемъ характеръ своемъ такъ много хорошаго и привлекательнаго, что нельзя было его никому не любить» ²⁾. Въ Кенигсбергѣ Орловъ сдѣлался душою общества. Наплывъ военной молодежи, благодаря временному прекращенію военныхъ дѣйствій, былъ большой. Жилось тамъ очень весело, такъ какъ временный правитель, баронъ Н. А. Корфъ, жилъ «съ превеликою помпою», давалъ балы и маскарады. Орловъ былъ лучшимъ танцоромъ, а красотой своей статной фигуры, затянутой въ черный бархатный маскарадный костюмъ, онъ поразилъ даже флегматичнаго Болотова. Молодые офицеры, съ Орловымъ во главѣ, не пропускали ни одной Нѣмецкой и даже Еврейской свадьбы въ городѣ, сдѣлались на нихъ желанными гостями, веселились отъ души и танцовали до упаду. Орловъ задумалъ было даже поставить въ городскомъ театрѣ трагедію «Демофонъ», но затѣя эта не осуществилась, и «Россійскому Благородному Театру» не пришлось замѣнить собой «уѣхавшей банды комедіантовъ» ³⁾.

Весной 1759 г. графъ Шверинъ, въ сопровожденіи тѣхъ же Орлова и Зиновьева, былъ отправленъ въ Петербургъ. Шверина помѣстили въ домъ Строганова у Полицейскаго моста; Орловъ поселился въ домѣ придворнаго банкира Кнутсена, рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ, бывшимъ тогда между Полицейскимъ мостомъ и Большой Морской⁴⁾. Въ Петербургѣ Григорій Орловъ встрѣтился съ братьями, изъ которыхъ Алексѣй служилъ въ Преображенскомъ полку, а Федоръ въ Семеновскомъ. Веселое препровожденіе времени, съ игрою въ карты и кутежами въ многочисленномъ, но далеко не изысканномъ обществѣ, Орловъ разнообразилъ рискованными любовными приключеніями ⁵⁾.

¹⁾ Лес. Арх., оп. 120, св. 73; Барсуковъ, 63 и 64.

²⁾ Болотовъ, I, 840.—Встрѣчаясь съ Болотовымъ позднѣе, Орловъ не забывалъ стараго товарища, спѣшилъ его обнять и попрежнему называлъ „Болотенко“.

³⁾ Болотовъ, I, 840, 841, 843, 879—882.—Въ Кенигсбергѣ Орловъ поступилъ въ масонскую ложу.

⁴⁾ Гельбигъ, Руск. Стар. 1886/LI, 7; Барсуковъ, 66—67.

⁵⁾ Мнѣніе, что Орловы въ это время, продавъ отцовское наслѣдство, проживали капиталъ, и что у нихъ ничего не было, кромѣ долговъ, ни на чемъ не основано, и, какъ кажется, взято у Гельбига (Р. Стар., LI, 7).

Перейдя на службу въ артиллерію и сдѣлавшись въ 1760 г. адъютантомъ генераль-фельдцейхмейстера графа П. И. Шувалова, Григорій Орловъ не задумался увлечь его любимицу, красавицу княг. Куракину¹⁾). Въ это время, благодаря графу Шверину, съ которымъ сошелся великій князь Петръ Ѳеодоровичъ, Орловъ появляется и при «маломъ дворѣ». Послѣ «случая» съ Куракиной, грозившаго гибелью молодому адъютанту грознаго Шувалова, заинтересовалась Орловымъ и Екатерина. Великая княгиня, поставленная въ тяжелое семейное положеніе, по мѣрѣ того, какъ императрица слабѣла и близилась къ могилѣ, должна была задумываться надъ своимъ будущимъ положеніемъ. Ей нужны были люди, которымъ она могла бы довѣриться и на которыхъ могла бы опереться. «Въ данномъ случаѣ», говоритъ историкъ Екатерины, «важна была встрѣча не съ Орловымъ именно, а съ лицомъ его положенія и закала. Не въ Орловѣ нуждалась Екатерина, а въ пособникѣ его пошиба, въ человѣкѣ, способномъ выполнить сокровенную задачу великой княгини»²⁾). Но Екатерина одинока, Орловъ красивъ, мѣсто Понятовскаго свободно, и Григорій Орловъ занялъ его. Сближенію содѣйствовали довѣренные люди, графиня Пр. А. Брюсъ и камердинеръ Екатерины, Шкуринъ. Орловъ увлекся Екатериною: 25-лѣтній красавецъ былъ отъ нея безъ ума, готовъ былъ на все, лишь бы угодить ей. Нужно быть современникомъ Екатерины, чтобы понять вполне, чѣмъ могла она такъ очаровывать всѣхъ, болѣе или менѣе близкихъ ей людей, будучи далеко не красавицею. Орловъ не былъ такимъ человѣкомъ, который могъ бы безъ сердечнаго увлеченія сдѣлаться заговорщикомъ въ пользу великой княгини, если бы великою княгинею не была Екатерина. Правда, самолюбію Орлова льстила его близость къ великой княгинѣ; не лишенный бахвальства, недостаточно деликатный, онъ не только не скрывалъ этой близости, но даже выставялъ ее на видъ. «*Osten*», писала Екатерина, «*se souvient d'avoir vu l'aîné me suivre partout et faire mille folies; sa passion pour moi était publique*»³⁾). Благодаря этой излишней откровенности, Орловъ сдѣлался раньше другихъ подозрительнымъ въ глазахъ сторонниковъ великаго князя⁴⁾). 25 Декабря 1761 года Екатерина стала Императрицей; отъ этого, впрочемъ, положеніе ея нисколько не

¹⁾ Вильбасовъ, I, 393—396. Кн. Ел. Ст. Куракина, рожд. Апраксина, р. 5 Сентября 1735 г., † 29 Октября 1768 г., жена князя Бор. Ал. Куракина, въ 1760 г. имѣла 7 человѣкъ дѣтей, при чемъ послѣдній род. 19 Сентября 1759 г. („Арх. Князя Ѳ. А. Куракина“, III, 394. См. о ней у Щербатова, „Сочиненія“, II, 221, 223 и 224).

²⁾ Вильбасовъ, I, 396.

³⁾ Тамъ же, II, 510. Остенъ помнитъ, какъ старшій всюду за мною слѣдовалъ и всячески дурачился; его страсть ко мнѣ была общезвѣстна.

⁴⁾ Вильбасовъ, II, 433 и 434.

улучшилось, оно сдѣлалась только опаснѣе. Теперь ей приходилось уже не только думать, но и дѣйствовать. По собственному сознанию, Екатерина вошла въ сношенія со своими будущими пособниками за 6 мѣсяцевъ до 28 Іюня ¹⁾ и прежде всего, конечно, съ Орловыми. Екатерина не всѣмъ изъ «друзей», ни даже графу Разумовскому или княг. Дашковой, открывала въ равной степени свои намѣренія, которыя всецѣло были извѣстны только Орловымъ. «Le sort du secret», писала Екатерина, «était entre les mains de trois frères Orloff... J'ai les plus grandes obligations à ces gens-là» ²⁾. «Орловы сдѣлали все», рассказывалъ Фридрихъ II графу Сегюру, «Дашкова была только хвастливой мухой на рогахъ быка» ³⁾. Г. Орлову съ братьями приходилось вербовать сторонниковъ Императрицы въ рядахъ гвардіи, возбуждать къ ней симпатіи. Квартира Орловыхъ сдѣлалась центромъ, гдѣ собиралось многочисленное общество офицеровъ, привлекаемое радушіемъ хозяевъ и ихъ репутацией отличныхъ товарищей. Сила, молодечество, которыя такъ нравятся простому народу, и щедрость Орловыхъ сдѣлали ихъ любимцами солдатъ и популярными среди народа. «Орловы», по выраженію Екатерины, «блещутъ искусствомъ управлять умами, благоразуміемъ, смѣлостью, присутствіемъ духа, у нихъ много здраваго смысла и великодушнаго мужества» ⁴⁾. Но кромѣ всего этого, они располагали и значительными денежными средствами. Въ Февралѣ 1762 г., со смертью графа П. И. Шувалова и съ назначеніемъ генераль-фельдцейхмейстеромъ Вильбоа, считавшагося приверженцемъ великой княгини, Г. Орловъ былъ назначенъ пальмейстеромъ артиллерійскаго штаба. Денежные средства артиллерійской кассы очутились въ рукахъ Орловыхъ и немало содѣйствовали успѣху пропаганды въ казармахъ ⁵⁾. Къ веснѣ на сторонѣ Екатерины было около 40 гвардейскихъ офицеровъ и до 10 т. солдатъ въ разныхъ полкахъ. Есть извѣстіе, что Орловы настаивали на скорѣйшемъ приведеніи въ исполненіе задуманнаго плана ⁶⁾; но Екатерина

¹⁾ Вильбасовъ, II, 510.

²⁾ Тамъ же, II, 510. Судьба тайны была въ рукахъ трехъ братьевъ Орловыхъ; этимъ людямъ я обязана всего болѣе.

³⁾ „La touche vaniteuse du coche“. Дашкова воображала, что черезъ нее все дѣлается и доходитъ до Екатерины, а между тѣмъ ей не было ничего извѣстно о сношеніяхъ Екатерины съ ея сторонниками; „последнія четыре недѣли“, по словамъ Екатерины, „ей даже ничего не говорили“. Въ своихъ Запискахъ, написанныхъ 40 лѣтъ спустя, едва ли не со спеціальной цѣлью изобразить свою роль въ переворотѣ 1762 г., Дашкова навѣрно сознается, что только на другой день послѣ 28 Іюня она узнала о близости Г. Орлова къ Императрицѣ и впервые увидала младшихъ Орловыхъ только наканунѣ этого дня.. („Записки“, 54, 64).

⁴⁾ Вильбасовъ, II, 7.

⁵⁾ Барсуковъ, 76; Вильбасовъ, I, 400.

⁶⁾ Вильбасовъ, II, 426, 510.

знала, что чѣмъ дольше будетъ сдерживаться негодование, тѣмъ энергичнѣе и неудержимѣе послѣдуетъ взрывъ. Послѣ знаменитаго обѣда въ честь мира съ Пруссіей, 9 Іюня, Екатерина, публично оскорбленная Петромъ III, стала склоняться на предложенія, которыя ей дѣлались съ самой кончины императрицы Елисаветы¹⁾. Къ тому же весною не благопріятствовали и домашнія обстоятельства: Екатерина находилась въ исключительномъ положеніи, которое удачно скрывала отъ постороннихъ глазъ²⁾. Въ Четвергъ на Пасху, 11 Апрѣля, у нея родился сынъ, тотчасъ взятый на воспитаніе В. Шкуринымъ³⁾. 12 Іюня Петръ III, отпраздновавъ ненавистный для Русскихъ миръ съ Пруссіей, отправился въ Ораніенбаумъ, въ сопровожденіи многочисленной, преимущественно дамской свиты, оставивъ Императрицу въ Петербургѣ. Въ то время какъ Петръ III, по выраженію Екатерины, «vivait et buvait» въ Ораніенбаумѣ, въ Петербургѣ подготовлялся переворотъ. Но Г. Орлову въ это время приходилось дѣйствовать особенно осторожно, такъ какъ къ нему, какъ къ лицу подозрительному, былъ приставленъ соглядатай, адъютантъ императора В. С. Перфильевъ. Наблюденіе за Орловымъ показывало, что подозрѣнія направлены вѣрно, но выборъ Перфильева былъ неудаченъ: онъ подружился съ Орловыми и проводилъ съ ними время за картами и попойками. 17 Іюня Екатерина уѣхала въ Петергофъ. Переворотъ, благодаря случайности, произошелъ нѣсколько раньше, чѣмъ предполагалось его участниками. 27 Іюня былъ арестованъ по подозрѣнію въ неблагонадежности одинъ изъ главныхъ участниковъ, капитанъ Преображенскаго полка Пассекъ; медлить было нельзя. Въ полдень Григорій Орловъ собщилъ объ этомъ княгинѣ Дашковой, а затѣмъ поспѣшилъ въ гвардейскія слободы, чтобы приготовить сторонниковъ Императрицы къ мысли, что она должна быть немедленно провозглашена Самодержавной Госуда-

¹⁾ Въ Государственномъ Архивѣ имѣется бумага о томъ, что еще въ царствованіе Елисаветы одинъ дьяконъ, яко бы по ошибкѣ, провозгласилъ на эктеньѣ Екатерину императрицею. П. Б.

²⁾ Бильбасовъ, I, 428.

³⁾ Алексѣй Григорьевичъ Бобринскій (р. 11 Апр. 1762 г., †20 Іюня 1813 г.) сначала получилъ фамилію князя Сицкаго (угасшая въ XVII в. фамилія князей Рюриковичей), затѣмъ въ 1775 г. по пожалованному ему имѣнію названъ Бобринскимъ. Графскій титулъ данъ императоромъ Павломъ. Въ указѣ Вотчинной Коллегіи въ 1765 г. о пожалованіи имѣнія князю Сицкому, Императрица награждала сына „изъ любви и благодарности къ отцу его, бывшему арміи капитану, который за насъ претерпѣлъ“. 20 лѣтъ спустя, Екатерина писала Бобринскому: „Мать ваша, бывъ угнетаема разными непріязнями и непріятелями, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, спасая себя и старшаго сына, принуждена нашлась скрыть ваше рожденіе“... (Руск. Арх., 1876, III, 13). В. Шкуринъ, возведенный въ дворянское достоинство, 6 Авг. 1762 г. получилъ 1027 д. крестьянъ „для незабвенной памяти нашего къ нему благоволенія“ и 50 т. рублей „(Сборникъ“, VII, 133).

рыней ¹⁾). Затѣмъ, въ то время, когда Алексѣй Орловъ, ночью, скакалъ въ Петергофъ за Екатериной, Григорій почти всю ночь игралъ въ карты съ Перфильевымъ, чтобы отвлечь его вниманіе, при чемъ проигралъ ему нѣсколько тысячъ. Разошлись только подъ утро, когда Перфильевъ былъ уже безвреденъ. Орловъ тотчасъ повѣхалъ съ княземъ Ѳедоромъ Барятинскимъ по Петергофской дорогѣ, и они встрѣтили Екатерину въ 5 верстахъ отъ Петербурга. Въ ихъ коляскѣ она пріѣхала въ Пазмайловскій полкъ.

Переворотъ совершился 28 Іюня. Объявивъ въ краткомъ манифестѣ о своемъ вступленіи на престолъ, чѣмъ она исполнила «ясное и нелицемѣрное желаніе всѣхъ вѣрноподанныхъ», и указавъ на опасность, угрожавшую православной вѣрѣ и славѣ Русскаго оружія, Екатерина въ 10 ч. вечера выступила во главѣ войскъ Петербургскаго гарнизона въ походъ противъ Петра III. Григорій Орловъ ѣхалъ въ свитѣ Императрицы, а 29 Іюня сопровождалъ генерала Измайлова, ѣздившаго изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ для переговоровъ съ Петромъ III, и въ тотъ же день привезъ Екатериинѣ его отреченіе отъ престола ²⁾).

Екатериинѣ, совершившей переворотъ, при помощи преданныхъ ей людей, приходилось пока съ ними считаться: одни недовольны были наградами, другіе спорили о роли въ дѣлѣ возведенія ея на престолъ; Орловы держали себя не скромнѣе другихъ. Если Екатерина неоднократно высказывала мысль, что она «обязана короною Орловымъ и не можетъ ихъ достаточно вознаградить», то и сами Орловы, а въ томъ числѣ и Григорій, не стѣснялись это высказывать вслухъ. Недостатокъ воспитанія не позволялъ Григорію Орлову держаться съ тѣмъ тактомъ, котораго требовало его исключительное положеніе при Императрицѣ ³⁾). Уже 29 Іюня произошла какая-то размолвка между Екатериной и Орловымъ, и онъ сталъ проситься въ отставку, вѣроятно, считая себя чѣмъ-нибудь обиженнымъ. «Подумайте, княгиня, на сколько я была бы неблагодарна, если бы я позволила ему выйти въ отставку», сказала Государыня удивленной княгинѣ Е. Р. Дашковой во время обѣда, поданаго на столѣ, около дивана, на которомъ лежалъ Орловъ, ушибшій наканунѣ себѣ ногу ⁴⁾). Еще болѣе странно было видѣть, что во время пріема во дворцѣ Орловъ сидѣлъ въ креслѣ рядомъ съ трономъ и не всталъ передъ высшими сановниками и генералами, извиняясь

¹⁾ Зап. княгини Дашковой, 53; Бильбасовъ, II, 511.

²⁾ Бильбасовъ, II, 28, 38, 54, 63—66; Гельбигъ, Р. Стар. LI, 9.

³⁾ „Сборникъ“, XXII, 70—71; XII, 70.

⁴⁾ Зап. княгини Дашковой, 64—66.

той же причиною ¹⁾. Нѣсколько позднѣе, незадолго до коронаціи, Орловъ, похваляясь своимъ вліяніемъ въ гвардейскихъ полкахъ, сказалъ, что «если бы онъ захотѣлъ, то могъ бы чрезъ какой-нибудь мѣсяцъ свергнуть ее съ престола». Гетманъ графъ К. Г. Разумовскій, видя какъ это неумѣстное бахвальство не понравилось Екатеринѣ, сказалъ: «Можетъ быть; но, другъ мой, не дожидаясь мѣсяца, мы чрезъ двѣ недѣли повѣсили бы тебя» ²⁾. Неудивительно, поэтому, что уже недѣлю спустя послѣ 28 Іюня, когда волненіе умовъ еще далеко не улеглось, Беранже сообщалъ въ своей депешѣ, что «on у conspire contre Orloff et l'on prérage en secret sa chute» ³⁾. Другіе иностранцы писали то о возмущеніи гвардейцевъ, которыхъ не могъ успокоить Григорій Орловъ, то о томъ, что на него напали солдаты и избили его ⁴⁾. Въ Октябрѣ Григ. Орловымъ былъ открытъ заговоръ Гурьева, Хрущова и др., вся вина которыхъ, впрочемъ, заключалась въ неосторожной болтовнѣ, тѣмъ болѣе нежелательной въ то время, что въ ней произносилось имя «Иванушки», т.-е. бывшаго императора Іоанна Антоновича ⁵⁾. Въ числѣ недовольныхъ были недавніе друзья Орловыхъ, считавшіе себя обиженными, не получивъ того, что, какъ имъ базалось, принадлежало имъ по праву, тогда какъ Орловы были осыпаны наградами. Въ день переворота Григорій Орловъ былъ пожалованъ въ «дѣйствительные камергеры, съ содержаніемъ по чину», и получилъ Александровскую ленту, а 3 Августа всѣмъ троицъ братьямъ Орловымъ дано по 800 д. крестьянъ, къ которымъ 5 Августа еще прибавлено 50 т. рублей ⁶⁾. Въ концѣ Августа Григ. Орловъ отправился въ Москву раньше отъѣзда двора. Онъ принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ коронаціи ⁷⁾. 22 Сентября, въ день коронаціи, Орловы были возведены въ графское достоинство, а Григорій произведенъ въ генераль-поручики и пожалованъ въ генераль-адъютанты. Во время церемональнаго обѣда въ Грановитой палатѣ Г. Орловъ, въ качествѣ форшнейдера, «исправлялъ функцію при столѣ» ⁸⁾. Не прошло еще года по воцареніи Екатерины II, какъ, 27 Апрѣля 1763 г., графъ Г. Г. Орловъ получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго ⁹⁾.

¹⁾ Гельбигъ, 10.

²⁾ Бильбасовъ, II, 255.

³⁾ Составляется заговоръ противъ Орлова и тайно готовить его паденіе.

⁴⁾ Деп. Мерси д'Аржанто, „Сборникъ“, XLVI, 49; Деп. Мейнерцгагена, Истор. Вѣст., 1884—X, 14.

⁵⁾ Бильбасовъ, II, 170 и слѣд.

⁶⁾ Бильбасовъ, II, 468; „Сборникъ“ VII, 133.

⁷⁾ Бильбасовъ, II, 148.

⁸⁾ Тамъ же, 153, 470; „Сборникъ“, VII 280; Лес. арх., оп. 120, св. 73.

⁹⁾ Б.-Каленскій, „Списки кавалеровъ“, 112.

Съ воцареніемъ Екатерины, дѣятельность Г. Орлова становится болѣе широкою, при чемъ однако всегда образъ Екатерины совершенно заслоняетъ собой фигуру Орлова. Имѣя «горячую голову» и отзывчивое сердце, Орловъ быстро усваивалъ излюбленные идеи Государыни и искренно увлекался ими. «Во время случая Орлова», говоритъ Щербатовъ, «и дѣла шли довольно порядочно, и Государыня, подражая простотѣ своего любимца, снисходила къ своимъ поданнымъ... а Орловъ никогда не входилъ въ управленіе не принадлежащаго ему мѣста»¹⁾... По словамъ самой Екатерины, никто не содѣйствовалъ ей такъ въ работѣ, какъ Орловъ: «Это былъ мой Блекстонъ, который разматывалъ мои нитки; sa tête est naturelle et va son train, et la mienne la suit». Какимъ образомъ это происходило, объясняетъ Екатерина въ другомъ письмѣ, писанномъ вскорѣ послѣ смерти Орлова: «Панинъ и Орловъ столько лѣтъ были моими ближайшими совѣтниками, и однако дѣла шли и шли большимъ ходомъ. Одинъ отличался отвагой ума, другой мягкимъ благоразуміемъ, а ваша покорная слуга шла между ними курць-галопомъ, и ото всего этого дѣла великой важности принимали какую-то мягкость и изящество. Способности Орлова были велики... но ему не доставало послѣдовательности къ предметамъ, которые въ его глазахъ не стоили заботы, и лишь немногіе удостаивалъ онъ своей заботы, скорѣе труда своего, и отъ этого онъ казался болѣе небрежнымъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Природа избаловала его, и онъ былъ лѣнивъ ко всему, что внезапно не приходило ему въ голову»²⁾. Если это и было надгробное слово бывшему любимцу, то нельзя не признать, что въ общемъ ему приданъ вѣрный колоритъ. Въ мелочахъ ежедневной жизни Григорій Орловъ является поэтому съ болѣе опредѣленнымъ и самостоятельнымъ обликомъ, чѣмъ въ роли государственнаго дѣятеля.

II.

Со дня переворота Екатерина поселилась въ старомъ Елисаветинскомъ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ получилъ помѣщеніе и Орловъ, хотя у него былъ и свой домъ въ Петербургѣ («Штегельмановскій»), подаренный ему Императрицей. Кромѣ того, подъ Петербургомъ ему пожалованы были мызы Гатчина и Ропша. Въ Штегельмановскомъ домѣ Орловъ отъ времени до времени устраивалъ въ торжественные дни празднества и вечера³⁾. Екатерина въ этихъ случаяхъ бывала гостьей у Орлова, получавшаго въ дни именинъ (25 Января) и рожденія (6 Октября) отъ нея въ подарокъ отъ 50 до 100 т. рублей⁴⁾.

¹⁾ Щербатовъ, Сочиненія, 229.

²⁾ „Сборникъ“, XXIII, 57, 274 и 275.

³⁾ Зап. Порошина, 39, 350.

⁴⁾ „Графъ Гр. Гр.“, писала собственноручно Екатерина 6 Октября 1768 г., „изволь-

Въ хозяйствѣ «Гатчинскаго помѣщика» Императрица также принимала непосредственное участіе. Проводя лѣто въ Царскомъ Селѣ, Екатерина и въ сосѣдней Гатчинѣ проявляла свою страсть къ садоводству, свою «плантоманію». Г. Г. Орловъ имѣлъ всегда свободный доступъ къ Императрицѣ, читалъ книги по ея указанію; она писала проекты писемъ, которые онъ долженъ былъ посылать отъ своего имени. Въ партіи «ломбера» Орловъ былъ постояннымъ участникомъ игры. По вечерамъ, когда молодежь веселилась, какъ кому нравилось, Г. Орловъ всегда принималъ дѣятельное участіе въ танцахъ, играхъ, рядился на свѣткахъ боярышней и т. п. Въ знаменитой карусели 1765 г. братья Григорій и Алексѣй Орловы, первый во главѣ «Римской» кадрили, второй «Турецкой», соперничали въ красотѣ и ловкости. Григорій получилъ первый призъ вмѣстѣ съ лавровымъ вѣнкомъ изъ рукъ престарѣлаго «подвигоположника» графа Миниха. На репетиціи лучшимъ наѣздникомъ былъ графъ Алексѣй потому только, что Григорій не участвовалъ вслѣдствіе ушиба ноги ¹⁾).

Была у Орлова еще страсть къ естественнымъ наукамъ и всевозможнымъ физическимъ опытамъ. Онъ любилъ потолковать «о физикѣ, химіи и анатоміи», поспорить «о параболической фигурѣ», любовался, какъ изъ шелковыхъ обоевъ «искры сыплются и электризація производится» ²⁾; онъ пробовалъ строить ворота на ледяномъ фундаментѣ и съ удивленіемъ показывалъ Екатеринѣ, какъ бомбы, налитыя водой, разрываются на морозѣ ³⁾. Въ его помѣщеніи, во дворцѣ, была устроена обсерваторія съ телескопомъ, на которую ходили любоваться видами ⁴⁾.

те взять изъ Кабинета моего сто тысячи рублей, кои на имянникахъ вамъ челомъ бью».—25 Января 1771 г. Императрица писала: „Графъ Григ. Григ. Возьмите изъ Кабинета пятьдесятъ тысячи рублей, кои я вамъ жаую на имянны, да пятьдесятъ тысячъ рублей сверхъ того на достроеніе Гатчинскаго дома“.—Иногда такіе собственноручные приказы посылаются А. В. Олсуеву: „Адамъ Васильевичъ. Выдайте графу Гр. Гр. Орлову 100 т. рублей, которые мы ему жауемъ на имянны изъ Колыванскаго серебра или золота, Окт. 6 дня 1767 г.“.—25 Января 1770 г. Екатерина писала: „Ад. Вас. Отпустите графу Гр. Гр. Орлову пятьдесятъ тысячъ рублей, кои я ему на имянны подарюла“.—Въ 1767 г. 6 Окт. гр. Орловъ получалъ 100 т. руб., въ 1768 г. 25 Янв. и 6. Окт. —150 т. руб., въ 1769 г., въ тѣ же дни—200 т. руб., въ 1700 г.—100 т. руб., въ 1771 г. —150 т. руб., въ 1772 г., 25 Января 100 т. руб. (Арх. М. Двора, оп. 15—1365, дд. 118, 119, 122—129). Деньги по большей части получалъ близкій Орлову человекъ, генералъ Виц. Ром. Польманъ.

¹⁾ Порошинъ, 143, 255, 279, 282, 343, 463, 559, 562. Соч. Державина (акад. изд.) VI, 433.

²⁾ Порошинъ, 282, 285, 564, 570.

³⁾ „Сборникъ“, IX, 306—308.

⁴⁾ Порошинъ, не заслуживающій въ данномъ случаѣ довѣрія, говоритъ, будто Ор-

Конечно, все это занятія диллетанта, забава любителя куріозныхъ явленій; но онъ приглашаетъ въ Гатчину Ж. Ж. Руссо, покровительствуетъ Ломоносову, послѣ смерти котораго скупаетъ и сохраняетъ оставшіяся послѣ него бумаги, представляетъ Императрицѣ Русскаго самоучку Кулибина. Не своему начальнику Панину, а Орлову, который первый оцѣнилъ «Бригадира», Фонъ-Визинъ обязанъ былъ и представленіемъ ко двору, и тѣмъ, что его комедія сдѣлалась извѣстна Екатеринѣ.

Современники, свои и чужіе, преимущественно чужіе, обвиняли Орлова въ охлажденіи Екатерины къ ея сыну. Данныя за время «случая» Орлова не подтверждаютъ этого обвиненія. Графъ Григорій Григорьевичъ почти каждое утро приходилъ къ великому князю Павлу Петровичу, и можно съ увѣренностью сказать, что тотъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ его прихода. Онъ тотчасъ расскажетъ что-нибудь забавное, его всегда сопровождаетъ жизнерадостное настроеніе. Графъ Орловъ можетъ быть товарищемъ мальчику великому князю: съ нимъ можно поиграть въ солдаты, и пострѣлять въ залѣ изъ пушекъ, и поѣздить верхомъ въ манежѣ, и попрыгать въ ложѣ черезъ стулья; онъ играетъ въ воланы, въ гусекъ, не прочь и поточить на токарномъ станкѣ. Орловъ не то, что методичный Панинъ, который частенько «гораздо бранитъ» великаго князя за всякую живость характера или дѣтскую шалость ¹⁾... Иногда, впрочемъ, забавы съ графомъ Григоріемъ Григоріевичемъ не были такъ безобидны. По примѣру окружающихъ великій князь почти постоянно воображалъ себя влюбленнымъ то въ ту, то въ другую фрейлину: Орловъ иногда устраивалъ пріятныя встрѣчи, водилъ Павла, впрочемъ съ позволенія Екатерины, по комнатамъ фрейлинъ... Но Орловъ и не былъ педагогомъ; да и трудно сказать, кому доставляло больше удовольствія такая прогулка, 10-лѣтнему великому князю или его 30-лѣтнему спутнику, черезчуръ равнодушному цѣнителю всего прекраснаго. Орловъ вообще относился къ людямъ крайне благодушно; онъ былъ очень снисходителенъ къ другимъ, какъ, впрочемъ, и къ самому себѣ.

Собственно Г. Орловъ едва ли имѣлъ личныхъ враговъ: у него были только завистники его положенія. Отзвывы его о людяхъ были всегда искренни и, можетъ-быть, благодаря этому казались иногда рѣзкими. «Умень какъ чортъ», говаривалъ Орловъ о Потемкинѣ, отдавая справедливость уму князя Таврическаго ²⁾; а о Тепловѣ, человѣкѣ бе-

---

ловъ при помощи этого телескопа наблюдалъ движенія свѣтилъ и даже въ каретѣ, сидя рядомъ съ Екатериной, увлекался книгой о кометахъ (376, 408, 471).

¹⁾ Порошинъ, 57, 94, 233, 251, 255, 306, 383, 435.

²⁾ Храповицкій.—Митрополитъ Платонъ рассказывалъ, что Орловъ представилъ

зусловно способномъ, воспитанникѣ Теофана Прокоповича, съ успѣхомъ прошедшемъ его школу, по поводу доноса его на гетмана Разумовскаго, предъ которымъ онъ пресмыкался, Орловъ не постѣснился громко сказать: «Лобза его же предаде»... Не владѣя иностранными языками, Орловъ набѣгалъ большого, малознакомаго общества, и «иностранные дипломаты должны были отказаться отъ частыхъ его посѣщеній, такъ какъ онъ стѣснялся съ ними и чувствовалъ себя хорошо только въ небольшомъ кругу близкихъ друзей, раздѣлявшихъ его вкусы»¹⁾. Вкусы эти не измѣнились и тогда, когда графъ Г. Г. Орловъ достигъ своего высокаго положенія при дворѣ. «Крики и пѣсни пьяной толпы, высыпавшей на улицу послѣ увеселеній Орловыхъ», до полусмерти, до паралича въ ногѣ и рукѣ, напугали лежавшую въ постели послѣ родовъ княгиню Дашкову. «Неистовыя вакханаліи съ кулачными бойцами», прибавляетъ она, «были любимымъ развлеченіемъ Орловыхъ»²⁾. Превосходный набѣдникъ, Г. Орловъ былъ не менѣе страстнымъ охотникомъ. «Сказывалъ, графъ Г. Г. Орловъ», замѣчаетъ Порошинъ, что убилъ въ Ропшѣ медвѣдя и принялъ его самъ на рогатину»³⁾. Его охотничій роговой хоръ не уступалъ знаменитому хору егермейстера С. К. Нарышкина⁴⁾. Подъ звуки этой музыки любилъ онъ кататься на яхтѣ по Невѣ или по взморью⁵⁾.

Въ Маѣ 1763 года, когда Екатерина, въ сопровожденіи Орлова, ѣздила изъ Москвы на богомолье въ Ростовъ, а затѣмъ въ Воскресенскій монастырь, «городская ѡха» начала разносить по Москвѣ слухи,

---

Г. А. Потемкина, какъ забавника, умѣвшаго подражать чужому голосу (Р. Арх., 1872 г., 459), а семейное преданіе въ родѣ Потемкина сохранило воспоминаніе, какъ сочувственно отнесся Г. Г. Орловъ къ Потемкину, когда въ 1763 г. онъ окривѣлъ, дозвѣрившись лѣченію какого-то знахаря. Орловъ способствовалъ возвращенію ко двору Потемкина, впаавшаго было въ отчаяніе (Разсказы графа Самойлова, Русскій Архивъ, 1867 г., 602 и 603).

¹⁾ Денеши гр. Сольмса, «Сборникъ», XXI, 488.

²⁾ Зап. кн. Дашковой, 88.

³⁾ Порошинъ, 264.

⁴⁾ Державинъ, II, 65.

⁵⁾ Въ 1765 г. графъ Г. Г. Орловъ построилъ себѣ собственную яхту; вся она была изящно отдѣлана краснымъ деревомъ и названа „Алексѣй“. 18 Мая ее спустили на воду, при чемъ, по замѣчанію Порошина, „обѣдали тамъ и куликнули“. 3 Іюня Екатерина каталась на этой яхтѣ, и она такъ ей поправилась, что Орловъ тотчасъ подарилъ ее Государынѣ (Порошинъ, 20). Вѣроятно, это обстоятельство дало поводъ къ разговору въ народѣ о томъ, что Сенатъ отнялъ у графа Орлова яхту „для того, что такая великолѣпная яхта подлежитъ е. в. великому князю“. Страсть къ псовой охотѣ также подала поводъ въ это время къ сплетнѣ о томъ, что Орловъ затравилъ собаками до смерти одного изъ „егерей“ за то, что тотъ ударилъ хлыстомъ собаку. Исслѣдованіе, произведенное по приказанію Екатерины княземъ Вяземскимъ, показало, что это „пустые вѣржи“ (Гос. арх., VII, 2173). Записка Екатерины II къ Вяземскому по этому дѣлу, напечатанная въ „Сборникѣ“ (XIII, 274), ошибочно отнесена, вмѣсто 1765 г., къ 1772 году.

что Государыня имѣеть намѣреніе выйти за него замужъ... Есть указаніе на то, что мысль эту возымѣли Орловы, имѣя въ виду бракъ императрицы Елисаветы съ графомъ А. Г. Разумовскимъ. Императрица несомнѣнно не была склонна съ кѣмъ бы то ни было дѣлить свою власть и связать себя такими узами съ графомъ Г. Г. Орловымъ; въ тоже время ей не хотѣлось прямо отказать любимому человѣку, и она предоставила рѣшить вопросъ общественному мнѣнію, зная впередъ, какъ оно выскажется. Подъ предлогомъ вопроса о предоставленіи гр. А. Г. Разумовскому титула императорскаго высочества, канцлеръ гр. М. Л. Воронцовъ долженъ былъ отправиться, по приказанію Императрицы, къ графу Разумовскому и попросить у него документы, касавшіеся до его брака съ императрицею Елисаветою Петровною. Прочитавъ проектъ указа о томъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ вынулъ изъ окованнаго серебромъ ларца чернаго дерева бумаги, обвитыя въ разовый атласъ. Прочитавъ бумаги, онъ поцѣловалъ ихъ, подошелъ къ образамъ, перекрестился и затѣмъ подошелъ къ камину и бросилъ свертокъ въ огонь. «Я не былъ ничѣмъ, какъ только вѣрнымъ рабомъ е. в., покойной императрицы Елисаветы Петровны», сказалъ онъ графу Воронцову... «Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите, то повѣрьте, графъ, что я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвенную память монархини, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ. Доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей Государынѣ»... Императрица, выслушавъ докладъ, сказала: «Мы другъ друга понимаемъ. Тайнаго брака не существовало, хотя бы и для усыпленія боязливой совѣсти. Шопоть о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтенный старикъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойственнаго Малороссіянамъ самоотверженія»¹⁾.

Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ долженъ былъ составить проектъ просьбы отъ имени поданныхъ Государынѣ о вступленіи ея въ бракъ и собрать подписи. Не приходилось бы Ѳ. Хитрову съ его товарищами бранить его «старымъ чортомъ», если бы они знали, что Бестужевъ дѣйствовалъ по приказу самой Екатерины. Выбранъ былъ графъ Алексѣй Петровичъ, а не кто другой потому, что онъ считался сторонникомъ Орловыхъ²⁾. Еще 12 Іюля 1762 г., когда Бестужевъ возвращался въ Петербургъ, вызванный Екатериной изъ ссылки, «по особой къ нему

¹⁾ „XVIII Вѣкъ“, II, 461—462. — Это разсказъ съ голословныхъ преданій. Несомнѣнно, что Елисавета Петровна, лѣтомъ 1744 года, негласно повѣнчалась съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ (См. выдержку изъ депеши Даліона Людовику XV-му въ „Русскомъ Архивѣ“ 1895, I, 160). П. Б.

²⁾ Бильбасовъ, II, 249—256; „Сборникъ“, XLVI, 496. 585, Депеши М. Аржанто.

милости», Г. Г. Орловъ, выѣзжалъ встрѣтить его за 30 верстъ отъ столицы; а вскорѣ иностранные дипломаты подмѣтили, что при дворѣ образовались двѣ партіи, Панина и Бестужева, «котораго поддерживаетъ фаворитъ Орловъ». Прусскій резидентъ, всегда опасавшійся «злого старика», спѣшилъ сообщить, что «Панинъ начинаетъ замѣчать пагубное направленіе этого человѣка, дѣйствующаго противъ славы и интересовъ своей страны»¹⁾. Проектъ Бестужева, составленный для того, чтобы встрѣтить сопротивление, само собою, остался безъ исполненія; но слухъ и огласка имѣли свои послѣдствія. Особенно энергическій протестъ встрѣтилъ проектъ «марьяжа» въ участникахъ переворота 1762 года, Ѳ. Хитрова, Ласунскаго, Рославлева и другихъ²⁾. Они не прочь были, чтобы Государыня вышла замужъ, но не хотѣли Орловыхъ, и открыто говорили, что ихъ намѣреніе было устранить (Орловыхъ тѣмъ или другимъ способомъ. Ласунскій говорилъ: «Орловы раздражили насъ своей гордостью; мы чаяли, что наша общая служба Государыни утвердить нашу дружбу, а нынѣ видно, что оной развратъ». Однако у заговорщиковъ не замѣтно раздраженія противъ Григорія, хотя его ближе всего касался вопросъ о «марьяжѣ»: «И буде есть въ томъ Орловыхъ интересъ», говорилъ Хитрово, «я не думаю, что бы то дѣлалъ Григорій Григорьевичъ, а дѣлаетъ Алексѣй Григорьевичъ». «И что за власть дана Орловымъ, что зачали пропадать каморъ-юнкеры», ворчалъ старій дядя Хитрово, когда «заговорщики» были уволены въ отставку и разосланы по деревнямъ³⁾. Не такъ легко, однако, было бороться съ «городскою эхой», не смотря даже на объявленный съ барабаннымъ боемъ манифестъ «о молчаніи»⁴⁾. «Пустые врали» еще много лѣтъ упорно будутъ появляться среди гвардіи и въ народѣ, проникнувъ въ послѣдній разъ въ лагерь Пугачева, когда и самъ Г. Г. Орловъ давно уже сошелъ со сцены. Толки эти, впрочемъ, были довольно однообразны: то слышались «непристойныя» слова придворнаго истопника Лобанова и артиллеріи капрала Слядьева по адресу отношеній Екатерины къ Орлову, то гобойстъ Иamayловскаго полка Коровинъ и Преображенскаго писарь Долматовъ рассказывали, что Государыня намѣрена идти замужъ

¹⁾ Бильбасовъ, II, 569; Деп. Сольмса, „Сборникъ“, XXII, 9.

²⁾ Последніе двое были обижены отказомъ въ деньгахъ, сопровождавшимся письмомъ Екатерины къ Олсуфьеву, отъ 25 Февр. 1763 г.: „Ты имѣешь сказать камергерамъ Ласунскому и Рославлеву, что, понеже они мнѣ помогли взойти на престолъ для поправленія неурядковъ въ отечествѣ своемъ, я надѣюсь, что они безъ прискорбія примутъ мой отвѣтъ; а что дѣйствительная невозможность нынѣ раздавать деньги, тому ты самъ свидѣтель очевидный“ („Сборникъ“, VII, 234).

³⁾ Бильбасовъ, II, 266—268, 658, 677; Соловьевъ, XXV, 256—260.

⁴⁾ Соловьевъ, XXV, 260.

за Орлова, сдѣлать его принцемъ, а отставной, торгующій табакомъ матросъ Безпаловъ сообщалъ конфиденціально нищей старухѣ: «Вотъ, Устинья, не будетъ ли у насъ штурмы на Петровъ день, Государыня идетъ за Орлова и отдаетъ ему престолъ. Павелъ Петровичъ кручиненъ и кушаетъ только съ дядькой своимъ». Отъ солдатъ и матросовъ не отставали и офицеры въ «непристойномъ разглашеніи между легкомысленныхъ и подлыхъ людей». Капитанъ А. Черкасовъ, рассказывая о намѣреніи Императрицы сдѣлать Орлова Курляндскимъ и Эстляндскимъ герцогомъ, не чуждъ былъ глубокомысленныхъ соображеній о томъ, будто что и самая Турецкая война «къ тому клонится, чтобы армейскіе полки отдалить и Государынѣ выйти за Орлова». Тоже болтали между собой отставной корнетъ И. Батюшковъ и подпоручикъ Опочининъ, прибавляя, что «Государыня-де великаго князя ненавидитъ и хочетъ лишить престола, а Орловы хотятъ его извести»¹⁾... По обыкновенію къ такимъ разговорамъ прибавлялись и другіе, побочные; одни говорили, что Орловы «истощили государство, искупивъ себѣ въ чужихъ краяхъ владѣнія»; другіе, что у графа Григорія «кафтанъ одинъ въ 70 т., каковыхъ первые люди, государи, не нашивали». Но находились и такіе, какъ придворный оружейникъ Лебедевъ, который, съ удовольствіемъ вспоминая, какъ вельможно и пышно жилъ графъ А. Г. Разумовскій, не безъ презрѣнія говорилъ: «У графа кафтанъ былъ съ брилліантовымъ пуговицами, богаче той звѣзды, что *бойцу-де кулачному* приказано сдѣлать»²⁾...

Въ концѣ 1762 года, когда близился къ осуществленію проектъ Панина объ учрежденіи Императорскаго Совѣта, графъ Г. Г. Орловъ былъ намѣченъ въ число восьми его членовъ³⁾. Императорскій Совѣтъ не былъ учрежденъ; но вскорѣ, 11 Февраля 1763 г., графъ Орловъ былъ назначенъ членомъ комиссіи «о правахъ дворянства Россійскаго», начинавшаго роптать «о неконфирмаціи ихъ вольностей», обѣщанныхъ Петромъ III-мъ. 18 Марта комиссія закончила свою дѣятельность, представивъ Императрицѣ написанный Тепловымъ докладъ изъ 21 статьи. О дѣятельности отдѣльных членовъ, въ томъ числѣ и графа Орлова, ничего неизвѣстно; только 14 статья доклада вызвала разногласіе въ вопросѣ о «выслуженномъ и нажитомъ» имѣніи дворянъ, виновныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Орловъ примкнулъ къ большинству, которое

¹⁾ Гос. Арх., VII—2134, 2238, 2349, 2316, 2323; Барсуковъ, „Батюшковъ и Опочининъ“, Разск. изъ Руск. Пет. XVIII в., 213, 214, 216.

²⁾ Гос. арх., VII,—2157.—Государыня заказала въ это время (въ 1764 г.) придворному ювелиру брилліантовую корону для себя и звѣзду для Орлова.

³⁾ Соловьевъ, XXV, 182; „Сборникъ“, VII, 201.

высказалось противъ конфискаціи и за переходъ имѣнія къ законнымъ наследникамъ, опираясь на рѣшеніе самой Екатерины по свѣжему въ памяти дѣлу Гурьева и Хрущовыхъ ¹⁾ Императрица или осталась недовольна докладомъ комиссіи, или захотѣла ограничиться однимъ «приступомъ»; но дѣло было отложено надолго, до 21 Апрѣля 1785 года ²⁾).

Вскорѣ Г. Г. Орловъ былъ поставленъ во главѣ дѣла, которое давно уже сильно интересовало Государыню и которое, повидимому, заинтересовало и его самого. 14 Октября 1762 года послѣдовалъ собственноручный указъ Сенату объ иностранныхъ поселенцахъ. Будучи еще великой княгиней, Екатерина писала: «Мы нуждаемся въ населеніи; заставьте, если возможно, кишмя кишѣть народъ въ нашихъ пространныхъ пустыряхъ»... Теперь Екатерина предписываетъ Сенату «разъ навсегда» принимать «безъ дальняго доклада всѣхъ желающихъ поселиться въ Россіи иностранцевъ» ³⁾; 4 Декабря послѣдовалъ манифестъ объ этомъ, а 22 Юля 1763 г. учреждена «Канцелярія Опекунства иностранныхъ», президентомъ которой, на правахъ президента коллегіи, назначенъ графъ Г. Г. Орловъ ⁴⁾. Уже 16 Февраля 1764 г. Орловымъ былъ представленъ Императрицѣ обширный докладъ о томъ, какія земли отвести подъ колонистовъ, въ какомъ количествѣ, о способахъ поселенія ихъ и о межеваніи земель... Не смотря на протестъ Сената, докладъ былъ одобренъ Екатериной, надписавшей на немъ: «Быть по представленіямъ, при семъ приложеннымъ, графа Орлова». Для поселенія колонистовъ Орловымъ предназначалась громадная площадь земель, окружавшихъ Саратовъ и тянувшихся до Царицына, Новохоперской крѣпости, границъ Пензенской провинціи, между Волгой и Дономъ и по его притокамъ Медвѣдицѣ, Хопру и Битюгу. Орловъ находилъ эти земли наиболее удобными, какъ по малой ихъ населенности, такъ и потому, что «когда умножится число колонистовъ (какъ того желаютъ), то не будетъ никакой опасности отъ какихъ-либо вредныхъ предпріятій, потому что оныя со всѣхъ сторонъ почти заграждены будутъ старыми селеніями» ⁵⁾. Большой наплывъ переселенцевъ съ одной стороны, съ другой искреннее желаніе прави-

¹⁾ Упомянутый уже корнетъ И. Батюшковъ рассказывалъ, между прочимъ, что «въ Уложенной Комиссіи, т.-е. 1767 г., графъ Г. Орловъ подалъ свой голосъ, чтобъ дворянкѣ, вышедшей не за дворянина, оставить пользоваться дворянскимъ правомъ, изъ чего-де разумѣть (!), что онъ хочетъ жениться на Государынь, „быть императоромъ“ (Барсуковъ, „Батюшковъ и Опочининъ“, 209).

²⁾ „Сборникъ“, VII, 232, 245—266; Соловьевъ, XXV, 273—276; Бильбасовъ, II, 220 и 221.

³⁾ Бильбасовъ, II, 194, 522.

⁴⁾ П. С. Зак., №№ 11720, 11879, 11881.

⁵⁾ М. арх. М. Ю., кн. Сената, № 51/3622, лл. 8—11.

тельства доставить имъ какъ можно больше удобствъ, давали немало работы какъ самому президенту, такъ и совѣтникамъ Опекунства. Тѣмъ не менѣе въ Октябрѣ 1764 года Орловъ имѣлъ уже возможность похвалиться, что до 1000 ч. переселилось въ Россію; въ этомъ числѣ было много искусныхъ мастеровъ, при помощи которыхъ Орловъ задумывалъ устроить субсидируемыя правительствомъ часовыя фабрики. Французъ Антонъ Вердье долженъ былъ заняться разведеніемъ шелковицы близъ Саратова, а затѣмъ устроить шелковые и чулочные казенные заводы ¹⁾).

Поселенцамъ давались деньги на переселеніе, отводились земли въ Поволжьѣ, строились дома, давался скотъ; они освобождались отъ податей на 30 лѣтъ, имъ предоставлялась свобода вѣроисповѣданія и внутренняго управленія, право заводить торги и ярмарки, безошлинно вывозить даже за границу продукты своего хозяйства, а черезъ пять лѣтъ полная свобода обратнаго выѣзда безъ возврата полученныхъ ссудъ. Вызовъ иностранцевъ былъ устроенъ графомъ Орловымъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; это дѣлалось не столько самой канцеляріей, сколько поручалось за извѣстное вознагражденіе особымъ «вызывателямъ» (съ Марта 1764 г.), каковы баронъ де-Борегаръ, де-Боерь, Леруа и др. ²⁾). Эти «вызыватели», руководимые нерѣдко только корыстными цѣлями, часто создавали недоразумѣнія, которыми усложнялась дѣятельность Канцеляріи Опекунства. Вызыватели представляли Поволжье обѣтованною землею, «кипящею медомъ и млекою». Допустимъ, что земля тогда дѣйствительно давала баснословные урожаи, рѣки изобиловали рыбой, лѣса всякимъ звѣремъ и дичью, но все же быстро наступало нѣкоторое разочарованіе для Швейцарца ³⁾), когда онъ не находилъ на широтѣ Саратова климата Ліона, когда стужа продолжалась здѣсь не три мѣсяца, какъ было обѣщано, а цѣлыхъ шесть; не было тутъ въ дикомъ видѣ ни винограда, ни миндальныхъ орѣховъ, ни тутовыхъ деревьевъ съ порхающими канарейками; едва ли на лугахъ, на которыхъ трава будто бы достигала къ половинѣ Апрѣля роста человѣка, находились «дикіе аспараги», цвѣтущіе гіацинты и тюльпаны ⁴⁾)... Много недоразумѣній вызвало еще и то, что нерѣдко земли, предназначенныя для поселенія колонистовъ и считавшіяся на бумагѣ пустыми, были давно уже заселены Русскими помѣщиками-колонизаторами, казенными или монастырскими крестьянами. На захваченныя земли владѣльцы, конечно, не могли «положить никакихъ дачъ и крѣпостей». Особенно много такихъ

¹⁾ Порошинъ, 94 и 95; М. арх. М. Ю., кн. Сената № 51/3622, л. 190 и др.

²⁾ М. арх. М. Ю., кн. Сената № 51/3622, лл. 96 и 97; кн. 505/4076.

³⁾ Баронъ де-Борегаръ вызывалъ Швейцарцевъ.

⁴⁾ М. арх. М. Ю., кн. Сената, № 191/3762, лл. 491—495.

поселенцевъ было по Хопру и Медвѣдицѣ, гдѣ Канцеляріи приходилось сталкиваться даже съ такими вотчинниками, какъ Нарышкины, угодыя которыхъ, рыбныя ловли, бортяныя ухожья и т. п., «тянувшіяся» по писцовымъ книгамъ къ знаменитому Тамбовскому селу Конобѣеву (доставшемуся когда-то боярину Л. К. Нарышкину отъ «великой старицы, инокини Марѣы»), далеко разстиались за предѣлы хоть сколько-нибудь опредѣленныхъ границъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ казенные крестьяне (напр., дворцоваго с. Золотога на Волгѣ) не пускали иностранцевъ селиться по сосѣдству даже на незанятой землѣ. Графъ Орловъ энергично отстаивалъ въ Сенатѣ (въ Январѣ 1765 г.) своихъ «опекаемыхъ», и въ Мартѣ 1765 г. было рѣшено недоказавшимъ правъ на землю нарѣзывать ее въ такомъ же количествѣ, какъ и колонистамъ ¹⁾. Не менѣе настойчиво старался Орловъ и объ отмежеваніи «особыхъ земель живущимъ за помѣщиками Малороссіянамъ, по причинѣ отягощенія ихъ отъ помѣщиковъ» ²⁾. Въ началѣ 1766 г. вызовъ иностранцевъ былъ прекращенъ, а въ Маѣ 1769 г. президентъ Канцеляріи Опекунства иностранныхъ имѣлъ возможность подать Императрицѣ «репортъ» о томъ, что болѣе 23 т. колонистовъ обоюго пола вышли въ Россію и поселились въ разстояніи отъ 12 до 130 верстъ отъ Саратова въ 104 колоніяхъ ³⁾, которыя своими иностранными названіями испестрили карту Поволжья ⁴⁾.

Замѣчая участіе Г. Г. Орлова во внутреннемъ управленіи и возрастающее вліяніе на виѣшнія дѣла, иностранные дипломаты поспѣшили сообщить объ этомъ своимъ правительствамъ. Гр. Букингамъ совѣтовалъ даже сдѣлать ему подарки ⁵⁾, а въ концѣ Марта Императрица, сначала черезъ графа А. П. Бестужева, а затѣмъ лично, выразила Имперскому посланнику графу Мерси желаніе, чтобы графъ Орловъ, «одинъ изъ ея вѣрнѣйшихъ слугъ, которому она болѣе всего обязана престоломъ» былъ возведенъ императоромъ въ княжеское достоинство ⁶⁾. Знаки

¹⁾ М. арх. М. Ю., кн. Сената, № 51/3622, лл. 244—246.

²⁾ Соловьевъ, XXVI, 152—154.—Эти Малороссы были переведены Разумовскими, а частью перешли добровольно въ качествѣ „солевозчиковъ“.

³⁾ Соловьевъ, XXVII, 33 и 34.—Въ этихъ колоніяхъ было 2 кирхи съ пасторскими домами и школами, 4560 жилыхъ домовъ, 2086 амбаровъ и 1327 конюшенъ (М. арх. М. Ю., кн. Сената, № 191/3762, л. 2367 и сл.).

⁴⁾ Географическая номенклатура Швейцаріи, едва ли не со всѣми ея кантонами, оказалась на Волгѣ: тутъ были и Бернъ, и Кларанъ, и Унтервальденъ, и Люцернъ... Нѣкоторые колонисты довольствовались Русскими или инородческими названіями, нѣкоторыя колоніи усваивали себѣ куріозныя названія, въ родѣ „Гутовой-Грязнухи“ и т. п. (тамъ же).

⁵⁾ „Сборникъ“, XLVI, 482; XXII, 69, 118; XII, 71.

⁶⁾ „Сборникъ“, XLVI, 416—420, 431, 434.

вниманія не заставили себя ждать. Въ началѣ года Французскій король предложилъ Орлову карету, а императоръ, дипломомъ отъ 21 Юля 1763 г., возвелъ его съ прямымъ нисходящимъ потомствомъ въ княжеское достоинство Римской Имперіи, съ титуломъ свѣтлости ¹⁾. Подарокъ Людовика XV не былъ принятъ. «Я далъ обѣтъ», писала Екатерина отъ имени Орлова, «принимать подарки только отъ Императрицы, моей Государыни; иначе сдѣлался бы недостойнымъ ея благоволенія, которое тщусь заслужить моимъ усердіемъ и ревностью къ ея особѣ и службѣ» ²⁾. Княжескимъ же титуломъ Орлову пришлось пользоваться много лѣтъ спустя. Графъ Букингемъ объяснялъ это временнымъ охлажденіемъ Екатерины къ Вѣнскому двору. Но, конечно, не это, а «недавнія волненія», распространившаяся въ народѣ молва о томъ, что Екатерина хочетъ сдѣлать Орлова «принцемъ», дѣлала опубликованіе диплома несовременнымъ ³⁾. За то въ день новаго 1764 года графъ Орловъ получилъ аренду въ 15 т. рублей на 10 лѣтъ, а въ Юль ему пожалованъ портретъ Государыни, осыпанный брилліантами ⁴⁾. Въ Январѣ же распространился слухъ о назначеніи Орлова гетманомъ. Виновикомъ этого, вѣроятно, былъ самъ гр. К. Г. Разумовскій, навлекшій на себя неудовольствіе Екатерины неудачнымъ проектомъ наслѣдственного гетманства въ родѣ Разумовскихъ. «Нынѣ въ Петербургѣ», писала Екатерина Олсуфьеву, «иные говорятъ, будто все происходитъ отъ гоненія на гетмана графа Г. Г. Орлова, и вамъ лучше всего извѣстно, сколь то ложно выдуманно» ⁵⁾.

Въ половинѣ Юня Императрица предприняла поѣздки въ Балтійскій край, куда ее сопровождалъ графъ Г. Г. Орловъ. Во время торжественной встрѣчи въ Нарвѣ, онъ отвѣчалъ по-русски отъ имени Государыни на привѣтственные Нѣмецкія рѣчи Эстляндскаго рыцарства

¹⁾ „Сборникъ“, II, 290—294.—Подлинный дипломъ въ Отрадинскомъ архивѣ графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ (Орловъ-Давыдовъ, I, 10).

²⁾ „Сборникъ“, VII, 332.

³⁾ Эти именно причины приводятъ и графъ Мерси, участникъ всего этого дѣла. По его словамъ, хотя графъ Бестужевъ и просилъ держать все дѣло втайнѣ, такъ какъ Государыня, можетъ быть, „отложить опубликованіе диплома на 2 года и даже на цѣлыя 10 лѣтъ“; но переписка съ Вѣнскимъ дворомъ сдѣлалась извѣстна, благодаря отчасти и нескромности Орловыхъ. Что Екатерина справедливо видѣла въ обнаруженіи диплома новую пищу для „врака“, указываетъ то, что самъ графъ Мерси, не особенно довѣрившій почтѣ, рѣшился въ одной депешѣ написать: „Предположенный бракъ раскрываетъ причину, почему Государыня такъ усердно заботилась о возведеніи фаворита въ княжеское достоинство“ (Сборникъ, XLVI, 497, 591, 594—613).

⁴⁾ Депеша Сольмса, „Сборникъ“, XXII, 199; Бильбасовъ, II, 591.

⁵⁾ Бильбасовъ, II, 407—413.

и бургомистра¹⁾. Есть извѣстіе, что Курляндію посѣтила Екатерина только вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ Орлова. Несмотря, значить, на то, что Екатерина просила Панина «поговорить графу Григорію Григорьевичу, какіе они (Курляндцы) есть люди, если бы неравно, подь какимъ претекстомъ, они бы къ нему адресовались», герцогъ Биронъ и Нѣмцы сумѣли заслужить расположеніе довѣрчиваго любимца²⁾.

Во время путешествія Екатерина не скрывала проявленій особеннаго своего къ нему расположенія. «Когда Орловъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, путешествіе пріостанавливалось; когда онъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, она употребляла все, чтобы привести его въ хорошее. Орлова ожидали съ ужиномъ, если онъ опаздывалъ съ охоты или рыбной ловли, при чемъ Государыня предпочитала лучше сыграть еще партію въ карты, чѣмъ ужинать безъ него³⁾. По возвращеніи въ Петербургъ, Орловъ, воспѣтый Ломоносовымъ въ стихахъ⁴⁾, былъ назначенъ членомъ верховнаго суда надъ Мировичемъ⁵⁾. Пожалованный въ предыдущемъ году въ подполковники лб.-гв. Коннаго полка, въ Январѣ 1765 г. графъ Орловъ былъ назначенъ шефомъ Кавалергардскаго корпуса, при чемъ во время крещенскаго парада онъ «вхалъ подлѣ саней Государыни, верхомъ, въ Римско-россійскомъ уборѣ кавалергардовъ, въ шпикакѣ съ бѣлымъ перомъ, что весьма казистый и прекрасный видъ дѣлало»⁶⁾.

14 Марта 1765 года онъ былъ назначенъ генераль-фельдцейхмейстеромъ и генераль-директоромъ надъ фортификаціями. Орловъ признавалъ трудности своей новой должности и положенія. «Цѣль моя при этомъ назначеніи», сказала Екатерина Панину, выразившему опасеніе, что должность эта сопряжена съ обширной властью, «сократить, а не расширить предѣлы этой власти»⁷⁾. Какъ усердно принялся графъ Орловъ

¹⁾ Соловьевъ, XXVI, 8 и 9.

²⁾ Бильбасовъ, II, 293; „Сборникъ“, X, 248; XXII, 255.

³⁾ Деша Сольмса у Бильбасова, II, 591.

⁴⁾ Блаженъ родитель твой, такихъ намъ давъ сыновъ,
Не именовъ однимъ, но свойствами орловъ.
Онъ храбростью Петру усердствовалъ на брани,
Ты, вѣрны Отечеству распростирая длани,
Екатерининъ рокъ и общій отвратилъ,
Покой и вѣкъ златой наукамъ обновилъ.

⁵⁾ Предпринятая съ правительственными цѣлями поездка въ Прибалтійскій край не обошлась безъ „дурацкихъ разглашеній“, которыхъ такъ не любила Екатерина. Офицеры говорили, что Государыня хочетъ сдѣлать Орлова герцогомъ Курляндскимъ, а Мировичъ въ своемъ безграмотномъ манифестѣ писалъ: „Она чрезъ природныя свои слабости хотѣла взять себя въ мужья подданнаго своего графа Орлова съ тѣмъ, чтобы уже изъ злонамѣреннаго и вреднаго отечеству ея походу и не возвратиться“ (Бильбасовъ, II, 346, 351; Державинъ, VI, 423).

⁶⁾ Порошинъ, 224.—⁷⁾ Порошинъ, 285. Деш. Макартнея, „Сборникъ“, XII, 202 и 203.

за исполненіе своей должности, видно изъ того, что вскорѣ онъ поднялъ крупный вопросъ о томъ, «какія орудія преимуществуютъ, какія слѣдуетъ удержать и какія отмѣнить совсѣмъ изъ арміи». Для рѣшенія этого вопроса 26 Іюня на Выборгской сторонѣ была устроена пробная стрѣльба изъ орудій, при чемъ испытывались знаменитыя Шуваловскія гаубицы, 12-фунтовыя пушки и $\frac{1}{2}$ -пудовые единороги ¹⁾.

1765 годъ важенъ потому, что въ этомъ году Екатерина, мечтая о благѣ 20 милліоновъ людей, писала свой «Наказъ». Въ Мартѣ она сообщала г-жѣ Жоффренъ, что занимается ежедневно утромъ по три часа «обрабатываніемъ законовъ Имперіи: трудъ огромный» — этого труда къ Іюню было уже готово 64 страницы ²⁾. Екатерина, для достиженія единства содержанія, не хотѣла имѣть помощниковъ въ своей работѣ; но Орловъ, конечно, раньше другихъ ознакомился съ ея содержаніемъ и находилъ «верхомъ совершенства». Орловъ и Панинъ, какъ и всегда, высказали діаметрально противоположныя мнѣнія: «ce sont des axiomes à renverser des mirailles» ³⁾, заявилъ послѣдній. «Князь Орловъ», писала Екатерина позднѣе, «цѣны не ставилъ моей работѣ и требовалъ часто, чтобы тому или другому оную показать» ⁴⁾... Но и въ современной перепискѣ есть указаніе, что Орловъ увлекался работой Императрицы. Услышавъ похвалы, расточаемыя г-жой Жоффренъ Екатеринѣ за ея «законодательную» дѣятельность, Орловъ закричалъ: «Это правда!» «Въ первый разъ я услышала», говоритъ Екатерина по этому поводу, «похвалу изъ его устъ и обязана этимъ вамъ; вы видите, что ни генераль (Бецкій), ни графъ не льстецы» ⁵⁾.

Въ это же время, конечно, графъ Орловъ познакомился съ мечтами Екатерины «объ устройствѣ свободныхъ сельскихъ обывателей». Эти мечты совершенно въ духѣ первыхъ лѣтъ ея царствованія ⁶⁾. Реальнымъ послѣдствіемъ этого было учрежденіе старѣйшаго Русскаго ученаго общества «Патріотическаго» или «Вольно-Экономическаго», ставившаго своей задачей «общимъ трудомъ стараться объ исправленіи земледѣлія и домоводства». Это общество въ значительной степени обязано графу Г. Г. Орлову своимъ возникновеніемъ. 15 Іюня 1765 г. было первое засѣданіе членовъ-учредителей въ его Штегельмановскомъ домѣ для выслушанія проекта устава, составленнаго ст. сов. Таубертомъ. Графъ Орловъ, «удержанный законными препятствіями», не присутствовалъ на

¹⁾ Порошинъ, 358 и 359. У него же таблица результатовъ испытанія.

²⁾ „Сборникъ“, I, 268 и 269.

³⁾ Тамъ же, XXVII, 175 и 176.

⁴⁾ Правильнѣе, отъ которыхъ могутъ разрушиться стѣны.

⁵⁾ „Сборникъ“, I, 288.

⁶⁾ Тамъ же, XX, 447—448.

этомъ засѣданіи. Тѣмъ не менѣе предположено было просить въ президенты Орлова, какъ «поощрителя и любителя всякихъ полезныхъ знаній», и только послѣ заявленія нѣкоторыхъ членовъ отъ его имени, что, по множеству занятій, онъ этого знанія принять не можетъ, президентское достоинство было предложено А. В. Олсуфьеву, который послѣ избранія и поздравленій «засѣлъ въ приготовленное для предсѣдателя мѣсто». 21 Сентября Общество постановило подать ея величеству все установленіе чрезъ е. с. графа Г. Г. Орлова, яко члена общества; а графъ Г. Г., «по благосклонности и по отчѣнной ревности своей къ обществу, обнадежилъ обо всѣмъ томъ приложить собственное стараніе у ея величества и представить гг. членовъ, всѣхъ персонально, къ всемилостивѣйшей Государынѣ». 31 Октября былъ утвержденъ уставъ Общества, при чемъ Императрица поставила его «независимо ни отъ какого правительства», пожаловала Обществу особенный девизъ, пчелы, въ улей медъ приносящей, съ надписью: «полезное», дала право печатать труды Общества на средства Кабинета и пожаловала 6 т. рублей на покупку дома. Въ тотъ же день члены Общества были представлены графомъ Орловымъ Государынѣ.

Предсѣдателемъ общества съ 1 Января 1766 г. въ теченіе двухъ третей (избирались по третямъ) былъ графъ Г. Г. Орловъ ¹⁾. Екатерина приняла участіе въ дѣятельности Общества, подъ именемъ «неизвѣстной особы» и даже назначила премію въ 1000 червонцевъ за разрѣшеніе весьма рискованнаго въ то время вопроса о томъ, «собственность земледѣльца состоитъ ли въ землѣ, которую онъ обрабатываетъ, или въ движимости». Несмотря на возраженія противъ самой темы, съ увѣреніемъ, что «свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, и толковать не надлежитъ» ²⁾, Вольно-Экономическое Общество получило до 160 отвѣтовъ и увѣнчало преміей сочиненіе члена Дижонской академіи Беарде-де-Лабая (Beardé de-l'Abbaye), въ которомъ проводилась мысль о необходимости постепеннаго освобожденія крестьянъ съ надѣломъ землею. Графы Орловы, Григорій и Владимиръ, сами крупные душевладѣльцы, но въ тоже время и образцовые помѣщики, любимые крестьянами, настояли на напечатаніи этого сочиненія на Русскомъ и Французскомъ языкахъ ³⁾.

¹⁾ Ходневъ, „Исторія Имп. В.-Эконом. Общества“, 6—12, 642; П. С. Зав., № 12502.

²⁾ Авторъ этого возраженія, д. ст. сов. А. П. Сумароковъ, приводилъ при этомъ аллегорическое сравненіе съ канарейкой, выпущенной изъ кѣтки, и собакой, спущенной съ цѣпи: „одна улетитъ, другая будетъ грызть людей“ (Ходневъ, 24, 25).

³⁾ Ходневъ, 27—31; Соловьевъ, XXVII, 122—124.—Есть извѣстіе, что Г. Г. Орловъ имѣлъ намѣреніе при помощи пастора Эйзена раздать крестьянамъ въ Ропшѣ землю въ наслѣдственную аренду (Р. Стар., LVIII, 297).

Чтобы увидѣть, какъ проникся Г. Г. Орловъ взглядами Императрицы, стоитъ вспомнить про нѣсколько странное на нашъ взглядъ, но бывшее совершенно во вкусъ Екатерины, приглашеніе Орловымъ Ж. Ж. Руссо въ Россію въ 1766 г. Самое письмо Орлова, не владѣвшаго Французскимъ языкомъ, вѣроятно, написано Екатериной. Графъ Григорій Григорьевичъ, «изъ признательности за тѣ знанія, которыя онъ получилъ изъ сочиненій Руссо, хотя они и не для него писаны», предложилъ философу свою Гатчину, «гдѣ воздухъ здоровый, вода чудесная, пригорки, окружающіе озера, образуютъ уголки пріятные для прогулокъ и располагающіе въ мечтательности... гдѣ, наконецъ, священникъ не умѣетъ ни вести диспуты, ни проповѣдывать; а его паства, въ сердечной простотѣ, сдѣлавъ крестное знаменіе, думаетъ, что это все»... «Гатчинскій помѣщикъ» предлагалъ у себя всѣ удобства и комфортъ, или, намекая на прелести первобытнаго существованія, предоставлялъ Руссо полную свободу «жить охотою и рыбной ловлею». Философъ любезно отклонилъ предложеніе графа Орлова: онъ пріѣхалъ бы, если бы онъ былъ «*moins infirme, plus allant, plus jeune, et que vous fussiez plus près du soleil*»¹⁾.

Въ то время, какъ собирались депутаты въ «Комиссію для составленія проекта новаго уложенія», графъ Г. Г. Орловъ (также депутатъ отъ дворянства Копорского уѣзда) сопровождалъ, весною 1767 г., Императрицу въ ея поѣздѣ по Волгѣ. Онъ, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ, камеръ-юнкеромъ графомъ Владимиромъ²⁾, плылъ на особомъ суднѣ «Савостьяновъ». Сопутствуя всюду Государынѣ, братья Орловы находили время бывать въ монастыряхъ, посѣщали архіереевъ, осматривали фабрики и заводы, въ селеніяхъ особенное вниманіе обращали на почву и ея производительность³⁾. Въ Н.-Новгородѣ Г. Г. Орловымъ былъ представленъ Екатеринѣ механикъ-самоучка Кулибинъ, трудившійся въ то время надъ замысловатыми часами⁴⁾. Досуги путешественниковъ наполнялись литературными занятіями: переводомъ на Русскій языкъ «Велизарія» Мармонтеля, только что тогда вышедшаго въ свѣтъ, съ посвященіемъ его епископу Тверскому Гавріилу, «мужу резонабельному и острому», а на этотъ разъ «мыслями, какъ и добродѣтелию съ Велизаромъ сходному». Императрица перевела 9-ю гл., графъ Григорій Орловъ (не знавшій Французскаго языка) перевелъ 5-ю, а графъ Владимиръ—15 главу. 3 Іюня графъ Ив. Гр. Орловъ принималъ Екатерину въ своемъ имѣніи близъ

¹⁾ Русскій Архивъ 1869, 581. Не такъ немощенъ, болѣе подвиженъ, помоложе, и если бы вы были поближе къ солнцу.

²⁾ Графъ В. Г. Орловъ, р. 8 Іюня 1743 г., † 28 Февр. 1831 г. Онъ оставилъ дневникъ этого путешествія.

³⁾ Гр. Орловъ-Давыдовъ, I, 23—47.

⁴⁾ Ведемейеръ, «Дворъ и замѣч. люди XVIII в.», I, 68—70.

пригородка Маинска, и Императрица пробыла у него два дня ¹⁾. Конечнымъ пунктомъ путешествія былъ назначенъ г. Симбирскъ; но Орловъ предполагалъ проѣхать далѣ ввизъ по Волгѣ до Саратова или Царицына, для осмотра колоній. Поѣздка эта была отмѣнена и, вмѣсто Григорія, ѣздилъ въ колоніи графъ Владимиръ съ совѣтниками Опекунства ²⁾. Подъ Сызраномъ братья Орловы осматривали мѣста по Волгѣ и тутъ, на нагорномъ берегу, облюбовали знаменитое с. Надѣинское-Усолье, богатое всякими угодьями, соляными варницами и обширными рыбными ловлями ³⁾. «Братъ Григорій пріѣхалъ сюда», отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ графъ Владимиръ, «на шлюпкѣ и ѣздилъ по полямъ осматривать мѣста, которыя ему очень понравились». Въ Апрѣлѣ 1768 г. Орловы вымѣняли это имѣніе на свои «верховыя» вотчины, принятія въ казну взаменъ Усолья, въ которомъ тогда считалось 9571 душа крестьянъ ⁴⁾.

По возвращеніи въ Москву, 30 Іюля, Орловъ сопровождалъ, во главѣ кавалергардовъ, Императрицу на открытіе Большой Комиссіи, а на другой день принялъ участіе въ ея засѣданіяхъ. Дворяне въ своемъ наказѣ поручали ему ходатайствовать о необходимости учрежденія для крестьянскихъ дѣтей школъ при церквяхъ обучать ихъ «въ зимнее время грамотѣ и первымъ основаніямъ закона, дабы знаніемъ закона поправить ихъ правы» ⁵⁾. При выборѣ маршала Орловъ получилъ самое большое, послѣ брата своего Ивана, число голосовъ, но отказался отъ этого званія «за множествомъ дѣлъ возложенныхъ на него ея и. величествомъ». Участіе гр. Г. Г. Орлова въ занятіяхъ Комиссіи ограничилось нѣсколькими засѣданіями, при чемъ въ первыхъ двухъ на него возложено было чтеніе «Наказа»; затѣмъ нѣсколько засѣданій, въ которыхъ онъ несомнѣнно участвовалъ, посвящены были «анатоміи качествъ Императрицы». Тѣмъ не менѣе графъ Григорій Григорьевичъ успѣлъ выказать свои гуманные взгляды и умѣнье смѣливо держаться въ такомъ непривычномъ для Русскихъ людей собраніи ⁶⁾.

По поводу наказа Каргопольскихъ крестьянъ, жаловавшихся на нужду и просившихъ о сбавкѣ подушныхъ и о разрѣшеніи переселяться

¹⁾ Гр. Орловъ-Давыдовъ, I, 46, 47, 78, прил. I, с. XIII; ср. письмо Екатерины въ Монтеля: Г. Орловъ перевелъ 13 главу, а В. Орловъ 14 и 15 главы («Сборникъ», X, 270).

²⁾ «Сборникъ», X, 206—210.

³⁾ Въ XVII в. это село принадлежало Саввино-Сторожевскому монастырю, а въ началѣ XVIII ст. было захвачено княземъ Меншиковымъ, по конфискаціи отъ котораго въ 1729 г. поступило въ казну.

⁴⁾ Количество пашенной земли по обѣимъ сторонамъ Волги доходило до 300 т. десятинъ. Графъ Орловъ-Давыдовъ, I, 47, 48, 81, 82; II, 17.

⁵⁾ Соловьевъ, XXVII, 121.

⁶⁾ Деша Каткарта, «Сборн.» XII, 293 и 360.

въ болѣе плодородныя мѣста, гр. Орловъ не только горячо поддерживалъ просьбу крестьянъ, но и выступилъ защитникомъ ихъ противъ Верейскаго депутата Степанова, въ рѣзкомъ отзывѣ котораго о лѣни самихъ крестьянъ онъ усмотрѣлъ не только оскорбленіе избирателей, но и неуваженіе къ самому собранію ¹⁾).

12 Октября 1768 г. Императрица привила себѣ оспу. Примѣръ Екатерины имѣлъ великое значеніе. «Теперь весь Петербургъ хочетъ привить себѣ оспу», писала она. Нечего и говорить, что графъ Орловъ, «этотъ герой, похожій на Римлянъ лучшаго времени республики», былъ впереди другихъ. «Онъ привилъ себѣ оспу и на другой день въ страшную снѣжную вьюгу уѣхалъ на охоту» ²⁾).

Въ тоже время Катквартъ писалъ: «Императрицѣ оспа привита въ ночь съ Воскресенья на Понедѣльникъ. Графъ Орловъ уѣхалъ на охоту и такимъ образомъ не зналъ этого и, можетъ-быть, не знаетъ и до сихъ поръ». Сопоставляя эти извѣстія, можно даже думать, что Орловъ, «сомнѣвавшійся вообще въ существованіи болѣзней», привилъ себѣ оспу раньше Екатерины, можетъ-быть, даже съ цѣлью окончательно разсѣять ея колебанія, такъ какъ она только послѣ прививки убѣдилась, что «гора родила мышъ, и что не стоило столько кричать объ этомъ». Не лишнее будетъ въ біографіи Г. Г. Орлова упомянуть о томъ, что оспа взята для Императрицы отъ мальчика А. Маркова, который 24 Ноября 1768 г. былъ возведенъ въ дворянство и получилъ фамилію Оспиннаго, не лишнее потому, что по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ былъ сыномъ Орлова ³⁾).

¹⁾ „Сборникъ“, IV, 77—79; Барсуковъ, 104—106; Соловьевъ, XXVII, 121 и 122.

²⁾ „Сборникъ“, X, 303, 307 и 308.

³⁾ Гельбигъ, Р. Стар., LI, 18 и 19; Р. Арх., 1884 II, 209.—О немъ и о другомъ мальчикѣ, Галактіонѣ, котораго Гельбигъ также считаетъ сыномъ Екатерины, имѣется слѣдующее ея письмо отъ 14 Дек. 1768 г. къ гр. П. Г. Чернышеву: „Моя же нынѣ есть забава тотъ самый мальчикъ, отъ котораго мнѣ привита оспа. Всѣ признаютъ, что отъ роду не видали повѣсы, подобной Александру Данилову с. Оспина: рѣзковъ до бѣшенства, уменъ, хитеръ не по лѣтамъ, смѣлъ до неслыханной дерзости, никогда не коротокъ въ отвѣтахъ, ни въ выдумкахъ; ему же 6 годъ, и мальчикъ клопъ. Братъ вашъ, гр. Григ. Григ., и самъ гр. Кир. Григ. часа по три такъ, какъ и мы, съ нимъ по землѣ катаемся и смѣемся до усталости. Если хотите знать, чей онъ, то братъ вашъ говоритъ, что со временемъ онъ займетъ мѣсто Бецкаго, и не спрашивайте меня болѣе. Галактіонъ Иванъ вѣдѣлъ спросить, скоро ль будетъ слоникъ, котораго вы обѣщали ему прислать изъ Китая“ (Р. Арх. 1871, IX, 1321). Англійскій посланникъ Р. Гуннингъ сообщалъ, что „плодомъ отношеній являются трое живыхъ дѣтей“, которые воспитывались у В. Шкурина („Сборникъ“, XIX, 290—300). Тайнственность послѣднихъ словъ письма Императрицы подала поводъ къ тому, чтобы признать Оспина мальчикомъ ей очень близкимъ. Имѣлъ ли Гельбигъ какія-нибудь положительныя свѣдѣнія, неизвѣстно. Документальныя данныя изъ

Графъ Орловъ никогда не принималъ особенно дѣятельнаго участія въ политикѢ. Онъ занимался иностранными дѣлами лишь случайно и преимущественно по желанію Екатерины. Иностранные дипломаты, зная его вліяніе, заискивали въ немъ, но никогда не могли считать его надежнымъ союзникомъ: онъ часто мѣнялъ свои взгляды, такъ какъ не имѣлъ твердыхъ убѣжденій въ политикѢ. Своимъ здравымъ смысломъ быстро и вѣрно постигая значеніе отдѣльныхъ событій и предложеній, онъ не былъ въ состояніи разбираться въ сложныхъ международныхъ сопряженіяхъ ¹⁾. Орловъ былъ слишкомъ прямъ и честенъ, чтобы быть хорошимъ дипломатомъ того времени. Подъ вліяніемъ графа Вестушева, онъ вначалѣ былъ старонникомъ Австріи и питалъ нерасположеніе къ Пруссіи, чему обязанъ нелестными о немъ отзывами графа Сольмса. Это, однако, не помѣшало ему, къ великому изумленію Прусскаго дипломата, однажды, когда «старый Иродъ», Фридрихъ II, съумѣлъ показаться ему «добрымъ, старымъ королемъ», заявить въ Совѣтѣ, что слѣдуетъ послать ему на помощь всѣ силы Имперіи, и въ 1772 г. тотъ же Сольмсъ уже признавалъ Орлова горячимъ сторонникомъ Пруссіи, которому слѣдовало бы пожаловать орденъ Чернаго Орла или драгоцѣнную табакерку ²⁾. Орловъ былъ неподкупенъ—это испытало на себѣ Сак-

дѣль М. арх. М. Ю. (опубликованы А. Н. Корсаковымъ), повидимому, опровергаютъ сложившееся представленіе. Во-первыхъ, Оспенъ не умеръ такъ рано, какъ говоритъ Гельбигъ. Въ 1793—1796 гг. онъ подавалъ Императрицѣ два прошенія, въ которыхъ имѣются кое-какія біографическія данныя: „онъ былъ пажемъ, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ служилъ въ полкахъ“, откуда вышелъ, „по болѣзни“, секундъ-майоромъ. Выведенный „изъ низкаго званія“, онъ пользовался долго расположеніемъ Екатерины, имѣлъ отъ нея пожалованные часы, перстень и табакерку. Въ 1793 г. онъ жилъ въ Петербургѣ „въ нищетѣ“ и просилъ опредѣлить его въ гражданскую службу, чѣмъ дать ему „посредственный кусокъ хлѣба, да утѣшу я престарѣлымъ моимъ родителямъ, едва уже дышащимъ и ожидающимъ пособія только отъ меня, да потекутъ ихъ и мои дни въ спокойствіи“. Онъ не былъ, однако, принятъ на службу. Что было причиной такого охлажденія Екатерины, неизвѣстно; должно быть что-нибудь важное. Самая „болѣзнь“ его подозрительна. Самойловъ, ген.-пр., предпочиталъ дать ему пенсію въ 300 р., чѣмъ опредѣлить его на службу, т. е. „подлинно за болѣзнями, которымъ онъ часто подверженъ бываетъ, и должности, къ которой будетъ опредѣленъ, съ успѣхомъ отправлять не въ состояніи“ (Ист. Вѣст., 1885/XXII, 467—473). Докторъ Димедаль говоритъ объ Оспенномъ просто, какъ объ одномъ изъ трехъ здоровыхъ мальчиковъ, которымъ онъ на пробу привилъ оспу для Государыни, и у котораго она принялась лучше („Сборникъ“, II, 310 и 311). Самый фактъ прививки оспы Екатеринѣ, окончившейся такъ удачно, могъ быть достаточнымъ основаніемъ къ тому, чтобы Екатерина пожелала сдѣлать мальчика Маркова своимъ воспитанникомъ, тѣмъ болѣе, что у нея были и позднѣе воспитанники, Рибопьеръ, Эстергази и др. О Галактіонѣ ничего неизвѣстно, даже фамилія. Гельбигъ говоритъ, что онъ умеръ молодымъ. Объ Оспенномъ см. еще Ведемейеръ, „Двор. и замѣч. люди“, I, 74.

¹⁾ Делеша Каткарта, „Сборникъ“, XIX, 34, 133.

²⁾ „Сборникъ“, XXII, 9, 78, 118; XXXVII, 586, 612; LXXII, 27, 120.

сонское правительство ¹⁾); его нельзя было привлечь на свою сторону предложеніемъ выгодъ, но его можно было заставить увлечься какимъ-нибудь вопросомъ вполне искренно. Симпатіи графа Григорія Григорьевича постоянно были на сторонѣ Англіи, «но въ тоже время», по словамъ лорда Каткарта, «онъ считаетъ себя прежде всего Русскимъ патриотомъ» ²⁾). Постояннымъ противникомъ Орлова былъ Панинъ. Лордъ Каткартъ былъ убѣжденъ, что дѣла тогда идутъ хорошо, когда оба они сходятся въ убѣжденіяхъ, и дѣлалъ неоднократныя, хотя и неудачныя, попытки къ ихъ примиренію. Графъ Орловъ сознавался, что «разница въ лѣтахъ, занятіяхъ и удовольствіяхъ» не позволяла ему сблизиться съ Панинымъ, а недостатокъ выдержки въ характерѣ производилъ частыя недоразумѣнія: онъ «часто перебывалъ методичныя изложенія Панина, тотъ хмурился, этотъ умолкалъ, дѣла останавливались и мѣшали ходу другихъ» ³⁾).

Орловъ едва ли не первый обратилъ вниманіе на значеніе религіознаго и племеннаго единства въ политикѣ. По поводу перваго раздѣла Польши, политическаго акта болѣе чѣмъ сомнительной выгоды съ Русской точки зрѣнія⁴⁾, Орловъ говорилъ, что «люди, составившіе раздѣльный договоръ, заслуживаютъ смертной казни» ⁵⁾. Графа Орлова интересовало положеніе единовѣрныхъ Грековъ подъ Турецкимъ игомъ, а его братья собирали свѣдѣнія и завязывали связи съ единоплеменными Славянами, находившимися подъ иноплеменной властью. Еще въ 1763 г., имъ были отправлены въ Грецію къ «Спартанскому народу» Греки М. Саро и артилл. офицеръ Георгій Папазоглу, привезшіе извѣстіе, что «Греки народъ смѣлый и храбрый, они рады стоять противъ Турокъ»... Морейское возстаніе Грековъ во время пребыванія Русской эскадры въ водахъ Средиземнаго моря было послѣдствіемъ этого, а наканунѣ Турецкой войны графъ Алексѣй Григорьевичъ писалъ брату Григорію о Славянахъ, что они «желаютъ быть подъ командою нашею и служить противъ Турокъ; вся гора Черная, также и около лежація мѣста, которыя принадлежатъ Отоманскому владѣнію, нашего закона, за оружіе принимаютъ» ⁶⁾. Задолго до народженія «Греческаго проекта», Орловъ горячо стоялъ въ Совѣтѣ за Грековъ во время войны съ Турціей, меч-

¹⁾ Тамъ же, XII, 458 и 459.

²⁾ „Сборникъ“, XIX, 133, 222.

³⁾ Тамъ же, 31—34.

⁴⁾ Нынѣ несомнѣнно, что козни Пруссіи вынудили Россію принять участіе въ этомъ раздѣлѣ. П. Б.

⁵⁾ Соловьевъ, XXVIII, IV.

⁶⁾ Одесск. общ. исторіи, 293 засѣданіе; Барсуковъ, 109—112.

тая «объ освобожденіи народовъ Греческаго закона, стенавшихъ подъ неспоснымъ игомъ» и о завоеваніи самого Константинополя ¹⁾). При учрежденіи Совѣта въ Ноябрь 1768 г. ²⁾, организаторъ его, Панинъ, «прямодушно и по сущей непорочности души своей», рекомендовалъ Государынѣ въ члены его и графа Г. Орлова, «по особливой довѣренности къ нему и его должной привязанности къ славѣ, пользѣ и спокойствію В. В., какъ и по его главному управленію артиллерійскимъ корпусомъ». Панинъ, конечно, не могъ не рекомендовать Орлова, но скоро долженъ былъ сознаться графу Сольмсу, что въ Совѣтѣ графъ Орловъ «все говоритъ, что ему вздумается, и часто высказываетъ такіа смѣлыя мнѣнія, которыя другимъ приходится оспаривать съ большой осторожностью» ³⁾. Такой именно характеръ имѣло предложеніе Орлова въ первомъ же засѣданіи, что, «когда начинать войну, надлежитъ имѣть цѣль на какой конецъ она приведена быть можетъ, а ежели инако, то не лучше ли изыскивать другой способъ ко избѣжанію», и тутъ же прибавилъ: «Не можно ли послать въ Средиземное море, подъ видомъ вояжа, нѣсколько кораблей и оттуда учинить непріятелю диверсію?». Въ третьемъ засѣданіи Орловъ опять читалъ «объ экспедиціи въ Средиземное море», а въ Октябрѣ 1770 г., когда Императрица предложила Совѣту составить планъ кампаніи, графъ Григ. Григ. взялъ это на себя. Если планъ и былъ составленъ имъ самимъ, то попалъ въ Совѣтъ, конечно, только послѣ одобренія его Екатериною ⁴⁾. Въ немъ Орловъ повторилъ свою любимую мысль о томъ, что, имѣя флотъ въ Архипелагѣ, слѣдуетъ напасть съ Чернаго моря на Константинополь и, овладѣвъ имъ, окончить войну и «получить скорый и славный миръ» ⁵⁾.

¹⁾ Ошибочно считать Орлова творцомъ „Греческаго проекта“. Онъ проводился повдѣе и Потемкинымъ, и Зубовымъ. Это показываетъ, что проектъ принадлежалъ не имъ, не лицамъ, а мѣсту... Въ то время онъ не былъ такой „химерою“, какой казался позднѣе. Изъ заявленій Орлова видно, что онъ рассчитывалъ на содѣйствіе Англіи, интересы которой въ то время еще были далеки отъ Восточнаго вопроса (Ср. деп. Сольмса, „Сборникъ“, XXXVII, 235 и 236).

²⁾ П. Собр. Зак., №№ 13232 и 13233.

³⁾ „Сборникъ“, XXXVII, 229.

⁴⁾ Соловьевъ, XXVIII, 12—13; Барсуковъ, 112.

⁵⁾ Соловьевъ, XXVIII, II.—Злые языки говорили, что графъ Григ. Григ. прочитъ себя въ главнокомандующіе войскъ, которыя должны взять Константинополь. Но это, конечно, была клевета. Когда въ 1773 г. кто-то изъ друзей передалъ Орлову, что есть „слухъ“ о назначеніи его главнокомандующимъ арміей, то онъ оскорбился и сказалъ, что „не слѣдуетъ его считать лишеннымъ здраваго смысла... онъ считаетъ себя неспособнымъ на это и не позволилъ бы другому командовать арміей подъ его именемъ“. „Сборникъ“, LXXII, 348.

Занятія Орлова въ Совѣтѣ были прерваны сначала пребываніемъ въ Петербургѣ принца Генриха Прусскаго, при которомъ онъ состоялъ ¹⁾, а затѣмъ повѣзкою въ Москву для борьбы съ чумой. Есть извѣстіе, что Екатерина имѣла обыкновеніе посылать графа Григ. Григ. (при чемъ рассчитывала, конечно, на его смѣлость и распорядительность) на большіе пожары въ Петербургѣ въ то время, когда генераль-полицеймейстеръ Корфъ терялъ голову, и, вѣроятно, Орловъ съ присущей Русскому человѣку страстью къ этому своего рода спорту, удачно исполнялъ эти порученія ²⁾. Теперь Орлову предстояло тушить пожаръ гораздо болѣе обширный и опасный.

Заболѣванія чумой обнаружались въ Москвѣ въ Декабрѣ 1770 г. въ самой отдаленной части города, въ Лефортовѣ, въ сухопутномъ госпиталѣ. Пока штабъ-докторъ А. Шафонскій и штатъ-физикъ Риндербъ, при участіи всѣхъ медицинскихъ знаменитостей Москвы, вели ученый споръ о характерѣ болѣзани, зараза появилась на суконномъ дворѣ за Москвой-рѣвкой, откуда разбѣжавшимися рабочими разнесена по всему городу. Быстро увеличивавшаяся смертность къ срединѣ года достигла громадной цифры 700—900 чел. въ день. Населеніе охватило панической страхъ, «въ присутственныхъ мѣстахъ всѣ дѣла остановились», все, что могло, бѣжало изъ Москвы; сами власти не знали, принимать ли мѣры предосторожности или считать ихъ вредными. Фельдмаршалъ Салтыковъ, «пережившій свою славу старый хрычъ», по выраженію Екатерины, впалъ въ полное отчаяніе и дѣтскую слабость. «Болѣзнь», писалъ онъ, «такъ умножилась и день-о-дня усиливается, что никакого способа не остается оную прекратить, кромѣ чтобъ всякъ старался себя охранить». Онъ просилъ «дозволить ему на сіе злое время отлучиться, пока оное можетъ утихнуть» и, не дождавшись разрѣшенія, уѣхалъ въ свою подмосковную Марѣино. Бунтъ 16 Сентября, окончившійся убійствомъ архіепископа Амвросія, подтвердилъ слова самого же Салтыкова, что «нельзя въ Москвѣ быть безъ начальника» ³⁾. «Видя прежалостное состояніе г. Москвы, и что великое число народа мретъ отъ прилипчивыхъ болѣзней», Екатерина манифестомъ 21 Сентября объявила о посылкѣ въ Москву «персоны, отъ насъ повѣренной», графа Григ. Григ. Орлова, избраннаго «по довольно извѣстной его ревности, усердію и вѣрности къ намъ и отечеству». Орлову давалась «полная мочь»; ему должны были повинно-

¹⁾ „Сборникъ“, XXXVII, 319, 350, 354 и др. Въ Іюль 1771 г. Орловъ письмомъ, писаннымъ Екатериною, благодарилъ принца „за милости, вниманіе и отличія“ („Сборникъ“, XIII, 140 и 141).

²⁾ „Сборникъ“, XIII, 100.

³⁾ Соловьевъ, XXIX, 158—160.

заться всѣ учрежденія, онъ «имѣлъ входъ» въ Сенатъ Московскихъ департаментовъ, онъ зналъ волю Императрицы, «чтобъ прекратить, колико смертныхъ силъ достанетъ, погибель рода человѣческаго» ¹⁾. Въ день изданія манифеста Орловъ выѣхалъ въ Москву и, не смотря на распутицу, 26 Сентября былъ уже тамъ ²⁾. Графъ Григ. Григ. самъ «умолялъ» Императрицу послать его въ Москву. «Я согласилась», писала Екатерина, «на такой прекрасный и усердный его поступокъ, хотя это мнѣ и очень больно въ виду опасности, которой онъ подвергается» ³⁾. Наканунѣ отъѣзда Орловъ имѣлъ разговоръ съ лордомъ Каткартомъ: «Все равно, есть ли чума, или ея нѣтъ», говорилъ онъ, «во всякомъ случаѣ онъ выѣдетъ на слѣдующее утро; онъ давно съ нетерпѣніемъ ожидалъ случая оказать существенную услугу Императрицѣ и отечеству; онъ убѣжденъ, что главнѣйшее несчастіе въ Москвѣ состоитъ въ паническомъ страхѣ, охватившемъ жителей, и въ безпорядкѣ и недостаткѣ правительственныхъ распоряженій... «Лучшее лѣкарство», сказалъ Каткартъ, «отъ паническаго страха есть видъ человѣка безстрашнаго» ⁴⁾.

Такимъ именно и явился графъ Г. Г. Орловъ въ Москвѣ. Всѣ мѣры, принятыя Орловымъ, отличались благоразуміемъ и цѣлесообразностью, а главное, спокойствіемъ и увѣренностью, которыя такъ благотворно дѣйствуютъ на умы. Прежде всего Орловъ объявилъ, что въ Москвѣ дѣйствительно свирѣпствуетъ «морозная язва» и призываетъ жителей вооружиться мужествомъ, надеждой и крѣпостью. Были учреждены коммисіи, предохранительная и исполнительная; доктора начали собираться и объявлять результаты своихъ совѣщаній: «какъ всякій предохранить самъ себя и пользоваться можетъ»; увеличено число карантинныхъ и больницъ, при чемъ Орловъ отдалъ подъ больницу свой родовой домъ на Вознесенской улицѣ ⁵⁾; учреждены на казенный счетъ дома для воспитанія многочисленныхъ сиротъ. Орловъ не жалѣлъ средствъ для организаціи борьбы съ заразой: докторамъ дано сверхъ двойного жалованья

¹⁾ «Описаніе морозной язвы, бывшей въ Москвѣ», изд. 1775 г., 319 и 320.

²⁾ Орлова сопровождали сенаторы Мельгуновъ и Волковъ, вице-президентъ Канц. Опекунства Баскаковъ, докторъ Ореусъ и др., команды отъ 4-хъ лб.-гв. полковъ («Описаніе язвы», 97 и 98). При Орловѣ состоялъ еще фельдшеръ Кавалергардскаго корпуса Савелій Захаровъ; 21 Декабря 1773 г., князь Григ. Григ. Орловъ прислалъ предписаніе, въ которомъ говорилось, что, въ силу указа Сената, «находившемуся при мнѣ во время бывшей 1771 года въ Москвѣ прилипчивой болѣзни онаго корпуса фельдшеру Савелью Захарову извольте выдать изъ суммъ Кавалергардскаго корпуса невзачетъ полное по штату жалованье, 40 рублей» (Лес. арх., оп. 120, св. 12).

³⁾ «Сборникъ», XIII, 180, 173, 175.

⁴⁾ «Сборникъ», XIX, 232 и 233.

⁵⁾ «Описаніе язвы», 105, 358.

ежемѣсячное содержаніе, съ обѣщаніемъ, въ случаѣ смерти, значительной пенсіи ихъ семействамъ, частнымъ «цирюльникамъ», исполнявшимъ роль фельдшеровъ, также дано жалованье, но запрещено самовольно пускать кровь, что «болѣе вредить, чѣмъ пользуетъ»; больничнымъ служителямъ обѣщана по окончаніи ихъ службы вольность. Зная, что Русскій человѣкъ больше самой болѣзни боится больницъ, Орловъ разрѣшилъ лѣченіе на дому; выходившимъ же изъ больницъ велѣлъ давать вознагражденіе отъ 5 до 10 рублей. Умершихъ хоронили на особыхъ кладбищахъ особые служители и арестанты; кромѣ одежды и содержанія, послѣднимъ давалось обѣщаніе прощенія¹⁾. Орловъ «опредѣлилъ всѣхъ безъ изыятія хоронить на кладбищахъ, а чтобы люди не ворчали, пока что, велѣлъ заготовить матеріалъ для постройки на этихъ кладбищахъ церквей». Онъ былъ того мнѣнія, что «въ таковыхъ общественныхъ учрежденіяхъ на чины, состоянія и обстоятельства взирать нѣтъ нужды, и всякое различіе подасть способъ избѣжанія предписаній»²⁾. Заботясь о томъ, чтобы достаточно было всякихъ запасовъ въ Москвѣ, Орловъ считалъ необходимымъ дать заработокъ нуждавшимся: насыпали землю на кладбищахъ, копали камеръ - коллежскій ровъ, исправляли дороги и т. п. Москва должна была хоть нѣсколько очиститься отъ грязи, всякой «рухляди», таившей въ себѣ заразу, и бродячихъ собакъ³⁾. Изъ сообщеній графа Орлова Императрица узнавала то, что едва ли узнала бы отъ другихъ. Онъ былъ того мнѣнія, что въ Москвѣ «трудно завести дисциплину полицейскую, трудно различить что Москва, а что деревня, и на какихъ кто правахъ живетъ, особливо слободы»; Московскія военныя команды «до того развратны, что способа поправить ихъ не будетъ, развѣ перевести: онѣ всѣ имѣютъ свои дворы, торгуютъ, породнились съ фабричными.... Полиція не въ лучшемъ состояніи; поповъ надо завести получше, а чтобы имѣть ихъ получше, то надобно имъ содержаніе дать побольше»⁴⁾... Въ началѣ Ноября чума значительно ослабѣла, и Орловъ сталъ ждать своего отозванія. «Пожалуйста, поспѣрайся», писала Екатерина ст.-секретарю Козьмину, «чтобъ завтра бу-

¹⁾ „Описаніе язвы“, 45, 55, 97—99, 102—105, 107—111, 114, 121 и др.

²⁾ „Сборникъ“, XIII, 205.

³⁾ Екатерина имѣла полное право написать, что „графъ Орловъ ловко забираетъ тамошнихъ жителей въ рука“. Все это сдѣлано было не путемъ какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ, къ которымъ Орловъ по своему характеру и не былъ расположенъ, а главнымъ образомъ убѣжденіями и собственнымъ примѣромъ. Говорятъ, что Орловъ лично „посѣщала гошпитали, оказывалъ пособіе зараженнымъ, являлся среди народа, участвовалъ въ крестьянхъ ходахъ“ и т. п. (Б.-Каменскій, „Словарь“, IV, 50; „Сборникъ“, XIII, 185).

⁴⁾ „Сборникъ“, XIII, 205.

маги для князя Волконскаго и Еропкина были готовы: совѣстно графа Орлова долѣе оставлять на Москвѣ; пишетъ, что онъ только ждетъ себѣ смѣны, а все изрядно¹⁾.

17 Ноября въ Московскомъ Сенатѣ слушался указъ объ отозваніи Орлова и о назначеніи князя М. Н. Волконскаго, а 21-го графъ Григ. Григ. выѣхалъ въ Петербургъ, при чемъ ему предстояло еще выдержать почти двухмѣсячный карантинъ предъ въѣздомъ въ столицу²⁾. Екатерина, однако, собственноручнымъ письмомъ разрѣшила ему и сопровождавшимъ его ѣхать прямо въ Петербургъ³⁾. Здѣсь ожидала его торжественная встрѣча: въ Царскомъ Селѣ, по дорогѣ въ Гатчину были воздвигнуты деревянные ворота съ надписью, изображавшей его подвигъ⁴⁾, и со стихомъ поэта В. И. Майкова: «Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва». Въ честь его выбита медаль: на одной сторонѣ портретъ Орлова, на другой Курцій, бросающійся въ пропасть, и надпись: «и Россія таковыхъ сыновъ имѣетъ»⁵⁾. 5 Декабря графъ Орловъ представилъ Совѣту отчетъ о своей дѣятельности въ Москвѣ⁶⁾.

На этотъ разъ онъ не долго оставался въ Петербургѣ. Дѣло клонилось къ миру съ Турціей, и Орловъ потерпѣлъ неудачу, выступивъ еще разъ (23 Января) въ Совѣтъ съ своимъ прежнимъ проектомъ объ экспедиціи въ Константинополь. Когда возникъ вопросъ о конгрессѣ для переговоровъ о мирѣ, графъ Орловъ былъ назначенъ, по собственному желанію, уполномоченнымъ вмѣстѣ съ бывшимъ Русскимъ посломъ въ

¹⁾ Тамъ же, 182 и 194.

²⁾ „Описаніе язвы“, 123. Незадолго до отъѣзда Орлова былъ приведенъ въ исполненіе приговоръ надъ бунтовщиками и убійцами архіеп. Амвросія, при чемъ Орловъ содѣйствовалъ смягченію приговора (П. Собр. Зак., № 13695; „Сборникъ“, XIX, 245).

³⁾ „Сборникъ“, II, 288.

⁴⁾ Надпись на воротахъ слѣдующая: „Когда въ 1771 г. на Москвѣ былъ моръ на людей и народное нестройство, генералъ - фельдцейхмейстеръ Григорій Орловъ по его просьбѣ, получилъ повелѣніе, туда поѣхалъ, установилъ порядокъ и послушаніе, сирымъ и немущимъ доставилъ пропитаніе и исцѣленіе, свирѣпство язвы пресѣкъ добрыми своими учрежденіями“. Гатчинскіе ворота сначала были деревянные, а въ Декабрѣ 1772 г. сдѣлано распоряженіе о постройкѣ мраморныхъ, которые окончены въ 1776 г. Тогда же заложенъ „Мраморный домъ“ съ надписью „Зданіе благодарности“ (нынѣ Мраморный дворецъ). Г. Г. Орловъ отблагодарилъ подаркомъ въ казну дома подъ арсеналъ („Сборникъ“, XIII, 293; Барсуковъ, 123).

⁵⁾ Карабановъ рассказываетъ, что надпись первоначально гласила: „Такого сына Россія имѣетъ“, но самъ Орловъ просилъ Императрицу переимѣнить надпись, какъ „обидную для другихъ сыновъ отечества“ (Р. Стар., 1872, V, 132; описаніе медали см. Б. Бюллеръ, Др. и Нов. Россія, 1875 г., IX, 78 и 79. На медали Орловъ впервые названъ: „Римской Имперіи княземъ“.

⁶⁾ Барсуковъ, 123 и 124.

Константинополѣ Обрѣзковымъ ¹⁾). Посольство было обставлено необыкновенной пышностью, которая должна была произвести впечатлѣніе на восточныхъ дипломатовъ. Роскоши обстановки и костюмовъ соответствовали многочисленному штату «блестящей и отборной» свиты и придворной прислуги; но самъ «посолъ долженъ былъ казаться», по выраженію Екатерины, «ангеломъ: онъ наружностью своей уничтожаетъ всѣхъ окружающихъ». 25 Апрѣля Орловъ выѣхалъ изъ Царскаго Села, и хотя поспѣшность отъѣзда будто бы обидѣла Екатерину²⁾, но ничто не предвѣщало того, что графъ Григ. Григ. навсегда оставляетъ свое положеніе при Императрицѣ. «Никого», писала Екатерина 28 Апрѣля, «моя плантоманія такъ не смѣшитъ, какъ графа Орлова; онъ за мной слѣдить, онъ мнѣ подражаетъ, онъ надо мной смѣется, онъ меня критикуетъ; но, уѣзжая, онъ мнѣ поручилъ свой садъ (въ Гатчинѣ) на это лѣто, и я сама буду тамъ проказить по своему... я горжусь, что онъ призналъ мое садовническое искусство» ³⁾). Такимъ тономъ и о такихъ мелочахъ можно писать только по отношеніи къ человѣку, въ которому относишься небезразлично.

Переговоры на Фокшанскомъ конгрессѣ кончились неудачею. Панинъ винилъ, по обыкновенію, Орлова. «Новозародившееся бѣшенство и колобродство перваго вашего товарища», писалъ онъ Обрѣзкову, «испортило дѣло» ⁴⁾); дипломатъ, Англичанинъ Р. Гуннингъ, былъ того мнѣнія, что графъ Орловъ сдѣлалъ только ошибку, «начавъ переговоры съ того, чѣмъ слѣдовало ихъ окончить»: съ вопроса о независимости Татаръ. Но Орловъ былъ плохой дипломатъ, а вопросъ о Татарлахъ былъ имъ настойчиво поставленъ на первое мѣсто ⁵⁾).

Между тѣмъ въ Петербургѣ неожиданно замѣтно выдвинулся поручикъ конногвардейскаго полка Александръ Семеновичъ Васильчиковъ и быстро получилъ рядъ подарковъ и повышеній ⁶⁾). Перемѣна эта, въ то

¹⁾ „Орловъ въ хорошемъ расположеніи духа по случаю назначенія на конгрессъ“ (Сольмсъ, Сборникъ, XXXVII, 585; Сборникъ, XIII, 232).

²⁾ Позднѣ Екатерина писала, что никогда она такъ горько не плакала, какъ по отъѣздѣ Орлова въ Фокшаны, впервые убѣдившись въ самый день разставанія, что между нею и Орловымъ все кончилось. П. Б.

³⁾ „Сборникъ“, XIII, 238.

⁴⁾ Несомнѣнно дѣло такъ было представлено и Государынь; позднѣ она писала: „Неуспѣхъ конгресса я отнюдь не приписываю ничему иному, какъ Турецкаго двора повелѣнію разорвать оного“.

⁵⁾ „Сборникъ“, XIX, 316. При возобновленіи переговоровъ Россія должна была смягчить свои требованія относительно Татаръ (Петровъ, „Война съ Турціей“, IV, 107, 118, 128 и 129).

⁶⁾ „Сборникъ“, LXXII, 225, 227, 245, 255.

время еще совѣмъ не обычная, взволновала всѣ сферы, начиная съ высшихъ круговъ и дипломатическаго корпуса и кончая штатомъ низшей придворной прислуги. «Лакеи и горничныя Императрицы», писалъ графъ Сольмсъ, «озабочены и недовольны: всѣ они знали графа Орлова, при- выкли къ нему, онъ ихъ любилъ и покровительствовалъ имъ»; а Фридрихъ II спѣшилъ рекомендовать своему послу заискивать дружбу новаго любимца и высказывалъ удовольствіе, что не успѣлъ дать Чернаго Орла графу Григорію Григорьевичу.

Постепенное охлажденіе Орлова къ Екатеринѣ было замѣчено уже давно. Онъ не только подолгу уѣзжалъ на охоту, но, по замѣчанію Р. Гуннинга, предавался и «другимъ удовольствіямъ, менѣе совмѣстнымъ съ его отношеніями къ Императрицѣ». Кн. Щербатовъ говоритъ что его хорошія качества Орлова были «затменены любострастіемъ: онъ учинилъ изъ двора Государева домъ распутія; не было почти ни одной фрейлины, которая не подвергнута была бы его исканіямъ, и коль много было довольно слабыхъ, чтобъ на оныя преклониться» ¹⁾. Екатерина благодушно относилась къ этимъ хотя и мимолетнымъ, но частымъ увлеченіямъ своего любимца. Еще въ концѣ 1763 г. графъ Букингемъ писалъ, что «дамы, за которыми ухаживаютъ Орловы, составляютъ интимное общество Императрицы»; а князь Щербатовъ писалъ, что «Орловы совѣмъ приличную стыдливость въ женщинахъ погасили, тѣмъ напаче, что сей былъ способъ получить и милость отъ Государыни» ²⁾. Екатерина не только разрѣшала Орлову гулять по комнатамъ фрейлинъ, но, уѣзжая какъ-то отдохнуть на день въ Царское Село, брала съ собой въ карету, кромѣ С. М. Козмина и графа Григ. Григ., еще фрейлину А. В. Панину. «C'était la bien-aimée du prince Orlof dans ce temps», говоритъ о ней Порошинъ; сенаторъ Муравьевъ (сообщаетъ Беранже) за измѣну жены, виновникомъ которой былъ Орловъ, получилъ, вмѣсто требуемаго развода, земли въ Финляндіи ³⁾. Несмотря на то, что, по выраженію того же Беранже, «этотъ Русскій открыто оскорблялъ законы любви на глазахъ Императрицы», положеніе его казалось прочнымъ. Вѣроятно, дѣло шло бы такъ и далѣе, если бы не встрѣтилось обстоятельства, которое имѣло рѣшающее значеніе. Несомнѣнно къ 1770—1771 гг. относится романъ Орлова съ его двоюродной сестрой, маленькой фрейлиной Императрицы, Екатериной Николаевной Зиновьевой ⁴⁾. Зиновьева сумѣла возбудить въ Орловѣ глубокое и серьезное чувство, которое заставило его тяготиться прежнимъ положеніемъ.

¹⁾ Сочиненія, II, 228 и 229.

²⁾ Тамъ же, 229; „Сборникъ“, XII, 126.

³⁾ Порошинъ, 535; Valiszewsky, „Le roman d'une impératrice“, 554, 557 и др.

⁴⁾ Кн. Щербатовъ говоритъ, что Орловъ „изъявлялъ“ свою двоюродную сестру

Возвышеніе Васильчикова, котораго Екатерина называла «скупѣйшимъ гражданиномъ въ мірѣ», не могло наполнить образовавшейся около нея пустоты. Даже много позднѣе, положеніе графа Орлова казалось иностранному наблюдателю «парадоксальнымъ: если бы Орловъ захотѣлъ исполнить всѣ принадлежавшія ему обязанности, никакой соперникъ не имѣлъ бы возможности отнять ихъ у него», а графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій въ это же время настойчиво уговаривалъ брата Григорія отказаться отъ брака съ Е. Н. Зиновьевой. Орловы домогались даже вмѣшательства Государыни. Екатерина, конечно, отказалась ¹⁾.

Удаленный отъ двора графъ Г. Г. Орловъ не впалъ, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ въ немилость Екатерины; только враги Орлова сумѣли сдѣлать удаленіе его не совсѣмъ ловкимъ и нѣсколько обиднымъ для него способомъ. За нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга (на обратномъ пути съ конгресса) его встрѣтилъ курьеръ и вручилъ предписаніе избрать пока Гатчину мѣстомъ своего пребыванія, подъ предлогомъ необходимости выдержать карантинъ ²⁾. Нежелательно было врагамъ Орлова допустить его до личнаго свиданія съ Екатериною, которой, можетъ-быть, дѣйствительно старались представить это даже небезопаснымъ ³⁾. Въ началѣ Сентября Орловъ пріѣхалъ въ Гатчину и заболѣлъ. Государыня отправила къ нему лейбъ-медика Крузе. Орловъ получалъ содержаніе отъ двора, имѣлъ придворную прислугу, онъ могъ пользоваться полной свободою, принимать здѣсь своихъ родныхъ и друзей ⁴⁾. Въ его упорствѣ обыкновенно видятъ желаніе возратить утраченное положеніе и не хотятъ замѣтить естественнаго чувства оскорбленнаго самолюбія въ человѣкѣ, еще такъ недавно не имѣвшемъ никого, кто стоялъ бы между нимъ и Екатериною. Поэтому ни посылка Бецкаго, ни поѣздка Олсуфьева въ Гатчину съ деньгами отъ Государыни не имѣли успѣха ⁵⁾. Отъ Орлова хотѣли добровольнаго отказа отъ всѣхъ правъ

Зиновьеву, когда ей было 13 лѣтъ, а она родилась 14 Декабря 1758 г. Тоже подтверждается Р. Гуннингомъ: въ концѣ 1776 г. онъ писалъ, что Орловъ „давно уже связанъ съ ней узами менѣе неразрывными“ (чѣмъ бракъ). („Сборникъ“, XIX, 522).

¹⁾ „Сборникъ“, XIX, 462, 521 и 522; ср. „Сборникъ“, LXXII, 311.

²⁾ Это замѣчаетъ даже Гельбигъ, говоря, что „позже Орловъ горько упрекалъ Екатерину за эти предосторожности“, хотя далѣе самъ противорѣчитъ этому и сообщаетъ мало вѣроятныя подробности. (Р. Стар., LI, 12 и 13).

³⁾ Гельбигъ, 12; „Сборникъ“ LXXII, 258. „Нечего опасаться кроткаго и мягкаго характера графа Григорія“, писалъ Р. Гуннингъ („Сборникъ“, XIX, 315).

⁴⁾ „Сборникъ“, LXXII, 258.

⁵⁾ Гельбигъ говоритъ, что Орловъ отказался взять миллионъ рублей, привезенный Олсуфьевымъ, сказавъ, что „это будетъ тяжело для государства“.

и должностей, а онъ не давалъ никакого отвѣта. «Сдержанностью его были очень недовольны, такъ какъ не знали, на что рѣшиться, если онъ будетъ упорствовать»; Орлова хотѣли заставить договариваться, а онъ высказывалъ, что «не хочетъ ни въ чемъ условливаться и предоставлять все на рѣшеніе своей Государыни» ¹⁾. За то всѣ затрудненія быстро были устранены, когда Екатерина пожелала вступить въ сношенія съ нимъ чрезъ посредство его брата, Ивана Григорьевича. «Дѣло велось подъ конецъ такъ тайно», писалъ Сольмсъ, «между самой Государыней и ея бывшимъ любимцемъ чрезъ посредство брата его, что не знаютъ навѣрно объ условіяхъ, заключенныхъ между сторонами» ²⁾. Условія эти, сохранившіяся въ запискѣ Екатерины къ графу И. Г. Орлову, имѣли цѣлью «вывести по состоянію дѣло обоюдныхъ участвующихъ изъ душевнаго безпокойства и возвратить имъ состояніе спокойнѣйшее», и заключались въ слѣдующемъ. Прежде всего предлагалось все прошедшее предать забвенію; Орлову давалось право жить во всѣхъ дворцахъ, кромѣ Петербурга, имѣть все необходимое отъ двора, назначалась пенсія изъ Кабинета въ размѣрѣ 150 т. руб. въ годъ, давалось 100 т. руб. одновременно на покупку дома и 6000 д. крестьянъ въ Псковскомъ уѣздѣ или на Волгѣ; кромѣ того, Екатерина дарила Орлову серебряный сервизъ и всѣ тѣ «вещи, которыя хранятся въ каморѣ-цалмейстерской и у камердинеровъ подъ именемъ графскихъ, и о коихъ графъ Григ. Григ. о многихъ и не знаетъ» ³⁾. Подъ предлогомъ болѣзни Орловъ долженъ былъ «взять увольненіе чрезъ письмо въ Москву или къ деревнямъ своимъ, или куда онъ самъ изберетъ за сходственное съ его состояніемъ». По прошествіи года, ему предоставлялось «располагать какъ заблагоразсудитъ и сходственнѣе съ его къ отечеству и къ службѣ моей всегдашнему усердію» ⁴⁾.

Нечего и говорить, что Орловъ безъ всякаго возраженія принялъ всѣ распоряженія Государыни; онъ только попросилъ разрѣшенія воспользоваться титуломъ князя Свящ. Римской Имперіи, на что и послѣдовало 4 Октября разрѣшеніе Орлову именоваться княземъ съ титуломъ свѣтлости ⁵⁾. На зиму Орловъ хотѣлъ выѣхать по первому санному пути въ Москву, а лѣтомъ отправиться на воды въ Спа ⁶⁾; но предвари-

¹⁾ „Сборникъ“, LXXII, 258, 259, 263, 265.

²⁾ Тамъ же, 266.

³⁾ Когда въ Нѣмецкихъ газетахъ появилось извѣстіе о немилости къ Орлову, Екатерина позаботилась объ опроверженіи этихъ сплетенъ и о томъ, чтобы такія газеты не доходили до Орлова („Сборникъ“, XIII, 274—276).

⁴⁾ „Сборникъ“, XIII, 270—272.

⁵⁾ „Сборникъ“, XIX, 335; LXXII, 263; I, 239—294.

⁶⁾ Тамъ же, LXXII, 269.

тельно ему хотѣлось видѣться съ Государыней, и онъ просилъ разрѣшенія прїѣхать въ Петербургъ. По словамъ Сольмса, это ему не было ни разрѣшено, ни запрещено; тѣмъ не менѣе въ началѣ Декабря его ожидали въ Петербургъ ¹⁾. Въ срединѣ Ноября Орловъ отправился изъ Москвы въ Ревель, гдѣ передъ тѣмъ онъ купилъ имѣніе, замокъ Лоде ²⁾. 23 Декабря, вечеромъ, Орловъ прїѣхалъ въ Петербургъ и остановился у графа И. Г. Орлова, такъ какъ Штегельмановскій домъ передѣлывался; онъ не воспользовался ни придворнымъ экипажемъ, ни даже каруломъ по должности генераль-фельдцейхмейстера ³⁾. 24 Декабря князь Орловъ былъ принятъ Екатериной въ присутствіи Бецкаго и Елагина, а вечеромъ, въ Сочельникъ, былъ въ придворной церкви у всенощной. На другой день, во время выхода, Императрица разговаривала съ Орловымъ «о картинахъ», и очевидецъ, графъ Сольмсъ, не замѣтилъ въ ней ни малѣйшаго смущенія ⁴⁾. Орловъ, въ свою очередь, былъ веселъ, какъ всегда, шутилъ съ новымъ любимцемъ, ѣдилъ съ визитами. Дипломатическій корпусъ также на всякій случай поспѣшилъ посѣтить Орлова. Но уже послѣ первыхъ двухъ дней стало замѣтно, что князь Орловъ избѣгаетъ часто бывать при дворѣ и предпочитаетъ вести жизнь частнаго человѣка, въ кругу близкихъ людей; онъ даже открыто, на глазахъ Императрицы, въ театрѣ, началъ ухаживать за всѣми хорошенькими женщинами. По замѣчанію графа Сольмса, кн. Григ. Григ. «имѣлъ видъ человѣка, который, чувствуя себя избавленнымъ отъ тяжести, хочетъ насладиться свободою, и что онъ пожелалъ вернуться ко двору только для того, чтобы восторжествовать надъ замышлявшими держать его вдали, порадоваться ихъ смущенію и показаться публикѣ, которая могла считать его виноватымъ» ⁵⁾.

Въ первыхъ числахъ Января 1773 г. князь Орловъ уѣхалъ въ Ревель, получивъ отпускъ на годъ, съ оставленіемъ его во всѣхъ должностяхъ. Подозрѣвали, что Государыня находится съ нимъ въ перепискѣ, а Паникъ начиналъ «опасаться его вліянія теперъ больше, чѣмъ когда онъ былъ здѣсь» ⁶⁾. Въ Ревелѣ князь Орловъ жилъ въ домѣ престарѣлой графиня Мантейфель, за что и отблагодарилъ ее табакеркою изъ яшмы

¹⁾ „Сборникъ“, 274, 303.

²⁾ Р. Арх., 1878, III, 169.—19 Марта 1771 г. съ 53 Эстл. гаками земли за 140 т. руб. (Тамъ же, 1888, I, 13).

³⁾ По словамъ Сольмса, „совершенно неожиданно“ („Сборникъ“, LXXII, 282, 307—309, 311).

⁴⁾ Тамъ же, 308, 310.

⁵⁾ „Сборникъ“, LXXII, 309.

⁶⁾ Тамъ же, 338.

и брилліантами въ 20 т. рублей. Своей вѣжливостью и любезнымъ обращеніемъ князь Орловъ скоро снискалъ себѣ всеобщую любовь въ Ревель ¹⁾).

Въ началѣ Марта князь возвратился въ Петербургъ. Никому не было извѣстно секретное разрѣшеніе Императрицы, и поэтому прїѣздъ его поразилъ неожиданностью и возбудилъ всякіе толки, еще болѣе усилившіеся послѣ милостиваго приѣма, оказаннаго ему Екатериною. Въ это время Орловъ всецѣло предался Петербургскимъ удовольствіямъ и прямо заявлялъ, что «будетъ исполнять все, что ему прикажетъ Государыня, но безъ этого не вступить въ управленіе ни одной изъ своихъ должностей до конца года» ²⁾). 12 Апрѣля дворъ переѣхалъ въ Царское Село, а Орловъ отправился въ Гатчину. «Повидимому самъ онъ», замѣчаетъ графъ Сольмсъ, «ничего не ищетъ и не желаетъ мстить тѣмъ, кто были причиной его удаленія; торжество же его въ томъ, что онъ можетъ свободно появляться при дворѣ, гдѣ чувствуетъ себя такъ же непринужденно, какъ и прежде. Кажется, и самъ онъ не хочетъ вернуться къ той степени «фавёра», на которой былъ» ³⁾)... 21 Мая послѣдовалъ рескриптъ Орлову, въ которомъ говорилось: «Къ удовольствію нашему видя, что состояніе нашего здоровья поправилось и желая всегда къ пользѣ Имперіи употребить ваши природныя отъѣнныя дарованія, ревность и усердіе къ намъ и отечеству и для того чрезъ сіе объявляемъ вамъ, что наше желаніе есть, чтобы вы нынѣ вступили паки въ отправленіе дѣлъ нашихъ, вамъ порученныхъ» ⁴⁾). 15 Іюня прїѣхала въ Россію ландграфиня Дармштатская съ дочерьми, изъ которыхъ одна предназначалась въ невѣсты великому князю Павлу, и Екатерина поручила «Гатчинскому помѣщику» встрѣтить путешественницъ и принять ихъ въ своемъ домѣ. За нѣсколько времени до прїѣзда ландграфини въ Гатчину прибыла Императрица, въ сопровожденіи одной только графини П. А. Брюсъ, желая «такимъ образомъ устранить затрудненія перваго свиданія». Послѣ объѣда у князя Орлова всѣ вмѣстѣ отправились далѣе въ Царское Село ⁵⁾).

Въ теченіе лѣта Орловъ такъ часто бывалъ въ Царскомъ Селѣ, что графъ Сольмсъ успѣшилъ шифрованной депешою сообщить своему

¹⁾ Р. Стар. 1884, III, 73.

²⁾ „Сборникъ“, LXXII, 347 и 348; XIX, 346.

³⁾ Тамъ же, LXXII, 356.

⁴⁾ Тамъ же, II, 294.—23 Мая Орловъ устроилъ въ Царскомъ паркѣ „Серенаду“ для институтокъ. „Онъ любить васъ тѣшить“, писала Екатерина одной изъ нихъ; „на глазахъ его вы родились, и онъ безконечно привязанъ къ вамъ, такъ какъ дорожить благомъ отечества, а къ этому стремится ваше воспитаніе“ („Сборникъ“, XIII, 341).

⁵⁾ Тамъ же, XIII, 346 и 347.

королю сплетню о томъ, что «князь Гр. Гр. намѣренъ своимъ ухаживаніемъ за младшей принцессою Луизой вскрыжить ей голову и затѣмъ на ней жениться». Сольмсъ, однако, вскорѣ сознался въ своей опрометчивой поспѣшности ¹⁾).

Пугачевскій бунтъ, глубоко взволновавшій всѣ слои Русскаго общества, заставилъ Орлова возвратиться на время къ общественной дѣятельности. Кромѣ отправки орудій, снарядовъ и артиллеристовъ, по должности генераль-фельдцейхмейстера, онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ Совѣта, занятаго обсужденіемъ мѣръ, направленныхъ къ подавленію бунта. 28 Ноября, когда обсуждался проектъ манифеста о Пугачевѣ, князь Орловъ возсталъ противъ уподобленія этого бунта «древнему междоусобию» и Пугачева Гришкѣ-разстригѣ. «Тогда все государство было въ смятеніи», говорилъ Орловъ, «а нынѣ одна чернь, да и то въ одномъ мѣстѣ, и такое сравненіе можетъ возгордить мятежниковъ ²⁾». Если это замѣчаніе имѣло характеръ исторической справки, то замѣчаніе князя Орлова, въ засѣданіи 9 Декабря, по поводу учрежденія по деревнямъ заставъ для задержанія всѣхъ подозрительныхъ отличалось большимъ практическимъ смысломъ. Не отвергая въ сущности значенія такой мѣры, Орловъ указывалъ ея неисполнимость на практикѣ: правительство не имѣло достаточно средствъ, «чтобы сіе учрежденіе порядочно исполняемо было», и поэтому всякими «прищѣпками и остановками» проѣзжихъ, «вмѣсто ожидаемаго сохраненія тишины, души раздражены и скорѣе къ соединенію съ возмутителями расположены будутъ». Конечно, Орловъ, побывавшій въ чумной Москвѣ, могъ говорить съ знаніемъ дѣла по вопросу о заставахъ и рогаткахъ; но при этомъ онъ высказалъ и вполне справедливую общую мысль, которая такъ часто забывается администраторами, что «всякое узаконеніе тщетно, когда исполнительною властью не будетъ поддерживано» ³⁾).

Въ этомъ году, по случаю бракосочетанія вел. кн. Павла Петровича съ принцессою Дармштаттской, Наталіей Алексѣевной, дворъ только 25 Ноября возвратился нѣ Петербургъ. Въ теченіе осени князь Орловъ неоднократно дежурилъ въ Царскомъ Селѣ, а въ 20-хъ числахъ Ноября принималъ участіе, по старой памяти, въ маленькомъ маскарадѣ, гдѣ

¹⁾ «Сборникъ», LXXII, 366 и 367.—Сольмсъ, повѣрившій въ этомъ случаѣ Панину, сознается, что «опасенія насчетъ происковъ Орлова заставляють Панина смотрѣть на вещи не такъ, какъ онѣ суть на самомъ дѣлѣ, и что злоба противъ бывшаго любимица создаетъ въ его воображеніи такіа намѣренія, которыхъ тотъ никогда не имѣлъ» (Тамъ же, 382).

²⁾ Дубровинъ, «Пугачевъ и его сообщники», II, 67, 167 и 168.

³⁾ Тамъ же, II, 237.

всѣ участвующія женщины, начиная съ великой княгини, нарядились въ мужское платье и наоборотъ, а Государыня узнавала ряженныхъ ¹⁾. Въ день тезоименитства Императрицы, князь Григ. Григ. поднесъ Екатери-нѣ, «вмѣсто букета», знаменитый громаднѣйшій алмазъ, купленный имъ у Армянина Лазарева. Драгоценнѣйшій подарокъ былъ милостиво принятъ. Въ то время говорили, что Екатерина ранѣе еще хотѣла купить этотъ алмазъ, но находила его слишкомъ дорогимъ ²⁾; но мало кто зналъ, что большая часть стоимости алмаза была уплачена изъ суммъ Кабинета ³⁾. «Адамъ Васильевичъ», писала Екатерина 11 Января 1774 г. Олсуфьеву, «выдайте *секретно* изъ Кабинета ювелиру Лазареву на тѣ въ теченіе нынѣшняго 1774 г. сроки, въ которые долженъ ему заплатить кн. Гр. Орловъ, 75 т. рублей за купленный имъ у него большой брилліантъ, въ подарокъ намъ отъ него поднесенный, такъ чтобъ онъ, князь Орловъ, о заплатѣ за него сей суммы свѣдалъ не прежде, какъ когда помянутый Лазаревъ, возвращая ему обязательство его оной, благодарить будетъ за полученный уже исправный платежъ сихъ 75 т. руб.». Повидимому, однако, съ алмазомъ вышло какое-то недоразумѣніе. Возможно, что князь Григ. Григ. Орловъ не сказалъ первоначально Государынѣ всей суммы своего долга Лазареву; только 25 Января 1777 д. Кабинету повелѣно было уплатить Лазареву въ 4 срока (Январь 1777 г.—Январь 1780 г.) 190 т. рубл. «за поднесенный намъ большой брилліантъ» кн. Г. Г. Орловымъ.

Въ то время, какъ старшій братъ, графъ И. Г. Орловъ, занятый хозяйствомъ, жилъ въ Москвѣ, младшій, рано обзаведшійся семьей и сидѣвшій дома, «какъ насѣдка на яйцахъ», сообщалъ «папинѣ», что «двухъ большихъ, кромѣ утра, дома никогда не бываетъ и обѣдаютъ нечасто дома, холостыя мѣшаютъ»; что «вчера (14 Января 1774 года) обѣдали у брата Григорія, и всѣ гости почти были родня; новаго за нимъ, что онъ нѣкоторыя блюда самъ раскладывалъ и потчивалъ» ⁴⁾

Въ это самое время возвратился изъ арміи въ Петербургъ генераль Г. А. Потемкинъ и 1 Марта 1774 года былъ назначенъ гене-

¹⁾ Графъ Орловъ-Давыдовъ, I, 275 и 276. «Я въ женщинахъ лучше всѣхъ былъ», пишетъ младшій Орловъ, «такъ шеки себя нарумянилъ, что и папинка меня не узналъ бы, Федоръ былъ передо мной ничто»...

²⁾ «Сборникъ», LXXII, 397 и 398. — Алмазъ этотъ украшаетъ государственный скипетръ. Происхожденіе его темно; онъ привезенъ изъ Персіи, затѣмъ хранился въ Амстердамскомъ банкѣ. Гельбигъ говоритъ, что Орловъ заплатилъ за него купцу Лазареву 450 т. рублей и что часть денегъ была уплачена сейчасъ, часть позднѣе, во время путешествія.

³⁾ Архивъ М. Двора, оп. 15, № 1365, дд. 35, 36.

⁴⁾ Графъ Орловъ-Давыдовъ, I, 278, 279, 283.

ралъ - адъютантомъ ¹⁾). Когда «Cuclore - borge» ²⁾ смѣнилъ собою «скупчѣйшаго гражданина въ мірѣ», Екатерина сочла нужнымъ дать ему наставленіе, характеризующее ея отношеніе къ Орлову. «Только одного прошу не дѣлать: не вредить и не стараться вредить въ моихъ мысляхъ князю Орлову, ибо сіе почту за неблагодарность съ твоей стороны. Нѣтъ человѣка, котораго онъ мнѣ болѣе хвалилъ и, повидимому мнѣ, болѣе любилъ и въ прежнее время и нынѣ до самаго пріѣзда твоего, какъ тебя. А если онъ свои пороки имѣетъ, то не тебѣ, не мнѣ ихъ расцѣпывать и расславить. Онъ тебя любитъ, а мнѣ они друзья, и я съ ними не разстанусь. Вотъ тебѣ нравоученіе—умень будешь, примешь для того, что сущая правда» ³⁾). Въ началѣ Мая, однако, произошла какая-то размолвка между Императрицей и Орловымъ, которую въ то время объясняли неудовольствіемъ послѣдняго по поводу быстрого возвышенія Потемкина. Князь просилъ увольненія въ деревни на пять недѣль, которое и получилъ 6 Іюня. Въ Москвѣ съѣхались трое братьевъ. Иванъ, Григорій и Владимиръ; «два дни были трое вмѣстѣ, жаловался послѣдній, и мало очень время оставалось однимъ быть, отъ утра и до вечера гости были, можетъ-быть часа три-четыре одни были». Григорій успѣлъ съѣздить только въ Ярославскія деревни, гдѣ ему въ 1772 г. послѣ чумнаго года было пожаловано село Порѣчье. Онъ спѣшилъ въ Петербургъ, такъ какъ рѣшился лѣтомъ же уѣхать за границу ⁴⁾).

Возвратившись въ Петербургъ, Орловъ участвовалъ въ засѣданіяхъ Совѣта. Когда, 21 Іюля, послѣ полученныхъ тревожныхъ извѣстій объ успѣхахъ Пугачева подъ Казанью, Императрица заявила о своемъ намѣреніи ѣхать въ Москву и спросила мнѣнія Совѣта, «князь Орловъ», по словамъ Панина, «съ презрительной индифферентностью все слушалъ, ничего не говорилъ и извинялся, что онъ не очень здоровъ, худо спалъ и для того никакихъ идей не имѣетъ» ⁵⁾). Не всегда, однако, Орловъ былъ такъ «индифферентенъ» и, благодаря этому, вскорѣ сдѣлался жертвою обычной своей довѣрчивости къ людямъ. 8 Августа явился къ нему одинъ изъ «Пугачевцевъ», купецъ Долгополовъ, назвавшись казакомъ Остафьемъ Трифионовымъ, съ предложеніемъ атамана Перфильева и 324 его товарищей выдать правительству Пугачева за вознагражденіе по 100 р. на человѣка ⁶⁾). Орловъ близко принялъ сердцу это предложеніе

¹⁾ „Сборникъ“, XIII, 395.

²⁾ Кривой Циклопъ.

³⁾ Барсуковъ, 169.

⁴⁾ „Сборникъ“, XIX, 348, 416; Гр. Орловъ-Давыдовъ, I, 295, 297; II, прил. VI.

⁵⁾ Дубровинъ, III, 132 и 133.

⁶⁾ Почему Долгополовъ явился именно къ Орлову, будетъ понятно, если скажемъ,

и такъ хлопоталъ, что ввелъ въ заблужденіе Екатерину: Трифоновъ былъ ей представленъ Орловымъ, обласканъ ею, а вслѣдъ затѣмъ она высказалась, что «нашла сію цѣну умѣренной, чтобы купить народный покой». Щедро одаренный Государыней и Орловымъ, снабженный па-спортомъ отъ Канцеляріи Опекунства иностранныхъ, Трифоновъ сумѣлъ на дорогѣ скрыться отъ сопровождавшаго его капитана Галахова, который везъ съ собою деньги для казаковъ ¹⁾).

Осень 1774 г. кн. Орловъ провелъ въ Гатчинѣ; здѣсь, въ 20-хъ числахъ Августа, великій князь съ супругою кушали у него и пробыли почти цѣлый день, а братья прїѣзжали для охоты. Въ концѣ Августа онъ рѣшилъ ѣхать въ Италію, гдѣ въ это время былъ Алексѣй, и вскорѣ получилъ «увольненіе въ чужіе края на два года», при чемъ въ день рожденія, 6 Октября, получилъ отъ Государыни брилліантовую табакерку ²⁾). Пока Григорій собирался въ путь, братья рѣшили вызвать изъ Москвы графа Ивана Григ., «устроить домашнія дѣла Григорія, особенно въ разсужденіи долговъ, чтобы послѣ прорѣхи не вышло». «Старику» и самому хотѣлось проститься съ Григоріемъ, а между тѣмъ отъѣздъ князя пришлось отложить: князь сильно заболѣлъ, у него обнаружились «странные припадки», то проходившіе, то возобновлявшіеся съ новой силой; нервное разстройство выражалось въ сильной безсонницѣ: «въ постелѣ не лежитъ уже недѣли съ полторы». Только къ концу Ноября Орловъ совсѣмъ оправился ³⁾). «Старикъ», поселившійся у больного, ворчалъ; «онъ усталъ какъ собака отъ занятій дѣлами брата Григорія, принужденъ всюду платить покаянски, а мошна у него дворянская»; онъ недоволенъ чрезмѣрно большими расходами: «25 рублей обѣдъ изъ 6 блюдъ на двоихъ или троихъ». Это, однако, не мѣшало ему, вмѣстѣ съ Григоріемъ, проигрывать отъ 12 до 20 т. въ вечеръ, играя по 1000 р. рoberъ ⁴⁾). Вмѣстѣ съ рѣшеніемъ князя Орлова ѣхать за границу, млад-

---

что графы Орловы, какъ крупнѣйшіе Волжскіе помѣщики, притомъ любимые крестьянами, были известны среди Яицкихъ казаковъ. Когда въ 1771 г. произошло столкновеніе казаковъ съ Военной Коллегіей, войско два раза просило Императрицу изъять его изъ вѣднія Коллегіи и, «какъ прежде, при Отцѣ отечества, Государя Петра Великомъ находились они подъ протекціей графа Б. П. Шереметева, такъ и нынѣ усердно желаютъ быть у его высокогосударскаго сіятельства графа Г. Г. Орлова, «ввѣрить ихъ подъ дирекцію одной персоны, ихъ сіят. гр. Г. Г. или Ив. Гр. Орловыхъ» (Дубровинъ, I, 51 и 52, 74 и 75). Графъ В. Г. Орловъ писалъ въ Дневникъ: «Моему прїѣзду рады (крестьяне въ Поволжьѣ), также и тому, что они за насъ достались» (Гр. Орловъ-Давыдовъ, I, 208).

¹⁾ Барсуковъ, 172—175; «Сборникъ», XIII, 432 и 433; Державинъ, V, 216, 220, 237

²⁾ Орловъ-Давыдовъ, I, 299, 303, 304.

³⁾ Тамъ же, I, 304, 307, 309.

⁴⁾ Тамъ же, I, 313, 325. Младшіе братья взяли со старшихъ слово не играть больше, какъ по 100 р. рoberъ.

шіе братья рѣшили оставить службу «по слабости здоровья», а графъ Алексѣй просилъ его увѣдомить о выѣздѣ Григорія.

Въ серединѣ 1775 года, наконецъ, князь Орловъ выѣхалъ за границу чрезъ Берлинъ и Вѣну. Въ день отъѣзда онъ получилъ письмо изъ Москвы отъ Государыни, которая, поздравляя его съ именинами¹⁾, посылала ему «*épaulette*» и желала счастливаго пути. «Скуки въ немъ не было замѣтно», замѣтилъ графъ Владимиръ²⁾. 12 Апрѣля Екатерина сообщила г-жѣ Бьельке, что Орловъ «поѣхалъ на Вѣну и отправляется въ Италію, но по прошествіи двухъ лѣтъ вернется на Сѣверъ», а Р. Гуннингъ, почти въ это же время, писалъ своему правительству, что почетный пріемъ Орлова въ Англіи несомнѣнно доставитъ удовольствіе Императрицѣ³⁾.

Былъ ли князь Григорій въ Италіи, неизвѣстно; но въ Іюль или началъ Августа онъ посѣтилъ Парижъ. «Навѣрно вы были рады пріѣзду Орлова», писала Екатерина барону Гримму, «онъ не нахвалится пріемами и почестями, и, признаюсь, мнѣ прітно это слышать; но если онъ пробудетъ тамъ до окончанія споровъ съ Дидеротомъ, то онъ нескоро вернется на родину». Прочитавъ описаніе Парижа, составленное Орловымъ и присланное имъ братьямъ, Императрица высказала увѣренность, что онъ снова вернется туда: такъ онъ ему понравился⁴⁾. Распростившись съ Парижемъ и любезнымъ Гриммомъ и едва не утонувъ въ Рейнѣ подъ Кельномъ⁵⁾, къ концу года Орловъ попалъ въ Англію. Если князь Гр. Гр. и раньше всегда симпатизировалъ Англіи, то, въ свою очередь, онъ не могъ не понравиться Англичанамъ. Даже Лондонскіе воры прониклись къ нему особеннымъ уваженіемъ послѣ того, какъ онъ однажды такъ сильно сжалъ руки двухъ карманниковъ, обшаривавшихъ его карманы, что они должны были возвратитъ похищенную было у него табакерку съ брилліантами. «Я прекрасно знала», писала Екатерина г-жѣ Бьельке, «что въ Англіи отдадутъ справедливость князю Орлову; исторія съ мошенниками меня очень позабавила, я узнала его въ этомъ... Англичане хорошо узнали характеръ князя: своимъ правомъ онъ легко можетъ заставить себя уважать»⁶⁾.

Вмѣсто того, чтобы пробыть за границей два года, Орловъ въ началѣ 1776 года возвратился въ Петербургъ и былъ такъ милостиво при-

¹⁾ Г. Г. Орловъ былъ именинникомъ 25 Января.

²⁾ Гр. Орловъ-Давыдовъ, I, 310, 311, 324. Объ этомъ путешествіи Орлова мало извѣстно.

³⁾ „Сборникъ“, XXVII, 36, XIX, 463.

⁴⁾ „Сборникъ“, XXIII, 33, 35.

⁵⁾ Тамъ же, XXIII, 36.

⁶⁾ Тамъ же, XXVII, 54, 67.

пять Императрицей, что возбудилъ зависть ¹⁾, а 28 Февраля, не любившая критики Екатерина писала Гримму, что «иные дураки коментировали мой Наказъ и прислали съ княземъ Орловымъ, думая тѣмъ придать дѣлу больше важности; но я, конечно, читать не буду» ²⁾.

Едва возвратившись въ Россію, Орловъ заболѣлъ. «Ударъ паралича» далъ знать, что нервная болѣзнь 1773 г. не прошла безслѣдно и служилъ серіознымъ предостереженіемъ для довольно пожившаго на своемъ вѣку 43-лѣтняго человѣка. Императрица была чрезвычайно внимательна и два раза посѣтила больного ³⁾. Оправившись, князь началъ подумывать объ оставленіи службы и хотѣлъ сдѣлать это не иначе какъ посотовавшись съ братомъ Алексѣемъ. Къ тому же въ это время онъ рѣшилъ закрѣпить свою давнюю связь съ Е. Н. Зиновьевой бракомъ и, удалившись отъ двора, предаться частной жизни ⁴⁾. Проектъ этотъ, впрочемъ, не встрѣтилъ сочувствія въ братьяхъ; однако, даже убѣжденія графа Алексѣя не подѣйствовали на этотъ разъ на Григорія, успѣвшаго иѣжно полюбить свою прелестную 18-лѣтнюю двоюродную сестру. Неизвѣстно, когда и гдѣ была свадьба князя Орлова съ Зиновьевой, но, вѣроятно, весной 1777 года ⁵⁾. Молодая княгиня была пожалована въ статсъ-дамы, получила орденъ св. Екатерины и много подарковъ отъ Императрицы, въ числѣ которыхъ, по словамъ Гельбига, былъ золотой туалетъ высокой цѣны и прекрасной работы, а 1 Юля Англійскій резидентъ Оаксъ сообщалъ въ своей депешѣ, что «новая княгиня Орлова на дняхъ обѣдала съ Императрицей» ⁶⁾. Два слѣдующіе года Орловы

¹⁾ Тамъ же, XIX, 511.

²⁾ Тамъ же, XXIII, 44.

³⁾ Сборникъ, XIX, 513.

⁴⁾ Тамъ же, XIX, 521 и 522.—Съ 1770—1771 г. мы ни разу не упоминали о Зиновьевой по той причинѣ, что о ней рѣшительно нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Она ни разу не упоминается въ перепискѣ гр. Владимира Григорьевича съ братьями. Во всякомъ случаѣ замѣтно, что Е. Н. Зиновьева входила нежелательнымъ членомъ въ семью Орловыхъ. Къ сожалѣнію, письма старшихъ братьевъ къ младшему не сохранились; они, вѣроятно, были уничтожены въ 1815—1816 гг. гр. В. Г. Орловымъ.

⁵⁾ У А. П. Барсукова ошибочно указанъ Юнь 1776 г.; ошибается и гр. А. Д. Блудова, которая въ своихъ Запискахъ говоритъ, что Орловъ вѣнчался на дорогѣ въ Швейцарію или въ Швейцаріи. Въ этомъ году онъ не ѣздилъ за границу.

⁶⁾ „Архивъ с. Михайловскаго“, XL.—Кн. Орловъ попрежнему часто дежурилъ при дворѣ. 17 Сентября онъ встрѣчалъ и былъ при приѣмѣ Екатериною возвратившагося въ Россію Ив. Ив. Шувалова (Вейдемейеръ, „Дворъ и зам. люди“, I, 192). По преданію дѣло о незаконномъ бракѣ (постепени родства) кн. Орлова разсматривалось въ Совѣтъ, и рѣшено было ихъ развести, не смотря на протестъ гр. К. Г. Разумовскаго, сказавшаго, что „еще недавно всѣ мы сочли бы за особое счастье приглашеніе на его свадьбу“. Екатерина не утвердила рѣшенія (Барсуковъ, 177).

прожили въ Петербургѣ, въ Штегельмановскомъ домѣ. Красавица собой, какъ можно судить по ея портретамъ, одаренная высокими качествами ума и сердца, по отзыву современниковъ, княгиня Ек. Ник. обладала еще и поэтической душой ¹⁾. «Она была прекрасна и чувствительна», писалъ о ней неизвѣстный современникъ, «правда, красота ея изображала прекрасную ея душу». «Какъ ангелъ красоты, являемый съ небесъ, пріятностью лица и разума блистала», воспѣвалъ ее Державинъ ²⁾. «Княгиня сѣмѣла», по словамъ Гельбига, «возвратить спокойствіе въ сердце Орлова; онъ предпочиталъ теперь частную жизнь прежнему бурному и блестящему существованію». Тоже подтверждаетъ и другой современникъ: «Орловъ неразлученъ съ своей новой женой», писалъ Гаррисъ въ Февралѣ 1778 года, «никакая побудительная причина не заставитъ его принять участіе въ дѣлахъ». Не смотря на то, что привязанность Орлова къ женѣ и его семейное счастье подавали будущему великолѣпному князю Тавриды поводъ ко всякимъ глумленіямъ и издѣвательствамъ, даже къ увѣренію, что онъ «тронулся въ разсудкѣ послѣ удара», кн. Орловъ продолжалъ пользоваться дружескимъ расположеніемъ Екатерины ³⁾. Въ одномъ изъ писемъ она сообщаетъ Гримму: «Пара чулокъ изъ кроличьей шерсти (для Гримма) висятъ у меня на столѣ; кн. Орлову очень хотѣлось завладѣть ими, но штука въ томъ, что они ему слишкомъ коротки и узки», а 14 Февраля 1778 года князь и княгиня Орловы были на придворномъ праздникѣ по случаю рожденія вел. кн. Александра Павловича, о которомъ Орловъ, къ великому утѣшенію царственной бабушки, говаривалъ: «*Mais voilà un enfant qui ne sait pas parler et qui écoute raison*» ⁴⁾. Но судьба Орлова была рѣшена Императрицею безповоротнo. «Батюшка князь», писалъ Зоричъ Потемкину, «Григорій Григорьевичъ никогда ужъ не будетъ въ своихъ комнатахъ дворцовыхъ жить» ⁵⁾.

Имущественныя дѣла князя Орлова въ это время находились въ запутанномъ положеніи, и часть имѣній заложена за 200 т. рубл. Въ

¹⁾ Приписываемый ей романсъ: „Желанья наши совершились“... еще долго распѣвался прабабушками и бабушками современнаго намъ поколѣнія. „Чего еще душа желаетъ? Чтobъ ты мнѣ вѣрнѣ былъ. Чтobъ ты жену не разлюбилъ. Мнѣ всякій край, съ тобою рай!“ и т. д. (Записки гр. А. Д. Баудовой).

²⁾ Державинъ, I, 104. Только одинъ Гаррисъ писалъ: „Кн. Орлова капризна, упряма и очень молода“ (Р. Арх. 1874 г., 1480). А. Г.—Княгиня Е. Н. Орлова отличалась и благородіемъ. Отецъ ея, если не ошибаюсь, былъ комендантомъ Петропавловской крѣпости, а родной племянникъ — генералъ-адъютантъ Н. В. Зяновъевъ почитаемъ императора Александра III-го. П. Б.

³⁾ Гаррисъ, Р. Арх., 1874 г., 152, 1480.

⁴⁾ Р. Арх., 1878/III, 40, 45; „Сборникъ“, XXIII, 160.

⁵⁾ Государственный архивъ, XI 906.

началъ 1778 г. онъ думалъ слѣлать заемъ, и Голландскіе банкиры, Іоаннъ и Карлъ Гессельгреены, давали 2 милл. гульденовъ изъ 4% подъ залогъ 10 т. душъ въ Ярославскомъ, Ростовскомъ и Копорскомъ уѣздахъ, Сальминскаго погоста въ Выборгскомъ уѣздѣ и мызы Лоде въ Эстляндіи, съ тѣмъ, чтобы весь долгъ былъ погашенъ въ 10-лѣтній срокъ, и требовали «увѣренія и гарантіи короны». Орловъ подалъ прошеніе Императрицѣ съ изложеніемъ дѣла, въ которомъ предлагалъ отчислять на уплату долга и процентовъ тѣ 100 т. рубл., которые онъ получалъ отъ щедротъ ея величества, и писалъ: «Если симъ образомъ вашему величеству благоугодно будетъ мнѣ сдѣлать милость, то я уповаю, умѣряя издержки въ жизни моей, въ теченіе сего 10-лѣтняго срока избавлюсь отъ долговъ, на мнѣ находящихся, и приобрѣту еще недвижимаго имѣнія моему наслѣдству». Екатерина исполнила просьбу Орлова, и 9 Іюля 1778 г. послѣдовалъ высочайшій указъ Сенату о разрѣшеніи князю Орлову сдѣлать заемъ, при чемъ въ указѣ говорилось: «Ежели въ платежѣ процентовъ съ заемнаго капитала въ надлежащее время по обязательству не будетъ исполнено, то мы вѣрно и исправно весь подлежащій имъ (банкарамъ) платежъ повелимъ учинить изъ нашихъ государственныхъ доходовъ, не допуская ихъ ни до какихъ убытковъ»¹⁾...

Весной 1780 г. Орловы отправились за границу съ цѣлью лѣченія. Здоровье княгини Орловой было непрочное; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, у ней скоро обнаружили зачатки чахотки; у самого князя Григорія Григорьевича стали обнаруживаться также какіе-то припадки странной мнительности²⁾. Княгиня ѣхала, впрочемъ, еще и со спеціальной цѣлью: ей страстно хотѣлось имѣть дѣтей, и она надѣялась, что медицина поможетъ ей въ этомъ... Гриммъ, въ одномъ изъ писемъ, въ шутовскомъ тонѣ называетъ путешествіе Орловыхъ «бѣготней по Европѣ отъ шарлатана къ шарлатану, а самого князя—неутомимымъ охотникомъ на шарлатановъ»... Хотя князь Орловъ и не управлялъ лично своими имѣніями, но, уѣзжая въ чужіе края, онъ выказалъ заботливость о своихъ крестьянахъ, прося Ярославскаго генералъ-губернатора А. П. Мельгунова «если будутъ заходить крестьянъ его просьбы, въ случившихся нуждахъ ихъ не оставить»³⁾... Въ Лейденѣ, въ Голландіи, князь Орловъ

¹⁾ Сен. арх., Севр. дѣла, № 324, стр. 641 и 642.

²⁾ Путешествіе это не было удаленіемъ, а имѣло цѣлью дѣйствительно поправленіе здоровья княгини; объ этомъ говоритъ даже Дашкова («Записка», 144). Гриммъ въ одномъ изъ писемъ говоритъ, что «князь или лучше княгиня бѣгаютъ за здоровьемъ в плодородіемъ по Швейцаріи, но это обыкновенно бываетъ, когда о томъ не думаютъ; безпрестанно объ этомъ думать—худшее средство достигнуть этого» (Сборникъ, XXXIII, 187)

³⁾ Барсуковъ, 180—181.

совѣтовался съ знаменитымъ Гобіусомъ, а въ Брюсселѣ обращался къ Трессо ¹⁾. Гриммъ писалъ, что въ Брюсселѣ Орловъ «попалъ въ руки Англійскаго медика, извѣстнаго шарлатана, который давалъ ему средства, способныя убить лошадь, и что онъ сталъ чувствовать себя все хуже» ²⁾. Узнавъ о пребываніи въ Лейденѣ княгини Дашковой, Орловъ сдѣлалъ ей визитъ, заявивъ, что приходитъ не какъ врагъ, но какъ другъ и союзникъ, и предложилъ покровительство молодому Дашкову. Злопамятная княгиня приняла его, однако, холодно. Изъ Брюсселя въ 20-хъ числахъ Іюня Орловы пріѣхали въ Эмсъ, гдѣ прожили болѣе мѣсяца, затѣмъ отправились въ Ахенъ, а оттуда въ Августъ—въ Спа. Въ ГанOVERѣ князь Орловъ познакомился съ философомъ Циммерманомъ, который сократилъ о немъ теплую память. «Не успѣлъ я», писалъ онъ Екатеринѣ, «пробыть съ Орловымъ четверть часа, какъ уже сердце мое было ему предано, я сдѣлался другомъ прежде, чѣмъ онъ оставилъ ГанOVERъ, а въ Эмсѣ, гдѣ я былъ у него съ утра до вечера, онъ сдѣлался моимъ» ³⁾.

¹⁾ Зап. кн. Дашковой, 143 и 147.

²⁾ Сборникъ, XLIV, 123.

³⁾ Барсуковъ, 184 и 185. Г. Циммерманъ (р. 1722, † 1795 г.) авторъ книги „Essai sur la solitude“. Изъ Эмса 14 Іюля князь Гр. Гр. Орловъ отправилъ графу С. Р. Воронцову и П. В. Завадовскому слѣдующее посланіе: „Отъ водъ Эмскихъ, въ 10 миляхъ отъ Кобленса. Петру и Семеону или Семеону да Петру миръ и здравіе отъ Григорія, странствующаго въ странахъ чуждыхъ. Се азъ, рабъ Божій, обрѣтаюсь въ земляхъ невѣрныхъ, вамъ, братія моя, повѣствую путешествіе. Со дня, въ онъ же азъ изыдохъ изъ преславнаго града Петрова, единое имѣлъ писаніе отъ брата Семеона; молю убо азъ васъ, еще время праздно имѣти будете, да пошлете ми писаніе ваше и да увѣдаю о здравіи вашемъ: симъ извѣстіемъ возрадуется душа моя и восхваляю Вышняго за всѣ Его благости. Странствую я со спутники моими. Коль часто привожу на память дни и часы сладостныхъ бесѣдъ вашихъ! Примите истину сію не въ знахъ обычаевъ вѣка сего, но существующую въ сердцѣ моемъ. Коликократно мысленно бываю съ вами, толикократно жалю о небытіи вкупѣ со мною. Всѣ со мною сущіе свидѣтельствуютъ купно свое благословеніе. Благословите и насъ, братія, на вся благая. Цалуйте во имя мое Александра, начальника купечества Россійскаго, цалуйте Александра, онъ же власть царскую даетъ въ народы. Цалуйте другъ друга и рцйте: се лобжетъ васъ странникъ во странахъ одиноко сущій и требуетъ отъ васъ извѣстія, которое въ Спа адресовать просить“. „Голубчикъ Петръ Васильевичъ!“ прибавляетъ Орловъ въ концѣ, „если ты былъ, какъ уповаю, въ Могилевѣ, прошу дать мнѣ извѣстіе о тамошнемъ свиданіи (Екатерины съ Іосифомъ II), также и о Семенѣ Гавриловичѣ (Зоричѣ), и, если онъ въ Петербургѣ, поклонись ему отъ меня. Пожалуй отпиши, правда-ль, что сгорѣлъ Шкловъ. Какъ мнѣ жалъ Сенюшку! Ну да какъ же быть? Я здѣсь пробуду еще три недѣли, а потомъ въ Ахенъ, а тамъ въ Спа“. Первое письмо изъ Эмса къ графу С. Р. Воронцову было отъ 27 Іюня: „Завтра и послѣ завтра у васъ праздники (28 и 29 Іюня); хотя они и пройдутъ, какъ вы сіе письмо получите, однакожъ я съ оними васъ поздравляю... Кто изъ насъ виноватъ, ты или я, не знаю, что можъ писемъ читать не умѣть: я, кажется, пишу довольно четко. Охъ скучно этимъ манеромъ писать, воли твоя“... („Архивъ Князя Воронцова“, XXVII, 4—6). Упоми-

Въ Спа прїѣхалъ и графъ Алексѣй Григорьевичъ. 24 Августа Орловы сдѣлали визитъ бывшему тогда тамъ Шведскому королю Густаву III, а на слѣдующій день княгиня у него обѣдала. «Она была одѣта въ Шведскій придворный костюмъ», писалъ лейбъ-медикъ короля Дальбергъ, «и такимъ образомъ совершенно поправила свой запоздалый визитъ». Княгиня очень понравилась королю. «Она пьетъ воды», говоритъ Дальбергъ, «чтобы получить наслѣдниковъ; они уже посѣтили Пирмонтъ, Эмсъ и другія минеральныя воды. Самъ князь Орловъ сильно постарѣлъ»¹⁾. Въ дѣятельной перепискѣ Екатерины съ Гриммомъ мелькаютъ иногда любопытныя мелочи о путешествіи Орлова. Въ письмѣ отъ 6 Сентября Гриммъ сообщалъ Екатеринѣ, что надѣется скоро увидѣть Орлова въ Парижѣ, на что Екатерина отвѣчала: «Если увидите князя Орлова въ Парижѣ, скажите ему, что прелестная табакерка, которую онъ мнѣ прислалъ изъ Спа, всегда на моемъ столѣ»²⁾. Въ концѣ 1780 г. князь Орловъ дѣйствительно пробылъ въ Парижѣ около двухъ недѣль, а затѣмъ отправился въ южныя провинціи, обѣщая Гримму лѣтомъ возвратиться въ Парижъ, послѣ того, какъ посѣтитъ какого-то Швейцарца-знахаря, крестьянина Мишеля. «Я нашелъ его здоровье лучше, чѣмъ полагалъ», писалъ Гриммъ; «напротивъ, княгиня жалуется, что она очень больна, хотя это и незамѣтно. Я думаю, что если бы они оба захотѣли отказаться отъ лѣкарствъ и шарлатановъ, то были бы здоровы; но княгиня воображаетъ, что лѣкарства помогутъ ей произвести на свѣтъ маленькаго князя Орлова»³⁾. На это Екатерина въ Мартѣ 1781 г. поручала Гримму передать князю пожеланіе, чтобы онъ «привозилъ по возвращеніи маленькаго князя Орлова *visible ou invisible*»⁴⁾... Но княгиня въ это время уже была близка къ могилѣ. 16 Іюня она умерла въ Лозаннѣ и была погребена въ тамошнемъ соборѣ⁵⁾.

наемый здѣсь Александръ—графъ Александръ Ромнаевичъ Воронцовъ, тогдашній президентъ Камерцъ-Колегіи. Графъ С. Р. Воронцовъ не задолго передъ тѣмъ женился на Сенявиной, а теща князя Орлова была тоже Сенявина.

¹⁾ Тамъ же, 181—183.

²⁾ „Сборникъ“, XXIII, 193.

³⁾ Тамъ же, XXXIII, 71.

⁴⁾ Тамъ же, XXIII, 108.—Самъ Орловъ также предполагалъ сначала вернуться въ Россію въ Іюль. Поздравляя графа С. Р. Воронцова съ предстоящей женитьбой его на Е. А. Сенявиной, двоюродной сестрѣ Орлова, Гр. Гр. писалъ: „Я уже въ запасъ радуюсь, что у насъ въ Гатчинѣ молодые поживутъ. Цѣлуйтея между собой и поспорьте: кого-то и изъ васъ больше люблю. Жена моя также рада, какъ и я, ежели не болѣе, услыша отъ меня объ ономъ... Хотя я и уповалъ возвратиться въ Іюль, однакожъ жены моей слабое состояніе не позволяетъ. Мы теперь у Тисота. Ай, ай, братъ, правда, что я вытерпѣлъ скуку, грусть! Мое здоровье ни хуже, ни лучше, а все таковое-жъ“ (Арх. Кн. Воронцова, XXVII, 7).

⁵⁾ Тѣло вн. Орловой было перевезено въ Петербургъ и погребено въ Ал.-Невской

Кн. Орловъ не вынесъ этого горя: у него явились признаки умственного разстройства. До Петербурга дошли тревожные слухи, и Екатерина 6 Юля еще писала Гримму: «Если вамъ что-нибудь извѣстно о здоровьѣ князя или княгини, сообщите мнѣ; графъ Алексѣй и его старшій братъ выѣхали отыскивать ихъ въ Лозанну» ¹⁾. Въ началѣ Октября братья привезли князя Григорія въ Москву. Екатерина выразила соболъзнованіе князю собственноручнымъ письмомъ: «Привыкши столько лѣтъ братъ величайшее участіе во всѣхъ до васъ касающихся приключеніяхъ, не могла я безъ чистосердечнаго и чувствительнаго прискорбія увѣдомиться о рановойременной потерѣ любезной вашей княгини, моля Бога, да сохранитъ ваше здоровье и дни до поздняго вѣка» ²⁾... Вѣроятно, къ этой зимѣ (1781—1782 г.) относится разсказъ графини Блудовой о сватовствѣ Орлова къ княжнѣ Е. П. Щербатовой, съ ужасомъ вспоминавшей всегда о страхѣ, который внушалъ ей тогда «безумецъ - фаворитъ».

Помѣшательство князя, впавшаго въ дѣтство, было тихое, и поэтому онъ пользовался полной свободой ³⁾. Къ веснѣ ему, вѣроятно, сдѣлалось лучше, и поэтому въ концѣ Юля и въ Августѣ (1782 г.) онъ отправился на Царицынскія воды. Въ проѣздъ его черезъ Саратовъ, 5 и 6 Августа, ему были оказаны почти царскія почести, съ салютомъ въ 101 пушечный выстрѣлъ ⁴⁾. По словамъ Екатерины, «не успѣлъ онъ начать пить воды, какъ снова понесъ вздоръ». Окончивъ питье водъ, Орловъ возвратился въ Москву, а въ концѣ Октября, обманувъ бдительность братьевъ, отправился въ Петербургъ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ только на нѣсколько часовъ успѣлъ его опередить. 25 Октября князь пріѣхалъ въ Петербургъ. «Голубчикъ мой», писалъ въ это время Гр. Гр. Орловъ графу С. Р. Воронцову, «благодарствую за письмо твое и твоей графини. Я сейчасъ ѣду въ Царское. Здоровье мое плохонько. Любите меня вы такъ, какъ я васъ люблю обоихъ. Сегодня считаю быть сюда назадъ; не знаю точно, сколько здѣсь пробуду, ибо я не знаю, оставятъ ли на волю мое пребываніе» ⁵⁾. «Я его видѣла три раза», писала Екатерина 30 Октября, «онъ тихъ и покоенъ, но слабъ, и всѣ мысли въ разбродѣ; онъ сохранилъ только непоколебимую привязанность ко мнѣ. Чтò я должна была перестрадать, увидавши его въ такомъ

лаврѣ. Въ Лозанскомъ соборѣ сохранился только мраморный надгробный памятникъ, на которомъ изваяны княгиня и князь (Барсуковъ, 185).

¹⁾ „Сборникъ“, XXIII, 211, 222; XXXIII, 233.

²⁾ „Сборникъ“, XXVII, 208.

³⁾ Р. Арх. 1889, I, 82 и 83.

⁴⁾ Гр. Орловъ-Давыдовъ, I, 10.

⁵⁾ Архивъ Князя Воронцова, XXVII, 7.

состояніи! Въ настоящее время онъ въ постели¹⁾; предполагаютъ, что его болѣзнь послѣдствіе удара, поѣтому нѣтъ никакой надежды на выздоровленіе²⁾. Тоже самое сообщила Императрица и великому князю Павлу, бывшему въ это время за границей: ни лѣченіе опытнаго доктора, ни консиліумъ врачей не принесли ему пользы; онъ «въ ребячествѣ, не знаетъ, что дѣлаетъ и говоритъ»³⁾. Тѣмъ не менѣе при учрежденіи ордена Св. Владимира (23 Октября 1782 г.) Екатерина сочла нужнымъ дать эту послѣднюю награду Орлову и зачислила его въ число кавалеровъ ордена 1 ст.⁴⁾, а 31 Декабря, особымъ письмомъ, предоставила четыремъ братьямъ Орловымъ личную и имущественную опеку надъ больнымъ. «Извѣстная мнѣ между всѣми вами братская любовь и дружба служатъ мнѣ надежною порукою, что вы приложите стараніе къ сохраненію его, къ доставленію ему всего нужнаго въ настоящемъ его положеніи и къ исцѣленію его; не оставляйте увѣдомлять меня о его здоровьѣ»⁵⁾... Послѣ этого князь Орловъ былъ опять увезенъ въ Москву и жилъ въ домѣ графа Алексѣя, близъ Донскаго монастыря; но путей «къ исцѣленію» уже не было, «чистый воздухъ и свойственныя выгоды» Нескучнаго не помогли больному. «Князю Орлову все хуже, и хуже онъ уже подъ опекою братьевъ своихъ»⁶⁾.

10 Апрѣля архіепископъ Московскій Платонъ, давнишній знакомый Орлова, исповѣдалъ и причастилъ князя, а въ ночь съ 12 на 13 Апрѣля онъ скончался. 17-го совершенно было отпѣваніе въ Донскомъ монастырѣ, послѣ котораго тѣло князя Орлова было перевезено въ село Отраду Серпуховскаго уѣзда, въ фамильную усыпальницу⁷⁾. «Хотя горестное

¹⁾ Покойный А. А. Кунинъ передавалъ намъ, что у него были въ рукахъ неизданныя Записки доктора Кельхена, въ которыхъ разсказано, какъ Екатерина ухаживала за больнымъ княземъ Орловымъ со всею заботливостью больничной сидѣлки и даже своеручно обмывала его. П. Б.

²⁾ Письмо Гриму, „Сборникъ“, XXIII, 252.

³⁾ Барсуковъ, 187.

⁴⁾ Списки Карабанова, „Чтенія“, 1860, I, 194.

⁵⁾ Гр. Орловъ-Давыдовъ, II, 20 и 21.

⁶⁾ Письмо Екатерины Гриму 3 Января 1783 г., „Сборникъ“, XXIII, 267.

⁷⁾ Погребеніе было торжественное, при участіи конногвардейцевъ и громадномъ стеченіи народа. Не обошлось и безъ стихотворца-панегвриста, вполне вѣрно сказавшаго о князѣ: „Толь вротвая душа не знала подлой мести“ (Гр. Орловъ-Давыдовъ, II, 26).— Гробъ князя Гр. Орлова въ 1832 г., по желанію племянницы его, гр. Анны Алексѣевны, былъ перенесенъ изъ Новгородскій Юрьевъ монастырь (Барсуковъ, 188—190). Два года тому назадъ прахъ князя Орлова въ высочайшаго соизволенія перенесенъ правнукомъ его младшаго брата, графомъ Анатоліемъ Владимировичемъ Орловымъ-Давыдовымъ (см. „Р. Архивъ“, 1896, I, 576), снова въ родовую усыпальницу, въ село Отраду. А. Г. — Любопытно было бы узнать, изъ Донскаго и. не было ли тѣло князя, до перевоза въ Отраду,

это событіе вовсе не было для меня неожиданностью», писала Екатерина, «но, признаюсь, я почувствовала живѣйшую скорбь»¹⁾. Въ это же время (19 Апрѣля) Императрица собственноручно писала братьямъ: «Всекрайне сожалѣю о несчастной потерѣ друга моего, плачу о немъ обще съ вами. Болѣе писать не могу, понеже горько весьма чувствую всю цѣну благодарности къ нему и къ вамъ»²⁾. Зналъ, что послѣ князя остались значительные долги, Государыня поспѣшила придти на помощь Орловымъ: она пожелала выкупить Гатчину съ дворцомъ и нѣсколькими деревнями, «Мраморный домъ» и серебряный сервизъ, предоставивъ Орловымъ въ уплату за это получать въ теченіе 10 лѣтъ пенсію покойнаго по 150 т. руб. въ годъ. Свой портретъ, украшенный брилліантами, пожалованный Орлову въ 1763 году, Императрица пожелала передать графу А. Г. Орлову-Чесменскому, «чтобы онъ положилъ на шею и носилъ, пока живъ на семь свѣтъ»³⁾.

Кромѣ А. Г. Бобринскаго, происхожденіе котораго засвидѣтельствовано не подлежащими сомнѣнію документами, преданіе называетъ дочерьми Орлова двухъ дѣвицъ Алексѣевыхъ, воспитывавшихся, по повелѣнію Екатерины, въ Смольномъ монастырѣ и считавшихся дочерьми подполковника Архангелогородскаго полка Алексѣева: Наталью, которая въ 1777 г. вышла за Буксгевдена, въ послѣдствіи Петербургскаго генераль-губернатора и извѣстнаго полководца, и Елисавету (р. 25 Апрѣля 1761 г.), которая въ 1788 г. вышла замужъ за Ф. И. Клингера, позже попечителя Дерптскаго учебнаго округа. Третья дочь Орлова, тоже воспитывавшаяся подъ фамиліей Алексѣевой, Екатерина, была замужемъ за подполковникомъ П. П. Свинынымъ⁴⁾. Являлись и еще лица, претендовавшія на тоже званіе. Такъ, съ 1794 г. въ Выборгѣ проживала въ домѣ одного пастора высланная туда изъ Петербурга дѣвица Елисавета-Шарлотта Виневистъ, выдававшая себя за дочь князя Орлова. Судя по ея письмамъ, она едва ли не вполне искренно считала себя такою; представила ли она какія либо доказательства своего происхожденія, неизвѣстно; но только ей выдавалось на содержаніе изъ Кабинета сначала по 325 р., а съ 1797 г. по 400 рублей въ годъ. Пастору поручалось выдать

погребено въ Донскомъ монастырѣ, куда въ слѣдующемъ году, прибывъ на короткое время въ Москву, ѣздилъ Екатерина. Хриповицкій видѣлъ у нея на столѣ бумажку, на которой она записала, чтобъ если она умретъ въ Москвѣ, то похоронить ее въ Донскомъ монастырѣ. П. Б.

¹⁾ „Сборникъ“, XXIII, 274.

²⁾ Гр. В. П. Орловъ-Давыдовъ, II, 26.

³⁾ Тамъ же, II, 27—30.

⁴⁾ Р. Стар., LI, 18 и 19; Р. Арх., 1884, II, 209—217.

ее замужъ, но ему не особенно легко было ладить съ гордой и свое нравной дѣвицей, въ поведеніи которой, однако, не было ничего предосудительнаго. Въ 1801 г., Декабря 14, ей разрѣшено жить «гдѣ она пожелаетъ, съ произвожденіемъ попрежнему пенсіи, буде она останется въ Россіи» *). Дальнѣйшая судьба ея намъ неизвѣстна.

А. Голомбѣвскій.

Описаніе церемоніала погребенія его свѣтлости, князя Григорія Григорьевича Орлова.

Въ Суботу, Апрѣля 22 дня 1783 года.

Апрѣля 10 числа свѣтлѣйшій князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, почувствовавъ въ тѣлѣ своемъ болѣе предъ прежнимъ слабости, пожелалъ исповѣдаться и причаститься Св. Тайнъ, что исполнено было самимъ его высокопреосвященствомъ, архіепископомъ Московскимъ и священно-архимандритомъ Платономъ; во время сего священнодѣйствія его свѣтлость читалъ самъ за преосвященнымъ всѣ молитвы, должныя при причащеніи Св. Тайнъ; потомъ, часъ отъ часу ослабѣвая, скончался Апрѣля 13 дня пополудни въ 2 часа, на 49 г. отъ рожденія.

По отправленіи обыкновенныхъ при таковыхъ плачевныхъ случаяхъ обрядовъ, того же числа послѣ полудня, тѣло покойнаго свѣтлѣйшаго князя Гр. Гр. вынесено было въ траурную комнату, положено на столъ и покрыто богатымъ парчевымъ покрываломъ, обшитымъ золотымъ галуномъ; на часахъ поставлены были 12 человекъ офицеровъ артиллеріи въ шарфахъ и знакахъ, кои перевязаны были чернымъ крепомъ; въ головахъ же тѣла стоялъ священникъ въ черномъ одѣяніи, для чтенія псалтыри, а подлѣ него 2 офиціанта въ черномъ платьѣ.

14 числа по отправленіи литіи преосвященнѣйшимъ митрополитомъ Николаемъ Грузинскимъ, съ 2 архимандритами, однимъ игуменомъ и 13 священниками, тѣло положено было въ парадномъ генераль-фельдцейхмейстерскомъ мундирѣ во гробъ, обитый бархатомъ малиноваго цвѣту, богато обложенный золотымъ галуномъ и украшенный позлащенными скобами и бляхами. Гробъ поставленъ былъ на приготовленный катафалкъ, обитый краснымъ сукномъ и покрытый бархатнымъ покрываломъ малиноваго жъ цвѣта съ золотымъ галуномъ. Надъ тѣломъ держали балдахинъ 12 офицеровъ; по правую сторону на столѣ, покрытомъ бархатнымъ такого жъ цвѣту покрываломъ съ золотымъ же галуномъ, положена была гробовая крышка, у коей были 4 офицера; въ головахъ тѣла поставленъ былъ образъ Спасителя на аналоѣ, покрытомъ богатою парчевою пеленою. За онымъ по ряду на вѣскомъ возвышеніи на бархатныхъ подушкахъ малиноваго жъ цвѣта, обложенныхъ золотымъ галуномъ съ золотою бахрамою и съ кистями, положены были регалии покойнаго, у коихъ при каждой стояли по офицеру артиллеріи. При

*) Госуд. Арх., VII—3043.

тѣлѣ поженно былъ 2 офицера лейбъ - гвардіи коннаго полку. Учредивши все сіе такимъ образомъ, допускаемы были къ тѣлу все пріѣзжающіе и приходящіе всякаго званія люди. 15 числа поутру отправлена была панихида у тѣла покойнаго митрополитомъ Анфимомъ Греческимъ, съ 2 архимандр. и 12 священниками. 16 числа великое множество было отдававшихъ послѣднее цѣлованіе покойному св. князю, какъ изъ знатныхъ, такъ изъ всякаго званія людей.

Понедѣльникъ, т. е. 17 числа Апрѣля, былъ день погребенія. Какъ собрались все знатные и чиновные въ городѣ: то находящіеся полки въ Москвѣ, Великолуцкой и Ревельской, съ знаменами и пушками, и 10 орудій артиллеріи полевой съ командою построились въ линію отъ двора графа Ив. Гр Орлова до монастыря Донского. По прибытіи духовенства и преосв. епископа Крутицкаго и Можайскаго Амвросія, а потомъ высокопр. арх. Платона, начато было обыкновенное при выносахъ усопшихъ пѣніе. По окончаніи оной духовной церемоніи гробъ покрытъ былъ крышкою, которую налагали 4 брата покойнаго: графъ Ив. Гр., графъ Ал. Григ., графъ Фед. Григ. и графъ Володимерь Гр. Наконецъ поднять былъ ими гробъ съ помощью многихъ другихъ знаменитыхъ персонъ, тайныхъ совѣтниковъ, сенаторовъ и кавалеровъ. Сія послѣдняя услуга, оказанная тѣлу покойнаго, есть истинная благодарность, приносимая его добродѣтелямъ и благодѣяніямъ.

Такимъ порядкомъ вынесено было тѣло изъ покоевъ и поставлено на одръ, покрытый богатымъ парчевымъ золотымъ покрываломъ. По постановленіи гроба на одръ приняли его лейбъ-гвардіи коннаго полку офицеры ротмистръ Давыдовъ, сек.-рот. Сабуровъ, Князевъ, Мухановъ, поручики Бибиковъ, Корсаковъ, Анненковъ, полковой обозный Новиковъ, подпоручики кв. Волконской, Давыдовъ, кн. Оболенской, корнетъ Мухановъ и продолжали нести до монастыря Донского. Какъ продолжалось шествіе, то многіе многократно дѣлали вспоможеніе несущимъ, а особливо бригадиръ Ив. Вас. Елагинъ и Александръ Алексѣевъ Истленевъ, поставляя себѣ должною, гдѣ только возможно было, оказывать покойному послѣднія услуги.

Шествіе при сей погребательной церемоніи происходило слѣдующимъ порядкомъ.

1) Напередъ шли духовныя особы по своему старшинству: сперва діаконы, за ними священники, игумены, протоіереи, архимандриты, 3 архіерея и пѣвчіе. Число однихъ дух. особъ, бывшихъ при погребеніи, съ пѣвчими простиралось до 600 человекъ.

2) Воинская команда, состоящая изъ 60 ч., которые шли съ факелами въ черныхъ епанчахъ, въ перчаткахъ и шляпахъ на головахъ съ креномъ, по 2 рядъ пѣшіе.

3) Везены были 4 орудія полевой артиллеріи подъ чернымъ сукномъ, при оберъ-офицерѣ; лошади подъ черными попонамъ, конхъ вели пѣшіе служители артиллеріи въ черныхъ епанчахъ, въ шляпахъ на головѣ съ креномъ и въ перчаткахъ.

4) Несены были регалии покойнаго. Первый кап. артил. Польманъ¹⁾ несъ въ рукахъ подушку малиновую бархатную съ золот. галуномъ, на которой лежалъ шпашагъ шефа кавалергардскаго корпуса, украшенный брилліантами. Арти—й капит. Култашевъ на такой же подушкѣ несъ сюпервестъ, весьма богато убранный брилліантами. 1-го канонернаго полку кап. Бергъ несъ камергерскій ключъ на таковой же подушкѣ. Артил. маіоръ Пушкинъ несъ на подушкѣ Аннинской орденъ. Артилл. ассесоръ Уваровъ несъ на подушкѣ жъ Владимирской орденъ. Инженеръ-маіоръ Сиверицынъ несъ на подушкѣ Александровскій орденъ. Артиллеріи маіоръ Облеуховъ несъ Андреевскую цѣпь. 4 штабъ-офицера Тульскаго пѣх. полку, подп. Степановъ и Позняковъ, примеръ-маіоръ Давыдовъ и Великолуцк. полку сек.-маіоръ Шульцъ несли большую подушку за углы; а въ серединѣ поддерживалъ оную арт. полк. Нилусъ, на которой положена была княжеская мантия; по сторонамъ полковника шли 2 офицера въ ассистенціи. Потомъ 2 архіер., Высокоп. Моск. и Крутицкой, съ нѣкоторымъ числомъ священниковъ и дьяконовъ, которые, кадя тѣло покойнаго съ пѣніемъ стиховъ, при погребеніи употребляемыхъ, продолжали шествіе. Предъ самымъ гробомъ ѣхалъ верхомъ ген.-маіоръ князь Гагаринъ, командовавшій полками сперва на караулъ, а потомъ на погребеніе. Когда сказано было командующимъ генераломъ на караулъ: то отдана была честь изъ поставленной полевой артиллеріи 21 выстрѣломъ изъ пушекъ. Въ послѣдній сей разъ честь покойному отдана была при битіи въ барабаны полнаго похода и при играніи на музыкѣ. Гробъ несенъ былъ до самаго монастыря офицерами конной гвардіи, на крышкѣ коего лежала шляпа, перчатки, обнаженная шпага, ножны, шарфъ и шпоры. Несли балдахинъ надъ гробомъ 6 оф. арт. въ шляпахъ, да у каждаго изъ офицеровъ полевыхъ полковъ по ассистенту. Шнуры и книги держали арт. офицеры. Балдахинъ былъ малиновый бархатный, выложенный золотымъ галуномъ съ вензелемъ, выложеннымъ подъ княжескою короною. На верху балдахина была княж. корона, обложенная галуномъ съ горностаевою опушкою; 6 древокъ, на коихъ несли балдахинъ, перевить золот. галуномъ; подзоръ у балдахина выложенный богато золот. галуномъ и подобранный 16 зол. кистями, а по угламъ большія кисти золотыя жъ. По сторонамъ гроба шли по 6 человекъ рейтаръ лейбъ-гвардіи коннаго полку, въ черныхъ епанчахъ, имѣя шляпы на головахъ распущенныя и обложенныя чернымъ крепомъ, съ распущенными волосами, имѣя въ рукахъ по факелу. За гробомъ шли братья покойнаго, пѣшіе со свѣчами, несли шляпы въ рукахъ. Также шелъ за гробомъ его сіят. главнок. въ Москвѣ и во всей Моск. губ. ген.-фельдмарш. гр. Захаръ Григ. Чернышовъ²⁾ и многія др. знатнѣйшія особы до самой церкви. За симъ ѣхали дроги, на коихъ обыкновенно гробъ поставляемъ бываетъ, покрытыя барх. покрываломъ малиноваго цвѣту, запряженныя 6 лошадьми, кои покрыты были черными попонами и ведены служителями, одѣтыми въ черныя епанчи съ распущенными шляпами

¹⁾ Не родственникъ ли того Польмана, который получилъ потомъ извѣстность какъ стражъ и убійца принцессы Виртембергской Августы? П. Б.

²⁾ Первый изъ любимцевъ императрицы Екатерины Великой († 1784). П. Б.

и волосами; кучеръ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, а фрейторъ велъ передъ нимъ лошадей пѣше.

У воротъ монастырскихъ всѣ 4 брата покойнаго паки приняли гробъ отъ оберъ - офицеровъ конной гвардіи и съ тѣми же, кои были при выносѣ изъ покоевъ, внесли его въ церковь и поставили на катафалкъ покрытый малиновымъ бархат. покрываломъ съ золотымъ галуномъ, по сторонамъ коего поставлены были принесенныя регаліи покойнаго.

Во время выноса изъ покоевъ и несенія отъ воротъ монастыря въ церковь, офицеры конной гвардіи шли по 6 чел. по сторонамъ гроба, по 2 въ рядъ, въ ассистенціи у несущихъ, а когда несли они сами, то въ то время у нихъ въ ассистентахъ было 12 чел. изъ офицеровъ артиллеріи.

По внесеніи тѣла въ церковь, начали Божественную литургію, кою совершалъ высокопр. арх. и св. архим. Троицкой лавры Платонъ. Слово говорено было Московской Славено-Греко-Латинской Академіи учителемъ риторическаго класса іеромонахомъ Моисеемъ. По окончаніи литургіи пѣта была панихида, которую отправляли высокопр. архіеп. Платонъ, со всѣми, находящимися въ Москвѣ, архимандритами, игуменами, протоіереями и съ великимъ числомъ священниковъ и діаконовъ. По окончаніи же оной и по возглашеніи вѣчной памяти, отъ полковъ произведенъ былъ троскратно батальный огонь, а изъ пушекъ 31 минутный выстрѣлъ. Какъ окончилась панихида и наступило время прощаться съ покойнымъ, то достойное вѣчной предано быть памяти открылось зрѣлище: все благородство, присутствовавшее въ великомъ множествѣ и стекшееся число народа на семъ погребеніи проливали слезы объ оставившемъ сей свѣтъ героѣ. Тогда представились живо у всѣхъ въ умахъ заслуги, оказанныя имъ государству; всѣ именовали его великимъ патриотомъ, споспѣшествовавшимъ всѣми силами своими блаженству Россіи, исчисляя частныя его добродѣтели, которыя украшаютъ человѣчество. Слезы и все сіе усердное служеніе, принесенное покойному, суть должная и пріятная жертва добродѣтели.

Гробъ покойнаго положенъ въ нарочно приготовленной для того ящикъ, который поставленъ въ церкви преп. Ефимія онаго монастыря, при коемъ оставленъ караулъ конной гвардіи. Симъ окончилась сія печальная церемонія.

(Изъ номера 32-го Московскихъ Вѣдомостей 1783 года).

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

1858-й годъ *).

Январь. 1. На дому служили молебень съ водосвятиемъ Спасителю. Я ѣздилъ въ Хамовн. казармы съ визитомъ къ генералу Полтинину и полковнику Якову Ст. Попову; но, не заставъ ихъ, зашелъ помолиться чудотворной иконѣ Споручницѣ Грѣшныхъ въ ц. Св. Николы въ Хамовникахъ.

3. Оберъ-полицмейстеромъ въ Москву назначенъ кн. Крапоткинъ

4. Я написалъ поздравительныя письма къ А. И. Философову, между прочимъ о слѣдствіяхъ эмансипаціи.

5. Ѣздилъ къ П. И. Иванову попросить о помѣщеніи старушки Анисьи въ богадѣльню. Обѣщалъ и приказалъ Ходневу.

6. Отпѣвали сосѣдку нашу У. А. Медовщикову. Проводивъ покойницу до церкви, я поѣхалъ въ Успенскій соборъ къ обѣднѣ, которую совершалъ викарій Евгеній, и ходилъ на Иордань. Тамъ я слышалъ, что съ главной гауптвахты украдено 96 т. с.

7. Я всталъ до заутрени и занимался описаніемъ Преображенскаго села. Часу въ 1 пополуд. я поѣхалъ помолиться образу Спасителя на Остоженкѣ, съ калачемъ былъ на новосельѣ у И. И. Вельяминова, гдѣ обѣдалъ съ о. Петромъ Евдок. Разговоръ былъ объ освобожденіи крестьянъ и объ условіяхъ, о предложеніи царя.

10. Я всталъ въ 4 часу утра, занимался своими дѣлами; потомъ ѣздилъ къ Гучковымъ, съ И. Ѳ. прочелъ свое описаніе села Преображенскаго, потомъ съ А. Е. Сорокинымъ, который мнѣ казалъ свои старинныя иконы и рукописи, мѣсто дворца и св. колодца. Отъ него я заѣхалъ къ священнику ц. Преображенія, который подарилъ мнѣ проповѣди преосвященнаго Евгенія, но не могъ удовлетворить моимъ вопросамъ о селѣ Преображенскомъ.

12. Свезъ калачъ на новоселье А. А. Мединцеву, который звалъ меня обѣдать; проѣхалъ, по приглашенію, къ А. И. Лобкову, который увезъ меня обѣдать къ Мухину, оттуда къ д. Гульковскому, куда отвезъ я и жену Лобкова.

---

*) См. выше, стр. 224.

14. Просматривалъ весь Потребникъ Юсифа Патр. 7160 г., ѣздилъ въ дворянскую опеку и въ Москвор. бани.

16. При запискѣ я послалъ Dict. de Don Calmet и Историческій Сборникъ къ С. Д. Полторацкому для справокъ о LXX толковникахъ по Гансу Бокбиндеру, а С. П. Шевыреву билетъ отъ Персіанинова на похороны его жены. Проѣхалъ къ И. Д. Бѣляеву, коему сообщилъ свѣдѣнія о священнослужителяхъ изъ бояръ.

17. Рано утромъ я занимался чтеніемъ богословія и Русской исторіи; потомъ ходилъ на отпѣваніе жены П. Θ. Персіанинова, которая страдала въ болѣзни 26 лѣтъ. Съ А. А. Алексѣевымъ я провожалъ покойную до Лазарева кладбища, гдѣ поклонился своимъ родителямъ и дѣтямъ.

18. Я ѣздилъ въ Донской м. поздравить съ тезоименитствомъ преосвященнаго Евгенія, котораго нашель въ Голиц. церкви, и у него обѣдалъ съ Новоспасскимъ архимандритомъ, прокуроромъ Лопухинымъ, бывшимъ въ Грузіи прокуроромъ Измайловымъ, Котельницкимъ священникомъ, Заяицкимъ свящ., всего семеро.

25. Я отвезъ на почту письмо мое къ В. П. Панаеву о поставленіи 5 мѣдн. досокъ надъ гробницами вел. княгини и князя у Спаса на Бору въ притворѣ.

26. Я ходилъ на освященіе храма Свят. Николая въ Подкопаяхъ, который освящаль митроп. Филаретъ съ преосвященнымъ Никаноромъ. Возглашено было многолѣтіе патриарху Александрійскому Героею. Главный престолъ, великолѣпно отдѣланный, во имя Казанскія Божіей Матери, придѣлъ во имя Св. Николая. Иконопись и стѣнопись въ Греческомъ пошибѣ Рогожина; рѣзба и позолота богатая. Народу было множество. Обѣдъ роскошный въ домѣ Н. И. Каулина, къ которому заѣзжалъ и митрополитъ благословить трапезу. Тамъ я возобновилъ знакомство съ г. Хлудовымъ, который меня звалъ къ себѣ.

Февраль. 4. Въ Моск. Архивѣ кн. М. А. Оболенскій сообщилъ мнѣ для прочтенія секретныя бумаги кн. Прозоровскаго о раскольникахъ 1792 г. и м. Гаврила.

9. Въ Екатерининской богадѣльнѣ осматривалъ въ столовой 8 портретовъ, искусно писанныхъ на холстѣ, поясныхъ, кои изображаютъ матросовъ и солдатъ Петра I; на портретахъ, вышиною 1 арш., шириною $\frac{1}{2}$ арш., написанъ на хартіи послужной ихъ списокъ. Всѣ сіи, по большей части столѣтніе, ветераны призирались въ Матросской богадѣльнѣ, основанной Петромъ I. Они погребены на Семеновскомъ кладбищѣ. Церковь круглая; алтарь болѣе на Сѣверъ, чѣмъ на Востокъ между столбами, коими окружена церковь. Св. иконы въ ней изъ Воск-

ресенской ц. Хоры. Все зданіе Екатерининской богадѣльни составляетъ двухъэтажный квадратъ на берегу Яузы. Заѣхавъ къ попу Преображенскаго кладбища, я ему прочелъ свою статью объ этомъ богадѣльномъ домѣ и отдалъ Іосифовъ Потребникъ для доставленія А. Е. Сорокину. Обѣдалъ я у И. Ѡ. Гучкова, который за Латинскія книги для гимназіи далъ 80 р.

10. Съ М. А. Оболенскимъ ѣздилъ осматривать очищаемую палату Романовыхъ, гдѣ открываются прежнее расположеніе покоевъ, прежнія узкія и маленькія окна и двери, тайники и подвалы изъ бѣлаго камня съ печурами въ стѣнахъ. Тамъ нашли тяжеловѣсный кирпичъ XVI в. съ двуглавымъ орломъ, съ опущенными крыльями, безъ короны. Кирпичи разнаго рода, есть вѣсомъ въ 25 ф. Въ фундаментѣ находятся надгробные камни. Есть пристройки неизвѣстнаго назначенія. Оттуда я проѣхалъ съ кн. М. А. въ Екатерининскую богадѣльню, гдѣ я показывалъ ему 8 портретовъ современниковъ и сослуживцевъ Петра I, солдатъ его и матросовъ. Они написаны по повелѣнію Екатерины II, при коей учреждена богадѣльня эта, слывающая Матросскою, потому что здѣсь была слобода матросовъ, отъ коихъ и мостъ и площадь слывуть *Матросскими*. Мы списали съ трудомъ разобранныя надписи на портретахъ, содержація въ себѣ послужной списокъ изображенныхъ. Кн. М. А. вызвался пожертвовать на возобновеніе этихъ портретовъ и на рамы 1000 р. с.

15. Я обѣдалъ у А. И. Лобкова съ М. П. Гучковой и съ чиновникомъ изъ горнаго правленія. Кутежъ мнѣ противный.

18. М. П. Гучкова прислала мнѣ ведро прекрасной своей капусты. Поутру были у меня писат. нар. Евреиновъ, который читалъ мнѣ свое *воззваніе къ крестьянамъ*, потомъ отъ Прохорова его приказчикъ съ Далматскимъ священникомъ Таневичемъ, собирающимъ для выкупа православной церкви деньги 3600 флор. Я прочелъ и поправилъ его воззваніе къ православнымъ о пособіи.

23. Я ходилъ въ Шереметевскую больницу на праздникъ и дорѣгой дважды упалъ. Служилъ митроп. Филаретъ и раздавалъ билеты невѣстамъ; вынимались имъ билеты по 200 р., 800 и 1000 р. ас. Я приглашенъ былъ къ обѣду, гдѣ сидѣлъ противъ Хавскаго и кн. Леонида Голицына и Шереметева. Послѣ обѣда я зашелъ къ тамошнему протопопу съ Голицынымъ, Шереметевымъ и Бѣляковымъ. Тамъ потолковали о разныхъ предметахъ, между прочимъ объ урочищахъ.

Мартъ. 3. Поутру я ѣздилъ на похороны Я. В. Прохорова, котораго отпѣвалъ строитель Берлюковскій Пареевій, а похоронили на Дорогомиловѣ, куда я провожалъ его. Народу было множество; тамъ встрѣ-

ТИЛЪ МНОГИХЪ ЗНАКОМЫХЪ. О ПОКОЙНИКѢ ЖАЛѢЛИ, КАКЪ О ДОБРОМЪ И БЛАГОЧЕСТИВОМЪ ЧЕЛОВѢКѢ.

4. Я ходилъ къ В. Д. Шлыкову, которому казалъ перстень гербовой его предка, Ѳ. Ѳ. Ш., данный мнѣ кн. Оболенскимъ. О. Парѣеній прислалъ мнѣ свое сочиненіе о Промыслѣ Божиємъ, а А. А. Мартыновъ привезъ экземпляръ моего описанія Знаменскаго м. и Романовской палаты. Ночью прѣѣзжалъ ко мнѣ Поддлюшниковъ, котораго я рекомендовалъ для реставрированія 8 портретовъ въ Екатерининской богадѣльнѣ.

5. Въ Успенскомъ соборѣ узналъ о кончинѣ архитектора Н. И. Чичагова, потомъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ дѣлалъ выписки изъ газетъ 1766 г. и читалъ дѣло о богадѣльняхъ 1776 г. По порученію кн. М. А. Оболенскаго и по просьбѣ А. А. Мартынова, я написалъ представленіе къ министру двора о книгѣ Описанія Знаменскаго м. Послѣ обѣда я ходилъ къ митр. Филарету, у котораго встрѣтилъ графа С. Строганова, попенявшаго мнѣ, что я забылъ его. Готовясь къ службѣ, митрополитъ не могъ читать моей статьи.

6. Въ Гл. Архивѣ М. И. Д. сдѣлалъ выписки изъ дѣлъ комиссіи о духовныхъ имѣніяхъ касательно богадѣленъ и кладбищъ, мнѣніе митроп. Платона. Кн. М. А. Оболенскій читалъ мнѣ письма свои графу Адлербергу и В. И. Панаеву.

7. Къ Н. И. Крылову, съ коимъ прочелъ свою статью о Преображенскомъ. Онъ ее одобрилъ. Къ нему прѣѣхалъ А. А. Майковъ, съ коимъ толковали объ устройствѣ Московскаго университета и о вредѣ отъ партій. Майковъ довезъ меня до дому.

9. По просьбѣ В. Е. Чертовой я ѣздилъ въ ея пріютъ на Швинной горкѣ экзаменовать питомищъ въ предметахъ преподаванія. Изъ Закона Божія и Русской исторіи онѣ отвѣчали удовлетворительно. Всѣхъ питомищъ 47. Три класса удобныхъ, но дортуары плохи, тѣсны и сыры; столъ очень умѣренный, но достаточный.

11. Ѣздилъ къ М. А. Максимовичу, который взялъ у меня мою тетрадь о Преображенскомъ селѣ съ тѣмъ, чтобы показать ее Кошелеву. Отъ него я завернулъ къ барону Рейхелю, который далъ мнѣ прочесть мнѣнія князя Меншикова и Безобразова противъ замысленной эмансипаціи; ихъ я завезъ къ зятю для прочтенія.

13. Въ Архивѣ придворной конторы у Ставровскаго нашелъ планъ стараго и новаго Преображен. дворцовъ, изъ коего сдѣлалъ выписку для себя; въ Кремлѣ встрѣтилъ М. А. Максимовича съ женою молодой Марьей Васильевной; обѣдалъ у Н. В. Сушкова, который мнѣ читалъ послѣ обѣда отрывокъ о Дружескомъ Обществѣ Новикова, а я ему ввѣденіе въ лубочныя картинки.

15. Всенощную слушалъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ и раздавалъ вербу митроп. Филаретъ, видимо клонящійся къ концу своему. Кажется, въ послѣдній разъ служить.

17. Къ Г. С. Строганову, которому прочелъ свое введеніе въ лубочныя картинки. Онъ хвалилъ и совѣтовалъ хорошенько осмотрѣть коллекціи. У него въ кабинетѣ упала большая люстра, которая могла его убить.

18. Свою статью о Преображенскомъ кладбищѣ и приказѣ отдалъ М. А. Максимовичу, который обѣщалъ ее напечатать въ Русской Бесѣдѣ и прислать мнѣ за нее деньги.

23. Въмѣсто Норова министромъ народнаго просвѣщенія назначенъ Е. П. Ковалевскій. Пріѣзжалъ кн. М. А. Оболенскій съ извѣстіемъ въ отношеніи графа Адлерберга, что Государь повелѣлъ мнѣ и Мартынову за поднесеніе ему и Императрицѣ описанія палаты Романовыхъ выдать подарки.

30. Переѣхавъ черезъ Москву рѣку на лодкѣ, я отправился въ Донской м. къ преосвященному Евгенію поздравить его съ праздникомъ и получилъ отъ него въ благословеніе семейству артось. У него я познакомился съ генераломъ Костомаровымъ, ученикомъ моего отца, съ его женой и дочерью. Оттуда я прошелъ на Зацѣпу къ Изм. Як. Ковалевскому; не заставъ его, я отправился къ княгинѣ Лобановой-Ростовской, которая познакомила меня съ своимъ сыномъ, пріѣхавшимъ изъ Константинополя, и по его просьбѣ послалъ ему посмотреть экз. моего описанія палаты Романовыхъ.

Апрѣль. 1. Я продолжалъ ст. о Преображенскомъ полку; написалъ отвѣтное письмо Сергѣю Александровичу Соболевскому. На своей лошади въ непогоду и по дурной дорогѣ поѣхалъ въ Преображенское, гдѣ осмотрѣлъ святой колодезь, потомъ на именины къ г.г. Гучковымъ, гдѣ видѣлся съ А. И. Лобковымъ, съ П. Н. Замятинымъ, Сичинскимъ и пр.

3. Въ канцеляріи Закревскаго я отдалъ 3 р. с. священнику изъ Бокоди-Катаро Филиппу Таневичу, Австрійскому подданному, собирающему на выкупъ православной церкви. Потомъ я заѣхалъ къ А. И. Лобкову, который собирался къ Асафу Александровичу Морозову, къ которому и я отправился на обѣдъ. Тамъ я встрѣтилъ доктора Гульковскаго, Некрасова, Титова, Плигина и пр. Пили много, но меня Богъ хранилъ. Молю, да соблюдаетъ Онъ меня отъ искушеній и преткновеній, увлекающихъ меня.

4. Былъ у В. Д. Шлыкова, который сообщилъ свѣдѣнія объ Екатерининской богадѣльнѣ, слушалъ обѣдню въ Никитскомъ м., заѣзжалъ къ Петру Ив. Бартеневу, потомъ къ барону Рейхелю.

5. Князь М. А. Оболенскій привезъ мнѣ пожалованный мнѣ Государемъ Императоромъ брилліантовый перстень.

8. Я ходилъ пѣшкомъ къ Подделюшникову смотрѣть портреты инвалидовъ, имъ реставрированные; потомъ отвезъ къ директору 4 гимназій Рейхелю 5 экз. Собранія Русскихъ пословиць, за кои получилъ отъ него 10 р. с.; отъ него къ Св. Николѣ на Ваганьково на поминаненіе Я. В. Прохорова и на поминальный обѣдъ, послѣ коего я заѣхалъ съ графомъ М. Толстымъ къ квартальному И. В. Панченко, который показывалъ самородное на сучкѣ дерева изображеніе Богоматери.

9. Поутру я ѣздилъ осматривать Еватерининскую богадѣльню, ея палаты и церковь, мѣсто Приказа Преображенскаго, острогъ и колодезь святой. Въ богадѣльнѣ разспрашивалъ старожила, слѣпца Ивана Михайлова, бывшаго тамъ въ 1812 году, потолковалъ съ Преображенскимъ священникомъ и съ А. Е. Сорокинымъ, потомъ навѣстилъ Санглена.

11. Я былъ у В. И. Лешкова, отъ коего узналъ о внезапной смерти на улицѣ профессора Карла Франц. Рулье.

12. Я рассказалъ переданное мнѣ отъ Богословскаго происшествіе съ Валицкимъ, у котораго обобрали по приказанію военнаго губернатора Назимова сокровища, полученныя его дѣдомъ по завѣщанію Франц. королевы, и его держали въ острогѣ съ годъ за то, что онъ жаловался на грабежъ.

13. Съ Андреемъ былъ у поздней обѣдни на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митрополитъ Филаретъ. Потомъ я ѣздилъ посмотреть картины въ лавкѣ Родіонова, къ П. И. Иванову, на отпѣваніе профессора Рулье въ лютеранскую ц., гдѣ видѣлъ многихъ профессоровъ.

15. Я ѣздилъ къ А. А. Мартынову въ день его рожденія, отъ него къ П. И. Бартеневу и къ кн. М. А. Оболенскому, которому подарилъ одно письмо митр. Евгенія и оставилъ для списанія три письма митр. Евгенія.

19. Я ѣздилъ къ Д. А. Ровинскому, съ которымъ разсматривалъ лубочныя картинки его и мои.

22. Въ засѣданіи комитета по возобновленію дома Романовыхъ разсматривали планы Рихтера. Въ зданіи три этажа, четвертый деревянный будетъ надстроенъ, вышка и свѣтлицы.

24. Отслушавъ обѣдню у Трехъ Радостей, я, по приглашенію, обѣдалъ у А. И. Лобкова съ настоятелемъ Херсонскаго м. Св. Владимира о. Евгеніемъ, питомцемъ преосвященнаго Иннокентія, съ Шевыревымъ, Гульбовскимъ, Погодинымъ и Егоровымъ. Толковали о разныхъ предметахъ и подкутили.

27. Я ходилъ пѣшкомъ къ празднику въ Зачатьевскій м., гдѣ праздновали Неопалимой Купинѣ и поднимали новый колоколь въ 207 п. Мнѣ

тамъ дали по св. просфорѣ священникъ и игуменя Матридія, которая пригласила меня къ завтраку своему. Тамъ есть двѣ чудотворныя иконы: Милостивыя Богородицы и Орошенное Руно. Оттуда я прошелъ къ М. А. Максимовичу, у котораго встрѣтилъ г. Кошелева и получилъ за свою статью еще 30 р. с.

28. Въ мѣняльной лавкѣ я купилъ портретъ Петра II. Вечеру я ходилъ поздравить съ генеральскимъ чиномъ товарища по Московскому Университету и сосѣда М. Ѡ. Спасскаго. Митр. Филаретъ уѣхалъ въ Троицкую лавру.

29. Ходилъ въ духовную типографію къ П. А. Безсонову на счетъ лубочныхъ картинокъ.

Май. 7. Въ Сандун. баняхъ нѣкто, разбивъ окно въ женской половинѣ, закричалъ: потолокъ горить. Всѣ бросились нагія черезъ окошки на улицу. Позорище!

8. Семикъ. День моего ангела. Ко мнѣ пріѣзжали поздравлять съ именинами: В. П. Флеровъ, А. И. Извольскій, Н. Я. Богословскій, П. М. Поповъ и другіе. У насъ обѣдали: Н. В. Сушковъ, С. П. Шевыревъ, М. А. Максимовичъ, Н. Я. Ковалевскій, Н. Я. Богословскій, А. П. Извольскій, Славигъ съ женою, Городищева, зять съ дочерью моею, которая привозила ко мнѣ моего внука и крестника Сашу, гулявшаго по саду. Послѣ обѣда пріѣхалъ Н. И. Крыловъ. Вечеру Андрей мой затѣялъ музыку, которая играла въ саду и покояхъ, гдѣ танцовали.

14. День жаркій. Я ѣздилъ къ кн. М. А. Оболенскому показать ему портретъ Петра II, отъ него въ штабъ справиться о переводѣ Андрея въ кавалерійскій полкъ, къ М. А. Максимовичу, къ кн. О. П. Лобановой-Ростовской; навѣстилъ больную куму свою М. В. Бобарыкину; обѣдалъ, по приглашенію, у А. И. Мясоѣдова, у котораго встрѣтился съ А. Н. Муравьевымъ, возобновилъ знакомство съ прежнимъ товарищемъ по Университету Платономъ Гавриловичемъ Родзянкою, который меня радушно, повидимому, встрѣтилъ. Мы попиروвали. Тамъ я видѣлся съ генералами Толмачевымъ, Казаковымъ и Рейхелемъ.

22. Зашелъ къ священнику ц. Всѣхъ Святыхъ спросить о томъ, когда св. икона Боголюбскія Богородицы поставлена надъ Варварскою башнею. Онъ отвѣчалъ, что ему изъ дѣлъ неизвѣстно это, но образъ этотъ послѣ мора отданъ въ вѣдомство Приказа О. П., а Іюля 22-го 1842 г. возвращенъ въ вѣдомство церкви Всѣхъ Святыхъ, какъ до того было. По дорогѣ я зашелъ въ новую лавку Щепкина, гдѣ встрѣтился съ его отцемъ.

25. Ѣздилъ въ Сокольники къ П. И. Иванову, но, не заставъ его, встрѣтилъ Иверскую Божию Матерь въ домѣ противъ него, гдѣ нечаян-

но нашелъ Д. П. Алексѣева и съ нимъ помолился и позавтракалъ; оттуда къ А. А. Медынцеву, у котораго и обѣдалъ; отъ него опять къ П. И. Иванову, у котораго встрѣтилъ бывшаго въ Севастополѣ доктора. Онъ рассказывалъ о безпорядкахъ и утратахъ въ эту войну, гдѣ, полагаетъ, погибло отъ болѣзней до 400 т. ч. Тутъ я видѣлъ Заливскаго. Съ П. И. я гулялъ по рощѣ и разговаривалъ о разныхъ предметахъ до полночи.

27. Я съ сенаторомъ А. И. Мясоѣдовымъ ѣздилъ въ Измайлово, гдѣ осматривали соборъ и новыя въ немъ украшенія, помѣщенія инвалидовъ удобныя и опрятныя, больницы, аптечку, библиотеку, столовую, убранную прекрасными портретами царскими, мраморнымъ бюстомъ Николая I. Столовая раздѣляется на двѣ половины. Въмѣсто деревянныхъ лѣстницъ дѣлаются каменные. Кушанье здоровое, сытное и вкусное, Кажется, здѣсь все придумано, чтобы доставить призрѣваемымъ покой и удобство въ жизни. Потомъ осматривали чугунные ворота, каменный мостъ черезъ рѣчку, фонтанъ, новые корпуса на мѣстѣ старыхъ одноэтажныхъ и стѣнъ, противъ церкви бараки для лѣтняго житья и корпусъ для семейныхъ, паркъ на дворѣ и вокругъ его. Всѣхъ призрѣваемыхъ 420 человекъ. Пруды чистятъ; когда ихъ наполняютъ водою, тогда видъ будетъ прекрасный, пустится рыба. Я совѣтовалъ возобновить верхнюю церковь. У А. И. Воробьева, получившаго Персидскій орденъ, академикъ Т. показывалъ начатую имъ картину Измайловскаго собора и дворца. А. И. Мясоѣдовъ настоялъ, чтобы на этой картинѣ и меня написать, какъ описателя Измаилки. Оттуда мы проѣхали къ И. Ѡ. Гучкову, который сказывалъ, что въ Саввинѣ м. за трапезой митроп. Филаретъ часто ссылался съ благоволеніемъ на меня. А. И. М. завезъ меня въ мой домъ и пилъ у насъ въ саду чай.

28. Я ѣздилъ къ И. Е. Багдадову просить о помѣщеніи дѣтей г-жи Карасъ въ В. Д.; совѣтовалъ миѣ взять докторское свидѣтельство. Навѣстилъ М. М. Малову, осматривалъ св. икону Боголюбской Богородицы, помолился въ ц. Трехъ Радостей, завезъ къ г. Шевыреву его книгу, заѣхалъ къ Н. В. Сушкову. Послѣ обѣда окончилъ описаніе Варварскихъ воротъ.

30. Я ходилъ въ Набилковское училище на экзамень изъ Закона Божія. Директоръ осматривалъ со мною заведеніе и церковь. П. И. Ивановъ отсюда завезъ меня домой и у насъ посидѣлъ. Часу въ 12 пополун. я уже легъ спать; но нечаянно, какъ бы по нѣкому побужденію, взглянулъ въ окно своего кабинета и увидѣлъ на улицѣ пламя. Осторожно далъ знать женѣ, наскоро одѣлся, вышелъ на улицу и увидѣлъ горящіе противъ насъ и Медовщикова дома.

31. Съѣхалась наконецъ пожарная команда. Пылали два дома, и загорался уже третій деревянный подлѣ 2 этажнаго дома противъ нашихъ воротъ. Но пожарные отстояли. Полиц. Замятинъ оберегалъ нашъ домъ, добрый Н. Я. Богословскій охранялъ ворота. Огненный дождь падалъ на наши кровли и дворъ. Но Божій и Божіей Матери покровъ защитилъ и спасъ. Съ 1812 по 1857 годъ не было въ нашей улицѣ пожаровъ. Многіе навѣщали насъ.

Июнь. 1. Поутру я ѣздилъ на Большую Ордынку къ доктору Правдину Ивану Васильевичу просить о свидѣтельствѣ капитану Бѣлину по ходатайству г. Кацари и г-жѣ Карась. Онъ послѣднее находилъ труднымъ, но обѣщалъ помочь, сколько можно. Отъ него я преѣхалъ въ ц. Св. Троицы въ большихъ Лужникахъ. Въ ней я нашелъ довольно старинныхъ образовъ, какъ-то: Предста Царица въ придѣлѣ, Свят. Николая съ чудесами, Св. Іоанна Предтечи, на коемъ съ тыла была надпись, что сія икона ц. Іоанна Предтечи, что на Вертячемъ колодецѣ, который находился въ саду Боткина. Объ этомъ урочищѣ значится въ Книгѣ царскаго жалованья, гдѣ сказано, что ц. Свят. Николая (придѣлѣ) подѣ Симоновымъ. Въ XVII в. почти все пространство между церковью и монастыремъ было не застроено, и эта церковь была приходскою. Тамъ встрѣчаются урочища: Щипокъ, Зацѣпа и Дербень, на коихъ, по сказанію 80-лѣтняго священника Николая Вас. Страхова, жили недобрые люди, воры и мошенники, которые на Зацѣпѣ зацѣпляли прохожихъ, на Щипкѣ—оципывали, на Дербени—обдирали. Этотъ старикъ помнитъ моего отца и мое дѣтство. Отъ него я проѣхалъ въ Донской м., гдѣ еще засталъ обѣдню, послѣ коей зашелъ къ преосвященному Евгению и съ нимъ побесѣдовалъ о разныхъ предметахъ. Оттуда я проѣхалъ къ А. И. Мясоѣдову, у котораго и обѣдалъ.

8. Вечеромъ посидѣлъ у насъ кн. М. А. Оболенскій, который привозилъ показать мнѣ утвержденные Государемъ образчики для обоевъ въ Романовской палатѣ.

9. Услышалъ о смерти Ѡ. И. Черепихина, который, выучившись костоправскому искусству, безмездно служилъ страждущему человѣчеству. Безсовѣстное корыстолюбіе костоправа Нечаева побудило его рѣшиться на этотъ подвигъ.

10. Я ѣздилъ на отпѣваніе Черепихина въ ц. Св. Никиты Мученика въ Басманной; провожали многіе его гробъ, увѣнчанный цвѣтами.

12. Я поѣхалъ на похороны А. И. Лобковой, которая жила съ мужемъ 36 лѣтъ въ супружествѣ благочестно и добродѣтельно. Отпѣвалъ митроп. Филаретъ съ протопресвитерами Успенскаго собора и Архангельскаго. Тамъ я встрѣтился съ Николаемъ Сергѣевичемъ Образцовымъ,

который обѣщаль доставить мнѣ луб. картинки Мамаево побоище и видѣ Соловецкаго м., грав. 1703 г. Стеченіе было большое. Покойницу похоронили въ Покровскомъ м. Заупокойный обѣдъ былъ въ домѣ А. И.

13. Въ Измайлово къ старушкѣ именинницѣ Агулиѣ Ѳедоровнѣ Городовой, которая была мнѣ очень рада. Я поклонился погребеннымъ на погостѣ церкви родственникамъ своимъ, многое вспомнилъ о лѣтахъ дѣтства своего; по дорогѣ навѣстилъ Санглена.

14. Поѣхалъ по приглашенію обѣдать къ А. М. Титову, одобрилъ. Хозяинъ любитъ угощать винами; но пить до дна, не видать добра. Мнѣ это тягостно и непристойно. О обстоятельства!

16. Я ходилъ пѣшкомъ на Лазарево кладбище помолиться на могилѣ отца моего, скончавшагося въ этотъ день. Надгробный камень его я нашель осыпаннымъ листьями дикой розы-шиповника. Тамъ, отслушавъ обѣдню и поклонясь праху родныхъ и знакомыхъ, помолился на перепутьѣ Великомученику Трифону. Дома помянули мы блинами родителя.

18. Я отнесъ княгинѣ О. П. Лобановой-Ростовской надпись на гробницу ея сына*); отъ нея въ дождь домой. Въ городѣ купецъ Н. П. Мухинъ заавалъ меня позавтракать.

24. Позднюю обѣдню слушалъ я въ ц. Успенія на Дмитровкѣ, гдѣ отпѣвали 80-лѣтняго священника, отца профессора С. И. Баршева. У гроба стояли два его сына, генералы, оплакивали дочери. Счастливый отецъ! Съ Крюковымъ я осматривалъ надгробныя надписи церкви Рождества въ Путинкахъ.

Іюль. 10. Были у меня г. Кацари и іерей И. Н. Авичковъ, который взялъ у меня для прочтенія кн. объ иконописаніи. Я ѣздилъ въ Измайлово къ г. Воробьеву, съ которымъ примирилъ иконописца Леонтія Петрова и съ ними осматривалъ надписи въ соборѣ и видѣ собора съ окружающими его зданіями, который пишетъ академикъ Тютюновъ. Я отдалъ надпись, сочиненную мною, объ основаніи этого собора.

11. Съ А. А. Мартыновымъ я ѣздилъ осматривать и описывать палаты Романовыхъ; описали ихъ внѣшность, стѣны, окна и двери, орнаменты уцѣлѣвшіе, подставы и рѣшетки желѣзныя въ окнахъ, поддѣлки новымъ кирпичемъ и пр. Въ фундаментѣ нашли обломки надгробныхъ камней. Пообѣдавъ въ Троицкомъ трактирѣ съ А. А., я отправился на именины къ Ольгѣ Павловнѣ Извольской, которая была мнѣ очень рада.

---

*) Это былъ даровитый князь Михаилъ Борисовичъ, котораго статью о мюрадизмѣ на Кавказѣ см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 г. II. Б.

12. Въ Знаменскомъ монастырѣ служилъ соборнѣ митр. Филаретъ, возвратившійся вчера поутру въ 9 ч. изъ Троицкой лавры. Предъ литургіею онъ совершилъ панихиду объ упокоеніи императоровъ Россійскихъ отъ Петра I до Николая I, императриць отъ Екатерины I до Елисаветы Алексѣевны, царей отъ родоначальника царствующаго дома, царя Михаила Ѳеодоровича Романова, до Іоанна Алексѣевича, наконецъ родителя царскаго, патріарха Филарета Никитича. Послѣ литургіи былъ молебень о здравіи и благоденствіи Государя Императора Александра Николаевича, возобновленіемъ родового дома, августѣйшихъ предковъ своихъ при Знаменскомъ м. чтущаго ихъ память. Такое торжественное священнодѣйствіе нашло живое участіе въ жителяхъ Москвы; не смотря на будничныи день, церковь полна была народа. При этомъ присутствовалъ предсѣдатель комиссіи возобновленія палаты бояръ Романовыхъ, кн. М. А. Оболенскій и нѣкоторые изъ членовъ ея. Мартынову я отдалъ въ церкви статьи свои въ Русскую Старину.

13. Я ѣздилъ къ графу Гейдену просить о переводѣ Андрея во Владимирскій уланскій полкъ и о письмѣ рекомендательномъ къ генералу-лейтенанту Безобразову. Онъ общалъ мнѣ и то и другое, хотѣлъ прислать за Андреемъ; поговорилъ о Русской исторіи. Я заѣхалъ къ Д. И. Сушковой, у которой встрѣтилъ г. Кублицкаго, княгиню Мещерскую и П. В. Сушкова; тамъ обѣдалъ.

14. Я отнесъ вечеромъ статью свою къ митроп. Филарету, который, прочитавъ ее, прислалъ ко мнѣ съ своими примѣчаніями.

15. У Ю. Н. Бартенева встрѣтился съ г. Арсеньевымъ и Петромъ Григорьевичемъ Кичевымъ, сыномъ унив. учителя. Онъ показывалъ свои записки о 1812 г. Съ нимъ я обѣдалъ у хозяина, и толковали о разныхъ предметахъ, духовныхъ и историческихъ.

16. Съ А. А. Мартыновымъ ѣздилъ осматривать Романовскій домъ. Въ немъ три житія: одно верхнее, въ коемъ одинъ покой, обращенный на улицу, раздѣлено на 4 комнаты, подлѣ него къ Западу покой со сводами и съ сѣдалищами въ стѣнахъ, съ потаенной лѣстницею въ стѣнѣ наверхъ, два покоя на Югъ подъ сводами; въ среднемъ подвалъ. Этажъ два покоя съ монаст. сводами холодные, безъ печей; въ нижнемъ, большею частію, складенномъ изъ бѣлаго камня, два окна на Востокъ съ отливами подъ пятами коробоваго свода и съ печурами въ стѣнахъ. Въ него ведутъ два входа, одинъ съ Юга, другой съ Запада. Кирпичъ есть въ 18 и 20 ф. вѣсомъ. Этотъ подвалъ наз. медушею. Съ А. А. Мартыновымъ я обѣдалъ въ Троицкомъ трактирѣ.

17. Поутру я ходилъ пѣшкомъ къ кн. М. А. Оболенскому; въ редакцію Московскихъ Вѣдомостей отослалъ статью свою о *памяти царя Михаила Ѳеодоровича въ Знаменскомъ м.* Кн. М. А. уступилъ я собраніе

11 писемъ знамен. людей за 20 р. сер. Онъ увѣрялъ меня, что въ Москвѣ никто больше его меня не любитъ. Ко мнѣ приносилъ иконописецъ Лентій Петровъ составленную мною надпись въ Измайловскій соборъ, въ коей я сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны.

23. Вечеромъ ко мнѣ заѣзжалъ Н. В. Сушковъ прочесть мнѣ свое возраженіе на критику Тихонравова.

25. Я встрѣтился съ професоромъ Бодянскимъ и Алберто Штричемъ изъ Хорваціи, который рекомендовался мнѣ, и я ему подарилъ 1 экз. своего дополненія къ Русскимъ пословицамъ. Заѣхалъ къ А. Θ. Вельтману, у котораго познакомился съ генераломъ Д. Д. Ахлестышевымъ. Обѣдалъ у А. А. Петрова, отъ него прошелъ къ митроп. Филарету, которому казалъ надпись для доски при закладкѣ возобновляемой палаты Романовыхъ. Я ему предложилъ написать надъ проѣздами Воскресенскихъ воротъ прежде бывшія на нихъ св. иконы Воскресенія Христова и пр., сломать надкладенный верхъ надъ древнею церковью Св. Трифона и послалъ къ нему записку. Вечеромъ былъ у меня кн. М. А. Оболенскій, который привезъ мнѣ копію съ отношенія г. министра двора о желаніи Государя Императора присутствовать на освященіи Романовской палаты.

26. По дорогѣ на Лазарево кладбище я заѣхалъ въ церковь Св. Трифона, взлѣзалъ по стремянкѣ на крышу смотрѣть главу и ея шею, закрытыя кровлею, потомъ къ обѣднѣ на кладбище, гдѣ служилъ панпихиду по батюшкѣ и матушкѣ, раздалъ милостыню на поминъ.

27. Съ А. Е. Сорокинымъ осматривалъ за Преображенскимъ кладбищемъ на Юго-Востокъ островокъ на Хапиловкѣ, гдѣ, вѣроятно, была крѣпостца Петрова, упоминаемая Берхгольцемъ (Она примыкаетъ къ фабрикѣ Шляпкина). Дорога къ ней вела изъ Преображенскаго полка. На кладбищѣ я замѣтилъ, что каменная часовня надъ Ильею Ковыльнымъ, въ готическомъ вкусѣ, о 9 главкахъ съ крестами. Въ ней теперь ставятъ гробы съ покойниками прежде установленнаго для похоронъ дня. Въ женскомъ отдѣленіи, гдѣ болѣе 400 призрѣваемыхъ, нѣтъ церкви, а соборная часовня. Оттуда я проѣхалъ къ Д. П. Алексѣеву и просилъ о призрѣніи круглаго сироты изъ Евреевъ Михаила. Велѣлъ прислать его къ себѣ. Я ему предаралъ пожертвовать въ Романовъ домъ, возобновляемый Государемъ, и сообщить объ этомъ другимъ.

29. Я ѣздилъ въ Чудовъ м., гдѣ встрѣтилъ И. И. Серезневскаго, съ которымъ былъ у К. И. Невоструева.

30. Въ засѣданіи комиссіи о возобновленіи дома Романовыхъ занялся споръ о надписи на доскѣ; разсуждали о церемоніалѣ закладки.

31. Съ кн. М. А. Оболенскимъ я ѣздилъ къ митр. Филарету спросить его о мѣстѣ и порядкѣ освященія закладки возобновляемой Рома-

новской палаты въ Знаменскомъ м. Показали ему надпись для доски, которую онъ, внимательно прочитавъ, нѣкоторыя слова измѣнилъ, другія дополнилъ. Я ему предложилъ встрѣтить Государя съ на престольнымъ крестомъ, вкладу матери царя Михаила Ѳеодоровича, велик. инокини Марѣы, и привѣсить къ образу Знаменія пелену ея 1630 года. Митроп. Филаретъ совѣтовалъ послѣ многолѣтня царю Александру Николаевичу возгласить вѣчную память его прапрадѣдамъ Михаилу и Филарету. () надписи моея князь хотѣлъ писать графу Адлербергу съ тѣмъ, чтобы онъ доложилъ о ней Государю.

Августъ. 1. Я ѣздилъ къ А. И. Философову, который принялъ меня радушно и поговорилъ со мною о Нижегородскомъ комитетѣ, который перессорился и почти весь разошелся. Вслѣдъ за нимъ я поѣхалъ во дворецъ къ Великому Князю Михаилу Николаевичу, который принялъ меня очень ласково, спрашивалъ о моемъ здоровьи и о моихъ занятіяхъ, представилъ меня, какъ своего руководителя, супругѣ своей, которая меня привѣтствовала, наконецъ благодарилъ за посѣщеніе и пожалъ мнѣ руку. Тамъ я встрѣтилъ графа Закревскаго, который сказывалъ мнѣ, что у него гостилъ мой Миша. Отъ великаго князя я прошелъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ. Великій Князь съ великою княгинею сопровождали крестный ходъ на Москву рѣку. Я обѣдалъ у Н. В. Сушкова съ г. Бодянскимъ; отдалъ ему за 2 экз. его книги 5 р. с.

2. Обѣдно я слушалъ у Св. Василія Блаженнаго, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ. Тамъ m-lle Жюніо сказала мнѣ, что она слышала отъ Анке о назначеніи меня инспекторомъ пансіоновъ.

4. Поутру я ѣздилъ къ И. И. Серезневскому, которому отдалъ книгу г. Сушкова объ Университетскомъ Пансіонѣ и просилъ написать о ней извѣстіе. Отъ него къ А. Ѳ. Вельтману, потомъ къ К. В. Прохорову, у котораго я обѣдалъ; прочли съ нимъ занимательное сочиненіе архимандрита Ѳеодана: Предостереженіе отъ увлеченія духомъ настоящаго времени. Онъ мнѣ подарилъ икону Божіей Матери съ Св. Троицей на персяхъ, написанную по видѣнію одной Англичанки.

7. Романовскій домъ осматривали князя П. И. Трубецкой, Львовъ, Оболенскій, архитекторъ Рихтеръ. Обѣдалъ я у П. П. Никифорова.

8. Я прочелъ Жизнь княгини Дашковой съ республ. предисловіемъ Герцена.

11. Заѣхалъ къ Г. М. Крашенинниковой, обѣдалъ у нея, и съ нею и графомъ Хвостовымъ ѣздилъ въ Измайлово, осматривали соборъ, помѣщеніе инвалидовъ, бараки и пр. Былъ я еще у К. М. Романовскаго. Видѣлъ во снѣ, будто при мнѣ загорѣлась приходская наша церковь.

Изъ нея вынесъ я образъ Божіей Матери Смоленской, а матушка моя изъ алтаря на престольный крестъ. Кн. Оболенскій показывалъ мнѣ утвержденіе министромъ двора моей надписи для доски въ Романовскомъ домѣ.

13. Былъ у меня съ Михельсономъ Германъ Яковлевичъ Апелъротъ*) для покупки у меня мельницы и лѣсу въ Сокольникахъ; давалъ за ту и другую 13 т. р. с.

14. Митроп. Филаретъ въ Троицкой лаврѣ боленъ и не встрѣчалъ Государя, прибывшаго туда въ полночь на 12 число.

15. Обѣдалъ въ Синодальной конторѣ, гдѣ возобновилъ знакомство съ графомъ Гейденомъ, который познакомилъ меня съ г. Рамзаемъ и пилъ за мое здоровье. Тамъ же со мною познакомился Московскій оберъ-полицейместеръ князь Крапоткинъ, который пилъ за мое здоровье. Съ нимъ и съ Ѳ. П. Корниловымъ и еще съ какимъ-то генераломъ ходили мы смотрѣть Патриаршую ризницу и библіотеку.

18. Съ Андреемъ я ѣздилъ къ празднику св. Флора и Лавра, гдѣ нашли у ограды церковной лошадей съ вплетенными въ гривы ихъ цвѣтами и гдѣ П. Ѳ. Персіяниновъ поднесъ мнѣ св. просфору. Навѣстилъ я Н. В. Сушкова, который сообщилъ мнѣ слѣдующую эпиграмму М. Дмитриева:

Позвольте, почтенный, узнать,
Какъ имя ему, забіякъ?
Ужель Тихонравовъ? Придется же дать
Не по шерсти клычку собакъ.

19. Написалъ я письмо къ кн. М. А. Оболенскому о закладкѣ дома Романовыхъ; предлагалъ ему, въ случаѣ болѣзни митрополита, поручить слово С. Г. Терновскому, написать картину закладки, прочесть при церемоніи надпись, снести съ Гучковымъ на счетъ пожертвованія. Отъ него я прѣхалъ въ Донской м., засталъ обѣдню, которую служилъ преосвященный викарій Евгений. Народу было множество, не смотря на дождикъ. Я обѣдалъ у преосвященнаго архіепископа Евгенія съ преосвященными Евгениемъ и Никаноромъ, съ нѣкоторыми архимандритами, Сербскимъ протопопомъ, бывшимъ въ Тифлисѣ прокуроромъ Измайловымъ и пр. Во время стола прѣхалъ къ преосвященному графъ Блудовъ, который съ четверть часа занималъ хозяина.

20. Навѣстилъ больную куму свою М. В. Бобарыкину и К. С. Макова, который мнѣ сказывалъ, что графъ Закревскій, забывъ старую его службу и дружбу, гонитъ его изъ адресъ-конторы. Я обѣдалъ у П. П. Никифорова съ генераломъ Переверзевымъ.

*) Бывшій некогда учителемъ Нѣмецкаго языка въ Рязанской гимназіи, человекъ отъменно образованный, умѣвшій возбуждать любознательность своихъ учениковъ. П. В.

21. **Ө. П. Корнцлова** я просилъ объяснить графу **А. А.** на счетъ бумаги кн. **М. А. О.** о пожертвованіи купечества на возобновленіе палатъ Романовыхъ. Отъ него я проѣхалъ въ Знаменскій м., гдѣ съ архимандритомъ осматривалъ пелену съ вышитымъ образомъ Знаменія Божіей Матери 1630 г., которую онъ выдалъ митроп. Филарету за образъ; потомъ обозрѣвалъ возобновляемое зданіе. Послѣ обѣда у меня былъ градской глава **Е. Ө. Гучковъ** на счетъ пожертвованія.

22. Я ѣздилъ на освященіе дома Попечительства Медико-фармацевтическаго для вдовъ медицинскихъ чиновниковъ въ Казенномъ переулкѣ на Покровкѣ, гдѣ предсѣдателемъ сего комитета Павелъ Николаевичъ Кюльдишевскій. Возглашено многолѣтіе царскому дому, вѣчная память боярину Дмитрію Петровичу Горихвостову, благотворителю этого заведенія, и многолѣтіе членамъ комитета. Послѣ молебствія съ водосвятиемъ приходскій священникъ отъ Введенія сказалъ безъ приготовления назидательное и умилительное привѣтствіе членамъ Попечительства и прирѣвваемымъ. Затѣмъ пито было за здравіе, долгоденствіе и благоденствіе Государя, августѣйшей попечительницы сего Попечительства, потомъ членовъ. Послѣ сего посѣтители осматривали помѣщеніе прирѣвваемыхъ, спокойное и удобное, въ верхнемъ и нижнемъ этажѣ; при домѣ прекрасный садъ. Г-жа Кюльдишевская просила меня описать это освященіе. Послѣ обѣда я ходилъ навѣстить митроп. Филарета.

24. Въ ц. Св. Флора и Лавра встрѣтилъ **П. Ө. Персіянинова**, котораго я просилъ ссудить меня 600 или 700 р. с. для обмундированія сына моего. Онъ не отрекся и обѣщаль доставить и даже былъ у меня въ 4 ч. послѣ обѣда съ увѣреніемъ о готовности своей пособить мнѣ. Отъ него я прошелъ къ **Г. М. Крашенниковой** и въ Успенскій соборъ къ празднику первосвят. Петра поклониться св. его мощамъ. Оттуда я проѣхалъ на Троицкое подворье, гдѣ митроп. Филаретъ служилъ въ первый разъ послѣ своей болѣзни по пріѣздѣ изъ Троицкой лавры и посвятплъ въ архимандриты Угрѣшскаго игумена Пимена, которому я сообщилъ перечень историческихъ свидѣтельствъ о его монастырѣ съ XIV по XVII в.

25. Поутру привезъ мнѣ **П. Ө. Персіяниновъ** 300 р. въ заемъ до Октября. Я далъ для прочтенія студенту Сырейщикову первыя проповѣди митроп. Филарета 1806 г.

26. Пріѣхалъ въ Москву Государь съ Государыней наканунѣ. Крестный ходъ отложенъ до 27 Августа. Съ Ивановской колокольни я смотрѣлъ выходъ Императора съ Императрицею. Ихъ встрѣтилъ рѣчью митроп. Филаретъ у южныхъ дверей Успенскаго собора и послѣ молитвословія въ ономъ провожалъ ихъ въ Чудовъ м. Я былъ у Государева духовника.

28. Въ засѣданіи комиссіи о возобновленіи дома бояръ Романовыхъ. Были всѣ члены. Читали предписанія министра двора и церемональ. Между Рихтеромъ и Кене завязался споръ на счетъ обоевъ и старинныхъ вещей, представленныхъ Волковымъ для покупки въ домъ Романовыхъ. Предсѣдатель кн. М. А. О. возобновилъ мое предложеніе устроить въ Знаменскомъ м. придѣлъ во имя Св. Михайла Малеина, соименнаго царю Михаилу Феодоровичу.

29. Я написалъ свою домашнюю духовную и началъ описаніе торжественнаго освященія обновленія Романовскихъ палатъ.

30. Въ 12 часу я туда поѣхалъ на закладку. Отъ Лобнаго мѣста до Варварскихъ воротъ улицы были полны народа, всѣ крыши близъ лежащихъ домовъ тоже, всѣ окна, монастырь. Мѣсто для водоосвященія на помостѣ противъ самыхъ палатъ Романовыхъ покрыто было краснымъ сукномъ и коврами. Государь съ Государыней, наслѣдникомъ и двумя великими князьями, съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ и принцемъ Ольденбургскимъ прибыли во 2 часу и встрѣчены при входѣ въ соборную церковь митроп. Филаретомъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, и въ сопровожденіи его вступилъ въ храмъ, гдѣ прикладывался къ св. иконамъ и гдѣ начать былъ молебенъ, который продолжался въ крестномъ шествіи до мѣста закладки. По окончаніи водосвятія митроп. Филаретъ поднесъ Государю и Государынѣ, великимъ князьямъ и принцамъ животворящій крестъ матери царя Михаила Феодоровича. Затѣмъ поднесъ Государю образъ Спасителя, а Государынѣ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы и сказалъ слово. При освященіи мѣста закладки, Государь положилъ въ углубленіи мѣдную доску съ надписью. Я поднесъ ему и великимъ князьямъ на серебряномъ блюдѣ серебряныя монеты царя Ивана Васильевича. Государь спросилъ: «Почему полагаются сіи монеты?» Я отвѣчалъ: «Потому, что домъ сей строенъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, родственникомъ Романовыхъ». При представленіи меня княземъ М. А. Оболенскимъ Государю, онъ сказалъ: «Желаю вамъ успѣшно окончить это дѣло». Осматриваніе покоевъ. Гдѣ ни появится Государь, вездѣ народъ встрѣчалъ его восторженнымъ кликомъ ура. Послѣ обѣда я ходилъ къ митр. Филарету, прочелъ ему начало моего описанія сего торжества. Онъ его весьма одобрилъ и ничего не замѣтилъ, сказавъ, что не находитъ ничего ни прибавить, ни убавить, ни перемѣнить. Онъ благословилъ мою рукопись. Обѣщалъ прислать мнѣ свое слово на этотъ случай.

Сентябрь. 1. Митр. Филаретъ прислалъ мнѣ свою рѣчь, а государевъ духовникъ В. Б. Бажановъ самъ привезъ ко мнѣ свои проповѣди. Я былъ въ Преображенскомъ. Въ церкви Преображенія освящали образъ

Преображенія Господня, устроенный и украшенный на иждивеніе офицеровъ Преображенскаго полка.

2. У М. П. Капниста я занялъ 1000 р., изъ коихъ отдалъ ему процентовъ 120 р. с.

4. Кіевскій митроп. Исидоръ изъ Москвы поѣхалъ въ Троицкую лавру. Я заѣзжалъ къ В. П. Флерову, который при цензорѣ Безсомыкинѣ подписалъ мою духовную.

5. Поутру я ѣздилъ къ редактору Московскихъ Вѣдом., который просилъ у меня дозволенія перепечатать въ сборникѣ мои статьи изъ Московскихъ Вѣдомостей. Зашелъ я къ митр. Кіевскому Исидору, который разспрашивалъ о моемъ семействѣ и рассказывалъ о своихъ дѣлахъ. Встрѣтись у него съ Чудовскимъ архимандритомъ Паисіемъ, я сказалъ митрополиту: о. архимандритъ, какъ ученикъ мой, обличаетъ меня въ лѣтахъ моихъ. Я смотрѣлъ въ 9 часу комету съ хвостомъ вверхъ въ видѣ пука розогъ.

6. Я отвезъ статью свою объ освященіи въ Знаменскомъ м. къ князю А. И. Крапоткину, который принялъ меня очень ласково. Я ему предложилъ напечатать мою статью въ П. Г. съ платою мнѣ за нее, сказавъ, что за свои литературные труды берутъ не только графы, но и графини, разумѣя Ростовчину и Салиасъ. Онъ согласился.

10. Я ѣздилъ въ Чудовъ м. служить молебенъ на путь: встрѣтилъ тамъ своего ученика Рышкова, съ нимъ расцѣловался и поговорилъ объ иконахъ Богоматери, пис. евангелистомъ Лукою.

11. Приѣхали въ полдни въ Тулу, обѣдали у гг. Ждановскихъ; на другой день приѣхали въ Мценскъ; отслуживъ молебенъ Свят. Николаю въ соборѣ, приѣхали въ свое Подчерное.

13. Тамъ слушалъ я обѣдню въ приходской церкви, куда внесъ вкладомъ атласный стихарь.

14. Провелъ время въ деревнѣ, осматривая хозяйственныя заведенія, молотьбу, ѣздилъ по полямъ верхомъ, дня три за болѣзнію горла сидѣлъ дома, былъ въ банѣ 3 раза.

21. Послѣ обѣдни и молебна на дому я отправился въ Мценскъ, гдѣ остановился у Опенкина. которому продалъ хлѣбъ.

23. Въ Москву я приѣхалъ къ обѣду благополучно.

26. Я былъ у д. Г. И. Сокольскаго, у котораго забылъ свою палку, потомъ у Крашенинниковой.

27. Жена ѣздила въ Даниловъ м. служить молебенъ св. Касіану Римлянину. У меня былъ Русскій лѣкарь Леонтій, который лѣчитъ Андрея.

28. Я былъ въ ц. Св. Адриана и Наталіи, гдѣ митр. Филаретъ святилъ малымъ освященіемъ главный престолъ, возобновленный Перловымъ.

30. Былъ на отпѣваніи друга моего и ученика П. М. Попова, ди-

ректора Коммерческаго училища, который положенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ, куда я проводилъ его.

Октябрь. 1. Старушка, опредѣленная мною въ Набилковскую богадѣльню, принесла мнѣ образъ св. Іоанна Евангелиста и св. просфору. Я ѣздилъ въ крестный ходъ. Служилъ митр. Филаретъ.

5. Я былъ на освященіи храма Св. Духа въ церкви Св. Николая въ Толмачахъ митр. Филаретомъ, по приглашенію старосты Медынцева. Обѣдъ у старосты. Оттуда я проѣхалъ къ А. И. Мясоѣдову, у котораго обѣдали ген. отъ инфант., первоприсутствующій въ Сенатѣ Аѳанасій Емельяновичъ Толмачевъ, В. И. Панаевъ, Павелъ Петр. Липранди, Козаковъ, П. П. Никифоровъ, Стрекаловъ. За обѣдомъ поразвеселились порядочно, послѣ обѣда жженка. Я благодарилъ Панаева за многіе опыты его ко мнѣ благорасположенія. Онъ былъ доволенъ; рассказывалъ много любопытнаго изъ современной исторіи. Я его довезъ до Аксакова.

7. Съ В. И. Панаевымъ, А. И. Мясоѣдовымъ, П. П. Липранди и П. П. Никифоровымъ ѣздилъ въ Измайловскую военную богадѣльню. Тамъ осматривали столовую, соборъ, помѣщенія инвалидовъ, больницу, придворную церковь и царскія при ней комнаты Николая I, бараки, паркъ. Позавтракавъ ходили на кладбище инвалидовъ и на могилъ П. П. Мартынова, директора богадѣльни, по моему предложенію, служили панихиду. Оттуда на обѣдъ къ П. П. Никифорову.

9. Читалъ соч. митрополита Филарета о догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи Греческаго семидесяти толковниковъ и Славянскаго переводовъ Св. Писанія.

12. Въ Понедѣльникъ Наполеоновцы 1812 г. вошли въ Москву 2 Сентября; съ Суботы на Воскресенье съ 11 на 12 Октября вышли изъ нея. Нынѣ 46 крестный ходъ въ память сего событія; его сопровождали митр. Филаретъ, архіепископъ Евгений, слѣпой старецъ 80 л., и викарій Евгений хворый. Всѣмъ тремъ 200 лѣтъ. Простого народу было множество, также довольно изъ средняго сословія; но изъ высшаго сословія я не замѣтилъ никого, развѣ А. Муравьева, какъ церковнаго писателя, какъ будто дѣла вѣры не интересуютъ и не касаются дворянства нашего. На свадьбѣ сына г. Сопѣлкина встрѣтилъ знакомыхъ мнѣ генераловъ Мясоѣдова, Липранди и Ховена, которые были мнѣ рады. Угощеніе было роскошное, музыка прекрасная, которая между прочимъ играла первый маршъ Преображенскаго полка при Петрѣ I. По возвращеніи молодыхъ изъ церкви, сѣли за столъ въ 7 часовъ вечера.

Въ Чудовѣ я засталъ еще митроп. Исидора, отправляющагося въ Кіевъ; принялъ его благословеніе и намекнулъ ему, что онъ не поспѣтитъ меня. Митр. Исидоръ извинился недосугами и сказалъ, что хотѣлъ было заѣхать, но кучеръ провезъ въ другую улицу. «Лучше хорошо думать о людяхъ, нежели худо», примолвилъ онъ, и такъ мы простились.

24. Я ѣздилъ къ обѣднѣ въ церковь Всѣхъ Скорбящихъ Радости на праздникъ. Преосвященный Евгеній, которому возвратилъ я его книгу о вредномъ вліяніи іезуитовъ и указъ объ опредѣленіи его ректоромъ семинаріи, говори о нынѣшнемъ положеніи дѣлъ касательно крестьянскаго вопроса, сказалъ между прочимъ, что, «не смотря на всѣ происки и козни иностранныхъ державъ противъ Россіи, Господь пошлетъ мудрыхъ и правдивыхъ мужей, которые вразумятъ Государя и устроятъ дѣла; Россія чрезъ испытаніе очистится. Можетъ статья, только дворянство потерпитъ. Но безъ жертвъ нѣтъ искупленія и спасенія. Русскій народъ разумный и приверженъ къ вѣрѣ и церкви. Опасны только раскольники: это *status in statu*».

Ноябрь. 2. Я ходилъ на освященіе вновь сооруженной церкви Св. Николая Красный Звонъ. Освящаль митр. Филаретъ съ Андроньевскимъ архимандритомъ Платономъ и протопресвитеромъ Московскаго Успенскаго собора Новскимъ. Тамъ я встрѣтилъ ген.-л. Мясоѣдова и Липранди, съ которыми обѣдалъ у старосты церковнаго Полякова.

13. Я ходилъ на выносъ А. Д. Черткова, бывшаго предводителемъ въ Москвѣ и предсѣдателемъ Историческаго Общества. Обѣдню и проповѣдь архимандрита Евстафія слушалъ въ Златоустенскомъ м.

15. Я ходилъ пѣшкомъ къ Н. В. Сушкову на его раутъ, гдѣ было 112 человекъ. Тамъ я видѣлся съ графомъ Гейденомъ, который обѣщаль исполнить мою просьбу о моемъ сынѣ въ Январѣ, извиняясь, что не можетъ исполнить теперь; вѣлялся съ барономъ Рамзаемъ, познакомился съ А. П. Ахматовымъ (сыномъ воспитанника моего отца, Петра Антон.), съ библиографомъ М. Н. Лонгиновымъ, съ писателемъ графомъ Толстымъ, съ гр. Уваровымъ, который спрашиваль, отчего я ничего не пишу. Между мужчинами шель разговоръ объ эмансипаціи, всякій по своему судилъ; между женщинами свѣтскія рѣчи, обмѣнъ комплиментами. Уваровъ по большей части говорилъ съ племянницей хозяина. Ужинали.

16. Ранняя обѣдня въ Грачахъ. Я казалъ священнику въ Журналѣ Землевладѣльцевъ, № 10 сего года, слова о духовныхъ училищахъ въ смѣси: «Семинаріи наши при теперешнемъ ихъ составѣ и состояніи къ этому (т. е. образованію пастырей церкви) совершенно негодны, да и самыя духовныя академіи требуютъ раціональнаго преобразованія, въ особенности относительно ихъ исключительнаго положенія. Теперь, навѣрное, ни одинъ порядочный отецъ, естественно дорожащій нравственностію своего сына, ни за что не рѣшится отдать его въ Духовную Академію, а тѣмъ менѣе въ Семинарію. Самое это названіе, по моему мнѣнію, должно быть изгнано изъ Русскаго языка: до того оно опошлилось и омерзѣло. Слово семинаристъ стало почти браннымъ словомъ, выражающимъ презрѣніе». Это пропустилъ цензоръ Гиляровъ, воспитанникъ и учитель Московской Духовной Академіи!

19. Я ходилъ къ И. С. Аксакову, который возвратилъ мнѣ мою статью о селѣ Преображенскомъ подъ тѣмъ предлогомъ, что я слишкомъ нападаю на раскольниковъ, которымъ не позволяютъ возражать, что я хвалю обращеніе ихъ, сущую комедію.

Денябрь. 1. Ходилъ поздравить митр. Филарета съ тезоименитствомъ; ему наступилъ 77 годъ. У него возобновилъ знакомство съ Никитской игуменьей изъ роду Головиныхъ.

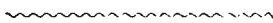
3. Вчера умерла графиня Ростопчина, поэтесса.

7. Ходилъ въ Покровскую богадѣльню на освященіе церкви во имя Св. Александра Невского митр. Филаретомъ. Иконостасъ устроенъ въ древнемъ стилѣ, образа старинные или написаны въ старинномъ пошибѣ, стѣны расписаны въ томъ же стилѣ. Иконостасъ въ четыре пояса. вмѣсто огромнаго паникадила лампада съ нѣсколькими свѣтильниками. Трапеза и примыкающая къ ней зала украшены изображеніями дѣяній изъ Св. Писанія, между коими поставленъ портретъ митр. Филарета вмѣсто образа. Вообще все расположеніе храма прилично. Послѣ обѣдни митр. Филаретъ сказалъ слово о храмахъ, какъ дѣлъ Богу угодномъ, о храмѣ Іерусалимскомъ и Москов., потомъ кропилъ помѣщеніе богадѣльниковъ. За обѣдомъ я сидѣлъ между Аверкіевымъ и Ѳ. П. Корниловымъ, вблизи съ А. И. Лобковымъ. Аверкіевъ, потчевалъ меня Шампанскимъ. Пили за здоровье Государя, митрополита и пр. Священникъ просилъ меня сдѣлать описаніе храму и освященію его. По дорогѣ я заходилъ на панихиду къ тѣлу графини Ростопчиной, окруженному только семьей. На вопросъ мой, сколько ей лѣтъ, мужъ отвѣчалъ мнѣ: 47 л.

21. Ѳзидилъ въ с. Преображенское, съ священникомъ осматривалъ церковь. По его наблюденію старое Преображенское было позади церкви на сѣверной сторонѣ, гдѣ видны еще остатки жилья, фундаментъ и три улицы; тамъ былъ старый дворецъ, опис. Берхгольцомъ. Итакъ въ Преображенскомъ было три дворца съ церквами. Недавно умершій тамъ 102-лѣтній старикъ Семенъ Иван. сказывалъ священнику, что Преображенскій Приказъ находился противъ нынѣшней Матросской богадѣльни, а противъ Преображенской церкви были пустыри и близъ ея цейхаузъ.

29. У П. Ѳ. Глѣбова-Стрѣшнева нашелъ фабриканта Кусова, который сказывалъ, что въ СПб. въ Фонарномъ переулкѣ найденъ князь Долгорукій, пораженный 4 ударами кинжала.

30. Въ засѣданіи комиссіи Романовскаго дворца разсуждали о выборѣ мебели и утварей для него. Прекословіе Рихтера, который хочетъ все выказать себя одного. А. А. Мартыновъ предложилъ мнѣ присобрѣсти у меня обзорніе Московскихъ урочищъ за 250 р. с.

ИЗЪ ДѢЛА ОБЪ ОПРОКИНУВШЕЙСЯ КОЛЯСКѢ СЪ ВЕЛИКИМИ КНЯЗЬЯМИ НИКОЛАЕМЪ И МИХАИЛОМЪ ПАВЛОВИЧАМИ. 1822 ГОДА.

Его императорскому высочеству цесаревичу великому князю Константину Павловичу. Правителя Бѣлостокской области пятого класса графа Волловича рапортъ.

Ихъ императорскія высочества великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, на обратномъ пути своемъ изъ города Варшавы, прибывъ въ Бѣлостокъ 24-го истекшаго Февраля, изволили имѣть здѣсь почлегъ, а потомъ отправились въ дальнѣйшій путь благополучно; но, прѣхавъ въ городъ Соколку, передъ самою уже почтовою станціею, опрокинулись съ коляскою. Узнавъ о семъ изъ партикулярнаго письма, на другой уже день, и не имѣя официальнаго донесенія, ни отъ Сокольскаго городничаго, ни отъ тамошняго земскаго исправника, я тотъ же часъ послалъ на счетъ ихъ ассесора Областнаго Правленія для изслѣдованія, отъ чего и какимъ образомъ означенное приключеніе послѣдовало. Чиновникъ сей, по произведенію надлежащаго по сему предмету слѣдствія, оное мнѣ представилъ, по коему оказалось, что помянутое приключеніе произошло слѣдующимъ образомъ. Когда коляска подъѣзжала къ почтовой станціи тихимъ шагомъ, въ то время стоявшая въ нарядѣ противъ самаго почтоваго дома артилерійская рота отдавала ихъ императорскимъ высочествамъ честь съ барабаннымъ боемъ, коего, а равно и при бывшемъ тогда вѣтрѣ шатавшихся султановъ испугавшись лошади сперлись на лѣво къ почтовому дому и, вѣхавъ съ коляскою на крыльцо изъ двухъ ступеней состоящее, хотя остановились, но коляска, потерявъ равновѣсіе опрокинулась, не причинивъ однакожь никакого ихъ высочествамъ вреда, какъ то подробно явствуетъ изъ представляемыхъ у сего въ спискахъ отношеній, къ производившему слѣдствіе чиновнику, командира батареинной гранодерской артилерійской роты г-а подполковника Карачинскаго и Сокольскаго городничаго надворнаго совѣтника Веверна. По сему, хотя выше прописанное приключеніе послѣдовало отъ непредвидѣннаго случая, за всѣмъ тѣмъ, усматривая изъ произведеннаго слѣдствія, что крыльцо при Сокольской почтовой станціи

сдѣлано такимъ образомъ, что на ступени онаго могутъ вскакивать колеса, предписалъ я передѣлать оное соотвѣтственно мостовой въ такомъ видѣ, дабы колеса вскакивать не могли, а равно подтвердилъ городничимъ и исправникамъ имѣть строгое наблюденіе, дабы почтовые лошади по всей возможности приучены были къ барабанному бою. О всемъ томъ поставляю себѣ долгомъ симъ вашему императорскому высочеству донести. *Правитель Бѣлостокской области графъ Волловичъ.*

№ 958. Марта 7 дня 1822 года. Бѣлостокъ.

*

Командиръ 1-ой батареіной гранодерской артилерійской роты Отдѣльнаго Литовскаго Корпуса подполковникъ Карачинскій ассесору Областнаго Правленія Кардиналовскому, 28-го Февраля 1822 года.

При подъѣздѣ экипажа ихъ императорскихъ высочествъ ротою отдана была слѣдующая имъ честь, и барабанички забили походъ. Тогда я примѣтилъ, что лошади вѣроятно испугавшіяся барабаннаго боя, и при бывшемъ тогда вѣтрѣ шатающихся султановъ, начали пятиться къ почтовому двору, и ямщикъ, не могши ихъ своротить, заѣхалъ на возвышеніе находящееся противу самаго крыльца почты, и коляска, потерявши равновѣсіе, опрокинулась. Г-нъ городничій, какъ я могъ только сіе замѣтить, кинулся помогать ихъ императорскимъ высочествамъ выдти изъ коляски, и между тѣмъ собрались люди, дабы поднять коляску; но между тѣмъ ихъ императорскія высочества вышли изъ экипажа, и великій князь Николай Павловичъ сказалъ, что ушибъ немного лобъ, на коемъ, какъ я могъ примѣтить, не было никакого знаку; а Михаилъ Павловичъ не жаловался ни на какой себѣ вредъ, и впрочемъ не оказали никакого неудовольствія, осматривали караулъ, приняли ординарцевъ и отправились въ дальній путь. Что же касается, были ли лошади заузданы или нѣтъ, то я не примѣтилъ, равновѣрно и того, что были ли ямщики въ нетрезвомъ видѣ; г-нъ же городничій при подъѣздѣ ихъ императорскихъ высочествъ находился у крыльца почты.

*

Сокольскій городничій надворный совѣтникъ Вевернъ ассесору Кардиналовскому.

Ихъ императорскія высочества изволили прибыть въ городъ Соколку 25-го числа сего Февраля по полудни въ 1-мъ часу въ сопровожденіи земскаго исправника Козерадскаго, который прибылъ послѣ ихъ императорскихъ высочествъ. При экипажѣ, въ которомъ ихъ высочества изволили ѣхать, были почтари Букштельской почтовой станціи Бартоломей Рынкѣвичъ и Мартинкъ Андрушкѣвичъ, и не были пьяны; въ раз-

сужденіи упряжи не примѣтилъ я никакой неисправности; къ почтовой станціи подѣзжая рысью, а къ самому крыльцу тихимъ шагомъ. Въ то время стоявшая въ нарядѣ противъ самаго почтоваго дома артилерійская рота отдала честь ихъ императорскимъ высочествамъ съ барабаннымъ боемъ, отъ чего лошади испугавшись сперлись на лѣво къ почтовому дому (чему почтари, заглядѣвшись на фронтъ, не предупредили), вѣхали съ коляскою на крыльцо, изъ двухъ ступеней состоящее, и остановились: но лакей, сидѣвшій на козлахъ, соскочивъ на землю, и коляска съ ихъ императорскими высочествами упала на правой бокъ, опираясь на оси и крылья; въ каковомъ случаѣ нельзя было удержать оной потому, что я одинъ только стоялъ при коляскѣ, и то по лѣвой сторонѣ. Примѣчая, что коляска взяла косоое направленіе, и что вѣдетъ на ступени крыльца, кричалъ я на почтари, чтобы остановился; но за барабаннымъ боемъ голосъ мой не былъ слышенъ, и вдругъ сѣдловая лошадь съ почтаремъ Рынкѣвичемъ такъ же упала. Гг. генералъ-маіоръ Вельяминовъ и подполковникъ Керачинскій стояли на правомъ флангѣ фронта, и тутъ вмѣстѣ со мною подскочили къ коляскѣ къ правому боку и пособляли ихъ императорскимъ высочествамъ изъ оной выйтить, а лошадей, кои стояли спокойно, въ ту же минуту велѣлъ я отпречь и коляску поднять. Но въ счастію отъ такого случая ихъ императорскимъ высочествамъ никакого вреда и ушиба не причинено, гдѣ, видя, что мы симъ случаемъ были очень встревожены, ихъ императорскія высочества имѣли столько снисхожденія обратить сіе приключеніе въ шутку, приписывая таковой близъ стоящему фронту и барабанному бою, что и въ самомъ дѣлѣ настоящей тому было причиною. Послѣ чего тотъ часъ принять изволили отъ г. генерала и отъ меня рапорты, пошли къ фронту, которой отпуща на квартиры, вошли въ почтовый домъ, тамъ приняли ординарцовъ и вѣстовыхъ, и во все время пребыванія на Сокольской почтовой станціи даже малѣйшаго неудовольствія не оказывая, отправились въ вождѣленномъ здравіи благополучно въ дальнѣйшую путь до мѣстеча Кузницы. О чемъ и его сіятельству г. правителю области и кавалеру отъ 25-го числа сего Февраля за № 26-мъ обстоятельно мною рапортомъ донесено съ первоотходящею почтою. Февраля 27-го дня 1822 года. Подлинный подписалъ: городничій *Вевертъ*.

(Сообщено П. И. Шуккинымъ).

ПИСЬМО К. С. АКСАКОВА КЪ С. М. ВЕЛИКОПОЛЬСКОЙ.

Письмо это сохранилось въ с. Чукавинѣ, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, въ бумагахъ И. Е. Великопольскаго и супруги его Софіи Матвѣевны рожд. Мудровой, дочери извѣстнаго профессора Московскаго Университета и врача Матвѣя Яковлевича Мудрова, умершей въ Чукавинѣ 7-го Апрѣля 1897 г. Оно любопытно по своему содержанію, представляющему „profession de foi“ Константина Аксакова, выраженное, какъ онъ самъ говоритъ, въ формѣ тезисовъ. По сообщенію дочери Софіи Матвѣевны, Надежды Ивановны Чаплиной, которой мы обязаны полученіемъ этого письма, въ немъ идетъ рѣчь о грамотѣ, относящейся къ роду Аксаковыхъ. Надежда Ивановна помнитъ, кто она видѣла и другое письмо К. С. Аксакова къ ея матери; въ немъ онъ благодарилъ ее за присылку грамоты, о которой пишетъ въ настоящемъ письмѣ.

Б. Модзалевскій.

(Конецъ 1848—начало 1849 г. Москва).

Многоуважаемая Софья Матвѣевна! Благодарю васъ за ваше любезное письмо, благодарю за доброе ваше намѣреніе и стараніе достать мнѣ еще драгоценнѣйшую грамоту. Важны, очень важны для меня всѣ памятники До-Петровской Руси; какъ-же дороги становятся они мнѣ, когда съ ними соединены родовыя воспоминанія! Да гдѣ отыскали вы такую драгоценную коробочку, которая хранитъ наши древнія грамоты? Неужели получили я и вторую, о которой вы говорите?

Видно, давно мы съ вами не видались и не бесѣдовали, если вы мнѣ предлагаете такой вопросъ о Петрѣ. На переворотъ, имъ произведенный, могу я смотрѣть только какъ на испытаніе, посланное нашей Руси, испытаніе въ родѣ Татарскаго нашествія, разоренія Москвы въ 1612, и т. д., съ тою разницею, что онъ тяжелѣ первыхъ. Вліяніе Запада на землю нашу считаю я великимъ зломъ: подражательность всегда безплодна и вредна, но еще вреднѣе, когда она направлена къ такому худому образцу, каковъ Западъ. Не могу, разумѣется, умѣстить вамъ въ письмѣ то, о чемъ можно написать цѣлую книгу. Высказываю вамъ мысли мои какъ тезисы.

Благодарю васъ за доброе слово о моей драмѣ ¹⁾, тѣмъ болѣе, что почитаю ее очень трудною для пониманія. Задача ея была совершенно другая, относительно всѣхъ драмъ доселѣ. Здѣсь жизнь является безъ всякой личности, безъ героя; здѣсь, является смиреніе, а не гордость; здѣсь, какъ и въ Русской жизни, люди Русскіе все относятъ къ Богу, а не къ себѣ. Драма моя не есть художественное произведеніе: здѣсь искусство только средство, чтобы начертать такой высокій строй жизни (жизни Русской До-Петровской), какой не поддается силѣ художественной. Я не поэтъ и поэтомъ быть не хочу.

Послѣ этого ясно будетъ вамъ отчасти, что драгоценный альбомъ вашъ не возбудитъ во мнѣ сильнаго участія. Но, видно, приходится мнѣ сказать въ формѣ тезиса еще другое свое мнѣніе. Искусство,—вы удивитесь, что я говорю это, который прежде такъ жилъ въ поэзіи,—искусство въ настоящемъ смыслѣ слова есть язычество и несовмѣстимо съ жизнію Христіанскою. Въ Католицизмѣ оно могло существовать, ибо Католицизмъ есть (по крайней мѣрѣ во многомъ) Христіанское язычество; но въ нашей Русской жизни, вѣрою Православною основанной, оно быть, какъ искусство, самостоятельно не можетъ: оно можетъ принять лишь служебный характеръ, какъ принимаетъ оно въ иконописи. Вы удивитесь, но, повторяю: примите слова мои, какъ темы, на которыя, если Богъ дастъ, дамъ я вамъ подробныя объясненія.

Посылаю вамъ драму и диссертацию мою ²⁾ съ измѣненіями, которыя сдѣлала цензура въ послѣдней. Диссертация моя написана давно; поэтому переверотъ Петра разсмотрѣвъ тамъ еще очень снисходительно. Вообще, я могъ-бы теперь написать на свою диссертацию сильную критику; хотя въ ней, кажется, должны остаться филологическіе труды, кой-какія мысли о языкѣ, о жизни и еще философская часть,—не какъ истинная, а какъ интересная по труду мысли.

Вижу, что вы дѣятельно проводите время. Поздравляю васъ съ покореніемъ Испаніи ³⁾. Миръ Испанскій, завоеванный вами, тихъ и спо

¹⁾ „Освобожденіе Москвы въ 1812 году. Драма въ 5 дѣйствіяхъ“. М. 1848.

²⁾ „Домоносовъ въ исторіи Русской литературы и Русскаго языка. Разсужденіе кандидата Московскаго Университета Константина Аксакова, писанное на степень магистра философскаго факультета перваго отдѣленія“, М. 1846.

³⁾ С. М. Великопольская, проживавшая въ это время въ имѣніи мужа, И. Е. Великопольскаго, въ с. Чукавинѣ, Старицкаго уѣзда Тверской губерніи, всѣ свои досуги удѣляла искусствамъ (игрѣ на арфѣ, живописи) и изученію языковъ; предъ Испанскимъ она изучила Итальянскій языкъ, подъ руководствомъ проживавшаго у нея въ имѣніи известнаго поэта-импровизатора Ив. Ант. (Джіованни) Джустиніани, о коемъ см. издаваемая мною „Письма Н. Д. Ивачкина-Писарева къ И. М. Спегиреву“, С.-Пб. 1902, стр. 48—50.

коень, и вы царствуете въ немъ гораздо счастливѣе Испанской королевы. Но, однако, завоевательное начало въ васъ сильно: который это уже языкъ покоряете вы?

Прощайте. Еще разъ благодарю васъ за подарокъ, сдѣланный вами, и еще сильнѣе, за тотъ, который вы, будучи такъ добры, хотите мнѣ сдѣлать. Какъ радъ я, что Государь былъ такъ милостивъ относительно Ивана Ермолаевича! ¹⁾ Напишите ему мой поклонъ. Да, я забылъ вамъ сказать: не погнѣвайтесь, что экземпляръ диссертации, посылаемой вамъ, не хорошъ; это единственный напечатанный на порядочной бумагѣ, который у меня оставался. Истинно и глубоко уважающій васъ Константинъ Аксаковъ. Батюшка и маменька и всѣ наши вамъ кланяются ²⁾.

---

¹⁾ 15-го Ноября 1848 г. Ив. Ерм. Великопольскій поручилъ ссуду отъ правительства на веденіе его предпріятія по обработкѣ прядильныхъ растений (См. мою статью „И. Е. Великопольскій“ въ сборникъ „Памяти Л. Н. Майкова“, С.-Пб. 1902, стр. 432).

²⁾ Аксаковы были въ старинныхъ дружескихъ связяхъ съ семьей М. Я. Мудрова и П. Е. Великопольскимъ.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА ВЯЗЕМСКАГО КЪ ГРАФУ СЕРГІЮ ДМИТРІЕВИЧУ ШЕРЕТЕВУ, ОТЪ 12 ІЮЛЯ 1877 ГОДА.

Получ. 19 Іюля 1877 въ Обретениѣ (въ Болгаріи).

Я давно собирался вамъ писать; но вы знаете какъ я тяжело на подъемъ и какъ мысль моя рабски привязана къ одной преслѣдуемой мною цѣли. Я весьма давно знаю, что мечтательность вредитъ дѣлу и что дѣла идутъ и совершаются наперекоръ мысли; тѣмъ не менѣе и все попрежнему сосредоточиваю мысли на одномъ исключительномъ предметѣ, и мнѣ не хватаетъ положительно времени для поддержки необходимыхъ сношеній съ людьми даже близкими моему сердцу. Вотъ Бюлеръ такъ молодецъ! Онъ изъ кожи лѣзетъ ради нашего Общества, хотя и не членъ. Онъ доставилъ намъ двухъ членовъ, предлагаетъ двухъ новыхъ: Казакова, тестя Арапова, и Чарыкова, служившаго въ Московскомъ Архивѣ, а нынѣ, кажется, въ канцеляріи Мин. Иностр. Дѣлъ. Бюлеръ сообщаетъ мнѣ списки замѣчательныхъ рукописей, хранящихся въ Архивѣ, назначаетъ дни свиданія въ Москвѣ, на которые едва ли и попаду: мое присутствіе въ Петербургѣ необходимо, чтобы поддержать признаки жизни въ нашемъ Обществѣ *). Необходимо кое-какъ уладить дѣло съ учеными издателями, чтобы кое-что приготовить къ зимѣ и явиться не съ пустыми руками передъ первымъ общимъ собраніемъ. Всѣ хотятъ издавать важнѣйшіе памятники, а денегъ въ сборѣ нѣтъ, въ кредитъ же работать никто не въ состояніи, ни писцы, ни типографіи, ни литографы.

Кромѣ этого финансоваго вопроса существуетъ еще болѣе важная юридическая помѣха. Общество въ лицѣ своихъ наличныхъ членовъ въ Петербургѣ такъ малочисленно, что оно не имѣетъ права предрѣшать вопросы объ изданіяхъ, требующихъ болѣе года времени и болѣе чѣмъ годовыя средства. Я даже убѣжденъ, что мы не имѣемъ права предпринимать изданій, которыя не были бы окончены къ Ноябрь мѣсяцу, и рисковать на изданія до перваго общаго собранія болѣе чѣмъ треть предполагаемаго сбора. Взглядъ этотъ раздѣляетъ и временная

---

*) Т. е. въ Обществѣ любителей древней письменности. П. Б.

комиссія, коей я заявилъ вышесказанный взглядъ офиціально, т. е. съ занесеніемъ въ протоколъ. Кстати, вамъ слѣдовало бы увѣдомить меня или комиссію, что вы приняли на себя завѣдываніе отдѣломъ церковнымъ и отдѣломъ по изданію роскошныхъ памятниковъ; что вы поручили Гильтебрандту завѣдываніе изданіемъ житія митрополита Алексѣя по I-му отдѣлу и челобитной Вспохова по 6-му отдѣлу (роскошныхъ изданій). Это заявленіе факта уже совершившагося крайне желательно, чтобы пріостановить напоръ претензій по изданію подобныхъ же памятниковъ и направить вызывающихся издавать къ болѣе скромнымъ цѣлямъ. Весьма желательно было бы для меня и для самаго дѣла, чтобы вы при этомъ заявили, что вы поручили мнѣ и П. И. Савваитову изданіе Сказанія о чудесахъ Богородицы, съ приложеніемъ гравированныхъ иконъ Богородицы и нѣсколькихъ снимковъ съ рукописи. Это изданіе уже давно мною подготовлено и, сколько помнится, вы уже видѣли нѣсколько фотолитографическихъ снимковъ у меня. При этомъ, для огражденія себя, вамъ слѣдуетъ присовокупить, что при этомъ изданіи мы не должны выходить изъ той смѣты, которая признана будетъ возможною для изданій текущаго года. Мой расходъ уже совершенъ, и за 9 изображеній Божіей Матери и шесть снимковъ мною израсходовано съ бумагой около трехъ сотъ рублей. Изданіе текста Савваитовымъ обойдется въ 400 или 500 рублей, и этотъ расходъ вполне благоразуменъ въ виду предполагаемаго сбора за текущій годъ. Я самъ хотѣлъ издавать текстъ и отложилъ бы его, можетъ быть, до слѣдующаго года; но въ виду необходимости дать возможность ученымъ оплатить взносъ корректорскимъ трудомъ, я передалъ дѣло Савваитову. Это соображеніе весьма важно, и я вамъ завѣщаю его всегда имѣть въ виду. Въ нашемъ Обществѣ семь ученыхъ, коимъ невозможно ежегодно вносить по двѣсти рублей, если имъ не будетъ предоставлена возможность ихъ заработать. Участіе же ученыхъ необходимо для успѣха дѣла въ техническомъ отношеніи и весьма важно въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ этимъ способомъ устанавливаются правильныя и мирныя отношенія къ ученому міру. Вся задача заключается, чтобы эти семь ученыхъ членовъ посвятили бы себя каждый особому отдѣлу; такимъ образомъ каждый изъ семи отдѣловъ будетъ имѣть своего ученаго представителя. Завѣдывающіе отдѣлами будутъ имѣть опытныхъ помощниковъ, на коихъ они вполне въ правѣ рассчитывать, если того пожелаютъ; какъ бремя падающее на отдѣлъ, оно не представляетъ значительной невыгоды, такъ какъ отъ завѣдывающаго отдѣломъ зависитъ не предоставлять ученому болѣе пяти листовъ, чтобы обезпечить его взносъ. Безъ это минимума, само собою разумѣется, человѣкъ, живущій своимъ трудомъ, не можетъ быть членомъ Общества.

Присланный вами Болгарскій Сборникъ «Соколъ» меня весьма порадовалъ и значительно смягчилъ строгость моего взгляда на дѣятельность нашихъ Славянскихъ кафедръ въ Россіи со времени ихъ учрежденія. Нашей пользы, т. е. учащейся молодежи, они положительно въ виду ни имѣли и не помогли даже собираніемъ свѣдѣній для людей, которые бы пожелали заняться изученіемъ Славянскихъ древностей и языка. Присланный вами Сборникъ представляетъ дѣло съ другой стороны. Здѣсь вліяніе нашихъ кафедръ оказывается весьма благотворнымъ. Планъ, метода преподаванія все рассчитано, крайне обдуманно и даже гениально, въ виду Болгарской интеллигенціи. Жертвуя Русскими интересами и даже достоинствомъ, наши ученые тѣмъ самымъ возбуждали въ молодыхъ поколѣніяхъ Болгаръ привязанность къ древнимъ формамъ церковнаго Славянскаго языка. Таковыя задачи вполнѣ достигнуты въ «Соколъ», и мысль, руководившая наши кафедры, проявляется разумно и съ задатками жизни въ Болгарскомъ сборникѣ, тогда какъ плоды тѣхъ же кафедръ у насъ являются въ видѣ недозрѣлыхъ и разбросанныхъ по полю плодовъ. Мостъ для сближенія насъ съ Болгарами сочиненъ гениально, я долженъ въ этомъ сознаться, не смотря на мое неуваженіе къ проводивамъ этой мысли, можетъ быть и съ весьма узкой, специально-Русской точки зрѣнія. Въ Болгаріи направленіе это крайне желательно поддерживать, т. е. поощрять возрожденіе древняго церковно-Славянскаго языка въ литературѣ и въ гражданскомъ языкѣ. Сильной помощью является самое варварство Болгарскаго языка, который не можетъ обойтись безъ воспріятія посторонняго вліянія, а наши профессора ловко являются навстрѣчу Болгарамъ и говорятъ имъ: вотъ вамъ и ваши книги въ руки. А эти Болгарскія книги суть произведенія письменности Угро-Влахійской Руси, издревль, хотя почти незамѣтно пробивающейся по теченію Дуная и постоянно возобновляющейся выходами изъ Ярослава, Тулы, Тамбова etc.

И современный Болгарскій сборникъ есть чистоРусское произведеніе съ Болгарскими окончаніями словъ. Я имѣлъ нѣсколько Болгарскихъ служителей и съ ними въ теченіе лѣтъ (etc) не могъ обясняться на родномъ нарѣчій: ни они меня не понимали, ни я ихъ. Я провелъ разъ три дня съ потурчившимся Болгариномъ на озерѣ Деркосѣ и кромѣ двухъ Славянскихъ словъ отъ него не слышалъ. Болгаринъ засталъ меня у себя въ домѣ и входя сказалъ мнѣ весьма отчетливо: «не бось, садись», когда я всталъ при его входѣ въ комнату. Въ теченіе же трехъ дней мы понимали другъ друга лишь съ помощью Турецкихъ и Греческихъ словъ. Суровыя или холодныя отношенія Болгаръ къ намъ происходятъ отъ общаго настроенія этого племени: этотъ народъ весьма трудолюбивый и положительный, имъ политическая меч-

тательность и политическія симпатіи совершенно чужды. Въ добавокъ, Русскіе ничего никогда не дѣлали, чтобъ возбуждать къ себѣ привязанность въ народонаселеніи. Грекамъ и Сербамъ мы всегда, особенно со временъ Петра Великаго, всегда оказывали благодѣянія. Греки могутъ быть весьма недовольны нами вслѣдствіе Болгарскаго вопроса; но въ нѣдрахъ семействъ таится еще теплое чувство къ намъ, особенно въ средѣ старыхъ женщинъ, которыя всегда имѣютъ вліяніе. Я убѣжденъ, что и нынѣ Греки намъ болѣе помогаютъ, чѣмъ Болгары, доставленіемъ свѣдѣній и мелкими услугами, которыя несравненно важнѣе, чѣмъ вооруженное содѣйствіе всего христіанскаго народонаселенія. Простите за мечтательность; довольно глупо проповѣдывать изъ уединеннаго кабинета человѣку, находящемуся въ средѣ событій и дѣйствующихъ людей.

Я вамъ ничего не говорилъ о вашихъ изданіяхъ, потому что Гильтебрандтъ мнѣ говорилъ, что онъ вамъ подробно донесетъ. Исполнилъ ли онъ свое намѣреніе, не знаю; а потому вкратцѣ вамъ скажу, что Бычковъ его изгналъ съ его работниками на пятьдесятъ дней, вѣдется по 15 Августа. Помѣха эта крайне обидна для художниковъ, живущихъ своимъ трудомъ и оставшихся безъ работы въ тяжелое время, безъ предваренія заблаговременно. Само собой разумѣется, что работы не могутъ быть окончены къ 15 Ноябрью. Это, можетъ быть, и не бѣда, если война продлится; во всякомъ случаѣ весьма много уже сдѣлано и сдѣлано отлично. Гильтебрандтъ относился къ дѣлу весьма добросовѣстно, и я скорѣе расположенъ былъ бы упрекать его за излишій педантизмъ.

Жена просила меня вамъ сказать, что ей васъ стало жалко, узнавъ, что вы не можете завестись шахматной игрою и посылаетъ къ вамъ Воскресенье доску съ слонами, башнями etc. Шереметевъ ¹⁾ пишетъ, что В. А. ²⁾ видѣлъ Петрушу ³⁾ 7 Юня и нашелъ его бодрымъ и веселымъ.

Не пеняйте на меня за долгое молчаніе и за слишкомъ длинное письмо, сочтите его за три и присылайте книги и рукописи Болгарскія и древне-Славянскія, какъ бы они ни были худы; я вамъ сберегу ихъ до вашего возвращенія. Я занялся на дняхъ собираніемъ народныхъ картинокъ по случаю войны. Сборникъ интересный и многочисленный. Къ сожалѣнію я началъ поздно, а произведенія эти исчезаютъ по мѣрѣ ихъ появленія. Нѣжно васъ обнимаю. Вяземскій.

12 Юля 1877.

¹⁾ Сергій Алексѣевичъ *Шереметевъ*, бывшій въ послѣдствіи главнокомандующимъ на Кавказѣ, въ то время командовалъ тамъ отрядомъ.

²⁾ Василій Алексѣевичъ *Шереметевъ*, Русскій предводитель дворянства, въ то время находился на Кавказѣ съ отрядомъ санитаровъ Московскаго дворянства.

³⁾ Князь Петръ Павловичъ *Вяземскій* былъ тогда въ Кавказской арміи.

умомъ и глубиною чувства. Чтò стало съ бѣднымъ, когда имъ овладѣлъ Иванъ Кутайсовъ, когда роковой отъѣздъ Александры Павловны былъ послѣднею каплею, переполнившюю чашу скорбей обаятельнаго сына Великой Евкаторины?“

Во второмъ томѣ помѣщены письма за первые четыре года XIX столѣтiя; слѣдовательно все изданiе займетъ нѣсколько томовъ. Графъ Нессельроде, какъ человекъ, довольно близко знакомъ читателямъ „Русскаго Архива“ по перепискѣ братьевъ Булгаковыхъ; а политическiя его убѣжденiя выражены въ его запискѣ о необходимости народной политики послѣ Крымской войны („Русскiй Архивъ“ 1872, 337).

Есть мнѣнiе, нелегко опровержимое, по которому наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ при графѣ Нессельроде, вопреки его Нѣмецкому имени, было болѣе Русское, нежели при его преемникѣ (мать котораго была тоже Нѣмка и котораго Бисмаркъ признавалъ полу-Нѣмцемъ).

Мы надѣемся познакомить ближе читателей „Русскаго Архива“ съ издаваемыми нынѣ бумагами графа Нессельроде, котораго внукъ приносить столь цѣнный вкладъ въ Русскую историографiю.

*

Викторъ Антоновичъ Арцымовичъ. Воспоминанiя.—Характеристики.—Съ портретомъ В. А. С.-Пб. 1904. 8-ка, VIII и 823 стр.

Это панегирикъ извѣстнаго Польскаго дѣятеля на Русской службѣ, украшенный тремя прекрасными стихотворенiями его шурина Алексѣя Михайловича Жемчужникова, нестарѣющая

Муза котораго продолжаетъ радовать Русское сердце. Но тутъ нѣтъ биографiи Арцымовича, а она была бы очень важна для исторiи Русскаго общества послѣ-Николаевскаго времени. Сколько намъ извѣстно, Арцымовичъ былъ сыномъ аптекаря въ Бѣлостоцкѣ, привезенъ въ Петербургъ и состоялъ подъ покровительствомъ генерала Вельяминова и его супруги, а успѣхами своими значительно обязанъ женой на единственной дочери М. Н. Жемчужникова, женатаго на Перовской и потому имѣвшаго значительныя связи при нашемъ дворѣ. Въ книгѣ особенно любопытно дѣло С. И. Мальцова, когда Арцымовичъ былъ Калужскимъ губернаторомъ. Разсказъ объ этомъ дѣлѣ надобно сопоставить съ воспоминанiями другого губернатора (Воронежскаго), графа Д. Н. Толстаго, напечатанными въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 года. Узелъ дѣла состоялъ въ умысленной предварительной размѣткѣ по народу манифестовъ 19 Февраля 1861 года и въ запоздалой присылкѣ самаго Положенiя, написаннаго для миллионовъ безграмотныхъ людей, но въ тоже время маловразумительнаго и для грамотнаго люда.

*

Григорiй Григорьевичъ Новицкiй въ воспоминанiяхъ стараго ученика. М. 1903. 8-ка, 59 стр.

Свѣдѣнiя о купеческомъ родѣ Вишняковыхъ (1636—1762), собранные Н. Вяшняковымъ. М. 1903. 8-ка, 38 стр. съ рисунками и снимками почерковъ.

Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанiя кавалергарда (солдата). Тверь 1904. Бол. 8-ка, 129 стр.

ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ

1904 года.

(Годъ 42-й).

Годовая цена „Русскому Архиву“ въ 1904 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой дѣвять рублей; для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которыя подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ приемъ подлинныхъ документовъ и автобиографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработкы и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владельцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаютъ по слѣдующимъ ценамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Θ. И. Тютчева и князя В. Θ. Одоевского), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1879, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890—1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по

7 р.; годы 1898—1903 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій въ полномъ числѣ выпусковъ, не имется.

Переѣзна адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—90 копѣекъ; иногороднаго на Московскій—40 копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ). Просимъ присылать номеръ переѣзнимаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» 1904 года 1, 2, 3 и 4 можно получать по 1 рублю.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Вартеневъ.**

Годъ сорокъ второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1904

8.

Стр.

457. **Княгиня Ангальтъ-Сербская**, мать Екатерины Великой. Ея письма о Россіи, съ Запискою **Марка Шампо**. 1758—1759.
492. Грамота царя **Михаила Федоровича** **А. Г. Пасевьеву**.
495. Неизданная рукопись **И. В. Кудъшевскаго**.
499. Графъ **А. Г. Орловъ-Чесменскій**. Статья **А. А. Голомблевскаго**.
533. Къ исторіи Страннопріимнаго дома графа **Шереметева**.
534. Сто лѣтъ назадъ. Милліція 1833—1807 годсъ и пожертвованія на нее. Статья **Г. А. Горюнскаго**.
555. Дневникъ **И. М. Сивгирева**. 1859-й годъ.
573. Второе путешествіе **Павла Петровича** по Россіи (1798): Дневникъ графа **Г. Г. Кушелева**.
581. Письма **Е. Я. Булгакова** къ его брату. 1814.
594. 1-е Мая (**А. С. Хомякову**). Стихотвореніе **Е. С. Аксакова**.
598. Письма протоіеря **Г. П. Сырохнова** къ Могилевскому епископу **Анастасію Братановскому** о коронаціи **Александра Павловича**.
603. Черты монастырскаго быта въ XVII вѣкъ. Келарь **Діонисій Омачкинъ**. Статья **А. А. Титова**.
615. Шуточное посланіе **С. Д. Нечаева** къ **И. С. Мальцову** и **С. А. Соболевскому**.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1904.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга Осьмнадцатая. Спб. 1904. 8-ка XI и 555 стр.

По мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ въ своей хронологической послѣдовательности трудъ Н. П. Барсукова, все значительнѣе становится его содержаніе. Слишкомъ недавно происходили описываемыя въ ней событія, многія изъ нихъ пришлось сознательно переживать и нашему поколѣнію, и тѣмъ глубже захватываетъ читателя разсказъ историка о дѣлахъ знакомыхъ и не утратившихъ даже подчасъ значенія современности. Въ настоящемъ томѣ взяты въ жизни Погодина промежутокъ времени за 1861 годъ, столь памятный освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ, столь богатый событіями. При этомъ, слѣдуя принятому имъ обыкновенію, почтенный авторъ даетъ гораздо болѣе, чѣмъ обещаетъ: и здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ жизнью только М. П. Погодина, а съ обстоятельной и мастерски написанной картиной общества того времени, при чемъ Погодинъ является, такъ сказать, отирающимъ пунктомъ; и живость изложенія, и глубина изученія предмета отъ этого несомнѣнно выигрываютъ.

Разсказъ начинается съ повѣствованія о манифестѣ 19-го Февраля, о событіяхъ, непосредственно ему сопутствовавшихъ, и о томъ впечатлѣніи, какое онъ произвелъ на Русскихъ людей. Особенно внимательно разсматривается отношеніе къ великому историческому событію самого Погодина, П. С. Аксакова, Шевырѣва, митрополита Филарета и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Погодинъ принялъ даже въ этомъ дѣлѣ живое участіе, выступивъ

со своими „Грамотками“ для вразумленія крестьянъ; по этому дѣлу пришлось ему быть въ Петербургѣ. Погодинъ оказался правъ въ своихъ предвидѣніяхъ: кое-гдѣ крестьяне не умѣли понять точнаго смысла „воли“, результатомъ чего были безпорядки, въ родѣ бунта въ Безднѣ Казанской губерніи, безпорядки тѣмъ болѣе прискорбные, что на неправильную точку зрѣнія склонны были стать и нѣкоторые крайніе элементы нашей интеллигенціи, въ родѣ нѣбѣтнаго Щапова, по поводу дѣятельности котораго г. Барсуковъ сообщаетъ любопытныя подробности объ отношеніяхъ нашихъ Лондонскихъ эмигрантовъ къ расколу. Не взирая на рѣзкость нѣкоторыхъ своихъ взглядовъ, Щаповъ возбудилъ своими трудами участіе Погодина, да и не его одного. Дошло до того, что онъ имѣлъ случай представить записку о государственныхъ преобразованіяхъ самому Императору. Событія въ Казанской и Тамбовской губерніяхъ заставили Погодина снова взяться за перо; имъ написаны въ это время „Два слова о недоразумѣніяхъ нашего времени“. Не безъ вліянія на Погодина прошель и обмѣвъ мнѣній по этому вопросу съ графомъ Д. А. Толстымъ. Въ томъ-же 1861 году началось броженіе умовъ въ Польшѣ. Какъ горячій патриотъ, Погодинъ не могъ оставить безъ вниманія это печальное явленіе, да и не одинъ онъ отдалъ дань своимъ Русскимъ чувствамъ; любопытно, напр., посланіе П. С. Аксакова къ Полякамъ, вызвавшее полемику Аксакова съ Костомаровымъ, который былъ виднымъ противникомъ нашего Славянофила главнымъ образомъ въ силу своихъ Угрянскихъ сочувствій. Отъ Польши перешли къ

КНЯГИНЯ АНГАЛЬТЪ-СЕРБСКАЯ АННА-ЕЛИСАВЕТА, МАТЬ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Ея письма о Россіи *).

Мать Екатерины Великой должна имѣть значеніе въ Русской исторической хроникѣ XVIII вѣка. Она прожила въ Россіи слишкомъ полтора года, была даровита, начитана и наблюдательна. Съ Россіею связаны были ея надежды, и она получала отъ императрицы Елисаветы Петровны значительныя денежныя пособія.

Въ 1758 году, въ самый разгаръ Семилѣтней войны, пламя которой охватило почти всю Европу, Французскимъ резидентомъ въ вольномъ городѣ Гамбургѣ (средоточіи тогдашней торговли и международныхъ сношеній) былъ Маркъ Шампо (Marc de Champeaux). Онъ сблизился съ нашимъ тамошнимъ резидентомъ, Сергіемъ Васильевичемъ Салтыковымъ, и коротко познакомился съ матерью великой княгини Екатерины Анною-Елисаветою, которая въ Февралѣ 1758 года принуждена была бѣжать изъ своего Сербскаго княжества, занятаго войсками Фридриха II-го, и поселилась близъ Гамбурга. Но и тамъ ей нельзя было жить изъ опасенія преслѣдованій короля Прусскаго. Она была въ то время уже вдовою, а единственный сынъ ея находился въ службѣ Австрійской. Страстная къ дѣятельности политической, она переѣхала въ Парижъ, куда ее отвезъ родственникъ Марка Шампо молодой Французъ де-Пуйли (de Pouilly, 1734—1820), впоследствии членъ Французской Академіи. Сохранилось 28 писемъ княгини Сербской къ этому Пуйли, который намѣревался писать новѣйшую исторію Россіи и собиралъ о ней извѣстія (но, кажется, этимъ и ограничился). Во Французской исторіографіи онъ памятенъ своимъ сочиненіемъ о маркизѣ Лопиталѣ, извѣстномъ послѣ Людовика XV-го въ Петербургѣ. Покойный В. А. Бильбасовъ получилъ эти письма отъ викарѣ Шампо-Вернейля и съ своимъ предисловіемъ напечаталъ въ 25-ти экземплярахъ, изъ коихъ однимъ почтилъ насъ.

Приводимъ изъ этихъ писемъ все относящееся до Россіи; но прежде помѣщаемъ записку Марка Шампо, составленную имъ для Французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

---

*) Извлечено изъ книги: Jeanne-Élisabeth, princesse d'Anhalt-Zerbst, mère de Catherine II Impératrice de Russie. Par le prof. B. Bilbassow. S-t Pétersbourg, imprimerie de J. Skorochodow. 1859. Мал. 8-ва. VIII и 205 стр. Копія съ этихъ писемъ сообщилъ въ „Русскій Архивъ“ покойный князь Августинъ Петровичъ Голицынъ. Цербстъ есть Нѣмецкое произношеніе имени „Сербскъ“. Въ нашихъ бумагахъ Елисаветинскаго времени княжескій домъ этотъ пишется по старинѣ *Сербскимъ* (см. 1-ю книгу сборника „Осмнадцатый Вѣкъ“). П. Б.

Франція въ то время всячески добивалась отвлечь Россію отъ связи съ находившеюся въ войнѣ съ нею Англіею. Посоль Англіійскій Ганбурн-Вильямсъ и служившій при немъ графъ Станиславъ Понятовскій были въ близкихъ сношеніяхъ съ великою княгинею Екатериною, которая по уму своему тогда уже имѣла первенствующее значеніе въ Петербургѣ. Франгузы надѣялись подѣйствовать на нее, т. е. отвлечь въ свою пользу черезъ ея мать и С. В. Салтыкова, съ которыми Екатерина находилась въ перепискѣ. Вотъ почему княжна Ангальтъ-Сербская встрѣтила во Франціи ласковій приѣмъ.

Записка Марка Шампо о Русскомъ дворѣ въ царствованіе Елисаветы Петровны.

У Елисаветы Петровны былъ женихомъ одинъ изъ князей Голштинно-Евтинскаго дома. Онъ очень ей полюбился. Онъ умеръ въ Петербургѣ, и съ тѣхъ поръ она всегда выражала свое расположеніе къ этому дому. Сестра этого ея жениха, вдовствующая княгиня Сербская, искусно воспользовалась такимъ расположеніемъ, и, благодаря ей, Елисавета Петровна склонилась къ мысли женить великаго князя на княжнѣ, ея дочери. Княгиня съ дочерью поспѣшили отправиться въ Петербургъ; но прежде чѣмъ они туда прибыли, Елисавета Петровна послала къ княгинѣ Сербской довѣреннаго человѣка, приказавъ ему познакомить княгиню съ различными мнѣніями, которыхъ держались окружающія ея лица, и настоять, чтобы княгиня не сближалась ни съ кѣмъ изъ нихъ, а въ случаѣ невозможности отдала бы предпочтеніе Лестоку и Шетарди.

Вдовствующая княгиня такъ и сдѣлала. Вскорѣ великій князь и княжна были торжественно обручены, и повидимому весьма другъ другу понравились. Великій князь былъ 21*) года, наружности въ то время довольно привлекательной, права живого и пылаго; молодая княжна отличалась красотою и миловидностью. Императрица прогнѣвалась на вдовствующую княгиню за то, что она приняла участіе въ дворскихъ проискахъ. Была минута, когда полагали, что свадьба не состоится; буря прошла вслѣдствіе объясненія между княгинею и Императрицею и потому, что между женихомъ и невѣстою была взаимная любовь; но бракосочетаніе пришлось отложить вслѣдствіе горестнаго событія. Великій князь заболѣлъ оспою и до того сильною, что когда прошла она, великій князь былъ неузнаваемъ. Лицо у него сдѣлалось противное, даже станомъ онъ совершенно измѣнился, и все его тѣло исказилось до невозможности. Императрица понимала, каково будетъ великой княжнѣ взглянуть на жениха; она велѣла приготовить ее къ этому первому сви-

*) Не вѣрно: ему было 18 лѣтъ. П. Б.

данію и какъ-нибудь поприбратъ великаго князя. Княгиня-мать безпрестанно говорила съ дочерью въ этомъ смыслѣ. Какъ ни предупреждали великую княжну о страшномъ безобразіи ея жениха, но когда онъ показался, она вздрогнула, отвернулась, поблѣднѣла, а княгиня-мать бросилась къ нему и долго держала его въ своихъ объятіяхъ, чтобы дать дочери время собраться съ духомъ. Великій князь подошелъ къ ней; она, дрожа, поцѣловала его, и затѣмъ ихъ тотчасъ же развели. Возвратившись къ себѣ, великая княжна упала въ обморокъ, ее уложили въ постель, и мать осталась при ней. Въ теченіе трехъ часовъ она не произнесла ни слова, какъ будто страшное впечатлѣніе окаменило ее. Наконецъ, протянувъ матери руку и сжимая ей руку, она залилась горькими слезами. Черезъ нѣсколько времени, княгиня представила ей все, что можно было сказать въ данномъ случаѣ, провела у нея ночь, всячески утѣшала и въ особенности разъясняла все могущее съ ней произойти, если она не постарается затаить свое горе. Лица, присутствовавшія при первомъ свиданіи, держали себя такъ искусно, что великій князь ничего не замѣтилъ; а великая княжна, сознавъ справедливость доводовъ своей матери, обращалась съ женихомъ такъ, чтобы ничѣмъ его не отклонять отъ себя...

Вскорѣ послѣ бракосочетанія, вдовствующая Сербская княгиня, умъ и красота которой прославились при дворѣ, уѣхала назадъ въ Германію. Полагали, что ей это было присовѣтовано, такъ какъ ея дарованія и склонность къ проискамъ внушали къ ней опасеніе.

Въ числѣ камеръ-юнкеровъ великаго князя былъ Салтыковъ, изъ старшей вѣтви этого рода. Его отецъ.*) оказалъ Императрицѣ услуги передъ тѣмъ, какъ она возведена была на престолъ. Государыня благодѣтельствовала его, и немудрено, что теперь сынъ его сдѣлался замѣтнымъ человѣкомъ. Онъ созданъ былъ, чтобы привлекать къ себѣ общее вниманіе при дворѣ, гдѣ такъ много значить внѣшность любезная и чарующая. Онъ съ природы красавецъ, очень вѣжливъ въ бесѣдѣ, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ даетъ почувствовать о благородствѣ его происхожденія и часто даже напускаетъ на себя видъ знатности. Побужденія его довольно честны; онъ суетенъ до чрезвычайности, а въ сущности легкомысленъ, изъ-за происковъ готовъ подвергнуться ссылке въ Сибирь, а отъ поединка, пожалуй, уклонится. Чувствительный и чисто-

---

*) Василій Ѳедоровичъ, генераль-полицмейстеръ и Андреевскій кавалеръ, род. 1676, умеръ 1755, т. е. когда третій сынъ его отъ второго брака съ княжною Маріей Алексѣевною Голициною († 1752), родившійся 29 Января 1725 года и съ 1749 г. женатый на Матрѣ Павловнѣ Балкѣ, уже покинулъ службу при великокняжескомъ дворѣ. П. Б.

сердечный по отношенію ко всему, что не можетъ ему повредить, ревнивый ко всякому, кто можетъ стать съ нимъ рядомъ, онъ лишень утонченной хитрости столь необходимой при дворѣ, гдѣ господствуютъ коварство и происки. Въ его разсужденіяхъ довольно забавныхъ пошлостей, и нѣкоторые его недостатки проистекли отъ плохого воспитанія, получаемаго въ Россіи и заглушившаго многія прекрасныя качества, которыя отъ времени до времени проявляются въ немъ, когда его видишь.

Однолѣтокъ съ великимъ княземъ, онъ скоро снискалъ его милость, сдѣлался для него вполнѣ необходимымъ, распорядился всѣми увеселеніями его двора, гдѣ все становилось пошло, коль скоро не было Салтыкова или не имъ затѣяно. Великій князь не отпускалъ его отъ себя; Салтыковъ нерѣдко и сыпалъ у него. Великой княгинѣ было пріятно, что супругъ ея такъ привязался къ человѣку, который оказывалъ имъ такую приверженность, что даже небрегъ своими обязанностями при дворѣ Императрицы. Она считала долгомъ платить ему за это свою довѣренностію. Онъ же все болѣе и болѣе старался угождать великокняжеской четѣ. Дворъ Императрицы въ то время предавался всякаго рода развлеченіямъ. Всѣ его занятія состояли въ загородныхъ поѣздкахъ, охотѣ, богомольныхъ путешествіяхъ, съ обстановкою великолѣпною, но безъ изящества; такъ повелось уже 18 лѣтъ, и первый министръ Бестужевъ повидимому наиболѣе заботился о томъ, чтобы одно веселье смѣнялось другимъ, оставаясь за то въ милости и получая возможность самому властвовать.

За одно съ другими молодой Салтыковъ только и думалъ о весельяхъ, только и заботился, чтобъ занимать ими великокняжескую чету. Отецъ его *) скончался, и по неотложнымъ дѣламъ онъ долженъ былъ съѣздить въ Москву. Когда онъ прощался съ великой княгиней и цѣловалъ у нея руку, слезы у него показались въ глазахъ. Безъ него при молодомъ дворѣ все какъ-то не ладилось, и когда онъ возвратился, великій князь и великая княгиня встрѣтили его самыми лестными знаками милости и предпочтенія. Увѣряли, что около этого времени Императрица, охладѣвъ къ Разумовскому, колебалась, кого взять въ любимцы, Салтыкова или Ивана Ивановича Шувалова, и когда замѣтила, что первый изъ нихъ объ этомъ не догадывается, сочла его недостойнымъ ея милости и остановилась на другомъ...

Пользуясь одинъ довѣріемъ Императрицы, великій канцлеръ Бестужевъ расцелъ, что этого для него недостаточно, а слѣдуетъ сдѣлаться

---

*) Не отецъ, а мать Салтыкова, статсъ-дама имп. Елисаветы Петровны, скончалась въ 1752 году.

необходимымъ и для ихъ высочествъ. Съ этою цѣлью онъ привлекъ къ себѣ Салтыкова, который по своей суетности обольстился его внимательностью и ласками и совершенно предался ему.

Великій канцлеръ часто заводилъ съ нимъ бесѣду о томъ, какъ непостоянна милость царственныхъ лицъ, какъ трудно рассчитывать на ея продолжительность и какимъ способомъ лишить ихъ возможности перемѣнять любимцевъ. Салтыковъ радовался своему сближенію съ многоопытнымъ человѣкомъ и могъ ждать отъ него великихъ для себя благъ. Бестужевъ совѣтовалъ ему не допускать къ великому князю людей съ дарованіями и родовитыхъ, которые бы могли замѣнить его высочеству его, Салтыкова, и при этомъ ссылался на собственный примѣръ по отношенію къ Императрицѣ. Ввѣрившись съ признательностью Бестужеву, Салтыковъ вполне послѣдовалъ его совѣтамъ. Въ какихъ-нибудь два года дворъ великаго князя наполнился ничтожностями*). Въ тоже время, благодаря Салтыкову, между великою княгинею и Бестужевымъ образовалась такая близость, что великій канцлеръ, по выходѣ изъ конференціи или изъ кабинета Императрицы, рассказывалъ Салтыкову, для передачи великой княгинѣ, что тамъ дѣлалось; онъ даже сообщалъ ей, чрезъ Салтыкова, всѣ черновыя письма къ Русскимъ министрамъ за границей и всѣ депеши сихъ послѣднихъ.

Достигнувъ желаемаго, Бестужевъ началъ внушать Императрицѣ, что необходимо удалить человѣка, который склоняетъ младшій дворъ вмѣшиваться въ правительственныя дѣла, умѣетъ держать повсюду своихъ соглядатаевъ, даже въ кабинетѣ Императрицы, одержимъ страстью играть важную роль, что онъ наполнилъ дворъ великаго князя людьми презрительными и что можно избавиться отъ Салтыкова, давъ ему какое-либо мѣсто и не показывая вида, что его наказываютъ, чѣмъ отнимется у великаго князя предлогъ къ жалобѣ. Императрица тотчасъ согласилась, и Салтыкову поручено ѣхать въ Швецію съ возвѣщеніемъ о рожденіи Павла Петровича, а на возвратномъ оттуда пути встрѣтилъ его курьеръ съ приказомъ отправиться прямо въ Гамбургъ и тамъ занять должность Русскаго министра-резидента при Нижнесаксонскомъ округѣ. Это поразило Салтыкова. Какъ ни пытался онъ поправить дѣло, ничто не удалось: Бестужевъ закрылъ для него всѣ пути. Великая княгиня огорчилась чрезвычайно. Она хотѣла идти съ своимъ ходатайствомъ къ Императрицѣ; но великій канцлеръ, на приверженность котораго къ себѣ она полагалась и котораго считала другомъ Салтыкову, отговорилъ ее отъ этого и всячески ее успокаивалъ, увѣряя, что самъ

---

*) Въ числѣ ихъ былъ и Ревельскій помѣщикъ Польманъ, получившій мѣсто Голштинскаго егермейстера и впоследствии сдѣлавшійся убійцею П. Б.

будетъ за него просить, какъ скоро найдетъ благопріятный случай, и обнадѣжилъ тѣмъ, что Государыня, по добротѣ своей, скоро смиляется и прикажетъ вызвать Салтыкова назадъ. Онъ писалъ³⁾ о томъ и самому Салтыкову и до самаго своего паденія игралъ эту игру. Великая княгиня стала вести съ Салтыковымъ постоянную оживленную переписку⁴⁾. По ея желанію, онъ на пути въ Гамбургъ заѣзжалъ въ Сербскъ. Эта переписка кончилась съ появленіемъ графа Понятовскаго, и съ тѣхъ поръ сношенія прекратились окончательно.

Это донесеніе Марка Шампо Французскому правительству, отъ 8 Сентября 1758 года, которое къ сожалѣнію не можемъ мы привести во всей полнотѣ, составлено конечно по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ матери Екатерины и отъ самого Салтыкова. Тутъ имѣемъ, такъ сказать, дополненіе къ Запискамъ Екатерины; но при томъ много требуетъ провѣрки. П. Б.

*

Изъ писемъ княгини Анны-Елисаветы къ г-ну Пульи.

8 Августа 1758 (Парижъ).

Посоль²⁾ получилъ извѣстіе о томъ, что обѣ Русскія колонны соединились; думаютъ, что король Пруссій идетъ на нихъ. Да поможетъ имъ Богъ! Я понимаю разсужденія вашихъ политиковъ. Вчера я слушала одного изъ нихъ, очень толковаго, и передала бы вамъ слышанное, если бы смѣла. Это былъ мой толстякъ Ш....³⁾ онъ мнѣ нравится и кажется честнымъ человѣкомъ. Думаю, какъ и вы, что молодой Салтыковъ⁴⁾ образуется. Я вижу его ежедневно, и дня не проходитъ, чтобъ онъ мнѣ не говрилъ про васъ. Онъ васъ любитъ и чувствуетъ ваши достоинства. Такая справедливость въ его годы хорошій знакъ.

Вчера у меня были оба брата Долгорукіе⁵⁾. Они довольно образованы, но не люблю я ихъ физиономій. Кстати объ нихъ, вотъ примѣча-

¹⁾ Много поздне, въ письмѣ къ гр. Н. П. Панину, Екатерина такъ отозвалась о С. В. Салтыковѣ: „Онъ вездѣ будетъ пятое колесо у кареты“. Живя въ Гамбургѣ и въ Парижѣ, онъ надѣлалъ долговъ и даже находился въ задержаніи. Екатерина дала ему взаймы 20 т. р. Онъ закладывалъ бывшій у него почему-то Екатерининскій крестъ (см. письма Екатерины къ гр. Н. П. Панину, № 8 и 318. Чтенія Общ. Ист. и Древн. 1863 г.).

²⁾ Т.-е. нашъ посоль во Франціи, старшій братъ государственнаго канцлера, графъ Михайлъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

³⁾ Шведскій посланникъ во Франціи. Родной братъ княгини былъ тогда Шведскимъ королемъ, и княгиня предъявляла въ Парижѣ свое значеніе и при Русскомъ и при Шведскомъ дворахъ.

⁴⁾ Это не Сергій Васильевичъ.

⁵⁾ Кажется, что изъ нихъ былъ князь Владимиръ Сергѣевичъ, впоследствии нашъ посоль въ Пруссіи.

ніе къ исторіи, которою вы намѣреваетесь заняться. Уже давно извѣстная держава, а именно Франція, стремилась возстановить права единственной оставшейся дочери Петра Великаго; онъ своею кончиною замышлялъ посадить претендента на престолъ*), которымъ овладѣла его сестра и незаконно отдала иностранному роду. Русское министерство, во главѣ котораго стоялъ пресловутый герцогъ Биронъ, любимецъ императрицы Анны, дало поводъ разгорѣться огню, послѣдствія коего были роковыми и счастливыми для потомства Петра Великаго. Русское министерство, состоявшее тогда изъ Бирона, Остермана, канцлера Черкаскаго, графа Головкина и фельдмаршала графа Миниха, подозрѣвало Францію и Швецію въ коварныхъ замыслахъ навредить Россіи, Францію относительно союза съ Вѣнскимъ дворомъ и чтобы возстановить, если возможно, права претендента; Швецію—въ желаніи отдѣлаться отъ молодого герцога Голштинскаго (тогда несовершеннолѣтняго), посадивъ его на царскій престолъ и давъ Шведской коронѣ, на которую тотъ имѣлъ справедливыя притязанія, преемника либо изъ дома Гессенскаго либо Двумостнаго (Цвейбрюкенскаго). Въ Россіи подозрѣвали, что эти происки велись въ Константинополь двумя ловкими послами, которыхъ имѣли тамъ въ то время Франція и Швеція. Въ Петербургъ пришло извѣстіе, что изъ Константинополя долженъ выѣхать Шведскій офицеръ, по имени Сенклеръ, съ важной депешей къ двору (Шведскому). Позаботились подослать всюду, гдѣ онъ могъ проѣзжать, такихъ людей, которые или знали Сенклера, или имѣли самыя точныя описанія его наружности. Просили короля Прусскаго Фридриха-Вильгельма арестовать его, выдавъ его за дезертира. Не знаютъ, былъ ли предупрежденъ объ этомъ Шведскій дворъ; но извѣстно, что посолъ въ Константинополь поспѣшилъ отправить нѣсколькихъ офицеровъ по разнымъ дорогамъ. Одно изъ нихъ арестовали подъ пустымъ предлогомъ въ Штетинѣ и отняли у него бумаги. Офицеръ же, который везъ бумаги и котораго искали, былъ въ тоже время съ другой стороны арестованъ двумя Русскими офицерами (именъ ихъ я не скажу). Такъ какъ Сенклеръ защищался, то его убили, а отнятыя бумаги были доставлены Бирону; а тотъ, вмѣсто награды, велѣлъ отправить обоихъ убійцъ въ Сибирь подъ тѣмъ будто предлогомъ, что умерщвление не входило въ ихъ инструкцію. Вѣсть объ этомъ убійствѣ быстро распространилась. Народъ Шведскій любилъ Сенклера. Партія шляхъ уже первенствовала. Три государственныя сословія требовали войны. Вооруженіе изготовилось, генералъ назначенъ; то былъ Левенгауптъ. Съ своей стороны и Россія вооружилась. Здоровье императрицы Анны слабѣло; кромѣ подагры и каменной бо-

---

*) Т. е. Стюарта на Англійскій престолъ. П. Б.

лѣзни, у нея былъ ракъ въ маткѣ. Племянница ея, супруга принца Брауншвейгскаго, была беременна. Она могла разрѣшиться сыномъ, въ пользу котораго могло быть сдѣлано завѣщаніе. Вотъ тогда-то маркизь Шетарди и началъ проникать во внутреннія дѣла двора принцессы Елисаветы. Тутъ должны слѣдовать портреты императрицы Анны, ея племянницы, Бирона, принцессы Елисаветы, Лестока; но меня прерываютъ. Прощайте, милый другъ.

2.

9 Августа 1758.

Сегодня, въ 10 часовъ утра, я отправилась съ вашимъ мальчугономъ Салтыковымъ ¹⁾ къ ювелиру наслѣдной принцессы, гдѣ увидала всѣ драгоцѣнности Французскихъ принцессъ и маркизы ²⁾.

Вы поняли, что Франція, поддерживая партію шляхъ въ Швеціи въ пользу домовъ Двумостнаго или Гессенскаго, приказала маркизу, бывшему въ то время въ Петербургѣ, приблизиться къ принцессѣ Елисаветѣ. Не было намѣренія возвести ее на престолъ; хотѣли только воспользоваться ею какъ орудіемъ, чтобы доставить Русскій престолъ ея племяннику великому князю, въ то время герцогу Голштинскому. Цѣлыхъ три года употреблены на то, чтобъ привести въ движеніе нужныя пружины. Вы понимаете, что хранилась глубокая тайна относительно сущности намѣренія. Прежде всѣхъ привлеченъ былъ Лестокъ, въ то время простой хирургъ царевны Елисаветы. Онъ былъ единственнымъ близкимъ къ Елисаветѣ лицомъ. Нерѣдко я намекала вамъ, какія были тому причины. Тутъ замѣшалась физика; но это неправдоподобно, по крайней мѣрѣ я никогда не вѣрила этому, будто онъ занималъ мѣсто тѣхъ, которыхъ мы видѣли при Елисаветѣ послѣ него. Елисавета родилась при немъ; онъ былъ въ то время человѣкомъ преданнымъ Екатеринѣ, ея матери. Вполнѣ естественно, что онъ къ ней былъ нѣжно привязанъ. Да и невозможно находиться близко къ ней и не привязаться. Лестокъ характера горячаго и честолюбиваго. Онъ уменъ. Находясь болѣе 40 лѣтъ въ Россіи, онъ привыкъ къ проискамъ при Русскомъ дворѣ. Онъ зналъ въ совершенствѣ характеры всѣхъ, но особенно царевны и всѣхъ ея придворныхъ. Онъ отлично изучилъ характеръ маркиза Шетарди, который привлекъ его къ себѣ. Лестоку хотѣлось возвыситься. Будучи пьяницей и сластолюбцемъ, онъ хотѣлъ бы удовлетворять обѣ эти страсти, но не имѣлъ къ тому возможности. Принадлежа къ небольшому числу служащихъ при дворѣ, гдѣ платили

¹⁾ Этотъ Салтыковъ и далѣе упоминаемый братъ его были, кажется, внуки Шафрова.

²⁾ Помпадуръ, тогдашней любимицы короля Людовика XV-го.

очень мало, доходы же съ помѣстій расходились на мелкія удовольствія, онъ желалъ имѣть развязанныя руки. Къ этому прибавьте его привязанность къ царевнѣ, умъ съ правильными понятіями, большую разсудительность и характеръ надежный. Онъ вполне радѣлъ настоящей славѣ царевны. Лестокъ призадумался надъ первыми, тогда еще неопредѣленными, предложеніями маркиза Шетарди. Онъ предчувствовалъ послѣдствія, понималъ ихъ значеніе и рѣшилъ воспользоваться маркизомъ. Признавъ необходимою имѣть соглядатаевъ, онъ сталъ искать таковыхъ среди домашнихъ Елисаветы; такъ какъ нѣкоторые лица высшаго общества настроены были противъ нея, то онъ приставилъ за ними шпионовъ. Приверженцевъ же ея онъ находилъ либо скромными новичками или же слишкомъ глупыми. Однихъ онъ остерегался, другими пользовался и шелъ лишь вѣрными путями. Ни разу онъ не ошибся въ выборѣ средствъ. Единственный слуга, человекъ вѣрный и испытанный, былъ Меркуриемъ между нимъ и маркизомъ Шетарди, котораго самъ онъ не рѣшался видѣть. Человекъ этотъ ходилъ въ лѣсъ отдавать записки Французу, котораго зналъ въ лицо и по одеждѣ, не подозревая, кто онъ. Былъ же это самъ маркизь. Свиданія происходили въ темныя ночи, во время грозъ, ливней, снѣжныхъ метелей, въ мѣстѣ куда кидали падали. Тамъ передавались толстые пакеты писемъ, списки лицъ подозрительныхъ, либо подкупленныхъ, векселя, инструкціи, мнѣнія; тамъ рѣшалась будущая судьба двухъ великихъ народовъ — Шведскаго и Русскаго.

Въ это время была объявлена война между Швеціей и Россіей. Обѣ арміи уже дрались: было дано сраженіе при Вильманштрандѣ; Ласси выигралъ его, Левенгауптъ проигралъ. У него, въ случаѣ удачи, были свои планы; онъ хотѣлъ сдѣлаться королемъ Швеціи. Ему не посчастливилось, и планъ его обнаружился. Онъ былъ обезглавленъ подъ другимъ, легко найденнымъ, предлогомъ; тайной же причиною былъ этотъ его планъ. Судьба Левенгаупта, даже по наружности, одного изъ наилучшихъ людей своего вѣка, достойна сожалѣнія; въ немъ были душа и качества героя, но ему слѣдовало родиться въ другомъ вѣкѣ или въ иной странѣ.

Принцесса Анна, племянница императрицы Анны, произвела на свѣтъ сына, позднѣе сдѣлавшагося малолѣтнимъ императоромъ Юанномъ. Императрица довольно заботилась о воспитаніи этой принцессы. Она была дочерью ея сестры, герцогини Мекленбургской, супруги герцога Карла - Леопольда, который прославился своимъ сумасбродствомъ и отъ котораго она убѣжала съ этою дочерью, тогда двухлѣтнимъ младенцемъ. Ее-то императрица предназначила быть своей преемницей. Герцогъ Биронъ, казалось, былъ съ этимъ согласенъ; но,

не любилъ ли онъ принцессу Анну или предвидѣлъ, что склонность всего народа въ пользу принцессы Елисаветы произведетъ когда нибудь переворотъ, только онъ твердо рѣшилъ ничего не ускорять и думать только о собственной выгодѣ. Такимъ образомъ онъ согласился, чтобы для молодой принцессы выписали гувернантку Нѣмку. За это взялся тогдашній Прусскій министръ, баронъ Мардефельдъ, прозванный молодымъ, потому что онъ замѣстилъ своего дядю того же имени. Воспитательница принцессы была его родственница, вдова полковника прежней Голштинской арміи, по фамиліи Адеркасъ. Худшаго выбора нельзя было сдѣлать. Госпожа Адеркасъ была хороша собой, но злоупотребляла своею красотою, такъ что обезславивала себя. Принцесса Анна была не красива, но пріятна, небольшого роста, брюнетка, съ хорошими и пріятными, но грустными глазами, довольно правильными чертами лица съ красивою шею и руками, видная; но въ общемъ она не была привлекательна. Были, впрочемъ люди, находившіе ее пригожею. Во всемъ существѣ ея слышались печаль и меланхолія, а это нравилось нѣкоторымъ. Она была по природѣ нѣжна. Множество романовъ, которые гувернантка позволяла ей читать въ то время какъ сама забавлялась съ двоюроднымъ братомъ принцессы, дали дурное направленіе ея уму, который былъ ни блестящъ, ни возвышенъ. Такъ и не узнали, что у нея за душа; ибо за нею не водилось ни хорошихъ, ни вполнѣ дурныхъ поступковъ. Дарила она только своихъ любимцевъ и немногихъ награждала. Во все время своего замужества и регенства она выказывала незнаніе своего долга и пренебрегала своими обязанностями. Отъ природы она была лѣнива и предпочитала образъ жизни частнаго человѣка. Не знаютъ ея побужденій въ этомъ отношеніи; но извѣстно, что она полюбила съ 13 лѣтъ молодаго Линара, Саксонца по происхожденію, присланнаго въ то время изъ Саксоніи къ Русскому двору. Онъ слылъ красивѣйшимъ человекомъ въ то время. Люди разсудительные обвиняли его въ фатовствѣ. Гувернантка всячески поддерживала въ ней эту страсть. Линаръ былъ очень тщеславенъ, онъ склонился на заискиваніе, полюбилъ или сдѣлалъ видъ, что полюбилъ. Какъ бы то ни было, дѣло зашло далеко, стало извѣстно Бирону и Императрицѣ. Гувернантку отставили и отправили въ Германію съ дочерью ея, пріѣхавшей къ ней незадолго передъ тѣмъ. Она и есть та самая фрейлина моей матери, которую въ Швеціи мой братъ такъ страстно любилъ и о которой я часто вамъ рассказывала.

Со времени этого несчастнаго событія нравъ принцессы, казалось, ожесточился. Она стала мрачнѣе чѣмъ когда либо, возымѣла смертельную ненависть къ Бирону и предубѣжденіе ко всему Русскому народу.

Вѣнскій дворъ воспользовался этимъ, чтобы пріобрѣсти себѣ вѣрнаго друга и пристроить родственника, сына любимой сестры императрицы, жены Карла VI. То былъ принцъ Брауншвейгскій, отецъ младенца Іоанна и братъ герцога Брауншвейгскаго и остальныхъ вамъ извѣстныхъ принцевъ того же имени. Биронъ противился этому браку; но Вѣнскій дворъ послалъ Ботту, который сумѣлъ его переубѣдить. Просили руки принцессы отъ имени императора *) для его племянника. Свадьба была отпразднована съ блескомъ, но молодая предалась полнѣйшему отчаянію и въ своихъ отзывахъ никого не пощадила, самого посла, супруга, императрицу, которая любила свою племянницу, знала, что та не желала принца, но думала, что со временемъ она покорится судьбѣ. Императрица разрѣшила ей жить въ дальнихъ покояхъ и отдаться всецѣло своему горю...

Между тѣмъ императрица Анна, съ своей стороны, была снѣдаема черной меланхоліей, чему могли способствовать не только ея болѣзни и злоупотребленіе . . . , но и дурное обращеніе съ нею Бирона, котораго она любила, но который ея не любилъ и тиранилъ невообразимо. Она чувствовала, что не можетъ ни обойтись, ни избавиться отъ него, и все это угрожало ея здоровью. Неожиданный случай ускорилъ ея кончину. Врачи посовѣтовали ей верховую ѣзду. Выбрали старую лошадь, на которую церемоніально усаживали тяжеловѣсную Императрицу. Однажды, лѣтомъ 1740 года, она пожелала сама сѣсть на лошадь; стремя оборвалось, Императрица упала и сильно расшиблась; полагали, что она вывихнула бедро. Послѣ смерти ея увидали, что почка, смѣщенная паденіемъ, попала въ суставъ, производящій дриженіе бедра. Я не свѣдуща въ терминахъ; стараюсь, насколько могу, быть понятной.

Съ тѣхъ поръ Императрица чахла до Ноября и скончалась, пораженная всевозможными недугами. Она была очень высока ростомъ, лицо желтаго цвѣта, волосы черные и толста до безобразія. Лобъ у нея былъ очень узкій, глаза маленькіе, строгіе и грозящіе, носъ длинный, губы тонкія, ротъ непріятный, и почти безъ талии. Маркизь Шетарди говорилъ, что она имѣла хорошій видъ сзади. Шея и руки соотвѣтствовали остальному. Нравъ она имѣла мрачный, склонный къ меланхоліи. Она дарила изъ тщеславія, не любила и не слушала никого кромѣ Бирона, не по заслугамъ или способностямъ его, а потому, что боялась его и знала только его. Она была строга, жестока, хотѣла, чтобы ее боялись, не обладала искусствомъ внушать къ себѣ любовь и не извѣдала сладо-

---

*) Т. е. тогдашняго Римскаго императора Карла Шестаго, женатаго на принцессѣ Брауншвейгской (родной сестрѣ супруги злосчастнаго нашего царевича Алексѣя Петровича). П. Б.

сти быть любимой. Съ родными и домашними она обращалась какъ съ рабами, сама же была раба Бирона, по рукамъ и ногамъ связанная имъ; на подданныхъ своихъ она смотрѣла какъ на автоматвъ, созданныхъ для нея. Умягчалась она только подъ дѣйствиємъ страха. Вскорѣ по своемъ воцареніи она уже всѣхъ стѣсняла, даже дворцовую прислугу.

Она любила шутовъ, всегда имѣла ихъ при себѣ и выносила всѣ непристойности, какія бы ни вздумалось устроить этимъ несчастнымъ. Были у нея въ шутахъ священникъ и княгиня Голицына, которую она принудила къ этому. Говорили, будто она была женщина благочестивая: я никогда этому не вѣрила *). Она до того ненавидѣла память Петра Великаго и императрицы Екатерины, что уничтожала ихъ добрыя дѣла и поставила себѣ задачей погубить часть созданныхъ ими прекрасныхъ учреждений.

Она вышла замужъ очень рано за герцога Курляндскаго изъ дома Кетлеровъ. Отъ него имѣла она сына, умершаго очень молодымъ, какъ и супругъ ея. Поведеніе ея, вдовою, въ расцвѣтѣ лѣтъ, казалось императору, ея дядѣ, достойнымъ порицанія. Онъ дѣлалъ ей строгіе выговоры, впослѣдствіи угрожалъ ей, и дѣло зашло далеко. Императрица Екатерина помирила ее съ императоромъ. Она помнила объ этомъ первые годы въ отношеніи къ дочери Екатерины; но Елисавета пользовалась всеобщю пѣвкою любовью, а это было страшнымъ преступленіемъ, котораго завистливая и по природѣ неблагодарная императрица Анна не прощала. Такъ и не могли узнать, когда и какъ она привязала къ себѣ Бирона; все, что объ этомъ говорятъ, простыя предположенія. Я взяла на себя смѣлость и спросила разъясненія на этотъ счетъ у нынѣ царствующей императрицы; она сдѣлала мнѣ честь сказавъ, что совершенно не знаетъ этого, но что достовѣрно, что онъ не изъ дворянъ; что она услышала о немъ впервые отъ императрицы вскорѣ по воцареніи ея, когда хотѣли побудить ее отказаться отъ самодержавія, что тогда онъ былъ шталмейстеромъ возведенной на престолъ герцогини Курляндской и оставался въ Митавѣ; что когда Анна съ тоскою вздыхала о Биронѣ, восхваляя его преданность и умъ, то нынѣ царствующая императрица взялась выписать его отсюда и исполнила это негласно, зная, что Долгорукіе опасались этого. Биронъ совѣтовался съ нынѣ царствующей императрицей, и по ихъ совѣту императрица Анна разорвала извѣстную бумагу, о чемъ, кажется, я вамъ говорила.

У Бирона красивая голова, и онъ хорошо сложенъ, ни великъ, ни малъ ростомъ, выраженіе лица у него открытое и самодовольное. Онъ

---

*) О благочестіи императрицы Анны Іоанновны не могла правильно судить княгиня Анна-Елисавета, Лютеранка и пріятельница Французскихъ тогдашнихъ писателей. П. Б.

мало образованъ; умъ его чисто дѣловой, онъ остороженъ, ловокъ, съ твердымъ характеромъ; никогда не ошибался въ выборѣ людей работавшихъ подъ его начальствомъ. Онъ былъ довольно злымъ врагомъ, но и превосходнымъ другомъ, имѣлъ опредѣленный планъ дѣйствій, создавшій ему славу, а роду его возвеличеніе. Самъ до крайности предаваясь роскоши, онъ былъ очень порядливъ въ дѣлахъ и никогда не разстраивалъ доходовъ казны. Великодушный къ иностранцамъ, онъ презиралъ Русскихъ и крайне плохо съ ними обращался. Пажей онъ выбиралъ изъ высшей знати, а лакеями дѣлалъ мелкихъ дворянъ. Его всѣ ненавидѣли, въ чемъ онъ самъ виноватъ. Онъ былъ слишкомъ ловкимъ политикомъ, чтобы быть человѣкомъ вѣрующимъ и добросердечнымъ и дѣлалъ ужасныя вещи.

Его управленіе съ 1730 по 1740 годъ, т. е. въ царствованіе императрицы Анны, стоило государству 70 тысячъ человѣкъ, которыхъ онъ погубилъ подъ разными предлогами и которые въ сущности были только его личными врагами, не считая войнъ съ Турками, Персами, Шведами и въ Польшѣ, гдѣ насчитываютъ погибшихъ 250 тыс.; Биронъ неограниченно управлялъ императрицей и имперіей; министрами онъ назначалъ людей, боявшихся его. Со штыкомъ въ ружьѣ онъ заставилъ дворянство Курляндіи избрать себя герцогомъ Курляндіи, при чемъ дворянство оказалось запертымъ въ церкви въ столицѣ герцогства; церковь же была въ то время окружена 12 тысячами Русскихъ, готовыхъ дѣйствовать. Жена Бирона была Трейденъ, изъ Курляндскихъ дворянокъ. Отъ нея онъ имѣлъ троихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ они считаются ихъ дѣтьми. Иные думали, будто эти дѣти отъ другой матери; надѣюсь, вы меня понимаете. Это семейство надменностью и высокоуміемъ и вообще своими поступками было бичомъ для всей Россіи до такой степени, что даже простой народъ трепеталъ при ихъ имени. Вотъ главнѣйшія дѣйствующія лица въ Россіи при кончинѣ императрицы Анны. Перейдемъ теперь къ нашей героинѣ. Расскажу вамъ о ней завтра.

*

10 Августа 1758.

Надѣюсь, что я окончу портретъ императрицы Елисаветы. Можно будетъ сообщить вамъ, что г. Констадъ разбилъ принца Фердинанда; ждуть отъ него курьера; быть можетъ, онъ уже пріѣхалъ; сейчасъ пошлю узнать. Какая радость послать вамъ такое извѣстіе!

Продолжаю. Императрица Елисавета высока ростомъ; она была очень хорошо сложена, но въ мое время уже полнѣла, и мнѣ всегда казалось, что сказанное Сень-Жвремомъ его въ изображеніи знаменитой герцогини Мазаренъ, Гортензіи Манчини, относилось къ импе-

ратрицѣ. Онъ говоритъ: «Ея стану позавидовала бы всякая красавица». Въ то время это было вполнѣ такъ. Никогда не было головы болѣе совершенной; правда, носъ не соотвѣтствуетъ остальнымъ чертамъ лица, но и онъ къ мѣсту. Ротъ ея — единственный въ своемъ родѣ, улыбка, смѣхъ, игра у нея одна прелесть. Она не сумѣла бы сдѣлать гримасу; даже морщинки ея привлекательны. Брань ея, если бы только она смогла произнести такую, вызвала бы поклоненіе. Два ряда жемчужинъ изъ за двухъ алыхъ губъ, которыя нужно самолично увидѣть, чтобы составить себѣ о нихъ понятіе. Глаза умиленные. Таково было произведенное ими на меня впечатлѣніе. Ихъ можно бы принять за черные, между тѣмъ они синіе и полны такой доброты! Глаза эти внушаютъ уваженіе зарождающееся въ сердцѣ, которое они похищаютъ у васъ. Нельзя созерцать ихъ безъ чувства тайнаго очарованія, которое внушаетъ вамъ преданность на всю жизнь. Никогда не было чела изящнѣе. Волосы у нея лежатъ такъ красиво, что по одному взмаху гребня они уже кажутся искусно причесанными. Брови у Императрицы черныя, а волосы бѣлокурыя, какъ бы пепельнаго цвѣта. Вся осанка у нея благородная, походка статная; въ общество она входитъ съ граціей, говорить пріятнымъ голосомъ; движенія ея изящны. Словомъ, никогда не было наружности болѣе прекрасной. Примите во вниманіе, что я немного знатокъ въ этомъ дѣлѣ и говорю безъ пристрастія.

Внутреннія ея качества были бы непременно схожи со внѣшними, если бы воспитаніе, которое получили дочери императора, отца ея, соотвѣтствовало остальнымъ предначертаніямъ этого великаго генія. Вдохнемъ о слабости нашихъ героевъ; но признаемъ за ихъ характерами то, что отличаетъ ихъ отъ остальныхъ смертныхъ. У императрицы Елисаветы сердце доброе, великодушное, челолюбивое. Доброта и скромное веселоправіе составляютъ сущность ея нрава.

Я никогда не видала ее въ иномъ кромѣ хорошаго расположенія духа, внушающемъ обожаніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она омрачается, но это длится недолго, и доброта, никогда не покидающая ее, искупаетъ эти мгновенія. Не было существа болѣе челолюбиваго. Какъ добрый другъ, она будетъ страдать вашими бѣдѣями, утѣшить и облегчить васъ. Сердце ея создано для любви, душа же у нея царственная. Безстрашная, непоколебимая, умѣющая выполнять предпринятое; день ея славнаго воцаренія достаточно о томъ свидѣтельствуетъ. Она очень умна, толкова, даровита, хотя иногда черезчуръ пылка, что неудивительно: она достигла престола 37 лѣтъ*); при замкнутой же жизни, каковую веда, будучи царевною, она не могла приучиться править колоссомъ.

*) Не точно. П. Б.

Вотъ такую, какъ я ее описала, Елисавета, обожаемая своимъ народомъ, внушая страхъ министрамъ и зависть императрицъ и принцессъ Аннѣ, направлялась къ трону, руководимая умными людьми, привлекая къ себѣ обхожденіемъ или пользуясь приверженностью женщинъ, вѣсь и значеніе коихъ располагали цѣлымъ семей въ ее пользу.

Тѣмъ временемъ императрица Анна умерла, а Биронъ, не оставившій своихъ намѣреній и бывшій во враждѣ съ принцессой Анной, предъявилъ духовную, которую онъ заставилъ подписать умирающую императрицу. По этой духовной онъ назначался опекуномъ и регентомъ Имперіи во время малолѣтства маленькаго принца Іоанна, провозглашеннаго императоромъ.

Духовныя завѣщанія императоровъ и императрицъ Россіи могутъ рѣшить престолонаслѣдіе только въ двухъ случаяхъ: въ одномъ, когда имѣется два лица съ одинаковыми правами, что почти невозможно; въ другомъ, какъ это было при кончинѣ Петра I, императрица Екатерина была коронована и признана государыней Россіи. Оставались малолѣтніе принцъ и принцесса, внуки Петра I, дѣти несчастнаго царевича, и три дочери Петра I и императрицы. У каждаго изъ нихъ были свои приверженцы. Императоръ чувствовалъ необходимость рѣшить самому, дабы избѣгнуть затруднительныхъ положеній. Поэтому онъ собралъ все свое семейство, Синодъ, Сенатъ, начальниковъ сухопутныхъ и морскихъ войскъ. Онъ продиктовалъ свою волю и заставилъ подписаться подъ нею и присягнуть все свое семейство, народъ, войско и министровъ. Онъ установилъ, чтобы ему наслѣдовала императрица Екатерина, супруга его, что ей долженъ наслѣдовать молодой принцъ, бывшій потомъ Петромъ II-мъ и его потомки; за неимѣніемъ таковыхъ ему наслѣдовать должна была великая княжна Наталія, его сестра, со своимъ потомствомъ. Потомъ, за неимѣніемъ ихъ, шли Анна, дочь Петра Великаго и мать теперешняго великаго князя, съ ея дѣтьми и меньшими въ родѣ, съ тою впрочемъ оговоркою, что не слѣдуетъ терять изъ виду, что возрастъ будетъ рѣшать между соискателями, т. е., что старшій будетъ имѣть первенство, если онъ будетъ по младшей линіи, какъ мы это видимъ нынѣ между императрицей и великимъ княземъ. Вся Россія присягнула этимъ статьямъ завѣщанія Петра I-го. Императрица Екатерина на смертномъ одрѣ заставила возобновить это завѣщаніе.

Долгорукіе дали присягу какъ и прочіе, но нарушили ее послѣ смерти Петра II, избравъ императрицею Анну. Биронъ не обнародовалъ оговорокъ въ завѣщаніи императрицы Анны, о которыхъ я только что говорила. Такъ какъ ни совѣтъ, ни начальники народные не были со-

званы, то возникло сомнѣніе, и маркизь Шетарди колебался, не слѣдуетъ ли Елисаветѣ начать дѣйствовать открыто. Но она отказалась отъ этого, не считая своихъ приверженцевъ достаточно сильными. Такимъ образомъ Биронъ успѣлъ объявить кончину императрицы, опубликовать завѣщаніе и принять тотчасъ присягу себѣ какъ регенту, а малолѣтнему Іоанну какъ императору. Никто не пошевельнулся, дерзость его поразила всѣхъ; кромѣ того предполагали, что у него много друзей, а главное такъ привыкли покоряться ему, что все ему уступило. Въ это время онъ сумѣлъ застраховать принца и принцессу Брауншвейгскихъ, захватилъ къ себѣ маленькаго императора, и далъ понять царевнѣ Елисаветѣ, что если бы только она захотѣла измѣнить нѣкоторыя условія, онъ бы показалъ ей, что въ сущности старался для нея. Онъ дошелъ до того, что предложилъ ей выдать свою молодую дочь за племянника Елисаветы, герцога Голштинскаго, котораго обѣщаль посадить на престолъ, свергнувъ съ него малолѣтняго Іоанна. Эти переговоры происходили передъ самымъ сверженіемъ Бирона. На сегодня прощайте! Объ Констандѣ извѣстій не имѣю.

*

12 Августа 1758.

Посылаю вамъ письмо, которое только что получила. Вы изъ него увидите, что у нашего бѣднаго Салтыкова все еще немного голова кружится и что господа дипломаты подчасъ смѣшны въ своихъ сужденіяхъ.

Посылаю вамъ письмо вашего двоюроднаго брата*); впрочемъ извѣстія подтверждаются со всѣхъ сторонъ. Я говорила сегодня утромъ съ графомъ Бестужевымъ, и онъ мнѣ сказалъ тоже самое. Онъ увѣренъ, что принцъ Фердинандъ снова отказался отъ сраженія и что Субизъ идетъ прямо на Падерборнъ, чтобы взять его съ фланга. Храбрый Даунъ съ своей стороны подвигается впередъ и шагъ за шагомъ одерживаетъ побѣды. Ежедневно онъ беретъ добычу и плѣнныхъ. Но что удивляетъ всѣхъ, вызываетъ говоръ и занимаетъ нѣкоторыхъ иностранныхъ министровъ, это то, что ежедневно пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ курьеръ за курьеромъ отсюда въ Вѣну и что посолъ Штаренбергъ во Вторникъ, послѣ долгихъ переговоровъ съ министромъ, отправилъ на почтовыхъ молодого графа Гевенгюллера изъ своего посольства. Будто бы онъ сказалъ, что везетъ въ Вѣну драгоценныя вещи, купленныя для императрицы-королевы. Всѣ смѣются надъ этимъ предлогомъ и дѣлаютъ свои предположенія. Вы знаете, что происходитъ на берегу Нормандіи? Надѣются скоро ихъ снова отогнать. Вѣйска больше чѣмъ нужно, и Даркуръ идетъ съ шестью тысячами человѣкъ и нѣсколькими королевскими

*) Т. е. Марка Шампô.

полками на помощь къ нѣсколькимъ тысячамъ, которыя уже тамъ находятся.

Сынъ мой вамъ очень кланяется. Теперь онъ долженъ быть на мѣстѣ. За Регенсбургомъ съ нимъ было случилась большая бѣда: ось у его коляски сломалась надъ самымъ обрывомъ дороги, и только чудомъ онъ не свалился внизъ.

Прощайте на сегодня. Ланграфъ-Гессенкасельскій, какъ мнѣ пишутъ изъ Еверна, укрывся въ Бременъ.

*

13 Августа 1758.

Вотъ отвѣты на ваши вопросы. Дѣло идетъ о времени союза между дворами Вѣнскимъ и Русскимъ. Вы вѣдь знаете, какая зависть царица со времени Утрехтскаго мира между Вѣнскимъ и Лондонскимъ дворами. Завоеванные принцемъ Евгениемъ Неаполь, Сицилія и часть Ломбардіи принадлежали Австрійскому дому. Никогда онъ не забывалъ, какъ Англійская королева, во время войны за наслѣдство, отозвала свои войска отъ союзной арміи, отчего была потеряна Каталонія и что послужило причиной потери всей Испаніи. Георгъ I, достигнувшій Англійскаго престола, ненавидѣлъ лично Австрійскій дворъ, который искренно платилъ ему тѣмъ же. Австрія поэтому хотѣла заставить союзникомъ, способнымъ помочь ей противъ двухъ, а можетъ быть и трехъ враговъ, Англій, Франціи и Турецкаго султана. Въ то время Петръ I хотѣлъ женить несчастнаго сына своего, неукротимаго царевича. Онъ искалъ Нѣмецкую принцессу. Ему предложили сестру тогдашней императрицы ¹⁾ и матери нынѣ владѣтельнаго герцога Брауншвейгскаго. Принцесса была хороша собой, умна и была бы предметомъ удивленія и счастья для народа и для супруга не столь дивныхъ какъ были тогда Русскіе. Царевичъ имѣлъ отъ нея двухъ дѣтей, Петра II и его сестру Наталію. Я узнала только третьяго дня отъ графа Бестужева, что императоръ Петръ I никогда не желалъ, чтобы жена царевича пережѣнила свою вѣру: она жила и умерла протестанткою. Претендентъ ²⁾ —кавалеръ св. Георга, Петръ I хотѣлъ его посадить на тронъ его отца. Гёрцъ замышлялъ устроить союзъ между этимъ принцемъ и Карломъ XII, который былъ очень обиженъ на короля Георга, принимавшаго участіе во всѣхъ замыслахъ противъ него и поживившагося на его счетъ. Кромѣ союза съ Австріей Петръ I хотѣлъ основать у себя флотъ и уже строилъ его; Англій же было выгодно не допускать этого. Поэтому и хотѣли устроить затрудненія, въ которыя Франція не вмѣшалась бы непосред-

¹⁾ Т. е. императрицы Австрійской.

²⁾ Т. е. Стюартъ.

ственно, но могла бы воспользоваться случаемъ для расширенія своихъ владѣній въ Америкѣ. Между тѣмъ Карлъ XII умеръ.

У императора былъ свой замысль, но Шведы не захотѣли принять участія въ дѣлѣ. Гёрца же они обезглавили по другимъ причинамъ, между прочими изъ за новыхъ уже начатыхъ военныхъ расходовъ. Разъ умысль былъ раскрытъ, Петръ I уступилъ; но онъ не оставилъ своихъ прежнихъ намѣреній и осуществилъ бы ихъ, если бы смерть не помѣшала ему.

Вы знаете анекдотъ о причинахъ ея; я рассказывала вамъ его въ Гамбургѣ. Вообще объ этомъ великомъ государѣ я знаю очень мало. Всѣмъ извѣстны великія учрежденія его. Онъ исправилъ законы, уничтожилъ злоупотребленія въ церковныхъ обрядахъ, установилъ полицейскія правила, создалъ регулярное войско, флотъ, положилъ начало искусствамъ; однимъ словомъ, онъ въ буквальномъ смыслѣ былъ творцомъ. Онъ писалъ все собственноручно, и я сама видѣла въ залахъ Сената, Синода и въ учрежденіяхъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, большіе старательно сохраняемые фоліанты, заключающіе въ себѣ, какъ меня увѣряли главнѣйшіе министры и государственные люди, всѣ эти законы, всѣ его постановленія, написанные имъ собственноручно такимъ правильнымъ и яснымъ языкомъ, что ребенокъ не запутался бы въ нихъ. Онъ сдѣлалъ больше того: точно также, собственноручно, онъ написалъ всѣ свои мысли, предназначенныя къ выполненію, разныя сообразно съ обстоятельствами предположенія и правила, могущія служить руководствомъ. Однимъ словомъ, онъ пробилъ дорогу своимъ потомкамъ, которымъ нужно имѣть лишь здравый смыслъ, чтобы сумѣть понять его предначертанія и, слѣдуя имъ, идти по тому великому пути, какимъ онъ шелъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что если не теперь, то со временемъ будутъ у него послѣдователи. Императрица Анна уклонилась отъ этого пути, потому что была безграмотна, слушала одного Бирона и только.....*).

При всей своей великой геніальности, Петръ I неоднократно схватывалъ всякія болѣзни, подвергался всевозможнымъ лѣченіямъ. Спалъ онъ всего по три часа.

Послѣ третьей отравы, данной ему сестрой его Софьей, съ нимъ сдѣлались первыя судороги, которыя повторялись во всю его жизнь. Онъ безобразили его, а при раздраженіи усиливались, и тогда онъ ста-

---

*) Тутъ въ подлинномъ письмѣ княгини Сербской большое чернильное пятно, вѣроятно сдѣланное ею же.

новился прямо ужаснымъ. Онъ былъ вспыльчивъ и подъ вліяніемъ вспыльчивости иногда жестокъ. Императрица Екатерина однимъ взглядомъ умѣла останавливать его. Женщинъ любилъ онъ чрезмѣрно, только онѣ могли его укрощать. Въ шесть дней онъ проѣзжалъ пространство отъ Петербурга до Казани или Астрахани или до Каспійскаго моря, что составляетъ 800 Французскихъ миль.

Теперь нѣсколько словъ о войнѣ. Г-нъ Шеверъ, милый мой Шеверъ былъ немного отброшенъ; онъ ушелъ къ Везелю, но принцъ Фердинандъ тѣмъ не менѣе принужденъ перейти Рейнъ. Такъ говорятъ; но боюсь, что это притворство, и онъ отступить, чтобы дать этимъ возможность встрѣтиться съ нимъ Англичанамъ, которые, въ числѣ восьми тысячъ, сошли на берегъ въ Льеръ, въ западной Фрисландіи. Прусскій король въ большомъ затрудненіи. Русскія колонны соединились и наступаютъ на него съ тыла. Графъ Даунъ тоже идетъ на него и тѣснить его. Шведы снова взяли всѣ города, завоеванные и потерянные ими въ прошлую осень. У нихъ гарнизоны въ Ростокъ и Гюстровъ. Остальное на слѣдующій разъ.

*

Отъ 14 Августа 1758.

Завтра идетъ Вольгера Меропа. Я поѣду въ закрытую ложу: меня слишкомъ волнуетъ эта пьеса, а я не хочу, чтобы видѣли мою чувствительность и слабость въ той мѣрѣ, какую всегда вызываетъ это представленіе. Я любила ее больше всѣхъ остальныхъ и буду плакать, хотя бы пришлось вѣхать съ обвязанной головой или съ распухшей щекой.

Думаютъ, что Шербургъ взять. Возлагаютъ надежды на Гаркура.

*

18 Августа 1758.

То, что вы говорите о безчестныхъ поступкахъ Прусаковъ въ этой войнѣ, очень справедливо. Ничего не знаю о берегахъ Нормандіи, но знаю, что Дрезденъ взять Русскими; посоль мнѣ это сказалъ вчера. Гарнизонъ ретировался, чтобы броситься въ Фридбергъ. Посмотрите на карту, найдите Франкфуртъ и другой берегъ Одера. Летучіе полки догнали этотъ гарнизонъ, состоявшій изъ 8 или 9 сотенъ человекъ. Всѣ были взяты военно-плѣнными; единственно графъ Гердъ, этотъ противный командиръ, спасся. Ферморъ и Браунъ встрѣтились въ мѣстечкѣ, называемомъ Липпе, совсѣмъ близко отъ прочихъ двухъ. Король Прусскій идетъ на нихъ. Будемъ молиться за нихъ. Союзная армія перешла Рейнъ, Констандъ идетъ къ ней. Дюссельдорфъ очищенъ, и тамъ опять Французскій гарнизонъ.

*

29 Августа 1758.

Я передала моему сыну ваши привѣтствія. Онъ будетъ ими очень тронутъ. Наконецъ-то онъ разстался съ этимъ противнымъ Линчемъ, гдѣ, подъ предлогомъ ожиданія своего экипажа, оставался болѣе 10 дней. На самомъ же дѣлѣ причиною была его ссора съ бѣднымъ молодымъ дворяниномъ, котораго вы видѣли при немъ. Не желая больше видѣть его, онъ хотѣлъ удалить его отъ себя. Онъ присылалъ ко мнѣ эстафету, испрашивая моего согласія на отправку юноши и прося дать ему другого. Надѣлалъ же онъ мнѣ хлопотъ! Я отказала ему наотрѣзъ, высказавъ ему всю правду. Наконецъ они снова помирились, чему я очень рада. Но судите, каково было мое мученіе. Не говорила вамъ объ этомъ раньше, боясь огорчить васъ, тѣмъ болѣе, что знаю вашъ образъ мыслей по поводу необходимости ускорить его поѣздку въ данное время. И въ самомъ дѣлѣ вы моего мнѣнія въ этомъ отношеніи.

По поводу Салтыковыхъ *) скажу вамъ, что младшій, живущій въ домѣ Люйнаса, предавался прослѣднія три недѣли такому легкомыслію, что, если такъ продолжится, онъ пропадетъ. Я не видѣла его болше, такъ какъ изъ шести дней онъ только одинъ разъ возвращался домой. Онъ просто пугаетъ. Ни въ театрѣ, нигдѣ его не видно; если онъ появляется куда либо, то съ пристыженнымъ видомъ, точно преступникъ, и всегда лишь на минуту. Я не старалась узнать, гдѣ онъ пропадаетъ, а просто пожурила его въ шутку; но ясно, что онъ на плохомъ пути и что во всѣхъ отношеніяхъ это кончится для него дурно. Поговоримъ о политикѣ. Ходятъ слухи (добрые люди имъ вѣрятъ и на нихъ надѣются), что Луисбургъ не взять, а что извѣстіе объ этомъ ложно; но достоверно (и министры хорошо о томъ освѣдомлены), что въ другомъ, очень важномъ мѣстѣ Канады Англичане разбиты на - голову; взято много плѣнныхъ.

*

30 Августа 1758.

Принцъ Фердинандъ отступаетъ шагъ за шагомъ. Ферзенъ завладѣлъ Франкфуртомъ на Одерѣ; онъ отдѣлилъ корпусъ, который бомбардируетъ Кюстринъ въ 11 миляхъ отъ Берлина. Но что всего важнѣе и что я знаю изъ очень вѣрнаго источника, это то, что король Прусскій боленъ водяною и ежедневно напивается. Если теперь вы недовольны моими вѣстями, не моя вина. Теперь нѣсколько словъ о Россіи. Я остановилась на подробностяхъ о томъ, что предшествовало восшествію на

---

*) Это были дальніе родственники графовъ Салтыковыхъ, внуки, если не ошибаемся, Шафрова. Одинъ изъ нихъ, Борисъ Михайловичъ позднеѣ былъ извѣстенъ по своимъ сношеніямъ съ Вольтеромъ.

престоль императрицы Елисаветы. Императрица Анна скончалась, малолѣтній Іоаннъ провозглашенъ императоромъ, а Биронъ регентомъ, и все это по завѣщанію якобы императрицы Анны. Принцесса Анна, побуждаемая врагами Бирона, во главѣ которыхъ былъ знаменитый фельд-маршалъ Минихъ, а еще болѣе воодушевляемая страстью къ графу Линару, котораго она надѣялась возвратить въ Россію въ случаѣ своего воцаренія, стала злоумышлять противъ регента и распускать про него самыя ужасныя слухи, чтобы вызвать къ нему ненависть. Въ этомъ не было надобности, такъ какъ его достаточно уже ненавидѣли; заговоръ быстро распространился и черезъ два мѣсяца принялъ страшныя размѣры.

Рѣшили схватить Бирона, которой уже кое-что подозрѣвалъ. Слишкомъ долго онъ злоупотреблялъ своимъ счастьемъ. Онъ хотѣлъ сговориться съ Елисаветой, чтобы ея приверженцевъ противопоставить своимъ врагамъ. Кромѣ того, что въ условіяхъ съ нею онъ сохранялъ всѣ выгоды за собой, главнымъ затрудненіемъ являлось требованіе брака его дочери*) съ нынѣшнимъ великимъ княземъ. Эти переговоры уже принимали надежный оборотъ, какъ вдругъ въ одну прекрасную ночь, фельд-маршалъ Минихъ, сдѣлавъ внезапное нападеніе, схватилъ Бирона со всей его семьей, провозгласилъ принцессу Анну регентшей, заставилъ ее надѣть на себя голубую ленту, мужа ея объявилъ генералиссимусомъ всей арміи.

Въ самый день этого событія, регентша приказала объявить Русскому министру въ Саксоніи, что она желаетъ, чтобы возвратили къ ея двору графа Линара.

Саксонскій дворъ не преминулъ исполнить ея желаніе. При дворѣ же и въ городѣ были крайне озадачены, когда узнали объ этомъ. Друзья принцессы пожалѣли, а министры, и особенно старый, умный и осторожный Остерманъ, предвидѣли послѣдствія. Остерманъ осмѣлился заявить ихъ, но на это посмотрѣли съ неудовольствіемъ. Онъ исполнилъ свою обязанность, его обозвали болтуномъ. Анна лишила его должности министра иностранныхъ дѣлъ; онъ остался членомъ въ Совѣтѣ, сохранилъ свое жалованье и сдѣланъ генералъ-адмираломъ. Линаръ пріѣхалъ, торжествуя, къ тому самому двору и частію къ тому самому Совѣту, который нѣсколько времени тому назадъ выпроводилъ его изъ Имперіи въ нѣкоторомъ родѣ съ позоромъ. Регентша выслала въ Ригу людей встрѣтить этого прекраснаго автомата (вѣдь онъ таковымъ и былъ), а съ границы велѣла везти его даромъ. Для него приготовили великолѣпный домъ, снабженный всѣмъ отъ двора, убранный подъ надзоромъ самой регентши, которая ѣздила туда отдавать приказанія. По пріѣздѣ въ Пе-

*) Эта дочь, Екатерина Ивановна, позднѣе баронесса Черкасова, была горбата. П. Б.

тербургъ, Линара препроводили въ этотъ домъ, гдѣ онъ только перодѣлся, такъ какъ встрѣтившій его тамъ камергеръ имѣлъ приказаніе везти его тотчасъ по прїѣздѣ во дворецъ, куда онъ и отправился въ собственной каретѣ регентши. Она еще лежала въ постелѣ послѣ рожденія старшей принцессы.

Когда Линаръ былъ принятъ, всѣ двери были заперты. Бесѣда длилась болѣе двухъ часовъ. Подробности неизвѣстны; быть можетъ не стоило и узнавать ихъ. Министры, имѣвшіе доклады принцессѣ, принцъ Брауншвейгскій, много другихъ лицъ, наконецъ ужинъ, все ожидало въ передней конца этой интересной бесѣды. Наконецъ графъ Линаръ вышелъ въ лентахъ и орденахъ Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго, осыпанныхъ бриліантами. Менѣе ловкіе опускали глаза, остальные вели себя льстиво. Говорятъ, что принцъ Брауншвейгскій почувствовалъ сильнѣйшую головную боль. Люди разсудительные жалѣли регентшу.

Приверженцы Елисаветы не дремали; они совѣтовали ей больше показываться въ обществѣ, больше наряжаться. Народъ всегда любилъ красоту ея. Вотъ и стала она показываться въ обществѣ и была красивѣе, блестящее, любезнѣе чѣмъ когда либо. Регентша же, всегда мрачная, небрежная, почти не появлялась нигуда, и когда необходимо было показаться, то показывалась безъ блеска, столь любимаго народомъ и постоянно съ видомъ скуки, который всѣхъ раздражалъ.

Она только и жила графомъ Линаромъ, который съ своей стороны пересталъ имѣть видъ приличный иностранному министру. Въ глазахъ внимательной Европы все это должно было быть скрашено мнимой привязанностью графа къ любимой фрейлинѣ принцессы по фамиліи Менгденъ, которую вообще называли просто по имени, Юліей. Регентша дѣлала видъ, будто обожаетъ эту дѣвицу; спала съ нею въ одной комнатѣ, постоянно сидѣла въ ея покояхъ. Наконецъ, еще до прїѣзда графа, игру эту повели такъ, что въ виду наружности Юліи, которая была недурна, но имѣла что-то мужественное, начали высказывать смѣлыя мнѣнія объ этой странной привязанности между лицами одного и того же пола. Регентша воображала, что хорошо ведетъ свою игру. Она устроила публично обрученіе Юліи съ графомъ Линаромъ, подарила имъ на 300 тысячъ рублей драгоценныхъ вещей, нарядовъ, мебели. Годъ цѣлый прошелъ въ ничегонедѣланіи.

Дѣла велись фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ, канцлеромъ Головкинымъ, нѣкимъ Бреверномъ (брата котораго я встрѣтила здѣсь на военной службѣ у короля) и другими министрами, допущенными въ Совѣтъ, который былъ очень немногочисленъ. Въ этомъ Совѣтѣ регентша

присутствовала со своимъ скучающимъ и наводящимъ на другихъ скуку видомъ, постоянно предаваясь мечтамъ и побуждаемая то тѣмъ, то другимъ, довольно неловко изрекала окончательные приговоры. Простягъ мужъ ея бывалъ тутъ же, но не смѣлъ говорить, боясь вызвать противленіе.

Болѣе всѣхъ принималъ участіе въ управленіи дѣлами регентши посланникъ Венгерской королевы Ботта. Онъ былъ въ тайной связи съ графиней Линарь, не смѣя выказывать этого явно, въ виду войны между ихъ дворами. По приказанію своего двора Ботта внушилъ регентшѣ мысль объ избраніи герцога Курляндскаго. Императрица-королева находила, что хорошо дать регентшѣ подобную опору и въ тоже время пристраивала одного принца изъ дома Брауншвейскаго (откуда была ея мать-императрица); принцъ этотъ, котораго она любила, былъ толстый Людовикъ Брауншвейгскій (теперь онъ въ Гагѣ, гдѣ вы его видѣли). Добились его принятія въ Россію, гдѣ онъ былъ принятъ въ качествѣ дяди младенца-императора. Предложили его созданнымъ сословіямъ Курляндіи и послали войско къ границѣ. Герцогство Курляндское, при герцогѣ, понимающемъ его выгоды, могло бы быть довольно значительнымъ; въ немъ слишкомъ 75 Нѣмецкихъ миль въ длину, свыше 30 въ ширину и 3 порта*). Почва тамъ превосходная, и торговля могла бы процвѣтать. Предшествующіе герцоги содержали на свой счетъ до 16 тысячъ человекъ. Вдовья часть герцогинь доходила до 40 тысячъ червонцевъ. И такъ принцъ Людовикъ былъ избранъ герцогомъ Курляндіи и уже долженъ былъ принимать всѣ почести, какъ вдругъ правленіе регентши рухнуло. Такъ и не узнали, почему Линарь, въ пользу своего двора, не заставилъ поддержать избраннаго много лѣтъ тому назадъ въ той же Курляндіи Морица Саксонскаго, чему не препятствовало бы и вѣроисповѣданіе.—Маркизь Шетарди не терялъ времени. Онъ былъ снабженъ хорошими векселями. Ежедневно, незамѣтно, онъ набиралъ приверженцевъ и понукалъ Лестока, а тотъ Елисавету. Вы замѣтили, что у каждаго изъ нихъ были свой замыселъ. Лестокъ хотѣлъ возвести на тронъ Елисавету, маркизь же не подозрѣвалъ о томъ. Онъ рассчитывалъ воспользоваться предстоявшими смутами, чтобы возвести на престолъ или приобщить къ оному того ребенка, котораго мы въ Голштиніи воспитывали подъ опекою моего брата. Шведы, долженствовавшіе все это поддержать, надвигались; они были уже въ Финляндіи, въ 50 миляхъ отъ Петербурга.

*

*) Тринадцать лѣтъ назадъ, находясь въ Россіи, княгиня Сербская помышляла о Курляндскомъ герцогствѣ для своего супруга.

1 Сентября 1758.

Въ силу секретныхъ приказовъ, имѣвшихся у него, и замысловъ личныхъ, Левенгауптъ много бы далъ, чтобы знать навѣрное, какой именно день изберуть для переворота: тогда бы онъ двинулся впередъ и подалъ вооруженную помощь въ случаѣ надобности; но Елисавета страшилась взрыва и желала, чтобъ дѣло обошлось безъ крови. Съ своей стороны министры Русскіе не были покойны. Ошибки регентши по отношенію къ народу, желавшему видѣть своего монарха и не выдающему его, любовь ея къ Линару, котораго народъ ненавидѣлъ, дурное обращеніе принца Брауншвейгскаго съ гвардіей, которую онъ обучалъ на Нѣмецкій ладъ, глухой ропотъ противъ правительства, проникшій въ гвардію, все это озабочивало старика Остермана. Онъ считалъ своей обязанностью сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы вызвать регентшу изъ ея бездѣйствія. Уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду онъ не показывался въ Совѣтъ подъ предлогомъ нездоровья, но теперь онъ испрашиваетъ себѣ аудіенцію, и ему даютъ ее. Онъ говоритъ о маркизѣ Шетарди, чтобы дать почувствовать принцессѣ, опьяненной своею любовью и величіемъ, что она должна научить иностранныя державы уважать ея достоинство; что Французскій дворъ, первый въ Европѣ, не давалъ бы своему министру такихъ инструкцій, какія онъ только что получилъ по поводу простого церемоніала, если бы ея правленіе столь же уважали какъ предшествующее или если бы не казалось, что ея власть недостаточно прочно укрѣплена на счастье ей и ея дѣтямъ. Въмѣсто отвѣта регентша поблагодарила его. Въ это время портной принесъ новое платье маленькому императору. «Посмотрите, сказала она, какое предестное платье; развѣ оно не идетъ моему сыну?» Остерманъ, разобитый, ничего не отвѣчалъ, и низко поклонившись вышелъ. Возвратившись къ себѣ, онъ составилъ записку полную основательныхъ и поучительныхъ размышлений (ее нашли въ залѣ Совѣта; маркизъ говорилъ мнѣ, что ничего болѣе здравомысленнаго и лучшаго онъ не читывалъ). Эту записку Остерманъ представилъ въ Совѣтъ; она прошла по рукамъ всѣхъ присутствовавшихъ, послѣ чего они собрались для подачи мнѣній по этому поводу. Всѣ голоса соединились относительно сущности щекотливаго положенія: рѣшили, что Остерманъ долженъ быть болѣе свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ дворъ и министры; что бояться можно было только двухъ вещей: принцессы Елисаветы и ея племянника. На это принцы Брауншвейгскіе возрадили: племянникъ Елисаветы еще ребенокъ, къ тому же онъ бѣденъ и не сумѣетъ дѣйствовать; дядя его не имѣетъ здѣсь своего представителя, и весь этотъ домъ, со времени своего упадка, не въ связи ни съ кѣмъ. Остается, значить, одна Елисавета. «Нужно, говоритъ отецъ ребенка-императора, женить на ней моего брата». «Въ монастырь ее

запереть нужно», говорить канцлеръ Головкинъ. Порѣшили къ этому прибѣгнуть въ случаѣ, если Елисавета откажетъ принцу Людвигу (это тотъ самый, котораго вы видѣли). Въ томъ же Совѣтѣ рѣшено послать 40 тысячъ человѣкъ противъ короля Прусскаго, о чемъ отданъ былъ приказъ, еще болѣе раздражившій народъ, знавшій, что Шведы уже на порогѣ Россіи. Сдѣлали Елисаветѣ предложеніе, которое она отвергла съ высокомѣріемъ и тѣмъ заставила призадуматься. Совѣтъ снова собрался по поводу этого отказа. Поняли, что Елисавета должна была чувствовать поддержку за собой. Назначили охрану ко двору, подъ предлогомъ защиты отъ Шведовъ, поставлены пушки вблизи дворца, удвоили гвардію и ночной дозоръ. Рѣшили ночью захватить царевну, запереть ее въ монастырь и тотчасъ же постричь. Положили, что достаточно для этого гренадеровъ гвардейскаго полка, которымъ командовалъ принцъ Брауншвейгскій, и что ему можно поручить это дѣло. Однако ошибались. Между тѣмъ ночному дозору былъ отданъ приказъ не приближаться, въ случаѣ если ночью увидятъ гренадеръ, а наоборотъ отступить. Приказъ былъ тайный, и знали о немъ одни офицеры. Устроено было такъ, чтобъ арестованіе Елисаветы не встрѣтило препятствій. Все это происходило за 8 дней до славнаго событія.

Теперь поговоримъ о причинѣ отставки стараго Остермана и объ его подозрѣніяхъ. Линаръ вбилъ въ голову регентшѣ, чтобы она короновалась, по словамъ его друзей, вмѣстѣ съ сыномъ, а по словамъ другихъ, одна. Эта мысль засѣла у нея въ головѣ, и она дала ее понять Совѣту, который не одобрилъ такой мысли и отсовѣтовалъ ея исполненіе. Но она съ Линаромъ надѣялась наладить дѣло во время предполагавшейся поѣздки въ Москву, лишь бы коронаціонныя украшенія, которыя при каждомъ новомъ государѣ дѣлаются вновь, были готовы. Линаръ былъ поспѣшно отправленъ подъ вымышленнымъ предлогомъ въ Дрезденъ съ драгоценными камнями, чтобы тамъ докончили какъ можно скорѣе работу. Въ это же время г-жа Салтыкова, мать Итамбега*), довершала покореніе умовъ въ цѣломъ рядѣ семействъ. Она была Голицына. Кромѣ того, будучи очень красивою, она маневрировала особеннымъ способомъ, который не долженъ дойти до потомства. Съ одной изъ своихъ женщинъ она отправлялась въ казармы гвардейцевъ, отдавалась имъ, напивалась, играла и нарочно проигрывала. Однимъ словомъ, образъ ея дѣйствій поражаетъ и заставляетъ содрагаться. Въ это время ея любовниками состояли всѣ 300 гренадеровъ, которые потомъ сопровождали ея величество.

---

*) Т. е. Сергѣя Васильевича. Видно, у него было прозвище Итамбега.

Чуть не забыла рассказать про подозрѣнія Остермана. Маркизь Шетарди имѣлъ приказъ испросить аудіенцію, по какому-то поводу. Церемоніймейстеръ отвѣчалъ ему, что императоръ подъ опекою и что царствуетъ регентша, которая и даетъ ауденціи, что всѣ остальные иностранные министры испрашивали ауденціи у нея и даже министръ Германскаго императора. На это Шетарди отвѣчалъ, что онъ имѣетъ свои приказы, а у другихъ министровъ, повидимому, они иные, что его приказъ достовѣренъ, и предметъ его порученія настолько спѣшный, что нельзя переспрашивать о немъ. Начались переговоры. Наконецъ пришли къ тому, что заставили регентшу не сидѣть на тронѣ, а держать во время ауденціи на рукахъ своихъ императора. Принятый при такихъ условіяхъ, маркизь постоянно обращался къ императору. Въ концѣ онъ сказалъ нѣсколько очень учтивыхъ и льстивыхъ словъ регентшѣ. За регентшу и императора отвѣчалъ канцлеръ. Дѣло состояло въ передачѣ императору письма отъ короля Французскаго. Регентша протянула за нимъ руку; но маркизь сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ этого и всунулъ письмо въ руки императору.

Незамѣтно я довела васъ до кануна событія, состоявшаго однако не въ ауденціи. Я пишу уже третій листъ, а еще нужно очень много писать. И такъ оставляю васъ на этомъ.

*

10 Сентября 1758.

Всю прошлую недѣлю я была въ такомъ уныніи отъ распространившагося и ходящаго еще теперь извѣстія о пораженіи Русской арміи самимъ королемъ Прусскимъ, что не имѣла духа писать вамъ. Одни вѣрятъ этому извѣстію, другіе сомнѣваются; всѣ между страхомъ и надеждой; курьеровъ еще нѣтъ; будемъ же надѣяться, оставляя отчаяніе до минуты слишкомъ грустной увѣренности. Однако мнѣ страшно. Я думаю, какъ и вы, что красавецъ Салтыковъ былъ бы очень оскорбленъ, если бы могъ знать, какое жалкое положеніе занимаетъ здѣсь его посоль*). Эта должность была бы хороша для него: онъ бы блисталъ и разорялся.

Здѣсь необходимо вообще ангельское терпѣніе во всемъ, и я удивляюсь, откуда беру его. Вѣрно то, что я много крови порчу и если не околѣю, это будетъ чудомъ. Постараюсь передать по назначенію книгу, которую вы мнѣ указываете; она доставитъ большое удовольствіе нашимъ домоправителямъ и моему сыну. Не имѣю отъ него извѣстій съ тѣхъ поръ какъ онъ въ арміи. Боюсь, чтобы король Прусскій не пошелъ на Дауна, если Русскіе разбиты и не повторилось бы того что было съ Лиссой. У насъ по королевѣ Испанской шестинедѣльный трауръ.

*

*) Т. е. Русскій посоль графъ Бестужевъ? П. Б.

Полночь.

Возвращаюсь къ письму, чтобы сказать вамъ, что князь Голицынъ зашелъ ко мнѣ передъ ужиномъ. Онъ только что изъ Палерояля. Герцогиня вызвала его къ себѣ и сказала: «Князь, вамъ извѣстна радостная вѣсть?»—«Государыня, мнѣ извѣстны лишь плохія вѣсти».—«Ну, такъ я только что вернулась изъ Сень-Клу и узнала отъ лицъ, пріѣхавшихъ туда изъ Версаля, что въ 12 часовъ дня въ Версаль прибыли два курьера, одинъ отъ Асфола, другой отъ Шампо съ извѣстіемъ, что Русская армія, по присоединеніи къ ней отряда свѣжихъ войскъ, возобновила атаку на короля Прусскаго, разбила его, разсѣяла его войско, а самъ король бѣжалъ; что принцъ Двумостный, командующій имперской арміей, взялъ лагерь Пирны и что Дрезденъ, очевидно, теперь свободенъ. Судите о моей радости; не смѣю еще отдаться ей, но если это извѣстіе оправдается, вы получите отъ меня письмо на этой недѣлѣ; если же нѣтъ, то только на будущей. Герцогиня Орлеанская называла раненыхъ Прусскихъ генераловъ и прибавила, что у знаменитаго Морица Дессаускаго обѣ ноги оторваны пушечнымъ ядромъ.

*

19 Сентября 1758.

Я разсчитывала писать вамъ съ Понедѣльника, но такъ какъ курьеры со всѣхъ сторонъ подѣвжали до вчерашней ночи, то я мѣшкала до сегодня. Было нѣчто поважнѣе этого: въ 12 часовъ дня раздался пушечный залпъ съ Бастиліи. Хочу начать разсказъ съ этого, а потомъ перепису вамъ слово въ слово одно письмо, полученное мною черезъ курьера изъ Вѣны.

Копія съ письма герцога Дегильмона, командующаго на берегахъ Бретани, привезенное полковникомъ Брокомъ, комендантомъ въ Лионна, пріѣхавшимъ въ эту ночь. «Герцогъ Дегильмонъ, стянувъ войска, находившіяся въ его распоряженіи, атаковалъ 11 числа сего мѣсяца Англичанъ въ числѣ отъ 12 до 13 тысячъ человекъ, въ бухтѣ, въ то время когда они снова садились на корабли. Не смотря на всю гордость, съ какою непріатели вначалѣ выдерживали эту первую атаку, ихъ ряды были прорваны, они разбиты на голову и выброшены въ море; наше войско бросилось въ это дѣло съ великой неустрашимостью и преслѣдовало Англичанъ до самаго моря, куда входили по поясъ. У Англичанъ болѣе 3 тысячъ убитыхъ на берегу, не считая гренадеръ утонувшихъ либо на потопленныхъ транспортныхъ судахъ, либо спасавшихся вплавь; ко времени отъѣзда курьера число плѣнныхъ превышало 500 человекъ, между ними много офицеровъ и заслуженныхъ. Кавалеръ Полиньянъ и Латуръ-Довернь опасно ранены, такъ же какъ и Декоссе, мушкетерный корнетъ, находившійся въ дѣлѣ въ качествѣ волонтера».

Фельдмаршалъ Белиль отвезъ это извѣстіе королю въ 2 часа ночи. Его величество все еще увѣренъ, что Луизбургъ не взять. Достоверно, что Англійскій король, въ своихъ отвѣтахъ на привѣтствія, ничего не отвѣчалъ господамъ поздравлявшимъ его съ взятіемъ этого города. Принцъ Эдуардъ, братъ принца Вельскаго, находился среди войска, высадившагося въ Бретани. Извѣстно, что солдаты, падая и сваливаясь съ кораблей и шлюпокъ, передавали его другъ другу; но неизвѣстно, спасенъ ли онъ или утонулъ. Въ арміи Констада нѣтъ ничего новаго. Непрїатели въ виду другъ у друга и ждутъ съ минуты на минуту извѣстія о сраженіи. Мой сынъ извѣщаетъ меня изъ Бауцена, въ двухъ почтовыхъ станціяхъ отъ Дрездена, въ то время главной квартиры Дауна: «Завтра мы выступаемъ на непрїателя, то-есть принца Генриха». Письмо отъ 29 Августа. Вотъ побѣда моихъ Русскихъ!

Письмо изъ Вьны отъ 4 Сентября. «Отъѣздъ курьера позволяетъ мнѣ сообщить вашему высочеству лишь то, что курьеръ генерала Лаудона привезъ въ эту ночь слѣдующее извѣстіе.

«Двадцать пятаго числа, генералъ Ферморъ менѣ чѣмъ съ 22 тысячами человекъ (такъ какъ не могъ соединить своихъ отрядовъ) былъ атакованъ самимъ королемъ Прусскимъ, у котораго было 45 тысячное войско. Бой былъ жаркій и кровопролитный и длился 8 часовъ. Благодаря численному превосходству Нѣмцевъ, нашимъ пришлось уступить мѣсто. Но 26-го, въ 4 часа утра, Ферморъ соединилъ свои отряды, и уже наши атаковали Прусскаго короля съ такой энергіей и имѣли такой успѣхъ въ его лагерь, что король насилу спасся (думаютъ, въ Дрезденъ) съ 6000 человекъ; остальные убиты, ранены и разбѣяны. Сраженіе продолжалось съ 9 часовъ утра до 4 часовъ дня и было изъ самыхъ смертоносныхъ. Наши продолжаютъ обстрѣливать Кюстринъ. Потери нашихъ считаютъ до 19 тысячъ человекъ, со стороны Пруссаковъ онъ на четверть больше. Наши видѣли, какъ уносили Морица Дессаускаго, у котораго обѣ ноги оторваны пушечнымъ ядромъ».

*

22 Сентября 1758.

Вчера я ѣздила въ Шуази. Чтò за прелестная бездѣлица для короля Франціи! Но какъ онъ хорошъ, съ какимъ вкусомъ устроенъ! Однимъ словомъ, о какой прекрасной душѣ свидѣлствуютъ миръ и тишина, царящіе въ этомъ мѣстѣ и во всемъ дворцѣ! Мнѣ показалось, что тутъ вполне изобразилось сердце монарха. У Людовика XIV° все было нагромождено, вызолочено, слишкомъ тяжело, а тутъ все просто, хорошо, никакого чванства. Это богатое частное владѣніе; все здѣсь

улыбается, все умѣренно. Это очаровательное мѣстопробываніе, украшенное граціями, и надо всѣмъ вѣтеть благодать; тщеславіе покорилось человѣчности. Словомъ, это самъ Людовикъ XV.

Кажется, я уже говорила вамъ, что мой сынъ былъ уже въ арміи 29-го. И такъ онъ въ двухъ миляхъ отъ Дрездена и въ 22 отъ своего дома. Что касается молодого С., я считаю его совершенно потеряннымъ. Я вижу его въ двѣ недѣли разъ, да и то второпяхъ. Это жаль.

Всѣ добрыя вѣсти подтверждаются; Русскіе даже отняли свою артиллерію, обозъ и часть своихъ плѣнныхъ. \ Ежедневно надѣются получить еще лучшія извѣстія.

*

23 Сентября 1758.

Возвратимся къ вашимъ вопросамъ. Князь Черкасскій былъ великимъ канцлеромъ, слѣдовательно, и членомъ Совѣта, во времена регентства. Онъ слытъ за умнаго и искуснаго человѣка. Вотъ какіе министры во время регентства засѣдали въ совѣтѣ: Черкасскій, великій канцлеръ; Головкинъ, канцлеръ; Остерманъ, генераль-адмиралъ, фельдмаршалъ Минихъ. Первый изъ нихъ остался по воцареніи императрицы Елисаветы, остальные были сосланы въ Сибирь. Удержались еще братъ фельдмаршала Миниха, двое Русскихъ, имена которыхъ я забыла, и старый Веселовскій, отецъ зятя Гамбургскаго Салтыкова. Принцъ Гессенъ-Гамбургскій и фельдмаршалъ Ласси допускались въ Совѣтъ въ исключительныхъ случаяхъ или же когда рѣшался вопросъ военный. Волынскій погибъ въ дѣлѣ Долгорукихъ. Преступленіе ихъ было одинаково: они ненавидѣли Бирона и стремились свергнуть его. Какъ вы знаете, выставлены были другіе предлоги. Они погибли тоже на эшафотѣ. Волынскаго четвертовали. Минихъ заставилъ Остермана оставить должность великаго канцлера и мѣсто въ управленіи иностранныхъ дѣлъ, которое занялъ самъ, отдавъ мѣсто великаго канцлера Головкину. За Остерманомъ только сохранилось кресло въ Совѣтѣ, куда съ тѣхъ поръ онъ пріѣзжалъ всего одинъ разъ, когда обсуждали его записку, о которой я вамъ говорила. Линаръ, работавшій только для себя и стремившійся занять при регентшѣ тоже положеніе, какое Биронъ занималъ при императрицѣ Аннѣ, былъ очень радъ приобрести расположеніе Вѣнскаго двора, который въ то время всѣмъ распоряжался при дворѣ въ Петербургѣ. Имѣя ловкаго министра и будучи въ родствѣ съ Русскимъ дворомъ, онъ рѣшалъ всѣ дѣла Русскія. Однако Вѣнскому двору не удалось предотвратить многія неприятели, которыя сдѣлалъ Шетарди, сумѣвшій незамѣтнымъ образомъ свести всѣхъ съ ума. Ропотъ на дворъ сдѣлался всенароднымъ. Народъ могъ поднять голову, бѣжали за Елисаветой по

улицамъ, благословляя ее, когда она появлялась. Двору надоѣдали просьбами, и не получавшіе ничего умножали собою число недовольныхъ, искавшихъ предлога, чтобы кричать.

*

6 Октября 1758.

Вчера меня посѣтилъ маршалъ Биронъ отъ имени короля. Онъ сказалъ, что король проситъ меня не находить страннымъ его приказъ не соблюдать инкогнито относительно меня въ мѣстахъ, гдѣ находится его гвардія, въ его дворцахъ и т. п.; что онъ желалъ бы, чтобы мнѣ вездѣ были оказаны пріемъ и честь подобающіе моему имени и какъ лично моей особѣ, такъ и тому изъ его союзниковъ, которому я принадлежу. Я отвѣчала, что, не имѣя еще счастія быть представленной королю и королевскому семейству, я должна была почитать себя неизвѣстной; что тѣмъ болѣе я чувствую милости короля, вызывающія во мнѣ чувства признательности, а ихъ вмѣстѣ съ почтительной преданностью къ его особѣ во мнѣ достаточно, чтобы поспорить съ самыми вѣрными его подданными. Я просила маршала удостовѣрить въ этомъ его величество, а также въ моемъ почтительномъ подчиненіи всему что будетъ благоугодно его величеству.

Вернемся къ вашимъ письмамъ. И такъ вы серьезно думали, что меня будутъ торжественно поздравлять съ Русскими побѣдами? Нисколько; никто, буквально, этого не сдѣлалъ. Отчего, сама не знаю. Что касается Луизбурга, перестанемъ надѣяться, я слишкомъ увѣрена въ томъ, что онъ взятъ. Не знаю, гдѣ они высадились. Мой сынъ въ каждомъ письмѣ шлетъ вамъ много привѣтствій. Онъ пресчастливъ, находясь въ своей сферѣ и блаженствуетъ. Дай Богъ, чтобы такъ продолжалось и чтобы этотъ походъ кончился ко всеобщему удовлетворенію. Тогда только онъ кончится хорошо. Вы такой умный, достойный другъ мой, помогите что мнѣ посовѣтовать сыну на эту зиму, ѣхать ли ему сюда, или къ себѣ, или же остаться въ кантонирь-квартирахъ? Вы отъ меня ждете дальнѣйшаго о воцареніи императрицы Елисаветы. Приходится вамъ еще потерпѣть. Вы будете въ Берлинѣ, потому не станете скучать, а моя письменная лѣньность тоже.

*

14 Октября 1758.

Отрядъ войска Констада застигъ войска врасплохъ и разграбилъ лагерь моего брата, который отступилъ съ урономъ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы взяли его самого. Субизъ отступилъ къ Касселю, который чуть было не захватилъ г. Оберъ, изъ Гановерцевъ. 16-го Сентября Шведы

находились въ двухъ миляхъ отъ Берлина. Дона снова перешелъ Одеръ, а Ферморъ преслѣдуетъ его. Прусскій король съ 50 тысячами войска въ Дрезденъ; а Даунъ, Сербеллонни и принцъ Двумостный стоятъ въ двухъ миляхъ оттуда со 150 тысячами. И мой единственный сынъ среди всего этого! Судите же, что происходитъ въ глубинѣ души моей въ то время, когда я, высоко держа голову, ѣду въ театръ. Король сегодня въ Шуазіи. Предполагается поѣздка въ Фонтенебло; но не весь дворъ будетъ тамъ. Король Станиславъ уѣзжаетъ только въ Понедѣльникъ. Вчера онъ пріѣзжалъ въ городъ къ принцессѣ Фальмонъ, которая при смерти; у нея одной онъ и былъ; говорятъ, что королева, на этотъ разъ, страшится его отъѣзда, о которомъ она узнаетъ только, когда онъ состоится.

Вернемся къ вашимъ письмамъ. Я бы очень желала, чтобы это выигранное сраженіе привело насъ къ миру; не знаю, что и думать объ этомъ; будемъ надѣяться на миръ, по моему всѣ умы еще очень раздражены. Жестокости короля Прусскаго въ дѣлѣ 25 числа неслыханны. Онъ при себѣ велѣлъ посадить на колъ 600 взятыхъ козаковъ. Маршалъ Браунъ лежалъ на землѣ, не будучи въ состояніи сражаться; Прусскій офицеръ взялъ его въ плѣнъ и, привязавъ къ нему веревку, хотѣлъ заставить его бѣжать рядомъ со своей лошадыю. Но фельдмаршалъ не могъ поспѣвать. Тогда офицеръ, видя, что тотъ мѣшаетъ ему подвигаться впередъ, сдѣлалъ по немъ 12 ударовъ саблей и оставил его въ такомъ видѣ на дорогѣ. Когда къ королю Прусскому привели плѣнныхъ генераловъ и офицеровъ, онъ сказалъ: «Такъ вотъ они, поджигатели и т. д. и т. д. Засадить ихъ въ Кюстринскія тюрьмы». Развѣ это не поцарски? Нѣтъ, за то чисто попруски.

*

15 Октября 1758.

Я тоже думаю, какъ и вы, что императрица-королева должна обождать короля послѣ того, что онъ для нея сдѣлалъ. Союзники хорошо помогаютъ другъ другу. Побѣда Фермора побудила Русскую императрицу двинуть 40 тысячъ человекъ и приказать сдѣлать наборъ по всей имперіи 50,000 человекъ. Первые полки идутъ уже. Ожидаютъ извѣстія о сраженіи между Субизомъ и Изенбургомъ. Говорятъ, будто король Прусскій выѣхалъ изъ Дрездена, неизвѣстно куда. Мой сынъ чуть не былъ захваченъ Прусскими гусарами. Онъ здоровъ. Прощайте, рука у меня трясется, надо кончить. Вы уже знаете объ убійствѣ Португальскаго короля и о сумасшествіи Испанскаго.

*

22 Октября 1758.

Очень вамъ благодарна, что вы беспокоитесь о моемъ здоровьи. Пошло лучше, я выѣзжаю, была въ театрѣ, но иногда еще отдается лихорадка. Думаю вылѣчиться разсѣянiями и движенiемъ. Ненавижу лѣкарства и докторовъ. Никого изъ нихъ не приглашала, мое сложенiе меня выручило.

*

1 Ноября 1758.

Я особенно вамъ благодарна за ваши безпокойства объ участи моего единственнаго сына въ день 19-го числа. Я не имѣла ни дня покоя со времени прiѣзда курьеровъ, изъ которыхъ ни одинъ ничего не привезъ мнѣ. Толстякъ баронъ, посланникъ, и всѣ, показывающiе участiе ко мнѣ, увѣряли будто общее молчанiе служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, что мой сынъ здоровъ; но можетъ ли материнское сердце довольствоваться такой увѣренностью? Наконецъ, вчерашняя почта привезла мнѣ дорогое извѣстiе отъ него. Вотъ отрывокъ изъ его письма, который переписываю вамъ слово въ слово: «Чувствую себя хорошо. Маршалъ маленько надулъ меня; онъ обѣщалъ, что я поведу свой полкъ при случаѣ; когда же случай явился, онъ попросилъ меня остаться при его особѣ. И такъ я имѣлъ счастье сражаться на глазахъ у нашего Фабiа. Были трудныя минуты. Мнѣ, въ числѣ другихъ, было поручено рубить кавалерiю. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы при этомъ были. Надѣюсь, вы остались бы довольны своимъ сыномъ». Вы видите, онъ не плохого мнѣнiя о себѣ. Это маленькая черта тщеславiя, которую нужно считать тѣмъ, что называется честолюбиемъ. Я всегда любила видѣть это въ немъ и направляла его своими совѣтами.

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Я видѣлъ, какъ на простой повозкѣ везли тѣло достойнаго маршала Кейта. Этотъ великiй человекъ, достойный служить лучшему дѣлу, стоилъ бы иной участи. Я былъ тронутъ. Маршалъ велѣлъ съ честью похоронить его въ церкви Гохквирхена».

Вы очень забавляете меня желанiемъ написать исторiю моей жизни. Она была бы не долга. Послѣ моей смерти скажутъ: она жила и умерла, этимъ все будетъ сказано. Не то, повидимому, будетъ по кончинѣ двухъ великихъ принцессъ, которыя здѣсь при смерти: одна, герцогиня Орлеанская отъ чахотки, другая, принцесса Кондэ отъ вѣтреной оспы. Сiя послѣдняя вчера была очень плоха. Заболѣла вѣтреной оспой она въ Версали, откуда уже съ выступившею сыпью ее перевезли въ ея собственный Версальскiй дворецъ. Кажется, я не отвѣчала на вашъ вопросъ касательно г-жи Geoffrin. Она мнѣ очень нравится; уже обѣдала у меня,

часто присутствуетъ при моемъ одѣваніи, и мы вмѣстѣ ѣдимъ смотрѣть собранія рѣдкостей и т. п.¹⁾.

*

10 Ноября 1758.

Очень вамъ признательна за ваши мнѣнія относительно моего сына. Признаюсь, я испытала большую радость, увидавъ въ немъ чувства столь достойныя его крови, не смѣю прибавить моей. Надѣюсь со временемъ онъ будетъ, какимъ онъ долженъ быть для того, чтобы я могла отдаться всей своей нѣжности къ нему. Я люблю мечтать о столь сладкой будущности. Вернемся къ доброй г-жѣ Жофренъ. Я нахожу сравненіе вѣрнымъ, но я бы предпочла ее той, съ кѣмъ вы ее сравниваете. Не думаю, чтобы она была злорѣчива и считаю ее менѣе начиненной предразсудками, направляемыми страстями. Я нахожу, что вашъ двоюродный братъ правъ насчетъ добраго Русскаго министра²⁾. Вы думаете, онъ написалъ мнѣ еще? Ни чуть не бывало. И рѣчи нѣтъ о пяти или шести письмахъ. Это не слишкомъ-то любезно. Кстати о Русскихъ, ихъ пріѣхала цѣлая куча и еще пріѣдутъ. Княгиня Голицына вернулась. Я отвлекаю ее отъ ея прежнихъ связей и представила ее нѣкоторымъ изъ моихъ знакомыхъ. Она имѣетъ достаточный успѣхъ. Мой маленький Салтыковъ поправляется мало по малу; въ сущности онъ добрый мальчикъ.

*

6 Іюня 1759.

Не удивляйтесь и не беспокойтесь о медлительности моей съ отвѣтомъ; беру своихъ и вашихъ знакомыхъ въ свидѣтели, что состояніе моего здоровья все еще было плохо и тяжело, въ теченіе 6 или 8 дней, особенно общій разладъ всей машины: голова слабая, безъ мыслей, изнеможеніе, слабость и непереставаемые боли въ кишкахъ, не позволяющія мнѣ принять положеніе необходимое для письма. Все это не дало мнѣ возможности подать кому либо признакъ жизни. Мой сынъ уѣхалъ въ армию вскорѣ послѣ васъ и доѣхалъ благополучно. Быть можетъ, вы, до полученія этого письма, узнаете о томъ, что мой сынъ овдовѣлъ съ 22 числа прошлаго мѣсяца³⁾. Супруга его умерла въ Сербствѣ отъ апо-

¹⁾ Г-жа Жофренъ позднѣе вошла въ сношенія и въ переписку съ Екатериною Великою. П. Б.

²⁾ Т. е. нашего въ Гамбургѣ министра-резидента, С. В. Салтыкова. П. Б.

³⁾ Онъ потомъ женился вторично, и вторая его супруга скончалась въ началѣ XIX вѣка. Самъ онъ умеръ бездѣтнымъ въ 1793 году, т. е. за три года до сестры своей, которая сочла благоразумнымъ не допускать его въ Россію. Вотъ что однажды писала она князю М. Н. Волконскому: „Пожалуй, сыщи мнѣ здѣсь какогонибудь полковника или генераль-маіора Нѣмца, умнаго и вѣрнаго человѣка, котораго я бы могла къ брату моему послать, чтобъ его уговаривать ѣхать въ свой домъ и сюда не пріѣхать“. П. Б.

плексического удара, послѣдовавшаго за тремя другими ударами 13 числа того же мѣсяца. Какъ это странно въ ея годы! Вамъ извѣстны причины, по которымъ я была недовольна ею; тѣмъ не менѣе я не могла удержаться отъ справедливой дани человѣколюбію. Смерть такой молодой, красивой особы, столь случайная и быстрая, не можетъ не тронуть до нѣкоторой степени. Ваши размышленія о томъ, что для поправленія моего здоровья мнѣ нужно было бы вмѣсто лѣкарства выигранное сраженіе очень меня забавили. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю, вы правы; во всякомъ случаѣ возможно, что получу таковое, если Ферморъ искусенъ и счастливъ. Говорятъ, что Прусскій король идетъ на него съ 30 или 40 тысячами отборнаго войска. Я бы отслужила обѣдню, если бы могла. Контрадъ долженъ былъ быть вчера съ частью своей арміи въ Мёбургѣ. Вы знаете, что Нюренбергъ освобожденъ, что принцъ Генрихъ идетъ форсированнымъ маршемъ въ Саксонію, а что принцъ Фердинандъ скрылся въ глубь Вестфалии. Все еще много говорятъ о высадкѣ въ Брестъ; событія покажутъ что мы должны объ этомъ думать.

*

24 Іюня 1759.

Вы совершенно вѣрно угадали мои чувства по поводу смерти моей невѣстки: я не могла въ этомъ случаѣ отказать себѣ въ человѣколюбіи. Есть люди, которые могутъ быть мною за это недовольны, но этимъ людямъ неизвѣстны нѣкотораго свойства сердца; они называютъ подобныя свойства слабыми по сравненію съ тѣмъ, что они называютъ великодушіемъ, а что я называю жестокостію.

Мой сынъ одновременно съ извѣщеніемъ короля прислалъ ко мнѣ г-на де-Ножъ, который говорилъ, что его молодой начальникъ, узнавъ объ этой смерти, обнаружилъ доброту своего сердца; это меня порадовало за него. Герцогъ де-Шуазель только что прислалъ мнѣ отвѣтъ короля, который отвезетъ де-Ножъ. При дворѣ будетъ четырехдневный трауръ съ Четверга, а для наслѣдной принцессы, какъ ближайшей родственницы, онъ продлится дольше. Я обѣщала вамъ попросить у де-Девалори реляцію о воцареніи Русской императрицы, которую онъ въ свое время мнѣ сообщалъ. Я это исполнила, а онъ извѣщаетъ меня, что никогда не имѣлъ таковой, а что та, которую онъ мнѣ давалъ, принадлежала Прусскому министру и что онъ былъ очень обиженъ тогда на маркиза Шетарди, но никогда не имѣлъ другой реляціи. Мнѣ все думается, что она у меня; какъ только время и силы позволятъ, поищу. Изъ Силезіи есть извѣстіе, что Ферморъ, или уже теперь Салтыковъ, достигъ границы. Даунъ двинулся, а король Прусскій, соединившись съ генераломъ Фукзъ, ожидаетъ его неустрашимо. Въ Германіи маршалъ

Контадь долженъ теперь уже достигнуть Липштата, а принцъ Фердинандъ собралъ свои силы, такъ что мы наканунѣ сраженія.

*

22 Іюля 1759.

Я не удивляюсь вашему изумленію по поводу отозванія генерала Фермора. Я испытала тоже самое. Точно не называютъ причинъ, о которыхъ вы узнали. Лично я сомнѣваюсь въ нихъ; но если предположить ихъ существованіе, то я считала бы источникомъ общую въ народѣ наклонность къ наживѣ, которую усвоилъ себѣ иноземецъ, привыкшій, какъ генераль Ферморъ, жить такъ долго среди нея. Говорятъ, графъ Салтыковъ прибылъ въ армію. Я всегда слышала, что за нимъ признаютъ талантъ. Онъ составляетъ противоположность фельдмаршалу Бутурлину. Теперь именно время упованій на будущій годъ. Графъ Донацетъ съ 60 тысячами. Со всѣхъ другихъ сторонъ всѣ отряды и различныя арміи находятся въ движеніи. Я думаю, мы находимся наканунѣ событій. Да будетъ угодно Богу, чтобы они были счастливыми и рѣшительными для праваго дѣла. Объ этомъ немало беспокоятся. Послѣднія извѣстія изъ Вестфаліи сообщаютъ о нѣкоторыхъ неудачахъ, маловажныхъ по правдѣ сказать, но какъ таковыя онѣ не способствуютъ воодушевленію солдатъ.

*

Дальше писемъ вѣроятно не было, такъ какъ княгиня Сербская тяжело заболѣла и въ Маѣ слѣдующаго года скончалась. Положеніе дочери ея стало отчаяннымъ: ей уже не было убѣжища въ случаѣ, если бы ее выслали изъ Россіи за границу, куда она, за годъ до кончины матери, просилась у Елисаветы Петровны, и поэтому она могла теперь опираться только на людей Русскихъ, ее оцѣнявшихъ. Въ чужихъ краяхъ ей не куда было дѣться. Съ этихъ поръ должно было рости въ ней чувство самосохраненія, и вскорѣ

Нордъ съдой ей удивился
И обладать собой избралъ.

Читатель въ письмахъ княгини Сербской замѣтитъ нѣкоторыя черты сходства съ ея дочерью въ словоохотливости и даже въ самыхъ пріемахъ изложенія. П. В.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА ЦАРЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА.

Изъ многихъ старинныхъ бумагъ, видѣнныхъ мною въ дѣтствѣ въ домѣ моихъ родителей и безслѣдно исчезнувшихъ впоследствии, я сохраняю у себя случайно уцѣлѣвшую грамоту царя Михаила Федоровича, жалованную одному изъ моихъ предковъ.

Грамота писана на листѣ толстой бумаги, уже пожелтѣвшей, но хорошо сохранившейся. Письмо довольно красивое, полуславянское, съ титлами, при навыкѣ читается весьма легко. Первое слово: „Божіею“ изображено виньеткою, въ видѣ монограммы, сдѣланной отъ руки, перомъ. Виньетка украшена листьями, фантастическими цвѣтами и велико-княжескою короною, мѣстами позолоченными.

Въ нижнемъ концѣ листъ простегнутъ краснымъ шелковымъ шнуркомъ, на который наложена красная, восковая печать. Половина ея уже утратилась, а на оставшейся половинѣ отчетливо видны: съ одной стороны часть государственнаго герба, съ остатками надписи вокругъ, разобрать которую нельзя; съ другой часть коня, съ частью фигуры, на немъ сидящей, и съ кольцеобразнымъ, змѣинымъ хвостомъ пресмыкающагося по землѣ животнаго (очевидно остатки изображенія Св. Георгія Побѣдоносца, поражающаго змію).

Вотъ эта грамота.

«Божіею милостию, мы великій государь, царь и великій князь Михаилло Федоровичъ, всея Русіи самодержецъ, совѣтовахъ съ отцомъ своимъ, съ великимъ государемъ, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, Московскимъ и всей Русіи. По своему царьскому, милосердому осмотрѣнію пожаловали есмя Андрея Гавриловича Пасевьева за его многія службы, что онъ, помятуя Бога, Пречистую Богородицу и Московскихъ чудотворцевъ, будучи при царѣ и великомъ князѣ Василю Ивановичѣ всея Русіи, въ нужное и прискорбное время за вѣру христіанскую и за святыхъ Божіи церкви и за царя Василю и за всѣхъ православныхъ христіанъ противъ враговъ нашихъ Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ, которые хотѣли до конца разорить царство Московское и вѣру Христіанскую попать; а онъ Андрей, будучи на Москвѣ, въ осадѣ, противъ тѣхъ враговъ нашихъ, стоялъ крѣпко и мужественно; и къ царю Василю и къ Московскому государству многую службу показалъ, голодъ и наготу и во всемъ оскуднѣе, нужду

всякую осадную терпѣль многое время и на воровскую прелесть и смуту ни которую не покусился; стоя въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо безо всякія шатости. И отъ тоё ихъ великія службы и осаднаго сидѣнія Польскіе и Литовскіе люди отъ Москвы отошли.

И за тѣ за всѣ великія, нужныя осадныя службы я, царь и великій князь Михайло Ѳедоровичъ всея Русіи пожаловалъ его Андрея и его помѣстья, съ его окладу, что было при царѣ Василіѣ, съ трехсотъ четвертей, со ста по двадцати четвертей, и того шестьдесятъ четвертей въ Тверскомъ уездѣ въ Захожскомъ стану пустошью, что была деревня Игуменья, пустошью, что была деревня Лычева, пустошью, что была деревня Ѳенево, пустошью Москотовою, пустошью Карамышовою, пустошью Воромною, въ вотчину со всѣми угоды. А по книгамъ, письма и мѣры князя Василя Тюфякина, въ 1595 г., въ пустошѣ, что была деревня Лычева съ пустошми, написано пашни и перелогу сорокъ пять четвертей; и не дошло въ вотчину, противъ нашего указа, пятнадцать четвертей. И на ту вотчину велѣли ему дати сію нашу царскую, жалованную грамоту за нашею, государскою, красною печатью. И по нашему царскому жалованью, въ той вотчинѣ Андрей и его дѣти и внучата и правнучата вольны; и вольно ему продать и заложить и въ приданое дать и въ монастырь по душѣ до выкупу дать. А кто буде роду его тоё вотчину изъ монастыря похочетъ выкупить, и ему эту вотчину выкупить цѣною, по нашему государскому указу противъ дачъ, сколько въ ней въ дачѣ четвертей и пашни написано; и дать за четверть по полтинѣ. А буде продасть въ чужой родъ, а кто будетъ роду его тоё вотчину похочетъ выкупить, и ему выкупать по прежнему нашему уложенію, какъ ихъ родовыя и купленыя вотчины выкупаютъ. А буде роду не останется или останется, а выкупать не похотятъ: и ту вотчину изъ монастыря взять на насъ; а деньги въ монастырь дать за нее изъ нашей казны, по той же цѣнѣ, по полтинѣ за четверть, а въ монастырь то вотчина, по прежнему нашему уложенію, не крѣпка. А буде у него дѣтей и роду не останется, а останется одна жена, и женѣ его тою вотчиною владѣть по свой животъ; а послѣ своего живота ту вотчину, для мужа своего поминанья, отдать въ монастырь до выкупу; а изъ монастыря ту вотчину выкупить на насъ; а дать за нее изъ нашей казны деньги, по полтинѣ за четверть. А буде, послѣ его, жена его учнетъ сидѣть во вдовахъ или пострижется, и эту вотчину вольна продать и заложить. А буде жена его останется бездѣтна, а вдовствомъ сидѣть и постричися не похочетъ, а пойдетъ замужъ: и ту вотчину взять на насъ, въ помѣстныя земли, а мужа ея по душѣ за ту вотчину дать изъ нашей казны деньги, противъ того, какъ изъ монастыря указано выку-

пять. А жениха ея пожалуемъ изъ тоё вотчины въ помѣстье по своему царскому разсмотрѣнію, что доведется.

Писано нашего государства въ царствующемъ градѣ Москва. Лѣта 1632, Апрѣля въ 22 день. А подписалъ государевъ, царевъ и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи дьякъ Венедиктъ Матвѣевъ сынъ Маховъ.

*

Всякому знакомому съ исторической жизнью Россіи извѣстно, что она многократно переживала тяжелыя времена. Особенное напряженіе ея народныхъ силъ наблюдается въ первой половинѣ XVII вѣка, когда, послѣ „Смутнаго времени“, государству пришлось выдерживать упорную борьбу съ Польшою и Литвой. Оба эти народа, съ меньшей высокомѣрностью, проявляемой теперь Японіей, хотѣли не только обезсилить Россію, но и лишить ее правъ на существованіе, какъ самостоятельное государство.

Но твердость воли истинно-Русскихъ людей, стойкость ихъ характера, крѣпкое и непоколебимое стояніе ихъ въ твердости разума своего, безо всякой „шатости“, привело къ тому, что „отъ тоё ихъ великія службы и осаднаго сидѣнья Польскіе и Литовскіе люди отъ Москвы отошли“.

Подобныхъ примѣровъ „стоянія въ твердости разума своего безо всякой „шатости“ было немало и въ послѣдующихъ событіяхъ, вплоть до нашихъ дней. Благодаря этому, изъ Русіи XVII вѣка создалась великая могучая держава Россійская... Весь міръ взираетъ нынѣ на страну, распространившуюся отъ границъ Европы до морей, омывающихъ берега Азіи. Весь міръ съ затаеннымъ любопытствомъ, съ сокровенными помыслами, ожидаетъ конца борьбы, начатой пигмеемъ Японіей съ гигантомъ Россіей.

„Кто осилить?“ спрашиваетъ міръ въ своихъ сокровенныхъ помыслахъ, въ своемъ затаенномъ любопытствѣ.... И не только иноземныя государства, но немалая часть своего домашняго, Россійскаго люда не рѣшается отвѣчать на этотъ вопросъ и, потирая руки, ожидаетъ развязки грозной борьбы, начавшейся на дальнемъ Востокаѣ.

Не будемъ кичливо пророчествовать. Будемъ „стоять крѣпко и мужественно и къ государству Россійскому многую службу покажемъ, голодъ и наготу и во всемъ оскудѣніе, нужду всякую осадную терпѣть будемъ и на воровскую предель и смуту некоторую не покусимся, стоя въ твердости разума нашего крѣпко и непоколебимо, безо всякія шатости“... Будемъ уповать, что „отъ тоё нашея великія службы и осаднаго сидѣнья“.... Японскіе люди отъ государства Россійскаго и отъ его Азіатскихъ владѣній „отойдутъ“....

Р. В. Пасевьевъ.

НЕИЗДАННАЯ РУКОПИСЬ И. В. КИРЬЕВСКАГО ¹⁾.

28-го Марта ²⁾ въ день 700 лѣтія Москвы, не смотря на ужасную дорогу, не смотря на нѣкоторыя домашнія обстоятельства, которыя требовали моего присутствія дома, я отправился черезъ всю Москву на Дѣвичье поле ³⁾ къ М. П. Погодину, потому что зналъ, что у него собираются въ этотъ день нѣкоторые изъ моихъ друзей, люди, соединенные между собою, кромѣ многихъ разнородныхъ отношеній, еще особенно общюю имъ всѣмъ любовью къ Москвѣ, съ именемъ которой смыкается болѣе или менѣе образъ мыслей каждаго изъ насъ, представляя съ этой стороны преимущественно точку взаимнаго сочувствія. Я надѣялся, что когда такіе люди соберутся вмѣстѣ во имя Москвы, и безъ того соединяющей ихъ мысли, то самое это обстоятельство оживитъ въ нихъ сознаніе ихъ взаимнаго сочувствія. Сознаніе это, думалъ я, возбудитъ въ нихъ потребность отдать себѣ отчетъ въ томъ, что именно есть общаго между всѣми и каждымъ; узнать, что остается еще разногласнаго, искать средства разрѣшить это разногласіе и наконецъ понять возможность сочувствія болѣе полнаго, болѣе живого, болѣе живительнаго и плодоноснаго. Я ожидалъ много отъ этого дня. По камнямъ и грязи, въ саняхъ, шагомъ, тащился я полтора часа, довольно мучительно подпрыгивая на толчкахъ и ухабахъ. Но чѣмъ труднѣе было путешествіе, тѣмъ болѣе утѣшался я мыслию, что люди, которые рѣшатся на такой трудъ, вѣроятно, сдѣлаютъ это не безъ цѣли.

Какъ часто прежде, находясь въ кругу этихъ людей, проникнутыхъ однимъ благороднымъ стремленіемъ, но раздѣленныхъ тысячью недоразумѣній, страдалъ я внутренно отъ тѣхъ однообразныхъ повтореній нѣкоторыхъ, всѣмъ общихъ, но всѣми различно понимаемыхъ, фразъ,

---

¹⁾ На верху подлинной рукописи, любезно сообщенной въ „Русскій Архивъ“ сыномъ Ивана Васильевича, Сергіемъ Ивановичемъ Кирьевскимъ, написано неизвѣстной рукою: „А. И. Кошелевъ сказалъ не печатать“ (т.е. не печатать въ собраніи сочиненій И. В. Кирьевскаго, изданныхъ его другомъ А. И. Кошелевымъ). П. Б.

²⁾ 1847 года. П. Б.

³⁾ Иванъ Васильевичъ Кирьевскій жилъ въ Москвѣ у Красныхъ воротъ, за церковью Трехъ-Святителей, въ своемъ домѣ (нынѣ купца Серебрякова), т. е. въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ Дѣвичьяго поля. П. Б.

отъ той недоконченности всякой мысли, отъ тѣхъ безконечныхъ, горячихъ и вмѣстѣ сухихъ, ученыхъ, умныхъ, и вмѣстѣ пустыхъ споровъ, которые наполняли всѣ ихъ взаимныя отношенія и явно свидѣтельствовали о томъ, что темныя сочувствія между ними не только не развились въ единомысліе, но что даже они и не видали этого разногласія, или видѣвши не тяготились имъ; не чувствовали потребности углубиться въ самый корень своихъ убѣжденій и, укрѣпившись единомысленно въ началѣ, согласиться потомъ и во всѣхъ его существенныхъ приложенияхъ, и такимъ образомъ сомкнуться всѣмъ въ одну живую силу, на общее дѣло жизни и мысли.

Что могли бы сдѣлать эти люди, думалъ я, если бы они отдали себѣ послѣдній отчетъ въ своихъ убѣжденіяхъ и сознательно соединились вмѣстѣ! Сколько лѣтъ жизни погибло понапрасну отъ того только, что, соединясь случайно, они никогда не думали о соединеніи сознательномъ! Но вотъ теперь наконецъ собираются они во имя одной общей имъ мысли: наконецъ начнется новая жизнь въ ихъ избранномъ кругу.

Нужно ли продолжать? Каждый изъ васъ знаетъ, въ чемъ состояло это соединеніе ваше во имя общей вамъ мысли. По камнямъ и грязи, по толчкамъ и ухабамъ тащились вы ровно безъ всякой цѣли. Когда же я видѣлъ, что собраніе ваше кончается ничѣмъ, хотѣлъ я напомнить вамъ о причинѣ, насъ соединившей, о необходимости большей связи между нашими мнѣніями, о неясности, въ которой убѣжденія наши находятся, не только относительно другихъ, но даже и относительно насъ самихъ: тогда нѣкоторые изъ васъ не могли разсуждать объ этомъ, потому что должны были слушать Плесси, другіе ѣхать на вечеръ, третьи по дѣламъ, а нѣкоторые даже выразили ту мысль, что между нами недоразумѣній никакихъ нѣтъ; что если есть нѣкоторыя разномыслія, то они несущественны и происходятъ единственно отъ различія нашихъ индивидуальностей, и, слѣдовательно, никогда разрѣшены въ согласіе быть не могутъ; что впрочемъ мы всѣ отдали себѣ самый полный и крайній отчетъ въ нашихъ убѣжденіяхъ и, слѣдовательно, ни сами узнать, ни другъ другу сообщить ничего новаго не можемъ, кромѣ нѣкоторыхъ, случайно тѣмъ или другимъ узанныхъ, фактовъ.

Противъ этого мнѣнія, которое я полагаю не только несправедливымъ, но и прямо тлетворнымъ, разрушительнымъ для всякой возможности общаго дѣла между нами, не бесполезно будетъ, я думаю, выяснить тѣ разногласія, которыя находятся въ нашихъ мнѣніяхъ, и пояснить тѣ противорѣчія, которыя доказываютъ неразвитость нашего внутренняго сознанія.

Во-первыхъ, мы называемъ себя Славянами, и каждый понимаетъ подъ этимъ словомъ различный смыслъ. Иной видитъ въ славянизмъ только языкъ и единоплеменность, другой понимаетъ въ немъ противоположность Европеизму, третій—стремленіе къ народности, четвертый—стремленіе къ православію. Каждый выдаетъ свое понятіе за единственно законное и исключаетъ все выходящее изъ другого начала. Но противорѣчатъ ли эти понятія и стремленія одно другому, или есть между ними что-либо общее, что связываетъ ихъ въ одно начало? Этого до сихъ поръ между нами не объяснено. Если въ самомъ дѣлѣ наши различія въ этомъ отношеніи только различные виды одного общаго начала: то, сознавъ это, мы подчинили бы ему свои частныя воззрѣнія и не ослабляли бы другъ друга безконечными противорѣчіями.

2. Самое понятіе о *народности* между нами также совершенно различно. Тотъ разумѣетъ подъ этимъ словомъ одинъ, такъ называемый, *простой народъ*; другой ту *идею* народной особенности, которая выражается въ нашей исторіи; третій—тѣ слѣды церковнаго устройства, которые остались въ жизни и обычаяхъ нашего народа, и пр. и пр. и пр. Во всѣхъ этихъ понятіяхъ есть нѣчто общаго, есть и особенное. Принимая это особенное за общее, мы противорѣчимъ другъ другу и мѣшаемъ правильному развитію собственныхъ понятій. Къ тому же каждое изъ этихъ особыхъ понятій противорѣчитъ само себѣ и потому доказываетъ неразвитость сознанія. Такъ, напр., въ стремленіи къ народности полагаютъ условіе, такъ сказать, нашего спасенія, и возможность просвѣщенія Русскаго, и спасенія Европы, и развитія науки и изяществъ и пр., и пр., а между тѣмъ народность ограничивать простонародностью значить: отрѣзывать отъ начала народнаго все то, чего въ этой простонародности не заключается, а что въ ней заключается дѣйствительно народнаго, то принимать въ видѣ одностороннемъ, т. е. особенное отраженіе его въ простонародности почитать за его нормальное выраженіе. Если же прибавимъ, что при этомъ понятіи требуется отъ каждаго, кто не хочетъ погибнуть какъ хворостъ въ печи, чтобы онъ всѣ усилія своего духа употребилъ на то, чтобы умиротворить въ себѣ все, что можетъ быть противно этой народности и образовать себя и внутренно и внѣшне согласно понятіямъ и вкусамъ простаго народа: то нельзя не согласиться, что въ этомъ требованіи заключается еще болѣе несознательности. Ибо если можно требовать отъ человѣка, чтобы онъ работалъ надъ самимъ собою въ виду первообраза истины, то это понятно потому, что дѣло идетъ о первообразѣ истины; а работать надъ собою для достиженія простонародности можно бы было въ такомъ только случаѣ, если бы простонародность эта была непосредственнымъ воплощеніемъ

самой истины. Но какъ это предположить несообразно, то и требованіе остается какъ невозможное.

Также легко можно доказать, что и другія особенныя понятія о народности заключаютъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, какъ скоро мы примемъ ихъ за полное выраженіе нашей народности вообще. А между тѣмъ народность въ ея общемъ началѣ до сихъ поръ еще нами не признана и не выражена. Оттого понятія наши смѣшаны, требованія необязательны и сочувствія неплодоносны.

Третье важное разногласіе между нами заключается въ понятіи объ отношеніяхъ народа къ государственности. Здѣсь самыя рѣзкія крайности во мнѣніяхъ дѣлаютъ всякое соглашеніе совершенно невозможнымъ. А между тѣмъ мы не отдаемъ другъ другу, а можетъ быть и себѣ самимъ, отчета въ тѣхъ началахъ, изъ которыхъ особенность нашихъ мнѣній проистекаетъ и притомъ уже нѣсколько лѣтъ стоимъ другъ подлѣ друга не соединяясь и, безпрестанно обращаясь въ околныхъ мысляхъ, не подвигаемся ни на шагъ впередъ.

Не соглашаясь въ этихъ понятіяхъ, естественно, что мы расходились и въ безчисленномъ множествѣ понятій производныхъ и второстепенныхъ, которыя въ примѣняемости своей къ жизни даютъ ей рѣшительно тотъ или другой смыслъ.

Оттого ли расходимся мы, что (не сознаемъ) вполнѣ основныхъ понятій нашихъ? Или сами себѣ не отдали послѣдняго отчета? Или мы не можемъ сойтись по несогласію коренныхъ началъ нашихъ убѣжденій? Вопросъ этотъ, кажется, не можетъ не быть для насъ вопросомъ первой важности. Для меня, по крайней мѣрѣ, сочувствіе съ вами составляетъ, такъ сказать, половину моей нравственной жизни. Потому, кто въ этомъ отношеніи сколько-нибудь сочувствуетъ мнѣ, тому предлагаю я слѣдующее средство къ разрѣшенію нашихъ недоумѣній, или, по крайней мѣрѣ, къ нѣкоторому приближенію къ этой цѣли: поставить себѣ въ обязанность и дать другъ другу слово, чтобы, хотя одинъ разъ въ недѣлю, одинъ или двое изъ насъ изложили, хотя общими чертами, свое мнѣніе о какомъ-либо изъ предметовъ, въ которыхъ мы не сходимся, и прочтя это мнѣніе другимъ, дали возможность каждому выразить объ немъ свое сужденіе, не для того, чтобы выяснить только противорѣчіе свое, но для того, чтобы въ самомъ противорѣчій отыскать черту общаго сочувствія. Такимъ образомъ, восходя отъ начала къ началу, мы дойдемъ, можетъ быть, до тѣхъ основаній, согласіе въ которыхъ можетъ дать новую жизнь нашимъ мыслямъ и новый смыслъ нашей жизни.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ-ЧЕСМЕНСКІЙ.

(1735—1807)

Графъ Алексѣй Григорьевичъ - Чесменскій отличался «богатырскимъ сложеніемъ и Геркулесовскою силой» ¹⁾. Изъ всѣхъ Орловыхъ онъ одинъ былъ «въ истинномъ смыслѣ народный человекъ, въ силу того, что у него съ народомъ были общіе вкусы, общія радости, общія стремленія и вѣрованія»; изъ всѣхъ Орловыхъ въ немъ одномъ иностранные дипломаты признавали всѣ качества государственнаго мужа: большое спокойствіе въ обсужденіи дѣла, ясность взгляда, упорство въ преслѣдованіи своихъ цѣлей; «только полная увѣренность въ успѣхъ можетъ побудить его предпринять что-либо рискованное» ²⁾. Эта осторожность и положительность могли иногда казаться нерѣшительностью. По свидѣтельству Храповицкаго, Екатерина говорила объ А. Г. Орловѣ: «Этотъ другого сорта, онъ всегда останавливается препятствіями». Упорство его въ преслѣдованіи намѣченной цѣли многимъ казалось простымъ упрямствомъ: «Едя тебѣ ни въ чемъ не уступитъ, писалъ младшій братъ Алексѣю, развѣ въ упрямствѣ». Въ средѣ братьевъ «Алеханъ» пользовался большимъ авторитетомъ: его слушались не только младшіе, но и старшіе, ничего не дѣлавшіе безъ его совѣта и одобренія. Поражавшій современниковъ начала прошлаго столѣтія пышностью и роскошью, гр. А. Г. Орловъ въ сущности былъ очень расчетливымъ человекомъ, во многихъ случаяхъ чуть не скупымъ, и въ тоже время разумнымъ хозяиномъ-помѣщикомъ, любимымъ своими крестьянами и особенно дворовыми. Съ ними онъ обходился съ необыкновенной простотой и задушевностью и подкупалъ ихъ своими чисто-русскими вкусами. Орловъ-Чесменскій дѣлалъ много добра и явно, и тайно и пользовался любовью всего населенія Москвы, съ которой былъ связанъ большей половиною своей жизни. Онъ любилъ оказывать покровительство людямъ, обращавшимся къ нему не только во время его силы, но и по удаленіи

---

¹⁾ Настоящая біографія написана для II-го т. „Сборника біографій кавалергардовъ“. Здѣсь печатается съ нѣкоторыми дополненіями.

²⁾ Архивъ села Михайловскаго, XXXI; Сборникъ Русскаго Ист. Общ., XII, 290, 302.

въ частную жизнь. Державинъ, молодымъ солдатомъ Преображенскаго полка, обойденный производствомъ въ капралы, обратился съ просьбой къ своему секундъ-маіору графу Орлову и былъ произведенъ въ этотъ чинъ. Вниманіе Орлова не изгладилось изъ памяти поэта даже на склоне его лѣтъ, и въ 1796 году онъ писалъ:

Изъ одного благодаренья
По чувству сердца моего,
Я пѣнь ему пою простую.

Графъ Орловъ «поставилъ первымъ своимъ правиломъ не казаться, а быть добрымъ», мѣтко говоритъ о немъ его біографъ Ушаковъ; эта доброта имѣла дѣйствительно особое свойство: она не столько была результатомъ добраго отъ природы сердца, какъ у Григорія, сколько расчетомъ его сильнаго ума. Онъ не былъ способенъ къ увлеченіямъ, какъ его братъ; скрытный и неоткровенный, Алексѣй иногда холодно относился къ людямъ и нескоро съ ними сходилъ. «Графъ мастеръ скрывать свои чувства», говорила о немъ одна особа, очень хорошо его знавшая ¹⁾).

Было бы чрезвычайно любопытно и даже поучительно прослѣдить, какъ росъ и мужалъ этотъ крупный Русскій человекъ, но къ сожалѣнію для этого не имѣется достаточно свѣдѣній.

Графъ А. Г. Орловъ родился 25 Сентября 1735 года. Мы не знаемъ ничего о его воспитаніи, и какое получилъ онъ образованіе. Современники говорили, будто онъ воспитывался въ Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ, будто участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и получилъ нѣсколько ранъ; но эти свѣдѣнія, хотя и довольно вѣроятныя, ничѣмъ не подтверждаются. Въ формулярномъ спискѣ Орлова не упомянуто о ранахъ, полученныхъ въ Семилѣтнюю войну, и несомнѣнна одна только рана, нанесенная ему лейбъ-компанцемъ Шванвичемъ послѣ трактирной ссоры,—шрамъ на лѣвой щекѣ, давшій ему навсегда прозвище *le balafre* ²⁾), а красивому лицу его—суровый оттѣнокъ. Извѣстно досто-

¹⁾ М. С. Бахметева.

²⁾ Графъ Орловъ, по словамъ академика Тьебо, „былъ самымъ сильнымъ изъ пяти братьевъ“. Рассказываютъ, что однимъ сабельнымъ ударомъ онъ отрубалъ голову быку, и ему не стоило труда раздавить яблоко между двумя пальцами; по свидѣтельству Державина Орловъ останавливалъ шесть лошадей одной рукой, а однажды, когда Екатерина каталась съ деревянной горы, и кресло выскочило изъ колеи, гр. А. Г., стоявшій сзади, спустилъ ногу въ сторону и, ухватившись за перила одной рукой, остановилъ кресло и тѣмъ „Минерву удержалъ въ паденіи“. Превосходный наездникъ, Орловъ былъ охотникомъ до всевозможныхъ животныхъ, начиная отъ лошадей и кончая обезьянами и канарейками. Любя всякую охоту, онъ не довольствовался однако тѣмъ, что „бѣгунъ“

вѣрно, что онъ, Орловъ, поступилъ солдатомъ въ лб.-гв. Преображенскій полкъ въ 1749 году ¹⁾.

Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Орлова имѣются лишь со времени переворота 28 Іюня 1762 г., возведшаго императрицу Екатерину на престолъ. Орловъ принималъ дѣятельное участіе въ подготовкѣ этого событія, и его заслуги въ этомъ отношеніи высоко оцѣнивались Екатериною. Много лѣтъ спустя, Императрица писала ему: «Никогда не забуду 24, 26 и 28 Іюня». Въ чемъ именно заключались услуги, оказанныя ей Орловымъ въ Понедѣльникъ 24 Іюня и въ Среду 26-го, можно лишь догадываться. «Быть-можетъ, въ одинъ изъ этихъ дней Орловъ привозилъ ей въ Петергофъ проектъ манифеста, который былъ заранѣе заготовленъ, и несомнѣнно, что онъ привозилъ Императрицѣ 26 Іюня указъ о воздержаніи отъ пьянства, который Екатерина подписала собственноручно того же 26 Іюня ²⁾. Орловъ былъ сержантомъ Преображенскаго полка и усердно вербовалъ сторонниковъ Екатеринѣ, не только гренадера Преображенскаго полка Стволова ³⁾, но даже гетмана гр. К. Г. Разумовскаго ⁴⁾. За полночь на 28 Іюня Алексѣй Орловъ и В. Бибиковъ выѣхали въ Петергофъ. «Подъ утро въ мою комнату», пишетъ Екатерина, «входитъ А. Орловъ и говоритъ совершенно спокойнымъ голосомъ: «Пора вставать, все готово, чтобы провозгласить васъ». Я не колебалась болѣе, быстро одѣваюсь, не дѣлая туалета, и сажусь въ карету, которую онъ привезъ». Съ Екатериной сѣла довѣренная ея дѣвица Е. И. Шаргородская ⁵⁾, камеръ-лакей Шкуринъ и камеръ-юнкеръ Бибиковъ стали на запяткахъ; Орловъ сѣлъ на козлы съ кучеромъ и погналъ лошадей. На дорогѣ когда одна изъ лошадей пала, Орловъ силой отнялъ лошадь у встрѣчнаго крестьянина. Во время «Петергофскаго похода» Алексѣй Орловъ командовалъ авангардомъ, состоявшимъ изъ гусаръ и казаковъ. Въ 5 часовъ утра 29 Іюня авангардъ подошелъ къ Петергофу, быстро смялъ

его случайно побѣждали другихъ, или что „Алекхановъ пѣтухъ побилъ остальныхъ“. Умъ Орлова отличался особымъ складомъ, заставлявшимъ его во всякомъ дѣлѣ стремиться къ его систематизации, установкѣ точныхъ правилъ, влотившихся къ улучшенію и къ болѣе твердой постановкѣ дѣла. Такимъ образомъ онъ сдѣлался коннозаводчикомъ, создателемъ особаго типа верховой и рысистой лошади. Орловъ имѣлъ превосходную псовую охоту и собственноручно велъ родословную своихъ собакъ; у него, едва ли не у перваго, кромѣ голубей-турмановъ, были почтовые голуби; извѣстны и теперь Орловскіе бойцовые гуси и Орловскія канарейки съ особымъ напѣвомъ.

¹⁾ Лес. арх., оп. 120, св. 73. — ²⁾ Арх. Сената, кн. 112, л. 7; Бильбасовъ, II, 15.—

³⁾ Храповицкій, 222.—⁴⁾ Васильчиковъ, „Семейство Разумовскихъ“, I, 291, 293.

⁵⁾ Она разсказывала, что Екатерина всю дорогу была спокойна и подсмѣивалась надъ неприбранностью своего и ея наряда. П. Б.

учившихся на плацу Голштинцевъ и рассажалъ ихъ въ сараи и колюшни подъ караулъ. Узнавъ, что «бывшій императоръ» въ Ораніенбаумѣ, Орловъ немедленно поскакалъ туда, и его «гусары заняли въ Ораніенбаумѣ всѣ посты и входы». Ему же было поручено начальствовать надъ той командою «избранныхъ и мягкихъ людей», которая должна была составить караулъ при отрешеніи отъ престола Петръ III въ Ропшѣ. Внѣшняя обстановка, въ которую помѣщенъ былъ Петръ Ѳеодоровичъ, была сносная. «Онъ», по словамъ Екатерины, «имѣлъ все, что хотѣлъ, кромѣ свободы». Лишенный гр. Елис. Ром. Воронцовой, онъ за то получилъ свою Ораніенбаумскую кровать, своего лѣкаря Лидерса, арапа Нарциса и камердинера Тимлера. «Да велите имъ брать», писала Императрица, «съ собою скрипицу бывшаго государя да его Моисинку собаку». Но ненависть гвардейцевъ къ Петру III и грубость офицеровъ, тяготившихся дежурствомъ въ Ропшѣ, давали себя чувствовать бывшему императору. Исключеніе въ этомъ отношеніи составлялъ, по отзывамъ современниковъ, одинъ только Орловъ. Въ Понедѣльникъ, 1 Іюля, играя въ карты съ Петромъ Ѳеодоровичемъ, Орловъ узналъ, что у него нѣтъ денегъ и предложилъ ему нѣсколько червонцевъ, при чемъ обѣщавъ, что ему будетъ доставлена такая сумма, какую онъ пожелаетъ ¹⁾. 6 Іюля Петръ скончался. Вечеромъ этого же дня курьеръ изъ Ропши привезъ письмо А. Г. Орлова, который на ключѣ сѣрой нечистой бумаги наскоро собственноручно писалъ: «Матушка, милосердая Государыня, какъ мнѣ изъяснить, описать что случилось? Не повѣришь вѣрному своему рабу. Но какъ передъ Богомъ скажу истину, матушка. Готовъ идти на смерть; но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка, его нѣтъ на свѣтѣ. Но никто сего не думалъ и какъ намъ задумать поднять руки на государя? Но, Государыня, совершилась бѣда, мы были *пьяны* и онъ тоже. Онъ заспорилъ за столомъ съ князь Ѳеодоромъ ²⁾; не успѣли мы разнять, а его уже не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали, но всѣ до одинаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебѣ принесть, и розыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе окончить. Свѣтъ немилъ; прогнѣвили тебя и погубили души на вѣкъ ³⁾. Екатерина была поражена событіемъ («je suis affectée, même terrassée par cette mort» ⁴⁾); но ей не оставалось ничего

¹⁾ Кн. Ѳеодоръ Серг. Барятинскій.

²⁾ Schumacher, Geschichte des Todes Peters, III, 55.

³⁾ „Исторія Кавалергардовъ“, II, 38 и 39. Это письмо Орлова уже многократно напечатано.

⁴⁾ „Tout ivre de vin et terreur“, говоритъ Дашкова, „Alexis expédia cette belle épître, quelques moments après la mort de Pierre III à Sa Majesté... Elle (la lettre) était

болѣе, какъ примириться съ совершившимся фактомъ, который разрѣшался вопросомъ, выдвинутый на первый планъ переворотомъ 28 Іюня, и спрятать письмо Орлова въ свою шкатулку, гдѣ оно пролежало 36 лѣтъ ¹⁾. Было ли дѣло такъ; какъ написано въ письмѣ, или иначе, остается, конечно, не рѣшеннымъ, хотя безсвязность письма и растерянность писавшаго говорятъ за то, что катастрофа имѣла дѣйствительно «видъ сюрприза» ²⁾ для писавшаго. Существуетъ, однако, и противоположное мнѣніе. Фридрихъ II говорилъ графу Сегюру: «*Catherine couronnée et libre a cru, comme une jeune femme sans expérience, que tout était fini, un ennemi si pusillanime ne lui paraissait pas dangereux; mais les Orloff, plus audacieux et plus clairvoyants, ne voulant pas qu'on fit contre eux de ce prince un étengard, l'ont abattu. L'impératrice ignorait ce forfait et l'apprit avec un désespoir qui n'était pas feint...*» ³⁾.

На другой день воцаренія Екатерины II-й, 29 Іюня, А. Г. Орловъ «за отличныя заслуги отечеству» былъ произведенъ «въ секунд-майоры въ Преображенскій полкъ, съ чиномъ генераль-майорскимъ»; 3 Августа ему пожаловано 800 душъ крестьянъ, а въ день коронаціи Императрицы онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго и графское достоинство вмѣстѣ съ братьями ⁴⁾. Въ первую годовщину восшествія на престолъ Орловъ получилъ серебряный сервизъ.

Слѣдующіе за переворотомъ годы Орловъ прожилъ въ Петербургѣ. 1 Января 1765 года онъ былъ пожалованъ въ поручики Кавалергардскаго корпуса, и въ половинѣ 1765 г. принималъ участіе въ знаменитой карусели, во главѣ Турецкой кадрили, и хотя долженъ былъ уступить первенство брату Григорію, но все же послѣ долгаго колебанія судей ⁵⁾. Въ 1767 году, по смерти фельдмаршала графа А. Б. Бутурлина, бывшаго подполковникомъ Преображенскаго полка, Орловъ на-

---

de la propre main d'Alexis, qui écrivait comme un porte-faix; la bassesse de ses expressions, l'incohérence, suite de ce qu'il était ivre-mort, les supplications qu'il y fait pour obtenir son pardon et l'espèce de surprise qu'il témoigne lui-même sur cette catastrophe"... („Архивъ Князя Воронцова“, XXI, 94).

¹⁾ По смерти Екатерины II, императоръ Павелъ, прочитавъ это письмо, сказалъ: „Слава Богу, теперь, благодаря этому глупому письму, у меня окончательно разсѣялись тѣ малѣйшія сомнѣнія, которыя я еще имѣлъ“. Письмо видѣла императрица Марія Ѳеодоровна, Ек. Ів. Нелидова и Ростовчинъ, который списалъ съ него копію и сообщилъ ее графу С. Р. Воронцову. Подлинникъ сожженъ Павломъ („Арх. Кн. Воронцова“, XXI, 94, 431).

²⁾ Арх. Воронцова, XXI, 94.

³⁾ Соловьевъ, XXV, 371.

⁴⁾ Вильбасовъ, II, 463, 468—470.

⁵⁾ Записки Порошина.

значенъ на его мѣсто ¹⁾. 27 Октября 1765 года Екатерина пожаловала Орлову на ивъстныхъ условіяхъ села Островъ и Бесѣды съ причисленными къ нимъ деревнями, всего 1500 душъ, а 3 Февраля 1766 г. повелѣно было отдать ему эти села «безъ всякаго зачету въ полномъ составѣ въ потомственное и вѣчное владѣніе». По случаю новоселья Екатерина II пожаловала Орлову «золотой кубокъ тысячи въ двѣ» ²⁾, а 23 Августа 1766 г. Государыня приказала выдавать ему изъ Кабинета ежегодный «секретный пенсіонъ» въ 25 т. рублей ³⁾.

При выборѣ въ Январѣ 1767 г. депутатовъ въ Комиссію для составленія проекта Уложенія, депутатомъ отъ города Петербурга былъ избранъ большинствомъ голосовъ графъ А. Г. Орловъ ⁴⁾.

Гр. Орлову не пришлось, однако, принять участія въ дѣятельности Комиссіи: онъ вскорѣ серіозно заболѣлъ. Его болѣзнь называли «воспаленіемъ желудка». Екатерину, которая въ это время путешествовала по Волгѣ «въ Азію», сильно беспокоило состояніе здоровья Орлова. «Теперь одна болѣзнь Ал. Гр. меня беспокоитъ» писала Императрица Н. И. Панину, «и истинно вы не вѣсть какъ меня тѣшите, что о немъ берете трудъ такъ обстоятельно писать». «Всѣ полагаютъ, писалъ Англійскій посланникъ Ширлей, что графъ Орловъ не переживетъ этой болѣзни, а если и останется живъ, то принужденъ будетъ ѣхать въ Пирмонтъ или въ Спа для поправленія здоровья», а въ Февралѣ слѣдующаго года (1768 г.) онъ же сообщалъ, что Орловы скоро потеряютъ единственнаго изъ пяти братьевъ, способнаго руководить дѣйствіями партій, что Графъ Алексѣй признанъ слишкомъ слабымъ, чтобы подвергнуться усталости переѣзда до Пирмонтскихъ купаній, воды которыхъ считаются единственнымъ средствомъ излѣчить его болѣзнь, что друзья Панина становятся съ каждымъ днемъ многочисленнѣе». Надеждамъ друзей Панина, однако, не суждено было осуществиться. Крѣпкая ли натура графа Орлова, помогло ли дѣйствительно лѣченіе «извѣстнаго славнаго шарлатана Ерофейча», какъ его называетъ Державинъ, но въ половинѣ года Орловъ началъ поправляться ⁵⁾. 21 Іюня 1768 г. вице-канцлеръ кн. А. М. Голицынъ писалъ къ Русскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ, что

¹⁾ Сборникъ, X, 270.

²⁾ Р. Арх., 1883 г., 203; Холмогоровы, „Ист. матер. для церквей“, VIII, 8, 17, 64.

³⁾ Екатерина писала собственноручно 23 Авг. 1766 г. Олсуѣеву. „Адамъ Васильевичъ. Отпустите графу Алексѣю Григорьевичу Орлову ежегодно изъ кабинетской суммы двадцать-пять тысячъ рублей, начиная съ Сентября мѣсяца нынѣшняго года“ (Арх. М. Двора, оп. 15/1365, д. 217).

⁴⁾ „Арх. с. Михайловскаго“, XII.

⁵⁾ Сборникъ, X, 185 и 186.

гр. А. Г. Орловъ «для поправленія здоровья по совѣту врачей отправляется въ чужіе края къ минеральнымъ водамъ и уже выѣхалъ по пути въ Германію». Графа сопровождали братъ его, Ф. Г. Орловъ, подполковникъ Герсдорфъ и кавалергардъ Бухгольцъ. Орловы ѣхали подъ именемъ господъ Острововыхъ, «чтобы не подать повода къ бесполезнымъ замѣчаніямъ о ихъ путешествіи»¹⁾. Такъ усердно старались сдѣлать поѣздку Орловыхъ частной и по возможности незамѣтной именно потому, что она имѣла политическую подкладку.

Братья Григорій и Алексѣй Орловы интересовались положеніемъ Грековъ и Славянскихъ народовъ, находившихся подъ Турецкимъ и иностраннымъ игомъ. Теперь гр. А. Г. Орлову представлялся случай вступить въ непосредственныя сношенія съ этими народами, посѣтить нѣкоторыя изъ Славянскихъ земель и извлечь возможную пользу въ интересахъ Россіи²⁾. Передъ отъѣздомъ, 21 Апрѣля, Императрица пожаловала гр. Орлову орденъ св. Андрея Первозваннаго и 200 т. руб. на покрытіе расходовъ въ пути и на лѣченіе. «Herr Oberstlieutenant von Ostrow» и «Herr Capitain von Ostrow», какъ отмѣчено въ Карлсбадскомъ «Kurliste», прибыли 15 Августа въ Карлсбадъ³⁾. Только 24 Октября Орловы переѣхали въ Вѣну, пробыли очень недолго и отправились въ Пизу. Принятый благосклонно Тосканскимъ герцогомъ, гр. А. Г. Орловъ остался въ Пизѣ гораздо дольше, чѣмъ предполагалось по программѣ лѣченія. Въ Іюль Орловы, вмѣстѣ съ И. И. Шуваловымъ, устроили въ Пизѣ блестящій праздникъ, удостоенный посѣщенія герцогомъ Тосканскимъ. Въ Пизѣ Орловъ забылъ о лѣченіи, всецѣло поглощенный главною цѣлью своего путешествія.

Довѣренныя лица и «негласные корреспонденты гг. Острововыхъ» отправились въ Морею, появились среди Греческихъ колоній въ Венеціи и Триестѣ и сообщали свои наблюденія Орловымъ; появились Русскіе агенты и въ Черногоріи. Самъ Орловъ хлопоталъ о вооруженіи судовъ Венеціанской республики, подъ предлогомъ защиты ея торговыхъ интересовъ на морѣ, приобрѣлъ въ Генуѣ 20-пушечный корабль, набралъ изъ Грековъ и Славянъ экипажъ въ 150 человекъ, ловко пустивъ въ тоже время слухъ, что корабль готовится для корсарскихъ цѣлей.

Испуганные такими вѣстями Венеціанскіе правители рѣшили обратиться къ Русскому послу въ Вѣнѣ, и Марко Банна писалъ кн. Д. М.

¹⁾ Р. Арх., 1876, II, 270.

²⁾ „Арх. с. Михайловскаго“, 214 и сл.; также, Р. Арх., 1894, II, 258; 1876, II, 271.

³⁾ Записки Одесск. общества исторіи, засѣданіе 293, 28 Февр. 1895 г.

Голицыну, отъ 5 Августа 1769 года: «Вашему сіятельству извѣстно предположеніе гр. Орловыхъ приступить здѣсь къ морскому вооруженію противъ Турокъ. По крайней мѣрѣ старшій изъ нихъ, по проiscaмъ корыстныхъ людей, алчущихъ наживы, набралъ на сей предметъ людей изъ Славянъ и Грековъ, подданныхъ сей республики, не взирая на запрещеніе... Прошу васъ разсмотрѣть, какимъ людямъ ввѣренъ уважаемый флагъ Россійской Имперіи»¹⁾).

Эти предпріятія дѣлались, однако, съ вѣдома и одобренія Императрицы. Уже въ концѣ 1768 г., гр. А. Г. Орловъ доносилъ Екатеринѣ «о дѣйствительной тамошнихъ народовъ склонности къ возстанію противъ Порты». Въ отвѣтъ на это, 29 Января 1769 г., Императрица писала ему: «Мы сами уже, по предложенію брата вашего генераль-фельдцейхмейстера, помышляли объ учиненіи неприятели чувствительной диверсіи со стороны Греціи какъ на твердой ея землѣ, такъ и на островахъ Архипелага, а теперь, получа отъ насъ ближайшее извѣстіе, и паче еще утверждаемся въ семъ мнѣніи. А потому, будучи совершенно надежны въ вашей къ намъ вѣрности, въ способности вашей и въ горячемъ исканіи быть отечеству полезнымъ сыномъ и гражданиномъ, охотно соизволяемъ мы, по собственному вашему желанію, поручить и ввѣрить вамъ приготовленіе, распоряженіе и руководство всего сего подвига»²⁾. Императрица «желала вѣдать собственное разсужденіе» Орлова «о удобности, пользѣ, времени и количествѣ отправляемой отсюда въ Средиземное море эскадры нашей, и для того», писала она, «поручаемъ вамъ объяснить какъ наискорѣе мысли ваши, дабы мы по оному рѣшительную уже резолюцію благовременно принять могли»³⁾. Такимъ образомъ Екатерина имѣла полное основаніе сказать: «Гр. Орлову одолжена я частью блеска моего царствованія, ибо онъ присовѣтовалъ послать флотъ въ Архипелагъ»⁴⁾, а Архипелажская экспедиція составляетъ, дѣйствительно, одно изъ славнѣйшихъ военныхъ событій царствованія Екатерины II.

29 Января 1769 г. гр. А. Г. Орлову даны были «двѣ формальныя полныя мочи»; но Государыня желала, чтобы все дѣло велось тайно. Свои «полныя мочи» гр. Орловъ долженъ былъ употребить только тогда, «когда самая нужда востребуетъ присутствія и самоличнаго его управленія», или когда бы «особѣ его существенная настала опасность для торжественной его ауторизаціи»... Екатерина рекомендовала Орлову,

¹⁾ Р. Арх., 1876, II, 272—284.

²⁾ Сборникъ, I, 2.

³⁾ Тамъ же, I, 11.

⁴⁾ Грибовскій, «Записки» (Р. Арх., 1899 г., I).

пока онъ «не возымѣетъ отверстаго передъ собой поля», не подвергаться опасности безъ нужды и, зная его характеръ, высказывала надежду, что «не послѣдуетъ съ нимъ этого непріятнаго обстоятельства, и собственная его прозорливость охранитъ его совсѣмъ отъ всякихъ хлопотъ» ¹⁾. Гр. Орлову предоставлялось право просить себѣ сотрудниковъ по собственному выбору; онъ долженъ былъ позаботиться о вооруженіи; ему открывался неограниченный кредитъ, съ отчетностью въ расходахъ только передъ самой Императрицей ²⁾. 4 Марта 1769 г. «для приласканія такихъ людей, которые между благочестивыми Греческимъ и Славянскимъ народами отличный кредитъ имѣть могутъ», гр. Орловъ получилъ право жаловать въ оберъ-офицерскіе чины, выдавая патентъ за своей подписью, и въ случаѣ нужды даже и прямо въ штабъ-офицеры; а 3 Іюня того же года самъ Орловъ былъ пожалованъ въ генералъ-аншефы, при чемъ до полученія патента онъ могъ «объявить себя въ сообщеніяхъ съ адмираломъ Спиридовымъ, но и когда въ дѣйствительную извѣстную экспедицію вступить» ³⁾. 11 Августа Орлову предоставлено «опредѣлять консулей», по его усмотрѣнію, «какъ въ разсужденіи мѣсть, такъ и лицъ» ⁴⁾. Въ концѣ этого года кн. Ю. В. Долгоруковъ, подъ видомъ Русскаго купца, пріѣхалъ въ Пизу и сообщилъ Орлову, что весьма скоро къ нему придутъ 9 линейныхъ кораблей, нѣсколько фрегатовъ и 5.000 человекъ десантнаго войска; но съ одной стороны, неопытность морскихъ начальниковъ, а съ другой, нежеланіе воевать были причиною ихъ медленности ⁵⁾. 18 Октября Орловъ писалъ вице-канцлеру кн. А. М. Голицыну: «Правду сказать о моемъ дѣлѣ, чрезвычайно много оное дѣло подаетъ надежду и ободреніе всѣмъ здѣшнимъ народамъ, которые къ намъ привязаны... Я имѣю надежду при покровительствѣ Божиемъ успѣхъ имѣть въ ономъ немалый и по сякову пору я имѣю довольно куражу производить оное дѣло, да и впредъ оное меня, надѣюсь, не оставитъ; а теперь остается только дожидаться посланнаго отъ васъ обоза, который очень тихо идетъ, хотя-бъ я и желалъ, чтобъ онъ чѣмъ скорѣй пришелъ, тѣмъ бы оное дѣло удачнѣе и лучше свою силу могло бы взять, и не успѣли бы наши непріатели потаенные съ сна встать и глазъ своихъ отворить» ⁶⁾.

Черезъ мѣсяць послѣ этого письма, въ Ноябрѣ 1769 г., эскадра адмирала Спиридова, вышедшая изъ Кронштадта 25 Іюля, прибыла въ

¹⁾ Сборникъ, I, 8 и 9.

²⁾ Тамъ же, I, 10.

³⁾ Тамъ же, 15, 20 и 21.

⁴⁾ Тамъ же, 22.

⁵⁾ Зап. кн. Долгорукова, Р. Стар. LXIII, 491—493.

⁶⁾ Р. Арх., 1876, II, 276.

Портъ-Магонъ на о. Миноркѣ. Вѣсть о прибытіи Русскаго флота къ Баlearскимъ островамъ живо облетѣла Морею и Архипелагъ, взволновала Грековъ, окрылила надеждами Славянъ. Желая поддержать возбужденное настроеніе воинственныхъ Майнотовъ (потомковъ древнихъ Лакедемонянъ) приказано было Спиридову идти къ Морейскимъ берегамъ, и эскадра его съ десантомъ, 17 Февраля 1770 года, вступила въ портъ Витуло. Здѣсь Русскія сухопутныя войска образовали изъ Майнотовъ два Спартанскіе легіона, восточный и западный, придавъ каждому по 12 Русскихъ солдатъ при одномъ унтеръ-офицерѣ. Командовавшій восточнымъ легіономъ, капитанъ Барковъ, 20-го же Февраля обложилъ крѣпость Мизитру, которая чрезъ десять дней сдалась на капитуляцію. Разъяренные Майноты перерѣзали до тысячи Турокъ сдавшихся на честное слово, и это звѣрство воодушевляло всѣ Турецкіе посты сражаться до послѣдней крайности, такъ что на сухомъ пути сдача Мизитры оказалась единственнымъ успѣхомъ всей кампаніи.

Вслѣдъ за взятіемъ Мизитры, 1 Марта Спиридовъ послалъ цейгмейстера морской артиллеріи Ганнибала съ двумя кораблями и однимъ фрегатомъ къ крѣпости Наварину, которая и сдалась 10 Апрѣля. Въ этотъ же день главнокомандующій Орловъ прибылъ на флотъ, стоявшій на якорѣ у Корона. Мѣстомъ своего пребыванія Орловъ избралъ Наваринъ, откуда предпринялъ нѣсколько экспедицій, но почти безъ всякаго успѣха: осада Патраса не удалась, не удалась и осада Модона; только Арта сдалась Русскимъ. Скоро Орловъ убѣдился, что невозможно полагаться на Грековъ и нельзя надѣяться на какой-либо успѣхъ въ Морей. Орловъ измѣнилъ свой планъ дѣйствій: онъ взорвалъ Наваринскія укрѣпленія и со всѣмъ флотомъ пошелъ къ о. Идра, куда вскорѣ прибыла и вторая эскадра контръ-адмирала Эльфинстона, имѣвшая по пути нерѣшительное столкновение (16 и 17 Мая) съ Турецкимъ флотомъ близъ Навплин.

Послѣ соединенія эскадръ обнаружился несогласіе между адмиралами, Русскимъ Спиридовымъ, Шотландцемъ Грейгомъ и Англичаниномъ Эльфинстономъ, усилившіяся еще отъ вмѣшательства гр. Ф. Г. Орлова и другихъ начальниковъ десантныхъ войскъ. Гр. А. Г. Орловъ не былъ сторонникомъ иностранныхъ офицеровъ на Русской службѣ; позднѣе, по поводу недоразумѣній съ адмираломъ Арфомъ, Орловъ просилъ Екатерину, чтобы посылаемая къ нему эскадра состояла изъ Россійскихъ матросовъ и офицеровъ, и не иностранцамъ, а Россійскимъ была поручена командиромъ; ибо отъ своихъ единоплеменцевъ, не только съ лучшею надеждою всего того ожидать можно, что отъ нихъ долгъ усердія и любви къ отечеству требуетъ, но еще и въ понесеніи трудовъ,

безпокойствъ и военныхъ трудностей довольно уже усмотрѣно между Россійскими подданными и иностранцами великое различіе, а притомъ и неразумнѣе иностраннаго языка дѣлаеть невинныя несогласія и затрудненія»¹⁾. Для устраненія недоразумѣній и несогласій, Орловъ, не входя въ разбирательство взаимныхъ жалобъ, самъ принялъ начальство надъ всѣмъ флотомъ, поднявъ 11 Іюня на корабль «Трехъ Іерарховъ» кайзеръ-флагъ²⁾. Въ моментъ поднятія кайзеръ-флага положеніе дѣлъ было таково: у о. Идры соединились обѣ эскадры, Спиридова и Эльфинстона, со всѣмъ десантомъ, состоявшимъ изъ восьми ротъ Кексгольмскаго пѣхотнаго полка и двухъ ротъ артиллеріи; Турецкій флотъ, имѣвшій цѣлью освободить Наваринъ, увидя полное разрушеніе крѣпости, шель на всѣхъ парусахъ къ Дарданелламъ. Орловъ, убѣжденный уже горькимъ опытомъ, что на сушѣ никакія успѣхи немислимы, рѣшился преслѣдовать Турецкій флотъ. «Теперь», писалъ Орловъ вице-канцлеру кн. Голицыну 20 Іюня, «соединясь, весь нашъ флотъ слѣдуетъ за непріателемъ, который вездѣ бѣжитъ, укрываясь между Архипелагскихъ острововъ. Время покажетъ впредь, отважится ли оной дать бой, или возвратится въ Константинополь»³⁾.

Турецкій флотъ отважился. Имъ командовалъ Алжирецъ Гасанъ-бей, не разъ уже проявившій свою отчаянную храбрость. Къ тому же силы противниковъ были далеко неравны — численное превосходство было на сторонѣ Турокъ. Русскій флотъ состоялъ изъ десяти кораблей, трехъ фрегатовъ и семнадцати легкихъ судовъ; въ Турецкомъ же флотѣ насчитывалось шестнадцать кораблей, шесть фрегатовъ и болѣе пятидесяти мелкихъ судовъ. Гасанъ-бей не избѣгалъ сраженія. 23-го же Іюня Турецкій флотъ сталъ на якорь за островомъ Хіосъ; утромъ 24-го Орловъ ввелъ Русскій флотъ въ каналъ, отдѣляющій о. Хіосъ отъ Анатолійскаго берега. На совѣтъ флагмановъ было принято предложеніе гр. Орлова немедленно атаковать Турокъ.

Приготовивъ шпринги на случай, если бы пришлось стать на якорь противъ непріятеля, Русскій флотъ построилъ «линію баталіи» и сталъ спускаться на противника въ слѣдующемъ порядкѣ: корабли «Европа», «Евстафій» и «Трехъ Святителей» составляли авангардъ, подъ командою адмирала Спиридова; кордебаталію, подъ командою самого Орлова, составляли корабли «Іануарій», «Трехъ Іерарховъ» и «Ростиславъ»; контръ-адмиралъ Эльфинстонъ командовалъ аррьергардомъ, состоявшимъ изъ

¹⁾ Сборникъ, I, 39.

²⁾ Донесеніе Императрицѣ 20 Іюня 1770 г.; тамъ же, 51.

³⁾ Р. Арх., 1876, II, 278.

трехъ кораблей «Не тронь меня», «Святославъ» и «Саратовъ». Ровно въ полдень, капитанъ Клокачевъ, командиръ «Европы», приведя свой корабль на лѣвый галсъ, открылъ огонь по передовому Турецкому кораблю, носившему флагъ главнокомандующаго, но вскорѣ въ виду мели и близости «Евстафія», поворотилъ на правый галсъ, спустился и сталъ за «Ростиславомъ». Бой длился уже два часа. Авангардъ и кордебаталія дѣйствовали болѣе или менѣе успѣшно противъ первыхъ отъ входа непріятельскихъ кораблей; арьергардъ же стрѣлялъ издалека и лишь къ концу боя могъ приблизиться къ непріятелю. Во время боя вѣтеръ совершенно стихъ. Въ Хіосскомъ боѣ рѣшительное значеніе имѣлъ маневръ «Евстафія»; онъ былъ въ сильномъ огнѣ противъ трехъ судовъ, направляя свои выстрѣлы исключительно на корабль Турецкаго главнокомандующаго. Съ прорванными парусами и съ перебитымъ рангоутомъ, «Евстафій», потерявъ возможность управляться, навалился на корабль капитанъ-паши; начался рукопашный бой. Спиридовъ и гр. О. Г. Орловъ съѣхали съ «Евстафія» на пакетботъ «Почталіонъ». Корабль капитанъ-паши загорѣлся; Турки, спасаясь, бросились на «Евстафія»; вслѣдъ затѣмъ Турецкая гротъ-мачта, подгорѣвъ, упала на «Евстафія», при чемъ искры попали въ крѣпость-камеру, и «Евстафій» взлетѣлъ на воздухъ; нѣсколько минутъ спустя, взлетѣлъ на воздухъ и корабль капитанъ-паши. Съ «Евстафіемъ» погибло 593 человекъ и 35 офицеровъ. Турками овладѣла паника. Обрубая канаты, они ставили паруса и бѣжали по направленію къ Чесменской бухтѣ. Русскій флотъ не преслѣдовалъ непріятеля, онъ перешелъ ко входу въ бухту и сталъ на якорь.

Въ этотъ же день, 24 Іюня, вечеромъ, гр. Орловъ созвалъ военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было вновь атаковать непріятеля. Хотя совѣту не были извѣстны положеніе и размѣры Чесменской бухты, но имѣлись частныя свѣдѣнія, что укрывшійся въ нее Турецкій флотъ крайне стѣсненъ въ свихъ движеніяхъ, вслѣдствіе чего само собою являлась мысль о брандерахъ. Бригадиру Ганнибалу поручено было приготовить четыре брандера; имѣвшійся въ Русскомъ флотѣ бомбардирскій корабль долженъ былъ открыть огонь бомбами. Приготовленія къ бою заняли не только вечеръ 24-го, но и весь день 25 Іюня.

Къ утру 25 Іюня Русскій флотъ расположился передъ входомъ въ Чесменскую бухту, полукружіемъ, на сто саженой дистанціи между кораблями. Турки тоже готовились: они построили на сушѣ противъ фланговъ нашей линіи батареи, выставили четыре корабля при входѣ въ бухту, поставивъ за ними всѣ прочія суда, почти подъ самымъ берегомъ. Наши брандеры были готовы только къ вечеру 25-го и поступили въ

отрядъ бригадира Грейга, состоявшій изъ четырехъ кораблей, двухъ фрегатовъ и бомбардирскаго корабля.

Въ ночь съ 25-го на 26 Юня, въ половинѣ перваго, при полномъ лунномъ свѣтѣ, Грейгъ началъ атаку. Капитанъ Клокачевъ приблизилъ «Европу» къ непріятелю, поставилъ на шпрингъ и открылъ огонь; за «Европой» стали подходить и другія суда. Въ это время загорѣлся одинъ изъ Турецкихъ кораблей, за нимъ другой. Пущены были брандеры. Три брандера не имѣли успѣха; четвертый, подъ командою лейтенанта Ильина, сѣвпился съ Турецкимъ кораблемъ и былъ зажженъ; отъ него загорѣлся Турецкій корабль. Вѣтеръ дулъ слабый, но сѣверный, на Турецкія суда. За первымъ кораблемъ загорѣлся второй, третій, и затѣмъ вспыхнулъ страшный пожаръ, охватившій весь Турецкій флотъ, стоявшій подъ вѣтромъ и не имѣвшій выхода. Одно за другимъ взлетали на воздухъ Турецкія суда, и къ 9 ч. утра 26 Юня въ Чесменской бухтѣ сгорѣла вся флотилія Гасанъ-бея: пятнадцать кораблей, шесть фрегатовъ и болѣе пятидесяти мелкихъ судовъ. Во время общаго пожара удалось спасти только 60-пушечный Турецкій корабль «Родось» и пять галеръ, увеличившихъ наши трофеи. Кромѣ шести судовъ, мы взяли 22 мѣдныхъ пушки съ батарей противъ нашихъ фланговъ.

27 Юня Орловъ писалъ вице-канцлеру кн. Голицыну: «Побѣды совершеннѣе быть не можетъ. Изъ шестнадцати непріятельскихъ линейныхъ кораблей, шести фрегатовъ, множества шебекъ, брагантиновъ, полугалеръ и другихъ малыхъ судовъ не осталось ничего кромѣ печальныхъ слѣдовъ сего вооруженія; всѣ безъ остатка потоплены, переломаны и сожжены»¹⁾.

Дѣйствительно, «побѣды совершеннѣе быть не можетъ». Многое А. Г. Орлову простится за Чесму, и слава, добытая имъ въ Чесменскихъ водахъ, навѣки записала его имя на скрижаляхъ исторіи. Значеніе Чесменской побѣды для Русскаго флота достойно было оцѣнено императрицею Екатериною: послѣ благодарственнаго молебствія, была отслужена «соборная панихида Петру Великому, основателю флота и первому виновнику сей новой для Россіи славы». «Мы плодомъ его трудовъ пользуемся», писала она гр. П. А. Румянцову²⁾.

За Чесму гр. А. Г. Орловъ получилъ орденъ св. Георгія 1 степени и кайзеръ-флагъ. «Мы дали указъ», говорилось въ рескриптѣ, «чтобъ кайзеръ-флагъ, который вы столь разумно умѣли употребить, при васъ

¹⁾ Р. Арх., 1876, II, 279.

²⁾ Сочиненія Екатерины II, изд. Смирдина, III, 222.

остался на всю жизнь вашу, съ позволеніемъ подымать оный на корабляхъ нашихъ; сверхъ того, дозволяемъ вамъ сей флагъ поставить въ гербъ вашемъ» ¹⁾). Екатерина послала Орлову перстень и трость, при чемъ писала ему: «Какъ скоро услышала я, что у васъ пропалъ перстень съ моимъ портретомъ въ Чесменской баталіи, тотчасъ заказала сдѣлать другой, который при семъ прилагаю, желая вамъ его носить на здоровье. Потерявъ перстень, вы выиграли баталію. Какъ вы весьма хорошо управляли моимъ флотомъ, то посылаю вамъ компасъ, вдѣланный въ трость»... Сообщая Орлову о пріѣздѣ принца Генриха Прусскаго, Екатерина прибавила: «И онъ говоритъ, что нашъ Алеханъ безсмертной славою покрылся, а мы говоримъ, что тотъ Алеханъ нашъ усердный другъ и ревностный сынъ отечества» ²⁾). Въ Преображенскій полкъ отъ его полковника (Императрицы) было сообщено: «При семъ посылается печатная копія съ реляціи ко двору отъ сего полка подполковника гр. А. Г. Орлова, кое служитъ свидѣтельствомъ о его храбрости и неустрашимыхъ дѣлахъ, въ чемъ я ему справедливость чрезъ сіе отдаю и въ полкъ сообщаю» ³⁾). Позднѣе Орловъ получилъ титулъ Чесменскаго, шпагу, украшенную брилліантами, серебряный сервизъ и «на поправленіе домашней экономіи» 60.000 рублей ⁴⁾).

Пражднованіе Чесменской побѣды отличалось особой пышностью. Въ память Чесменскаго боя и въ честь Орлова: выбита медаль ⁵⁾), дворець Кекерексиненъ (лягушечье болото) названъ «Чесме» ⁶⁾), въ Царско-сельскомъ саду поставленъ обелискъ съ изображеніемъ Орлова, на фарфоровомъ заводѣ сдѣланы вазы съ его портретомъ и рисунками боя ⁷⁾)...

Чесменская побѣда доставила Русскому флоту господство въ Архипелагѣ, которымъ Орловъ, къ сожалѣнію, не воспользовался: вмѣсто того, чтобы произвести серьезное движеніе въ Дарданеллы, онъ послалъ туда слабый отрядъ Эльфинстона, который возвратился со срамомъ; обложеніе о. Лемноса и осада крѣпости Пилахъ окончились тоже неудачно.

¹⁾ Сборникъ, I, 58; X, 437.

²⁾ Тамъ же, I, 61 и 62.

³⁾ Тамъ же, XIII, 192.

⁴⁾ Тамъ же, XXVII, 43.

⁵⁾ Екатерина говоритъ объ этой медали: „Портретъ графа Алексѣя поразительно схожъ. Одежда графа на этой медали та самая, которую онъ носитъ, когда является во главѣ кавалергардовъ при большихъ церемоніяхъ. Это корпусъ оеицеровъ, въ которомъ его братъ, гр. Григорій, шефомъ, а онъ поручикомъ“ (Сборникъ, XIII, 120 и 121).

⁶⁾ Сборникъ, XXIII, 242.

⁷⁾ Вейдемейеръ, I, 93 и 94; „Арх. с. Михайловскаго“, XXIX и XXX.—Самъ гр. А. Г. Орловъ заказалъ въ Ливорно извѣстному тогда художнику Гекергу 4 картины, изображавшія Чесменскій бой (см. объ этомъ Гельбага, Р. Стар., LII, 6).

Позднею осенью Орловъ направился со всѣмъ флотомъ къ о. Паросъ и избралъ портъ Аузу мѣстомъ стоянки своего флота. 12 Ноября 1770 года, «чувствуя день ото дня умноженіе слабости здоровья», Орловъ, сдавъ начальство надъ флотомъ Спиридову, отправился въ Россію, и 4 Марта 1771 г. пріѣхалъ въ Петербургъ для представленія отчета о положеніи дѣлъ въ Архипелагѣ ¹⁾. Здѣсь онъ пробылъ всего нѣсколько дней. Изъ личныхъ докладовъ Орлова Екатерина увидала, что трудно возлагать надежды на содѣйствіе подвластныхъ Турціи народовъ, и особенно ожидать самостоятельныхъ съ ихъ стороны дѣйствій «по причинѣ свойственной имъ или, лучше сказать, врожденной уже склонности къ рабству и совершеннаго въ характерѣ ихъ легкомыслія» ²⁾. 24 Марта Орловъ получилъ слѣдующій рескриптъ: «Сіе письмо имѣетъ вамъ служить вмѣсто квитанціи на всѣ издержанныя деньги во время экспедиціи вашей въ Средиземное море, въ какой бы то суммѣ ни было» ³⁾. Въ концѣ Марта Орловъ выѣхалъ обратно въ Ливорно, а оттуда въ Паросъ, куда и прибылъ 28 Іюня 1771 г. Теперь онъ былъ снабженъ двумя «полными мочами»: одна заключала инструкцію для дальнѣйшихъ дѣйствій флота въ Архипелагѣ, другая, право начать «мирную негоціацію» съ Турецкими комиссарами ⁴⁾.

Въ вопросѣ о мирѣ Екатерина не хотѣла, однако, быть особенно уступчивой; на много опережая свое время, она мечтала о созданіи изъ острововъ Архипелага, подвластныхъ Турціи, особыхъ общинъ съ извѣстной автономіей. «Что принадлежитъ до острововъ», писала Екатерина, и выгодъ христіанскихъ жителей, подъ властью Турціи находящихся, поручить гр. Орлову; ибо какъ онъ, будучи тамъ на мѣстѣ, въ состояніи найдется лучше для нихъ выговорить, зная ихъ нужды, дабы они нѣкоторыми преимуществами пользоваться могли: не имѣть Турецкихъ начальниковъ, чтобы самимъ собирать подати... внутренняя вся юрисдикція имъ самимъ надлежитъ. И сіе состояніе почитается наилучшимъ, замѣчаетъ Императрица, для Турецкихъ подвластныхъ народовъ». Предполагалось даже основать особое училище для мальчиковъ, которыхъ долженъ былъ набирать въ Архипелагѣ Орловъ и отправлять въ Россію для воспитанія. На обратномъ пути изъ Петербурга, гр. Ал. Гр. останавливался на два дня въ Вѣнѣ и былъ принятъ въ особой аудіенціи императоромъ, при чемъ Іосифъ II пожаловалъ ему свой осыпанный брилліантами портретъ. Народъ въ Вѣнѣ съ лю-

¹⁾ Сборникъ, XIII, 141; Соловьевъ, XXVIII, 237.

²⁾ Тамъ же, I, 66; XIII, 77.

³⁾ Тамъ же, I, 75.

⁴⁾ Тамъ же, I, 65—74.

бопытствомъ толпился вездѣ, гдѣ можно было увидѣть Чесменскаго побѣдителя, «вездѣ на его пути взгляды всѣхъ были къ нему прикованы».

Кампанія 1771 года уже не отличалась прежней энергіей, не смотря на то, что съ прибытіемъ эскадры контръ-адмирала Арфа, флотъ Орлова состоялъ изъ 11 кораблей, 11 фрегатовъ и 30 мелкихъ судовъ, а десантъ увеличился прибытіемъ двухъ ротъ Преображенскаго полка и Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка. Высадка на о. Негропонтъ и близъ Кавалы не имѣла значенія; 2 Ноября Орловъ овладѣлъ Митиленой, которую защищаль 4 т. гарнизонъ, сжегъ верфи, уничтожилъ заготовленные для постройки кораблей матеріалы, заклепаль пушки. Въ концѣ Ноября Орловъ опять уѣхаль въ Ливорно ¹⁾.

Кампанія 1772 г. ознаменовалась славной Патросской побѣдой, гдѣ гр. Войновичъ истребилъ 11 Турецкихъ судовъ и уничтожилъ замыслы Мустафы противъ Архипелажской экспедиціи Орлова.

Осенью 1773 года Орловъ былъ опять въ Петербургѣ ²⁾ и принималъ участіе въ засѣданіяхъ Совѣта при обсужденіи предстоявшей кампаніи 1774 года. Въ одномъ изъ засѣданій Орловъ указаль на малочисленность войска, а на вопросъ достаточно ли будетъ 20 т. человекъ, сказалъ, что съ такимъ количествомъ онъ могъ бы идти на Константинополь, но въ то же время отклонилъ предложеніе употребить въ дѣло иностранныя войска. «Кромѣ всѣхъ неудобствъ при употребленіи иностраннаго войска», говорилъ Орловъ, «всякій успѣхъ будетъ имъ приписанъ; для избѣжанія мнѣнія, что мы безъ Англичанъ ничего сдѣлать не можемъ, я всегда старался употреблять, сколько можно, своихъ офицеровъ». Рѣшено было отправить новую эскадру въ Средиземныя воды подъ командой Грейга; а о себѣ гр. Орловъ заявилъ, что, видя волю Императрицы, чтобы онъ продолжалъ начальствовать надъ флотомъ, онъ, какъ усердный сынъ отечества, не уклоняется; но не можетъ отвѣчать за себя въ исправномъ исполненіи возложеннаго на него дѣла, такъ какъ подверженъ частымъ болѣзненнымъ припадкамъ ³⁾. Видно было, что на этотъ разъ Орловъ ѣхаль въ Архипелагъ неохотно, хотя и получилъ новые знаки милости Государыни: домъ его въ Петербургѣ и Москвѣ были «освобождены отъ поста и полицейской должности», а самому ему, какъ главноначальствующему надъ всѣми морскими и сухопутными

¹⁾ Соловьевъ, XXVIII, 238; Б.-Каменскій, 46.

²⁾ Въ это время, въ Октябрѣ, Григорію и Алексію Орловымъ была пожалована Подмосковная Хотунская волость съ селами и деревнями (Холмогоровы, „Ист. матер. для церквей“, VII, 108, 117).

³⁾ Соловьевъ, XXIX, гл. I.

силами въ Архипелагѣ, дано «столовыхъ денегъ по 1000 рубл. въ мѣсяцъ»¹⁾. Отставка младшихъ братьевъ, вслѣдъ за удаленіемъ отъ двора Григорія, конечно, послѣдовала съ вѣдома и одобренія графа А. Г. Орлова. Вѣроятно, въ это время, повидавшись съ братьями въ Москвѣ, въ теченіе святокъ, Орловъ также рѣшилъ удалиться отъ дѣлъ. Онъ долженъ былъ сознавать, что съ этого времени дѣятельность его уже далеко не будетъ имѣть того простора, который онъ имѣлъ раньше, всегда встрѣчая поддержку въ Императрицѣ, благодаря брату Григорію. «Гр. А. Орловъ», писалъ Сольмсъ 21 Февраля 1774 г., «вернулся изъ Москвы, куда ѣздилъ единственно для развлеченія, и скоро вновь отправляется въ Архипелагъ, хотя на этотъ разъ противъ своего желанія, ибо самъ признается, что тамъ нельзя сдѣлать ничего существеннаго»²⁾.

Въ Архипелагѣ ничего и не было сдѣлано³⁾, но въ Италіи Орловъ «ознаменовалъ себя подвигомъ, не соотвѣтствующимъ пріобрѣтенной

¹⁾ Сборникъ, I, 98, 166.

²⁾ Тамъ же, LXXII, 537.

³⁾ Въ теченіи 4-лѣтняго пребыванія двоихъ изъ братьевъ за границей, Орловы вели между собой оживленную переписку, содержаніе и тонъ которой лучше всего обнаруживаютъ ту особенную любовь и тѣсную дружбу, которая связывала между собой братьевъ, и то уваженіе, какимъ пользовался среди нихъ „Алеханъ“. Малѣйшее замедленіе или неаккуратность въ перепискѣ вызвала взаимныя сѣтованія братьевъ: „Мы всякую недѣлю писать будемъ и васъ просимъ не оставлять письмами своими, а особливо Федю лѣзняваго“, пишетъ гр. В. Г. Орловъ. Въ восторгѣ отъ подвиговъ Алексѣя, гр. В. Г. Орловъ сообщаетъ ему, что о немъ пишутъ въ газетахъ и говорятъ въ Петербургѣ. „Если бы я, Алеханъ“, прибавляетъ онъ, „тебя описывалъ, то не прогнѣвайся, что я вообще сказалъ бы: Федя тебѣ ни въ чемъ не уступитъ, развѣ въ одномъ упрямствѣ“. Но всего болѣе извѣстія касаются интересовъ тѣсно-семейныхъ. Нѣжный семьянинъ гр. В. Орловъ находитъ удовольствіе въ сообщеніи брату Алексѣю разныхъ мелочей о дѣтяхъ, мелочей, которыя такъ дороги родительскому сердцу... То „Алексаша рѣзвовъ становится“, то „становится онъ смышленъ и при томъ упрямъ“; „хозяйка“, пишетъ гр. В. Г., „благополучно родила дочь Катю“, и эта „Катюша гораздо смѣется; теперь 10 недѣль и такъ здорова, что почти ни пылинки лѣзварства не принимала. Алексаша ее любитъ очень, обнимаетъ и цѣлуетъ, онъ началъ говорить, а ползаетъ въ совершенствѣ“... Иногда переписка велась въ шутивомъ тонѣ: „Благодарю, Алеханъ, за твое доброе желаніе—чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше. Если этихъ Богъ сохранить, то мнѣ болѣе не хочется“. Но желаніе это не исполнилось, въ Ноябрь 1774 года В. Г. Орловъ писалъ: „Лиза вчера родила благополучно, только не мальчика, а дѣвочку, что ей очень досадно было; не пеняй ты ей шутками, ей и такъ очень непріятно, хотѣлось черноброваго—въ тебя“. Отъ времени до времени въ письмахъ сообщались вѣсти, близкія родительскому сердцу безсемейнаго гр. Алексѣя: „О твоёмъ Алексашѣ, Алеханъ могу сказать мнѣ и тебѣ въ удовольствіе, что онъ ведетъ себя очень хорошо, и мои старанія при воспитаніи ребятъ всѣ къ тому клоняются, о которомъ и ты въ одномъ изъ писемъ упоминаешь, т.-е. доброе и честное сердце всему предпочитать“; другой разъ, посылая „Французское письмо Алексаши“,

имъ славѣ»¹⁾. «Подвигъ» этотъ—поимка такъ называемой принцессы Таракановой.

Въ началѣ 70-хъ годовъ XVIII столѣтія въ разныхъ пунктахъ Европы появлялась таинственная личность, молодая 25—30-лѣтняя женщина, выдававшая себя за Русскую принцессу, дочь императрицы Елисаветы Петровны. Кто была она, остается и, вѣроятно, надолго еще останется неизвѣстнымъ²⁾. Она такъ же часто мѣняла свои имена, какъ мѣсто-пробываніе и свои привязанности. Она называлась султаншей Селимой и Али-Эмене, принцессой Вламирской Елисаветой, г-жей Франкъ, Шелль, Треймюль и т. п.; въ Венеціи она жила подъ именемъ графини Пиннебергъ, въ Пизѣ она называлась графиней Силинской; у насъ ее звали и зовутъ Таракановой. Англійскій посолъ въ Петербургѣ утверждалъ, что она дочь трактирщика въ Прагѣ; Англійскій консулъ въ Ливорно считалъ ее дочерью Нюрнбергскаго булочника. Въ Лондонѣ и Парижѣ она вращалась въ обществѣ различныхъ искателей приключеній; находилась нѣкоторое время въ связи съ Польскимъ посланникомъ въ Парижѣ Огинскимъ, а затѣмъ съ княземъ Лимбургскимъ. Сношенія авантюристкі съ Польскими эмигрантами можетъ быть подали ей мысль заявить свои права на Русскій престолъ подъ видомъ дочери императрицы Елисаветы

онъ жадеаетъ, чтобы „папешка остался доволенъ своимъ Алексашей, который кажется ему хорошимъ мальчикомъ“, и т. п. (Этотъ „Алексаша“, Александръ Алексѣевичъ Чесменскій, родился по собств. его показанію въ 1762 г.; кто была его мать—неизвѣстно. Дослужился до чина генералъ-майора. Женатъ былъ на Ан. Никол. Піотровской, рожд. Соболевской). Не забываются и хозяйственныя дѣла: въ одномъ письмѣ гр. В. Орловъ сообщаетъ гр. Федору о его собакахъ, въ другомъ пишетъ: „Конюхи изъ Острова сказываютъ, что тамъ все здорово“, или: „Бѣгъ у насъ сдѣланъ противъ нашего двора на Невѣ; охотники собираются, только безъ атамана Алехана и вполнину веселья нѣтъ“. Письма изъ Италіи и Архипелага Григорій Орловъ отвозилъ Государынѣ. Можно догадываться, что Екатерина упоминается въ письмахъ бр. Орловыхъ подъ условнымъ прозвищемъ „Димонъ“. „Послѣднее письмо твое (гр. А. Г.) полно нравоученій“, пишетъ гр. В. Г.; „было время, что и тебѣ нравоученія эти надобны были. Мнѣ кажется, Алеханъ, съ твоимъ нравоученіемъ и немножко плутовства смѣшано: ты зналъ въ какія руки оно попадетъ, и подливно Димонъ отъ него безъ ума“; „пожалуй же, пишите къ Димону, ежели можно всякій разъ, когда къ намъ пишете, а онъ теперь недоволенъ, что къ намъ есть письма, а къ нему нѣтъ“... (Гр. Орловъ-Давыдовъ, I, 195—198, 229—233, 234, 235, 299, 300, 306, 314). Однако графъ В. Г. Орловъ ошибался, думая, что А. Г. не нуждался въ нравоученіяхъ. Во время пребыванія въ Архипелагѣ онъ каждую зиму проводилъ въ Италіи, въ Пизѣ, гдѣ проживала въ то время Екатерина Алексѣевна Демидова, которую „тамъ издавна считали очень близкой особой къ графу“ (Ек. А. Демидова, рожд. Жеребцова, 1748—1810, жена тайн. сов. П. Гр. Демидова. „Рус. Бесѣда“, 1859, VI, 69; см. о ней Записки Гарновскаго, Р. Стар., XVI, 210).

¹⁾ Б.-Каменскій, IV, 45.

²⁾ Р. Арх., 1899, III, 353.

и Разумовскаго, и даже сестры Пугачева. По отзыву современниковъ, она отличалась быстрымъ умомъ, нѣкоторымъ образованіемъ, обладала привлекательной наружностью и кокетствомъ, легко побѣждавшимъ сердца мужчинъ. Самъ А. Г. Орловъ даетъ такой ея портретъ, впрочемъ изложенный канцелярски-безцвѣтнымъ языкомъ: «Она женщина росту небольшого, тѣла очень сухого, лицомъ ни бѣла, ни черна, а глаза имѣетъ большіе и открытые, цвѣтомъ темнокаріе и косы, брови темнорусыя, а на лицѣ есть и веснушки» ¹⁾... Господствующими чертами ея характера были крайняя довѣрчивость и легкомысліе, погубившія ее. Задумавъ склонить на свою сторону Русскій флотъ и привлечь гр. Орлова обѣщаніемъ щедрыхъ наградъ, она написала ему письмо, открывшее ея намѣренія и ея мѣстопребываніе ²⁾. Орловъ послалъ своихъ агентовъ слѣдить за нею и сообщилъ о появленіи ея Екатеринѣ, прибавивъ въ своемъ донесеніи: «есть ли этакая на свѣтѣ (т. е. дочь Елисаветы) или нѣтъ, я не знаю, а буде есть и хочетъ непринужденнаго, то бѣ я навязалъ ей камень на шею да въ воду» ³⁾. Ревнивая вообще къ своей власти, а теперь встревоженная Пугачевскимъ бунтомъ, Екатерина отнеслась къ этому извѣстію съ крайнимъ раздраженіемъ и предписывала Орлову послать корабль и требовать выдачи «сей твари, столь дерзко всклепавшей на себя имя и породу, употребить угрозы, а буде и наказаніе нужно, то бомбъ нѣсколько въ городъ метать можно, а буде безъ шума достать способъ есть, то я и на сіе соглашаюсь» ⁴⁾. Орловъ обязанъ былъ исполнить въ точности волю Государыни, но дѣйствія его были иныя. Онъ сдѣлалъ видъ, что соглашается на лестныя предложенія «принцессы», уговаривалъ ее пріѣхать въ Пизу, гдѣ ожидаютъ ее великолѣпная квартира и почетная встрѣча; онъ готовъ всюду сопровождать ее ⁵⁾. Самъ Орловъ слѣдующимъ образомъ рассказываетъ о дальнѣйшемъ: «Она ко мнѣ казалась быть благосклонной, чего для я старался казаться передъ нею быть очень страстенъ; наконецъ, я ее увѣрилъ, что я бы съ охотою женился на ней и въ доказательство хоть сегодня, чему она, обольстясь, болѣе повѣрила. Признаюсь, что я оное исполнилъ бы, лишь только достигъ бы того, чтобы волю вашего величества исполнить. Но она сказала мнѣ, что теперъ не время, потому что она еще несчастлива, а когда будетъ на своемъ мѣстѣ, тогда и меня сдѣлаетъ счастливымъ» ⁶⁾. Всецѣло довѣрившись Орлову, «принцесса» дала уговорить себя отпра-

¹⁾ „Чтенія“, 1867, I, 63.

²⁾ Сборникъ, I, 182.

³⁾ „Чтенія“, 1867, I, 56.

⁴⁾ Сборникъ, I, 105.

⁵⁾ „Р. Бесѣда“, 1859, VI, 68 и 69.

⁶⁾ „Чтенія“, 1867, I, 64.

виться въ Ливорно для осмотра Русской эскадры. Здѣсь она была арестована. «Она и по сіе время еще вѣритъ», пишетъ Орловъ, «что не я ее арестовалъ, а секретъ нашъ наружу выпелъ. Она была во все время склонна до самой Англїи въ чаяніи, что я туда приѣду; а какъ меня не видала тутъ и письма не имѣла, пришла въ отчаяніе, узнавъ свою гибель, и въ великое бѣшенство, а потомъ упала въ обморокъ и лежала въ безпамятствѣ четверть часа, такъ что и жизни ея отчаялись; а какъ опаматовалась, то сперва хотѣла броситься на Англійскія шлюпки, а какъ и того не удалось, то намѣреніе положила зарѣзаться или въ воду броситься»... Въ то время, какъ Орловъ въ такомъ спокойномъ тонѣ описывалъ изъ Пизы, отъ 11 Мая, путешествіе своей жертвы, эскадра Грейга, жаловавшася, что онъ никогда не исполнялъ болѣе тяжелаго порученія, подходила къ Кронштадту ¹⁾. Въ Петербургъ несчастная Тараканова ²⁾ подверглась допросу «съ пристрастіемъ» и вскорѣ умерла въ казематѣ.

Проявивъ такъ много рвенія въ дѣлѣ поимки «злодѣйки», Орловъ обнаружилъ и крайнее малодушіе: опасаясь приверженцевъ «принцессы», которымъ она писала о его къ ней «привязанности», и особенно Іезуитовъ, Орловъ просилъ «того не причестъ въ вину, буде онъ по обстоятельству дѣла принужденъ будетъ, для спасенія своей жизни и команду оставя, уѣхать въ Россію и припасть къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества ³⁾... Императрица отвѣчала ему уклончиво и утѣшала тѣмъ, что вскорѣ и весь флотъ по случаю мира съ Портой уйдетъ изъ Архипелага, но прибавляла, что «довольна ревностью и его многотрудной службою» ⁴⁾.

Въ Мартѣ этого года за границу поѣхалъ кн. Г. Г. Орловъ, и братья тамъ встрѣтились. Впрочемъ, гр. А. Г. нашелъ и другое утѣшеніе: въ это время онъ сошелся съ Итальянской поэтессою Кориллой. «Pour la célèbre Corilla, l'amie intime du comte Alexis Orlof, j'en ai beaucoup entendu parler, que s'est une conformation poétique extraordinaire», писала о ней Екатерина, «cette femme était née pour être Sybille, l'an-

¹⁾ „Чтенія“, 65, прил. 67.

²⁾ О „Таракановой“ существуетъ цѣлая литература. Документы о ней въ „Чтеніяхъ“ 1867, I и въ „Сборникъ“, I, 104—107, 169—197. Она умерла 4 Декабря 1775 года. Существуетъ преданіе, будто въ Ноябрь она родила ребенка, отцомъ котораго былъ А. Г. Орловъ. Судьба этого ребенка также неизвѣстна. Многіе смѣшиваютъ его съ Чесменскимъ, родившимся въ 1762 г. (См., напр., Мордовцева, „Русск. Женщины“, Мельникова въ Р. Вѣстн., 1865, VIII, 602, 603 и др.).

³⁾ „Чтенія“, 1867, I, прил. 65.

⁴⁾ Сборникъ, I, 168.

«ienne Rome lui aurait dressé des temples, tant elle savait honorer toutes sortes de vertus et de talents». Императрица не прочь была вызвать поэтессу въ Россію: «le comte A. Orlof a écrit en Italie pour faire venir la Corilla», пишетъ она Гримму и получаетъ отвѣтъ, что «Corilla est toute prête à voler aux pieds de l'auguste Catherine»... Приѣздъ Кориллы въ Россію не состоялся ¹⁾.

Къ концу 1775 года Орловъ возвратился въ Россію. Могущество и значеніе Потемкина были уже въ полной силѣ. При его честолюбіи, рядомъ съ нимъ трудно было стоять такому же честолюбивому человѣку, какъ Орловъ-Чесменскій, обладавшему къ тому же такимъ громкимъ именемъ. Въ Ноябрь Орловъ подалъ прошеніе объ отставкѣ отъ всѣхъ должностей по болѣзни, и 2 Декабря 1775 года высочайшимъ указомъ Военной Коллегіи уволенъ съ чиномъ полного генерала «навсегда отъ всякой службы». Орлову дозволялось «жить внутри и внѣ государства, гдѣ заблагоразсудитъ». Указомъ отъ 12 Марта 1776 года Екатерина повѣла Кабинету «опредѣленный (съ 1766 г.) гр. А. Орлову секретный пенсіонъ по 25 т. руб. на годъ, да, сверхъ онаго, полное со 2 Декабря прошлаго 1775 года по генераль-аншефскому окладу жалованье, т. е. по 4682 р. 27½ коп., а обоего по 29.682 руб. 17½ коп., производить ежегодно и впредь ему, гр. А. Орлову-Чесменскому, по смерть его» ²⁾. Ему сохранялось званіе подполковника лб.-гв. Преображенскаго полка: «Премьеръ-майоръ гр. А. Орловъ отъ насъ уволенъ съ жалованьемъ на намъ извѣстный срокъ» ³⁾. Отставка оказалась однако не «на срокъ», а по смерть. Всю остальную жизнь Орловъ-Чесменскій прожилъ въ Москвѣ, и только по временамъ уѣзжалъ за границу и еще рѣже въ Петербургъ. Онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ въ Москвѣ, особенно любимымъ и популярнымъ, первымъ въ ряду тѣхъ вельможъ не у дѣлъ, которые наполняли тогда Москву. Живя въ Москвѣ, въ Нескучномъ, около Донскаго монастыря, Орловъ погрузился въ хозяйственныя заботы и съ особеннымъ увлеченіемъ занимался своимъ конскимъ заводомъ, который скоро приобрѣлъ заслуженную извѣстность. Онъ все болѣе и болѣе привязывался къ своимъ подмосковнымъ Острову и Хотуни. Въ Островѣ первоначально находился и конскій заводъ графа, поздиѣ переведенный въ Хрѣновое. Въ этомъ заводѣ, въ Островѣ, находились въ числѣ прочихъ Арабскихъ лошадей, приобретенныхъ Орловымъ на Востокъ, и тѣ два знаменитыхъ жеребца, которые считаются родоначальниками Орловскихъ

¹⁾ Сборникъ, XXIII, 110—111; XLIV, 52; XXIII, 140.

²⁾ Арх. М. Двора, оп. 15/1365, д. 217.

³⁾ Сборникъ, I, 166 и 167; XXVII, 52, 55.

рысистыхъ и верховыхъ лошадей, бѣлый «Сметанка» и бурый «Салтанъ I»¹⁾).

Въ 1780 году, весну и лѣто, А. Г. Орловъ провелъ за границей, посѣтилъ въ Маѣ любимый Карлсбадъ, а въ Августѣ прїѣхалъ въ Спа, гдѣ въ это время были кн. Орловъ съ больной женой²⁾. Въ 1782 году, 6 Мая, Орловъ, которому шелъ уже 48-й годъ, женился на 20-лѣтней Авдотѣ Николаевнѣ Лопухиной³⁾. Екатерина изъявила согласіе на бракъ и прислала пожеланіе «всякаго счастья и благополучія»⁴⁾. По преданію, молодая графиня Орлова, при красивой наружности, отличалась добротой и привѣтливостью, была крайне набожна, не любила нарядовъ и не надѣвала брилїантовъ. 2 Мая 1785 года у гр. Орлова родилась дочь, Анна. По этому поводу Екатерина писала Циммерману: «Я свидѣлась въ Москвѣ съ героемъ Чесмы, славнымъ гр. Орловымъ. Онъ ухаживалъ за своей молодой женой, лежавшей въ родахъ первымъ ребенкомъ; къ несчастію у него родилась дочь: я не считаю его особенно способнымъ воспитывать дѣвочекъ и поѣтому желала ему сына, которому онъ могъ бы служить примѣромъ»⁵⁾. Семейная жизнь Орлова продолжалась недол-

¹⁾ Симоновъ и Мердери, „Лошади“, 93.

²⁾ „Арх. с. Михайловскаго“, 215. См. біогр. кн. Г. Г. Орлова.

³⁾ Авдотья Николаевна Лопухина род. 17 Декабря 1761 г., † 20 Августа 1786 г., 25 лѣтъ. Дочь Ник. Александр. Лопухина и Анны Алексѣевны, рожденной Жеребцовой, и родная племянница Екатерины Алексѣевны Демидовой (род. 1740 г., † 1810 г.), которую во время экспедиціи Орлова въ Архипелагъ считали въ Италіи очень близкой къ графу особой („Р. Бесѣда“, 1859, VI, 69; Р. Стар., XVI, 210).

⁴⁾ Сборникъ, I, 108.

⁵⁾ Р. Стар., 1887, LV, 283.—Екатерина ошиблась: попеченія и заботы о дочери сдѣлались цѣлью его жизни; отношенія къ ней отца, облеченныя въ нѣсколько грубоватую форму, отзываются необыкновенной нѣжностью и обличаютъ страстную привязанность его къ „ненаглядной“ дочери. Въ Музеѣ П. И. Щукина въ Москвѣ есть картина, гдѣ онъ изображенъ у постели заболѣвшей молодой графини. Привлекательная собой, развитая сильно физически, гр. Анна Алексѣевна была богато одаренной натурой, съ необыкновенно добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, унаследованнымъ ею отъ матери. „Ни-нушка“, говоритъ графъ Орловъ-Давыдовъ, „была предметомъ всеобщаго расположенія, привлекала сердца очаровательностью, ко всемъ равною привѣтливостью, доходившей почти до покорности. Весь ея обликъ былъ полонъ какого-то обаянія“ (II, 182). Въ молодости гр. А. А. Орлова имѣла много жениховъ (кн. Баратинскій, кн. Куракинъ, гр. Салтыковъ, Н. М. Каменскій, кн. П. А. Зубовъ и друг.). По свидѣтельству гр. Ант. Д. Блудовой въ ея Запискахъ, Орлова нѣжно любила гр. Каменскаго, вскорѣ умершаго, и оставалась вѣрна этой любви всю жизнь. Въ щедрой благотворительности нашла она цѣль своей жизни. Къ сожалѣнію, позднѣе она подпала подъ вліяніе узкаго фанатика, известнаго архимандрита Фотія. Большую часть своего состоянія она раздала монастырямъ, при чемъ львиная доля досталась Новгородскому Юрьеву монастырю. Гр. А. А. Орлова умерла 5 Октября 1848 г. и погребена въ Юрьевъ монастырь.

го: 20 Августа 1786 года Авдотья Николаевна родила сына и въ тотъ же день умерла. Сынъ умеръ четырехъ лѣтъ ¹⁾).

Въ концѣ Іюня 1787 года Императрица Екатерина въ послѣдній разъ была въ Москвѣ, на возвратномъ пути изъ поѣздки въ Крымъ, и по обыкновенію явила знаки своего расположенія къ Орлову. Подъ 30 Іюня Храповицкій отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ: «гр. Орловъ-Чесменскій кланялся въ ноги за пожалованіе сына въ капитаны Преображенскіе», а 2 Іюля писалъ: «выбирали вещи для тещи гр. А. Орлова-Чесменскаго» ²⁾). Во время пребыванія въ Москвѣ, Императрица изъ села Коломенскаго пріѣхала подъ Донской монастырь и посѣтила гр. А. Г. Орлова. «Долго ли тебѣ жить въ такомъ домѣ?», сказала Екатерина при видѣ громаднаго неуклюжей архитектуры Орловскаго дома, съ небольшими окнами, скудно пропускавшими свѣтъ въ обширные покои, въ которыхъ по вечерамъ множество сальныхъ свѣчей съ трудомъ боролось съ мракомъ. «Изволишь знать, матушка, Русскую пословицу: не красна изба углами, а красна пирогами; у меня же ихъ много по твоей милости», отвѣчалъ хозяинъ ³⁾). Орловъ, дѣйствительно, былъ очень богатъ. Кромѣ общаго съ братьями имѣнія на Волгѣ, у А. Г. Орлова было много вотчинъ, по Дону и его притокамъ, въ Московскомъ уѣздѣ; были даже земли въ Финляндіи. Доходы его опредѣлялись въ миллионъ рублей, число крестьянъ превышало 30 т. душъ ⁴⁾). Тѣмъ не менѣе, онъ былъ очень расчетливымъ человѣкомъ, во многихъ случаяхъ чуть не скупымъ.

Въ 1787 г. Орлову представлялась возможность съ честью вернуться на службу. Начиналась вторая Турецкая война, явилась мысль снова отправить эскадру въ Средиземное море, и Екатерина писала Потемкину: «Ты пишешь, чтобы Грейга послать съ флотомъ, я его пошлю; но не громче ли было бы имя А. Г. Орлова-Чесменскаго? Однако, сіе между нами, и ни онъ не отзывается, ни я»... А 26 Октября Храповицкій отмѣтилъ въ дневникѣ: «Написано дружеское письмо къ графамъ А. и Ѳ. Г. Орловымъ, не примутъ ли будущей весной команды надъ флотомъ въ

¹⁾ Въ Москвѣ, въ Андроніевскомъ монастырѣ, въ соборѣ, на правомъ столбѣ нѣтъ бронзовая доска, украшенная гербомъ гр. Орловыхъ, съ надписью: „На семъ мѣстѣ покоится прахъ рабы Божіей графини Евдокіи Николаевны Орловой-Чесменской, урожденной Лопухиной, родилась 1761 г. Декабря 17, а скончалась 1786 г. Августа 20, на 25 г. отъ рожденія. Здѣсь покоится прахъ сына ея, младенца графа Іованна Алексѣевича Орлова-Чесменскаго, родившагося въ 1786 г. Августа 20 дня, а скончавшагося въ 1790 году. Помяни ихъ Господи, егда придеши во царствіи Твоемъ“.

²⁾ Храповицкій, 40 и 41.

³⁾ Разказы Карабапова (Р. Стар., V, 772).

⁴⁾ Р. Арх., 1893, I, 107—111; Зап. Тургенева, Р. Стар., 1895, VI, 45.

Архипелагъ» ¹⁾). Письмо это было написано въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Любя пользу Имперіи, при подписаніи знатнаго морского вооруженія, нельзя, чтобы не пришли мнѣ на умъ, имя и дѣянія гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго и брата его гр. Ѳ. Г. Орлова. Кому неизвѣстно, что они впервые морскими нашими силами врагу имени христіанскаго нанесли страхъ, трепеть и сильныя удары, паче же разореніемъ флота его при Чесмѣ, среди морей, до того Русскому орлу неизвѣстныхъ, что народная довѣренность тамо ихъ встрѣчала, что за ними по слѣдамъ шла побѣда? Неоспоримая правда, что имя ваше прибавить моему вооруженію еще вѣса и мѣры въ ужасъ врагу, въ ободреніе своимъ, кои подъ вами достигли до побѣдъ и награжденій. Въ дружескомъ письмѣ не повелѣвается, но спрашивается запросто: во-первыхъ, склоненъ-ли графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій взять охотно паки команду надъ флотомъ; второе, гр. Ѳ. Г. Орловъ поѣдетъ ли съ нимъ» ²⁾). Графъ А. Г. Орловъ отказался отъ этой чести.

«Полученъ отвѣтъ гр. А. Г. Орлова», пишетъ Храповицкій отъ 7 Ноября, «онъ почти отказывается, однако же хотѣлъ сюда». 30 Ноября гр. Орловъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Не за долго до его пріѣзда Государыня спросила кого-то что новаго въ городѣ слышно? «Говорятъ, отвѣчали ей, что гр. А. Г. Орловъ скоро сюда будетъ.»—«Да, слышно, сказала Екатерина, что онъ и флотомъ въ Архипелагъ командовать будетъ». Понятно, какъ непріятенъ послѣ этого долженъ былъ быть Государынѣ отказъ гр. Орловыхъ, причиной котораго была выставлена болѣзнь. Гарновскій говоритъ, что Орловъ былъ обиженъ тѣмъ, что ему не хотѣли дать званіе фельдмаршала ³⁾).

Отказъ его, мотивированный болѣзнью, былъ принятъ Екатериною съ неудовольствіемъ. Императрица писала Потемкину: «Графъ А. Г. сюда пріѣзжалъ и весьма заботился о семъ отправленіи флота и его снабженіи; но какъ они отказались отъ службы, то я не рассудила за нужное входить уже во многія подробности, но со всякою учтивостью отходила отъ всякихъ объясненій, почитая за ненужное толковать о томъ съ неслужащими людьми. Потомъ просилъ паспортъ ѣхать за границу къ водамъ, но, не взявъ оный, уѣхалъ въ Москвѣ» ⁴⁾)... Пріѣздъ Орлова въ Петербургъ вызвалъ разнообразныя чувства и взволновалъ сторонниковъ Потемкина. Но, успокоенный его отъѣздомъ въ Москву, Гарновскій записалъ въ своемъ дневникѣ: «Его сіятельство отправился отсель

¹⁾ Сборникъ, XXVII, 428; Храповицкій, 53.

²⁾ Тамъ же, I, 109 и 110.

³⁾ Онъ недоволенъ былъ и тѣмъ, что день Чесменской битвы не причисленъ къ таимъ называемымъ днямъ вѣкторіальнымъ. П. Б.

⁴⁾ Сборникъ XXVII, 446.

обратно въ Москву и женится тамъ на дѣвицѣ Николевой» ¹⁾). Предположеніе это не осуществилось, неизвѣстно и кто была эта Николева; но за то извѣстно, что съ этого, приблизительно, времени и до конца жизни близкой особою къ Орлову была Марія Семеновна Бахметева, дальняя свояченица графа, разошедшаяся съ мужемъ, вслѣдствіе «несчастливаго супружества», въ молодости отличавшаяся красотой. Бахметева жила въ домѣ гр. Орлова на положеніи дочери, и графиня Анна Алексѣевна называла ее «сестричкой», а невѣста Чесменскаго, А. Н. Пиотровская, «маменькой» ²⁾...

Считая теперь носителя Чесменской славы «неслужащимъ лицомъ», Екатерина вспоминала о немъ, однако, при всякой морской побѣдѣ. По поводу Выборгской битвы, она писала Орлову: «Нельзя не обратить взоръ съ благодарнымъ сердцемъ на того, кто таковыя побѣды у насъ на морѣ оказалъ свѣту впервые; ты показалъ путь, по которому шествуютъ твои храбрые и искусные послѣдователи» ³⁾. До конца жизни своей Екатерина помнила Чесменскія заслуги Орлова и не переставала пользоваться малѣйшимъ случаемъ, чтобъ вспоминать о нихъ. 19 Іюля 1795 г. она пишетъ Орлову, посылая ему табакерку: «Вся цѣна ея состоитъ въ изображеніи того памятника, который славу вашу и знаменитыя отечеству заслуги ваши свидѣтельствуешь» ⁴⁾. 17 Іюля 1789 года гр. А. Г. Орловъ неожиданно пріѣхалъ въ Петербургъ ⁵⁾. По мнѣнію Гарновскаго, онъ «располагался здѣсь пожить», такъ какъ нанялъ для

¹⁾ Р. Стар., XVI, 447.

²⁾ М. С. Бахметева, рожденная княжна Львова, была особа съ характеромъ и неоднократно расходилась съ гр. А. Г.: поссорившись изъ-за какихъ-нибудь мелочей, уѣзжала въ собственный домъ близъ Донскаго монастыря, затѣмъ снова сходилась... „Во время разлуки свояченицы вашей съ мужемъ“, писалъ гр. Орловъ В. В. Шереметеву, „я съ тѣхъ поръ взялъ на себя попеченіе не оставлять, сказать, желаю быть вторымъ отцомъ. Во нравѣ, во всякой помощи моей мнѣ отказано было, и ни гроша отъ меня не хотѣли принимать, когда во время желчной болѣзни бывалъ я подъ гнѣвомъ. У насъ же и съ начала нашего знакомства положено было на словѣ, что можно разойтись, когда кто кому не понравится, а я расположенъ былъ и всю мою жизнь вмѣстѣ препроводить“. Но уже два мѣсяца спустя, А. Г. Орловъ писалъ: „М. С. пріѣхала благополучно и крѣпко въ своемъ размышленіи ошиблась въ чаяніи меня найти надутымъ и недовольнымъ; но я, смѣючись, сказалъ: Богъ да проститъ кающихся! Она признавалась и не чаяла, чтобъ такъ встрѣчена была, и теперь опять по-дружески обращаемся“. Во время поѣздки за границу въ 1797—1800 годахъ Бахметева путешествовала вмѣстѣ съ Орловыми и жила въ Спа и Карлсбадѣ. Съ 1805 года она опять поселилась въ своемъ домѣ („Арх. с. Михайловскаго“, XVI, XCI, С, CXVI, 217, 220). А. Г. Это родная бабушка нашего современника Петра Владимировича Бахметева. П. Б.

³⁾ Сборникъ, I, 111.

⁴⁾ Тамъ же, I, 113 и 114. Упомянутый памятникъ, обелискъ, въ Царскосельскомъ паркѣ.

⁵⁾ Храповицкій, 110.

себя домъ. Какая была причина приѣзда, неизвѣстно. «Сей разъ этотъ гость», пишетъ Гарновскій, «Государынѣ въ тягость; онъ началъ твердить попрежнему, что, занимаясь дѣлами на Поднѣ, привели государство въ совершенную разстройку... Графъ, безпрестанно государства нашего правила въ черномъ видѣ представлявшій, Государынѣ очень скученъ... Онъ приступилъ къ Государынѣ съ новыми доказательствами о безпорядкахъ, въ государствѣ существующихъ, а особливо сей разъ критиковалъ болѣе прочихъ часть воинскую»¹⁾... Неравнодушная къ критику, Екатерина была недовольна Орловымъ, и это ясно отразилось въ ея письмѣ къ Потемкину: «Къ намъ грянулъ, какъ снѣгъ на голову, гр. А. Г. Орловъ; Богъ вѣсть ради чего трудился, но признаться должно, что отъ него духота не уменьшилась; онъ же, какъ козыи рога»²⁾... Только въ концѣ Марта слѣдующаго года онъ возвратился въ Москву, спѣша на свадьбу своей племянницы Софьи, той самой дѣвочки, которая ошибкой родилась вмѣсто черноброваго мальчика въ бытность гр. Орлова въ Архипелагѣ³⁾.

Живя въ Москвѣ, гр. А. Г. Орловъ продолжалъ заниматься хозяйствомъ, а съ переводомъ завода въ Хрѣновое, иногда ѣздилъ и въ тѣ свои вотчины. 18 Нолбря 1791 г. скончался старшій изъ Орловыхъ, гр. Иванъ⁴⁾, а 29 Декабря Храповицкій записалъ въ своемъ дневникѣ: «Спокойно писали съ моей руки къ гр. А. Г. о приѣмлемомъ участіи въ печали по смерти брата его гр. И. Г. Орлова»⁵⁾. Кромѣ огорченія, смерть «старинушки» принесла Орловымъ и хозяйственныя заботы: братъ Иванъ управлялъ нераздѣльнымъ имѣніемъ братьевъ. Братя выдѣлили теперь болѣе 1½ т. душъ вдовѣ графа И. Г. Елисаветѣ Ѳедоровнѣ, ур. Ртицевой, и раздѣлили имѣнія, но окончательный раздѣлъ кончили только къ 1802 г., когда въ живыхъ остались братья Алексѣй и Владимиръ. Впрочемъ, и послѣ смерти старшаго брата, у Орловыхъ никогда не происходило никакихъ имущественныхъ неудовольствій.

Живя въ Москвѣ, Орловъ посылалъ Государынѣ въ подарокъ голубой коверъ, работы его людей, верховыхъ лошадей для ея внуковъ⁶⁾.

¹⁾ Гарновскій, Р. Стар., XV, 28, 30; XVI, 207 и 208.

²⁾ Сборникъ, XXVII, 513.

³⁾ Тамъ же, I, 110.—Гр. С. В. Орлова (р. 1774 г., † 1844 г.) была замужемъ за гр. Н. П. Панинымъ.

⁴⁾ Гр. Ив. Гр. Орловъ род. 3 Сентября 1733 г. † 18 Нолбря 1791 г. При восшествіи на престолъ Екатерины II произведенъ въ капитаны Преображенскаго полка, оставилъ службу и умеръ въ этомъ чинѣ (Орловъ-Давыдовъ, II, 130, 131, 154—159, 160—162).

⁵⁾ Храповицкій, 384; Сборникъ, I, 111.

⁶⁾ Сборникъ, I, 112, 114.

Весной 1796 года гр. А. Г. Орловъ, вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ, пріѣзжалъ въ Петербургъ съ цѣлью представить Императрицѣ дочь. «Видѣлъ я», говоритъ Грибовскій, «когда онъ представлялъ Государынѣ въ Зимнемъ дворцѣ свою дочь, гр. Анну. Государыня приласкала ее рукой за подбородокъ, похвалила и въ щечку поцѣловала. Когда они вышли, то Государыня сказала: эта дѣвушка много добраго общаетъ». Зубовъ въ это время былъ всемогущъ, но, по замѣчанію Грибовскаго, «у князя Зубова никогда Орловъ не бывалъ»¹⁾. Въ отсутствіе братьевъ, въ Москвѣ скончался гр. Ѳ. Г. Орловъ. Предъ смертью онъ завѣщалъ своимъ шести воспитанникамъ: «Живите дружно, мы дружно жили съ братьями, и насъ самъ Потемкинъ не сломалъ»²⁾. Осенью, собираясь за границу, Орловъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, и здѣсь застала его смерть Императрицы. Орловъ, не обнаруживъ «ни малѣйшаго движенія трусости или подлости»³⁾, присягнулъ Павлу I, при перевозѣ тѣла Петра III изъ Александро-Невской лавры въ Зимній дворецъ, несъ императорскую корону, а во время церемоніи совмѣстнаго погребенія Екатерины II и Петра III былъ дежурнымъ при гробахъ⁴⁾.

Тотчасъ послѣ этого, ссылаясь на слабость здоровья, гр. Орловъ началъ проситься за границу. 27 Ноября онъ просилъ гр. Н. И. Салтыкова исходатайствовать также отставку бригадиру Чесменскому по болѣзни ногъ, а 31 Января 1797 г. Чесменскій писалъ уже изъ Новогрудка въ Москву: «Вчерашній день на дорогѣ получили мы курьера отъ Архарова съ пріятнымъ извѣстіемъ, что графъ, графиня и я отпущены въ чужіе края по пашпорту съ будущими при графѣ»⁵⁾. Вскорѣ же послѣ отъѣзда изъ Россіи Орловъ писалъ гр. Воронцову: «О себѣ же теперича не знаю, чтó сказать, какая я птица: орелъ или синица. Изъ Россіи выѣхалъ я по просьбѣ къ водамъ, а сколько со мной странностей происходило, и теперича сообразиться не могу, а когда могу возвратиться въ Россію, тогó прямо сказать не могу»⁶⁾... Лишенный именованнымъ указомъ 31 Декабря 1796 г. пенсіи⁷⁾, Орловъ все царствованіе Павла I прожилъ внѣ предѣловъ Россіи, проводя зимы въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ, а на лѣто

¹⁾ Грибовскій, Р. Арх., 1899, I, 32.

²⁾ Гр. Орловъ-Давыдовъ, 131 и 132. Гр. Ѳ. Г. Орловъ род. 8 Февраля 1741 г. † 17 Мая 1796 г. Гр. И. и Ѳ. Орловы погребены въ с. Отрадѣ.

³⁾ „Чтенія“, 1864, II, 182 и 183.

⁴⁾ Разказы Карабанова (Р. Стар., 1872, VI, 89 и 90); см. еще Зап. Тургенева (Р. Стар., 1889, I, 225) и Зап. гр. Головиной (Ист. Вѣст., 1899 г.).

⁵⁾ Р. Арх. 1873, I, 468 и 469; „Арх. с. Михайловскаго“, 63.

⁶⁾ „Арх. Кн. Воронцова“ XXVII, 23 и 24.

⁷⁾ Арх. М. Двора, оп. 15/1365, д. 217, л. 84.

уѣзжая въ Карлсбадъ и Теплицъ ¹⁾. Отъ этого путешествія сохранилось нѣсколько писемъ графа и «журналъ», который вела во время пути 12-лѣтняя графиня, прозванная поэтому своими «журналистомъ». Если «журналъ», наполненный краткими замѣтками о разныхъ мелкихъ происшествіяхъ во время путешествія ²⁾, любопытенъ, какъ бытовая картинка того времени, показывающаяся, какъ мало требовательны были даже такіе люди, какъ Орловъ: то письма графа А. Г. представляютъ интересъ для его характеристики и въ особенности отношеній его къ дочери и окружающимъ ³⁾.

¹⁾ Гр. А. Г. былъ въ Карлсбадъ 6 разъ: въ 1768, 1780, 1797 — 1800 гг. („Арх. с. Мих.“, 215 — 222). Орловъ скучалъ по родинѣ и, живя за границей, велъ дѣвательную переписку съ гр. С. Р. Воронцовымъ. „О себѣ жъ“, пишетъ онъ, „не знаю, когда могу ѣхать на гробы отцовъ моихъ“. 4 Января 1801 г., поздравляя Воронцова съ новымъ годомъ, Орловъ писалъ: „А намъ теперь, всѣмъ православнымъ, молятъ и просятъ Господа, чтобы новорожденный вѣкъ не такъ свирѣпствовалъ, какъ скончавшійся *последнія 10 лѣтъ*... Не хвалитесь своей старостью, я 10 лѣтами постарѣе васъ и по благости Божеской иногда бодрствую и на дрожжахъ на приведенномъ рысакъ изъ Россіи развѣзжаю“. Прося гр. Воронцова выслать для него въ Россію изобрѣтенный въ Англіи плугъ, Орловъ прибавляетъ: „Хотя теперь и въ чужой землѣ, но желается, чтобы и въ отечествѣ у насъ были хорошенькія вещи, въ которыхъ великая нужда настоятъ, а именно въ хлѣбопашенныхъ орудіяхъ“ („Арх. Воронцова“, XXVII, 25—27).

²⁾ „Ночевали въ харчевнѣ; щцъ крѣпкія изъ ихъ посуды“; „нашли хозяйку довольно пьяною“ и т. п. („Арх. с. Михайловскаго“, 23).

³⁾ „Нинушка моя“, пишетъ графъ къ М. С. Рогожину, „повытанулась, выкрежила... А какъ Анна Николаевна (Пиотровская) увидѣла, что ты здоровъ, такъ она распрыгалась, что надобно было ее унять... Я жъ, благодаря Господа, сталъ поменьшку оправляться и могу ноги мои употреблять до 500 шаговъ, а послѣ отдыхаю... А мы часто о тебѣ вспоминаемъ; нѣту коровы, которая бъ не напоминала твоей охоты... А хлопочекъ мой здоровъ“, прибавляетъ графъ о дочери. О ней же онъ пишетъ въ другомъ письмѣ: „О комъ жалуютъ, что дурочка будетъ, за сожалѣніе благодарю, а мнѣ кажется, что и теперь дура... Да вѣдь ты самъ знаешь, что я люблю дуръ и дураковъ, по пословицѣ—рабакъ рыбака далеко узнаетъ“... Изъ Лейпцига гр. А. Г. сообщаетъ: „Яжъ всеній день галяусъ на лошадей, купилъ себѣ рыженькихъ съ чалинкою кобылочекъ... А вотъ еще я здѣсь двухъ обезьянъ купилъ, которыя очень смирны и совсѣмъ не кусаются“. Предъ Святой гр. Орловъ не безъ горечи вспоминалъ о Москвѣ: „Съ кѣмъ-то ты нынѣ христосовался первымъ яичкомъ, каталъ ли на Святой, были у тебя крѣпыши, кого побѣждалъ? И у меня въ домъ маранье идетъ около яицъ, и много хлопочуть“... А узнавъ отъ своего управителя, Дениса Артемыча, что продается его портретъ за 200 руб., графъ не безъ ироніи писалъ: „Оная жъ образина писана была въ Венеціи прежде еще морского походу, и заплачена была за оную не выше 5 червонцевъ, а требованіе за нее слишкомъ велико можетъ быть, и оригиналъ теперь оваго не стоитъ. Итакъ, пусть она между руками по бѣлу свѣту погуливаетъ; а чтѣ она продается, такъ видно, что она уже излишнею сдѣлалась. Сказываютъ, будто умные люди всѣхъ излишностей стараются избѣгать. Какъ корову, буде молоко все выдоили, на бойню и отсылаютъ. Оное все такъ на свѣтѣ водится“ („Арх. с. Михайловскаго“, LXXXIII, 4, 5, 18, 19, 8, 9, 6, 10).

Въ Карлсбадѣ Орловы были предметомъ всевозможныхъ чествований со стороны «Общества стрѣлковъ» и горожанъ. Въ честь ихъ устраивались факельныя шествія, сжигались фейерверки. Послѣ приѣма депутаціи горожанъ, гр. Орловъ писалъ: «Да какъ лопнули вдругъ, я удивился, выпустили изъ себя столько учтивости и похвалъ, будто четверть гороху на барабанъ высыпали. Ахъ-ма, бѣда, куда мнѣ! Говоруновъ, ни говорушевъ со мной не было, кто бъ могъ за меня отвѣтить; къ счастью моему Дубовой близко стоялъ; видя меня въ такомъ недоумѣніи, спрашиваетъ, не прикажу ли я ихъ потчевать» ¹⁾. Въ другомъ письмѣ гр. Орловъ не безъ живости описываетъ свой день въ Карлсбадѣ: «А докторъ увѣряетъ, чтобы мы несомнительную помощь на Бога и на воды имѣли, и здоровье мое, конечно, поправится... Читатъ много запрещаютъ, а поощряютъ бить баклуши, ходить, прыгать и веселиться... Въ 5 вставемъ, накинувъ епанчи бѣжимъ къ водамъ, попиваемъ, а какъ отопьемъ убираемся до дому, а какъ воды дѣйствовать перестанутъ, позавтракаемъ супу или шеколаду... потомъ прогуливаемся, потомъ въ 12 ч. сядемъ обѣдать, а какъ жаръ пройдетъ, поѣдемъ прогуливаться, а тамъ придемъ, поужинаемъ въ 8 ч., съ часъ посидимъ, играемъ въ шахматы, въ карты загадываемъ, воланъ изъ угла въ уголь мечутъ, а потомъ всѣ на сонъ грядущій и рады до постели докарабкаться... Пишешь, что не ужинаешь, а мы три раза ѣдимъ; видно, твоя доля нами съѣдается» ²⁾. Въ 1798 г. посѣтилъ Орлова адмиралъ А. С. Шишковъ. 29 Іюня, въ Карлсбадѣ, гр. Орловъ устроилъ трехдневный праздникъ по случаю дня тезоименитства Павла I, съ пушечной пальбой, иллюминаціей, пѣніемъ стиховъ предъ бюстомъ Государя, баломъ и ужиномъ. Шишковъ сдѣлалъ «подробное доношеніе» о праздникѣ, «съ приложеніемъ пѣтыхъ стиховъ», и послѣдствіемъ этого было слѣдующее письмо Императора: «Узнавъ о празднествѣ, сдѣланномъ вами по случаю прошедшаго дня моихъ именинъ, и судя изъ онаго, что вы хотѣли дать мнѣ лично знать о вашей ко мнѣ преданности, я изъявляю вамъ мою благодарность, яко о дѣлѣ персонально до меня относящемся».

Весной 1801 года получено было извѣстіе о смерти Павла I. Орловъ немедленно выѣхалъ въ Россію. По этому поводу онъ писалъ Воронцову въ Лондонъ: «Расположился было я ѣхать въ Карлсбадъ, но на

¹⁾ „Арх. с. Михайловскаго“, 13, 14, 15, 16.—„A Töplitz j'ai vu le comte Alexis Orlof, sa fille, m-r de Tchesmensky et sa femme, qui est charmante, c'est une Polonoise, une dame de Moscou m-me Bachmetieff, la bonne amie du comte, à ce que l'on prétend; elle a dû être jolie, mais elle a terriblement l'air Moscovite“ (Зап. Дявовой, въ Собственной Его Величества бібліотекѣ).

²⁾ „Арх. с. Михайловскаго“, 14—16.

сихъ дняхъ получилъ отъ всемилостивѣйшаго нашего Императора свое-
ручное письмо, въ которомъ благоугодно было показать свое соизволе-
ніе и желаніе видѣть меня въ Петербургѣ, чего для тороплюсь упасть
къ стопамъ его и препоручить духъ и тѣло мое. У меня жъ большой
камень съ сердца свалился: за дочь мою я всегда опасался, чтобы по-
койный Государь не приказалъ ее выдать противу желанія ея, а теперь
опой снѣдающей меня мысли совершенно освобожденъ. Да и вся Россія
стала спокойнѣе дышать. Удивительное дѣло, какъ себя до такой сте-
пени довести, что и здѣшніе жители отъменно оному случаю рады»¹⁾.

Съ этого времени Орловъ уже безвыѣздно поселился въ Москвѣ.
Здѣсь, послѣ многихъ лѣтъ разлуки и вражды встрѣтился онъ съ кн.
Е. Р. Дашковой, которой самъ пожелалъ представить свою «любимую
дочь и слышать о ней миѣніе княгини». «Такъ много утекло времени,
графъ», сказала княгиня при первомъ свиданіи, «мірѣ, въ которомъ
мы жили, такъ перемѣнился, что настоящая наша встрѣча походить
скорѣе на свиданіе на страшномъ судѣ, и этотъ кроткій ангелъ (при
чемъ она поцѣловала Орлову), соединяющій насъ въ эту минуту, до-
полняетъ нашу мечту». Виѣшность графа Орлова поразила Англичанку
миссъ Вильмотъ: по ней пробѣжала дрожь, когда она подала графу руку
для поцѣлуя и сама должна была коснуться губами его лба²⁾.

Въ Сентябрѣ 1801 г. Орловъ участвовалъ въ торжествахъ корона-
ціи Александра I³⁾. Не смотря на то, что года давали себя чувство-
вать, и Орловъ самъ сознавалъ, что онъ дряхлѣетъ⁴⁾, ему еще разъ
пришлось выступить на поприще общественнаго служенія. Въ 1806 г. онъ
былъ избранъ и утвержденъ въ званіи командующаго милиціей V-й обла-
сти, въ значительной степени сформированной на средства графа и его
дочери. Хотя этой милиціи, по случаю Тильзитскаго мира, не приш-
лось принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, но практичность Орлова
при организаціи ополченія отразилась на хозяйственной сторонѣ этого
дѣла. 26 Февраля 1807 года императоръ Александръ I писалъ въ рескрип-
тѣ: «Извѣстясь съ особымъ удовольствіемъ о пожертвованіи, которое
дочь ваша, гр. Анна Алексѣевна, сдѣлала доставленіемъ въ V-ю область
милиціи значущаго количества оружія, не могу я никому другому луч-

¹⁾ „Арх. Бн. Воронцова“, XXVII, 30 и 31.

²⁾ Зап. Дашковой, изд. 1819 г., 400—401.

³⁾ „Арх. с. Михайловскаго“, LXXXIII. LXXXVII, 221.

⁴⁾ „Лѣнь же меня одолеваетъ“, пишетъ А. Г. Орловъ въ 1805 году, „а усталъ отъ
баней и бѣгу; я не могу похвалиться здоровьемъ, да уже и лѣта такіа. Во весь празд-
никъ вызвалъ только одинъ разъ подъ Дѣвичье въ каретѣ“ („Арх. с. Михайлов-
скаго“, CVI, CXVI).

ше, какъ вамъ, поручить изъяснить ей мою признательность», а 26 Октября Орловъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владимира 1 степени.

Благодаря своему богатству, Азіатской роскоши, къ которой Орловъ питалъ слабость, а главное благодаря своимъ чисто-Русскимъ народнымъ вкусамъ, онъ сталъ въ первопрестольной самымъ популярнымъ человѣкомъ. Графъ Орловъ дѣлалъ много добра, старался быть доступнымъ, оказывалъ покровительство людямъ, къ нему обращавшимся. Праздники и балы Орлова посѣщались всею дворянской Москвою, на его обѣды незваные собирались такъ же, какъ и званые. Простой народъ стремился подъ Донской, къ «Нескучному», чтобы полюбоваться на рысаковъ графа, на его скачки и бѣга, или посмотреть на кулачные и пѣтушійные бои, которые онъ устраивалъ для народа. Въ свою очередь, и графъ не пропускалъ ни одного народнаго гулянья, появлялся «подъ Дѣвичьимъ» и «подъ Новинскимъ», а 1 Мая на гуляньѣ въ Сокольникахъ ¹⁾. Это гулянье было бы не въ гулянье для Москвичей, если бы на немъ не появился азіатски-пышный поѣздъ графа. «Вдругъ толпа зашевелилась», пишетъ Жихаревъ, «пронесся радостный крикъ: «Ѣдетъ, Ѣдетъ!» Впереди на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ «Свирѣпомъ» ѣхалъ самъ гр. Орловъ въ парадномъ мундирѣ, обвѣшанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоценными каменьями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ, ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали А. А. Чесменскій и множество другихъ особъ; за ними слѣдовали берейторы и конюхи графа, не менѣе 40 человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ, потянулись графскіе экипажи, запряжки цугомъ и четверкою одномастныхъ лошадей», и т. п.²⁾ «Заѣзжали», пишетъ тотъ же современникъ, «на бѣгъ гр. А. Г. Орлова. Герой Чесменскій въ бархатной малиновой шубѣ самъ нѣсколько разъ принимался ѣздить на любимыхъ рысакахъ, «Любезномъ» и «Каткѣ». Въ манежѣ его Нескучнаго дома постоянно устраивались карусели, и гр. Анна Алексѣевна, со своими знакомыми дамами и дѣвицами, участво-

1)

„Я подъ качелями гуляю,
Въ шинки пить меду завъзаю,
Или, какъ-то наскучить мнѣ,
По склонности моей къ премѣнѣ,
Имѣи шапку на бекренѣ,
Лечу на рѣзвѣомъ скакунѣ“.

(Державинъ, I, 127).

2) Зап. Жихарева, 45 и 46.

вала въ нихъ. Наѣздицы, среди которыхъ графиня Орлова была первою, изумляли зрителей своей ловкостью и силой... При манежѣ были у графа берейторы Англичане и Нѣмцы и Русскіе наѣздики, выученные имъ самимъ. Чтобы возбудить интересъ къ скачкамъ и бѣгамъ, гр. Орловъ назначалъ призы и держалъ пари съ Мосоловыми, бывшимъ Крымскимъ ханомъ Шагинъ - Гиреемъ, Полторацкимъ и др. «Послѣ скачки», рассказываетъ Жихаревъ, «передъ бесѣдкой гр. Орлова пѣли и плясали Цыгане, которыхъ онъ первый выписалъ изъ Молдавіи. Послѣ завязался кулачный бой. По окончаніи всѣхъ этихъ продѣлокъ, графъ сѣлъ съ дочерью въ одноколку, запряженную четырьмя гнѣдыми скакунами въ рядъ, ловко подобралъ возжи и, гикнувъ на лошадей, пустился во весь опоръ по скаковому кругу, обскакавъ его два раза, круто повернулъ на дорогу къ дому и исчезъ»¹⁾).

А. Г. Орловъ, какъ и его братья Григорій и Владимиръ, былъ гуманнымъ и заботливымъ помѣщикомъ; его любили крестьяне и особенно дворовые. Въ с. Хрѣновомъ имъ устроена была школа для мальчиковъ, занятіями въ которой графъ живо интересовался. Особенно тепло, совсѣмъ по родственному, относился гр. Орловъ къ своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, безгранично за то ему преданнымъ. «Кабанову добраго здравія желаю», писалъ Орловъ своему управителю въ Хрѣновомъ, «съ потрохомъ и со всѣми ему подчиненными! Твой «Любимецъ» такъ учтиво былъ пріѣзженъ, что «Амазонкѣ» заплатилъ 3 калачика, которые Сеня Битюцкій и поднесъ Сенькѣ Дрезденскому, въ которомъ числѣ и я получалъ одинъ калачикъ... Спасибо, что хорошо ѣзжаны лошади, хотя и есть маленькій недостаточекъ въ ѣздѣ, головы низко гнуть и сильно везутьъ... «Кабанову Терентичу добраго здоровья», пишетъ графъ другой разъ, «Фарфороваго» я продалъ хорошо; что ты похваливаешь молодыхъ въ упряжкѣ, не вели ихъ заторапливать въ ѣздѣ... Одинъ «Холстомѣръ» не совсѣмъ еще исправился, нерѣдко при-талкиваетъ»²⁾... Англичанинъ Коксъ, которому гр. Орловъ показывалъ въ с. Островѣ свой заводъ, говорить: «Большая часть лошадей паслась на равнинѣ; среди нихъ было немало весьма красивыхъ жеребцовъ; болѣе 60 кобылъ, при чемъ у большинства были жеребята. Эти лошади

¹⁾ Въ Нескучномъ въ Москвѣ, разъ въ недѣлю собиралось къ графу А. Г. Орлову многочисленное общество. Пѣли, плясали, но въ одиннадцать часовъ трубилъ рогъ, графъ подымался съ своего мѣста и произносилъ: hegau (т. е. вонъ), и разѣздъ начинался. Объ этомъ рассказываетъ А. Г. Хомутова въ Запискахъ своихъ. Когда Записки эти появились въ „Русскомъ Архивѣ“, иные читатели усумнились въ справедливости разсказа; но покойная Софья Юрьевна Самарина говорила намъ, что она съ матерью своею бывала на этихъ вечерахъ и что никто не обижался за этотъ выкрикъ. П. Б.

²⁾ Р. Арх., 1877, I, 507 и 508.

приведены изъ отдаленнѣйшихъ частей свѣта, а именно изъ Аравіи, Турціи, Татаріи, Персіи и изъ Англии. Арабскихъ онъ пріобрѣлъ во время своей экспедиціи въ Архипелагъ. Изъ нихъ цѣнились особенно 4 лошади настоящей Кохинкинской породы, столь цѣнной даже въ Аравіи и столь рѣдко встрѣчающейся внѣ своего отечества». Позднѣе, въ 90-хъ годахъ, Орловъ неоднократно покупалъ скаковыхъ лошадей въ Англии чрезъ своего пріятеля Итальянца, кавалера Дика, и при содѣйствіи гр. С. Р. Воронцова ¹⁾).

Но заслуга гр. Орлова - Чесменскаго не въ томъ, что онъ былъ охотникомъ и любителемъ лошадей (такіе есть всегда и вездѣ), а въ томъ, что онъ создалъ типъ Русской рысистой и верховой лошади, не говоря о томъ, что Русское коннозаводство обязано ему улучшеніемъ всей массы лошадей въ Россіи ²⁾. «Признавая идеальнаго Арабскаго коня самостоятельнымъ и совершеннымъ первообразомъ лошади, гр. А. Г. желалъ, не утрачивая его красоты, благородства, силы и энергіи, приспособить его къ потребностямъ Европейской жизни, увеличить объемъ его корпуса, усилить мускулатуру и, наконецъ, одѣть его нѣжные, изящные члены болѣе твердой броней плотныхъ наружныхъ формъ, противъ суровости сѣвернаго климата» ³⁾. Типъ рысистой лошади выработался изъ разумнаго сочетанія Арабской крови (серебристо-бѣлая «Сметанка», выведенная изъ Аравіи, въ 1775 г.) съ Датской, Голландской, Фрисландской и Англійской породами. «Созданные гр. Орловымъ рысаки стали походить на изящнаго Арабскаго коня, на котораго смотрятъ въ увеличительное стекло. Составивъ такимъ образомъ наружныя формы, соотвѣтствовавшія потребностямъ Европейской жизни для возки экипажей, Орловъ зналъ, что формы эти надо упрочивать и развивать къ лучшему, дабы онѣ не ухудшились, и для сего ввелъ постоянное упражненіе въ рысистой вадѣ. Такъ, бѣгъ на короткія дистанціи обезпечивалъ стройность, правильность и изящество движеній, а поѣздки въ с. Островъ (за 18 верстъ) подвергали испытанію силу и устойчивость въ работѣ лошадей ⁴⁾).

Охотнику до лошадей, какимъ былъ графъ Орловъ, конечно, пріятнѣе бы было вести свой заводъ у себя подъ глазами въ с. Остро-

¹⁾ „Арх. с. Михайловскаго“, VI.

²⁾ „Арх. Воронцова“, XXVII, 13, 14, 18, 28.

³⁾ Коптевъ, „Столѣтній юбилей гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго“, М. 1875, 2 и 3; см. еще: Орловъ-Давыдовъ, II, 22; Симоновъ и Мердеръ, 97—100, 196.—„Нашъ рысакъ есть чисто-Русское произведеніе, обязанное своимъ происхожденіемъ сообразительности графа Орлова-Чесменскаго“... Тому же гр. Орлову-Чесменскому обязаны мы и образованіемъ лучшей въ Россіи породы верховыхъ лошадей, породы, названной также, по имени графа, „Орловскою“.

⁴⁾ Коптевъ, 2—5.

въ, но онъ принесъ и это удовольствіе въ жертву пользамъ создаваемой имъ лошади. Графъ Орловъ избираетъ питательныя, но отнюдь не сырыя, ковыльные степи умѣреннаго климата средней Россіи, и выращенные имъ рысаки на берегахъ Битюга соотвѣтствуютъ задуманному имъ плану *). Столь же замѣчательна была созданная имъ верховая лошадь, которую онъ сумѣлъ вывести отъ той же Арабской «Сметанки» и вмѣстѣ съ нею выведеннаго «Салтана» и др. съ искусною примѣсью Англійской крови. Графъ выработалъ типъ верховой лошади, того знаменитаго «Свирѣпаго», который не гнулъ подъ 9-пудовымъ богатыремъ - вельможей, когда онъ, залитый золотомъ и брилліантами, красовался на гуляньяхъ Москвы...

Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій умеръ въ Москвѣ 24 Декабря 1807 года, почти 73 лѣтъ. Онъ былъ погребенъ въ фамильномъ склепѣ въ селѣ Отрадѣ Подольскаго уѣзда Московской губерніи. Въ 1831 году съ высочайшаго соизволенія, прахъ его былъ перенесенъ, по желанію графини Анны Алексѣевны, въ Новгородскій Юрьевъ монастырь, а въ 1896 году, съ высочайшаго же соизволенія, «на орудійномъ лафетѣ, запряженномъ цугомъ въ шесть лошадей», стараніями графа Анатолія Владимировича Орлова-Давыдова, обратно въ родовую Отрадинскую усыпальницу.

А. Голомбѣвскій.

---

*) Самъ графъ Орловъ въ письмѣ къ Воронцову такъ объясняетъ переводъ своего завода изъ Острова въ „степную деревню“: „А что я заводъ конской кстати перевелъ въ другую деревню, оное не столько отъ моего разсудка и знанія случилось, а большею частью отъ притѣсненія. Оную деревню торговалъ у меня Турецкой крови, Французскаго воспитанія, ограбствованный покойнымъ Государемъ (т. е. графъ И. П. Кутайсовъ), но какъ я не соглашался оной продать, вслѣдствіи стали придирались“. „Архивъ Кн. Воронцова“ XXVII, 29—30.

КЪ ИСТОРИИ СТРАННОПРИИМНАГО ДОМА ГРАФА ШЕРЕМЕТЕВА.

Приказъ графа Н. П. Шереметева.

Изъ нижеслѣдующаго видно, что возникшій послѣ 1803 года Странно-приимный Домъ служилъ дальнѣйшимъ развитіемъ благотворительности, начало которой положено въ 1792 году по предварительной постройкѣ зданій у Сухаревой башни, при чемъ первоначальнымъ образцомъ служила богадѣльня въ селѣ Вешняковѣ, существовавшая еще при князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Черкасскомъ и поддержанная попеченіями матери графа Николая Петровича, графини Варвары Алексѣевны, урожденной княжны Черкасской.

С. Ш.

Домовой моей канцеляріи управителямъ.

Построенные на загородномъ дворѣ, чтѣ у Сухаревой башни, два флигеля для призрѣнія бѣдныхъ, старыхъ и немочныхъ, до нынѣ состоятъ праздно, и распоряженія объ нихъ не сдѣлано. И для того предписываю съ 6 числа будущаго Декабря начать приѣмъ вышеписаннаго состоянія людей до 50-ти человѣкъ изъ принадлежащихъ къ дому моему дворовыхъ и вотчинныхъ крестьянъ и сверхъ того нѣсколькихъ и постороннихъ изъ таковыхъ, которые точно живутъ въ бѣдности и безъ призрѣнія съ видами о ихъ состояніи, а безъ видовъ отнюдь не принимать. Желаніе мое было, чтобъ пропитаніе доставлять за общимъ столомъ; но какъ нынѣ къ тому кухни и протчихъ надобностей и для житія людямъ, которые должны для прислугъ покоевъ, нѣтъ: до тѣхъ поръ, какъ выстроены будутъ каменные, производить хлѣбную и протчую дачу и жалованье какое до нынѣ производится въ Вешняковѣ, а дрова покупать, а для присмотру за ними выбрать человѣка годнаго къ тому званію. Ноября 22 дня 1792 года. Графъ Николай Шереметевъ.

С Т О Л Ъ Т Ъ Н А З А Д Ъ .

Въ двѣ первыя войны съ Наполеономъ намъ удивительно не везло... въ стойкости нашихъ союзниковъ. Въ самомъ началѣ кампаній они такъ ослаблялись Французами, что не могли уже оказать намъ сколько-нибудь существенной помощи, и вся тяжесть походовъ ложилась исключительно на наши плечи. Въ войну 1805 года, на примѣръ, такъ сказать для открытія военныхъ дѣйствій, цѣлая армія Австрійцевъ сдается въ плѣнъ, что и привело къ Аустерлицу. Не лучше было и въ войну 1806—1807 гг., когда тоже въ самомъ началѣ Наполеонъ въ одинъ день на-голову разбилъ при Іенѣ и Ауерштегѣ двѣ Прусскія арміи. Наши войска подъ начальствомъ Беннигсена нашли Пруссію почти безоружною и чуть не всю, съ Берлиномъ и крѣпостями, завоеванною Наполеономъ. Мы остались одни противъ вдвое сильнѣйшихъ войскъ челоуѣка, въ самомъ имени котораго для Европы было тогда нѣчто устрашающее. Въ тоже время мы уже опять были заняты кровавой распріею съ нашимъ исконнымъ врагомъ Турціей и не вполне еще закончили Персидскую кампанію. Для войны на два фронта нужны были и деньги, и войска, но и того и другого было недостаточно, а имѣвшіяся въ распоряженіи государства ратныя силы были раздѣлены къ тому же огромными пространствами. Родинѣ угрожала опасность нешуточная; приходилось прибѣгнуть къ мѣрамъ исключительнымъ.

16 Ноября 1806 г. послѣдовалъ манифестъ о войнѣ съ Франціей, и уже 30 того же Ноября появился манифестъ объ образованіи земскаго войска, такъ называвшагося ополченія или милиціи, сначала въ одной группѣ губерній и, затѣмъ, по указу Правительствующему Сенату 15 Марта 1807 г., еще въ цѣломъ рядѣ губерній тогдашней Европейской Россіи. Всего шестьсотъ двѣнадцать тысячъ ратниковъ обязаны были поставить слѣдующія тридцать одна губернія: С.-Петербургская, Новгородская, Тверская, Олонецкая, Ярославская, Эстляндская, Лифляндская, Курляндская, Псковская, Витебская, Могилевская, Смоленская, Черниговская, Московская, Тульская, Калужская, Владимирская, Рязанская, Орловская, Курская, Воронежская, Слободоукраинская, Кіевская, Полтавская, Херсонская, Екатеринославская, Костромская, Вологодская, Нижегородская, Казанская и Вятская. Рядовыхъ ратниковъ ставили помѣщики изъ своихъ крѣпостныхъ, государственные крестьяне, удѣльное вѣдомство и мѣщанскія общества. Начальствующіе (пятидесятники, сотники,

тысящїе и командующїе губернскимъ ополченіемъ) избирались изъ своей среды дворянствомъ. Главнокомандующїе семи областей, заключавшихъ въ себѣ каждая по нѣсколько губерній, были облечены полною властью командующихъ арміями за предѣлами отечества и назначены правительствомъ. Земское войско, предназначенное для внутренней обороны, а отчасти долженствовавшее пополнять и убыль дѣйствующихъ армій, все было на полномъ иждивеніи земскихъ общественныхъ силъ. Ставившіе ратниковъ обязаны были обмундировать, вооружить и продовольствовать ихъ на мѣстахъ. На нужды ополченія помѣщики перечисленныхъ губерній обязаны были внести по три рубля съ каждой числившейся за ними по послѣдней ревизіи души и трехмѣсячное довольствіе на поставленныхъ ратниковъ. Граждане этихъ губерній, свободные отъ поставки рекрутъ, приглашены были къ добровольному усиленному жертвованію; къ тому же были приглашены манифестомъ 6 Декабря 1806 года и всѣ сословія остальныхъ, свободныхъ отъ ополченія, губерній.

Впервые послѣ Смутаго Времени снова всколыхнулась Русь общимъ сознаніемъ угрожавшей родинѣ опасности и снова обнаружила и способность объединиться, и готовность жертвовать. Въ этомъ направленіи, дружными усиліями земскихъ людей, при всей новизнѣ дѣла, при плохихъ путяхъ сообщенія, почти полномъ отсутствіи гласности, сдѣлано было все-таки дѣйствительно много, и только кратковременность кампаніи, продолжавшейся всего семь мѣсяцевъ, не дала развернуть всю силу самопожертвованія и преданности отечеству. За войной 1806—1807 гг. и связанными съ ней пробужденіемъ самосознанія и патріотическимъ подъемомъ навсегда осталось значеніе хотя и прекрасной, но все-таки только прелюдіи къ незабвенному двѣнадцатому году, когда по выраженію Жуковскаго,

... Явилось все величіе народа,
Спасающаго тронъ и святость алтарей,
И древній гробъ отцовъ, и колыбель дѣтей.

Отечественная война, выросшая до размѣровъ величественной народной эпопеи, навсегда умалила значеніе внутреннихъ событій войны 1806—1807 гг. Послѣднія событія къ событіямъ двѣнадцатаго года остались въ скромныхъ отношеніяхъ репетиціи къ экзаменамъ или военныхъ маневровъ къ настоящей кампаніи. Но если и такъ, все же надо признать, что репетиція велась съ похвальнымъ рвеніемъ, а маневры были большіе и блистательно выполненные.

Разница въ размѣрахъ этихъ двухъ событій отразилась, понятно, какъ на отношеніи къ нимъ современниковъ и потомковъ, такъ и на размѣрахъ литературы событій, можетъ быть только безъ сохранения надлежащихъ пропорцій. Насколько велика литература двѣнадцатаго года, уже теперь насчитывающая до трехъ тысячъ источниковъ, настолько немногочисленна литература войны 1806—1807 гг.; а между тѣмъ исторія внутреннихъ событій этой послѣдней кампаніи могла бы служить исполненнымъ живого интереса введеніемъ къ исторіи Отечественной войны. Время это любопытно: оно отмѣчается

дно обнаруженнымъ поворотомъ въ сторону отечественныхъ идеаловъ. Настроеніе разныхъ слоевъ общества, литература и театръ того времени полны подтверждающими примѣрами.

Въ настоящемъ сообщеніи я позволю себѣ остановить вниманіе читателей только на матеріальныхъ жертвахъ общества того времени, рассматривая исключительно добровольныя пожертвованія гражданъ и не касаясь тѣхъ еще болѣешихъ жертвъ, которыя они обязаны были принести при образованіи ополченія и которыя имѣютъ собственно уже значеніе временнаго спеціальнаго налога.

Матеріаломъ для сообщенія послужили подробные именные списки жертвователей, печатавшіеся въ „Московскихъ“ и „С.-Петербургскихъ“ вѣдомостяхъ 1807, 1808 и 1809 гг., по повелѣнію Государя Александра Павловича „во всенародное извѣстіе и въ память потомству“ съ изъявленіемъ высочайшаго благоволенія и благодарности отъ лица признательнаго отечества всѣмъ „усерднымъ сынамъ онаго, принесшимъ ему въ жертву часть своего достоянія на составленіе и вооруженіе земскаго войска“.

Не знаю, можетъ быть гдѣ нибудь въ центральныхъ архивахъ и сохранились подлинныя документы, относящіеся къ пожертвованіямъ того времени; что же касается мѣстныхъ архивовъ, то съ увѣренностью можно сказать, что большинство губерній этихъ документовъ не сохранило. Само собой является при этомъ вопросъ, не составляетъ ли напечатанное въ „Московскихъ“ и „С.-Петербургскихъ“ вѣдомостяхъ уже единственный, болѣе или менѣе полный источникъ касающійся этого предмета.

Между тѣмъ и этотъ источникъ страдаетъ, къ сожалѣнію, нѣкоторыми недостатками. Такъ, напримѣръ, полный списокъ пожертвованій нельзя уже составить по однимъ „Московскимъ“ или по однимъ „С.-Петербургскимъ“ вѣдомостямъ; ибо, въ экземплярахъ этихъ вѣдомостей за указанные годы имѣются дефекты (говорю объ экземплярахъ Императорской Публичной бібліотеки) и для выясненія пожертвованій по нѣкоторымъ губерніямъ надо обращаться и къ тѣмъ и другимъ вѣдомостямъ. Затѣмъ встрѣчаются опечатки въ названіяхъ губерній, показанія списковъ иногда довольно запутаны, одни и тѣже пожертвованія показаны по два и даже по три раза; а судя по даннымъ самихъ списковъ и отчасти по нѣкоторымъ стороннимъ даннымъ, надо предположить, что часть пожертвованій по какимъ-то причинамъ въ списки не попала. Въ подлежащихъ мѣстахъ мы будемъ останавливаться на этомъ подробнѣе, а теперь обратимся къ самымъ пожертвованіямъ.

Какъ видно будетъ дальше, пожертвованія по своему времени были довольно разнообразны. Жертвовали драгоценности, недвижимое имущество, оружіе, провіантъ, фуражъ, скотъ и пр. ир.; но самымъ существеннымъ и значительнымъ является, понятно, денежное пожертвованіе. Въ этомъ пожертвованіи, какъ и въ прочихъ, участвовали всѣ сословія, но большая часть

была внесена дворянствомъ и купечествомъ. Купечество вносило преимущественно обществами, въ видѣ большаго или меньшаго процента съ объявленныхъ капиталовъ, или же по подпискѣ. Это, впрочемъ, не исключало и пожертвованій отдѣльными лицами, въ данное пожертвовавшее общество входившими. Дворянство въ большинствѣ случаевъ жертвовало разрозненно отдѣльными лицами. Лица служившія, въ то время почти исключительно къ тому же дворянству принадлежавшія, помимо единовременныхъ взносовъ, не рѣдко поступались на пользу общую частью или всѣмъ получаемымъ по службѣ содержаніемъ. Тоже можно сказать и въ отношеніи лицъ, пользовавшихся государственной пенсіей. Мѣщанскія общества также какъ и купеческія не рѣдко жертвовали также объединенно, выдѣляя часто и отдѣльныхъ членовъ съ пожертвованіями самостоятельными. Крестьянское сословіе жертвовало цѣлыми обществами и отдѣльными лицами, при чемъ останавливаетъ на себѣ вниманіе почти полное отсутствіе пожертвованій со стороны крѣпостныхъ крестьянъ. Жертвователи рѣдко давали какое либо частное назначеніе своимъ взносамъ. Такихъ приписокъ къ пожертвованнымъ суммамъ, какъ „на обмундированіе ратниковъ“, или „на выдачу ратникамъ при выступленіи по два рубля, а по возвращеніи домой по одному рублю“ не наберется и десятка. Пожертвованія ниже рубля встрѣчаются сравнительно очень рѣдко, хотя жертвовало немало и бѣдноты, среди которой были и сами ратники. Пожертвованіями въ десятки, сотни и тысячи рублей пестрятъ всѣ списки. Жертвовали и десятками тысячъ, есть нѣсколько пожертвованій сотнями тысячъ и два миллионныхъ. Для поименнаго указанія крупнѣйшихъ пожертвованій я принялъ за минимумъ 5000 рубл. Сумма ниже этой, безъ особаго увеличенія интереса, могла бы только значительно расширить наше сообщеніе. Губерніи расположены по суммамъ пожертвованій въ нисходящемъ порядкѣ.

1. С.-Петербургская губернія, съ пожертвованіемъ въ 1.709.271 рубль, располагается на первомъ мѣстѣ. Эту крупную сумму надо, впрочемъ, принять съ нѣкоторыми оговорками. Дѣло въ томъ, что въ первыхъ спискахъ пожертвованія собственно города С.-Петербурга и его губерніи смѣшаны съ пожертвованіями, поступившими изъ другихъ губерній, гдѣ впоследствии они были показаны вновь и потому при разработкѣ данныхъ списковъ исключены мною впоследствии изъ суммы пожертвованной С.-Петербургской губерніей. Прослѣдить эти двойныя показанія можно было только по крупнымъ суммамъ, такъ что суммы ниже пяти тысячъ, вѣроятно, остались показанными вдвойнѣ. Впрочемъ, такихъ немного; къ общему самое большое на десять тысячъ рублей. Затѣмъ, пожертвованія оберъ-камергера Нарышкина, графа Остенъ-Сакена, а можетъ быть и другія относятся къ разнымъ, но непоименованнымъ губерніямъ и остаются въ общей суммѣ пожертвованій столичной губерніи только какъ мѣстѣ жительства или временнаго пребыванія жертвователей. Пожертвованіе Новгородскаго архіерейскаго дома можно отнести и къ Новгородской губерніи, а не оставлять въ С.-Петербургской, по жительству жертвователя. Все это, уменьшая на нѣсколько десятковъ тысячъ

С.-Петербургское пожертвованіе, могло бы увеличить на ту же сумму пожертвованія другихъ мѣстъ.

Крупнѣйшія пожертвованія по С.-Петербургской губерніи сдѣлали: ротмистръ Володимировъ *), внесшій 105.000 руб. Это пожертвованіе является и самымъ крупнымъ, изъ числа пожертвованныхъ отдѣльными лицами во всей Россіи. Затѣмъ слѣдуетъ оберъ-камергеръ Нарышкинъ съ суммою въ 42.000 руб., изъ которыхъ 32.000 рублей внесены имъ за 16.000 душъ своихъ крестьянъ тѣхъ губерній, которыя освобождены были отъ образованія земскаго войска. С.-Петербургскій губернскій предводитель дворянства графъ Строгановъ внесъ 40.000 рублей, Павелъ Григорьевичъ Демидовъ 25.000 руб., графъ Сиверсъ 11.000 руб., графъ Безбородко 10.000 руб., подполковникъ Сергѣй Яковлевъ 10.000 руб., оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ 10.000 руб., купецъ Иванъ Пасковъ меньшей 10.000 руб., придворный ювелиръ Дюваль 10.000 руб., Фридрихъ Амбургеръ 8.000 руб., графъ Остенъ-Сакенъ, „въ разныхъ губерніяхъ“ 7.500 руб., графъ Бобринскій 6.000 руб., д. с. с. Калнинъ 6.000 руб., тайный совѣтникъ Демидовъ 6000 руб.; гофмейстеръ Демидовъ 5.000 руб., Гавриила Москвинъ 5.000 руб., именитые граждане Андрей и Петръ Севрины 5.000 руб., и отъ неизвѣстнаго 5.000 руб., С.-Петербургское купечество пожертвовало одинъ миллионъ, Англійское купечество въ С.-Петербургѣ 135.000 руб., Нѣмецкіе мастеровые С.-Петербурга, въ числѣ 1243 человекъ, пожертвовали 31.062 руб., Невская лавра 25.000 руб., Новгородскій архіерейскій домъ 20.000 р. (оба послѣднія пожертвованія чрезъ митрополита Новгородскаго и Петербургскаго Амвросія), Новоладожское городское общество 10.000 руб., таковое же Кронштадтское 8.000 руб. и наконецъ Русскіе мастеровые города С.-Петербурга, въ числѣ 251 человекъ, пожертвовали 5.035 р. Не только тогда, но даже и значительно позже всѣ ремесла въ С.-Петербургѣ были въ рукахъ иностранцевъ, преимущественно Нѣмцевъ, Русскихъ было мало, и они были побѣдѣе.

2. Первошрестольная столица съ своей губерніей стоитъ на второмъ мѣстѣ, пожертвовавъ 1.226.742 рубля. Среди крупныхъ жертвователей находимъ: Московскаго митрополита Платона съ 20.000 руб., именитаго гражданина Суровщикова 10.000 руб. и купца Соколова 10.000 руб. Затѣмъ купечество города Москвы принесло одинъ миллионъ пять тысячъ руб., купечество города Коломны 42.240 руб., Волоколамское дворянство 20.960 руб., Верейское купечество 19.260 руб., Дмитровское купечество 17.000 руб., Коломенское дворянство „сверхъ прежде пожертвованныхъ“, 14.960 руб., Серпуховское купечество 14.908 руб., Можайское 5.320 руб., Клинское 5.285 руб. и купечество Сергіевскаго посада 5.027 рублей.

Въ отношеніи пожертвованій Московской губерніи списки грѣшатъ замѣтной неполнотою. Очевидно, пропущена часть того „знатнаго“ пожертво-

*) Вѣроятно, Иванъ, вообще извѣстный въ свое время, какъ крупный жертвователь; такъ имъ между прочимъ, спустя нѣсколько лѣтъ, пожертвовано болѣе сорока-двухъ тысячъ руб. въ пользу церкви Петра Митрополита, что на Улянкѣ въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ.

ванія Московскаго дворянства, о которомъ глухо свидѣтельствуютъ и современныя и позднѣйшія извѣстія. Помѣщенная выше въ ковычкахъ приписка къ пожертвованію Коломенскаго дворянства также удостовѣряетъ, что не все изъ пожертвованнаго Московскимъ дворянствомъ попало въ списки. Впрочемъ, это пожертвованіе, вѣроятно, легко можетъ быть восстановлено по той особой части родословной книги Московскаго дворянства, которая была заведена согласно высочайшей грамотѣ отъ 1 Января 1804 года съ изъясненіемъ тому дворянству Монаршаго благоволенія за пожертвованія и въ которую должны были быть внесены имена всѣхъ жертвователей и пожертвованныя ими суммы.

3. Смоленская губернія, съ подверженной большому сомнѣнію суммой въ 462.563 рубля, врядъ-ли занимаетъ по праву это третье мѣсто. Первый списокъ жертвователей Смольянъ, съ суммой всего въ 149.543 рубл., былъ напечатанъ на 1617 и послѣдующихъ страницахъ Московскихъ Вѣдомостей за 1808 годъ, гдѣ крупными жертвователями показаны титулярный совѣтникъ Василій Аникеевъ, капитанъ Иванъ Аникеевъ и актуариусъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Павелъ Аникеевъ, каждый изъ которыхъ внесъ по 40.000 р.; затѣмъ майоръ Иванъ Барышниковъ внесъ 5.000 руб. и полковникъ Богданъ Краевскій 5.000 рубл. Второй списокъ Смоленскихъ жертвователей, съ суммой уже въ 313.015 рубл., напечатанъ на 2030 и послѣдующихъ страницахъ того же года, при чемъ, кромѣ новыхъ жертвователей, тамъ помѣщены отчасти и показанные въ первомъ списокѣ, между прочимъ всѣ трое Аникеевы, Барышниковъ и Краевскій съ тѣми же самыми суммами. Возможно, что пожертвованія этими лицами дѣйствительно удвоены, а можетъ быть и такъ, что указанные жертвователи, при составленіи второго списка, показаны еще разъ и среди новыхъ жертвователей; въ послѣднемъ случаѣ для Смоленской губерніи дѣйствительнѣе будетъ сумма второго списка, т. е. 313.015 рублей. О крупномъ пожертвованіи Аникеевыхъ кстати надо упомянуть, что всего оно было показано даже три раза. Первый разъ это пожертвованіе упомянуто въ тѣхъ начальныхъ спискахъ, гдѣ пожертвованія по С.-Петербургской губерніи смѣшаны съ пожертвованіями изъ другихъ мѣстъ и откуда оно мною впослѣдствіи было исключено. Далѣе слѣдуютъ нѣсколько уже несомнительныхъ слѣдующія крупныя пожертвованія: поручикъ Щепочкинъ внесъ 20.000 рублей, Вяземское общество (не указано какое) 40.000 руб., Гжатское купеческое общество 28.000 руб., Смоленское купечество и мѣщанство 8.605 руб., Рославское купечество 7.590 руб., дворянство Смоленскаго уѣзда 6.545 руб., дворянство Порѣчскаго уѣзда 6.005 руб., Дорогобужское купечество 5.925 руб. и Бѣльское купечество 5.067 руб. Кромѣ того, вѣроятно, болѣе пяти тысячъ пожертвовало дворянство Рославскаго уѣзда, внося кромѣ 3.835 руб. еще по два рубля съ каждаго ратника уѣзда на содержаніе недостаточныхъ чиновниковъ ополченія.

4. Нижегородская губернія показала свои пожертвованія по тремъ въ разное время печатавшимся спискамъ. По первому на 259.248 руб., второму

84.103 руб. и третьему 110.732 руб., а всего на 454.103 руб. Судя по нѣкоторымъ даннымъ и здѣсь можно допустить двойное и даже тройное показаніе нѣкоторыхъ однихъ и тѣхъ же пожертвованій; но утверждать это, по даннымъ собственно спискамъ, съ полной увѣренностью нельзя. Крупныя пожертвованія по этой губерніи сдѣлали: купецъ Алексѣй Ивановичъ Костроминъ—15.000 руб. (показанъ три раза съ пятью тысячами рублями каждый разъ), купецъ Яковъ Андреевичъ Стешовъ 9.000 руб. (три раза по три тысячи рублей), Нижегородское дворянство одновременно пожертвовало 151.184 рубля, купечество города Арзамаса 44.919 руб. (равными частями три раза), Нижегородское городское общество 40.000 рубл. (два раза по двадцати тысячъ руб.), Нижегородское купечество 20.000 руб., Балахнинское городское общество—18.135 руб. (три раза равными частями), Горбатовское городское общество—5.299 руб. и Горбатовское купечество—ту же сумму, Макарьевское городское общество 5.104 руб. и ту же сумму Макарьевское купечество. Среди жертвователей нѣсколько разъ встрѣчается историческая фамилія Мининыхъ, довольно духовенства и нѣсколько женскихъ свитовъ.

5. Тульская губернія, не вызывая никакихъ сомнѣній, пожертвовала 439.689 рублей. Изъ нихъ бригадиръ графъ Толстой (возможно, что если не отецъ, то кто либо изъ родственниковъ Льва Николаевича) принесъ треть своего дохода въ суммѣ 5000 рубл. Затѣмъ, Тульское купечество пожертвовало 194.400 рубл., Бѣлевское городское общество 99.977 рубл., Одоевское городское общество 16.400 рубл., Богородское городское общество 12.500 рубл., Ефремовское городское общество 10.915 рубл., Алексинское купечество 9.495 р., Епифанское городское общество 9.250 рубл., Крапивенское купечество 7.550 р., Каширское городское общество 5.800 рубл. и Веневское городское общество 5.290 рублей. Въ числѣ жертвователей значатся мастера Тульскаго оружейнаго завода и есть немного крестьянъ и однодворцевъ.

6. Саратовская по двумъ спискамъ, напечатаннымъ въ 1807 и въ 1809 гг., показала 371.314 рубл., при чемъ въ отношеніи больше 12.000 тоже остается неизвѣстнымъ, явились ли онѣ вслѣдствіе дѣйствительнаго удвоенія пожертвованій или только показаны два раза. Крупнѣйшими жертвователями являются: именитый гражданинъ Злобинъ 20.000 руб. (показанъ два раза, съ 10.000 рубл. каждый), именитый гражданинъ Расторгуевъ 10.000 рубл. (дважды по пяти тысячъ), первой гильдіи купецъ Крюковъ 10.000 рубл. (тоже), коллежскій совѣтникъ Злобинъ 10.000 рубл. (тоже), оберъ-камергеръ Нарышкинъ 6962 рубл.*), Саратовское купечество 51.800 рубл. (дважды равными суммами), Вольское купечество и мѣщанство 51.312 рубл. (тоже). Затѣмъ слѣдуютъ жертвователи колонисты слѣдующихъ округовъ: Тарлыцкаго съ 10.225 рубл., Еватеринштатскаго 8413 рубл., Папинскаго 7980 рубл., Красноярскаго 7144 рубл., Сосновскаго 6242 рубл. и Тонкошуровскаго 5435 рубл. Въ числѣ жертвователей есть нѣсколько старообрядческихъ монастырей.

*) Это, вѣроятно, изъ тѣхъ сорока двухъ тысячъ рублей, которые уже показаны по С.-Петербургской губерніи.

7. Волынская губернія пожертвовала 299.212 рублей, изъ которыхъ большая часть внесена дворянствомъ слѣдующихъ ея уѣздовъ: Владимирскаго 50.990 рубл., Дубенскаго 40.406 рубл., Новоградволынского 25.000 рубл., Кременецкаго 20.500 рубл., Ровенскаго и Луцкаго по 20.000 рублей каждый, Острогскаго 18.427 рубл., Заславскаго 18.000 рубл., Староконстантиновскаго 15.000 рубл. и по 10.000 рубл. внесло дворянство уѣздовъ Житомирскаго, Овручскаго и Ковельскаго. Въ числѣ жертвователей имѣется до десятка Еврейскихъ кагаловъ съ небольшими суммами.

8. Орловская губернія 290.035 рубл., изъ нихъ Елецкій купецъ Желудковъ пожертвовалъ 5.000 рубл. и купечество и мѣщанство городовъ: Ельца 72.000 рубл., Орла 65.714 рубл., Болхова 32.000 рубл., Карачева 19.000 рубл., Мценска 16.720 рубл., Сѣвска 9.572 рубл. и Брянска 8.600 рублей.

9. Подольская губернія 273.477 рубл., изъ нихъ графъ Морковъ 6.000 рубл., дворянство всей губерніи 200.000 рубл., Еврейское купечество и мѣщанство 33.114 рублей. Среди жертвователей есть тринадцать селеній съ небольшими суммами.

10. Лиоляндская губернія 267.551 рубль, 1848 талеровъ, 331 марку и 18 червонцевъ. По пяти тысячъ пожертвовали: 1) Генрихъ Шнобель, 2) Алексѣй Грачевъ, 3) Куммингъ Фенизонъ и К^о, 4) Джонъ Митгель, 5) Джонъ Морисонъ, 6) Иванъ Хлѣбниковъ, 7) Б. И. Цукербекеръ и Клейнъ, 8) Георгъ В. Шредеръ и К^о, 9) Теодоръ Г. Шредеръ, 10) Іоахимъ Эбель, Шмидтъ и К^о и 11) Іоганъ Абрагамъ Якобъ. Въ спискахъ между прочимъ находимъ до шестидесяти разныхъ ремесленныхъ, художественныхъ, торговыхъ и рабочихъ союзовъ, Рижскую синюю мѣщанскую гвардію, Лютеранское духовенство и нѣкоего „стихотворца“ Гельбига. Среди мѣстныхъ и иностранныхъ фамилій встрѣчается много чисто Русскихъ прозвищъ.

11. Ярославская губернія 224.309 рубл., изъ которыхъ внесено купцами: Ярославскимъ, Кузнецовымъ 5.000 рубл., Углицкимъ, Ивановъ Серебренниковымъ 5.000 рубл., Мологскимъ городскимъ головою, именитымъ гражданиномъ Казанинымъ 5.000 рубл. и городскими обществами: Ярославля 51.642 рубл., Ростова 51.295 рубл., Рыбинска 24.752 рубл., Углича 18.145 рубл. и Данилова 9.300 рубл., дворянство Ярославской губерніи „сверхъ прежде пожертвованныхъ“ *) 9.000 рубл., городскія общества: Романова 8.550 рубл., Пошехонья 6.475 рубл., и заштатныхъ городовъ: Борисоглѣбска 5.795 рубл. и Петровска 5.320 рублей. Есть немного крестьянъ.

12. Таврическая губернія съ землею Черноморскихъ казаковъ 212.449 рубл., изъ которыхъ 10.000 рублей внесло Бахчисарайское городское общество и 7.536 рубл. Бахчисарайскіе купцы. Среди жертвователей немало разнаго войскаго начальства Черноморскихъ казаковъ и до шестидесяти казачьихъ

---

*) Эти „прежде пожертвованныя“ по спискамъ нигдѣ не значатся и, можетъ быть, здѣсь идетъ рѣчь о дворянскихъ пожертвованіяхъ отдѣльными лицами.

курений. Встрѣчаются также духоборы, Татары, Греки, Армяне, Каранмы и Евреи. По Таврической губернии много наблюдается жертвователей крестьянъ, главнымъ образомъ казенныхъ, а отчасти и помѣщичьихъ. Всего насчитывается до семидесяти селеній въ общемъ съ довольно крупной суммой. Тридцать восемь Нагайскихъ ауловъ пожертвовали тоже довольно много.

13. Тверская губернія 202.555 рубл., изъ нихъ гвардіи прапорщикъ Мельсиль пожертвовалъ 5000 рубл., купечество города Твери 34.060 рубл., общества городовъ: Ржева 28.000 рубл., Торжка 25.000 рубл., Кашинское купечество 21.365 рубл., Вышневолодское городское общество 20.600 рубл. и Калязинское купечество 13.800 рублей.

14. Астраханская губернія 200.881 рубль, изъ которыхъ коллежскій ассесоръ Федоровъ внесъ 25.300 рубл., Армянинъ Николай Агабабовъ 10.000 рубл., Астраханское купечество 25.000 рубл., Астраханское мѣщанство 25.000 рубл. и Черноярское купечество 9218 рубл. Не мало крестьянъ, Армянъ и Татаръ съ болѣе или менѣе крупными суммами. Встрѣчаются казаки.

15. Пермская губернія 191.904 рубль, изъ нихъ генераль-лейтенанта княгиня Шаховская внесла 10.000 рубл.*), купцы города Екатеринбургa 29.730 рубл., Шадринскіе волостные крестьяне 22.453 рубл., Ирбитскіе купцы, мѣшане и государственные крестьяне 17.253 руб., Кунгурскіе экономическіе крестьяне 16.702 рубл., Екатеринбургскіе мѣшане 15.000 рубл., Государственные крестьяне Осиповскаго уѣзда 12.073 рубл., Чердынскіе волостные крестьяне 8790 рубл., крестьяне: Златоустовской волости 7600 рубл., Богородской волости 6200 рубл., Оханскіе волостные крестьяне 5776 рубл. и крестьяне Сукеунской волости 5000 рублей.

16. Курская губернія 186.936 рубл., изъ которыхъ пожертвовано купечествомъ городовъ: Курска 60.000 рубл., Бѣлгорода съ Хотмыжскомъ 16.816 рубл., Обояни 16.047 рубл., Рыльска 10.600 рубл., Старога Оскола 10.000 рубл. и Фатежа 5520 рублей. Среди жертвователей довольно много крестьянъ, главнымъ образомъ, казенныхъ селеній, а также однодворцевъ—всего до двадцати волостей и до ста двадцати сель, деревень и слободъ. Много жертвователей изъ духовенства.

17. Кіевская губернія 176.899 рубл. и 47 червонцевъ, изъ которыхъ графъ Ксаверій Петровичъ Браницкій „сверхъ общаго положенія дворянства“ пожертвовалъ 50.000 рубл.; графы Владимиръ, Ярославъ и Станиславъ Потоцкіе 42.000 рубл.; Кіевскій митрополитъ съ братіей Печерской лавры 10.000 рубл. и графъ Самойловъ 5000 рубл.; Кіевское купеческое общество жерт-

---

*) Это, вѣроятно, тоже самое десяти тысячное пожертвованіе, которое показано также въ первыхъ смѣшанныхъ спискахъ, изъ которыхъ оно мною потому исключено. Въ обоихъ случаяхъ при суммахъ показано еще одно и тоже, пожертвованное княгиней въ большемъ количествѣ оружіе, только равнше княгиня помѣщена безъ чина и названа Варварою Александровною.

вовало 15.000 рубл. „въ число прежде назначенныхъ“ (?). Встрѣчается чиншевая шляхта, крестьяне, преимущественно казенные, а отчасти экономическіе и помѣщичьи, между прочимъ того же графа Браницкаго. Кромѣ того имѣется съ небольшими суммами до двадцати Еврейскихъ кагаловъ.

18. Казанская губернія 173280 рубл., изъ нихъ Казанское купечество пожертвовало 75.000 рубл. и Чебоксарское купечество 14.297 рубл. Среди жертвователей встрѣчаются Татары.

19. Тобольская губернія 166.143 рубл., изъ нихъ купечество и мѣщанство города Тары пожертвовали 11903 рубл.; чиновники, граждане и разночинцы города Тобольска 8771 рубл. Встрѣчаются разные инородцы: Татары, Бухарцы, Остяки. Немало также ямщиковъ, но особенно много крестьянъ, часто съ болѣе или менѣе крупными суммами. Тобольская волость, Ишимскаго уѣзда, напримѣръ, внесла только одними деньгами 4126 рубл. Крестьянамъ принадлежитъ приблизительно двѣ трети всего пожертвованія по губерніи.

20. Черниговская губернія 165.611 рубл. и 54 червонца. Крупными жертвователями являются: тайный совѣтникъ Судьенковъ, внесшій 6000 рубл., графъ Завадовскій 5000 руб.; генераль-маіоръ Михайла Гудовичъ 5000 рубл., генераль Андрей Гудовичъ 5000 рубл. и Нѣжинское Греческое общество 45000 рубл. Часто встрѣчаются разныя цѣховыя управы, казачьи общества и селенія.

21. Оренбургская губернія 142.818 рубл. Крупныя пожертвованія сдѣлали: полковница Бекетова, внесшая 35.000 рубл., коллежская ассесорша Пашкова 8556 рубл. и бригадиръ Дурасовъ 8000 рубл. Нерѣдко встрѣчаются инородческія прозвища, иногда съ сотенными пожертвованіями. Встрѣтились даже дѣтиски, пожертвовавшія подъ именемъ „общества малолѣтокъ“ 25 рубл. 75 коп.

22. Костромская губернія 139.668 рубл., изъ которыхъ пожертвовали: именитый гражданинъ Углечаниновъ 6000 рубл., именитый гражданинъ Стригалевъ 5000 рубл., купецъ Алексѣй Дурьгинъ съ братьями и племянниками 5000 рубл., Костромское второй и третьей гильдіи купечество 12.615 рубл. и обыватели города Галича 10.000 рубл.

23. Тамбовская губернія 130.995 рубл., изъ нихъ генераль отъ инфантеріи Архаровъ 10.000 рубл. *), надворный совѣтникъ Плотовъ 5000 рубл., купецъ Семенъ Канпинъ 5000 рубл. и Емотомскіе граждане 6140 рубл. Встрѣчаются однодворцы и крестьяне разныхъ слободъ и деревень.

24. Минская губернія 130.767 рубл., изъ которыхъ князь Доминикъ Радзивиль пожертвовалъ 10.000 рубл., тайный совѣтникъ Неплюевъ 5705 рубл.,

---

*) Тоже пожертвованіе Архарова съ присорокупленіемъ имени Николая, напечатано въ первоначальныхъ смѣшанныхъ спискахъ, изъ суммъ которыхъ по этому исключено.

и дворяне уѣздовъ: Рѣчицкаго 15.926 рубл., Игуменскаго 13.853 рубл., Бобруйскаго 13.285 рубл., Минскаго 8690 рубл. и Слуцкаго 5449 рубл. Встрѣчаются съ небольшими суммами Католическіе монастыри и духовенство, Еврейскіе кагалы и подкагалки.

25. Иркутская губернія 127.257 рубл., изъ нихъ купеческое и мѣщанское общества города Иркутска пожертвовали 13.241 руб. Иркутская губернія тогда обнимала громадное пространство восточной Сибири, такъ что здѣсь же помѣщены пожертванія изъ такихъ отдаленныхъ пунктовъ какъ Якутскъ, Охотскъ, Камчатка и проч. Среди жертвователей много инородцевъ: разныя „князьцы и тайши съ родовичами“, и особенно—Якутовъ съ суммами болѣе, или менѣе крупными; есть немного даже Камчадаловъ; встрѣчаются крестьяне.

26. Владимирская губернія 127.120 рубл. Купеческія и мѣщанскія общества городовъ пожертвовали: Суздаля 20.000 рубл., Муромъ 20.000 рубл., Владимира 16.000 рубл., Юрьева 10.110 рубл., Переяславля-Залѣскаго 10.000 рубл., Вязниковъ 10.000 рубл., Шуи 10.000 рубл., Меленковъ 5000 рубл. и Гавриловскаго посада 5000 рубл. Встрѣчается немного жертвователей крестьянъ, иногда съ такими сравнительно крупными приношеніями, какъ 1500 рубл. отъ Еяма Мальшева, крестьянина деревни Подвязья.

27. Воронежская губернія 124.687 рубл. Крупныя пожертванія сдѣлали: Самойла Мещеряковъ 5000 рубл., Воронежское купечество 21.615 рубл. и казенные крестьяне Бѣловодской волости 5543 рубля. Казенные, экономическіе и конюшенные крестьяне, ямщики, посадскіе, войсковые жители и однодворцы жертвовали, вообще, много и въ общемъ на довольно крупную сумму. По Воронежской губерніи, также какъ и по Курской, много духовенства.

28. Калужская губернія 107.260 рубл. По 5000 рубл. внесли каждое изъ слѣдующихъ лицъ: подполковница Гончарова и Калужскіе купцы: Билибинъ первый, Петръ Золотаревъ и Иванъ Герасимовъ. Есть немного крестьянъ съ суммами непревышающими въ отдѣльныхъ случаяхъ пятисотъ рублей.

29. Архангельская губернія 96.788 рубл., изъ которыхъ 8000 рубл. пожертвовало общество мѣщанъ города Архангельска и 5000 рубл. крестьяне Андреянова стана. Почти изъ двухсотъ становъ, волостей, слободъ, селъ и погостовъ крестьянами пожертвовано около половины всей суммы по губерніи. Вторая половина составила почти исключительно изъ пожертвованнаго въ самомъ городѣ Архангельскѣ тамошними купцами, мѣщанами, отчасти иностранцами и иногородними купечествомъ. Среди жертвователей встрѣчается немного и Лопарей.

30. Рязанская губернія—92.363 рубл. Крупнѣйшими пожертваніями являются: 10.000 рубл. помѣщика Андрея Вельяминова, 10.000 рубл. коллежскаго совѣтника Рюмина и 5000 рубл. надворнаго совѣтника Мальшина. Города пожертвовали: Скопинъ 12.000 рубл., Зарайскъ 11.005 рубл., Рязань 10.600 рубл., Михайловъ 6510 рубл. и Касимовъ 6500 рубл. Есть съ неболь-

шими суммами крестьяне и однодворцы разныхъ селъ и деревень Данковского уѣзда.

31. Могилевская губернія 87.904 рубл. и 103 Голландскихъ червонца, изъ которыхъ штатсъ-дама графиня Чернышева 30.000 рубл., и купеческое христьянское и Еврейское общество города Могилева 10.332 рубля.

32. Полтавская губернія 84.972 рубл. и 4 червонца. Единственный крупный даръ 5000 рубл. поступилъ отъ надворнаго совѣтника Базилевскаго. Довольно много казачьихъ и крестьянскихъ волостей и селеній съ небольшими суммами.

33. Симбирская губернія 84.924 рубл., больше половины которыхъ внесло купечество и мѣщанство городовъ: Симбирска въ суммѣ 34.900 рубл. и Сызрани 10.008 рубл.

34. Новгородская губернія 80.958 рубл., изъ нихъ 10.000 рубл. пожертвовало Старорусское городское общество, 10.000 рубл. Новгородское дворянство, 6930 рубл. Новгородское городское общество, и по 5000 рубл. общества городовъ Тихвина, Боровичей и Валдая.

35. Эстляндская губернія 74.340 рубл., изъ которыхъ баронъ Деллингаузенъ 10.000 рубл. *) купеческое и другія общества города Ревеля 17.789 рубл., Эстляндская Ландратская Коллегія 10.000 рубл. и члены Эстляндскаго частнаго дворянскаго банка 5.000 рубл. Среди жертвователей купцовъ и городскихъ обывателей довольно часто встрѣчаются Русскія фамиліи.

36. Херсонская губернія 73.515 рубл. и 12 червонцевъ, изъ нихъ купечество городовъ Елисаветграда 10.000 рубл., Херсона 8.000 рубл. и Одессы 8.000 рубл. Встрѣчаются съ небольшими суммами Еврейскія общества.

37. Вятская губернія 72.699 рубл. Единственное крупное пожертвованіе сдѣлало Вятское общество (не указано, купеческое, мѣщанское или городское) въ суммѣ 13.000 рубл. Въ значительномъ количествѣ имѣются жертвователи крестьяне, есть немного духовенства, попадаютъ Татары-кушцы и Татарскія деревни.

38. Слободскоукраинская (нынѣ Харьковская) губернія 66.977 рубл. Пять тысячъ рублей пожертвовалъ кригсъ - цалмейстеръ Гаврила Кондратьевъ. Встрѣчается довольно много крестьянъ и однодворцевъ.

39. Томская губернія 63.487 рубл. Въ числѣ жертвователей много инородческихъ улусовъ и очень много крестьянъ. Пожертвованія послѣднихъ составляютъ около половины всей суммы по губерніи.

40. Пензенская губернія 60.598 рубл., изъ нихъ графъ Алексѣй Разумовскій внесъ 6.206 рубл., купечество города Пензы 10.000 рубл. и дворяне Мокшанскаго уѣзда 6.088 рубл. Встрѣчаются жертвователи Татары.

*) Это пожертвованіе барона Деллингаузена также первоначально было показано въ смѣшанномъ спискѣ и также оттуда исключено.

41. Псковская губернія 58.064 рубл., изъ которыхъ Торонепское купеческое общество пожертвовало 13.000 рубл.

42. Екатеринославская губернія 58.021 рубл. и четыре червонца. Въ числѣ жертвователей довольно много Армянъ и Грековъ. Встрѣчаются нерѣдко крестьяне и есть немного колонистовъ.

43. Витебская губернія 48.816 рубл., 50 талеровъ и одинъ червонецъ. Витебское Еврейское общество внесло 30.000 рубл. и купцы-христиане города Витебска 8.395 рублей.

44. Финляндская губернія, состоявшая изъ уѣздовъ Выборгскаго, Фридрихсгамскаго, Вильманстрандскаго, Нейшлотскаго, Сердобольскаго и Кекегольмскаго, пожертвовала 47.909 рубл., 45 Шведскихъ ефимковъ и 7 червонцевъ. Генераль-аншефъ графъ Орловъ-Чесменскій внесъ 8.000 рубл. Значительное въ общемъ пожертвованіе сдѣлали крестьяне болѣе десяти разныхъ кирхшпилей.

45. Олонеккая губернія—39.437 рубл. Встрѣчается немного жертвователей крестьянъ.

46. Виленская или Литовско-Виленская губернія, заключавшая тогда въ себѣ уѣзды городовъ: Вильны, Ковны, Россіены, Тельша, Шавля, Поневъжа, Трокъ, Опшнянъ, Свинцянъ, Видзъ и Вилькомира, пожертвовала всего 27.119 рубл. и 199 талеровъ.

47. Литовско-Гродненская (съ уѣздами городовъ: Гродна, Лида, Новогрудскъ, Слонимъ, Пружаны, Кобринъ, Брестъ и Волковискъ) внесла 24.910 рубл. и 2 червонца. Среди жертвователей встрѣчается Польское духовенство и Евреи.

48. Кавказская губернія, заключавшая въ себѣ Георгіевскій, Александровскій, Ставропольскій, Моздокскій и Кизлярскій уѣзды, пожертвовала 21.447 рубл. Среди Русскихъ военныхъ и чиновниковъ, Грузинскихъ дворянъ и Армянъ, есть и Русскіе купцы.

49. Курляндская губернія 16.112 рубл., 2.793 талера и 1 червонецъ. Изрѣдка встрѣчаются Русскія фамиліи; есть немного крестьянъ и Евреевъ.

50. Вологодская губернія пожертвовала всего 9.722 рубля.

51. Земля Войска Донскаго, при посредствѣ разнаго войскового начальства и казачьихъ станицъ, пожертвовала 7.166 рублей.

Такимъ образомъ въ денежномъ пожертвованіи участвовали жители всѣхъ тогдашнихъ губерній Россіи. Нѣтъ только свѣдѣній о пожертвованіяхъ изъ далекихъ Американскихъ колоній, но оттуда, вѣроятно, ничего и не поступало.

Всего съ указанными сомнительными денежное пожертвованіе составляетъ сумму въ 9.975.505 рублей, 4.890 талеровъ, 331 марку. 253 червонца и 45 Шведскихъ ефимковъ.

Непосредственно за денежнымъ пожертвованіемъ умѣстно будетъ указать пожертвованія, которыя по роду своему подлежали обращенію въ деньги посредствомъ продажи—это недвижимыя имѣнія и драгоценности. Такъ, Новгородской губерніи почтмейстеръ Монаковъ пожертвовалъ домъ съ землею въ городѣ Архангельскѣ; бригадиръ Нази, по Таврической губерніи,—домъ, оцѣненный въ 11.047 рубл., и коллежскій ассессоръ Колачевъ тоже домъ по Томской губерніи. Драгоценности въ большинствѣ случаевъ жертвовали дамы, очевидно, желая придти на помощь отечеству чѣмъ нибудь своимъ, неотъемлемо имъ принадлежащимъ. Здѣсь находимъ двѣ вѣтки бриллиантоваго головного убора, пожертвованныя графинею Воронцовою, урожденною Измайловою; двое золотыхъ часовъ; бриллиантовыя серьги; серьги золотыя съ бирюзой и золотой перстень съ изумрудомъ; два перстня, одинъ изъ которыхъ съ алмазами; золотую медаль; три серебряныхъ табакерки; двѣ серебряныя чаши, такія же пряжки и часы съ цѣпочкой; серебряный сервизъ и туалетъ; двадцать одинъ предметъ изъ серебрянаго столоваго прибора и серебряная съ бирюзой Турецкая челенга*). Еще одну Турецкую челенгу, но уже алмазную, пожертвовалъ адмиралъ Ушаковъ выѣствъ съ двумя тысячами рублей и пятью пушками, получивъ ее въ свое время отъ Турецкаго султана, но Государь приказалъ возвратить ее съ благодарностью адмиралу, присовокупивъ, что она должна быть сохранена для потомства и отнынѣ должна свидѣтельствовать „сверхъ военныхъ подвиговъ адмирала и примѣрное соревнованіе его ко благу любезнаго отечества“.

Сто лѣтъ назадъ не то что теперь, когда правительство, въ случаѣ необходимости, свободно можетъ вооружить на страхъ врагу нѣсколько милліоновъ гражданъ ополченцевъ или добровольцевъ, хотя и старыми, но все-таки весьма недурными берданками; да и другое оружіе, понятно, найдется въ достаточномъ количествѣ. Тогда правительство, спѣшно создавая земское войско, терпѣло недостатокъ въ оружіи. Ружьями, на примѣръ, могла быть надѣлена только пятая часть всего ополченія, остальныхъ ратниковъ предполагали вооружить пиками. Граждане и этотъ недостатокъ спѣшили пополнить, кто чѣмъ могъ. Подробное разсмотрѣніе этого рода пожертвованія интересно не только своимъ значительнымъ количествомъ, безусловно представлявшимъ въ общемъ все-таки довольно большую цѣнность, но еще и любопытнымъ разнообразіемъ, архаичностью, такъ сказать, своего состава, а отчасти, какъ и свидѣтельство бытовыхъ условій жизни того времени.

Что большинство пожертвованнаго оружія въ буквальномъ смыслѣ было „временъ Очаковскихъ и покоренія Крыма“, въ этомъ тогда не было еще понятно, ничего удивительнаго; но среди пожертвованнаго, правда уже немного, но все-таки попадаетъ оружіе до-петровской Руси, видѣвшее времена Лжедмитріевы, а можетъ быть и болѣе раннія. Изъ огнестрѣльнаго оружія.

---

*) Это жертвы знаменитой идеалистки, Ночной Книжницы Евдокіи Ивановны, которая оцѣнила Пушкина вслѣдъ за выходомъ его изъ Лицея. П. Б.

первое по количеству мѣсто занимають ружья (22865), кажется, всѣхъ имѣвшихся поименованій. Въ этомъ числѣ находимъ 172 „мушкетона“, 133 винтовки, 121 карабинъ, 29 штуцеровъ, два полуружья, одинъ полукарабинъ и одну фузею. Затѣмъ слѣдуютъ 3368 пистолетовъ, жертвованныхъ въ большинствѣ случаевъ парами, и въ заключеніе цѣлая артиллерія для двухъ-трехъ небольшихъ государствъ, всего 841 орудіе. Въ этомъ числѣ заключается 665 чугунныхъ разнаго калибра пушекъ, 127 такихъ-же мѣдныхъ, 17 фальконетовъ, 11 мортиръ, 7 большихъ и 9 малыхъ мѣдныхъ единороговъ, три чугунныхъ единорога и двѣ гаубицы. Къ огнестрѣльному оружію было пожертвовано: 42 пуда и одинъ боченокъ готоваго пороха, а для изготовленія пороха 2600 пуд. селитры и 100 пудовъ сѣры; больше тысячи ружейныхъ пыжевниковъ и больше двухсотъ ружейныхъ патроновъ, затѣмъ 97 пудовъ дробы, около сорока тысячъ отчасти пистолетныхъ, а главнымъ образомъ, ружейныхъ пуль, 373 пуда свинцу ¹⁾ и больше 400000 преимущественно ружейныхъ кремней; а специально для артиллеріи—сверхъ девяти тысячъ ядеръ, изъ нихъ 2500 трехфунтовыхъ, 21 пудъ картечи, 20 пудовъ чугунной дробы и до 60 бомбъ. Кромѣ того двое Мосоловыхъ по Тульской губерніи (одинъ—титularный совѣтникъ) обѣщали вылить ядеръ и картечи „сколько успѣтъ“, а другой (поручикъ) пожертвовалъ три тысячи пудовъ чугуна, предлагая вылить собственнымъ издивеніемъ ядра, бомбы „или что отъ начальства приказано будетъ“. Московскій купецъ Пуговишниковъ взялся безвозмездно сдѣлать всѣ жестяныя вещи къ артиллерійскимъ орудіямъ.

Такъ называемое холодное оружіе имѣетъ представителей слѣдующихъ наименованій: пики (24643), сабли (6715), копья (4790), штыки (1810), шпаги (1245), тесаки (1132), палаши (152), бердыши (104), дротики (91), кинжалы (72), косари (71), алебарды (69), рогатины (60), кортики (42), эспонтоны (23), ножи (18), косы (3), два костяныхъ лука и одинъ „старинный мечъ“, Богъ вѣсть кого и когда еще опоясывавшій, и ужъ, навѣрное, выдавшій виды ²⁾.

Перечисленное оружіе, впрочемъ, еще не все, такъ какъ часть пожертвованнаго не поддается по разнымъ причинамъ или учету, или сортировкѣ. Такъ по шестнадцати губерніямъ въ отношеніи болѣе двухъ тысячъ лицъ,

¹⁾ Изъ этого количества 104 п. 10 ф. пожертвовало Рыльское городское общество, Курской губерніи, при чемъ пожертвованный свинецъ названъ „вырытымъ изъ горы“. Свинцовыхъ рудъ въ Курской губерніи, насколько извѣстно, никогда не существовало. Не получилось ли бы чего-нибудь интереснаго, если бы мѣстная архивная коммисія или статистическій комитетъ попытались выяснитъ происхождение этого загадочнаго свинца.

²⁾ Среди пожертвованнаго оружія найдено еще два „списа“ по Черниговской губерніи и одно „тулеба“ по Полтавской губерніи. Назначеніе „списа“ мнѣ такъ и не удалось выяснитъ, а „тулеба“, возможно тоже, что сулеба—родъ древняго меча. Кромѣ того по Черниговской же губерніи пожертвовало одно „ратище“, по объясненію Савваитова („Описаніе старинныхъ русскихъ утварей“ и пр.), длинное древко для копья.

просто сказано „внесли по нѣсколько оружій“; по Вятской губерніи въ десяткѣ случаевъ пожертвованное оружіе опредѣлено денежной его стоимостью („ружей и пикъ на 32 рубля“, напримѣръ); по Финляндской губерніи безъ наименованія показано 360 „оружій“; ландратъ Пистолькорсъ и нѣкто Фитингофъ, по Лиоляндской губерніи, пожертвовали „всѣ свои оружія“, какое и сколько неизвѣстно, а Петербургскій купецъ Замараевъ пожертвовалъ на пятьсотъ человекъ шпагъ, сабель и палашей.

Во всякомъ случаѣ сверхъ семидесяти тысячъ экземпляровъ разнаго оружія было пожертвовано въ болѣе или менѣе цѣломъ и исправномъ видѣ. Не стѣснялись, кромѣ того, жертвовать и принимать и отдѣльными частями оружіе. Ружейные и пистолетные стволы, ружейные замки и трешетки (?), пиковыя желѣзки, сабельные и тесачные кленки, всего, впрочемъ, понемногу; но всему этому могло быть также дано надлежащее назначеніе въ учрежденной въ то время въ Москвѣ, а можетъ быть и въ другихъ городахъ коммисіи для приѣма и исправленія жертвуемаго оружія.

Самое крупное пожертвованіе оружіемъ сдѣлала графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская для вооруженія ополченія пятой области (губерніи: Орловская, Курская, Харьковская и Воронежская), гдѣ отецъ ея, уже престарѣлый тогда герой Чесмы, состоялъ главнокомандующимъ¹⁾. Она пожертвовала 4300 ружей, 4000 пикъ, 300 штыковъ, 500 тесаковъ, 4000 касокъ, 40 пудовъ свинцу, 20 пудовъ пороху, 160000 кремней. Затѣмъ оберъ-камергеръ Шереметевъ по Нижегородской губерніи пожертвовалъ 4000 ружей и 20 мѣдныхъ пушекъ со всеми принадлежностями. Заводъ коллежскаго ассесора Яковлева по Вятской губерніи 9000 пикъ; княгиня Варвара Александровна Шаховская, по Пермской губ. 1000 пикъ, 1000 сабель, 50 бомбъ и 2000 ядеръ; статскій совѣтникъ Дмитрій Полторацкій (отецъ извѣстнаго библіофила и библіографа Сергѣя Полторацкаго) по Рязанской губерніи 50 разнаго калибра пушекъ²⁾ съ лафетами, 3000 ядеръ и 1000 копій; совѣтникъ Щербининъ, по Слободскоукраинской губерніи 1000 копій, 25000 ружейныхъ пуль и 15000 кремней; фабрикантъ Бердъ пожертвовалъ 1000 штыковъ. Этимъ немногимъ лицамъ и принадлежитъ значительная часть всего пожертвованнаго оружія; остальное жертвовалось по штукѣ, по двѣ, иногда десятками и изрѣдка сотнями.

И оружіе жертвовали всѣ сословія, включительно до бѣлаго и чернаго духовенства, но, главнымъ образомъ, дворянство, а пушки, почти исключительно послѣднее. Обычай держать по усадьбамъ пушки распространился съ Екатерининскаго времени. Не говоря уже о богатыхъ усадьбахъ тогдашней знати, гдѣ иногда имѣлись цѣлыя артиллеріи, и въ усадьбахъ средняго до-

¹⁾ Главнокомандующимъ первой области состоялъ графъ Татищевъ, второй—Беклешовъ, третьей—князь Голицынъ, четвертой—Тутолминъ, шестой—князь Прозоровскій и седьмой—князь Долгоруковъ.

²⁾ По Рязанской губерніи вообще пожертвовано до 100 пушекъ.

статка и даже небогатыхъ, съ какой-нибудь сотней душъ, можно было встрѣтить нѣсколько, или хотя одну пушку. Именины и рожденіе Государыни, побѣда надъ врагомъ, разные домашніе праздники, все это въ былое время сопровождалось палъбой, обязательно входившей въ программу всѣхъ торжествъ и доставлявшей посильное развлеченіе и гостямъ, и хозяевамъ. Что расходъ на порохъ тогда по усадьбамъ былъ большой, свидѣтельствуется и одна того времени книга („Новѣйшее землеописаніе Россійской Имперіи“—Зябловскаго)“, въ отдѣлѣ о пороховыхъ заводахъ которой говорится, что „заводы сіи доставляютъ порохъ кромѣ арміи, для продажи постороннимъ людямъ, коими издерживается немалое оно количество частью при охотѣ, а частью при забавахъ“. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ, какъ, напримѣръ, у графа А. Г. Орлова-Чесменскаго были даже свои машины для домашняго приготовленія пороха. Обычай этотъ, отчасти увлекшій и первостатейное купечество, держался еще въ Александровское и Николаевское время, постепенно, впрочемъ, ослабѣвая и искореняясь. Отмѣна крѣпостнаго права, нанесла ему, какъ и многому другому, рѣшительный ударъ; но и теперь еще можно найти немного усадебъ, гдѣ сохраняются „потѣшныя“ пушки, эти навсегда уже онѣмѣвшіе свидѣтели невозвратнаго прошлаго. Такъ вотъ эта самая помѣщицья артиллерія и пригодилась, отчасти, поступивъ на нужды военнаго времени. Пушки жертвовали тоже больше по одной, по двѣ, по три, но бывали пожертвованія по десятку и больше. Помимо уже помянутыхъ Полторацкаго и Шереметева, графъ Бобринскій пожертвовалъ 19 пушекъ, Волгское купечество и мѣщанство Саратовской губерніи 18 мелкихъ, разнаго калибра пушекъ; купечество и мѣщанство города Ардатова, Нижегородской губерніи, 17 чугунныхъ, мелкихъ судовыхъ пушекъ; Ярославская мануфактура Яковлевыхъ 13 мѣдныхъ единороговъ и три пушки: поручикъ Мосоловъ, по Казанской губерніи 15 чугунныхъ пушекъ; титулярный совѣтникъ Мосоловъ, по Тульской губерніи 12 пушекъ; подполковникъ Сергѣй Яковлевъ по С.-Петербургской губерніи 8 пушекъ, 2 мортиры и двѣ гаубицы; архимандритъ Желтоводскаго монастыря, Нижегородской губерніи, Іоаннъ 12 пушекъ и 500 ядеръ; Ораніенбаумская помѣщица Корсакова 4 мѣдныхъ и 7 чугунныхъ пушекъ; Касимовская городская дума Рязанской губерніи, одну пушку и 10 фальконетовъ, и по десяти пушекъ Курскій помѣщикъ Изъѣдиновъ, кригсъ-коммисаръ Турчаниновъ и Екатеринбургскіе чиновники.

По губерніямъ пожертвованія оружіемъ распредѣлились довольно равномерно, но въ числѣ первыхъ по пожертвованію этого рода можно назвать Воронежскую, Полтавскую, Псковскую и Тверскую; въ послѣдней особенно городъ Осташковъ. Около трети всѣхъ пожертвованныхъ бердышей, этого древняго Русскаго оружія, принадлежитъ также двумъ послѣднимъ губерніямъ; остальные бердыши поступили изъ разныхъ уголковъ Россіи; четыре, напримѣръ, пожертвовалъ Александровскій двѣичій монастырь, Владимирской губерніи. Фузея и два костяныхъ лука пожертвованы въ Иркутской губер-

ніи. Старинный мечъ поступилъ отъ маіора Дмитрія Евлашева по Московской губерніи.

Относительно достоинства пожертвованнаго оружія, вообще, можно сказать только, что не все оно было годно къ немедленному употребленію; объ этомъ свидѣтельствуеть, какъ существованіе упомянутой уже выше коммисіи для приѣма и исправленія пожертвованнаго оружія, такъ и нѣкоторыя данныя списковъ жертвователей. Такъ, на примѣръ, титулярный совѣтникъ Плеткинъ, жертвуя по Владимирской губерніи 81 ружье, предупредительно отпустилъ и 81 рубль на починку этихъ ружей. Качество-же пожертвованной артиллеріи, отчасти, достаточно опредѣляется однимъ любопытнымъ документомъ, опубликованнымъ во всеобщее свѣдѣніе въ Московскихъ (стр. 167) и С.-Петербургскихъ (стр. 58) Вѣдомостяхъ 1809 года, гдѣ военный министръ съ высочайшаго дозволенія объявлялъ, что пожертвованныя по С.-Петербургской губерніи 43 мѣдныхъ пушки, 2 гаубицы и 4 мортиры по калибру своему не могутъ быть употреблены въ арміи, и потому военному департаменту не нужны, „а какъ орудія сіи находились у приносителей, единственно для ихъ увеселія на дачахъ“, то военный министръ и предлагалъ жертвователямъ „получить ихъ обратнѣ для собственнаго увеселенія“.

Кромѣ оружія, жертвовались также и разные предметы воинскаго снаряженія въ небольшихъ, впрочемъ, количествахъ. Кромѣ „знатнаго“ пожертвованія касками (4000), сдѣланнаго той-же графиней Орловой-Чесменской, есть около тысячи портупей и перевязей, а также выдѣланныя кожи и лосиные ремни для нихъ, и понемногу патронташей, лядунокъ, сумокъ и подсумковъ, манерокъ, ранцевъ, дробовиковъ, шпоръ и даже два барабана.

Стремленіе обезпечить ополченцевъ платьемъ и бѣльемъ вызывало пожертвованія, отчасти прямо разными готовыми вещами, а, главнымъ образомъ, матеріалами для изготовленія этихъ вещей. Изъ готовыхъ вещей, больше всего пожертвовано рубахъ (около полутора тысячъ), а понемногу истрѣчаются также разные головные уборы, мундиры, камзолы, кафтаны, свитки, армяки, чекмена, шаровары, шинели, бурки, шубы, тулупы, полушубки, сапоги, перчатки, рукавицы, галстуки, чулки и „получулки“, простыни, салфетки и платки. Матеріалами пожертвовано значительно больше. Сукна, на примѣръ, поступило около одиннадцати тысячъ аршинъ, преимущественно сермяжнаго и солдатскаго, и немного „шпанскаго“, послѣднее цвѣтовъ—синяго и темнозеленаго. Разнаго холста пожертвовано до 42000 аршинъ, главнымъ образомъ, деревенскаго домотканнаго (много изъ губерній Симбирской и Томбовской); менѣе такъ называемаго „ревендучнаго“ и немного парусныхъ полотентъ. Затѣмъ, приблизительно на тысячу паръ пожертвовано саложнаго товару и понемногу „полустамеду“, пуговиць, гарусу, позументу, даже нитокъ и булавокъ.

Для продовольствія ополченія поступило натурою: ржи и пшеницы нераздѣленныхъ около 320 т. пуд., ржи около 240 т. пуд., пшеницы 300 т.

пуд., гречи 9500 пуд., ячменя 4000 пуд., проса 3000 пуд., муки ржаной безъ малаго 600 т. пуд., муки пшеничной около 11 тысячъ пудовъ и немного болѣе 30000 пуд. разныхъ крупъ, преимущественно гречневыхъ (около 24 тыс. пуд.), понемногу пшениныхъ, овсяныхъ, ячневыхъ и полбенныхъ и немного также гороху. Кромѣ того, небольшими, сравнительно, количествами пожертвованы сухари, сельди, коровье масло, водка и даже портвейнъ, послѣдній, вѣроятно, для выздоравливающихъ раненыхъ. Пожертвованіе продовольствіемъ, впрочемъ, надо еще дополнить десяткомъ тысячъ пудовъ, поступившихъ подъ именемъ „провіанта“ по губерніямъ Екатеринославской, Иркутской, Казанской и Симбирской, и обезпеченіе довольствіемъ на три и болѣе мѣсяцевъ, около тысячи человекъ ратниковъ. Помимо того, въ иныхъ губерніяхъ, пожертвованія продовольствіемъ часто отмѣчались только словами „нѣсколько хлѣба“ и „нѣсколько провіанта“. Пожертвованіе фуража выражается въ такихъ цифрахъ: овса и ячменя нераздѣльно около 160 тыс. пуд., одного овса до 180 тыс. пуд. и сѣна до 40 т. пуд. Крупнѣйшій даръ этого рода принадлежитъ графинѣ Аннѣ Родіоновой Чернышевой, пожертвовавшей, какъ годовой доходъ со всѣхъ своихъ Московскихъ деревень, 19000 пуд. ржи, 28500 пуд. овса, 9500 пуд. гречихи и 20 тыс. пуд. сѣна. Затѣмъ очень большое пожертвованіе сдѣлало сообще Каменецподольское дворянство около 320 тыс. пуд. ржи и пшеницы, около 160 тыс. пуд. овса и ячменя.

Пожертвованіе скотомъ, въ большей части сдѣланное по Иркутской губерніи, и затѣмъ черноморскими казаками, выражается въ количествѣ 4000 головъ безъ малаго; изъ нихъ 1500 головъ разнаго мелкаго (овцы, бараны, свиньи и козлы) и непоименованнаго, 1700 рогатаго скота (волы, коровы и быки) и почти 800 лошадей, изъ которыхъ 160 со всѣмъ приборомъ для верховой ѣзды, около 20—съ упряжью, тройка—съ упряжью и бричкой, четыре—съ упряжью и двумя повозками и шесть—съ упряжью и четырьмя фурами. Для снаряженія лошадей пожертвовано еще отдѣльно понемного фуръ, повозокъ, хомутовъ, сѣделъ, подсѣдельниковъ, мунштуковъ и стремнянъ.

Затѣмъ слѣдуютъ пожертвованія, неподходящія подъ помѣщенныя уже рубрики. Цѣннѣйшимъ изъ нихъ является желѣзо—безъ малаго 103 тыс. пуд., изъ которыхъ 100000 пуд. полоснаго, пожертвовалъ коллежскій совѣтникъ Яковлевъ, 700 пудовъ мѣди, даръ гофмейстера Демидова; немного болѣе 1000 пудовъ овечьей шерсти и болѣе 8000 шкурокъ разныхъ мѣховъ, главнымъ образомъ, бѣличьихъ (7300) и понемногу соболей, чернобурыхъ и красныхъ лисицъ, сиводушекъ, недопесковъ, песцовъ, горностаевъ (500), рондуковъ, оленей и лосей. Весь пушной товаръ пожертвованъ изъ Тобольской и Иркутской губерній, преимущественно изъ послѣдней, почти исключительно инородцами и, главнымъ образомъ, Якутами. Прочія пожертвованія по количеству незначительны, цѣнности большой не представляютъ и могутъ быть для полноты только перечислены. Тутъ мы находимъ чугуныя, мѣдные котлы, желѣзные рогульки, отвертки, кирки, мотыки, донкрать, кожи, овчины,

канаты и веревки, даже ленъ, бутылки и, наконецъ, просто „разные товары“. Кромѣ того встрѣчаемъ и такого рода пожертвованія, какъ поставка не въ зачетъ и сверхъ слѣдуемаго числа ратниковъ, что, напримѣръ, сдѣлано княземъ Репнинымъ-Волконскимъ по Нижегородской губерніи, предложившимъ 500 ополченцевъ на собственномъ его, князя, иждивеніи; ставили ратниковъ за бѣдныхъ дворянъ и принимали послѣднихъ, занимавшихъ въ ополченіи должности сотниковъ и пятидесятниковъ, на свое содержаніе, снабжая ихъ жалованьемъ, обмундировкой и лошадьми; жертвовали рекрутскія квантанціи, принимали на свой счетъ содержаніе ополченскихъ канцелярій; жертвовали доходы съ домовъ и лавокъ, или предоставляли ихъ для нуждъ ополченія во временное пользованіе; богатые купцы принимали на себя вмѣсто мѣщанскихъ обществъ обязанность снабжать или всѣмъ необходимымъ, или трехмѣсячнымъ провіантомъ ратниковъ-мѣщанъ, и, наконецъ, поставляли бесплатно подводы для ратниковъ, отправлявшихся въ армію.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ о сдѣланномъ тогдашнимъ обществомъ для больныхъ, раненыхъ и увѣчныхъ. Для перевязокъ пожертвовали преимущественно Петербургскія дамы высшаго общества, а отчасти губерніи Курляндская и Эстляндская и др., 321 пуд. корпіи, бинтовъ и компресовъ. Кромѣ того еще около 3500 арш. бинтовъ, больше 1000 компресовъ, больше 2000 повязокъ и понемногу бандажей, греческихъ губокъ, стараго холста на коршію, колпаковъ, одѣялъ, 1000 ведеръ уксусу, десять пипъ портпейну, рублей на 600 медикаментовъ, карету съ двумя лошадьми для раненыхъ офицеровъ. Нѣсколько докторовъ предложили безвозмездно свои услуги, одинъ изъ которыхъ и даровое лекарство, а для дезинфекціи Гродненскіе Доминиканцы пожертвовали шестьдесятъ „воздухочистительныхъ машинъ“ и сорокъ скляночекъ „воздухочистительнаго состава“. Углицкій городской голова Вороновъ, сверхъ другихъ пожертвованій, предложилъ давать съ Іюня по Сентябрь „пристойное содержаніе для двадцати больныхъ ратниковъ“.

Въ Москвѣ, по почину городского головы Кирикова, была устроена больница для раненыхъ и увѣчныхъ нижнихъ чиновъ. „Благородное Курляндской губерніи рыцарство“ устроило въ Митавѣ „Заведеніе въ пособіе раненымъ и больнымъ офицерамъ“. Тульское дворянство собрало капиталъ для награжденія нижнихъ чиновъ, уволенныхъ отъ службы. Виленскій дворянскій маршалъ Ляхницкій обязался принять въ свое имѣніе на полное содержаніе четырехъ инвалидовъ. Задонскій предводитель дворянства оберпровіантмейстеръ Семенъ Алексѣевичъ Викулинъ устроилъ въ Задонскѣ своими средствами богадѣльню на двадцать инвалидовъ, принявъ на свой счетъ и полное ихъ содержаніе. Впрочемъ въ то время, вскорѣ послѣ войны 1806—07 гг., само правительство пришло на помощь увѣчнымъ нижнимъ чинамъ, лишеннымъ способности служить и работать, открывъ, по именному указу Правительствующему Сенату отъ 16 Сентября 1807 г., инвалидные дома въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Киевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ и Курскѣ и отнеся ихъ къ вѣдѣнію приказовъ общественнаго призрѣнія.

Семимѣсячная кампанія кончилась. Россія получила Бѣлостокскую область и торжественно праздновала заключеніе Тильзитскаго мира. Въ Москвѣ это празднество продолжалось цѣлую недѣлю съ 7 по 14 Іюля. 27 Сентября 1807 года послѣдовалъ манифестъ о роспускѣ ополченія. Оставшіяся неизрасходованнымъ провіантъ переданъ былъ въ вѣдомство провіантскаго департамента; оружіе у ратниковъ отобрано и по описи сдано на храненіе въ арсеналы; срочные взносы на земское войско изъ жалованья и пенсія тѣмъ-же манифестомъ прекращены. Ополченіе было распушено по домамъ, кромѣ подвижной его части, поступившей на укомплектованіе арміи и зачтенной вмѣсто рекрутовъ. Тогда, кстати сказать, получилъ свое начало нынѣшній лейб-гвардіи Финскій полкъ, сформированный въ началѣ 1808 года, на первое время въ размѣрѣ баталіона изъ Императорскаго баталіона милиціи, образованнаго, въ свою очередь, изъ удѣльныхъ крестьянъ.

Ротмистръ Володимировъ при высочайшемъ рескриптѣ получилъ орденъ Владимира 4-й степени. Высочайшіе рескрипты были даны графу Браницкому и Павлу Григорьевичу Демидову. Высочайшія грамоты получили Московское дворянство и городскія общества—Петербургское, Московское, Тульское, Курское, Бѣлевское, Елецкое, Ярославское и Ростовское, Ярославской губерніи. Многимъ губерніямъ на имя губернаторовъ даны высочайшіе рескрипты съ изъявленіемъ благоволенія и благодарности дворянству, купечеству, мѣщанству и прочимъ сословіямъ за пожертвованія на нужды ополченія.

Вотъ и все, что, въ переживаемое нами тревожное время, мнѣ хотѣлось сообщить внукамъ о томъ, какъ и чѣмъ, при сходныхъ обстоятельствахъ, жертвовали ихъ дѣды.

І. А. Горновскій.

ДНЕВНИКЪ ИВАНА МИХАИЛОВИЧА СНѢГИРЕВА.

1859-й годъ *).

Январь. 1. Въ своемъ приходѣ я былъ у ранней обѣдни, послѣ коей у меня служили молебень съ водосвятиемъ Спасителю и Божіей Матери. Потомъ я ѣздилъ съ визитами къ князю А. И. Лобанову - Ростовскому, къ П. П. Корнилову, Н. И. Крылову, Ф. И. Иноземцеву, В. Н. Куроѣдову, С. С. Крылову дивиз. генералу, князю Ю. Долгорукову, почетелю Московскаго университета Бахметеву, оберъ-полицмейстеру К. Крапоткину, Ф. П. Корнилову, В. А. Полякову и Г. М. Крашенинниковой. Заѣзжалъ я помолиться къ Спасу чудотворному на Остоженкѣ и къ Иверской. Обѣдалъ я одинъ дома. Были у меня съ визитами П. Г. Кичеевъ и генераль Понырка. Вечеромъ я былъ на сговорѣ у сосѣдки Недыхляевой до 12 ч. пополуни. Тамъ много сошлось Армянъ.

2. Ѣздилъ въ Опекунскій Совѣтъ, гдѣ получилъ 5000 р. с., изъ коихъ уплатилъ 4000 р. капиталу съ 433 р. 31 в. процентовъ И. С. Солокову, который и отмѣтилъ на закладной.

3. По призыву былъ у А. И. Лобкова, который повторялъ свое требованіе. Я разстался съ нимъ съ неудовольствіемъ, заходилъ къ портіусу Дьяконову, но не засталъ его, осмотрѣлъ земляныя работы въ Романовскомъ домѣ, оттуда въ Казенную палату, гдѣ получилъ 30 р. с. пенсіи на крестъ Анны.

5. Поутру я осматривалъ бібліотеку Ундольскаго, состоящую изъ 1000 Славянскихъ рукописей и 250 старопечатныхъ книгъ, въ числѣ коихъ много рѣдкихъ. Отъ него я прошелъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, гдѣ водосвятіе совершалъ викарій Порфирій. Протопресвитеру Д. Новскому я казалъ въ лѣтописцѣ, изд. Оболенскимъ, о передвижкѣ св. мощей Святит. Петра Митр. отъ главнаго алтаря въ предѣлѣ Петропавловскій 1652 г.

7. Ѣздилъ въ Хамовническія казармы, къ полковнику Шебашеву просить объ отпускѣ моего Андрея на 14 день. Онъ отозвался объ немъ невыгодно, сказавъ, что только изъ уваженія ко мнѣ сдѣлалъ объ немъ

---

*) См. выше, стр. 427.

очень хорошее представлѣніе и рекомендацію, какой не заслуживалъ; говорилъ о развратномъ его поведеніи, посѣщеніи трактировъ, о пьянствѣ, о знакомствѣ съ самозванцемъ и бѣглецомъ, которое извѣстно и полиціи, гдѣ онъ показалъ на Андрея. Какъ это было мнѣ прискорбно! Въ душевномъ смущеніи я зашелъ помолиться въ ц. Свят. Николая въ Хамовникахъ, потомъ завернулъ къ Ю. Н. Бартеневу и у него позавтракалъ; отъ него въ Донской мон. къ преосвященному Евгенію, у котораго засталъ княгиню Голицыну съ дочерью и еще попадю. Онъ, разсуждая о слѣдствіяхъ эмансипаціи, сказалъ, что обѣднявшіе крестьяне станутъ разбойничать, а обѣднявшіе дворяне отправятся въ чужіе края на службу и могутъ воевать противъ своего отечества. В. к. К. Н. предвѣщалъ погибель на морѣ. Говорили о войнѣ Франціи съ Австріей, въ коей можетъ участвовать и Россія, союзница первой. Изъ Донского мон. я проѣхалъ въ засѣданіе комиссіи возстановленія палатъ Романовскихъ. Рихтеръ представилъ было рисунки мебели для комнатъ, потомъ опять ихъ взялъ. Споръ. Вельтманъ и я ему замѣтили, что члену комиссіи нельзя мимо комиссіи представлять министру на разрѣшеніе, который прислалъ уже рисунки мебели древней, найденной Солнцевымъ. При этомъ случаѣ онъ выказалъ строптивость своего характера и неумѣренное честолюбіе. И такъ мы собирались понапрасну. Я ожидалъ вспышки отъ князя Оболенскаго, безъ коей, кажется, не обойдется у него съ Рихтеромъ, который какъ бы нарочно заводитъ споры и ссоры.

9. Я ходилъ къ маклеру Дьяконову на счетъ двухъ заемныхъ писемъ моихъ, данныхъ Лобкову. Онъ совѣтовалъ разсрочить ихъ года на два, но я полагалъ расплатиться съ Л., который надоѣлъ мнѣ своими докуками. Въ Успенскомъ соборѣ, на праздникъ Св. Филиппа, я слушалъ обѣдню, которую совершалъ викарій Порфирій. Отъ печей въ соборѣ тяжелый запахъ, позолота на стѣнахъ облупливается, и онъ потѣютъ. Я твердилъ, что напрасно это затѣяли: испортятъ иконопись, стѣнопись и позолоту. Изъ собора я прошелъ къ Казанской, гдѣ встрѣтилъ И. С. Соколова и съ нимъ слѣдовалъ въ Гражданскую палату. По ошибкѣ писца, пропустившаго разрѣшеніе запрещенія отъ Спиридонова, я долженъ былъ съѣздить къ Спиридонову и взять у него просьбу въ Гражданскую палату о разрѣшеніи, узналъ отъ него, что срокъ заемному письму Миши кончится 20 Января. Потомъ ходилъ справляться и просить въ управу. За ошибку секретарь Гражданской палаты хотѣлъ посадить писца подъ арестъ на недѣлю. У старосты XII Апостоловъ я взялъ серебряную лампаду за 10 р. 50 к. къ образу съ частію ризы Господней въ ц. Свят. Николая въ Грачахъ, обѣдалъ у Г. М. Крашенинниковой, куда приходилъ мой Андрей, передѣтый въ кучерское платье, имъ выигранное.

10. У ранней обѣдни въ Грачахъ я привѣсилъ къ образу съ ризою Господней серебряную лампаду.

13. Въ Гражданской палатѣ я совершилъ купчую на Сокольники, проданные мною съ прискорбіемъ Озерову; отъ него получилъ 9802 р. с., кромѣ уплаты Петру Осипову 847 р. с.

14. Я ѣздилъ къ А. И. Лобкову и уплатилъ ему капиталъ 5000 руб. с. кромѣ 500 р. с. Заемныя письма онъ возвратилъ мнѣ съ своею подписью о полученіи денегъ. Слава Богу, расплатился. Онъ ужасно докучалъ мнѣ, какъ будто послѣднія отдалъ мнѣ деньги; а у него, говорятъ, 15 милл. и кромѣ больной дочери и полоумнаго зятя никого нѣтъ. Невѣсть кому собираетъ.

15. На Цвѣтномъ бульварѣ наказывали двухъ мошенниковъ, одного сквозь строй, другого розгами, за денной грабежъ. Народу было множество.

16. Въ университетѣ осматривалъ собраніе снимковъ съ Аѳонскихъ фресковъ и харат. рукописей, составленное Петромъ Ивановичемъ Севастьяновымъ, котораго я принималъ въ университетъ по экзамену. Онъ мнѣ показывалъ особенно замѣчательные снимки съ фресковъ, какъ драгоценное приобрѣтеніе для Русской иконографіи. Типы Архангеловъ и апостоловъ П. и П. сходны, съ Византійск. образами въ Серпуховскомъ Высоцкомъ мон., другіе съ иконами сихъ апостоловъ въ Патриаршей ризницѣ. Тамъ я встрѣтилъ Перфильева и Вельтмана, который разсматривалъ чертежи Птолемеевой географіи XII в.

17. Я пошелъ къ Ундольскому, пересмотрѣлъ, записалъ у него рукописныя Русскія сказки и взялъ у него непропущенную книгу: «Нравственный пластырь для т. н. старообрядцевъ». М. 1809 г. въ 12. Ундольскій рассказывалъ о своемъ житіи у князя М. А. О., сколько онъ потерпѣлъ отъ его характера и какъ жестоко и грубо онъ съ нимъ обращался.

18. Съ Андреемъ я съезъ къ Спиридонову въ уплату 1000 р. с., потомъ проѣхалъ къ С. Н. Орлову, который отдалъ за 5 экз. Жизни митрополита Платона 7 р. с.; обѣдалъ у князя Ю. А. Долгорукова съ С. П. Шевыревымъ, П. И. Севастьяновымъ и пр. Разговоръ съ ними веда княгиня объ Аѳонѣ, объ иконописи, о монашеской тамъ жизни.

21. Въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности читалъ рѣчь М. Н. Лонгиновъ, Вельтманъ о глагол. букв., разсуждали о выборѣ предсѣдателя и должностныхъ членовъ, прочли уставъ общества. Не дождавшись конца засѣданія, въ 3 ч. я, подобно П. Строеву, вышелъ. Въ акаѳистникѣ, подаренномъ дядѣ П. П. К-ву И. С. Брыкинымъ, 1810 г., я нашелъ отмѣтку, что бабка моя была изъ роду Комаровскихъ и что И. С. Брыкину было 128 л.

25. На Андреевой лошади я поѣхалъ черезъ Москву-рѣку и противъ Успенскаго моста провалился въ полынью, покрытую тонкимъ льдомъ и чуть было не утонулъ у барокъ, но меня вытащилъ за ноги кучеръ Борисъ съ нѣкоторыми встрѣчными. Тутъ оказалъ мнѣ участіе какой-то генералъ. Я весь промокъ до костей, насилу дотащился до Извольскихъ. Катя и Оля испугались, видя меня въ такомъ положеніи; дали вина вытереться, бѣлье и платье, напоили кофеемъ съ ромомъ и ухаживали за мною со всѣмъ сердолобіемъ. Я у нихъ обѣдалъ, потомъ заѣхалъ къ Крашенинниковымъ. Какой несчастный случай, говорили мнѣ, а я сказалъ: какой счастливый случай! и передѣвшись, ѣздилъ отпѣть молебень Божіей Матери Утоленія Печали, но на освященіи церкви, во имя Θεодоровской Богородицы въ Алексѣевскомъ, не могъ быть.

27. Получивъ въ почтамтѣ письмо отъ г. Хитрова, я прошелъ въ Златоустенскій мон. въ обѣднѣ, гдѣ служилъ митрополитъ Филаретъ. Послѣ обѣдни я заходилъ къ іеромонаху Филарету, который показывалъ мнѣ свои образа съ лампадами и свѣчами, далъ мнѣ св. просфору; потомъ я зашелъ къ архимандриту Евстаѳію, у котораго нашелъ Андрониковскаго архимандрита Платона; у него позавтракалъ, потомъ прошелъ къ Г. М. Крашенинниковой и у нея обѣдалъ. Безъ меня ко мнѣ заѣзжалъ митрополитъ Филаретъ съ визитомъ.

28. Я съ Андреемъ ѣздилъ въ штабъ, гдѣ узналъ, что онъ представленъ въ офицеры 21 Января. Къ митрополиту Филарету, который говорилъ со мною о нѣкоемъ Θεодорѣ, погребенномъ въ стѣнѣ сѣверной Крутицкаго архіерейскаго дома: тотъ ли онъ самый, который присланъ былъ, какъ ересіархъ, для увѣщанія подъ началъ въ митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу, или другой? Я подозреваю участіе раскольниковъ въ этомъ дѣлѣ.

31. На отпѣваніи профессора М. Θ. Спасскаго въ университетской церкви, гдѣ говорилъ надгробное витіеватое слово законоучитель Сергѣевскій, первенствовалъ въ служеніи протопресвитеръ Дмитрій Новскій. Церковь была полна народу. Лѣстница въ церковь убрана была цвѣтами въ горшкахъ, и крышка гроба украшена гирляндами цвѣтовъ. Сперва профессора, потомъ студенты несли гробъ на себѣ до Лазарева владбища. Добрый и благочестивый былъ покойникъ. Вѣчная ему память!

Февраль. 2. Съ Крыженовскимъ ѣздилъ въ с. Владыкино на освященіе церкви во имя Св. Архангеловъ Михаила и Гавріила. За Останькинымъ мы встрѣтили увязшую въ снѣгу карету архимандрита Златоустинскаго Евстаѳіа, уступили ему сани доѣхать до церкви, а я дошелъ пѣшкомъ до церкви. Народу, не смотря на дурную дорогу, собра-

лось множество. Я тамъ видѣлся съ знакомыми генер.-лейт. Рейхелемъ, прокуроромъ Лопухинымъ, Прохоровымъ, К. В. и пр. Храмосдатель Толоконниковъ звалъ меня убѣдительно къ себѣ въ домъ на обѣдъ, но я не поѣхалъ за дальностію. Закусилъ я у духовника своего, обѣдалъ у Крыженовскаго.

5. Заутрениа въ Грачахъ, поздняя обѣдня у праздника Утоленія Печали, гдѣ мнѣ діаконъ соборный далъ св. просфору и гдѣ встрѣтилъ П. Н. Титова, который сказалъ, что князь Друцкой женится на разведенной съ мужемъ графинѣ Нессельроде, и что А. Кошелева зарѣзали въ Рязани или Тулѣ. Г. и А. Головины изъ церкви завезли меня къ себѣ. Я обѣдалъ у Н. В. Сушкова. Поутру и вечеру былъ у меня Сергѣй Константиновичъ Зарянка, читалъ мнѣ свое возраженіе противъ Крузе, писавшаго объ упадкѣ художественнаго класса безъ доказательствъ.

11. Былъ на панихидѣ князя С. М. Голицына, которую служилъ архимандритъ Леонидъ. Тамъ видѣлъ многихъ знакомыхъ, между прочимъ князя И. А. Лобанова и А. И. Мясоѣдова съ женою, которые пригласили меня обѣдать къ себѣ. Тѣло стояло въ заколоченномъ гробѣ въ церкви, орденовъ при немъ не было. Я заходилъ по дорогѣ къ Герингу поговорить о лубочныхъ картинкахъ и о сходныхъ съ ними въ Германіи. Обѣдъ у А. И. Мясоѣдова. Какъ трудно оставлять дурныя привычки! Впрочемъ говорятъ не безъ основанія: «Есть привычка, есть и отвычка». Вѣришь то, что въ преодолѣніи дурныхъ привычекъ болѣе помогаетъ Богъ, нежели собственные наши силы. Ему неотступно надо молиться.

12. Я прошелъ въ Чудовъ мон. на праздникъ. Служилъ митроп. Филаретъ. Послѣ обѣдни я зашелъ въ келью къ архимандриту Памсію, гдѣ были митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Евгеній и пр. На прощаньи митроп. Филаретъ просилъ меня о доставленіи ему напечатанной за границу брошюрки противъ его проповѣди о папѣ. Посѣтилъ Новоструева среди его древнихъ рукописей; оттуда къ Хомякову, по просьбѣ митроп. Филарета о доставленіи ему сказанной брошюрки.

16. Поутру я ѣздилъ къ ректору Московскаго университета Альфонскому просить его о покупкѣ Латинскихъ книгъ и о Моск. газетахъ. Обѣщалъ.

17. Я ѣздилъ въ правленіе Московскаго университета въ ректору Альфонскому просить его о покупкѣ Латинскихъ книгъ моихъ. Онъ обѣщалъ, приказавъ выдать мнѣ Исторію Московскаго университета, біографіи профессоровъ и Московскія газеты. Я намекалъ ему о причиненіи меня по особымъ порученіямъ. Онъ спросилъ меня, почему не прошусь въ цензоры? Я отвѣчалъ: «Вы, какъ товарищъ, должны мнѣ

порадѣть». Дома, нашедши присланную отъ Хомякова книгу противъ православной церкви, отнесъ ее къ митроп. Филарету.

20. Поутру прїѣзжалъ ко мнѣ зять съ дочерью, прося забыть прошедшее неудовольствіе и помириться.

21. Поутру съ зятемъ я ѣздилъ къ жандармскому генералу Степану Васильевичу Перфильеву. Зять разсказалъ ему поступокъ Кожина и просилъ о защитѣ. Перфильевъ, выслушавъ, записалъ имена обидчика и обиженнаго, обѣщаясь сдѣлать все, что отъ него зависитъ. Я былъ съ визитами у князя М. А. Оболенскаго, который показывалъ мнѣ костаные ларцы, серебряныя старинныя ложки и другую утварь для Романовскаго дворца. Я ему отдалъ за 10 р. с. Выходную книгу; читалъ съ нимъ 1-й листъ урочищъ Московскихъ.

22. Поутру я ходилъ къ В. М. Ундольскому за справками, потомъ въ Шереметевскую больницу къ обѣднѣ, которую служилъ митроп. Филаретъ, навѣстилъ М. Л. Петрову; до обѣда ходилъ къ вечернѣ на Троицкое подворье. Послѣ нея митрополитъ прощался со всѣми, меня онъ держалъ за руку нѣсколько мгновений. Народу была полнехонька церковь.

23. Изъ Златоустенскаго монастыря прислана мнѣ отъ митроп. Филарета св. просфора.

24. Зашелъ къ архимандриту Греческому посоветоваться насчетъ надписи Греческой на иконѣ Иверскія Вогородицы. Переводъ ея отосланъ мною къ Н. В. Сушкову.

27. Съ зятемъ я ѣздилъ къ генералу Ковалинскому, который былъ свидѣтелемъ драки моего зятя съ племянникомъ его Кожинымъ въ театрѣ. Онъ совѣтовалъ или вызвать на поединокъ или прекратить дѣло.

28. Поутру я ходилъ къ М. Н. Каткову, которому я отдалъ свою статью о селѣ Преображенскомъ для помѣщенія въ Русскомъ Вѣстникѣ; обѣдалъ у сенатора А. И. Мясоѣдова, гдѣ познакомился съ новымъ попечителемъ Московскаго университета Николаемъ Васильевичемъ Исаковымъ. Молодецъ изъ себя, красавецъ и образованный человекъ, путешествовалъ въ Палестину и Египеть, любитъ библиографію, намѣревается открыть въ Москвѣ публичную библіотеку. К. С. Мясоѣдова сказывала мнѣ, что графъ Закревскій называетъ меня единственнымъ цензоромъ и жалѣеть, что его поссорилъ со мною Назимовъ; предлагала мнѣ быть цензоромъ. Я отвѣчалъ, что вдругъ не могу рѣшиться.

Мартъ. 2. Отъ митроп. Филарета приходилъ секретарь его Даниловъ узнать о моемъ здоровьи и возвратить мнѣ книгу. Отъ ректора Моск. семинаріи Леонида я получилъ при его письмѣ посылку отъ архим. Θεодора. Вечеромъ заѣзжалъ ко мнѣ Н. В. Сушковъ отъ митрополита.

6. Я завернулъ въ канцелярію военнаго генераль-губернатора къ Ѳ. П. Корнилову по дѣлу зятя моего. На просьбѣ послѣдняго графъ Закревскій написалъ рѣшеніе: «Сдѣлать оберъ-полицмейстеру строгое изслѣдованіе и представить это Московскому военному г.-губернатору».

8. Въ правленіи Московскаго университета получены мною 150 р. с. за книги; оттуда къ К. С. Мясоѣдовой, у которой нашель графа Закревскаго. Выждавъ время, пока онъ уѣхалъ отъ нея, я зашелъ къ ней. Она сказала, что слышала, что министръ Ковалевскій противъ меня. Я отвѣчалъ, что не имѣлъ съ нимъ никакого дѣла, слѣдовательно не подалъ ему причины возставать противъ меня. У васъ много враговъ, она примолвила. Возненавидѣша мя туне.

10. Вечеромъ пріѣзжалъ почетный гражданинъ Алексѣевъ, живущій у Андроніева мон., справиться о мѣстѣ добыванія глины за Андроніевымъ мон. Аристотелемъ для построенія Успенскаго собора. Въ Соф. временникѣ значится, что добывали ее въ урочищѣ Калитниковѣ. Тамъ Алексѣевы нашли превосходную глину.

12. Въ лавкѣ Сопѣлкина я встрѣтилъ игумена Пароенія, который сказывалъ мнѣ объ устроеніи въ Гуслицахъ Спасо-Преображенскаго мон. среди 120 тысячъ раскольниковъ. Я заѣхалъ въ засѣданіе Общества Л. Р. С., гдѣ я состою дѣйствительнымъ членомъ съ 1820 года. Тамъ читалъ любопытную статью объ Уралѣ профессоръ Щуровскій. Я представлялъ свой дипломъ на званіе дѣйств. члена, данный мнѣ 1820 г.

13. Отправился въ ц. Свят. Алексія въ Рогожской помолиться Ѳеодоровской Божіей Матери и посмотриѣть возобновленный и роскошно украшенный главный храмъ, гдѣ старый иконостасъ съ богатою рѣзбою облитъ золотомъ, старыя иконы и стѣнопись реставрированы. Апостолы и ангелы, также вверху Воскресшій Спаситель рѣзные. На царскихъ дверяхъ, вмѣсто Благовѣщенія, Распятіе Иисуса Христа. Одинъ придѣлъ во имя Свят. Алексія, другой—во имя Свят. Димитрія. Я обошрѣлъ еще три церкви: I) Преп. Сергія въ Рогожской съ придѣлами: 1) Св. Троицы и 2) Свят. Николая; II) Свят. Николая на Ямахъ (на съемахъ ямц.), главный престолъ Св. Троицы, а придѣлъ Рождества Предтечи; III) Св. Троицы въ Сыромятникахъ съ придѣлами: 1) Свят. Николая и 2) Преп. Сергія. Оттуда я зашелъ къ Алексію Васильевичу Брыкину, дальнему моему родственнику, и къ жепѣ его Матренѣ Васильевнѣ. Онъ показывалъ мнѣ собраніе Русскихъ монетъ, между ними есть рѣдкія. Онъ былъ мнѣ очень радъ. Къ прискорбію моему, мой Андрей возвратился пьянымъ и съ пьянымъ кучеромъ, который было задалъ двухъ чиновниковъ, хотѣвшихъ взять его съ лошадыю на съѣзжій домъ.

14. Приходилъ ко мнѣ вчера чиновникъ отъ П. И. Иванова съ извѣстіемъ объ опредѣленіи, по моей просьбѣ, сироты въ Набилковское училище, и солдатъ съ письмомъ отъ барона Моргенштерна о произведеніи моего сына Андрея въ прапорщики. 14-го былъ г. Кацари, просить объ опредѣленіи одной бѣдной дворянки.

15. Я ѣздилъ благодарить за производство сына моего въ офицеры къ графу Гейдену и къ барону Рамзаю. Первый на просьбу мою объ оставленіи сына моего въ Москвѣ при кадрахъ сказалъ, что надобно послужить въ Тулѣ въ полку мѣсяца 4, тогда переведутъ его въ Москву въ гренадерскій корпусъ. Второй подалъ надежду причислить его къ кадрамъ корпуса Тучкова, если онъ въ резервахъ; просилъ меня прислать къ нему сына моего Андрея—посмотрѣть на него.

17. Я ходилъ къ М. Н. Лонгинову, которому отдалъ рукоп. Словарь митрополита Евгенія для продажи; заѣхалъ къ полицмейстеру И. И. Сычинскому, который обѣщалъ сдѣлать въ пользу зятя моего все отъ него зависящее. Онъ хотѣлъ, послѣ показаній Кожина, опросить зятя, какимъ судомъ онъ желаетъ вѣдаться: уголовнымъ или полицейскимъ.

19. Я подалъ въ Мѣщанскую часть свѣдѣніе о томъ, что мнѣ объявленъ указъ изъ Смоленской Гражданской палаты о дѣлѣ моемъ касательно взыскапія съ князя Друцкаго распроданнаго имъ магазиннаго хлѣба 72 четвертей ржи и 36 четвертей овса, по существовавшей въ 1843 г. справочной цѣнѣ, ржи по 2 р. 28 к., овса по 1 р. 82 к., всего 222 р. 84 к., Февраля 26, 1859 г. № 2034. Палата, признавъ рѣшеніе Дорогобужскаго уѣзднаго суда преждевременнымъ, полагаетъ въ силу 2544 ст. X т. зак. граж. возвратить дѣло въ оный къ новому соответственному съ законами производству и затѣмъ къ рѣшенію вновь сообразно съ обстоятельствами онаго и законами; а какъ сумма не достигаетъ 600 р., то, не представляя апелляции, рѣшеніе привести въ исполненіе. Послѣ обѣда я былъ у митроп. Филарета, просилъ благословенія сыну моему Андрею. Онъ сказалъ: «Развѣ не боитесь Черкесовъ? Впрочемъ, Богъ его благословить! Тамъ офицерское общество должно быть лучше Московскаго». Дочери моей Аннѣ позволилъ привести ему дѣтей своихъ послѣ Благовѣщенія на благословеніе. Меня спросилъ, почему я не служу? «Случая нѣтъ. Сижу у моря и жду погоды». Безъ меня заѣхалъ ко мнѣ сенаторъ Мясоедовъ. На раутѣ я былъ у Н. В. Сушкова; тамъ встрѣтилъ генерала Ковалинскаго, который совѣтовалъ зятю моему помириться съ Кожинымъ, а не тягаться и не срамиться. Видѣлся я съ М. Н. Катковымъ; который обѣщалъ мою статью о Преображенскомъ напечатать въ Мартовской книжкѣ Р. В. и заплатить мнѣ за нее. Ужинъ кончился въ 3 часу popol.

20. Утромъ посидѣлъ у меня Ундольскій, которому я далъ для разсмотрѣнія: 1) Булевы диссертаціи и 2) Акты о раскольникахъ Рогожскаго кладбища, изд. Сопѣлкинымъ.

21. Заутреню я слушалъ въ Грачахъ. Снѣгъ новый выпалъ. Я ходилъ къ полицмейстеру Сычинскому по дѣлу своего зятя. Онъ сказалъ, что Кожинъ въ показаніи своемъ отъ всего отперся, утверждая, что онъ Бородина не билъ и жены его не пугалъ, а отвѣчалъ на его грубость грубостью. Сычинскій совѣтовалъ помириться, потому что не ручается за послѣдствія. Кожинъ деньгами все можетъ сдѣлать. «Вы знаете наши суды», примолвилъ онъ. Отъ него я проѣхалъ къ А. И. Мясоѣдову, котораго нашелъ больнымъ: ревматизмъ въ рукѣ. По моему совѣту, онъ обвернулъ ее оберточною бумагой.

24. Я составилъ надпись для Романовскаго дворца, которую и представилъ въ засѣданіе комиссіи, гдѣ разсуждали и спорили о мебели для этого дворца.

25. Съ Подклюшниковымъ поѣхалъ къ ранней обѣднѣ въ ц. Св. Григорія Неокесарійскаго на Полянкѣ, тоже въ Кадашахъ; тамъ застали конецъ ранней обѣдни. Осматривали церковь прекрасной и узорочной Русской архитектуры, состоящую изъ пятиглаваго квадрата съ примыкающею къ нему трапезою и колокольнею одного стила съ церковью. Въ нижней церкви три престола: 1) св. Григорія Неокесарійскаго съ иконостасомъ въ 5 поясовъ, въ два свѣта; 2) Боголюбскія Божія Матери и 3) св. Григорія Богослова. Есть довольно старыхъ образовъ. Въ иконостасѣ иконы 1668 г. Въ этой церкви хранилась купель Петра I, для коей особенное было мѣсто. Въ приходѣ этой церкви жилъ или былъ настоятелемъ царскій духовникъ Андрей Савиновичъ, протоіерей Благовѣщенскаго собора, духовникъ царя Алексѣя Михайловича (см. Евгениевъ словарь), котораго жена и дѣти тамъ погребены. Въ 7175 г. отпѣлъ его патріархъ Іоасафъ. Самыя мѣста указывалъ причетникъ Дмитрій Гавриловъ, служащій здѣсь полѣвка. Въ верхней церкви престолъ во имя св. Тихона Амаѣунтскаго, котораго ц. прежде была деревянная, знакъ ея камен. надъ престоломъ въ саду у дьячка. Въ алтарѣ три ниши въ восточной стѣнѣ, въ сѣверной было царское, а въ южной патріаршее мѣсто, кои вели на хоры въ главную церковь. Онѣ теперь закладены, но въ стѣнѣ видны еще желѣзные крюки отъ дверей. Въ эту церковь ведетъ изъ притвора лѣстница на правой сторонѣ отъ входа. Въ 1812 году въ нижней церкви стояли лошади непріятельскія, но утварь вся уцѣлѣла, сохранилъ ее дьячекъ Дмитрій Гавриловъ, бывший пѣвчимъ у митроп. Платона. Меня съ Подклюшниковымъ зазвалъ къ себѣ староста Матвѣй Осиповъ, ревнующій о благолѣпіи храма. Оттуда я къ обѣднѣ въ ц. Благовѣщенія на Житномъ дворѣ, гдѣ отъ священ-

ника получилъ въ благословеніе св. просфору и благословенный хлѣбъ. По окончаніи обѣдни я прошелъ въ Чудовъ м., гдѣ служилъ митрополитъ Филаретъ, зашелъ въ его кельи поздравить его съ праздникомъ. Онъ меня послѣ закуски пригласилъ къ себѣ на обѣдъ, гдѣ были викарій Порфирій, архимандриты Леонидъ, Паисій, Венедиктъ и протопресвитеръ Д. Новскій. Разговоръ велъ со мною однимъ митрополитъ о скопцахъ, вин. откупщикахъ, объ Австрійцахъ и Грекахъ, враждующихъ противъ Славянъ. О рѣчи Буслаева и словъ архимандрита Іоанна митрополитъ отозвался невыгодно.

26. Поутру я составилъ записку для митропол., по его просьбѣ, о вырытыхъ въ Ивановскомъ м. трупахъ ересеначальниковъ Прокофьи Лупкинъ и Иванъ Сусловъ и палачами вывезенныхъ въ поле. Н. А. Кашиицевъ былъ у меня просить къ себѣ нынѣ. Я поѣхалъ къ нему въ 9 ч. Онъ собирался въ Спб. Говорили о разныхъ предметахъ, рассказывали анекдоты, пили разныя вина, ужинали. Домой я возвратился въ 3 часу пополуночи.

29. У меня были поутру Н. И. Подклюшниковъ и церковный староста церкви св. Григорія Неокесарійскаго Матвѣй Осиповъ благодарить меня за посѣщеніе, потомъ архитекторъ Измайловской военной богадѣльни и зять, который довезъ меня до университета, гдѣ было публичное засѣданіе О. Л. Р. С. Собралось довольно мужчинъ и дамъ. Чтеніе было довольно занимательно; рукоплескали много, особливо Лонгинову. Стихи Вяземскаго поправились. Рѣчь Хомякова бойка и пестра.

30. Я отдалъ архитектору поправленное мною представленіе А. И. Мясоедова о сооруженіи памятника Петру I на берегу Измайловскаго пруда, гдѣ онъ спустилъ найденный тамъ ботикъ.

Апрѣль. 3. Чиновникъ Оруж. Пал. Давыдъ Никифоровичъ Палащенко вызвался мнѣ пожертвовать въ Романовскій дворецъ древній образъ Божіей Матери съ криптографическою надписью, полученный имъ изъ роду князей Мещерскихъ. Онъ живетъ за Прѣсен. мостомъ на правой сторонѣ, во 2 переулкѣ, въ собственномъ домѣ, № 471.

4. Я былъ въ засѣданіи комиссіи строенія Романовскаго дворца въ Оружейной Палатѣ. Представлено мною описаніе старинной кухни или стряпущей съ кухонной посудой. Разсматривали старинныя ковры, одѣяла, скатерти, аксамиты, рытые бархаты для убранства палатъ, кресла. Всеночную я слушалъ на Троицкомъ подворьѣ, гдѣ служилъ митроп. Филаретъ и самъ раздавалъ вербу.

5. Въ Успенскомъ соборѣ митроп. Филаретъ освящалъ жертвенникъ.

9. На Троицкомъ подворьѣ читалъ XII Евангелій митрополитъ. Тамъ встрѣтился я съ княземъ Шаховскимъ. Отъ келейника митропо-

лита Михаила Утенина, который былъ при крещеніи великаго князя Александра, нынѣ императора, я слышалъ, что крестилъ его государевъ духовникъ Павелъ Криницкій, а преосвященный Августинъ во всемъ облаченіи стоялъ въ алтарѣ, гдѣ и доннынѣ стоятъ предъ образами два мѣдныхъ подсвѣчника, бывшіе при купели. Оно совершалось въ Алексіевской ц. Послѣ крещенія была обѣдня, которую служилъ преосвященный Августинъ съ архимандритомъ Евгеніемъ Казанцевымъ; Воспреемниками были за Государя Александра I военный генералъ-губернаторъ графъ Тормасовъ, а за Прусскаго короля князь Н. Б. Юсуповъ.

10. Съ Андреемъ я ѣздилъ къ д. Берсу и къ коменданту хлопотать объ отпускѣ. Сколько первый ласковъ, столько другой грубъ. Г. Берсъ напомнилъ мнѣ, что онъ былъ моимъ ученикомъ, совѣтовалъ Андрею не пить водки, вина и пива, не ѣсть много мяса и совершенно отказаться отъ ветчины и колбасы.

11. Я ходилъ къ заутренѣ въ свой приходъ съ Андреемъ, который тамъ исповѣдывался, но въ началѣ обѣдни уходилъ изъ церкви къ портному, потомъ причащался. Я этимъ такъ возмутился, что вышелъ изъ церкви и удалился домой. У Тихонравова взялъ себѣ пальто, а шубу свою оставилъ починить.

12. Графъ Закревскій спрашивалъ меня о Мишѣ и о моемъ семействѣ. У него я встрѣтился съ новымъ сенаторомъ И. И. Давыдовымъ и поздравлялъ его съ новымъ званіемъ и праздникомъ.

14. Зашелъ потолковать о книгахъ къ В. Ундольскому, который меня потчевалъ куличемъ и пасхою.

16. Я ходилъ съ визитомъ къ А. Д. Бороздину, у котораго увидѣвъ старинное изображеніе на холстѣ Ипатьевского м. съ портретомъ юнаго царя Михаила Ѳедоровича, просилъ пожертвовать его въ Романовы палаты. Онъ обѣщалъ.

18. Ходилъ въ Грузины къ Давыду Никифоровичу Палащенко, который вручилъ мнѣ образъ Спасителя съ криптогр. дома для Романовскихъ палатъ; онъ изъ дома кн. Мещерскихъ, къ нимъ перешелъ отъ кн. Хованскихъ. На дорогѣ мнѣ попался А. А. Мартыновъ, который подтвердилъ слова г. Шумахера, что графъ Закревскій уволенъ, а мѣсто его заступилъ графъ С. Строгановъ. Причиною удаленія полагаютъ кн. Друцкаго, женившася на его дочери замужней.

19. Закревскій выѣхалъ въ Ивановское.

21. Раннюю обѣдню я слушалъ у Свят. Николая въ Драчахъ, гдѣ служили благодарственный молебенъ о рожденіи сына Николая великому князю Михаилу Николаевичу. Оттуда я зашелъ потолковать къ В. М. Ундольскому, потомъ къ А. Д. Бороздину, у котораго и обѣдалъ. Онъ мнѣ отдалъ для Романовскихъ палатъ видъ Ипатьевского м. съ изобра-

женіемъ юнаго царя Михаила Ѳеодоровича. Мой Андрей отправился въ Тулу. Съ Богомъ!

24. Былъ въ Синодальной конторѣ на нареченіи ректора Московской семинаріи Леонида во епископа Дмитровскаго и викарія М. м. По прочтеніи указа Св. Синода секретаремъ Леонидъ произнесъ свое согласіе на принятіе сана епископскаго. Потомъ присутствовавшіе три архіерея Филаретъ, Евгенийъ и Никаноръ, Новоспасскій архимандритъ Агапитъ и протопресвитеръ Димитрій Новскій, вставъ съ своихъ мѣстъ, молебствовали. На рѣчь Леонида отвѣчалъ митроп. Филаретъ краткимъ словомъ. Первый всѣмъ членамъ кланялся въ ноги и принималъ отъ нихъ благословеніе. Все дѣйствіе заключилось многолѣтіемъ. Тамъ были г.г. П. П. Корниловъ, О. П. Рюминъ, С. Масловъ и пр.

25. Ко мнѣ пріѣзжалъ Губкинъ просить меня составить надписи и выбрать изъ Русской исторіи событія для блюда, имѣющаго быть поднесеннымъ наслѣднику престола при объявленіи его совершеннолѣтія.

26. Утро свѣтлое и свѣжее. День рукоположенія Леонида во епископа Дмитровскаго и XII викарія Московскаго. На посвѣщеніи его были митроп. Филаретъ, архіепископъ Евгенийъ, Уфимскій епископъ Порфирій и Александрійскій Никаноръ. Соборъ полонъ народа. Въ Успенскомъ соборѣ засталъ еще обѣдню и видѣлся съ Т. И. Филипповымъ, котораго просилъ прислать мнѣ рапорты преосвященнаго Августина о 1812 годѣ. Онъ сказалъ, что надобно прислать мнѣ ему записку.

Май. 2. Подѣхавъ на извозчикѣ къ своему дому, я встрѣтилъ своего Андрея пьянымъ съ Саксомъ. Онъ наговорилъ мнѣ грубостей и грозилъ уничтожить меня. Матушка вступилась за него и повторяла скверныя ругательства и угрозы свои. Какое испытаніе моему сердцу! Безсмысленнымъ потворствомъ своимъ она губить сына и не хочетъ этого понять.

3. Я былъ въ ц. Св. Бориса и Глѣба на отпѣваніи С. Т. Аксакова; тамъ видѣлъ г.г. Сушкова, Альфонскаго, Перфильева, Хомякова, Филиппова и пр.

5. Андрей меня растревожилъ, унесъ кошелекъ съ деньгами и обругалъ меня пьяный, плевалъ, разломалъ перегородку въ кухнѣ при людяхъ, выбилъ окна. Вотъ до чего доводятъ потворство ему матери и самовольство съ пьянствомъ! Все утро я дома, но, по разстройству духа, мало дѣломъ занимался. Одинъ обѣдалъ. Отъ А. И. Воробьева изъ Измайлова прислано мнѣ 11 бутылокъ краснаго вина, огурцовъ, редисы и зелени.

6. Отслушавъ заутреню у Свят. Николая въ Драчахъ, я прошелъ пѣшкомъ на Лазарево кладбище помануть свою матушку, скончавшуюся

въ этотъ день; оттуда къ Трифоновскому священнику, съ которымъ потолковалъ объ исторіи Трифоновской церкви, повидимому, очень древней. Дома я помянулъ матушку блинами. Анета у насъ обѣдала съ Луизой и меня нѣжно утѣшала, звала къ себѣ въ Молоди.

8. Я ходилъ къ графу С. Г. Строганову, который спрашивалъ меня о предметахъ моихъ занятій и звалъ меня къ себѣ по вечерамъ часу въ 7 или 8.

9. Проѣхалъ поздравить съ именинами Х. Д. Спиридонова, которому минуло 83 года, отъ него подѣ Новинское къ Д. А. Ботвиньеву, къ Н. А. Кашиинцеву, имениннику, къ И. П. Андросову по дѣлу.

11. Я написалъ поздравительное письмо къ В. И. Панаеву, получившему орденъ Св. Александра Невскаго. Я представилъ въ засѣданіе комиссіи д. Р. отъ Палащенко образъ Спасителя съ глаголической надписью и отъ А. Д. Бороздина видъ Ипатьевского м. Въ засѣданіи комиссіи кн. Оболенскій спорилъ и ссорился съ Рихтеромъ, который ему во всемъ почти перечить.

14. Государь утвердилъ составленную мною надпись для Романовскихъ палатъ, повелѣвъ вырѣзать ее на бронзовой доскѣ.

18. Не дождавшись въ Оружейной палатѣ кн. М. А. Оболенскаго, мы всею комиссіей отправились въ палаты Романовы; тамъ, встрѣтивъ А. А. Медынцева, съ нимъ осматривали помѣщеніе ихъ и мебели. Потомъ зазвалъ насъ и угостилъ А. А. Медынцевъ; съ нимъ я зашелъ къ его тестю пить молоко.

19. Поутру я занимался Московскими урочищами, потомъ ходилъ къ В. М. Ундольскому за книгами. На дорогѣ попавшійся мнѣ П. П. Никифоровъ упросилъ меня сходить къ умирающему генералу М. И. Чеодаеву подписать его духовную, что я и исполнилъ при г. Перегудовѣ. Отъ него я прошелъ на пожаръ близъ Новаго Пимена. Время жаркое и горѣло жарко домовъ пять деревянныхъ. Я слушалъ всенощную на отданіе празднику Пасхи въ ц. Свят. Николая въ Грачахъ. Купленъ револьверъ Андрею за 50 р. с.

20. Въ Чудовѣ м. къ обѣднѣ, которую совершалъ митроп. Филаретъ. Послѣ обѣдни я зашелъ къ митрополиту на закуску съ Н. А. Кашиинцевымъ и А. Муравьевымъ, который предлагалъ митрополиту возобновить въ Чудовѣ м. упраздненную ц. Св. Андрея Первозваннаго. Митрополитъ спросилъ, какъ я полагаю? Отвѣчалъ, что надобно возобновить, потому что въ Москвѣ нѣтъ церкви во имя сего Апостола. Муравьевъ сказалъ, что это его ангелъ. Я возразилъ, что, сколько его знаю, онъ всегда праздновалъ свои именины въ день св. Андрея Юродиваго Октября 2. Въ Греческомъ м. праздновали 25 лѣтіе Греческаго короля Оттона. По дорогѣ я заходилъ къ Губкину занять 250 р. с. для похода

Андрею, но тщетно. Оттуда на именины къ А. И. Лобкову, у котораго я нашель протопресвитера Успенскаго собора и протоіерея Архангельскаго. Съ ними и съ другими (г. Поныркою, Некрасовымъ, А. Титовымъ, Ширяевымъ, Сорокинымъ, Юрловымъ и пр.) обѣдалъ. Возліянія были обильныя. По дорогѣ я слушалъ всенощную въ ц. Св. Харитонія.

21. За мною заѣхалъ г. Кацари именинникъ съ женою и повезъ меня къ тестю своему въ Горенки. Тамъ обѣдалъ я и осматривалъ великолѣпный, но разстроенный садъ на прекрасномъ мѣстоположеніи. По возвращеніи домой я нашель гостей и музыку въ саду—не кстати: лучше бы молиться въ путь.

22. Противъ ц. Троицы на Листахъ гоняли двухъ сквозь строй за грабежъ. Послѣ обѣда отправился Андрей въ полкъ свой съ Иваномъ. Благословивъ его образомъ Взысканія - Погибшихъ Божіей Матери и окропивъ св. водою, я далъ ему на дорогу 185 р. сер. да заплатилъ Миллеру за одежду 25 р. с.

23. Я присутствовалъ въ засѣданіи комиссіи о возобновленіи Романовскихъ палатъ; назначали образа въ покой. Я предложилъ поставить тамъ соименный царю Михаилу Ѳеодоровичу образъ св. Михаила Малеина; поручили мнѣ просить его у митрополита.

27. Поутру ко мнѣ приходилъ Н. М. Бакунинъ узнавать о графѣ Строгановѣ, у котораго онъ хочетъ служить; но дѣло до меня не касалось, и я отказался отъ участія. Раннюю обѣдню я слушалъ въ своемъ приходѣ и въ алтарѣ спрашивалъ протопопа И. С., съ какою цѣлью онъ сослался на меня невѣсткѣ митрополичьей, будто я сказывалъ ему о помѣщенной на нее въ Колоколъ статьѣ? Онъ при дьяконѣ и дьячкѣ сказалъ, что никогда на меня не сылался невѣсткѣ митрополичьей и даже не думалъ сылаться и отъ меня этого не слыхалъ. Это я передалъ Аннѣ Ксеноф. Сплетни! Ходилъ къ г.г. Ундольскому и С. И. Мальцеву, который, по просьбѣ моей, обѣщалъ прислать 700 р. с. и сахару. Возвращаясь домой, я встрѣтилъ своего сына Андрея, пріѣхавшаго изъ Тулы на 10 дней. Съ зятемъ жена моя пріѣхала отъ Ивана Яковлевича.

29. Поутру я ходилъ къ С. Мальцеву, но, не смотря на свое обѣщаніе ссудить меня деньгами, онъ отговорился, сказавъ, что, его управляющій затрудняется отпустить деньги. Эгоистъ бездушный!

30. Поутру въ 5 ч. митроп. Филаретъ уѣхалъ въ Троицкую лавру; у него на огородѣ былъ пожаръ.

Іюнь. 3. Въ казенной палатѣ я взялъ свою пенсію, изъ коей 55 р. с. далъ на дорогу Андрею, да онъ самъ вынулъ изъ моей записной книжки 20 р. с. Я всю почти ночь не спалъ, сидѣлъ почти до разсвѣта на заднемъ крыльцѣ.

5. Поутру побесѣдовалъ и пить со мною кофе В. М. Ундольскій, который за рукопись Словаря митрополита Евгенія отдалъ мнѣ 40 р. с.; потомъ приѣхалъ Н. В. Сушковъ. Послѣ вечерень я ходилъ къ г. Бѣляеву; не заставъ его, я зашелъ къ Н. А. Капшинцеву, у котораго просидѣлъ съ докторомъ Скребковымъ до утра, толковали о томъ и о семъ, рассказывали анекдоты, ужинали.

6. Вчера на Трубѣ нельзя было ни ходить, ни ѣздить отъ разлитія дождя; на Кузнецкомъ мосту въ домѣ подлѣ Голиц. галереи весь нижній этажъ засыпало градомъ и залило дождемъ, такъ что нѣкоторые погибли тамъ. Въ Греческомъ м. весь дворъ завалило градомъ толщиною около двухъ аршинъ; нижнюю церковь затопило водой. Туча шла отъ Сѣвера и столкнулась съ другою тучею отъ Запада. Я обѣдалъ съ Архангельскимъ ключаремъ у А. И. Лобкова, который поминалъ годовщину своей жены.

7. Поутру я ходилъ и ѣздилъ въ Донской м. къ преосвященному Евгенію; побесѣдовавъ съ нимъ и позавтракавъ, я прошелъ къ графу Блудову въ Александринскій дворецъ; нѣсколько минутъ поговорилъ съ нимъ. Онъ приглашалъ меня еще къ себѣ.

9. Трачу свое время въ хожденіяхъ и неудачныхъ поискахъ. Скорблю, но не могу выпутаться; молюсь Богу и надѣюсь. Усталъ чрезвычайно.

10. Заходилъ къ Г. П. Головину, который сказывалъ: 1) что митрополитъ Платонъ свидѣтельствовалъ мощи патріарха Гермогена и хотѣлъ было поставить ихъ въ ракъ у столба подъ образомъ Соловецкихъ чудотворцевъ; 2) что изъ Новгородскаго Софійскаго собора намѣреваются переставить мощи кн. Ѳедора, брата св. Александра Невскаго, въ Исаіевскій соборъ; 3) что на крови казненныхъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ бояръ на Красной площади поставлены женами ихъ 15 церквей.

11. Получено мною по телеграфу письмо отъ Миши, который просить убѣдительно прислать ему денегъ. «Не погубите», пишетъ. Поутру я ходилъ къ Н. Я. Б. и О. С. Крыженовскому, но они еще не вставали. Я завернулъ въ ц. Св. Филиппа митрополита, гдѣ было водосвятіе; потомъ къ О. С., который мнѣ рекомендовалъ сводчика Никиту Захар. Я самъ носилъ отвѣтъ Мишѣ на желѣзную дорогу; но тамъ не приняли, сказавъ, что принимается въ Кремл. телеграфъ, куда я и отнесъ. По дорогѣ я заходилъ къ А. И. Лобкову, который обѣщалъ въ Суботу. Отъ него я въ Кремль, гдѣ видѣлъ великаго князя Константина съ супругою. Они ходили по соборамъ въ сопровожденіи графа Строганова, въ предшествіи викарія Леонида, бывшаго у него мичманомъ. Я осматривалъ въ Архангельскомъ соборѣ нѣкоторые гробницы и образа.

12. Завернулъ въ Петровскій м. къ обѣднѣ, гдѣ встрѣтилъ К. П. Толстую и гдѣ остановились проѣздомъ бывшій Черниговскій архіепископъ Павелъ и гдѣ остановится преосвященный Димитрій Херсонскій, ожидаемый нынѣ. Въ Оружейной Палатѣ я занимался выписками изъ приходо-расходныхъ книгъ; оттуда прошелъ на строеніе Романовскихъ палатъ, гдѣ князь М. А. Оболенскій и Вельтманъ спорили съ Рихтеромъ о выходѣ изъ нижняго этажа, настаивая вмѣстѣ со мною, чтобы онъ его сдѣлалъ, потому что самъ его назначилъ и Государь утвердилъ. Споръ кончился ничѣмъ. Цѣлый день я оставался безъ обѣда; послѣ вечерни въ Успенскомъ соборѣ завернулъ къ Чудовскому намѣстнику Паисію, у него съѣлъ двѣ просфоры и выпилъ двѣ бутылки лимонаду.

14. Узналъ о кончинѣ въ 2 ч. попол. генерала отъ инфантеріи М. И. Чаодаева. Послѣ обѣда я зашелъ въ домъ покойника и тамъ встрѣтилъ сенатора Чертова и съ нимъ потолковалъ. Они 50 лѣтъ соединены дружбою и оба 59 лѣтъ офицерами. Оттуда я заходилъ къ Крыженовскому по своему дѣлу, потомъ въ городъ, гдѣ у маклера написалъ зятю заемное письмо въ 1000 р., кои отъ него и получилъ.

15. Написалъ письма къ А. И. Лобкову и къ сыну Михаилу въ Славянскъ со вложеніемъ 750 р. с. Обѣдню я слушалъ въ Усп. с. на празднованіи памяти Свят. Іоны. Служилъ Леонидъ. Оттуда я съ М. М. Евреиновымъ пришелъ на его квартиру, убранную портретами его предковъ, читалъ у него замѣчательное письмо Штейнгеля къ Николаю I *).

17. Поутру я ходилъ къ г. Ундольскому, потомъ въ ц. Св. Филиппа митрополита на отпѣваніе генерала отъ инфантеріи М. И. Чаодаева, которое совершалъ викарій Леонидъ. Изъ дому гробъ его несли въ церковь нѣкоторые генералы. Тамъ я встрѣтилъ знакомыхъ генераловъ: Чертова, Ахлестышева, П. П. Корнилова, Ковалинскаго и пр. Распоряжался похоронами П. П. Никифоровъ съ племянникомъ. Два баталіона и батарея не провожали тѣло до Алексѣевского м., только сопутствовала музыка военная. Я шелъ пѣшкомъ до самаго монастыря; выпросилъ оба покрова богатые для приходской церкви. Съ дьяконами я доѣхалъ до дому покойника, гдѣ былъ заупокойный обѣдъ.

19. Я зашелъ осмотрѣть съ священникомъ ц. Св. Николая въ Голутвинѣ, гдѣ много нашелъ любопытнаго; она наполнена св. иконами и большею частію въ серебряныхъ окладахъ. На урочищѣ Бабій Городокъ стоятъ три церкви: 1) Св. Іоанна Воина, 2) Марона и 3) Николая.

21. Слышно, въ Москвѣ каждый день пожаръ, коими еще угрожаютъ графу Строганову подметныя письма.

*) Эти портреты нынѣ въ Архивѣ Мин. Ин. Дѣлъ. П. С.

юль. 2. Къ намъ прївзжалъ купецъ Ф. И. Серебrenиковъ съ Жидомъ, которому закладываемъ свой родительскій домъ при упованіи на помощь Божію. Походилъ ко мнѣ Н. П. Розановъ, которому я далъ для справокъ Исторію Россійской Іерархіи, кромѣ 1 т.

8. Отдалъ книгопродавцу Арлю Памятники Московской Древности, моего сочиненія, требованные въ Вѣну книгопродавцемъ, за 44 р. с., кои получилъ отъ него на другой день.

12. Въ Знаменскомъ м. отправлялъ митрополитъ Филаретъ до обѣдни панихиду, послѣ обѣдни молебень. Были кн. М. А. Оболенскій и генералъ Бурачковъ, который напомнилъ мнѣ свое знакомство въ Москвѣ со мною, когда онъ еще былъ офицеромъ. Братъ его Бурачковъ-издатель Маяка. Когда я подошелъ къ благословенію митрополита, онъ, благословивъ меня, взялъ за рукавъ и потянувъ, сказалъ: «Пойдемте къ архимандриту». Меня тамъ упросили обѣдать съ архим. Евстафіемъ и Трехгуляевскимъ архим. изъ Тихвина. Прохоровы звали меня къ себѣ обѣдать.

15. Послѣ обѣда я ходилъ къ митрополиту Филарету показать ему свою статью. Онъ рассказывалъ, что вчера близъ дома нашего приходскаго дьякона покушались зажечь сарай.

16. Я слушалъ раннюю обѣдню въ своемъ приходѣ, гдѣ было молебствіе о сохраненіи нашего прихода отъ огненнаго заpalенія; съ молебномъ носили хоругви и образа по улицамъ и въ нашъ домъ на дворъ вносили икону Неопалимыя Купины и кропили домъ св. водою.

20. Дома былъ у насъ зять. Почти всю ночь не спали; разнеслась молва, что вся Москва будетъ горѣть, но, благодареніе Богу, въ этотъ разъ не было пожара.

21. Спиридону Абуту Сирианину я, по просьбѣ его, далъ писанную мною Жизнь митрополита Платона. Онъ хотѣлъ перевести ее на Арабскій.

22. Въ Успенскій соборъ, гдѣ встрѣтилъ многихъ знакомыхъ: графа Блудова, генерала Ахлестышева, Ѳ. П. Корнилова, В. Д. Шлыкова, высокопреосвященнаго Евгенія и пр.

23. Ходилъ къ митрополиту Филарету, спрашивалъ его, гдѣ устроить мѣсто освященія Романовскаго дворца? Я предложилъ внѣ дворца, на площадѣ, оттуда идти въ самыя палаты и окропить ихъ св. водою. Онъ согласился на это, изъявивъ желаніе предварительно осмотрѣть самое мѣсто. Я еще предложилъ ему благословить иконою преп. Михаила Малейна. Онъ и на это согласился. Я казалъ ему вступленіе къ религіозно-духовнымъ лубочнымъ картинамъ. Онъ, по прилежномъ прочтеніи, одобрилъ его. Я послалъ къ г. Шевыреву поздравительное письмо съ именнами сына его и два экземпляра моего описанія освященія ц. Успенія на Покровѣ.

24. Къ Н. В. Сушкову отнесъ корзинку персиковъ, присланныхъ мнѣ Анетою, и у него обѣдалъ; потомъ заходилъ въ типографіи Бахметеву и Университетскую, гдѣ встрѣтилъ г. Бодянскаго; отдалъ И. И. Давыдову отъ г. Сушкова ст. Фр. о необходимости педагогическаго института; съ И. Н. Аничковымъ прочелъ свое введеніе къ лубочнымъ духовно-религіознымъ картинкамъ.

27. Я проснулся до заутреня, написалъ письмо къ Мишѣ въ Славянскъ съ разорванными заемными актами Спиридонова въ 1500 р. с. Городищевой въ 1000 р. с., роспискою Л. Петрова въ 300 р. с. и самъ отдалъ на почту. Оттуда я прошелъ на стройку Романовскаго дворца, потомъ въ Успенскій соборъ, гдѣ видѣлся съ преосвященнымъ Евгеніемъ и пр. Оттуда я зашелъ на закуску въ Чудовъ м. къ архимандриту Паисію, гдѣ были митроп. Филаретъ, арх. Евгений и викарій Леонидъ.

ИЗЪ ДОРОЖНАГО ДНЕВНИКА ГРАФА Г. Г. КУШЕЛЕВА.

Въ 1798 г. было предпринято императоромъ Павломъ I второе его путешествіе по Россіи. За годъ передъ тѣмъ, вскорѣ послѣ своего коронованія, онъ объѣхалъ сѣверозападный край Россіи; теперь отправился на Востокъ ея. Путешествіе по тогдашнимъ дорогамъ исполнено было неудобствъ даже и для самаго царя. Тутъ, какъ и во многихъ другихъ своихъ дѣйствіяхъ, руководился онъ высокими побужденіями; но не даромъ многоопытные въ дѣлахъ Французы составили пословицу о томъ, что адъ вымощенъ прекрасными намѣреніями.

Сопроводять Государя выпало на долю Григорію Григорьевичу Кушелеву, который весьма близко стоялъ къ особѣ Павла (тогдашнѣе вступленіи на престолъ, императоръ Павелъ, 7 Ноября 1796 г., пожаловалъ Кушелева во флигель-адъютанты, а на другой день—въ генераль-адъютанты). Это былъ прекраснѣйшей души человекъ. Его не испортило и богатство супруги его, которая принесла за собою въ приданое несмѣтныя сокровища и обширныя имѣнія своего дяди князя Безбородки. Читатели «Русскаго Архива» помнятъ письмо Г. Г. Кушелева къ молодому сыну его друга, графу Д. Н. Шереметеву.

Кушелевъ во все время поѣздки съ императоромъ Павломъ Петровичемъ велъ сообщенную въ «Русскій Архивъ» покойнымъ Николаемъ Яковлевичемъ Макаровымъ поденную записку, которую приводимъ здѣсь въ извлеченіяхъ.

Государь выѣхалъ 5 Мая, въ 7 ч. 20 м. «Утро было прекрасное; погода была свѣтлая; воздухъ вѣялъ тихій и благорастворенный; дорога, шедшимъ ночью дождемъ орошенная, освободилась отъ пыли, и атмосфера, прочистясь отъ густыхъ паровъ, наполнялась разливающимся отъ распускающихся на деревьяхъ листьяхъ пріятнымъ благоуханіемъ; словомъ, вся природа споспѣшествовала благонамѣренному путешествію сему, ради всеобщаго блага подданныхъ предпріятному попечительнымъ монархомъ»

Въ Тоснѣ послѣдовала перемѣна лошадей, въ Любани объѣдъ, и въѣздъ въ Новгородъ совершился въ восьмомъ часу вечера. «Такъ какъ воды нынѣшнею весною разлились больше обыкновеннаго, то окрестности Новгорода, состоящія изъ луговъ и полей жатвенныхъ, покрыты были въ низшихъ мѣстахъ водою, отчего составились многоразличныя островки и проливы, придающіе разнообразіемъ своимъ немалое украшеніе городу; прибывшія же во многомъ числѣ барки умножали нѣкоторымъ образомъ въ городѣ многолюдство».

6 Мая путешествіе продолжалось. Обѣдъ былъ въ Зайцовѣ, кофе подавался въ Крестцахъ, а ночлегъ въ Валдаѣ. «Когда его императорское величество изволилъ пробудиться и спросить кофе, то кофеишникъ, занявъ будучи единственно скорѣйшимъ служеніемъ, позабылъ осмотрѣть всѣ расположенія комнатъ, и возвышенный порогъ былъ причиною его паденія съ великимъ стукомъ и пролитіемъ всего имъ приготовленнаго. Его величество изволилъ приказать кофеишнику быть осмотрительнѣе, когда понесетъ въ другой разъ кофе, что немедленно и исполнено. Нечаянный сей случай столь сильно разстроилъ кофеишника, что онъ лишился почти чувствъ и не зналъ, что съ нимъ дѣлалось. Ему казалось, что онъ стремглавъ летитъ въ глубочайшую пропасть, хотя и лежалъ тогда на полу».

«Утро было прекрасное, и лежащее предъ дворцомъ озеро, съ тихими волнами коего играли тогда прекрасные лучи восходящаго солнца, и разсѣянные по пространству его острова съ рощами, изъ которыхъ на одномъ видна рыбацья деревенька, а на другомъ Иверскій монастырь, представляющійся въ каменномъ древнемъ зданіи своемъ какъ бы возрастающимъ изъ нѣдръ прозрачныхъ водъ, изображали для любопытнаго зрителя прелестную картину». Въ Хотиловѣ былъ обѣденный столъ, причемъ «рыба была тамошнихъ мѣсть и форели довольно вкусныя, коими небольшія прозрачныя рѣчки изобилуютъ». Не доѣзжая до Вышняго Волочка, Государь неожиданно посѣтилъ одну крестьянскую хижину, коей «хозяйка въ чрезвычайное приведена была удивленіе отъ внезапнаго посѣщенія его и, поставляя выше вѣроятія, чтобы великій гость сей былъ самъ Императоръ, долгое время колебалась сомнѣніемъ и, увѣряясь, наконецъ, въ прямой истинѣ сего, съ живѣйшимъ чувствомъ благодарности восхищалась высочайшимъ симъ посѣщеніемъ, славословила щедроту Монарха своего и стократно благословляла счастливый для нея день сей».

Въ Вышнемъ Волочкѣ Государь присутствовалъ при открытіи шлюзовъ.

8 Мая Государь проснулся ранѣе обыкновеннаго. «Преждевременному пробужденію сему причиною было то, что Константинъ Павловичъ, вставая, зацѣпилъ за висѣвшій у него надъ головою Вышневолоцкій планъ и, тѣмъ произведя небольшой стукъ, прервалъ сонъ». Въ этотъ день Государь проѣхалъ Торжокъ, гдѣ ему поднесъ купецъ Морозовъ кожаные товары и шитыя по сафьяну золотомъ вещи, и прибылъ въ Тверь, которая «представляла прекрасный видъ, будучи усыпана, при порядочномъ своемъ строеніи, многочисленнымъ, по разнымъ высотамъ разсѣяннымъ, народомъ каждаго званія и возраста, коимъ, наконецъ, на-

полнилась вся площадь предъ дворцомъ, такъ что едва можно было пройти въ оный».

9 Мая Государь прибылъ въ Подсолнечное, а на слѣдующій день въ Москву. При слѣдованіи въ Кремль, «всѣ улицы усыпаны были множествомъ разнаго рода званія и пола народа, вышедшаго для встрѣчи своего Монарха»; затѣмъ былъ посѣщенъ Успенскій соборъ, а потомъ Слободской дворець. «Садъ Слободскаго дворца отдѣланъ прекрасно: отъ самаго схода къ прудамъ начинается покатая къ обѣимъ сторонамъ крутизна изъ зеленаго весьма хорошо содержаннаго дерна, по которой идетъ Англійская дорожка, обсаженная кустами совсѣмъ распустившихся и покрытыхъ цвѣтами сиреней, которыя и видъ дѣлаютъ для зрѣнія прелестный и запахъ для обонянія испускаютъ пріятный; не меньше приносятъ удовольствія зрителю видимые на прудахъ островки, со вкусомъ отдѣланные, также какъ и гордящіяся бытіемъ своимъ множествомъ лѣтъ липы, служа оплотомъ дорожкамъ и прохлаждая тѣнію своею солнечный зной».

11 Мая Государь утромъ, собравъ офицеровъ въ «военную» залу, объяснилъ свои предположенія о маневрахъ. Затѣмъ Императоръ собственноручно писалъ диспозицію. Вечеромъ состоялся балъ въ Дворянскомъ Собраніи, причемъ «залъ освѣщенъ былъ великолѣпно, и на одной стѣнѣ храмъ Ионическаго ордена, предъ которымъ возжены были жертвенники, и оный окруженъ на пьедесталахъ въ коронѣ и украшеніяхъ Россійскими гербами по титулу; въ серединѣ онаго, на алтарѣ, изображенъ былъ вензель его императорскаго величества, котораго сіяніе дѣлало Россійское солнце».

На этомъ Московскомъ балу Павелъ Петровичъ увидалъ чудо красоты, единственную отъ перваго брака дочь Московскаго губернатора Лопухина, Анну Петровну. Скромная и непорочная, можетъ быть терпѣвшая отъ своей мачихи, она сдѣлалась для Государя дамою сердца, и передъ нею преклонялся онъ, какъ средневѣковой рыцарь. Отецъ ея немедленно вызванъ изъ Москвы въ Петербургъ и назначенъ главнымъ лицомъ гражданскаго управленія, т.-е. генераль-прокуроромъ. Умная, но крайне невзрачная собою и надоедливая своими наставленіями Нелидова потеряла значеніе, равно какъ и ея повелительница съ ея надменными, себялюбивыми поведеніями чванства и накопленія денегъ. Анна же Петровна чужда была властолюбія, никогда не вмѣшивалась въ дѣла государственныя и до конца жизни Государя, выдя замужъ за любимаго ею князя Гагарина, оставалась для Павла Петровича образцомъ женщины. Самодержавный Монархъ-идеалистъ въ бесѣдахъ съ нею отды-

халъ отъ семейной скуки и отъ тревогъ управленія. Александръ Павловичъ, замѣтивъ, что прѣбывавшій въ 1801 году изъ Англіи графъ С. Р. Воронцовъ подозрѣвалъ инныя отношенія между Лопухиною и покойнымъ его родителемъ, приказалъ В. П. Кочубею написать къ графу въ Лондонъ, что онъ ошибался, и что отношенія эти были непорочныя (см. въ «Архивъ Князя Воронцова» письма Кочубея).

Возвращаемся къ походному дневнику графа Г. Г. Кушелева.

На слѣдующій день послѣ Московскаго бала происходилъ высочайшій смотръ войскамъ. «Зрителей было великое стеченіе, особливо же при возвращеніи таковое многолюдство обрुжило и слѣдовало возлѣ его императорскаго величества до самого почти дворца, что съ нуждою проѣхать было возможно. Идущіе возлѣ стремянъ многіе отирали платками пыль съ сапоговъ, что все изъясляло то усердіе и преданность, каковое Россіяне имѣютъ къ своимъ государямъ, а паче тѣмъ, которые для защищенія ихъ и пользы не падятъ своего покоя». Государь былъ столь доволенъ смотромъ, что «нѣсколько разъ показывались у его величества радостныя слезы».

13 Мая было посвящено «учебному маневру», каковой продолжался и на слѣдующій день. Маневръ прошелъ также успѣшно: «разстояніе, равенство и шагъ при авансированіи фронтовъ изъ 4-хъ полковъ состояли такъ, что казалось какъ бы единое тѣло двигалось». Въ отданномъ же 14 Мая приказѣ Государь объявилъ, что «онъ за честь себѣ поставляетъ быть образователемъ и начальникомъ такого войска».

15 Мая маневръ окончился, и на слѣдующій день Государь оставилъ Москву, направляясь къ Владимиру. «Отъ самой заставы открываются мѣстоположенія весьма прекрасныя: искусно подчищенные и отдѣльными большими рощами разбросанные лѣса, обдѣланныя рачительно и удобренныя потомъ земледѣльца поля, которыя хотя нѣсколько и песчаны, но хлѣбородіемъ мало уступали лучшему грунту земли, и разнообразными цвѣтами испещренные дуга прелестными видами развлекали по многоразличной пестротѣ вниманіе зрителя и въ недоумѣніе его погружали, чему отдать преимущество. Рожь, бывшая уже въ колосьяхъ, и прочія произрастенія разстигались по обновляющейся землѣ, на подобіе ковровъ, изъ зелени истганныхъ». Ночлегъ происходилъ въ Покровъ.

17 и 18 Мая Государь продолжалъ путешествіе. Въ Мошкахъ для Государя была построена «изъ досокъ комнатная палатка; но его величество, запретивъ и впредь строить таковыя, изволилъ идти кушать въ крестьянскую избу». Ночлегъ состоялся въ Муромъ.

19 Мая Государь переправился чрезъ Оку на четырнадцативесельномъ катерѣ подъ командой лейтенанта Челяева, которому пожаловалъ золотые часы, а гребцамъ 100 р. При подъемѣ на гору, около села Озябликова, «гора была весьма крута и глиниста, такъ что лошади поднять скоро не могли»; Государь вышелъ изъ экипажа и пѣшкомъ, со свитою, взошелъ на гору. Вечеромъ Государь проѣзжалъ по весьма живописной дорогѣ: «вдругъ до нѣсколькихъ деревень, церквей и роцъ представлялось взору, къ Окѣ видны были долины вдаль, такъ что терялся взоръ въ синевахъ отдаленныхъ».

20 Мая Государь прибылъ въ Нижній Новгородъ. Дорога предъ городомъ шла нагорною стороною по высотамъ; луговой же ея берегъ былъ ровный, низкій и весьма заселенный, такъ что дальнія селенія и прочіе предметы терялись изъ вида въ синевахъ, какъ бы въ океанѣ; съ другой стороны, рѣка, изгибаясь, полагала зрѣнію преграду чрезъ утесистые хребты нагорнаго берега, гдѣ также прекрасныя и пространныя поля и вездѣ по высотамъ и лощинамъ населенныя деревни, живописуемо расположенныя, противоположностію были плоскому луговому берегу; словомъ; ничего нельзя себѣ представить ни прекраснѣе, ни великолѣпнѣе сихъ мѣстъ, всякое почти искусство превосходящихъ».

21 Мая Государь оставилъ Нижній Новгородъ.

22 Мая, Государь, «сумотря, что дороги для сего проѣзда проложены вновь и мосты вновь же передѣланы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣланы и мостовыя, и земляныя дороги вдвойнѣ безъ нужды, изволилъ писать о томъ къ Нижегородскому губернатору; равно данъ указъ и Сенату, чтобы ненужными работами жителей не изнурять». Лѣтописецъ царственнаго путешествія отмѣчаетъ прискорбный случай, ставшій злободневностью для нашего времени. «Начинають показываться дубовые лѣса по обѣимъ сторонамъ дороги и, наконецъ, встрѣчаются большія дубовыя роци, сквозь которыя и идетъ большая дорога; крайне жаль, что оныя находятся не въ такомъ хорошемъ состояніи, въ какомъ бы надлежало столь драгоцѣнныя лѣса хранить, ибо разводимыя между оными пашни истребляли, подсушиваніемъ коры для избѣжанія гѣни, прекрасныя деревья, коихъ великое множество обнаженныхъ и сухихъ повсюду стояло и вновь подсушиваемо было». Отмѣчаетъ также дневникъ и одежду Черемисовъ: «Одѣяніе мужчинъ похоже на Русскій кафтанъ, съ краснымъ отворотомъ и воротникомъ отложнымъ одинаковаго цвѣта съ кафтаномъ, а женщины носятъ родъ Черкесскаго кафтана съ перехватомъ, вмѣсто же серегъ вдѣвають въ уши по три, изъ толстой проволоки, крюка; головной уборъ состоитъ изъ множества пропозокъ и нанпзанныхъ серебряныхъ бопеекъ и изъ платка, который на-

зади приврѣпленъ и прицѣпленъ крюками, продѣтыми въ ушахъ, а отъ затылка висятъ предлинныя заплетенныя косы».

Ночлегъ былъ въ Козьмодемьянскѣ.

23 Мая Государь оставилъ Козьмодемьянскъ. Дорога снова пошла лѣсами, на этомъ разѣ принадлежащими Адмиралтейству для потребностей флота. «Въ оныхъ рощахъ многія видны были посадки молодыхъ дубовъ, кои расположены были регулярно и хорошо подчищены и содержаны; но жаль, что количество оныхъ было не весьма велико; выгода отъ таковыхъ заведеній очень ощутительна, и весьма бы полезно было, когда бы казенныя земли, лежащія по берегамъ такихъ рѣкъ, по которымъ нетрудно доставленіе въ Петербургъ, обращены были подъ посѣвы дубоваго лѣса, равномерно и нынѣ существующій лѣсъ чтобъ не былъ истребляемъ на бочки винныхъ поставщиковъ, а берегся бы для флотовъ, ибо нынѣ по всей Казанской дорогѣ видны пространныя пашни между пней превеликихъ дубовъ, что доказываетъ важное оныхъ истребленіе» *).

24 Мая путешествіе продолжалось сперва до г. Свіяжска, на лошадахъ, а затѣмъ водою на катерѣ. Между прочимъ, въ «проваздѣ рѣкою видна была въ правой сторонѣ на мысу пустынька, строеніе которой, перемѣшанное деревьями и окруженное со всѣхъ сторонъ дубовыми лѣсами, представляло пріятное уединеніе».

25 Мая Государь, будучи въ Казани, между прочимъ, былъ встрѣченъ всѣми представителями населенія, вплоть до Татарскихъ старшинъ и муллъ. Вечеромъ было посѣщено дворянское собраніе.

26 Мая въ Казани состоялся высочайшій смотръ войскамъ. Казань произвела на Кушелева весьма пріятное впечатлѣніе. «Казань можно почесть, включая Москву и С.-Петербургъ, почти первымъ въ Россіи городомъ, какъ по пространству, такъ и по красотѣ строенія, хотя она и не имѣетъ таковой однообразной архитектуры, каковой исполнена Тверь».

27, 28 и 29 Мая происходили маневры на Арскомъ полѣ.

30 Мая, посѣтивъ монастырь Казанской Божіей Матери, Государь отправился въ обратное путешествіе. Черезъ Волгу Государь перѣѣхалъ на шлюпкѣ, чрезъ Свіягу—на катерѣ, и ночевалъ въ Чебоксарахъ, однако «ночь по причинѣ тѣсноты покоевъ и духоты препрово-

---

*) Графъ Г. Г. Кушелевъ въдалъ при Павлѣ Адмиралтействъ-Коллегію.

дить могъ не весьма спокойно; сверхъ же помянутаго неудобства въ ночлегѣ много беспокоили клопы и тараканы».

31 Мая путешествіе продолжалось, и въ ночь на 1 Юня Государь имѣлъ ночлегъ въ крестьянской избѣ, «гдѣ также довольно было таракановъ и изба была не весьма просторна».

1 Юня Государь достигъ Нижняго Новгорода. Передъ въѣздомъ въ городъ путешественники «встрѣчены были многочисленнымъ стеченіемъ народа, вышедшаго нарочито для лицезрѣнія своего Государя». Поѣздка по Нижегородской губерніи не принесла однако счастья для высшихъ начальствующихъ лицъ, и, какъ пишетъ Кушелевъ, Государь, «будучи недоволенъ Нижегородскимъ гражданскимъ губернаторомъ за то, что въ противность его повелѣнія сдѣланы были по дорогамъ въ ненужныхъ мѣстахъ мосты, къ отягощенію токмо обывателей служащія, извоили повелѣть его отрѣшить и на мѣсто его опредѣлить другого, равно и губернскаго предводителя избрать другого же».

2 Юня былъ оставленъ Нижній Новгородъ. Авторъ дневника посвящаетъ цѣлый рядъ строкъ описанію живописнаго положенія этого города и его окрестностей. «Съ верхней части города видъ открывается наипрекраснѣйшій на луговые стороны Волги и Оки, ибо на плоскихъ берегахъ ихъ видны возвышающіяся многочисленныя селенія, и рѣки, излучистыми струями въ берегахъ съ пріятнымъ журчаніемъ играющія и отбрасывающія сіяніе лучей солнечныхъ, также и озерки, оставшіяся отъ разлитія рѣкъ сихъ водами наполненныя, составляли пріятное зрѣлище». Съ противоположнаго берега Оки видъ на Нижній Новгородъ также былъ «прекрасный, ибо въ нижней части города—многія очень хорошія и каменные строенія, церкви и монастырь, а въ верхней—крѣпость, дворецъ и губернской домъ, равномерно по скатамъ крутыхъ горъ многія строенія съ садиками и церкви дѣлаютъ сей городъ господствующимъ надъ всѣми луговыми берегами Оки и Волги». Ночлегъ былъ въ Мытахъ, которое «занимаетъ обширности и имѣетъ двѣ церкви, изъ коихъ одна каменная и нарочито просторная, хотя старинной, но пріятной архитектуры». Ночеваль однако Государь «въ сѣняхъ, къ чему побудило его великое стеченіе народа предъ окнами и низкія въ покояхъ окна».

3 Юня Государь достигъ Нерехты, «гдѣ встрѣченъ былъ губернаторомъ, но такъ какъ оному должно было оставаться въ губернскомъ городѣ Костромѣ, то ему велѣно немедленно туда ѣхать».

4 Юня Государь прибылъ въ Ярославль, гдѣ, между прочимъ, осматривалъ скатертную и полотняную фабрику, известную подъ назва-

ніем Затрапезной, которая наполнена была мастерскими и найдена въ хорошемъ состояніи; оную фабрику показывалъ самъ хозяинъ Яковлевъ». Государь ходилъ «по всѣмъ мастерскимъ, какъ-то, въ ткацкихъ, гладильнѣ, лощильнѣ, рисовальныхъ узоровъ и гдѣ основываютъ, въ прядильной и красильной».

Записывая въ дневникъ событія 5 Іюня, Кушелевъ снова останавливается на подробностяхъ посѣщенія Государемъ полотняной фабрики и приводитъ слова Государя, съ которыми онъ обратился къ хозяину фабрики, подполковнику Яковлеву: «Для чего онъ живетъ въ Петербургъ, а не Ярославль и хозяйственнаго самъ не имѣетъ присмотра за столь полезнымъ, какъ собственно для себя, такъ и для государства заведеніемъ; ибо на сей фабрику какъ всѣ главные матеріалы, такъ и всѣ производства собственно свои, а не чужеземные; что онъ весьма бы желалъ, чтобъ вслѣдъ пребывалъ въ предѣлахъ своего званія полезнымъ отечеству, а не старались бы, выходя изъ онаго, быть бесполезными и обществу своему и вообще отечеству». Къ сему Государь прибавилъ: «Я для того нарочно сюда пріѣхалъ посмотреть, и видишь, что я радъ у тебя быть, лишь бы шло какъ должно».

5 и 6 Іюня продолжалось путешествіе, и ночь на 7 Іюня Государь провелъ въ Весьегонскѣ.

8 Іюня, въ Горкахъ, Государя встрѣтила императрица съ фрейлиною Нелидовою, графомъ Строгановымъ и графомъ Зубовымъ.

9 Іюня, въ одномъ изъ поселковъ на Сяси, Государь «изволилъ найти стараго лейбъ-компанца, капитана Головина, коему пожаловать соизволилъ 200 рублей».

10 Іюня Государь плылъ Ладожскимъ каналомъ, а 11 Іюня былъ послѣднимъ днемъ путешествія. «На 12 верстѣ отъ Шлиссельбурга проѣхали Красную Сосну, нѣсколько деревъ вмѣстѣ стоящихъ и огороженныхъ; мѣсто сіе, достопамятно тѣмъ, какъ сказываютъ тамошніе жители, что государь императоръ Петръ Великій изволилъ подъ сими деревьями кушать въ то время, когда братъ Шлиссельбургъ». Отъ Усть-Ижоры дорога отошла отъ берега Невы и пересѣкла Колпино, село, извѣстное «наипаче по имѣющимъ въ ономъ вѣдомства Адмиралтействъ-Коллегіи якорному и плющильному заводамъ и прочимъ принадлежащимъ къ тому заведеніямъ, также и пильнымъ мельницамъ и заводимому вновь ружейному заводу».

Въ 12-мъ часу Государь прибылъ въ Павловскъ, «что и было окончаніемъ благополучнаго его императорскаго величества путешествія».

**ИЗЪ ПИСЕМЪ КОНСТАНТИНА ЯКОВЛЕВИЧА БУЛГАКОВА КЪ БРАТУ
ЕГО АЛЕКСАНДРУ ЯКОВЛЕВИЧУ.**

1814-й годъ *).

Basle, le 1 (13) Janvier 1814.

И я за Рейномъ! Вчера проѣхалъ Базельскій мостъ, съ твоимъ письмомъ № 162 въ рукахъ. Вставши рано и полюбовавшись надъ Рейномъ, который течетъ подъ моими окнами, не могу лучше начать пребываніе наше на семь берегу, какъ письмомъ къ вамъ, мои милые. Тороплюсь, ибо надо идти поздравлять съ Новымъ годомъ, потомъ встрѣчать гвардію, которая переходитъ Рейнъ. Мы принесли съ собою холодъ. Сегодня 12½ градусовъ мороза.

*

Basle, le 3 (15) Janvier.

Le courrier n'étant pas parti, je suis encore à même de vous donner la nouvelle d'un avantage remporté par le c-te Platov dans un combat très brillant à Épinal. Soutenu par le corps du p-ce royal de Wurtemberg, il a attaqué 4000 h. de cavalerie, les a complètement dispersé et les a poursuivi au delà de Charmes, jusque dans les environs de Nancy. Il a fait 2000 prisonniers, et 1000 h. ont été tués.

Les avant-postes de Swarzenberg sont dans les environs de Langres; son quartier-général est à Vezoul. Celui de Blucher à St. - Avoird, depuis le 1 (13) Janvier ses avant-postes sont jusqu'à Metz.

On assure qu'il y a beaucoup de fermentation à Paris; on dit que le corps législatif a été dissous par Napoléon à cause de l'esprit d'opposition qui y règne.

En Italie les affaires sont très bien. Le g-l Nugent a remporté des avantages.

*

Базель, 5 (17) Января 1814.

Большую часть ночи прописалъ я къ милой моей Машѣ; несмотря на это, всталъ рано, чтобы наговориться съ тобой, мой милый, любез-

---

*) См. выше, стр. 342.

ный другъ. Я уже извѣстилъ тебя о полученіи драгоцѣнныхъ твоихъ писемъ черезъ Голембовскаго, который вѣхаль чрезвычайно долго, но, слава Богу, доѣхаль. Я его уже и отправилъ къ Ивану Васильевичу, съ коимъ давно уже будущій жребій Голембовскаго устроенъ былъ. Ему будетъ хорошо и, надѣюсь, и Сабанѣевъ будетъ имъ доволенъ. Теперь стану отвѣчать на всю твою экспедицію по порядку, поблагодаря тебя напередъ душевно за милыя письма.

Слава Богу, что капитанъ Нивѣла кстати подоспѣлъ, чтобы помѣшать папухѣ пуститься въ путь. Примѣръ Голембовскаго, надѣюсь, докажетъ ему, что я не вздоръ совѣтывалъ. Мысль его писать къ Государю конечно не дурна, письмо у меня; но надо найти благопріятную и свободную минуту, чтобы его подать. Я, конечно, оной не опущу, только прошу папу не торопить и имѣть терпѣніе. Письмо написано очень хорошо. Несельроду письма я еще не отдалъ, ибо дѣлъ и хлопотъ множество. Мы пускаемся отсюда далѣе; всѣ уже уѣхали, и самъ Государь, а я остался съ графомъ для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ; отправимся часа черезъ два. О дѣлѣ буду писать пространнѣе, какъ скоро что нибудь начну. Письма къ генераламъ ничего не произведутъ, ибо ихъ здѣсь никого нѣтъ; да и имъ теперь не до того, а потому я и не думаю, что ихъ перешлю. Повѣрьте, что я знаю что дѣлаю. Впрочемъ увидимъ, письма всѣ прекрасны, даже слишкомъ хороши.

Italinsky est faible, c'est vrai; mais il ne faut pas aussi croire qu'on peut faire marcher les Turcs comme on veut; j'en sais quelque chose: je les ai vu l'année passée. J'espère que nos énormes succès mettront aussi le *crayement* ¹⁾ plus à son aise. Enfin, mon bon ami, je fais tout ce qu'il est possible de faire pour faire aller la chose; elle est trop juste pour que nous n'arrivions pas au but désiré. Nesselrode écrira encore à Italinsky et d'une manière encore plus pressante.

Vous aurez aujourd'hui des gazettes, bulletins et une brochure sur Moreau, de Swinyine. Nommer l'auteur c'est dire son opinion sur l'ouvrage; mais celui tient un événement de l'année passée, et sous ce rapport il est bon de l'avoir. Je suis aussi bien content que tout ce que je vous envoie fait plaisir au comte ²⁾. Je vous remercie de la gravure, que vous m'avez envoyée. J'ai donné un exemplaire à Zakreffsky, un autre a été envoyé à Sabaneyeff. Je la trouve très ressemblante. J'ai aussi envoyé votre livre à Sabaneyeff, qui me l'a demandé depuis longtemps. J'aurais certainement engagé le fils du c-te à écrire plus souvent

¹⁾ Такъ въ подлинникѣ.

²⁾ Т. е. графу О. В. Растопчину.

à son respectable père; mais nous ne sommes jamais ensemble, ce qui fait que je ne le connais que pour l'avoir vu une ou deux fois.

Je ne conçois vraiment pas, mon bien bon ami, d'où vous avez pris que j'ai la fureur du militaire et que je m'expose. Si Nicolo vous l'a dit, il a radotté; car je vous assure, je ne me suis point exposé du tout, et il faut qu'un boulet soit diablement adroit pour m'atteindre. Comment pouvez-vous penser un moment que j'exposerai ma vie, lorsqu'elle m'est aussi chère, lorsqu'elle me promet un avenir aussi heureux, et je l'exposerai sans aucune utilité pour ma patrie et pour moi? Puis-je oublier que mon existence tient à la vôtre et à celui de ma bonne Marie?

Крестъ и ленты прекрасные. Я отдалъ Нессельроду назначенные ему, и это подлинно подарокъ, ибо у него ихъ не было, и здѣсь нельзя достать.

Rakhmanoff a eu la permission de retourner en Russie, il ira passer l'hiver à Vienne et vous arrivera le printemps prochain. Il a été fait conseiller privé. Je suis bien aise que Golembowsky a apporté ses attestats; car sans cela il y aurait du nouveau des embarras pour lui d'entrer au service.

Je vous remercie beaucoup pour le «Вѣстникъ». Je l'ai lu; l'article sur Seniavine est bien, celui de votre fête m'a enchanté.

J'espère qu'à mon tour je serai aussi témoin d'une pareille fête dans votre petit village. Toutes ces idées me rendent heureux; que deviendrais-je donc, quand je pourrai les réaliser? Venir à votre campagne avec Marie, qui sera déjà ma femme, y trouver réunis Michalli, l'Exohotate et le grave Popoff et au milieu de cela le bon vieillard et la bonne maman. Je me croirai au paradis. Ce n'est qu'après quelques années de vie nomade qu'on jouit vraiment de se trouver en place et qu'on sent le prix du repos.

Je voudrais bien vous communiquer des anecdotes de nos braves soldats, et il y en a même; mais il faut que je cherche à les rassembler. En passant devant le monument du g-l Turène près de Rastadt, les gardes ont défilé en parade et ont rendu les honneurs aux manes de ce grand homme. Aurait-on pus croire en 1812 qu'une année après le soldat Russe honorera la mémoire de Turenne non loin des frontières de la France! Nos troupes sont déjà en France, moi j'y serai demain, et cela parceque nous voyageons avec nos propres chevaux. Quels évènements! Quel rôle notre ange d'Empereur joue! Le vieux papa lui a donné le surnom великій; il est plus: il est единственный en tout. Il effacera tous les grands souverains. Quel est celui, qui s'est fait adorer de l'Europe en-

tière, tout en poussant ses conquêtes? Mais ce sont celles, que la vertu fait sur le vice; tout doit plier devant Alexandre, car il ne veut que le bien de l'humanité, et il l'obtiendra. Pozzo est revenu hier de l'Angleterre. Il dit qu'on y adore l'Empereur et qu'il n'y a qu'une opinion sur son compte.

Какъ скоро отыщу портретъ Блюхера и кронпринца Шведскаго, пришлю. По сю пору похожихъ не видалъ. Le portrait de Moreau dans la brochure de Swinyine ne ressemble pas du tout. Je n'ai pas vu Jouravleff depuis Francfort, car son chef*) est toujours malade et reste en arrière. Je lui ai parlé alors des présentations, il m'a promis de les déterrer; je lui ai écrit depuis, je n'ai pas encore de réponse. Je voudrais que votre avancement paraisse au plus tôt, mais c'est qu'avec ces messieurs, нельзя толку добиться. Я сердить на Журавлева, что онъ по сю пору не можетъ о такой бездѣлицѣ справиться.

Je ne suis pas fâché qu'on ait mis le séquestre sur les biens d'Azanczewsky; c'est une mesure de justice et à la quelle il ne perdra rien s'il est innocent. Je conçois aussi que la cousine est fâchée d'avoir entamée cette affaire, c'est sa faute: elle a voulu notre ruine, et sous ce rapport elle a réussi, sans en avoir le moindre profit pour elle. Jusqu'où la méchanceté peut aller dans une âme noire et vile? Que nous lui avons nous fait? Rien que du bien, et voilà comment elle nous le rend. Quelle ingratitude vis-à-vis de papa! Dieu la punira sûrement et la punit déjà. Je suis persuadé qu'elle n'a pas un moment de repos, et sa mort sera encore plus terrible que sa vie. Je serais bien curieux de lire le panégyrique écrit par le bon Faste. Je n'ai pas grande idée de son talent comme auteur, peut être que son génie s'est ouvert depuis son mariage; du reste dans ce qu'il aura dit au comte, le coeur a parlé, et le sien est excellent. Pour ce qui concerne la vente des biens de papa, je vous ai écrit là-dessous l'opinion de ceux qui connaissent les affaires. On ne peut pas importuner l'Empereur pour cela; une supplique que vous présenterez au Sénat et qui sera accompagnée de celle des créanciers est suffisante pour obtenir la résolution que nous désirons. Je vous ai parlé en détail de cela, mais probablement ma lettre ne vous est pas parvenue. Vous devriez vous consulter là-dessus avec Alexéyeff et mettre la main à l'oeuvre. Mon coeur se déchire, quand je pense, que tant de victimes innocentes souffrent de l'infamie de la cousine! Du reste elle-même n'a aucune raison de s'opposer à la vente, à moins qu'elle ne soit tant tourmentée par la soif de faire encore plus de malheureux.

*) Т. е. государственный секретарь А. С. Шишковъ.

Je vous remercie de l'envoi de votre entretien avec Vandamme. Croit-il enfin que Napoléon est vaincu? C'était bien aimable à tous nos amis de m'écrire une lettre en commun; j'écrirais à chacun en particulier si j'en avais le temps, mais cela viendra. En attendant je vous charge d'être l'interprète de toute ma reconnaissance et de les assurer de tout mon attachement. Comme votre lettre est vieille! Vous espérez que la Bavière sera avec nous. Et il n'existe plus de Confédération du Rhin, et cependant votre lettre est du 16 Octobre. Je suis même déjà commandeur de la Couronne de Bavière, qui est très jolie. J'ai dîné aujourd'hui chez Razoumoffsky, qui me traite avec infiniment d'amitié. Nous avons fait un dîner charmant, Pozzo y était, et vous savez qu'il est inépuisable en amabilité, et à présent surtout qu'il est tout rayonnant de joie et de bonheur. Il m'a fait rire, parlant des *dîners* de Bettman *) à Francfort; là-dessus Pozzo dit: il est vrai, que ses petits dîners étaient très bons, mais je ne pouvais pas souffrir ces grands dîners qui devoient servir de diplôme à sa famille. Ce sont ceux où dinaient Schwarzenberg, Wittgenstein etc. etc.

*

Vezoul, le 8 (20) Janvier 1814.

Nous sommes en terre française, on nous reçoit partout à merveille et, ma foie, le grand homme n'y est rien moins qu'adoré, comme les gazettes nous l'ont toujours chanté. C'est bien le contraire. Nous partons pour Langres, qui a été occupée; 12 m. hommes de la vieille garde sous Mortier, malgré une belle position, n'ont point jugé à propos de la défendre. On y a fait quelques centaines de prisonniers de la vieille garde, on y a pris 12 pièces de canons. Blucher a pris Nancy, il y a été reçu avec enthousiasme. Platoff occupe Neufchâteau, et Sczerbatoff marche sur St. Dizier. Colorédo marche sur Dijon. Boubna, après une affaire assez sérieuse avec des gardes nationales, leur a pris un aigle, a fait beaucoup de prisonniers et marche sur Lyon.

*

Langres, 11 (23) Janvier 1814.

Ну, братъ, хвалена Франція, что за земля! On dit que nous sommes dans la partie la plus pauvre, mais elle l'est en général, à ce que disent ces mêmes habitans. On leur avait fait de nous une description terrible, et ils sont émerveillés de nous, d'autant plus qu'ils n'ignorent pas les horreurs que leurs compatriotes ont fait chez nous et craignoient la vengeance. J'ai demandé à une servante d'auberge de village combien d'enfants les cosaques avaient mangés. Ils sont enchantés de notre

*) Известный банкиръ.

Empereur; je conçois ceci, mais ce que je ne puis concevoir, c'est que je ne leur ai pas trouvé cet esprit que nos voyageurs ont tant vanté: ils sont quelque fois drôles, et voilà tout. Les cosaques ils les appellent des lanciers et s'imaginent que les vrais cosaques sont des petits nains avec une énorme barbe. Ce qu'il y a de positif, c'est leur haine pour Napoléon; mais aussi il est vrai qu'ils les a rendus misérables: vous ne voyez pas de jeunes gens, vous ne rencontrez que vieillards et enfants; le dernier fils a du marcher, et depuis vingt ans aucun n'est revenu; ils payent l'impossible. Nous nous étions arrêtés à Altkirch dans une petite maison à deux étages qui n'avait que trois fenêtres; hé bien, le maître a payé cette année de taxes 1200 francs; aussi les habitans sont-ils bien pauvres, point de commerce, et pas de bras pour cultiver la terre. Langres est fameuse par les lames de couteaux; hé bien, vous ne trouvez que peu de chose, et dans une ville de fabrique une interruption de travail de huit jours fait déjà un tort sensible. Il faut que je vous fasse la description d'une drôle caricature, qui a paru depuis l'introduction ici du sucre de bêtardes. On a représenté sur les deux rives du Pas-de-Calais le roi d'Angleterre et Napoléon, qui sont à se dire des injures; enfin Napoléon se fâche, lui jette une bêtardes, en disant: va te faire sucre! Je gèle de froid dans ma chambre, je vous écris avec des gants; comme cette lettre sera longtemps en route, je la finis. A propos, imaginez vous que, pour encourager le peuple, Ségur le vieux était venu ici quelques jours avant l'arrivée des armées alliées, et entr'autres il a proclamé la paix de la France avec l'Espagne. A quels mensonge il est réduit, le grand homme!

*

Langres, le 16 (28) Janvier 1814.

Ты доволенъ мною, мой милый, любезный братъ, а я отъ тебя въ восхищеніи, въ два дня получивъ три номера 164, 165 и 166. Сердечно тебя благодарю за частое писаніе; я съ моей стороны не пропускаю ни одного случая и даже далъ Багратиону письмо нѣсколько дней тому назадъ; но я увѣренъ, что онъ еще здѣсь. Едва лихъ сборовъ я родясь не видалъ и не понимаю, какъ можно мѣшкать въ Лангрѣ, когда дѣло идетъ ѣхать въ Москву. Du reste, chacun a sa manière d'aimer. Il fait si froid dans ma chambre que je puis à peine tenir la plume; mais il ne sera pas dit que quelque chose au monde m'ait empêché d'écrire à mon excellent frère. Le conseil et le souhait du bon papa a été suivi et rempli, comme vous le savez déjà, par le roi de Bavière et le gr.-duc de Bade. J'espère qu'il est content à présent des mes nouvelles croix. J'espère aussi qu'enfin vos raisonnements et vos lettres auront rendus

ma petite Marie plus raisonnable sur mon absence et qu'elle sent combien elle était nécessaire. Je lui écris encore aujourd'hui pour lui prêcher patience; mais au fond du coeur je lui rends justice et je conçois son impatience.

Quand je pense que Pozzo est en France, que plusieurs provinces sont administrées par Stein, que Razoumoffsky est ici, il me semble que c'est un rêve, et je suis persuadé que Bonaparte en est enragé.—J'ai donné votre livre à Razoumoffsky. Stein avait engagé Alopéus de le traduire en allemand, je suis bien aise que vous l'avez prévenu. Tout le monde le lit avec plaisir. Il sera difficile de vendre ici le manuscrit allemand, vous auriez mieux fait de le faire imprimer à Moscou. Du reste, s'il m'arrive, je verrai ce qu'il y aura à faire. Si je trouve un moment, j'écrirai à m-r Glinka pour le remercier de son journal, qui, vous sentez bien, m'a fait plus que plaisir: il m'a touché. En revanche je lui envoie des vers Russes imprimés ici à notre quartier-général; c'est curieux de voir des vers sur l'entrée des Russes en France imprimés en France. La lettre pour m-me Vandamme sera envoyée et s'il y aura une réponse, je vous la ferai parvenir. Qu'a dit le fameux Vandamme quand il a appris notre entrée en France?—Je vous suis bien reconnaissant, mon bien bon ami, de toutes les peines que vous vous donnez pour arranger *mes* affaires avec papa. Ce serait un grand bien pour moi, si à mon arrivée vous étiez en possession de ce qu'il donne à Marie. Toutes vos réflexions sont bien justes. Il serait difficile à moi de vivre dans sa maison, et surtout cela dépend de la place que j'aurai; dans tous les cas il faut cependant que j'aye entre mes mains une fortune assurée, toute petite qu'elle peut être. C'est la dernière chose à la quelle j'aurais pensé, si ce maudit procès ne nous avait pas privé de tout notre bien. J'ai un peu parlé dans ma lettre à Marie des préparatifs de la noce, mais je me repose sur vous et Metaxa, dont vous pourrez employer l'éloquence; car c'est une affaire très délicate et à la quelle, malgré moi, je pense souvent. Ils savent bien que je n'ai rien et si je me tais, ils sauront apprécier ma délicatesse et en mettre de leur côté. Je vous donne carte blanche; tout ce que vous aurez arrangé sera bien fait, et je vous supplie, mon bon ami, de vous en occuper. Je vous connais, je n'ai pas besoin de dire d'avantage.

Nos succès continuent; les Autrichiens, Bavaois et Wurtemb. ont eu un succès à Bar-sur-Aube. Je ne vous envoie plus les gazettes de Vienne, parce que j'ai fait la réflexion qu'elles parviennent directement et plus vite et puisque leur contenu est toujours dans le Conservateur Impartial, que nous cherchons aussi de nourrir et qui est devenu une gazette très intéressante. Je vous conseille de vous abonner. En atten-

dant j'ai prié le rédacteur de la Gazette de Francfort de me faire une collection de tous les numéros depuis notre arrivée en Francfort.

*

Bar-sur-Aube, le 21 Janvier (2 Février).

Vivat, mon cher et bien bon ami! J'arrive dans ce moment à Bar-sur-Aube, je suis logé dans la maison du sous-préfet et même dans son bureau, il a fiché le camp. Je cherche une feuille de papier pour vous écrire, je ne trouve que celle-ci ¹⁾. Peut-être aurait-elle servi il y a quelques jours de cela pour lever de nouveaux conscrits, pour faire de nouveaux malheureux; aujourd'hui je l'emploie à faire des heureux, et vous le serez en lisant la nouvelle que je vous annonce. Hier nous avons gagné la bataille de Brienne, ville où le monstre a été élevé et qu'il vient d'incendier. On m'assure que Zakreffsky porte cette nouvelle à P. Bourg; je ne l'ai pas vu, mais il part aujourd'hui; je m'empresse donc de vous dire en deux mots, que nous avons pris au delà de 60 canons, que plus de 5000 prisonniers sont en notre pouvoir, un général, et que les François sont en pleine retraite qui ressemble un peu à une déroute. Le grand homme a commandé en personne, mais qu'est-ce qui peut résister à l'armée alliée? Le p-ce héréditaire de Wurtemberg s'est distingué très fort, il est chevalier de S-t Georges de la seconde classe, ainsi que le g-l Yorck. Notre bon vieux héros Sacken a eu l'ordre de S-t André, il a fait le diable. Le maréchal p-ce Schwarzenberg, Blucher et (à ce qu'on dit) Barclay ont eu des épées en diamants avec des lauriers. Le chef de l'état-g-l autrichien Radezky et Julay—St. Alexandre. Tous sont battus comme des dieux. Le p-ce Czerbatoff ²⁾ pour son compte a pris une 20-e de pièces. Ainsi le g-d homme a été battu en France, au milieu de ses ressources. Grande journée! Je ne vous donne pas plus de détails, car je ne les sais pas encore moi-même; ils vous arriveront incessamment. En attendant buvez à la santé des braves troupes et de l'Ange, qui est toujours avec elles. Vous sentez bien que ce que je vous ai dit de canons et de prisonniers n'est point exagéré et que le nombre augmente dans la poursuite. Je suis trop joyeux et trop pressé pour mettre de la suite dans mes idées.—Il faut que je vous raconte une charmante anecdote pour Glinka. A Coblenze il y a un monument érigé au grand homme avec l'inscription «à Napoléon-le-grand en mémoire de l'immortelle campagne de 1812». La ville est occupée par nous, et le colonel d'artillerie Magden-

¹⁾ Писано на бланкъ съ печатнымъ заглавиемъ: „Département de l'Aube. Arrondissement Communal de Bar-Sur-Aube“.

²⁾ Князь Алексѣй Григорьевичъ, при Николаѣ I-мъ Московскій генералъ-губернаторъ.

ko y est nommé commandant. Il laisse la colonne et écrit dessous: «Vu et approuvé par le commandant Russe à Coblenze (telle date) 1813». N'est-ce pas que c'est charmant?—L'aide-de-camp de Napoléon, le g-l Flahaut est tué. Le duc de Bellune, dit-on, a en le bras emporté. On a trouvé un corps défiguré avec le g-d aigle et la plaque de l'ordre du Croissant turc, parmi les morts. On suppose que c'est Sébastiani. Bertier a manqué être pris.

*

Bar-sur-Seine, le 26 Janvier (7 Février) 1814.

Vous me dites d'être tranquille pour Marie. Je sens bien qu'elle doit souffrir et qu'il lui est désagréable de rester à m'attendre si longtemps, surtout avec les envieux de Moscou, qui renouvellent, par leurs ridicules questions, sa peine; mais, au nom de Dieu, puis-je partir à présent? Ne serait-ce pas me faire le plus grand tort aux yeux de tout le monde, gâter mes affaires pour l'avenir et m'ôter la possibilité d'être utile à papa? Quel moment pour tout Russe! Et moi je quitterai l'armée! Je ne continuerai pas à présent à servir après avoir fait un si long sacrifice et dans un moment aussi essentiel, aussi intéressant où les Russes sont au coeur de la France, où approche l'époque du repos de l'univers! J'ai tâché d'expliquer tout cela à Marie, et cependant (bien entre nous) il se trouve toujours quelque petit reproche dans ses lettres, qui me prouve qu'elle n'est pas d'accord avec moi sur ce point. Je vous avoue que cela me chagrine, tandis que je ne puis pas, d'une autre côté, ne pas être sensible à son désir de me revoir. Vous me dites, mon cher, qu'il est urgent que je reste ici jusqu'à ce que le vieillard remplisse ses engagements. Cette raison seule ne me retiendra pas, malgré que je désire bien d'apprendre que tout est arrangé, et je vous suis bien reconnaissant de vous en occuper. Certes, la délicatesse m'a toujours empêché de toucher cette corde, mais j'espère qu'il y pense; sans cela de quoi vivre et comment n'avoir rien de positif entre mes mains? Oui, mon bon ami, travaillez à arranger cette affaire qui, je vous avoue, me revient malgré moi souvent dans la tête. Notre malheureux procès me force d'y penser, je n'ai pas besoin de vous recommander de ne pas heurter le bon vieillard, je vous connais et suis tranquille là-dessus. Je suis persuadé que vous y mettrez toute la délicatesse possible.

*

Troye, le 7 (19) Février 1814.

Chichkoff est continuellement malade et en arrière. Jouravleff m'a dit qu'il n'y avait rien chez eux qui vous concernait; chez le ministre de police j'ai eu la même réponse; donc tâchez de vous informer à qui

nommément Dinitrieff a envoyé les présentations pour les remettre à l'Empereur, afin que je puisse aller à la recherche de ce qu'elles sont devenues. Et puis, n'oubliez pas ce que je vous ai dit de la clef de chambellan. Je ne sais pas si vous savez déjà que Platoff a pris Namur, y a fait (je crois) 600 prisonniers et s'est emparé de quelques pièces. Czernicheff a pris d'assaut Soisson, 13 pièces de canons, 3000 prisonniers avec 3 généraux, le commandant tué. Voici les résultats de cette belle affaire. **КАКОВЫ НАШИ?** Aussi a-t-il été fait lieut.-général. Il est beau d'avoir mérité cette distinction à son âge. Avez vous reçu ma lettre de Freiburg (je crois) où je vous parle du почтдиректорство? J'attends votre réponse avec impatience. En cas qu'elle soit perdue, je répète. Je désirerais bien pour être plus sûr de pouvoir vivre avec vous d'avoir cette place à Moscou, si toutefois le comte n'a rien contre cela, et dans ce cas il me faudrait une présentation de sa part à l'Empereur, qu'il aurait la bonté de m'envoyer à moi pour pouvoir la présenter lorsque nos affaires ici seront finies; sans cela je n'oserai faire aucune démarche par crainte de déplaire à votre respectable chef. Il est deux heures du matin, je m'en vais me coucher, me réservant d'ajouter encore à ma lettre demain ce qui pourra me passer par la tête. Avant de me mettre dans un superbe lit qui m'attend (et c'est la seule partie pour la quelle la France brille vraiment), il faut que je vous embrasse, vous, votre aimable bonne Natalie et toute la petite charmante marmaille de tout mon coeur. Bonne nuit!

*

Шомонъ, 18 Февраля (1 Марта) 1814.

Je suis bien sensible aux dispositions bienveillantes que votre respectable chef me témoigne et auxquels je n'ai aucun titre personnel, si ce n'est celui que peut donner un respectueux attachement. C'est à l'amitié, qu'il a pour vous, que je dois l'intérêt qu'il daigne me témoigner, et c'est un motif qui m'est bien cher. Je vous ai dit les raisons qui m'ont engagé à désirer la place en question et, comme vous lui avez très bien expliqué, ce n'est qu'après la paix que je voudrais l'avoir. J'ai discuté cette question et avec Nesselrode et avec mes autres amis, et la marche que j'ai suivie est celle qu'ils m'ont conseillée. Vous sentez bien que ma demande sera appuyée, mais on me dit encore qu'une présentation, au moins une lettre, m'est nécessaire, dans laquelle le comte me dirait qu'il verrait avec plaisir que j'aie cette place etc. Cette lettre pourrait m'être extrêmement utile. Les projets à votre égard me sont une nouvelle preuve de l'attachement qu'il vous porte, et rien ne lui est impossible. Je suis persuadé qu'il réussira en tout ce qu'il entreprendra.

pour vous; quant à moi, je serai doublement heureux si un jour nous pouvons servir ensemble.

Il y a si longtemps que nous sommes séparés et que je n'ai point joui du bonheur d'être avec vous; nous ne nous sommes, pour ainsi dire, que rencontrés dans ce monde. Si vous saviez tous les beaux rêves que je fais! Ils seront réalisés un jour, et je me verrai établi avec vous, notre bonne Natalie, notre bonne Marie, et nos deux familles ne formeront qu'une et donneront l'exemple du véritable bonheur, d'une harmonie qu'on ne rencontre pas souvent. Ce qu' on vous a dit des propositions qu'on m'avait faites encore à Bucarest de me délivrer le montant de la dot de Marie, je n'en ai jamais entendu parler, et voilà comment j'explique la chose. Je n'ai jamais parlé directement de cet objet et je n'ai eu qu'à remercier, lorsque l'on m'a remis l'acte de la dotation, qui est entre vos mains. Peut être maman m'a t-elle fait faire la proposition de prendre tout de suite le montant par Kariboglou; mais cet homme, qui en général a mis un peu de louche dans sa conduite, ne m'en a rien dit; du reste, s'il a porté ma réponse citée à maman, il n'a fait que deviner en cela ma propre façon de penser et m'interpréter les sentiments de désintéressement, qui, j'ose le dire, m'ont accompagné dans toutes les actions de ma vie. Certes je serais bien heureux de savoir toute cette affaire arrangée avant mon retour, car alors je n'aurais qu'à jouir et ne me trouverais pas dans un cruel embarras; car si je ne puis me décider à écrire sur cet objet, jugez si je serai capable d'en parler, et les suites pourraient devenir funestes pour moi et surtout pour ma bonne Marie; car, ils le savent bien, je n'ai rien au monde, le procès nous a tout enlevé, et les principes que nous avons hérités de notre bon père m'ont fait mépriser les moyens de faire fortune, que m'offraient toutes les places que j'ai occupées en Valachie. Je m'en fais gloire. Dans la misère j'ai su résister à l'appas d'une fortune, dont l'acquisition paraissait naturelle à beaucoup de consciences un peu indulgentes. Какъ жилъ батюшка, такъ и мы жить будемъ, съ чистою совѣстью! Онъ думалъ намъ много оставить, трудился вѣкъ свой для насъ; но безсовѣстная Колтовская, безъ пользы для себя, лишаетъ насъ всего, если не навсегда, то надолго. Богъ ей судья!

Vous avez très bien jugé, mon bon ami, la proposition de papa que je fasse vendre les terres destinées à Marie. C'est à lui à le faire; comment puis-je le faire moi? En ai-je le droit et si je l'avais, je n'ai aucune connaissance ni de la terre, ni de la valeur. Tout ce que je puis faire c'est de désirer que l'affaire s'arrange au plus tôt. Je suis bien loin de perdre de vue ses affaires à lui. Le moment n'est pas favo-

nable, je le répète; peut on exiger que l'Empereur s'occupe d'affaires particulières, lorsque tous ses instants sont voués à celles qui ont pour but le repos et le bonheur du monde? Je m'aperçois, mon cher, que mon absence a été trop longue. Je vous avoue que je crains les langues de *leurs compatriotes*, qui ne me sont pas favorables. Je le sais positivement, mais je les méprise.

*

Troyes, le 5 (17) Mars 1814.

Nesselrode doit une réponse au p-ce de Valachie, je l'engagerai à lui parler des affaires de papa, ce qui ne pourra que faire du bien. Le p-ce a pris l'initiative pour se recommander à lui, il sent que la protection de la Russie lui sera plus utile que celle d'Andréossy*), qui doit être très embarrassé de trouver des arguments pour aveugler d'avantage la Porte sur l'état véritable des choses ici et sur ses véritables intérêts. Il n'y a pas de raisonnements qui tiennent contre l'évidence d'un fait, et celui de nous voir victorieux en France même ne peut pas être combattu, malgré tout l'esprit de l'ambassadeur. Ghalil-effendi, le même qui était plénipotentiaire à Bucarest, est redevenu reiss-effendi et a eu déjà une conférence avec Italinsky; c'est un homme d'esprit, il a été à Paris, et il serait difficile de le tromper.

Je ne vous ai pas envoyé la brochure de Swinyine, parce qu'elle est bien mauvaise, cependant je tâcherai de l'attraper et vous l'aurez; quant à l'ouvrage de m-me Staël, il est encore chez Razoumovsky. Ce sont trois gros volumes, qu'il serait même difficile d'envoyer par un courrier. C'est bien écrit, beaucoup d'imagination, mais je trouve qu'il doit sa grande réputation à ce que toute l'édition a été brûlée par ordre de Napoléon et Dieu sait pourquoi. Swinyine ne s'est pas formé depuis Messine, aussi toute mauvaise qu'est sa brochure, elle n'a, je crois, de lui que le nom. Moreau mérite un meilleur panégyriste. Ce qui m'intéresse beaucoup plus, c'est votre livre; aussi a-t-il eu un succès complet. Stein avait ordonné à Tourguéneff de le traduire en allemand, mais je l'ai empêché, parce que vous m'avez annoncé l'envoi d'une traduction déjà faite, elle sera revue par Stein et imprimée. Tâchez donc de me l'envoyer au plus tôt, si vous ne l'avez pas encore fait. Stein est curieux de la lire après tout le bien qu'il en a entendu dire. Pourquoi n'a-t-il pas encore paru de traduction

---

*) Французскій посолъ въ Константинополѣ. Его имя дало поводъ нашему послу Андрею Ивановичу Итальянскому сказать: Je suis André aussi.

française? J'attends avec impatience la seconde édition. Vraiment le livre est parfait, je suis bien aise qu'il vous a au moins rapporté quelque chose. Ne négligez pas de m'envoyer la traduction allemande.—Savez vous que sans plaisanterie je m'occuperai de l'ordre de Sardaigne, que vous n'avez pas reçu étant à Cagliari. Je me consulterai avec l'ami Michaud. La reine Caroline est en Autriche; je ne crois pas la rencontrer, mais si l'occasion se présentait, il serait possible de lui faire rappeler la proposition qu'elle vous a fait faire de son ordre. Moi je vous avoue que celui de Sardaigne est celui dont je voudrais vous voir décoré; quant à l'autre, il ne me plaît pas, c'est peut être parce que je l'ai vu trop souvent porter par le cap. Marco et par Alexandre. Впрочемъ и это не мѣшаетъ. J'attends avec impatience le Вѣстникъ que vous m'annoncez, il doit aussi faire mention de papa, car le № que j'ai reçu le promet.

Vous me demandez le portrait de Bonaparte; ma foi, je serais très embarrassé de vous l'envoyer, car je vous assure que je n'en ai pas vu un seul depuis que nous sommes en France. Je ne sais si on les a cachés ou si les habitants ont profité de ce moment pour reposer leur vue, mais il n'y en a pas. Ce serait du reste assez analogue aux sentiments des habitants, qui le détestent généralement. Pozzo était chez moi, et je me suis acquitté de votre commission. Il me promet toujours une lettre pour vous*). Il me parle toujours avec reconnaissance de la manière dont il a été traité par toute la famille et il est incapable de dire une chose pour une autre. Parmi les phénomènes du siècle ce n'est pas un des derniers que de savoir Pozzo en France. Il en rit toutes les fois que je lui fais cette remarque. Napoléon fut battu le 20 et le 21 devant et dans Arcis. On lui a pris 10 canons et plus de 1000 hommes de l'ancienne garde. Vous croyez que c'est tout? Ba, écoutez seulement. Le 13 (25), près de la Fère. Champenoise, nous avons remporté une victoire complète sur les corps de Marmont, Mortier et Pacto. C'était la plus belle chose du monde: plus de 60 canons, 7 généraux, 10,000 prisonniers. Ура! Qu'en dites vous? Notre Empereur s'est trouvé en personne.

---

*) Это письмо Поццо-ди-Борго къ А. Я. Булгакову напечатано въ „Русскомъ Архивѣ“ 1896 года, III, 200 (тамъ ошибочно сказано, что оно къ Константину Яковлевичу).

1-е МАЯ.

(А. С. Хомякову).

Мы всё живемъ; всёмъ жизнь дана судьбою,—
И дни бѣгутъ обычной чередою,
И молодость пріятно настаетъ;
Каварная, насъ манитъ и влечетъ
Всѣмъ временнымъ блаженствомъ наслажденій,
Всей яркостью пестрѣющей цвѣтовъ,
Всѣмъ трепетомъ минутныхъ упоеній.
Бѣгутъ за ней, прося ея даровъ,
И счастливы, кому она ихъ броситъ;
Минута—ихъ: конца не видно имъ!

Но все пройти должно путемъ своимъ.
Что временно, то время и уноситъ;
Опомнися, а молодость прошла,
И сколько жизни вмѣстѣ унесла!

*

Но вы, свершая путь, не таковы.
Не временныхъ искали упоеній,
Другихъ надеждъ, высокихъ наслажденій,
Негибнущихъ, исполнилися вы.
Роскошенъ свѣтъ, прелестный и лукавый,
Могущественъ соблазна древній гласъ;
Но молодость не обольстила васъ,
И передъ жизнью вы правы:
Благое дѣло вами свершено.
Не даромъ юныхъ дней была утрата,—
И что у молодости взято,
То жизни самой отдано.
Отъ настоящаго, хоть мчится быстротечно,
Васъ время не умчитъ въ стремленіи своемъ,
И голосъ современный вѣчно
Вамъ будетъ внятень и знакомъ.

И потому не страшно вамъ теченье,
 Не страшень бѣгъ часовъ, и дней, и лѣтъ:
 Пусть онъ другимъ приноситъ разрушенье,
 Но жизни въ немъ вамъ слышится привѣтъ.

*

Понятно вамъ, что молодое племя
 Волнуется, съ надеждой вдаль глядитъ;
 Понятно вамъ, что нынѣшнее время
 Въ груди своей невидимо таитъ;
 И ласково вы руку подаете,
 Не снисходя, не уступая намъ:
 Вы сами той же жизнию живете,
 И наше время также близко вамъ.

*

И потому всегда съ улыбкой ясной
 (Богъ дастъ!) встрѣчайте вашъ рожденья день.
 Пусть долго, долго всходитъ онъ прекрасно!
 И никогда невольной грусти тѣнь
 —Рожденья день—на васъ онъ не наброситъ;
 По всѣмъ правамъ, да вѣчно день такой
 Вамъ чувство жизни новое приноситъ
 И силы новыя съ собой!

Москва, 1842.

К. С. Аксаковъ былъ на 14 лѣтъ моложе А. С. Хомякова и стихи эти написалъ на 25-мъ году жизни. Онъ не учился за границею, но подобно Пушкинскому Ленскому отъ Германіи туманкой усвоилъ себѣ

Учености плоды,
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно странный,
 Всегда восторженную рѣчь
 И кудри длинныя до плечъ.

Аксаковъ увлекся сначала Шиллеромъ и до того предался изученію философіи Гегеля, что слогъ магистерской диссертациі его о Ломоносовѣ едва вразумителенъ: книга писана какъ будто по-нѣмецки, только Русскими словами. Хомяковъ шутя говорилъ, что ходъ Русскаго просвѣщенія знаменуется съ одного конца дѣдомъ Аксакова, Степаномъ Михайловичемъ, изображеннымъ въ „Семейной Хроникѣ“ во всей простотѣ деревенскаго быта, съ другой его внукомъ Константиномъ Сергѣевичемъ, „свирѣпымъ агнцемъ“ (какъ онъ его называлъ), до тонкости уметвующемъ. Хомяковъ вывелъ Аксакова на путь Русскаго самосознанія. Оба они скончались въ одинъ и тотъ же годъ (1860). Оба, вмѣстѣ съ братьями Кирѣевскими, были въ жизни личной, умственной и общественной носителями и провозвѣстниками

великихъ началъ, которыми живетъ наша родина и которыя имѣютъ значеніе всемірно-историческое. Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ выразилъ, въ этихъ привѣтственныхъ со днемъ рожденія стихахъ, неувыдаемость А. С. Хомякова и его удивительную отзывчивость. И дѣйствительно, нынѣ, когда прошло уже сто лѣтъ со дня рожденія Хомякова, сочиненія его какъ будто вчера писаны, а въ книжкѣ его стихотвореній не встрѣтишь ни одного устарѣлаго звука. (Къ сожалѣнію, стихотворенія Хомякова до сихъ поръ издаются безъ историческихъ примѣчаній, тогда какъ многія изъ нихъ—отзвуки на современныя ему событія). У Ломоносова и Державина большинство стиховъ заскорузло отъ времени, въ лирѣ Пушкина ощущается (по чьему-то вѣрному замѣчанію) нѣкоторый недостатокъ басовой струны, въ поэмахъ Лермонтова немало недоѣдающей незрѣлости, даже „Горе отъ ума“ уже въ иныхъ мѣстахъ утратило жизненность; а у Хомякова до сихъ поръ во всей силѣ слышится что-то вѣщее.

Лучшая біографія Хомякова въ его письмахъ (вопреки его неохотѣ къ перепискѣ), въ 8-мъ томѣ послѣдняго собранія его сочиненій.

Такъ называемый столѣтній юбилей Хомякова прошелъ вяло. Оно такъ и подобало: въ Хомяковѣ ничего не было показнаго, хлестваго, а отличительныя свойства его дарованій—сосредоточенность и глубина, которыхъ не прощаютъ ему многіе, и въ томъ числѣ г-нъ В. Розоновъ, съ легкомысленною развязностью кинувшій въ него однимъ изъ своихъ софизмовъ въ „Новомъ Времени“.

Замѣчательнѣйшее изъ того что появилось въ печати по поводу этого юбилея, принадлежитъ П. А. Матвѣеву въ Майской книжкѣ „Русской Старины“ нынѣшняго года.

Съ успѣхомъ занимающійся исторіею царствованія Алексѣя Михайловича, г-нъ Матвѣевъ отмѣчаетъ, что и Хомяковъ любилъ этого царя, но не объясняетъ, почему именно. Въ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Хомяковъ цѣнилъ его вѣру въ Русскій народъ, внутреннее единство съ нимъ и невѣщательство въ его бытѣ и общинную жизнь. Того же ожидалъ онъ отъ Александра Николаевича, при которомъ прожилъ всего пять лѣтъ. Онъ шутилъ предлагалъ написать картину счастья Россіи съ изображеніями царя Федора, звонящаго къ вечернѣ, царя Алексѣя съ соколомъ въ рукѣ, царицу Елисавету съ бокаломъ Венгерскаго и новаго царя въ ту минуту, когда онъ подстрѣливаетъ медвѣдя. Хомяковъ придавалъ большое значеніе охотѣ, ея дружащему съ природою и освѣжающему дѣйствию. Вѣроятно Жуковский передавалъ ему что, наблюдая за цесаревичемъ, онъ долго не могъ дознаться, къ чему онъ страстенъ и только разъ на охотѣ замѣтилъ въ глазахъ его полное восторженное одушевленіе. Почти во все долговременное царствованіе, поѣздки, иногда весьма дальнія, на псовую охоту, были для императора Александра Николаевича любимымъ развлеченіемъ отъ трудовъ державныхъ, и отъ нихъ отвадила его только злополучная кончина В. Я. Скарятина, которую злонамѣренные люди вздумали приписать его неосторожному выстрѣлу. Здѣсь встаетъ привести тро-

гательную черту въ характеръ покойнаго Государя. Въ Петербургъ прїѣхалъ братъ Скарятинъ, Казанскій губернаторъ Николай Яковлевичъ. Принимая его у себя въ кабинетъ, Государь поразилъ его вопросомъ: „Скарятинъ, вѣришь ли ты, что я честный человѣкъ“. Изумленіе было отвѣтомъ. „Вѣришь ли ты, что если бы дѣйствительно я имѣлъ несчастіе убить твоего брата, какъ разгласили въ народѣ, то я бы немедленно о томъ обнародовалъ и подвергъ себя церковному покаянію? Вѣришь ли, повторилъ Александръ Николаевичъ и со слезами на глазахъ обнялъ Скарятинъ *).

К. С. Аксаковъ и Хомяковъ сердечно радовались „дней Александровыхъ прекрасному началу“. Первый изъ нихъ такъ привѣтствовалъ новаго Государя:

Въ Россію вѣруя, на бой съ лукавой ложью,
Въ честь правды и добра, безъ страха ты идешь.
Вѣрь въ истину и свѣтъ, люби свободу Божью:
Свѣтъ нуженъ истинѣ, мракъ прикрываетъ ложь.
Любовь и истину дать Русь тебя готова,
Любовь и истина сильнѣе всякихъ узъ.
Ты возвратишь, о Царь, землѣ свободу слова:
И Богъ благословитъ съ народомъ Твой союзъ.

Хомяковъ написалъ на коронаваніе Александра Николаевича стихи, въ которыхъ нѣтъ слова лести и выражена надежда на отміну крѣпостного права. Оба не дожили до исполненія завѣтной ихъ мечты... и оба жестоко были огорчены тѣмъ направленіемъ, которое приняли такъ называемыя Редакціонныя Комиссіи. Аксаковъ успѣлъ напечатать въ Берлинѣ свое возраженіе на труды ихъ, а Хомяковъ, въ Августѣ 1859 года, по совѣту графа Д. Н. Блудова, написалъ о томъ письмо графу Я. И. Ростовцову. Письмо это было умышленно замолчано.

Еще замѣтка по поводу статьи г-на Матвѣева. Хомяковъ вѣнчался въ Москвѣ въ домово́й церкви графа А. Н. Панина на Большой Никитской. Хомяковъ не могъ хорошо вести свое сельское хозяйство, которое досталось его дѣтямъ обремененное долгами. Въ Чешской Прагѣ въ 1847 году Хомяковъ пробылъ всего одни сутки и на пути оттуда написалъ свои чудные стихи: „И Прагу я видѣлъ, и Прага сіяла“... П. Б.

---

*) Со словъ самого Н. Я. Скарятинъ. Въ напечатанномъ слѣдственномъ дѣлѣ о гибели Скарятинъ тогдашнему оберъ-егермейстеру поставлено въ вину именно то, что онъ своимъ умолчаніемъ далъ поводъ къ превратнымъ слухамъ. П. Б.

ПИСЬМА ПРОТОІЕРЕЯ СЫРОХНОВА КЪ МОГИЛЕВСКОМУ ЕПИСКОПУ АНАСТАСІЮ БРАТАНОВСКОМУ.

Коронація императора Александра Павловича имѣла, между прочимъ, ту особенность, что при совершеніи ея присутствовали особые депутаты отъ духовенства, присланные архіереями изъ разныхъ епархій ¹⁾. Представителемъ Бѣлорусско-Могилевской епархіи былъ протоіерей Витебскаго Успенскаго собора Іоаннъ Петровичъ Сырохновъ ²⁾, „по уваженію на дѣятельность и достоинства его удостоенный быть въ церемоніи при св. коронаціи Государя Императора въ 1801 году Сентября 15 дня и подносить со всеподданнѣйшимъ поздравленіемъ отъ всея Бѣлорусскія церкви св. икону“ ³⁾.

Отпуская о. Сырохнова въ Москву, пресвященный Анастасій велѣлъ ему писать. Протоіерей исполнилъ желаніе владыки: изъ Москвы прислалъ онъ ему нѣсколько писемъ. Три изъ нихъ печатаются ниже полностью. Подлинники этихъ писемъ хранятся въ архивѣ Могилевской Духовной Консисторіи (1801 года связка дѣлъ съ №№ 105—108, д. № 105).

I.

Пресвященнѣйшій владыко! Милостивѣйшій архипастыр!

Съ благословенія вашего я доѣхалъ до Москвы благополучно и остановился квартирою у Николая Васильевича Боборыкина, стараго моего знакома, который по Вологдѣ зналъ и чтитъ вашего дядюшку ⁴⁾ и

---

¹⁾ Коронація Русскихъ императоровъ и императрицъ. Выпускъ первый: съ 1724 по 1801-й годъ. Церковноисторическій очеркъ протоіерея В. Жмакина. Спб. 1898, стр. 137.

²⁾ О. Сырохновъ былъ виднымъ дѣвателемъ въ свое время. По его мысли и старанію, между прочимъ, обращенъ былъ въ 1799 г. въ православный Успенскій соборъ Витебскій Базиліанскій монастырь. Священникомъ въ Витебскъ онъ поступилъ (1793 г.) изъ С.-Петербурга, куда впослѣдствіи (въ 1899 г.) возвратился и служилъ тамъ протоіереемъ въ Казанскомъ соборѣ. Человѣкъ онъ былъ „свѣтскій“, бывалый, умѣлъ выдвинуться, обратить на себя благосклонное вниманіе начальства, неоднократно хлопоталъ о наградахъ и субсидіяхъ себѣ и нерѣдко успѣвалъ въ этомъ. Въ архивахъ (Св. Синода, Могилевской Духовной Консисторіи и другихъ) хранится много автобіографическихъ бумагъ о. Сырохнова: прошеній, записокъ, докладовъ и т. п.

³⁾ Такъ писалъ о себѣ о. Сырохновъ въ запискѣ о своихъ трудахъ, поданной имъ императору Александру Павловичу въ провѣдъ его величества чрезъ Витебскъ 20 Іюни 1802 года, когда Государь возвращался изъ Мемеля (Архивъ Св. Синода 1803 г. д. № 52).

⁴⁾ Пресвященнаго Иринея, епископа Вологодскаго († 1796 г.).

особу вашу. 5-го Сентября явлюсь мірови и какъ высокопреосвященнѣйшій П(латонъ) митрополитъ здѣсь, то первую поставляю должностію начать съ него. О прїѣздѣ Государа говорятъ, что сего-же, то есть 5-го, будетъ ужинать въ Петровской дворецъ; но вѣрнаго никто ни о прїѣздѣ, ни о коронаціи не знаетъ. Овесъ и сѣно здѣсь недорого: 1-е 3 р. 50 к. чет., а послѣд. 25 к. пудъ. Съѣздъ преужасный, но ничто недорогого.

Въ прочемъ, преисполненный надежды на архипастырскія ваши благоволенія ко мнѣ, пребываю съ душевною преданностію и повиновеніемъ вашего преосвященства высокомилоствѣйшаго архипастыря всеиужайшій слуга протоіерей Іоаннъ Сырохновъ.

4 Сентября 1801 года, Москва.

Р. С. 5-е Сент. Утро. Получилъ и письмо вашего высокопреосвященства и прекрасный образъ. Мысль отмѣнная. Всѣ одобряютъ. Высокопреосвященный Митрополитъ Амвросій, отпустивъ Государа Императора ¹⁾, будетъ послѣ ²⁾ и остановится въ Петровскомъ монастырѣ.

Многіе приготовили образа для поднесенія Монарху и двумъ Императрицамъ порознь. И мнѣ говорятъ тоже, но я отвѣчаю, что естли будетъ принятъ благосклонно, то сія муромъ освященная тройца ³⁾ принесетъ молитву единому Богу. Это (смѣю сказать) не только не ошибка, но, какъ мнѣ кажется, это очень хорошо ⁴⁾.

Впрочемъ, сего дня точно ожидаютъ въ Петровскій высочайшаго прїѣзда. Коронаціи и вѣзда не знаютъ дней. Приготовленія великолѣпны. Съ колокольни Великаго Ивана снята безобразная кривая шапка, а вмѣсто оной надѣваютъ императорскую золотую корону. Мѣста приготовлены весьма великолѣпны. Но все еще строятъ.

Съ преосвященнѣйшимъ Минскимъ (повомъ) я увидѣлся сей день въ квартирѣ Василья Яковлевича Савицкаго ⁵⁾, гдѣ я пробылъ все утро. Теперь онъ не только вѣрить начинаетъ, сколь безпокойны Униты, но и что не намъ торжествовать, но имъ всегда удается ⁶⁾. Ёду по обѣдѣ

¹⁾ Изъ С.-Петербурга.

²⁾ Послѣ прїѣзда Государа въ Москву.

³⁾ Императоръ и двѣ Императрицы.

⁴⁾ Впослѣдствіи о. Сырохновъ поступилъ иначе (см. ниже).

⁵⁾ Оберъ-секретаря Св. Синода.

⁶⁾ Въ это время (съ 1794 г.) въ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ правительствомъ производилось обращеніе Уніатовъ въ православіе. Дѣло это совершалось съ большими затрудненіями и препятствіями съ разныхъ сторонъ.

пріятельскомъ къ преосвященнѣйшему Минскому и Димитрію Ивановичу Хвостову ¹⁾, и еще сего же дня къ Василью Яковлевичу: тако онъ велѣлъ.

II.

Преосвященнѣйшій владыко! Милостивѣйшій архипастырѣ!

Сейчасъ, прибывъ въ квартиру отъ пріѣхавшаго сію ночь преосвященнѣйшаго митрополита Амвросія, принявшаго меня крайне благо-склонно, начинаю доносить.

1-е. Государь Императоръ неожиданно прибылъ 5-го числа въ Петровскій дворецъ, и вся Москва была въ затрудненіи узнать день торжественнаго вѣзда; но инкогнитской пріѣздъ Императора и Императрицы 7-го вечеромъ въ Грановитую Палату открылъ. Итакъ 8-го поутру въ 10-мъ часу, въ прекрасную погоду, послѣдовалъ вѣздъ. По обыкновенію литургію слушали въ Благовѣщенскомъ соборѣ, которую совершалъ духовникъ ²⁾. Сей день, 2-е, объявляю, что коронація будетъ 15-го сего мѣсяца, чего никто почти не ожидалъ.

3. Образъ всенепремѣнно будетъ нуженъ для Императрицы,—буду искать.

4. По счету полицейскому прибыло народу 180,000, но непримѣтно дороговизны.

Слѣшу, пообѣдавши ѣхать искать образа, а потому простите, что скоро пишу и худо.

Поручая за сямъ себя вашему архипастырскому благословенію, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ и повиновеніемъ вашего преосвященства милостивѣйшаго архипастыря всенижайшій слуга протоіерей Іоаннъ Сырохновъ.

9-го Сентября 1801 года. Москва. При встрѣчѣ Императора Платонъ м(итрополитъ) приказалъ мнѣ быть въ ризахъ, а потому и былъ

III.

Преосвященнѣйшій владыко! Милостивѣйшій архипастырѣ!

Образъ присланный ³⁾ уже готовъ и подложенъ Александровскаго цвѣта атласомъ; серебряная и вызолоченная, чеканная искусно бордюрка придала чрезвычайный видъ. Для Императрицы нашель Корона-

¹⁾ Оберъ-прокуроръ Св. Синода.

²⁾ Исидоръ.

³⁾ Преосвященнымъ Анастасіемъ изъ Могилева.

ваніе Богоматери, и обдѣлываютъ.—Что будетъ все стоять, счетъ приплю, а другой отдамъ Николаю Николаевичу (Бантышъ-Каменскому) ¹⁾.

Я надѣюсь, что буду имѣть счастье вашу особу поздравить ²⁾. Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ (Амвросій) весьма ко мнѣ милостивъ и изволитъ заниматься дѣлами и разговорами по несчастію нашему касательно Унитовъ. Я объяснилъ ему дѣла и Юстиць-Коллегіи Римскаго департамента. Теперь иначе и мыслить, и говорить, и желаетъ.

Отець префектъ ³⁾ Андрей Пригоровскій получить крестъ стараго калибра. И еще семь человѣкъ по Россіи. Объ отцѣ архимандритѣ Полоцкомъ говорятъ: для чего нѣтъ представленія ⁴⁾? А между тѣмъ я дожидаю отъ вашего преосвященства письма къ Государю.

9-го сего мѣсяца подписанъ указъ къ начальству о возстановленіи губерніи ⁵⁾, въ коемъ между прочаго сказано: Бѣлорусскую раздѣлить на двѣ и по усмотрѣнію начальства возстановить оныя въ городахъ къ сему способнѣйшихъ. Въ другую (губернію) набрать чиновъ предоставлено Сенату. Генераль-губернаторомъ полный генераль Александръ Михайловичъ Римскій-Корсаковъ. Есть надежда, что Витебскъ останется (губернскимъ городомъ), а другая (губернія) перенесется въ Могилевъ ⁶⁾. Я у него былъ и еще буду.

Поручая себя архипастырскому милостивѣйшему благоволенію, пребываю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и повиновеніемъ вашего преосвященства высокомилостивѣйшаго архипастыря всенижайшій слуга протоіерей Іоаннъ Сырохновъ.

12-е Сентября 1801 г.

Завтра Императоръ вѣзжаетъ изъ Слобоцкаго въ Кремлевскій дворець. 15-го коронація, а 21-го выѣздъ ⁷⁾.

¹⁾ Н. Н. Б.-Каменскій былъ управляющимъ Московскимъ архивомъ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Онъ былъ пріятель многихъ архіереевъ, въ томъ числѣ и преосвященнаго Анастасія.

²⁾ Въ день коронаціи преосвященный Анастасій возведенъ былъ въ санъ архіепископа.

³⁾ Могилевской духовной семинаріи.

⁴⁾ По смерти архим. Моисея († 10 Іюля 1801 г.) въ Полоцкомъ монастырѣ открылась вакансія настоятеля; для замѣщенія ея преосвященный Анастасій долженъ былъ представить Св. Синоду кандидатовъ.

⁵⁾ Полное Собраніе Законовъ (1-е) т. XXVI. № 20004.

⁶⁾ Бѣлорусская губернія образована была при Павлѣ I (12 Дек. 1796 г.) чрезъ соединеніе Могилевской и Полоцкой губерній въ одну. Губернскимъ городомъ назначенъ былъ Витебскъ. П. С. З. т. XXIV. № 17634.

⁷⁾ Изъ Москвы Императоръ ѣздилъ въ Троице-Сергіеву лавру, Виванію и дру-
Ц, 39 Русскій Архивъ 1904.

Письмомъ отъ 15 Октября 1801 г. изъ Витебска о. Сырохновъ, извѣщая преосвященнаго Анастасія о своемъ возвращеніи изъ Москвы, писалъ, что собирается въ Могилевъ, но ожидаетъ пріѣзда генераль-губернатора. Преосвященный 18 Декабря отвѣчалъ ему:

Почтеннѣйшій Витебскій протоіерей, мнѣ любезнѣйшій о. Іоаннъ! Слава Богу, а вамъ хвала и благодарность моя, что вы дѣло, вамъ порученное, исполнили благополучно! О семъ пишетъ и высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Амвросій. Мнѣ съ вами имѣть разговоръ желательно; но по вашимъ обстоятельствамъ домашнимъ, по обстоятельствамъ сомнѣнія о губерніи ¹⁾, по обстоятельствамъ на Микулинскихъ священниковъ ²⁾, по обстоятельствамъ худя осеннія дороги вы можете сообразить ваше ко мнѣ прибытіе. Нашему генераль-губернатору вручите мое письмо, а я остаюсь вашимъ усерднымъ доброжелателемъ.

Анастасій, архіепископъ Бѣлорусскій.

18 Октября 1801 года ³⁾.

(Сообщилъ Платонъ Горючко).

гія мѣста. Разстался съ Москвой Государь 15 Октября, 19-го возвратился въ Петербургъ (Шильдеръ, Н. К. Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе. Т. II. СПб. 1897, стр. 75).

¹⁾ Почтчане хлопотали о возстановленіи ихъ города въ достоинство губернскаго.

²⁾ Жители м. Микулина незадолго передъ тѣмъ присоединились изъ Уніи къ православнои церкви. Въ это время производилось слѣдственное дѣло о непорядочномъ поведеніи тамошняго духовенства.

³⁾ Копія письма преосвященнаго Анастасія хранится въ архивѣ Св. Синода (1803 г. № 52).

ЧЕРТЫ МОНАСТЫРСКАГО БЫТА ВЪ XVII ВѢКѢ.

Келарь Діонисій Омачкинъ.

Въ Ростовскомъ уѣздѣ (Ярославской губ.) по направленію къ Суздальской дорогѣ находится село Спасъ-Городецъ. Это было въ старину очевидно Мерянское населеніе, и еще недавно существовавшіе слѣды насыпей и рововъ указывали, что Городецъ былъ укрѣпленнымъ лагерьмъ. Боевое значеніе Городецъ сохранилъ и въ болѣе позднѣе время. Устное преданіе говоритъ, что кромѣ земляныхъ сооруженій селеніе было обнесено тыномъ для защиты отъ воровскихъ Литовскихъ шаекъ, такъ долго беспокоившихъ Ростовскую область въ XVII в., что подтверждаетъ и авторъ путеводителя по Ярославской губерніи Ф. Я. Никольскій ¹⁾.

Спасъ-Городецъ съ деревнями числился родовой вотчиною князей Бѣльскихъ, но 17 Сентября 1576 г. царь Иванъ Васильевичъ Грозный далъ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю игумену Кузьмѣ съ братіей по душѣ князя Ивана Дмитриевича Бѣльскаго вотчину его въ Ростовскомъ уѣздѣ село Спасское съ деревнями и пустошами ²⁾. Это было вскорѣ послѣ того, какъ князь Бѣльскій, первый бояринъ Земщины въ нашествіе Дивлетъ-Гирея на Москву, поспѣшилъ на спасеніе столицы съ Оки, гдѣ онъ стоялъ съ войсками и въ Москвѣ во время пожара задохся въ своемъ погребѣ въ 1571 году.

Въ числѣ деревень, поступившихъ въ монастырское владѣніе, находилась деревня Омачкино (и донинѣ состоящая въ Спасскомъ приходѣ). Деревня эта—родина келаря Діонисія Омачкина ³⁾, имѣвшаго во второй половинѣ XVII в. видное значеніе въ знаменитомъ Печерскомъ Вознесенскомъ Нижегородскомъ монастырѣ и пользовавшагося особымъ покровительствомъ перваго Нижегородскаго митрополита Филарета.

---

¹⁾ Путеводитель, изданіе Журавлева. Ярославль 1859, стр. 165.

²⁾ Подлинная грамота находится въ Ростовскомъ музѣй церковныхъ древностей.

³⁾ Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общ., т. 16, часть 2-я, стр. 649.

Діонисій, въ мірѣ Дмитрій, былъ сынъ крестьянина изъ деревни Омачкина. Отецъ его вмѣстѣ съ другими крестьянами Спасской вотчины по лѣтамъ работалъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и бралъ съ собой ребенка - сына. Смышленный и бойкій мальчикъ понравился Кирилловскому игумену Серапіону. Онъ оставилъ мальчика въ монастырѣ въ качествѣ келейника, научилъ грамотѣ, и мальчикъ потомъ не только читалъ и пѣлъ на клиросѣ, но познакомился съ монастырской канцеляріей. Послѣ ухода Серапіона изъ монастыря, Дмитрій былъ также любимъ и другими игуменами. Долго ли жилъ въ Кирилловскомъ монастырѣ Дмитрій, не видно, и его пребываніе тамъ извѣстно только до 1639 года, когда былъ игуменомъ Антоній Москвинъ, очевидно и постригшій его въ монашество, такъ какъ въ уцѣлѣвшихъ подписяхъ того времени Омачкинъ подписывался уже «старецъ Діонисій изъ Омачкина», хотя надо предположить, что этому старцу было не болѣе 20 лѣтъ. На позднѣйшихъ бумагахъ подпись его была уже «старецъ Діонисій Омачкинъ».

Затѣмъ слѣдъ старца Омачкина на время затерялся, и только около 1650 г. онъ находится уже въ Горшковой Успенской пустыни. Бывая по разнымъ дѣламъ въ Москвѣ, онъ сталъ близокъ патриаршему дому, очевидно познакомился и съ лицами, стоявшими во главѣ духовнаго управленія. Въ 1651 г. онъ поступилъ въ Печерскій монастырь, гдѣ въ послѣдствіи заслужилъ особую любовь настоятеля Филарета, и въ бытность этого вліятельнаго архимандрита въ Печерскомъ монастырѣ (1658) мы видимъ уже Омачкина келаремъ Печерской обители. Расположеніе къ Омачкину Филаретъ сохранилъ и въ послѣдующее время, когда сдѣлался митрополитомъ Нижегородскимъ. Впрочемъ есть основаніе предполагать, что въ келаря Омачкинъ былъ назначенъ архимандритомъ Иларіономъ (1656—1657), бывшимъ потомъ Рязанскимъ епископомъ.

Печерскій Вознесенскій монастырь основанъ св. Діонисіемъ, епископомъ Суздальскимъ и хотя обитель много терпѣла отъ разныхъ невзгодъ и разореній, но благодаря покровительству царей, князей и бояръ, была одна изъ богатѣйшихъ, а къ концу XVII в. имѣла уже около 8000 д. крестьянъ. Къ сожалѣнію настоятели монастыря мало оправдывали свое назначеніе. Особенно отличился архимандритъ Макарій, который во время своего сравнительно недолгаго настоятельства (1639—1642) обиралъ монастырь, разорялъ вотчины и учинилъ много безпорядковъ, живя совсѣмъ не по монастырски, за что и былъ отставленъ отъ настоятельства. Печерскіе акты въ числѣ разныхъ дѣяній этого настоятеля передаютъ, что архимандритъ Макарій «со старцами напалъ

на крестьянъ с. Рубскаго съ рогатинами, ружьями, съ луками, топорами и кольями, и крестьянъ обижали и увѣчили смертнымъ боемъ и крестьянокъ и крестьянскихъ дѣвокъ били и безчестили и взяли къ себѣ въ монастырь невѣдомо для какого вымыслу». Дальнѣйшіе подвиги Макарія описалъ поступившій послѣ него архимандритъ Рафаиль въ челобитной къ царю Михаилу Ѳеодоровичу въ 1643 году.

«Въ прошломъ, государь, 150 году (1642), по государеву указу бывшей архимандритъ Макарій за многое плутовство отъ архимандричества отставленъ, а монастырь, государь, и церковное строеніе и монастырскую казну и всякіе монастырскіе запасы и вотчины монастырскія у него архимандрита Макарія на лицо не принято. А какъ, государь, онъ архимандритъ Макарей по твоему государеву указу изъ Печерскаго монастыря поѣхалъ къ Москвѣ, и Печерскаго монастыря черныя священники и вся братья посылали тебѣ праведному государю челобитную за своими руками, что онъ архимандритъ Макарей, будучи въ Печерскомъ монастырѣ, ничево добраго не учинилъ, крестьянъ и вотчины монастырскія разогналъ, казнѣ монастырской поруку учинилъ, въ житницахъ хлѣбъ всякой истоцилъ, посулы ималъ большіе, а кто ему изъ братьи про то говорилъ, и онъ смирялъ немонастырскимъ смиреніемъ, заковывалъ въ кандалы и билъ плетью и ослопьемъ. И во прошломъ же, государь, во 149 году, какъ посылалъ онъ архимандритъ Макарей въ монастырскія вотчины совѣтника своего старца Макарея Тупякова, и отъ него Макарея разбѣжалося крестьянъ изъ монастырскихъ вотчинъ изъ села Никольскаго да изъ села Рубскаго съ деревнями больши двадцати семей; а племя его Петруша Носъ, какъ былъ въ службахъ въ Печерскомъ монастырѣ, многіе монастырю поруки учинилъ, и крестьяномъ монастырскимъ отъ него были многіе налоги и продажи».

Немного лучше Макарія былъ съ 1672 г. по 1674 и архимандритъ Симеонъ Милюковъ (переведенный въ Московскій Спасо-Андроніевъ монастырь). Впрочемъ онъ былъ только большой мздоимецъ и разоритель, но на разбои съ старцами не выходилъ. Уцѣлѣла на него жалоба келаря Діонисія Омачвина Нижегородскому митрополиту Филарету:

«Бывшій архимандритъ Симеонъ, будучи въ Печерскомъ монастырѣ, дѣлалъ многія неправды, завладѣлъ монастырскою денежною казною. Взялъ онъ, архимандритъ, села Кидекши у строителя Игнатія на Москвѣ десять рублевъ въ келью, да у казначея Симона взялъ въ келью дватцать пять рублевъ, да изъ села Плесца привезъ крестьянинъ Гараська Дмитріевъ десять рублевъ дровяныхъ казенныхъ денегъ, и тѣ

деньги онъ взялъ себѣ же въ келью; а крестьянинъ приходилъ для отписки трижды, и онъ ему отписки не далъ, а билъ его плетьюми, чтобы отписки не просилъ въ тѣхъ деньгахъ. Да велѣлъ онъ архимандритъ казначею Симону купить горностаевъ, и онъ купилъ два сорока шестнадцать горностаевъ на казенныя деньги, дано за тѣ горностаи восемь рублей двадцать одинъ алтынъ двѣ деньги, и денегъ за тѣ горностаи не далъ. Да по его приказу келейникъ Панкрашко въ келью взялъ рубль за двѣ юфти сафьяновъ; взялъ онъ архимандритъ три рубля, а тѣ сафьяны у него жъ въ кельѣ. Онъ же взялъ въ прошломъ въ 181 году съ прїѣзду за жилое десять рублей, а въ нынѣшнемъ въ 182 году за жилое взялъ десять же рублей, а у насъ архимандриту и братіи дается государево жалованье за жилое въ годъ. Куплена кисея, дана два рубли, и онъ ту кисею взялъ къ себѣ въ келью, да изъ села Рубскаго работникъ Ерошка привезъ рубль, и онъ отписку принялъ, а деньги къ себѣ взялъ. Строитель Игнатій купилъ ему три цѣвки золота, далъ два рубля девятнадцать алтынъ двѣ деньги; онъ же купилъ ему крашенины на сорокъ на одинъ алтынъ; келейнику его Гришеѣ далъ онъ строитель и Плесецкой старецъ два рубля, ему же келейнику зажилова дано два рубли, да платъе на немъ монастырское, да дѣлалъ карету монастырскими работниками, плотники и кузнецы, шесть мѣсяцевъ, и желѣзо держалъ и всякій заводъ монастырскій; а отъ полуды и рѣзальщику дано четыре рубля, а карета въ монастырѣ оброчья тоѣ есть. Да служащія три шапки ¹⁾ заперты у него въ кельѣ, а мы отпереть и шапокъ взять безъ твоего святительскаго указа не смѣемъ. И на служащія шапки во всякую покупку и отъ дѣла изошло тридцать одинъ рубль тринадцать алтынъ двѣ деньги, да въ четвертую шапку куплено серебра на три рубля на семнадцать алтынъ, да изъ казны взялъ серебра пятьдесятъ два золотника; а что, государь, купленъ мухояръ и тафта и патрахель, и то въ казнѣ. Милостивой великій господинъ преосвященный Филаретъ митрополитъ Нижняго Новаго града и Алатара, пожалуй насъ богомольцевъ твоихъ, вели, государь, въ той монастырской денежной казнѣ, что ималъ онъ архимандритъ въ келью, свою, святительской указъ учинить. Великій господинъ, смилуйся, пожалуй!»

Келарь Діонисій Омачкинъ оставилъ по себѣ замѣтный слѣдъ въ исторіи монастыря, какъ видно по бумагамъ, найденнымъ въ 1847 году преосвященнымъ Іаковомъ въ подвалахъ Печерской обители ²⁾. Главная дѣятельность келаря Омачкина начинается съ 22 Іюля 1662 г. Ему была

¹⁾ Т. е. употребляемые при богослуженіяхъ, вамилавка, митра и пр.

²⁾ Списокъ съ этихъ актовъ сдѣланъ П. И. Мельниковымъ-Печерскимъ и находится въ нашемъ собраніи (№№ 2361—2366 Охраннаго каталога).

прислана грамота отъ Іосифа патріарха съ препровожденіемъ въ Печерскій монастырь старца Θεодосія за пьянство съ тѣмъ, чтобы быть ему въ монастырь въ рядовой братіи, въ какую службу пригодится, а съ монастыря его никуда не спускать.

Затѣмъ идетъ рядъ грамотъ объ исправленіи не только иноковъ, но и поповъ, и ихъ сохранилось немало. Такъ въ 1669 г. келарь Омачкинъ доносилъ патріарху, что по его приказу былъ съисканъ и водворенъ въ Печерскомъ монастырь Нижняго Новгорода Преображенскаго собора попъ Іаковъ, при чемъ добавлялось, что, согласно патріаршему повелѣнію, Іакову служить впредъ до указа не дозволялось, а велѣно ему на свое мѣсто на череду къ соборной церкви попа наймовать, чтобы соборная церковь на его чередѣ безъ пѣнія не была, а церковнымъ доходомъ ему своей долею владѣти. Въ 1673 г. келарь Омачкинъ, вслѣдствіе указа царя Алексѣя Михайловича за приписью дьяка Аеанасія Банмакова, для пополненія казны ратнымъ людямъ на жалованье собиралъ съ принадлежащихъ къ Печерскому монастырю людей и бобылей промышленныхъ и ремесленныхъ съ животовъ и промысловъ и торговъ десятую деньгу.

Изъ отписки келаря Омачкина видно, что онъ также посылалъ на окладной дворъ гостиной сотни къ Якиму Олисову «окладчиковъ людей добрыхъ и прижиточныхъ».

Нижегородскій митрополитъ посылалъ неоднократно подъ надзоръ Омачкину разныхъ людей для исправленія и наказанія. Такъ онъ препроводилъ къ нему бѣснующаго Никиту Ѳадѣева. Омачкинъ имѣлъ о Ѳадѣевѣ попеченіе и отдалъ его подъ надзоръ старцу «человѣку искусну» держать въ чеши и желѣзахъ. Ѳадѣевъ былъ Омачкинымъ ученъ страху Божию и береженъ на крѣпко, чтобы онъ «дурна надъ собой никакого не учинялъ и къ церкви Божіей во время пѣнія былъ приводимъ, дабы на истинный путь обратился».

Бывшій архимандритъ Печерскаго монастыря Симеонъ былъ переведенъ въ Московскій Спасо-Андроньевскій монастырь. Забравъ все свое имущество, онъ оставилъ въ Печерахъ «добрую карету», въ которой Омачкинъ, исправляя должность архимандрита, и развѣзжалъ по обширнымъ монастырскимъ владѣніямъ. 5 Іюля 1674 г. была въ монастырь получена грамота отъ царя Алексѣя Михайловича, по которой велѣно изъ Печерскаго монастыря «прежде бывшаго архимандрита Семіона келейное его каретное дерево съ дышломъ съ растворомъ и со всѣмъ желѣзнымъ запасомъ разобрать прислать къ нему великому государю къ Москвѣ въ патріаршъ разрядъ на монастырскихъ подводахъ съ про-

водники». Оmachину «каретное дерево» отпустить было жаль, и онъ сталъ отписываться, выставивъ свидѣтелей старцевъ, казначея, конюшеннаго, судебнаго, житника, чашника, хлѣбодара, повареннаго, хлѣбннаго, сушильнаго, больничныхъ, пономарей, большихъ и малыхъ старцевъ и всю братію, которые и сказали: у насъ въ монастырѣ архимандрита Семіона кареты нѣтъ, а есть карета сдѣланна—дѣлали монастырскіе плотники и кузнецы; лѣсъ, желѣзо, клей и полуда все монастырское же казенное. При этой отпискѣ келарь Оmachинъ представилъ и опись вещей монастырскихъ, употребленныхъ на карету, въ 7182 г. отъ созданія міра».

Опись эту приводимъ полностью.

«Казначея старца Симона въ книгахъ написано 182 году Октябрь 1 день куплены двѣ юфты сафьяновы къ каретѣ на кровлю, дано 3 рубли.

Ноября 23 дня у Мишки Коровкина взять кряжъ дубовый въ каретное строеніе, дано 2 алтына.

Рѣзаньщизу Емельяну отъ каретнаго рѣзанья дано 2 рубли.

Роману кузнецу отъ каретнаго жѣ дѣла, что лудилъ желѣзо, дано 2 рубли. Дерево, что дѣлали монастырскіе плотники, и у того дерева желѣзо монастырское жѣ, дѣло монастырскихъ кузнецовъ, растворы монастырскіе же безъ желѣза, и то каретное дерево и растворы стоятъ въ саду за архимандричьи кельями; да того жѣ монастырскаго каретнаго всякаго желѣзнаго строенія въ казнь вѣсомъ 5 пудъ съ четвертью. Да дерева жѣ 4 доски рѣзанныя съ висячими перилами».

Не смотря на эту отписку, карету затребовали снова, и тогда Оmachинъ подалъ царю челобитную, говоря, что карета монастырская, дѣлали только по архимандрита Симеона велѣнью на монастырскія казенныя деньги и монастырскими работниками. Свое прошеніе Оmachинъ заключилъ словами: «Не вели, государь, того монастырскаго каретнаго дерева съ желѣзнымъ запасомъ у насъ изъ дому чуднаго Вознесенія и Пречистыя Богородицы имать, чтобы святѣй обители отъ того въ конецъ въ раззореніи не быть».

Царь Алексѣй Михайловичъ въ просьбѣ Оmachина не отказалъ, обитель черезъ взятіе кареты въ конецъ не раззорилъ, и Оmachинъ продолжалъ развѣзжать въ архимандритской каретѣ безпрепятственно. Пользуясь покровительствомъ митрополита, Оmachинъ слишкомъ злоупотреблялъ своимъ положеніемъ и распоряжался монастырскимъ добромъ какъ своей собственностью. Выведенная изъ терпѣнія монашествовавшая братія Печерской обители принесла на него царю Алексѣю

Михайловичу жалобу, которая изображаетъ и келаря и вообще монастырскую жизнь добраго стараго времени. «Жалоба, государь, намъ того Печерскаго монастыря на келаря старца Денисія Омачкина и на его угодниковъ и единомышленниковъ, на бывшихъ казначеевъ, на старца Варсонофія Таможнинова, на старца Тихона Балахонца, на старца Феодосія Кулаковскаго да на рядовыхъ на старца Игнатя Темкина, на старца Поликарпа Мухоѣдовскаго, на старца Іону Куреша, на старца Павла Ворсомскаго съ товарищи на осми человекъ въ ихъ мятежѣ, и что отъ него келаря старца Деонисія и отъ тѣхъ его угодниковъ и единомышленниковъ монастырь денежною казною и хлѣбомъ и скотомъ всякимъ и намъ братіи пищею и монастырскими и всякими потребами оскудѣлъ безъ остатку. А онъ келарь старецъ Деонисій въ монастырѣ живетъ въ келарѣхъ многія лѣта, и твоего великаго государя указу грамоты намъ во братюю не казывалъ и не прочитывалъ, каковъ твой великаго Государя указъ ему данъ. И не по нашему братскому челоубітью онъ въ келарѣхъ, а пострижникъ, государь, онъ не нашего Печерскаго монастыря, пришелъ къ намъ въ старцахъ изъ Горшковы пустыни во 161-мъ году, и будучи, государь, онъ келарь старецъ Деонисій у насъ въ монастырѣ въ тѣ многія лѣта чинить бунтъ, архимандритовъ ни въ чемъ не слушаетъ и не почитаетъ и ни въ какихъ монастырскихъ вотчинныхъ дѣлахъ не спрашивается, дѣлаетъ самочинствомъ, и многихъ, государь, архимандритовъ озорничествомъ своимъ изъ монастыря выгналъ; ни одинъ, государь, архимандритъ изъ Печерскаго монастыря не обезчестенъ отъ него не выѣхалъ. Онъ келарь живетъ въ монастырѣ не по иноческому чину, пространно; дѣти его и племянники и зятя и друзья и хлѣбояжцы ядятъ и пьютъ у него непрестанно пици разныя и питье, и тѣхъ, государь, дѣтей своихъ и племянниковъ и зятей и друзей и хлѣбояжцовъ и иныхъ всякихъ чиновъ людей ссужаетъ монастырскими казенными деньгами и хлѣбомъ и скотомъ, лошадьми и всякою животиною по вся годы, и для прилики емлетъ на нихъ заемныя кабалы въ деньгахъ и въ хлѣбѣ, и по тѣмъ, государь, кабаламъ денегъ и хлѣба на нихъ въ монастырь въ казну не емлетъ многія лѣта, и накопиль, государь, тѣхъ кабалъ въ деньгахъ и въ хлѣбѣ много, и тѣ, государь, кабалы его келаревымъ нерадѣніемъ и угодниковъ его бывшихъ казначеевъ изъ лѣтъ вышли, и платежу, государь, по нихъ нѣтъ, а пныя, государь, кабалы дѣтямъ своимъ и племянникомъ и друзьямъ выдавалъ безъ платежу, а въ казначей выбиралъ угодниковъ своихъ и единомышленниковъ тѣхъ: старца Варсонофія Таможниковца да старца Тихона Балахонца, старца Феодосія Кулаковскаго, неграмотныхъ людей. И тѣ, государь, угодники его казначей, будучи въ казнѣ, при его келарствѣ въ тѣ многія лѣта жили, забывъ страхъ Божій и иноческое обща-

ніе покупали рыбу красную и икру и вязигу и медь и всякіе монастырскіе обиходы, и въ расходныя свои книги писали вдвое, и будто купано на братской обиходъ; а мы богомольцы твои до прїѣзду архимандрита Симеона не токмо, государь, въ простые дни, и въ Господскіе праздники и въ Богородичныя и въ Воскресныя дни и твои великаго государя царскіе ангелы и въ прочіе кормы во многіе годы намъ въ братью рыбы красной и вязиги и икры отнюдь въ столъ не бывало; а меду, государь, купятъ пудъ по двѣсти и больше на годъ, а въ братъѣ, государь, въ столъ и въ годъ меду не выдаемъ, и то, государь, все исходитъ у него у келаря старца Деонисья и у его угодниковъ и единомышленниковъ у казначеевъ съ дѣтьми своими и племянники и съ друзьями и съ хлѣбояжцы по кельямъ. И кто, государь, изъ насъ изъ братіи станетъ ему келарю о томъ говорить, и онъ насъ бранитъ всякою неподобною бранью, а иныхъ, государь, нашу братью бьетъ ослопомъ и запорами, заставъ къ себѣ въ келью и на крыльцо своими руками, и за волосы таскаетъ и топтунками топчетъ на смерть, и говоритъ: хотя-де и до смерти убью, нико-де не боюсь, и сажаетъ въ цѣпи и желѣза и мучитъ многое время, и изъ монастыря, государь, высылаетъ вонъ безъ вины. Да онъ же келарь угодниковъ своихъ старцовъ и слугу посылалъ на рыбную ватагу въ промышленникахъ на низъ, и деньги и всякіе ватажскіе запасы хлѣбные шли на ту ватагу многіе; и какъ, государь, та ватага съ низу придетъ, и онъ келарь тѣхъ ватажскихъ промышленниковъ старцовъ и слугу въ той ватажской денежной казнѣ и въ хлѣбныхъ запасахъ не считалъ, и тѣ, государь, промышленники тоѣ ватагу воровствомъ своимъ въ три года запустошили и извели, и деньги, государь, изъ казны всѣ на ту ватагу и хлѣбъ до конца жъ перевели. Да онъ же, государь, келарь старецъ Деонисей въ прошломъ, государь, во 165 году послѣ мороваго повѣтрія ѣздилъ къ Москвѣ, и взялъ, государь, изъ монастырскія казны многія деньги, и ѣдучи къ Москвѣ въ монастырскихъ вотчинахъ ималъ монастырскія пѣженныя, оброчныя и мельничныя помольныя деньги многія жъ, и будто платилъ на Москвѣ твои великаго государя ямскія и стрѣлецкія и полоняничныя деньги, и жилъ, государь, на Москвѣ сполгода и больше межъ архимандричества, и прїѣдучи, государь, съ Москвы, тѣмъ многимъ монастырскимъ деньгамъ отписей и книгъ расходныхъ и остаточныхъ денегъ въ монастырскую казну не отдавалъ не вѣдомо по какому вымыслу. Да онъ же келарь посылаетъ по селамъ и на монастырскія мельницы своихъ угодниковъ и единомышленниковъ старцевъ въ посельскіе и въ помольщики собирать помольныя деньги въ ящикъ, каковъ данъ за казенною печатью, чтобы тѣ помольныя деньги брали въ ящикъ; и тѣ, государь, старцы собираютъ тѣ помольныя деньги въ кошны, и тѣми,

государь, деньгами корыстуются и сказываютъ у себя на сторонѣ рублевъ по сту и по двѣсти, а въ монастырскую, государь, казну привозятъ помѣсячно небольшія деньги; а живутъ, государь, тѣ старцы на посельствѣ и на мельницахъ лѣтъ по пяти и по шести и по десяти, и копятъ себѣ казну большую и дѣтей своихъ полнять, а монастырской, государь, казнѣ въ томъ чинится поруха большая и монастырь разорили до конца. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, пожалуй насъ богомольцевъ своихъ, вели, государь, его келаря старца Деонисья Омачкина отъ насъ изъ Печерскаго монастыря отъ келарства отставить, что живетъ многія лѣта и монастырскую, государь, денежную казну и хлѣбъ всякой и лошади и коровы и всякую животину съ дѣтьми своими и съ совѣтниками и съ единомышленники и съ казначеями и съ друзьями перевели и разорили до конца, и вели, государь, намъ богомольцамъ своимъ въ Печерскомъ монастырѣ выбрать келаря изъ своей братьи, а ево келаря старца Деонисья и его совѣтниковъ и единомышленниковъ бывшихъ казначеевъ Тихона Балахонца, Феодосья Кулаковскаго, Варсонофья Таможниковца въ приходѣ и въ расходѣ въ денежной казнѣ и во всякихъ доходахъ по окладной книгѣ и ево келаря старца Деонисья въ денежной и хлѣбной раздачѣ кому дѣтямъ своимъ и племянникомъ и друзьямъ по кабаламъ и безкабально роздалъ счесть архимандриту съ братьею, что монастырь разорилъ, государь, до конца съ совѣтниками своими и съ единомышленники. А какъ, государь, счетъ будетъ, и его келаря старца Деонисья и угодниковъ его и единомышленниковъ бывшихъ казначеевъ отъ насъ изъ монастыря выслати въ иной монастырь, гдѣ ты, великій государь, уважешь, чтобы твое великаго государя богомолье, Печерскій монастырь, отъ тѣхъ данныхъ келарей и отъ казначеевъ отъ воровъ и отъ ихъ несовѣстія и вражды впредъ до остатку не разорился. А тѣ, государь, казначеи живутъ въ казначеяхъ лѣтъ по пяти, по шести и больше и по се число не считаны, а иные, государь, не считаны померли, а все его келаревымъ нерадѣніемъ, и вели, государь, о томъ намъ богомольцамъ своимъ дать свою великаго государя грамоту, царь государь, смилуйся, пожалуй».

Жалоба осталась безъ всякихъ послѣдствій: Омачкинъ продолжалъ править свою должность и даже производилъ слѣдствія. Изъ нихъ самое характерное имъ было произведено по предписанію митрополита Филарета о томъ, билъ ли старецъ Іаковъ работника Фильку. Омачкинъ послалъ старца Авраамія на мѣсто происшествія произвести дознаніе и затѣмъ представилъ за своей подписью подлинное доношеніе такого содержанія.

«Лѣта 7181-го Октября въ 17-й день по указу государя архимандрита Варлаама да келаря старца Діонисія Омачкина съ братьею, старецъ Авраамій прїѣхалъ въ село Рубское, поселскаго старца Іакова выслалъ въ село Никольское и сыскивалъ по подписной челобитной по челобитію монастырскаго работника Фильки Артемьева, что поселской старецъ Іаковъ ево Фильку Октября въ 14-й день билъ ли напрасно и увѣчилъ безвинно и пьянъ по вся дни напивается ли и ево Фильку напрасно гоняетъ ли и Филька ево у дворницы обнявши на постелѣ засталъ ли, по Христовѣ непорочной Евангельской заповѣди Господни, еже ей-ей кто вѣдаетъ.

Сказалъ священникъ Антипа Сергѣевъ по священству: я-де побой не видалъ и явно отъ нево Фильки не слышалъ на поселскаго старца Іакова, только слышалъ поселской старецъ Іаковъ ево Фильку избранилъ, что онъ безъ молитвы въ келью пришелъ, а побой не видалъ, и безмѣрнова пьянства у нево старца не видалъ.

Старецъ Корнилій сказалъ по иноческому обѣщанію: я-де побой не видалъ, только видѣлъ поселской старецъ Іаковъ ево Фильку избранилъ, что онъ пришелъ въ келью безъ молитвы, а побой не видалъ, а пилъ старецъ въ мѣру, а что Филька старца Іакова съ дворницею на постелѣ обнявши, засталъ, того не вѣдаю; то мои и рѣчи.

Служебникъ Ивашко Балашъ сказалъ: я-де побой не видалъ, что Фильку поселской старецъ билъ-ли, только съ монастырскаго двора идетъ да плачетъ, меня-де убилъ поселской старецъ, а что съ дворницею слышали отъ нево Фильки, что онъ намъ являлъ: я-де засталъ старца съ дворницею.

Служебникъ Ерошка Кондратьевъ сказалъ: я-де побой не видалъ, поселской старецъ Іаковъ билъ ли и гонялъ ли напрасно и поселской старецъ Іаковъ безъ ума напивается и что съ дворницею Филька старца засталъ ли, и онъ намъ являлъ, что ево засталъ.

Октября въ 15-й день онъ поселской старецъ Іаковъ пришелъ въ келью и принесъ ведро меду и дворницѣ обѣихъ привелъ и почалъ говорить старцу Корнилію: хочется ли-де жениться, пришли-де къ намъ по женѣ; старецъ Корнилій почалъ ево бранить: у меня тоѣ совѣсти нѣтъ, а ты намъ не мѣшай.

Нынѣшняго же года послѣ Святыя Пасхи весною, напившись пьянъ, попрекалъ онъ старецъ Іаковъ дворницу, не могу-де я напасть на тебя овса и пшеницы, все-де ты травишь своимъ свиньямъ; да онъ же старецъ Іаковъ послѣ того началъ ей дворницѣ говорить: на што-де ты

съ двора пойдешь монастырскаго, я-де тебѣ дамъ муки осмину ржанья, другую пшеничнѣя, да солоду осмину, а вѣдомо старцу Корнилию. То мои и рѣчи.

Служебникъ Васька Михайловъ сказалъ: видѣлъ-де я посельской старецъ Фильку на дворѣ монастырскомъ билъ, а что онъ съ дворницею онъ Филька ево засталъ ли, а онъ намъ являлъ; да онъ же посельской старецъ весною послѣ Святыя Недѣли пришелъ и почалъ на дворницу кричать и ее подпрекать тѣмъ овсомъ и пшеницею, за что и она являла на него старца.

Служебникъ Алешка Савельевъ сказалъ: видѣлъ-де я посельской старецъ Яковъ Фильку билъ и гонялъ напрасно, а что съ дворницею Филька ево засталъ и онъ намъ являлъ; то моя и сказка.

Сказалъ работникъ Андрюшка Шпилевскій: слышалъ-де я, что Фильку старецъ билъ и гонялъ напрасно, а что съ дворницею Филька ево засталъ и онъ намъ являлъ Филька; да онъ же старецъ Яковъ весною послѣ Святыя Недѣли пришелъ пьянъ и почалъ дворницу бранить и съ двора ссылатъ и ее упрекать—ты-де монастырскаго хлѣбъ, овесъ и пшеницу свиньямъ своимъ травишь, что-де лошади ни припасешь, а ты свиньямъ травишь своимъ, и она-де дворница пошла съ двора, и онъ ее почалъ унимать, живи-де по прежнему на дворничествѣ. То моя и скаска.

Сказалъ служебникъ Андрюшка Никитинъ: видѣлъ-де, что Фильку старецъ зашибъ, а что съ дворницею Филька ево старца засталъ и онъ намъ про то являлъ, а гонялъ ли напрасно, тово невѣдаю, только онъ намъ являлъ, что гоняетъ напрасно. Да Октября въ 15-й день онъ же посельской старецъ Яковъ принесъ въ келью ведро меда, и дворницы за нимъ обѣ пришли, и онъ мнѣ говорилъ: вотъ къ намъ пришли по женѣ—ты-де возми себѣ одну, и я-де пошелъ на печь, сталъ ево бранить. То мои и рѣчи.

Другое слѣдствіе произвелъ самъ келарь Омачкинъ. Въ 1679 г. жаловались ему крестьяне-прихожане церкви Николая Чудотворца подмонастырскихъ слободъ на священника Андрея Иларіонова и на дьячка Ивана Распопу и на пономаря Петра въ томъ, что онъ священникъ Андрей въ церковь Божию приходитъ безпрестанно пьянъ и бранить насъ приходскихъ людей всячески всякою неподобною бранію, а кто ему священнику Андрею изъ насъ приходскихъ людей станетъ говорить на сподобу, и онъ учнетъ грозить, я васъ-де сдѣлаю и безъ головы. А дьячекъ Иванъ такожь приходитъ въ церковь пьянъ, и бранію всякую насъ приходскихъ людей бранить и противъ себя намъ о церковномъ какомъ

дѣлѣ и говорить не велить, что-де вы саранча знаете, вамъ-де какое дѣло, что-де мы въ церкви ни дѣлаемъ. А пономарь Петръ также въ церковь приходитъ пьянъ и отъ мѣстныхъ иконъ обираетъ свѣчи и прячиваетъ въ хоромы себѣ, а церковному старостѣ не отдаетъ, и староста ему пономарю о тѣхъ свѣчахъ станетъ говорить: на что ты емлешь, и онъ старосту учнетъ бранить и за воротъ ево возметъ и хочеть удавить, тебѣ-де какое дѣло въ церковныхъ свѣчахъ мнѣ указывать. И намъ сиротамъ вашимъ при такихъ пьяницахъ нельзя въ церковь приходи, что у нихъ въ церквѣ промежъ ими многія смуты и пропажи чинятся».

Омачкинъ въ этомъ дѣлѣ придалъ вѣру словамъ одного только старца Боголѣпа, которому часть прихожанъ сказывали, что ни отъ попа ни отъ дьячка и пономаря они никакой брани не слышали, а лишь слышали отъ церковнаго старосты, что его-де старосту дьячекъ и пономарь всячески бранили и пономарь-де отъ мѣстныхъ иконъ свѣчи обиралъ и прячиваетъ въ хоромы, а сами подлиннаго не видали.

Не допрося самъ крестьянъ, Омачкинъ дѣло покончилъ безъ всякихъ послѣдствій, предоставивъ воюющимъ сторонамъ продолжать ссориться и пререкаться по прежнему.

Много еще разныхъ дѣлъ вершалъ властный келарь Вознесенскаго Печерскаго монастыря старецъ Діонисій Омачкинъ, пребывая при архимандритахъ Стефанѣ, Герасимѣ, Иларіонѣ ¹⁾, Филаретѣ ²⁾, Кипріанѣ, Іосифѣ ³⁾, Симеонѣ, Варлаамѣ и наконецъ удрученный старостью и болязнями ⁴⁾ скончался при архимандритѣ Нилѣ около 1683 года.

Ростовъ-Великій, 1904 г. Іюнь 25.

А. Титовъ.

¹⁾ Впослѣдствіи епископъ Рязанскомъ.

²⁾ Митрополитъ Нижегородскомъ.

³⁾ Епископъ Коломенскомъ.

⁴⁾ Вѣроятно въ последнее время Омачкинъ болѣлъ, такъ какъ изъ актовъ видно, что должность келаря въ 1681 г. исправлялъ старецъ Германъ, а затѣмъ въ 1682 г. опять Діонисій Омачкинъ.

ШУТОЧНОЕ ПОСЛАНИЕ С. Д. НЕЧАЕВА КЪ И. С. МАЛЬЦОВУ И С. А. СОБОЛЕВСКОМУ.

Новѣйшихъ временъ Оресту и Пилладу, превосходительному господину Іоанну, Сергіеву сыну, нарицаемому Мальцову и превосходному во всѣхъ дѣлѣхъ, а наипаче въ титулѣхъ, совѣтнику Сергію, сыну Александрову, рекше Соболевскому. Милость вамъ и утѣшеніе отъ Гермія, Плута, Кома, Мома и Пріапа.

Воскорбѣхъ всѣмъ сердцемъ, братіе, яко не вѣдѣхъ ничесоже о здравіи вашемъ, его же яко бисеръ многоцѣнный чту со всѣми чады своими. Не постигохъ такожде, како извѣщенія не получихъ о писаніи моемъ къ помощнику старѣйшины гонцевъ въ Петербургѣ. Сто пѣнязей послахъ въ корвану его и доселѣ не возмогохъ утвердиться въ вѣрѣ, аще самимъ дѣломъ пріяхъ. И многія прошенія начертахъ еще въ воспоминаніе подружію нашему Сергію, и вси наказанія моя обрѣтошася, яко вверженныя въ море Чермное и гибнущія во водѣ зельнѣй вкупѣ со Фараономъ и силы Египетскими. Молю убо вы, братіе, прервите сидевое молчаніе и исторгните мя изъ тмы неутѣшнаго невѣдѣнія, аще и малѣйшія любви ваша не лишихся. Азъ же, огнемъ усердія воспаленный, срѣтающе грядущее новолѣтіе, потпахся принести вашему благоутробію елико возмогохъ, обаче достойнѣйшее, мню, вашего твердаго православія. Примите, отцы и братіе, яко данъ благопріятну, сію многознаменательную книжицу, яже типу предана бысть тцаніемъ знаемаго вами настоятеля Симонова Ставропѣгіальнаго монастыря архимандрита и кавалера Мельхиседека и безчисленнымъ читателямъ сея святыя обители возвѣщаетъ нынѣ печатнѣ, колькратно въ стѣнахъ оныхъ встрѣчалъ рѣченный архимандритъ и кавалеръ высокія особы, такожде и прочіе, его дивныя по подобію хаджей Іерусалимскихъ подвиги. Читите, возлюбленные, и умудряйтесь! Цѣлую васъ лобзаніемъ не-Іудинымъ. Стефанъ отъ колѣна Нечая.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1904 года.

(выпуски 5, 6, 7 и 8).

169. Домъ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ. Статья **И. Е. Забѣлина**.

27. Понедѣльникъ и понедѣльничанье. Историко-этнографическій очеркъ **А. В. Валола**.

603. Черты монастырскаго быта въ XVII вѣкѣ. Келарь Діонисій Омачкинъ. Статья **А. А. Титова**.

174. Русь Петра Великаго за границею (Князь **Б. И. Куракинъ** въ Венеціи, Вѣнѣ и Гамбургѣ). Статья **С. И. Кедрова**.

457. Княгиня Ангальтъ-Сербская, Анна-Елисавета, мать Екатерины Великой. Ея письма о Россіи съ Запискою **Марка Шампо**.

313. Благотворительная дѣятельность Екатерины Великой. Статья **М. Е. Соколовскаго**.

371. Біографія князя **Г. Г. Орлова**. Статья **А. А. Голомбѣвскаго**.

530. Біографія графа **А. Г. Орлова-Чесменскаго**. Его же.

573. Изъ дорожнаго дневника графа **Г. Г. Кушелева**. Первое путешествіе императора Павла по Россіи. 1798.

532. Къ исторіи страннопріимнаго дома графа **Шереметева**.

598. Письма протоіерея **Сырохнова** къ епископу Анастасію о коронаціи **Александра Павловича**.

534. Сто лѣтъ назадъ. Милиція 1806 года. Статья **І. А. Горновскаго**.

200 и 581. Изъ писемъ **Е. Я. Вулгакова** къ его брату. 1812—1814 годы.

37, 224 и 427. Дневникъ **И. М. Сяѣгирева**. 1856—1859 годы.

447. Опрокинутая коляска великихъ князей **Николая** и **Михаила Павловичей**.

60 и 238. Воспоминанія **Ф. А. Гиляроза**.

302. Княгиня **Д. Х. Ливень**. Ея характеристика. Книгини **Е. Ф. Стрѣшневой-Шатовской**.

135. Заѣтки о **Пушкинѣ**. **В. Ф. Саводника**.

163. Къ столѣтію со дня рожденія **А. С. Хомякова**. **Д. Х.**

600. Первое Мая (**А. С. Хомякову**). Стихотвореніе **К. С. Аксакова**.

450. Письмо **Е. С. Аксакова** къ **С. М. Великopolьской**, съ предисловіемъ **В. Л. Модзалевскаго**.

308. Стихи **С. А. Соболевскаго** (о **К. К. Павловой**).

615. Шуточное посланіе **С. Д. Нечаева** къ **И. С. Мальцову** и **С. А. Соболевскому**.

453. Письмо князя **П. П. Вяземскаго** къ графу **С. Д. Шереметеву** о дѣлахъ Общества Любителей древней письменности.

5. **Николай Федоровичъ Федоровъ**, воспитатель и учитель. Статья **В. А. Божовникова**.

300. Письмо **Н. П. Петерсона** къ издателю о философскомъ ученіи **Н. Ф. Федорова**.

168. Некрологъ **А. И. Малиновскаго**.

310. Тоже князя **В. И. Барятинскаго**.

312. Тоже **И. В. Ефимова**.

На оберткахъ отзывы о книгахъ **Н. П. Барсукова**, **А. Н. Минха** (Словарь Саратовской губерніи), объ **Уткинскомъ Сборникѣ**, о **Родѣ Шереметевыхъ**, о **Бумагахъ графа Нессельроде**, о **В. А. Арцымовичѣ**.

Украинъ, въ полемику вмѣшивались новыя и повныя лица, какъ Чернышевскій съ его „Національной безтактностью“, и Кохановская; споръ обострялся. Вниманіе Погодина однако было отвлечено отъ него посѣщеніемъ Москвы императоромъ Александромъ II, при чемъ Погодина почему-то многіе считали устроителемъ встрѣчи Царя на Дѣвичьемъ полѣ. Пребываніе Царя въ Москвѣ сопровождалось посѣщеніемъ исторически извѣстныхъ мѣстностей—Бородина, Саввина монастыря, о чемъ много любопытнаго можно найти въ книгѣ г. Барсукова. Зная настроеніе и характеръ Погодина, мы поймемъ также, что почтенный авторъ не могъ не отвести виднаго мѣста въ своей біографіи такимъ событіямъ, какъ юбилей святительскаго служенія митрополита Филарета Московскаго, открытіе мощей святителя Тихона Задонскаго или освященіе посольской церкви въ Парижѣ. Все тотъ-же 1861 годъ ознаменовался университетскими безпорядками, повлекшими за собою отставку министра народнаго просвѣщенія графа Путятина и назначеніе на этотъ постъ А. В. Головшина. Вскорѣ послѣ того, какъ Погодинъ принялъ живое участіе въ полемикѣ по поводу юбилея князя П. А. Вяземскаго, нашъ историкъ былъ избранъ предѣвателемъ Общества Любителей Россійской Словесности; здѣсь онъ проявилъ интересъ къ общественному значенію нашей литературы путемъ чтенія памяти Славянофиловъ—Хомякова, К. Аксакова, Ганки, или юбилейнаго торжества князя П. А. Вяземскаго. Вообще интересъ Погодина къ явленіямъ нашей литературы

(особенно исторической) не ослабѣвалъ: онъ откликался на каждое новое явленіе въ этой области, напр. на книгу барона Корфа о Сперанскомъ. Одно время онъ даже мечталъ издавать въ Москвѣ газету. Но за то дорогое Погодину дѣло науки Русской Исторіи получило въ Москвѣ благоприятную почву для своего процвѣтанія благодаря перенесенію туда Румянцевскаго Музеума и учрежденію Чертковской бібліотеки. Помимо научныхъ занятій, которыхъ онъ никогда не оставлялъ, Погодинъ очень чутко относился и къ текущей дѣйствительности: и юбилей Московской Практической Академіи коммерческихъ наукъ, и дѣла Странноприимнаго дома графа Шереметева, и кончина Итальянскаго министра Кавура, и поэзія графа А. К. Толстого—все это заставляло откликаться нашего ученаго, нашедшаго въ то же время досугъ побывать и въ Петербургѣ, гдѣ ему приходилось возвращаться въ разнообразныхъ кругахъ общества.

Мастерское изложеніе біографа не даетъ отрываться отъ книги, не прочтя ее всю. Выразимъ Н. П. Барсукову пожеланіе скорѣйшаго окончанія и слѣдующаго тома, и будемъ надеяться, что колоссальная задача, взятая имъ на себя, и нынѣ уже болѣе или менѣе близящаяся къ окончанію, будетъ имъ разрѣшена въ непродолжительномъ времени, и ему удастся довести до конца памятникъ М. П. Погодину, который одновременно явится и памятникомъ его собственной дѣятельности.

И. Помяловскій.

ПОДПИСКА НА РУССКІЙ АРХИВЪ

1904 года.

(Годъ 42-й).

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1904 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой девять рублей; для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону.

Отвѣтственность за исправную доставку книжекъ принимается лишь для тѣхъ лицъ, которые подписались въ Конторѣ «Русскаго Архива» или въ показанныхъ выше книжныхъ магазинахъ.

Господа иногородные книгопродавцы пользуются уступкою 20 к. съ экземпляра и 25 к., если доставляютъ свыше 50 требованій.

Въ приемъ подлинныхъ документовъ и автобиографическихъ бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“ для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владельцы могутъ получать ихъ обратно.

Годовыя изданія „Русскаго Архива“ прошлыхъ лѣтъ получаютъ по слѣдующимъ цѣнамъ: 1874 годъ, съ двумя гравированными на стали портретами (Ф. И. Тютчева и князя В. Ф. Одоевского), за 6 р., съ пересылкою 7 р.; годы 1877, 1878, 1884 и 1886—1889 по 6 р. за каждый годъ, съ пересылкою по 7 р.; годы 1890—1892, 1894 и 1895 по 6 р., съ пересылкою по

7 р.; годы 1898—1903 по 8 р., съ пересылкою 9 р. Остальныхъ годовыхъ изданій въ полномъ числѣ выпусковъ, не имѣется.

Перешіа адресовъ: Московскаго на Московскій, иногороднаго на иногородный и заграничнаго на заграничный—30 копѣекъ; Московскаго на иногородный—90 копѣекъ; иногороднаго на Московскій—40 копѣекъ (по цѣнамъ, которыя взимаются Почтамтомъ). Просимъ присылать номеръ пережняемаго адреса.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно съ 9 час. утра до 5 пополудни.

Отдѣльныя книжки «Русскаго Архива» можно получать по 75 копѣекъ.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартепевъ.**